

К. МАРКС

КАПИТАЛ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

КНИГА I: ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ПЕРЕВОД
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА,
ПРОВЕРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1952



ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА

Перевод трех томов «Капитала», вышедший под редакцией т. И. И. Степанова-Скворцова, является в целом удовлетворительным как с точки зрения точности, так и в особенности с точки зрения ясности и доступности изложения. В этом переводе, выдержавшем уже ряд изданий, великое произведение Маркса читали и изучали поколения русских большевиков. Вот почему, при подготовке «Капитала» для данного издания, ИМЭЛ признал ненужным переводить «Капитал» заново, а решил ограничиться внесением необходимых исправлений в перевод И. И. Степанова-Скворцова.

При подготовке настоящего тома в перевод И. И. Степанова-Скворцова (издание 1920 г.) внесены изменения, которые сводятся к следующему:

1) Перевод 1920 г. был И. И. Степановым-Скворцовым сделан не с того текста «Капитала», который нам оставлен Марксом и Энгельсом, а с текста, «обработанного» и местами искаженного Каутским. При подготовке настоящего издания была произведена тщательная сверка русского перевода с 4-м немецким изданием и устранены изменения, произвольно внесенные Каутским в текст «Капитала».

2) Ленин цитирует в своих произведениях ряд отрывков из «Капитала», причем обычно приводит эти цитаты в собственном переводе. В настоящем издании все эти места даны в переводе Ленина. В тех случаях, когда существовало несколько сделанных Лениным переводов одного и того же места, взят более поздний из них. Примененная Лениным в этих отрывках терминология (в тех случаях, когда она отличалась от терминологии перевода

И. И. Степанова-Скворцова) в большинстве случаев распространена на весь текст тома.

3) Редакция поставила себе задачу внести большее единообразие в терминологию перевода, поскольку в различных частях книги одни и те же термины Маркса переводились И. И. Степановым-Скворцовым по-разному. В ряде случаев из имевшихся в переводе И. И. Степанова-Скворцова различных терминов редакция выбирала такой, который более удачно передает соответственный немецкий термин Маркса.

4) При сличении перевода с подлинником был обнаружен и исправлен ряд неточностей (в особенности в главах I, III и XIII).

5) В тех случаях, когда в переводе встречались обороты тяжелые и затрудняющие понимание текста, редакция считала необходимым дать более литературный и более понятный перевод.

6) При подготовке английского издания «Капитала» под редакцией Энгельса была произведена проверка ссылок Маркса на источники. При этом был обнаружен ряд опечаток и описок, которые и были исправлены в английском издании «Капитала». В немецких же изданиях часть этих описок и опечаток оставалась неисправленной. Редакция настоящего издания сочла необходимым перенести эти поправки Энгельса в русский текст.

Кроме того, путем сличения 4-го немецкого издания с 1-м немецким и французским изданиями, а также с первоисточниками, удалось обнаружить ряд технических погрешностей и опечаток, которые здесь устранены. Эти исправления коснулись главным образом названий цитируемых Марксом произведений, ссылок на страницы, а также цифрового материала. В частности редакция проверила по первоисточникам и исправила цифровые неточности, вкравшиеся в таблицы на стр. 424, 440, 459, 471, 656, 661, 668, 681, 682, 685, 686, 704, 705, 706, 707. Эти неточности совершенно не изменяют выводов Маркса и в значительной степени являются результатом корректорских ошибок.

7) Цитаты из иностранных авторов, произведения которых имеются в русских переводах, даны здесь по соответствующим русским изданиям и только в тех случаях, когда русские переводы оказывались недостаточно удовлетворительными, цитата давалась в переводе И. И. Степанова-Скворцова или в новом переводе.

1937 г.

Übrigens die Reinabzüge zurück, sobald das Buch ganz erschienen.

2 Uhr Nachts. 16 Aug. 1867.

Dear Fred,

Eben den letzten Bogen (49.) des Buchs fertig corrigirt. Der Anhang — Werthform — kleingedruckt, umfaßt 1 1/4 Bogen. Vorrede ditto gestern corrigirt zurückgeschickt. Also dieser Band ist fertig. Bloß Dir verdanke ich es, daß dieß möglich war! Ohne Deine Aufopferung für mich konnte ich unmöglich die ungeheuren Arbeiten zu den 3 Bänden machen. I embrace you, full of thanks!

Beiliegend 2 Bogen Reinabzug.

Die 15 £ mit bestem Dank erhalten.

Salut, mein lieber, theurer Freund!

Dein K. Marx

Факсимиле письма Маркса — Энгельсу 16 августа 1867 г.

(Уменьшено.)

2 часа ночи, 16 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру *последнего листа* (49-го). Приложение — *о формах стоимости, — напечатанное мелким шрифтом*, занимает 1¹/₄ листа.

Предисловие тоже отослал вчера, прокорректированное. *Итак, этот том готов*. Только *тебе* обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования в отношении меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности!

При сем два чистых листа.

Пятнадцать фунтов стерлингов получил с большою благодарностью.

Привет, мой дорогой, верный друг!

Твой *К. Маркс*.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моему незабвенному другу,

смелому, верному, благородному, передовому бойцу пролетариата

Вильгельму Вольфу.

Род. в Тарнау 21 июня 1809 г. Умер в изгнании в Манчестере 9 мая 1864 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Произведение, первый том которого я предлагаю публике, составляет продолжение работы, выпущенной мною в 1859 г. под заглавием «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» [«К критике политической экономии»]. Длительный перерыв между началом и продолжением вызван многолетней болезнью, которая все снова и снова прерывала мою работу.

Содержание более раннего произведения, упомянутого выше, резюмировано в первой главе этого тома. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Самое изложение улучшено. Многие пункты, которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и, наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь. Само собой разумеется, отделы, касающиеся исторического развития теории стоимости и денег, здесь выброшены совершенно. Однако читатель, знакомый с «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», найдет в примечаниях к первой главе настоящего сочинения новые источники по истории этих теорий.

Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы, — в особенности того ее отдела, который заключает в себе анализ товара. Что касается в частности анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его популярным, насколько это возможно [1]. Форма стоимости, получающая

[1] Это казалось тем более необходимым, что существенные недоразумения имеются даже в том отделе работы Ф. Лассаля, направленной против Шульце-Делича, где дается, как заявляет автор, «духовная квинт-эссенция» моего ис-

свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет, в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему удался, по крайней мере, приблизительно. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто рядом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, напр., микро-анатомия.

За исключением отдела о форме стоимости, эта книга не представит трудностей для понимания. Я, разумеется, имею в виду читателей, которые желают научиться чему-нибудь новому и, следовательно, желают подумать самостоятельно.

Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу тех условий, в которые поставлены английские промышленные и земледельческие рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: De te fabula narratur! [О тебе эта история рассказывается!]

Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая ступень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

следования по этому предмету. Кстати сказать: если Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, напр. об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д. и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, и притом без указания источника, то это объясняется, конечно, соображениями пропаганды. Я не говорю, само собой разумеется, об отдельных деталях его теории и ее практических применениях, с которыми у меня нет ничего общего.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Erster Band.

Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1867.

New-York: L. W. Schmidt. 24 Barclay-Street.

Обложка первого немецкого издания I тома «Капитала».
(Уменьшено.)

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, напр. на фабриках в собственном смысле этого слова, наши условия гораздо хуже английских, так как отсутствует противовес в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и соответствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. Le mort saisit le vif! [Мертвый хватает живого!]

По сравнению с английской, социальная статистика Германии и остальных континентальных стран Западной Европы находится в жалком состоянии. Однако она приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы заподозрить под ним голову Медузы. Положение дел у нас самих ужаснуло бы нас, если бы наши правительства и парламенты назначали периодически, как это делается в Англии, комиссии для исследования экономических условий, если бы эти комиссии были наделены такими же полномочиями для раскрытия истины, как в Англии, если бы удалось найти для этой цели таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора, английские врачи, составляющие отчеты относительно «Public Health» («общественного здравия»), как члены английских комиссий, исследовавших условия эксплуатации женщин и детей, состояние жилищ, питания и т. д. Персей нуждался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ. Мы по уши влезаем в шапку-невидимку, чтобы иметь возможность отрицать самое существование чудовищ.

Нечего предаваться иллюзиям. Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла американская гражданская война XIX столетия. В Англии процесс переворота стал уже вполне осязательным. Достигнув известной ступени, он должен перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, независимо от каких-либо мотивов более высокого порядка, насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает убрать все те стесняющие развитие рабочего класса препятствия, которые поддаются законодательному регулированию. Потому-то, между прочим, я уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Правда, общество, даже если оно напало

на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

Несколько слов для того, чтобы устранить возможные недоразумения. Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно.

В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — вызывает фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем нападки на $^{1}/_{39}$ ее денежного дохода. В наши дни сам атеизм представляет собою culpa levis [небольшой грех] по сравнению с критикой традиционных отношений собственности. Однако и здесь прогресс не подлежит сомнению. Я укажу, напр., на опубликованную за последние недели Синюю книгу: «Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trades Unions». Иностранные представители английской короны заявляют здесь самым недвусмысленным образом, что в Германии, Франции, — одним словом, во всех культурных государствах европейского континента, — радикальное изменение в существующих отношениях между капиталом и трудом столь же ощутительно и столь же неустранимо, как в Англии. Одновременно с этим по ту сторону Атлантического океана господин Уэйд, вице-президент Соединенных Штатов Северной Америки, заявил на публичном собрании: по устранении рабства в порядок дня становится радикальное изменение отношений капитала и отношений земельной собственности. Таковы знамения времени; их не скроешь от глаз ни пурпурной мантией, ни черной рясой. Это не означает, конечно, что завтра произойдет чудо. Но это означает, что уже сами господствующие классы начинают смутно чувствовать, что теперешнее общество не твердый кристалл, а ор-

ганизм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения.

Второй том этой работы будет посвящен процессу обращения капитала (книга II) и капиталистическому процессу в целом (книга III), заключительный третий том (книга IV) — истории экономических теорий.

Я буду рад всякому указанию научной критики. Что же касается предрассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом попрежнему остаются слова великого флорентийца:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti! [Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!]

Карл Маркс.

Лондон, 25 июля 1867 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Я должен прежде всего указать читателям первого издания на изменения, произведенные во втором издании. Более отчетливое подразделение книги бросается в глаза. Дополнительные примечания везде отмечены как примечания ко второму изданию. Что касается самого текста, важнейшее заключается в следующем.

Глава I, 1 — с большей научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость, а также отчетливо выражена лишь намеченная в первом издании связь между субстанцией стоимости и определением ее величины общественно необходимым рабочим временем. Глава I, 3 («Форма стоимости») совершенно переработана: это было необходимо уже вследствие того, что в первом издании изложение давалось дважды. Кстати сказать, к этому двойному изложению побудил меня мой друг д-р Л. Кугельман из Ганновера. Я посетил его весной 1867 г., когда из Гамбурга пришли первые пробные оттиски, и он убедил меня, что для большинства читателей необходимо дополнительное, более дидактическое выяснение формы стоимости. — Последний отдел первой главы: «Товарный фетишизм и т. д.», в значительной части изменен. Глава III, 1 («Мера стоимостей») тщательно пересмотрена, так как этот отдел в первом издании был выполнен небрежно, — читатели отсылались к изложению, данному уже в «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin 1859. Значительно переработана глава VII, в особенности часть 2.

Было бы бесполезно указывать на все частичные изменения текста, подчас чисто стилистические. Они разбросаны по всей книге. Однако, пересматривая текст для выходящего в Париже французского перевода, я теперь нахожу, что некоторые части

немецкого оригинала местами требуют основательной переработки, местами лишь правки в стилистическом отношении или тщательного устранения случайных недосмотров. Но для этого у меня не было времени, так как только осенью 1871 г., будучи занят другими неотложными работами, я получил известие, что книга распродана и печатание второго издания должно начаться уже в январе 1872 г.

Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд. Г. Мейер, венский фабрикант, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению, считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе.

В Германии политическая экономия до настоящего времени оставалась иностранной наукой. Густав фон Гюлих в своей книге «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe etc.», а именно в двух первых томах этой работы, вышедших в 1830 г., уже выяснил бо́льшую часть тех исторических условий, которые препятствовали у нас развитию капиталистического способа производства, а следовательно, и формированию современного буржуазного общества. Отсутствовала, таким образом, жизненная почва для политической экономии. Последняя ввозилась из Англии и Франции в виде готового товара; немецкие профессора политической экономии оставались учениками. Теоретическое выражение чужой действительности превратилось в их руках в собрание догм, которые они истолковывали в духе окружающего их мелкобуржуазного мира, т. е. истолковывали превратно. Не будучи в состоянии подавить в себе чувство своего научного бессилия и неприятное сознание, что приходится играть роль учителей в сфере, на самом деле им чуждой, они постарались прикрыться показным богатством литературно-исторической учености или же заимствованием совершенно постороннего материала из области так называемых камеральных наук, — из этой мешанины разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы.

С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но по отношению к нашим профессиональным ученым судьба остается попрежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, это произошло при таких обстоятельствах, которые

1 К. Маркс. «Капитал», т. I.

больше не допускают возможности их беспристрастного изучения в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.

Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической экономии, Рикардо, в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная наука достигла в области политической экономии своего последнего, непереходимого предела. Еще при жизни Рикардо и в противоположность ему выступила критика буржуазной экономии в лице Сисмонди [1].

Последующий период, 1820—1830 гг., характеризуется в Англии научным оживлением в области политической экономии. Это был период вульгаризации и распространения рикардовской теории и в то же время ее борьбы со старой школой. Происходили блестящие турниры. То, что было сделано в это время экономистами, мало известно на европейском континенте, так как полемика по большей части рассеяна в журнальных статьях, случайных брошюрах и памфлетах. Обстоятельства того времени объясняют беспристрастный характер этой полемики, беспристрастный, невзирая на то, что в виде исключения теория Рикардо уже тогда применялась как орудие нападения на буржуазное хозяйство. С одной стороны, сама крупная промышленность едва выходила из пеленок; это видно уже из того обстоятельства, что только кризисом 1825 г. начинаются периодические кругообороты ее современной жизни. С другой стороны, классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план: в политической области ее заслоняла распря между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного союза, с одной стороны, и руководимыми буржуазией народными массами — с другой; в экономической области ее заслоняли раздоры между промышленным капиталом и аристократическим землевладением, которые во Франции скрывались за противоположностью интересов мелкого и крупного землевладения, а в Англии со времени хлебных законов прорыва-

[1] См. мою работу «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin 1859, стр. 39 [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 47, 48].

лись открыто. Английская экономическая литература этой эпохи напоминает период бури и натиска во Франции после смерти д-ра Кенэ, однако напоминает лишь в том смысле, в каком бабье лето напоминает весну. В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом.

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой. Впрочем, претенциозные трактатцы, издававшиеся Anti-Cornlawleague [Лигой борьбы против хлебных законов] с фабрикантами Кобденом и Брайтом во главе, все же представляли своей полемикой против землевладельческой аристократии известный интерес, если не научный, то, по крайней мере, исторический. Но со времени сэра Роберта Пиля и это последнее жало было вырвано у вульгарной экономии фритредерским законодательством.

Континентальная революция 1848—1849 гг. отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капиталистов с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, лучшим представителем которого является Джон Стюарт Милль. Это — банкротство «буржуазной» политической экономии, как мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский.

Таким образом, в Германии капиталистический способ производства созрел лишь после того, как в Англии и Франции его антагонистический характер обнаружился в шумных битвах исторической борьбы, причем германский пролетариат уже обладал гораздо более выработанным теоретически классовым сознанием, чем германская буржуазия. Итак, едва наступили условия, при которых буржуазная наука политической экономии казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной.

При таких обстоятельствах ее вожди разделились на два лагеря. Одни, мудрые практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессорски гордые достоинством своей науки, последовали за Джоном Стюартом Миллем в его попытке примирить непримиримое.

Немцы в период упадка буржуазной политической экономии, как и в классический ее период, остались простыми учениками, поклонниками и подражателями заграницы, мелкими разносчиками продуктов крупных заграничных фирм.

Таким образом, особенности исторического развития германского общества исключают возможность какой бы то ни было оригинальной разработки «буржуазной» политической экономии, но не возможность ее критики. Поскольку такая критика вообще представляет известный класс, она может представлять лишь один класс: тот, историческое призвание которого — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т. е. может представлять лишь пролетариат.

Ученые и неученые вожди германской буржуазии попытались сначала замолчать «Капитал», как это им удалось по отношению к моим более ранним работам. Но когда эта тактика уже перестала отвечать обстоятельствам времени, они, под предлогом критики моей книги, напечатали ряд советов на предмет «успокоения буржуазной совести», но встретили в рабочей прессе — см., напр., статьи Иосифа Дицгена в «Volksstaat» — превосходных противников, которые до сего дня не дождались от них ответа [1].

Прекрасный русский перевод «Капитала» появился весной 1872 г. в Петербурге. Издание в 3 000 экземпляров в настоящее время уже почти разошлось. Еще в 1871 г. Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения.

Метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, как это доказывается уже различными противоречащими друг другу характеристиками его.

---

[1] Косноязычные болтуны германской вульгарной экономии бранят стиль и способ изложения «Капитала». Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее ради удовольствия и поучения этих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики. «Saturday Review», безусловно враждебная моим взглядам, в своей заметке по поводу первого немецкого издания пишет: «Изложение сообщает даже самым сухим экономическим вопросам своеобразную прелесть (charm)». «*С.-Петербургские Ведомости*» в номере от 20 апреля 1872 г. между прочим замечают: «Изложение его труда (исключая некоторые слишком специальные частности) отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор... далеко не походит на большинство немецких ученых, которые... пишут свои сочинения таким темным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова». У читателей современной немецко-национально-либеральной профессорской литературы трещит не голова, а кое-что совершенно другое.

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1872

Обложка первого русского издания I тома «Капитала».
(Уменьшено.)

Так, напр., парижская «Revue Positiviste» упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чем? — в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для лаборатории будущего. По поводу упрека в метафизике проф. Зибер замечает: «Насколько речь идет собственно о *теории*, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшими из экономистов-теоретиков» [Н. Зибер: «Теория ценности и капитала Д. Рикардо», стр. 170]. Г-н М. Блок — «Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du «Journal des Économistes», juillet et août 1872» — открывает, что мой метод — аналитический, и говорит между прочим: «Этой работой г. Маркс доказал, что он является одним из самых выдающихся аналитических умов» [стр. 7]. Немецкие рецензенты кричат, конечно, о гегелианской софистике. Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвященной исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427—436), находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен. Автор пишет: «С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ, и притом в «немецком», т. е. дурном, значении этого слова. На самом же деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать». Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики; к тому же выдержки эти не лишены интереса для многих из моих читателей, не знакомых с русским языком.

Приведя цитату из моего предисловия к «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin 1859, стр. IV—VII, где я изложил материалистическую основу моего метода, автор продолжает:

«Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к

которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имеющая своим предметом самую культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания. Т. е. не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом. Критика будет заключаться в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собою различные степени развития, да, сверх того, важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития... Иному читателю может при этом притти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений... Внимательный анализ внутреннего строя и свойств деятельного состояния явлений этой (экономической) жизни неоднократно убеждал многих исследователей, уже с сороковых годов, в неверности того взгляда старых экономистов на природу экономического закона, по которому последний однороден с законами физики и химии... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органам приходится функционировать, и т. д., может поэтому на разных степенях развития... подчиняться совершенно различным законам. Маркс отказывается, напр., признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения... То, что в экономической жизни происходит, зависит от степени производительности экономических сил... При различиях в производительности и послед-

ствия ее будут различны, а с ними и законы, ими управляющие. Задаваясь, таким образом, целью — исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и заменение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса».

Автор, очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым очертил не что иное, как диалектический метод.

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург [творец, созидатель] действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я разрабатывал первый том «Капитала», крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, доблестный Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно — как «мертвую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна.

Полное противоречий движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать практическому буржуа в колебаниях пробегаемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис. Кризис опять надвигается, хотя находится еще в своих подготовительных стадиях, и благодаря ширине своей арены, благодаря интенсивности своего действия он вдолбит диалектику даже в головы выскочек новой священной прусско-германской империи.

Карл Маркс.

Лондон, 24 января 1873 г.

Londres 18 Mars 1872.

Au citoyen Maurice La Châtre

Cher citoyen,

J'applaudis à votre idée de publier la traduction de „Das Kapital" en livraisons périodiques. Sous cette forme l'ouvrage sera plus accessible à la classe ouvrière et pour moi cette considération l'emporte sur toute autre.

Voilà le beau côté de votre médaille, mais en voici le revers: la méthode d'analyse que j'ai employée et qui n'avait pas encore été appliquée aux sujets économiques, rend assez ardue la lecture des premiers chapitres, et il est à craindre que le public français, toujours impatient de conclure, avide de connaître le rapport des principes généraux avec les questions immédiates qui le passionnent, ne se rebute parce qu'il n'aura pu tout d'abord passer outre.

C'est là un désavantage contre lequel je ne puis rien si ce n'est toutefois prévenir et prémunir les lecteurs soucieux de vérité. Il n'y a pas de route royale pour la science et ceux-là seulement ont chance d'arriver à ses sommets lumineux qui ne craignent pas de se fatiguer à gravir ses sentiers escarpés.

Recevez, cher citoyen, l'assurance de mes sentiments dévoués.

Karl Marx.

Факсимиле письма Маркса к Лашатру — издателю французского перевода «Капитала».

(Уменьшено.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ.

Гражданину Морису Лашатру.

Дорогой гражданин!

Я с величайшим одобрением отношусь к вашей идее издать «Капитал» в виде периодически выходящих выпусков. В такой форме работа станет более доступной для рабочего класса, а это для меня решающее соображение.

Такова лицевая сторона медали. Но есть и оборотная сторона: метод исследования, которым я пользуюсь и который до сих пор не применялся к экономическим вопросам, делает чтение первых глав очень трудным. Можно опасаться, что у французской публики, которая всегда нетерпеливо стремится к окончательным выводам и жаждет узнать, в какой связи стоят общие принципы с непосредственно волнующими ее вопросами, пропадет интерес к книге, если, приступив к чтению, она не сможет сразу же перейти к дальнейшему.

Здесь я могу помочь только одним: с самого же начала указать на это затруднение читателю, жаждущему истины, и предостеречь его. В науке нет широкой столбовой дороги [route royale], и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

Примите, дорогой гражданин, уверения в моей преданности.

Карл Маркс.

Лондон, 18 марта 1872 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ.

Г-н Ж. Руа обещал дать возможно точный и даже дословный перевод. Он добросовестно выполнил свою задачу. Но как раз его добросовестность и точность заставили меня изменить редакцию, чтобы сделать ее более доступной для читателей. Эти изменения, которые иногда приходилось делать поспешно, так как книга выходила выпусками, не всегда производились с одинаковой тщательностью, и это повело к неровности стиля.

Но раз взявшись за работу по проверке, я почувствовал себя вынужденным распространить ее и на основной текст оригинала (второе немецкое издание) — упростить одни места, дополнить другие, сделать исторические или статистические добавления, присоединить критические замечания и т. д. Пусть в предлагаемом французском издании есть свои литературные недостатки: оно представляет особую научную ценность наряду с оригиналом, и потому им должны пользоваться и читатели, знакомые с немецким языком.

Ниже я помещаю выдержки из послесловия ко второму немецкому изданию, в которых идет речь о развитии политической экономии в Германии и о методе, применяемом в настоящей работе.

Карл Маркс.

Лондон, 28 апреля 1875 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Марксу не суждено было самому подготовить к печати это третье издание. Мощный мыслитель, перед величием которого в настоящее время склоняются даже его противники, умер 14 марта 1883 г.

На меня, потерявшего в лице Маркса человека, с которым меня связывала сорокалетняя теснейшая дружба, друга, которому я обязан больше, чем это может быть выражено словами, — на меня падает теперь долг выпустить в свет как это третье издание первого тома, так и второй том, оставленный Марксом в виде рукописи. О выполнении мною первой части этого долга я и даю здесь отчет читателю.

Маркс сначала предполагал переработать бо̀льшую часть текста первого тома, отчетливее формулировать некоторые теоретические положения, присоединить к ним новые, дополнить исторический и статистический материал новыми данными вплоть до настоящего времени. Болезнь и необходимость заняться окончательной редакцией второго тома заставили его отказаться от этого. Предполагалось изменить лишь самое необходимое, внести лишь те дополнения, которые уже заключает в себе вышедший за это время французский перевод («Le Capital», par Karl Marx. Paris, Lachâtre, 1873).

В числе оставшихся после Маркса книг отыскался немецкий экземпляр «Капитала», снабженный в отдельных местах поправками и ссылками на французское издание; равным образом нашелся французский экземпляр, в котором были точно отмечены все места, которые Маркс хотел использовать в новом издании. Эти изменения и дополнения ограничиваются, за немногими

исключениями, последней частью книги, отделом «Процесс накопления капитала». Текст этого отдела до сих пор подвергся наименьшим изменениям по сравнению с первоначальным наброском книги, в то время как текст предшествующих отделов её был основательно переработан. Поэтому стиль был здесь более живым, более цельным, но в то же время более небрежным, чем в других частях: попадались англицизмы, отдельные неточности, ход изложения обнаруживал кое-где пробелы, а отдельные важные моменты были лишь бегло намечены.

Что касается стиля, то Маркс сам тщательно пересмотрел и исправил некоторые подотделы и тем самым, а также многочисленными устными указаниями, дал мне критерий того, в какой степени следует устранить английские технические выражения и прочие англицизмы. Вставки и дополнения Маркс, если бы он был жив, подверг бы, конечно, переработке, заменив гладкий французский язык своим, сжатым немецким. Я вынужден был удовлетвориться простым перенесением их в соответствующие места книги, стараясь лишь, чтобы они возможно более гармонировали с основным текстом.

Таким образом, в этом третьем издании я не изменял ни одного слова, раз не был убежден с полной несомненностью, что его изменил бы и сам автор. Мне, конечно, и в голову не приходило ввести в «Капитал» тот ходячий жаргон, на котором изъясняются немецкие экономисты, — эту тарабарщину, на которой работо*дателем* [Arbeit*geber*] называется тот, кто за наличные деньги получает чужой труд, а работо*получателем* [Arbeit*nehmer*] — тот, у кого за плату отбирают его труд. Французы в обыденной жизни также употребляют слово «travail» в смысле «занятие». Но, конечно, французы приняли бы за помешанного такого экономиста, который вздумал бы назвать капиталиста donneur de travail [работодатель], а рабочего — receveur de travail [работополучатель].

Равным образом я счел недопустимым свести употребляемые везде в книге английские единицы денег, меры и веса к их новогерманским эквивалентам. Когда появилось первое издание «Капитала», число различных единиц меры и веса, существовавших в Германии, равнялось чуть ли не числу дней в году; к тому же имелось два вида марок (имперская марка существовала тогда лишь в голове Зетбера, который изобрел ее в конце 30-х годов), два вида гульденов и по крайней мере три вида талеров, из которых один составлял «новые две трети». В естествознании господствовали метрические, на мировом рынке — английские меры и вес. При таких условиях пользование английскими единицами измерения было совершенно естественным в книге, которая вынуждена была брать свои фактические данные почти исключительно из области английских промышленных отношений. Эти последние

соображения сохраняют свою силу и до настоящего времени, тем более, что соответствующие отношения на мировом рынке почти не изменились и как раз в наиболее важных отраслях промышленности — железнодорожной и хлопчатобумажной — и поныне почти исключительно господствуют английские меры и вес.

В заключение несколько слов о применявшемся Марксом методе цитирования, который был не вполне понят. Когда дело идет о чисто фактическом изложении или описании, цитаты, напр. из английских Синих книг, являются, само собой разумеется, простой ссылкой на документы. Иначе обстоит дело, когда цитируются теоретические взгляды других экономистов. Здесь цитата должна лишь установить, где, когда и кем была впервые ясно высказана та или другая мысль, составляющая определенную ступень в развитии экономических учений. При этом имеется в виду указать лишь одно: что данный взгляд экономиста имеет значение для истории науки, что он представляет более или менее адэкватное теоретическое выражение экономических условий своего времени. Но совершенно в стороне остается вопрос, имеет ли данный взгляд какое-либо абсолютное или относительное значение с точки зрения самого автора или же представляет для него лишь исторический интерес. Таким образом, эти цитаты образуют лишь непрерывный, заимствованный из истории экономической науки комментарий к тексту и устанавливают даты и авторов отдельных, наиболее важных успехов экономической теории. И такая работа была особенно нужна в науке, историки которой отличались до сих пор лишь тенденциозным невежеством карьеристов. Это объясняет также, почему Маркс, как он и указывает в предисловии ко второму изданию, лишь очень редко цитирует немецких экономистов.

Я надеюсь, что второй том удастся выпустить в свет в 1884 г.

Фридрих Энгельс.

Лондон, 7 ноября 1883 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ.

Нет надобности оправдывать издание английского перевода «Капитала» или доказывать его необходимость. Скорее наоборот, следовало бы ждать объяснений, почему это издание откладывалось до сих пор, несмотря на то, что развиваемые в этой книге теории уже несколько лет служат для периодической печати и для текущей литературы и Англии и Америки постоянным предметом обсуждения, нападок, защиты, толкований и искажений.

Когда вскоре после смерти автора «Капитала» в 1883 г. стала очевидной необходимость английского издания этой работы, мистер Сэмюэль Мур — старый друг Маркса и автора настоящих строк, человек, знакомый с предметом данной книги, быть может, больше, чем кто бы то ни было другой, — согласился взять на себя ее перевод, который стремились опубликовать литературные душеприказчики Маркса. Со своей стороны, я должен был сравнить рукопись с оригиналом и внести изменения, которые найду необходимыми. Однако оказалось, что профессиональные занятия мистера Мура мешают ему закончить перевод так быстро, как все мы того желали. Поэтому мы охотно приняли предложение д-ра Эвелинга взять часть работы на себя. Одновременно миссис Эвелинг, младшая дочь Маркса, предложила сверить цитаты и восстановить оригинальный текст многочисленных отрывков, взятых Марксом из английских авторов и Синих книг, отрывков, которые Маркс дал в немецком переводе. Эта работа была ею проделана полностью, за немногими неизбежными исключениями.

Следующие части книги переведены доктором Эвелингом: 1) Глава X (Рабочий день) и XI (Норма и масса прибавочной стоимости); 2) Отдел VI (Заработная плата, главы XIX—XXII); 3) от

4-го параграфа XXIV главы (Обстоятельства, определяющие размеры накопления и т. д.) до конца книги, включая сюда последнюю часть главы XXIV, главу XXV и весь VIII отдел (главы XXVI—XXXIII); 4) оба предисловия автора *. Вся остальная часть книги переведена мистером Муром. Таким образом, каждый из переводчиков отвечает только за свою часть работы, общую же ответственность за всю работу в целом несу я.

Положенное в основу всей нашей работы третье немецкое издание было подготовлено мною в 1883 г. При подготовке его я использовал оставленные автором заметки, в которых автор указывал, какие части текста второго издания должны быть заменены отрывками из изданного в 1873 г. французского текста[1]. Внесенные, таким образом, в текст второго издания изменения в общем совпадают с теми изменениями, которые были намечены самим Марксом в ряде его собственноручных указаний к английскому переводу, намечавшемуся девять лет тому назад в Америке, но не выполненному главным образом вследствие отсутствия вполне подходящего переводчика. Рукопись, содержащая эти указания, была предоставлена в наше распоряжение нашим старым другом Ф. А. Зорге из Хобокена, штат Нью-Джерси. В ней намечено несколько добавочных вставок из французского издания; так как, однако, рукопись эта была написана за несколько лет до тех указаний, которые Маркс сделал для третьего немецкого издания, я считал себя вправе прибегать к ней только в отдельных случаях и главным образом тогда, когда она помогала нам преодолевать известные затруднения. В большинстве трудных мест французский текст тоже служил для нас указанием того, чем готов был пожертвовать сам автор, когда при переводе что-нибудь из полного значения оригинального текста должно было быть принесено в жертву.

Есть, однако, одно затруднение, от которого мы не могли избавить читателя. Это — употребление некоторых терминов в смысле, отличном от того, который они имеют не только в обиходе, но и в обычной политической экономии. Но это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечет за собою революцию в ее технических терминах. Лучше всего это видно на примере химии, вся терминология которой коренным образом меняется приблизительно каждые двадцать лет, так что едва ли можно найти хотя бы одно органическое соединение, которое не прошло бы через ряд различных названий. Политическая экономия обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их

* Нумерация глав английского издания I тома «Капитала», как и французского издания, не совпадает с нумерацией глав немецких изданий. *Ред.*

[1] «Le Capital», par Karl Marx. Traduction de M. J. Roy, entièrement revisée par l'auteur. Paris, Lachâtre. Этот перевод, в особенности в последней части книги, содержит по сравнению со вторым немецким изданием значительные изменения и добавления.

находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами. Например, классическая политическая экономия определенно знала, что прибыль и рента являются лишь подразделениями, лишь долями той неоплаченной части продукта, которую рабочий должен отдавать своему предпринимателю (ибо предприниматель лишь первый присваивает ее, но не является ее последним исключительным хозяином). Однако даже классическая политическая экономия не выходила за пределы общепринятых взглядов на прибыль и ренту, никогда не исследовала этой части продукта (которую Маркс называл прибавочным продуктом) в ее совокупности, как целое. Поэтому она никогда не доходила до ясного понимания ее происхождения, ее природы и законов, регулирующих последующее распределение ее стоимости. Точно так же все производство, за исключением сельского хозяйства и ремесла, охватывается без разбора термином мануфактура. Тем самым стирается различие между двумя крупными и существенно различными периодами экономической истории: периодом собственно мануфактуры, основанной на разделении ручного труда, и периодом современной промышленности, основанной на применении машин. Поэтому очевидно само собою, что теория, рассматривающая современное капиталистическое производство лишь как преходящую стадию экономической истории человечества, должна употреблять термины, отличные от обычной терминологии авторов, рассматривающих эту форму производства как вечную и окончательную.

Будет не лишним сказать несколько слов относительно применяемого автором метода цитирования. В большинстве случаев цитаты служат для него, как то и принято, документальными доказательствами, подкрепляющими утверждения, сделанные в тексте. Однако во многих случаях отрывки из сочинений экономистов цитируются для того, чтобы показать когда, где и кем было впервые ясно высказано определенное положение. Это делается в тех случаях, когда цитируемое положение важно как более или менее адэкватное выражение условий общественного производства и обмена, господствовавших в то или иное время. При этом цитата приводится совершенно независимо от того, совпадает ли высказываемое положение с собственным мнением Маркса или, другими словами, имеет ли оно общее значение. Эти цитаты, таким образом, дополняют текст попутным комментарием, взятым из истории науки.

Наш перевод охватывает лишь первую книгу этой работы. Но эта первая книга в значительной мере является законченным целым и в течение двадцати лет занимала место самостоятельного произведения. Изданная мною в Германии в 1885 г. вторая книга является безусловно неполной без третьей книги, которая может быть опубликована не раньше конца 1887 г. Когда выйдет из печати

немецкий оригинал третьей книги, тогда своевременно будет подумать о подготовке английского издания обеих книг.

На континенте «Капитал» часто называют «библией рабочего класса». Никто из тех, кто знаком с рабочим движением, не станет отрицать, что выводы, сделанные в «Капитале», с каждым днем все больше и больше становятся основными принципами великого движения рабочего класса не только в Германии и Швейцарии, но и во Франции, Голландии, Бельгии, Америке и даже в Италии и Испании; что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний. Да и в Англии как раз сейчас теории Маркса пользуются огромным влиянием на социалистическое движение, которое не меньше распространяется среди «образованных» людей, чем в рядах рабочего класса.

Но это еще не все. Быстро приближается то время, когда основательное исследование экономического положения Англии окажется настоятельной национальной необходимостью. Движение промышленной системы этой страны, которое невозможно без быстрого расширения производства, а значит и без расширения рынков, приближается к мертвой точке. Свобода торговли исчерпала свои ресурсы; даже Манчестер сомневается в этом своем евангелии[1]. Быстро развивающаяся промышленность других стран повсюду становится на пути английского производства, и это не только на рынках, защищаемых покровительственными пошлинами, но и на свободных рынках и даже по сю сторону Ла-Манша. Если производительные силы растут в геометрической прогрессии, то рынки расширяются в лучшем случае — в арифметической. Постоянно повторявшиеся с 1825 по 1867 г. десятилетние циклы застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, кажется, действительно прекратились, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину крайней безнадежности — перманентной и хронической депрессии. Столь страстно ожидаемый период процветания не хочет наступать. Как только мы начинаем замечать симптомы, как будто свидетельствующие о его приближении, симптомы эти тотчас же опять исчезают. Каждая наступающая зима вновь ставит перед нами во всю величину вопрос: «Что делать с безработными?» И несмотря на то, что число безработных с каждым годом растет, никто не может на этот вопрос ответить, и мы почти можем

---

[1] На состоявшемся сегодня вечером очередном квартальном собрании Манчестерской торговой палаты разгорелась горячая дискуссия по вопросу о свободе торговли. Была предложена следующая резолюция: «В результате длившихся 40 лет тщетных ожиданий, что другие нации последуют в вопросе о свободе торговли примеру Англии, палата считает, что наступило время пересмотреть свою позицию». Резолюция была отвергнута большинством только одного голоса: 21 голос — за и 22 голоса — против. «Evening Standard» — 1 ноября 1886 г.

вычислить тот момент, когда безработные, потеряв терпение, возьмут свою судьбу в собственные руки. Несомненно, что в такой момент должен быть услышан голос человека, теория которого представляет собою результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, голос человека, которого это изучение привело к выводу, что, по крайней мере, в Европе Англия является единственной страной, где есть возможность произвести неизбежную социальную революцию всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства».

Фридрих Энгельс.

5 ноября 1886 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

Для четвертого издания я считал необходимым установить по возможности окончательную редакцию как самого текста, так и примечаний. Я укажу в кратких словах, как я выполнил эту задачу.

Сравнив еще раз французское издание и рукописные пометки Маркса, я взял из него несколько новых добавлений к немецкому тексту. Они находятся на стр. 80 (стр. 88 третьего изд.) [стр. 122—123 настоящего тома], стр. 458—460 (стр. 509—510 третьего изд.) [стр. 497—500 настоящего тома], стр. 547—551 (стр. 600 третьего изд.) [стр. 587—593 настоящего тома], стр. 591—593 (стр. 644 третьего изд.) [стр. 631—635 настоящего тома] и па стр. 596 (стр. 648 третьего изд.) [стр. 637 настоящего тома], в примечании 79. Кроме того, по примеру французского и английского изданий, я внес в текст (стр. 461—467 четвертого изд.) [стр. 500—506 настоящего тома] длинное примечание относительно горнорабочих (стр. 509—515 третьего изд.). Остальные мелкие поправки носят чисто технический характер.

Кроме того я внес несколько добавочных пояснительных примечаний, и именно там, где этого, как мне казалось, требовали изменившиеся исторические условия. Все эти добавочные примечания внесены в квадратные скобки и подписаны моими инициалами*.

Полная проверка многочисленных цитат оказалась необходимой для вышедшего за это время английского издания. Младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя труд отыскать все

* В настоящем издании квадратные скобки заменены витыми. *Ред.*

цитированные места в оригиналах, чтобы английские цитаты, которые составляют подавляющее большинство, появились не в виде обратного перевода с немецкого, а в подлинном английском тексте. Я должен был, таким образом, в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный текст. Кое-где при этом оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью описками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска — погрешность, совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты выбрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы из старых тетрадей, составленных в Париже в 1843—1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, — напр. цитаты из Стюарта, Юра и т. д., — я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущим, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не внес в книгу ни малейшего заслуживающего упоминания изменения. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Ричарда Джонса (стр. 562 четвертого издания [стр. 604 настоящего тома], примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги*. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде.

Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории.

Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой выдвигали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием.

В берлинской «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья под заглавием: «Как цитирует Карл Маркс». Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и непарламентских выражений, заявляет, будто Маркс исказил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата помещена в Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих в 1864 г. и повторена в «Капитале», т. I, стр. 617 четвертого изд., стр. 671 третьего изд. [стр. 657 настоящего тома]). В стенографическом (квази-официальном) отчете «Hansard», говорит автор упомянутой статьи, нет и намека на цитируемую Марксом фразу: «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело

* Маркс не ошибся в заглавии книги, но неточно указал страницу: вместо 37 он указал 36 (см. стр. 604 настоящего тома). *Ред.*

ограничивается имущими классами». «Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано как раз обратное (и далее жирным шрифтом): **Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».**

Маркс, которому этот номер «Concordia» был прислан в мае, ответил анониму в «Volksstaat», в номере от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого газетного отчета он взял свою цитату, он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные цитаты из двух английских изданий и затем цитировал отчет «Times», согласно которому Гладстон сказал: «Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я должен признаться, что я почти с тревогой и скорбью взирал бы на это ошеломляющее увеличение богатства и могущества, если бы был уверен, что оно ограничивается лишь имущими классами. Между тем данные факты не дают нам никаких сведений относительно положения рабочего населения. Увеличение богатства, которое я только что описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, всецело ограничивается имущими классами».

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы очень жаль, если бы это так было, но в действительности это именно так: это ошеломляющее увеличение мощи и богатства всецело ограничивается имущими классами; что же касается квази-официального «Hansard», то Маркс говорит далее: «Господин Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как канцлера казначейства; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение крошки Ласкера, направленное против Бебеля».

Но аноним раздражается все сильнее и сильнее В своем ответе («Concordia», 4 июля) он отводит все источники из вторых рук, целомудренно настаивает на «обычае» цитировать парламентские речи лишь по стенографическим отчетам; но, уверяет он дальше, отчет «Times» (в котором имеется «присочиненная» фраза) и отчет «Hansard» (где этой фразы нет) «по содержанию вполне согласуются между собой», отчет «Times» также заключает в себе заявление, «прямо противоположное пресловутому месту из Учредительного манифеста», причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что рядом с этим будто бы «прямо противоположным» заявлением стоит как раз «пресловутое место». Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался и что только новая уловка может его спасти. Свою статью, которая, как только что было доказано, вся пропитана «наглой ложью», он начинает самой отборной руганью вроде «mala fides», «бесчестность», «лживые ссылки», «эта лживая цитата», «наглая ложь», «совершенно сфальсифицированная цитата», «эта фальсификация», «просто бесстыдно» и т. д. Но в то же время он старается незаметным образом перебросить

спорный вопрос в новую плоскость и обещает показать в другой статье, «какое значение придаем мы (т. е. «нелживый» аноним) содержанию слов Гладстона». Как будто бы его совершенно безразличное для всех мнение имеет какое-нибудь отношение к делу! Эта другая статья появилась в «Concordia» 11 июля.

Маркс еще раз ответил в «Volksstaat» от 7 августа, процитировав соответственное место из «Morning Star» и «Morning Advertiser» от 17 апреля 1863 г. Согласно обоим этим источникам, Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т. д. на ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается только состоятельными классами (classes in easy circumstances), но что увеличение это действительно касается только классов, владеющих собственностью (entirely confined to classes possessed of property); таким образом, и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы «присочиненная» Марксом. Далее Маркс путем сравнения текстов «Times» и «Hansard» устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной очевидностью доказывается буквальным совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро независимых друг от друга газет, — что эта фраза отсутствует в отчете «Hansard», просмотренном оратором согласно известному «обычаю», что Гладстон, употребляя выражение Маркса, «выкрал ее задним числом»; наконец, Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Но последний был, повидимому, по горло сыт и тем, что он уже получил, по крайней мере больше Марксу не присылали номеров «Concordia».

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, с тех пор раз или два от людей, имевших связи с Кэмбриджским университетом, до нас доходили таинственные слухи о чудовищном литературном прегрешении, якобы совершенном Марксом в «Капитале»; однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удавалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяцев после смерти Маркса, в «Times» появляется письмо, датированное Trinity College, Cambridge, и подписанное Седли Тэйлором, в котором этот человечек, работающий в скромнейшем кооперативе, совершенно неожиданно доставил нам, наконец, разъяснение не только относительно сплетен Кэмбриджа, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом из «Concordia».

«Представляется особенно поразительным, — пишет человечек из Тринити колледж, — что профессору Брентано (тогда занимавшему кафедру в Бреславле, а теперь в Страсбурге) удалось... разоблачить ту mala fides, которая несомненно продиктовала цитату из речи Гладстона в (Учредительном) манифесте Интернационала. Г-н Карл Маркс... пытавшийся защищать цитату, был быстро повергнут в прах мастерскими ударами Брентано,

но уже в предсмертных корчах (deadly shifts) имел смелость утверждать, что г. Гладстон состряпал отчет для «Hansard» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и что он выкинул одно место, компрометирующее его как английского канцлера казначейства. Когда Брентано доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени!»

Так вот где зарыта собака! И какой великолепный вид приняла в производственно-кооперативной фантазии Кэмбриджа анонимная кампания г. Брентано в «Concordia». Вот так стоял он, этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, так взмахивал шпагой, нанося «мастерские удары», а у ног его, «быстро поверженный во прах», извивался «в предсмертных корчах» адский дракон Маркс!

И, тем не менее, все это описание битвы в стиле Ариосто служит лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь уже нет речи о «присочиненной лжи», о «фальсификации», но говорится лишь о «ловком выдергивании цитат» (craftily isolated quotation). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кэмбриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Элеонора Маркс ответила Тэйлору в ежемесячнике «To-Day» (февраль 1884 г.), так как «Times» отказался принять ее статью. Она прежде всего точно восстановила содержание полемики: «Присочинил» Маркс инкриминируемую фразу или нет? — вот о чем шел спор. Г-н Седли Тэйлор ответил на это, что, по его мнению, в споре между Марксом и Брентано «вопрос о том, имеется или нет эта фраза в речи Гладстона, играл совершенно второстепенную роль» по сравнению с вопросом, «сделана ли цитата с намерением передать смысл слов Гладстона или исказить его». Он соглашается далее, что отчет «Times» «действительно заключает в себе словесное противоречие», но остальное содержание речи, будучи истолковано правильно, т. е. в либерально-гладстоновском смысле, показывает, что Гладстон *хотел* сказать («To-Day», март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человечек из Кэмбриджа упорно цитирует речь не по «Hansard», что, согласно анонимному Брентано, является обычаем, а по «Times», отчет которого, согласно тому же Брентано, «по необходимости небрежен». Да и как же иначе? Ведь фатальной фразы нет у «Hansard»!

Элеоноре Маркс не стоило большого труда уничтожить эту аргументацию на страницах того же самого номера «To-Day». Одно из двух. Или г. Тэйлор читал полемику 1872 г., тогда он

теперь «лжет», причем ложь его заключается не только в «присочинении» того, чего не было, но и в «отрицании» того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики, тогда он не имел права раскрывать рта. Как бы то ни было, он уже не осмелился поддерживать обвинения своего друга Брентано, что Маркс «присочинил» цитату. Наоборот, Маркс обвиняется теперь уже не в том, что он «присочинил», а в том, что он выкинул одну важную фразу. Но в действительности эта фраза цитирована на стр. 5 Учредительного манифеста несколькими строками раньше той, которая будто бы «присочинена». Что же касается «противоречия», заключающегося в бюджетной речи Гладстона, то кто же иной, как не Маркс, говорит (стр. 618 «Капитала», прим. 105, стр. 672 третьего изд. [стр. 658 настоящего тома]) о многочисленных «вопиющих противоречиях в бюджетных речах Гладстона 1863 и 1864 гг.»! Он только не пытается à la Седли Тэйлор растворять эти противоречия в либеральном прекраснодушии. Заключительное резюме ответа Э. Маркс гласит: «В действительности Маркс не опустил ничего заслуживающего упоминания и решительно ничего не «присочинил». Но он восстановил и спас от забвения одну фразу гладстоновской речи, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Hansard»».

После этого угомонился и г. Седли Тэйлор. Результатом всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и захватившего две великие страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что на будущее время г. Седли Тэйлор станет относиться с таким же недоверием к литературным отчетам г. Брентано о своих победах, как г. Брентано — к папской непогрешимости «Hansard».

Ф. Энгельс.

Лондон, 25 июня 1890 г.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ТОВАР И ДЕНЬГИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТОВАР.

1. ДВА ФАКТОРА ТОВАРА: ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И СТОИМОСТЬ (СУБСТАНЦИЯ СТОИМОСТИ, ВЕЛИЧИНА СТОИМОСТИ).

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров» [1], а отдельный товар — его элементарной формой. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря своим свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, — порождаются ли, напр., последние желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле [2]. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как, напр., железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело

---

[1] *Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 3 [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т XII, ч. I, стр. 13].

[2] «Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу. . бóльшая часть (вещей) имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребностям духа». *Nicholas Barbon:* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Considerations etc.». London 1696, стр. 2, 3.

исторического развития[3]. То же самое следует сказать об отыскании общественных мер для количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различною природою самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными.

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью[4]. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, напр., железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, напр. дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения[5]. Потребительная стоимость реализуется лишь в процессе потребления. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода[6], — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным,

---

[3] «Вещи имеют присущее им внутреннее свойство (vertue — таково у Барбона специфическое обозначение потребительной стоимости), которое везде остается неизменным; напр., способность магнита притягивать железо» (*N. Barbon:* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter etc.». London 1696, стр. 6). Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность.

[4] «Естественная стоимость [natural worth] какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобствам человеческой жизни» (*John Locke:* «Some Considerations on the Consequences of the Lowering of Interest», 1691, в «Works», изд. London 1777, т. II, стр. 28). В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлектированные — словами романского происхождения.

[5] В буржуазном обществе господствует fictio juris [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения.

[6] «Стоимость есть то отношение, в котором одна вещь обменивается на другую, определенное количество одного продукта на определенное количество другого» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 889).

а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (valeur intrinsèque) представляется каким-то contradictio in adjecto[7]. Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, напр. один квартер пшеницы, обменивается на *x* сапожной ваксы, или на *y* шелка, или на *z* золота и т. д., одним словом — на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, не одну единственную, а многие меновые стоимости имеет пшеница. Но так как и *x* сапожной ваксы, и *y* шелка, и *z* золота и т. д. составляют меновую стоимость квартера пшеницы, то *x* сапожной ваксы, *y* шелка, *z* золота и т. д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания.

Возьмем, далее, два товара, напр. пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, напр.: 1 квартер пшеницы $= a$ центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартере пшеницы и в *a* центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, количественные видоизменения чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства подлежат здесь рассмотрению вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями.

---

[7] «Ничто не может иметь внутренней стоимости» (*N. Barbon:* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter etc.». London 1696, стр. 6), или, как говорит Бэтлер:

«The value of a thing
is just as much as it will bring».
[Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет.]

Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон: «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия»[8]. Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт работы столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактному человеческому труду.

Рассмотрим теперь этот residuum [остаток] продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишенного различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они — стоимости, товарные стоимости.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребитель-

---

[8] «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия. Количество железа или свинца на сто фунтов стерлингов имеет такую же меновую стоимость, как количество серебра или золота на сто фунтов стерлингов» (*N. Barbon:* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter etc.». London 1696, стр. 53 и 7).

ных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения стоимости, или необходимой форме ее проявления; тем не менее эта последняя должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы.

Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, напр., в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.

Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления[9]. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода[10]. Следовательно, товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени»[11].

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы рабочее время, необходимое для его производства, было бы неизменно. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства и, наконец, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, напр., в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный — лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных, и т. д. Алмазы редко встречаются в земной коре, и их отыскание стоит поэтому в среднем большого рабочего времени. Следовательно, в их небольшом объеме представлено много труда. Джекоб сомневается, чтобы золото оплачивалось когда-нибудь по его полной стоимости. С еще бо̀льшим правом это можно сказать об алмазах. По Эшвеге в 1823 г. цена всего продукта восьмидесятилетней разработки бразильских алмазных копей не достигала средней цены $1^1/_2$-годового продукта бразильских сахарных или кофейных плантаций, хотя в первом было представлено гораздо больше труда, а следовательно, и стоимости.

---

[9] *Примечание ко 2-му изд.* «Стоимость их (предметов потребления), когда они обмениваются один на другой, определяется количеством труда, необходимо требуемого и обычно употребляемого для их производства» («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.». London, стр. 36). Время издания этого замечательного анонимного произведения прошлого столетия не обозначено. Но из его содержания видно, что оно вышло в свет при Георге II, приблизительно в 1739 или 1740 г.

[10] «Все продукты одного и того же рода образуют, строго говоря, одну массу, цена которой определяется сообща, независимо от особых условий отдельного случая» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 893).

[11] *Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 6 [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 16].

С открытием более богатых копей то же самое количество труда выразилось бы в большем количестве алмазов, а следовательно, стоимость их понизилась бы. Если бы удалось небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича. Вообще, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре.

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственная почва, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. {И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка сеньеру, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена}[11a]. Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТОВАРАХ ТРУДА.

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как

[11a] {*Примечание к 4-му изд.* Я вставил заключенные в скобки слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел, является товаром. — *Ф. Э.*}

созидателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною[12]. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно.

Возьмем два товара, напр. один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста $= w$, то сюртук $= 2\ w$.

Сюртук есть потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается таким образом в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы коротко назовем полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст — качественно различные потребительные стоимости, точно так же качественно различны между собой обусловливающие их существование работы: портняжество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары. Сюртук не обменивают на сюртук, данную потребительную стоимость — на ту же самую потребительную стоимость.

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом — проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определенная, целесообразная производительная деятельность,

---

[12] *Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 12, 13 и др. [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 21, 22, 23 и др.].

или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоять друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого принимают вообще форму товаров, т. е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда.

Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда. Там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент вещественного богатства, не находимый в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т. д., одним словом — товарные тела, представляют собою соединение двух элементов — вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных работ, заключающихся в сюртуке, холсте и т. д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в своем производстве может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ[13].

---

[13] «Все явления вселенной, порождены ли они рукою человека или всеобщими законами природы, представляют собою не действительное творчество, а лишь преобразование материи. Соединение и разделение — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею воспроизводства; так обстоит дело и в воспроизводстве стоимости (потребительной стоимости, хотя, полемизируя здесь с физиократами, Верри сам не знает толком, о какого рода стоимости он говорит) и богатств, когда земля, воздух и вода превращаются на поле в растение, или когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелк, или отдельные куски металла соединяются вместе и образуют часовой механизм» (*Pietro Verri*: «Meditazioni sulla Economia Politica» (впервые напечатано в 1773 г.) в издании итальянских экономистов *Custodi*, Parte Moderna, т. XV, стр. 21, 22).

Мало того. В самом этом труде формирования он непрерывно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Вильям Петти, земля — его мать.

Перейдем теперь от товара как предмета потребления к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению, сюртук имеет вдвое бо̀льшую стоимость, чем холст. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, что один сюртук. Ка̀к стоимости, сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжество и ткачество — качественно разнородные виды труда. Бывают, однако, такие общественные уклады, при которых один и тот же человек попеременно шьет и ткет и где, следовательно, оба эти различные вида труда являются лишь видоизменениями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, — совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют собою лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, известная доля общественного труда предлагается попеременно, то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собою производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд. Это лишь две различные формы затрат человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме. Но в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Подобно тому как в буржуазном обществе генерал или банкир играют крупную роль, а просто человек очень жалкую[14], точно так же обстоит здесь дело и с челове-

[14] Ср. *Hegel:* «Philosophie des Rechts». Berlin 1840, стр. 250, § 190 [*Гегель:* «Философия права». Сочинения, т. VII, Соцэкгиз, 1934 г., § 190, стр. 218].

ческим трудом. Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой специальной подготовкой. *Простой средний труд,* хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда[15]. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиною производителей и потому кажутся последним установленными обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, — это избавит нас от необходимости повторять в каждом частном случае операцию приведения сложного труда к простому.

Стало быть, как в стоимостях сюртука и холста исчезают различия их потребительных стоимостей, так и в труде, представленном в этих стоимостях, исчезают различия его полезных форм — портняжества и ткачества. Потребительные стоимости сюртук и холст представляют собою лишь соединения целесообразной производительной деятельности с сукном и пряжей, тогда как стоимости — сюртук и холст — суть не более, как однородные сгустки труда; равным образом и в затратах труда, содержащихся в этих стоимостях, имеет значение не производительное их отношение к сукну и пряже, а лишь расходование человеческой рабочей силы. Элементами, созидающими потребительные стоимости — сюртук и холст, — портняжество и ткачество являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией стоимости сюртука и холста они оказываются лишь постольку, поскольку происходит отвлечение от их особых качеств, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда.

Но сюртук и холст — не только стоимости вообще, но и стоимости определенной величины: по нашему предположению, сюртук имеет вдвое бо̀льшую стоимость, чем 10 аршин холста. Откуда

---

[15] Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате, или стоимости, которую рабочий получает, напр., за один рабочий день, а о стоимости товаров, в которой овеществляется его рабочий день. Категория заработной платы вообще еще не существует для нас на данной ступени нашего изложения.

эта разница в величине их стоимости? Причина состоит в том, что холст содержит в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного периода времени, чем для производства первого.

Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, причем последний должен быть уже приведен к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идет о том, ка̀к совершается труд и что̀ он производит, во втором случае — о том, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда, то взятые в известной пропорции товары всегда должны быть равновеликими стоимостями.

Если производительная сила всех полезных видов труда, необходимых для производства, напр., одного сюртука, остается неизменной, то величина стоимости сюртуков растет пропорционально их количеству. Если один сюртук представляет, напр., x рабочих дней, то 2 сюртука представляют $2x$ рабочих дней и т. д. Но допустим, что труд, необходимый для производства одного сюртука, возрастает вдвое или падает наполовину. В первом случае один сюртук стоит столько, сколько раньше стоили два сюртука, во втором случае два сюртука стоят столько, сколько раньше стоил один, хотя в обоих случаях услуги, оказываемые сюртуком, остаются неизменными, равно как остается неизменным и качество содержащегося в нем полезного труда. Но количество труда, затраченного на его производство, изменилось.

Большее количество потребительной стоимости составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним — только одного и т. д. Тем не менее возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собою только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может за-

трагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растет, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а следовательно, и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, как мы видим, общую величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для ее производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости[16].

---

[16] *Примечание ко 2-му изд.* Чтобы доказать, «что труд является окончательной и реальной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах», А. Смит пишет: «Во все времена и во всех местах равные количества труда имели всегда равную стоимость для рабочего. При обычном состоянии своего здоровья, силы и способности, при обычной степени искусства или ловкости, он всегда должен пожертвовать одной и той же долей своего покоя, свободы, своего счастья» («Wealth of Nations», т. I, гл. V). [Ср. *Адам Смит:* «Исследование о природе и причинах богатства народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 35 и 32.] С одной стороны, А. Смит смешивает здесь (но не везде) определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарных стоимостей стоимостью самого труда и поэтому старается доказать, что равные количества труда всегда имеют одну и ту же стоимость. С другой стороны, он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, означает лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как пожертвование покоем, свободой и счастьем, не видя в этой затрате также и нормальной жизнедеятельности. Правда, перед его глазами был современный наемный рабочий. — Гораздо удачнее рассуждает в данном вопросе цитированный в 9-м примечании анонимный предшественник А. Смита: «Некто употребил неделю на приготовление известного предмета потребления... и тот, кто предлагает ему в обмен какой-либо другой предмет, лучше всего оценит, какое количество их равноценно первому предмету, если высчитает, какой предмет стоил ему того же труда [labour] и времени. Дело сводится здесь к тому, что труд, затрачивавшийся одним человеком на производство данной вещи в течение известного времени, обменивается на труд другого человека, затрачивавшийся в течение того же времени на производство другой вещи» («Some Thoughts on the Interest of Money in general etc.», стр. 39).

{*К 4-му изд.* Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и из-

3. ФОРМА СТОИМОСТИ, ИЛИ МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ.

Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой — натуральной формой и формой стоимости.

Стоимость [Werthgegenständlichkeit] товаров тем отличается от вдовицы Квикли, что неизвестно, с какой стороны за нее приняться. В прямую противоположность чувственной грубой осязаемости [Gegenständlichkeit] товарных тел, в стоимость [Werthgegenständlichkeit] их не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он, как стоимость [Werthding], остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью [Werthgegenständlichkeit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что стоимость их имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собою понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. В самом деле, мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости.

Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода — все равно, какого именно. Отношение между стоимостями двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара.

меряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work. См. примечание к английскому переводу, стр. 14. — *Ф. Э.*} [В настоящем томе см. прим. 4 к первой главе. *Ред.*]

А. Простая, отдельная или случайная форма стоимости.

x товара $A=y$ товара B, или: x товара A стоит y товара B. (20 арш. холста = 1 сюртуку, или: 20 арш. холста стоят одного сюртука.)

1) Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма.

Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность.

Два разнородных товара *A* и *B*, в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две различные роли. Холст выражает свою стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость, или он находится в относительной форме стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу. Я не могу, напр., выразить стоимость холста в холсте. 20 арш. холста = 20 арш. холста не есть выражение стоимости. Это уравнение скорее говорит наоборот: 20 арш. холста суть не что иное, как 20 арш. холста, т. е. определенное количество предмета потребления — холст. Следовательно, стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т. е. в другом товаре. Относительная форма стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он доставляет лишь материал для выражения стоимости другого товара.

Правда, выражение 20 арш. холста = 1 сюртуку, или 20 арш. холста стоят 1 сюртука, включает в себя и обратное отношение: 1 сюртук = 20 арш. холста, или 1 сюртук стоит 20 аршин холста. Но мне приходится, таким образом, перевернуть уравнение для того, чтобы дать относительное выражение стоимости сюртука, и, раз я это делаю, холст вместо сюртука становится эквивалентом. Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга.

Находится ли данный товар в относительной форме стоимости или в противоположной ей эквивалентной форме, определяется исключительно тем местом, которое он занимает в данном выражении стоимости, т. е. тем, является ли он товаром, стоимость которого выражается, или же товаром, в котором выражается стоимость.

2) Относительная форма стоимости.

а) Содержание относительной формы стоимости.

Чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости одного товара содержится в стоимостном отношении двух товаров, необходимо прежде всего рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз обратно и видят в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к известному единству. Только как выражения известного единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами[17].

Равняются ли 20 арш. холста одному сюртуку, или они = 20, или = x сюртукам, другими словами — стоит ли данное количество холста многих или немногих сюртуков, во всяком случае самое существование такой пропорции предполагает всегда, что холст и сюртуки как величины стоимости суть выражения известного единства, суть вещи, имеющие одну и ту же природу. Холст = = сюртуку есть основа этого уравнения.

Но эти два качественно уравненных друг с другом товара играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом каким образом? Путем отношения к сюртуку как ее «эквиваленту», как к чему-то, на что холст может быть обменен. В этом отношении сюртук служит формой существования стоимости, воплощением стоимости [Werthding], потому что только как стоимость он тождествен с холстом. С другой стороны, только здесь обнаруживается или получает самостоятельное выражение стоимостное бытие самого холста, потому что лишь как стоимость холст может относиться к сюртуку как к чему-то равно-

[17] Те немногие экономисты, которые, как, напр., С. Бэйли, занимались анализом формы стоимости, не могли притти ни к какому результату, с одной стороны, потому, что они смешивают форму стоимости и самую стоимость, с другой стороны, потому, что, находясь под влиянием грубого практичного буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения. «Власть над количеством... образует стоимость» («Money and its Vicissitudes». London 1837, стр. 11). Автор С. Бэйли.

ценному или к чему-то, что может на него обмениваться. Так, напр., масляная кислота и пропиловый эфир муравьиной кислоты— различные вещества. Однако оба они состоят из одних и тех же химических субстанций — углерода (С), водорода (Н) и кислорода (О), и притом в одном и том же процентном отношении, а именно: $C_4H_8O_2$. Если бы мы приравняли масляную кислоту к муравьино-пропиловому эфиру, то это значило бы в данном уравнении, во-первых, что муравьино-пропиловый эфир есть лишь форма существования $C_4H_8O_2$ и, во-вторых, что масляная кислота также состоит из $C_4H_8O_2$. Посредством приравнения муравьино-пропилового эфира к масляной кислоте была бы выражена, таким образом, их химическая субстанция в отличие от их физической формы.

Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не выражает их ни в какой форме стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару.

Когда, напр., сюртук, как воплощение стоимости [Werthding], приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к общему им характеру человеческого труда. Этим окольным путем утверждается далее, что и ткачество, поскольку оно ткет стоимость, не отличается от портняжества, следовательно есть абстрактно человеческий труд. Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, — к человеческому труду вообще[17a].

Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая

[17a] *Примечание ко 2-му изд.* Один из первых экономистов, который после Вильяма Петти разглядел природу стоимости, знаменитый Франклин, говорит: «Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то самой правильной оценкой стоимости всех вещей является труд» («The Works of B. Franklin etc., edited by Sparks». Boston 1836, т. II, стр. 267). Франклин не уяснил себе, что, оценивая стоимость всех вещей «трудом», он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми видами труда, — следовательно, сводит их к одинаковому человеческому труду. Но хотя он этого не знает, он непроизвольно высказывает это. Он говорит сначала об «одном труде», затем о «другом труде», в заключение о «труде» без дальнейшего определения как о субстанции стоимости всех вещей.

сила в текучем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Он становится стоимостью в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая «предметность», которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему с другим товаром. Эта задача уже решена.

В стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук фигурирует как нечто качественно одинаковое с холстом, как вещь того же самого рода, потому что он есть стоимость. Он играет здесь роль вещи, в которой проявляется стоимость или которая в своей осязательной натуральной форме представляет стоимость. Конечно, сюртук — тело товара сюртук — есть только потребительная стоимость. Сюртук столь же мало выражает собою стоимость, как и первый попавшийся кусок холста. Но это доказывает лишь, что в пределах своего стоимостного отношения к холсту сюртук значит больше, чем вне его, — подобно тому как немалое количество людей в сюртуке с золотым шитьем значит больше, чем без него.

В производстве сюртука в форме портняжного труда действительно затрачена человеческая рабочая сила. Следовательно, в нем накоплен человеческий труд. С этой стороны сюртук является «носителем стоимости», хотя это его свойство и не просвечивает сквозь его ткань, как бы тонка она ни была. И в своем стоимостном отношении к холсту он выступает лишь этою своею стороной, т. е. как воплощенная стоимость, как плоть стоимости [Werthkörper]. Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста без того, чтобы для последнего стоимость не приняла формы сюртука. Так, индивидуум *A* не может относиться к индивидууму *B* как к его величеству без того, чтобы для *A* величество как таковое не приняло телесного вида *B*, — потому-то присущие величеству черты лица, волосы и многое другое меняется с каждой переменой властителя страны.

Следовательно, в том стоимостном отношении, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости. Стоимость товара холст выражается поэтому в теле товара сюртук, стоимость одного товара — в потребительной стоимости другого. Как потребительная стоимость, холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его бытие как стоимости проявляется в его подобии сюртуку, как овечья натура христианина — в уподоблении себя агнцу божию.

Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке, на товарном языке. Чтобы высказать, что труд в своем абстрактном свойстве человеческого труда образует его, холста, собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равноценен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и он, холст. Чтобы высказать, что возвышенная предметность его стоимости [Werthgegenständlichkeit] отлична от его жесткого льняного тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука и что поэтому сам он в качестве вещи, в которой воплощена стоимость [Werthding], как две капли воды похож на сюртук. Заметим мимоходом, что и товарный язык, кроме еврейского, имеет немало других более или менее выработанных наречий. Немецкое «Werthsein» выражает, напр., менее отчетливо, чем романский глагол valere, valer, valoir, тот факт, что приравнивание товара *B* к товару *A* есть выражение собственной стоимости товара *A*. Paris vaut bien une messe! [Париж, конечно, стоит мессы!]

Итак, посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*[18]. Товар *A*, относясь к товару *B* как к телу стоимости, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *B* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *A*, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара *B*, обладает формой относительной стоимости.

b) Количественная определенность относительной формы стоимости.

Каждый товар, стоимость которого должна быть выражена, представляет собою известное количество данного предмета потребления, напр. 15 шеффелей пшеницы, 100 фунтов кофе и т. д. Это данное количество товара содержит в себе определенное количество человеческого труда. Следовательно, форма стоимости должна выражать собою не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость, или величину стоимости. Поэтому в стоимостном отношении товара *A* к товару *B*, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом как воплощение стоимости [Werthkörper] вообще,

[18] В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не в качестве фихтеанского философа: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек».

но определенному количеству холста, напр. 20 арш., приравнивается определенное количество воплощенной стоимости, или эквивалента, напр. 1 сюртук.

Уравнение «20 арш. холста = 1 сюртуку, или 20 арш. холста стоят 1 сюртука» предполагает, что в одном сюртуке содержится ровно столько же субстанции стоимости, как и в 20 арш. холста, что оба эти количества товаров стоят равного труда, или равновеликого рабочего времени. Но рабочее время, необходимое для производства 20 арш. холста или 1 сюртука, изменяется с каждым изменением производительной силы труда в портняжестве или ткачестве. Мы исследуем теперь более подробно влияние такого изменения на относительное выражение величины стоимости.

I. Пусть стоимость холста изменяется[19], в то время как стоимость сюртука остается постоянной. Если рабочее время, необходимое для производства холста, удваивается, напр. вследствие убывающего плодородия земли, приносящей лен, то удваивается и его стоимость. Вместо уравнения 20 арш. холста = 1 сюртуку мы получаем 20 арш. холста = 2 сюртукам, так как 1 сюртук содержит теперь лишь половину того рабочего времени, которое заключается в 20 арш. холста. Наоборот, если рабочее время, необходимое для производства холста, уменьшится наполовину, напр. вследствие усовершенствования ткацких станков, то в соответствии с этим и стоимость холста упадет наполовину. Следовательно, теперь мы имеем: 20 арш. холста = $^1/_2$ сюртука. При неизменной стоимости товара *B* относительная стоимость товара *A*, т. е. стоимость его, выраженная в товаре *B*, повышается и падает прямо пропорционально стоимости товара *A*.

II. Пусть стоимость холста остается постоянной, в то время как стоимость сюртука изменяется. Если при этом условии рабочее время, необходимое для производства сюртука, удваивается, напр. вследствие неблагоприятного сбора шерсти, то вместо 20 арш. холста = 1 сюртуку мы получим 20 арш. холста = $^1/_2$ сюртука. Напротив, если стоимость сюртука падает наполовину, то 20 арш. холста = 2 сюртукам. При неизменной стоимости товара *A* его относительная, выраженная в товаре *B* стоимость падает или повышается в отношении, обратном изменению стоимости *B*.

Сравнивая различные случаи I и II, мы находим, что одно и то же изменение величины относительной стоимости может вызываться совершенно противоположными причинами. Так, из уравнения 20 арш. холста = 1 сюртуку уравнение 20 арш. холста = = 2 сюртукам может получиться или потому, что стоимость холста

---

[19] Выражение «стоимость» употребляется здесь, как и в некоторых местах выше, для обозначения количественно определенной стоимости, т. е. величины стоимости.

удваивается, или потому, что стоимость сюртука падает наполовину; с другой стороны, уравнение 20 арш. холста = $^1/_2$ сюртука получается из того же первоначального уравнения или потому, что стоимость холста падает наполовину, или потому, что стоимость сюртука повышается вдвое.

III. Пусть количества труда, необходимые для производства холста и сюртука, изменяются одновременно в одном и том же направлении и в одной и той же пропорции. В этом случае уравнение 20 арш. холста = 1 сюртуку остается неизменным, как бы ни изменялась стоимость каждого из этих товаров. Изменение их стоимости мы можем открыть лишь при сравнении с третьим товаром, стоимость которого остается постоянной. Если бы стоимости всех товаров одновременно повысились или упали в одной и той же пропорции, их относительные стоимости остались бы без перемены. Действительное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы большее или меньшее количество товаров, чем раньше.

IV. Пусть рабочее время, необходимое для производства холста и сюртука, а следовательно, и их стоимости, изменяются одновременно в одном и том же направлении, но в различной степени, или же изменяются в противоположном направлении и т. д. Влияние всех возможных комбинаций подобного рода на относительную стоимость товара определяется просто применением отдельных случаев I, II и III.

Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в их относительном выражении, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может изменяться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда должны соответствовать друг другу [20].

---

[20] *Примечание ко 2-му изд.* Это несоответствие величины стоимости и ее относительного выражения эксплуатируется вульгарной политической экономией с обычным для нее остроумием. Например: «Допустите только, что *A* падает потому, что *B*, на которое оно обменивается, повышается, причем, однако, на *A* затрачивается не меньше труда, чем раньше, и ваш всеобщий принцип стоимости терпит крушение... Раз мы допустили, что стоимость *B* по отношению к *A* падает вследствие того, что стоимость *A* по отношению к *B* возрастает, то мы тем самым уничтожаем ту почву, на которой Рикардо воздвигает свое великое положение, что стоимость товара всегда определяется количеством воплощенного в нем труда. Потому что, если изменение в издержках производства *A* изменяет не только его собственную стоимость по отношению к *B*, на которое оно обменивается, но изменяет также стоимость *B* по отношению к *A*, хотя никакой перемены в количестве труда, необходимого

3) *Эквивалентная форма.*

Мы видели, что, когда какой-либо товар *A* (холст) выражает свою стоимость в потребительной стоимости отличного от него товара *B* (сюртуке), он в то же время придает этому последнему своеобразную форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает свое собственное бытие в качестве стоимости в том, что сюртук, не принимая никакой формы стоимости, отличной от его натуральной телесной формы, оказывается равноценным ему — холсту. Таким образом, холст фактически выражает свое стоимостное бытие в том, что сюртук может непосредственно обмениваться на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

Если данный вид товара, напр. сюртуки, служит другому виду товара, напр. холсту, в качестве эквивалента, если, таким образом, сюртуки приобретают характерное свойство — находиться в форме, непосредственно обмениваемой на холст, то этим отнюдь еще не указывается та пропорция, в которой сюртуки и холст могут обмениваться друг на друга. Она зависит, поскольку дана величина стоимости холста, от величины стоимости сюртуков. Является ли сюртук эквивалентом, а холст относительной стоимостью, или, наоборот, холст эквивалентом, а сюртук относительной стоимостью, величина стоимости сюртука во всяком случае определяется рабочим временем, необходимым для его производства, следовательно — независимо от формы его стоимости. Но раз товар вида сюртук занимает место эквивалента в выражении стоимости, величина его стоимости, как таковая, не получает никакого выражения. Более того: она фигурирует в стоимостном уравнении только как определенное количество данной вещи.

Например: 40 арш. холста «стоят» — чего? Двух сюртуков. Так как товар вида сюртук играет здесь роль эквивалента и потребительная стоимость сюртук противостоит холсту как воплощение стоимости [Werthkörper], то достаточно определенного количества сюртуков, чтобы выразить определенную величину стоимости холста. Два сюртука могут поэтому выразить величину стоимости 40 арш. холста, но они никогда не могут выразить величину своей

для производства *B*, не произошло, то рушится не только доктрина, уверяющая, что стоимость товара регулируется количеством затраченного на него труда, но также доктрина, согласно которой издержки производства данного товара регулируют его стоимость» (*J. Broadhurst:* «Political Economy». London 1842, стр. 11, 14).

Г-н Бродхерст мог бы с таким же правом сказать: присмотритесь к числовым отношениям $^{10}/_{20}$, $^{10}/_{50}$, $^{10}/_{100}$ и т. д. Число 10 остается неизменным, и, несмотря на это, его относительная величина, его величина по отношению к знаменателям 20, 50, 100 и т. д., постоянно убывает. Следовательно, рушится великий принцип, согласно которому величина целого числа, напр. 10, «регулируется» количеством содержащихся в нем единиц.

собственной стоимости, величину стоимости сюртуков. Поверхностное понимание этого факта, — что в стоимостном уравнении эквивалент имеет всегда только форму простого количества известной вещи, известной потребительной стоимости, — ввело в заблуждение Бэйли и заставило его, как и многих из его предшественников и последователей, видеть в выражении стоимости только количественное отношение. В действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости.

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

Натуральная форма товара становится формой стоимости. Но nota bene: для товара *В* (сюртука, или пшеницы, или железа и т. д.) это quid pro quo осуществляется лишь в пределах стоимостного отношения, в которое вступает с ним любой иной товар *А* (холст и т. д.), — лишь в рамках этого отношения. Так как никакой товар не может относиться к самому себе как эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как эквиваленту, или естественную наружность другого товара сделать своей собственной формой стоимости.

Для большей наглядности иллюстрируем это на примере тех мер, которыми измеряются товарные тела как таковые, т. е. как потребительные стоимости. Голова сахара как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не даст возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и голова сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо является телом, в котором нет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или другое какое-либо тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Бросив их на чашки весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они действительно тождественны и потому, взятые в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железо, в качестве меры веса, представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть, так в нашем выражении стоимости

тело сюртук представляет по отношению к холсту лишь стоимость.

Однако здесь и прекращается аналогия. В выражении веса сахарной головы железо представляет естественное свойство, общее обоим телам, а именно тяжесть, в то время как сюртук в выражении стоимости холста представляет не природное свойство вещей, а их стоимость, — нечто чисто общественное.

Так как относительная форма стоимости товара, напр. холста, выражает его стоимостное бытие, как нечто, совершенно отличное от его тела и свойств последнего, напр. как нечто «сюртукоподобное», то уже само это выражение указывает на то, что за ним скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая, выражает стоимость, следовательно по самой природе своей обладает формой стоимости. Правда, это справедливо лишь в пределах того стоимостного отношения, в котором товар холст относится к товару сюртук как к эквиваленту [21]. Но так как свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то возникает представление, что сюртук своей эквивалентной формой, своей способностью непосредственно обмениваться на другие товары обладает от природы, совершенно так же, как тяжестью или свойством задерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, поражающая буржуазно-грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эта форма противостоит ему в готовом виде — как деньги. Тогда экономист пытается разделаться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепительные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента. Он и не подозревает, что уже самое простое выражение стоимости: 20 арш. холста = 1 сюртуку, дает разгадку эквивалентной формы.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда выступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактно человеческого труда. Если, напр., сюртук служит не более как вещью, в которой осуществлен абстрактно человеческий труд, то и портняжный труд, который фактически в нем осуществлен, служит не более как формой осуществления абстрактно человеческого труда. В выражении стоимости холста полезность портняжного

[21] Такие соотносительные определения представляют собою вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем, они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король.

труда сказывается не в том, что он изготовляет платье, а следовательно, — и людей, а в том, что он производит вещь, в которой мы сразу видим стоимость, т. е. сгусток труда, который ничем не отличается от труда, овеществленного в стоимости холста. Для того чтобы изготовить такое зеркало стоимости, само портняжество не должно отражать в себе ничего другого, кроме своего абстрактного свойства быть человеческим трудом вообще.

В форме портняжества, как и в форме ткачества, затрачивается человеческая рабочая сила. Следовательно, обе эти деятельности обладают общим характером человеческого труда и в некоторых определенных случаях, напр. в производстве стоимости, должны рассматриваться только с этой точки зрения. В этом нет ничего мистического. Но в выражении стоимости товара дело принимает иной вид. Например, чтобы выразить, что ткачество не в своей конкретной форме создает стоимость холста, а в своем всеобщем качестве человеческого труда, — ткачеству противопоставляется портняжество, конкретный труд, создающий эквивалент холста, как наглядная форма осуществления абстрактно человеческого труда.

Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Но так как этот конкретный труд, портняжество, выступает здесь как простое выражение лишенного различий человеческого труда, то он в этой форме тождествен с другим трудом, с трудом, содержащимся в холсте; поэтому, несмотря на то, что он, подобно всякому другому, производящему товары труду, является трудом частным, он все же есть труд в непосредственно общественной форме. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар. Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме.

Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще осязательнее, если мы обратимся к великому исследователю, впервые анализировавшему форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами. Я имею в виду Аристотеля.

Прежде всего Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного товара в стоимости любого иного товара; в самом деле, он говорит:

«5 лож = 1 дому» («Κλίναι πέντε ἀντὶ οἰκίας»)
«не отличается» от:
«5 лож = такому-то количеству денег»
(«Κλίναι πέντε ἀντὶ... ὅσου αἱ πέντε κλίναι»)

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. «Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости» («οὔτ' ἰσότης μὴ οὔσης συμμετρίας»). Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. «Однако в действительности невозможно («τῇ μὲν οὖν ἀληθείᾳ ἀδύνατον»), чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности».

Итак, Аристотель сам показывает нам, что̀ именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож? Ничего подобного «в действительности не может существовать», — говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу в качестве чего-то равного и поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих — и в ложе и в доме. А это — человеческий труд.

Но того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначимый человеческий труд, — этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначимость всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит «в действительности» это отношение равенства.

4) Простая форма стоимости в целом.

Простая форма стоимости товара заключается в его стоимостном отношении к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему. Стоимость товара *A* качественно

выражается в способности товара B непосредственно обмениваться на товар A. Количественно она выражается в способности определенного количества товара B обмениваться на данное количество товара A. Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда товар представляется как «меновая стоимость». Когда мы в начале этой главы, следуя ходячему обозначению, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной формы, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в стоимостном отношении, или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словоупотребление не приводит к ошибкам, а служит только для сокращения.

Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости. Но именно так воображают себе дело, с одной стороны, меркантилисты и их современные поклонники вроде Феррье, Ганиля и т. д. [22], с другой стороны — их антиподы, современные коммивояжеры свободной торговли вроде Бастиа с компанией. Меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, т. е. на эквивалентную форму товара, находящую свое законченное выражение в деньгах, — современные разносчики фритредерского товара, которые должны сбыть его за какую бы то ни было цену, обращают главное внимание, напротив, на количественную сторону относительной формы стоимости. Следовательно, для них и стоимость и величина стоимости товара существуют лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т. е. лишь на столбцах текущего прейскуранта товаров. Шотландец Маклеод, профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно бо̀льшим количеством учености рутинные представления банкиров Ломбардстрита, представляет удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными разносчиками идей свободной торговли.

---

[22] *Примечание ко 2-му изд.* — *F. L. A. Ferrier* (таможенный субинспектор): «Du Gouvernement considéré dans ses Rapports avec le Commerce», Paris 1805, и *Charles Ganilh:* «Des Systèmes d'Économie Politique etc.», 2-е изд., Paris 1821.

Ближайшее рассмотрение выражения стоимости товара *A*, содержащегося в его стоимостном отношении к товару *B*, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара *A* служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара *B* — лишь формой стоимости, или образом стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость *которого* выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в *котором* стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости.

Продукт труда при всех общественных укладах есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, — а именно та, при которой труд, затраченный на производство полезной вещи, выступает как «предметное» свойство этой вещи, как ее стоимость. Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости.

Уже с первого взгляда очевидна недостаточность простой формы стоимости, этой зародышевой формы, которая, лишь пройдя ряд метаморфоз, дозревает до формы цены.

Выражение стоимости товара *A* в товаре *B* отличает эту стоимость товара *A* от его собственной потребительной стоимости и потому ставит товар только в одно меновое отношение — в отношение к какому-либо отдельному, отличному от него самого товарному виду; но оно не выражает его качественной тождественности и количественной пропорциональности со всеми другими видами товаров. Простой относительной форме стоимости одного товара соответствует отдельная эквивалентная форма другого товара. Так, напр., сюртук в относительном выражении стоимости холста обладает эквивалентной формой, или формой непосредственной обмениваемости, только по отношению к этому отдельному товарному виду, холсту.

Между тем отдельная форма стоимости сама собой переходит в более полную. Хотя посредством этой формы стоимость одного товара *A* выражается лишь в одном товаре другого вида, однако при этом остается совершенно безразличным, каков именно этот товар: сюртук ли, железо ли, пшеница ли и т. д. По мере того как один и тот же товар вступает в стоимостные отношения то с тем, то с другим видом товара, возникают различные простые

выражения его стоимости[22a]. Число возможных выражений его стоимости ограничено только числом отличных от него видов товара. Единичное выражение стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его стоимости, причем ряд этот может быть удлинен произвольно.

В. Полная, или развернутая, форма стоимости.

z товара $A = u$ товара B, или $= v$ товара C, или $= w$ товара D, или $= x$ товара E, или $=$ и т. д.

(20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = = 1 квартеру пшеницы, или = 2 унц. золота, или = $1/2$ тонны железа, или = = и т. д.)

1) Развернутая относительная форма стоимости.

Стоимость данного товара, напр. холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом стоимости холста[23]. Таким образом, только теперь сама эта стоимость действительно выступает как сгусток лишенного различий человеческого труда. Потому что образующий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначащий всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний и овеществляется ли он в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т. д. Поэтому в силу своей формы стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не только с отдельным другим видом товара, но и со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира. В то же время бесконечный ряд выражений

[22a] *Примечание ко 2-му изд.* Например, у Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей.

[23] Поэтому говорят о сюртучной стоимости холста, если выражают стоимость холста в сюртуках, — о его хлебной стоимости, если выражают ее в хлебе, и т. д. Каждое такое выражение означает, что в потребительной стоимости сюртука, хлеба и т. д. проявляется не что иное, как стоимость холста. «Стоимость каждого товара дает выражение его меновому отношению... Мы можем говорить о нем... как о хлебной стоимости, суконной стоимости и т. п. в зависимости от того, с каким другим товаром он сравнивается; таким образом, имеются тысячи различных видов стоимости, — ровно столько видов стоимости, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures and Causes of Value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation etc. of Opinions». London 1825, стр. 39). С. Бэйли, автор этой анонимной работы, которая в свое время наделала много шума в Англии, воображает, что указанием на эти пестрые относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости. Что он, несмотря на всю свою ограниченность, все же нащупал уязвимые места рикардовской теории, доказывает то раздражение, с которым напала на него школа Рикардо, напр. в «Westminster Review».

товарной стоимости показывает, что она относится с полным безразличием ко всякой особой потребительной форме, в которой она проявляется.

В первой форме: 20 арш. холста = 1 сюртуку, может казаться простою случайностью тот факт, что эти два товара в определенном количественном соотношении способны обмениваться друг на друга. Напротив, во второй форме тотчас же просвечивает скрытая за ней основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой по своей величине независимо от того, выражается ли она в сюртуке, кофе, железе и т. д., — в других бесконечно разнообразных товарах, принадлежащих самым различным владельцам. Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а, наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения.

2) Особенная эквивалентная форма.

Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и т. д., в выражении стоимости холста играет роль эквивалента, т. е. тела стоимости. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду со многими другими. Равным образом многообразные определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, служат теперь лишь в качестве особенных форм осуществления и проявления человеческого труда вообще.

3) Недостатки полной, или развернутой, формы стоимости.

Во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается. Цепь, звенья которой состоят из уравнений стоимости, всегда может быть продолжена путем включения каждого вновь появляющегося товарного вида, доставляющего материал для нового выражения стоимости. Во-вторых, такая цепь образует пеструю мозаику разрозненных и разнородных выражений стоимости. Наконец, если, как это и должно случиться, в этой развернутой форме выражены относительные стоимости всех без исключения товаров, то относительная форма стоимости каждого товара получает бесконечный ряд выражений, отличный от выражения относительной формы стоимости всякого иного товара. Недостатки развернутой относительной формы стоимости отражаются, в свою очередь, и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного

товарного вида является здесь особенной эквивалентной формой наряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, из которых каждая исключает все остальные. Равным образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содержащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно не исчерпывающей, формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную или исчерпывающую форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее он не обладает здесь единой формой проявления.

Впрочем, развернутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости, или уравнений, первой формы, напр.:

20 арш. холста = 1 сюртуку,
20 арш. холста = 10 ф. чаю и т. д.

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

1 сюртук = 20 арш. холста,
10 ф. чаю = 20 арш. холста и т. д.

В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его стоимость в ряде других товаров, то многие другие товаровладельцы обязательно должны, очевидно, также обменять свои товары на холст, следовательно должны выразить стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте. Итак, обернем ряд: 20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = и т. д., т. е. выразим лишь то обратное отношение, которое по существу дела уже заключается в этом ряду, тогда получится:

С. Всеобщая форма стоимости.

1 сюртук =
10 ф. чаю =
40 ф. кофе =
1 кварт. пшеницы =
2 унц. золота =
$^1/_2$ тонны железа =
x товара A =
и т. д.
} 20 арш. холста.

1) Измененный характер формы стоимости.

Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, так как они выражают его в одном единственном товаре, и 2) единообразно, так как выражают его в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно всеобща.

Формы I и II достигали лишь того, что стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной стоимости, или его товарного тела.

Первая форма давала уравнения стоимости такого рода: 1 сюртук = 20 арш. холста, 10 ф. чаю = $^1/_2$ тонны железа и т. д. Стоимость сюртука выражается как нечто, равное холсту, стоимость чая — как нечто, равное железу, и т. д. Но эти нечто, равные холсту и железу, эти выражения стоимости сюртука и чая столь же различны между собой, как и сами холст и железо. На практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена.

Вторая форма полнее, чем первая, отделяет стоимость товара от его собственной потребительной стоимости, так как стоимость, напр., сюртука противостоит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто, равное холсту, равное железу, равное чаю и т. д., — равное всему, чему угодно, только не самому сюртуку. С другой стороны, здесь прямо исключается всякое общее выражение стоимости товаров, так как в выражение стоимости каждого отдельного товара все другие товары входят лишь в форме эквивалентов. Развернутая форма стоимости впервые осуществляется фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, напр. скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары.

Вновь полученная нами форма III выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него виде товара, напр. в холсте, и представляет, таким образом, стоимости всех товаров через равенство их с холстом. Как нечто равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собою то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями, или позволяет им выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей.

Обе прежние формы выражают стоимость каждого товара или в единственном неоднородном с ним товаре, или в ряде многих отличных от него товаров. В обоих случаях добыть себе форму стоимости является, так сказать, частным делом отдельного товара, и он выполняет это дело без содействия остальных товаров.

Последние играют по отношению к нему лишь пассивную роль эквивалента. Напротив, всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что, так как стоимость [Werthgegenständlichkeit] товаров представляет собою «чисто общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что форма товарной стоимости должна быть поэтому общественно значимой формой.

В форме своего равенства холсту все товары оказываются теперь не только качественно равными, т. е. стоимостями вообще, но в то же время количественно сравнимыми величинами стоимости. Так как они отражают величины своих стоимостей в одном и том же материале — в холсте, то эти величины стоимости взаимно отражаются одна в другой. Например, 10 ф. чаю = 20 арш. холста, и 40 ф. кофе = 20 арш. холста. Следовательно, 10 ф. чаю = 40 ф. кофе. Или: в одном фунте кофе заключена только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чаю.

Всеобщая относительная форма стоимости товарного мира придает исключенному из этого мира товару-эквиваленту, холсту, характер всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится образом стоимости, общим для всего товарного мира, следовательно холст приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары. Его телесная форма играет роль видимого воплощения всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда. Ткачество, частный труд, производящий холст, находится в то же время в форме всеобщей и общественной, в форме равенства со всеми другими видами труда. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма стоимости, приравнивают труд, осуществленный в холсте, поочередно всем видам труда, содержащимся в каждом другом товаре, и тем самым делают ткачество всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом, труд, овеществленный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда, но отчетливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого

труда, самим своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобщечеловеческий характер труда образует его специфический общественный характер.

2) Отношение между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы.

Степени развития относительной формы стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако — и это важно отметить — развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости.

Простая, или отдельная, относительная форма стоимости товара делает другой товар отдельным эквивалентом. Развернутая форма относительной стоимости, — это выражение стоимости одного товара во всех других товарах, — придает последним форму разнообразных особенных эквивалентов. Наконец, один особенный вид товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между ее обоими полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

Уже первая форма: 20 арш. холста = 1 сюртуку, содержит эту противоположность, но не фиксирует ее. Смотря по тому, как мы будем читать это уравнение, слева направо или обратно, каждый из обоих товарных полюсов, и холст и сюртук, окажется попеременно то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме. Здесь еще довольно трудно установить полярную противоположность.

В форме II всегда лишь один какой-нибудь вид товара может вполне развернуть свою относительную стоимость, и сам он обладает развернутой относительной формой стоимости лишь потому и постольку, поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме. Здесь уже нельзя переставить обе части стоимостного уравнения, напр. 20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 1 кварт. пшеницы и т. д., не изменяя его общего характера, не превращая его из полной во всеобщую форму стоимости.

Наконец, последняя форма, форма III, дает товарному миру всеобщую и общественную относительную форму стоимости, потому что и поскольку здесь все принадлежащие к товарному миру виды — кроме одного — исключены из всеобщей эквивалентной формы. Поэтому один товар, холст, находится в форме, дающей ему способность непосредственно обмениваться на все другие

товары, или в непосредственно общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары не находятся в этой форме[24].

Наоборот, товар, фигурирующий как всеобщий эквивалент, лишен единой, а следовательно, и всеобщей относительной формы стоимости товарного мира. Если бы холст или вообще какой-либо товар, находящийся в форме всеобщего эквивалента, участвовал в то же время и во всеобщей относительной форме стоимости, то он должен был бы сам для себя служить эквивалентом. Мы получили бы тогда: 20 арш. холста = 20 арш. холста, — тавтологию, в которой не выражается ни стоимость, ни величина стоимости. Чтобы выразить относительную стоимость всеобщего эквивалента, нам нужно было бы перевернуть форму III. Всеобщий эквивалент не обладает общей всем остальным товарам относительной формой стоимости, а его стоимость выражается относительно в бесконечном ряде всех других товарных тел. Таким образом развернутая относительная форма стоимости, или форма II, оказывается специфической относительной формой стоимости товара-эквивалента.

3) Переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме.

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, какой-либо товар находится во всеобщей эквивалентной форме (форме III) лишь тогда и постольку, когда и поскольку он, как эквивалент, выталкивается всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом одного специфического товарного

---

[24] Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она — противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому столь же допустимо вообразить себе, что на все товары одновременно можно наложить печать непосредственной обмениваемости, как допустимо вообразить, что всех католиков можно сделать папами. Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит nec plus ultra человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм, который, как я показал в другом месте, не отличается даже оригинальностью, а лишь повторяет то, что гораздо раньше и лучше сказали Грэй, Брэй и др. Это не препятствует в наши дни такой мудрости красоваться в известных кругах под именем «science» [«науки»]. Ни одна школа не носилась так со словом «science», как прудоновская, потому что

«Wo Begriffe fehlen,
Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein».

[«Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить». *Гете:* «Фауст». Русск. перев. Холодковского.]

вида, — лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость.

Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров, которые в форме II фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме III все выражали свою относительную стоимость в холсте, завоевал исторически определенный товар, а именно золото. Поставим поэтому в форме III на место товара холст товар золото. Получится:

D. Денежная форма.

20 арш. холста	=	
1 сюртук	=	
10 ф. чаю	=	
40 ф. кофе	=	2 унциям золота.
1 кварт. пшеницы	=	
$^1/_2$ тонны железа	=	
x товара A	=	

При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме IV играет ту же роль, как холст в форме III, — роль всеобщего эквивалента. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественного обычая с натуральной специфической формой товара золото.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент — как отдельный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, как всеобщий эквивалент, в более или менее широких кругах. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь начиная с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, форма IV

начинает отличаться от формы III, другими словами — всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение стоимости товара, напр. холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, напр. в золоте, есть форма цены. Следовательно, «форма цены» холста такова:

20 арш. холста = 2 унциям золота,

или, если 2 ф. ст. составляют монетное имя двух унций золота,

20 арш. холста = 2 ф. ст.

Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно всеобщей формы стоимости вообще, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма I : 20 арш. холста = 1 сюртуку, или x товара $A = y$ товара B. Простая товарная форма есть поэтому зародыш денежной формы.

4. ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ И ЕГО ТАЙНА.

На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость, он не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собою понятно, что человек своею деятельностью изменяет формы веществ природы в известном полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, напр., когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле всеми своими четырьмя ножками, но становится пред лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцовать [25].

Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительной его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определений стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это

[25] Напомним, что Китай и столы начали танцовать как раз в такое время, когда весь остальной мир находился, повидимому, в полном покое — pour encourager les autres [для поощрения остальных].

во всяком случае функции человеческого организма, и каждая такая функция, каково бы ни было ее содержание и ее форма, по существу есть трата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат, или количество труда, уже непосредственно, осязательно отличается от качества труда. При всех общественных укладах то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени, на разных ступенях развития [26]. Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму.

Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы. Однородность различных видов человеческого труда приобретает вещную форму одинакового для всех продуктов труда качества — стоимости; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых осуществляются их общественные определения труда, получают форму общественного отношения продуктов труда.

Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Но путем такого quid pro quo продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными. Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами. Между тем товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выра-

---

[26] *Примечание ко 2-му изд.* У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда названия моргена: Tagwerk (или Tagwanne) (jurnale или jurnalis, terra jurnalis, jornalis или diurnalis), Mannwerk, Mannskraft, Mannsmaad, Mannshauet и т. д. См. *Georg Ludwig von Maurer:* «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, u. s. w. Verfassung etc.». München 1854, стр. 129 и сл. [Ср. *Георг Людвиг Маурер:* «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти». Перев. В. Корша. М. 1880, стр. 135 и сл.].

жается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отношениями вещей. Это — лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства.

Этот фетишистский характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары.

Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависимых друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, отдельные частные работы фактически реализуются как звенья совокупного общественного труда, — лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, т. е. производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что̀ они представляют на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Лишь в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую предметную реальность стоимости, обособленную от их чувственно различных потребительных стоимостей. Это расщепление продукта труда на полезную вещь и вещь, воплощающую стоимость, осуществимо на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрел достаточное распространение и такое значение, что полезные вещи можно производить специально для обмена, а потому стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные виды полезного труда, они должны удовлетворять определенную общественную потребность и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве подразделений совокупного труда, в

качестве звеньев естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменен на всякий иной особенный вид полезного частного труда и, следовательно, равнозначим последнему. Равенство видов труда, toto coelo [во всех отношениях] различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительных различий, в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд. Мозг частных производителей только отражает этот двойственный общественный характер их частных работ в таких формах, которые выступают в практическом обиходе, в обмене продуктов: стало быть, общественно полезный характер их частных работ он отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных видов труда — в той форме, что эти материально различные вещи, продукты труда, суть стоимости.

Следовательно, люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают[27]. Таким образом, у стоимости не написано на лбу, чтò она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в таинственный общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, напр., язык. Пòзднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер не зависимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и в том, что продукты

---

[27] *Примечание ко 2-му изд.* Поэтому, когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами — «La Ricchezza è una ragione tra due persone», — то ему следовало бы добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой (*Galiani:* «Della Moneta», стр. 221, т. III сборника *Custodi:* «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte Moderna. Milano 1803).

труда приобретают характер стоимости. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — как до, так и после указанного открытия — кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы.

Практически лиц, обменивающихся продуктами, интересует прежде всего вопрос: сколько чужих продуктов можно получить за свой, т. е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты? Когда эти пропорции достигают некоторой прочности и становятся поэтому обычными, тогда кажется, как будто они обусловливаются самой природой продуктов труда. Так, напр., равенство стоимости одной тонны железа и двух унций золота воспринимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих тел. В действительности стоимостный характер продуктов труда утверждается лишь путем их реализации как стоимостей определенной величины. Величины стоимостей непрерывно изменяются, не зависимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые не зависимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся в определенных пропорциях к своей общественной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом[28]. Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных

---

[28] «Что сказать о законе, который может прокладывать себе путь лишь посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на отсутствии сознательности у затрагиваемых его действием людей» (*Friedrich Engels:* «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie» в «Deutsch-Französische Jahrbücher», herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx. Paris 1844). [Ср. *Ф. Энгельс:* «Очерки критики политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 309.]

стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет ее вещной формы.

Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди делают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, — последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности,— а лишь в их содержании. Таким образом, лишь анализ товарных цен привел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но та же самая законченная форма товарного мира — его денежная форма — скрывает общественный характер частных работ, а следовательно, и общественные отношения частных работников, за вещами, вместо того чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте. Когда я говорю: сюртук, сапог и т. д. относятся к холсту как всеобщее воплощение абстрактно человеческого труда, то нелепость этого выражения бьет в глаза. Но когда производители сюртуков, сапог и т. п. сопоставляют эти товары с холстом или — что не изменяет дела — с золотом и серебром как всеобщим эквивалентом, то отношение их частных работ к совокупному общественному труду представляется им именно в этой нелепой форме.

Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономии. Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы [Gedankenformen] для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства. Весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства.

Так как политическая экономия любит робинзонады[29], то пусть и на нашем острове прежде всего появится Робинзон. Как

[29] *Примечание ко 2-му изд.* Даже Рикардо не мог обойтись без робинзонады. «Первобытного рыбака и первобытного охотника он тотчас же заставляет, как истинных товаровладельцев, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. Он допускает при этом тот небольшой анахронизм, что первобытный охотник и первобытный рыбак для расценки своих орудий труда прибегают к расчетным таблицам, бывшим в употреблении на лондонской бирже в 1817 г. «Па-

ни скромен он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготовлять мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитве и т. п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рассматривает такого рода деятельность как отдых от работ. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно лишь различные виды человеческого труда. Под давлением необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарь содержит перечисление предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец рабочих часов, которых ему в среднем стоит изготовление этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г. Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы, — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд, как и труд, производящий

раллелограммы господина Оуэна» являются, повидимому, единственной формой общества, которую он знал помимо буржуазной» (*Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 38, 39). [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 47.]

товар, тоже измеряется временем, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество своей собственной, личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы мы ни оценивали те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, несомненно во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда.

Для исследования общего, т. е. непосредственно обобществленного, труда нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов[30]. Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи представляют для этой семьи различные продукты ее семейного труда, но они не представляют друг для друга товаров. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста, а также изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но измерение затрат индивидуальных рабочих сил временем уже с самого начала придает самим работам общественный характер, так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи.

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и плано-

[30] *Примечание ко 2-му изд.* «В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности является специфически славянской и даже исключительно русской формой. Это — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый калейдоскоп такого рода форм, отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индусов. Более тщательное изучение азиатских, а в особенности индусских форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Таким образом, напр., различные оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности» (*Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 10). [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 19—20.]

мерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет из себя общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их работам и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Для общества товаропроизводителей, характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы относятся друг к другу в этой вещной форме как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д. При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Народы торговые в собственном смысле этого слова существуют, как боги Эпикура, лишь в междумировых пространствах древнего мира или — как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми, или на непосредственных

отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства жизни, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собою естественно выросший продукт длинного и мучительного процесса развития.

Правда, политическая экономия анализировала — хотя и недостаточно[31] — стоимость и величину стоимости и раскрыла скры-

---

[31] Недостаточность рикардовского анализа величины стоимости — а это лучший анализ ее — будет показана в третьей и четвертой книгах этой работы. Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он воплощается в потребительной стоимости продукта. Фактически она, конечно, проводит это различие, так как в первом случае рассматривает труд с количественной, во втором — с качественной его стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно человеческому труду. Рикардо, напр., заявляет, что он согласен со следующими словами Дестют-де-Траси: «Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности представляют единственное первоначальное богатство, то употребление этих способностей, всякого рода труд, является нашим единственным сокровищем. Только это употребление создает все предметы, которые мы называем богатством... Ясно также, что все эти предметы представляют только труд, создавший их, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то она проистекает только от стоимости труда, которым они порождаются» (*Ricardo:* «The Principles of Polit. Econ.», 3-е изд. London 1821, стр. 334). [Ср. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии и т. д.». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 178.] Мы отметим лишь, что Рикардо приписывает Дестюту свое собственное более глубокое понимание вопроса. Правда, Дестют, с одной стороны, говорит, что все вещи, составляющие наше богатство, «представляют труд, который создал их», но, с другой стороны, он утверждает, что «две различные стоимости» их (потребительная и меновая) заимствуются от «стоимости труда». Он попадает тем самым в заколдованный круг пошлостей вульгарной политической экономии, которая предполагает стоимость одного товара (в данном случае труда) для того, чтобы затем при ее помощи определить стоимость других товаров. Рикардо же читает его так: и в потребительной и в меновой стоимости представлен труд (а не стоимость

тое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами — почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, — в величине стоимости продукта труда[32]? Формулы, на лбу которых написано, что они принадлежат такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собою разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею

труда). Но сам он настолько плохо различает двойственный характер труда, который и представлен двойственно, что на протяжении целой главы: «Value and Riches, their Distinctive Properties» [«Стоимость и богатство, их отличительные особенности»], вынужден возиться с пошлостями такого господина, как Ж. Б. Сэй. В конце концов он с изумлением замечает, что Дестют, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости, тем не менее в своем определении понятия стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем.

[32] Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и делает ее меновой стоимостью. Как раз в лице своих лучших представителей А. Смита и Рикардо она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно особенности формы товара, а в дальнейшем развитии — формы денег, формы капитала и т. д. Поэтому у экономистов, единогласно признающих измерение величины стоимости рабочим временем, мы находим самые пестрые и противоречивые представления о деньгах, т. е. о всеобщем эквиваленте в его законченном виде. Особенно ярко это выступает, напр., при исследовании банкового дела, где с обыденными ходячими определениями денег далеко не уедешь. В противовес этому появилась реставрированная меркантильная система (Ганиль и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, лучше сказать, лишенный всякой субстанции отблеск этой формы. — Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с В. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная экономия толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами.

поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви[33].

До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или предметная видимость общественных определений труда, смущает некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор их относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь

---

[33] «Экономисты рассуждают удивительным образом. Для них существует лишь два вида учреждений — искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть учреждения искусственные, учреждения буржуазии — естественные. Они походят в этом отношении на теологов, которые также устанавливают два вида религий. Всякая религия, кроме той, которую исповедуют они сами, есть изобретение человеческое, тогда как их собственная религия есть божественное откровение. Итак, была некогда история, но теперь ее больше нет» (*Karl Marx:* «Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère de M. Proudhon», 1847, стр. 113). [Ср. *К. Маркс:* «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 373.] Поистине комичен, напр., г. Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно иметься что-нибудь, что можно грабить, другими словами — предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира. Или, быть может, Бастиа хочет сказать, что способ производства, покоящийся на рабском труде, тем самым покоится на системе грабежа? В таком случае он становится на опасный путь. Но если такой исполин мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то каким образом избрал бы правильный путь в своей оценке наемного труда такой карлик-экономист, как Бастиа? — Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», 1859 [«К критике политической экономии»]. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — «экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 6], — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего изумительно, как кто-либо мог бы предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не требуется обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества.

определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, напр. в вексельном курсе.

Так как форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно характерной, как в наши дни, то кажется, что ее фетишистский характер еще легко преодолеть. Но в более конкретных формах исчезает даже эта кажущаяся простота. Откуда возникают иллюзии монетарной системы? Из того, что она не видела, что в золоте и серебре как деньгах представлено общественное производственное отношение, однако представлено в форме природных вещей с очень странными общественными свойствами. А возьмите современную политическую экономию, которая с таким величавым пренебрежением посматривает на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал? Давно ли исчезла иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?

Но чтобы не забегать вперед, мы ограничимся здесь еще одним примером, касающимся самой формы товара. Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что принадлежит нашей вещественной природе, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости. Послушаем теперь, как это душа товара вещает устами экономиста: «Стоимость (меновая стоимость) есть свойство вещей, богатство (потребительная стоимость) есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство же — нет»[34]. «Богатство (потребительная стоимость) есть атрибут человека, стоимость — атрибут товара. Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз имеют стоимость как жемчуг или алмаз»[35]. До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости. Однако экономисты-изобретатели этого химического вещества, обнаруживающие особое притязание на критическую глубину мысли, находят, что потребительная стоимость вещей не зависит от их вещественных свойств, тогда как стоимость присуща им как вещам. Их укрепляет в этом убеждении то удивительное обстоятельство, что потребительная

---

[34] «Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London 1821, стр. 16.

[35] *S. Bailey:* «A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», стр. 165.

стоимость вещей реализуется для людей без обмена, т. е. в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как стоимость может быть реализована лишь в обмене, т. е. в известном общественном процессе. Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучает ночного сторожа Сиколя, что «счастливая наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается природой»[36].

---

[36] Автор «Observations» и С. Бэйли обвиняют Рикардо в том, будто он не заметил относительного характера меновой стоимости и превратил ее в нечто абсолютное. В действительности наоборот: ту кажущуюся относительность, которой обладают эти вещи, напр. алмаз, жемчуг, как меновые стоимости, он свел к скрытому за этой их внешностью истинному отношению, к относительности их как простых выражений человеческого труда. Если рикардианцы ответили Бэйли грубо, но не доказательно, то лишь потому, что у самого Рикардо они не нашли указания на внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости, или меновой стоимостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОЦЕСС ОБМЕНА.

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т. е. взять их [37]. Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно, закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением [38]. Лица существуют здесь одно для другого лишь как

[37] В XII веке, столь прославленном своим благочестием, между товарами часто попадались очень деликатные вещи. Так, напр., один французский поэт того времени среди товаров, находившихся на рынке в Ланди, называет наряду с материями, сапогами, кожами, сельскохозяйственными орудиями, шкурами и т. п. также «femmes folles de leur corps» [публичных женщин].

[38] Прудон сначала черпает свой идеал вечной справедливости, justice éternelle, из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который, вместо того чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на основе их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно «вечным идеям» «naturalité» и «affinité» [«естества» и «сродства»]? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит «justice éternelle» [«вечной справедливости»], «équité éternelle», «mutualité éternelle» [«вечной правде», «вечной взаимности»] и другим «verités éternelles» [«вечным истинам»], то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного больше, чем знали еще отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество проти-

представители товаров, т. е. как товаровладельцы. В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц — это только олицетворения экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу.

Товаровладельца отличает от его товара именно то обстоятельство, что для товара каждое другое товарное тело служит лишь формой проявления его собственной стоимости. Прирожденный левеллер [уравнитель] и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем Мариторна. Эту отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами. Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других. Для владельца вся его непосредственная потребительная стоимость заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена[39]. Поэтому владелец стремится отчудить свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Все товары не имеют потребительной стоимости для своих владельцев и представляют потребительную стоимость для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Но этот переход из рук в руки составляет их обмен, а в обмене они относятся друг к другу как стоимости и реализуются как стоимости. Значит, товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получат возможность реализоваться как потребительные стоимости.

С другой стороны, прежде чем товары смогут реализоваться как стоимости, они должны доказать наличие своей потребительной стоимости, потому что затраченный на них труд идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других. Но лишь обмен может фактически показать, оказывается ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности.

Каждый товаровладелец хочет отчудить свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых удо-

---

воречит «grâce éternelle», «foi éternelle», «volonté éternelle de Dieu» [«вечному милосердию», «вечной вере», «вечной воле божией»]?

[39] «Ибо двояко употребление каждого блага. — Первое присуще вещи как таковой, второе — нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, напр. на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть естественный способ ее употребления. Ибо она существует не для обмена» (*Aristoteles:* «De Republica», кн. I, гл. 9). [Ср. «Политика Аристотеля», перев. С. А. Жебелева. СПБ. 1911, стр. 23.]

влетворяет его потребности. Постольку обмен представляет для него чисто индивидуальный процесс. С другой стороны, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. реализовать его в любом из других товаров той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. Постольку обмен представляет для него всеобщий и общественный процесс. Но один и тот же процесс не может быть одновременно для всех товаровладельцев только индивидуальным и только всеобщим и общественным.

Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар фактически не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

В этом затруднительном положении наши товаровладельцы рассуждают, как Фауст: «В начале было дело». И они уже делали дело, прежде чем начали рассуждать. Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев. Они могут приравнивать свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественное действие может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественное действие всех прочих товаров исторгает из их среды один определенный товар, в котором все они выражают свои стоимости. Таким образом, натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией исторгнутого товара. Последний делается — деньгами. «Illi unum consilium habent et virtutem et potestatem suam bestiae tradunt». «Et ne quis possit emere aut vendere, nisi qui habet characterem aut nomen bestiae, aut numerum nominis ejus» (Apocalypse) [«Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю». «И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет печать, или имя зверя, или число имени его». Апокалипсис, гл. XVII, 13 и гл. XIII, 17].

Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически

приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги[40].

Непосредственный обмен продуктов, с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее. Форма эта, как мы видели: x товара $A = y$ товара B. А форма непосредственного обмена продуктов такова: x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B[41]. Здесь вещи A и B до обмена не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену. Первая предпосылка, необходимая для того чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления утрачивает свою потребительную стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. Вещи сами по себе внешни для человека и потому отчуждаемы. Для того чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как к частным собственникам этих отчуждаемых вещей, а значит, и как к не зависимым друг от друга личностям. Однако такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли то патриархальная семья, древнеиндийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия

[40] Мы можем теперь оценить по достоинству ухищрения мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить «противоположность между деньгами и товаром», т. е. устранить самые деньги, так как они существуют только как составная часть этой противоположности. С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы, сохраняя в то же время католицизм. Подробнее об этом см. мою работу: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 61 и сл. [*К. Маркс*: «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 69 и сл.].

[41] До тех пор, пока обмениваются не два различных предмета потребления, а, как это часто бывает у дикарей, за один и тот же предмет предлагается в виде эквивалента хаотическая масса самых разнообразных вещей, до тех пор даже непосредственный обмен продуктов еще не зашел дальше своего преддверия.

они становятся товарами и внутри общины. Их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Они могут обмениваться лишь благодаря тому, что владельцы желают взаимно отчудить их друг другу. Между тем потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Обычай фиксирует такие количественные отношения как величины стоимости.

В непосредственном обмене продуктов каждый товар является непосредственно средством обмена для своего владельца и эквивалентом для своего невладельца, — однако лишь постольку, поскольку товар этот представляет для последнего потребительную стоимость. Следовательно, обмениваемый предмет еще не получает никакой формы стоимости, не зависимой от его собственной потребительной стоимости, или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц. Но необходимость такой формы развивается по мере того, как возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена. Задача возникает одновременно со средствами ее разрешения. Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг к другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то того, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно срастается исключительно лишь с определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается, это сначала является делом случая. Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Форма денег срастается или с наиболее важными из предметов, которые получаются путем обмена извне и действительно представляют естественно развивающуюся форму проявления меновой стоимости туземных продуктов, или же — с предметом

потребления, который составляет главный элемент туземного отчуждаемого имущества, как, напр., скот. Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов. Люди нередко превращали самого человека в лице раба в первоначальный денежный материал, но никогда не превращали в этот материал землю. Такая идея могла возникнуть только в уже развитом буржуазном обществе. Она появилась лишь в последнюю треть XVII столетия, а попытка ее фактического осуществления, в национальном масштабе, была сделана впервые сто лет спустя, во время буржуазной французской революции.

По мере того как обмен товаров разрывает свои узко-локальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно к благородным металлам.

Что «золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе золото и серебро»[42], доказывается согласованностью естественных свойств этих металлов с их общественными функциями[43]. Но пока мы знаем только одну функцию денег: служить формой проявления товарной стоимости, или материалом, в котором величины товарных стоимостей находят себе общественное выражение. Адэкватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, одинакового человеческого труда, может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие величин стоимости носит чисто количественный характер, то денежный товар должен быть способен к чисто количественным различиям, т. е. должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро обладают этими качествами от природы.

Потребительная стоимость денежного товара раздваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как товару, — напр., золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для предметов роскоши и т. д., —

---

[42] *Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 135. [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 139.] «Драгоценные металлы... по природе своей деньги» (*Galiani:* «Della Moneta», в сборнике *Custodi,* Parte Moderna, т. III, стр. 137).

[43] Подробнее об этом см. в моей только что цитированной работе, отдел «Благородные металлы».

он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций.

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент, то они как особенные товары относятся к деньгам как к товару всеобщему[44].

Мы уже видели, что форма денег есть лишь застывший на данном товаре отблеск отношений к нему всех остальных товаров. Следовательно, тот факт, что деньги являются товаром[45], может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, с тем чтобы анализировать их задним числом. Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости. Смешение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой[46]. Так как деньги в известных своих функциях могут быть заменены простыми знаками денег, то отсюда возникла другая ошибка, — что деньги только знаки. С другой стороны, в этом заблуждении сквозит смутная догадка, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ними человеческих отношений. В этом смысле каждый товар представлял бы собою только знак, потому что как стоимость он представляет

---

[44] «Деньги суть универсальный товар» (*Verri:* «Meditazioni sulla Economia Politica», стр. 16).

[45] «Сами по себе золото и серебро, которым мы можем дать общее наименование денежного металла, суть... товары... стоимость которых то повышается, то падает... Стоимость денежного металла тогда может быть признана наиболее высокой, когда самого малого по весу количества его оказывается достаточным для того, чтобы выменять наибольшее количество земледельческого или промышленного продукта страны» и т. д. («A Discourse of the General Notions of Money, Trade, and Exchanges, as They stand in Relation each to other. By a Merchant». London 1695, стр. 7). «Серебро и золото, как чеканенные, так и не чеканенные, хотя и употребляются как мера для всех других вещей, все же суть товары не в меньшей степени, чем вино, табак, масло, одежда или материя» («A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc.». London 1689, стр. 2). «Капитал и богатство королевства не ограничиваются только деньгами, равным образом золото и серебро нельзя исключить из числа товаров» («The East-India Trade a most Profitable Trade». London 1677, стр. 4).

[46] «Золото и серебро имеют свою стоимость как металлы раньше, чем они делаются монетами» (*Galiani:* «Della Moneta»). Локк говорит: «Всеобщее соглашение людей придало серебру в силу тех его свойств, которые делают его пригодным для роли денег, воображаемую стоимость». Ло, напротив, говорит: «Каким образом различные нации могли бы придать одной и той же вещи воображаемую стоимость?.. и каким образом эта воображаемая стоимость могла бы удержаться?» Насколько плохо он сам понимал суть дела, показывают следующие его слова: «Серебро обменивалось по той потребительной стоимости, которую оно имело, т. е. по своей действительной стоимости; благодаря своему назначению служить в качестве денег оно получило еще добавочную стоимость (une valeur additionnelle)» (*Jean Law:* «Considérations sur le numéraire et le commerce», в изд. *E. Daire:* «Économistes Financiers du XVIII siècle», стр. 469, 470).

собою лишь вещную оболочку затраченного на него человеческого труда [47].

Но, объявляя простыми знаками те общественные свойства, которые на основе определенного способа производства приобретают вещи, или те вещные формы, которые на основе этого способа производства получают общественные определения труда, их тем самым объявляют произвольным продуктом человеческого разума. Такова была излюбленная манера просветителей XVIII века, применявшаяся ими для того, чтобы, по крайней мере временно, срывать покров таинственности с тех загадочных форм, которые имели человеческие отношения и возникновения которых еще не умели объяснить.

Как уже было отмечено раньше, эквивалентная форма товара не заключает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем только, что золото — деньги, т. е. непосредственно обмениваемо на все другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, какую стоимость представляют, напр., 10 фунтов золота. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизова-

---

[47] «Деньги суть их (товаров) знак» (*V. de Forbonnais:* «Éléments du Commerce», нов. изд., Leyde 1766, т. II, стр. 143). «Как знак они притягиваются товарами» (там же, стр. 155). «Деньги — знак и представитель вещи» (*Montesquieu:* «Esprit des Lois». Oeuvres. London 1767, т. II, стр. 3). [Ср. *Монтескье:* «О духе законов». Перев. Горнфельда под ред. Ковалевского. СПБ. 1900 г., стр. 385.] «Деньги не простой знак, потому что они сами суть богатство; они — не представители стоимостей, они сами стоимость» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», стр. 910). «Когда мы обращаем внимание на понятие ценности, тогда сама вещь рассматривается лишь как знак, и она имеет значение не сама по себе, а как то, чего она стоит» (*Hegel:* «Philosophie des Rechts», стр. 100). [Ср. *Гегель:* «Философия права». Соцэкгиз, 1934 г., § 63, стр. 87.] Гораздо раньше экономистов представление о золоте как простом знаке и лишь воображаемой стоимости благородных металлов было пущено в ход юристами, которые, выполняя лакейскую службу для королевской власти, в течение всех средних веков обосновывали право королей фальсифицировать монету традициями Римской империи и теми понятиями о деньгах, которые выражены в пандектах. «Никто не смеет и не должен сомневаться, — говорит верный ученик юристов Филипп Валуа в одном декрете 1346 г., — что только нам и нашему королевскому величеству принадлежит право... чеканки монеты, снабжения деньгами и всяких распоряжений относительно монеты, право пускать ее в обращение, и притом по такой цене, как это нам угодно и признано нами за благо». Догмой римского права было, что император декретирует стоимость денег. Было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Хорошие разъяснения по этому поводу см. *G. F. Pagnini:* «Saggio sopra il giusto pregio delle cose», 1751, у *Custodi,* Parte Moderna, т. II. В частности во второй части своей работы Паньини полемизирует с господами юристами.

лось столько же рабочего времени[48]. Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана. Если уже в последние десятилетия XVII столетия анализом денег было установлено, что деньги суть товар, то все-таки это было лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами[49].

Мы видели, как уже в самом простом выражении стоимости, x товара $A = y$ товара B, создается иллюзия, будто бы вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения товаров, обладает ею как некоторым от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как укрепляется эта иллюзия. Она оказывается завершенной, когда форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой одного определенного вида товаров, или откристаллизовывается в форму денег. При этом создается впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого содействия со своей стороны товары находят готовый образ своей стоимости в виде существующего вне их и

---

[48] «Если кто-нибудь может добыть из перуанских рудников и доставить в Лондон унцию серебра с такой же затратой времени, какая необходима ему для производства бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добыть так же легко, как теперь одну, то caeteris paribus [при прочих равных условиях] бушель хлеба будет стоить 10 шиллингов, если он раньше стоил 5 шиллингов» (*William Petty:* «A Treatise on Taxes and Contributions». London 1667, стр. 31).

[49] Господин профессор Рошер поучает нас: «Ложные определения денег могут быть разделены на две главные группы: определения, считающие деньги за нечто большее, и определения, считающие деньги за нечто меньшее, чем товар». Затем идет пестрый каталог работ о деньгах, в котором нельзя уловить и намека на понимание действительной истории теории денег. В заключение мораль: «Нельзя, впрочем, отрицать, что большинство новейших экономистов обращает недостаточное внимание на особенности, отличающие деньги от других товаров» (значит, деньги все-таки суть нечто меньшее или нечто большее, чем товар?)... «Поскольку это так, постольку полумеркантилистская реакция Ганиля и др. имеет за собой некоторые основания» (*Wilhelm Roscher:* «Die Grundlagen der Nationalökonomie», 3-е изд., 1858, стр. 207—210). «Большее — меньшее — недостаточное — постольку — некоторые»! Это называется определением понятий! И подобного рода эклектическую профессорскую болтовню г. Рошер скромно называет «анатомо-физиологическим методом» [стр. 42] политической экономии! Впрочем, наука обязана ему одним открытием, а именно, что деньги — «приятный товар» [стр. 206]

наряду с ними товарного тела. Эти вещи — золото и серебро — в том самом виде, как они выходят из недр земных, вместе с тем оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег. В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, независимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности. Это проявляется прежде всего в том, что продукты их труда вообще принимают форму товаров. Таким образом, загадка денежного фетиша есть загадка товарного фетиша вообще; в деньгах она лишь сильнее бросается в глаза и слепит взор.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДЕНЬГИ, ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ.

1. МЕРА СТОИМОСТЕЙ.

В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является только золото.

Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, т. е. для того, чтобы выразить стоимости товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей, и только в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — становится деньгами прежде всего.

Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что все товары как стоимости представляют собою овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, — именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости суть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости, — рабочего времени[50].

---

[50] Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, напр., бумажный денежный знак не представляет x рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как присущая товарам форма предполагает необходимость раздвоения их на товар и денежный товар; или — к вопросу, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как своя собственная противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм таких проектов, как «рабочие деньги» на основе товарного производства («Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 61 и сл.). [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 69 и сл.] Здесь отмечу только, что, напр., «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов.

Выражение стоимости товара в золоте: x товара $A = y$ денежного товара, есть денежная форма товара, или его цена. Теперь достаточно только одного уравнения: 1 тонна железа = 2 унциям золота, чтобы представить стоимость железа в общественно значимой форме. Этому уравнению уже нет надобности маршировать плечо к плечу в ряду стоимостных уравнений других товаров, потому что эквивалентный товар, золото, уже обладает характером денег. Поэтому всеобщая относительная форма стоимости товаров снова возвращается теперь к своему первоначальному виду — к простой, или отдельной, относительной форме стоимости. С другой стороны, развернутое относительное выражение стоимости, или бесконечный ряд относительных выражений стоимости, становится специфически относительной формой стоимости денежного товара. Но этот ряд теперь уже общественно дан в товарных ценах. Читайте справа налево отметки любого прейскуранта, и вы найдете выражение величины стоимости денег во всех возможных товарах. Но зато деньги не имеют цены. Они приняли бы участие в этой единой относительной форме стоимости всех других товаров лишь в том случае, если бы могли относиться к самим себе как к своему собственному эквиваленту.

Цена, или денежная форма товаров, как и всякая форма их стоимости, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении. Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д. существует, хотя и невидимо, в самих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, лишь предчувствуется ими. Хранителю товаров приходится поэтому одолжить им свой язык или навесить на них бумажные билетики, чтобы поведать внешнему миру их цены[51]. Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото. Каждый

[51] Дикарь и полудикарь употребляют при этом свой язык несколько иначе. Капитан Парри рассказывает о жителях западного берега Баффинова залива: «В этом случае (при обмене продуктами)... они лижут ее (вещь, предложенную им для обмена) два раза, после чего, повидимому, считают сделку формально заключенной к их удовольствию». У восточных эскимосов покупщик также всегда облизывал вещь при получении ее. Если на севере язык является, таким образом, органом присвоения, то нет ничего удивительного, что на юге живот считается органом накопления имущества; так, напр., кафр оценивает богатого человека по толщине его брюха. Как видим, кафры весьма смышленый народ: в то время как санитарный отчет английского правительства за 1864 г. жалуется на недостаток у значительной части рабочего класса жирообразующих веществ, — в том же самом году некий доктор, носящий имя Гарвей, хотя он и не открыл кровообращения, сделал свою карьеру шарлатанскими рецептами, обещавшими буржуазии и аристократии избавление от избытка жира.

товаровладелец знает, что он еще далеко не превратил своих товаров в настоящее золото, если придал их стоимости форму цены, или мысленно представляемого золота, и что ему не нужно ни крупицы реального золота для того, чтобы выразить в золоте товарные стоимости на целые миллионы. Следовательно, свою функцию меры стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные, деньги. Это обстоятельство породило самые нелепые теории денег [52]. Хотя функцию меры стоимостей выполняют лишь мысленно представляемые деньги, цена всецело зависит от реального денежного материала. Стоимость, т. е. количество человеческого труда, содержащегося, напр., в одной тонне железа, выражается в мысленно представляемом количестве денежного товара, содержащем столько же труда. Следовательно, смотря по тому, золото, серебро или медь служит мерой стоимости, стоимость тонны железа выражается в совершенно различных ценах, или в совершенно различных количествах золота, серебра или меди.

Если мерой стоимости служат одновременно два различных товара, напр. золото и серебро, то цены всех товаров получают два различных выражения: золотые цены и серебряные цены; и те и другие спокойно уживаются рядом, пока остается неизменным отношение между стоимостями золота и серебра, напр. = = 1 : 15. Но всякое изменение этого отношения стоимостей нарушает существующее отношение между золотыми и серебряными ценами товаров и таким образом доказывает фактически, что двойственность меры стоимости противоречит ее функции [53].

---

[52] См. *Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». «Theorien von der Masseinheit des Geldes», стр. 53 и сл. [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». «Теории единицы измерения денег». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 62 и сл.].

[53] *Примечание ко 2-му изд.* «Там, где на основании закона в качестве денег, т. е. меры стоимости, параллельно функционируют и золото и серебро, всегда делаются тщетные попытки рассматривать их как одно и то же вещество. В самом деле, если предполагается, что в золоте и серебре, взятых в одной и той же пропорции, всегда должно быть овеществлено одно и то же рабочее время, то тем самым предполагается, что серебро и золото — одно и то же вещество и что определенная масса менее драгоценного металла, серебра, составляет неизменную часть определенной массы золота. Начиная с царствования Эдуарда III и вплоть до времен Георга II история английских денег представляет ряд постоянных нарушений, вызываемых коллизией между установленным законом отношением стоимости золота к стоимости серебра и действительными колебаниями их стоимости. То золото ценилось слишком высоко, то серебро. Металл, который был оценен слишком низко, извлекался из обращения, переплавлялся и вывозился за границу. Затем отношение стоимостей обоих металлов снова изменялось законом, но и новая номинальная стоимость скоро вступала с действительным отношением стоимостей в такой же конфликт, как старая. — В наше время очень небольшое и кратковременное падение стоимости золота по сравнению с серебром вследствие индийско-китайского спроса на серебро вызвало во Франции то же самое явление, и притом в гро-

Товары, цены которых определены, все принимают такую форму: *a* товара $A = x$ золота; *в* товара $B = y$ золота; *c* товара $C = z$ золота и т. д., где *a, в, c* представляют определенные массы товарных видов *A, B, C*, а *x, y, z* — определенные массы золота. Товарные стоимости превратились, таким образом, в мысленно представляемые количества золота различной величины, т. е., несмотря на пестрое разнообразие своих товарных тел, превратились в величины одноименные, в величины золота. Как такие различные количества золота, они сравниваются между собой и соизмеряются друг с другом, причем возникает техническая необходимость сводить их к какому-либо фиксированному количеству золота как единице меры. Сама эта единица меры путем дальнейшего деления на кратные части развертывается в масштаб. Золото, серебро, медь еще до своего превращения в деньги обладают таким масштабом в виде весовых делений: так, если единицей меры служит, напр., фунт, то, с одной стороны, он разделяется дальше на унции и т. д., с другой стороны, путем соединения фунтов, получаются центнеры и т. д.[54]. Поэтому при металлическом обращении готовые названия весового масштаба всегда образуют и первоначальные названия денежного масштаба, или масштаба цен.

Как мера стоимостей и как масштаб цен, деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла. Как мера стоимости, они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно

мадных размерах: вывоз серебра и вытеснение его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. избыток ввоза золота во Францию над вывозом золота из Франции достигал 41 580 000 ф. ст., в то время как избыток вывоза серебра над его ввозом равнялся 14 704 000 ф. ст. В самом деле, в странах, где оба металла являются признанной законом мерой стоимости и потому оба должны приниматься при платежах, хотя каждый человек может платить по своему усмотрению золотом или серебром, — в таких странах металл, повышающийся в стоимости, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном преувеличенно высоко, между тем как этот последний один только служит мерою стоимости. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что везде, где закон предусматривает выполнение функции меры стоимости двумя товарами, фактически роль меры стоимости всегда утверждает за собой лишь один из них» (*Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 52, 53). [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 61.]

[54] *Примечание ко 2-му изд.* То странное обстоятельство, что в Англии унция золота не может быть выражена в целом числе частей единицы денежного масштаба, объясняется следующим образом: «Наш монетный двор первоначально был приспособлен лишь к употреблению серебра, поэтому унция серебра всегда может быть разделена без остатка на известное количество целых монет; а так как золото было введено лишь позднее в монетную систему, приспособленную только к серебру, то из унции золота нельзя начеканить целого числа монет» (*Maclaren:* «History of the Currency». London 1858, стр. 16).

разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен, они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определенный вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом определении одноименных величин, решающее значение имеет устойчивость соотношения мер. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей измерения. Мерой стоимостей золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда и, следовательно, стоимость потенциально переменную [55].

Очевидно прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не может помешать его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определенных количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Если бы стоимость золота упала даже в 1000 раз, 12 унций золота попрежнему обладали бы в двенадцать раз большей стоимостью, чем одна унция золота, а при определении цен дело идет лишь об отношениях различных количеств золота друг к другу. Так как, с другой стороны, при понижении или повышении стоимости золота вес одной унции его остается неизменным, то остаются неизменными и отдельные части унции; следовательно, золото как фиксированный масштаб цен всегда оказывает одни и те же услуги, как бы ни изменялась его стоимость.

Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому caeteris paribus [при прочих равных условиях] не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более высоких, то в более низких золотых ценах, чем выражались раньше.

Как при выражении стоимости данного товара в потребительной стоимости какого-либо другого товара, так и при оценке товаров золотом предполагается лишь одно: что в данное время производство определенного количества золота стоит данного количества труда. Что касается движения товарных цен, то к нему приложимы, вообще говоря, развитые выше законы простого относительного выражения стоимости.

При неизменной стоимости денег общее повышение товарных цен может произойти лишь при том условии, если повышаются

---

[55] *Примечание ко 2-му изд.* В сочинениях английских авторов царствует невообразимое смешение понятий: «мера стоимостей» (measure of value) и «масштаб цен» (standard of value). Постоянно смешиваются сами эти функции, а следовательно, и их названия.

стоимости товаров; при неизменной стоимости товаров, — если понижается стоимость денег. Наоборот. При неизменной стоимости денег все товарные цены могут понижаться лишь при том условии, если понижаются товарные стоимости; при неизменных товарных стоимостях, — если повышается стоимость денег. Отсюда отнюдь не следует, что повышение стоимости денег всегда вызывает пропорциональное понижение товарных цен, а понижение стоимости денег — пропорциональное повышение товарных цен. Это справедливо лишь по отношению к товарам, стоимость которых остается неизменной. Например, такие товары, стоимость которых повышается одновременно со стоимостью денег и в той же самой пропорции, сохраняют свои цены неизменными. Если их стоимость повышается медленнее или быстрее, чем стоимость денег, то понижение или повышение их цен определяется разницей между движением их стоимости и движением стоимости денег и т. д.

Возвратимся к рассмотрению формы цены.

По ряду различных причин денежные названия определенных по весу количеств металла мало-помалу отделяются от своих первоначальных весовых названий. Из числа этих причин исторически решающими были следующие: 1) Введение иностранных денег у народов, находящихся на сравнительно низких ступенях развития. Так, напр., в древнем Риме золотые и серебряные монеты сначала обращались как иностранные товары. Названия этих иностранных денег, конечно, отличны от названий туземных весовых единиц. 2) С развитием богатства менее благородный металл вытесняется из своей функции меры стоимости более благородным: медь вытесняется серебром, серебро — золотом, как ни противоречит этот порядок поэтической хронологии золотого и серебряного веков [56]. Фунт стерлингов был, напр., денежным названием для действительного фунта серебра. Но когда золото вытеснило серебро в качестве меры стоимости, это же самое название стало применяться к количеству золота, составляющему, быть может, $^{1}/_{15}$ фунта и т. д. в зависимости от отношения между стоимостью золота и серебра. Фунт как денежное название и как обычное весовое название данного количества золота теперь разделились [57]. 3) В течение целого ряда веков владетельные князья занимались непрерывной фальсификацией монеты, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались одни только названия [58].

---

[56] Впрочем, и эта хронология встречается не у всех народов.

[57] *Примечание ко 2-му изд.* Так, напр., английский фунт представляет в настоящее время менее одной трети своего первоначального веса, шотландский фунт незадолго до объединения — только $^{1}/_{36}$, французский ливр — $^{1}/_{74}$, испанский мараведи — менее $^{1}/_{1000}$, португальский рей — еще более мелкую дробь.

[58] *Примечание ко 2-му изд.* «Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации, и все они были некогда реальны, и так как они были реальны, то служили счетными деньгами» (*Galiani:* «Della Moneta», стр. 153).

Благодаря этим историческим процессам отделение денежного названия весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Так как денежный масштаб, с одной стороны, совершенно условен, а, с другой стороны, должен пользоваться всеобщим признанием, то он, в конце концов, регулируется законом. Определенное весовое количество благородного металла, напр. унция золота, официально разделяется на определенные части, которые нарекаются при этом своем легальном крещении определенными именами, напр. фунт, талер и т. д. Теперь единицу денежной меры в собственном смысле этого слова составляет уже каждая такая часть, подразделяемая, в свою очередь, на новые части, получающие из уст закона свои имена: шиллинг, пенни и т. д.[59]. Во всяком случае определенные весовые количества металла попрежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ разделения на части и наименования последних.

Итак, цены, или количества золота, в которые идеально превращаются стоимости товаров, выражаются теперь в денежных названиях, или законодательно признанных счетных названиях золотого масштаба. Вместо того, чтобы сказать, что один квартер пшеницы равен одной унции золота, англичанин скажет, что он равен 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. Таким образом, в денежных названиях товары показывают, чего они стоят, и деньги служат счетными деньгами каждый раз, когда требуется фиксировать какую-либо вещь как стоимость, т. е. в денежной форме[60].

Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях фунт, талер, франк, дукат и т. д. изглаживается всякий след отношения стоимостей. Путаница относительно сокровенного смысла этих кабалистических знаков тем значительнее, что денежные названия выражают одновременно и стоимость товаров и определенную часть данного веса металла, денежного масштаба[61].

---

[59] *Примечание ко 2-му изд.* Г-н Давид Уркарт в своем «Familiar Words» называет чудовищным (!) тот факт, что в настоящее время фунт (фунт стерлингов), единица английского масштаба денег, равняется приблизительно $^1/_4$ унции золота: «Это — фальсификация меры, — говорит он, — а не установление ее масштаба». В этом «ложном наименовании» веса золота он, как и везде, усматривает фальсифицирующую руку цивилизации.

[60] *Примечание ко 2-му изд.* «Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляют деньги, он ответил: для счета» (*Athenaeus:* «Deipnosophistarum [libri quindecim]», кн. IV, 49-й том, 2-е изд. Schweighäuser, 1802 [стр. 120]).

[61] *Примечание ко 2-му изд.* «Так как деньги, как масштаб цен, выступают под теми же самыми счетными названиями, как и цены товаров, так что, напр., унция золота совершенно так же, как и стоимость тонны железа, выражается в 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п., то эти счетные названия принимают за цену самих монет. Отсюда возникло изумительное представление, что золото (или серебро) выражает свою стоимость в своем собственном материале и, в отли-

С другой стороны, необходимо, чтобы стоимость, в отличие от пестрых в своем разнообразии тел товарного мира, развилась в эту иррационально вещную и в то же время чисто общественную форму [62].

Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда. Следовательно, эквивалентность товара и того количества денег, название которого есть его цена, представляет собою простую тавтологию, да и вообще относительное выражение стоимости товара есть в то же время выражение эквивалентности двух товаров [63]. Но если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, то отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости. Пусть общественно необходимый труд равной величины выражается в 1 квартере пшеницы и в 2 ф. ст. (около $^1/_2$ унции золота). 2 ф. ст. суть денежное выражение величины стоимости квартера пшеницы, или его цена. Но если обстоятельства позволяют назначить цену этого квартера в 3 ф. ст. или вынуждают назначить ему цену в 1 ф. ст., то, очевидно, 1 ф. ст. слишком малое, а 3 ф. ст. слишком большое выражение величины стоимости пшеницы, — тем не менее в данном случае и 1 ф. ст. и 3 ф. ст. суть цены пшеницы, потому что, во-первых, они являются ее формой стоимости, деньгами, и, во-вто-

---

чие от всех других товаров, получает фиксированную цену от государства. Фиксирование счетных названий определенных весовых количеств золота принимают за фиксирование стоимости этих количеств» (*Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 52). [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 60.]

[62] Ср. «Теории единицы измерения денег» в «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 53 и сл. [«К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 62 и сл.]. Фантазии относительно повышения или понижения «цены монеты» все сводятся к тому, чтобы актом государственной власти перенести установленные законом денежные наименования с установленных законом весовых количеств золота или серебра на более крупные или более мелкие весовые части, так, чтобы, напр., чеканить на будущее время из $^1/_4$ унции золота 40 шиллингов вместо 20. Все такие фантазии, поскольку они не являются просто грубыми финансовыми махинациями, направленными против частных и государственных кредиторов, а задаются целью отыскать экономическое «всеисцеляющее лекарство», прекрасно охарактеризованы уже Петти в его «Quantulumcumque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax», 1682. Анализ Петти настолько исчерпывает вопрос, что даже его непосредственные преемники, сэр Дэдли Норс и Джон Локк, не говоря уже о позднейших, могли только вульгаризировать его мысли. «Если бы богатство народа, — говорит он между прочим, — могло быть удесятерено королевским распоряжением, то было бы удивительно, каким образом такие декреты давным-давно уже не изданы нашими правительствами» (в только что цитированной работе, стр. 36).

[63] «Или придется признать, что миллион в деньгах стоит больше, чем равная стоимость в товарах» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», стр. 919), следовательно, что «данная стоимость стоит больше, чем равная ей стоимость».

рых, показателями ее менового отношения к деньгам. При неизменных условиях производства или неизменной производительной силе труда на воспроизводство одного квартера пшеницы должно быть затрачено прежнее количество общественного рабочего времени. Это обстоятельство не зависит от воли ни производителей пшеницы, ни других товаровладельцев. Величина стоимости товара выражает, таким образом, необходимое, имманентное самому процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени. С превращением величины стоимости в цену это необходимое отношение проявляется как меновое отношение данного товара к находящемуся вне его денежному товару. Но в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях. Следовательно, возможность количественного несовпадения между ценою и величиною стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И это не является недостатком этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее адэкватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел.

Но форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения между величиною стоимости и ценой, т. е. между величиной стоимости и ее собственным денежным выражением, — она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют собою лишь форму стоимости товаров. Вещи, которые сами по себе не являются товарами, напр. совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены, — напр., цена некультивированной земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд, — может скрывать в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него.

Цена, как и относительная форма стоимости вообще, выражает стоимость товара, напр. тонны железа, таким образом, что определенное количество эквивалента, напр. одна унция золота, всегда может быть непосредственно обменена на железо, откуда, однако, отнюдь не следует обратное: что железо, в свою очередь, может быть непосредственно обменено на золото. Итак, чтобы на деле выступить в качестве меновой стоимости, товар должен совлечь с себя свою натуральную плоть, превратиться из мысленно

представляемого золота в золото действительное, хотя бы это пресуществление оказалось для него горше, чем для гегелевского «понятия» переход от необходимости к свободе, чем для омара сбрасывание своей скорлупы или для св. Иеронима совлечение с себя ветхого Адама[64]. Наряду со своим реальным образом, напр., железа, товар может обладать в цене идеальным образом стоимости, или мысленно представляемым образом золота, но он не может быть одновременно действительным железом и действительным золотом. Для того чтобы дать ему цену, достаточно приравнять к нему мысленно представляемое золото. Но он должен быть замещен действительным золотом, чтобы сыграть для своего владельца роль всеобщего эквивалента. Если бы, напр., владелец железа столкнулся с владельцем какого-либо веселого товара и указал последнему, что цена железа есть уже денежная форма, то встретившийся ему весельчак, конечно, ответил бы то же самое, что сказал на небесах св. Петр Данте, прочитавшему перед ним символ веры:

«Assai bene è trascorsa
D'esta moneta già la lega e'l peso,
Ma dimmi se tu l'hai nella tua borsa».

[«Вес и состав этой монеты хорошо известны, но скажи, есть ли она у тебя в кошельке».]

Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны, золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается, таким образом, звонкая монета.

2. СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ.

a) Метаморфоза товаров.

Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, напр., в том,

[64] Если в юности Иерониму большого труда стоило смирять свою материальную плоть, как показывает его борьба в пустыне с прекрасными женскими образами, то в зрелом возрасте столь же трудно было ему сладить со своей духовной плотью. «Я предстал мысленно, — рассказывает он, например, — пред судией мира». «Кто ты?» — спросил голос. «Я христианин». «Лжешь, — загремел судия мира, — ты только цицеронианец».

что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается.

Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ. Продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда. Товар, достигнув пункта, где он служит в качестве потребительной стоимости, выпадает из сферы товарного обмена и переходит в сферу потребления. Нас интересует здесь лишь первая сфера. Поэтому мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно лишь смену форм, или метаморфозу, товаров, опосредствующую общественный обмен веществ.

Совершенно неудовлетворительное понимание этой смены форм обусловливается, если даже не считать неясности в самом понимании стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду как раз то, что̀ следовало бы видеть прежде всего, а именно то, что̀ происходит с формой товара. Упускают из виду, что золото, рассматриваемое только как товар, еще не есть деньги и что другие товары при помощи своих цен сами относят себя к золоту как своему собственному денежному образу.

Товары вступают в процесс обмена непозолоченными, неподсахаренными, в чем мать родила. Процесс обмена порождает раздвоение товара на товар и деньги — внешняя противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости. Однако вместе с тем та и другая сторона этой противоположности есть товар, т. е. единство потребительной стоимости и стоимости. Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение. Товар реально есть потребительная стоимость: его стоимостное бытие лишь идеально проявляется в цене, выражающей его отношение к золоту, которое противостоит ему как реальный образ его стоимости. Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость пока лишь идеально обнаруживается в ряде относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих реальных потребительных форм.

Эти противоположные формы товаров представляют собою действительные формы их движения в процессе обмена.

Последуем теперь за каким-либо товаровладельцем, хотя бы за нашим старым знакомым, ткачом холста, на арену менового процесса, на товарный рынок. Цена его товара 20 аршин холста есть величина определенная. Эта цена равняется 2 ф. ст. Он обменивает холст на 2 ф. ст. и, как человек старого закала, снова обменивает эти 2 ф. ст. на семейную библию той же цены. Холст есть для него только товар, только носитель стоимости; холст отчуждается в обмен на золото, воплощение его стоимости, и в этом виде снова превращается в другой товар, в библию, которая, однако, направится в дом ткача уже в качестве предмета потребления и будет удовлетворять там потребность в душеспасительном чтении. Процесс обмена товара осуществляется, таким образом, в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфоз — превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар[65]. Моменты товарной метаморфозы представляют собою в то же время сделки товаровладельца — продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство обоих этих актов: продажу ради купли.

Если ткач обратит свое внимание лишь на конечный результат торговой сделки, то окажется, что он обладает вместо холста библией, вместо своего первоначального товара другим товаром той же самой стоимости, но иной полезности. Аналогичным путем присваивает он себе и все другие необходимые ему жизненные средства и средства производства. С его точки зрения весь процесс лишь опосредствует обмен продукта его труда на продукт чужого труда, опосредствует обмен продуктов.

Итак, процесс обмена товара совершается в виде следующей смены форм:

Товар — Деньги — Товар.
Т — *Д* — *Т*.

Со стороны своего вещественного содержания это движение представляет собою *Т* — *Т*, обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, обмен веществ, в конечном результате которого погашается и самый процесс.

Т — *Д*. Первая метаморфоза товара, или продажа. Переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег есть, как я это назвал в другом месте, salto mortale товара. Если оно

---

[65] «Ἐκ δὲ τοῦ... πυρὸς ἀνταμείβεσθαι πάντα, φησὶν ὁ Ἡράκλειτος, καὶ πῦρ ἁπάντων, ὥσπερ χρυσοῦ χρήματα καὶ χρημάτων χρυσός». [«Из огня возникает все и огонь из всего, подобно тому как из золота — товары и из товаров — золото»] (*F. Lassalle:* «Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln». Berlin 1858, т. I, стр. 222). Примечание Лассаля к этому месту, стр. 224, прим. 3, неправильно рассматривает деньги как простой знак стоимости.

не удается, то оказывается обманутым в своих надеждах если не сам товар, то его владелец. Общественное разделение труда делает труд последнего столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт представляет для него лишь меновую стоимость. Всеобщую, общественно значимую эквивалентную форму он получает лишь в деньгах, но деньги находятся в чужом кармане. Для того чтобы извлечь их оттуда, товар должен прежде всего представлять собою потребительную стоимость для владельца денег, т. е. затраченный на него труд должен быть затрачен в общественно полезной форме, или должен быть действительным звеном общественного разделения труда. Но разделение труда есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткутся далее за спиною товаропроизводителей. Товар может быть продуктом нового вида труда, предназначенного удовлетворить вновь возникшую потребность или даже впервые за собственный страх пробудить ее. Известная трудовая операция, бывшая еще вчера одною из многих функций одного и того же товаропроизводителя, сегодня, быть может, порывает эту связь, обособляется как нечто самостоятельное и именно поэтому посылает на рынок свой частичный продукт как самостоятельный товар. Общественные условия могут быть достаточно и недостаточно зрелыми для этого процесса обособления. Сегодня данный продукт удовлетворяет известной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен с своего места другим подобным ему продуктом. И если даже труд данного производителя товаров, напр. нашего ткача, есть патентованное звено общественного разделения труда, то это отнюдь еще не гарантирует, что как раз его 20 арш. холста будут иметь потребительную стоимость. Если общественная потребность в холсте, которая, как и все прочее, имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт нашего приятеля окажется избыточным, излишним, а следовательно, и бесполезным. Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но наш ткач явился на рынок вовсе не для того, чтобы делать подарки. Допустим, однако, что продукт его фактически имеет потребительную стоимость и, следовательно, деньги притягиваются данным товаром. Спрашивается, сколько же именно денег? Правда, ответ уже предвосхищен в цене товара, в показателе величины его стоимости. Мы оставляем здесь в стороне чисто субъективные ошибки в расчетах товаровладельца, которые тотчас же объективно исправляются рынком. Пусть производитель затратил на свой продукт лишь среднее общественно необходимое рабочее время. Следовательно, цена товара есть лишь денежное название овеществленного в нем количества общественного труда. Но без разрешения нашего ткача и за его спиной пришли в процесс брожения традиционные производственные условия ткачества холста.

То, что вчера несомненно представляло рабочее время, общественно необходимое для производства аршина холста, сегодня перестало им быть, и владелец денег энергично демонстрирует нашему приятелю это обстоятельство, указывая ему на цены, назначенные различными его конкурентами. К его несчастью, на свете много ткачей. Допустим, наконец, что каждый имеющийся на рынке кусок холста заключает в себе лишь общественно необходимое рабочее время. Тем не менее общая сумма этих кусков может заключать в себе избыточно затраченное рабочее время Если чрево рынка не в состоянии поглотить всего количества холста по нормальной цене 2 шилл. за аршин, то это доказывает, что слишком большая часть всего рабочего времени общества затрачена в форме тканья холста. Результат получается тот же, как и в том случае, если бы каждый отдельный ткач затратил на свой индивидуальный продукт более, чем общественно необходимое рабочее время. Здесь имеет силу поговорка: «Вместе пойман, вместе и повешен». Весь холст на рынке функционирует как один товар, каждый кусок его — только как соответственная часть этого одного товара. И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация одного и того же общественно определенного количества однородного человеческого труда *.

Как мы видим, товар любит деньги, но «the course of true love never does run smooth» [«истинная любовь никогда не протекает гладко»]. Такою же стихийною случайностью, какой отличается качественная структура общественно-производственного организма, отличается и его количественная структура, являющая свои membra disjecta [разрозненные члены] в системе разделения труда. Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями, делает в то же время независимым от них самих процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости.

Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случая, удастся ли это пресуществление. Но здесь мы должны рассмотреть явление в его чистом виде, следовательно должны предположить его нормальное течение. Впро-

---

* В письме к Н. Ф. Даниэльсону (Николаю —ону) от 28 ноября 1878 г. Маркс предложил исправить эту фразу следующим образом: «И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVII, стр. 18). Аналогичная поправка сделана в экземпляре 2-го немецкого издания I тома «Капитала», принадлежавшем Марксу, — правда, не его, Маркса, рукой. *Ред.*

чем, если этот процесс вообще совершается, т. е. если товар оказывается проданным, то всегда имеет место превращение формы, хотя в случаях ненормальных при этом превращении формы может быть урезана или повышена величина стоимости — претерпевающая превращение субстанция.

Для одного товаровладельца золото замещает его товар, для другого — товар замещает его золото. Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 арш. холста и 2 ф. ст., перемещаются из рук в руки или с места на место, т. е. обмениваются друг на друга. Но на что обменивается товар? На всеобщее воплощение своей собственной стоимости. А золото? На особенный вид своей потребительной стоимости. Почему золото противостоит холсту в качестве денег? Потому что цена холста, 2 ф. ст., т. е. его денежное название, уже выражает его отношение к золоту как к деньгам. Первоначальная товарная форма сбрасывается путем отчуждения товара, следовательно — в тот момент, когда потребительная стоимость товара действительно притягивает к себе золото, лишь мысленно представленное в цене товара. Поэтому реализация цены, или только идеальной формы стоимости товара, есть, с другой стороны, реализация только идеальной потребительной стоимости денег, — превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар. Этот единый процесс является, таким образом, двусторонним: один его полюс — со стороны товаровладельца — продажа, противоположный полюс — со стороны владельца денег — покупка. «Продажа есть купля», *Т — Д* есть в то же время *Д — Т*[66].

До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми — отношение товаровладельцев, в котором товаровладельцы присваивают чужой продукт труда только путем отчуждения своего собственного. Следовательно, один товаровладелец может противостоять другому в качестве владельца денег лишь потому, что либо продукт его труда от природы обладает денежной формой, т. е. является денежным материалом, золотом и т. д., либо его собственный товар уже переменил кожу, сбросил с себя свою первоначальную потребительную форму. Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в каком-нибудь пункте на товарный рынок. Этот пункт находится у источника его производства, — там, где оно как непосредственный продукт труда обменивается на другой продукт труда той же стоимости. Но, начиная с этого момента, оно непрерывно выражает

---

[66] «Всякая продажа есть в то же время купля» (*Dr. Quesnay:* «Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans». «Physiocrates», изд. Daire, I часть, Paris 1846, стр. 170), или, как говорит Кенэ в своих «Maximes», «продавать — значит покупать». [См. «Maximes du docteur Quesnay», publiées par Dupont de Nemours, «Physiocrates», изд. E. Daire, I часть, Paris 1846, стр. 392.]

в себе реализованные цены товаров [67]. Если оставить в стороне обмен золота на товар у источника производства золота, то в руках каждого товаровладельца золото есть отделившийся образ его отчужденного товара, продукт продажи, или первой метаморфозы товара *Т — Д* [68]. Идеальными деньгами, или мерою стоимости, золото становится потому, что все товары измеряли в нем свои стоимости и таким образом делали его мысленно представляемой противоположностью их потребительной формы, образом их стоимости. Реальными деньгами оно становится потому, что товары в процессе своего всестороннего отчуждения делают его действительно отделившейся от них и превращенной формой их потребительной стоимости, а следовательно, действительным образом их стоимости. Как образ стоимости, товар стирает с себя всякий след своей естественно выросшей потребительной стоимости, всякий след создавшего его качественно особенного полезного труда, и превращается в однородную общественную материализацию лишенного различий человеческого труда. В деньгах нельзя разглядеть, какого сорта товар превратился в них. В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой. Деньги могут представлять собой навоз, хотя навоз отнюдь не деньги. Допустим, что те два золотых, за которые наш ткач отдал свой товар, представляют превращенную форму квартера пшеницы. Продажа холста, *Т — Д*, есть в то же время купля его, *Д — Т*. Но в качестве продажи холста этот процесс открывает собою движение, заканчивающееся противоположностью этого акта, куплей библии; в качестве же купли холста тот же процесс заканчивает движение, начавшееся с противоположности этого акта — с продажи пшеницы. *Т — Д* (холст — деньги), первая фаза процесса *Т — Д — Т* (холст — деньги — библия), есть в то же время *Д — Т* (деньги — холст), т. е. последняя фаза другого процесса *Т — Д — Т* (пшеница — деньги — холст). Первая метаморфоза товара, его превращение из товарной формы в деньги, всегда является в то же время второй противоположной метаморфозой какого-либо другого товара, обратным превращением последнего из денежной формы в товар [69].

Д — Т. Вторая, или заключительная, метаморфоза товара — купля. Так как деньги есть образ всех других товаров, отделившийся от них, или продукт их всеобщего отчуждения, то они представляют собой абсолютно отчуждаемый товар. Они читают все

---

[67] «За цену одного товара можно заплатить только ценой другого товара» (*Mercier de la Rivière:* «L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques», «Physiocrates», изд. Daire, II часть, стр. 554).

[68] «Чтобы иметь деньги, сначала надо продать» (там же, стр. 543).

[69] Исключение составляет, как уже было упомянуто выше, производитель золота или серебра, который обменивает свой продукт без предварительной продажи его.

цены в обратном направлении и отражаются таким образом во всех товарных телах как в покорном материале для своего собственного превращения в товар. Вместе с тем цены, эти влюбленные взоры, бросаемые товарами на деньги, указывают последним границу их способности к перевоплощению, а именно их собственное количество. Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает как таковой, то на деньгах не остается следов того, как именно они попали в руки владельца и что̀ именно в них превратилось. «Non olet» — «деньги не пахнут», каково бы ни было их происхождение. Если, с одной стороны, деньги представляют проданный товар, то, с другой стороны, они представляют товары, которые можно купить[70].

Д — Т, т. е. купля, есть в то же время продажа, или *Т — Д*; следовательно последняя метаморфоза данного товара есть в то же время первая метаморфоза какого-либо другого товара. Для нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается библией, в которую он превратил полученные им 2 ф. ст. Но продавец библии превращает полученные от ткача 2 ф. ст. в водку. *Д — Т*, заключительная фаза процесса *Т — Д — Т* (холст — деньги — библия), есть в то же время *Т — Д*, первая фаза *Т — Д — Т* (библия — деньги — водка). Так как производитель товара доставляет на рынок лишь односторонний продукт, он продает его обыкновенно значительными массами; между тем его разносторонние потребности заставляют его постоянно раздроблять реализованную цену, или вырученную денежную сумму, между многочисленными покупками. Одна продажа приводит, таким образом, к многим актам купли различных товаров. Итак, заключительная метаморфоза одного товара образует сумму первых метаморфоз других товаров.

Если мы возьмем теперь метаморфозу какого-либо товара, напр. холста, в целом, то мы увидим прежде всего, что метаморфоза эта состоит из двух противоположных и дополняющих друг друга движений: *Т — Д* и *Д — Т*. Эти два противоположные превращения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических ролях этого последнего. Как агент продажи, он — продавец, как агент купли — покупатель. Но так как в каждом своем превращении товар существует одновременно в обеих своих формах — товарной и денежной, — которые лишь располагаются на противоположных полюсах, то одному и тому же товаровладельцу, поскольку он является продавцом,

---

[70] «Деньги в наших руках представляют вещи, которые мы можем пожелать купить, и в то же время вещи, которые мы продали за эти деньги» (*Mercier de la Rivière:* «L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 586).

противостоит другой в качестве покупателя, а поскольку он является покупателем, противостоит другой в качестве продавца. Подобно тому как один и тот же товар последовательно совершает два противоположных превращения — из товара в деньги и из денег в товар, — точно так же один и тот же товаровладелец меняет роль продавца на роль покупателя. Следовательно, купля и продажа представляют собою не прочно фиксированные роли, а роли, постоянно переходящие в процессе товарного обращения от одного лица к другому.

Полная метаморфоза товаров, в своей простейшей форме, предполагает четыре крайних точки и три personae dramatis [действующих лица]. Сначала товар противостоит деньгам как образу своей стоимости, который «по ту сторону», в чужом кармане, обладает своей вещно-осязательной реальностью. Следовательно, товаровладельцу противостоит владелец денег. Как только товар превратился в деньги, последние становятся его мимолетной эквивалентной формой, потребительная стоимость или содержание которой существует «по сю сторону», в других товарных телах. Деньги, конечный пункт первого превращения товара, представляют собою в то же время исходный пункт второго превращения. Следовательно, продавец в первом акте процесса является покупателем во втором акте, где ему противостоит третий товаровладелец как продавец[71].

Обе противоположно направленные фазы движения товарной метаморфозы образуют кругооборот: товарная форма, сбрасывание товарной формы, возвращение к товарной форме. Во всяком случае сам товар определяется здесь противоположным образом. У исходного пункта он не является потребительной стоимостью, у конечного пункта он — потребительная стоимость для своего владельца. Точно так же деньги сначала выступают как твердый кристалл стоимости, в который превращается товар, а затем расплываются в мимолетную эквивалентную форму товара.

Две метаморфозы, образующие полный кругооборот одного товара, представляют собою в то же время противоположные частичные метаморфозы двух других товаров. Один и тот же товар (холст) открывает ряд своих собственных метаморфоз и в то же самое время завершает полную метаморфозу другого товара (пшеницы). Во время своего первого превращения, в акте продажи, он выступает в обеих этих ролях своею собственной особой. А превратившись в золотую куколку, в виде которой он сам проходит путь всякого товарного тела, он вместе с тем завершает первую метаморфозу некоторого третьего товара. Таким образом, кругооборот,

[71] «Итак, здесь имеется... четыре крайних точки и три контрагента, из которых один выступает два раза» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 909).

описываемый рядом метаморфоз каждого товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет собою обращение товаров.

Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, присмотримся к только что описанному процессу. Ткач несомненно обменял холст на библию, собственный товар — на чужой. Но это явление существует как таковое только для него самого. Продавец библии, предпочитающий горячительный напиток холодной святости, вовсе не думал о том, что на его библию обменивается холст; равным образом ткач совершенно не подозревает, что на его холст обменена пшеница и т. д. Товар лица *B* замещает товар лица *A*, но *A* и *B* не обмениваются взаимно своими товарами. Фактически может случиться, что *A* и *B* покупают взаимно друг у друга, но такое случайное совпадение отнюдь не вытекает из общих условий обращения товаров. С одной стороны, мы видим здесь, как обмен товаров разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен веществ человеческого труда вообще. С другой стороны, здесь развивается сложная совокупность общественных связей, которые находятся вне контроля действующих лиц и носят характер отношений, данных от природы. Ткач может продать холст лишь потому, что крестьянин уже продал пшеницу; любитель водки может продать библию лишь потому, что ткач продал холст; винокур может продать свой живительный напиток лишь потому, что другой продал напиток живота вечного и т. д.

Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда метаморфоз данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром. Например, в общей метаморфозе холста: холст, деньги, библия, сначала холст выпадает из обращения, деньги заступают его место, затем библия выпадает из обращения, и деньги опять-таки заступают ее место. Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипает денежный товар [72]. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот.

Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между покупками и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля, и vice versa [наоборот]. Если этим хотят сказать, что число

---

[72] *Примечание ко 2-му изд.* Как ни бросается в глаза это явление, его в большинстве случаев не в состоянии заметить экономисты, особенно фритредер vulgaris.

действительно совершившихся продаж равно числу покупок, то это — бессодержательная тавтология. Однако догмат этот имеет в виду нечто большее: им хотят доказать, будто продавец приводит за собой на рынок своего покупателя. Купля и продажа представляют собою один и тот же акт как взаимоотношение двух полярно противоположных лиц — владельца денег и товаровладельца. Но, как действия одного и того же лица, они представляют два полярных акта. Таким образом, тождество продажи и купли предполагает, что товар становится бесполезным, когда он, будучи брошен в алхимическую реторту обращения, не выходит из нее в виде денег, не продается товаровладельцем, а следовательно, не покупается владельцем денег. Это тождество предполагает далее, что процесс обмена, если он удается, есть некоторая пауза, известный период в жизни товара, который может быть более или менее продолжительным. Так как первая метаморфоза товара есть одновременно продажа и купля, то этот частичный процесс составляет в то же время самостоятельный процесс. У покупателя есть товар, у продавца есть деньги, т. е. товар, сохраняющий форму, способную к обращению независимо от того, рано или поздно он фактически снова выступит на рынке. Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам он нечто продал. Обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением взамен него чужого расчленяется на два противоположных акта — продажи и купли. Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса. Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц — это имманентное противоречие получает в противоположностях товарной метаморфозы развитые формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность — однако только возможность — кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, кото-

рые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют [73].

Как посредник в процессе обращения товаров, деньги приобретают функцию средства обращения.

b) Обращение денег.

Смена форм, в которой совершается вещественный обмен продуктами труда, *Т — Д — Т,* предполагает, что одна и та же стоимость, образуя в качестве товара исходный пункт процесса, снова возвращается к этому пункту в виде товара. Таким образом, это движение товаров представляет собой кругооборот. С другой стороны, эта же самая форма исключает кругооборот денег. Результатом ее является непрерывное удаление денег от их исходного пункта, а не возвращение к последнему. До тех пор, пока товар в руках продавца сохраняется в своем превращенном виде, в виде денег, товар этот находится в стадии своей первой метаморфозы, т. е. он осуществил лишь первую половину своего обращения. Когда процесс — продажа ради купли — закончен, то деньги в свою очередь удалились из рук своего первоначального владельца. Правда, если ткач, купив библию, снова продаст холст, то и деньги опять вернутся в его руки. Но они вернутся не вследствие обращения первых 20 арш. холста, которое, напротив, удалило их из рук ткача в руки продавца библии. Деньги могут вернуться лишь благодаря тому, что новый товар возобновляет или повторяет все тот же процесс обращения, который заканчивается тем же результатом, как и первый. Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение (currency, cours de la monnaie).

---

[73] Ср. мои замечания о Джемсе Милле: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 74—76 [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 81—83]. Два пункта характерны здесь для метода экономической апологетики. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различий. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому процессу производства; последнее достигается тем, что все отношения между капиталистическими агентами производства сводятся к простым отношениям, вытекающим из товарного обращения. Между тем производство товаров и обращение товаров представляют явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о differentia specifica [характерных особенностях] данных способов производства, не можем составить себе о них никакого понятия, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения. Ни в одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места. Например, Жан Батист Сэй берется судить о кризисах, зная только одно, — что товар есть продукт.

Обращение денег есть постоянное монотонное повторение одного и того же процесса. Товар всегда находится на стороне продавца, деньги — всегда на стороне покупателя как покупательное средство. Они функционируют как покупательное средство, реализуя цену товара. Но, реализуя эту последнюю, деньги переносят товар из рук продавца в руки покупателя и в то же время удаляются сами из рук покупателя в руки продавца с тем, чтобы повторить тот же самый процесс с каким-либо другим товаром. Тот факт, что эта односторонняя форма движения денег возникает из двусторонней формы движения товара, остается замаскированным. Сама природа товарного обращения порождает как раз противоположную видимость. Первая метаморфоза товара уже по своему внешнему виду есть не только движение денег, но и собственное движение самого товара; наоборот, вторая метаморфоза товара представляется только как движение денег. В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем товар как потребительная стоимость выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления[74]. Его место заступает воплощение стоимости товара, или его денежная маска. Вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении. Таким образом, непрерывность движения свойственна только деньгам: то самое движение, которое для товара распадается на два противоположных процесса, это самое движение, как собственное движение денег, всегда представляет собою один и тот же процесс, в котором деньги меняются местами все с новыми и новыми товарами. Поэтому дело принимает такой вид, будто результат товарного обращения, замещение одного товара другим товаром, порождается не превращением его собственных форм, а функцией денег как средства обращения; будто именно средства обращения приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, переносят их из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они имеют потребительную стоимость, и притом всегда в направлении, противоположном собственному движению денег. Деньги постоянно удаляют товары из сферы обращения, становясь на их место в обращении и тем самым удаляясь от своего собственного исходного пункта. Поэтому, хотя в движении денег лишь выражается обращение товаров, с внешней стороны обращение товаров кажется, наоборот, лишь результатом движения денег[75].

---

[74] Даже в том случае, если товар все снова и снова продается, — явление, которое для нас пока еще не существует, — то все же с момента своей окончательной продажи он переходит из сферы обращения в сферу потребления, чтобы послужить здесь жизненным средством или средством производства.

[75] «Они (деньги) не имеют другого движения, кроме того, которое сообщено им продуктами» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 885).

С другой стороны, деньгам присуща функция средства обращения лишь потому, что они представляют собой отделившуюся от товаров и ставшую самостоятельной их стоимость. Их движение как средства обращения есть поэтому в действительности лишь движение собственной формы товара. Следовательно, оно должно отражаться в обращении денег и видимым образом. Так, напр., холст сначала превращает свою товарную форму в свою денежную форму. Второй полюс его первой метаморфозы *Т — Д*, т. е. форма денег, становится затем первым полюсом его последней метаморфозы *Д — Т*, его обратного превращения в библию. Но каждое из обоих этих превращений формы совершается путем обмена товара и денег, путем их взаимного перемещения. Одни и те же деньги [Geldstücke] притекают к продавцу как отчужденный образ товара и покидают его как абсолютно отчуждаемый образ товара. Они два раза меняются местами. Первая метаморфоза холста приносит эти деньги [Geldstücke] в карман ткача, вторая — снова извлекает их оттуда. Таким образом, оба противоположные изменения формы данного товара отражаются в двукратном перемещении денег, совершающемся в обратном направлении.

Напротив, если имеют место только односторонние товарные метаморфозы — простые акты купли или продажи, все равно, — то одни и те же деньги лишь один раз меняют свое место. Их второе перемещение всегда выражает собою вторую метаморфозу товара, его обратное превращение из денег. В частом повторении перемещений одних и тех же денег [Geldstücke] отражается не только ряд метаморфоз отдельного товара, но переплетение между бесчисленными метаморфозами всего товарного мира в целом. Впрочем, само собою понятно, что все это относится лишь к рассматриваемой здесь форме простого товарного обращения.

Каждый товар при первом своем шаге в процессе обращения, при первой же смене своей формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место постоянно вступает новый товар. Наоборот, деньги как средство обращения постоянно пребывают в сфере обращения, постоянно рыщут в ней. Отсюда возникает вопрос, сколько денег может непрерывно поглощать эта сфера.

В каждой стране ежедневно совершаются многочисленные, одновременные и, следовательно, пространственно сосуществующие односторонние метаморфозы товаров, или, другими словами, только продажи с одной стороны, только покупки — с другой. В своих ценах товары уже приравнены определенным, мысленно представляемым количествам денег. Так как рассмотренная здесь непосредственная форма обращения всегда вещественно противопоставляет друг другу товар и деньги — первый на полюсе продажи, вторые на противоположном полюсе купли, — то масса средств обращения, необходимых для процесса обращения товаров, уже определена суммою цен последних. В самом деле, деньги

лишь представляют собою реально ту сумму золота, которая идеально уже выражена в сумме цен товаров. Следовательно, равенство этих сумм очевидно само собою. Мы знаем, однако, что при неизменной стоимости товаров цены их изменяются с изменением стоимости самого золота (денежного материала): пропорционально повышаются, если последняя падает, и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег. Во всяком случае причиною изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Сначала цена товаров изменяется в обратном отношении к изменению стоимости денег, и затем масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров. Совершенно то же явление имело бы место, если бы, напр., не стоимость золота понизилась, а серебро заместило бы его в качестве меры стоимости, или, наоборот, если бы не стоимость серебра повысилась, а золото вытеснило бы серебро из функции меры стоимости. В первом случае должно было бы обращаться серебра больше, чем раньше обращалось золота, во втором — меньше золота, чем раньше обращалось серебра. В обоих случаях изменилась бы стоимость денежного материала, т. е. товара, функционирующего как мера стоимостей, а потому изменилось бы также выражение товарных стоимостей в ценах, а следовательно, — масса обращающихся денег, которые служат для реализации этих цен. Мы уже видели, что сфера обращения товаров имеет прореху, через которую туда проникает золото (серебро и вообще денежный материал) в качестве товара данной стоимости. Наличие этой стоимости предполагается уже при функционировании денег в качестве меры стоимости, т. е. при определении цен. Например, если понижается стоимость самой меры стоимости, то это прежде всего проявляется в изменении цены тех товаров, которые обмениваются на благородный металл как на товар непосредственно у источника производства последнего. Однако значительная часть других товаров, в особенности на низших ступенях развития буржуазного общества, долгое время продолжает оцениваться в прежней, теперь уже устаревшей, сделавшейся иллюзорною мере стоимости. Но по мере того как товары вступают в стоимостные отношения друг с другом, один товар заражает другой, и золотые или серебряные цены товаров мало-помалу выравниваются в соответствии с пропорциями, которые определяются самими стоимостями товаров, пока, наконец, все товарные стоимости не будут оцениваться соответственно новой стоимости денежного металла. Этот процесс выравнивания сопровождается непрерывным ростом количества благородных металлов, притекающих взамен непосредственно обмениваемых на них товаров.

Поэтому в той самой мере, в какой среди товаров распространяются эти новые, исправленные цены, или в какой стоимости товаров оцениваются в новой, упавшей и продолжающей до известного пункта падать стоимости металла, в такой же мере уже имеется в наличии добавочная масса благородного металла, необходимая для реализации этих новых цен. Одностороннее наблюдение фактов, последовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII и в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, будто товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функционировать в качестве средства обращения. В дальнейшем мы будем принимать стоимость золота за величину данную, каковой она и является фактически в момент установления цен.

Итак, при этом предположении масса средств обращения определяется суммой товарных цен, подлежащих реализации. Если мы допустим далее, что цена каждого товарного вида дана, то сумма цен товаров будет, очевидно, зависеть от количества товаров, находящихся в обращении. В самом деле, не требуется особенно ломать голову для того, чтобы понять, что раз 1 квартер пшеницы стоит 2 ф. ст., то 100 квартеров будут стоить 200 ф. ст., 200 квартеров — 400 ф. ст. и т. д., а следовательно, с массой пшеницы должна возрастать и масса тех денег, которые при ее продаже обмениваются с ней местом.

Если мы предположим, что масса товаров дана, то масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями в ту и другую сторону товарных цен. Она растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом нет никакой необходимости в том, чтобы одновременно повышались или понижались цены всех товаров. Повышения цен известного числа ведущих товаров в одном случае, понижения их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров, а следовательно, и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отражает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их или представляет собой просто колебание рыночных цен, влияние на массу средств обращения в обоих случаях одинаково.

Пусть дано известное число не связанных между собою, одновременных и, следовательно, пространственно сосуществующих продаж, или частичных метаморфоз, напр. 1 квартера пшеницы, 20 арш. холста, 1 библии, 4 галлонов водки. Если цена каждого из этих товаров 2 ф. ст., следовательно подлежащая реализации сумма цен 8 ф. ст., то в обращение должна вступить масса денег, равная 8 ф. ст. Но если те же самые товары образуют звенья исследованного нами выше ряда метаморфоз: 1 квартер пшеницы — 2 ф. ст. —

20 арш. холста — 2 ф. ст. — 1 библия — 2 ф. ст. — 4 галлона хлебной водки — 2 ф. ст., то одни и те же 2 ф. ст. приводят в обращение все эти товары один за другим, последовательно реализуя их цены, — следовательно, эти 2 ф. ст. реализуют сумму цен в 8 ф. ст. с тем, чтобы опочить в заключение в руках кабатчика. Они совершают четыре оборота. Это повторное перемещение одних и тех же денег [Geldstücke] выражает двойное изменение формы товара, его движение через две противоположные стадии обращения и в то же время сплетение метаморфоз различных товаров [76]. Противоположные и дополняющие одна другую фазы этого процесса не могут фактически совершаться рядом в пространстве, но должны следовать друг за другом во времени. Определенные промежутки времени образуют поэтому меру их продолжительности, т. е. числом оборотов одних и тех же единиц денег [Geldstücke] за данное время измеряется быстрота обращения денег. Пусть процесс обращения указанных выше четырех товаров продолжался, напр., один день. Тогда подлежащая реализации сумма цен — 8 ф. ст., число оборотов одних и тех же единиц денег [Geldstücke] за день — 4 и масса обращающихся денег — 2 ф. ст. Таким образом, для процесса обращения за данный промежуток времени:

$$\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных единиц денег [Geldstücke]}} = \text{массе денег,}$$

функционирующих в качестве средств обращения. Этот закон имеет всеобщее значение. За данный промежуток времени процесс обращения каждой страны охватывает, с одной стороны, множество разрозненных, одновременных, параллельно совершающихся актов продажи (соответственно купли), или частичных метаморфоз, в которых одни и те же деньги [Geldstücke] лишь один раз меняют место, или совершают лишь один оборот; с другой стороны, тот же самый процесс охватывает совокупность многих, частью параллельных, частью переплетающихся между собой более или менее многочисленных рядов метаморфоз, в которых одни и те же деньги [Geldstücke] совершают более или менее значительное число оборотов. Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных единиц денег дает, однако, среднее число оборотов отдельной единицы, или среднюю скорость обращения денег. Масса денег, которая в начале, напр., дневного процесса обращения вступает в него, определяется, конечно, суммой цен товаров, обращающихся одновременно и рядом друг с другом. Но в пределах процесса каждая единица денег стано-

[76] «Лишь продукты приводят их (деньги) в движение и заставляют обращаться... Быстрота их (денег) движения заменяет их количество. Когда в них обнаруживается надобность, они переходят из рук в руки, не останавливаясь ни на минуту» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social» «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 915, 916).

вится, так сказать, ответственной за остальные. Если одна из них ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой, причем последняя может даже совсем вылететь из сферы обращения, так как эта сфера в состоянии поглотить лишь такую массу золота, которая, будучи помножена на среднее число оборотов ее отдельных элементов, равна сумме цен, подлежащих реализации. Поэтому, если растет число оборотов денег, то уменьшается масса их, находящаяся в обращении. Если уменьшается число их оборотов, то растет их масса. Так как при данной средней быстроте обращения масса денег, которая может функционировать как средство обращения, дана, то стоит бросить в обращение определенное количество билетов, напр. однофунтового достоинства, чтобы извлечь из него ровно столько же золотых соверенов, — фокус, хорошо известный всем банкам.

Если в обращении денег вообще проявляется только процесс обращения товаров, т. е. их кругооборот путем противоположных метаморфоз, то в скорости обращения денег проявляется скорость смены форм товаров, непрерывное переплетение одного ряда метаморфоз с другими, стремительность этого обмена веществ, быстрое исчезновение товаров из сферы обращения и столь же быстрая замена их новыми товарами. В быстроте денежного обращения проявляется, таким образом, текучее единство противоположных и взаимно дополняющих друг друга фаз — превращение потребительной плоти товара в плоть стоимости и обратное превращение плоти стоимости в потребительную плоть, т. е. единство обоих процессов: продажи и купли. Наоборот, в замедлении денежного обращения сказывается разделение и обособление этих процессов в виде двух противоположных полюсов, т. е. приостановка превращения форм, а следовательно, и обмена веществ. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя усмотреть, откуда возникает эта приостановка. Обращение лишь обнаруживает самое наличие этого явления. Обыденное представление, замечая, что, с замедлением денежного обращения, деньги начинают все реже появляться и исчезать во всех пунктах периферии обращения, естественно приходит к выводу, что самый этот факт объясняется недостаточным количеством средств обращения[77].

---

[77] «Так как деньги... являются обычной мерой покупок и продаж, то каждый, кто имеет что-либо для продажи, но не находит покупателя, склонен думать, что недостаток наличных денег в государстве или области есть причина, вследствие которой он не может сбыть своих товаров, и, таким образом, «недостаток денег» становится предметом всеобщих жалоб; это — крупное недоразумение... Действительно, чего хотят те, которые кричат, что требуют увеличения денег?.. Фермер жалуется... он думает, что, если бы в стране было больше денег, он мог бы продать свои продукты по хорошим ценам... Таким образом, он, повидимому, нуждается не в деньгах, а в хорошей цене на свой хлеб и скот, которые он хотел бы, но не может продать... Почему же он не может получить этой цены?.. 1) Или потому, что в стране вообще имеется слиш-

Таким образом, общее количество денег, функционирующих в течение каждого данного отрезка времени в качестве средств обращения, определяется, с одной стороны, суммой цен всех обращающихся товаров, а с другой стороны, большей или меньшей быстротой их противоположно направленных процессов обращения, от чего зависит, какая часть общей суммы цен может быть реализована при помощи одной и той же единицы денег [Geldstücke]. Но сама эта сумма цен товаров зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного вида товаров. Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также испытывать многочисленные комбинации. Здесь мы отметим лишь те из их возможных комбинаций, которые играют наиболее важную роль в истории товарных цен.

При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает быстрота их обращения.

При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота обращения денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может

ком много хлеба и скота, так что на рынке большинство лиц, как и он, нуждается в том, чтобы продать, в то время как лишь немногие хотят покупать; 2) или потому, что сократилась обычная разгрузка рынка вывозом за границу 3) или же потому, что падает потребление, так как население, напр., вследствие обеднения, не может уже затрачивать на предметы потребления столько, сколько затрачивало раньше. Таким образом, не увеличение количества наличных денег способно помочь фермеру продать его продукты, но устранение одной из этих трех причин, которые действительно давят на рынок... Купец и лавочник нуждаются в деньгах в том же самом смысле; т. е. они вследствие застоя на рынке не могут сбыть товаров, которыми торгуют. Нация лучше всего процветает тогда, когда богатства непрерывно переходят из рук в руки» (*Sir Dudley North:* «Discourses upon Trade». London 1691, стр. 11—15, в разных местах). Все шарлатанские изобретения Герреншванда сводятся к тому, будто бы противоречия, порождаемые самой природой товара и потому проявляющиеся в обращении товаров, могут быть устранены путем увеличения количества средств обращения. Но если объяснение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть только популярная иллюзия, то отсюда отнюдь еще не вытекает, что действительный недостаток в средствах обращения вследствие, напр., официальных махинаций в области «regulation of currency» [регулирования средств обращения] не может, с своей стороны, вызвать застоя.

уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорее, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключение составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег.

Закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег[78], может быть выражен еще следующим образом:

---

[78] «Для торговли нации деньги требуются в известном количестве или пропорции: большее или меньшее по сравнению с этим количество денег повредило бы торговле. Совершенно так же, как в мелочной торговле, необходимо определенное количество фартингов, чтобы разменять серебряную монету или произвести такие платежи, которые не могут быть выполнены даже при помощи самых мелких серебряных монет... И подобно тому как число фартингов, потребных для торговли, определяется числом покупателей или частотой их актов купли, а кроме того — и это в первую голову — стоимостью самой мелкой серебряной монеты, точно таким же образом количество денег (золотых и серебряных), потребных для торговли, определяется частотою меновых актов и размерами платежей» (*William Petty:* «A Treatise on Taxes and Contributions». London 1667, стр. 17). Теорию Юма защищал против Дж. Стюарта и др. А. Юнг в его «Political Arithmetic», London 1774, где ей посвящена особая глава: «Prices depend on quantity of money» [«Цены зависят от количества денег»], стр. 122 и сл. В моей «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 149 [ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 151], я делаю следующее замечание: «Вопрос о количестве находящихся в обращении монет он (А. Смит) молчаливо устраняет, совершенно неправильно рассматривая деньги как простой товар». Это относится лишь к тем местам работы А. Смита, где он рассматривает деньги ex officio. В некоторых отдельных случаях, напр. критикуя прежние системы политической экономии, он высказывает правильный взгляд: «Количество звонкой монеты в каждой стране определяется стоимостью товаров, обращающихся в ней... Стоимость товаров, покупаемых и продаваемых в течение года в данной стране, требует определенного количества денег для обращения их и распределения среди соответствующих потребителей и не

при данной сумме стоимостей товаров и данной средней скорости их метаморфоз количество обращающихся денег или денежного материала зависит от собственной стоимости последнего. Иллюзия, будто бы дело происходит как раз наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется, в свою очередь, массой находящегося в данной стране денежного материала[79], коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответственную часть металлической груды[80].

может дать применения добавочному количеству денег. Каналы обращения необходимо вбирают в себя сумму, достаточную для наполнения их, и никогда не вмещают сверх того» («Wealth of Nations», кн. IV, гл. I) [*А. Смит:* «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., т. II, стр. 18 и 19]. Подобным же образом А. Смит начинает свой труд ex officio апофеозом разделения труда, а в последней книге об источниках государственного дохода, где он рассматривает вопрос о разделении труда лишь мимоходом, он воспроизводит осуждение разделения труда, принадлежащее его учителю А. А. Фергюсону.

[79] «Цены товаров каждой нации должны, конечно, возрастать, по мере того как увеличивается количество золота и серебра, обращающегося среди народа; следовательно, если количество золота и серебра, которым располагает данная нация, уменьшается, то цены должны падать пропорционально такому уменьшению количества денег» (*Jacob Vanderlint:* «Money answers all Things». London 1734, стр. 5). Ближайшее сопоставление работы Вандерлинта и «Essays» Юма не оставило во мне никакого сомнения, что Юм знал и использовал этот — в общем весьма значительный — труд Вандерлинта. Взгляд, будто масса средств обращения определяет собою цены, встречается также и у Барбона и еще более ранних писателей. «Никакого неудобства, — говорит Вандерлинт, — не может возникнуть вследствие ничем не сдерживаемой торговли, а только — большие преимущества; ибо, если денежная наличность какой-либо нации будет под влиянием свободы торговли понижаться, что имеется в виду предотвратить путем таможенных пошлин и воспрещений ввоза, то у тех наций, к которым при этом отливают деньги, неизбежно должны возрастать все цены... А предметы нашего мануфактурного производства и всякие иные товары скоро настолько падут в цене, что торговый баланс обратится в нашу пользу и таким образом погонит деньги обратно» («Money answers all Things», стр. 43, 44).

[80] Само собой очевидно, что цена каждого отдельного вида товаров образует элемент суммы цен всех обращающихся товаров. Но совершенно непостижимо, каким образом несоизмеримые друг с другом потребительные стоимости могут в своей общей массе обмениваться на массу золота и серебра, находящуюся в данной стране. Если в смелом полете фантазии принять мир товаров за один-единственный совокупный товар, соответственной частью которого является каждый отдельный товар, то вся задача сводится к очень занятной арифметической выкладке такого рода: совокупный товар $= x$ центнеров золота, товар $A =$ известной части совокупного товара, $=$ такой же части x центнеров золота. Это буквально и говорит Монтескье: «Если мы противопоставим всей массе золота и серебра, какая только существует в мире, сумму всех находящихся в нем товаров, для нас будет ясно, что всякий из этих припасов или товаров в частности может быть приурочен к известной доле всей массы золота и серебра... Предположим, что на свете существует один лишь вид жизненных припасов или товара, или что существует только один такой,

c) Монета. Знак стоимости.

Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, идеально существующая в цене, или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения как одноименный кусок золота, или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства. В тех различных национальных мундирах, которые носят на себе золото и серебро в качестве монет и которые они снова снимают, появляясь на мировом рынке, обнаруживается разделение между внутренней или национальной сферой товарного обращения и всеобщей сферой мирового рынка.

Следовательно, золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности, и золото постоянно может быть превращено из одной формы в другую [81].

который продается, и что он делим, как деньги. Часть этого товара будет отвечать соответствующей части всей массы денег: половина всего товара — половине всех денег и т. д.; ...установление цен на вещи будет всегда в основе своей в зависимости от отношения между совокупностью вещей и совокупностью знаков» (*Montesquieu:* «Esprit des Lois», Oeuvres. London 1767, т. III, стр 12, 13). [*Монтескье:* «О духе законов», кн. XXII, гл. VII, стр. 389, перев. под ред. Ковалевского. СПБ. 1900.] Относительно дальнейшего развития этой теории у Рикардо и его учеников Джемса Милля, лорда Оверстона и др. ср. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 140—146 и стр. 150 и сл. [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 142—148, 152 и сл.]. — Г-н Джон Стюарт Милль со свойственной ему эклектической логикой ухитряется придерживаться одновременно и взглядов своего отца Джемса Милля, и прямо противоположных. Если сравнить, напр., текст его руководства: «Principles of Political Economy» [«Основания политической экономии»] с предисловием (к 1-му изд.), где он сам говорит о себе как о современном А. Смите, то не знаешь, чему больше удивляться — наивности ли этого человека или наивности публики, которая на веру приняла его за А. Смита, хотя между ним и последним приблизительно такое же соотношение, как между генералом Вильямсом Карсом Карсским и герцогом Веллингтоном. Оригинальные экономические исследования г. Джона Стюарта Милля, не отличающиеся ни обширностью, ни содержательностью, все целиком уместились в его появившейся в 1844 г. брошюрке: «Some Unsettled Questions of Political Economy». Локк прямо говорит, что отсутствие стоимости у золота и серебра находится в связи с тем, что их стоимость определяется их количеством. «Люди согласились придавать золоту и серебру воображаемую стоимость... внутренняя стоимость этих металлов есть не что иное, как количество» («Some Considerations on the Consequences of the Lowering of Interest», 1691, Works, изд. 1777, т. II, стр. 15).

[81] Само собой разумеется, в мою задачу совсем не входит рассмотрение таких подробностей, как монетная пошлина и т. п. Что касается романтического сикофанта Адама Мюллера, который восхищается «великодушной щедростью» английского правительства, «даром» чеканящего монету, то ему достаточно противопоставить следующие слова сэра Дэдли Норса: «Серебро и золото, подобно другим товарам, имеют свои приливы и отливы. После получения известного количества серебра из Испании... оно отсылается в Тауэр и там чеканится. Вскоре после этого может обнаружиться новый спрос на золото или серебро в слитках для вывоза. Если металла в слитках не окажется,

Путь, на который вступает золото, выйдя из монетного двора, ведет его, в конце концов, к плавильному тиглю. А именно, в обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой субстанции, ее номинальное и ее реальное содержание начинают мало-помалу расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Золото как средство обращения отклоняется от золота как масштаба цен и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует. История возникающих отсюда трений составляет главное содержание истории монетного дела в течение средних веков и нового времени вплоть до XVIII столетия. Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотое бытие монеты в видимость золота, т. е. сделать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания, признана даже самим современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, которая делает золотую монету негодной к обращению, т. е. демонетизирует.

Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое существование от ее функционального существования, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами. Роль серебряных и медных знаков в качестве заместителей золотой монеты объясняется исторически, с одной стороны, техническими трудностями чеканить совершенно ничтожные весовые количества золота или серебра и, с другой стороны, тем обстоятельством, что низшие металлы раньше высших — серебро раньше золота, медь раньше серебра — служили мерою стоимости и, следовательно, уже обращались в качестве денег в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона. Они замещают золото в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро, а следовательно, наиболее быстро снашивается, т. е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых

так как весь он употреблен на чеканку монеты, что тогда предпринять? Очевидно, снова переплавить монету; это не составляет затруднения, — ведь чеканка ничего не стоит владельцам металла. Только нация остается в накладе и должна бросать свои деньги на ветер. Если бы купцу (Норс сам был одним из крупнейших купцов времен Карла II) приходилось уплачивать пошлину за чеканку, он не стал бы без серьезных оснований посылать свое серебро в Тауэр, и чеканенная монета в этом случае имела бы несомненно более высокую стоимость, чем серебро в слитках» (*North:* «Discourses upon Trade». London 1691, стр. 18).

прием их взамен золота является обязательным. Те особые сферы, в которых обращаются различные сорта монет, конечно, переплетаются между собой. Разменная монета появляется наряду с золотом для выплаты дробных частей самой мелкой из золотых монет; золото постоянно вступает в область этого розничного обращения и столь же постоянно выбрасывается оттуда путем размена на мелкую монету [82].

Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно независимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное существование золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, — бумажки, получают возможность функционировать вместо него в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим, ce n'est que le premier pas qui coûte [труден только первый шаг].

Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Они вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно неизвестны. Только мимоходом отметим, что, подобно тому как бумажные деньги в собственном смысле этого слова возникают из функции денег как средства обращения, естественный корень кредитных денег составляет функция денег как средства платежа [83].

---

[82] «Если серебряной монеты имеется всегда лишь столько, сколько необходимо для мелких платежей, то она никогда не может быть накоплена в количествах, достаточных для более крупных платежей... Применение золота в крупных платежах неизбежно приводит также к его применению в розничной торговле: те, у кого есть золотая монета, ею оплачивают и мелкие покупки и получают вместе с купленным товаром сдачу серебром; таким путем тот избыток серебра, который в противном случае накопился бы у розничного торговца, извлекается у него и рассеивается в общем обращении. Но если бы серебра имелось всегда достаточно для того, чтобы реализовать мелкие покупки, не прибегая к золоту, то розничный торговец получал бы за мелкие покупки исключительно серебро, и последнее неизбежно стало бы накопляться в его руках» (*David Buchanan:* «Inquiry into the Taxation and Commercial Policy of Great Britain». Edinburgh 1844, стр. 248, 249).

[83] Мандарин финансов Ван Мао-Ин позволил себе представить сыну неба проект, который в замаскированной форме преследовал цель превратить китайские государственные ассигнации в разменные банкноты. В отчете ассигнационного комитета за апрель 1854 г. он получает за это надлежащую головомойку. Получил ли он соответственное количество ударов бамбуковой палкой, не сообщается. «Комитет, — говорится в заключении отчета, — внимательно взвесил его проект и нашел, что все в нем направлено к выгоде купцов и ничто не обещает выгод короне» («Arbeiten der Kaiserlich Russischen Ge-

Бумажные знаки, на которых напечатаны их денежные названия, как, напр., 1 ф. ст., 5 ф. ст. и т. д., бросаются в процесс обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения данной страны никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен эмпирически. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т. е. составляется каждый раз все из других частиц золота, конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на ее постоянное пребывание в сфере обращения. Следовательно, она легко может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения деньгами, то завтра вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступили свою меру, т. е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общего дискредитирования, они теперь являются в товарном мире лишь представителями того количества золота, которое вообще может быть ими представлено, т. е. количества, определяемого имманентными законами товарного мира. Если, напр., данная масса бумажек представляет по своему названию 2 унции золота, а реально замещает 1 унцию, то фактически 1 ф. ст. становится денежным названием, скажем, $^1/_8$ унции вместо прежней $^1/_4$ унции золота. Результат получится тот же самый, как если бы золото претерпело изменение в своей функции меры цен.

---

sandtschaft zu Peking über China», перевод с русск. д-ра К. Абеля и Ф. А. Мекленбурга, I ч., Berlin 1858, стр. 47 и сл.). О постоянной потере металла золотыми монетами вследствие обращения один из «governor'ов» [директоров] Английского банка заявил в своих свидетельских показаниях перед комиссией палаты лордов (по вопросу о «банковых актах») следующее: «Каждый год становится слишком легковесной новая группа суверенов (имеются в виду не политические суверены, а «sovereign» — название фунта стерлингов). Те из них, которые обращались в течение года как полновесные, успевают достаточно потерять за это время путем снашивания, чтобы в будущем году склонить чашку весов против себя» (House of Lords' Committee 1848, № 429).

Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене, равной 1 ф. ст., выражаются теперь в цене, равной 2 ф. стерлингов.

Бумажные деньги являются знаками золота, или знаками денег. Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знаки стоимости, поскольку они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время количество стоимости [84].

Спрашивается, наконец, почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого? Однако, как мы видели, оно может быть замещено лишь постольку, поскольку в своей функции монеты, или средства обращения, оно изолируется, приобретает самостоятельность. Правда, обособление этой функции не имеет места по отношению к отдельным золотым монетам, хотя оно и проявляется в том, что стершиеся монеты продолжают оставаться в обращении. Куски золота остаются только монетами, или только средством обращения, лишь до тех пор, пока они действительно находятся в обращении. Но то, что неприменимо к отдельным золотым монетам, применимо к той минимальной массе золота, которая может быть замещена бумажными деньгами. Эта масса постоянно находится в сфере обращения, непрерывно функционирует как средство обращения и потому существует исключительно как носитель этой функции. Следовательно, ее движение представляет лишь постоянное превращение друг в друга противоположных процессов товарной метаморфозы *Т — Д — Т,* в которой товару противопоставляется образ его стоимости лишь для того, чтобы сейчас же снова исчезнуть. Самостоятельное выражение меновой стоимости товара является здесь лишь преходящим моментом. Оно немедленно замещается другим товаром. Поэтому в процессе, в котором деньги переходят из одних рук в другие, достаточно чисто символического существования

[84] *Примечание ко 2-му изд.* Насколько смутно понимают различные функции денег даже лучшие писатели по вопросу о деньгах, показывает, напр., следующее место из Фуллартона: «Поскольку дело касается нашей внутренней торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются золотой и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных билетов, имеющих лишь фиктивную и условную стоимость, установленную законом. Это — факт, которого, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы удовлетворить потребности, которые в настоящее время удовлетворяются полноценными монетами, и даже могла бы исполнять функцию мерила стоимостей и цен, если бы только количество выпускаемых в обращение билетов не выходило за должные пределы» (*Fullarton:* «Regulation of Currencies», 2-е изд., London 1845, стр. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стоимости, он не нужен ни как мера стоимостей, ни как масштаб цен!

денег. Функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование. Как мимолетное объективированное отражение товарных цен, они служат лишь знаками самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками[85]. Необходимо лишь, чтобы знак денег получил свою собственную объективно-общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного общества, или в сфере внутреннего обращения, но зато только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения, или монеты, и, следовательно, в виде бумажных денег могут существовать внешне изолированно от своей металлической субстанции и чисто функционально.

3. ДЕНЬГИ.

Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а в силу этого функционирует также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, есть деньги. Поэтому золото (или серебро) — деньги. Золото функционирует как деньги, с одной стороны, в тех случаях, когда оно должно выступать в своей золотой (или серебряной) телесности, как денежный товар, т. е. там, где оно выступает не чисто идеально, — как в функции меры стоимости, — и не как нечто, способное быть замещенным своими представителями — как в функции средства обращения. С другой стороны, золото (или серебро) функционирует как деньги в тех случаях, когда его функция — независимо от того, выполняет ли оно эту функцию само, своей собственной персоной, или через своих заместителей, — закрепляет за ним роль единственного образа стоимости, или единственного адэкватного бытия меновой стоимости, в противовес всем другим товарам, которые выступают только как потребительные стоимости.

а) Образование сокровищ.

Непрерывный кругооборот двух противоположных товарных метаморфоз, или постоянная смена актов продажи и купли, проявляется в неустанном обращении денег, или в их функции perpe-

[85] Из того, что золото и серебро, поскольку они функционируют как монета, т. е. исключительно как средство обращения, становятся знаками самих себя, Никола Барбон выводит право правительств «to raise money» [«повышать стоимость монеты»], т. е. называть, напр., количество серебра, именовавшееся до сих пор грошем, именем более крупного количества серебра, скажем — талером, и таким образом уплачивать кредиторам гроши вместо талеров. «Монета снашивается и становится легче, часто переходя из рук в руки... В торговых делах люди обращают внимание на название и чеканку, а не на количество серебра»... «Авторитет правительства делает из куска металла деньги» (*N. Barbon:* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Considerations etc.». London 1696, стр. 29, 30, 25).

tuum mobile [непрерывно действующего механизма] обращения. Деньги иммобилизуются или превращаются, как говорит Буагильбер, из meuble в immeuble [из движимого в недвижимое благо], из монеты в деньги, как только прерывается ряд метаморфоз, и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за ней куплей.

Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первой метаморфозы — превращенную форму товара, или его золотую куколку [86]. Товар продают не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Отчужденная форма товара встречает препятствия к тому, чтобы функционировать как абсолютно отчуждаемая форма товара, или как лишь его мимолетная денежная форма. Вместе с тем деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ.

Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства. Эта наивная форма накопления сокровищ увековечивается у таких народов, где традиционному, рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это мы видим, напр., у азиатов, особенно у индусов. Вандерлинт, который воображает, что товарные цены определяются массой имеющегося в данной стране золота и серебра, задает себе вопрос, почему индийские товары так дешевы? Ответ: потому что индусы зарывают свои деньги. С 1602 по 1734 г., — говорит он, — они зарыли на 150 млн. ф. ст. серебра, которое было первоначально привезено из Америки в Европу [87]. С 1856 по 1866 г., т. е. за одно десятилетие, Англия вывезла в Индию и Китай (металл, экспортированный в Китай, в значительной своей части направляется опять-таки в Индию) на 120 млн. ф. ст. серебра, которое раньше было выменено на австралийское золото.

При дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе nexus rerum,

---

[86] «Богатство деньгами есть не что иное, как... богатство продуктами, превращенными в деньги» (*Mercier de la Rivière:* «L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques», «Physiocrates», изд. Daire, I часть, Paris 1846, стр. 573). «Стоимость, выраженная в продуктах, изменила только свою форму» (там же, стр. 486).

[87] «Именно благодаря этому обычаю они отдают свои товары и мануфактурные произведения по таким низким ценам» (*Vanderlint:* «Money answers all Things». London 1734, стр. 95, 96).

известный «общественно признанный залог»[88]. Его потребности непрерывно вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно побуждают его покупать чужие товары, в то время как производство и продажа его собственного товара стоит времени и зависит от случайностей. Чтобы купить, не продавая, он должен сначала продать, не покупая. Кажется, что эта операция, если представить ее как общее правило, сама себе противоречит. Однако у источника своего производства благородные металлы непосредственно обмениваются на другие товары. Здесь имеет место продажа (со стороны товаровладельцев) без купли (со стороны владельцев золота или серебра)[89]. И последующие продажи без дополняющих их актов купли лишь опосредствуют дальнейшее распределение благородных металлов между всеми товаровладельцами. Таким образом во всех пунктах обращения накопляются золотые и серебряные сокровища самых различных размеров. Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности. «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (Колумб, в письме с Ямайки, 1503 г.). Так как по внешности денег нельзя узнать, что̀ именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и не товары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых res sacrosanctae, extra commercium hominum [священных предметах, исключенных из торгового оборота людей][90]. Подобно тому как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они, в свою очередь, как радикальный левеллер, стирают всяческие

---

[88] «Деньги — залог» (*John Bellers:* «Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality». London 1699, стр. 13).

[89] Купля в строгом смысле этого слова предполагает, что золото и серебро представляют уже превращенную форму товара, т. е. продукт продажи.

[90] Генрих III, христианнейший король Франции, грабит у монастырей и т. д. их священные реликвии, чтобы превратить последние в серебро. Известно, какую роль в истории Греции сыграло похищение фокеянами сокровищ из дельфийского храма. В Афинах бог товаров обитал, как известно, в храмах. Последние были «священными банками». Финикияне, народ торговый par excellence, считали деньги отчужденной формой всех вещей. Было поэтому совершенно естественно, что девушки, отдававшиеся чужестранцам на празднествах в честь богини любви, жертвовали богине полученную в награду монету.

различия [91]. Но деньги — сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни [92]. Современное общество, которое еще в детстве своем «вытащило Плутона за волосы из недр земных» [93], приветствует золото как блестящее воплощение своего интимнейшего жизненного принципа.

Товар как потребительная стоимость удовлетворяет определенную потребность и образует определенный элемент вещественного богатства. Но стоимость товара измеряет степень его притягательной силы по отношению ко всем элементам вещественного

---

91 «Золото! металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
Все старое — и молодым, и свежим!
К чему же мне, о боги, это все?
Бессмертные! К чему? скажите. Это
От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет...
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко на скамьи
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,
Даст женихов...
Ступай... проклятая земля,
Наложница всесветная».

(*Шекспир:* «Тимон афинский».) [Действие IV, сцена III, русск. перев. П. Вейнберга, 1903 г., Собр. соч., т. VII, стр. 546.]

92 ...деньги — зло
Великое для смертных: из-за денег
Обречены на гибель города,
И отчий кров изгнанник покидает;
И, развратив невинные сердца,
Деяниям постыдным учат деньги,
И помыслам коварным, и нечестью.

(*Софокл:* «Антигона».) [Русск. перев. Д. С. Мережковского, 1914 г., стр. 17.]

93 «Ἐλπιζούσης τῆς πλεονεξίας ἀνάξειν ἐκ τῶν μυχῶν τῆς γῆς αὐτὸν τὸν Πλούτωνα» [«Алчность надеялась вытащить за волосы из недр земных самого Плутона»] (*Athenaeus:* «Deipnosophistarum [libri quindecim», кн. VI, гл. 23, Schweighäuser, 1802, т. II, стр. 397]).

богатства, следовательно измеряет общественное богатство своего владельца. Для варварски примитивного товаровладельца, даже для западноевропейского крестьянина, стоимость неотделима от формы стоимости, и потому накопление сокровищ в форме золота и серебра совпадает для него с накоплением стоимости. Правда, стоимость денег изменяется, вследствие ли изменения стоимости самого денежного металла, вследствие ли изменения стоимости других товаров. Это, однако, не мешает тому, что, во-первых, 200 унций золота во всяком случае содержат в себе больше стоимости, чем 100, 300 — более, чем 200, и т. д.; что, во-вторых, металлическая натуральная форма данной вещи остается всеобщей эквивалентной формой всех товаров, непосредственно общественным воплощением всякого человеческого труда. Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно. Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, а потому является покупательным средством ограниченной силы. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления. С ним происходит то же, что с мировым завоевателем, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу.

Чтобы удержать у себя золото как деньги, т. е. как элемент созидания сокровищ, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как покупательного средства в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровищ приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу. Он берет всерьез евангелие отречения. Но, с другой стороны, он может извлечь из обращения в виде денег лишь то, что он дает обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может продать. Трудолюбие, бережливость и скупость — вот, следовательно, его основные добродетели; много продавать, мало покупать — в этом вся его политическая экономия[94].

Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными товарами как предметами роскоши. Последнее растет вместе с ростом богатства буржуазного общества. «Soyons riches ou paraissons riches» [«Будем богаты или будем казаться богатыми»] (Дидро). Таким образом, с одной стороны, образуется все более и более

---

[94] «Увеличивать возможно более число продавцов всех товаров, уменьшать возможно более число покупателей — таков основной вопрос, к которому сводятся все меры политической экономии» (*Verri:* «Meditazioni sulla Economia Politica», в издании итальянских экономистов *Custodi,* Parte Moderna, т. XV, стр. 52).

расширяющийся рынок для золота и серебра, не зависимый от денежной функции последних, с другой стороны — скрытый источник предложения денег, функционирующий особенно интенсивно в периоды общественных бурь.

Созидание сокровищ выполняет различные функции в экономии металлического обращения. Его ближайшая функция возникает из условий обращения золотой и серебряной монеты. Мы уже видели, что постоянные колебания размеров товарного обращения, колебания цен и быстроты обращения связаны с непрерывными отливами и приливами находящейся в обращении массы золота. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сокращению. То деньги должны притягиваться в качестве монеты, то монета должна отталкиваться в качестве денег. Чтобы действительно циркулирующая денежная масса наполняла всегда сферу обращения до надлежащей степени насыщенности, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется для фактического выполнения монетной функции. Это условие выполняется благодаря превращению денег в сокровище. Резервуары сокровищ служат в то же время отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег; благодаря этому последние никогда не переполняют каналов самого обращения[95].

b) Средство платежа.

В рассмотренной нами непосредственной форме товарного обращения одна и та же величина стоимости всегда имелась вдвойне: в виде товара на одном полюсе, в виде денег на противоположном полюсе. Товаровладельцы вступали поэтому в соприкос-

[95] «Для того, чтобы нация могла вести свою торговлю, необходима определенная сумма наличных денег, которая может варьировать, то увеличиваясь, то уменьшаясь в зависимости от обстоятельств... Эти колебания, эти приливы и отливы денег приспособляются к изменяющимся обстоятельствам сами собой, без всякого вмешательства со стороны правительства. Ведра работают попеременно: когда мало денег, из слитков чеканится монета, когда мало денежного металла, монета переплавляется обратно в слитки» (Sir *D. North:* «Discourses upon Trade». London 1691, Postscript., стр. 3). Джон Стюарт Милль, бывший долгое время на службе у Ост-Индской компании, утверждает, что в Индии серебряные украшения все еще непосредственно функционируют как сокровища. «Серебряные украшения... отправляются на монетный двор, когда уровень процента высок, и снова принимают свой прежний вид, когда уровень процента падает» (Показание Дж. Ст. Милля в «Reports on Bankacts 1857», № 2084 и 2101). Согласно одному парламентскому документу от 1864 г. относительно импорта золота и серебра в Индию и экспорта их оттуда, в 1863 г. импорт золота и серебра превысил экспорт на 19 367 764 ф. ст. За восемь последних лет перед 1864 г. избыток импорта благородных металлов над экспортом их составил 109 652 917 ф. ст. В течение текущего столетия в Индии было начеканено монеты значительно больше, чем на 200 000 000 ф. ст.

новение между собой лишь как представители имеющихся в наличности взаимных эквивалентов. Однако с развитием товарного обращения развиваются отношения, благодаря которым отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих отношений. Один вид товаров требует более длинного, другой — более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними и теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, напр. домом, продается на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении срока покупатель действительно получает потребительную стоимость товара. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Один товаровладелец продает наличный товар, а другой покупает, выступая только как представитель денег или как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель — должником. Так как здесь изменилась метаморфоза товара, или развитие его формы стоимости, то и деньги приобретают другую функцию. Они становятся средством платежа [96].

Роли кредитора и должника возникают здесь из простого товарного обращения. Изменение формы последнего накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же агентами обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако здесь их противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации [97]. Но те же самые роли могут возникнуть и независимо от товарного обращения. Так, напр., в античном мире классовая борьба разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается

[96] Лютер различает деньги как покупательное средство и деньги как средство платежа. «Ты причиняешь мне двойной ущерб — тут я не могу уплатить, а там не могу купить» (*Martin Luther:* «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen». Wittenberg 1540).

[97] Об отношениях между должниками и кредиторами среди английских купцов начала XVIII века: «Среди людей торговли царит здесь, в Англии, такой дух жестокости, какого не встречается ни в каком другом общественном слое или в другой стране мира» («An Essay on Credit and the Bankrupt Act». London 1707, стр. 2).

гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма, — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, — здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни.

Но возвратимся к сфере товарного обращения. Одновременное появление эквивалентов, товара и денег, на противоположных полюсах процесса продажи прекратилось. Деньги функционируют теперь, во-первых, как мера стоимости при определении цены продаваемого товара. Установленная контрактом цена последнего измеряет собою обязательство покупателя, т. е. ту денежную сумму, которую он должен уплатить к определенному сроку. Во-вторых, деньги функционируют как идеальное покупательное средство Хотя они существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки. Только по наступлении срока платежа средство платежа действительно вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца. Средство обращения превратилось в сокровище вследствие того, что процесс обращения прервался па первой фазе, т. е. деньги, эта превращенная форма товара, были извлечены из обращения. Средство платежа вступает в обращение, но лишь после того, как товар уже вышел из него. Деньги уже не опосредствуют процесса. Они самостоятельно завершают его как абсолютное наличное бытие меновой стоимости, или как всеобщий товар. Продавец превратил товар в деньги, чтобы удовлетворить при помощи последних какую-либо потребность, созидатель сокровищ, — чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель, — чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Итак, теперь, в силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, воплощение стоимости товара — деньги — становится самоцелью продажи

Покупатель превращает деньги обратно в товар прежде, чем он превратил товар в деньги, т. е. он совершает вторую метаморфозу товара раньше первой. Товар продавца обращается, но при этом реализует свою цену лишь в виде частноправового титула на получение денег Он превращается в потребительную стоимость раньше, чем успевает превратиться в деньги. Его первая метаморфоза осуществляется лишь задним числом[98].

---

[98] *Примечание ко 2-му изд* Из следующей цитаты, заимствованной из моей работы, появившейся в 1859 г , читатель увидит, почему в тексте не принята во внимание противоположная форма: «Наоборот, в процессе *Д* — *Т* деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство, и цена товара может быть, таким образом, реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или чем будет отчужден то-

За каждый данный период процесса обращения обязательства, по которым наступает срок платежа, представляют сумму цен тех товаров, продажа которых вызвала эти обязательства к жизни. Масса денег, необходимая для реализации такой суммы цен, зависит прежде всего от быстроты обращения средств платежа. Она обусловливается двумя обстоятельствами: таким сцеплением отношений кредиторов и должников, что *А*, получая деньги от своего должника *В*, уплачивает их своему кредитору *С* и т. д., и продолжительностью промежутков между различными сроками платежа. Цепь следующих один за другим платежей, или осуществляемых задним числом первых метаморфоз, существенно отличается от рассмотренного нами ранее сплетения рядов метаморфоз. В движении средств обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями, самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним. Напротив, обращение средств платежа выражает собою известную общественную связь, уже раньше существовавшую в готовом виде.

Одновременность и сосуществование продаж ограничивают возможность компенсировать массу монет увеличением быстроты их обращения. Наоборот, эти же самые обстоятельства создают новый рычаг для экономии на средствах платежа. По мере концентрации платежей в одном и том же месте естественно развиваются особые учреждения и способы для их взаимного погашения. Такую роль играли, напр., virements [переводы долгов] в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить между собой долговые требования *А* к *В*, *В* к *С*, *С* к *А* и т. д., чтобы в известных пределах уничтожить их взаимно как положительные и отрицательные величины. Выплатить придется лишь остающийся после этой операции баланс долгов. Чем обширнее концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно, масса обращающихся средств платежа.

Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда,

вар. Это имеет место, напр., в широко распространенной форме предварительной подписки, а также при той форме закупок, которую практикует, напр., английское правительство, скупая опиум у индусских райотов... Однако здесь деньги действуют в уже известной нам форме покупательного средства... Конечно, капитал авансируется также в форме денег... Однако эта точка зрения лежит за пределами кругозора простого обращения» («Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 119, 120). [Ср. *К. Маркс*: «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 124.]

как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент промышленных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом[99]. Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система уравнивания их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа счетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свое значение, а стоимость товара исчезает пред лицом его собственной формы стоимости. Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и объявлял их пустой видимостью: «Только товар деньги». «Только деньги товар!» — вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства[100]. Во время кризиса противоположность между товаром и образом его стоимости, деньгами, вырастает в абсолютное противоречие. Поэтому и форма проявления денег здесь безразлична. Денежный голод не изменяет своей напряженности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, напр. банкнотами[101].

Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой — банки, биржи, финансы. {*Примечание Маркса к 3-му изданию.*}

[100] «Этот внезапный переход от кредитной системы к монетарной присоединяет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непроницаемой тайной своих собственных отношений» (*Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 126). [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 130.] «Бедняк сидит без работы, потому что богач не в состоянии дать ему работы по недостатку денег, хотя они имеют ту же самую землю, те же самые рабочие силы для производства средств существования и одежды, какие имелись у них раньше; а ведь именно это и составляет действительное богатство наций, а отнюдь не деньги» (*John Bellers:* «Proposals for Raising a College of Industry». London 1696, стр. 3).

[101] Вот как эксплуатируют такие моменты «amis du commerce» [«друзья торговли»]: «Во время одного из таких случаев (в 1839 г.) один старый алчный банкир (из Сити) приподнял крышку конторки, перед которой сидел в своем кабинете, и, показав своему другу пачки банкнот, заявил с нескрываемым торжеством, что здесь целые 600 000 ф. ст., которые он удерживал у себя, чтобы обострить нужду в деньгах, но сегодня же после трех часов пустит их на рынок» («The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844». London 1864, стр. 81). Полуофициальный орган «The Observer» от 24 апреля 1864 г. замечает: «Распространяется ряд очень странных слухов относительно

Если мы теперь рассмотрим общую сумму денег, находящихся в обращении в течение известного промежутка времени, то окажется, что она — при данной быстроте циркуляции средств обращения и платежа — равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма платежей, которым наступил срок, минус взаимно уравновешивающиеся платежи и, наконец, минус число оборотов, в которых одни и те же деньги [Geldstück] функционируют попеременно то как средство обращения, то как средство платежа. Например, крестьянин продает свой хлеб за 2 ф. ст., которые служат, таким образом, в качестве средства обращения. С наступлением срока платежа он оплачивает этими же 2 ф. ст. холст, который раньше доставил ему ткач. При этом все те же 2 ф. ст. теперь функционируют как средство платежа. Затем ткач покупает библию на наличные деньги, и эти же 2 ф. ст. снова функционируют как средство обращения, и т. д. Поэтому даже в том случае, если даны цены, быстрота денежного обращения и экономия платежей, все же масса денег, находящихся в обращении в течение известного периода, напр. одного дня, более не совпадает с массой обращающихся товаров. Обращаются деньги, представляющие такие товары, которые давно уже извлечены из процесса обращения. Обращаются товары, денежный эквивалент которых появится лишь впоследствии. С другой стороны, ежедневно заключаемые и ежедневно погашаемые платежные обязательства представляют собою совершенно несоизмеримые величины[102].

Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа, причем долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой сто-

---

тех мер, к которым прибегли для того, чтобы создать недостаток в банковых билетах... Хотя представляется сомнительным предположение, что действительно были пущены в ход меры подобного рода, тем не менее указанные слухи были настолько широко распространены, что действительно заслуживают упоминания».

[102] «Совокупность продаж или обязательств, заключаемых в продолжение данного дня, не повлияет на количество денег, обращающихся именно в этот день, но в огромном большинстве случаев выразится в целом ряде разнороднейших векселей на сумму денег, которые могут вступить в обращение лишь в последующие, более или менее отдаленные сроки... Векселя, или кредитные сделки, заключенные сегодня, вовсе не должны иметь какое-либо сходство по количеству, по общей сумме или продолжительности сроков с теми кредитными сделками, которые будут заключены завтра или в ближайшие дни; некоторые из заключенных сегодня кредитных сделок и выданных сегодня векселей совпадут по сроку своего платежа со многими обязательствами, заключение которых относится к ряду предшествующих совершенно неопределенных дат; векселя на 12, 6, 3 месяца и на 1 месяц часто совпадают между собою и таким образом увеличивают массу обязательств, срок которых приходится на один и тот же день» («The Currency Theory Reviewed; in a Letter to the Scottish People. By a Banker in England». Edinburgh 1845, стр. 29, 30, в разных местах).

роны, с расширением кредитного дела расширяется и функция денег как средства платежа. В качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они и находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется преимущественно в сферу мелкой торговли[103].

При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги становятся всеобщим товаром договорных обязательств[104]. Ренты, подати и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи. В какой степени возможность такого превращения зависит от общего характера процесса производства, показывает, напр., дважды потерпевшая крушение попытка Римской империи взимать все налоги деньгами. Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV, столь красноречиво заклейменная Буагильбером, маршалом Вобаном и др., была вызвана не только высотою налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги[105].

---

[103] Как пример того, какую ничтожную роль в собственно торговых операциях играют действительные деньги, мы приводим здесь данные одной из крупнейших торговых фирм Лондона (Моррисон, Диллон и К°) относительно ее годовых денежных поступлений и платежей. Ее операции за 1856 г., охватывающие многие миллионы фунтов стерлингов, пропорционально уменьшены нами и сведены к масштабу 1 000 000 ф. ст.

Поступления:		Выдачи:	
Срочные векселя банкиров и купцов	533 596 ф. ст.	Срочные векселя	302 674 ф. ст
Чеки банкиров и т. д., оплачиваемые по предъявлении	357 715 » »	Чеки на лондонских банкиров	663 672 » »
Банкноты провинциальных банков	9 627 » »	Банкноты Английского банка	22 743 » »
Банкноты Английского банка	68 554 » »	Золото	9 427 » »
Золото	28 089 » »	Серебро и медь	1 484 » »
Серебро и медь	1 486 » »		
Почтовые переводы	933 » »		
Итого	1 000 000 ф. ст.	Итого	1 000 000 ф. ст.

(«Report from the Select Committee on the Bankacts». July 1858, стр. LXXI).

[104] «Характер коммерческого оборота изменился таким образом, что вместо обмена товаров на товары, вместо их поставки и получения совершаются теперь продажа и платежи. Теперь все сделки... сводятся к чисто денежным операциям» («An Essay upon Public Credit», 3-е изд., London 1710, стр. 8).

[105] «Деньги сделались всеобщим палачом». Финансовое искусство — «перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок». «Деньги объявляют войну всему роду человеческому» (*Boisguillebert:* «Dissertation sur la Nature des Richesses, de l'Argent et des Tributs», изд. Daire, «Économistes financiers». Paris 1843, т. I, стр. 413, 419, 417).

В Азии, — где натуральная форма земельной ренты, являющаяся в то же время главным элементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения,— эта форма платежей путем обратного влияния упрочивает, в свою очередь, старые формы производства. Она составляет одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи. Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец. Узкие экономические условия существования этой культуры подвергнутся разложению.

В каждой стране устанавливаются известные общие сроки платежей. Отчасти эти сроки платежей основываются на естественных условиях производства, связанных со сменою времен года, — прочие факторы цикличности воспроизводства мы оставляем в стороне. Этими сроками регулируются также и те платежи, которые не порождаются непосредственно товарным обращением, как, напр., налоги, ренты и т. д. Масса денег, потребная в определенные дни года для этих разбросанных по всей стране платежей, вызывает периодические, но совершенно поверхностные пертурбации в экономии средств платежа [106]. Из закона быстроты обращения средств платежа вытекает, что масса средств платежа, необходимых для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, находится в обратном отношении к продолжительности платежных периодов [107].

---

[106] «В духов день 1824 г., — рассказывает г. Крэйг парламентской комиссии 1826 г., — в Эдинбурге был такой громадный спрос на банкноты, что к 11 часам мы не имели в своем распоряжении ни одной банкноты. Мы по очереди обращались к различным банкам с целью занять несколько банкнот, но не могли ничего получить, и многие сделки пришлось совершить при помощи «slips of paper» [«клочков бумаги», неоформленных банковых бон]. Но уже к 3 часам пополудни все банкноты вернулись в те банки, из которых они уплыли. Они только прошли через несколько рук». Хотя среднее число банкнот, действительно обращающихся в Шотландии, не достигает и 3 млн. ф. ст., тем не менее в те дни года, когда производятся различные платежи, идут в дело все имеющиеся у банкиров банкноты, т. е. на сумму — приблизительно — 7 млн. ф. ст. При этом банкноты выполняют лишь одну-единственную специфическую функцию и, раз она выполнена, немедленно притекают обратно в те банки, из которых они вышли (*John Fullarton:* «Regulation of Currencies», 2-е изд., London 1845, стр. 86, примечание). Для пояснения прибавим, что во время появления работы Фуллартона на вклады в Шотландии выдавались не чеки, а только банкноты.

[107] На вопрос: «Если бы пришлось в течение года сделать уплаты на 40 млн., то хватило ли бы этих 6 млн. (золотом) для всех оборотов, которых потребовала бы в этом случае торговля?», Петти отвечает со своим обычным мастерством: «Я отвечаю: да. Если бы все обороты представляли такие короткие циклы, как, напр., неделя, что и имеет место среди бедных ремесленников и рабочих, получающих плату каждую субботу, то для производства платежей на 40 млн. нужно было бы $^{40}/_{52}$ миллиона. Если же циклы охваты-

Развитие денег как средства платежа вызывает необходимость накоплять деньги перед сроками уплаты. В то время как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда средств платежа.

с) Всемирные деньги.

Выходя за пределы внутренней сферы обращения, деньги сбрасывают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы масштаба цен — формы монеты, разменной монеты, знаков стоимости — и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов. В мировой торговле товары универсально развертывают свою стоимость. Поэтому и самостоятельный образ их стоимости противостоит им здесь в качестве всемирных денег. Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адэкватным их понятию.

В сфере внутреннего обращения только один какой-нибудь товар может служить мерой стоимости, а следовательно, и деньгами. На мировом рынке господствует двойная мера стоимости — золото и серебро [108].

вали бы четверть года, как то в обычае при уплате ренты и налогов, то потребовалось бы 10 миллионов. Следовательно, предполагая, что в общем сроки платежей представляют среднюю величину между 1 неделей и 13 неделями, мы должны сложить 10 млн. и $^{40}/_{52}$ млн. и взять половину, которая равна $5^1/_2$ млн. Таким образом, если бы мы имели $5^1/_2$ млн., нам хватило бы денег» (*William Petty:* «Political Anatomy of Ireland» 1672, изд. London 1691, стр. 13, 14).

[108] Отсюда ясна нелепость всяких законодательных мер, предписывающих национальным банкам накоплять лишь тот благородный металл, который функционирует в качестве денег внутри страны. Общеизвестны, напр., «милые препятствия», созданные таким образом самим Английским банком на пути своей собственной деятельности. О великих исторических эпохах изменения относительной стоимости золота и серебра см. *Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 136 и сл. [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 139 и сл.] *Добавление ко 2-му изд.* Сэр Роберт Пиль в своем банковом акте 1844 г. старался помочь этому горю тем, что разрешил Английскому банку выпускать банкноты, обеспеченные серебром (в слитках), причем, однако, запас серебра отнюдь не должен был превышать одной четверти золотого запаса. Стоимость серебра при этом определяется по его рыночной цене (золотой) на лондонском рынке. {*К 4-му изданию.* Мы опять переживаем эпоху интенсивного относительного изменения стоимости золота и серебра. Лет 25 тому назад отношение стоимостей золота и серебра было = $15^1/_2$: 1, теперь оно приблизительно = 22 : 1, и стоимость серебра по сравнению с золотом все еще продолжает падать. По существу это вызвано переворотом в способе добычи обоих металлов. Раньше золото добывалось почти исключительно путем промывки золотоносных аллювиальных пластов, т. е. продуктов выветривания золотоносных пород. Теперь этот метод уже оказывается недостаточным и оттесняется на задний план непосредственной

Всемирные деньги функционируют как всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще (universal wealth). Функция средства платежа, средства, служащего для расчетов по международным балансам, преобладает. Отсюда лозунг меркантильной системы — торговый баланс[109]. Международным покупательным

разработкой самих жил золотоносного кварца — метод, который был, правда, известен еще древним (*Диодор,* III, 12—14 [«Diodor's v. Sicilien Historische Bibliothek», кн. III, § 12—14. Stuttgart 1828, стр. 258—261]), но до сих пор практиковался лишь как побочный. С другой стороны, не только были открыты новые колоссальные залежи серебра в Скалистых горах Западной Америки, но благодаря железным дорогам был облегчен доступ к ним и к мексиканским серебряным рудникам, вследствие чего сделалось возможным непрерывно подвозить современные машины и топливо, а следовательно, значительно расширить масштаб добычи серебра и понизить издержки. Однако эти два металла встречаются в рудных жилах в чрезвычайно различной форме. Золото попадается обыкновенно в виде самородков, но зато в крайне ничтожных количествах, рассеянных в кварце; вся масса жилы должна быть поэтому измельчена, после чего золото приходится вымывать или извлекать ртутью. На 1 000 000 граммов кварца добывается при этом от 1 до 3, очень редко 30—60 граммов золота. Серебро редко встречается самородками, но обыкновенно в особых рудах, сравнительно легко отделимых от остальной массы жилы и содержащих значительное количество, от 40 до 90 процентов, серебра; или же оно заключается в небольших количествах в рудах, которые уже сами по себе заслуживают разработки, напр. медных, свинцовых и т. п. Уже отсюда видно, что в то время как труд, затрачиваемый на добывание золота, скорее увеличился, труд добывания серебра значительно уменьшился, так что падение стоимости последнего объясняется совершенно естественно. Это падение стоимости выразилось бы в еще более значительном падении цены, если бы цена серебра и в настоящее время не поддерживалась на определенной высоте искусственными средствами. Но американские залежи серебра разработаны пока и доступны для разработки в самой ничтожной мере, и потому имеются все шансы, что стоимость серебра еще долгое время будет понижаться. В том же направлении влияет относительное уменьшение спроса на серебро для предметов потребления и роскоши вследствие замены массивного серебра накладным, алюминием и т. п. Отсюда ясен весь утопизм биметаллических мечтаний о том, чтобы путем принудительного интернационального курса поднять стоимость серебра до прежнего отношения к стоимости золота $1:15^1/_2$. Скорее серебру предстоит все более и более утрачивать свое свойство денег на мировом рынке. — *Ф. Э.*}

[109] Противники меркантильной системы, которая считает целью мировой торговли погашение излишков торговых балансов золотом и серебром, в свою очередь совершенно не поняли, в чем состоит функция всемирных денег. Что ложное понимание международного движения благородных металлов лишь отражает в себе ложное понимание законов, регулирующих массу средств обращения, — это я обстоятельно показал на примере Рикардо («Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 150 и сл.). [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 152 и сл.] Его ошибочная догма: «Неблагоприятный торговый баланс возникает исключительно благодаря излишку средств обращения... Вывоз монеты обусловливается ее дешевизною и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса» — встречается уже у Барбона: «Уравнение торгового баланса (если таковое происходит) не есть причина вывоза денег данной нации, но последний происходит вследствие разницы в стоимости благородных металлов у различных наций» (*N. Barbon:* «A Discourse con-

средством золото и серебро служат по существу тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями. Наконец, они функционируют как абсолютно общественная материализация богатства там, где дело идет не о купле или платеже, но о перенесении богатства из одной страны в другую, и где это перенесение в товарной форме невозможно или вследствие неблагоприятных конъюнктур товарного рынка, или вследствие того, что самая цель перенесения богатства требует в данном случае денежной формы[110].

Как для внутреннего обращения, так и для обращения на мировом рынке каждая страна нуждается в известном резервном фонде. Следовательно, функции сокровища возникают частью из функции денег как средства обращения и средства платежа на внутреннем рынке, частью из их функции как всемирных денег[110a]. Для последней роли всегда требуется действительный денежный товар, золото и серебро во всей их телесности, вследствие чего Джемс Стюарт характеризует золото и серебро в отличие от их локальных заместителей как money of the world [всемирные деньги].

Золотой и серебряный поток движется в двояком направлении. С одной стороны, отправляясь от своих источников, он разливается по всему мировому рынку, впитывается в различной степени

---

cerning Coining the New Money lighter». London 1696, стр. 59). Мак Куллох в «The Literature of Political Economy, a classified catalogue», London 1845, хвалит Барбона за это предвосхищение Рикардо, но благоразумно избегает упомянуть хотя бы одним словом о тех абсурдных предпосылках «currency principle», которые у Барбона проявляются еще в самой наивной форме. Некритичность и даже прямая недобросовестность этого каталога достигает своего апогея в отделах, посвященных истории теории денег; тут Мак Куллох виляет хвостом перед лордом Оверстоном (ex-банкиром Ллойдом), сикофантом которого он является и которого он именует «facile princeps argentariorum» [«несомненным князем банкиров»].

[110] Например, при субсидиях, денежных займах на ведение войн или с целью помочь банкам возобновить платежи наличными и т. п. стоимость требуется именно в денежной форме.

[110a] *Примечание ко 2-му изд.* «В самом деле, едва ли можно желать более убедительного доказательства, что механизм резервных фондов в странах с металлическим обращением дает возможность покрыть все необходимые интернациональные обязательства без какой-либо заметной поддержки со стороны общего фонда обращения, чем та легкость, с которою Франция, едва оправившись от удара, нанесенного опустошительным иностранным вторжением, была в состоянии выплатить в течение 27 месяцев контрибуцию приблизительно в 20 миллионов [фунтов стерлингов], наложенную на нее союзными державами, и притом значительную часть этой контрибуции выплатила звонкой монетой, без всякого заметного сокращения или расстройства своего внутреннего денежного обращения и даже без малейших тревожных колебаний вексельного курса» (*Fullarton:* «Regulation of Currencies», изд. 2-е, London 1845, стр. 141). {*К 4-му изданию.* Еще более поразительный пример представляет та легкость, с которою та же самая Франция в 1871—1873 гг. сумела выплатить в течение 30 месяцев военное вознаграждение почти в десять раз более крупное, и опять-таки в значительной части звонкой монетой. — *Ф. Э.*}

различными сферами национального обращения, входит в их внутренние каналы обращения, замещает сношенные золотые и серебряные монеты, доставляет материал для предметов роскоши и застывает в виде сокровищ[111]. Это первое движение совершается при посредстве прямого обмена национального труда, реализованного в товарах, на реализованный в благородных металлах труд стран, производящих золото и серебро. Но, с другой стороны, золото и серебро постоянно перемещаются туда и сюда между сферами обращения различных наций, следуя в этом своем движении за непрерывными колебаниями вексельного курса[112].

Страны развитого буржуазного производства ограничивают сокровища, массами скопляющиеся в банковых резервуарах, необходимым для их специфических функций минимумом[113]. За известными исключениями чрезмерное по сравнению с средним уровнем накопление сокровищ в их резервуарах свидетельствует о застое товарного обращения, или о приостановке течения товарных метаморфоз[114].

---

[111] «Деньги распределяются между различными нациями сообразно той потребности, которую последние в них имеют... везде притягиваясь товарами» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 916). «Рудники, непрерывно доставляющие золото и серебро, дают их достаточно для того, чтобы доставить такое необходимое количество каждой нации» (*J. Vanderlint:* «Money answers all Things». London 1734, стр. 40).

[112] «Вексельные курсы поднимаются и падают каждую неделю и ежегодно в известные моменты особенно благоприятны для одной нации, в другие моменты столь же благоприятны для ее соперниц» (*N. Barbon:* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter». London 1696, стр. 39).

[113] Эти различные функции могут вступить между собой в опасный конфликт, как только к ним присоединяется функция служить фондом, обеспечивающим размен банкнот.

[114] «Количество денег, превышающее то, что абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капитал... и не приносит никакой прибыли той стране, которая ими обладает; они просто вывозятся и опять ввозятся посредством внешней торговли» (*John Bellers:* «Essays about the Poor». London 1699, стр. 13). «А что произойдет, если у нас будет слишком много монет? Мы должны в этом случае наиболее полновесные из них опять переплавить и превратить в роскошные блюда, сосуды или утварь из золота и серебра; или послать их в виде товаров туда, где в них нуждаются; или ссудить их под проценты, если процент высок» (*W. Petty:* «Quantulumcunque concerning Money», 1682, стр. 39). «Деньги — это не более как жир политического тела, вследствие чего избыток их делает его неповоротливым, а недостаток причиняет ему болезнь;... подобно тому как жир служит как бы смазочным маслом при движении мускулов, питает при недостатке пищи, восполняет пустоты и украшает тело, точно так же действуют и деньги в государственном теле; они ускоряют его деятельность, питают чужестранным продуктом во время неурожая у себя дома, погашают долговые требования... и украшают целое; впрочем, — иронически заключает автор, — последнее относится главным образом к тем лицам, которые имеют деньги в изобилии» (*W. Petty:* «Political Anatomy of Ireland» 1672, изд. London 1691, стр. 14).

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

1. ВСЕОБЩАЯ ФОРМУЛА КАПИТАЛА.

Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками его возникновения являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала.

Если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, обмен различных потребительных стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, порождаемые этим процессом, то мы найдем, что деньги представляют собою его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала.

Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег, как денежное имущество, как купеческий и ростовщический капитал[1]. Но нет даже надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном, рабочем или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал.

---

[1] Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: «Nulle terre sans seigneur». — «L'argent n'a pas de maître» [«Нет земли без господина». — «У денег нет господина»].

Деньги как деньги и деньги как капитал сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения.

Непосредственная форма товарного обращения есть *Т — Д — Т*, превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар, продажа ради купли. Но наряду с этой формой мы находим другую, специфически отличную от нее, форму *Д — Т — Д*, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, куплю ради продажи. Деньги, описывающие в своем движении этот последний цикл, превращаются в капитал, становятся капиталом и уже по своему назначению представляют собою капитал.

Присмотримся ближе к обращению *Д — Т — Д*. Подобно простому товарному обращению оно пробегает две противоположных фазы. Первая фаза, *Д — Т*, купля, представляет собою превращение денег в товар. Вторая фаза, *Т — Д*, или продажа, — обратное превращение товара в деньги. Обе фазы вместе образуют единый процесс, в котором деньги обмениваются на товар, и потом этот самый товар обменивается опять на деньги, товар покупается для продажи, или, если оставить в стороне формальные различия между куплей и продажей, — на деньги покупается товар и на товар деньги[2]. Результат, в котором растворяется весь процесс, есть обмен денег на деньги, *Д — Д*. Если я на 100 ф. ст. покупаю 2 000 ф. хлопка и снова продаю эти 2 000 ф. хлопка за 110 ф. ст., то в результате я обменял 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Очевидно прежде всего, что процесс обращения *Д — Т — Д* был бы совершенно нелеп и бессодержателен, если бы он представлял собою лишь некоторый обходный путь для того, чтобы данную денежную стоимость обменять на ту же самую денежную стоимость, напр. 100 ф. ст. на 100 ф. ст. Несравненно проще и надежнее метод собирателя сокровищ, который хранит у себя свои 100 ф. ст., вместо того чтобы доверять их опасностям обращения. С другой стороны, когда купец продает купленный им за 100 ф. ст. хлопок, то совершенно независимо от того, выручает ли он при этом 110 ф. ст., или 100 ф. ст., или даже только 50 ф. ст., его деньги описывают своеобразный и оригинальный путь, совершенно отличный от простого товарного обращения, когда, напр. крестьянин продает хлеб и на вырученные деньги покупает себе одежду. Итак, прежде всего мы должны охарактеризовать формальное различие между кругооборотами *Д — Т — Д* и *Т — Д — Т*. Вместе с тем обнаружится и различие по существу, скрывающееся за этими формальными различиями.

Посмотрим сначала, что̀ общего в обеих этих формах.

Оба кругооборота распадаются на одни и те же противоположные фазы: *Т — Д*, продажа, и *Д — Т*, купля. В каждой из обеих фаз

---

[2] «На деньги покупают товар и на товар покупают деньги» (*Mercier de la Rivière*: «L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques», «Physiocrates», изд. Daire, ч. II, стр. 543).

противостоят друг другу одни и те же две вещи — товар и деньги и те же два лица в одних и тех же характерных экономических масках — покупатель и продавец. Каждый из обоих кругооборотов представляет собою единство одних и тех же противоположных фаз, и оба раза это единство осуществляется при посредстве трех контрагентов, из которых один только продает, другой только покупает, а третий попеременно покупает и продает.

Но что уже с самого начала разделяет кругообороты *Т—Д—Т* и *Д—Т—Д*, так это обратная последовательность одних и тех же противоположных фаз обращения. Простое товарное обращение начинается продажей и заканчивается куплей, обращение денег как капитала начинается куплей и заканчивается продажей. Там товар, здесь деньги образуют исходный и конечный пункты движения. В первой форме роль посредника во всем процессе играют деньги, во второй, наоборот, — товар.

В обращении *Т—Д—Т* деньги, в конце концов, превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью. Следовательно, тут деньги затрачиваются окончательно. Напротив, в противоположной форме *Д—Т—Д* покупатель затрачивает деньги лишь для того, чтобы получить деньги в качестве продавца. Покупая товар, он бросает деньги в обращение с тем, чтобы вновь извлечь их оттуда путем продажи того же самого товара. Он выпускает из рук деньги лишь с затаенным намерением снова овладеть ими. Таким образом, деньги здесь лишь авансируются[3].

В форме *Т—Д—Т* одни и те же деньги дважды меняют свое место. Продавец получает их от покупателя и уплачивает их другому продавцу. Весь процесс в целом, начинающийся получением денег за товар, заканчивается отдачей денег за товар. Обратно протекает процесс в форме *Д—Т—Д*. Не одни и те же деньги, а один и тот же товар два раза меняет здесь свое место. Покупатель получает его из рук продавца и снова передает его в руки другого покупателя. Как в простом товарном обращении двукратное перемещение одних и тех же денег вызывает их окончательный переход из одних рук в другие, так здесь двукратная перемена места одним и тем же товаром приводит деньги обратно к их исходному пункту.

Обратный приток денег к их исходному пункту не зависит от того, продается ли товар дороже, чем он был куплен, или нет. Это обстоятельство влияет лишь на величину притекающей обратно денежной суммы. Самое явление обратного притока совершается во всяком случае, если только купленный товар действительно

[3] «Когда покупают какую-либо вещь с целью перепродажи, то затраченная при этом сумма называется авансированными деньгами; если же вещь покупается не для перепродажи, деньги могут быть названы издержанными» (*James Steuart:* «Works» etc., edited by General Sir James Steuart, his son. London 1805, т I, стр. 274).

снова продается, т. е. если кругооборот *Д—Т—Д* описывается полностью. Следовательно, здесь мы находим чувственно воспринимаемую разницу между обращением денег как капитала и их обращением просто как денег.

Кругооборот *Т—Д—Т* совершенно закончен, как только деньги, вырученные от продажи одного товара, унесены куплей другого товара. И если обратный приток денег к исходному пункту здесь все-таки произойдет, то лишь благодаря возобновлению или повторению всего процесса. Если я продаю квартер хлеба за 3 ф. ст. и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то для меня эти 3 ф. ст. издержаны окончательно. Я уже не имею к ним более никакого отношения. Они принадлежат торговцу платьем. Если бы я продал второй квартер пшеницы, то деньги вернулись бы ко мне обратно, но не вследствие первой сделки, а лишь вследствие ее повторения. Деньги снова удаляются от меня, если я доведу эту сделку до конца, совершив новую куплю. Следовательно, в обращении *Т—Д—Т* затрата денег не имеет никакого отношения к их обратному притоку. Напротив, в *Д—Т—Д* обратный приток денег обусловливается самим характером их затраты. Без этого обратного притока всю операцию надо признать неудавшейся или процесс прерванным и еще незаконченным, так как недостает его второй фазы — продажи, дополняющей и завершающей куплю.

Кругооборот *Т—Д—Т* имеет своей исходной точкой один товар, а конечной точкой другой товар, который выходит из обращения в потребление. Потребление, удовлетворение потребностей, одним словом — потребительная стоимость есть, таким образом, конечная цель этого кругооборота. Напротив, кругооборот *Д—Т—Д* берет исходным пунктом денежный полюс и, в конце концов, возвращается к тому же полюсу. Его движущим мотивом, его определяющей целью является поэтому сама меновая стоимость.

В простом товарном обращении оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — товары. И притом товары равной стоимости. Но зато они качественно различные потребительные стоимости, напр. хлеб и платье. Обмен продуктов, обмен различных веществ, в которых выражается общественный труд, составляет здесь содержание движения. Иначе обстоит дело в обращении *Д—Т—Д*. На первый взгляд оно представляется бессодержательным вследствие своей тавтологичности. Оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — деньги, следовательно не являются качественно различными потребительными стоимостями, потому что деньги представляют собою как раз такой превращенный образ товаров, в котором погашены все особенные потребительные стоимости последних. Сначала обменять 100 ф. ст. на хлопок, а затем снова обменять этот хлопок на

100 ф. ст., т. е. окольным путем деньги на деньги, то же на то же, — такая операция представляется столь же бесцельной, сколь и нелепой[4]. Одна денежная сумма может вообще отличаться от другой денежной суммы только по величине. Процесс *Д—Т—Д* обязан поэтому своим содержанием не качественной разнице между своими крайними пунктами, — потому, что оба они деньги, — а лишь их количественному различию. В результате этого процесса из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было брошено в него. Хлопок, купленный, напр., за 100 ф. ст., снова продается за 100+10 ф. ст., или 110 ф. ст. Поэтому полная форма рассматриваемого процесса выражается так: *Д—Т—Д'*, где $Д' = Д + \Delta Д$, т. е. равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю прибавочной стоимостью (surplus value). Таким образом, первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или самовозрастает [verwerthet sich]. И как раз это движение превращает ее в капитал.

Возможно, правда, что в *Т—Д—Т* оба крайние пункта, *Т* и *Т*, напр. хлеб и платье, представляют собою количественно различные стоимости. Крестьянин может продать свой хлеб выше его стоимости или купить платье ниже его стоимости. С другой стороны, его может надуть торговец платьем. Но для самой этой формы обращения такие различия в стоимости представляют собою

[4] «Деньги не меняют на деньги», — восклицает Мерсье де ля Ривьер по адресу меркантилистов («L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques», «Physiocrates», изд. Daire, стр. 486). В одном сочинении, которое специально трактует о «торговле» и «спекуляции», мы читаем: «Всякая торговля заключается в обмене разнородных вещей; и выгода (для купца?) возникает именно вследствие этой разнородности. Обмен одного фунта хлеба на один фунт хлеба не принес бы ни малейшей выгоды... отсюда выгодный контраст между торговлей и игрой, которая представляет собою лишь обмен денег на деньги» (*Th. Corbet:* «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained». London 1841, стр. 5). Хотя Корбет не замечает, что *Д—Д*, обмен денег на деньги, есть форма обращения, характерная не только для торгового капитала, но и для всякого капитала вообще, он, по крайней мере, признает, что эта форма одного из видов торговли, а именно спекуляции, совпадает с игрой; но вот является Мак Куллох и находит, что всякая купля для продажи есть спекуляция, и, таким образом, разница между спекуляцией и торговлей совершенно исчезает. «Всякая сделка, в которой один индивидуум покупает продукт с той целью, чтобы снова продать его, фактически есть спекуляция» (*Mac Culloch:* «A Dictionary Practical etc. of Commerce». London 1847, стр. 1009). Гораздо наивнее Пинто — Пиндар амстердамской биржи: «Торговля есть игра (это положение он заимствует у Локка), и, конечно, играя с тем, у кого ничего нет, нельзя выиграть. Поэтому, если бы кто-нибудь в течение долгого времени всегда и у всех выигрывал, ему пришлось бы добровольно возвратить бо̀льшую часть своего барыша, чтобы начать игру снова» (*Pinto:* «Traité de la Circulation et du Crédit». Amsterdam 1771, стр. 231).

нечто совершенно случайное. Эта форма обращения, в противоположность *Д—Т—Д*, ничуть не утрачивает своего смысла и значения, если оба крайние пункта, напр. хлеб и платье, эквивалентны друг другу. Наоборот, равенство их стоимостей представляет здесь собою условие нормального хода процесса.

Повторение, или возобновление продажи ради покупки, так же как и самый этот процесс, имеют своею мерою и своею целью конечный результат, лежащий вне этого процесса и заключающийся только в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. Напротив, при купле ради продажи начало и конец представляют собою одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость, и уже вследствие одного этого данное движение бесконечно. Как бы то ни было, из *Д* получилось *Д* + Δ*Д*; из 100 ф. ст. 100 + 10 ф. ст. Но рассматриваемые только с качественной стороны, 110 ф. ст. представляют собою то же самое, что и 100 ф. ст., а именно деньги. И с количественной стороны 110 ф. ст. — такая же ограниченная сумма стоимости, как и 100 ф. ст. Если бы эти 110 ф. ст. были израсходованы как деньги, они вышли бы из своей роли. Они перестали бы тогда быть капиталом. Извлеченные из обращения, они окаменевают в сокровище, и тут уже ни один фартинг не нарастает на них, хотя бы они лежали до второго пришествия. Следовательно, раз дело идет о возрастании стоимости, потребность в таком возрастании присуща 110 ф. ст., так же как 100 ф. ст., потому что обе эти суммы представляют собою ограниченные выражения меновой стоимости, и, следовательно, они имеют одно и то же призвание приближаться к абсолютному богатству путем увеличения своих размеров. Правда, на один момент первоначально авансированная стоимость в 100 ф. ст. отличается от 10 ф. ст. прибавочной стоимости, наросшей на нее в обращении, но это различие тотчас же расплывается снова. В итоге процесса получается не двойной результат: на одной стороне первоначальная стоимость в 100 ф. ст., на другой стороне прибавочная стоимость в 10 ф. ст., а единая стоимость в 110 ф. ст. Последняя имеет форму, столь же пригодную для того, чтобы снова начать процесс самовозрастания, как и первоначальные 100 ф. ст. Движение заканчивается деньгами, которые образуют начало нового, такого же движения[5]. Следовательно, конец каждого отдельного кругооборота, в котором купля совершается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового кругооборота. Простое товарное

[5] «Капитал... делится на первоначальный капитал и прибыль, прирост капитала... хотя на практике эта прибыль тотчас же снова присоединяется к капиталу и вместе с ним пускается в обращение» (*F. Engels:* «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie», в «Deutsch-Französische Jahrbücher, herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx». Paris 1844, стр. 99). [*Ф. Энгельс:* «Очерки критики политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 306.]

обращение — продажа ради купли — служит средством для достижения конечного результата, лежащего вне обращения, — для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как самовозрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ[6].

Как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом. Его личность или, точнее, его карман — вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги. Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть его субъективная цель, и поскольку растущее присвоение абстрактного богатства является единственным движущим мотивом его операции, постольку — и лишь постольку — он функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость никогда

[6] Аристотель противопоставляет хрематистике экономику. Он исходит из экономики. Поскольку последняя представляет собою искусство приобретения, она ограничивается приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства. «Истинное богатство (ὁ ἀληθινὸς πλοῦτος) состоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует, однако, искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последней не существует, повидимому, границ богатства и собственности. Товарная торговля (ἡ καπηλικὴ значит буквально мелочная торговля, и Аристотель берет эту форму потому, что в ней решающую роль играет потребительная стоимость) по природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется лишь на предметы, необходимые для них самих (покупателей и продавцов)». Поэтому, — говорит он дальше, — первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиться в καπηλική, в товарную торговлю, а эта последняя, в противоречии с ее первоначальной тенденцией, превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги. Хрематистика далее отличается от экономики тем, что «для нее обращение есть источник богатства (ποιητικὴ χρημάτων... διὰ χρημάτων μεταβολῆς). Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена (το γὰρ νόμισμα στοιχεῖον καὶ πέρας τῆς ἀλλαγῆς εστίν). Поэтому-то и богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично. Ведь и всякое искусство, задача которого служит не средством для чего-либо, но является последней конечной целью, безгранично в своем стремлении все ближе и ближе подойти к этой цели, тогда как искусства, преследующие лишь отыскание средств для известной цели, не безграничны, ибо сама эта цель полагает им границы. Таким образом, хрематистика не знает границ для своей цели, но ее цель есть абсолютное обогащение. Экономика, а не хрематистика, имеет границу... первая ставит своей целью нечто отличное от самих денег, вторая ищет лишь их увеличения... Смешение обеих форм, переходящих одна в другую, дало некоторым повод рассматривать сохранение денег и увеличение их количества до бесконечности как последнюю цель экономики» (*Aristoteles:* «De Republica», изд. Bekker, кн. I, гл. 8 и 9, в разных местах). [Ср. «Политика Аристотеля», кн. I, стр. 22—26, в разных местах. Перевод Жебелева, СПБ. 1911.]

нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста[7]. Равным образом не получение единичной прибыли является его целью, но ее неустанное движение[8]. Это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью[9] является общей и для капиталиста и для собирателя сокровищ, но в то время как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Того неудержимого возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая[10] деньги от обращения, более проницательный капиталист достигает, все снова и снова вверяя их обращению[10a].

Те самостоятельные формы — денежные формы, — которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, служат только обмену товаров и исчезают в конечном результате движения. Напротив, в обращении *Д — Т — Д* и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости: деньги как всеобщий, товар — как особенный и, так сказать, замаскированный способ ее существования[11]. Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда, однако, не утрачиваясь в этом движении, и превращается таким образом в автоматически действующий субъект. Если фиксировать отдельные формы проявления, которые самовозрастающая стоимость попеременно принимает в своем жизненном кругообороте, то получаются такие определения: капитал есть деньги, капитал есть

---

[7] «Не товар (тут в смысле потребительной стоимости) имеет определяющее значение для промышленного капиталиста... деньги его конечная цель» (*Th. Chalmers:* «On Political Economy etc.», изд. 2-е, Glasgow 1832, стр. 165, 166).

[8] «Купец почти ни во что не ценит уже полученную прибыль, но всегда стремится к новой» (*A. Genovesi:* «Lezioni di Economia Civile» (1765). Издание итальянских экономистов *Custodi*, Parte Moderna, т. VIII, стр. 139).

[9] «Неутолимая страсть к прибыли, auri sacra fames [священная жажда золота] всегда определяет деятельность капиталистов» (*Mac Culloch:* «The Principles of Political Economy». London 1830, стр. 179). Само собой разумеется, эта точка зрения ничуть не мешает Мак Куллоху и К° в минуту теоретического затруднения, напр. при изучении перепроизводства, превратить того же самого капиталиста в доброго обывателя, которому нужны только потребительные стоимости, которого мучит поистине волчий аппетит к сапогам, шляпам, яйцам, ситцу и др. потребительным стоимостям, имеющим столь же непосредственное отношение к семейному очагу.

[10] «Σώζειν» [«спасать»] — характерное выражение греков для обозначения накопления сокровищ. Равным образом, по-английски «to save» значит и «спасать» и «сберегать».

[10a] «Та бесконечность, которой вещи не достигают, двигаясь в одном направлении, достигается ими путем кругообращения» (*Galiani* [«Della Moneta», кн. II, в «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica», изд. *Custodi*, т. III, Milano 1803, стр. 156]).

[11] «Не сама по себе данная материя составляет капитал, а стоимость этой материи» (*J. B. Say:* «Traité d'Économie Politique», изд. 3-е, Paris 1817, т. II, стр. 429).

товар[12]. Однако на самом деле стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Потому что то движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она порождает живых детенышей или, по крайней мере, кладет золотые яйца.

Как самовозрастающий субъект этого процесса, в котором она то принимает, то сбрасывает с себя денежную и товарную формы и в то же время неизменно сохраняется и возрастает в этих превращениях, стоимость нуждается прежде всего в самостоятельной форме, в которой было бы констатировано ее тождество с нею же самой. И этой формой она обладает лишь в виде денег. Деньги образуют поэтому исходный и заключительный пункт всякого процесса самовозрастания стоимости. Она была равна 100 ф. ст., теперь она 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги играют здесь роль лишь одной из форм стоимости, потому что их здесь две. Не приняв на себя товарной формы, деньги не могут стать капиталом. Таким образом, здесь деньги не выступают против товаров полемически, как при накоплении сокровищ. Капиталист знает, что всякие товары, какими бы оборвышами они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег.

Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Более того. Вместо того чтобы выражать собою отношение товаров, она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 ф. ст.

---

[12] «Обращающиеся деньги [currency] (!), употребленные с производительной целью, суть капитал» (*Macleod:* «The Theory and Practice of Banking». London 1855, т. I, гл. 1, стр. 55). «Капитал — это товары» (*James Mill:* «Elements of Political Economy». London 1821, стр. 74).

Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот[13]. *Д—Д'*, деньги, порождающие деньги, — money which begets money, — таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов.

Купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать дороже, *Д—Т—Д'*, представляет на первый взгляд форму, свойственную лишь одному виду капитала — купеческому капиталу. Но и промышленный капитал есть деньги, которые превращаются в товар и потом путем продажи товара обратно превращаются в большее количество денег. Акты, которые совершаются вне сферы обращения в промежутке между куплей и продажей, нисколько не изменяют этой формы движения. Наконец, в капитале, приносящем проценты, обращение *Д—Т—Д'* представлено в сокращенном виде, в своем результате без посредствующего звена, в своем, так сказать, лапидарном стиле, как *Д—Д'*, как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя.

Таким образом, *Д—Т—Д'* есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВСЕОБЩЕЙ ФОРМУЛЫ.

Та форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал, противоречит всем развитым раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения. От простого товарного обращения ее отличает обратная последовательность тех же самых двух противоположных процессов, продажи и купли. Но каким чудом такое чисто формальное различие может преобразовать самую природу данного процесса?

Мало того: этот обратный порядок существует лишь для одного из трех деловых друзей, вступающих между собой в сделку. Как капиталист, я покупаю товар у *А* и продаю его затем *В*; как простой товаровладелец, я продаю товар *В* и потом снова покупаю товар у *А*. Для деловых друзей *А* и *В* этого различия не существует. Они выступают лишь в качестве продавца и покупателя товаров. Я сам противостою им в обоих случаях как простой владелец денег или товаровладелец, как покупатель или как продавец. Как при той,

---

[13] «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» (*Sismondi:* «Nouveaux Principes d'Économie Politique», т. I, стр. 88, 89). [Ср. *Симонд де Сисмонди:* «Новые начала политической экономии», т. I, Соцэкгиз, 1936 г., стр. 185.]

так и при другой последовательности метаморфоз я противостою одному из них только как покупатель, другому — только как продавец: одному — только в качестве денег, другому — только в качестве товара, но я никому не противостою в качестве капитала или в качестве капиталиста, т. е. как представитель чего-то такого, что было бы больше, чем деньги, или больше, чем товар, чего-то такого, что могло бы производить какое-либо иное действие, кроме того, которое свойственно деньгам или товарам. Для меня купля у *A* и продажа *B* образуют один последовательный ряд. Но связь между этими двумя актами существует только для меня. *A* нет никакого дела до моей сделки с *B*, *B* — никакого дела до моей сделки с *A*. Если бы я захотел объяснить моим контрагентам ту особую мою заслугу, что я перевернул порядок следования сделок, то они доказали бы мне, что я заблуждаюсь относительно самого этого порядка следования, что сделка в целом не началась куплей и не кончилась продажей, а, наоборот, началась продажей и завершилась куплей. В самом деле: мой первый акт, купля, есть продажа с точки зрения *A*, мой второй акт, продажа, есть купля с точки зрения *B*. Не удовольствовавшись этим, *A* и *B* заявят кроме того, что весь этот порядок следования есть совершенно излишний фокус-покус. *A* мог бы прямо продать свой товар *B*, *B* прямо купить у *A*. Вместе с тем вся сделка превращается в односторонний акт обычного товарного обращения — продажу с точки зрения *A*, куплю с точки зрения *B*. Таким образом, перевернув порядок следования актов, мы отнюдь не вышли из сферы простого товарного обращения: нам приходится поэтому исследовать вопрос, допускает ли природа самой этой сферы возрастание входящих в нее стоимостей, а следовательно, образование прибавочной стоимости.

Возьмем процесс обращения в той его форме, в которой он представляет собой простой товарообмен. Эта форма имеется налицо во всех тех случаях, когда два товаровладельца покупают друг у друга товары и с наступлением срока платежа сводят баланс взаимных денежных обязательств. Деньги служат здесь счетными деньгами; они выражают стоимости товаров в их ценах, но не противостоят самим товарам телесно. Очевидно, поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающиеся между собою лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются. Но выгодность сделки может даже не ограничиваться этим. Возможно, что *A*, продающий вино и покупающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше вина, чем мог бы произвести его в течение того же самого рабочего времени возделыватель хлеба *B*, и обратно: *B*, возделывающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше хлеба, чем его мог бы

произвести винодел *A*. Таким образом, *A* получает за ту же самую меновую стоимость больше хлеба, а *B* больше вина, чем получил бы каждый из них, если бы оба они вынуждены были производить для себя и вино и хлеб, не прибегая к обмену. Следовательно, в отношении потребительной стоимости можно сказать, что «обмен есть сделка, в которой выигрывают обе стороны»[14]. Иначе обстоит дело с меновой стоимостью. «Человек, имеющий много вина, но не имеющий хлеба, вступает в сделку с человеком, у которого много хлеба, но нет вина, и между ними происходит обмен пшеницы стоимостью в 50 на ту же самую стоимость 50 в виде вина. Этот обмен не представляет увеличения меновой стоимости ни для первого, ни для второго, потому что уже до обмена каждый из них обладал стоимостью, равной той, которую получает при посредстве этой операции»[15]. Дело нисколько не изменяется от того, что между товарами становятся деньги в качестве средства обращения и что акт купли осязательно отделяется от акта продажи[16]. Стоимость товаров выражается в их ценах раньше, чем они вступают в обращение, следовательно она — предпосылка обращения, а не результат его[17].

Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения, мы найдем здесь, кроме замены одной потребительной стоимости другою, только товарную метаморфозу, т. е. простое изменение формы товара. Одна и та же стоимость, т. е. одно и то же количество овеществленного общественного труда, находится в руках одного и того же товаровладельца сначала в форме товара, потом в форме денег, в которые товар превратился, наконец опять в форме товара, в который обратно превратились деньги. Такое превращение формы не заключает в себе изменения величины стоимости. Изменение, претерпеваемое в этом процессе самою стоимостью товара, ограничивается изменением ее денежной формы. Сначала она существует в виде цены предлагаемого для продажи товара, затем в виде денежной суммы, которая, однако, уже ранее была выражена в цене, наконец в виде цены эквивалентного товара. Эта смена форм

---

[14] «Обмен есть поразительная сделка, в которой оба контрагента выигрывают — всегда (!)» (*Destutt de Tracy:* «Traité de la Volonté et de ses Effets». Paris 1826, стр. 68). Та же самая книга вышла впоследствии под заглавием «Traité d'Économie Politique».

[15] *Mercier de la Rivière:* «L'Ordre Naturel et Essentiel», «Physiocrates», изд. Daire, ч. II, стр. 544.

[16] «Само по себе совершенно безразлично, являются ли одной из этих стоимостей деньги или обе они суть обыкновенные товары» (*Mercier de la Rivière,* там же, стр. 543).

[17] «Не контрагенты определяют стоимость; последняя определена раньше, чем они вступили в сделку» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 906).

сама по себе столь же мало заключает в себе изменение величины стоимости, как размен пятифунтового билета на соверены, полусоверены и шиллинги. Итак, поскольку обращение товара приводит лишь к изменению формы его стоимости, оно приводит, если данное явление протекает в чистом виде, к обмену эквивалентов. Даже вульгарная политическая экономия, несмотря на полное непонимание того, что̀ такое стоимость, всякий раз, когда пытается, поскольку это ей доступно, рассмотреть явление в чистом виде, предполагает, что спрос и предложение взаимно покрываются, т. е. что влияние их вообще уничтожается. Следовательно, если в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: «Где равенство, там нет выгоды»[18]. Хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но такое отклонение является нарушением законов товарообмена[19] В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не дает возможности обогатиться за счет увеличения стоимости[20].

Поэтому за попытками рассматривать обращение товаров как источник прибавочной стоимости скрывается обыкновенно quid pro quo, смешение потребительной стоимости и меновой стоимости. Так, напр., у Кондильяка: «Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... Если бы действительно люди обменивались только равными стоимостями, то не получалось бы никакой выгоды ни для одного из контрагентов. На самом деле оба получают, или, по крайней мере, должны получать, выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и обратно... Нельзя же предполагать, что мы будем выставлять на продажу вещи, необходимые для нашего собственного потребления... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньше взамен большего... Совершенно естественно было притти к заключению, что в обмене

---

[18] «Dove è egualità, non è lucro» (*Galiani:* «Della Moneta», т. IV сборника *Custodi:* [«Scrittori Classici Italiani di Economia Politica»], Parte moderna, стр. 244).

[19] «Обмен становится невыгодным для одной из сторон, когда какое-либо постороннее обстоятельство уменьшает или преувеличивает цену: тогда равенство нарушается, но вследствие этой посторонней причины, а не вследствие самого обмена» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 904).

[20] «Обмен по самой своей природе есть договор равенства, договор, который приносит стоимость за равную стоимость. Следовательно, это не есть средство обогащения, так как здесь дают ровно столько, сколько получают» (*Le Trosne*, там же, стр. 903).

равную стоимость дают за равную стоимость, раз стоимость обеих обмениваемых вещей равна одному и тому же количеству денег... Но необходимо принять во внимание и другую сторону дела; спрашивается: не избыток ли мы оба обмениваем на необходимый для каждого из нас предмет?»[21] Как мы видим, Кондильяк не только смешивает потребительную стоимость и меновую стоимость, но с чисто детской наивностью подменяет общество с развитым товарным производством таким строем, при котором производитель сам создает средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток, остающийся по удовлетворении собственных потребностей[22]. Тем не менее аргумент Кондильяка часто повторяется современными экономистами, а именно в тех случаях, когда требуется представить развитую форму товарообмена, торговлю, источником созидания прибавочной стоимости. «Торговля, — говорят, напр., — присоединяет стоимость к продуктам, так как те же самые продукты имеют больше стоимости в руках потребителя, чем в руках производителя, и потому торговля должна в буквальном смысле слова (strictly) рассматриваться как акт производства»[23]. Но товары не оплачивают дважды: один раз их потребительную стоимость, другой раз их стоимость. И если потребительная стоимость товара полезнее для покупателя, чем для продавца, то его денежная форма полезнее для продавца, чем для покупателя. Разве он стал бы в противном случае продавать товар? Мы можем поэтому с таким же правом сказать, что покупатель в буквальном смысле (strictly) совершает «акт производства», когда он, напр., чулки купца превращает в деньги.

Если обмениваются товары или товары и деньги равной меновой стоимости, т. е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекает из обращения большей стоимости, чем пускает в него. В таком случае не происходит образования прибавочной стоимости. В своей чистой форме процесс обращения товаров обусловливает собою обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются в чистом виде. Предположим поэтому, что обмениваются не эквиваленты.

---

[21] *Condillac:* «Le Commerce et le Gouvernement» (1776), изд. Daire et Molinari в «Mélanges d'Économie Politique», Paris 1847, стр. 267 и 291.

[22] Поэтому Ле Трон совершенно правильно отвечает другу своему Кондильяку: «В обществе, вполне сформированном, вообще нет избытка какого-либо рода» [«De l'Intérêt Social», стр. 907]. В то же время он поддразнивает его замечанием, что «если оба обменивающиеся получают одинаковый плюс по сравнению с тем, что они дают, то оба они получают поровну» [там же, стр. 904]. Именно потому, что Кондильяк не имеет еще ни малейшего представления о природе меновой стоимости, он оказывается самым подходящим руководителем для г. профессора Вильгельма Рошера при созидании последним своих собственных детских понятий. См. его «Die Grundlagen der Nationalökonomie», dritte Auflage, 1858.

[23] *S. P. Newman:* «Elements of Political Economy». Andover and New York 1835, стр. 175.

Во всяком случае, на товарном рынке только товаровладелец противостоит товаровладельцу, и та власть, которой обладают эти лица один по отношению к другому, есть лишь власть их товаров. Вещественное различие товаров есть вещественное основание обмена, оно обусловливает взаимную зависимость товаровладельцев, так как ни один из них не владеет предметом своего собственного потребления и владеет предметом потребления другого. За исключением этого вещественного различия потребительных стоимостей товаров, между последними существует лишь одно различие: различие между натуральной формой и их превращенной формой, между товарами и деньгами. Таким образом, товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы денег.

Допустим теперь, что продавец обладает какой-то необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110, если они стоят 100, т. е. с номинальной надбавкой к цене в 10%. Продавец получает таким образом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того как он был продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец и, в свою очередь, пользуется привилегией продавать товар на 10% дороже. Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10[24]. В общем дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10% дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка к цене товаров имеет такое же значение, как, напр., измерение товарных стоимостей в серебре вместо золота. Денежные названия, или цены, товаров возрастают, но отношение их стоимостей остаются неизменными.

Допустим, наоборот, что покупатель обладает привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Тут нет надобности даже напоминать, что покупатель, в свою очередь, станет продавцом. Он уже был продавцом, прежде чем стал покупателем. Он уже потерял в качестве продавца 10%, прежде чем выиграл 10% в качестве покупателя[25]. Все остается по-старому.

Итак, образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал не может быть объяснено ни тем, что

[24] «При увеличении номинальной стоимости продукта... продавцы не обогащаются... ибо ровно столько, сколько они выигрывают как продавцы, они теряют в качестве покупателей» («The Essential Principles of the Wealth of Nations etc.». London 1797, стр. 66).

[25] «Если бы продавцы были вынуждены уступить за 18 ливров такое количество продуктов, которое стоит 24 ливра, то, как только они употребили бы вырученные деньги для покупок, они, в свою очередь, получили бы за 18 ливров то, за что следовало бы заплатить 24 ливра» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 897).

продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже их стоимости[26].

Проблема нисколько не упростится, если мы контрабандой введем в нее чуждые ей отношения, если мы, напр., скажем вместе с полковником Торренсом: «Действительный спрос состоит в способности и склонности (!) потребителей путем непосредственного или посредственного обмена давать за товары большее количество всех составных частей капитала, чем стоит их производство»[27]. В обращении производители и потребители противостоят друг другу лишь как продавцы и покупатели. Утверждать, что прибавочная стоимость возникает для производителей вследствие того, что потребители оплачивают товары выше их стоимости, значит только повторять в замаскированном виде простое положение, будто товаровладелец, как продавец, обладает привилегией продавать товары с надбавкой к цене. Продавец сам произвел свой товар или является представителем его производителей, но равным образом и покупатель сам произвел товары, выраженные в его деньгах, или является представителем их производителей. Следовательно, производитель противостоит производителю. Их различает лишь то, что один покупает, в то время как другой продает. Мы не подвинемся ни на шаг далее, если допустим, что товаровладелец под именем производителя продает свой товар выше стоимости, а под именем потребителя сам оплачивает товары дороже их стоимости[28].

Поэтому последовательные защитники иллюзии, будто прибавочная стоимость возникает из номинальной надбавки к цене, или из привилегии продавцов продавать товары слишком дорого, предполагают существование класса, который только покупает не продавая, следовательно только потребляет не производя. Существование такого класса с той точки зрения, которой мы пока достигли, с точки зрения простого обращения, еще не может быть объяснено. Но забежим вперед. Деньги, на которые постоянно покупает такой класс, должны очевидно постоянно притекать к нему от тех же товаровладельцев, и притом без обмена, даром, на основании какого-либо права или узаконенного насилия. Продавать представителям

[26] «Никакой продавец не может постоянно удорожать свои товары, не подвергаясь необходимости столь же постоянно платить дороже за товары других продавцов; по той же самой причине никакой потребитель не может платить дешевле за все вообще, что он покупает, не подвергая себя необходимости уменьшать соответственно цену тех вещей, которые он продает» (*Mercier de la Rivière:* «L'Ordre Naturel et Essentiel», «Physiocrates», изд. Daire, ч. II, стр. 555).

[27] *R. Torrens:* «An Essay on the Production of Wealth». London 1821, стр. 349.

[28] «Мысль, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такие эти потребители?» (*G. Ramsay:* «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh 1836, стр. 183).

такого класса товары выше стоимости — значит только возвращать себе часть даром отданных денег[29]. Так, напр., города Малой Азии платили древнему Риму ежегодную денежную дань. На вырученные деньги Рим покупал у них товары, и покупал по вздутым ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей путем торговли часть уплаченной им дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им во всяком случае платили их же собственными деньгами. Это очень неподходящий метод для тех, кто стремится к обогащению, или созиданию прибавочной стоимости.

Будем поэтому держаться в границах товарного обмена, где продавец является покупателем и покупатель — продавцом. Быть может, мы попали в затруднение вследствие того, что рассматривали лиц только как персонифицированные [олицетворенные] категории, а не как индивидуумов.

Товаровладелец *A* может быть настолько ловким плутом, что всегда надувает своих коллег *B* и *C*, в то время как эти последние при всем желании не в состоянии взять реванш. *A* продает *B* вино стоимостью в 40 ф. ст. и посредством этого обмена получает пшеницу стоимостью в 50 ф. ст. *A* превратил свои 40 ф. ст. в 50 ф. ст., сделал из меньшего количества денег большее их количество и превратил свой товар в капитал. Присмотримся к делу внимательнее. До обмена имелось на 40 ф. ст. вина в руках *A* и на 50 ф. ст. пшеницы в руках *B*, а всего стоимости на 90 ф. ст. После обмена мы имеем ту же самую общую стоимость в 90 ф. ст. Находящаяся в обращении стоимость не увеличилась ни на один атом, изменилось лишь ее распределение между *A* и *B*. То, что для одной стороны является здесь прибавочной стоимостью, для другой представляет недостающую стоимость, плюс для одного есть минус для другого. Тот же самый результат получился бы, если бы *A*, не прикрываясь процессом обмена, прямо украл бы у *B* 10 ф. ст. Очевидно, сумму находящихся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении, подобно тому как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла своей страны, если продаст фартинг времен королевы Анны за гинею. Весь класс капиталистов известной страны в целом не может наживаться на счет самого себя[30].

---

[29] «Если кто-либо терпит недостаток в спросе, посоветует ли ему г. Мальтус дать деньги другому лицу с тем, чтобы это последнее купило у него товары?» — спрашивает негодующий рикардианец Мальтуса, который, как и его ученик, поп Чалмерс, возвеличивает экономическое значение класса чистых покупателей, или потребителей. См. «An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus etc.». London 1821, стр. 55.

[30] Дестют-де-Траси, несмотря на то, а может быть, именно потому, что он Membre de l'Institut [член института], придерживался противоположного

Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются не-эквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости[31]. Обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости[32].

Отсюда понятно, почему в нашем анализе основной формы капитала, той его формы, в которой капитал определяет собой экономическую организацию современного общества, мы пока совершенно не будем касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм капитала, т. е. торгового капитала и ростовщического капитала.

В собственно торговом капитале форма *Д—Т—Д'*, купить, чтобы продать дороже, проявляется в наиболее чистом виде. С другой стороны, все его движение протекает в пределах сферы обращения. Но так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то торговый капитал представляется невозможным, поскольку обмениваются эквиваленты[33]; поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двустороннего надувательства покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом. В этом смысле Франклин говорит: «Война есть грабеж, торговля есть надува-

---

взгляда. Промышленные капиталисты, говорит он, получают прибыль благодаря тому, что «они все товары продают дороже, чем стоит их производство. Кому же продают они их? Во-первых, друг другу» («Traité de la Volonté et de ses Effets». Paris 1826, стр. 239).

[31] «Обмен двух равных стоимостей не увеличивает и не уменьшает общей массы стоимостей, имеющихся в обществе. Обмен неравных стоимостей... также ничуть не изменяет суммы общественных... стоимостей, а лишь прибавляет к имуществу одного то, что берет из имущества другого» (*J. B. Say:* «Traité d'Économie Politique». Paris 1817, т. II, стр. 443, 444). Сэй почти буквально заимствует это положение у физиократов, причем, конечно, нисколько не заботится о вытекающих из него выводах. Насколько основательно эксплуатировал он для увеличения своей собственной «стоимости» сочинения физиократов, в его время почти совершенно забытые, явствует из следующего примера. «Знаменитое» положение monsieur Сэя: «Продукты покупаются только на продукты» (там же, т. II, стр. 441), в оригинале у физиократа (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 899) гласит: «Продукты оплачиваются только продуктами».

[32] «Обмен вообще не прибавляет никакой стоимости к продуктам» (*F. Wayland:* «The Elements of Political Economy». Boston 1843, стр. 169).

[33] «При господстве неизменных эквивалентов торговля стала бы невозможной» (*G. Opdyke:* «A Treatise on Political Economy». New York 1851, стр. 66—69). «В основании различия между реальной стоимостью и меновой стоимостью лежит факт — именно тот, что стоимость вещи отлична от так называемого эквивалента, даваемого за нее в торговле, т. е. что этот эквивалент не является эквивалентом» (*F. Engels:* «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie», в «Deutsch-Französische Jahrbücher». Paris 1844, стр. 95, 96). [*Ф. Энгельс:* «Очерки критики политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 302.]

тельство»[34]. Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, здесь совершенно не существующих для нас, так как единственной нашей предпосылкой является пока товарное обращение и его простые моменты.

То, что мы сказали о торговом капитале, еще в большей степени применимо к ростовщическому капиталу. В торговом капитале оба крайние пункта, — деньги, бросаемые на рынок, и возросшие деньги, извлекаемые с рынка, — связаны, по крайней мере, через посредство купли и продажи, опосредствованы движением обращения. В ростовщическом капитале форма *Д—Т—Д'* сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: *Д—Д'*, деньги, обмениваемые на большее количество денег, — форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена. Поэтому Аристотель говорит: «Существует двоякого рода хрематистика: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название («τόκος», «процент» и «порожденное»). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта — наиболее противна природе»[35].

В ходе нашего исследования мы обнаружим, что и капитал, приносящий проценты, подобно торговому капиталу, является производной формой, а вместе с тем увидим, почему исторически оба они возникли раньше современной основной формы капитала.

Как мы видим, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно для того чтобы она возникла, за спиною обращения должно произойти нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения[36]. Но может ли прибавочная стоимость возникнуть откуда-либо иначе, кроме процесса обращения?

---

[34] *Benjamin Franklin*, Works, т II, изд. Sparks, в «Positions to be examined concerning National Wealth», стр. 376.

[35] *Aristoteles:* «De Republica», кн. I, гл. 10 [стр. 17]. [Ср. «Политика Аристотеля», кн. I, стр. 28, § 23. Перевод Жебелева, СПБ. 1911.]

[36] «Прибыль при обычных условиях рынка не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки» (*Ramsay:* «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh 1836, стр. 184).

Обращение есть сумма всех товарных отношений товаровладельцев. Вне обращения товаровладелец сохраняет отношение лишь к своему собственному товару. Поскольку дело касается стоимости, это отношение ограничивается тем, что товар, принадлежащий данному лицу, содержит известное количество его собственного труда, измеряемого согласно определенным общественным законам. Это количество труда выражается в величине стоимости его товара, а так как величина стоимости выражается в счетных деньгах, то оно выражается в цене товара, равной, напр., 10 ф. ст. Но его труд не выражается в стоимости товара плюс избыток над его собственной стоимостью, не выражается в цене, равной 10 и в то же время равной 11, не выражается в стоимости, которая больше самой себя. Товаровладелец может создать своим трудом стоимости, но не самовозрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, напр. изготовляя из кожи сапоги. То же самое вещество имеет теперь больше стоимости, так как заключает в себе большее количество труда. Сапоги имеют поэтому бо̀льшую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог. Следовательно, товаропроизводитель не может увеличивать стоимость вне сферы обращения, не может превратить деньги или товар в капитал, не вступая при этом в соприкосновение с другими товаровладельцами.

Итак, капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении.

Мы получили, таким образом, двойственный результат.

Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на почве имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов[37]. Наш владелец денег, кото-

---

[37] После всего вышеизложенного читатель понимает, конечно, что это означает лишь одно: образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, если цены товаров равны их стоимостям. Оно не может быть объяснено из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала привести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, чтобы получить в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена и чтобы при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение этим побочным обстоятельством, затемняющим истинный ход процесса. Известно, впрочем, что такое сведение отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышения и понижения, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене как своей внутренней норме. Эта последняя является путеводной звездой, напр., для купца или промышленника во всяком предприятии, рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что, если рассматривать достаточно длинный период в целом, товары действительно продаются

рый представляет пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь, в конце концов, из этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. Hic Rhodus, hic salta! [Вот Родос, здесь прыгай!]

3. КУПЛЯ И ПРОДАЖА РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

Возрастание стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах. Как покупательное средство и средство платежа, они реализуют лишь цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими; между тем как, застывая в своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости [38]. Столь же мало может возникнуть это изменение из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. Следовательно, изменение должно произойти в самом товаре, покупаемом в первом акте *Д*—*Т*, а не в его стоимости, так как обмениваются эквиваленты, причем товары оплачиваются по их действительной стоимости. Таким образом, искомое изменение может возникнуть только из его потребительной стоимости как таковой, т. е. только из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, фактическое потребление которого было бы процессом овеществления труда, а следовательно, процессом созидания стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это — способность к труду, или рабочая сила.

Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм, живая личность человека, и которые пускаются

не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам. Если бы незаинтересованное мышление было вообще в его интересах, то он должен был бы поставить проблему образования капитала следующим образом: как может возникнуть капитал при регулировании цен среднею ценою, т. е. в последнем счете стоимостью товара? Я говорю «в последнем счете», потому что средние цены не совпадают прямо с величинами стоимости товаров, как думали А. Смит, Рикардо и т. д.

[38] «В форме денег... капитал не производит прибыли» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», изд. 3-е, London 1821, стр. 267). [Ср. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии и податного обложения». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 142.]

им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

Но для того, чтобы владелец денег мог фактически найти на рынке рабочую силу как товар, должны быть выполнены различные условия. Обмен товаров, сам по себе, не содержит никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. А раз это так, рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносится на рынок или продается своим собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно должен быть свободным собственником своей способности к труду, быть свободной личностью [39]. Собственник рабочей силы и собственник денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец, следовательно оба — юридически равные лица. Длительное существование этого отношения требует, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее [40].

---

[39] В реальных энциклопедиях классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — «нехватало только свободного рабочего и кредитных учреждений». Г-н Моммзен в своей «Римской истории» тоже впадает в одно quid pro quo за другим.

[40] Поэтому различные законодательства определяют максимальный срок рабочего договора. У народов, у которых труд свободен, законодательство всегда устанавливает условия расторжения договора о найме. В некоторых странах, особенно в Мексике (до американской гражданской войны также в территориях, отвоеванных у Мексики, а по существу дела и в дунайских провинциях до переворота Кузы), рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «пеонажа». При помощи ссуд, которые подлежат возвращению отработками, причем обязательства переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи. Хуарес отменил «пеонаж». Так называемый император Максимилиан снова ввел его декретом, который в вашингтонской палате представителей правильно был заклеймен как декрет, восстанавливающий рабство в Мексике. «На ограниченный срок я могу отчудить другому лицу пользование отдельными моими телесными и духов-

Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу в качестве товара, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и должен быть, наоборот, вынужден продавать как товар самую рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Для того чтобы иметь возможность продавать какие-либо отличные от рабочей силы товары, надо, конечно, обладать средствами производства, напр. сырьем, орудиями труда и т. д. Сапог нельзя сделать, не имея кожи. Работнику необходимы кроме того средства к жизни. Никто, даже мечтатель, созидающий «музыку будущего», не может жить продуктами будущего, не может жить за счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено. с первого дня появления своего на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять прежде чем он начнет производить и в то время как он производит. Если продукты производятся как товары, то после того как закончено их производство, они должны быть проданы и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени, необходимому для производства, присоединяется время, необходимое для продажи.

Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий — свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для практического применения своей рабочей силы

Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно Природа не производит на одной стороне владельцев

ными способностями, моими способностями к различного рода деятельности, ибо после такого ограничения они лишь внешним образом относятся к моей целостности и всеобщности. Но если бы я отчудил все мое время, становящееся конкретным в процессе труда, если бы я отчудил мою производительную деятельность как целое, то я сделал бы собственностью другого самую сущность этой деятельности, мою всеобщую деятельность и действительность, мою личность» (*Hegel:* «Philosophie des Rechts». Berlin 1840, стр. 104, § 67). [Ср. *Гегель:* «Философия права». Сочинения, т. VII, Соцэкгиз, 1934 г., стр. 91, § 67.]

денег и товаров, на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства

И те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, также носят на себе следы своей истории. Существование продукта в качестве товара предполагает определенные исторические предпосылки. Чтобы стать товаром, продукт должен производиться не непосредственно как средство жизни для самого производителя. Если бы мы пошли дальше в своем исследовании, если бы мы спросили себя: при каких условиях все или, по крайней мере, большинство продуктов принимают форму товара, то мы нашли бы, что это совершается лишь на основе совершенно специфического, а именно капиталистического способа производства. Но такое исследование лежало бы за пределами непосредственного анализа товара. Товарное производство и товарное обращение может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначаемая непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости. Для превращения продукта в товар разделение труда внутри общества должно развиться в такой степени, чтобы разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, едва начинающееся при непосредственной меновой торговле, было вполне закончено. Но эта ступень развития присуща исторически самым различным общественно-экономическим формациям.

Если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент, или средство обращения, или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы. Иначе обстоит дело с капиталом. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие несет в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого

своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественно-производственного процесса[41].

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью[42]. Чем определяется последняя?

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила — стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Существование последнего есть поэтому предпосылка ее сохранения. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания его жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего ее проявления и реализует себя только в труде. В процессе ее осуществления, в труде, затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., — количество, которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата предполагает усиленное возмещение[43]. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен иметь возможность повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других особенностей природы той или

[41] Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда. С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер.

[42] «Стоимость, или ценность человека, так же, как и всех других вещей, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько может быть получено за пользование его силой» (*Th. Hobbes:* «Leviathan» в «Works», изд. Molesworth, London 1839—1844, т. III, стр. 76). [Ср. *Т. Гоббс:* «Левиафан». СПБ. 1868, стр. 59.]

[43] Древнеримский villicus, эконом, стоявший во главе сельскохозяйственных рабов, «на котором лежал менее тяжелый труд, чем на чернорабочих, получал и менее припасов» (*Th. Mommsen:* «Römische Geschichte», 1856, стр. 810). [*Теодор Моммзен:* «История Рима». Соцэкгиз, 1936 г., стр. 787.]

другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собою продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих[44]. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная.

Собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы он непрерывно появлялся на рынке, как того требует непрерывное превращение денег в капитал, продавец рабочей силы должен увековечить себя, «как увековечивает себя всякий индивидуум, т. е. путем размножения»[45]. Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно замещаться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, т. е. детей рабочих, и таким путем увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев[46].

Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения, совершенно ничтожные для обычной рабочей силы, входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

Итак, стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих жизненных средств, т. е. с изменением величины рабочего времени, необходимого для их производства.

---

[44] Ср. *W. Th. Thornton:* «Overpopulation and its Remedy». London 1846.

[45] Петти.

[46] «Естественная цена труда... состоит в таком количестве предметов необходимости и удобства, которое по условиям природы и климата и по жизненным привычкам данной страны необходимо для поддержания самого рабочего и для того, чтобы дать ему возможность содержать такую семью, которая способна обеспечить неослабевающее предложение труда на рынке» (*R. Torrens:* «An Essay on the External Corn Trade». London 1815, стр. 62). Слово «труд» здесь неправильно поставлено вместо «рабочая сила».

Часть жизненных средств, напр. пищевые продукты, топливо и т. д., потребляется ежедневно и потому ежедневно же должна возмещаться. Другие жизненные средства, как платье, мебель и т. д., потребляются в течение более или менее продолжительных промежутков времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении более продолжительного времени. Одни товары покупаются или оплачиваются ежедневно, другие еженедельно, раз в четверть года и т. д. Но как бы ни распределялась сумма этих расходов в течение, напр., года, она должна быть покрыта из обычных, средних, поступающих изо дня в день получений. Если масса товаров, ежедневно необходимая для производства рабочей силы, $= A$, масса товаров, требуемых еженедельно, $= B$, требуемых каждую четверть года $= C$ и т. д., то ежедневное среднее количество этих товаров $= \frac{365A + 52B + 4C + \text{и т. д.}}{365}$. Пусть в этой необходимой для среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда; тогда в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественного среднего труда, т. е. требуется половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы. Это количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шиллинга, или в один талер, то талер есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если владелец рабочей силы ежедневно продает ее за один талер, то ее продажная цена равна ее стоимости, и по нашему предположению владелец денег, снедаемый желанием превратить свой талер в капитал, действительно уплачивает эту стоимость.

Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. — стоимость физически необходимых средств к жизни. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормальной доброкачественности.

В высшей степени дешевой сентиментальностью было бы считать слишком грубым это определение стоимости рабочей силы, вытекающее из самого существа дела, и жаловаться подобно Росси: «Рассматривать способность к труду (puissance de travail), отвлекаясь от жизненных средств, поддерживающих труд во время процесса производства, значит рассматривать свое собственное измышление (être de raison). Кто говорит труд, кто говорит

способность к труду, говорит в то же время рабочий и средства его существования, рабочий и заработная плата»[47]. Способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи. Для того чтобы мог состояться этот последний процесс, недостаточно, как известно, иметь хороший желудок. Кто говорит о способности к труду, тот не отвлекается от жизненных средств, необходимых для ее поддержания, так как стоимость ее как раз и выражает собою стоимость этих жизненных средств. Но это обстоятельство не приносит рабочему никакой пользы, раз его рабочая сила не находит себе покупателя. Наоборот, в этом случае он воспринимает, как жестокую естественную необходимость, тот факт, что его способность к труду потребовала определенного количества жизненных средств для своего производства и все снова и снова требует их для своего воспроизводства. Он делает тогда вместе с Сисмонди следующее открытие: «Способность к труду... есть ничто, раз она не продана»[48].

Своеобразная природа этого специфического товара, рабочей силы, выражается, между прочим, в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом его потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя. Его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы, но ее потребительная стоимость состоит лишь в ее позднейших активных проявлениях. Таким образом, отчуждение силы и ее действительное проявление, т. е. наличное бытие в качестве потребительной стоимости, отделяются друг от друга во времени. Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение потребительной стоимости которых отделяется во времени от ее фактической передачи покупателю, деньги покупателя функционируют обыкновенно как средство платежа[49]. Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором о ее купле, напр. в конце

---

[47] *Rossi:* «Cours d'Économie Politique». Bruxelles 1842, стр. 370.

[48] *Sismondi:* «Nouveaux Principes d'Économie Politique», т. I, стр. 113. [Ср. *Сисмонди:* «Новые начала политической экономии», т. I, Соцэкгиз, 1936 г., стр. 197.]

[49] «Всякий труд оплачивается лишь по его окончании» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.». [London 1821], стр. 104). «Начало коммерческого кредита должно быть отнесено к тому моменту, когда рабочий — первоисточник всякого производства — получил возможность благодаря своим сбережениям ожидать платы за свой труд до конца недельного, двухнедельного, месячного, трехмесячного и т. д. срока» (*Ch. Ganilh:* «Des Systèmes d'Économie Politique», 2-е изд., Paris 1821, т. II, стр. 150).

каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом — везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста [50], но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние [51]. Однако характер самого товарообмена не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве

---

[50] «Рабочий... ссужает свою производительную силу», говорит Шторх, но, добавляет он лукаво, он «не рискует ничем», кроме «потери своего заработка,... так как рабочий не вносит в производство ничего материального» (*Storch:* «Cours d'Économie Politique». Petersbourg 1815, т. II, стр. 36, 37). [Ср. *Генрих Шторх:* «Курс политической экономии или изложение начал, обусловливающих народное благоденствие». Перевод В. Вернадского. СПБ. 1881, т. I, кн. 3, гл. II, стр. 193.]

[51] Вот пример. В Лондоне существуют двоякого рода булочные: «full priced», продающие хлеб по его полной стоимости, и «undersellers», продающие его ниже стоимости. Последняя категория булочников составляет около 3/4 общего их числа (стр. XXXII в «Report» правительственного комиссара Х. С. Тременхир относительно «Grievances complained of by the journeymen bakers etc.». London 1862). Эти undersellers продают почти исключительно хлеб, фальсифицированный примесями квасцов, мыла, поташа, извести, дербиширской каменной муки и другими столь же приятными, питательными и здоровыми ингредиентами. (См. цитированную выше Синюю книгу, а также отчет «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» и сочинение доктора Хэссэлла «Adulterations Detected», 2-е изд., London 1861.) Сэр Джон Гордон заявил в своих показаниях перед комитетом 1855 г., что «вследствие такой фальсификации бедняк, дневное пропитание которого составляют два фунта хлеба, в действительности не получает теперь и четвертой части этого количества питательных веществ, не говоря уже о вредных последствиях фальсификации для его здоровья». На вопрос, почему же «значительная часть рабочего класса», будучи прекрасно осведомлена относительно этой фальсификации, все же покупает квасцы, каменную муку и т. д., Тременхир (по вышеупомянутому отчету, стр. XLVIII) отвечает, что рабочие «вынуждены брать у своего пекаря или в своей «chandler's shop» [лавочке] такой хлеб, какой соблаговолят им предложить». Так как труд их оплачивается лишь в конце рабочей недели, то и они, с своей стороны, «могут оплатить лишь в конце недели хлеб, потребленный их семействами в течение недели», и, добавляет Тременхир, подтверждая это свидетельскими показаниями, «несомненно установлено, что хлеб, сдабриваемый такими примесями, изготовляется именно для покупателей этого рода» («It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner»). «Во многих сельскохозяйственных округах Англии (и особенно Шотландии) заработная плата выплачивается раз в две недели и даже раз в месяц. Сельскохозяйственный рабочий вынужден при таких продолжительных сроках уплаты покупать себе товары в кредит... Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к данному лавочнику, который высасывает из него соки. Так, напр. в Хорнингегеме в Уильтсе, где заработная плата выдается раз в месяц, ему обходится в 2 ш. 4 п. стон [14 фунтов] такой же самой муки, которую он в другом месте мог бы купить по 1 ш. 10 п. за стон» («Sixth Report» on «Public Health» by «The Medical Officer of the Privy Council etc.», 1864, стр. 264). «Ручные набойщики ситца в Пейзли и Кильмарноке (Западная Шотландия) добились в 1853 г. при помощи стачки сокращения срока расплаты с одного

покупательного средства или в качестве средства платежа. Цена рабочей силы, подобно наемной плате за пользование домом, установлена при заключении контракта, хотя будет реализована лишь впоследствии. Рабочая сила уже продана, хотя плата за нее будет получена лишь позднее. Но для того, чтобы исследовать данное отношение в его чистом виде, полезно предположить на время, что владелец рабочей силы одновременно с ее продажей получает всегда и выговоренную в контракте цену.

Мы познакомились теперь с тем, как определяется стоимость, уплачиваемая владельцем денег владельцу этого своеобразного товара, рабочей силы. Ее потребительная стоимость, которую владелец денег, в свою очередь, получает при обмене, обнаружится лишь в процессе действительного использования, в процессе потребления рабочей силы. Все необходимые для этого процесса вещи, как сырой материал и т. п., владелец денег покупает на товарном рынке и оплачивает полной ценой. Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Оставим поэтому эту шумливую, находящуюся на поверхности общества, открытую для всех и каждого сферу и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: No admittance except on business. [Посторонним вход воспрещается.] Здесь мы познакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами.

Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которых осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, напр. рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воли находят свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь

месяца до 14 дней» («Reports of the Inspectors of Factories for 31st October 1853», стр. 34). Как дальнейшее, очень милое развитие кредита, оказываемого рабочим капиталисту, можно рассматривать метод многих английских углепромышленников, которые платят рабочему по истечении месяца, а за это время дают ему ссуды, зачастую товарами, за которые рабочий вынужден платить выше их рыночной цены (Trucksystem). «Среди углепромышленников вошло в общее обыкновение платить раз в месяц и давать рабочим ссуды в конце каждой недели. Ссуда выдается в лавке (а именно в tommy-shop, т. е. в лавке, принадлежащей самому хозяину предприятия); рабочие получают деньги в одном углу ее и тотчас же отдают их в другом» («Children's Employment Commission, 3rd Report». London 1864, стр. 38, № 192).

как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или под руководством всехитрейшего провидения осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес.

Прощаясь с этой сферой простого обращения, или обмена товаров, из которой фритредер vulgaris черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, — расставаясь с этой сферой, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших dramatis personae [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС ВОЗРАСТАНИЯ СТОИМОСТИ.

1. ПРОЦЕСС ТРУДА.

Потребление рабочей силы — это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний благодаря этому становится actu [на деле] осуществляющей себя рабочей силой, рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь potentia [потенциально]. Для того чтобы выразить свой труд в товарах, он должен прежде всего выразить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей. Следовательно, капиталист заставляет рабочего изготовлять какую-либо особую потребительную стоимость, какую-либо определенную вещь. То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей, или благ, совершается для капиталиста и под его контролем, нисколько не изменяет его общей природы. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы.

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей

собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животнообразных инстинктивных форм труда. По сравнению с таким состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, относится к глубинам первобытных времен. Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. Работник отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.

Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами жизни[1], существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии — воды, — дерево, которое рубят в первобытном лесу, руда, которую извлекают из недр земли. Напротив, если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом, напр. уже добытая руда, находящаяся

[1] «Представляется, — да так оно и есть на самом деле, — как будто первоначальные продукты земли, которых имеется ограниченное количество и которые существуют совершенно независимо от человека, даны природой совершенно так же, как молодому человеку дается небольшая сумма денег с той целью, чтобы поставить его на путь деятельности и дать ему возможность устроиться» (*James Steuart:* «Principles of Political Economy», изд. Dublin 1770, т. I, стр. 116).

в процессе промывки. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь при том условии, если он уже претерпел известное изменение при посредстве труда.

Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их действовать в качестве орудия его власти[2]. Предмет, которым рабочий овладевает непосредственно, — мы оставляем в стороне захват готовых жизненных средств, напр. плодов, причем только органы тела рабочего и служат средствами труда, — есть не предмет труда, а средство труда. Таким путем предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, напр., камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, производить трение, давить, резать и т. д. Сама земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы[3]. Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные[4]. Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам живот-

---

[2] «Разум столь же хитер, сколь могущественен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, заставляя предметы воздействовать соответственно их природе друг на друга и подвергаться взаимной обработке, причем она непосредственно не вмешивается в этот процесс, все же осуществляет лишь свою цель» (*Hegel:* «Encyklopädie». Часть I. «Die Logik». Berlin 1840, стр. 382). [Ср. *Гегель:* «Энциклопедия философских наук». Часть I. «Логика». Госиздат, 1929 г., стр. 318–319.]

[3] В жалкой вообще работе «Théorie de l'Économie Politique, Paris 1815» [т. I, стр. 266], Ганиль, полемизируя с физиократами, удачно перечисляет большой ряд процессов труда, которые составляют предпосылку собственно земледелия.

[4] В «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses» (1766) [Oeuvres, изд. Daire, том I] Тюрго хорошо выясняет важность прирученных животных для начатков культуры.

ных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как «a toolmaking animal», как животное, делающее орудия. Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что̀ производится, а тем, как производится, какими средствами труда[5]. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. Из числа самих средств труда механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства гораздо больше, чем такие средства труда, которые служат только для хранения предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства, как, напр., трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д. Лишь в химической фабрикации они играют важную роль[5a].

Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые для того чтобы процесс мог вообще совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совершенно невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки земля, потому что она дает рабочему locus standi [место, на котором он стоит], а его процессу — сферу действия (field of employment). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда производит заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд запечатлен в предмете,

[5] Из всех товаров предметы собственно роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства.

[5a] *Примечание ко 2-му изд.* Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, доисторические времена делятся на периоды на основании естественно-научных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век.

а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме движения [Unruhe], теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства [ruhende Eigenschaft], в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства[6], а самый труд — как производительный труд[7].

Когда одна потребительная стоимость в виде продукта выходит из процесса труда, в него входят в качестве средств производства другие потребительные стоимости, продукты предыдущих процессов труда. Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного процесса труда, служит средством производства для другого процесса труда. Поэтому продукты представляют собою не только результат, но в то же время и условие процесса труда.

За исключением добывающей промышленности, которая находит свой предмет труда в природе, — как горное дело, охота, рыболовство и т. д. (земледелие лишь постольку, поскольку оно впервые возделывает девственную почву), — все отрасли промышленности имеют дело с таким предметом, который представляет собою сырой материал, т. е. предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, и который сам уже является продуктом труда. Так, напр., семена в земледелии. Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются продуктами труда не только прошлого года, но в своих современных формах и продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда. Что же касается собственно средств труда, то даже для самого поверхностного взгляда громадное большинство их обнаруживает следы прошлого труда.

Сырой материал может образовать главную субстанцию продукта или же принять участие в его образовании только как вспомогательный материал. Вспомогательный материал или потребляется средствами труда, как, напр., уголь паровой машиной, масло колесом, сено рабочей лошадью, или присоединяется к сырому материалу, чтобы произвести в нем вещественное изменение, — как, напр., хлор к небеленому холсту, уголь к железу, краска к шерсти, — или же способствует выполнению самого труда, как, напр., материалы, употребляемые для освещения и отопления

[6] Представляется парадоксальным называть, напр., рыбу, которая еще не поймана, средством производства для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в водах, в которых ее нет.

[7] Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства.

рабочего помещения. В собственно химической фабрикации различие между главным материалом и вспомогательным материалом исчезает, потому что ни один из применяемых сырых материалов не появляется вновь в качестве субстанции продукта[8].

Так как каждая вещь обладает многочисленными свойствами и потому пригодна для различных способов использования, то один и тот же продукт может служить сырым материалом в очень различных процессах труда. Например, зерно является сырым материалом для мельника, крахмалозаводчика, винокура, скотовода и т. д. В качестве семян оно становится сырым материалом для своего собственного производства. Точно так же уголь выходит из горной промышленности как продукт и входит в нее как средство производства.

Один и тот же продукт в одном и том же процессе труда может служить средством труда и сырым материалом. Например, скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения.

Продукт, существующий в готовой для потребления форме, может опять-таки сделаться сырым материалом для другого продукта, как, напр., виноград — сырым материалом для вина. Или же труд оставляет свой продукт в таких формах, в которых последний может найти применение только как сырой материал. Сырой материал в этом состоянии называется полуфабрикатом и, быть может, точнее можно было бы называть его промежуточным фабрикатом [Stufenfabrikat], как, напр., хлопок, нитки, пряжа и т. д. Являясь уже сам продуктом, первоначальный сырой материал должен, однако, пройти еще целый ряд различных процессов, в которых он в постоянно изменяющемся виде каждый раз сызнова функционирует как сырой материал, пока не достигнет, наконец, последнего процесса труда, из которого он выходит уже в виде готового предмета потребления или готового средства труда.

Итак, является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются и ее определения.

Поэтому, вступая в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов. Они

---

[8] Шторх проводит различие между собственно сырым материалом, как «matière», и вспомогательными материалами, как «matériaux» [*H. Storch:* «Cours d'Économie Politique». Paris 1815, т. I, гл. 6, кн. II, стр. 288. Ср. *Г. Шторх:* «Курс политической экономии», т. I, кн. II, гл. 6, стр. 129. Перевод под ред. Вернадского. СПБ. 1881]. Шербюлье называет вспомогательные материалы «matières instrumentales» [*Cherbuliez:* «Richesse ou Pauvreté». Paris 1841, стр. 14].

функционируют здесь уже только как материальные факторы живого труда. Прядильщик видит в веретене только средство, которым он прядет, во льне — только предмет, который он прядет. Конечно, нельзя прясть без материала прядения и без веретена. Поэтому наличие этих продуктов предполагается при начале прядения. Но то обстоятельство, что лен и веретено суть продукты прошлого труда, так же безразлично для самого этого процесса, как для акта питания безразлично то обстоятельство, что хлеб — продукт прошлого труда крестьянина, мельника, пекаря и т. д. Наоборот. Если средства производства и обнаруживают в процессе труда свой характер как продуктов прошлого труда, то обнаруживают его лишь благодаря своим недостаткам. Нож, который не режет, пряжа, которая постоянно рвется, и т. д. живо напоминают о ножевщике *A* и прядильщике *B*. В удачном продукте изглажен всякий след участия прошлого труда в создании его потребительных свойств.

Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как жизненные средства в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда.

Итак, если имеющиеся в наличии продукты являются не только результатами процесса труда, но и его условиями, то, с другой стороны, их вступление в процесс труда, т. е. их контакт с живым трудом, служит единственным средством для того, чтобы сохранить и реализовать эти продукты прошлого труда как потребительные стоимости.

Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления. Это производительное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда, — рабочей силы, проявляющейся в деятельности. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производительного потребления — продукт, отличный от потребителя.

Поскольку средства труда и предмет труда сами уже являются продуктами, труд потребляет продукты для производства продуктов, или пользуется продуктами как средствами производства продуктов. Но, подобно тому как процесс труда первоначально совершается лишь между человеком и землей, существующей без его содействия, так и теперь в процессе труда все еще принимают участие средства производства, которые даны природой и не представляют собою соединения вещества природы с человеческим трудом.

Процесс труда, как мы изобразили его в простых абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой, — этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным глазом капиталиста, совершает ли его Цинцинат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя[9].

Однако возвратимся к нашему капиталисту in spe [капиталисту в перспективе]. Мы оставили его после того, как он купил на товарном рынке все факторы, необходимые для процесса труда: материальные факторы, или средства производства, и личный фактор, или рабочую силу. Лукавым взором знатока он высмотрел средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия: прядильни, фабрики сапог и т. д. Итак, наш капиталист приступает к потреблению купленного им товара, рабочей силы, т. е. заставляет носителя рабочей силы, рабочего, потреблять посредством своего труда средства производства. Общий характер процесса труда, конечно, не изменяется от того, что рабочий совершает его для капиталиста, а не для самого себя. Да и тот определенный способ, каким изготовляются

---

[9] На этом в высшей степени логическом основании полковник Торренс открывает начало капитала — в камне дикаря. «В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и таким образом открываем начало капитала» (*R. Torrens:* «An Essay on the Production of Wealth etc.», стр. 70, 71). Этой первой палкой [stock], надо полагать, объясняется и то, почему на английском языке stock есть синоним капитала.

сапоги или прядется пряжа, тоже не может сразу измениться вследствие вмешательства капиталиста. Последний должен на первых порах взять рабочую силу такою, как он находит ее на рынке, а следовательно, и труд должен взять таким, каким он развился в тот период, когда еще не было капиталистов. Изменение самого способа производства как результат подчинения труда капиталу может совершиться лишь позже, а потому подлежит рассмотрению лишь позднее.

Процесс труда, как процесс потребления рабочей силы капиталистом, представляет две своеобразных особенности.

Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд. Капиталист наблюдает за тем, чтобы работа совершалась в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно, следовательно, чтобы сырой материал не растрачивался и чтобы с орудиями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требует их употребление в работе.

А во-вторых: продукт есть собственность капиталиста, не непосредственного производителя, не рабочего. Капиталист уплачивает, напр., дневную стоимость рабочей силы. Итак, потребление ее, как и всякого другого товара, — напр. лошади, которую он нанимает на один день, — в продолжение дня принадлежит ему. Покупателю товара принадлежит потребление товара, и владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость. С того момента, как он вступает в мастерскую капиталиста, потребительная стоимость его рабочей силы, т. е. ее потребление, труд, принадлежит капиталисту. Куплей рабочей силы капиталист присоединил самый труд как живой фермент к мертвым, принадлежащим ему же элементам образования продукта. С его точки зрения процесс труда есть лишь потребление купленного им товара, рабочей силы, но он может потреблять ее лишь при том условии, если присоединит к ней средства производства. Процесс труда есть процесс между вещами, которые купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт процесса брожения в его винном погребе[10].

---

[10] «Продукты присваиваются, прежде чем они превращаются в капитал; это превращение не избавляет их от такого присвоения» (*Cherbuliez:* «Richesse ou Pauvreté», изд. Paris, 1841, стр. 54). «Продавая свой труд за определенное количество жизненных средств (approvisionnement), пролетарий совершенно отказывается от какой бы то ни было доли продукта. Присвоение продуктов остается таким же, как было раньше; оно нисколько не изменяется упомянутым договором. Продукт принадлежит исключительно капиталисту, который доставил сырые материалы и approvisionnement. Это — строгий вывод из закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого рабочего на его продукт» (там же, стр. 58). «Раз рабочие работают за заработную плату,... то капиталист есть

2. ПРОЦЕСС ВОЗРАСТАНИЯ СТОИМОСТИ.

Продукт — собственность капиталиста — есть известная потребительная стоимость: пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, напр., некоторым образом образуют базис общественного прогресса и хотя наш капиталист — решительный прогрессист, он, тем не менее, фабрикует сапоги не ради них самих. Потребительная стоимость при товарном производстве вообще не представляет собой вещи «qu'on aime pour lui-même» [которую любят ради нее самой]. Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, что и поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой стоимости. И наш капиталист заботится о двоякого рода вещах. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои кровные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость.

В самом деле, так как речь идет здесь о товарном производстве, то, очевидно, мы рассматривали до сих пор только одну сторону процесса. Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости.

Итак, рассмотрим теперь процесс производства и как процесс созидания стоимости.

Мы знаем, что стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, т. е. рабочим временем, общественно необходимым для его производства. Это относится и к продукту, который получен нашим капиталистом как результат процесса труда. Следовательно, необходимо прежде всего вычислить труд, овеществленный в этом продукте.

Пусть это будет, напр., пряжа.

Для производства пряжи необходим прежде всего соответствующий сырой материал, напр. 10 ф. хлопка. Какова стоимость

собственник не только капитала (здесь подразумеваются средства производства), но и труда (of the labour also). Если в понятие капитала, как это обыкновенно делается, включают то, что выдается в виде заработной платы, то нелепо говорить о труде обособленно от капитала. Слово капитал в этом смысле охватывает и то и другое, и капитал и труд» (*James Mill:* «Elements of Political Economy etc.». London 1821, стр. 70, 71).

хлопка, этого здесь не приходится отыскивать, потому что капиталист купил его на рынке по его стоимости, напр. за 10 ш. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил выражение как средний общественный труд. Предположим далее, что веретен, которые являются для нас представителями всех применяющихся здесь средств труда, потреблено при переработке хлопка такое количество, которое имеет стоимость в 2 ш. Если количество золота в 12 ш. составляет продукт 24 рабочих часов, или двух рабочих дней, то из этого прежде всего следует, что в пряже овеществлены 2 рабочих дня.

То обстоятельство, что хлопок изменил свою форму и что потребленная часть веретен совершенно исчезла, не должно вводить нас в заблуждение. Например, если стоимость 40 ф. пряжи = стоимости 40 ф. хлопка + стоимость целого веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для того, чтобы произвести ту и другую часть этого уравнения, то, согласно общему закону стоимости, 10 ф. пряжи представляют эквивалент 10 ф. хлопка и $^1/_4$ веретена. В этом случае одно и то же рабочее время воплощено один раз в потребительной стоимости пряжи, другой раз — в потребительных стоимостях хлопка и веретена. Следовательно, для стоимости совершенно безразлично, проявляется ли она в пряже, веретене или хлопке. То обстоятельство, что веретено и хлопок, вместо того чтобы спокойно лежать одно подле другого, в процессе прядения вступают в соединение, изменяющее их потребительные формы и превращающее их в пряжу, точно так же не влияет на их стоимость, как если бы они были посредством простого обмена заменены эквивалентным количеством пряжи.

Рабочее время, необходимое для производства хлопка, есть часть рабочего времени, необходимого для того чтобы из этого сырого материала произвести пряжу, и потому оно заключается в пряже. Точно так же обстоит дело с рабочим временем, необходимым для производства того количества веретен, без снашивания или потребления которого хлопок не может быть превращен в пряжу [11].

Итак, поскольку имеется в виду стоимость пряжи, рабочее время, необходимое для производства последней, постольку различные особые, отделенные друг от друга во времени и пространстве процессы труда, которые должны быть проделаны для того чтобы произвести самый хлопок и потребленные веретена, а потом из хлопка и веретен произвести пряжу, мы можем рассматривать как различные последовательные фазы одного и того же процесса

---

[11] «На стоимость товаров влияет не только труд, затраченный непосредственно на их производство, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, участвующие в процессе производства» (*Ricardo:* «The Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 16). [*Д. Рикардо:* «Начала политической экономии» Соцэкгиз, 1936 г., стр. 12.]

труда. Весь заключающийся в пряже труд есть прошлый труд. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства элементов созидания пряжи, уже миновало и относится к давно прошедшему времени, между тем как труд, непосредственно затраченный на заключительный процесс, на прядение, ближе к настоящему, является просто прошедшим временем, не имеет решительно никакого значения. Если на постройку дома необходимо определенное количество труда, напр. 30 рабочих дней, то общее количество рабочего времени, воплощенного в доме, не изменяется от того, что 30-й день труда вступил в производство через 29 дней после первого. И потому рабочее время, заключающееся в материале труда и средствах труда, мы можем рассматривать совершенно таким же образом, как если бы оно было затрачено просто на более ранней стадии процесса прядения перед тем трудом, который был присоединен в конце, в форме прядения.

Итак, стоимости средств производства, хлопка и веретен, выраженные в цене 12 ш., образуют составные части стоимости пряжи, или стоимости продукта.

Но при этом должны быть осуществлены два условия. Во-первых, хлопок и веретена должны послужить на самом деле для производства известной потребительной стоимости. В нашем случае из них должна быть произведена пряжа. Для стоимости безразлично, какая потребительная стоимость служит ее носителем, но носителем ее во всяком случае должна быть какая-нибудь потребительная стоимость. Во-вторых, предполагается, что затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства. Следовательно, если для того чтобы выпрясть 1 ф. пряжи, необходим был только 1 ф. хлопка, то на образование 1 ф. пряжи может быть потреблен только 1 ф. хлопка. Так же обстоит дело и с веретенами. Если бы капиталисту пришла фантазия применять золотые веретена вместо железных, то в стоимость пряжи входил бы, тем не менее, лишь общественно необходимый труд, т. е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен.

Теперь мы знаем, какую часть стоимости пряжи образуют средства производства, хлопок и веретена. Она равняется 12 ш., или материализации двух рабочих дней. Следовательно, теперь дело идет о той части стоимости, которую самый труд прядильщика присоединяет к хлопку.

Мы должны теперь рассмотреть этот труд с совершенно иной точки зрения, чем при рассмотрении процесса труда. Там дело шло о целесообразной деятельности, необходимой для того, чтобы хлопок превратить в пряжу. Чем целесообразнее труд, тем, при прочих равных условиях, лучше пряжа. Труд прядильщика был специфически отличен от других видов производительного труда,

и это отличие проявлялось субъективно и объективно, в особой цели прядения, в особом характере его операций, в особой природе его средств производства, в особой потребительной стоимости его продукта. Хлопок и веретена необходимы для прядильного труда, но при помощи их нельзя сделать нарезных пушек. Напротив, поскольку труд прядильщика создает стоимость, т. е. является источником стоимости, он нисколько не отличается от труда сверлильщика пушек или, что в данном случае ближе для нас, от тех работ хлопковода и производителя веретен, которые реализованы в средствах производства пряжи. Только благодаря этой тождественности возделывание хлопка, производство веретен и прядение могут образовать части одной и той же общей стоимости, стоимости пряжи, отличающиеся одна от другой лишь количественно. Здесь дело идет уже не о качестве, не о свойствах и содержании труда, а только о его количестве. Последнее легко учесть. Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд. Позже мы увидим, что противоположное предположение нисколько не изменяет дела.

Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности [Unruhe] в форму бытия, из формы движения в форму предметности [Gegenständlichkeit]. По окончании одного часа движение прядения выражается в известном количестве пряжи, и, следовательно, определенное количество труда, один рабочий час, оказывается овеществленным в хлопке. Мы говорим: рабочий час, т. е. затрата жизненной силы прядильщика в течение одного часа, потому что труд прядения здесь имеет значение лишь постольку, поскольку он является затратой рабочей силы, а не потому, что он — специфический труд прядения.

И вот решающее значение имеет, чтобы во время процесса, т. е. во время превращения хлопка в пряжу, потреблялось только общественно необходимое рабочее время. Если при нормальных, т. е. средних общественных, условиях производства *a* ф. хлопка в течение одного рабочего часа должны быть превращены в *b* ф. пряжи, то значение 12-часового рабочего дня приобретает только такой рабочий день, который *a* ф. хлопка $\times$ 12 превращает в *b* ф. пряжи $\times$ 12. Потому что только общественно необходимое рабочее время идет в счет при образовании стоимости.

Как самый труд, так и сырой материал и продукт являются здесь в совершенно ином свете, чем с точки зрения собственно процесса труда. Сырой материал имеет здесь значение лишь в той мере, в какой он впитывает определенное количество труда. Вследствие этого впитывания он действительно превращается в пряжу, потому что рабочая сила была затрачена и присоединена к нему в форме прядения. Продукт же, пряжа, служит теперь только мерилом труда, впитанного хлопком. Если в течение одного часа переработано $1^2/_3$ ф. хлопка, или превращено

в $1^2/_3$ ф. пряжи, то 10 ф. пряжи указывают на 6 впитанных рабочих часов. Определенные, устанавливаемые опытом количества продукта представляют теперь только определенные количества труда, определенные массы застывшего рабочего времени. Они — только материализация одного часа, двух часов, одного дня общественного труда.

То обстоятельство, что труд есть именно труд прядения, материал его — хлопок, а продукт — пряжа, здесь не имеет значения точно так же, как и то обстоятельство, что самый предмет труда уже есть продукт, следовательно сырой материал. Если бы рабочий был занят не в прядильной мастерской, а в угольной шахте, то предмет труда, уголь, был бы дан природой. И, тем не менее, определенное количество выломанного из залежей угля, напр. один центнер, представляло бы определенное количество впитанного труда.

При продаже рабочей силы предполагалось, что ее дневная стоимость = 3 ш., что в последних воплощено 6 рабочих часов и что, следовательно, это количество труда требуется для того чтобы произвести среднюю сумму жизненных средств рабочего на один день. Если наш прядильщик в течение одного рабочего часа превращает $1^2/_3$ ф. хлопка в $1^2/_3$ ф. пряжи[12], то в 6 часов он превратит 10 ф. хлопка в 10 ф. пряжи. Следовательно, во время процесса прядения хлопок впитывает 6 рабочих часов. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 3 ш. Итак, к хлопку самым прядением присоединена стоимость в 3 ш.

Посмотрим теперь на общую стоимость продукта, этих 10 ф. пряжи. В них овеществлено $2^1/_2$ рабочих дня: 2 дня содержится в хлопке и в веретенах, $^1/_2$ рабочего дня впитано во время процесса прядения. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 15 ш. Следовательно, цена этих 10 ф. пряжи, соответствующая их стоимости, составляет 15 ш., цена 1 ф. пряжи — 1 ш. и 6 п.

Наш капиталист смущен. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала. Авансированная стоимость не увеличилась, не произвела прибавочной стоимости, следовательно деньги не превратились в капитал. Цена этих 10 ф. пряжи равна 15 ш., и 15 же шиллингов были израсходованы на товарном рынке на элементы созидания продукта, или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 ш. на хлопок, 2 ш. на потребленное количество веретен и 3 ш. на рабочую силу. Совершившееся возрастание стоимости пряжи ничему не помогает, потому что стоимость ее представляет собою просто сумму стоимостей, которые раньше распределялись между хлопком, веретенами и рабочей силой, а ведь из такого простого сложения существующих стоимостей

[12] Цифры здесь совершенно произвольны.

никогда не может возникнуть прибавочная стоимость[13]. Все эти стоимости сконцентрированы теперь в одной вещи, но они были сконцентрированы таким же образом и в денежной сумме в 15 ш., прежде чем она раздробилась вследствие купли трех товаров.

Сам по себе этот результат не удивителен. Стоимость одного фунта пряжи 1 ш 6 п., и потому за 10 ф пряжи наш капиталист должен был бы уплатить на товарном рынке 15 ш. Купит ли он дом для себя готовым на рынке или же будет строить его сам, ни одна из этих операций не увеличит количества денег, затраченных на приобретение дома.

Капиталист, который кое-что смыслит в вульгарной экономии, скажет, быть может, что он авансировал свои деньги с тем намерением, чтобы сделать из них большее количество денег. Но ведь дорога в ад вымощена добрыми намерениями, и у него точно так же могло бы появиться намерение добывать деньги не производя[14]. Он начинает грозить. Во второй раз его уже не проведут. В будущем он станет покупать товары на рынке готовыми, вместо того чтобы заниматься их производством. Но что, если все его братья капиталисты сделают точно так же, — где тогда найдет он товары на рынке? А питаться деньгами он не может. Он пускается в поучения. Следует принять во внимание его воздержание. Он мог бы промотать свои 15 ш. Вместо того он потребил их производительно и сделал из них пряжу. Но ведь зато и имеется у него теперь пряжа вместо угрызений совести. Ему совсем не приличествует сбиваться на роль собирателя сокровищ, который демонстрировал нам, что может получиться при аскетизме. Кроме того, где ничего нет, там и император утрачивает свое право. Какова бы ни была заслуга его отречения, не получается ничего, чем можно было бы особо оплатить его, потому что стоимость продукта, выходящего из процесса, равна только сумме товарных стоимостей, брошенных в этот процесс. Пусть же он успокоится на том, что добродетель

---

[13] Это — основное положение, на котором покоится учение физиократов о непроизводительности всякого неземледельческого труда, и оно неопровержимо для экономиста по профессии. «Этот способ приписывать одной вещи стоимость многих других (напр., полотну — стоимость предметов, потребленных ткачом), наслаивать, так сказать, на одну стоимость несколько стоимостей, ведет к тому, что она вздувается на соответствующую сумму... Термин сложение хорошо обрисовывает тот способ, каким образуется цена продуктов труда: эта цена есть только сумма многих стоимостей, потребленных и сложенных вместе; но складывать не значит умножать» (*Mercier de la Rivière:* «L'Ordre Naturel et Essentiel etc.», «Physiocrates», изд. Daire, II часть, стр. 599).

[14] Так, напр., в 1844—1847 гг. он извлек из производительных предприятий часть своего капитала, чтобы промотать их в спекуляциях с железнодорожными акциями. Так же во время американской гражданской войны он закрыл фабрики и выбросил фабричных рабочих на мостовую, чтобы заняться игрой на ливерпульской хлопковой бирже.

есть воздаяние добродетели. Но вместо того капиталист становится навязчивее. Пряжа ему не нужна. Он производил ее для продажи. Ну, что же, пусть он продает ее или, что еще проще, производит в будущем только вещи для своего собственного потребления — рецепт, который однажды уже прописал ему его домашний врач Мак Куллох как испытанное средство против эпидемии перепроизводства. Но капиталист упрямо становится на дыбы. Разве рабочий творит продукты только при помощи своих рук, разве он создает товары из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голяков, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком и своими веретенами неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он кроме того снабдил еще средствами к жизни? И не следует ли ему поставить в счет эту услугу? Но разве рабочий, с своей стороны, не оказал ему услуги, превратив хлопок и веретена в пряжу? Кроме того дело здесь вовсе не в услугах[15]. Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости — товара ли, труда ли[16]. Но здесь перед нами меновая стоимость. Капиталист уплатил рабочему стоимость в 3 ш. Рабочий возвратил ему точный эквивалент в виде стоимости в 3 ш., присоединенной к хлопку, возвратил ему стоимость за стоимость. Наш друг, который только что кичился своим капиталом, вдруг принимает непритязательный вид своего собственного рабочего. Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за прядильщиком? И разве этот его труд не создает, в свою очередь, стоимости? Но тут его собственный надсмотрщик и его управляющий пожимают плечами. Однако он с веселой улыбкой уже снова принял свое прежнее выражение лица. Он просто дурачил нас всеми жалобами.

---

[15] «Хвались, наряжай и украшай... Но кто берет больше или лучше (чем он дал), тот ростовщик, и это значит, что не услугу, а вред принес он своему ближнему, как это бывает при воровстве и грабеже. Не все то услуга и благодеяние ближнему, что называют услугой и благодеянием. Ибо прелюбодей и прелюбодейка оказывают друг другу большую услугу и удовольствие. Рейтар оказывает убийце и поджигателю великую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах и нападать на страну и людей. Папнсты оказывают нашим великую услугу, ибо они не всех топят, сжигают, убивают, заставляют гнить в темницах, но оставляют некоторых в живых и изгоняют их или отнимают у них, что есть. Сам диавол оказывает своим служителям великую неизмеримую услугу... Словом, мир полон великих, превосходных, ежедневных услуг и благодеяний» (*Martin Luther:* «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen etc.». Wittenberg 1540 [стр. 8—9]).

[16] По этому поводу я замечаю между прочим в «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 14: «Понятно, какую «услугу» должна оказывать категория «услуги» (service) такого рода экономистам, как Ж. Б. Сэй и Ф. Бастиа» [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 23].

Все это не стоит гроша. Эти и тому подобные пустые увертки и бессодержательные уловки он предоставляет профессорам политической экономии, которые собственно за это и оплачиваются. Сам же он — практический человек, который хотя и не всегда обдумывает, что̀ он говорит в том случае, когда это не касается его дел, но всегда знает, что̀ он делает в своей деловой сфере.

Присмотримся к делу поближе. Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 ш., потому что в ней самой овеществлена половина рабочего дня, т. е. потому что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключался в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению и ее ежедневная затрата — это две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, только потому было conditio sine qua non [неизбежным условием], что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом — большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует его меновую стоимость и отчуждает его потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, представляет лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

Наш капиталист заранее предвидел этот casus, der ihn lachen macht [казус, который как раз и заставил его улыбаться]. Поэтому

рабочий находит в мастерской необходимые средства производства не только для шестичасового, но и для двенадцатичасового процесса труда. Если 10 ф. хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка впитают 12 рабочих часов и превратятся в 20 ф. пряжи. Рассмотрим продукт удлиненного процесса труда. В этих 20 ф. пряжи теперь овеществлено 5 рабочих дней: 4 в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком во время процесса прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней представляют 30 ш., или 1 ф. ст. 10 ш. Следовательно, такова цена этих 20 ф. пряжи. Фунт пряжи попрежнему стоит 1 ш. 6 п. Но сумма стоимостей товаров, брошенных в процесс, составляла 27 ш. Стоимость пряжи составляет 30 ш. Стоимость продукта возросла на $^1/_9$ по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом 27 ш. превратились в 30 ш. Они принесли прибавочную стоимость в 3 ш. Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал.

Все условия проблемы нашли решение, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал всякий товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, 20 ф. пряжи, стоимостью в 30 ш. Теперь капиталист возвращается на рынок, на котором он раньше купил товар, и продает товар. Он продает фунт пряжи по 1 ш. 6 п., ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И, тем не менее, он извлекает из обращения на 3 ш. больше, чем первоначально бросил в него. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения — потому что он обусловливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении — потому что последнее только подготовляет процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства. Таким образом, «tout pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles» [«все к лучшему в этом лучшем из миров»].

Превращая деньги в товары, которые служат вещественными элементами нового продукта, или факторами процесса труда, присоединяя к их мертвой предметности живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость — прошлый, овеществленный, мертвый труд — в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевленное чудовище, которое начинает «работать» als hätt' es Lieb' im Leibe [как будто под влиянием охватившей его любовной страсти].

Если мы сравним теперь процесс образования стоимости и процесс возрастания стоимости, то окажется, что процесс возрастания стоимости есть не что иное, как процесс образования

стоимости, продолженный далее известного пункта. Если процесс образования стоимости продолжается лишь до того пункта, когда уплаченная капиталом стоимость рабочей силы будет возмещена новым эквивалентом, то это будет простой процесс образования стоимости. Если же процесс созидания стоимости продолжается далее этого пункта, то он становится процессом возрастания стоимости.

Далее, если мы сравним процесс образования стоимости с процессом труда, то увидим, что последний заключается в полезном труде, производящем потребительные стоимости. Движение рассматривается здесь с качественной стороны, со стороны его особого характера, цели и содержания. В процессе образования стоимости тот же самый процесс труда представляется исключительно с количественной стороны. Здесь дело заключается только в том времени, которое требуется труду для его операции, или только в продолжительности периода, в течение которого производительно затрачивается рабочая сила. И товары, которые входят в процесс труда, приобретают здесь значение уже не как функционально определенные вещественные факторы целесообразно действующей рабочей силы. Они учитываются лишь как определенные количества овеществленного труда. И труд, заключается ли он в средствах производства или же присоединяется рабочей силой, учитывается лишь по количеству времени. Он составляет столько-то часов, дней и т. д.

Однако он идет в счет лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительной стоимости, общественно необходимо. Этим сказано многое. Рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях. Если прядильная машина является общественно господствующим средством труда при прядении, то рабочему нельзя вручать старинную прялку. Он должен получить хлопок нормального качества, а не хлам, который рвется каждую минуту. Иначе ему в том и другом случае на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить более рабочего времени, чем общественно необходимое время, но это излишнее время не создало бы стоимости или денег. Однако нормальный характер материальных факторов труда зависит не от рабочего, а от капиталиста. Дальнейшее условие есть нормальный характер самой рабочей силы. В той специальности, в которой она применяется, она должна обладать установившейся средней степенью искусства, подготовки и быстроты. Но наш капиталист купил на рабочем рынке рабочую силу нормального качества. Эта сила должна затрачиваться с обычной средней степенью напряжения, с общественно обычной степенью интенсивности. Капиталист наблюдает за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута не расточалась даром, без труда. Он купил рабочую силу на определенный срок. Он хочет получить

то, что принадлежит ему. Он не хочет, чтобы его обкрадывали. Наконец — и на этот случай тот же самый господин имеет свой собственный code pénal [уголовное уложение] — не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что расточенный материал и расточенные средства труда представляют излишне затраченные количества овеществленного труда, следовательно не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта[17].

Итак, выведенное уже раньше из анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между разными сторонами процесса производства.

Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса возрастания

[17] Это — одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как instrumentum vocale [одаренное речью орудие] от животного как instrumentum semivocale [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от instrumentum mutum [немого орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и con amore [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих государствах, расположенных у Мексиканского залива, до начала гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые взрывали землю, как свинья или крот, но не делали борозды и не переворачивали ее. Ср. *J. E. Cairnes:* «The Slave Power». London 1862, стр. 46 и сл. В своем «Sea Board Slave States» Ольмстед рассказывает между прочим: «Мне показывали здесь орудия, которых ни один человек, находящийся в здравом уме, не дал бы рабочему, работающему по найму, так как они тяготили бы его; их чрезвычайная тяжесть и неуклюжесть, думается мне, по крайней мере на 10 процентов увеличивают труд по сравнению с теми орудиями, которые обыкновенно употребляются у нас. Но меня уверяли, что при том небрежном и грубом обращении, которому они подвергаются у рабов, было бы невозможно предоставить последним более легкие и менее грубые орудия и что те орудия, которые мы постоянно даем нашим рабочим, причем извлекаем из этого выгоду, не сохранились бы и одного дня на хлебных полях Виргинии, хотя почва последней легче и не так каменпста, как у нас. Точно так же, когда я спросил, почему на всех фермах лошади заменены мулами, то первым и, конечно, самым убедительным было то соображение, что лошади не могли бы переносить того обращения, которому они всегда подвергаются со стороны негров; лошади всегда быстро надрываются или калечатся от этого, между тем как мулы переносят побои и недостаток пищи и не претерпевают от этого существенного вреда, не простужаются и не заболевают, если пренебрегают уходом за ними или переобременяют их работой. Впрочем, мне стоит только подойти к окну той комнаты, где я пишу, и почти каждый раз я вижу такое обращение со скотом, за которое почти всякий фермер на севере немедленно прогнал бы рабочего» [стр. 46, 47].

стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства.

Уже раньше было отмечено, что для возрастания стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой, средний общественный труд или более сложный труд, труд более высокого удельного веса. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную стоимость. И в этом случае прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности все того же процесса труда: в одном случае процесса производства пряжи, в другом случае — процесса ювелирного производства[18].

---

[18] Различие между сложным и простым трудом, между «skilled» [квалифицированным] и «unskilled labour» [неквалифицированным трудом], отчасти основывается просто на иллюзиях или, по меньшей мере, на различиях, которые давным-давно перестали быть реальными и продолжают существовать лишь как традиционные условности; отчасти — на более беспомощном положении известных слоев рабочего класса, благодаря чему они не в состоянии, как другие, выпудить оплату своей рабочей силы по ее стоимости. Случайные обстоятельства играют при этом настолько крупную роль, что одни и те же виды труда меняются местами. Там, напр., где физические силы рабочего класса ослаблены и относительно истощены, как это наблюдается во всех странах с развитым капиталистическим производством, те грубые работы, которые требуют большой мускульной силы, в общем занимают более высокую ступень по сравнению с много более тонкими работами, которые опускаются до ступени простого труда; напр., труд bricklayer'а (каменщика) в Англии занимает значительно более высокую ступень, чем труд ткачей камчатных тканей. С другой стороны, труд fustian cutter'а (стригальщика), хотя он требует большого физического напряжения и кроме того нездоров, фигурирует как «простой труд». Впрочем, не следует воображать, что так называемый «skilled labour» [квалифицированный труд] занимает количественно значительное место в национальном труде. Лэнг вычисляет, что в Англии (и Уэльсе) существование более чем 11 млн. основывается на простом труде. По вычете одного миллиона аристократов и полутора миллионов пауперов, бродяг, преступников, лиц, живущих проституцией, и т. д., из 18 млн. населения, насчитывавшихся в стране во время появления его работы, останется 4 650 000 душ среднего класса, включая сюда мелких рантье чиновников, писателей, художников, школьных учителей и т д. Чтобы полу-

С другой стороны, в каждом процессе образования стоимости высший труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду, напр. один день высшего труда к x дням простого труда[19]. Следовательно, мы избежим излишней операции и упростим анализ, если мы предположим, что рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой средний общественный труд.

чить эти $4^2/_3$ млн., он причисляет к работающей части среднего класса, кроме банкиров и т. д., всех лучше оплачиваемых «фабричных рабочих»! Даже и bricklayer'ы [каменщики] попадают в категорию «рабочих сложного труда». После этого у него остаются упомянутые 11 млн. (*S. Laing:* «National Distress etc.». London 1844 [стр. 51—52]). «Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет главную массу народа» (*James Mill* в статье «Colony». Добавление к «Encyclopaedia Britannica», 1831).

[19] «Когда указывают на труд как меру стоимости, то необходимо предполагают труд известного рода... отношение его к другим родам труда легко можно определить» («Outlines of Political Economy». London 1832, стр. 22, 23).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ.

Различные факторы процесса труда принимают различное участие в образовании стоимости продукта.

Рабочий присоединяет к предмету труда новую стоимость, присоединяя к нему определенное количество труда, каковы бы ни были конкретное содержание, цель и технический характер этого труда. С другой стороны, стоимости потребленных средств производства мы вновь находим в виде составных частей стоимости продукта, напр. стоимость хлопка и веретен — в стоимости пряжи. Следовательно, стоимость средств производства сохраняется, переносясь на продукт. Это перенесение совершается во время превращения средств производства в продукт, в процессе труда. Оно совершается посредством труда. Но каким образом?

Рабочий не работает вдвойне в одно и то же время: с одной стороны, для того чтобы своим трудом присоединить к хлопку стоимость, а с другой стороны, для того чтобы сохранить старую стоимость хлопка, или, что то же, для того чтобы на продукт, на пряжу, перенести стоимость хлопка, который он перерабатывает, и веретен, которыми он работает. Старую стоимость он сохраняет путем простого присоединения новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может получить объяснение лишь из двойственного характера самого его труда. В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость.

Каким образом каждый рабочий присоединяет рабочее время, а потому и стоимость? Всегда только в форме своего своеобразного производительного труда. Прядильщик присоединяет рабочее время только тем, что он прядет, ткач только тем, что он ткет, кузнец только тем, что он кует. И только вследствие той целесообразной формы, в которой они вообще присоединяют труд, а потому и новую стоимость, вследствие прядения, тканья, ковки,

средства производства — хлопок и веретена, пряжа и ткацкий станок, железо и наковальня — становятся элементами для созидания продукта, новой потребительной стоимости[20]. Старая форма их потребительной стоимости исчезает, однако, только затем, чтобы выступить в новой форме потребительной стоимости. Но уже при рассмотрении процесса образования стоимости оказалось, что, поскольку потребительная стоимость потребляется целесообразно для производства новой потребительной стоимости, рабочее время, необходимое для создания использованной потребительной стоимости, составляет часть рабочего времени, необходимого для создания новой потребительной стоимости, т. е. представляет собою рабочее время, переносимое с потребленных средств производства на новый продукт. Следовательно, рабочий сохраняет стоимости потребленных средств производства или переносит их на продукт как составные части стоимости последнего не путем присоединения своего труда вообще, а вследствие особого полезного характера, вследствие специфически производительной формы этого присоединяемого труда. Как такая целесообразная производительная деятельность — прядение, тканье, ковка, — труд одним своим прикосновением воскрешает средства производства из мертвых, вселяет в них душу, превращает их в факторы процесса труда и соединяется с ними в продукты.

Если бы специфический производительный труд рабочего не был прядением, то он не превратил бы хлопка в пряжу, следовательно и стоимости хлопка и веретен не перенес бы на пряжу. Напротив, если тот же самый рабочий переменит профессию и сделается столяром, то он попрежнему своим рабочим днем будет присоединять стоимость к соответственному материалу. Следовательно, он присоединяет ее своим трудом не поскольку последний есть труд прядения или столярный труд, но поскольку он — абстрактный, общественный труд вообще, и определенную величину стоимости он присоединяет не потому, что его труд имеет особое полезное содержание, а потому, что он продолжается в течение определенного времени. Таким образом, в своем абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

Простым количественным присоединением труда присоединяется новая стоимость, вследствие же особого качества присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются

[20] «Труд создает новое творение взамен уничтоженного им» («An Essay on the Political Economy of Nations». London 1821, стр. 13).

в продукте. Это двустороннее действие одного и того же труда, как следствие двойственного характера последнего, наглядно обнаруживается в различных явлениях.

Предположим, что какое-либо изобретение дает возможность прядильщику выпрясть в 6 часов столько хлопка, сколько раньше выпрядалось в 36 часов. Труд его, как целесообразно-полезная производительная деятельность, увеличил в шесть раз свою силу. Продукт его ушестерен: 36 ф. вместо 6 ф. пряжи. Но эти 36 ф. хлопка теперь впитывают столько же рабочего времени, как раньше впитывали 6 ф. К ним присоединяется нового труда в шесть раз меньше, чем при прежних методах, а потому присоединяется лишь одна шестая доля той стоимости, которая присоединялась прежде. С другой стороны, в продукте, в 36 ф. пряжи, заключается теперь ушестеренная стоимость хлопка. В продолжение этих 6 часов прядения сохранена и перенесена на продукт в шесть раз бо́льшая стоимость сырого материала, хотя к тому же количеству сырого материала теперь присоединяется в шесть раз меньшая новая стоимость. Это показывает, насколько существенно отличается то свойство труда, вследствие которого он во время одного и того же нераздельного процесса сохраняет стоимости, от того его свойства, в силу которого он создает стоимость. Чем больше необходимого рабочего времени входит во время операции прядения в данное количество хлопка, тем больше новая стоимость, присоединяемая к хлопку, но чем большее количество фунтов хлопка перепрядается в течение данного количества рабочего времени, тем больше старая стоимость, сохраняемая в продукте.

Предположим, наоборот, что производительность прядильного труда осталась без изменения, следовательно для того чтобы один фунт хлопка превратить в пряжу, прядильщику требуется такое же количество времени, как раньше. Но пусть изменилась меновая стоимость самого хлопка, пусть цена его в шесть раз увеличилась или уменьшилась. В обоих случаях прядильщик к данному количеству хлопка продолжает присоединять все то же рабочее время, следовательно все ту же стоимость, и в обоих случаях в течение данного времени он производит все то же количество пряжи. Однако та стоимость, которую он с хлопка переносит на пряжу, на продукт, в одном случае в шесть раз меньше, в другом случае в шесть раз больше, чем была раньше. То же самое и в том случае, если средства труда вздорожают или удешевятся, но попрежнему будут оказывать все ту же услугу в процессе труда.

Если технические условия процесса прядения остаются неизменными, а также не совершается никаких изменений в стоимости соответствующих средств производства, то прядильщик в течение одинакового рабочего времени попрежнему потребляет одинаковые, не меняющие своей стоимости количества сырого материала

и машин. Стоимость, которую он сохраняет в продукте, в таком случае прямо пропорциональна той новой стоимости, которую он присоединяет. В течение двух недель он присоединяет вдвое больше труда, чем в одну неделю, а следовательно, и вдвое бо̀льшую стоимость, и в то же время потребляет вдвое больше материала, представляющего вдвое бо̀льшую стоимость, и снашивает вдвое больше машин, представляющих вдвое бо̀льшую стоимость; таким образом, в продукте двух недель он сохраняет вдвое бо̀льшую стоимость, чем в продукте одной недели. При данных неизменяющихся условиях производства рабочий сохраняет тем бо̀льшую стоимость, чем бо̀льшую стоимость он присоединяет; но он сохраняет бо̀льшую стоимость не потому, что он присоединяет бо̀льшую стоимость, а потому, что присоединяет ее при не изменяющихся и не зависимых от его собственного труда условиях.

Конечно, в известном относительном смысле можно сказать, что рабочий всегда сохраняет старые стоимости в той самой пропорции, в какой он присоединяет новую стоимость. Вздорожает ли хлопок с 2 ш. до 3 ш. или удешевится на 6 пенсов, рабочий в продукте одного часа всегда сохраняет вдвое меньшую стоимость хлопка, чем в продукте двух часов, как бы ни изменялась эта стоимость. Далее, если изменяется производительность его собственного труда, если она повышается или понижается, то он, напр., в один рабочий час выпрядает больше или меньше хлопка, чем раньше, и соответственно этому сохранит бо̀льшую или меньшую стоимость хлопка в продукте одного рабочего часа. Но при всем том в два рабочих часа он сохранит вдвое бо̀льшую стоимость, чем в один рабочий час.

Стоимость, оставляя в стороне ее чисто символическое выражение в знаке стоимости, существует только в той или иной потребительной стоимости, в той или иной вещи. (Сам человек, рассматриваемый только как наличное бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы.) Поэтому, если утрачивается потребительная стоимость, утрачивается и стоимость. Средства же производства не утрачивают своей стоимости одновременно со своей потребительной стоимостью, так как вследствие процесса труда они утрачивают первоначальную форму своей потребительной стоимости в действительности только затем, чтобы в продукте приобрести форму другой потребительной стоимости. Но как ни важно для стоимости существовать в виде какой бы то ни было потребительной стоимости, для нее, как показывает метаморфоза товаров, безразлично, в какой потребительной стоимости она существует. Из этого следует, что в процессе труда стоимость переходит со средств производства на продукт лишь в той мере, в какой средства производства вместе со своей самостоятельной потребительной стоимостью утрачивают и свою

меновую стоимость. Они передают продукту только ту стоимость, которую они утрачивают как средства производства. Но в этом отношении с различными материальными факторами процесса труда дело обстоит различно.

Уголь, которым отапливается машина, исчезает бесследно, равно как и масло, которым смазывается ось колеса и т. д. Краски и другие вспомогательные материалы исчезают, но проявляются в свойствах продукта. Сырой материал образует субстанцию продукта, но изменяет свою форму. Следовательно, сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как в течение своей жизни, процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают попрежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали. Теперь, если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое средство труда со дня его вступления в мастерскую и до того дня, когда его выбросят в сарай, то увидим, что его потребительная стоимость совершенно потреблена трудом в течение этого периода, а потому его меновая стоимость целиком перешла на продукт. Например, если прядильная машина в 10 лет отжила свой век, то вся ее стоимость в течение десятилетнего процесса труда перешла на продукт 10 лет. Следовательно, период жизни известного средства труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда. Со средством труда дело обстоит так же, как с человеком. Жизнь каждого человека ежедневно убывает на 24 часа. Но на человеке не написано, сколько дней его жизни уже убыло. Однако это не препятствует обществам страхования жизни делать очень верные и, что еще важнее, очень выгодные выводы из средней продолжительности человеческой жизни. То же и со средствами труда. Из опыта известно, сколько времени может просуществовать в среднем известное средство труда, напр. известного рода машина. Предположим, что она сохраняет свою потребительную стоимость в процессе труда только 6 дней. В таком случае она в среднем утрачивает за каждый рабочий день $^1/_6$ своей потребительной стоимости и потому передает дневному продукту $^1/_6$ своей стоимости. Этим способом исчисляется снашивание всех средств труда, напр. ежедневная утрата их потребительной стоимости, и соответствующее этому ежедневное перенесение их стоимости на продукт.

Отсюда с полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдает продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Если бы средство производства не имело стоимости и потому ему было бы нечего утрачивать, т. е. если бы само оно не было продуктом человеческого труда, то оно не передавало бы продукту никакой стоимости. Оно служило бы для образования потребительной стоимости, не участвуя в образовании меновой стоимости. Так обстоит дело со всеми средствами производства, которые даны природой, без содействия человека: с землей, ветром и водой, железом в руднике, деревом в первобытном лесу и т. д.

Здесь перед нами выступает другое интересное явление. Пусть стоимость машины будет, напр., 1 000 ф. ст., и пусть она снашивается в 1 000 дней. В этом случае $^1/_{1000}$ стоимости машины ежедневно переходит с нее самой на ее дневной продукт. В то же время вся машина продолжает, хотя и с убывающей жизнедеятельностью, функционировать в процессе труда. Таким образом, оказывается, что один фактор процесса труда, одно средство производства, целиком принимает участие в процессе труда, но лишь частью — в процессе возрастания стоимости. Различие между процессом труда и процессом возрастания стоимости отражается здесь на их материальных факторах, потому что одно и то же средство производства как элемент процесса труда целиком входит в данный процесс производства, а как элемент образования стоимости входит частями[21].

С другой стороны, средство производства может, наоборот, целиком входить в процесс возрастания стоимости, хотя в процесс

[21] Здесь речь идет не о починках средств труда, машин, зданий и т. д. Машина, подвергающаяся починке, функционирует не как средство труда, а как материал труда. Не ею работают, но ее обрабатывают, чтобы устранить дефекты в ее потребительной стоимости. Такие починочные работы мы, ввиду нашей цели, всегда можем представлять включенными в тот труд, который требуется для производства средств труда. В тексте речь идет о таком снашивании, которого не может излечить никакой доктор и которое мало-помалу приводит к смерти, о «такого рода снашивании, которое невозможно исправлять время от времени и которое, как в случае с ножом, в конце концов, приводит его в такое состояние, что ножовщик скажет, что он не стоит починки». В тексте мы видели, что машина, напр., целиком входит в каждый отдельный процесс труда, но лишь по частям в одновременный процесс увеличения стоимости. Поэтому мы можем надлежащим образом оценить следующее смешение понятий: «Г-н Рикардо о части машиностроительного труда, затраченного на производство чулочной машины, говорит», что она содержится, напр., в стоимости пары чулок. «Между тем весь труд, который производит каждую пару чулок... содержит весь труд машиностроителя, а не часть его; потому что хотя одна машина делает много пар, но ни одна из этих пар не может быть сделана без помощи всех частей машины» («Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London 1821, стр. 54). Автор, необыкновенно самодовольный

труда оно входит только частью. Предположим, что при прядении из 115 ф. хлопка ежедневно отпадают 15 ф., которые образуют не пряжу, а лишь devil's dust [чортову пыль]. Однако, если этот угар в 15 ф. является нормальным, если он неустраним при средних условиях переработки хлопка, то стоимость этих 15 ф. хлопка, не образующих элемента пряжи, совершенно так же входит в стоимость пряжи, как и стоимость тех 100 ф., которые образуют вещество пряжи. Для того чтобы произвести 100 ф. пряжи, потребительную стоимость 15 ф. хлопка приходится превращать в пыль. Следовательно, гибель этого хлопка есть условие производства пряжи. Именно поэтому он и передает свою стоимость пряже. Это относится ко всем отбросам процесса труда, по крайней мере постольку, поскольку эти отбросы не образуют опять новых средств производства, а потому не образуют вновь самостоятельных потребительных стоимостей. Так, на больших машиностроительных фабриках Манчестера можно видеть горы отбросов железа, состроганных в виде стружек циклопическими машинами; вечером они в огромных повозках переправляются с фабрики на железолитейный завод, откуда на другой день опять возвращаются на фабрику в виде массивного железа.

Лишь постольку, поскольку средства производства во время процесса труда утрачивают стоимость, существовавшую в форме старых потребительных стоимостей этих средств производства, они переносят стоимость на новую форму продукта. Максимум той потери, которую их стоимость может претерпеть в процессе труда, очевидно ограничен той первоначальной величиной стоимости, с которой они вступают в процесс труда, или рабочим временем, необходимым для их собственного производства. Поэтому средства производства никогда не могут присоединить к продукту стоимость бо́льшую, чем та, которой они обладают независимо от обслуживаемого ими процесса труда. Как бы полезен ни был известный материал труда, известная машина, известное средство производства, все же, если они стоят 150 ф. ст., скажем 500 рабочих дней, они никогда не присоединят более 150 ф. ст. к тому продукту, для создания которого они служат. Их стоимость определяется не тем процессом труда, в который они входят как средство производства, а тем процессом труда, из которого они выходят как продукт. В процессе труда они служат только как потребительная стоимость, как вещь с полезными свойствами, и потому они не передавали бы продукту никакой стоимо-

---

«wiseacre» [«умник»], в своей путанице и вместе с тем в своей полемике прав лишь в том смысле, что ни Рикардо, ни какой бы то ни было другой экономист ни до него, ни после него не разграничивали строго обеих сторон труда, а потому, как и следовало ожидать, не дали анализа их различной роли в образовании стоимости.

сти, если бы не обладали стоимостью до своего вступления в процесс[22].

В то время как производительный труд превращает средства производства в элементы образования нового продукта, с их стоимостью совершается своего рода переселение душ. Из потребленного тела она переселяется во вновь сформированное тело. Но это переселение души совершается как бы за спиною действительного труда. Рабочий не может присоединять нового труда, следовательно не может создавать новую стоимость, не сохраняя старых стоимостей, потому что он должен присоединять труд каждый раз в определенной полезной форме, а присоединять его в полезной форме он не может, не превращая продуктов в средства производства нового продукта и не перенося тем самым их стоимости на новый продукт. Следовательно, сохранять стоимость посредством присоединения стоимости это есть естественное свойство проявляющейся в действии рабочей силы — живого труда, дар природы, ничего не стоящий рабочему, но много приносящий капиталисту, именно приносящий ему сохранение наличной капитальной стоимости[22a]. Пока дело идет успешно, капиталист слишком сильно погружен в извлечение прибыли для того чтобы замечать этот

---

[22] Легко понять поэтому всю нелепость пошлого Ж. Б. Сэя, который хочет вывести прибавочную стоимость (процент, прибыль, ренту) из тех «services productifs» [«производительных услуг»], которые средства производства: земля, орудия, кожи и т. д., оказывают своими потребительными стоимостями в процессе труда. Господин Вильгельм Рошер, который никогда не преминет зарегистрировать черным по белому ловкие апологетические измышления, восклицает: «Ж. Б. Сэй (Traité, т. I, гл. 4) очень верно замечает: «Произведенная маслобойней стоимость, за вычетом всех издержек, представляет ведь нечто новое, существенно отличное от труда, которым была создана сама маслобойня» («Die Grundlagen der Nationalökonomie», изд. 3-е, 1858, стр. 82, примечание). Очень верно! «Масло», изготовленное маслобойней, есть нечто весьма отличное от труда, которого стоила постройка маслобойни. А под «стоимостью» господин Рошер подразумевает такую вещь, как «масло», потому что «масло» имеет стоимость, а так как «в природе» встречается минеральное масло, хотя сравнительно и не «очень много», то он делает, несомненно, по этому поводу другое замечание: «Она (природа) почти совсем не производит меновых стоимостей!» [Там же, стр. 79.] У природы Рошера с меновой стоимостью выходит то же самое, что у глупой девицы с ребенком, который «был ведь совсем маленький». Тот же самый «ученый» («savant sérieux») замечает еще по упомянутому выше поводу: «Школа Рикардо обыкновенно подводит под понятие труда и капитал как «сбереженный труд». Это неискусно (!), потому что (!) владелец капитала (!) ведь(!) все же (!) совершил больше (!), чем простое (?!) производство (?) и (??) сохранение его (чего?): именно (?!?) воздержание от собственного наслаждения, за что он, напр. (!!!), требует процента» (там же). Как «искусен» этот «анатомо-физиологический метод» политической экономии, который выводит «стоимость» просто-напросто из «требования»!

[22a] «Из всех орудий фермерского производства человеческий труд... есть такое, от которого фермер больше всего может ожидать возвращения своего капитала. Другие два — капитал в рабочем скоте и... телеги, плуги, лопаты и т. д. — ничего не значат без соединения с известным количеством

бесплатный дар труда. Насильственные перерывы процесса труда, кризисы, делают его для капиталиста заметным до осязательности[23].

В средствах производства вообще потребляется их потребительная стоимость, путем потребления которой труд создает продукты. Стоимость их в действительности не потребляется[24], а потому не может быть и воспроизведена. Она сохраняется, но не потому, что с нею самой совершается какая бы то ни было операция в процессе труда, а потому, что та потребительная стоимость, в которой она первоначально существовала, хотя и исчезает, но исчезает лишь в другой потребительной стоимости. Поэтому стоимость средств производства опять проявляется в стоимости продукта, но, строго говоря, не воспроизводится. Производится новая потребительная стоимость, в которой вновь появляется старая меновая стоимость[25].

первого» (*Edmund Burke:* «Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Right Hon. W. Pitt in the Month of November 1795», изд. London 1800, стр. 10).

[23] В «Times» от 26 ноября 1862 г. один фабрикант, на прядильне которого занято 800 рабочих и еженедельно потребляется в среднем 150 кип остиндского или почти 130 кип американского хлопка, жалуется публике на издержки, вызываемые ежегодной остановкой работ на фабрике. Он определяет их в 6 000 ф. ст. Среди этих непроизводительных издержек встречаются много таких статей, которые здесь нас не интересуют, напр.: земельная рента, налоги, страховые премии, жалованье работникам, нанимаемым на год, управляющему, бухгалтеру, инженеру и т. д. Но затем он причисляет сюда же 150 ф. ст. на уголь, чтобы время от времени протапливать фабрику и по временам приводить в движение паровую машину, кроме того заработную плату рабочим, которые своим временным трудом поддерживают «в готовности» все машинное оборудование. Наконец, 1 200 ф. ст. на порчу машин, так как «погода и естественные разрушительные влияния не прекращают своего действия от того, что паровые машины перестали двигаться». Он прямо замечает при этом, что сумма в 1 200 ф. ст. так низка лишь потому, что машины уже находятся в состоянии большой сношенности.

[24] «Производительное потребление: когда потребление товара составляет часть процесса производства... В этих случаях нет потребления стоимости» (*S. P. Newman:* «Elements of Political Economy». Andover and New York 1835, стр. 296).

[25] В одном североамериканском руководстве, выдержавшем, быть может, до 20 изданий, мы читаем: «Совершенно безразлично, в какой форме капитал появляется вновь». После многословного перечисления всевозможных элементов производства, стоимость которых снова появляется в продукте, в заключение говорится: «Различные роды продовольственных средств, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта человека, также претерпевают изменения. Они время от времени потребляются, и стоимость их вновь появляется в новой телесной и умственной силе человека, составляющей новый капитал, который можно вновь употребить на дело производства» (*F. Wayland:* «The Elements of Political Economy». Boston 1843, стр. 31, 32). Не говоря уже о всех других странностях, заметим, что, напр., не цена хлеба, а его образующие кровь элементы снова появляются в возобновленной силе. А в качестве стоимости силы вновь появляются, напротив, не жизненные средства, а их стоимость. Те же самые жизненные средства, если

Иначе обстоит дело с субъективным фактором процесса труда, с проявляющейся в действии рабочей силой. В то время как труд благодаря его целесообразной форме переносит стоимость средств производства на продукты и тем самым сохраняет ее, каждый момент его движения создает добавочную стоимость, новую стоимость. Предположим, что процесс производства обрывается на том пункте, когда рабочий произвел эквивалент стоимости своей собственной рабочей силы, когда он, напр., шестичасовым трудом присоединил стоимость в 3 ш. Эта стоимость образует избыток стоимости продукта над теми элементами последней, которые своим происхождением обязаны стоимости средств производства. Это — единственная новая стоимость, возникшая в этом процессе, единственная часть стоимости продукта, произведенная самим этим процессом. Конечно, она просто возмещает те деньги, которые были авансированы капиталистом при купле рабочей силы и израсходованы самим рабочим на жизненные средства. По отношению к этим израсходованным 3 ш. новая стоимость в 3 ш. представляет просто воспроизводство первых. Но она действительно воспроизведена, а не только по видимости, как стоимость средств производства. Возмещение одной стоимости другою совершается здесь при посредстве создания новой стоимости.

Однако мы уже знаем, что процесс труда продолжается за те пределы, в которых воспроизводится и присоединяется к предмету труда просто эквивалент стоимости рабочей силы. Вместо 6 часов, которых для этого было бы достаточно, процесс продолжается, напр., 12 часов. Следовательно, действием рабочей силы не только воспроизводится ее собственная стоимость, но и производится кроме того избыток стоимости. Эта прибавочная стоимость образует избыток стоимости продукта над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта, т. е. над стоимостью средств производства и рабочей силы.

Изобразив те различные роли, которые различные факторы процесса труда играют в образовании стоимости продукта, мы тем самым охарактеризовали функции различных составных частей капитала в его собственном процессе возрастания стоимости. Избыток всей стоимости продукта над суммой стоимости элементов, участвующих в его образовании, есть избыток увеличившегося в своей стоимости капитала над первоначально авансированной капитальной стоимостью. Средства производства, с одной стороны, рабочая сила — с другой, представляют собою

они стоят вдвое меньше, произведут совершенно столько же мускулов, костей и т. д., — коротко говоря, совершенно такую же силу, но силу не такой же, не прежней стоимости. Это претворение «стоимости» в «силу» и вся эта фарисейская неопределенность прикрывают фокусническую попытку — конечно, тщетную — вывести прибавочную стоимость из простого факта возвращения авансированных стоимостей.

лишь различные формы существования первоначальной капитальной стоимости, совлекшей с себя свою денежную форму и превратившейся в факторы процесса труда.

Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю ее постоянной, не изменяющейся частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом. Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса возрастания стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал.

Понятие постоянного капитала отнюдь не исключает революции в стоимости его составных частей. Предположим, что фунт хлопка стоит сегодня 6 пенс. и что завтра вследствие недостаточного урожая хлопка цена его повышается до 1 ш. Прежний хлопок, который продолжает обрабатываться, куплен по стоимости в 6 пенс., но присоединяет теперь к стоимости продукта часть в 1 ш. А уже выпряденный хлопок, быть может уже обращающийся на рынке в виде пряжи, присоединяет к продукту величину тоже вдвое бо́льшую, чем его первоначальная стоимость. Однако мы видим, что эти изменения стоимости не стоят ни в какой связи с возрастанием стоимости хлопка в самом процессе прядения. Если бы старый хлопок еще не вступил в процесс труда, его можно было бы продать теперь по 1 ш. вместо 6 пенс. Наоборот: чем меньшее число процессов труда он прошел, тем вернее такой результат. Поэтому правило спекуляции таково: при подобных революциях в стоимости спекулировать на сыром материале в его наименее обработанной форме, т. е. скорее на пряже, чем на ткани, и скорее на хлопке, чем на пряже. Изменение стоимости возникает здесь в том процессе, в котором производится хлопок, а не в том процессе, в котором он функционирует как средство производства и, следовательно, как постоянный капитал. Хотя стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, но само это количество определяется общественным путем. Если изменяется рабочее время, общественно необходимое для производства товара, — а одно и то же количество хлопка, напр., при неблагоприятных условиях представляет большее коли-

чество труда, чем при благоприятных, — то это оказывает обратное действие на старый товар, который всегда играет роль только отдельного экземпляра своего рода [26], стоимость которого всегда измеряется общественно необходимым трудом, стало быть, всегда измеряется трудом, необходимым при существующих в данное время общественных условиях.

Стоимость средств труда, машин и т. д., уже служащих в процессе производства, а потому и та доля стоимости, которую они передают продукту, может изменяться точно так же, как стоимость сырого материала. Если, напр., вследствие нового изобретения машины данного рода могут быть воспроизведены с меньшей затратой труда, то старые машины более или менее обесцениваются и потому переносят на продукт относительно меньшую стоимость. Но и в этом случае изменение стоимости возникает вне того процесса производства, в котором машина функционирует как средство производства. В этом процессе она никогда не передает стоимости большей, чем та, которой она обладает независимо от этого процесса.

Подобно тому как изменение в стоимости средств производства, хотя оно и оказывает свое отраженное действие уже после вступления их в процесс производства, тем не менее не изменяет их характера как постоянного капитала, точно так же изменение отношения между постоянным и переменным капиталом не затрагивает их функционального различия. Например, технические условия процесса труда могут преобразоваться настолько, что там, где раньше 10 рабочих с 10 орудиями малой стоимости обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого материала, теперь 1 рабочий при помощи дорогой машины перерабатывает в сто раз большее количество сырого материала. В этом случае постоянный капитал, т. е. масса стоимостей применяемых средств производства, очень значительно возрастает, а переменная часть капитала, авансированная на рабочую силу, очень значительно падает. Однако это изменение касается только отношения между величинами постоянного и переменного капитала, или того отношения, в котором весь капитал распадается на постоянную и переменную составные части, но, напротив, не затрагивает различия между постоянным и переменным капиталом.

---

[26] «Все продукты одного и того же рода образуют, строго говоря, одну массу, цена которой определяется сообща, независимо от особых условий отдельного случая» (*Le Trosne:* «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», изд. Daire, Paris, 1846, стр. 893).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

1. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

Порожденная авансированным капиталом *К* в процессе производства прибавочная стоимость, или прирост авансированной капитальной стоимости, выступает перед нами прежде всего как избыток стоимости продукта над суммой стоимостей элементов его производства.

Капитал *К* распадается на две части: денежную сумму *c*, израсходованную на средства производства, и другую денежную сумму *v*, израсходованную на рабочую силу; *c* представляет часть стоимости, превращенную в постоянный капитал, *v* — часть стоимости, превращенную в переменный капитал. Следовательно, первоначально $K = c + v$, напр. авансированный капитал в 500 ф. ст. = $\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. В конце процесса производства получается товар, стоимость которого = $c + v + m$, где *m* есть прибавочная стоимость, напр. $\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{m}$ ф. ст. Первоначальный капитал *К* превратился в *К'*, из 500 ф. ст. в 590 ф. ст. Разность между обоими = *m*, прибавочной стоимости в 90. Так как стоимость элементов производства равна стоимости авансированного капитала, то в действительности простой тавтологией является утверждение, что избыток стоимости продукта над стоимостью элементов его производства равен приросту стоимости авансированного капитала, или равен произведенной прибавочной стоимости.

Однако эта тавтология требует ближайшего определения. Со стоимостью продукта сравнивается стоимость элементов производства, потребленных при его образовании. Но мы уже видели, что часть примененного постоянного капитала, состоящая из средств труда, передает продукту лишь часть своей стоимости, между тем как остальная часть сохраняется в прежней форме своего существования. Так как последняя часть не играет никакой роли в образовании стоимости, то мы можем здесь отвлечься от нее. Введение ее в вычисления ничего не изменило бы. Предполо-

жим, что $c = 410$ ф. ст. состоит из сырого материала на 312 ф. ст., вспомогательных материалов на 44 ф. ст. и машин, снашиваемых в процессе, на 54 ф. ст.; стоимость же действительно применяемых машин составляет 1054 ф. ст. Авансированной на производство стоимости продукта мы считаем только эту стоимость в 54 ф. ст., которую машины утрачивают вследствие своего функционирования и потому передают продукту. Если бы мы ввели в вычисление и те 1000 ф. ст., которые продолжают существовать в своей прежней форме, — как паровая машина и т. д., — то нам пришлось бы ввести их в вычисление на обеих сторонах, на стороне авансированной стоимости и на стороне стоимости продукта[26a], и мы получили бы, таким образом, resp. [соответственно] 1500 ф. ст. и 1590 ф. ст. Разность, или прибавочная стоимость, попрежнему составила бы 90 ф. ст. Поэтому там, где из общей связи изложения не вытекает обратное, под постоянным капиталом, авансированным на производство стоимости, мы всегда подразумеваем только стоимость потребленных в производстве средств производства.

С такими предположениями возвращаемся к формуле $K = c + v$, которая превращается в $K' = \overset{\frown}{c + v} + m$, благодаря чему K и превращается в K'. Мы знаем, что стоимость постоянного капитала только вновь появляется в продукте. Следовательно, действительно вновь произведенная в процессе стоимость отлична от полученной из процесса всей стоимости продукта, поэтому она равна не $\overset{\frown}{c + v} + m$, или не $\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{m}$ ф. ст., как кажется на первый взгляд, а $v + m$, или $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{m}$ ф. ст., т. е. не 590 ф. ст., а 180 ф. ст. Если бы c, постоянный капитал, был $= 0$, другими словами — если бы существовали такие отрасли промышленности, в которых капиталисту не приходится применять никаких произведенных средств производства, ни сырого материала, ни вспомогательных материалов, ни орудий труда, а приходится применять только материалы, данные природой, и рабочую силу, то на продукт не переносилось бы никакой доли постоянной стоимости. Этот элемент стоимости продукта, для нашего примера 410 ф. ст., отпал бы, но вновь произведенная стоимость в 180 ф. ст., заключающая в себе 90 ф. ст. прибавочной стоимости, сохранила бы совершенно такие же

[26a] «Если мы примем в расчет стоимость основного капитала, применяемого как часть всего авансированного капитала, то нам придется в конце года принять в расчет остаток стоимости такого капитала как часть годовой выручки» (*Malthus*: «Principles of Political Economy», изд. 2-е, London 1836, стр. 269).

размеры, как в том случае, если бы c представляло огромнейшую сумму стоимости. У нас было бы $K = \widehat{0 + v} = v$, и K', возросший по стоимости капитал, $= v + m$, $K' - K$ попрежнему $= m$. Наоборот, если бы m было $= 0$, другими словами — если бы рабочая сила, стоимость которой авансируется в виде переменного капитала, производила только эквивалент, то $K = c + v$ и K' (стоимость продукта) $= \widehat{c + v} + 0$, а потому $K = K'$. Авансированный капитал не возрос бы по своей стоимости.

В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v, с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$ (v плюс прирост v). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания своей изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был $= 500$, теперь он $= 590$. Следовательно, анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь вновь появляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал c приравняли нулю и, таким образом, применили тот закон математики, при помощи которого она оперирует с переменными и постоянными величинами, когда постоянная величина связана с переменной только посредством сложения и вычитания.

Другое затруднение возникает из первоначальной формы переменного капитала. Так, в приведенном выше примере $K' =$ $= 410$ ф. ст. постоянного капитала $+ 90$ ф. ст. переменного капитала $+ 90$ ф. ст. прибавочной стоимости. Однако 90 ф. ст. суть данная, следовательно постоянная величина, и потому представляется нелепым рассматривать их как переменную величину. Но $\overset{v}{\smile}\!\!\!\!90$ ф. ст., или 90 ф. ст. переменного капитала, в действительности являются здесь только символом того процесса, через который проходит эта стоимость. Часть капитала, авансированная на куплю рабочей силы, есть определенное количество овеществленного труда, следовательно столь же постоянная величина стоимости, как стоимость купленной рабочей силы. Но в самом процессе производства вместо авансированных 90 ф. ст. выступает действующая рабочая сила, вместо мертвого — живой труд, вместо неподвижной — текучая величина, вместо постоянной — переменная. Результатом является воспроизводство v плюс прирост v. С точки зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самодвижение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается

весь процесс и его результат. Поэтому, если формула 90 ф. ст. переменного капитала, или самовозрастающая стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству.

Приравнение постоянного капитала нулю на первый взгляд производит странное впечатление. Между тем оно постоянно совершается в повседневной жизни. Например, если хотят вычислить прибыль Англии от хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего вычитают цену хлопка, уплаченную Соединенным Штатам, Индии, Египту и т. д., т. е. приравнивают нулю ту капитальную стоимость, которая просто вновь появляется в стоимости продукта.

Конечно, отношение прибавочной стоимости не только к той части капитала, из которой она непосредственно возникает и изменение стоимости которой она представляет, но и ко всему авансированному капиталу имеет свое большое экономическое значение. Поэтому в третьей книге мы обстоятельно рассматриваем это отношение. Для того чтобы одну часть капитала увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую часть капитала необходимо превратить в средства производства. Для того чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал. Однако то обстоятельство, что для известного химического процесса требуются реторты и другие сосуды, нисколько не препятствует тому, чтобы при анализе абстрагироваться от самой реторты. Поскольку создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде, средства производства, эти вещественные представители постоянного капитала, доставляют только материю, в которой должна фиксироваться текучая сила, созидающая стоимость. Потому-то и не имеет никакого значения природа этого вещества, т. е. безразлично, будет ли это хлопок или железо. Не имеет значения и стоимость этого вещества. Необходимо только, чтобы его масса была достаточна для того, чтобы она могла впитать количество труда, подлежащее затрате во время процесса производства. Раз эта масса дана, — повысится ли ее стоимость или понизится, или же она не будет иметь никакой стоимости, как земля и море, — процесс создания стоимости и изменения стоимости нисколько не будет этим затронут [27].

---

[27] *Примечание ко 2-му изд.* Само собой разумеется, что, как говорит Лукреций, «nil posse creari de nihilo». Из ничего нельзя ничего создать. [*Titus Lucretius Carus:* «De rerum natura», I кн., стих 155—156.] «Созидание стоимости» есть превращение рабочей силы в труд. В свою очередь, рабочая сила есть прежде всего вещество природы, преобразованное в человеческий организм.

Итак, прежде всего мы приравняем нулю постоянную часть капитала. Тогда авансированный капитал $c+v$ сводится к v, а стоимость продукта $\widehat{c+v}+m$ сводится к вновь произведенной стоимости $\widehat{v+m}$. Если дана вновь произведенная стоимость = = 180 ф. ст., в которой представлен труд, продолжающийся на всем протяжении процесса производства, то мы должны вычесть стоимость переменного капитала = 90 ф. ст. для того, чтобы получить прибавочную стоимость = 90 ф. ст. Число 90 ф. ст. = m выражает здесь абсолютную величину произведенной прибавочной стоимости. Относительная же ее величина, т. е. пропорция, в которой возрос переменный капитал, определяется, очевидно, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, или выражается дробью $\frac{m}{v}$. Следовательно, для приведенного выше примера она выразится в $^{90}/_{90}=100\%$. Это относительное возрастание переменного капитала, или относительную величину прибавочной стоимости, я называю нормой прибавочной стоимости[28].

Мы уже видели, что рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только стоимость своей рабочей силы, т. е. стоимость необходимых ему жизненных средств. Так как он производит при отношениях, покоящихся на общественном разделении труда, то он производит свои жизненные средства не непосредственно, а в форме известного особенного товара, напр. пряжи, производит стоимость, равную стоимости его жизненных средств или тем деньгам, на которые он покупает эти средства. Та часть его рабочего дня, которую он употребляет для этого, будет больше или меньше в зависимости от стоимости его средних ежедневных средств к жизни, т. е. от того среднего рабочего времени, которое ежедневно требуется для их производства. Если в стоимости ежедневных жизненных средств рабочего воплощено в среднем 6 овеществленных рабочих часов, то рабочему приходится работать в среднем по 6 часов в день для того чтобы произвести эту стоимость. Если бы он работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы, при прочих равных условиях, попрежнему работать в среднем такую же часть суток для того, чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и таким образом приобрести жизненные средства, необходимые для его собственного сохранения, или постоянного воспроизводства. Но так как в ту часть рабочего дня, в продолжение которой он произ-

---

[28] Точно так же, как англичане говорят «rate of profits», «rate of interest» [«норма прибыли», «норма процента»] и т. д. Из книги 3-й читатель увидит, что легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ni l'un, ni l'autre [ни того, ни другого].

водит дневную стоимость рабочей силы, скажем 3 ш., он производит только эквивалент той стоимости, которая уже уплачена ему капиталистом[28a], т. е. просто возмещает вновь созданной стоимостью авансированную переменную капитальную стоимость, то это производство стоимости является просто воспроизводством. Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени, — необходимым трудом[29]. Необходимым для рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.

Второй период процесса труда, — тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, — хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако, не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего. Эту часть рабочего дня я называю прибавочным рабочим временем, а затраченный в течение ее труд — прибавочным трудом (surplus labour). Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее просто как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, напр. общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда[30].

[28a] {*Примечание к 3-му изд.* Автор пользуется здесь ходячим экономическим языком. Напомним, что, как показано на стр. 137 [стр. 180—181 настоящего тома], «авансирует» в действительности не капиталист рабочего, а рабочий капиталиста. — *Ф. Э.*}

[29] До сих пор мы обозначали в этой работе словами «необходимое рабочее время» то рабочее время, которое общественно необходимо для производства известного товара. Теперь мы будем употреблять их и по отношению к тому рабочему времени, которое необходимо для производства такого специфического товара, как рабочая сила. Употребление одних и тех же termini technici [технических терминов] в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удается ни в одной науке. Ср., напр., высшие и низшие отделы математики.

[30] Господин Вильгельм Фукидид Рошер с истинно готтшедовской гениальностью открывает, что если прибавочная стоимость или прибавочный продукт и связанное с ними накопление обязаны в настоящее время своим образованием «бережливости» капиталиста, который «требует за это, напр., процент», то «на низких ступенях культуры», напротив... «более сильные принуждают к бережливости более слабых» («Die Grundlagen der Nationalökonomie», изд. 3-е, 1858, стр. 82, 78). К сбережению труда? или не существующего избытка продуктов? Наряду с действительным невежеством апологетический страх перед добросовестным анализом стоимости и прибавочной

Так как стоимость переменного капитала равна стоимости купленной им рабочей силы, так как стоимость этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, а прибавочная стоимость, в свою очередь, определяется избыточной частью рабочего дня, то из этого следует: прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду, или норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$. Обе части пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае в форме овеществленного труда, в другом случае в форме текучего труда.

Поэтому норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом[30a].

Согласно нашему предположению, стоимость продукта была = $= \overbrace{\underset{c}{410} \text{ ф. ст.} + \underset{v}{90}}$ ф. ст. $+ \overset{m}{90}$ ф. ст., авансированный капитал был = 500 ф. ст. Так как прибавочная стоимость = 90, авансированный же капитал = 500, то по обычному способу вычисления получилось бы, что норма прибавочной стоимости (которую смешивают с нормой прибыли) = 18%, — отношение, низкий уровень которого растрогал бы господина Кэри и других гармонистов. В действительности же норма прибавочной стоимости равна не $\frac{m}{K}$, или $\frac{m}{c+v}$, а $\frac{m}{v}$, следовательно не $\frac{90}{500}$, а $\frac{90}{90} = 100\%$ — более чем в пять раз больше кажущейся степени эксплуатации. Хотя в данном случае мы не знаем ни абсолютной величины рабочего дня, ни периода, в течение которого продолжается процесс труда (день, неделя и т. д.), ни, наконец, числа рабочих, которых одновременно приводит в движение переменный капитал в 90 ф. ст., тем не менее норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, так как она может быть превращена в $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, точно показывает взаимное отношение между двумя составными частями рабочего дня. Оно

стоимости и перед тем, что вдруг получится соблазнительно-неблагонадежный с полицейской точки зрения результат, — вот что заставляет Рошера и К° превращать более или менее благовидные мотивы, которыми капиталист оправдывает присвоение уже существующей прибавочной стоимости, в основание ее возникновения.

[30a] *Примечание ко 2-му изд.* Являясь точным выражением степени эксплуатации рабочей силы, норма прибавочной стоимости, тем не менее, отнюдь не может служить выражением абсолютной величины эксплуатации. Например, если необходимый труд = 5 часам и прибавочный труд = 5 часам, то степень эксплуатации = 100%. Величина эксплуатации измеряется здесь 5 часами. Если же необходимый труд = 6 часам и прибавочный труд = = 6 часам, степень эксплуатации в 100% остается без изменения, между тем как величина эксплуатации возрастает на 20% — с 5 до 6 часов.

равно 100%. Следовательно, рабочий одну половину дня работал на себя, а другую половину на капиталиста.

Итак, метод исчисления нормы прибавочной стоимости, коротко говоря, таков: мы берем всю стоимость продукта и приравниваем нулю постоянную капитальную стоимость, которая лишь вновь появляется в стоимости продукта. Остающаяся сумма стоимости есть единственная стоимость, действительно вновь произведенная в процессе образования товара. Если прибавочная стоимость дана, то мы, чтобы найти переменный капитал, вычитаем ее из этой вновь произведенной стоимости. Если же дан переменный капитал и мы ищем прибавочную стоимость, то мы поступаем наоборот. Если даны и прибавочная стоимость и переменный капитал, то остается произвести лишь заключительную операцию, вычислить отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, $\frac{m}{v}$.

Как ни прост этот метод, тем не менее представляется уместным освоить читателей посредством нескольких примеров с лежащим в его основе и непривычным для них способом представления.

Прежде всего пример прядильной фабрики с 10 000 мюльных веретен, на которой прядется из американского хлопка пряжа № 32 и производится по 1 ф. пряжи на веретено в неделю. Угары составляют 6%. Итак, еженедельно 10 600 ф. хлопка перерабатывается в 10 000 ф. пряжи и 600 ф. угаров. В апреле 1871 г. этот хлопок стоил $7^3/_4$ пенса за фунт, т. е. за 10 600 ф. круглым числом 342 ф. ст. Эти 10 000 веретен, включая приготовительное оборудование и паровую машину, стоят 1 ф. ст. на веретено, следовательно 10 000 ф. ст. Ежегодное снашивание их составляет 10% = 1000 ф. ст., или 20 ф. ст. в неделю. Наем фабричного здания — 300 ф. ст., или 6 ф. ст. в неделю. Уголь (4 ф. в час на одну лошадиную силу, на 100 лошадиных (индикаторных) сил и 60 часов в неделю, включая в расчет и отопление здания) — 11 тонн в неделю, по 8 ш. 6 п. тонна, стоит круглым счетом $4^1/_2$ ф. ст. в неделю; газ — 1 ф. ст. в неделю, масло — $4^1/_2$ ф. ст. в неделю, следовательно все вспомогательные материалы — 10 ф. ст. в неделю. Итак, постоянная часть стоимости дает 378 ф. ст. в неделю. Заработная плата составляет 52 ф. ст. в неделю. Цена пряжи при $12^1/_4$ п. за фунт составит за 10 000 фунтов 510 ф. ст.; следовательно, прибавочная стоимость: 510 ф. ст. — 430 ф. ст. = 80 ф. ст. Постоянную часть капитала в 378 ф. ст. мы приравниваем нулю, так как она не принимает участия в образовании стоимости за неделю. Остается еженедельная вновь произведенная стоимость в $132 = \overbrace{52}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{80}^{m}$ ф. ст. Таким образом, норма прибавочной стоимости $= {}^{80}/_{52} = 153^{11}/_{13}\%$. При десятичасовом среднем рабочем дне полу-

чается: необходимый труд $= 3^{31}/_{33}$ часа и прибавочный труд $= 6^{2}/_{33}$ часа[31].

Джекоб, предполагая цену пшеницы в 80 ш. за квартер и средний сбор в 22 бушеля с акра, так что один акр приносит 11 ф. ст., приводит для 1815 г. следующий расчет, страдающий серьезными дефектами, — так как в нем предварительно произведено взаимное покрытие различных статей, — но достаточный для нашей цели:

Производство стоимости на 1 акр.

Семена (пшеница)	1 ф. ст. 9 ш.	Десятины, подати и налоги	1 ф. ст. 1 ш.
Удобрение	2 ф. ст. 10 ш.	Рента	1 ф. ст. 8 ш.
Заработная плата	3 ф. ст. 10 ш.	Прибыль фермера и процент	1 ф. ст. 2 ш.
Итого	7 ф. ст. 9 ш.	Итого	3 ф. ст. 11 ш.

Прибавочная стоимость, при том постоянном предположении, что цена продукта = его стоимости, распределяется здесь между различными рубриками: прибыль, процент, десятины и т. д. Эти рубрики не представляют для нас интереса. Мы складываем их и получаем прибавочную стоимость в 3 ф. ст. 11 ш. Те 3 ф. ст. 19 ш., которых стоят семена и удобрение, мы приравниваем, как постоянную часть капитала, нулю. Остается авансированный переменный капитал в 3 ф. ст. 10 ш., вместо которого была произведена новая стоимость в 3 ф. ст. 10 ш. + 3 ф. ст. 11 ш. Таким образом, $\frac{m}{v}$ составляет $\frac{3 \text{ ф. ст. } 11 \text{ ш.}}{3 \text{ ф. ст. } 10 \text{ ш.}}$, более 100%. Рабочий более половины своего рабочего дня употребляет на производство прибавочной стоимости, которую различные лица под различными предлогами распределяют между собою[31a].

2. ВЫРАЖЕНИЕ СТОИМОСТИ ПРОДУКТА В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ДОЛЯХ ПРОДУКТА.

Возвратимся теперь к тому примеру, который показал нам, как капиталист из денег делает капитал. Необходимый труд его прядильщика составляет 6 часов, прибавочный труд столько же, а потому степень эксплуатации рабочего 100%.

[31] *Примечание ко 2-му изд.* Пример прядильной фабрики, приведенный в первом издании и относящийся к 1860 г., содержал некоторые фактические ошибки. Приведенные в тексте совершенно точные данные сообщены мне одним манчестерским фабрикантом. — Следует отметить, что в Англии старая лошадиная сила вычислялась по диаметру цилиндра, новая же вычисляется по действительной силе, которую указывает индикатор

[31a] Приведенные вычисления служат только в качестве иллюстрации. При этом мы исходим из предположения, что цены = стоимостям. В книге III мы увидим, что это равенство устанавливается не таким простым путем даже для средних цен.

Продукт двенадцатичасового рабочего дня составляет 20 ф. пряжи стоимостью в 30 ш. Не менее $^8/_{10}$ стоимости этой пряжи (24 ш.) образовано лишь вновь появляющейся стоимостью потребленных средств производства (20 ф. хлопка 20 ш., веретена и т. д. 4 ш.), или состоит из постоянного капитала. Остальные $^2/_{10}$ представляют собою новую стоимость в 6 ш., которая возникла во время процесса прядения и из которой половина возмещает авансированную дневную стоимость рабочей силы, или переменный капитал, а другая половина образует прибавочную стоимость в 3 ш. Следовательно, вся стоимость этих 20 ф. пряжи составляется следующим образом:

$$\text{стоимость пряжи 30 ш.} = \overset{c}{\overbrace{24}}\text{ ш.} + \overset{v}{\overbrace{3}}\text{ ш.} + \overset{m}{\overbrace{3}}\text{ ш.}$$

Так как вся эта стоимость воплощается во всем продукте = = 20 ф. пряжи, то и различные элементы стоимости можно было бы выразить в пропорциональных долях продукта.

Если стоимость в 30 ш. существует в виде 20 ф. пряжи, то $^8/_{10}$ этой стоимости, или ее постоянная часть в 24 ш., заключается в $^8/_{10}$ продукта, т. е. в 16 ф. пряжи. Из них $13^1/_3$ ф. представляют стоимость сырого материала — выпряденного хлопка на 20 ш., а $2^2/_3$ ф. представляют стоимость потребленных вспомогательных материалов и средств труда, веретен и т. д. на 4 ш.

Итак, $13^1/_3$ ф. пряжи представляют весь хлопок, потребленный на весь продукт, на 20 ф. пряжи, представляют сырой материал совокупного продукта, и ничего больше. Хотя в них заключается всего $13^1/_3$ ф. хлопка стоимостью в $13^1/_3$ ш., но добавочная к ним стоимость в $6^2/_3$ ш. образует эквивалент хлопка, потребленного на остальные $6^2/_3$ ф. пряжи. Дело обстоит таким образом, как если бы из последних $6^2/_3$ ф. был выщипан весь хлопок и как если бы весь хлопок, потребленный на совокупный продукт, был втиснут в $13^1/_3$ ф. пряжи. Но зато в этих $13^1/_3$ ф. пряжи теперь не содержится ни одного атома ни стоимости потребленных вспомогательных материалов и средств труда, ни новой стоимости, созданной в процессе прядения.

Точно так же дальнейшие $2^2/_3$ ф. пряжи, в которых заключается остаток постоянного капитала (= 4 ш.), не представляют ничего иного, кроме стоимости вспомогательных материалов и средств труда, потребленных на весь продукт, на 20 ф. пряжи.

Таким образом, $^8/_{10}$ продукта, или 16 ф. пряжи, рассматриваемые в их телесной форме, как потребительная стоимость, как пряжа, хотя и представляют собою в такой же мере создание прядильного труда, как и остальные части продукта, тем не менее, рассматриваемые в нашей связи, не заключают в себе прядильного труда, того труда, который впитан во время самого процесса прядения. Дело обстоит таким образом, как если бы они без

прядения превратились в пряжу и как если бы их форма пряжи представляла чистейший мираж. В самом деле, если капиталист продаст их за 24 ш. и на последние вновь купит свои средства производства, то становится ясным, что 16 ф. пряжи — это лишь переодетые хлопок, веретена, уголь и т. д.

Наоборот, остающиеся $^{2}/_{10}$ продукта, или 4 ф. пряжи, теперь не представляют ничего иного, кроме новой стоимости в 6 ш., произведенной во время двенадцатичасового процесса прядения. Заключавшаяся в них стоимость потребленных сырых материалов и средств труда уже была выпотрошена из них и вошла в состав первых 16 ф. пряжи. Воплощенный в 20 ф. пряжи прядильный труд сконцентрирован в $^{2}/_{10}$ продукта. Дело обстоит таким образом, как если бы прядильщик выпрял 4 ф. пряжи из воздуха или же из такого хлопка и такими веретенами, которые, будучи даны природой, без содействия человеческого труда, не присоединяют к продукту никакой стоимости.

Из этих 4 ф. пряжи, в которых, таким образом, содержится вся стоимость, вновь произведенная во время дневного процесса прядения, одна половина представляет только стоимость, возмещающую стоимость потребленной рабочей силы, т. е. только переменный капитал в 3 ш., остальные же 2 ф. пряжи — только прибавочную стоимость в 3 ш.

Так как 12 рабочих часов прядильщика овеществляются в 6 ш., то в 30 ш. стоимости пряжи овеществлены 60 рабочих часов. Они существуют в 20 ф. пряжи, из которых $^{8}/_{10}$, или 16 ф., суть материализация истекших до начала прядения 48 рабочих часов, т. е. того труда, который овеществлен в средствах производства пряжи, а $^{2}/_{10}$, или 4 ф., суть материализация 12 рабочих часов, затраченных в самом процессе прядения.

Раньше мы видели, что стоимость пряжи равна сумме новой стоимости, созданной во время производства пряжи, плюс стоимости, уже ранее существовавшие в средствах ее производства. Теперь мы видим, каким образом функционально или в понятии различные составные части стоимости продукта могут быть представлены в относительных долях самого продукта.

Это распадение продукта — результата процесса производства — на количество продукта, представляющее только труд, заключающийся в средствах производства, или постоянную часть капитала, другое количество, представляющее только необходимый труд, присоединенный в процессе производства, или переменную часть капитала, и третье, последнее количество продукта, представляющее только прибавочный труд, присоединенный в этом самом процессе, или прибавочную стоимость, — это распадение настолько же просто, насколько и важно, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и все еще не разрешенным проблемам.

Сейчас мы рассматривали весь продукт как готовый результат двенадцатичасового рабочего дня. Но мы могли бы проследить его и в процессе его возникновения и, тем не менее, представить частичные продукты как функционально различные части продукта.

Прядильщик производит в 12 часов 20 ф. пряжи, следовательно в один час $1^2/_3$ ф., а в 8 часов $13^1/_3$ ф., т. е. частичный продукт, представляющий всю стоимость хлопка, выпряденного в течение всего рабочего дня. Точно так же частичный продукт следующих 1 часа 36 минут $= 2^2/_3$ ф. пряжи и потому представляет стоимость средств труда, потребленных в течение 12 рабочих часов. Точно так же в следующие 1 час 12 минут прядильщик производит 2 ф. пряжи $= 3$ ш. — стоимость продукта, равная всей новой стоимости, которую он производит в 6 часов необходимого труда. Наконец, в последние $^6/_5$ часа он производит опять-таки 2 ф. пряжи, стоимость которых равна прибавочной стоимости, произведенной его прибавочным трудом, составляющим половину дня. Этот способ исчисления служит английскому фабриканту для домашнего обихода, и он скажет, напр., что в первые 8 часов, или $^2/_3$ рабочего дня, он просто выручает свой хлопок и т. д. Мы видим, что формула верна, что в действительности это просто первая формула, переведенная с пространства, где готовые части продукта лежат одна подле другой, на время, где они следуют одна за другой. Но формула может сопровождаться и самыми варварскими представлениями, особенно в головах, которые практически столь же заинтересованы в возрастании стоимости, сколько и в том, чтобы дать о ней превратное теоретическое представление. Так, можно вообразить, что, напр., наш прядильщик в первые 8 часов своего рабочего дня производит, или возмещает, стоимость хлопка, в следующие 1 час 36 минут — стоимость потребленных средств труда, в следующие 1 час 12 минут — стоимость заработной платы и только знаменитый «последний час» посвящает фабриканту, производству прибавочной стоимости. Прядильщику приписывается, таким образом, двойное чудо: выходит, во-первых, что он производит хлопок, веретена, паровую машину, уголь, масло и т. д. в тот самый момент, когда он прядет с их помощью, и, во-вторых, что из одного рабочего дня данной степени интенсивности он делает пять таких дней. Так, напр., в нашем случае производство сырого материала и средств труда требует $^{24}/_6$, т. е. 4-х двенадцатичасовых рабочих дней, и их превращение в пряжу — еще одного двенадцатичасового рабочего дня. Что хищничество верит таким чудесам и что ему не приходится разыскивать доктринеров-сикофантов, которые постарались бы доказать их, — это показывает следующий пример, приобретший историческую славу.

3. «ПОСЛЕДНИЙ ЧАС» СЕНИОРА.

В одно прекрасное утро 1836 г. Нассау В. Сениор, известный своими экономическими познаниями и своим прекрасным стилем, в некотором роде Клаурен среди английских экономистов, был призван из Оксфорда в Манчестер, чтобы поучиться здесь политической экономии, вместо того чтобы поучать ей в Оксфорде. Фабриканты избрали его борцом против недавно изданного Factory Act [фабричного акта] и против агитации за десятичасовой рабочий день, которая шла еще дальше. С обычной практической проницательностью они увидали, что господин профессор «wanted a good deal of finishing» [еще порядочно нуждается в окончательной отделке]. Поэтому они выписали его в Манчестер. Господин профессор, со своей стороны, украсил своим стилем уроки, полученные им в Манчестере у фабрикантов, и издал памфлет: «Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture». London 1837. Здесь можно найти, между прочим, следующие поучительные места:

«При теперешнем законе ни одна фабрика, на которой работают лица моложе 18 лет, не может работать более $11^1/_2$ часов в день, т. е. по 12 часов в первые 5 дней недели и 9 часов в субботу. Следующий анализ (!) показывает, что на такой фабрике вся чистая прибыль происходит от последнего часа. Фабрикант затрачивает 100 000 ф. ст.: 80 000 ф. ст. на фабричные здания и машины, 20 000 ф. ст. на сырой материал и заработную плату. Предполагая, что капитал оборачивается один раз в год и что валовая прибыль составляет 15%, годовой оборот товаров этой фабрики должен составить стоимость в 115 000 ф. ст. ...Каждая из 23 половин рабочего часа, составляющих рабочий день, производит $^5/_{115}$, или $^1/_{23}$, этих 115 000 ф. ст. Из этих $^{23}/_{23}$, образующих совокупность этих 115 000 ф. ст. (constituting the whole 115 000 ф. ст.), $^{20}/_{23}$, т. е. 100 000 из 115 000, просто возмещают капитал; $^1/_{23}$, или 5 000 ф. ст. из 15 000 ф. ст., составляющих валовую прибыль (!), возмещают снашивание фабрики и машин. Остающиеся $^2/_{23}$, т. е. два последних получаса каждого дня, производят чистую прибыль в 10%. Поэтому, если бы при неизменных ценах фабрика могла работать 13 часов вместо $11^1/_2$, то, при увеличении оборотного капитала приблизительно на 2 600 ф. ст., чистая прибыль увеличилась бы более чем вдвое. С другой стороны, если бы рабочий день был сокращен на 1 час, то исчезла бы чистая прибыль, а если бы на $1^1/_2$ часа, то исчезла бы и валовая прибыль» [32].

---

[32] *Senior:* «Letters on the Factory Act etc.». London 1837, стр. 12, 13. Мы не останавливаемся на некоторых курьезах, безразличных для нашей цели, напр. на утверждении, будто фабриканты причисляют к прибыли, брутто или нетто, валовой или чистой, возмещение стоимости сношенных машин и т. д., т. е. одной из составных частей капитала. Не останавливаемся также на том, правильны или лживы числовые данные. Что они стоят не больше так

И это господин профессор называет «анализом»! Если он действительно поверил воплю фабрикантов, что рабочие бо́льшую часть дня растрачивают на производство, а следовательно на воспроизводство, или возмещение, стоимости построек, машин, хлопка, угля и т. д., то всякий анализ становился излишним. Он мог просто ответить: Милостивые государи! Если вы заставите работать 10 часов вместо $11^1/_2$, то при прочих равных условиях ежедневное потребление хлопка, машин и т. д. сократится на $1^1/_2$ часа. Следовательно, вы выиграете ровно столько же, сколько вы потеряли. В будущем ваши рабочие станут затрачивать на воспроизводство, или возмещение, авансированной капитальной стоимости на $1^1/_2$ часа менее. А если бы Сениор не поверил им на слово и в качестве сведущего лица признал бы необходимым особый анализ, то он должен был бы прежде всего попросить господ фабрикантов о том, чтобы в вопросе, касающемся исключительно отношения чистой прибыли к величине рабочего дня, они не сваливали в одну пеструю кучу машины и фабричные здания, сырой материал и труд, а соблаговолили бы выделить постоянный капитал, заключающийся в фабричных зданиях, машинах, сыром материале и т. д., на одну сторону, капитал же, авансированный на заработную плату, — на другую сторону. Если бы тогда оказалось, напр., что по вычислениям фабрикантов рабочий воспроизводит, или возмещает, заработную плату в $^2/_2$ рабочих часа, или в один час, то наш аналитик должен был бы продолжить:

Согласно вашим данным, рабочий в предпоследний час производит свою заработную плату, а в последний — вашу прибавочную стоимость, или чистую прибыль. Так как в равные промежутки

называемого «анализа», это доказал Леонард Хорнер в «A Letter to Mr. Senior etc.». London 1837 [стр. 30—42]. Леонард Хорнер, один из членов комиссии 1833 г. для исследования состояния фабрик и фабричный инспектор, по существу цензор фабрик до 1859 г., оказал бессмертные услуги английскому рабочему классу. Всю свою жизнь он вел борьбу не только с озлобленными фабрикантами, но и с министрами, для которых было несравненно важнее считать «голоса» фабрикантов в нижней палате, чем часы «рабочих рук» на фабрике.

Добавление к примечанию 32. Не говоря уже о фальши содержания, изложение Сениора путаное. Сказать он хотел собственно только вот что: фабрикант заставляет рабочего ежедневно работать $11^1/_2$, или $^{23}/_2$ часа. Подобно отдельному рабочему дню, весь годовой труд состоит из $11^1/_2$, или $^{23}/_2$ часа (помноженных на число рабочих дней в году). При этом предположении $^{23}/_2$ рабочего часа производят годовой продукт в 115 000 ф. ст.; $^1/_2$ рабочего часа производят 115 000 ф. ст. $\times\, ^1/_{23}$; $^{20}/_2$ рабочего часа производят 115 000 ф. ст. $\times\, ^{20}/_{23} = 100\,000$ ф. ст., т. е. они только возмещают авансированный капитал. Остаются $^3/_2$ рабочих часа, которые производят 115 000 ф. ст. $\times\, ^3/_{23} = 15\,000$, т. е. валовую прибыль. Из этих $^3/_2$ рабочего часа $^1/_2$ рабочего часа производит 115 000 ф. ст. $\times\, ^1/_{23} = 5\,000$ ф. ст., т. е. производит только возмещение снашивания фабрики и машин. Последние две половины рабочего часа, т. е. последний рабочий час, производят 115 000 ф. ст. $\times\, ^2/_{23} = 10\,000$ ф. ст., т. е. чистую прибыль. В тексте Сениор превращает последние $^2/_{23}$ продукта в части самого рабочего дня.

времени он производит равные стоимости, то продукт предпоследнего часа имеет такую же стоимость, как и продукт последнего. Далее, рабочий производит стоимость лишь при том условии, если он затрачивает труд и количество его труда измеряется его рабочим временем. Последнее, согласно вашим данным, составляет $11^1/_2$ часов в день. Одну часть этих $11^1/_2$ часов он употребляет на производство, или на возмещение, своей заработной платы, другую часть на производство вашей чистой прибыли. Ничего больше он не делает в продолжение рабочего дня. А так как, согласно вашему утверждению, его заработная плата и доставляемая им прибавочная стоимость суть равновеликие стоимости, то он, очевидно, производит свою заработную плату в $5^3/_4$ часа и вашу чистую прибыль в остальные $5^3/_4$ часа. Так как, далее, стоимость продукта, произведенного в два часа прядения, равна сумме стоимости его заработной платы плюс ваша чистая прибыль, то эта стоимость пряжи должна измеряться $11^1/_2$ рабочими часами: продукт предпоследнего часа $5^3/_4$ рабочих часа, продукт последнего часа — ditto [тоже]. Мы подходим теперь к щекотливому пункту. Итак, внимание! Предпоследний рабочий час — такой же обыкновенный рабочий час, как и первый. Ni plus, ni moins [Не более и не менее]. А потому, каким бы это образом прядильщик мог в один рабочий час произвести стоимость пряжи, представляющую $5^3/_4$ рабочих часа? В действительности он и не совершает такого чуда. Та потребительная стоимость, которую он производит в один рабочий час, представляет определенное количество пряжи. Стоимость этой пряжи измеряется $5^3/_4$ рабочих часа, из которых $4^3/_4$ уже заключаются, помимо содействия с его стороны, в средствах производства, в хлопке машинах и т. д., потребленных в течение часа, а $^4/_4$, или один час, присоединены им самим. Таким образом, так как его заработная плата производится в $5^3/_4$ часа, а продукт, произведенный в один час прядения, точно так же содержит $5^3/_4$ рабочего часа, то нет решительно никакого волшебства в том, что новая стоимость, произведенная им в продолжение $5^3/_4$ часа прядения, равна стоимости продукта одного часа прядения. Но вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, будто он затрачивает хотя бы один атом своего рабочего дня на воспроизводство, или «возмещение», стоимостей хлопка, машин и т. д. Благодаря тому, что его труд делает из хлопка и веретен пряжу, благодаря тому, что он прядет, стоимость хлопка и веретен сама собою переходит на пряжу. Это — следствие качества его труда, а не количества. Конечно, в один час он перенесет на пряжу бо̀льшую стоимость хлопка и т. д., чем в $^1/_2$ часа, но лишь по той причине, что в 1 час он выпрядет хлопка больше, чем в $^1/_2$ часа. Итак, поймите же, ваше утверждение, будто рабочий в предпоследний час производит стоимость своей заработной платы, а в последний час — чистую прибыль, означает только, что в пряже, пред-

ставляющей продукт двух часов его рабочего дня, будут ли то первые или последние часы, воплощено $11^1/_2$ рабочих часов, — ровно столько же, сколько насчитывается во всем его рабочем дне. А утверждение, что он в первые $5^3/_4$ часа производит свою заработную плату, а в последние $5^3/_4$ часа — вашу чистую прибыль, означает только, что первые $5^3/_4$ часа вы оплачиваете, а последние $5^3/_4$ часа не оплачиваете. Я говорю об оплате труда, а не об оплате рабочей силы, просто пользуясь вашей тарабарщиной. Теперь, милостивые государи, если вы сравните отношение рабочего времени, которое вы оплачиваете, к тому рабочему времени, которого вы не оплачиваете, то вы найдете, что оно равно отношению половины дня к половине дня, т. е. 100%, что, несомненно, — очень хороший процент. Не подлежит также никакому сомнению, что если вы заставите работать свои «руки» 13 часов вместо $11^1/_2$ и излишние $1^1/_2$ часа просто присоедините к прибавочному труду, что было бы совершенно в вашем духе, то последний возрастет с $5^3/_4$ часа до $7^1/_4$ часа, а потому норма прибавочной стоимости повысится с 100% до $126^2/_{23}$%. Но вы слишком безумные сангвиники, если вы надеетесь, что вследствие присоединения $1^1/_2$ часов она увеличится с 100 до 200% и даже более чем до 200%, т. е. что она «более чем удвоится». С другой стороны, — сердце человека — удивительная вещь, особенно, если человек носит сердце в своем кошельке, — вы слишком мрачные пессимисты, если вы опасаетесь, что с сокращением рабочего дня с $11^1/_2$ до $10^1/_2$ часов пойдет прахом вся ваша чистая прибыль. Отнюдь нет. При прочих равных условиях прибавочный труд понизится с $5^3/_4$ до $4^3/_4$ часа, что все еще дает очень почтенную норму прибавочной стоимости, именно $82^{14}/_{23}$%. Но ваш роковой «последний час», о котором вы рассказываете сказок больше, чем хилиасты о светопреставлении, это — «all bosh» [совершенный вздор]. Потеря его не отнимет у вас «чистой прибыли» и не отнимет у обрабатываемых вами детей обоего пола «чистоты душевной» [32a].

[32a] Если Сениор доказал, что от «последнего рабочего часа» зависит чистая прибыль фабрикантов, существование английской хлопчатобумажной промышленности и положение Англии на мировом рынке, то д-р Эндрю Юр [см. «The Philosophy of Manufactures». London 1835, стр. 406] в придачу к этому доказал, в свою очередь, что если фабричных детей и подростков моложе 18 лет не запирать на полные 12 часов в теплой и чистой нравственной атмосфере фабричного помещения, а «одним часом» раньше выталкивать их в неуютный и распущенный внешний мир, то праздность и порок отнимут у них все их душевное здравие. С 1848 г. фабричные инспектора в своих полугодичных «Reports» [отчетах] неустанно поддразнивают фабрикантов «последним», «роковым часом». Так, г. Хауэлл в своем фабричном отчете от 31 мая 1855 г. говорит: «Если бы следующее остроумное вычисление (он цитирует Сениора) было правильно, то оказалось бы, что всякая хлопчатобумажная фабрика в Соединенном королевстве с 1850 г. работала себе в убыток» («Reports of the Inspection of Factories for the half year, ending 30th April 1855», стр. 19, 20). В 1848 г., когда десятичасовой билль прошел

Когда действительно пробьет ваш «последний часочек», вспомните оксфордского профессора. А пока до приятного свидания в лучшем мире. Addio!..[33] Сигнал «последнего часа», открытого

через парламент, фабриканты сельских льнопрядилен, рассеянных между графствами Дорсет и Сомерсет, вынудили у некоторых рабочих, на которых распространялось нормирование рабочего дня, контрпетицию, в которой, между прочим, говорится: «Мы, просители-родители, полагаем, что добавочный час праздности не может иметь никакого иного результата, кроме деморализации наших детей, ибо праздность — мать всех пороков». По этому поводу фабричный отчет от 31 октября 1848 г. замечает: «Атмосфера льнопрядилен, в которых работают дети этих добродетельно-нежных родителей, до такой степени насыщена пылью и волокнами сырого материала, что до чрезвычайности неприятно пробыть в прядильне хотя бы только 10 минут, так как вы не можете сделать этого, не получив самого мучительного ощущения, что ваши глаза, уши, ноздри и рот быстро наполняются облаками льняной пыли, от которой нет никакого спасения. Самый труд, вследствие лихорадочной быстроты машин, требует неусыпной ловкости и движения под контролем неослабного внимания, и представляется несколько жестоким заставить родителей употреблять слово «леность» по адресу собственных детей, которые, за вычетом времени на еду, 10 полных часов прикованы к такой работе, в такой атмосфере... Эти дети работают дольше, чем сельскохозяйственные батраки в соседних деревнях. Такие безжалостные обвинения в «праздности и пороке» следует заклеймить как чистейшее ханжество и самое бесстыдное лицемерие... Та часть общества, которая приблизительно двенадцать лет тому назад возмущалась той самоуверенностью, с которой публично и совершенно серьезно возвещали, опираясь на санкцию высокого авторитета, будто вся «чистая прибыль» фабриканта проистекает из «последнего часа» труда и потому сокращение рабочего дня на один час уничтожит всю чистую прибыль, — эта часть общества, говорим мы, едва ли поверит своим глазам, когда она увидит, что оригинальное открытие относительно благодеяний «последнего часа» с того времени усовершенствовано настолько, что оно теперь в одинаковой мере включает в себя и «мораль» и «прибыль», так что если продолжительность детского труда будет сокращена до 10 полных часов, то вместе с чистой прибылью хозяев улетучится и нравственность детей, так как и то и другое зависит от этого последнего, этого «фатального часа» («Reports of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1848», стр. 101). Этот же фабричный отчет приводит потом образцы «морали» и «добродетели» этих господ фабрикантов, тех каверз, уловок, приманок, угроз, подделок и т. д., которые они пускали в ход для того, чтобы заставить немногих совершенно безответных рабочих подписывать петиции такого рода, а потом выдавать эти петиции перед парламентом за петиции целой отрасли промышленности, целых графств. — В высшей степени характерным для современного состояния так называемой экономической «науки» остается тот факт, что ни сам Сениор, — который, к своей чести, впоследствии энергично выступил за фабричное законодательство, — ни его первоначальные и позднейшие противники не сумели разобраться в софизмах «оригинального открытия». Они просто апеллировали к фактам и опыту. Why и wherefore [как и почему] — осталось для них тайной.

[33] Однако господин профессор все же извлек некоторую пользу из своей манчестерской прогулки. В «Letters on the Factory Act» вся чистая прибыль — «барыш» и «процент» и даже «something more» [«нечто большее»] — зависит от одного неоплаченного рабочего часа рабочего! Годом раньше, в своих «Outlines of Political Economy», сочиненных на пользу оксфордских студентов и образованных филистеров, Сениор, полемизируя против рикардовского определения стоимости рабочим временем, «открыл», что прибыль возникает из труда капиталиста, а процент — из его аскетизма, из его

Сениором в 1836 г., был снова подан 15 апреля 1848 г. в лондонском «Economist» Джемсом Вильсоном, одним из главных экономических мандаринов, в его полемике против закона о десятичасовом рабочем дне.

4. ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ.

Ту часть продукта ($^1/_{10}$ часть 20 ф. пряжи, или два фунта пряжи в примере § 2), в которой выражается прибавочная стоимость, мы называем прибавочным продуктом (surplus produce, produit net). Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд. Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта[34].

Сумма необходимого труда и прибавочного труда, периодов времени, в которые рабочий производит стоимость, возмещающую его рабочую силу, и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени — рабочий день (working day).

«Abstinenz» [«воздержания»]. Выдумка была старая, но слово «Abstinenz» [«воздержание»] было новое. Господин Рошер верно перевел его на немецкий язык словом «Enthaltung» [«воздержание»]. Но его компатриоты, менее знакомые с латынью, — Вирты, Шульцы и другие Михели, — переодели его в монашеское одеяние, превратив «воздержание» в «Entsagung» [самоотречение].

[34] «Для человека, имеющего капитал в 20 000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие 100 или 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 000 или за 20 000 ф. ст., если только прибыль, получаемая им, ни в коем случае не падает ниже 2 000 ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или 12 миллионов людей» (*Ricardo:* «The Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 416). [*Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., гл. XXVI, стр. 222.] Задолго до Рикардо Артур Юнг, фанатик прибавочного продукта, вообще болтливый, лишенный критического духа писатель, репутация которого стоит в обратном отношении к его заслугам, писал, между прочим: «Какую пользу получило бы современное государство от целой провинции, почва которой возделывалась бы, по древнеримскому образцу, мелкими независимыми крестьянами, хотя бы самым наилучшим способом? Какой цели достигло бы это, кроме той единственной, что здесь производились бы люди («the mere purpose of breeding men»), что само по себе не имеет никакой цели» («is a most useless purpose») (*Arthur Young:* «Political Arithmetic etc.». London 1774, стр. 47).

Добавление к примечанию 34. «Странной представляется сильная склонность... изобразить чистый доход выгодным для рабочего класса... между тем как ясно, что выгодным он может быть не по причине его чистоты» (*Th. Hopkins:* «On Rent of Land etc.». London 1828, стр. 126).

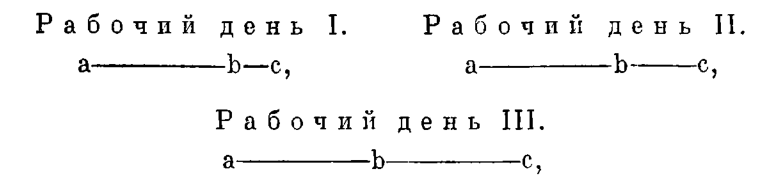
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

1. ПРЕДЕЛЫ РАБОЧЕГО ДНЯ.

Мы исходили из предположения, что рабочая сила покупается и продается по своей стоимости. Стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства жизненных средств рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить стоимость, получаемую при ее продаже. Необходимая часть его рабочего дня составляет в таком случае 6 часов и является поэтому, при прочих равных условиях, величиной данной. Но этим еще не определяется величина самого рабочего дня.

Предположим, что линия a————b изображает продолжительность, или длину, необходимого рабочего времени, равную, скажем, 6 часам. Смотря по тому, будет ли продолжен труд за пределы ab на 1, 3, 6 часов и т. д., мы получим 3 различных линии:



изображающие три различных рабочих дня в 7, 9 и 12 часов. Линия bc, служащая продолжением линии ab, изображает длину прибавочного труда. Так как рабочий день = ab + bc, или ac, то он изменяется вместе с переменной величиной bc. Так как ab есть величина данная, то отношение bc к ab всегда может быть измерено. Оно составляет в рабочем дне I $^1/_6$, в рабочем дне II $^3/_6$ и в рабочем дне III $^6/_6$ ab. Так как, далее, отношение $\frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}}$ определяет норму прибавочной стоимости, то последняя дана, если известно отношение этих линий. Она составляет в трех приведенных выше рабочих днях соответственно $16^2/_3$, 50 и 100%.

Наоборот, одна норма прибавочной стоимости не дала бы нам величины рабочего дня. Если бы, напр., она равнялась 100%, то рабочий день мог бы продолжаться 8, 10, 12 часов и т. д. Она указывала бы на то, что две составные части рабочего дня, необходимый труд и прибавочный труд, равны по своей величине, но не показывала бы, как велика каждая из этих частей.

Итак, рабочий день есть не постоянная, а переменная величина. Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его общая величина изменяется вместе с длиною, или продолжительностью, прибавочного труда. Поэтому рабочий день может быть определен, но сам по себе он — неопределенная величина[35].

Хотя, таким образом, рабочий день есть не устойчивая, а текучая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь в известных границах. Однако минимальные пределы его не могут быть определены. Правда, если мы предположим, что линия bc, служащая продолжением линии ab, или прибавочный труд, = 0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд всегда составляет лишь часть его рабочего дня, а потому рабочий день никогда не может сократиться до этого минимума. Зато у рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлен за известный предел. Максимальный предел этот определяется двояко. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определенное количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение известной части дня сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части дня человек должен удовлетворить другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. За этими чисто физическими границами удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения, которым подвержен рабочий день, колеблются между физическими и социальными границами. Но как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности. Так, напр., мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т. е. рабочий день самой различной длины.

---

[35] «Рабочий день — величина неопределенная; он может быть длинен или короток» («An Essay on Trade and Commerce: containing Observations on Taxes etc.». London 1770, стр. 73).

Капиталист купил рабочую силу по ее дневной стоимости. Ему принадлежит ее потребительная стоимость в течение одного рабочего дня. Он получил, таким образом, право заставить рабочего работать на себя в продолжение одного рабочего дня. Но что такое рабочий день? [36] Во всяком случае это нечто меньшее, чем естественный день жизни. На сколько? У капиталиста свой собственный взгляд на эту ultima Thule [крайний предел], на необходимую границу рабочего дня. Как капиталист, он представляет собою лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление — стремление увеличивать свою стоимость, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно бо̀льшую массу прибавочного труда [37]. Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу [38]. Если рабочий потребляет находящееся в распоряжении капиталиста время на самого себя, то он обкрадывает капиталиста [39].

Итак, капиталист ссылается на закон товарного обмена. Как и всякий другой покупатель, он старается выручить возможно бо̀льшую пользу из потребительной стоимости своего товара. Но вдруг раздается голос рабочего, который до сих пор заглушался шумом и грохотом процесса производства.

Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что его потребление создает стоимость, и притом бо̀льшую стоимость, чем сколько стоит он сам. Потому-то ты и купил его. То, что для тебя является увеличением стоимости капитала,

---

[36] Вопрос этот бесконечно важнее, чем знаменитый вопрос сэра Роберта Пиля, предложенный им бирмингамской торговой палате: «Что такое фунт стерлингов?» — вопрос, который мог быть поставлен только потому, что Пиль так же плохо понимал природу денег, как «little shilling men» из Бирмингама [игра слов: «сторонники девальвации» и в то же время «люди, которым — грош цена»].

[37] «Задача капиталиста состоит в том, чтобы посредством затраченного капитала получить возможно бо̀льшую сумму труда» (*J. G. Courcelle-Seneuil:* «Traité Théorique et Pratique des Entreprises Industrielles», 2-е изд., Paris 1857, стр. 63).

[38] «Потеря одного часа труда в день наносит громадный ущерб торговому государству». «Наблюдается чрезвычайно значительное потребление предметов роскоши рабочей беднотой этого королевства, в особенности мануфактурной чернью; при этом они потребляют и свое время — самый пагубный из всех видов расточения» («An Essay on Trade and Commerce etc.». London 1770, стр. 47 и 153).

[39] «Если рабочий, освободившись от работы, предается минутному отдыху, алчная экономия, с беспокойством следящая за ним, начинает утверждать, что он ее обкрадывает» (*N. Linguet:* «Théorie des Lois Civiles etc.». London 1767, т. II, стр. 466).

для меня есть излишнее расходование рабочей силы. Мы с тобою знаем на рынке лишь один закон: закон обмена товаров. Потребление товара принадлежит не продавцу, который отчуждает товар, а покупателю, который приобретает его. Поэтому тебе принадлежит потребление моей дневной рабочей силы. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю ее, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова ее продать. Не говоря уже о естественном снашивании вследствие старости и т. д., у меня должна быть возможность работать завтра при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня. Ты постоянно проповедуешь мне евангелие «бережливости» и «воздержания». Хорошо. Я хочу, подобно разумному, бережливому хозяину, сохранить свое единственное достояние — рабочую силу и воздержаться от всякой безумной растраты ее. Я буду ежедневно приводить ее в текучее состояние, превращать в движение, в труд лишь в той мере, в какой это не вредит нормальной продолжительности ее существования и ее нормальному развитию. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня. То, что ты таким образом выигрываешь на труде, я теряю на субстанции труда. Пользование моей рабочей силой и расхищение ее — это совершенно различные вещи. Если средний период, в продолжение которого средний рабочий может существовать при разумных размерах труда, составляет 30 лет, то стоимость моей рабочей силы, которую ты мне уплачиваешь изо дня в день, $= \frac{1}{365 \times 30}$, или $^1/_{10950}$ всей ее стоимости. Если же ты потребляешь ее в 10 лет, то ты уплачиваешь мне ежедневно $^1/_{10950}$ вместо $^1/_{3650}$ всей ее стоимости, т.е. лишь $^1/_3$ дневной ее стоимости, и, таким образом, крадешь у меня ежедневно $^2/_3$ стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону обмена товаров. Итак, я требую рабочего дня нормальной продолжительности и требую его, взывая не к твоему сердцу, так как в денежных делах конец всякому благодушию. Ты можешь быть образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это просто биение моего собственного сердца. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара[40].

[40] Во время большой стачки лондонских строительных рабочих 1860—1861 гг., требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов, их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее алчный из «building masters» [строительных предпринимателей], некий сэр М. Пито, пользуется «репутацией святости» (Этот самый Пито после 1867 г. кончил тем же, чем и Штрусберг!)

Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а потому не ставит никаких пределов и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обусловливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом обмена товаров. При столкновении двух равных прав решение принадлежит силе. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, — борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом.

2. НЕУТОЛИМАЯ ЖАЖДА ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА. ФАБРИКАНТ И БОЯРИН.

Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства[41], будет ли этим собственником афинский καλὸς κἀγαθός [аристократ], этрусский теократ, civis romanus [римский гражданин], норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист[42]. Впрочем, само собою понятно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преобладающее значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, где дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятель-

[41] «Те, кто работает,... действительно кормят и пенсионеров,... называемых богатыми,... и самих себя» (*Edmund Burke:* «Thoughts and Details on Scarcity», London 1800, стр. 2, 3).

[42] В своей «Römische Geschichte» [5-е изд. 1853 г., стр. 74] Нибур делает очень наивное замечание: «Нечего скрывать, что произведения, подобные этрусским, поражающие даже в обломках, заставляют предполагать существование в мелких (!) государствах господ и рабов». Гораздо глубже заметил Сисмонди, что «брюссельские кружева» предполагают существование хозяев и наемных рабочих.

ной денежной форме — в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского[43]. Однако это исключения для древнего мира. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, напр. в дунайских княжествах.

Сравнение неутолимой жажды прибавочного труда в дунайских княжествах с такой же жаждой на английских фабриках представляет особенный интерес, потому что прибавочный труд при барщине обладает самостоятельной, осязательно воспринимаемой формой.

Предположим, что рабочий день состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда. В таком случае свободный рабочий доставляет капиталисту еженедельно 6 × 6, или 36 часов прибавочного труда. Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю даром на капиталиста. Но это распадение рабочего времени незаметно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе. Поэтому то же самое отношение я мог бы, напр., выразить в таком виде, что рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста и т. д. Иначе обстоит дело с барщинным трудом. Необходимый труд, который выполняет, напр., валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет

[43] «Нельзя без сострадания к их ужасной судьбе видеть этих несчастных (работающих на золотых приисках между Египтом, Эфиопией и Аравией), не имеющих возможности позаботиться хотя бы о чистоте своего тела или о прикрытии своей наготы. Ибо здесь нет места снисхождению и пощаде по отношению к больным, хворым, старикам, к женской слабости. Все должны работать, принуждаемые к этому ударами бича, и только смерть кладет конец их мучениям и нужде» («Diodor's von Sicilien Historische Bibliothek». [Stuttgart 1828], кн. 3, гл. 13 [стр. 260]).

на своем собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделен от необходимого труда. Это различие в форме проявления, очевидно, ничего не изменяет в количественном отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. Три дня прибавочного труда в неделю остаются тремя днями труда, который не создает эквивалента для самого рабочего, будет ли этот труд называться барщинным или наемным трудом. Но у капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, у боярина же проще: в непосредственной погоне за барщинными днями [44].

Барщина, соединявшаяся в дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, составляла, однако, крупную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины [44a]. Так было в румынских провинциях. Их первоначальный способ производства был основан на общинной собственности, отличной от славянской и в особенности от индийской формы. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть — ager publicus [общинное поле] — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожаев и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие издержек по войне, с религиозными целями и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли. Одновременно с этим развились крепост-

---

[44] Последующее относится к положению румынских провинций, как оно сложилось до переворота, совершившегося после Крымской войны.

[44a] {*Примечание к 3-му изд.* Это относится также и к Германии, в особенности к Ост-эльбской Пруссии. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был почти повсюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере фактически, свободным человеком. Немецкие колонисты Бранденбурга, Померании, Силезии и Восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворянства в крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне Южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштинии были низведены до положения крепостных. (*Maurer:* «Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und Hofverfassung in Deutschland». Erlangen 1862—1863, т. IV. — *Meitzen:* «Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates nach dem Gebietsumfange von 1866». Berlin 1873. — *Hanssen:* «Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein».) — *Ф. Э.*}

ные отношения, однако только фактически, а не юридически, пока они не были узаконены всемирной «освободительницей», Россией, под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, обнародованный русским генералом Киселевым в 1831 г., был, конечно, продиктован самими боярами. Таким образом Россия одним ударом завоевала магнатов дунайских княжеств и стяжала одобрительные рукоплескания либеральных кретинов всей Европы.

По «Règlement organique», как называется этот кодекс барщинных работ, каждый валашский крестьянин, помимо массы перечисленных до мелочей натуральных повинностей, обязан был еще по отношению к так называемому земельному собственнику: 1) двенадцатью рабочими днями вообще; 2) одним днем полевой работы и 3) одним днем возки дров. Итого 14 дней в году. Однако с глубоким пониманием политической экономии авторы кодекса взяли рабочий день не в его обыкновенном смысле, а как рабочий день, необходимый для производства среднего дневного продукта; средний же дневной продукт хитроумно определен таким образом, что ни один циклоп не справился бы с ним в сутки. Поэтому сам «регламент» в сухих выражениях с истинно русской иронией разъясняет, что под 12 рабочими днями следует разуметь продукт 36 дней ручного труда; день полевой работы означает три дня и день возки дров также три дня. Всего 42 барщинных дня. Но сюда присоединяется так называемая «*Jobagie*», т. е. помощь, оказываемая землевладельцу в чрезвычайных случаях, выдвигаемых потребностями производства. Каждая деревня ежегодно должна доставлять для «Jobagie» определенный контингент рабочих сил, соответствующий величине населения. Этот добавочный барщинный труд определяется в 14 дней для каждого валашского крестьянина. Таким образом, обязательный барщинный труд составляет 56 рабочих дней ежегодно. Земледельческий же год в Валахии, вследствие плохого климата, состоит всего из 210 дней, из которых 40 дней выпадает на воскресные и праздничные дни, 30 дней в среднем на непогоду, итого 70 дней. Таким образом, остается 140 рабочих дней. Отношение барщинного труда к необходимому труду — $^{56}/_{84}$, или $66^{2}/_{3}$ процента, выражает гораздо меньшую норму прибавочной стоимости, чем та, которая определяет труд английского земледельческого или фабричного рабочего. Однако это лишь законом установленный барщинный труд. А «Règlement organique» с еще бо̀льшим «либерализмом», чем английское фабричное законодательство, сумел облегчить возможность своего собственного обхода. Сделав из 12 дней 54, он опять-таки определяет номинальный ежедневный труд каждого из 54 барщинных дней таким образом, что на последующие дни неизбежно придется некоторый добавок. Например, в один день должен быть очищен от сорных трав земельный участок такого размера, что на производство этой операции, особенно на кукурузном поле, требуется в действительности вдвое больше времени.

Установленный законом дневной труд для некоторых земледельческих работ можно истолковать таким образом, как будто он начинается в мае, а кончается в октябре. Для Молдавии постановления еще суровее. «Двенадцать барщинных дней по «Règlement organique», — восклицает один упоенный победой боярин, — составляют 365 дней в году!» [45].

Если «Règlement organique» дунайских княжеств был положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом, то английские Factory Acts [фабричные акты] являются отрицательным выражением все той же жажды. Эти законы обуздывают стремления капитала к безграничному высасыванию рабочей силы, устанавливая принудительное ограничение рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и лэндлорд. Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничение фабричного труда было продиктовано тою же самою необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощало землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же вразумительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции [46].

Действующий теперь (1867) Factory Act [фабричный акт] 1850 г. устанавливает средний недельный день в 10 часов, именно в течение первых 5 дней недели по 12 часов, с 6 часов утра до 6 часов вечера, — причем из этого промежутка времени $^1/_2$ часа полагается по закону на завтрак и 1 час на обед, так что остается $10^1/_2$ рабочих часов, —

---

[45] Дальнейшие подробности можно найти у *E. Regnault:* «Histoire Politique et Sociale des Principautés Danubiennes». Paris 1855 [стр. 304 и сл.].

[46] «В общем превышение среднего роста указывает до известной степени на процветание органического существа... Размер тела человека уменьшается, если его благосостоянию наносится ущерб физическими или социальными условиями... Во всех европейских странах, где существует конскрипция, со времени ее введения средний рост тела взрослого мужчины и общая его пригодность к военной службе уменьшились. До революции (1789 г.) минимум для пехотинца во Франции был равен 165 *см*, в 1818 г. (закон 10 марта) — 157, по закону 21 марта 1832 г. — 156 *см*. Во Франции в среднем более половины призывающихся признаются негодными вследствие недостаточного роста и физических недостатков. В Саксонии военная мера в 1780 г. была 178 *см*, теперь 155 *см*. В Пруссии теперь 157 *см*. По данным доктора Майера, напечатанным в «Bayrische Zeitung» от 9 мая 1862 г., оказывается, что в Пруссии за 9-летний промежуток времени в среднем из 1 000 рекрутов 716 признавались негодными к военной службе: 317 из-за недостаточного роста и 399 из-за физических недостатков... В 1858 г. Берлин не мог выставить надлежащего контингента рекрутов: нехватило 156 человек» (*J. v. Liebig:* «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie», 7-е изд., 1862, т. I, стр. 117, 118). [Ср. *Ю. Либих:* «Химия в приложении к земледелию и физиологии растений», пер. проф. Ильенкова, изд. 2-е, Москва 1870, стр. 83.]

и в субботу 8 часов, от 6 часов утра до 2 часов пополудни, причем $1/_2$ часа полагается на завтрак. Остается 60 рабочих часов, по $10^1/_2$ для первых пяти дней недели, $7^1/_2$ — для последнего дня недели [47]. Созданы особые контролеры, наблюдающие за исполнением закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел фабричные инспектора, отчеты которых должны публиковаться парламентом каждое полугодие. Они дают, таким образом, постоянные и официальные статистические данные относительно капиталистической жажды прибавочного труда.

Послушаем же на минуту фабричных инспекторов [48].

«Фабрикант, прибегающий к обману, начинает работу на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — раньше 6 часов утра и заканчивает ее на четверть часа — иногда больше, иногда меньше — позже 6 часов вечера. Он отнимает по 5 минут от начала и конца получаса, определенного на завтрак, и утягивает по 10 минут в начале и в конце часа, определенного на обед. В субботу работа заканчивается у него на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — позже двух часов пополудни. Таким образом он выигрывает:

До 6 часов утра	15 минут	Итого за 5 дней: 300 минут.
После 6 часов вечера	15 »	
На времени завтрака	10 »	
На обеденном времени	20 »	
	60 минут	
По субботам:		
До 6 часов утра	15 минут	Весь недельный выигрыш: 340 минут.
На времени завтрака	10 »	
После 2 часов пополудни	15 »	

[47] История фабричного акта 1850 г. дается в дальнейшем ходе изложения этой главы.

[48] Периода от возникновения крупной промышленности в Англии и до 1845 г. я касаюсь лишь в некоторых местах и для ознакомления с ним отсылаю читателя к книге: «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» von Friedrich Engels, Leipzig 1845 [*Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III]. Насколько глубоко понял Энгельс дух капиталистического способа производства, показывают Factory Reports [отчеты фабричных инспекторов], Reports of Mines [отчеты горных инспекторов] и т. д., которые появились после 1845 г.; а как поразительно обрисовал он детали положения рабочего класса, показывает самое поверхностное сравнение его работы с официальными отчетами «Children's Employment Commission» [«Комиссия по детскому труду»] (1863—1867), появившимися на 18—20 лет позже. Последние говорят именно о тех отраслях промышленности, в которых фабричное законодательство еще не было введено до 1862 г., отчасти не введено еще и теперь. Таким образом, в то положение, которое изображено Энгельсом, не внесено извне сколько-нибудь существенных изменений. Свои примеры я заимствую главным образом из периода свободной торговли после 1848 г., из того райского периода, о котором так

Это составляет 5 часов 40 минут в неделю, что, умноженное на 50 рабочих недель, за вычетом 2 недель на праздники и случайные перерывы работы, дает 27 рабочих дней»[49].

«Если рабочий день ежедневно удлиняется на 5 минут за пределы нормальной продолжительности, то это составит $2^1/_2$ рабочих дня в год»[50]. «Лишний час в день, добываемый таким способом, что кусочек времени урывается то тут, то там, делает из 12 месяцев в году 13»[51].

Кризисы, во время которых производство прерывается и работа совершается лишь «неполное время», лишь по нескольку дней в неделю, конечно, ничего не изменяют в стремлении к удлинению рабочего дня. Чем больше сократились дела, тем больше должна быть выручка с каждого дела. Чем меньше времени может продолжаться работа, тем продолжительнее должно быть прибавочное рабочее время. Вот что сообщают фабричные инспектора о периоде кризиса 1857—1858 гг.

«Может показаться непоследовательностью самая возможность чрезмерного труда в такое время, когда торговля идет так плохо, но плохое ее состояние подстрекает беззастенчивых людей к излишествам; они обеспечивают себе таким образом добавочную прибыль...» «В то самое время, — говорит Леонард Хорнер, — когда 122 фабрики моего округа совсем прекратили свое существование, 143 бездействуют, а все остальные работают неполное время, попрежнему совершаются нарушения установленного законом рабочего времени»[52]. «Хотя, — говорит г. Хауэлл, — большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половинное время, я получаю все такое же количество жалоб на то, что ежедневно утягивается (snatched) у рабочих $^1/_2$ или $^3/_4$ часа, средством для чего служат посягательства на время, определенное законом для еды и отдыха»[53].

То же самое явление повторяется в меньшем масштабе во время ужасного хлопкового кризиса с 1861 по 1865 г.[54].

баснословно много наслышаны немцы от столь же хвастливых, сколь и убогих в научном отношении разносчиков идей свободной торговли. — Впрочем, Англия фигурирует здесь на первом плане лишь потому, что она — классическая представительница капиталистического производства и что только она и обладает непрерывной официальной статистикой по обсуждаемым предметам.

[49] «Suggestions etc. by Mr. L. Horner, Inspector of Factories», в «Factories Regulation Act. Ordered by the House of Commons to be printed 9 August 1859», стр. 4, 5.

[50] «Reports of the Insp. of Fact. for the half year, October 1856», стр. 35.

[51] «Reports etc. 30th April 1858», стр. 9.

[52] Там же, стр. 10.

[53] Там же, стр. 25.

[54] «Reports etc. for the half year ending 30th April 1861». См. Приложение № 2; «Reports etc. 31st October 1862», стр. 7, 52, 53. Нарушения учащаются здесь в последней половине 1863 г. Ср. «Reports etc. ending 31st October 1863», стр. 7.

«Если мы застаем рабочих за работой в обеденное или какое-нибудь другое не указанное время, то нам иногда говорят в оправдание, будто они ни за что не хотят уйти с фабрики, так что требуется принуждение, чтобы заставить их прекратить работу (чистку машин и т. д.), особенно вечером в субботу. Но если «руки» остаются на фабрике после остановки машин, так это происходит лишь благодаря тому, что между 6 часами утра и 6 часами вечера, в установленные законом рабочие часы, им не отводится времени для исполнения таких работ» [55].

«Добавочная прибыль, получаемая от чрезмерного труда, продолжающегося сверх установленного законом времени, представляет для многих фабрикантов слишком большой соблазн для того, чтобы они могли ему противостоять. Они полагаются на то, что их не поймают, и рассчитывают, что, даже в случае обнаружения, незначительность денежных штрафов и судебных издержек все-таки обеспечит им в конечном итоге барыш» [56]. «В тех случаях, когда добавочное время выигрывается путем присоединяющихся друг к другу мелких краж («a multiplication of small thefts»), совершаемых в течение дня, инспектора наталкиваются на трудности почти непреодолимого свойства, когда они хотят получить доказательства нарушения закона» [57]. Эти «мелкие кражи»,

[55] «Reports etc. 31st October 1860», стр. 23. С каким фанатизмом, по показанию фабрикантов на суде, противятся их фабричные руки всякому перерыву фабричной работы, об этом свидетельствует следующий курьез. В начале июня 1836 г. полицейскому судье в Дьюсбери (Йоркшир) сообщили о том, что собственниками 8 больших фабрик близ Бэтли нарушается фабричный закон. Часть этих господ обвинялась в том, что они заставляли работать пять мальчиков в возрасте 12—15 лет с 6 часов утра пятницы до 4 часов пополудни следующей субботы, не давая им ни малейшего отдыха, кроме времени на еду и одного часа сна в половине ночи. И эти дети принуждены были заниматься непрерывной 30-часовой работой в «shoddy hole», как называется дыра, в которой щиплется шерстяной лоскут и в которой воздух до такой степени насыщен пылью, оческами и т. д., что даже взрослые рабочие принуждены постоянно завязывать себе рот носовыми платками, чтобы предохранить свои легкие! Господа обвиняемые давали уверения вместо присяги, — как квакеры, они были слишком щепетильно-религиозными людьми для того, чтобы присягать, — что по великому милосердию своему они могли бы разрешить детям спать в продолжение 4 часов, но эти упрямцы ни за что не хотят ложиться в постель! Господа квакеры были присуждены к 20 ф. ст. штрафа. Драйден предвидел этих квакеров:

«Fox full fraught in seeming sanctity,
That feared an oath, but like the devil would lie,
That look'd like Lent, and had the holy leer,
And durst not sin! before he said his prayer!»

[Лисица, преисполненная притворной святости, которая страшится божбы, но станет лгать, как дьявол, которая набожно озирается с великопостным видом и не сотворит греха, пока не прочитает молитвы!]

[56] «Reports etc. 31st October 1856», стр. 34.

[57] Там же, стр. 35.

совершаемые капиталом за счет обеденного времени и времени отдыха рабочих, фабричные инспектора называют «petty pilferings of minutes», кража минут [58], «snatching a few minutes», урывание минут [59] или, по техническому выражению рабочих, «nibbling and cribbling at meal times» [выдирание и выскребание из времени, предназначенного для еды] [60].

Мы видим, что в этой атмосфере образование прибавочной стоимости посредством прибавочного труда не составляет тайны. «Если бы вы мне разрешили, — сказал мне как-то один весьма почтенный фабрикант, — заставлять работать ежедневно всего 10 минутами больше положенного времени, вы клали бы мне в карман по 1 000 ф. ст. в год» [61]. «Атомы времени суть элементы прибыли» [62].

Нет ничего характернее в этом отношении, как обозначение словами «full times» [«полное время»] рабочих, работающих полное время, и «half times» [«половина времени»] — детей до 13-летнего возраста, которым дозволяется работать лишь по 6 часов [63]. Рабочий здесь не что иное, как персонифицированное рабочее время. Все индивидуальные различия сводятся к различию между «Vollzeitler» [«рабочий, работающий полное время»] и «Halbzeitler» [«рабочий, работающий половину времени»].

3. ОТРАСЛИ АНГЛИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЗ ЗАКОННЫХ ГРАНИЦ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

До сих пор мы наблюдали стремление к удлинению рабочего дня, поистине волчью жадность к прибавочному труду, в такой области, в которой непомерные злоупотребления, не превзойденные даже, как говорит один буржуазный английский экономист, жестокостями испанцев по отношению к краснокожим Америки [64], вызвали, наконец, необходимость наложить на капитал цепи законодательного регулирования. Приглядимся теперь к некоторым отраслям производства, в которых высасывание рабочей силы или и сей-

---

[58] «Reports etc. 31st October 1856», стр. 48.

[59] Там же.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] «Reports of the Insp. etc. 30th April 1860», стр. 56.

[63] Выражение пользуется официальным правом гражданства как на фабрике, так и в фабричных отчетах.

[64] «Жадность фабрикантов, совершающих в погоне за прибылью такие жестокости, которые едва ли были превзойдены жестокостями испанцев при завоевании Америки в погоне за золотом» (*John Wade:* «History of the Middle and Working Classes», 3-е изд., London 1835, стр. 114). Теоретическая часть этой книги, своего рода очерк политической экономии, содержит кое-что оригинальное для своего времени, например взгляд на торговые кризисы. Что касается исторической части, то она представляет бессовестный плагиат из *Sir M. Eden:* «The State of the Poor», London 1797.

час еще ничем не стеснено, или не было ничем стеснено еще совершенно недавно.

«Господин Броутон, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в ноттингемском городском помещении 14 января 1860 г., что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царствует такая степень нищеты и лишений, которая совершенно неизвестна всему остальному цивилизованному миру... В 2, 3, 4 часа утра 9—10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, благодаря чему члены их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и все существо цепенеет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас. Мы не удивляемся тому, что г. Маллет и другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений... Система, подобная той, которую описал его преподобие г. Монтэгю Вэлпи, это — система безграничного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях... Что сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин было ограничено 18 часами в сутки!.. Мы изливаемся в декламациях против виргинских и каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торга человеческим мясом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается изо дня в день для того, чтобы к выгоде капиталистов фабриковались вуали и воротнички?» [65].

Гончарное производство (Pottery) Стаффордшира в течение последних 22 лет послужило предметом трех парламентских обследований. Результаты этих обследований изложены в отчете г. Скривена, представленном в 1841 г. «Children's Employment Commissioners», в отчете д-ра Гринхау за 1860 г., опубликованном по распоряжению медицинского чиновника Privy Council [Тайного совета] (Public Health, 3rd Report, I, 102—113), и, наконец, в отчете г. Лонджа за 1863 г. в «First Report of the Children's Employment Commission» от 13 июня 1863 г. Для моей задачи достаточно извлечь из отчетов 1860 и 1863 гг. некоторые свидетельские показания самих подвергавшихся эксплуатации детей. По положению детей можно сделать заключение о положении взрослых, особенно девушек и женщин, да еще в такой отрасли промышленности, в сравнении с которой бумагопрядение и т. п. могут показаться весьма приятным и здоровым занятием [66].

Вильям Вуд, девяти лет, «начал работать, когда ему было 7 лет и 10 месяцев». Сначала он «ran moulds» (относил в сушильню

---

[65] «London Daily Telegraph» от 17 января 1860 г.

[66] Ср. *Engels:* «Lage der arbeitenden Klasse in England». Leipzig 1845, стр. 249—251 [*Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 489—490].

изготовленный товар в формах и затем приносил обратно пустые формы). Он приходит ежедневно в продолжение всей недели в 6 часов утра и кончает приблизительно в 9 часов вечера. «Я всю неделю работаю ежедневно до 9 часов вечера. Так было, напр., в продолжение последних 7—8 недель». Итак, пятнадцать часов труда для семилетнего ребенка! Дж. Мэррей, двенадцатилетний мальчик, показывает: «I run moulds and turn jigger» («я [отношу формы и] верчу колесо»). «Я прихожу в 6 часов, иногда в 4 часа утра. Я работал всю последнюю ночь до 6 часов сегодняшнего утра. Я не ложился с предпоследней ночи. Кроме меня работало 8 или 9 других мальчиков всю последнюю ночь напролет. За исключением одного, все опять пришли сегодня утром. Я получаю 3 ш. 6 п. в неделю. Мне ничего не прибавляют, когда я работаю без перерыва всю ночь. На последней неделе я проработал две ночи». Фернихау, десятилетний мальчик: «Я не всегда получаю полный час на обед, часто — всего полчаса, так бывает каждый четверг, пятницу и субботу» [67].

По заявлению доктора Гринхау, продолжительность жизни в гончарных округах Сток-эпон-Трент и Вульстэнтон чрезвычайно мала. Несмотря на то, что из мужского населения старше 20-летнего возраста гончарным производством занято в округе Сток всего 36,6%, а в Вульстэнтоне всего 30,4%, на гончаров в первом округе приходится более половины, а во втором около $^2/_5$ общего числа смертных случаев от грудных болезней среди мужчин данного возраста. Доктор Бутройд, врач, практикующий в Хэнли, заявляет: «Каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более слабым сложением, чем предыдущее». Точно так же другой врач, г. Мак-Бин, говорит: «С того времени как я начал практиковать среди гончаров, бросающееся в глаза вырождение этого класса находит себе выражение в ускоряющемся уменьшении роста и веса». Показания эти взяты из отчета доктора Гринхау от 1860 г. [68].

Мы заимствуем из отчета членов комиссии 1863 г. следующее. Доктор Дж. Т. Арледж, главный врач больницы северного Стаффордшира, говорит: «Как класс, гончары, мужчины и женщины, представляют... вырождающееся население как в физическом, так и в моральном отношении. Они обыкновенно низкорослы, отличаются плохим сложением и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стареют преждевременно и недолговечны; флегматичные и малокровные, они обнаруживают слабость своего сложения упорными приступами диспепсии, нарушениями в деятельности печени и почек и ревматизмом. Но главным образом они подвержены грудным заболеваниям: воспалению легких, чахотке, бронхиту и астме. Одна форма этой последней специально свойственна им и известна

[67] «Children's Employment Commission. First Report etc. 1863». Приложение, стр. 16, 19, 18.
[68] «Public Health. 3rd Report etc.», стр. 103, 105.

под названием астмы горшечников, или чахотки горшечников. Золотуха, поражающая железы, кости и другие части тела,— это болезнь, которою страдает более двух третей гончаров. Если вырождение (degenerescence) населения этого округа не достигает еще бо́льших размеров, то это объясняется исключительно притоком новых элементов из соседних деревенских округов и браками с более здоровым населением». Г-н Чарльз Парсонс, незадолго перед тем врач той же больницы, сообщает в одном письме члену комиссии Лонджу, между прочим, следующее: «Я могу говорить только на основании личных наблюдений, а не статистических данных, но я могу вас уверить, что во мне снова и снова закипало негодование при виде этих несчастных детей, здоровье которых приносится в жертву алчности их родителей и работодателей». Он перечисляет причины заболеваний среди гончаров и, переходя к самой главной из них, заканчивает «long hours» («долгими рабочими часами»). Отчет комиссии выражает надежду, что «мануфактура, занимающая такое выдающееся положение в глазах всего мира, не будет более мириться с тем позорным фактом, что ее выдающиеся успехи сопровождаются физическим вырождением, многообразными телесными страданиями и преждевременной смертью рабочих, благодаря труду и искусству которых достигнуты столь крупные результаты»[69]. Сказанное здесь о гончарном производстве Англии относится и к гончарному производству Шотландии[70].

Спичечная мануфактура ведет свое начало с 1833 г., со времени изобретения способа прикреплять фосфор к спичке. С 1845 г. она стала быстро развиваться в Англии и из густо населенных частей Лондона распространилась на Манчестер, Бирмингам, Ливерпуль, Бристоль, Норвич, Ньюкэстль, Глазго, всюду разнося с собою и судорожное сжатие челюстей, которое один венский врач еще в 1845 г. определил как специфическую болезнь рабочих, занятых в спичечном производстве. Половина рабочих — дети моложе 13-летнего возраста и подростки моложе 18 лет. Эта мануфактура настолько известна своим вредным влиянием на здоровье рабочих и отвратительными условиями, что только самая несчастная часть рабочего класса — полуголодные вдовы и т. д. — поставляет для нее детей, «оборванных, чуть не умирающих с голоду, безответных, лишенных всякого воспитания детей»[71]. Из тех свидетелей, которых выслушал член комиссии Уайт (1863 г.), 270 не достигли 18-летнего возраста, 40 были моложе 10 лет, 10 были всего 8 лет и 5 всего 6 лет отроду. Рабочий день, продолжительность которого колеблется между 12—14 и 15 часами, ночной труд, отсутствие определенного времени для еды, причем приходится есть по большей части

[69] «Children's Employment Commission. 1863», стр. 22, 24 и XI.
[70] Там же, стр. XLVII.
[71] Там же, стр. LIV.

в мастерских, отравленных фосфором. Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры.

На фабрике обоев более грубые сорта печатаются машинами, более тонкие — ручным способом (block printing). Наибольшее оживление производства приходится на время от начала октября и до конца апреля. В продолжение этого периода работа часто продолжается, и притом почти без перерыва, от 6 часов до 10 часов вечера и позднее, до глубокой ночи.

И. Лич показывает: «Прошлой зимой (1862 г.) из 19 девушек 6 отсутствовали, заболев от чрезмерного труда. Чтобы не дать им заснуть, я должен постоянно кричать на них». В. Дэффи: «Часто от усталости дети не могли держать глаза открытыми; в сущности частенько и нам самим это едва удавалось». Дж. Ляйтборн: «Мне 13 лет... Прошлую зиму мы работали до 9 часов вечера, а позапрошлую до 10 часов. Прошлой зимой я кричал почти каждый вечер от боли в ногах, на которых образовались язвы». Дж. Эспден: «Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его туда и обратно на спине по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как ему нельзя было ни уйти от нее, ни остановить ее». Смит, компаньон и управляющий одной манчестерской фабрики: «Мы (он разумеет те «руки», которые на «нас» работают) работаем без перерыва для еды, и, таким образом, $10^1/_2$-часовой рабочий день заканчивается, собственно, в $4^1/_2$ часа вечера, а все дальнейшее представляет сверхурочные работы»[72]. (Интересно было бы знать, неужели же и господин Смит ни разу не ест в продолжение $10^1/_2$ часов?) «Мы (все тот же Смит) редко оканчиваем ранее 6 часов вечера (он разумеет: оканчиваем потребление «наших» живых машин, представляющих рабочую силу), так что мы (iterum Crispinus [снова Криспин]) в действительности работаем сверхурочное время круглый год... Дети и взрослые (152 ребенка и подростка ниже 18-летнего возраста и 140 взрослых) одинаково работали в продолжение 18 месяцев в среднем самое меньшее по 7 дней и 5 часов в неделю, или по $78^1/_2$ часов. Для 6 недель, закончившихся 2 мая этого года (1863 г.), средний вывод был выше 8 дней, или

[72] Это не следует считать прибавочным рабочим временем в нашем значении слова. Эти господа рассматривают $10^1/_2$-часовой труд как нормальный рабочий день, в котором заключается, следовательно, и нормальный прибавочный труд. После этого начинается «сверхурочное время», которое оплачивается несколько лучше. Впоследствии мы еще увидим, что применение рабочей силы во время так называемого нормального дня оплачивается ниже стоимости, так что «сверхурочное время» есть не что иное, как уловка капиталистов, которую они пускают в ход с той целью, чтобы выжать больше «прибавочного труда»; впрочем, это остается без перемены даже и в том случае, если рабочая сила, применяемая в продолжение «нормального дня», оплачивается действительно полностью.

84 часов в неделю!» И все-таки этот самый господин Смит, чувствующий такую симпатию к pluralis majestatis [говорящий о себе, подобно величеству, мы], с улыбкой прибавляет: «машинный труд легок». А фабриканты, применяющие block printing [ручную набойку], говорят: «Ручной труд здоровее машинного». В общем господа фабриканты с негодованием высказываются против предложения: «останавливать машины, по крайней мере, во время еды». Вот что говорит по этому поводу г. Отлей, директор фабрики обоев в Боро (в Лондоне): «Закон, который разрешил бы нам рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 9 часов вечера, был бы для нас (!) весьма желателен, но предписываемый Factory Act'ом [фабричным актом] рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 6 часов вечера нам (!) не годится... Мы останавливаем машины на время обеда (какое великодушие!). Эта остановка не причиняет сколько-нибудь серьезной потери на бумаге и краске». «Но, — с сочувствием добавляет он, — я прекрасно понимаю, что потеря, связанная с этим, не доставляет особенного удовольствия». Отчет комиссии наивно полагает, что боязнь некоторых «руководящих фирм» лишиться времени, т. е. времени, в течение которого присваивается чужой труд, и таким образом «лишиться прибыли», не является еще достаточным основанием для того, чтобы дети, не достигшие 13-летнего возраста, и подростки моложе 18 лет «лишались пищи» в продолжение 12—16 часов или чтобы они снабжались пищей, как средства труда снабжаются вспомогательными материалами: машина — водой и углем, шерсть — мылом, колеса — маслом и т. д., т. е. во время самого процесса производства [73].

Ни в одной отрасли промышленности Англии (мы оставляем в стороне машинное производство хлеба, только что начинающее прокладывать себе дорогу) не сохранилось такого древнего и, — в чем можно убедиться, читая поэтов Римской империи, — даже дохристианского способа производства, как в хлебопечении. Но капитал, как уже отмечено раньше, первоначально равнодушен к техническому характеру того процесса труда, которым он овладевает. Он берет его сначала таким, каким застает.

Невероятная фальсификация хлеба, в особенности в Лондоне, была впервые разоблачена комитетом нижней палаты по вопросу «о фальсификации пищевых веществ» (1855—1856 гг.) и работой д-ра Хэссэлла «Adulteration detected» [74]. Следствием этих разоблачений явился закон 6 августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» [«для предотвращения

[73] «Children's Employment Commission. 1863», Показания, стр. 123, 124, 125, 140 и LIV.

[74] Квасцы, истертые в мелкий порошок или смешанные с солью, являются нормальным предметом торговли, носящим характерное название «baker's stuff» [порошок пекарей].

фальсификации пищи и напитков»], закон, не оказавший никакого влияния, так как он соблюдает, конечно, высшую степень деликатности по отношению к каждому фритредеру, который намерен при помощи купли и продажи фальсифицированных товаров «to turn an honest penny» [«добыть копейку честным трудом»] [75]. Сам комитет в достаточно наивной форме выразил свое убеждение, что свобода торговли в сущности означает торговлю фальсифицированными или, по остроумному выражению англичан, «софистицированными продуктами». И в самом деле, такого рода «софистика» умеет лучше Протагора делать из белого черное и из черного белое и лучше элеатов демонстрировать ad oculos [воочию] полную иллюзорность всего реального [76].

Во всяком случае комитет обратил внимание публики на ее «хлеб насущный», а тем самым и на хлебопечение. В то же время на публичных митингах и в петициях, обращенных к парламенту, раздались жалобы лондонских пекарей-подмастерьев на чрезмерный труд и т. д. Эти жалобы звучали так настоятельно, что г. X. С. Тременхир, бывший также членом неоднократно упоминавшейся комиссии 1863 г., был назначен королевским следственным комиссаром. Его отчет [77] в связи с свидетельскими показаниями взволновал публику — не сердце ее, а желудок. Правда, начитанному в библии англичанину было хорошо известно, что призвание человека, если только он милостью божьей не капиталист, не лэндлорд и не обладатель синекуры, заключается в том, чтобы в поте лица своего есть хлеб свой, но он не знал того, что он должен ежедневно съедать в своем хлебе некоторое количество человеческого пота, смешанного с гноем, паутины, мертвых тараканов и гнилых немецких

---

[75] Сажа, как известно, представляет собою весьма энергичную форму углерода и образует удобрительное вещество, которое капиталистические трубочисты продают английским фермерам. В 1862 г. на одном судебном процессе британскому «juryman» [присяжному] пришлось решать, будет ли такая сажа, к которой без ведома покупателя примешано 90% пыли и песку, «настоящей» сажей в «коммерческом» смысле слова или «фальсифицированной» сажей в «законном» смысле. «Amis du commerce» [«друзья торговли»] решили, что это — «настоящая» коммерческая сажа, и оставили без удовлетворения иск фермера, которому вдобавок пришлось уплатить судебные издержки.

[76] Французский химик Шевалье в статье о «софистикациях» [фальсификациях] товаров насчитывает для многих из 600 с лишком рассматриваемых им продуктов до 10, 20, 30 различных способов фальсификации. Он прибавляет, что не знает всех способов и упоминает не все способы, которые знает. Для сахара он указывает 6 способов фальсификации, для прованского масла 9, для коровьего масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлеба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже милосердному господу богу не удалось избежать этой участи. См. *Rouard de Card:* «De la Falsification des Substances Sacramentelles». Paris 1856.

[77] «Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc.», London 1862, и «Second Report etc.», London 1863.

дрожжей, не говоря уже о квасцах, песке и других не менее приятных минеральных примесях. Поэтому, невзирая на ее святейшество «свободу торговли», «свободное» до того времени пекарное производство подчинили надзору государственных инспекторов (в конце парламентской сессии 1863 г.), причем тот же парламентский акт воспретил пекарям-подмастерьям моложе 18 лет работать между 9 часами вечера и 5 часами утра. Последний пункт красноречивее, чем целые томы, говорит о чрезмерном труде в этой отрасли промышленности, от которой веет такой патриархальностью.

«Работа лондонского пекаря-подмастерья начинается обыкновенно в 11 часов ночи. В это время он делает тесто, — чрезвычайно утомительная процедура, продолжающаяся от $^1/_2$ до $^3/_4$ часа, смотря по величине и качеству выпечки. Затем он ложится на месильную доску, служащую одновременно и покрышкой для квашни, в которой делается тесто, и засыпает часа на два, подложив один мучной мешок под голову и покрывшись другим. Затем следует спешная и беспрерывная пятичасовая работа: надо месить тесто, взвешивать его, придавать ему форму, сажать в печь, вынимать из печи и т. д. Температура пекарни колеблется между 75 и 90 градусами [Фаренгейта, или 24—32 градуса Цельсия], причем в небольших пекарнях она скорее бывает выше, чем ниже. Когда хлебы, булки и т. д. готовы, начинается распределение хлеба, и значительная часть рабочих, окончив только что описанный тяжелый ночной труд, в продолжение дня разносит хлеб в корзинах или развозит его в тележках из одного дома в другой, а в промежутках производит иногда еще какую-нибудь работу в пекарне. Смотря по времени года и размеру предприятия, работа заканчивается между часом и шестью пополудни, тогда как другая часть рабочих занята в пекарне до позднего вечера»[78]. «Во время лондонского сезона подмастерья, занятые в булочных, изготовляющих «полноценный» хлеб в Вестэнде, начинают работу регулярно в 11 часов ночи и с одним или двумя очень короткими перерывами заняты выпечкой хлеба до 8 часов следующего утра. Затем они занимаются разноской хлеба, а иногда и печеньем бисквитов в пекарне в продолжение 4, 5, 6, а то и 7 часов. По окончании работы наступает время сна, который продолжается не больше 6 часов, часто всего 5 и 4 часа. В пятницу работа всегда начинается раньше, напр. в 10 часов вечера, и длится без перерыва, заключаясь то в приготовлении, то в разноске хлеба, до 8 часов вечера следующей субботы, в большинстве же случаев до 4 или 5 часов утра воскресенья. Даже в первоклассных пекарнях, продающих хлеб по «полной цене», по воскресеньям производится в продолжение 4—5 часов подготовительная работа к следующему дню... Еще продолжительнее рабочий день подмастерьев, работающих у «underselling masters»

[78] Там же, «First Report etc.», стр. VI.

(продающих хлеб ниже полной цены), а таковые составляют, как было замечено выше, более $^3/_4$ лондонских пекарей; но труд их почти исключительно ограничен пекарней, так как их хозяева продают хлеб лишь в собственных булочных, если не брать в расчет мелких лавок, в которые они его доставляют. К концу недели,... т. е. начиная с четверга, работа начинается здесь в 10 часов и продолжается только с незначительным перерывом до позднего вечера в субботу» [79].

Что касается «underselling masters», то даже буржуазная точка зрения признает, что «неоплаченный труд рабочих (the unpaid labour of the men) составляет основу их конкуренции» [80]. И «full priced baker» [булочник, продающий хлеб по полной цене] изобличает перед следственной комиссией своих «underselling» [продающих по пониженной цене] конкурентов как похитителей чужого труда и фальсификаторов. «Они преуспевают только благодаря тому, что надувают публику и выколачивают из своих рабочих 18 часов труда, оплачивая всего 12-часовой труд» [81].

Фальсификация хлеба и возникновение категории булочников, продающих хлеб ниже полной цены, — оба эти явления развиваются в Англии с начала XVIII столетия, т. е. с того времени, когда цеховой характер промысла разложился и за спиной номинального мастера-пекаря выдвинулся капиталист в образе мукомола или торговца мукой [82]. Этим была положена основа капиталистическому производству, безмерному удлинению рабочего дня и ночным работам, хотя даже в Лондоне последние получили серьезное распространение лишь с 1824 г. [83].

После всего предыдущего будет понятно, почему в отчете комиссии подмастерья-хлебопеки относятся к категории рабочих с короткой продолжительностью жизни; счастливо избежав опасности стать жертвой ужасающей детской смертности, представляющей собою нормальное явление для всех категорий рабочего класса, они редко достигают 42-летнего возраста. Тем не менее пекарный промысел всегда переполнен кандидатами. Источниками, из которых

---

[79] Там же, стр. LXXI.

[80] *George Read:* «The History of Baking». London 1848, стр. 16.

[81] Report (First) etc. Evidence. Показание «full priced baker'a» Чизмэна, стр. 108.

[82] *George Read:* «The History of Baking». London 1848. В конце XVII и в начале XVIII века Factors [посредники], проникавшие во всевозможные промыслы, официально квалифицировались как «public nuisances» («общественное бедствие»). Так, например, Grand Jury [суд присяжных] во время четвертой сессии мировых судей в графстве Сомерсет вошел в нижнюю палату с представлением, в котором, между прочим, говорится: «Эти агенты Блэкуелл Холл представляют собою общественное бедствие и вред для торговли платьем и, как бедствие, подлежат искоренению» («The Case of our English Wool etc.». London 1685, стр. 6, 7).

[83] First Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc. London 1862, стр. VIII.

Лондон черпает эти «рабочие силы», являются Шотландия, западные земледельческие округа Англии и Германия.

В 1858—1860 гг. пекаря-подмастерья в Ирландии организовали на собственные средства ряд больших митингов для агитации против ночного и воскресного труда. Публика с чисто ирландским жаром приняла их сторону, как это было, напр., в 1860 г. на майском митинге в Дублине. Результатом этого движения явилось успешное проведение исключительно дневного труда в Уексфорде, Килкенни, Клонмеле, Уотерфорде и т. д. «В Лимерике, где, как известно, страдания наемных рабочих превосходят всякую меру, движение это разбилось о сопротивление хозяев пекарен, особенно же пекарей-мельников. Пример Лимерика вызвал попятное движение в Эннисе и Типперэри. В Корке, где общественное негодование проявилось наиболее живо, хозяева разбили движение, воспользовавшись своей властью и выбросив рабочих на улицу. В Дублине хозяева оказали самый решительный отпор и преследованием подмастерьев, стоявших во главе агитации, принудили остальных уступить и согласиться на ночной и воскресный труд» [84]. Комиссия английского правительства, вооруженного в Ирландии с ног до головы, обращается с умоляющими представлениями к неумолимым хозяевам пекарен Дублина, Лимерика, Корка и т. д. «Комитет полагает, что рабочее время ограничено естественными законами, которых нельзя нарушать безнаказанно. Держа своих рабочих под угрозою расчета, хозяева вынуждают у них нарушение религиозных убеждений, неповиновение законам страны, оскорбление общественного мнения (все это относится к воскресному труду), сея таким образом семена вражды между капиталом и трудом, и подают пример, опасный для религии, нравственности и общественного порядка... Комитет полагает, что удлинение рабочего дня свыше 12 часов является узурпаторским вторжением в семейную и частную жизнь рабочего и ведет к гибельным моральным результатам; вмешательством в семейный быт человека и в выполнение им своих семейных обязанностей в качестве сына, брата, мужа и отца. Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и таким образом ведет к несчастью рабочих семей, у которых отнимаются («are deprived») попечение и опора главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо» [85].

Мы только что познакомились с Ирландией. По другую сторону канала, в Шотландии, сельскохозяйственный рабочий, человек плуга, возмущенно указывает на свой 13—14-часовой труд, в суровейшем климате, при четырехчасовом сверхурочном труде

[84] «Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861».
[85] Там же.

по воскресным дням (это в стране святителей субботы!)[86]; в то же самое время перед лондонским Grand Jury [судом присяжных] предстали три железнодорожных рабочих: кондуктор пассажирских поездов, машинист и сигнальщик. Большая железнодорожная катастрофа транспортировала сотни пассажиров на тот свет. Причиной крушения поезда послужила небрежность железнодорожных рабочих. Они единогласно заявляют перед лицом присяжных, что 10—12 лет тому назад их работа продолжалась всего 8 часов в сутки. В течение же последних 5—6 лет рабочее время довели до 14, 18 и 20 часов, а при особенно большом наплыве пассажиров, напр., в разгар сезона экскурсий, оно часто продолжается без перерыва 40—50 часов. Но они, железнодорожные рабочие, обыкновенные люди, а не циклопы. В известный момент рабочая сила их отказывается служить. Они впадают в состояние оцепенения, мозг их перестает работать, глаза — видеть. В высокой степени «respectable British Juryman» [«респектабельный британский присяжный»] отвечает на эти показания приговором, предающим их дальнейшему суду за manslaughter (убийство), и в дополнительном пункте мягко выражает благочестивое пожелание, чтобы господа железнодорожные магнаты в будущем проявляли бо̀льшую щедрость при покупке необходимого количества «рабочих сил» и обнаруживали большее «воздержание» или «самоотречение», или «бережливость» при высасывании купленной рабочей силы[87].

---

[86] Публичный митинг сельскохозяйственных рабочих в Лэссуейде близ Глазго 5 января 1866 г. (см. «Workman's Advocate» от 13 января 1866 г.). Образование в конце 1865 г. тред-юниона сельскохозяйственных рабочих, прежде всего в Шотландии, является историческим событием. В одном из наиболее угнетенных земледельческих округов Англии, в Бэкингемшире, наемные рабочие устроили в марте 1867 г. большую стачку с целью повышения недельной заработной платы с 9—10 до 12 шилл. (Из предыдущего видно, что движение английского сельскохозяйственного пролетариата, совершенно сломленное со времени подавления его энергичных демонстраций после 1830 г. и особенно после введения нового закона о бедных, снова начинается в шестидесятых годах, пока, наконец, в 1872 г. не открывает новую эпоху. Во II книге я возвращаюсь к этому предмету, равно как к появившимся после 1867 г. Синим книгам о положении английского сельскохозяйственного рабочего. *Добавление к 3-му изд.*)

[87] «Reynolds' Newspaper», 20 января 1866 г. Та же самая еженедельная газета в каждом номере сообщает о целом ряде новых железнодорожных катастроф под «sensational headings» [«сенсационными заголовками»]. «Fearful and fatal accidents», «Appalling tragedies» [«Ужасная и роковая случайность», «Потрясающая трагедия»] и т. д. Это вызвало следующий ответ одного рабочего с северностаффордширской железнодорожной линии: «Всем известно, к каким последствиям ведет хотя бы минутное ослабление внимания машиниста и кочегара. А может ли быть иначе при безграничном удлинении рабочего времени, несмотря на самую суровую погоду, при полном отсутствии перерывов и отдыха? Возьмем следующий пример, повторяющийся ежедневно: в прошлый понедельник кочегар начал работу с раннего утра. Он окончил ее по истечении 14 часов 50 минут. Не успел он напиться чаю, как его снова позвали на работу... Таким образом, он проработал без перерыва 29 часов

Вот пестрая толпа рабочих всех профессий, возрастов и полов. С большей настойчивостью преследуют они нас, чем тени убитых преследовали Одиссея. Чтобы судить об изнуряющем их чрезмерном труде, достаточно мельком взглянуть на них, не справляясь даже с Синими книгами, которые они держат подмышкой. Возьмем две фигуры из этой пестрой толпы: модистку и кузнеца; разительный контраст между ними лучше всего доказывает, что перед лицом капитала все люди равны.

В последнюю неделю июня 1863 г. все лондонские газеты поместили заметку под «sensational» [«сенсационным»] заголовком «Death from simple overwork» («Смерть исключительно от чрезмерной работы»). Дело шло о смерти 20-летней модистки Мэри-Энн Уокли, работавшей в весьма респектабельной придворной модной мастерской, которую эксплуатировала одна дама с симпатичным именем Элиза. Здесь вновь раскрылась старая, часто повторявшаяся история[88] о том, что эти девушки работают в среднем по $16^1/_2$ часов в сутки, а в сезон часто бывают заняты 30 часов без перерыва, причем изменяющая им «рабочая сила» поддерживается время от времени приемами хереса, портвейна и кофе. Был как раз разгар сезона. Предстояло приготовить благородным лэди роскошные наряды для бала в честь только что импортированной принцессы Уэльской. Мэри-Энн Уокли проработала без перерыва $26^1/_2$ часов вместе с 60 другими девушками, по 30 человек в комнате, едва ли дававшей $^1/_3$ необходимого кубического содержания воздуха, причем спать им приходилось по две на одной постели в одной из тех вонючих конур, в которых спальня отгораживается посредством досчатых переборок[89]. И это была одна из лучших модных

15 минут. Следующие дни недели были у него заняты так: среда — 15 часов; четверг — 15 часов 35 минут; пятница — $14^1/_2$ часов; суббота — 14 часов 10 минут, итого 88 часов 30 минут в неделю. После этого не трудно представить себе его изумление, когда ему было заплачено всего за 6 рабочих дней. Он был новичок и попросил разъяснить ему, что разумеется под рабочим днем. Ответ: 13 часов, т. е. 78 часов в неделю. Но тогда как же с уплатой за лишние 10 часов 30 минут? После долгих пререканий ему удалось получить вознаграждение в 10 пенсов». (Там же. Номер от 4 февраля 1866 г.)

[88] Ср. *F. Engels:* «Die Lage der arbeitenden Klasse in England». Leipzig 1845, стр. 253, 254 [*Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 492—494].

[89] Доктор Лизби, врач Board of Health [санитарного управления], заявил в то время: «Спальня взрослого должна содержать минимум 300 кубических футов воздуха, а жилая комната — минимум 500 кубических футов». Вот что говорит доктор Ричардсон, главный врач одной лондонской больницы: «Различные швеи: модистки, портнихи, белошвейки, осуждены на троякого рода бедствия: чрезмерный труд, недостаток воздуха и недостаток питания, расстройство пищеварения. В общем этого рода труд во всяком случае более подходит женщинам, чем мужчинам. Но несчастье этого промысла заключается в том, что он монополизирован, в особенности в столице, какими-нибудь 26-ю капиталистами, которые, используя порождаемые капиталом средства давления (that spring from capital), выжимают из труда экономию (force economy out of labour; он разумеет: экономят на издержках,

мастерских Лондона. Мэри-Энн Уокли заболела в пятницу, а умерла в воскресенье, не потрудившись даже, к великому изумлению госпожи Элизы, закончить последнее бальное платье. Врач, господин Кейз, призванный слишком поздно к ее смертному одру, в следующих сухих выражениях давал показания перед «Coroner's Jury» [присяжными по осмотру трупов]: «Мэри-Энн Уокли умерла вследствие чрезмерно продолжительного труда в переполненной мастерской и вследствие того, что она спала в слишком тесной, плохо вентилированной спальне». Чтобы дать врачу урок хорошего обращения, «Coroner's Jury» в ответ на его показания заявил: «Скончавшаяся умерла от удара, но есть основание опасаться, что ее смерть могла быть ускорена чрезмерным трудом в переполненной мастерской и т. д.». Наши «белые рабы», воскликнул по этому случаю «Morning Star», орган господ фритредеров Кобдена и Брайта, «наши белые рабы зарабатываются до могилы и гибнут и умирают без всякого шума»[90].

расточая рабочую силу). Их власть чувствует на себе весь этот класс работниц. Если портнихе удалось приобрести хотя бы небольшой круг заказчиц, то конкуренция принуждает ее убиваться дома на работе, чтобы сохранить этих заказчиц, и таким же чрезмерным трудом она должна по необходимости мучить своих помощниц. Если ее предприятие не пойдет или если ей не удастся устроиться самостоятельно, она обращается к какому-нибудь заведению, где работать приходится не меньше, но зато заработок вернее. Таким образом она превращается в настоящую рабу, которую бросает туда и сюда малейшая общественная волна; то она умирает с голоду дома в маленькой комнатенке или близка к голодовке; то опять работает по 15, 16, а то и 18 часов в сутки в таком воздухе, которым едва можно дышать, и питается пищей, которая, если бы она даже была хороша, не переваривается организмом вследствие отсутствия свежего воздуха. Вот какими жертвами питается чахотка, которая есть не что иное, как болезнь вследствие плохого воздуха» (*Dr. Richardson:* «Work and Overwork», в «Social Science Review», 18 июля 1863 г.).

[90] «Morning Star», 23 июня 1863 г. «Times» воспользовался случаем для защиты американских рабовладельцев против Брайта и т. д. «Очень многие из нас полагают, — говорит «Times», — что до тех пор, пока мы сами замучиваем до смерти работой наших собственных молодых женщин, угрожая им ударами голода вместо свиста кнута, едва ли мы имеем право метать громы и молнии против тех семей, члены которых родились рабовладельцами и которые, по крайней мере, хорошо кормят своих рабов и требуют от них лишь «умеренного труда» («Times», 2 июля 1863 г.). Газета тористов «Standard» разносила в том же духе его преподобие Ньюмэна Холла: «Он отлучает от церкви рабовладельцев, но творит молитву с порядочными людьми, которые заставляют работать за собачью плату лондонских кучеров и кондукторов омнибусов и т. д. всего по 16 часов в сутки». Наконец, раздался голос оракула, г. Томаса Карлейля, о котором я уже в 1850 г. писал: «В культе гения... гений пошел к чорту, а культ остался». [Ср. *К. Маркс:* «Т. Карлейль: Современные памфлеты». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 282.] В короткой притче он сводит единственное великое событие современной истории, американскую гражданскую войну, к тому обстоятельству, что Петр с Севера изо всех сил стремится пробить череп Павлу с Юга, так как Петр с Севера нанимает своего рабочего «поденно», а Павел с Юга «пожизненно» («Macmillan's Magazine». Ilias Americana in nuce. Август 1863 г.). Так лопнул,

«Зарабатываться до смерти — вот что стоит в порядке дня не только в модных мастерских, но в тысяче мест, вернее — во всяком месте, где дела идут хорошо... Да будет нам позволено привести в пример кузнеца. Если верить поэтам, то нет на свете более сильного, жизнерадостного, веселого человека, чем кузнец. Он встает на заре и еще до восхода солнца выбивает искры; нет другого человека, который так ел бы, пил и спал, как он. Если принять во внимание только физические условия, то, при условии умеренного труда, положение кузнеца действительно одно из самых благоприятных. Но последуем за ним в город и взглянем на то бремя труда, которое взвалено на его сильные плечи, — взглянем на то место, которое он занимает в таблицах смертности нашей страны. В Мэрилебоне (одном из самых больших городских кварталов Лондона) смертность кузнецов составляет 31 на 1 000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безукоризненное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают делать больше на столько-то ударов, проходить на столько-то шагов больше, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает затрату его жизненных сил на одну четверть. Он делает попытку в этом направлении, и в результате оказывается, что в продолжение ограниченного периода он действительно увеличивает производимую им работу на одну четверть и умирает в 37 лет вместо 50»[91].

4. ДНЕВНОЙ И НОЧНОЙ ТРУД. СИСТЕМА СМЕН.

С точки зрения процесса увеличения стоимости постоянный капитал, средства производства существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и с каждой каплей труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Поскольку они этого не делают, бесплодное существование их представляет собою для капиталиста своего рода потерю, так как в продолжение всего времени, пока средства производства остаются без употребления, они представляют бесполезно авансированный капитал; потеря эта становится положительной, если возобновление прерванного производства делает необходимыми добавочные затраты. Удлинение рабочего дня за

наконец, мыльный пузырь торийских симпатий к городским, — но отнюдь не к сельским! — наемным рабочим. Ядро этих симпатий называется рабством!

[91] *Dr. Richardson:* «Work and Overwork», в «Social Science Review», 18 июля 1863 г.

пределы естественного дня, удлинение за счет ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется смена рабочих сил, пожираемых днем и ночью, — смена, допускающая различные методы, напр. организованная таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю несет дневную работу, другую неделю — ночную и т. д. Как известно, такая система смен, такое переменное хозяйство, господствовала в эпоху пышащего здоровьем юношеского периода английской хлопчатобумажной промышленности и т. д. и процветает в настоящее время, между прочим, на бумагопрядильных фабриках Московской губернии. Как система, этот 24-часовый процесс производства существует и поныне во многих до сих пор еще «свободных» отраслях промышленности Великобритании, между прочим на доменных заводах, в кузницах, на железопрокатных заводах и других металлообрабатывающих мануфактурах Англии, Уэльса и Шотландии. Процесс труда продолжается по 24 часа не только в каждый из 6 будничных дней, но в большинстве случаев охватывает также и 24 часа воскресных суток. В состав рабочих входят мужчины и женщины, взрослые и дети обоего пола. Возраст детей и подростков охватывает все переходные ступени от 8 (в иных случаях от 6) до 18 лет [92]. В некоторых отраслях девушки и женщины работают ночью совместно с мужским персоналом [93].

Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда [94], непрерывный, длящийся в течение суток процесс производства дает

---

[92] «Children's Employment Commission. Third Report». London 1864, стр. IV, V, VI.

[93] «В Стаффордшире и в южном Уэльсе молодые девушки и женщины работают в каменноугольных копях и коксовальнях не только днем, но и ночью. В отчетах, представляемых парламенту, это явление нередко отмечалось как причина серьезного и общеизвестного зла. Женщины, работающие вместе с мужчинами и едва отличающиеся от них своей одеждой, покрытые грязью и копотью, подвергаются опасности утратить свой нравственный облик вследствие потери собственного достоинства, что неизбежно обусловливается несвойственным женщине занятием» (там же, 194, стр. XXVI. Ср. Fourth Report (1865), 61, стр. XIII). То же и на стекольных заводах.

[94] «Представляется естественным, — замечает один фабрикант стали, у которого применяется ночной труд детей, — что подростки, работающие ночью, не имеют возможности спать днем и получить необходимый отдых, а принуждены весь следующий день слоняться без отдыха» («Children's Employment Commission. Fourth Report», 63, стр. XIII). Вот что говорит, между прочим, один врач относительно важного влияния солнечного света на сохранение и развитие организма: «Свет оказывает непосредственное влияние на ткани тела, которым он придает крепость и упругость. Мускулы животных, лишенных нормального количества света, становятся рыхлыми

в высшей степени удобный случай для того, чтобы переступать границы номинального рабочего дня. Например, в упомянутых выше отраслях промышленности, требующих большого напряжения, официальный рабочий день составляет по большей части 12 часов ночных или дневных. Но сверхурочный труд, выходящий за эти пределы, во многих случаях, выражаясь словами английского официального отчета, «поистине ужасен» («truly fearful»)[95]. «Никакой человеческий ум, — говорится в отчете, — не может представить себе той массы труда, которая, согласно свидетельским показаниям, выполняется мальчиками 9—12 лет, и не притти после этого к тому неизбежному выводу, что такое злоупотребление властью родителей и работодателей не может быть долее терпимо»[96].

«Одно то обстоятельство, что мальчиков вообще заставляют работать попеременно то днем, то ночью, приводит как во время оживления дел, так и во время их обычного хода к позорному удлинению рабочего дня. Это удлинение во многих случаях носит не только ужасающий, но прямо-таки невероятный характер. Неизбежно случается время от времени, что по той или иной причине не явится кто-нибудь из мальчиков, которые должны сменить окончивших работу. В таком случае один или несколько из присутствующих мальчиков, уже закончивших свой рабочий день, должны заменить недостающего. Система эта настолько общеизвестна, что директор одного прокатного завода на мой вопрос, каким образом заполняются места отсутствующих мальчиков, ответил: «Я ведь знаю, что вам это так же хорошо известно, как и мне», — и без всяких колебаний признал отмеченный факт»[97].

«На одном прокатном заводе, где номинальный рабочий день продолжается с 6 часов утра до $5^1/_2$ часов вечера, один мальчик

и теряют свою упругость, нервная сила вследствие отсутствия возбуждающих стимулов утрачивает свой тонус, и развитие всего, что находится в процессе роста, задерживается... Что касается детей, то для их здоровья особенно важен постоянный обильный приток дневного света и непосредственное действие солнечных лучей в продолжение некоторой части дня. Свет способствует переработке пищи в хорошую пластическую кровь и укрепляет новообразовавшиеся волокна. Он влияет также как возбудитель на зрительные органы и таким образом вызывает более интенсивную деятельность различных мозговых функций». Г-н В. Стрендж, главный врач «General Hospital» в Устере, из сочинения которого «О здоровье» (1864 г.) мы заимствуем этот отрывок, сообщает в письме к члену следственной комиссии г. Уайту: «Раньше я имел возможность наблюдать в Ланкашире влияние ночного труда на фабричных детей, и, вопреки обычному уверению некоторых работодателей, я решительно утверждаю, что этот труд скоро наносит ущерб здоровью детей» («Children's Employment Commission. 4th Report», 284, стр. 55). Одно то обстоятельство, что подобные вещи могут вообще служить предметом серьезного обсуждения, лучше всего доказывает, как влияет капиталистическое производство на «мозговые функции» капиталистов и их приспешников.

[95] Там же, 57, стр. XII.

[96] Там же (4th Report, 1865), 58, стр. XII.

[97] Там же.

работал четыре ночи еженедельно по меньшей мере до $8^1/_2$ часов вечера следующего дня... и так в продолжение 6 месяцев». «Другой, в девятилетнем возрасте, работал иногда три двенадцатичасовых смены подряд, а в десятилетнем возрасте — два дня и две ночи подряд». «Третий мальчик, которому теперь 10 лет, работал с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение трех ночей подряд и до 9 часов вечера в продолжение остальных ночей». «Четвертый, которому теперь 13 лет, работал целую неделю с 6 часов вечера до 12 часов следующего дня, а иногда три смены одну за другой, например с утра понедельника до ночи вторника». «Пятый, которому теперь 12 лет, работал на чугунолитейном заводе Стейвли с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение двух недель; он уже не способен продолжать такую работу». Джордж Эллинсворт, девяти лет: «Я пришел сюда в прошлую пятницу. Мы должны были начать работу на следующий день в три часа утра. Поэтому я оставался здесь всю ночь. Я живу в 5 милях отсюда. Спал на полу, подостлав кожаный фартук и прикрывшись короткой курткой. Следующие два дня я приходил в 6 часов утра. Да! Теплое местечко! До моего поступления сюда я целый год работал на доменном заводе. Это был очень большой завод в деревне. Моя работа тоже начиналась в субботу с 3 часов утра, но я мог, по крайней мере, уходить спать домой, так как жил недалеко. В другие дни я начинал работу с 6 часов утра, а оканчивал в 6 или 7 часов вечера» и т. д. [98].

Послушаем теперь, как сам капитал изображает эту 24-часовую систему. Он, конечно, обходит молчанием излишества этой

[98] Там же, стр. XIII. Уровень развития этих «рабочих сил» неизбежно должен быть таков, как он представляется в следующем диалоге с одним из членов следственной комиссии: Иеремия Хейнс, 12 лет: «...четырежды четыре восемь, но четыре четверки (4 fours) шестнадцать... Король для него тот, у кого все деньги и все золото (A king is him that has all the money and gold). У нас король; говорят, что он королева, ее называют принцессой Александрой. Говорят, что она вышла замуж за сына королевы. Принцесса — это мужчина». В. Тэрнер, двенадцати лет: «Я живу не в Англии. Полагаю, что такая страна существует, но ничего не знал о ней до сих пор». Джон Моррис, четырнадцати лет: «Я слышал, что бог сотворил мир и что весь народ утонул, кроме одного человека; я слышал, что этот человек был маленькая птичка». Вильям Смит, пятнадцати лет: «Бог сотворил мужчину; мужчина сделал женщину». Эдуард Тэйлор, пятнадцати лет: «Ничего не знаю о Лондоне». Генри Мэтьюмэн, семнадцати лет: «Несколько раз бывал в церкви... Одно имя, о котором они проповедуют, это некий Иисус Христос, но других имен я назвать не могу, да и о нем ничего не могу сказать. Он не был убит, а умер, как умирают все люди. Он отличался в некотором роде от других людей, так как в некотором роде был религиозен, а другие не религиозны» (He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways, and others isn't) (там же, 74, стр. XV). «Дьявол — доброе существо. Я не знаю, где он живет». «Христос был злой человек» («The devil is a good person. I don't know where he lives». «Christ was a wicked man»). «Эта девочка (10 лет) вместо God [бог] складывает Dog [собака] и не знала имени королевы» («Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, стр. 55, № 278). Та-

системы, злоупотребления ею в целях «жестокого и невероятного» удлинения рабочего дня. Он говорит лишь о системе в ее «нормальной» форме.

Вот что говорят гг. Нейлор и Виккерс, фабриканты стали, применяющие от 600 до 700 рабочих, из которых лишь 10% не достигло 18-летнего возраста, причем из числа этих последних лишь 20 мальчиков работают в ночной смене: «Мальчики совсем не страдают от жары. Температура, вероятно, достигает 86—90° [Фаренгейта; 30—32 градусов Цельсия]... В кузнечной и прокатной мастерских руки заняты посменно днем и ночью, напротив, во всех остальных мастерских труд исключительно дневной, от 6 часов утра до 6 часов вечера. В кузнечной работают от 12 часов до 12 часов. Некоторое число рук работает постоянно ночью, не переходя с ночного труда на дневной... Мы не находим, чтобы дневной и ночной труд оказывали различное влияние на здоровье (господ Нейлора и Виккерса?), и, вероятно, люди спят лучше, когда отдых наступает в одно и то же время, чем когда время отдыха меняется... Около 20 мальчиков моложе 18 лет работают в ночной смене... Мы не можем обойтись (not well do) без ночного труда мальчиков до 18-летнего возраста. Наше возражение — увеличение издержек производства. Искусные руки и руководителей

кая же система, как на упомянутых металлических мануфактурах, господствует на стекольных и бумажных фабриках. На бумажных фабриках, на которых бумага производится посредством машин, ночная работа существует, как общее правило, для всех процессов, кроме сортировки тряпья. В некоторых случаях ночную работу благодаря сменам безостановочно продолжают всю неделю, обыкновенно с ночи воскресенья до 12 часов ночи следующей субботы. Рабочий персонал, находящийся в дневной смене, работает еженедельно пять дней по 12 часов и один день — 18 часов, а находящийся в ночной смене — 5 ночей по 12 часов и одну ночь — 6 часов. В других случаях каждая смена работает в дни ломки смен по 24 часа и одна за другой попеременно. Одна смена работает 6 часов в понедельник и 18 в субботу, чтобы вышли полные 24 часа. В некоторых случаях введена промежуточная система, при которой все рабочие, занятые на бумагоделательных машинах, работают каждый день недели по 15—16 часов. «Эта система, — говорит член следственной комиссии Лорд, — как бы соединяет в себе все зло 12-часовой и 24-часовой систем смен. При этой системе ночной работы работают дети моложе 13 лет, подростки моложе 18 лет и женщины. Иногда при двенадцатичасовой системе им приходится работать двойную смену, 24 часа, чтобы заменить отсутствующих рабочих. Свидетельские показания обнаруживают, что мальчики и девочки очень часто оставляются на сверхурочные работы, которые нередко затягиваются до 24 и даже 36 часов непрерывного труда. В «непрерывном и изменчивом процессе» глазирования можно встретить двенадцатилетних девочек, которые работают целый месяц по 14 часов в сутки «без какого бы то ни было регулярного отдыха или перерыва в работе, кроме двух, самое большее трех получасовых перерывов для принятия пищи». На некоторых фабриках, где совсем отменена регулярная ночная работа, продолжительность сверхурочного времени достигает ужасающих размеров, и «это часто в самых грязных, совершающихся при раскаленной температуре и самых монотонных процессах» («Children's Employment Commission. 4th Report, 1865», стр. XXXVIII и XXXIX).

отделений находить не легко, мальчиков же можно достать сколько угодно... Конечно, принимая во внимание относительную незначительность числа занятых у нас мальчиков, ограничение ночного труда не имело бы для нас существенной важности или значения»[99].

Г-н Дж. Эллис, от фирмы гг. Джон Браун и К° стале- и железоделательных заводов, на которых занято 3 000 мужчин и подростков, причем часть тяжелых работ по выделке стали и железа производится «сменами днем и ночью», заявляет, что в трудных условиях стальных заводов на двух взрослых приходится один или два подростка. Их предприятие насчитывает 500 подростков до 18-летнего возраста и из них 170, или около $^1/_3$, моложе 13 лет. Относительно проектированного изменения в законе г. Эллис говорит: «Я не думаю, что было бы очень предосудительно (very objectionable), если бы воспретили заставлять лиц, не достигших 18-летнего возраста, работать более 12 часов в сутки. Но я не думаю, чтобы можно было привести какие-нибудь доказательства в пользу того, что при ночном труде можно обойтись без подростков старше 12 лет. Мы скорее приняли бы закон, воспрещающий вообще применение труда детей, не достигших 13-летнего или даже 15-летнего возраста, чем такой, который воспрещал бы ночной труд подростков, уже работающих у нас. Подростки, занятые в дневной смене, должны попеременно работать и в ночной смене, так как взрослые рабочие не могут непрерывно работать по ночам; это повлияло бы разрушающим образом на их здоровье. Однако мы полагаем, что ночной труд с промежутком в неделю не приносит вреда. (Господа Нейлор и Виккерс, защищая интересы своего предприятия, полагали, наоборот, что не беспрерывный, а как раз периодически сменяющийся ночной труд может принести вред.) Мы видим, что люди, занятые ночным трудом вперемежку с дневным, так же здоровы, как те, которые работают только днем... Мы возражаем против воспрещения ночного труда подростков моложе 18 лет потому, что это увеличило бы издержки, но в этом и есть единственное основание. (Какой наивный цинизм!) Мы думаем, что это увеличение издержек превысило бы то, что может выдержать предприятие (the trade) без вреда для своих успехов. (As the trade with due regard to etc. could fairly bear! Какая киселеобразная фразеология!) Труд здесь редок, а при таком регулировании он мог бы сделаться недостаточным» (т. е. Эллис, Браун и К° могли бы попасть в фатальное положение: полностью оплачивать стоимость рабочей силы)[100].

«Сталелитейные и железоделательные заводы «Циклоп» гг. Кэмелл и К° ведутся в таком же крупном масштабе, как предприятие вышеупомянутых Джон Браун и К°. Директор-распорядитель

---

[99] «Fourth Report etc. 1865», 79, стр. XVI.
[100] Там же, 80, стр. XVI.

вручил члену правительственной комиссии Уайту свои письменные свидетельские показания, но потом нашел целесообразным утаить рукопись, возвращенную ему для пересмотра. Однако г. Уайт обладает хорошей памятью. Он очень хорошо помнит, что для этих господ циклопов воспрещение ночного труда детей и подростков является «невозможною вещью; это было бы равносильно закрытию их заводов», и при всем том в их предприятии насчитывается немного более 6% подростков до 18 лет и лишь 1% моложе 13 лет!»[101]

Г-н Е. Ф. Сандерсон от фирмы Братья Сандерсон и К° сталелитейных, железопрокатных и кузнечных заводов в Эттерклифе следующим образом высказывается по тому же вопросу: «Большие затруднения повлекло бы за собою воспрещение ночного труда подростков моложе 18 лет; главное затруднение в увеличении издержек, к которому по необходимости повела бы замена детского труда трудом взрослых мужчин. Я не сумел бы сказать, во что обошлось бы это, но, вероятно, увеличение издержек не было бы настолько значительным, чтобы фабрикант мог повысить цену стали, а следовательно, убыток пал бы на него, так как рабочие (что за упрямый народ!), конечно, отказались бы его нести». Г-н Сандерсон не знает, сколько он платит детям, но, «вероятно, это составляет от 4 до 5 шилл. на душу в неделю... Труд мальчиков таков, что для него вообще («generally», конечно, не всегда «в частности») совершенно достаточно силы подростков, а потому бо̀льшая сила взрослых рабочих не дала бы никакой выгоды, которая могла бы компенсировать потери, или это наблюдалось бы лишь в немногих случаях, когда приходится иметь дело с очень тяжелым металлом. Взрослым рабочим, в свою очередь, не улыбалось бы, если бы они не имели в своем распоряжении мальчиков, так как взрослые мужчины менее послушны. Кроме того мальчикам следует начинать работу с раннего возраста, чтобы изучить дело. Ограничение труда подростков исключительно дневным трудом препятствовало бы достижению этой цели». Но почему же? Почему подростки не могли бы изучать своего «ремесла» днем? Ваши основания? «Потому, что взрослые рабочие, работающие попеременно неделю днем, другую неделю ночью, отделяемые от подростков своей смены в течение всего этого времени, теряли бы половину той выгоды, которую они могли бы из них извлечь. А именно, то руководство, которое получают от них подростки, учитывается как часть заработной платы последних, и это дает взрослым рабочим возможность дешевле получать труд подростков. Каждый взрослый рабочий потерял бы половину своей прибыли». Другими словами: господа Сандерсоны должны были бы уплачивать соответствующую часть заработной платы взрослых рабочих из собственного кармана, вместо того чтобы

[101] «Fourth Report etc. 1865», 82, стр. XVII.

уплачивать ее ночным трудом подростков. Прибыль господ Сандерсонов при этом несколько понизилась бы, и это служит для Сандерсонов хорошим основанием, почему подростки не должны изучать свое ремесло днем[102]. Кроме того это взвалило бы регулярный ночной труд целиком на плечи взрослых, которые теперь сменяются подростками, и они не выдержали бы этого. Коротко говоря, затруднения были бы настолько велики, что они привели бы, по всей вероятности, к совершенному уничтожению ночного труда. «Что касается собственно производства стали, — говорит Е. Ф. Сандерсон, — то это не составило бы никакой разницы, но!..» Но господам Сандерсонам есть о чем позаботиться кроме производства стали. Производство стали — это только предлог для производства прибыли. У плавильных печей, прокатных мастерских и т. д., у строений, машин, железа, угля и т. д. есть дело поважнее, чем превращаться в сталь. Они существуют для того, чтобы высасывать прибавочный труд, а высосут они его, конечно, больше в 24 часа, чем в 12 часов. В самом деле, по законам божеским и человеческим обладание ими дает Сандерсонам право на рабочее время известного числа рук в течение полных суток; они утрачивают свой характер капитала и потому представляют для Сандерсонов чистый убыток, как только прерывается их функция высасывания труда. «Но в таком случае произошла бы потеря вследствие того, что очень дорогие машины половину времени бездействовали бы, и мы были бы принуждены удвоить размер помещений и количество машин для того, чтобы произвести такое же количество продуктов, какое мы в состоянии произвести при теперешней системе, а это удвоило бы издержки». Но почему как раз эти Сандерсоны заявляют притязание на привилегию по сравнению с другими капиталистами, которым позволено работать только днем и у которых строения, машины, сырой материал ночью «бездействуют»? «Это правда, — отвечает Е. Ф. Сандерсон от лица всех Сандерсонов, — это правда, что потеря, происходящая вследствие бездействия машин, распространяется на все предприятия, в которых работают только днем. Но применение плавильных печей повело бы в нашем случае к экстраординарным потерям. Если их поддерживать в ходу, растрачивается топливо (вместо жизни рабочих, которая растрачивается в настоящее время), если же их не поддерживать в ходу, то теряется время на то, чтобы вновь развести огонь и получить необходимую температуру

---

[102] В наше богатое рефлексией и резонирующее время человек, который не умеет указать хорошего основания для всего что угодно, даже для самых дурных и превратных мыслей и поступков, должен быть уже очень недалеким. Все, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях (*Hegel:* «Encyklopädie». Часть I. «Die Logik». Berlin 1840, стр. 249). [*Гегель:* «Энциклопедия философских наук». Часть первая. «Логика». Отдел второй, § 121. Госиздат. 1929 г., стр. 212.]

(тогда как потеря даже восьмилетними детьми времени сна является выигрышем рабочего времени для всей сандерсоновской братии), да и сами печи пострадали бы от перемен температуры» (тогда как те же печи нисколько не страдают от дневной и ночной смены труда) [103].

5. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ОБ УДЛИНЕНИИ РАБОЧЕГО ДНЯ С ПОЛОВИНЫ XIV ДО КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ.

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? До каких пределов может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для

---

[103] «Children's Employment Commission. 4th Report etc.», 1865, 85, стр. XVII. На подобные же деликатные рассуждения одного из господ стеклозаводчиков, будто установление «регулярного времени для обеда» детей невозможно, так как это повело бы «к чистой потере» и «расточению» определенного количества теплоты, излучаемой печами, член следственной комиссии Уайт, совершенно не похожий на Юра, Сениора и т. д. и на их жалких немецких подголосков вроде Рошера и других, растроганных «воздержанием», «самоотречением» и «бережливостью» капиталистов в расходовании своих денег и их тимур-тамерлановской «расточительностью» в расходовании человеческой жизни, дает такой ответ: «Если и будет растрачиваться некоторое излишнее количество теплоты по сравнению с теперешним вследствие того, что будет обеспечено регулярное обеденное время, то такая растрата, даже выраженная в денежной стоимости, не идет ни в какое сравнение с расточением жизненной силы («the waste of animal power»), которое терпит теперь королевство вследствие того, что дети, занятые на стекольных заводах и находящиеся в периоде роста, не имеют свободного времени, чтобы спокойно принять и переварить пищу» (там же, стр. XLV). И это в «год процветания», 1865! Мы не говорим уже о том, какая затрата силы требуется на то, чтобы поднимать и переносить тяжести: на заводах, выделывающих бутылки и флинтглас, ребенок, непрерывно совершая свою работу, должен сделать в продолжение 6 часов 15—20 (английских) миль! А работа продолжается часто 14—15 часов! На многих из стекольных заводов господствует такая же система шестичасовых смен, как на московских прядильнях. «В продолжение недельного рабочего времени самый продолжительный непрерывный отдых продолжается 6 часов. Но отсюда следует вычесть время, необходимое для того, чтобы дойти до фабрики и обратно, умыться, одеться, принять пищу, а все это требует времени. Таким образом, в действительности остается лишь самое непродолжительное время для отдыха. Если не урывать времени у сна, то некогда поиграть и подышать свежим воздухом, что так необходимо детям, занятым таким напряженным трудом в столь горячей атмосфере... Но и короткий сон ребенка нарушается ночью заботой о том, чтобы не проспать на работу, днем — доходящим извне шумом. Г-н Уайт приводит случаи, когда один подросток работал 36 часов без перерыва, когда двенадцатилетние мальчики работают до 2-х часов ночи, а затем спят на заводе до 5 часов утра (3 часа!), чтобы затем снова приняться за дневную работу! «Количество работы, — говорят редакторы общего отчета Тременхир и Тэфнель, — выполняемое мальчиками, девочками и женщинами во время дневной или ночной смены (spell of labour), прямо баснословно» (там же, стр. XLIII и XLIV). А между

воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полные 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собою разумеется, что рабочий всю свою жизнь без изъятия есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву представляет рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране святителей субботы[104], — то все это один пустой вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает обеденное время и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить вконец истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей

тем «преисполненный самоотречения» капитал стеклопромышленности, пошатываясь от портвейна, возвращается, быть может, поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: «Britons never, never, shall be slaves!» [Нет, никогда не будут британцы рабами!]

[104] В различных местах Англии, напр., до сих пор еще нет, нет да и приговорят какого-нибудь рабочего к тюремному заключению за то, что, работая в садике перед своим домом, он оскорбляет святость субботы. Тот же самый рабочий наказывается за нарушение контракта, если не пойдет в воскресенье, хотя бы и по религиозным мотивам, на какую-нибудь металлургическую, бумажную или стекольную фабрику. Ортодоксальный парламент глух к оскорблению святости субботы, если таковое совершается в «процессе возрастания стоимости» капитала. В одной записке (август 1863 г.), в которой лондонские поденщики, занятые в торговле рыбой и птицей, требуют отмены воскресного труда, говорится, что их труд продолжается в первые 6 дней недели в среднем по 15 часов ежедневно, а в воскресенье 8—10 часов. Из той же записки видно, что этот «воскресный труд» поощряется как раз изысканным гурманством аристократических святош из Экзетер Холла. Эти «святители», столь ревностные «in cute curanda» [в заботах о своем физическом благополучии], проявляют свою христианскую душу в том смирении, с которым они переносят чрезмерный труд, лишения и голод третьих лиц. Obsequium ventris istis (рабочим) perniciosius est [чревоугодие для них (рабочих) много пагубнее].

силы определяет здесь границы рабочего дня, а, наоборот, возможно бо̀льшая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к истощению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы[105]. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путем сокращения продолжительности его жизни.

Но стоимость рабочей силы заключает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса. Таким образом, если противоестественное удлинение рабочего дня, которого домогается капитал в своем безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение сношенных рабочих сил, т. е. в воспроизводство рабочей силы должны входить более крупные издержки снашивания; совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее снашивается машина. Поэтому, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Вместе с рабом он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке. Но «какое фатально-разрушительное влияние ни оказывали бы рисовые поля Георгии и болота Миссисипи на человеческий организм, тем не менее это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы его нельзя было возместить из обильных рассадников негров в Виргинии и Кентукки. Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина

[105] «В предыдущих отчетах мы дали отзывы различных опытных фабрикантов относительно того, что чрезмерный труд... несомненно ведет к преждевременному истощению человеческой рабочей силы» (Children's Employment Commission. 4th Report, 1865», 64, стр. XIII).

с сохранением раба, по введении торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, если его можно возместить новым рабом, привезенным из чужих рассадников негров, продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность в то время, пока она продолжается. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно бо̀льшую массу труда в возможно меньший промежуток времени. Как раз в странах тропической культуры, в которых годовая прибыль часто равняется всему капиталу плантаций, жизнь негров приносится в жертву наиболее беспощадным образом. Земледелие Вест-Индии, уже в течение нескольких столетий колыбель баснословных богатств, поглотило миллионы людей африканской расы. И в наше время на Кубе, где доходы считаются миллионами, где плантаторы являются князьями, значительная часть рабов ежегодно прямо истребляется вследствие не только крайней грубости пищи и непрерывного изнурительного мучительства, но и вследствие медленного истязания чрезмерным трудом и недостатком сна и отдыха»[106].

Mutato nomine de te fabula narratur! [Под другим именем о тебе рассказывается эта история!] Заменим торговлю невольниками рабочим рынком, Кентукки и Виргинию — Ирландией и земледельческими округами Англии, Шотландии и Уэльса, Африку — Германией! Мы видели, как опустошает чрезмерный труд ряды лондонских пекарей, тем не менее лондонский рабочий рынок всегда переполнен немецкими и другими кандидатами на смерть в пекарном промысле. Гончарное производство, как мы видели, одна из отраслей промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочих. Но наблюдается ли из-за этого недостаток в гончарах? Джозай Уэджвуд, изобретатель современного гончарного производства, сам по происхождению обыкновенный рабочий, заявил в 1785 г. перед палатой общин, что все производство занимает от 15 до 20 тысяч человек[107]. В 1861 г. население одних городских центров этой промышленности в Великобритании составляло 101 302 человека. «Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет... В период времени, соответствующий трем поколениям английской расы, она пожрала девять поколений хлопчатобумажных рабочих»[108]. Правда, в отдельные эпохи лихорадочного подъема рынок труда обнаруживал серьезный недостаток предложения рабочей силы. Так было, напр., в 1834 г. Но тут господа фабриканты предложили Poor Law Commissioners [учреждениям

[106] *J. E. Cairnes:* «The Slave Power». London 1862, стр. 110, 111.

[107] *John Ward:* «The Borough of Stoke-upon-Trent etc.». London 1843, стр. 42.

[108] Речь Феррэнда в палате общин 27 апреля 1863 г.

о бедных] направлять «избыток населения» земледельческих округов на север, заявив, «что оно будет поглощено и потреблено фабрикантами»[109]. Таковы были их подлинные слова. «С согласия Poor Law Commissioners были посланы агенты в Манчестер. Были изготовлены и вручены этим агентам списки земледельческих рабочих. Фабриканты бросились в бюро, и после того как они выбрали себе то, что им требовалось, целые семьи были отправлены с юга Англии. Эти человеческие грузы были доставлены с ярлыками, подобно тюкам товаров, по каналам и в фурах; некоторые прибыли пешком, многие сбились с пути и полуголодные бродили по мануфактурным округам. Это приняло размеры настоящей отрасли торговли. Палата общин сочтет это почти невероятным. Такая регулярная торговля, такое барышничество человеческим мясом продолжались непрерывно, и люди покупались и продавались манчестерскими агентами манчестерским фабрикантам столь же регулярно, как негры продаются плантаторам хлопка в южных штатах... 1860 год является кульминационным пунктом хлопчатобумажной промышленности... Снова недоставало рабочих рук. Фабриканты снова обратились к агентам по продаже человеческого мяса... и последние обшарили все дюны Дорсета, холмы Девона, равнины Уильтса, но избыток населения был уже пожран». «Bury Guardian» горько жаловался, что, по заключении англо-французского торгового договора, могло бы быть поглощено 10 тысяч добавочных рук, а вскоре их потребовалось бы еще 30—40 тысяч. После того как агенты и субагенты, занятые торговлей человеческим мясом, довольно-таки безуспешно обшарили в 1860 г. земледельческие округа, депутация фабрикантов обратилась к г. Вилльерсу, председателю Poor Law Board [высшего учреждения по делам о бедных], с просьбой снова разрешить им брать на фабрики сирот и детей бедняков из работных домов[110].

---

[109] «Оно будет поглощено и потреблено фабрикантами. Буквально так звучало заявление хлопчатобумажных фабрикантов» (там же).

[110] Там же. Несмотря на всю свою предупредительность по отношению к фабрикантам, Вилльерс был поставлен «законом» в необходимость отказать их домогательствам. Однако эти господа достигли своей цели благодаря услужливости местных попечительств о бедных. Фабричный инспектор г А. Редгрейв уверяет, что на этот раз «система», при которой сироты и дети пауперов «по закону» считаются учениками (apprentices), «не сопровождалась прежними злоупотреблениями». (Об этих «злоупотреблениях» см. *Engels:* «Die Lage der arbeitenden Klasse in England». Leipzig 1845 [*Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III]), — хотя, конечно, в одном случае «злоупотребление системой было допущено по отношению к девочкам и молодым женщинам, доставленным из земледельческих округов Шотландии в Ланкашир и Чешир». «Система» состоит в том, что фабрикант заключает с администрацией домов для призрения бедных контракт на определенный срок. Он обязан доставлять детям пищу, одежду и жилище и давать им небольшую приплату деньгами. Странно звучит следующее замечание г. Редгрейва, особенно если принять во внимание, что даже среди годов процветания английской хлопчатобумажной промышленности

В общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в увеличении своей стоимости, хотя перенаселение это и составляется из захиревших, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений[111]. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать,

1860 г. стоит особняком и что заработная плата достигла необычно высокого уровня, так как чрезвычайный спрос на рабочих столкнулся с уменьшением населения Ирландии, беспримерной эмиграцией из английских и шотландских земледельческих округов в Австралию и Америку, с положительным уменьшением населения в некоторых английских земледельческих округах, что было отчасти следствием успешно достигнутого подрыва жизненной силы, отчасти же следствием того, что торговцы человеческим мясом уже использовали все избыточное население. И, несмотря на все это, г. Редгрейв говорит: «Тем не менее труд этого рода (труд детей из домов для призрения бедных) применяется лишь тогда, когда нельзя найти никакого другого, так как он дорог (high-priced labour). Обычная заработная плата подростка от 13 лет равняется приблизительно 4 ш. в неделю; но дать пищу, одежду и жилище 50 или 100 таким подросткам, обеспечить им врачебную помощь и надлежащий надзор, да сверх того давать им маленькую приплату деньгами, — для этого 4 ш. на человека в неделю недостаточно» («Reports of the Insp. of Factories for 30th April 1860», стр. 27). Господин Редгрейв забывает сказать, каким образом сам рабочий может доставить все это своим детям на их заработную плату в 4 ш., раз фабрикант не в состоянии этого делать для 50 или 100 мальчиков, которые живут вместе и пользуются общим содержанием и надзором. Во избежание ложных заключений, которые могут быть сделаны на основании текста, я должен еще заметить, что со времени подчинения английской хлопчатобумажной промышленности фабричному акту 1850 г., который урегулировал рабочий день и т. д., ее следует рассматривать как образцовую промышленность Англии. Английский хлопчатобумажный рабочий стоит во всех отношениях выше своего континентального сотоварища по судьбе. «Прусский фабричный рабочий работает по меньшей мере на 10 часов в неделю больше, чем его английский соперник, а если он работает у себя на дому на своем собственном ткацком станке, то отпадает и эта граница добавочных рабочих часов» («Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1855», стр. 103). Упомянутый выше фабричный инспектор Редгрейв после промышленной выставки 1851 г. отправился на континент, в частности во Францию и Пруссию, чтобы исследовать фабричные порядки этих стран. Вот что говорит он о прусском фабричном рабочем: «Он получает заработную плату, достаточную для приобретения той простой пищи и того крошечного комфорта, к которым он привык и которыми довольствуется... Живет он хуже и работает больше, чем его английский собрат» («Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1853», стр. 85).

[111] «От чрезмерной работы люди умирают с удручающей быстротой; но места погибающих тотчас заполняются снова, и частая смена лиц не производит никакого изменения на сцене» («England and America». London 1833, т. I, 55; автор — Э. Г. Уэкфильд).

несмотря на свежий воздух и безграничное господство среди них principle of natural selection [принципа естественного отбора], благодаря которому выживают лишь наиболее сильные индивидуумы[112]. Если капитал имеет столь «хорошие основания» отрицать страдания современного поколения рабочих, то перспектива будущего вырождения человечества, т. е., в конце концов, неизбежного его вымирания, так же мало влияет на его практическую деятельность, как соображения относительно возможности падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. Après moi le déluge! [После меня хоть потоп!] — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению[113]. На жалобы относительно физического и духовного искалечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. В свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон[114].

---

[112] См. «Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council, 1863». Опубликовано в Лондоне в 1864 г. Этот отчет трактует как раз о земледельческих рабочих. «Графство Сэтерленд изображали как такое, в котором сделаны серьезные улучшения, однако недавнее обследование показало, что в округах этого графства, когда-то столь славившихся красотою мужчин и храбростью солдат, население выродилось в худосочную и захиревшую расу. В наиболее здоровых приморских местностях, расположенных по склонам холмов, лица детей так худы и бледны, как могли бы они быть только в гнилой атмосфере какого-нибудь лондонского закоулка» (*Thornton:* «Overpopulation and its Remedy». London 1846, стр. 74, 75). Они в сущности похожи на те 30 000 «gallant Highlanders» [«бравых горцев»], которых Глазго сбивает в одну кучу вместе с проститутками и ворами в своих wynds и closes [трущобах и вертепах].

[113] «Хотя здоровье населения является столь важным элементом национального капитала, к сожалению придется, кажется, признать, что капиталисты совсем не расположены хранить и ценить это сокровище... Внимание к здоровью рабочих было у фабрикантов вынуждено» («Times», 5 ноября 1861 г.). «Мужчины Вест Райдинга превратились в суконщиков для всего человечества... Здоровье рабочего населения было принесено в жертву, и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не наступила реакция. Часы детского труда были ограничены и т. д.» («Report of the Registrar General for October 1861»).

[114] Поэтому мы видим, напр., что в начале 1863 г. 26 фирм, владеющих обширными гончарнями в Стаффордшире, в том числе и Д. Уэджвуд с сыновьями, в особом меморандуме ходатайствуют «о властном вмешательстве государства». «Конкуренция с другими капиталистами» не позволяет им произ-

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы обнаруживаются два противоположных течения. Сравним, напр., английское фабричное законодательство нашего времени с английскими рабочими статутами начиная с XIV и до половины XVIII века[115]. В то время как современный фабричный закон насильственно сокращает рабочий день, эти статуты стремятся насильственно его удлинить. Но и то сказать, притязания капитала в эмбриональном состоянии, когда он еще только возникает и, следовательно, свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда обеспечивает пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти, — эти притязания представляются до чрезвычайности скромными, если сопоставить их с теми уступками, которые он, ворча и сопротивляясь, должен делать в зрелом возрасте. Понадобились века для того, чтобы «свободный» рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями, продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, даже самую работоспособность, — продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки. Поэтому весьма естественно, что то удлинение рабочего дня, к которому капитал при посредстве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с половины XIV до конца XVII века, совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX века кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал. То, что теперь,

---

вести какого бы то ни было «добровольного» ограничения рабочего времени детей и т. д. «Сколько бы мы ни сетовали поэтому на упомянутое выше зло, его невозможно было бы устранить посредством какого-нибудь соглашения фабрикантов между собою... Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к тому убеждению, что необходим принудительный закон» («Children's Employment Commission. 1st Report, 1863», стр. 322).

Добавление к примечанию 114. Еще более разительный пример дает нам самое недавнее прошлое. Высокие цены хлопка в период лихорадочного хода дел побудили владельцев хлопчатобумажных ткацких фабрик в Блэкбэрне по взаимному соглашению между ними сократить на своих фабриках рабочее время на известный срок. Срок этот истек приблизительно в конце ноября (1871 г.). Между тем более богатые фабриканты, у которых прядение соединялось с ткачеством, использовали сокращение производства, обусловленное этим соглашением, для того, чтобы расширить свое собственное дело и извлечь таким образом большие барыши за счет мелких предпринимателей. Последние в таких затруднительных обстоятельствах обратились к фабричным рабочим, призывая их серьезно заняться агитацией за девятичасовой рабочий день и обещая им денежную помощь для этой цели!

[115] Эти рабочие статуты, которые мы находим одновременно и во Франции, Нидерландах и т. д., были формально отменены в Англии лишь в 1813 г., уже после того, как они были давно устранены самими производственными отношениями.

напр., в штате Массачузеттс, до недавнего времени самом свободном штате североамериканской республики, объявлено законным пределом труда детей моложе 12 лет, в Англии еще в половине XVII века было нормальным рабочим днем цветущих здоровьем ремесленников, дюжих земледельческих батраков и богатырей-кузнецов[116].

Непосредственным поводом к изданию первого «Statute of Labourers» [«Рабочего статута»] (23, Эдуард III, 1349) (не причиной, потому что законы подобного рода издаются на протяжении целых столетий, несмотря на то, что этот повод исчез) послужила великая чума, настолько уменьшившая население, что, по словам одного писателя-тори, «трудность найти рабочих по разумным ценам (т. е. по ценам, которые оставляли бы их хозяевам разумное количество прибавочного труда) поистине стала невыносима»[117]. Поэтому закон начал принудительно диктовать разумную заработную плату, равно как и пределы рабочего дня. Последний пункт, который нас здесь только и интересует, принудительное установление рабочего дня, повторен в статуте 1496 г. (при Генрихе VII). Рабочий день всех ремесленников (artificers) и земледельческих рабочих с марта до сентября должен был продолжаться — чего, однако, так и не удалось провести на практике — с 5 часов утра до 7—8 часов вечера, но при этом время, назначенное на еду, составляло 1 час на завтрак, $1^1/_2$ часа на обед и в 4 часа дня еще полчаса на еду, т. е. как раз вдвое больше того, что назначает действующий в настоящее время фабричный акт[118]. Зимой работа

---

[116] «Ни один ребенок моложе 12-летнего возраста не должен работать в каком бы то ни было мануфактурном учреждении более 10 часов в сутки» («General Statutes of Massachusetts», 63, гл. 12). (Постановления эти были изданы в 1836—1858 гг.) «Труд в продолжение десяти часов в сутки на всех хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых, бумажных, стекольных, полотняных фабриках и на заводах железных и медных изделий должен рассматриваться как установленный законом дневной труд. Предписывается также, чтобы отныне ни одного малолетнего, работающего на какой-либо фабрике, не удерживали за работой или не принуждали к работе более 10 часов в день или 60 часов в неделю и чтобы отныне ни один малолетний, не достигший 10-летнего возраста, не принимался в качестве рабочего на какие бы то ни было фабрики в пределах этого штата» («State of New-Jersey. An act to limit the hours of labour etc.», § 1 и 2. Закон 11 марта 1851 г.). «Воспрещается заставлять работать в каком бы то ни было промышленном предприятии малолетних 12—15-летнего возраста более 11 часов в сутки, притом ранее 5 часов утра и позже $7^1/_2$ часов вечера» («Revised Statutes of the State of Rhode Island etc.», гл. 139, § 23, 1 июля 1857 г.).

[117] «Sophisms of Free Trade», 7-е изд., London 1850, стр. 205. Тот же тори, впрочем, добавляет: «Парламентские акты, регулировавшие заработную плату в ущерб рабочим и в пользу нанимателей труда, сохранялись в течение долгого периода продолжительностью в 464 года. Население возросло. Законы эти стали теперь излишними и обременительными» (там же, стр. 206).

[118] По поводу этого статута Дж. Уэйд справедливо замечает: «Из статута 1496 г. следует, что расход на пищу считался эквивалентным $^1/_3$ дохода ремесленника и $^1/_2$ дохода земледельческого рабочего, а это показывает, что

должна была продолжаться с теми же перерывами от 5 часов утра до сумерок. Статут Елизаветы от 1562 г. для всех рабочих, «нанятых как поденно, так и понедельно», не изменяет продолжительности рабочего дня, но старается ограничить время перерывов $2^1/_2$ часами для лета и 2 часами для зимы. Обед должен продолжаться только один час, а «получасовой послеобеденный сон» разрешается лишь с половины мая и до половины августа. За каждый час отлучки вычитается из заработной платы 1 пенни. Однако на практике условия были много благоприятнее для рабочих, чем по статутам. Вильям Петти, отец политической экономии и в некотором роде изобретатель статистики, говорит в одном сочинении, опубликованном им в последней трети XVII века: «Рабочие (labouring men, в то время собственно земледельческие рабочие) работают по 10 часов в сутки и едят 20 раз в неделю, а именно три раза в день по будням и два по воскресеньям; отсюда ясно, что если бы они захотели попоститься в пятницу вечером и употреблять на обед $1^1/_2$ часа, тогда как теперь они употребляют на него 2 часа, от 11 до 1 часа, т. е. если бы они на $^1/_{20}$ времени больше работали и на столько же меньше потребляли, то этого было бы достаточно для того, чтобы покрыть $^1/_{10}$ часть упомянутого выше налога»[119]. Не прав ли был доктор Эндрю Юр, когда он кричал, что двенадцатичасовой билль 1833 г. представляет возврат к мраку прошлого? Конечно, постановления статутов и те, о которых упоминает Петти, распространяются и на «apprentices» (учеников). Но как именно обстояло дело с детским трудом еще в конце XVII века, об этом можно судить по следующей жалобе: «Наши юноши в Англии ничего не делают до самого того времени, когда поступают в ученики; вследствие этого им требуется, конечно, много времени — семь лет — для того, чтобы сделаться хорошими ремесленниками». Германия, напротив, расхваливается за то, что там дети с колыбели хоть «немного приучаются к работе»[120].

в то время положение рабочих было более независимым, чем теперь, когда пища земледельческих и мануфактурных рабочих составляет более крупную часть их заработной платы» (*J. Wade:* «History of the Middle and Working Classes», 3-е изд., London 1835, стр. 24,25, 577). Что касается мнения, будто бы эта разница объясняется разницей между ценою пищи и одежды теперь и тогда, то оно опровергается самым поверхностным знакомством с «Chronicon Preciosum etc.». By Bishop Fleetwood. 1-е изд. London 1707, 2-е изд. London 1745.

[119] *W. Petty:* «Political Anatomy of Ireland», 1672, изд. 1691, стр. 10.

[120] «A Discourse of the Necessity of Encouraging Mechanic Industry». London 1690, стр. 13. Маколей, подделавший английскую историю в интересах вигов и буржуазии, пускается в следующие декламации: «Обычай преждевременно засаживать детей за работу... господствовал в XVII веке в почти невероятной для тогдашнего состояния промышленности степени. В Норвиче, главном центре шерстяной промышленности, шестилетний ребенок считался работоспособным. Различные писатели того времени — между ними многие почитались в высшей степени благомыслящими — с «exultation» (восторгом)

Еще в продолжение большей части XVIII века, до эпохи крупной промышленности, английскому капиталу не удавалось, уплачивая недельную стоимость рабочей силы, захватить всю неделю рабочего, — исключение составляют, впрочем, сельскохозяйственные рабочие. То обстоятельство, что рабочие могли просуществовать целую неделю на четырехдневную заработную плату, не представлялось им достаточным основанием для того, чтобы работать на капиталиста и остальные два дня. Английские экономисты одного направления, состоявшие на службе у капитала, самым неистовым образом нападали на рабочих за такое упрямство; экономисты другого направления защищали рабочих. Послушаем, напр., полемику между Постлтвейтом, торговый словарь которого пользовался в то время такою же славой, как в настоящее время аналогичные сочинения Мак Куллоха и Мак Грегора, и цитированным выше автором «Essay on Trade and Commerce»[121].

упоминают о том, что в этом городе трудом одних мальчиков и девочек создается богатство, составляющее сверх их собственного содержания 12 000 ф. ст. в год. Чем обстоятельнее изучаем мы историю прошлого, тем более оснований находим не соглашаться с мнением тех, кто считает наш век чреватым новыми социальными бедствиями... Что ново, так это образованность, вскрывающая эти бедствия, да гуманность, исцеляющая их» («History of England», т. I, стр. 417). Маколей мог бы также порассказать о том, что «в высшей степени благомыслящие» amis du commerce [друзья торговли] XVII века с «exultation» [восторгом] повествуют о том, как в одном доме для призрения бедных в Голландии заставили работать 4-летнего ребенка, причем этот пример «vertu mise en pratique» [«добродетели, примененной на практике»] фигурирует во всех сочинениях представителей гуманности à la [типа] Маколей до времени А. Смита. Правда, с возникновением мануфактуры, в отличие от ремесла, появляются признаки эксплуатации детей, которая до известной степени издавна существовала у крестьян и получала тем большее развитие, чем тяжелее был гнет, тяготеющий над земледельцем. Тенденция капитала ясна, но сами факты носят еще такой же исключительный характер, как появление на свет двуголовых детей. Поэтому-то, исполненные предчувствия будущего, «amis du commerce» [«друзья торговли»] с «exultation» [восторгом] изображали эти факты в назидание современникам и потомству как нечто особенно замечательное и достойное удивления и рекомендовали их для подражания. Тот же самый шотландский сикофант и краснобай Маколей говорит: «В настоящее время мы слышим только о регрессе, видим же мы только прогресс». Что за глаза, а главное, что за уши!

121 Наиболее злостным из всех обвинителей рабочих является упомянутый в тексте анонимный автор «An Essay on Trade and Commerce: containing Observations on Taxes etc.». London 1770. Еще раньше он выступил таковым в своем сочинении «Consideration on Taxes». London 1765. Сюда же следует отнести и Полония — Артура Юнга, невыразимого болтуна в статистике. Среди защитников рабочих выделяются: Джекоб Вандерлинт в «Money answers all Things», London 1734; пастор Натэниель Форстер, доктор богословия, в «An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London 1767; д-р Прайс и особенно Постлтвейт — как в одном прибавлении к его «Universal Dictionary of Trade and Commerce», так и в «Great Britain's Commercial Interest explained and improved», 2-е изд., London 1775. Самые факты констатируют многие другие писатели того времени, между прочим Джозай Тэккер.

Постлтвейт говорит между прочим: «В заключение этих немногих замечаний я не могу не обратить внимания на пошлую фразу, которую приходится слышать от слишком многих, будто бы рабочий (industrious poor), раз он может в течение 5 дней заработать достаточно для своего существования, не захочет работать полных 6 дней. Поэтому приходят к заключению, что необходимо при помощи налогов или какими-либо иными способами удорожить даже необходимые средства к жизни, чтобы принудить ремесленников и мануфактурных рабочих к непрерывному труду в течение шести дней в неделю. Я должен попросить позволения придерживаться иного мнения, чем эти великие политики, которые ломают копья за вечное рабство рабочего населения этого королевства («the perpetual slavery of the working people»); они забывают поговорку «all work and no play» (работа, не чередуясь с игрой, притупляет). Не гордятся ли англичане одаренностью и искусством своих ремесленников и мануфактурных рабочих, которые до сих пор обеспечивали британским товарам всеобщий кредит и славу? Чему обязаны мы этим? По всей вероятности, не чему иному, как тому способу, которым наш рабочий народ, жизнерадостный по своему характеру, умеет развлекаться. Если бы они были принуждены работать сплошь целый год, все шесть дней в неделю, исполняя изо дня в день одну и ту же работу, разве это не притупило бы их способностей и не превратило бы их из бодрых и ловких в тупых и апатичных; и не лишились ли бы наши рабочие под гнетом такого вечного рабства своей репутации, могли ли бы они сохранить ее?.. Какого искусства можно было бы ожидать от столь жестоко замученных животных (hard driven animals)?..Многие из них выполняют в 4 дня такое количество работы, какое француз выполнит лишь в 5 или 6 дней. Но если англичане должны обратиться в рабочих, подавленных вечным трудом, то можно опасаться, что они выродятся (degenerate) еще больше, чем французы. Если народ наш славится своей военной доблестью, то разве мы не скажем, что обязаны этим, с одной стороны, хорошему английскому ростбифу и пуддингу, которые служат ему пищей, а с другой стороны, и не в меньшей степени, нашему конституционному духу свободы? Да и почему бы бóльшая степень способностей, энергии и искусства наших ремесленников и мануфактурных рабочих не была обязана своим происхождением той свободе, с которой они по-своему развлекаются? Я надеюсь, что они никогда не лишатся ни этих привилегий, ни тех хороших условий существования, из которых одинаково проистекают как их искусство в работе, так и их мужество» [122].

На это автор «Essay on Trade and Commerce» дал следующий ответ:

---

[122] *Postletwayt.* Там же. «First Preliminary Discourse», стр. 14.

«Если празднование седьмого дня недели считается божественным установлением, то этим предполагается, что остальные дни недели принадлежат труду (он, как мы это сейчас увидим, хочет сказать: капиталу), и насильственное принуждение к тому, чтобы эта божественная заповедь исполнялась, нельзя называть жестокостью... Что человечество в общем от природы питает склонность к покою и лени, в этом нас убеждает роковой опыт, почерпнутый из поведения нашей мануфактурной черни, которая работает в среднем не более 4 дней в неделю, за исключением случаев вздорожания жизненных средств... Предположим, что бушель пшеницы представляет все средства жизни рабочего, что он стоит 5 ш. и что рабочий зарабатывает своим трудом один шиллинг в день. В таком случае ему приходится проработать всего 5 дней в неделю и всего 4 дня, если бушель стоит 4 ш. Но так как в этом королевстве заработная плата много выше по сравнению с ценой средств жизни, то у мануфактурного рабочего, который проработал 4 дня, имеется денежный излишек, на который он может остаток недели прожить в праздности... Надеюсь, мною сказано достаточно для того, чтобы выяснить, что умеренный труд в течение 6 дней в неделю не есть рабство. Наши земледельческие рабочие работают как раз 6 дней в неделю, и по всем признакам — это счастливейшие из рабочих (labouring poor)[123]; голландцы по стольку же дней работают в мануфактурах, и, повидимому, — очень счастливый народ. Французы поступают так же, поскольку этому не препятствуют многочисленные праздники, которыми прерываются рабочие дни...[124] Но наша чернь крепко вбила себе в голову мысль, будто ей, как англичанам по праву рождения, принадлежит привилегия пользоваться большею свободою и независимостью, чем (рабочему народу) в какой-либо другой европейской стране. Поскольку эта идея оказывает влияние на мужество наших солдат, она, быть может, приносит некоторую пользу; но чем менее заражены ею мануфактурные рабочие, тем лучше для них самих и для государства. Рабочим никогда не следовало бы считать себя независимыми от своих начальников («independent of their superiors»). Чрезвычайно опасно потакать сброду в промышленном государстве, как наше, в котором, быть может, $^7/_8$ всего населения имеют лишь небольшую собственность или совсем не имеют...[125] Полного

---

[123] «An Essay on Trade and Commerce etc.». London 1770. Он сам на стр. 96 рассказывает, в чем заключалось уже в 1770 г. «счастье» английских земледельческих рабочих. «Их рабочая сила («their working powers») всегда напряжена до крайности («on the stretch»); они не могли бы ни жить хуже, чем живут («they cannot live cheaper than they do»), ни работать больше» («nor work harder»).

[124] Протестантизм играет важную роль в генезисе капитала уже потому, что он превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни.

[125] «An Essay on Trade and Commerce etc.». London 1770, стр. 41, 15, 96, 97, 55, 56, 57.

излечения не последует до тех пор, пока наша промышленная беднота не подчинится необходимости работать в продолжение 6 дней за такую же сумму, которую она зарабатывает теперь в 4 дня»[126]. В этих целях, равно как и для «искоренения лености, распутства и романтических бредней о свободе», ditto [а также] для «уменьшения налогов в пользу бедных, поощрения духа предприимчивости и для понижения цены труда в мануфактурах», наш верный Эккарт капитала предлагает испытанное средство, заключающееся в том, чтобы запирать рабочих, обращающихся к общественной благотворительности, т. е. пауперов, в «идеальный работный дом» (an ideal workhouse). «Такой дом должен быть сделан домом ужаса» (house of terror)[127]. В этом «доме ужаса», в этом «идеале workhouse'a» [работного дома] работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, и время для еды, так что остается целых 12 часов труда»[128].

Двенадцатичасовой рабочий день в «ideal workhouse» [«идеальном работном доме»], в доме ужаса 1770 г.! Шестьдесят три года спустя, в 1833 г., когда английский парламент в четырех отраслях фабрик уменьшил до 12 полных рабочих часов рабочий день детей от 13 до 18-летнего возраста, можно было подумать, что пробил последний час английской промышленности! В 1852 г., когда Л. Бонапарт, чтобы упрочиться в глазах буржуазии, вздумал посягнуть на установленный законом рабочий день, французский рабочий народ в один голос заявил: «Закон, ограничивающий рабочий день 12 часами, — это единственное благо, которое осталось нам от законодательства республики!»[129]. В Цюрихе труд детей старше 10 лет ограничен 12 часами; в Ааргау в 1862 г. продолжительность труда детей от 13 до 16-летнего возраста была умень-

---

[126] «An Essay on Trade and Commerce etc.». London 1770, стр. 69. Еще в 1734 г. Джекоб Вандерлинт разъяснил, что тайна всех жалоб капиталистов на леность рабочих просто-напросто заключается в том, что они хотели бы получить за прежнюю заработную плату 6 рабочих дней вместо 4.

[127] Там же, стр. 242—243: «Такой идеальный работный дом следует сделать «домом ужаса», а не приютом для бедных, где они получают обильную пищу, теплую и приличную одежду и где весьма мало работают».

[128] Там же [стр. 260]: «Французы, — говорит он, — смеются над нашими восторженными идеями о свободе» (там же, стр. 78).

[129] «Они возражали главным образом против работы, продолжающейся более 12 часов в день, потому что закон, устанавливающий такой рабочий день, есть единственное благо, которое осталось им от законодательства республики» (Reports of Insp. of Fact. 31st Octob. 1855, стр. 80). Французский закон 5 сентября 1850 г. о двенадцатичасовом рабочем дне, измененное в интересах буржуазии издание декрета временного правительства от 2 марта 1848 г., распространяет свое действие на все мастерские без различия. До этого закона рабочий день во Франции был неограничен. Его продолжительность на фабриках равнялась 14, 15 и более часам. См. «Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Par Mr. Blanqui». Г-ну Бланки, — экономисту, а не революционеру, — было поручено правительством произвести анкету о положении рабочих.

шена с $12^1/_2$ до 12 часов; в Австрии в 1860 г. для детей от 14 до 16 лет продолжительность труда была сокращена ditto [также] до 12 часов[130]. Какой «прогресс с 1770 года», с «exultation» [восторгом] воскликнул бы Маколей!

«Дом ужаса» для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 г., осуществился несколько лет спустя в виде исполинского «работного дома» для самих мануфактурных рабочих. Он назывался фабрикой. Но на этот раз идеал побледнел пред действительностью...

6. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ. АНГЛИЙСКОЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1833—1864 гг.

После того как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня[131], со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающее все преграды движение в этой области. Всякие пределы, которые ставятся нравами и природой, возрастом и полом, сменою дня и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по-крестьянски простые для старых статутов, сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья еще в 1860 г. должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить «в порядке судебного

---

[130] И в деле регулирования рабочего дня Бельгия оказывается образцовым буржуазным государством. Лорд Ховард де Уелден, английский посланник в Брюсселе, сообщает английскому Foreign Office [министерству иностранных дел] от 12 мая 1862 г.: «Министр Рожье заявил мне, что детский труд не ограничивается каким бы то ни было образом ни общим законом, ни местными постановлениями; что правительство в течение последних трех лет каждую сессию носилось с мыслью внести в палату законопроект по этому предмету, но всегда встречало непреодолимое препятствие в эгоистическом страхе, с которым относятся ко всякому законодательству, противоречащему принципу полной свободы труда!»

[131] «Несомненно, большого сожаления заслуживает тот факт, что какой бы то ни было класс людей должен убиваться над работой по 12 часов ежедневно. Если включить сюда время, употребляемое на еду и на то, чтобы пройти до мастерской и обратно, то это составит в действительности 14 из 24 часов в сутки. Я надеюсь, что, не говоря уже о здоровье, никто не станет отрицать, что с моральной точки зрения такое полное поглощение времени трудящихся классов, непрерывно совершающееся начиная с раннего 13-летнего возраста, а в «свободных» отраслях промышленности и с еще более раннего возраста, чрезвычайно вредно и представляет ужасное зло... В интересах общественной нравственности, в целях воспитания здорового населения, для того, чтобы обеспечить большинству народа возможность разумного пользования жизнью, необходимо настаивать на том, чтобы во всех отраслях промышленности часть каждого рабочего дня оставалась для отдыха и досуга» (Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. for 31st December 1841»).

решения», что̀ такое день и что̀ такое ночь[132]. Капитал справлял свои оргии.

Как только рабочий класс, оглушенный грохотом производства, до некоторой степени пришел в себя, он начал оказывать сопротивление, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии. Однако в продолжение трех десятилетий уступки, которых он добивался, оставались чисто номинальными. Парламент издал 5 актов о труде за время 1802—1833 гг., но был настолько лукав, что не вотировал ни единой копейки на их принудительное проведение, на необходимый персонал чиновников и т. д.[133]. Они остались мертвой буквой. «Факт тот, что до акта 1833 г. дети и подростки вынуждались работать («were worked») всю ночь, весь день или же и день и ночь ad libitum [по произволу][134].

Только со времени фабричного акта 1833 г., распространяющегося на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности. Ничто так не характеризует дух капитала, как история английского фабричного законодательства с 1833 до 1864 года!

Закон 1833 г. объявляет, что обыкновенный рабочий день на фабрике должен начинаться в $5^1/_2$ часов утра и оканчиваться в $8^1/_2$ часов вечера. В пределах этого 15-часового периода закон разрешает пользоваться трудом подростков (т. е. лиц в возрасте от 13 до 18 лет) в какое бы то ни было время дня, однако при том непременном условии, что одно и то же лицо этого возраста не должно работать более 12 часов в день, за исключением некоторых особо предусмотренных случаев. Пункт 6-й акта постановляет, «что в течение каждого дня каждому лицу, рабочее время которого ограничено, должно быть предоставляемо по крайней мере $1^1/_2$ часа на еду». Воспрещалось применять труд детей до 9-летнего воз-

[132] Смотри: «Judgement of Mr. J. H. Otway, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim 1860».

[133] Весьма характерным для режима Луи-Филиппа, короля буржуа, является то обстоятельство, что единственный изданный при нем фабричный закон 22 марта 1841 г. никогда не был проведен в жизнь. Да и этот-то закон касается только детского труда. Он устанавливает восемь часов труда для детей 8—12-летнего возраста, двенадцать часов для детей 12—16 лет и т. д., причем делает многочисленные исключения, допускающие ночной труд даже для восьмилетних детей. Наблюдение за применением этого закона и принуждение к его выполнению было предоставлено доброй воле «amis du commerce» [«друзей торговли»], — это в стране-то, где каждая мышь находится в ведении полиции. Только с 1853 г. в одном-единственном департаменте, Département du Nord [Департаменте Севера], учреждается оплачиваемая должность правительственного инспектора. Не менее характерным для развития французского общества является вообще то обстоятельство, что закон Луи-Филиппа до революции 1848 г. оставался единственным законом в этой области, хотя французская законодательная фабрика опутывает своею сетью все стороны жизни!

[134] «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1860», стр. 50.

раста, за единственным исключением, о котором будет упомянуто ниже; труд детей 9—13-летнего возраста ограничен 8 часами в день. Ночной труд, т. е. по этому закону труд между $8^1/_2$ часами вечера и $5^1/_2$ часами утра, был воспрещен для всех лиц между 9 и 18-летним возрастом.

Законодатели были так далеки от желания посягнуть на свободное высасывание капиталом рабочей силы взрослых или, как они это называли, на «свободу труда», что измыслили особую систему в целях предотвращения столь ужасающего последствия фабричного акта.

«Великое зло фабричной системы, как она организована в настоящее время, — говорится в первом отчете центрального совета комиссии, помеченном 25 июня 1833 г., — заключается в том, что она создает необходимость удлинять детский труд до крайних пределов рабочего дня взрослых. Единственным средством против этого зла, не прибегающим к ограничению труда взрослых, которое привело бы к еще большему злу, чем то, которое предполагается устранить, — этим единственным средством представляется план ввести двойные смены детей». «План» этот и был осуществлен под названием Relaissystem («System of Relays»; Relay по-английски, как и по-французски, означает смену почтовых лошадей на различных станциях); при этом одна смена детей от 9 до 13 лет запрягается в работу, напр., от $5^1/_2$ часов утра до $1^1/_2$ часов пополудни, другая смена — от $1^1/_2$ часов пополудни до $8^1/_2$ часов вечера и т. д.

В воздаяние за то, что господа фабриканты самым наглым образом игнорировали все изданные за последние 22 года законы о детском труде, пилюля, которую им приходилось проглотить, и на этот раз была позолочена. Парламент постановил, что с 1 марта 1834 г. ни один ребенок моложе 11 лет, с 1 марта 1835 г. ни один ребенок моложе 12 лет и с 1 марта 1836 г. ни один ребенок моложе 13 лет не должен работать на фабрике более 8 часов! Этот «либерализм», столь снисходительный по отношению к «капиталу», заслуживал тем большей признательности, что д-р Фарре, сэр А. Карлейль, сэр Б. Броди, сэр Ч. Белл, мистер Гутри и т. д., — коротко говоря, самые выдающиеся physicians [терапевты] и surgeons [хирурги] Лондона в своих свидетельских показаниях заявили перед лицом нижней палаты, что «periculum in mora!» [«опасность в промедлении!»] Д-р Фарре высказался по этому вопросу даже еще резче: «Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она ни причинялась, а этот способ (фабричный способ) следует, конечно, признать одним из самых жестоких способов ее причинения»[135].

---

[135] «Legislation is equally necessary for the prevention of death, in any form in which it can be prematurely inflicted, and certainly this

Тот самый «реформированный» парламент, который из нежного чувства к господам фабрикантам еще на целые годы заключил детей моложе 13 лет в ад 72-часового фабричного труда в неделю, воспретил плантаторам эмансипационным указом, который давал свободу тоже по каплям, принуждать впредь негров-невольников к работе более 45 часов в неделю!

Но нисколько не удовлетворенный, капитал повел теперь шумную агитацию, продолжавшуюся несколько лет. Она вращалась главным образом вокруг возраста категорий, которые под именем детей должны были работать не более 8 часов и для которых вводилось в известном смысле обязательное обучение. Согласно капиталистической антропологии, детский возраст оканчивался в 10 лет или же, коли на то пошло, в 11 лет. Чем ближе подходил срок полного осуществления фабричного акта, роковой 1836 г., тем яростнее неистовствовала фабрикантская сволочь. Ей действительно удалось до такой степени запугать правительство, что оно в 1835 г. предложило понизить предел детского возраста с 13 до 12 лет. Между тем грозно росло pressure from without [давление извне]. Мужество изменило нижней палате. Она отказалась бросать 13-летних детей под Джаггернаутову колесницу капитала более чем на 8 часов в день, и акт 1833 г. вступил в полную силу. Он оставался без изменения до июня 1844 г.

В течение того десятилетия, когда он регулировал фабричный труд сначала отчасти, а затем в полной своей мере, официальные отчеты фабричных инспекторов полны жалобами на невозможность его проведения. Так как закон 1833 г. предоставлял усмотрению господ капиталистов назначать в пределах пятнадцатичасового периода от $5^1/_2$ утра до $8^1/_2$ вечера тот час, когда каждый «подросток» и каждое «дитя» должны начинать свой двенадцатичасовой или восьмичасовой труд, прерывать и оканчивать его; предоставлял также их усмотрению назначать для разных лиц различные часы для еды, то эти господа скоро изобрели новую «Relaissystem», при которой рабочие лошади не сменяются на определенных почтовых станциях, а снова и снова запрягаются на переменных станциях. Мы не останавливаемся подробнее на прелестях этой системы, так как должны возвратиться к ней позже. Но и с первого взгляда ясно, что эта система уничтожала не только дух, но и самую букву всего фабричного акта. Как могли бы фабричные инспектора при такой сложной бухгалтерии, применяемой к каждому отдельному ребенку и к каждому подростку, принудить фабрикантов к соблюдению установленного законом рабочего времени и к назначению законных перерывов для еды? Прежнее жестокое безобразие вскоре опять безнаказанно стало процветать на

must be viewed as a most cruel mode of inflicting it» [«Report of the select Committee on the Bill to regulate the Labour of Children in the Mills and Factories». London 1831—1832, стр. 602].

большинстве фабрик. На совещании при участии министра внутренних дел (1844 г.) фабричные инспектора доказали всю невозможность какого-либо контроля при вновь измышленной Relaissystem[136]. Между тем обстоятельства сильно изменились. Фабричные рабочие, особенно с 1838 г., сделали десятичасовой билль своим экономическим лозунгом, подобно тому как хартия сделалась их политическим лозунгом. Даже часть фабрикантов, урегулировавшая фабричное производство согласно акту 1833 г., забросала парламент записками относительно безнравственной «конкуренции» «криводушных братьев», которым их бо́льшая наглость или более счастливые местные условия позволяют нарушать закон. К тому же, как бы ни хотелось отдельным фабрикантам дать полную волю своей жадности, идеологи и политические вожди класса фабрикантов рекомендовали иное поведение и иной язык по отношению к рабочим. Они открыли кампанию в пользу отмены хлебных законов и для победы нуждались в помощи рабочих! Поэтому они обещали не только удвоение веса ковриги хлеба, но и принятие десятичасового билля под сенью тысячелетнего царства свободной торговли[137]. Следовательно, уже совсем не входило в их расчет бороться против меры, которая должна была лишь провести в жизнь акт 1833 г. Наконец, тори, священнейшему интересу которых, земельной ренте, угрожала опасность, разразились негодующе-филантропическими филиппиками против «позорного поведения»[138] своих врагов.

Так появился добавочный фабричный акт 7 июня 1844 г. Он вступил в силу с 10 сентября 1844 г. Он ставит под охрану закона новую категорию рабочих, а именно: женщин от 18 лет. Они были во всех отношениях сравнены с подростками: их рабочее время ограничено 12 часами, ночной труд воспрещен и т. д. Следовательно, законодательство впервые оказалось вынужденным подвергнуть непосредственному и официальному контролю и труд совершеннолетних. В фабричном отчете 1844—1845 г. говорится с иронией: «До нашего сведения не дошло ни одного случая, когда взрослые женщины жаловались бы на это вторжение в их права»[139]. Рабочий день детей моложе 13 лет был сокращен до $6^1/_2$, а при известных условиях до 7 часов в день[140].

Чтобы устранить злоупотребления ложной Relaissystem, закон установил, между прочим, следующие важные детальные

---

[136] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1849», стр. 6.

[137] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», стр. 98.

[138] Леонард Хорнер даже официально употребляет выражение «nefarious practices» [гнусное поведение] («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1859», стр. 7).

[139] «Reports etc. for 30th Sept. 1844», стр. 15.

[140] Акт разрешает пользоваться трудом детей по 10 часов в сутки в тех случаях, когда они работают не ежедневно, а лишь через день. В общем эта оговорка осталась без применения.

правила: «Рабочий день детей и подростков следует исчислять с того времени, когда хоть один ребенок или подросток начинает утром работу на фабрике». Таким образом, если, напр., *A* начинает работу в 8 часов утра, а *B* в 10 часов, то рабочий день должен оканчиваться для *B* в тот же час, как и для *A*. Начало рабочего дня должно определяться по каким-нибудь общественным часам, напр. по ближайшим железнодорожным часам, с которыми сообразуется и фабричный колокол. Фабрикант обязан повесить на фабрике расписание, напечатанное крупным шрифтом, с обозначением часов начала, окончания и перерывов рабочего дня. Детей, начинающих свою работу до 12 часов утра, нельзя вновь заставлять работать после часа пополудни. Таким образом, послеобеденная смена должна состоять не из тех детей, из которых состоит утренняя. Те $1^1/_2$ часа, которые даются на обед, должны предоставляться всем рабочим, находящимся под охраной закона, в одно и то же время дня, причем по крайней мере 1 час должен предоставляться до трех часов пополудни. Дети или подростки, работающие до 1 часа, не должны работать более 5 часов, если им не предоставляется, по крайней мере, полчаса для еды. Дети, подростки или женщины не должны оставаться во время какого бы то ни было перерыва для еды в фабричном помещении, в котором происходит какой-нибудь процесс труда, и т. д.

Мы видели, что эти мелочные постановления, которые регулируют время, пределы, перерывы работы с таким военным однообразием, по звону колокола, отнюдь не были продуктом парламентских измышлений. Они постепенно развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы. Одним из ближайших последствий их было то, что практика подчинила и рабочий день взрослых фабричных рабочих тем же самым ограничениям, потому что в большинстве процессов производства необходимо сотрудничество детей, подростков и женщин. Поэтому в общем и целом в период 1844—1847 гг. двенадцатичасовой рабочий день распространял свое общее и единообразное действие на все отрасли промышленности, подчиненные фабричному законодательству.

Однако фабриканты допустили такого рода «прогресс» не без компенсации в виде «регресса». По их настояниям нижняя палата сократила минимальный возраст подлежащих фабричной обработке детей с 9 до 8 лет с целью обеспечить для капитала «добавочное предложение фабричных детей» [141], подобающее ему по всем законам божеским и человеческим.

---

[141] «Так как сокращение часов их рабочего времени поведет к увеличению количества детей, требующихся для работы, то было решено, что доба-

1846—1847 гг. составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступало тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за десятичасовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта. Они нашли союзников в дышавших местью тори. Несмотря на фанатическое сопротивление вероломной армии свободной торговли с Брайтом и Кобденом во главе, билль о десятичасовом рабочем дне, которого добивались так долго, был принят парламентом.

Новый фабричный акт 8 июня 1847 г. устанавливал, что с 1 июля 1847 г. вступает в силу предварительное сокращение рабочего дня до 11 часов для «подростков» (от 13 до 18 лет) и для всех работниц, а с 1 мая 1848 г. — окончательное ограничение рабочего дня тех же категорий рабочих 10 часами. Во всем остальном этот акт был исправленным дополнением к законам 1833 и 1844 гг.

Капитал предпринял предварительный поход с целью воспрепятствовать полному проведению в жизнь акта с 1 мая 1848 г. И притом сами рабочие, будто бы проученные опытом, должны были помочь разрушению своего собственного дела. Момент был выбран удачно. «Необходимо напомнить, что вследствие ужасного кризиса 1846—1847 гг. среди фабричных рабочих царила большая нужда, так как многие фабрики работали только неполное время, другие совсем остановились. Значительное число рабочих находилось поэтому в самом стесненном положении, многие были в долгах. Поэтому можно было с достаточной степенью уверенности предположить, что они предпочтут более продолжительный рабочий день, чтобы возместить убытки, понесенные в прошлом, может быть уплатить долги, или выкупить из ломбарда свою мебель, или заменить новыми проданные пожитки, или приобрести новое платье для себя и семьи»[142]. Господа фабриканты попытались усилить естественное действие этих обстоятельств общим понижением заработной платы на 10%. Это было, так сказать, праздником освящения новой эры свободной торговли. Затем, как только рабочий день был сокращен до 11 часов, последовало дальнейшее понижение заработной платы на $8^1/_3$% и потом вдвое большее понижение, как только рабочий день был окончательно сокращен до 10 часов. Поэтому всюду, где только позволяли обстоятельства, произошло понижение заработной платы по крайней мере на 25%[143].

вочное предложение детей в возрасте от 8 до 9 лет могло бы покрыть увеличившийся спрос» («Reports etc. for 30th Sept. 1844», стр. 13).

[142] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», стр. 16.

[143] «Я убедился, что у людей, получавших 10 ш. в неделю, произвели сокращение на 1 ш., ссылаясь на общее понижение заработной платы на 10%, и затем еще на 1 ш. 6 п., ссылаясь на сокращение рабочего времени, — итого на 2 ш. 6 п., — и, несмотря на то, большинство твердо стояло за десятичасовой билль» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», стр. 16).

При таких-то удачно подготовленных обстоятельствах началась агитация среди рабочих за отмену акта 1847 г. Обман, соблазн, угрозы — ни одно из этих средств не было оставлено в пренебрежении, но все было тщетно. Если и удалось собрать полдюжины петиций, в которых рабочие жаловались на «угнетение их этим актом», то сами же петиционеры при устном допросе заявляли, что подписи их были вынуждены. «Они угнетены, это правда, но кем-то другим, а не фабричным актом»[144]. Но если фабрикантам не удалось заставить рабочих говорить в желательном для них духе, тем громче они сами кричали от имени рабочих в прессе и в парламенте. Они выставляли фабричных инспекторов чем-то вроде комиссаров Конвента, которые безжалостно приносят несчастных рабочих в жертву своей химере об улучшении мира. Но и этот маневр не удался. Фабричный инспектор Леонард Хорнер лично и через своих помощников собрал многочисленные свидетельские показания на фабриках Ланкашира. Около 70% опрошенных рабочих высказались за 10-часовой рабочий день, гораздо менее значительное число за 11-часовой и совсем незначительное меньшинство за старый 12-часовой день[145].

Другой «благожелательный» маневр заключался в том, чтобы заставить взрослых рабочих мужчин работать 12—15 часов, а затем объявить этот факт вернейшим выражением подлинных пролетарских желаний. Но «безжалостный» фабричный инспектор Леонард Хорнер опять оказался тут как тут. Большинство рабочих, занятых сверхурочное время, заявило, что «они решительно предпочли бы работать по 10 часов за меньшую заработную плату, но у них не было выбора: среди них так много безработных, так много прядильщиков вынуждено работать в качестве простых piecers [присучальщиков], что если бы они отказались от удлинения рабочего дня, их места тотчас были бы заняты другими, так что для них вопрос сводился к следующему: или работать более долгое время — или оказаться на мостовой»[146].

---

[144] «Подписывая петицию, я в то же время заявил, что совершаю что-то дурное. — Но почему же в таком случае вы ее подписали? — Потому, что в случае отказа меня выбросили бы на мостовую. — Петиционер в самом деле чувствовал себя «угнетенным», но вовсе не фабричным актом» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», стр. 102).

[145] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», стр. 17. В округе г. Хорнера были, таким образом, опрошены 10 270 взрослых рабочих мужчин на 181 фабрике. Их показания можно найти в добавлении к отчету фабричной инспекции за полугодие, кончающееся октябрем 1848 г. Эти свидетельские показания и в других отношениях дают драгоценный материал.

[146] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848». См. собранные самим Леонардом Хорнером показания №№ 69, 70, 71, 72, 92, 93, а также собранные помощником инспектора А. показания №№ 51, 52, 58, 59, 62, 70 в «добавлении». Даже один фабрикант высказался напрямик. См. там же № 14, который следует после № 265 [стр. 37].

Предварительный поход капитала окончился неудачей, и закон о десятичасовом рабочем дне вступил в силу 1 мая 1848 г. Между тем фиаско чартистской партии, вожди которой были заключены в тюрьмы и организация которой была разрушена, поколебала доверие рабочего класса Англии к своим силам. Вскоре после этого парижское июньское восстание и его кровавое подавление объединили как в континентальной Европе, так и в Англии под одним общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов: землевладельцев и капиталистов, биржевых волков и лавочников, протекционистов и фритредеров, правительство и оппозицию, попов и вольнодумцев, молодых блудниц и старых монахинь! Рабочий класс был повсюду предан анафеме, подвергся гонениям, поставлен под действие «loi des suspects» [«закона против подозрительных»]. Таким образом, господа фабриканты могли не стесняться. Они подняли открытое восстание не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать «свободное» высасывание рабочей силы. Это был Proslavery Rebellion [бунт в защиту рабства] в миниатюре, который более двух лет проводился с цинической бесцеремонностью, с террористической энергией, причем это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме шкуры своего рабочего.

Для понимания последующего необходимо напомнить, что фабричные акты 1833, 1844 и 1847 гг. все три сохраняют свою законную силу, поскольку один не вносит каких-нибудь изменений в другие, что ни один из них не ограничивает рабочего дня рабочих мужчин старше 18 лет и что с 1833 г. пятнадцатичасовой период от $5^1/_2$ часов утра до $8^1/_2$ часов вечера оставался законным «днем», в границах которого только и должен был укладываться на предписываемых законом условиях сначала двенадцатичасовой, а позже десятичасовой труд подростков и женщин.

Фабриканты в некоторых местах начали с того, что уволили часть, в некоторых случаях половину занятых у них подростков и работниц и восстановили взамен почти забытый ночной труд взрослых рабочих мужчин. Закон о десятичасовом рабочем дне, уверяли они, не дает им иного выхода![147]

Второй шаг касался узаконенных перерывов для еды. Послушаем, что говорят фабричные инспектора: «Со времени ограничения рабочего дня десятью часами фабриканты утверждают, хотя на практике они еще и не делают крайних выводов из своего мнения, что они в достаточной мере исполняют предписание закона, если во время работы, продолжающейся, напр., от 9 часов утра до 7 часов вечера, они дают на еду один час до 9 часов утра и $^1/_2$ часа

[147] «Reports etc. for 31st October 1848», стр. 133, 134.

после 7 часов вечера, предоставляя, таким образом, рабочим $1^1/_2$ часа на принятие пищи. В некоторых случаях они предоставляют теперь полчаса или целый час на обед, но в то же время настаивают на том, что они вовсе не обязаны включать какую бы то ни было часть этих $1^1/_2$ часов в десятичасовой рабочий день»[148]. Таким образом, господа фабриканты утверждали, будто педантично точные постановления акта 1844 г. относительно времени, предназначенного для еды, дают рабочим только разрешение есть и пить до своего прихода на фабрику и после ухода с нее, т. е. у себя дома! Да почему бы рабочим и не обедать до 9 часов утра? Однако коронные юристы решили, что предписанное законом время еды «должно даваться в перерывы действительного рабочего дня и что противозаконно заставлять работать без перерыва 10 часов подряд, с 9 часов утра до 7 часов вечера»[149].

После этих благодушных демонстраций капитал в виде подготовки к бунту сделал шаг, который соответствовал букве закона 1844 г. и, следовательно, был легален.

Конечно, закон 1844 г. воспрещал для детей 8—13 лет, которые работали до 12 часов дня, возобновлять работу после 1 часа дня. Но он нисколько не регулировал $6^1/_2$-часового труда детей, рабочее время которых начиналось в 12 часов или позже! Поэтому восьмилетние дети, приступившие к работе в 12 часов дня, могут употребляться на работу от 12 до 1 часа, что составляет 1 час, от 2 часов до 4 часов пополудни, что составляет 2 часа, и от 5 до $8^1/_2$ часов вечера, что составляет $3^1/_2$ часа, итого установленные законом $6^1/_2$ часов! Или еще лучше. Чтобы приурочить применение труда детей к труду взрослых рабочих мужчин, работавших до $8^1/_2$ часов вечера, фабрикантам стоило только не давать детям работы до 2 часов пополудни, а затем держать их на фабрике без всяких перерывов до $8^1/_2$ часов вечера! «И теперь уже прямо признаются, что в последнее время, вследствие алчного стремления фабрикантов держать машины в ходу дольше 10 часов в сутки, в Англии установилась практика заставлять 8—13-летних детей обоего пола работать, по уходе всех подростков и женщин, с одними взрослыми мужчинами до $8^1/_2$ часов вечера»[150]. Рабочие и фабричные инспектора протестовали по гигиеническим и моральным соображениям. Но капитал отвечал:

«На голову мою мои поступки
Пусть падают. Я требую суда
Законного, — я требую уплаты
По векселю».

В самом деле, по статистическим данным, представленным в нижнюю палату 26 июля 1850 г., на 15 июля 1850 г. 3 742 ребенка

[148] «Reports etc. for 30th April 1848», стр. 47.
[149] «Reports etc. for 31st October 1848», стр. 130.
[150] Там же, стр. 142.

на 257 фабриках, несмотря на все протесты, подвергались этой «практике»[151]. Но и этого мало! Рысий глаз капитала открыл, что акт 1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося по крайней мере 30 минут, но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился счастья заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до $8^1/_2$ часов вечера!

«Да, грудь его; так сказано в расписке!»[152]

Эта достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была, однако, просто подготовить открытый бунт против того же самого закона, поскольку он регулирует труд «подростков и женщин». Необходимо напомнить, что уничтожение «неправильной Relaissystem» составляет главную цель и главное содержание этого закона. Фабриканты открыли свой бунт простым заявлением, что пункты акта 1844 г., воспрещающие произвольное использование рабочей силы подростков и женщин в произвольные короткие промежутки пятнадцатичасового фабричного дня, оказывались «сравнительно безвредными (comparatively harmless) до тех пор, пока рабочее время было ограничено 12 часами. При законе о десятичасовом рабочем дне они являются невыносимой несправедливостью» (hardship)[153]. Поэтому они самым хладнокровным образом объявили инспекторам, что не желают обращать внимания на букву закона и намерены ввести старую систему собственной властью[154]. Это будет в интересах самих же рабочих, совращенных дурными советами, так как «даст возможность платить им более высокую заработную плату». «Это — единственное средство сохранить при десятичасовом законе промышленное преобладание Великобритании»[155]. «Возможно, что

[151] «Reports etc. for 31st October 1850», стр. 5, 6.

[152] Природа капитала одна и та же как в неразвитых, так и в развитых его формах. В своде законов, продиктованном незадолго до начала американской гражданской войны господством рабовладельцев на территории Новой Мексики, говорится: «Рабочий, раз капиталист купил его рабочую силу, есть его (капиталиста) деньги» («The labourer is his (the capitalist's) money»). То же воззрение было ходячим у римских патрициев. Деньги, ссуженные ими должнику-плебею, превращаются при помощи жизненных средств в мясо и кровь должника. Следовательно, это «мясо и кровь» было их «деньгами». Отсюда шейлоковский закон 10 таблиц! Гипотеза Лэнге на тот счет, будто кредиторы-патриции устраивали время от времени по ту сторону Тибра праздничные пиршества, на которых подавалось вареное мясо должников, остается столь же недоказанной, как гипотеза Даумера о христианском причащении.

[153] «Reports etc. for 30th April 1848», стр. 28.

[154] Среди других это заявил и филантроп Эшворт в квакерски отвратительном письме к Леонарду Хорнеру («Reports etc. April 1849», стр. 4).

[155] «Reports etc. for 31st October 1848», стр. 138.

при системе смен несколько затруднительно обнаруживать нарушения закона, но что ж из того? (what of that?) Неужели великие промышленные интересы этой страны позволительно рассматривать как вещь второстепенную, лишь бы избавить фабричных инспекторов и их помощников от некоторого увеличения забот (some little trouble)?»[156]

Все эти уловки, конечно, нисколько не помогли. Фабричные инспектора начали возбуждать судебные преследования. Но вскоре на министра внутренних дел сэра Джорджа Грэя обрушилась такая туча петиций фабрикантов, что в циркуляре от 5 августа 1848 г. он рекомендовал инспекторам «не преследовать в общем нарушений буквы акта, пока не будет доказано, что Relaissystem злоупотребляют таким образом, что заставляют подростков и женщин работать более 10 часов». После этого фабричный инспектор Дж. Стюарт разрешил так называемую систему смен в течение пятнадцатичасового периода фабричного дня для всей Шотландии, где она вскоре расцвела попрежнему. Английские фабричные инспектора, напротив, заявили, что министру не принадлежит диктаторская власть приостанавливать действие законов, и продолжали судебные преследования против proslavery rebels [бунтующих в защиту рабства].

Но, что пользы в привлечении к суду, раз суды, county magistrates[157], выносили оправдательные приговоры? В этих судах заседали господа фабриканты, чтобы судить самих же себя. Приведем пример. Некий Эскридж, от бумагопрядильной фирмы Кершо, Лиз и К°, представил фабричному инспектору своего округа схему Relaissystem, предназначенную для его фабрики. Получив отказ, он сначала не предпринимал никаких дальнейших шагов. Несколько месяцев спустя некий индивидуум по имени Робинзон, тоже бумагопрядильщик и если не Пятница, то во всяком случае родственник Эскриджа, предстал перед мировым судьей в Стокпорте обвиняемый в том, что ввел у себя систему смен, тождественную той, которую придумал Эскридж. Заседало четверо судей, в том числе 3 бумагопрядильщика, все с тем же неизбежным Эскриджем во главе. Эскридж оправдал Робинзона и заявил, что законное для Робинзона является справедливым и для Эскриджа. Опираясь на свое собственное решение, получившее силу закона, он тотчас же ввел эту систему и на своей собственной фабрике[158]. Конечно, уже самый состав этих судов являлся открытым нарушением закона[159].

---

[156] «Reports etc. for 31st October 1848», стр. 140.

[157] Эти «county magistrates», «great unpaid» [«великие неоплачиваемые»], как их называет В. Коббет, представляют что-то вроде бесплатных мировых судей, которых набирают из почетных лиц графств. В действительности они образуют поместные суды господствующих классов.

[158] «Reports etc. for 30th April 1849», стр. 21, 22. Ср. подобные же примеры там же, стр. 4, 5.

[159] Законом 1 и 2 Вильяма IV, § 24, стр. 10, известным под названием фабричного акта сэра Джона Гобхауза, воспрещается какому бы то ни было

«Такого рода судебные фарсы, — восклицает инспектор Хауэлл, — вопиют о необходимости положить этому конец... одно из двух: или приспособьте закон к этим приговорам, или же предоставьте выносить решения менее порочному трибуналу, который свои решения сообразует с законом... во всех таких случаях. Приходится страстно стремиться к тому, чтобы должность судьи была платная!»[160]

Истолкование акта 1848 г. фабрикантами коронные юристы объявляли нелепым, но спасители общества не позволили сбить себя с толку. «После того как я попытался принудить к исполнению закона, возбудив 10 преследований в 7 различных судебных округах, — сообщает Леонард Хорнер, — и только в одном случае получил поддержку судей,... я нахожу бесполезными дальнейшие преследования за обходы закона. Та часть акта, которая составлена с целью внести единообразие в рабочие часы,... уже не существует для Ланкашира. Притом ни у меня, ни у моих помощников нет решительно никаких средств для того, чтобы убедиться, действительно ли на фабриках, на которых господствует так называемая Relaissystem, не заставляют подростков и женщин работать более 10 часов... В конце апреля 1849 г. уже 114 фабрик в моем округе работали по этому методу, и число их в последнее время стремительно возрастает. В общем они работают теперь $13^1/_2$ часов, с 6 часов утра до $7^1/_2$ часов вечера; в некоторых случаях они работают 15 часов, с $5^1/_2$ часов утра до $8^1/_2$ часов вечера»[161]. Уже в декабре 1848 г. у Леонарда Хорнера был список 65 фабрикантов и 29 фабричных надзирателей, которые единогласно утверждали, что никакая система контроля не может воспрепятствовать самому широкому распространению чрезмерного труда при этой Relaissystem[162]. То одни и те же дети и подростки переводятся из прядильной мастерской в ткацкую и т. д., то в течение 15 часов они переводятся (shifted) из одной фабрики в другую[163]. Как прикажете контролировать такую систему, «которая злоупотребляет словом смена, чтобы с бесконечным многообразием перетасовывать рабочих, как карты, и чтобы ежедневно так передвигать часы труда и отдыха различных лиц, что одна и та же полная группа рабочих никогда не действует на прежнем месте в прежнее время!»[164]

владельцу бумагопрядильной или ткацкой фабрики, равно как отцу, сыну или брату такого владельца, отправлять обязанности мирового судьи в тех случаях, когда вопрос касается фабричного закона. [«Reports etc. for 30th April 1849», стр. 22, примечание.]

[160] «Reports etc. for 30th April 1849» [стр. 22].

[161] Там же, стр. 5.

[162] «Reports etc. for 31st October 1849», стр. 6.

[163] «Reports etc. for 30th April 1849», стр. 21.

[164] «Reports etc. for 31st October 1848», стр. 95.

Но даже совершенно оставляя в стороне действительный чрезмерный труд, эта так называемая Relaissystem явилась таким порождением фантазии капитала, какого никогда не превзошел и Фурье в своих юмористических очерках «courtes séances» [коротких сеансов работы], с той только разницей, что побуждение к труду здесь превратилось в понуждение со стороны капитала. Посмотрим на эти схемы, созданные фабрикантами и прославленные благонамеренной прессой как образец того, «что может быть сделано при разумной степени заботливости и методичности» («what a reasonable degree of care and method can accomplish»). Рабочий персонал разделялся иногда на 12—15 категорий, составные части которых, в свою очередь, постоянно сменялись. В продолжение пятнадцатичасового периода фабричного дня капитал притягивал рабочего то на 30 минут, то на час, потом отталкивал его, чтобы затем снова притянуть его на фабрику и снова оттолкнуть, гоняя его то туда, то сюда за разрозненными и разорванными клочками времени, но не выпуская его из-под своей власти, пока десятичасовая работа не будет закончена полностью. Как на театральной сцене, одни и те же лица должны были попеременно выступать в различных сценах различных актов. Но как актер принадлежит сцене в течение всей драмы, так рабочие принадлежали теперь фабрике в течение всех 15 часов, не считая времени на дорогу до фабрики и обратно. Таким образом часы отдыха превращались в часы вынужденной праздности, которые гнали подростков в кабак, а молодых работниц в публичный дом. Каждая новая выдумка, которую каждый день преподносил капиталист, стремясь держать свои машины в ходу 12 или 15 часов без увеличения рабочего персонала, приводила к тому, что рабочий должен был проглатывать свой обед то в один, то в другой обрывок времени. Во время агитации за десятичасовой рабочий день фабриканты кричали, что рабочий сброд подает петиции в надежде получить за десятичасовой труд двенадцатичасовую заработную плату. Теперь они перевернули медаль. Они платили десятичасовую заработную плату за двенадцати- и пятнадцатичасовое распоряжение рабочими силами[165]. Вот здесь-то и была зарыта собака; это было фабрикантское издание десятичасового закона! Это были все те же мироточивые, сочащиеся гуманностью фритредеры, которые во время агитации против хлебных законов целые 10 лет с точностью до копейки высчитывали рабочим, что при свободном ввозе хлеба было бы совершенно достаточно десяти-

---

[165] См. «Reports etc. for 30th April 1849», стр. 6, и пространное объяснение shifting system [системы перебросок], которое фабричные инспектора Хауэлл и Сондерс дают в «Reports etc. for 31st October 1848». См. также петицию против shift system [системы перебросок], поданную королеве духовенством Эштона и окрестностей весной 1849 г.

часового труда, чтобы при средствах, которыми располагает английская промышленность, обогатить капиталистов[166].

Двухгодичный бунт капитала увенчался, наконец, решением одного из четырех высших судебных учреждений Англии, Court of Exchequer [суда казначейства], который по одному из дошедших до него случаев 8 февраля 1850 г. вынес решение, что, хотя фабриканты и поступали против смысла акта 1844 г., но самый этот акт содержит некоторые слова, делающие его бессмысленным. «Этим решением закон о десятичасовом дне был отменен»[167]. Масса фабрикантов, которые до сих пор опасались применять Relaissystem к подросткам и работницам, теперь ухватились за нее обеими руками[168].

Но за этой, казалось бы, окончательной победой капитала тотчас же наступил поворот. Рабочие до сих пор оказывали пассивное, хотя упорное и ежедневно возобновляющееся сопротивление. Теперь они начали громко протестовать на грозных митингах в Ланкашире и Йоркшире. Значит, мнимый десятичасовой закон — простое мошенничество, парламентское надувательство, он никогда не существовал! Фабричные инспектора настоятельно предупреждали правительство, что классовый антагонизм достиг невероятной степени напряжения. Роптала даже часть фабрикантов: «Противоречивые решения судов привели к совершенно ненормальному и анархическому положению. Один закон в Йоркшире, другой закон в Ланкашире, третий закон в каком-нибудь приходе Ланкашира, четвертый в его непосредственном соседстве. Фабрикант больших городов имеет возможность обойти закон, фабрикант сельских местечек не находит персонала, необходимого для Relaissystem и в особенности для перемещения рабочих с одной фабрики на другую и т. д.». А равенство в эксплуатации рабочей силы — это для капитала первое право человека.

При таких обстоятельствах между фабрикантами и рабочими состоялся компромисс, получивший санкцию парламента в новом дополнительном фабричном акте 5 августа 1850 г. Рабочий день «подростков и женщин» был увеличен в первые 5 дней недели с 10 до $10^1/_2$ часов и ограничен $7^1/_2$ часами в субботу. Работа должна совершаться в пределах периода от 6 часов утра до

---

[166] Ср., напр., *R. H. Greg:* «The Factory Question and the Ten Hours Bill». [London] 1837.

[167] *F. Engels:* «Die englische Zehnstundenbill» (в издававшейся мною «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Aprilheft 1850, стр. 13). [*Ф. Энгельс:* «Английский билль о десятичасовом рабочем дне». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 108.] Тот же «высокий» суд открыл во время американской гражданской войны словесную зацепку, которая превращала в прямую противоположность закон против вооружения кораблей пиратов.

[168] «Reports etc. for 30th April 1850».

6 вечера[169] с $1^1/_2$-часовыми перерывами для еды, которые должны предоставляться рабочим в одно и то же время и согласно постановлению 1844 г. и т. д. Этим раз навсегда уничтожалась Relaissystem[170]. Для детского труда сохранил свою силу закон 1844 г.

Одна категория фабрикантов обеспечила себе на этот раз, как и раньше, особые сеньериальные права на пролетарских детей. Это были фабриканты шелка. В 1833 г. они угрожающе вопили, что «если отнимут свободу заставлять работать детей всех возрастов по 10 часов в день, то этим остановят их фабрики» (if the liberty of working children of any age for 10 hours a day were taken away, it would stop their works). По их словам, они не в состоянии купить достаточное количество детей старше 13 лет. Они добились желаемой привилегии. Предлог при позднейшем расследовании оказался сплошной ложью[171], что, однако, не помешало им целое десятилетие по 10 часов в день тянуть шелковую пряжу из крови маленьких детей, которых для выполнения их работы приходилось ставить на стулья[172]. Хотя акт 1844 г. «похитил» у них «свободу» обрабатывать детей моложе 11 лет более $6^1/_2$ часов в день, но он обеспечил им зато привилегию обрабатывать детей 11—13 лет по 10 часов в день и отменил установленное для других фабричных детей обязательное посещение школы. На этот раз был выставлен такой предлог: «Тонкость ткани требует нежности пальцев, которая может быть приобретена лишь при условии раннего поступления на фабрику»[173]. Из-за нежных пальцев убивали детей, как рогатый скот на юге России бьют из-за кожи и сала. Наконец, в 1850 г. привилегия, предоставленная в 1844 г., была оставлена только за крутильными и мотальными отделениями; но чтобы возместить убытки лишенного своей «свободы» капитала, рабочее время детей 11—13 лет было увеличено с 10 до $10^1/_2$ часов. Предлог: «Работа на шелковых фабриках легче, чем на других, и ни в каком случае не приносит такого вреда для здоровья»[174]. Официальное медицинское обследование впоследствии показало, что, наоборот, «средняя смертность в округах шелкового производства исключительно высока, а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатобумажного производства Ланка-

---

[169] Зимой этот период разрешалось заменять периодом от 7 часов утра до 7 часов вечера.

[170] «Настоящий закон (1850 г.) был результатом компромисса, в силу которого рабочие отказались от выгоды десятичасового закона в обмен на преимущество единообразного времени начала и окончания работы тех, чей труд вообще был ограничен» («Reports etc. for 30th April 1852», стр. 14).

[171] «Reports etc. for 30th Sept. 1844», стр. 13.

[172] Там же.

[173] «Reports etc. for 31st October 1846», стр. 20.

[174] «Reports etc. for 31st October 1861», стр. 26.

шира»[175]. Несмотря на протесты фабричных инспекторов, повторяющиеся каждое полугодие, это безобразие продолжается до настоящего времени[176].

Закон 1850 г. превратил — только для «подростков и женщин» — пятнадцатичасовой период с $5^1/_2$ часов утра до $8^1/_2$ часов вечера в двенадцатичасовой период с 6 часов утра до 6 часов вечера. Таким образом, это не относилось к детям, которых все еще можно было эксплуатировать $^1/_2$ часа до начала и $2^1/_2$ часа по окончании этого периода, хотя общая продолжительность их работы не должна была превышать $6^1/_2$ часов. При обсуждении закона фабричные инспектора представили парламенту статистические данные относительно позорных злоупотреблений, к которым ведет эта аномалия. Но тщетно. Затаенное намерение заключалось в том, чтобы при помощи детей в годы процветания снова увеличить рабочий день взрослых рабочих до 15 часов. Опыт последующих 3 лет показал, что подобная попытка должна была разбиться о сопротивление взрослых рабочих мужчин[177]. Поэтому акт 1850 г. был, наконец,

[175] «Reports etc. for 31st October 1861», стр. 27. В общем физическое состояние рабочего населения, на которое распространяется действие фабричного закона, значительно улучшилось. Все отзывы врачей единогласны в этом отношении, и мои личные наблюдения, относящиеся к различным периодам, убедили меня в этом. Несмотря на то и оставляя в стороне невероятно высокую смертность детей в первые годы жизни, официальные отчеты доктора Гринхау указывают на неблагоприятное состояние здоровья в фабричных округах по сравнению с «земледельческими округами с нормальным состоянием здоровья». В доказательство привожу, между прочим, следующую таблицу из его отчета 1861 г.:

Процент взрослых мужчин, занятых в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 мужчин	Название округов	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 женщин	Процент взрослых женщин, занятых в промышленности	Род занятий женщин
14,9	598	Виган	644	18,0	Хлопок
42,6	708	Блэкбэрн	734	34,9	То же
37,3	547	Галифакс	564	20,4	Шерсть
41,9	611	Брэдфорд	603	30,0	То же
31,0	691	Мэклсфильд	804	26,0	Шелк
14,9	588	Лик	705	17,2	То же
36,6	721	Сток-эпон-Трент	665	19,3	Гончарн. товары
30,4	726	Вульстэнтон	727	13,9	То же
—	305	Восемь здоровых земледельческих округов	340	—	—

[176] Известно, с какими колебаниями английские «фритредеры» отказали шелковой мануфактуре в охранительных пошлинах. Защита против французского ввоза заменяется теперь беззащитностью фабричных детей Англии.

[177] «Reports etc. for 30th April 1853», стр. 31.

дополнен в 1853 г. воспрещением «применять труд детей утром до начала и вечером по окончании труда подростков и женщин». Начиная с этого времени фабричный акт 1850 г., за немногими исключениями, регулировал в подчиненных ему отраслях промышленности рабочий день всех рабочих [178]. С момента обнародования первого фабричного акта до этого времени протекло полстолетия [179].

В «Printworks' Act'е» (Законе о ситцепечатных фабриках и т. д.), изданном в 1845 г., законодательство впервые вышло за пределы своей первоначальной сферы действия. Неудовольствие, с которым капитал допустил это новое «сумасбродство», сквозит из каждой строки акта! Он ограничивает рабочий день детей 8—13 лет и женщин 16 часами, от 6 часов утра до 10 часов вечера, не устанавливая никакого узаконенного перерыва для еды. Он разрешает изнурять работой мальчиков от 13 лет по благоусмотрению день и ночь напролет [180]. Это парламентский выкидыш [181].

Все же принцип одержал решительную победу, победив в крупных отраслях промышленности, являющихся специфическим порождением современного способа производства. Поразительное развитие этих отраслей в период 1853—1860 гг., совершавшееся рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих, заставило прозреть и самых слепых. Сами фабриканты, у которых путем полувековой гражданской войны шаг за шагом завоевывалось законодательное ограничение и регулирование рабочего дня, хвастливо указывали на контраст между этими от-

---

[178] В годы наивысшего расцвета английской хлопчатобумажной промышленности, в 1859 и 1860 гг., некоторые фабриканты приманкой высокой заработной платы за сверхурочное время попытались склонить взрослых прядильщиков-мужчин и т. д. к увеличению рабочего дня. Прядильщики, работающие на ручных мюлях и на сельфакторах, положили конец этому эксперименту запиской, которую они подали своим хозяевам и в которой, между прочим, говорится: «Прямо сказать, наша жизнь для нас в тягость, и пока нас приковывают к фабрике почти на два дня в неделю (на 20 часов) больше, чем других рабочих, мы чувствуем себя в стране илотами и укоряем себя за то, что увековечиваем такую систему, которая физически и морально вредит нам самим и нашему потомству... Поэтому мы почтительно доводим сим до вашего сведения, что, начиная с первого дня нового года, мы не будем работать ни одной минуты больше 60 часов в неделю, с 6 часов до 6 часов, за вычетом законом установленных перерывов в $1^1/_2$ часа» («Reports etc. for 30th April 1860», стр. 30).

[179] Относительно средств нарушения этого закона, предоставляемых его редакцией, см. парламентский отчет: «Factories Regulation Acts» (6 августа 1859 г.). И там же *Leonard Horner:* «Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent Illegal Working, now become very prevalent».

[180] «В последнее полугодие (1857 г.) в моем округе детей 8 лет и старше фактически истязают с 6 часов утра до 9 часов вечера» («Reports etc. for 31st October 1857», стр. 39).

[181] «Printworks' Act [Закон о ситцепечатных фабриках] признается неудовлетворительным в отношении постановлений, касающихся как обучения, так и охраны труда» («Reports etc. for 31st October 1862», стр. 52).

раслями промышленности и теми областями эксплуатации, которые еще оставались «свободными»[182]. Фарисеи «политической экономии» поспешили провозгласить идею необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их «науки»[183]. Легко понять, что, после того как магнаты фабрики принуждены были покориться неизбежному и помириться с ним, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, сила же наступления рабочего класса, напротив, возрастала по мере того, как возрастало число его союзников в общественных слоях, не заинтересованных непосредственно. Этим объясняется сравнительно быстрый прогресс с 1860 г.

Красильные и белильные заведения[184] были подчинены фабричному акту 1850 г. в 1860 г., кружевные фабрики и чулочные заведения — в 1861 г. Следствием первого отчета «комиссии о детском труде» (1863 г.) было то, что та же судьба постигла все мануфактуры глиняных изделий (не только гончарные заведения), фабрикацию спичек, пистонов, патронов, обойные фабрики, резку плиса (fustian cutting) и многочисленные процессы, объединяемые под названием «finishing» (окончательная аппретура). В 1863 г. «белильни на открытом воздухе»[185] и пекарни были подчинены особым

[182] Так высказывается, напр., Э. Поттер в письме в «Times» 24 марта 1863 г. «Times» напоминает ему о бунте фабрикантов против десятичасового закона.

[183] Так высказывался, между прочим, г. В. Ньюмарч, сотрудник и издатель «History of Prices» Тука. Неужели это научный прогресс: делать трусливые уступки общественному мнению?

[184] Изданный в 1860 г. акт о белильных и красильных заведениях устанавливает, что рабочий день с 1 августа 1861 г. будет предварительно сокращен до 12, а с 1 августа 1862 г. окончательно сокращен до 10 часов, т. е. до $10^1/_2$ часов в будни и $7^1/_2$ часов в субботу. Но когда наступил злополучный 1862 г., повторился старый фарс. Господа фабриканты обратились к парламенту с петицией потерпеть еще один-единственный год двенадцатичасовой труд подростков и женщин... «При современном состоянии промышленности (во время хлопкового голода) весьма выгодно для рабочих, если им разрешат работать по 12 часов в сутки и получать возможно бо́льшую заработную плату... Уже удалось внести составленный в этом духе билль в нижнюю палату. Он провалился вследствие агитации рабочих в белильных заведениях Шотландии» («Reports etc. for 31st October 1862», стр. 14, 15). Капитал, побитый таким образом теми самыми рабочими, от имени которых он, по его уверениям, говорил, открыл теперь при помощи юридических очков, что акт 1860 г., подобно всем парламентским актам для «охраны труда», составленный в затемняющих смысл выражениях, дает предлог не распространять его действия на категории рабочих «calenderers» [прессовальщиков] и «finishers» [аппретурщиков]. Английская юрисдикция, всегда верный холоп капитала, санкционировала это крючкотворство через палату «Common Pleas» [гражданское отделение суда]. «Это вызвало большое недовольство среди рабочих, и приходится весьма пожалеть о том, что ясные намерения законодательства уничтожаются под предлогом неудовлетворительного определения слов» (там же, стр. 18).

[185] «Белильни на открытом воздухе» освободились из-под действия закона 1860 г. о белильных заведениях посредством ложного заявления, будто у

актам, из которых первый воспрещает, между прочим, работу детей, подростков и женщин в ночное время (от 8 часов вечера и до 6 часов утра), а второй — пользование трудом пекарей-подмастерьев моложе 18 лет между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще возвратимся к позднейшим предложениям упомянутой комиссии, которые угрожали отнять «свободу» у всех важных отраслей английской промышленности, за исключением земледелия, горного дела и транспортной промышленности[185a].

них женщины ночью не работают. Ложь была обнаружена фабричными инспекторами, а в то же время петиции рабочих поколебали идиллические представления парламента относительно «белилен на открытом воздухе», на «душистых прохладных лугах». В этих воздушных белильнях существуют сушильни с температурой в 90—100 градусов Фаренгейта [32—38 градусов Цельсия], в которых работают главным образом девушки. Существует даже техническое выражение «cooling» (охлаждение), которым обозначается выход время от времени из сушильни на свежий воздух. «В сушильне 15 девушек, жара 80—90 градусов [27—32 градуса Цельсия] для полотна, 100 [38 градусов Цельсия] и более градусов для батиста. Двенадцать девушек утюжат и складывают (батист и т. д.) в маленькой комнате приблизительно в десять квадратных футов, с плотно закупоренной печкой посредине. Девушки замкнутым кольцом окружают печь, которая пышет ужасающим жаром и быстро высушивает батист, поступающий к гладильщицам. Число часов для этих «рук» не ограничено. Если дел много, они работают до 9 или 12 часов ночи много дней подряд» («Reports etc. for 31st October 1862», стр. 56) Один врач заявляет: «Особых часов для охлаждения нет, но если температура становится слишком невыносимой или руки работниц загрязняются от пота, им разрешается отлучиться на несколько минут... Мой опыт в лечении болезней этих работниц заставляет меня констатировать, что состояние их здоровья много хуже состояния здоровья прядильщиц хлопка (а капитал в своих петициях парламенту расписал их, в стиле Рубенса, пышущими здоровьем). Болезнями, наиболее часто поражающими их, являются: чахотка, бронхит, маточные болезни, истерия в самой ужасной форме и ревматизм. Все они прямо или косвенно происходят, как я полагаю, от чрезмерно жаркого воздуха их мастерских и от недостатка удовлетворительной теплой одежды, которая могла бы защитить их при возвращении домой от сырой и холодной атмосферы в зимние месяцы» (там же, стр. 56, 57). Фабричные инспектора замечают относительно дополнительного закона 1863 г., вырванного у жизнерадостных владельцев «белилен на открытом воздухе»: «Этот акт не только не достигает цели в смысле охраны труда рабочих, которую он будто бы им предоставляет,... он и формулирован таким образом, что охрана труда начинается лишь с того момента, когда дети и женщины захвачены за работой после 8 часов вечера, но даже и в этом случае устанавливаемый этим законом способ доказательств отличается таким крючкотворством, что едва ли может воспоследовать наказание виновных в его нарушении» (там же, стр. 52). «В смысле достижения гуманных и воспитательных целей акт этот никуда не годится. Вряд ли можно назвать гуманным позволять женщинам и детям, или — что сводится к тому же — заставлять их, работать по 14 часов в сутки, а может быть и долее, с перерывами для еды или без них, как придется, не делая ограничений по отношению к возрасту, без различия пола и не обращая внимания на общественные привычки семейств, живущих по соседству с белильными мастерскими» («Reports etc. for 30th April 1863», стр. 40).

[185] *(Примечание ко 2-му изд.)* С 1866 г., когда я написал эти строки, опять наступила реакция.

7. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ДРУГИЕ СТРАНЫ.

Читатель помнит, что производство прибавочной стоимости, или извлечение прибавочного труда, составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства независимо от тех изменений в самом способе производства, которые возникают из подчинения труда капиталу. Он помнит, что с той точки зрения, которую мы до сих пор развивали, только самостоятельный и, следовательно, юридически совершеннолетний рабочий как продавец товара заключает сделку с капиталистом. Поэтому, если в нашем историческом очерке главную роль играет, с одной стороны, современная промышленность, а с другой — труд физически и юридически несовершеннолетних, то первая имела для нас значение только как особая сфера высасывания труда, второй — только как особенно яркий пример этого высасывания. Однако, даже не забегая вперед, на основании одной лишь общей связи исторических фактов мы приходим к следующим заключениям:

Во-первых. В отраслях промышленности, прежде всего революционизированных водой, паром и машинами, в этих первых созданиях современного способа производства, в хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шелковых прядильнях и ткацких, прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня. Изменения материального способа производства и соответствующие изменения в социальных отношениях производителей[186] создают сначала безграничное нарушение пределов рабочего дня, а затем уже в виде реакции вызывают общественный контроль, в законодательном порядке ограничивающий рабочий день с его перерывами, регулирующий его и вносящий в него единообразие. Поэтому в течение первой половины XIX века этот контроль устанавливался законодательством лишь в порядке исключения[187]. Но как только этот контроль распространился на область нового способа производства, в которой он применялся первоначально, оказалось, что не только многие другие отрасли производства подпали под действие настоящего фабричного режима, но что и мануфактуры с более или менее старинными методами производства,

[186] «Поведение каждого из этих двух классов (капиталистов и рабочих) явилось результатом тех взаимных отношений, в которые они были поставлены» («Reports etc. for 31st October 1854», стр. 113).

[187] «Предприятия, подчиненные ограничениям, стояли в той или иной связи с производством текстильных товаров, к которому применяется сила пара или воды. Два условия были необходимы для того, чтобы известная отрасль труда могла быть подчинена надзору: применение силы пара или воды и обработка известного рода волокна» («Reports etc. for 31st October 1864», стр. 8).

как, напр., гончарные заведения, стекольные заводы и т. д., и старозаветные ремесла, как, напр., пекарное, и, наконец, даже распыленная, так называемая работа на дому, как, напр., гвоздарный промысел и т. д.[188], уже давно настолько же подпали под действие капиталистической эксплуатации, как и фабрика. Поэтому законодательство было вынуждено постепенно отрешиться от своего исключительного характера или же — там, где оно следует римской казуистике, как в Англии, — произвольно объявить фабрикой (factory) всякий дом, в котором работают[189].

Во-вторых. История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и еще продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на родине этой промышленности, в Англии[190]. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории[191]. Философ фабрики Юр клеймит поэтому как неизгладимый позор английского рабочего класса

[188] О положении этой так называемой домашней промышленности чрезвычайно богатый материал дают последние отчеты «Children's Employment Commission».

[189] «Акты последней сессии (1864 г.)... касаются различных производств, производственные методы которых весьма различны; употребление механической силы для приведения машин в движение уже не является, как это было прежде, необходимым условием для того, чтобы предприятие на языке закона считалось «фабрикой»» («Reports etc. for 31st October 1864», стр. 8).

[190] Бельгия, рай континентального либерализма, не обнаруживает и следов этого движения. Даже в ее угольных копях и металлических рудниках рабочие обоего пола и всякого возраста потребляются с полной «свободой» во всякое время и в течение всякого времени. На каждую тысячу лиц, занятых в этих отраслях промышленности, приходится 733 мужчины, 88 женщин, 135 подростков и 44 девочки моложе 16 лет; на доменных заводах и т. д. на каждую тысячу — 668 мужчин, 149 женщин, 98 подростков и 85 девочек моложе 16 лет. К этому присоединяется еще низкая заработная плата за огромную эксплуатацию зрелых и незрелых рабочих сил, составляющая в среднем 2 ш. 8 п. в день для мужчин, 1 ш. 8 п. для женщин и 1 ш. $2^1/_2$ п. для подростков. Зато Бельгия в 1863 г. по сравнению с 1850 г. почти удвоила количество и стоимость вывезенного ею угля, железа и т. д.

[191] Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ленарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «Соединение производительного труда с воспитанием детей»

то обстоятельство, что на своем знамени он начертал «рабство фабричных законов», противопоставив этот лозунг капиталу, который мужественно выступает за «полную свободу труда»[192].

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась Февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцатичасовой закон[193], который много более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на это, французский революционный метод обнаруживает и свои особые преимущества. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство, топорщась, уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений[194]. Вместе с тем, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь во имя детей, несовершеннолетних и женщин и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право[195].

или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом «Factory Act» [фабричном акте], третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства.

[192] *Ure* (франц. перевод): «Philosophie des Manufactures». Paris 1836, т. II, стр. 39, 40, 67, 77 и др.

[193] В Compte Rendu [отчете] «Международного статистического конгресса в Париже, 1855 г.» [стр. 332] говорится между прочим: «Французский закон, ограничивающий продолжительность ежедневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не назначает для этого труда определенных постоянных часов (периодов времени), потому что только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому часть фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того чтобы заставлять работать без перерывов изо дня в день, может быть за исключением воскресений. Они употребляют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но производство в предприятии продолжается и днем и ночью. Требования закона удовлетворены, но удовлетворены ли требования гуманности?» Помимо «разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм» отмечается также «роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских».

[194] «Так, напр., в моем округе в одном и том же фабричном здании один и тот же фабрикант как белильщик и красильщик подчинен «Акту о белильнях и красильнях», как ситцепечатник — «Printworks' Act'y» [«Закону о ситцепечатных фабриках»] и как finisher (аппретурщик) — «Factory Act'y» [«Фабричному закону»]». (Донесение г. Бэкера в «Reports etc. for 31st October 1861», стр. 20.) Перечислив различные постановления этих законов и вытекающие отсюда усложнения, г. Бэкер говорит: «Мы видим, как трудно обеспечить исполнение этих трех парламентских актов, если владелец фабрики захочет обойти закон». Но зато господам юристам это уже наверное обеспечивает процессы.

[195] Так, фабричные инспектора решаются, наконец, сказать: «Эти возражения (капитала против законодательного ограничения рабочего времени) должны пасть перед широким принципом прав труда... Наступает момент, когда право хозяина на труд его работника прекращается, и его время

В Североамериканских Соединенных Штатах всякое самостоятельное рабочее движение парализовалось, пока часть республики обезображивалась рабством. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии. Всеобщий рабочий конгресс в Балтиморе (16 августа 1866 г.) заявляет: «Первым и великим требованием современности, необходимым для освобождения труда этой страны от капиталистического рабства, является издание закона, который признал бы восьмичасовой день нормальным рабочим днем во всех штатах американского союза. Мы решили напрячь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата»[196]. Одновременно (начало сентября 1866 г.) конгресс «Международного товарищества рабочих» в Женеве, согласно предложению Лондонского генерального совета, постановил: «Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения должны потерпеть неудачу, является ограничение рабочего дня... Мы предлагаем признать 8 часов труда законным пределом рабочего дня».

Таким образом, рабочее движение, инстинктивно выросшее по обеим сторонам Атлантического океана из самих производственных отношений, оправдывает заявление английского фабричного инспектора Р. Дж. Сондерса: «Невозможно предпринять дальнейших шагов на пути реформирования общества с какой бы то ни было надеждой на успех, если предварительно не будет ограничен рабочий день и не будет вынуждено строгое соблюдение установленных для него границ»[197].

Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец — товаровладельцам. Договор, по которому он продавал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому демонстрировал, что он свободно распоряжается

становится его собственностью даже в том случае, если нет еще вопроса об истощении» («Reports etc. for 31st October 1862», стр. 54).

[196] «Мы, рабочие Данкерка, заявляем, что продолжительность рабочего времени, требующаяся при теперешней системе, слишком велика и не оставляет рабочему времени для отдыха и развития, а, напротив, принижает его до состояния порабощения, которое не многим лучше рабства («a condition of servitude but little better than slavery»). Поэтому мы решили, что для рабочего дня достаточно восьми часов и что закон должен признать его достаточным; мы призываем к содействию нам печать, этот мощный рычаг,... а всех, кто откажет в этом содействии, будем считать врагами рабочей реформы и рабочих прав» (постановления рабочих в Данкерке, штат Нью-Йорк, 1866 г.).

[197] «Reports etc. for 31st October 1848», стр. 112.

самим собою. По заключении сделки оказывается, что он вовсе не был «свободным агентом», что время, на которое он свободно продает свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать[198], что в действительности вампир не выпускает его до тех пор, пока еще «остается для высасывания хотя бы единый мускул, единая жилка, единая капля крови»[199]. Чтобы «защитить» себя от die Schlange ihrer Qualen [змеи своих мучений], рабочие должны объединиться и, как класс, заставить издать государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство[200]. На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta [великая хартия] ограниченного законом рабочего дня, которая, «наконец, устанавливает точно, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому»[201]. Quantum mutatus ab illo! [Какая перемена по сравнению с тем, что было!]

---

[198] «Эти действия (маневры капитала, напр., в 1848—1850 гг.) дали, кроме того, неопровержимое доказательство неправильности столь часто выдвигаемого утверждения, будто рабочие не нуждаются в покровительстве и должны рассматриваться как агенты, совершенно свободно располагающие единственной своей собственностью, т. е. трудом рук своих и потом лица своего» («Reports etc. for 30th April 1850», стр. 45). «Свободный труд, если вообще его можно так назвать, даже и в свободной стране требует для своей защиты сильной руки закона» («Reports etc. for 31st October 1864», стр. 34). «Позволять... или, что сводится к тому же, заставлять... работать по 14 часов в сутки с перерывами для еды или без них и т. д.» («Reports etc. for 30th April 1863», стр. 40).

[199] *Friedrich Engels:* «Die englische Zehnstundenbill» (в «Neue Rheinische Zeitung», Aprilheft, 1850, стр. 5). [*Ф. Энгельс:* «Английский билль о десятичасовом рабочем дне». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 101.]

[200] Десятичасовой билль в подчиненных ему отраслях промышленности «спас рабочих от полного вырождения и взял под свою охрану их физическое здоровье» («Reports etc. for 31st October 1859», стр. 47). «Капитал (на фабриках) не может поддерживать машину в движении сверх ограниченного периода времени, не причиняя вреда здоровью и нравственности занятых им рабочих, а они не в состоянии защитить себя сами» (там же, стр. 8).

[201] «Еще большее благо заключается в том, что, наконец, проводится ясная граница между собственным временем рабочего и временем его хозяина. Рабочий знает теперь, когда оканчивается то время, которое он продает, и когда начинается его собственное время, и, заранее точно зная свое время, он в состоянии наиболее целесообразно распределить свои собственные минуты» (там же, стр. 52). «Сделав рабочего хозяином его собственного времени, они (фабричные законы) дали ему нравственную силу, которая направляет его к обладанию политической властью» (там же, стр. 47). Со сдержанной иронией и в весьма осторожных выражениях фабричные инспектора намекают на то, что теперешний закон о десятичасовом рабочем дне до некоторой степени освободил и капиталиста от первобытной грубости, присущей ему как простому воплощению капитала, и дал ему время для некоторого «образования». Раньше «хозяин не имел времени ни на что другое, кроме наживы денег, а служащий не имел времени ни на что другое, кроме труда» (там же, стр. 48).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НОРМА И МАССА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

В этой главе, как и раньше, мы предполагаем, что стоимость рабочей силы, следовательно та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства или сохранения рабочей силы, представляет величину данную, постоянную.

При таком предположении вместе с нормой прибавочной стоимости дана и та ее масса, которую отдельный рабочий доставляет капиталисту за определенный период времени. Если, напр., необходимый труд составляет 6 часов в день, что, выраженное в количестве золота, составляет 3 ш., или 1 талер, то 1 талер представляет собою дневную стоимость рабочей силы, или капитальную стоимость, авансированную на покупку рабочей силы. Далее, если норма прибавочной стоимости = 100%, то этот переменный капитал в 1 талер производит массу прибавочной стоимости в 1 талер, или рабочий доставляет ежедневно массу прибавочного труда в 6 часов.

Но переменный капитал есть денежное выражение совокупной стоимости всех рабочих сил, которые одновременно употребляются капиталистом. Следовательно, стоимость авансированного переменного капитала равна средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на число употребляемых рабочих сил. Поэтому при данной стоимости рабочей силы величина переменного капитала прямо пропорциональна числу одновременно занятых рабочих. Таким образом, если дневная стоимость одной рабочей силы = 1 талеру, то необходимо авансировать капитал в 100 талеров, чтобы эксплуатировать 100 рабочих сил, и в n талеров, чтобы ежедневно эксплуатировать n рабочих сил.

Точно так же, если переменный капитал в 1 талер, дневная стоимость одной рабочей силы, производит ежедневную прибавочную стоимость в 1 талер, то переменный капитал в 100 талеров производит ежедневную прибавочную стоимость в 100, а капитал в n талеров — ежедневную прибавочную стоимость в 1 талер $\times n$. Следовательно, масса производимой прибавочной стоимости равна прибавочной стоимости, доставляемой рабочим днем отдельного рабочего, помноженной на число применяемых рабочих. Но,

далее, так как масса прибавочной стоимости, производимой отдельным рабочим, при данной стоимости рабочей силы определяется нормой прибавочной стоимости, то из этого вытекает следующий первый закон: масса производимой прибавочной стоимости равна величине авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости, или определяется сложным отношением между числом одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталистом рабочих сил и степенью эксплуатации отдельной рабочей силы.

Итак, если массу прибавочной стоимости мы обозначим через *M*, прибавочную стоимость, доставляемую отдельным рабочим в среднем за день, через *m*, переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы, через *v*, общую сумму переменного капитала через *V*, стоимость средней рабочей силы через *k*, степень ее эксплуатации через $\frac{a'}{a}\left(\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}\right)$ и число применяемых рабочих через *n*, то мы получим:

$$M = \begin{cases} \frac{m}{v} \times V \\ k \times \frac{a'}{a} \times n \end{cases}$$

Мы постоянно предполагаем, что не только стоимость средней рабочей силы есть величина постоянная, но что и применяемые капиталистом рабочие сведены к среднему рабочему. Бывают исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость возрастает не пропорционально числу эксплуатируемых рабочих, но тогда и стоимость рабочей силы не остается постоянной.

Поэтому при производстве определенной массы прибавочной стоимости уменьшение одного фактора может быть возмещено увеличением другого. Если переменный капитал уменьшается и одновременно норма прибавочной стоимости повышается в той же пропорции, то масса производимой прибавочной стоимости остается неизменной. Если при сохранении прежних предположений капиталисту приходится авансировать 100 талеров для того, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочих, и если норма прибавочной стоимости составляет 50%, то этот переменный капитал в 100 доставляет прибавочную стоимость в 50 талеров, или в 3×100 рабочих часов. Если норма прибавочной стоимости удваивается, или рабочий день удлиняется не с 6 до 9, а с 6 до 12 часов, то уменьшенный наполовину переменный капитал, капитал в 50 талеров, приносит прибавочную стоимость опять-таки в 50 талеров, или в 6×50 рабочих часов. Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть компенсировано пропорциональным

повышением нормы эксплуатации рабочей силы, или уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным удлинением рабочего дня. Таким образом, в известных границах, предложение труда, которое может быть вынуждено капиталом, независимо от предложения рабочих[202]. Наоборот, уменьшение нормы прибавочной стоимости оставляет массу производимой прибавочной стоимости без изменения, если пропорционально возрастает величина переменного капитала или число занятых рабочих.

Однако компенсация числа рабочих, или величины переменного капитала, повышением нормы прибавочной стоимости, или удлинением рабочего дня, встречает границы, которых она не в состоянии переступить. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли рабочее время, необходимое для поддержания рабочего, 2 или 10 часов, во всяком случае совокупная стоимость, которую рабочий может производить изо дня в день, меньше стоимости, в которой овеществлены 24 рабочих часа, меньше 12 ш. или 4 талеров, если таково денежное выражение этих 24 часов овеществленного труда. При нашем прежнем предположении, согласно которому ежедневно требуется 6 рабочих часов для того, чтобы воспроизвести самое рабочую силу, или авансированную на ее покупку капитальную стоимость, переменный капитал в 500 талеров, который применяет 500 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100%, или при 12-часовом рабочем дне, ежедневно производит прибавочную стоимость в 500 талеров, или в 6×500 рабочих часов. Капитал в 100 талеров, ежедневно применяющий 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 200%, или при 18-часовом рабочем дне, производит массу прибавочной стоимости лишь в 200 талеров, или в 12×100 рабочих часов. И вся вновь созданная им стоимость, эквивалент авансированного переменного капитала плюс прибавочная стоимость, никогда, ни в какой день не может достигнуть суммы в 400 талеров, или в 24×100 рабочих часов. Абсолютная граница среднего рабочего дня, который по природе всегда меньше 24 часов, образует абсолютную границу для компенсации уменьшения переменного капитала увеличением нормы прибавочной стоимости, или уменьшения числа эксплуатируемых рабочих повышением степени эксплуатации рабочей силы. Этот до осязательности ясный второй закон важен для объяснения многих явлений, возникающих из тенденции капитала, о которой мы будем говорить позже, — тенденции возможно больше сокращать число занимаемых им рабочих, или свою переменную состав-

[202] Этот элементарный закон, повидимому, неизвестен господам из лагеря вульгарной экономии — эти Архимеды навыворот воображают, будто в определении рыночных цен труда спросом и предложением они нашли точку опоры, и притом не для того, чтобы перевернуть мир, а для того, чтобы остановить его.

ную часть, превращаемую в рабочую силу, что стоит в противоречии с другой его тенденцией — производить возможно бо́льшую массу прибавочной стоимости. Наоборот. Если масса применяемых рабочих сил, или величина переменного капитала, возрастает, но не пропорционально уменьшению нормы прибавочной стоимости, то масса производимой прибавочной стоимости понижается.

Третий закон вытекает из определения массы производимой прибавочной стоимости двумя факторами — нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала. Если дана норма прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы, и стоимость рабочей силы, или величина необходимого рабочего времени, то само собою понятно, что чем больше переменный капитал, тем больше масса производимой стоимости и прибавочной стоимости. Если дана граница рабочего дня, а также граница его необходимой составной части, то масса стоимости и прибавочной стоимости, производимой отдельным капиталистом, очевидно, зависит исключительно от той массы труда, которую он приводит в движение. А масса приводимого им в движение труда при данных предположениях зависит от массы рабочей силы, или числа рабочих, которых он эксплуатирует, число же это, в свою очередь, определяется величиной авансированного им переменного капитала. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости и данной стоимости рабочей силы, массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов. Но мы уже знаем, что капиталист делит свой капитал на две части. Одну часть он затрачивает на средства производства. Это — постоянная часть его капитала. Другую часть он превращает в живую рабочую силу. Эта часть образует его переменный капитал. На базисе одного и того же способа производства в различных отраслях производства находит себе место различное деление капитала на постоянную и переменную составные части. В одной и той же отрасли производства это отношение изменяется с изменением технической основы и общественной комбинации процесса производства. Но каким бы образом данный капитал ни распадался на постоянную и переменную составную часть, будет ли последняя относиться к первой как $1:2$, или $1:10$, или $1:x$, это нисколько не затрагивает только что установленного закона, так как согласно прежнему анализу стоимость постоянного капитала хотя и проявляется вновь в стоимости продукта, но не входит во вновь созданную стоимость. Чтобы применять 1 000 прядильщиков, требуется, конечно, больше сырого материала, веретен и т. д., чем для того, чтобы применять 100 прядильщиков. Но пусть стоимость этих добавочных средств производства повышается, падает или остается неизменной, пусть она будет велика или мала, — она во всяком случае не оказывает

никакого влияния на процесс возрастания стоимости, осуществляемый теми рабочими силами, которые приводят эти средства производства в движение. Следовательно, констатированный выше закон принимает такую форму: производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу.

Этот закон явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений. Каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который в процентном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев для того, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ может представлять действительную величину. Хотя классическая экономия никогда не формулировала этого закона, однако она инстинктивно придерживается его, потому что он вообще представляет необходимое следствие закона стоимости. Она пытается спасти его посредством насильственной абстракции от противоречий явления. Позже [203] мы увидим, как школа Рикардо споткнулась об этот камень преткновения. Вульгарная экономия, которая «действительно так ничему и не научилась», здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления. Она полагает, в противоположность Спинозе, что «невежество есть достаточное основание».

Труд, изо дня в день приводимый в движение совокупным капиталом известного общества, можно рассматривать как одинединственный рабочий день. Если, напр., число рабочих — один миллион, а средний рабочий день отдельного рабочего составляет 10 часов, то общественный рабочий день состоит из 10 миллионов часов. При данной продолжительности этого рабочего дня — определяются ли его границы физическими или социальными условиями — масса прибавочной стоимости может быть увеличена только посредством увеличения числа рабочих, т. е. рабочего населения. Увеличение населения образует здесь математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным общественным капиталом. Наоборот. При данной величине населения эта гра-

---

[203] Подробнее об этом в «Четвертой книге».

ница определяется возможным удлинением рабочего дня [204]. В следующей главе мы увидим, что этот закон имеет значение лишь для той формы прибавочной стоимости, которую мы рассматривали до сих пор.

Из предыдущего рассмотрения производства прибавочной стоимости следует, что не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров. Минимум переменного капитала — это та сумма, которую капиталист должен издержать на покупку одной рабочей силы, употребляемой изо дня в день в течение целого года для извлечения прибавочной стоимости. Если бы у рабочего были свои собственные средства производства и если бы он довольствовался жизнью рабочего, то для него было бы достаточно рабочего времени, необходимого для воспроизводства его жизненных средств, скажем 8 часов в день. Следовательно, и средств производства ему требовалось бы только на 8 рабочих часов. Напротив, капиталист, который кроме этих 8 часов заставляет его выполнять еще, скажем, 4 часа прибавочного труда, нуждается в добавочной денежной сумме для приобретения добавочных средств производства. Однако при нашем предположении ему пришлось бы применять двух рабочих уже для того, чтобы на ежедневно присваиваемую прибавочную стоимость вести жизнь рабочего, т. е. иметь возможность удовлетворять свои необходимые потребности. В этом случае целью его производства было бы просто поддержание жизни, а не увеличение богатства; между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее. Для того чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости, ему пришлось бы вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансируемого капитала. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но тогда он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет «мелким хозяйчиком». Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на

---

[204] «Труд общества, т. е. время, употребляемое в хозяйстве, есть величина данная, скажем 10 часов в день на каждого из миллиона населения, или десять миллионов часов... Капитал имеет свой предел возрастания. Предел этот во всякий данный период может быть достигнут посредством использования всего времени, которое имеется в распоряжении для производительного употребления» («An Essay on the Political Economy of Nations». London 1821, стр. 47, 49).

продажу продуктов этого труда [205]. Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленного мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия [205a].

Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства в зависимости от их особых технических условий. Известные отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала, которого в это время

---

[205] «Фермер не может рассчитывать на свой собственный труд, а если он это делает, то я покажу, что он проигрывает от этого. Его занятием должно быть общее наблюдение за целым: следует наблюдать за молотильщиком, иначе плата последнему будет потеряна потому, что хлеб не будет вымолачиваться; ему следует наблюдать за своими косцами, жнецами и т. д.; он должен постоянно обходить свои загороди; он должен смотреть, чтобы здесь не было никаких упущений; это случится, если он будет прикован к какому-нибудь одному месту» («An Inquiry into the Connection between the present Price of Provisions and the Size of Farms etc. By a Farmer». London 1773, стр. 12). Эта работа очень интересна. По ней можно изучать возникновение «capitalist farmer» [«фермера-капиталиста»] или «merchant farmer» [«фермера-купца»], как он прямо назван здесь, и слушать его самовозвеличение перед «small farmer» [«мелким фермером»], для которого дело сводится по существу к средствам пропитания. «Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и совершенно освобождается от необходимости ручного труда» («Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations. By the Rev. Richard Jones». Hertford 1852, Lecture III, стр. 39). [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 316.]

[205a] Молекулярная теория, нашедшая себе применение в современной химии и впервые научно развитая Лораном и Жераром, основывается именно на этом законе. {*Добавление к 3-му изд.* В пояснение этого замечания, довольно темного для лиц, не знакомых с химией, укажем, что автор говорит здесь об углеводистых соединениях, сначала названных в 1843 г. Жераром «гомологическими рядами», из которых каждый имеет свою собственную алгебраическую формулу. Например, ряд парафина: C_nH_{2n+2}; ряд нормальных алкоголей: $C_nH_{2n+2}O$; нормальных жирных кислот: $C_nH_{2n}O_2$ и мн. др. В приведенных примерах посредством простого количественного прибавления CH_2 к молекулярной формуле каждый раз получается качественно различное тело. Относительно преувеличенного Марксом участия Лорана и Жерара в установлении этого важного факта ср. *Kopp:* «Entwicklung der Chemie», München 1873, стр. 709 и 716, и *Schorlemmer:* «Rise and Development of Organic Chemistry», London 1879, стр. 54. — *Ф. Э.*}

еще не встречается в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии частным лицам, как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой стороны, — образование обществ с узаконенной монополией на ведение известных отраслей промышленности и торговли[206] — этих предшественников современных акционерных обществ.

Мы не останавливаемся на деталях тех изменений, которые претерпело отношение между капиталистом и наемным рабочим в течение процесса производства, не останавливаемся, следовательно, на дальнейшем развертывании определений самого капитала. Отметим только немногие главные пункты.

В процессе производства капитал развился в командование над трудом, т. е. над действующей рабочей силой, или самим рабочим. Персонифицированный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий исполнял свое дело как следует и с надлежащей степенью интенсивности.

Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует тесный круг его собственных жизненных потребностей. И стимулируя чужое трудолюбие, выкачивая прибавочный труд и эксплуатируя рабочую силу, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит в этом отношении все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде.

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он его исторически застает. Следовательно, он не сразу изменяет способ производства. Поэтому производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось независимым от какой бы то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне оно было не менее действительным, чем в современной хлопкопрядильне.

Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, напр., он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не капиталисту. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса возрастания стоимости. Средства производства тотчас же

---

[206] Учреждения этого рода Мартин Лютер называет «die Gesellschaft-Monopolia» [«общество-монополия»].

превращаются в средства впитывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса, а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и мастерские, которые ночью отдыхают и не впитывают живого труда, представляют собою «чистую потерю» («mere loss») для капиталиста. Поэтому плавильные печи и мастерские обосновывают известное «притязание на ночной труд» рабочих сил. Простое превращение денег в материальные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул и принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд. Один пример в заключение покажет нам, как эта свойственная капиталистическому производству и характеризующая его перетасовка, даже извращение соотношения между мертвым и живым трудом, между стоимостью и той силой, которая создает стоимость, отражается в головах капиталистов. Во время бунта английских фабрикантов 1848—1850 гг. «глава льно- и бумагопрядильной фабрики в Пейзли, одной из старейших и почтеннейших фирм западной Шотландии, компании Карлейль, сыновья и К°, которая существует с 1752 г. и из поколения в поколение ведется одной и той же фамилией», — этот чрезвычайно интеллигентный джентльмен написал в «Glasgow Daily Mail» от 25 апреля 1849 г. письмо [207] под заглавием «Relaissystem», где встречается, между прочим, следующее невероятно наивное место: «Рассмотрим же те бедствия, которые проистекут от сокращения рабочего времени с 12 до 10 часов... Они «сводятся» к самому серьезному вреду для перспектив и собственности фабриканта. Если он (т. е. его «руки») работал 12 часов и будет ограничен 10 часами, то каждые 12 машин или веретен его заведения сокращаются до 10 («then every 12 machines or spindles, in his establishment, shrink to 10»), и если бы он захотел продать свою фабрику, то они оценивались бы только как 10, так что каждая фабрика во всей стране утратила бы одну шестую часть своей стоимости» [208].

Для этого наследственно-капиталистического мозга из западной Шотландии стоимость средств производства, веретен и т. д.

---

[207] «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1849», стр. 59.

[208] «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1849», стр. 60. Фабричный инспектор Стюарт, сам шотландец и, в противоположность английским фабричным инспекторам, совершенно захваченный капиталистическим образом мышления, прямо заявляет, что это письмо, приложенное им к своему отчету, «представляет наиполезнейшее сообщение, какое только было сделано кем-либо из фабрикантов, применяющих Relaissystem, и рассчитано в особенности на то, чтобы устранить предрассудки и возражения против этой системы».

до такой степени неразрывно сливается с их капиталистическим свойством самовозрастать или ежедневно поглощать определенное количество чужого дарового труда, что глава фирмы Карлейль и К° действительно воображает, что при продаже фабрики ему оплачивают не только стоимость веретен, но, кроме того, и возрастание их стоимости, не только труд, заключающийся в них и необходимый для производства веретен того же самого рода, но и прибавочный труд, который при их помощи ежедневно высасывается из бравых западных шотландцев Пейзли; и как раз по этой причине, думает он, с сокращением рабочего дня на два часа продажная цена каждых 12 прядильных машин сократится до размеров цены 10 машин!

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Та часть рабочего дня, которая производит лишь эквивалент оплаченной капиталом стоимости рабочей силы, принималась нами до сих пор за величину постоянную, и она действительно является постоянной величиной при данных условиях производства на данной ступени экономического развития общества. Сверх этого необходимого рабочего времени рабочий может работать 2, 3, 4, 6 и т. д. часов. От размеров этого удлинения зависит норма прибавочной стоимости и величина рабочего дня. Если необходимое рабочее время является, таким образом, постоянным, то весь рабочий день, напротив, представляет собою величину переменную. Предположим теперь, что нам даны как общая продолжительность рабочего дня, так и его разделение на необходимый и прибавочный труд. Пусть, напр., линия *ac*, *a*————————*b*——*c*, представляет двенадцатичасовой рабочий день, отрезок *ab* — десять часов необходимого труда, отрезок *bc* — два часа прибавочного труда. Возникает вопрос: каким образом может быть увеличено производство прибавочной стоимости, другими словами — каким образом может быть удлинен прибавочный труд без всякого дальнейшего удлинения *ac* или независимо от всякого дальнейшего удлинения *ac*?

Несмотря на то, что границы рабочего дня, *ac*, даны, *bc* может быть, повидимому, удлинено, если не путем расширения за предельный пункт *c*, который является в то же время конечным пунктом рабочего дня *ac*, то путем перемещения начального пункта *b* в противоположном направлении, в сторону *a*. Пусть в линии *a*————————*b'*—*b*——*c* отрезок *b'*—*b* равен половине *bc*, т. е. равен одному рабочему часу. Если мы предположим теперь, что при двенадцатичасовом рабочем дне *ac* пункт *b* отодвигается до

b', то *bc* расширяется до размеров *b'c*, прибавочный труд увеличивается наполовину, с 2 часов до 3, хотя рабочий день попрежнему остается двенадцатичасовой. Но это расширение прибавочного труда с *bc* до *b'c*, с 2 часов до 3, очевидно, невозможно без одновременного сокращения необходимого труда с *ab* до *ab'*, с 10 до 9 часов. Удлинению прибавочного труда соответствовало бы в данном случае сокращение необходимого труда, или часть того рабочего времени, которое рабочий до сих пор фактически употреблял на себя, должна превратиться в рабочее время, затрачиваемое в пользу капиталиста. Изменению подверглась бы при этом не длина рабочего дня, а та пропорция, в которой последний распадается на необходимый и прибавочный труд.

С другой стороны, очевидно, что сама величина прибавочного труда дана, если даны продолжительность рабочего дня и стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы, т. е. рабочее время, необходимое для ее производства, определяет собою рабочее время, необходимое для воспроизводства ее стоимости. Если один час труда выражается в количестве золота, равном половине шиллинга, или 6 п., и если дневная стоимость рабочей силы составляет 5 ш., то рабочий должен работать ежедневно десять часов, чтобы возместить дневную стоимость своей рабочей силы, уплаченную ему капиталом, или произвести эквивалент стоимости необходимых ему ежедневно жизненных средств. Стоимость этих жизненных средств определяет стоимость его рабочей силы[1], стоимость его рабочей силы определяет, в свою очередь, величину его необходимого рабочего времени. Но величина прибавочного труда получается путем вычитания необходимого рабочего времени из всего рабочего дня. По вычитании десяти часов из двенадцати остается два, и при данных условиях нет, повидимому, никакой возможности увеличить прибавочный труд за пределы этих двух часов. Конечно, капиталист может уплатить рабочему вместо 5 ш.

---

[1] Стоимость средней поденной заработной платы определяется тем, что рабочему нужно, «чтобы жить, трудиться и размножаться» (*William Petty:* «Political Anatomy of Ireland», 1672, стр. 64). «Цена труда всегда составляется из цены необходимых средств существования». Рабочий не получает надлежащей платы, «если... получаемый рабочим заработок не дает ему возможности поддерживать, сообразно его низкому званию и положению как рабочего, такое семейство, какое зачастую является уделом многих из них» (*J. Vanderlint:* «Money answers all Things». London 1734, стр. 15). «Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и знания ремесла, получает лишь столько, за сколько ему удается продать свой труд другим... Во всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработок рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» (*Turgot:* «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses». Oeuvres, изд. Daire, т. I, стр. 10). «Цена средств, необходимых для жизни, есть в действительности стоимость производства труда» (*Malthus:* «Inquiry into the Nature and Progress of Rent and the Principles by which it is regulated». London 1815, стр. 48, примечание).

только 4 ш. 6 п. или даже еще меньше. Для воспроизводства этой стоимости в 4 ш. 6 п. достаточно было бы 9 рабочих часов, и, таким образом, на долю прибавочного труда теперь пришлось бы из 12-часового рабочего дня вместо двух три часа, вследствие чего сама прибавочная стоимость повышается с 1 ш. до 1 ш. 6 п. Однако такого результата можно было бы достигнуть лишь путем понижения платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы. Имея всего 4 ш. 6 п., производимые им в течение 9 часов, он располагает на $^1/_{10}$ меньшим количеством средств к жизни, чем раньше, и благодаря этому может совершаться лишь урезанное воспроизводство его рабочей силы. В данном случае прибавочный труд может быть удлинен лишь путем нарушения его нормальных границ, его область может быть расширена лишь путем узурпаторских захватов в области необходимого рабочего времени. Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключен, так как по нашему предположению все товары, — а следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости. Раз это предположено, причиной уменьшения рабочего времени, необходимого для производства рабочей силы или для воспроизводства ее стоимости, может быть не понижение заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы, а лишь понижение самой этой стоимости. При данной длине рабочего дня возрастание прибавочного труда должно возникать вследствие сокращения необходимого рабочего времени, а не наоборот, — не сокращение необходимого рабочего времени вследствие возрастания прибавочного труда. Для того чтобы в нашем примере необходимое рабочее время уменьшилось на $^1/_{10}$, т. е. с 10 часов до 9, а следовательно, прибавочный труд возрос с 2 до 3 часов, необходимо действительное понижение стоимости рабочей силы на $^1/_{10}$.

Но такое понижение стоимости рабочей силы на одну десятую предполагает, в свою очередь, что то же самое количество жизненных средств, которое раньше производилось в течение 10 часов, теперь производится в течение 9 часов. Но это невозможно без повышения производительной силы труда. Пусть, напр., при данных средствах производства сапожник может изготовить в течение 12-часового рабочего дня одну пару сапог. Чтобы он мог в тот же срок изготовить две пары сапог, производительная сила его труда должна удвоиться, а она не может удвоиться без изменения средств или методов его труда или того и другого одновременно. Должна, следовательно, произойти революция в производственных условиях его труда, т. е. в его способе производства, а потому и в самом процессе труда. Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для

производства данного товара; таким образом, меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости[2]. Итак, если при исследовании производства прибавочной стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной, существующей форме и увеличивает лишь его продолжительность. Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости.

Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, я называю абсолютной прибавочной стоимостью. Напротив, ту прибавочную стоимость, которая возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответственно — изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня, я называю относительной прибавочной стоимостью.

Чтобы понизилась стоимость рабочей силы, повышение производительности труда должно захватить те отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, т. е. или уже принадлежат к числу обычных жизненных средств, или могут заменить последние. Но стоимость товара определяется не только количеством того труда, который сообщает товару окончательную форму, но также количеством труда, содержащегося в средствах производства этого товара. Например стоимость сапога определяется не только трудом сапожника, но и стоимостью кожи, смолы, дратвы и т. д. Следовательно, стоимость рабочей силы падает также вследствие повышения производительной силы труда и соответственного удешевления товаров в тех отраслях промышленности, которые доставляют вещественные элементы постоянного капитала, т. е. средства труда и материал труда, для изготовления необходимых жизненных средств. Напротив, повышение

---

[2] «Когда совершенствуются ремесла, дело сводится к открытию новых методов, благодаря которым данная работа может быть произведена с меньшим количеством людей или (что то же самое) в более короткое время, чем раньше» (*Galiani:* «Della Moneta», т. III, в сборнике *Custodi:* «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica», Parte Moderna. Milano 1803, стр. 158, 159). «Экономия на издержках производства не может быть чем-либо иным, как только экономией на количестве труда, употребляемого на производство» (*Sismondi:* «Études etc.», т. I, стр. 22).

производительной силы в таких отраслях производства, которые не доставляют ни необходимых жизненных средств, ни средств производства для их изготовления, оставляет стоимость рабочей силы без изменения.

Удешевление товаров понижает, конечно, стоимость рабочей силы лишь pro tanto, т. е. лишь в соответствии с тем, насколько товар этот принимает участие в воспроизводстве рабочей силы. Так, напр., рубашка есть необходимое жизненное средство, но лишь одно из многих. Удешевление этого товара уменьшает только затраты рабочего на рубашки. Но общая сумма необходимых жизненных средств состоит из различных товаров, из разнороднейших продуктов особых отраслей промышленности, и стоимость каждого такого товара образует всегда соответственную часть стоимости рабочей силы. Эта последняя стоимость уменьшается вместе с необходимым для ее воспроизводства рабочим временем, общее сокращение которого равно сумме его сокращений во всех упомянутых выше особых отраслях производства. Мы рассматриваем здесь этот общий результат так, как будто бы он был непосредственным результатом и непосредственной целью в каждом частном случае. Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, напр. рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью pro tanto понизить стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время; однако лишь постольку, поскольку он, в конце концов, содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости[3]. Общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от форм их проявления.

Здесь не место рассматривать, каким именно путем имманентные законы капиталистического производства проявляются во внешнем движении капиталов, действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности. Во всяком случае ясно одно: научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала, — совершенно так же, как кажущееся движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но не воспринимаемое непосредственно движение. Но для того, чтобы понять производство прибавочной стоимости, и притом только на основе уже достигнутых результатов нашего анализа, необходимо отметить следующее.

---

[3] «Когда фабрикант путем усовершенствования машин удваивает количество получаемого им продукта... он выигрывает (в конце концов) лишь постольку, поскольку он благодаря этому получает возможность дешевле одеть рабочего... поскольку, следовательно, на долю рабочего падает теперь меньшая часть всего продукта» (*Ramsay:* «An Essay on the Distribution of Wealth». London 1821, стр. 168, 169).

Если один рабочий час выражается в количестве золота, равном 6 п., или $^1/_2$ ш., то в течение 12-часового рабочего дня будет произведена стоимость в 6 ш. Пусть при данном уровне производительной силы труда в течение этих 12 рабочих часов приготовляются 12 единиц товара. Стоимость средств производства, сырого материала и т. п., употребленных на каждую штуку товара, пусть будет 6 п. При этих обстоятельствах каждый отдельный товар стоит один шиллинг, а именно: 6 п. — стоимость средств производства и 6 п. — вновь присоединенная к ним при обработке стоимость. Допустим теперь, что какому-нибудь капиталисту удается удвоить производительную силу труда, так что в 12-часовой рабочий день он производит не 12, а уже 24 штуки товара этого рода. Если стоимость средств производства осталась без изменения, то стоимость отдельной штуки товара понижается теперь до 9 п., именно 6 п. — стоимость средств производства и 3 п. — стоимость, вновь присоединенная последним трудом. Несмотря на удвоение производительной силы труда, рабочий день создает и теперь, как раньше, новую стоимость в 6 ш., но только эта последняя распределяется на вдвое большее количество товаров. На каждый отдельный продукт падает поэтому лишь $^1/_{24}$ вместо $^1/_{12}$ этой общей стоимости, 3 п. вместо 6 п., или, — что то же самое, — к средствам производства при их превращении в готовый продукт присоединяется теперь полчаса труда на каждую штуку товара, а не целый час, как это было раньше. Индивидуальная стоимость этого товара теперь ниже его общественной стоимости, т. е. товар стоит меньше рабочего времени, чем огромная масса продуктов того же рода, произведенных при средних общественных условиях. Штука товара стоит в среднем 1 ш., или представляет собою 2 часа общественного труда; при изменившемся способе производства она стоит лишь 9 п., т. е. содержит в себе лишь $1^1/_2$ часа труда. Но действительной стоимостью товара является не его индивидуальная, а его общественная стоимость, т. е. стоимость эта измеряется не тем количеством рабочего времени, в которое фактически обошелся товар производителю его в данном отдельном случае, а рабочим временем, общественно необходимым для производства товара. Следовательно, если капиталист, применивший новый метод, продает свой товар по его общественной стоимости в 1 ш., он продает его на три пенса выше его индивидуальной стоимости и таким образом реализует добавочную прибавочную стоимость в 3 п. С другой стороны, двенадцатичасовой рабочий день выражается теперь для него в 24 штуках товара вместо прежних 12. Следовательно, чтобы продать продукт одного рабочего дня, ему необходимо теперь вдвое увеличить сбыт или рынок для своего товара. При прочих равных условиях его товары могут завоевать себе больший рынок лишь путем понижения своих цен. Поэтому капиталист будет продавать их выше их индивидуальной, но ниже их общественной стоимости,

напр. по 10 п. за штуку. Таким образом из каждой штуки он все-таки выжмет добавочную прибавочную стоимость в 1 п. Это повышение прибавочной стоимости он получит независимо от того, принадлежит или нет его товар к числу необходимых жизненных средств, входит или не входит он как определяющий момент в общую стоимость рабочей силы. Следовательно, независимо от этого последнего обстоятельства каждый отдельный капиталист заинтересован в удешевлении товара путем повышения производительной силы труда.

Но даже и в рассматриваемом случае увеличенное производство прибавочной стоимости возникает из сокращения необходимого рабочего времени и соответственного удлинения прибавочного труда[3a]. Пусть необходимое рабочее время равняется 10 часам, т. е. дневная стоимость рабочей силы 5 ш., прибавочный труд — 2 часам, а производимая ежедневно прибавочная стоимость — 1 ш. Но наш капиталист производит теперь 24 штуки товара, которые он продает по 10 п. за штуку, т. е. всего за 20 ш. Так как стоимость средств производства равна 12 ш., то $14^2/_5$ штуки товара лишь возмещают авансированный постоянный капитал. Двенадцатичасовой рабочий день выражается в остальных $9^3/_5$ штуках. Так как цена рабочей силы = 5 ш., то в 6 штуках товара выражается необходимое рабочее время и в $3^3/_5$ штуках — прибавочный труд. Отношение необходимого труда к прибавочному труду, составлявшее при средних общественных условиях 5:1, составляет теперь только 5:3. Тот же самый результат можно получить еще следующим образом. Стоимость продукта двенадцатичасового рабочего дня = 20 ш. Из них 12 ш. приходятся на стоимость средств производства, лишь вновь появляющуюся в стоимости продукта. Следовательно, остаются 8 ш. как денежное выражение стоимости, в которой представлен рабочий день. Это денежное выражение больше, чем денежное выражение общественно среднего труда того же самого вида, потому что 12 часов последнего выражаются лишь в 6 ш. Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода. Но наш капиталист теперь, как и раньше, уплачивает лишь 5 ш. за дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, рабочему вместо прежних десяти

[3a] «Прибыль, получаемая человеком, зависит не от того, что он господствует над продуктом труда других людей, а от того, что он господствует над самым этим трудом. Если он может продать свои продукты по более высокой цене, в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения, он, очевидно, получит выгоду Тогда меньшей части того, что он произвел, достаточно, чтобы привести в движение этот труд, и, следовательно, бо́льшая часть остается в его собственную пользу» («Outlines of Political Economy». London 1832, стр. 49, 50).

требуется теперь только $7^1/_2$ часов для воспроизводства этой стоимости. Его прибавочный труд возрастает поэтому на $2^1/_2$ часа, произведенная им прибавочная стоимость — с 1 ш. до 3 ш. Таким образом, капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает бо̀льшую часть рабочего дня в качестве прибавочного труда, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. Он в отдельном случае делает то же самое, что в общем и целом совершает весь капитал при производстве относительной прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, эта добавочная прибавочная стоимость исчезает, как только новый способ производства приобретает всеобщее распространение, и вместе с тем устраняется разница между индивидуальной стоимостью дешевле производимого товара и его общественной стоимостью. Тот же самый закон определения стоимости рабочим временем, который дает себя почувствовать введшему новый способ производства капиталисту в той форме, что он должен продавать товар ниже его общественной стоимости, — этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый способ производства[4]. Итак, общую норму прибавочной стоимости весь этот процесс затронет лишь тогда, когда повышение производительной силы труда распространится на такие отрасли производства и, следовательно, удешевит такие товары, которые входят в круг необходимых жизненных средств и потому образуют элементы стоимости рабочей силы.

Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарными стоимостями. Напротив, относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда. Средний общественный рабочий день в 12 часов, при неизменной стоимости денег, производит всегда одну и ту же новую стоимость в 6 ш., в каком бы отношении эта сумма стоимости ни распадалась на эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. Но если вследствие повышения производительной силы труда стоимость ежедневных жизненных средств, а следовательно, и дневная стоимость рабочей силы понижается с 5 до 3 ш., то прибавочная стоимость

---

[4] «Если мой сосед, производя больше с меньшим количеством труда, может продавать дешево, я должен стараться продавать так же дешево, как он. Так что всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющие обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает в других, так сказать, необходимость соревнования или путем использования того самого метода, инструмента или машины, или же путем изобретения чего-либо подобного им, так чтобы все находились в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» («The Advantages of East-India Trade to England». London 1720, стр. 67).

возрастает с 1 до 3 ш. Для того, чтобы воспроизвести стоимость рабочей силы, прежде было необходимо 10 часов труда, а теперь требуется только 6 рабочих часов. Четыре часа освободились и могут быть присоединены к области прибавочного труда. Отсюда имманентное стремление и постоянная тенденция капитала повышать производительную силу труда с целью удешевить товары и при помощи удешевления товаров удешевить самого рабочего [5].

Для капиталиста, производящего товар, абсолютная стоимость последнего сама по себе безразлична. Капиталиста интересует лишь заключающаяся в товаре и реализуемая при его продаже прибавочная стоимость. Реализация прибавочной стоимости сама по себе предполагает возмещение авансированной стоимости. Так как относительная прибавочная стоимость растет прямо пропорционально развитию производительной силы труда, в то время как стоимость товаров падает в обратном отношении к этому последнему, — другими словами, так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим самым разъясняется загадочность того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров, — противоречие, которым один из основателей политической экономии, Кенэ, мучил своих противников и по поводу которого они так и не дали ему ответа. «Вы допускаете, — говорит Кенэ, — что чем больше издержек или дорогих работ удается сберечь при фабрикации промышленных продуктов без вреда для производства, тем выгоднее это сбережение, так как оно уменьшает цену продукта. И, несмотря на то, вы полагаете, что производство богатства, возникающего из труда промышленников, состоит в увеличении меновой стоимости их произведений» [6].

Таким образом, при капиталистическом производстве экономия на труде [7], получающаяся вследствие развития производи-

[5] «В той самой пропорции, в какой понижаются издержки рабочего, понижается и его заработная плата, если наряду с этим промышленность освобождается от всяких стеснений» («Considerations concerning Taking off the Bounty on Corn exported etc.». London 1753, стр. 7). «Интересы промышленности и торговли требуют, чтобы хлеб и всякие вообще предметы питания стали возможно более дешевы; ибо то, что удорожает их, удорожает также и труд... Во всех странах, где промышленность свободна от ограничений, цена предметов питания должна отражаться на цене труда. Эта последняя всегда понижается, когда становятся дешевле необходимые средства жизни» (там же, стр. 3). «Заработная плата уменьшается в той самой пропорции, в какой возрастают силы производства. Правда, машины удешевляют средства жизни, но они удешевляют также и рабочих» («A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Co-operation». London 1834, стр. 27).

[6] *Quesnay:* «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans», «Physiocrates», изд. Daire, Paris 1846, стр. 188, 189.

[7] «Эти спекулянты, которые так экономят на труде рабочих, раз им приходится его оплачивать» (*J. N. Bidaut:* «Du Monopole qui s'établit dans les

тельной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определенного количества товаров. Если рабочий вследствие повышения производительности своего труда начинает производить в течение часа, скажем, в 10 раз больше товара, чем раньше, и, следовательно, на каждую штуку товаров употребляет в десять раз меньше рабочего времени, то это нисколько не мешает тому, что его и теперь заставляют работать прежние 12 часов в день и производить в 12 часов 1200 штук товара вместо 120. Его рабочий день может при этом даже удлиниться, так что он будет теперь в течение 14 часов производить 1400 штук и т. д. Поэтому у экономистов такого пошиба, как Мак Куллох, Юр, Сениор et tutti quanti [и всех других в том же роде], вы на одной странице читаете, что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительных сил, сокращающее необходимое рабочее время, а на следующей странице, — что рабочий должен доказать эту свою благодарность, работая на будущее время 15 часов в день вместо 10. При капиталистическом производстве развитие производительной силы труда стремится сократить ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и именно таким путем удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталистов. В какой степени этот результат достижим без удешевления товаров, обнаружится при рассмотрении отдельных методов производства относительной прибавочной стоимости, к которому мы теперь и переходим.

Arts industriels et le Commerce». Paris 1828, стр. 13) «Предприниматель всегда будет употреблять усилия, чтобы экономизировать время и труд» (*Dugald Stewart:* Works, ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, т. VIII, «Lectures on Political Economy», стр. 318). «Их (капиталистов) интерес требует, чтобы производительная сила применяемых ими рабочих была возможно более велика. Поэтому их внимание направлено, и притом почти исключительно, на увеличение этой силы» (*R. Jones:* «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford 1852, Lecture III [стр. 39]). [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 316.]

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

КООПЕРАЦИЯ.

Как мы видели, капиталистическое производство начинается на деле с того момента, когда один и тот же индивидуальный капитал занимает одновременно большее число рабочих, следовательно процесс труда расширяет свои размеры и доставляет продукт в большем количестве. Действие большего числа рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства. По отношению к самому способу производства мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена.

Итак, сначала разница чисто количественная. Как мы видели, масса прибавочной стоимости, производимая данным капиталом, равна той прибавочной стоимости, которую доставляет отдельный рабочий, помноженной на число всех занятых одновременно рабочих. Число это само по себе нисколько не влияет на норму прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы; что же касается качественных изменений в процессе труда, то они, повидимому, безразличны для производства товарной стоимости вообще. Это вытекает из природы стоимости. Если один двенадцатичасовой рабочий день овеществляется в 6 ш., то 1200 таких рабочих дней в 6 ш.×1200. В одном случае в продукте воплотились 12×1200, в другом случае только 12 рабочих часов. В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц. Следовательно, с точки зрения производства стоимости совершенно безразлично, производят ли 1200 рабочих каждый отдельно или же они объединены вместе под командой одного и того же капитала.

Впрочем, здесь в известных границах происходит некоторая модификация. Труд, овеществленный в стоимости, есть труд среднего общественного качества, т. е. проявление средней рабочей

силы. Но средняя величина есть всегда средняя многих различных индивидуальных величин одного и того же вида. В каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочий, Петр или Павел, более или менее отклоняется от среднего рабочего. Такие индивидуальные отклонения, называемые на языке математиков «погрешностями», взаимно погашаются и уничтожаются, раз мы берем значительное число рабочих. Известный софист и сикофант Эдмунд Берк утверждает даже на основании своего практического опыта в качестве фермера, что все индивидуальные различия в труде стираются уже для «такого ничтожного отряда», как 5 сельскохозяйственных батраков, — следовательно, пять первых попавшихся английских батраков рабочего возраста совместно выполнят, согласно Берку, в течение данного промежутка времени совершенно такую же работу, как 5 любых других английских батраков [8]. Ясно во всяком случае, что совокупный рабочий день большого числа одновременно занятых рабочих, будучи разделен на число рабочих, является уже сам по себе днем общественного среднего труда. Пусть рабочий день одного человека продолжается, напр., двенадцать часов. Тогда рабочий день двенадцати одновременно занятых рабочих составляет совокупный рабочий день в 144 часа, и хотя труд каждого из этой дюжины рабочих более или менее отклоняется от среднего общественного труда; хотя каждый отдельный рабочий употребляет поэтому на одно и то же дело несколько больше или несколько меньше времени по сравнению с общественной средней, тем не менее рабочий день отдельного рабочего, рассматриваемый как одна двенадцатая совокупного рабочего дня в 144 часа, обладает средним общественным качеством. Но для капиталиста, который занимает дюжину рабочих, рабочий день существует лишь как совокупный рабочий день всей дюжины. Рабочий день каждого отдельного рабочего существует лишь как соответственная часть совокупного рабочего дня, совершенно независимо от того, трудятся ли эти 12 человек совместно или же вся связь между их работами состоит в том, что они работают на одного и того же капиталиста. Если же из этих 12 рабочих каждая пара получит занятие у мелкого мастера, то лишь

[8] «Бесспорно существует большая разница между стоимостью труда различных людей в зависимости от различий в силе, умении и добросовестности. Но я совершенно уверен на основании моих тщательных наблюдений, что первые попавшиеся 5 человек в целом доставят количество труда, равное труду всяких других пяти человек, находящихся в указанном мною возрасте; это значит, что из этой пятерки один окажется обладающим всеми качествами хорошего работника, другой — плохим работником, остальные три — посредственными, приближающимися то к первому, то ко второму. Таким образом, уже в таком отряде, как 5 человек, вы найдете полный комплект всего того, что вообще могут дать пять человек» (*E. Burke:* «Thoughts and Details on Scarcity». London 1800. стр. 15, 16). Ср., кроме того, Кетлэ о среднем индивидууме.

случайно каждый из этих мастеров может произвести одинаковую сумму стоимости, а следовательно, и реализовать общую норму прибавочной стоимости. При этих условиях обнаружатся индивидуальные отклонения. Если рабочий употребляет на производство товара значительно больше времени, чем это общественно необходимо, если индивидуально необходимое для него рабочее время значительно отклоняется от общественно необходимого, или среднего, рабочего времени, то его труд не может считаться средним трудом, а его рабочая сила не может считаться средней рабочей силой. Такая рабочая сила или вовсе не может быть продана, или будет продана ниже средней стоимости рабочей силы. Таким образом, предполагается определенный минимум работоспособности, и мы увидим впоследствии, что капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум. Тем не менее минимум этот отклоняется от среднего уровня, несмотря на то, что рабочую силу приходится оплачивать по ее средней стоимости. Поэтому из шести мелких хозяйчиков одни извлекут прибавочной стоимости больше, другие меньше, чем это соответствует общей норме прибавочной стоимости. Отклонения уравновесятся для всего общества, но не для отдельного мастера. Следовательно, закон возрастания стоимости вообще реализуется для отдельного производителя полностью лишь в том случае, когда последний производит как капиталист, употребляет одновременно многих рабочих, т. е. уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд [9].

Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда. Постройки, в которых работает много людей, склады для сырого материала и т. д., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащие одновременно или попеременно многим, — одним словом, часть средств производства потребляется теперь в процессе труда сообща. С одной стороны, меновая стоимость товаров, а следовательно, и средств производства, нисколько не повышается вследствие усиленной эксплуатации их потребительной стоимости. С другой стороны, масштаб средств производства, потребляемых сообща, должен возрасти. Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть поместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка мастерской на 20 рабочих стоит дешевле, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и

[9] Господин профессор Рошер сообщает нам о своем открытии, что швея, работающая на госпожу профессоршу в течение двух дней, доставляет больше труда, чем две швеи, совместно работающие на госпожу профессоршу один день. Господину профессору следовало бы понимать, что процесс капиталистического производства не наблюдают в детской, в обстановке, где нет главного действующего лица — капиталиста [*Roscher:* «Die Grundlagen der Nationalökonomie», 3-е изд., 1858, стр. 88—89].

вообще стоимость средств массового и концентрированного совместного производства растет вне соответствия с размерами этих средств производства и их полезным эффектом. Употребляемые совместно средства производства переносят меньшую долю своей стоимости на единицу продукта частью потому, что вся та стоимость, которую они отдают, распределяется одновременно на бо̀льшую массу продуктов, частью потому, что в сравнении со средствами производства, употребляемыми в отдельности, они входят в процесс производства хотя и абсолютно большей, но по отношению к сфере их действия относительно меньшей стоимостью. Вместе с тем понижается и та составная часть стоимости, которая приходится на постоянный капитал, а следовательно, понижается соответственно ее величине и совокупная стоимость товара. Результат получится тот же, как и в том случае, если бы средства производства товаров стали производиться дешевле. Эта экономия в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц. И средства производства приобретают этот характер условий общественного труда или общественных условий труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мелких хозяйчиков, — они приобретают этот характер даже в том случае, если многие рабочие объединены лишь пространственно, а не совместностью самого труда. Часть средств производства приобретает этот общественный характер даже раньше, чем его приобретает сам процесс труда.

Экономию на средствах производства вообще следует рассматривать с двоякой точки зрения. Во-первых, поскольку она удешевляет товары и тем понижает стоимость рабочей силы. Во-вторых, поскольку она изменяет отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, т. е. к сумме стоимостей его постоянной и переменной составных частей. Последний пункт будет рассмотрен лишь в первом отделе третьей книги этой работы, куда в интересах внутренней связности изложения придется отнести и многое другое, принадлежащее к затронутой здесь теме. Ход анализа требует такого рассечения предмета, да оно соответствует и духу капиталистического производства. А именно, так как при капиталистическом производстве условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятельное, то и экономия на них представляется особой операцией, которая нисколько не касается рабочего и, следовательно, обособлена от методов, повышающих его индивидуальную производительность.

Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда, называется кооперацией[10].

[10] «Concours des forces» [«соединение сил»] (*Destutt de Tracy:* «Traité de la Volonté et de ses Effets». Paris 1826, стр. 80).

Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвуют одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, напр., требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие[11]. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение много более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила[11a].

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц. Вследствие этого 12 лиц в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение двенадцати последовательных дней труда[12]. Причина этого заключается в том, что человек по самой

[11] «Существуют многочисленные операции, настолько простые, что их нельзя разделить на подразделения, но которые могут выполняться только кооперацией многочисленных рабочих рук. Таково, напр., поднятие большого бревна на телегу... и вообще всякое дело, которое может быть выполнено только большим количеством рук, одновременно помогающих друг другу в одной и той же операции» (*E. G. Wakefield:* «A View of the Art of Colonization». London 1849, стр. 168).

[11a] «Если один человек вовсе не может, а 10 человек могут только с величайшим напряжением всех своих сил поднять тяжесть весом в тонну, то сто человек достигнут этого, действуя каждый лишь одним пальцем» (*John Bellers:* «Proposals for Raising a College of Industry». London 1696, стр. 21).

[12] «В этом (т. е. когда один фермер употребляет на 300 акрах то же самое число рабочих, какое 10 мелких фермеров употребляют на 30 акрах каждый) заключается также преимущество значительного числа совместно действующих работников, которое нелегко уразуметь людям, не знакомым с делом на практике; в самом деле, кто станет оспаривать, что 1 относится к 4, как 3 относится к 12; однако на практике это положение не верно: во время жатвы и при некоторых других спешных работах дело идет лучше и успешнее, если соединить значительное число рук вместе: так, напр., 2 возчика, 2 нагрузчика, 2 подавальщика, 2 загребальщика и несколько человек на скирдах или на гумне сделают вдвое больше труда, чем то же самое количество рабочих рук, разделенных мелкими группами по отдельным фермам» («An Inquiry into the Connection between the present Price of Provisions and the Size of Farms. By a Farmer». London 1773, стр. 7, 8).

своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель[13], то во всяком случае общественное.

Хотя многие одновременно или совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного лица, как часть совокупного труда, сам может представлять различные фазы известного процесса труда, через которые обрабатываемый предмет вследствие кооперации пробегает быстрее. Так, напр., если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от основания строящегося здания до его вершины, то каждый из них делает одно и то же, и тем не менее их отдельные операции представляют непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы ее, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда и благодаря которым кирпич, пройдя через две дюжины рук совокупного рабочего, скорее доставляется на место, чем в том случае, если бы его переносили две руки отдельного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них[14]. Предмет труда пробегает то же самое пространство в более короткое время. С другой стороны, комбинирование труда происходит и в том случае, если, напр., к постройке здания приступают одновременно с разных концов, хотя бы кооперирующие работники совершали при этом один и тот же или однородный труд. При комбинированном рабочем дне в 144 часа предмет труда подвергается обработке одновременно с разных сторон, так как комбинированный или совокупный рабочий имеет глаза и руки и спереди, и сзади, обладает в известной мере вездесущием. При этом совокупный продукт подвигается к своему окончанию быстрее, чем при двенадцатичасовом рабочем дне 12-ти более или менее изолированных рабочих, которые вынуждены приступать к предмету труда более односторонне. Здесь одновременно созревают пространственно различные части продукта.

Мы подчеркиваем, что многие дополняющие друг друга рабочие совершают одинаковую или однородную работу, так как эта простейшая форма совместного труда играет крупную роль и в

[13] Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть созидатель орудий.

[14] «Следует кроме того заметить, что такое частичное разделение труда может иметь место даже в том случае, если все рабочие заняты одной и той же работой. Каменщики, напр., передающие кирпичи из рук в руки на высокие леса, все выполняют одну и ту же работу, и тем не менее между ними существует своего рода разделение труда, которое заключается в том, что каждый из них перемещает кирпич на известном протяжении и что все вместе доставляют его на место много быстрее, чем было бы в том случае, если бы каждый из них самостоятельно переносил кирпичи для себя на высокие леса» (*F. Skarbek:* «Théorie des Richesses Sociales», 2-е изд., Paris 1840, т. I, стр. 97, 98).

наиболее развитых видах кооперации. Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта[15].

Во многих отраслях производства бывают критические моменты, т. е. известные, определяемые самою природою рабочего процесса периоды времени, в течение которых необходимо должен быть достигнут определенный трудовой результат. Если требуется, напр., остричь стадо овец или сжать и убрать известное количество моргенов хлеба, то количество и качество получаемого продукта зависит от того, будет ли данная операция начата и закончена в известный момент времени. Промежуток времени, в течение которого должен быть совершен процесс труда, предопределен здесь заранее, как напр., при ловле сельдей. Отдельный человек не может выкроить из суток больше одного рабочего дня, скажем, в 12 часов, тогда как кооперация, напр. 100 человек, расширяет двенадцатичасовой день в рабочий день, вмещающий в себе 1200 часов. Краткость срока труда компенсируется величиной массы труда, выбрасываемой в решительный момент на арену труда. Своевременное получение результата зависит здесь от одновременного применения многих комбинированных рабочих дней, размеры полезного эффекта — от числа рабочих; последнее, однако, всегда менее числа тех рабочих, которые, работая изолированно, смогли бы в течение того же самого времени произвести ту же самую работу[16]. Недостаток в такого рода кооперации является причиной, почему на западе Соединенных Штатов ежегодно пропадает масса хлеба, а в тех частях Ост-Индии, где английское владычество разрушило старую общину, масса хлопка[17].

---

[15] «Если требуется выполнить сложную работу, различные операции должны совершаться одновременно. Один делает одно, другой — другое, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьет рыбу гарпуном, — и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого объединения усилий» (*Destutt de Tracy:* «Traité de la Volonté et de ses Effets». Paris 1826, стр. 78).

[16] «Выполнение их (земледельческих работ) в решительный момент имеет огромную важность» («An Inquiry into the Connection between the present Price, etc.», стр. 7). «В земледелии нет более важного фактора, чем фактор времени» (*Liebig:* «Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft», 1856, стр. 23).

[17] «Дальнейшее зло такого рода, что его едва ли кто-либо мог бы ожидать в стране, которая вывозит труда более, чем всякая иная страна мира, за исключением, быть может, Китая и Англии, — а именно, невозможность найти достаточное количество рабочих рук для собирания хлопка: Результатом этого является тот факт, что значительная часть урожая остается несобранной, а другую часть его собирают с земли, после того как хлопок уже

Кооперация, с одной стороны, позволяет расширять пространственную сферу труда, и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так, напр., она необходима при осушительных работах, постройке плотин, работах по орошению, при проведении каналов, грунтовых, железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить область производства. Это ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, позволяющее сберечь значительную часть непроизводительных издержек производства (faux frais), порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства[18].

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней комбинированный рабочий день производит бо́льшие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения известного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их жизненная энергия, или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и многосторонности, или различные операции начинают выполняться одновременно, или средства производства экономизируются благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная

осыпался и вследствие этого потерял надлежащий цвет и отчасти сгнил, так что вследствие недостатка рабочих рук в надлежащее время плантатор фактически вынужден лишиться большой доли того урожая, на который с такою жадностью устремлены взоры Англии» («Bengal Hurkaru». Bi-Monthly Overland Summary of News, 22nd July 1861).

[18] «Благодаря прогрессу земледелия все то, — а быть может, и еще более значительное, — количество капитала и труда, которое употреблялось некогда для поверхностной обработки 500 акров, сосредоточивается теперь для более основательного возделывания 100 акров». Хотя «по отношению к количеству применяемого капитала и труда пространство и сократилось, сфера производства расширилась по сравнению с той сферой производства, рамками которой ограничивалась прежде деятельность каждого отдельного самостоятельного деятеля производства» (*R. Jones:* «An Essay on the Distribution of Wealth», «On Rent». London 1831, стр. 191). [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 131.]

сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочий стирает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции[19].

Если рабочие не могут вообще вступить в процесс непосредственного сотрудничества, когда они не находятся вместе, если поэтому их скопление в определенном пункте есть условие их кооперации, то это означает, что наемные рабочие могут кооперироваться лишь в том случае, если один и тот же капитал, один и тот же капиталист применяет их одновременно, т. е. одновременно покупает их рабочие силы. Следовательно, совокупная стоимость этих рабочих сил, или сумма заработной платы рабочих за день, неделю и т. д., должна уже быть объединена в кармане капиталиста, раньше чем сами эти рабочие силы будут объединены в процессе производства. Для того чтобы оплатить труд 300 рабочих сразу, хотя бы за один только день, требуется бо̀льшая затрата капитала, чем для того чтобы оплачивать из недели в неделю труд меньшего числа рабочих в течение целого года. Таким образом, число кооперирующих рабочих, или масштаб кооперации, зависит прежде всего от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы, т. е. от того, в каких размерах каждый отдельный капиталист располагает жизненными средствами многих рабочих.

И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу. Например, затрата сырого материала для капиталиста, имеющего 300 рабочих, в 30 раз больше, чем затрата каждого из тридцати капиталистов, имеющих по 10 рабочих. Количество совместно применяемых средств труда, как по своей стоимости, так и по своей вещественной массе, растет, правда, не в такой пропорции, как число занятых рабочих, однако — все же весьма значительно. Таким образом, концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации, или масштаб производства, зависят от степени этой концентрации.

Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала являлась необходимой для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от ручного труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того чтобы формально создать капиталистическое отношение. Теперь этот

---

[19] «Сила каждого человека ничтожна, но соединение этих ничтожных сил создает общую силу, более крупную, чем сумма этих частичных сил, так что силы самым своим объединением могут уменьшить время и увеличить сферу своего действия» (*Дж. Р Карли,* прим. к *P. Verri:* «Meditazioni sulla Economia Politica» (впервые издана в 1773 г.), в издании итальянских экономистов *Custodi,* Parte Moderna, т. XV, стр. 196).

минимум является материальным условием превращения многих раздробленных, не зависимых друг от друга индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Равным образом, первоначально командование капитала над трудом являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста. С развитием кооперации многих наемных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, — действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения.

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, производимый в сравнительно крупных размерах, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает гармонию между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного тела в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собою, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности.

Прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание стоимости капитала[20], т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости и, следовательно, возможно бо́льшая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а следовательно, неизбежно растет и давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление. Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего, оно есть в то же время функция эксплуатации этого общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неустранимым антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Далее, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением[21]. Кооперация наемных рабочих

---

[20] «Прибыль... единственная цель производства» (*J. Vanderlint:* «Money answers all Things». London 1734, стр. 11).

[21] Газета английских филистеров «Spectator» сообщает в номере от 26 мая 1866 г., что после учреждения между капиталистами и рабочими своего

есть, далее, только результат деятельности капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций, их единство как производительного коллективного тела лежит вне их самих, в капитале, который их связывает и сдерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям.

Таким образом, по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления определенного продукта, с другой стороны — процесс самовозрастания стоимости капитала. По форме своей капиталистическое управление деспотично. По мере развития кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает своеобразные, присущие ему формы. Как мы уже видели, капиталист освобождается от ручного труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой становится возможным капиталистическое производство в собственном смысле этого слова. Подобным же образом и функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих он теперь передает особой категории наемных работников. Как армия нуждается в иерархии военных командиров, точно так же для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные обер-офицеры (управляющие, managers) и унтер-офицеры (мастера, foremen, overlookers, contre-maîtres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала. Работа надзора закрепляется как их исключительная функция. Сравнивая способ производства независимых крестьян или самостоятельных ремесленников с плантаторским хозяйством, покоящимся на рабстве, экономист причисляет эту работу надзора к faux frais [непроизводительным издержкам] производства[21a]. Напротив, рассматривая капиталистический

рода товарищества в «Манчестерской компании для производства проволоки» «первым результатом было внезапное уменьшение расточения материалов, так как люди поняли, что им, как и всяким другим собственникам, незачем портить свое собственное имущество, а после легкомысленных долгов расточение материала является, быть может, величайшим источником потерь в промышленности». Та же самая газета открывает следующий коренной недостаток в рочдельских кооперативных опытах: «Они показали, что рабочие ассоциации могут успешно заведывать лавками, фабриками и почти всеми формами промышленности, они чрезвычайно улучшили положение самих рабочих, но (!) они вовсе не оставляют заметного места для капиталиста». Quelle horreur! [Какой ужас!]

[21a] Профессор Кернс, указав на «superintendence of labour» [«надзор за трудом»] как на характерную черту рабовладельческого производства в южных штатах Северной Америки, продолжает: «Крестьянин-собственник (севера), присваивающий себе весь продукт своего труда, не нуждается в иных

способ производства, он отождествляет функцию управления, поскольку она вытекает из самой природы общественного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она вытекает из капиталистического, а следовательно, из антагонистического характера этого процесса[22]. Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности[22a].

Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, обособленную рабочую силу. Это обстоятельство ничуть не изменяется от того, что капиталист закупает 100 рабочих сил вместо одной, заключает контракт не с одним рабочим, а с сотней не зависимых друг от друга рабочих. Капиталист может употреблять эти 100 рабочих, не устанавливая между ними кооперации. Следовательно, он оплачивает стоимость 100 самостоятельных рабочих сил, но не оплачивает комбинированной рабочей силы сотни. Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. Вступив в эту область, они сделались частью капитала. Как кооперирующие между собой рабочие, как члены одного развивающего деятельность организма, они сами представляют собою лишь особый способ существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока сам его труд не принадлежит капиталу, то она представляется

стимулах для труда. Всякая надобность в надзоре здесь совершенно устранена» (*Cairnes:* «The Slave Power». London 1862, стр. 48, 49).

[22] Сэр Джемс Стюарт, который вообще отличается тем, что видит характерные общественные особенности различных способов производства, замечает: «Почему же крупные предприятия в промышленности разрушают частные предприятия, как не потому, что они ближе подходят к упрощенности рабства?» («Principles of Political Economy». London 1767, т. I, стр. 167, 168).

[22a] Огюст Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов.

производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д. «В старые времена случалось, что эти азиатские государства, за погашением расходов на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка жизненных средств, которые они могли употреблять на великолепные или общеполезные сооружения. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения... и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанными избытками принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они наполнили страну... При постановке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, передвижение которых вызывает изумление, самым расточительным образом применялся почти исключительно человеческий труд... Для этого достаточно было большого числа рабочих и сосредоточения их усилий. Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (depositary) этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Неземледельческие рабочие азиатской монархии могли внести в дело почти исключительно одни только свои индивидуальные физические силы, но самая их численность была силой, и мощь единого управления этими массами положила начало вышеупомянутым гигантским сооружениям. Только благодаря концентрации в руках одного или немногих лиц тех доходов, на счет которых жили рабочие, были возможны такого рода предприятия»[23]. Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту, причем безразлично, выступает ли этот последний в виде отдельного капиталиста или в виде капиталиста комбинированного, как в акционерных обществах.

Кооперация в процессе труда, которую мы находим на зачаточных ступенях человеческой культуры, напр. у охотничьих народов[23a] или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общем владении условиями производства,

---

[23] *R. Jones:* «Text-book of Lectures etc.». Hertford 1852, стр. 77, 78 [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 348, 349]. Староассирийские, египетские и т. п. коллекции в Лондоне и других европейских столицах делают нас свидетелями этих кооперативных процессов труда.

[23a] Лэнге в своей «Théorie des Lois Civiles», быть может, не без основания называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) — первой формой охоты.

с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с родом или общиной, и спаян с ним столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической. Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Однако исторически капиталистическая форма кооперации развивается в противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству, все равно, имеет ли это последнее цеховую форму или нет[24]. По отношению к ним капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, нет, сама кооперация противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма.

Подобно тому, как повысившаяся благодаря кооперации общественная производительная сила труда представляется производительной силой капитала, — так и сама кооперация представляется специфической формой капиталистического процесса производства, в противоположность процессу производства раздробленных независимых работников или мелких хозяйчиков. Это — первое изменение, которое испытывает самый процесс труда вследствие подчинения его капиталу. Изменение это совершается стихийно. Одновременное употребление большего числа наемных рабочих в одном и том же процессе труда, будучи условием этого изменения, образует исходный пункт капиталистического производства. Оно совпадает с самим существованием капитала. Поэтому, если, с одной стороны, капиталистический способ производства является исторической необходимостью для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, общественная форма процесса труда есть употребляемый капиталом способ выгоднее эксплуатировать этот процесс посредством повышения его производительной силы.

В рассмотренной выше простой своей форме кооперация совпадает с производством в широких размерах, но она не образует

---

[24] Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, появляются наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени.

никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства. Самое большое, если она играет приблизительно такую роль в ремесленных еще зачатках мануфактуры[25] и в том виде крупного земледелия, который по своему типу соответствует мануфактурному периоду, существенно отличаясь от крестьянского хозяйства лишь массой одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства. Простая кооперация всегда является господствующей формой в тех отраслях производства, где капитал оперирует в широком масштабе, а разделение труда и машины не играют еще значительной роли.

Кооперация остается основной формой капиталистического способа производства, хотя в своем простом виде она сама представляет собою лишь особую форму наряду с другими, более развитыми ее формами.

---

[25] «Разве соединение искусства, трудолюбия и соревнования многих на одной и той же работе не есть способ усовершенствовать эту работу? И разве Англия могла бы каким-либо иным способом довести свою шерстяную мануфактуру до столь высокого совершенства?» (*Berkeley:* «The Querist». London 1750, стр. 56, § 521).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА.

1. ДВОЯКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАНУФАКТУРЫ.

Кооперация, основанная на разделении труда, создает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII.

Мануфактура возникает двояким способом.

В первом случае в одной мастерской под командой одного и того же капиталиста объединяются рабочие разнообразных самостоятельных ремесл, через руки которых последовательно должен пройти продукт вплоть до того, пока он не будет окончательно готов. Так, напр., карета была первоначально общим продуктом работ большого числа независимых ремесленников: каретника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, маляра, лакировщика, позолотчика и т. д. Каретная мануфактура объединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они совместно совершают свою работу. Конечно, карету нельзя позолотить раньше, чем она сделана. Но если одновременно производится много карет, то часть их может непрерывно подвергаться золочению, в то время как другая часть пробегает более ранние фазы процесса производства. Пока мы остаемся еще на почве простой кооперации, которая находит готовым свой человеческий и вещный материал. Но скоро наступает существенное изменение. Портной, слесарь, медник и т. д., раз он занимается только каретным делом, теряет мало-помалу привычку, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объеме. С другой стороны, его односторонняя деятельность в пределах этой суженной сферы приобретает теперь наиболее целесообразные формы. Первоначально каретная мануфактура представляла собою комбинацию самостоятельных ремесл. Постепенно производство карет разделяется на различные частичные операции, каждая из которых откристаллизовывается в исключительную функцию рабочего-специалиста и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих.

Подобным же образом суконная мануфактура и целый ряд других мануфактур возникли путем комбинирования различных ремесл под командой одного и того же капитала[26].

Но мануфактура возникает и противоположным путем. Многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, напр. делающие бумагу, шрифт или иголки, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это — кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (быть может, с одним или двумя подмастерьями) изготовляет весь товар, т. е. совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер. Однако внешние обстоятельства заставляют вскоре иначе использовать сосредоточение рабочих в одном помещении и одновременность их работ. Например, нужно доставить в определенный срок большее количество готового товара. Труд поэтому разделяется. Вместо того чтобы поручать одному и тому же ремесленнику последовательное выполнение различных операций, операции эти отделяются одна от другой, изолируются, располагаются в пространстве одна рядом с другой, причем каждая из них поручается отдельному ремесленнику, и все вместе одновременно выполняются кооперирующими работниками. Это случайное разделение повторяется, обнаруживает свойственные ему преимущества, и мало-помалу кристаллизуется в систематическое разделение труда. Из индивидуального продукта самостоятельного ремесленника, выполняющего многие операции, товар превращается в общественный продукт союза ремесленников, каждый из которых выполняет непрерывно лишь одну и ту же частичную операцию. Те же самые операции, которые сливались между собой в ряд последовательных работ, выполняемых немецким цеховым мастером бумажного производства, в голландской бумажной мануфактуре становятся само-

---

[26] Чтобы указать более современный пример этого способа образования мануфактуры, приведем следующую цитату. Шелкопрядение и шелкоткачество в Лионе и Ниме «носят совершенно патриархальный характер; эти отрасли промышленности занимают много женщин и детей, но не надрывают их сил и не вредят их здоровью; работники остаются в своих прекрасных долинах Дромы, Вара, Изеры, Воклюзы, разводя червей и разматывая их коконы; никогда производство это не принимает характера настоящей фабрики. При ближайшем рассмотрении... принцип разделения труда обнаруживает здесь своеобразные особенности. Существуют специалисты мотальщицы, сучильщики, красильщики, шлихтовальщики и, наконец, ткачи; но они не соединены в одном и том же здании и не зависят от одного и того же хозяина; все они работают самостоятельно» (*A. Blanqui*: «Cours d'Économie Industrielle. Recueilli par A. Blaise». Paris 1838—1839, стр. 79). С того времени, как Бланки написал это, произошли перемены, и часть рабочих, некогда независимых, уже объединена теперь на фабриках. {*К 4-му изданию.* А с тех пор, как Маркс написал это, на этих фабриках утвердился механический ткацкий станок и быстро вытесняет ручной. Шелковая промышленность Крефельда могла бы тоже кое-что рассказать об этом. — *Ф. Э.*}

стоятельными и протекают здесь одновременно как частичные операции многих кооперирующих рабочих. Нюрнбергский цеховой мастер, изготовляющий иголки, образует основной элемент английской игольной мануфактуры. Но в то время как нюрнбергский ремесленник последовательно производит одну за другой, быть может, 20 операций, в английской мануфактуре работают одновременно 20 ремесленников, выполняя каждый лишь одну из 20 операций, причем сообразно указаниям опыта операции эти еще более расщепляются, изолируются и обособляются как исключительные функции отдельных рабочих.

Итак, мануфактура возникает, образуется из ремесла, двояким путем. С одной стороны, она исходит из комбинации разнородных самостоятельных ремесл, которые утрачивают свою самостоятельность, делаются односторонними в такой степени, в какой это необходимо для того, чтобы они могли стать дополняющими друг друга частичными операциями в процессе производства одного и того же товара. С другой стороны, мануфактура исходит из кооперации однородных ремесленников, разлагает данное индивидуальное ремесло на различные обособленные операции, изолирует эти последние и делает самостоятельными в такой степени, в какой это необходимо для того, чтобы каждая из них могла стать исключительной функцией особого рабочего. Поэтому, с одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разделение труда или развивает его далее, с другой стороны — она комбинирует ремесла, бывшие ранее самостоятельными. Но, каков бы ни был ее исходный пункт в том или другом частном случае, ее конечная форма всегда одна и та же: производственный механизм, органами которого являются люди.

Для правильного понимания разделения труда внутри мануфактуры существенно обратить внимание на следующие пункты. Прежде всего расчленение процесса производства на его особые фазы совершенно совпадает в данном случае с разложением ремесленной деятельности на ее различные частичные операции. Является ли такая операция сложной или простой, она во всяком случае сохраняет свой ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом. Базисом остается ремесло. Этот узкий технический базис исключает возможность действительно научного расчленения процесса производства, так как каждый частичный процесс, через который проходит продукт, должен быть выполнен как частичная ремесленная работа. Именно потому, что ремесленное искусство остается таким образом основой процесса производства, каждый рабочий приспособляется исключительно к отправлению одной частичной функции, и рабочая сила его на всю его жизнь превращается в орган этой частичной функции. Наконец, разделение

труда уже само по себе есть особый вид кооперации, и многие его преимущества вытекают из общей сущности кооперации вообще, а не из данной ее особенной формы.

2. ЧАСТИЧНЫЙ РАБОЧИЙ И ЕГО ОРУДИЕ.

Приступая к ближайшему анализу, мы должны прежде всего констатировать тот очевидный факт, что рабочий, выполняющий всю жизнь одну и ту же простую операцию, превращает все свое тело в ее автоматически односторонний орган и потому употребляет на нее меньше времени, чем ремесленник, совершающий попеременно целый ряд операций. Но комбинированный совокупный рабочий, образующий живой механизм мануфактуры, состоит исключительно из таких односторонних частичных рабочих. Таким образом, по сравнению с самостоятельным ремеслом здесь в течение более короткого времени производится больше продукта, т. е. производительная сила труда повышается[27]. Самый метод данной частичной работы совершенствуется вследствие того, что она становится самостоятельной, исключительной функцией определенного рабочего. Постоянное повторение одной и той же несложной операции и сосредоточение внимания в этой узкой области научают опытным путем достигать искомого полезного результата с наименьшей затратой силы. А так как разные поколения рабочих живут одновременно и совместно работают в одних и тех же мануфактурах, то приобретенные указанным путем приемы технического искусства укрепляются, накопляются и быстро передаются от одного поколения к другому[28].

Мануфактура, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до крайних пределов традиционное обособление ремесл, которое она находит в обществе, тем самым создает виртуозность частичных рабочих. С другой стороны, совершаемое ею превращение частичного труда в жизненное призвание одного человека соответствует стремлению прежних обществ сделать ремесла наследственными, придать им неподвижные закостенелые формы каст или, — в том случае, когда определенные исторические условия создают изменчивость индивидуумов, не совместимую с существованием каст, — формы цехов. Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует, напр., распадение животных и растений на виды и разновидности, — с той лишь разницей, что на известной ступени развития

---

[27] «Чем больше труд сложной мануфактуры разделен между различными частичными работниками, тем лучше он выполняется, тем больше его напряженность и тем меньше потеря времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade». London 1720, стр. 71).

[28] «Легкий труд есть... унаследованное искусство» (*Th. Hodgskin*: «Popular Political Economy». London 1827, стр. 48).

наследственность каст и исключительность цехов декретируется в качестве общественного закона [29]. «Муслин из Дакки по своей тонкости, ситцы и другие материи из Коромանделя по своему великолепию и прочности красок никогда еще не были превзойдены. И, тем не менее, они производятся без капитала, без машин, без разделения труда, в их производстве не применяется ни один из тех методов, которые доставляют такие преимущества европейской фабрикации. Ткач там — обособленный индивидуум, изготовляющий ткань по заказу потребителей и работающий на станке самой простой конструкции, состоящем иногда из грубо сколоченных деревянных брусков. У него нет даже никакого приспособления для натягивания основы, и потому станок должен все время оставаться растянутым во всю свою длину; вследствие этого он так неуклюж и занимает так много места, что не помещается в хижине производителя, который совершает поэтому свою работу на открытом воздухе, прерывая ее при каждой неблагоприятной перемене погоды» [30]. Лишь накопленная из поколения в поколение, передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка сообщает индусу, как и пауку, его виртуозность. И все же по сравнению с большинством мануфактурных рабочих такой индусский ткач совершает очень сложный труд.

Ремесленник, совершающий один за другим различные частичные процессы, из которых складывается производство продукта, должен то переходить с места на место, то переменять инструменты. Переходы от одной операции к другой прерывают течение его труда и образуют, так сказать, поры в его рабочем дне. Эти поры суживаются, если он в течение целого дня непрерывно выполняет одну и ту же операцию, они исчезают в той же мере, в какой уменьшается изменчивость его операции. Повышение производительности труда вызывается здесь или увеличенной затратой рабочей

---

[29] «Искусства... достигли в Египте также значительной степени совершенства. Ибо только в одной этой стране ремесленникам отнюдь не разрешалось браться за занятия, свойственные другим классам граждан, но они должны были заниматься исключительно той профессией, которую закон наследственно закреплял за их родом... У других народов мы находим, что ремесленники разделяют свое внимание между слишком разнородными предметами... То они пытаются обрабатывать землю, то берутся за торговые дела, то занимаются двумя или тремя искусствами сразу. В свободных государствах они обыкновенно бегают на народные собрания... Напротив, в Египте каждый ремесленник, вмешивающийся в государственные дела или занимающийся одновременно несколькими искусствами, подвергается тяжелым наказаниям. Таким образом, ничто не может помешать ему сосредоточиться на своей профессии... К тому же, унаследовав многие правила от предков, они ревностно стараются изобретать новые улучшения» («Diodor's von Sicilien Historische Bibliothek», кн. 1, гл. 74 [стр. 117, 118]).

[30] «Historical and Descriptive Account of British India etc.» by Hugh Murray, James Wilson etc. Edinburgh 1832, т. II, стр. 449. Индийский ткацкий станок очень высок, так как основа натягивается на нем вертикально.

силы в течение данного промежутка времени, т. е. растущей интенсивностью труда, или уменьшением непроизводительного потребления рабочей силы. А именно, избыточная затрата сил, вызываемая каждым переходом от покоя к движению, компенсируется большею продолжительностью труда раз достигнутой нормальной быстроты. С другой стороны, непрерывная монотонность работы ослабляет напряженность внимания и подъем энергии, так как лишает рабочего того отдыха и возбуждения, которые создаются самым фактом перемены деятельности.

Однако производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий. Орудия одного и того же рода, напр. инструменты режущие, сверлящие, толкающие, ударяющие и т. д., употребляются в различных процессах труда, и, с другой стороны, в одном и том же процессе труда один и тот же инструмент служит для различных операций. Но с того момента, когда различные операции процесса труда обособились друг от друга, причем каждая частичная операция в руках частичного рабочего приняла возможно более совершенную, а следовательно, и исключительную форму, — с этого момента возникает необходимость изменений в орудиях, служивших ранее для различных целей. Направление этого изменения их формы выясняется на опыте, который показывает, какие именно особые трудности представляет пользование орудиями в их не изменившейся форме. Дифференцирование рабочих инструментов, благодаря которому инструменты одного и того же рода принимают прочные формы, особые для каждого особого их применения, и их специализация, благодаря которой каждый такой обособленный инструмент в полной мере проявляет свою дееспособность лишь в руках специфического частичного работника, — таковы характерные особенности мануфактуры. В одном Бирмингаме изготовляется до 500 разновидностей молотков, причем не только каждый из них служит для особого производственного процесса, но зачастую данная совокупность разновидностей служит лишь для отдельных операций одного и того же процесса. Мануфактурный период упрощает, улучшает и умножает рабочие инструменты путем приспособления их к исключительным обособленным функциям частичных рабочих[31]. Тем самым он создает

[31] Относительно естественных органов растений и животных Дарвин в своей сделавшей эпоху работе «Происхождение видов» говорит: «Причина изменчивости органов в тех случаях, когда один и тот же орган выполняет различные работы, заключается, быть может, в том, что здесь естественный подбор менее тщательно поддерживает или подавляет каждое мелкое уклонение формы, чем в тех случаях, когда один орган предназначен лишь для определенной обособленной задачи. Так, напр., ножи, предназначенные для того, чтобы резать самые разнообразные вещи, могут в общем сохранять более или менее одинаковую форму; но раз инструмент предназначен для одного какого-либо употребления, он при переходе к другому употреблению должен изме-

одну из материальных предпосылок машины, которая представляет собою комбинацию многих простых инструментов.

Частичный рабочий и его инструмент образуют простые элементы мануфактуры. Обратимся теперь к мануфактуре в ее целом.

3. ДВЕ ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ МАНУФАКТУРЫ: ГЕТЕРОГЕННАЯ МАНУФАКТУРА И ОРГАНИЧЕСКАЯ МАНУФАКТУРА.

По своему внутреннему строю мануфактуры разделяются на две основные формы, которые, хотя и встречаются иногда в смешанном виде, представляют собою, однако, два существенно различные рода и при позднейшем превращении мануфактуры в крупную машинную промышленность играют совершенно неодинаковую роль. Этот двоякий характер мануфактуры определяется самой природой продукта. Последний получается или путем чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов, или же своей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций.

Так, напр., локомотив состоит более чем из 5000 самостоятельных частей. Он не может, однако, послужить примером собственно мануфактуры первого рода, так как является продуктом крупной промышленности. Но прекрасный пример дают нам часы, которые уже Вильям Петти берет для иллюстрации мануфактурного разделения труда. Из индивидуального продукта нюрнбергского ремесленника часы превратились в общественный продукт целой массы частичных рабочих. Таковы: заготовщик; рабочий, изготовляющий часовые пружины; изготовляющий циферблаты; изготовляющий волоски; рабочий, изготовляющий камни для часов; палетщик; рабочий, изготовляющий стрелки; рабочий, изготовляющий часовую коробку; рабочий, изготовляющий винты; золотильщик, с подразделением на многие специальности; далее рабочий, изготовляющий колеса (причем отдельно латунные колеса и отдельно стальные колеса); рабочий, изготовляющий трибы; изготовляющий механизм завода и перевода стрелок; acheveur de pignon (укрепляет колеса на трибах, полирует фаски и т. д.); изготовитель цапф; planteur de finissage [ангренажист] (вставляет различные колеса и трибы в механизм); finisseur de barillet [рабочий, заканчивающий отделку барабана для пружины] (нарезывает зубья, развертывает отверстия до надлежащих размеров, укрепляет пружину собачки храповика и собачку); рабочий, изготовляющий детали хода, а при цилиндрическом ходе еще изготовляющий цилиндры; изготовляющий ходовые колеса; рабочий, изготовляющий баланс; рабочий, изготовляющий ракету (механизм,

---

нить и свою форму» [*Charles Darwin:* «The Origin of Species» etc. London 1859, стр. 149. Ср. *Чарльз Дарвин:* «Происхождение видов», перевод К. А. Тимирязева, Сельхозгиз, Москва — Ленинград 1935 г., стр. 246].

с помощью которого регулируются часы); planteur d'échappement [установщик хода] (рабочий, изготовляющий ход в подлинном смысле); затем repasseur de barillet (заканчивает сборку барабана для пружины и сборку собачки); полировщик стали; полировщик колес; полировщик винтов; рисовальщик цифр; эмалировщик (наводит эмаль на медь); fabricant de pendants (делает только бугель или серьгу часовой коробки); finisseur de charnière [шарнирщик] (вставляет латунный штифт в шарниры коробки и т. д.); faiseur de secret (приделывает к коробке пружину, открывающую крышку); graveur [гравер]; ciseleur [чеканщик]; polisseur de boîte [полировщик часовой коробки] и т. д. и т. д. и, наконец, repasseur [сборщик], окончательно собирающий механизм часов в целом и пускающий их в ход. Лишь немногие части часов проходят через различные руки, и, в конце концов, все эти membra disjecta [разрозненные члены] собираются в одних руках, которые и сплачивают их в одно механическое целое. Благодаря чисто внешнему отношению готового продукта к его разнородным составным частям в данном производстве, как и в других подобных ему, соединение многих частичных рабочих в одной мастерской наблюдается лишь случайно. Частичные работы, в свою очередь, могут выполняться в виде отдельных самостоятельных ремесл, что и имеет место в кантонах Ваадт и Невшатель, тогда как в Женеве, напр., существуют крупные часовые мануфактуры, т. е. осуществляется непосредственная кооперация частичных рабочих под управлением одного капитала. Но и в этом последнем случае циферблаты, пружины и коробки редко изготовляются в самой мануфактуре. Комбинированный мануфактурный способ фабрикации выгоден здесь лишь в исключительных случаях, так как конкуренция между рабочими, работающими на дому, наибольшая, а расщепление производства на массу гетерогенных процессов почти исключает возможность совместного применения орудий труда; между тем при рассеянной в пространстве фабрикации капиталист избавляется от издержек на фабричные здания и т. п.[32].

[32] Женева в 1854 г. произвела 80 000 часов, что составляет менее одной пятой часового производства кантона Невшатель. Шо-де-Фон, который можно рассматривать как одну часовую мануфактуру, производит в год вдвое больше, чем Женева. С 1850 по 1861 г. Женева изготовила 720 000 часов. См. «Report from Geneva of the Watch Trade» в «Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc.», № 6, 1863. Если независимость отдельных процессов, на которые распадается производство сложного продукта, уже сама по себе крайне затрудняет превращение таких мануфактур в машинное производство крупной промышленности, то в производстве часов сюда присоединяются еще два специальных препятствия: мелкость и деликатность составных элементов и то обстоятельство, что часы как предмет роскоши характеризуются чрезвычайным разнообразием форм. Лучшие лондонские фирмы в течение целого года едва ли производят хотя бы дюжину вполне сходных часов. Часовая фабрика Вашерон и Константэн, с успехом применяющая машины, дает самое большее 3—4 вариации часов по величине и форме.

Надо заметить, однако, что положение и этих частичных рабочих, которые работают у себя на дому, но не на себя, а на капиталиста (Fabricant, établisseur), совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков[33].

Другой род мануфактуры, ее законченная форма, производит продукты, которые пробегают связные фазы развития, последовательный ряд процессов; такова, напр., мануфактура иголок, в которой проволока проходит через руки 72 и даже 92 специфических частичных рабочих.

Поскольку такая мануфактура комбинирует первоначально разрозненные ремесла, она уменьшает пространственное расстояние между отдельными фазами производства продукта. Вместе с тем сокращается время, необходимое на переход продукта от одной стадии в другую, а следовательно, и труд, затрачиваемый на эти переходы[34]. Этим путем достигается бо́льшая производительность труда по сравнению с ремеслом, причем в данном случае рост производительности вытекает из кооперативного характера мануфактуры вообще. С другой стороны, присущий мануфактуре принцип разделения труда приводит к изолированию различных фаз производства, которые обособляются друг от друга в виде соответственного количества самостоятельных частичных работ ремесленного характера. Установление и поддержание связи между изолированными функциями вызывает необходимость постоянных перемещений продукта из одних рук в другие, из одного процесса в другой. С точки зрения крупной промышленности это обстоятельство выступает как характерная для мануфактуры ограниченность, повышающая издержки, вытекающая из самого принципа мануфактуры[35].

Если мы рассмотрим определенное количество сырого материала, напр. тряпья на бумажной мануфактуре, проволоки на игольной мануфактуре, то окажется, что оно пробегает в руках различных частичных рабочих последовательную лестницу фаз производства, пока, наконец, продукт не примет своей заключительной формы. Но если мы будем рассматривать мастерскую в

---

[33] На производстве часов, этом классическом образчике гетерогенной мануфактуры, особенно удобно изучать упомянутое выше разложение ремесленной деятельности и вытекающую из него дифференциацию и специализацию рабочих инструментов.

[34] «При таком тесном сожительстве людей труд перевозки должен быть наименьший» («The Advantages of the East-India Trade», стр. 106).

[35] «Изолирование различных стадий производства, через которые продукт проходит в мануфактуре, неизбежное при употреблении ручного труда, чрезвычайно увеличивает издержки производства, причем потеря проистекает главным образом вследствие большого отдаления отдельных производительных процессов один от другого» («The Industry of Nations». London 1855, ч. II, стр. 200).

целом как совокупный механизм, то окажется, что сырой материал одновременно находится во всех фазах производства. Составленный из частичных рабочих совокупный рабочий одною частью своих многочисленных рук, вооруженных инструментами, тянет проволоку, между тем как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут ее, заостряют концы и т. д. Последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. В результате в данный промежуток времени получается больше готового товара[36]. Хотя эта одновременность вытекает из общей кооперативной формы совокупного процесса, тем не менее мануфактура не только находит в готовом виде условия кооперации, но отчасти создает их сама, разлагая ремесленную деятельность на составные элементы. С другой стороны, она достигает этой общественной организации процесса труда, лишь приковывая данного рабочего к одной и той же детали.

Так как частичный продукт каждого частичного рабочего является в то же время лишь определенной ступенью развития одного и того же продукта, то один рабочий доставляет другому или одна группа рабочих — другой их сырой материал. Результат труда одного образует исходный пункт труда другого. Таким образом здесь один рабочий непосредственно дает занятие другим. Рабочее время, необходимое для достижения искомого полезного эффекта в каждом частичном процессе, устанавливается опытом, и совокупный механизм мануфактуры покоится на предположении, что в данное рабочее время должен быть достигнут данный результат. Лишь при этом условии различные, дополняющие друг друга процессы труда могут совершаться непрерывно, один рядом с другими во времени и в пространстве. Очевидно, что эта непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно, и рабочих, вынуждает каждого из них употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создается совершенно иная непрерывность, единообразие, правильность, порядок[37] и, в особенности, интенсивность труда, чем это имеет

---

[36] «Оно (разделение труда) создает также экономию времени, разделяя труд на различные операции, каждая из которых может выполняться одновременно... Путем выполнения сразу всех различных процессов труда, которые отдельный человек должен был бы совершать последовательно один за другим, создается, напр., возможность произвести множество совершенно законченных булавок в течение такого времени, какое в противном случае необходимо лишь для того, чтобы обрезать или заострить одну булавку» (*Dugald Stewart,* Works, ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, т. III, «Lectures on Political Economy», стр. 319).

[37] «Чем больше разнообразия среди работников мануфактуры... тем больше порядок и регулярность каждой работы, тем меньше количество затрачиваемого на нее времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade». London 1720, стр. 68).

место в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации. Закон, согласно которому на производство продукта должно быть затрачено лишь общественно необходимое рабочее время, при товарном производстве проявляется вообще только в виде принудительного внешнего давления конкуренции, ибо, выражаясь поверхностно, каждый отдельный производитель должен продавать свой товар по рыночной цене. Между тем в мануфактуре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени становится техническим законом самого процесса производства[38].

Однако различные операции требуют неодинакового времени и потому в равные промежутки времени дают различные количества частичных продуктов. Следовательно, раз каждый рабочий должен изо дня в день совершать постоянно одну и ту же операцию, то для различных операций необходимо различное число рабочих, напр. в словолитне на 4 литейщиков требуется 2 отбивальщика и один полировщик, так как литейщик отливает в час 2 000 букв, отбивальщик отбивает 4 000 букв, а полировщик полирует 8 000. Здесь принцип кооперации возвращается к своей простейшей форме: к одновременному применению труда многих людей, выполняющих однородную работу, но теперь принцип этот выражает собою известное органическое отношение. Таким образом, мануфактурное разделение труда не только упрощает и умножает качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и создает прочные математические отношения между количественными размерами этих органов, т. е. между относительным количеством рабочих или относительной величиной рабочих групп в каждой из этих специальных функций. Вместе с качественным расчленением оно развивает количественные нормы и пропорции общественного процесса труда.

Раз для определенных размеров производства опытом установлено наиболее целесообразное числовое отношение между различными группами частичных рабочих, то расширить масштаб производства возможно лишь, взяв кратное от числа рабочих каждой из этих отдельных групп[39]. К этому присоединяется еще то

---

[38] Впрочем, во многих отраслях производства этот результат достигается мануфактурными предприятиями лишь несовершенно, так как мануфактура не в состоянии точно контролировать общие химические и физические условия производственного процесса.

[39] «Раз опыт, сообразно особой природе продукта каждой данной мануфактуры, показал, каков должен быть наиболее выгодный способ разделения производства на частичные операции и какое число рабочих требуется для каждой операции, то все те предприятия, которые не придерживаются точного кратного этих установленных опытом чисел, будут производить с бо́льшими издержками... Такова одна из причин колоссального расширения промышленных предприятий» (*Ch. Babbage*: «On the Economy of Machinery». London 1832, гл. XXI, стр. 172, 173).

обстоятельство, что известные работы один и тот же индивидуум может исполнять одинаково легко, совершаются ли они в больших или в малых размерах; таковы, напр., труд высшего надзора, перемещение частичных продуктов из одной фазы производства в другую и т. д. Выделение этих работ в самостоятельные функции, выполняемые специальными рабочими, выгодно поэтому лишь при увеличении числа занятых в производстве рабочих, но такое увеличение должно одновременно затронуть все группы в соответственной пропорции.

Каждая отдельная группа, известное число рабочих, выполняющих одну и ту же частичную функцию, состоит из однородных элементов и образует особый орган совокупного механизма. Однако в некоторых мануфактурах каждая отдельная группа есть уже расчлененное рабочее тело, тогда как совокупный механизм образуется путем повторения или умножения этих элементарных производительных организмов. Возьмем для примера мануфактуру бутылок. Она распадается на три существенно различных фазы. Во-первых, подготовительная фаза: приготовление шихты, — смеси из песка, извести и т. д., — из которой получается стекло, и плавление этой смеси в жидкую стеклянную массу[40]. В этой первой, равно как и в заключительной фазе — удаление бутылок из отжигательной печи, их сортировка, упаковка и т. п. — заняты различные частичные рабочие. Между этими двумя фазами находится производство бутылок в собственном смысле этого слова, т. е. переработка в бутылки жидкой стеклянной массы. У отверстия одной и той же печи работает целая группа, называемая в Англии «hole» [окно] и состоящая из одного bottle maker [бутылочника] или finisher [отдельщика], одного blower [выдувальщика-задельщика], одного gatherer [баночника], одного putter up [откладчика] или whetter off [отшибальщика] и одного taker in [относчика]. Эти пять частичных рабочих образуют пять особых органов единого рабочего тела, которое может функционировать лишь в целом, т. е. лишь как непосредственная кооперация пяти человек. Все тело парализовано, если нехватает одного из его пяти членов. Но одна и та же плавильная печь имеет несколько отверстий, — в Англии, напр., от 4 до 6, — при каждом из них имеется огнеупорный плавильный горшок с жидким стеклом, при каждом горшке занята своя особая группа, составленная из тех же пяти специальностей. Расчленение каждой отдельной группы покоится здесь непосредственно на разделении труда, тогда как союз между различными однородными группами представляет собою простую кооперацию, предназначенную для того, чтобы

[40] В Англии плавильная печь отделяется от печи, служащей для отделки стеклянных предметов, но, напр., в Бельгии одна и та же печь служит для обоих процессов.

с большей экономией использовать одно из средств производства, в данном случае плавильную печь. Каждая такая печь с ее 4—6 группами образует как бы самостоятельную мастерскую для выделки стекла, и стекольная мануфактура охватывает несколько мастерских подобного рода вместе с приспособлениями и рабочими для начальных и заключительных фаз производства.

Наконец, мануфактура, возникая в некоторых случаях сама из комбинации различных ремесл, может, в свою очередь, развиться в комбинацию различных мануфактур. Так, напр., в Англии крупные стеклоделательные предприятия сами приготовляют для себя огнеупорные плавильные горшки, так как от достоинства последних существенно зависит, насколько удачным или неудачным будет продукт. Мануфактура известного средства производства связана здесь с мануфактурой продукта. Наоборот, мануфактура известного продукта может быть связана с мануфактурами, для которых данный продукт сам служит сырым материалом или соединяется впоследствии с продуктами этих мануфактур. Так, напр., мануфактура флинтгласа соединяется иногда с мануфактурой шлифования стекла и с латунно-литейной мануфактурой, — последняя служит для изготовления металлических оправ к различным стеклянным предметам. В этом случае соединенные друг с другом различные мануфактуры образуют более или менее обособленные в пространстве отделы одной совокупной мануфактуры и в то же время не зависимые друг от друга процессы производства — каждый со своим собственным разделением труда. Несмотря на некоторые преимущества, представляемые комбинированной мануфактурой, последняя на собственной основе не достигает действительного технического единства. Это единство возникает лишь при превращении мануфактуры в машинное производство.

Мануфактурный период, быстро делающий уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, своим сознательным принципом[41], развивает спорадическое употребление машин, особенно при некоторых элементарных подготовительных процессах, требующих для своего выполнения большого количества людей и большой затраты силы. Так, напр., в бумажной мануфактуре скоро стали сооружать особые мельницы для перемалывания тряпок, а в металлургии — машинные толчеи для дробления руды[42]. Машина в ее самой элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мель-

[41] Это явствует, между прочим, из работ В. Петти, Джона Беллерса, Эндрю Яррентона, из «The Advantages of the East-India Trade» и работ Дж. Вандерлинта.

[42] Еще в конце XVI столетия во Франции для размельчения и промывания руды употреблялись ступка и решето.

ницы[43]. Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические часы. Но и после этого машина в общем и целом все же продолжает играть ту второстепенную роль, которую отводит ей Адам Смит рядом с разделением труда[44]. Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики.

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, требуют от него напряжения различных способностей. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, в которую пускает свои корни разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Совокупный рабочий обладает теперь всеми способностями производителя в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления своей специфической функции[45]. Односторонность и

[43] Вся история развития машин может быть прослежена на истории развития мукомольных мельниц. По-английски фабрика еще до сих пор называется mill [мельница]. В немецких сочинениях по технологии в первые десятилетия XIX века мы также встречаем слово Mühle [мельница] для обозначения не только машин, приводимых в движение силами природы, но и всякой вообще мануфактуры, применяющей механические аппараты.

[44] Как увидит читатель из четвертой книги этой работы, А. Смит не выставил ни одного нового положения относительно разделения труда. Что характеризует его как обобщающего экономиста мануфактурного периода, так это то ударение, которое он ставит на разделении труда. С развитием крупной промышленности подчиненная роль, которую он отводил машинам, вызвала возражение со стороны Лодердэля, а в позднейшую эпоху со стороны Юра. А. Смит смешивает кроме того дифференцирование инструментов, в котором крупную роль играли сами частичные рабочие, с изобретением машин. В этой последней области сыграли роль не мануфактурные рабочие, а ученые, ремесленники, даже крестьяне (Бриндли) и так далее.

[45] «Так как в мануфактуре работа разделяется на несколько различных операций, из которых каждая требует различной степени искусства и силы, то владелец мануфактуры в состоянии снабдить себя как раз необходимым для каждой операции количеством силы и искусства. А если бы весь процесс изго-

даже прямые недостатки частичного рабочего составляют его достоинство, раз он становится органом совокупного рабочего[46]. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины[47].

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, грубее и тоньше, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в очень различных степенях образования и обладают поэтому очень различною стоимостью. Таким образом, мануфактура развивает иерархию рабочих сил, которой соответствует лестница заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые операции в такой же мере приспособляются к этой иерархии естественных и приобретенных способностей[48]. Между тем каждый производственный процесс требует известных простых движений, одинаково доступных каждому человеку. И такие движения порывают теперь свою непостоянную связь с более содержательными моментами производственной деятельности и окостеневают в виде особых исключительных функций.

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которых строго исключала ремесленная организация производства. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет

товления продукта выполнялся одним рабочим, то один и тот же индивидуум должен был бы обладать достаточным искусством для самых деликатных и достаточной силой для самых тяжелых операций» (*Ch. Babbage:* «On the Economy of Machinery». London 1832, гл. XIX).

[46] Например, одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. п.

[47] Г-н В. Маршалл, главный управляющий одной стекольной мануфактуры, очень хорошо ответил на вопрос члена следственной комиссии, каким образом поддерживается интенсивность труда среди рабочих-подростков: «Они не могут пренебречь своим делом, — сказал он: — раз они начали, они должны продолжать; они представляют как бы части одной и той же машины» («Children's Employment Commission. Fourth Report 1865», стр. 247).

[48] Доктор Юр в своем апофеозе крупной промышленности тоньше схватывает специфический характер мануфактуры, чем прежние экономисты, чуждые его полемической задаче, и даже чем его современники, напр., — чем превосходящий его в качестве математика и механика Бэббедж, который рассматривает крупную промышленность, собственно говоря, с мануфактурной точки зрения. Юр замечает: «Приспособление рабочего к каждой частичной операции составляет сущность разделения труда». С другой стороны, он называет это разделение «приспособлением работ к различным индивидуальным способностям» и характеризует, наконец, всю мануфактурную систему как «систему градации по степени искусства», как «разделение труда по различным степеням искусства» и т. д. (*Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 19—23, в разных местах).

способности к труду вообще, она превращает в особую специальность самый недостаток всякого развития. Наряду с иерархическими степенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы [49]. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создает новые связные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Сравнительное обесценение рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, непосредственно означает более значительное самовозрастание стоимости капитала, потому что все, что сокращает время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

4. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ВНУТРИ МАНУФАКТУРЫ И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ВНУТРИ ОБЩЕСТВА.

Мы рассмотрели сначала происхождение мануфактуры, затем ее простые элементы — частичного рабочего и его орудие, — наконец, ее механизм в целом. Коснемся теперь вкратце отношения между мануфактурным разделением труда и общественным разделением труда, которое составляет общее основание всякого товарного производства.

Если иметь в виду лишь самый труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д., можно назвать общим [im Allgemeinen] разделением труда, распадение этих родов производства на виды и подвиды — частным [im Besonderen] разделением труда, а разделение труда внутри мастерской — единичным [im Einzelnen] разделением труда [50].

---

[49] «Каждый профессиональный рабочий... получая возможность совершенствоваться путем упражнений в одном направлении... становится более дешевым» (*Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 19).

[50] «Разделение труда, начинаясь обособлением разнообразнейших профессий, идет вплоть до разделения на особые группы рабочих, занятых изготовлением одного и того же продукта, что имеет место в мануфактуре» (*Storch:* «Cours d'Économie Politique», парижское издание, т. I, стр. 173). [Ср. *Г. Шторх:* «Курс политической экономии», перев. под ред. И. В. Вернадского, т. I, СПБ. 1881 г., стр. 79.] «У народов, достигших известной ступени цивилизации, мы находим три рода разделения труда: первый, который мы назовем общим, сводится к разделению производителей на земледельцев, промышленников и торговцев — эти три главнейшие ветви национального производства; второй, который можно было бы назвать специальным, есть разделение каждого рода производства на виды... наконец, третий род разделения производства, который можно было бы назвать разделением работы или труда в собственном смысле этого слова, имеет место в пределах отдельных

Разделение труда внутри общества и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи[50a] — а с дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим. С другой стороны, как я уже отметил раньше, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связного целого разъединяются, разлагаются, — причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами, — и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами посредством обмена их продуктов в качестве товаров. В одном случае утрачивает самостоятельность то, что раньше было самостоятельным, в другом случае приобретает самостоятельность раньше несамостоятельное.

ремесл или профессий... наблюдается в большинстве мануфактур и мастерских» (*Skarbeck:* «Théorie des Richesses Sociales», 2-е изд., Paris 1840, т. I, стр. 84, 85).

[50a] *Примечание к 3-му изд.* Позднейшие основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора к выводу, что первоначально не семья развилась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов. {*Ф. Э.*}

Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем обмена товаров, является отделение города от деревни[51]. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности, на которой мы не будем, однако, здесь долее останавливаться.

Материальной предпосылкой разделения труда внутри мануфактуры является, как мы видели, определенная численность одновременно занятых рабочих; при разделении труда внутри общества такую же роль играет величина населения и его плотность, которая здесь заступает место скопления людей в одной и той же мастерской[52]. Но эта плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты американского союза населены плотнее, чем, напр., Индия[53].

Так как товарное производство и товарное обращение являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда, в свою очередь, оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчленяя его дальше. По мере дифференцирования инструментов труда все более и более дифференцируются и те отрасли производства, в которых эти инструменты изготовляются[54]. Когда производство, построенное по мануфактурному типу, распространяется на какую-либо отрасль промышленности, которая до сих

[51] Сэр Джемс Стюарт лучше других осветил этот пункт. Насколько мало известен в настоящее время его труд, появившийся десятью годами раньше «Wealth of Nations» [«Богатства народов»] Адама Смита, видно, между прочим, из того, что почитатели Мальтуса не знают даже, что первое издание работы последнего о «законе населения», если оставить в стороне ее чисто декламаторскую часть, почти целиком списано у Стюарта, а также у попов Уоллеса и Таунсенда.

[52] «Требуется известная плотность населения как для того, чтобы могли развиваться социальные сношения, так и для того, чтобы создалась такая комбинация сил, при которой возрастает производительность труда» (*James Mill:* «Elements of Political Economy». London 1821, стр. 50). «Когда возрастает количество рабочих,... производительная сила общества увеличивается в сложной пропорции, полученной путем умножения возрастания числа рабочих на результат разделения труда между ними» (*Th. Hodgskin:* «Popular Political Economy», стр. 120).

[53] С 1861 г. вследствие большого спроса на хлопок в некоторых сильно населенных округах Ост-Индии расширилось производство хлопка за счет производства риса. Во многих местах возник голод, так как за недостатком путей сообщения, т. е. за отсутствием физической связи, недопроизводство риса в одном округе не могло быть пополнено подвозом его из других округов.

[54] Так, напр., в Голландии фабрикация ткацких челноков уже в XVII столетии составляла особую отрасль промышленности.

пор была связана с другими как главная или побочная и выполнялась теми же самыми производителями, то немедленно происходит разделение и взаимное обособление. Если мануфактура овладевает отдельной ступенью производства данного товара, то различные ступени его производства становятся самостоятельными промыслами. Выше уже было указано, что там, где готовый продукт представляет собою чисто механическое соединение частичных продуктов, частичные работы могут, в свою очередь, приобрести самостоятельность в виде отдельных ремесл. Для того чтобы полнее провести разделение труда внутри мануфактуры, данная отрасль производства делится, — в зависимости от различия ее сырых материалов и различных форм, которые может принимать одно и то же сырье, — на различные и притом иногда совершенно новые мануфактуры. Так, в одной только Франции уже в первой половине XVIII столетия ткалось более 100 видов разнообразных шелковых материй, и в Авиньоне, напр., существовал закон, согласно которому «каждый ученик должен всецело посвящать себя изучению одного вида фабрикации и не изучать одновременно способов изготовления нескольких продуктов». Территориальное разделение труда, прикрепляющее определенные отрасли производства к определенным областям страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплуатирующему всякого рода особенности [55]. В мануфактурный период богатый материал разделению труда внутри общества доставляется расширением мирового рынка и колониальной системой, причем и то и другое входит в круг общих условий существования общественного разделения труда. Здесь не место исследовать, каким образом разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того установления однобокости человека, по поводу которого уже А. Фергюсон, учитель А. Смита, воскликнул: «Мы — нация илотов, и между нами нет свободных людей!» [56].

Однако, несмотря на многочисленные аналогии и связь между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри мастерской, оба эти типа различны между собой не только по степени, но и по существу. Всего ярче эта аналогия выступает, без

---

[55] «Разве английская шерстяная промышленность не разделена на различные части или отрасли, укоренившиеся в определенных местах, где все производство сводится целиком или преимущественно к этим отраслям: тонкие сукна производятся в Сомерсетшире, грубые — в Йоркшире, двойной ширины — в Экзетере, шелк — в Сэдбери, креп — в Норвиче, полушерстяные материи — в Кендэле, одеяла — в Уитни и т. д.» (*Berkeley:* «The Querist», 1750, § 520).

[56] *A. Ferguson:* «History of Civil Society». Edinburgh 1767, ч. IV, отд. II, стр. 285.

сомнения, там, где внутренняя связь охватывает собою различные отрасли производства. Так, напр., скотовод производит шкуры, кожевник превращает их в кожи, сапожник превращает кожу в сапоги. Каждый производит здесь лишь новый фабрикат, а окончательный, готовый предмет есть комбинированный продукт этих отдельных работ. Сюда присоединяются еще различные отрасли труда, доставляющие скотоводу, кожевнику и сапожнику их средства производства. Кто-нибудь может вообразить, подобно А. Смиту, будто такое общественное разделение труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, лишь для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы, объединенные пространственно, тогда как в общественном производстве связь эта затемняется благодаря разбросанности его отдельных отраслей на значительном пространстве и благодаря большому числу рабочих, занятых в каждой отрасли[57]. Но что устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? То обстоятельство, что их продукты существуют как товары. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит товара[58]. Лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар[58a]. Разделение труда

---

[57] В собственно мануфактурах, говорит он, разделение труда кажется более значительным, так как «здесь рабочие, занятые в каждой из различных отраслей труда, зачастую могут быть соединены в одной и той же мастерской и таким образом все сразу охватываются взглядом наблюдателя. Наоборот, в таких больших мануфактурах (!), которые имеют своим назначением удовлетворять обширные потребности многочисленного населения, каждая отдельная отрасль труда занимает столь значительное число рабочих, что невозможно объединить их всех в одной и той же мастерской... разделение труда далеко не так резко бросается в глаза» (*A. Smith:* «Wealth of Nations», т. I, гл. 1) [*А. Смит:* «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 9]. Знаменитое место той же самой главы, которое начинается словами: «Взгляните на жизненные удобства, выпадающие на долю простого ремесленника или поденщика цивилизованной и цветущей страны...» [там же, русск. перев., стр. 14] и в котором расписывается затем, сколь многочисленные отрасли производства соединяют свои усилия для удовлетворения потребностей простого рабочего,— место это почти буквально списано из примечаний Б. де Мандевиля к его «Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits» (Первое издание без примечаний в 1706 г., с примечаниями в 1714 г.).

[58] «Здесь уже нет более ничего, что можно было бы назвать естественным вознаграждением за труд индивидуума. Каждый рабочий производит лишь часть целого, и так как каждая часть не имеет сама по себе никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, что рабочий мог бы взять и сказать: «Это мой продукт, это я удержу для себя» («Labour Defended against the Claims of Capital». London 1825, стр. 25). Автором этой превосходной работы является цитированный выше Т. Годскин.

[58a] *Примечание ко 2-му изд.* Янки практически иллюстрировали эту разницу между общественным и мануфактурным разделением труда. Одним из новых налогов, измышленных в Вашингтоне во время гражданской войны, был акциз в 6% на «все промышленные продукты». Но вот вопрос: что такое

внутри общества опосредствуется куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь же между частичными работами внутри мануфактуры — продажей различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими независимыми друг от друга товаропроизводителями. В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности, — причем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренно связаны между собой в одну естественную систему, — с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию является лишь реакцией против постоянного нарушения этого равновесия. Норма, применяемая при разделении труда внутри мастерской a priori [наперед] и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь a posteriori [задним числом], как внутренняя, слепая естественная необходимость, преодолевающая беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимаемая только в виде барометрических колебаний рыночных цен. Мануфактурное разделение труда предполагает безусловный авторитет капиталиста по отношению к рабочим, которые образуют простые

промышленный продукт? Законодатель отвечает: всякая вещь есть продукт, «раз она сделана» (when it is made), а она сделана, раз она готова для продажи. Вот один из многих примеров. Мануфактуры Нью-Йорка и Филадельфии в старое время «делали» зонтики со всеми их принадлежностями. Но так как зонтик есть mixtum compositum [соединение] совершенно разнородных составных частей, то мало-помалу изготовление этих последних стало предметом особых отраслей производства, независимых друг от друга и расположенных в различных местах. Их частичные продукты входили в качестве самостоятельных товаров в мануфактуру зонтиков, которая лишь соединяет вместе эти различные составные части. Янки окрестили такого рода продукты assembled articles (сборными изделиями) — имя, которое последние действительно заслужили как сборные пункты для налогов. Так, зонтик «собирает» 6% налога на цену каждого из своих элементов и еще новые 6% на цену готового продукта.

члены принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов, — подобно тому как в мире животных bellum omnium contra omnes [война всех против всех] есть в большей или меньшей степени условие существования всех видов. Поэтому то же самое буржуазное сознание, которое прославляет как организацию труда, повышающую его производительные силы, мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение частичного рабочего власти капитала, — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику.

Если анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства, то, наоборот, более ранние формы общества, в которых обособление ремесл естественно развивается, затем кристаллизуется и, наконец, закрепляется законом, представляют, с одной стороны, картину планомерной и авторитарной организации общественного труда, с другой стороны — совсем исключают разделение труда внутри мастерской или развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно [59].

Так, напр., первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосред-

[59] «Можно... даже принять за общее правило, что чем менее подчинено авторитету разделение труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее оно подчинено авторитету одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда авторитет в мастерской и авторитет в обществе обратно пропорциональны друг другу» (*Karl Marx:* «Misère de la Philosophie». Paris 1847, стр. 130, 131). [*К. Маркс:* «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 385.]

ственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому само производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое опосредствуется обменом товаров. Только избыток продукта превращается в товар, и притом в значительной своей части лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продукта в виде натуральной ренты. В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, причем продукт разделяется между отдельными членами, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей; бухгалтера, ведущего счет земледельческим операциям, кадастрирующего и регистрирующего все, сюда относящееся; третьего чиновника, преследующего преступников, охраняющего иностранных путешественников и сопровождающего их от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательства соседних общин; надзирателя за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, на песке обучающего детей общины читать и писать; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цырюльника; прачечника, моющего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах существует вместо серебряных дел мастера, а в других — вместо школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины. Если население возрастает, на невозделанной земле основывается новая община по образцу старой. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немыслимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д.[60]. Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной властью закона природы: каждый отдельный ремесленник, напр. кузнец и т. д., выполняет все относящиеся к его

[60] Подполковник *Mark Wilks:* «Historical Sketches of the South of India». London 1810—1817, т. I, стр. 118—20. Хорошее сопоставление различных форм индийских общин можно найти у *George Campbell:* «Modern India». London 1852.

профессии операции строго установленным традиционным способом и, однако, совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакого авторитета в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем[61], объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики.

Как уже было упомянуто, цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению цеховых мастеров в капиталистов. Равным образом мастер мог держать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызывали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду с существующими основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесл в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие ремесл цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой основы мануфактуры: обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему.

В то время как разделение труда в целом обществе — совершается ли оно при посредстве товарного обмена или независимо от

---

[61] «В этих простых формах... течет жизнь обитателей страны с незапамятных времен. Границы отдельных деревень изменялись редко; и хотя сами деревни порою разорялись и даже окончательно опустошались войною, голодом или эпидемиями, тем не менее они восстанавливались вновь под тем же самым именем, в тех же самых границах, с теми же интересами и даже с теми же самыми семьями и продолжали существовать целые века. Крушение или разделение государства мало беспокоит обитателей деревни; раз деревня осталась цела, им безразлично, под чью власть она попала, какому суверену должна подчиняться; их внутренняя экономическая жизнь остается неизменной» (*Th. Stamford Raffles,* бывш. лейтенант-губернатор острова Явы: «The History of Java». London 1817, т. I, стр. 285).

него — свойственно самым различным общественно-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства.

5. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МАНУФАКТУРЫ.

Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры. В свою очередь мануфактурное разделение труда делает численный рост употребляемых в дело рабочих технической необходимостью. Теперь минимум рабочих, которых должен применять единичный капиталист, предписывается наличным разделением труда. С другой стороны, выгоды дальнейшего разделения труда связаны с новым увеличением числа рабочих, которое осуществимо лишь таким способом, что разом предпринимается в определенных пропорциях увеличение всех различных производственных групп. Но вместе с переменной составной частью капитала должна возрастать и постоянная его часть, не только размеры общих условий производства — строений, печей и т. д., — но в особенности количество сырого материала, которое растет притом гораздо быстрее числа рабочих. Масса сырых материалов, потребляемых в течение данного промежутка времени данным количеством рабочих, увеличивается пропорционально росту производительной силы труда вследствие его разделения. Таким образом, рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или растущее превращение общественных жизненных средств и средств производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры[62].

В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала. Общественный

---

[62] «Еще недостаточно того, чтобы в обществе имелся капитал (следовало сказать: жизненные средства и средства производства), необходимый для данного подразделения ремесл; необходимо кроме того, чтобы капитал этот скопился в руках предпринимателей в достаточно значительных массах, позволяющих вести производство в крупном масштабе... По мере того как развивается разделение труда, неизменное число занятых рабочих требует все более и более значительных затрат капитала в виде орудий, сырых материалов и т. д.» (*Storch:* «Cours d'Économie Politique», парижское издание, т. I, стр. 250, 251). [Ср. *Г. Шторх:* «Курс политической экономии», т. I, перев. под ред. И. В. Вернадского, СПБ. 1881, стр. 135.] «Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы одно от другого, как — в политическом строе — концентрация общественной власти и разделение частных интересов» (*Karl Marx:* «Misère de la Philosophie». Paris 1847, стр. 134). [Ср. *К. Маркс:* «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 387.]

производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле этого слова не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создает кроме того иерархическую лестницу среди самих рабочих. В то время как простая кооперация оставляет способ труда отдельных лиц в основном неизменным, мануфактура революционизирует его снизу доверху и, всецело подчиняя его индивидуальную рабочую силу, поражает ее в самом ее корне. Мануфактура превращает рабочего в урода, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований. Так, в государствах Ла-Платы убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы[63], и таким образом осуществляется на деле пошлая басня Менения Агриппы, которая изображает человека в виде части его собственного тела[64]. Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу, потому что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь сама его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не запродана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Лишенный возможности делать что-либо самостоятельно в соответствии со своими естественными дарованиями, мануфактурный рабочий развивает производительную деятельность уже только как придаток мастерской капиталиста[65]. Как на челе избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно

---

[63] Дугалд Стюарт называет мануфактурных рабочих «living automatons... employed in the details of the work» [«живыми автоматами... употребляемыми для частичных трудовых операций»] (Works, ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, т. III, «Lectures on Political Economy», стр. 318).

[64] У кораллов каждый отдельный индивидуум действительно представляет желудок всей группы. Но он доставляет группе питательные вещества, а не отнимает их, как римские патриции у плебеев.

[65] «Работник, владеющий своим ремеслом во всем его объеме, может везде заниматься производительной деятельностью и добывать себе средства к существованию; наоборот, второй (мануфактурный рабочий) представляет только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью к труду, ни необходимой для этого самостоятельностью, и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить» (*Storch:* «Cours d'Économie Politique», изд. Petersbourg 1815, т. I, стр. 204). [Ср. *Г. Шторх:* «Курс политической экономии», т. I, перев. под ред. И. В. Вернадского, СПБ. 1881 г., стр. 78.]

так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала.

Познания, предусмотрительность и воля, проявляемые хотя бы и в незначительном размере самостоятельным земледельцем или ремесленником, — подобно тому как дикарь в своей личной хитрости и ловкости проявляет разнообразные элементы всего военного искусства, — требуются здесь только от всей мастерской в целом. Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале [66]. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и порабощающая их сила. Этот процесс отделения начинается в простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собою единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу [67].

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами. «Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила размышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать определенным образом рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди» [68]. И в самом деле, в половине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для производства известных простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну [69].

---

[66] *A. Ferguson:* «History of Civil Society». Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 281: «Первый выиграл то, что потерял другой».

[67] «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно» (*W. Thompson:* «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London 1824, стр. 274).

[68] *A. Ferguson:* «History of Civil Society». Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 280.

[69] *J. D. Tuckett:* «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». London 1846, т. I, стр. 149.

«...Умственные способности и развитие большей части людей,— говорит А. Смит, — необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо». Обрисовав тупость частичного рабочего, А. Смит продолжает: «Однообразие его неподвижной жизни естественно подрывает мужество его характера... Оно ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки (the labouring poor), т. е. главная масса народа»[70]. Чтобы предотвратить полнейшее искалечение народной массы, являющееся результатом разделения труда, А. Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных, гомеопатических дозах. Вполне последовательно возражает против этого его французский переводчик и комментатор Гарнье, который при первой империи естественно превратился в сенатора. Народное образование противоречит, по его мнению, первому закону разделения труда; организацией народного образования мы «обрекли бы на уничтожение всю нашу общественную систему». «Отделение физического труда от умственного[71], — говорит он, — как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и решительным, по мере того как богатеет общество (он правильно употребляет это выражение для обозначения капитала, землевла-

[70] *A. Smith:* «Wealth of Nations», кн. V, гл. I, отд. II [*А. Смит:* «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. II, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 303]. Как ученик Фергюсона, который разобрал вредные последствия разделения труда, А. Смит совершенно ясно представлял себе этот пункт. В начале своего труда, где он ex professo прославляет разделение труда, он лишь мимоходом указывает на него как на источник общественных неравенств. Лишь в пятой книге, посвященной государственным доходам, он воспроизводит Фергюсона. В «Misère de la Philosophie» [«Нищете философии»] я уже сказал все необходимое об исторической связи между Фергюсоном, А. Смитом, Лемонтеем и Сэем в критике ими разделения труда; там же я впервые представил мануфактурное разделение труда как специфическую форму капиталистического способа производства. (*Karl Marx:* «Misère de la Philosophie». Paris 1847, стр. 122 и сл.). [*К. Маркс:* «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 379—381.]

[71] Фергюсон уже в «History of Civil Society», Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 281, говорит: «И самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией».

дения и их государства). Это разделение труда, подобно другим его видам, является результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса... Неужели же правительство должно противодействовать этому разделению труда и задерживать его естественный ход? Неужели оно должно затрачивать часть государственных доходов на эксперимент, имеющий целью смешать и спутать вместе два класса труда, стремящиеся к разделению и обособлению?»[72].

Некоторое духовное и телесное искалечение неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии дается впервые лишь мануфактурным периодом[73].

«Рассечение человека называется казнью, если он получил смертный приговор, убийством, если он не приговорен судом к смерти. Рассечение труда есть убийство народа»[74].

Кооперация, покоящаяся на разделении труда, или мануфактура, вначале представляет собой стихийное, естественно выросшее образование. Но как только она приобретает известную устойчивость и достаточную широту распространения, она становится сознательной, планомерной и систематической формой капиталистического способа производства. История мануфактуры в собственном смысле этого слова показывает, каким образом характерное для нее разделение труда приобретает целесообразные формы, сначала чисто эмпирически, как бы за спиною действующих лиц,

---

[72] *G. Garnier*, том V его перевода [Смита], стр. 4—5.

[73] Рамадзини, профессор практической медицины в Падуе, опубликовал в 1713 г. свой труд: «De morbis artificum», переведенный затем в 1781 г. на французский язык и снова напечатанный в 1841 г. в «Encyclopédie des Sciences Médicales. 7-ème Discours: Auteurs Classiques». Период крупной промышленности, разумеется, лишь увеличил его каталог профессиональных заболеваний рабочих. См. между прочим: «Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Par le Dr. A. L. Fonteret», Paris 1858, и «Die Krankheiten, welche verschiedenen Ständen, Altern und Geschlechtern eigenthümlich sind». 6 томов. Ulm 1860. В 1854 г. Society of Arts назначило комиссию по изучению промышленной патологии. Список документов, собранных этой комиссией, читатель найдет в каталоге «Twickenham Economic Museum». Очень важный материал дают официальные «Reports on Public Health». См. также д-р мед. *Eduard Reich:* «Ueber die Entartung des Menschen». Erlangen 1868.

[74] *D. Urquhart:* «Familiar Words». London 1855, стр. 119. Гегель придерживался очень еретических взглядов относительно разделения труда. «Под образованным человеком следует разуметь прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие»,— говорит он в своей «Философии права» [*Hegel:* «Grundlinien der Philosophie des Rechts», 2-е изд., Berlin 1840, стр. 247. Ср. *Гегель:* «Философия права», 1934 г., т. VII, отд. II, § 187, стр. 216].

а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится традицией закрепить раз найденную форму и, в отдельных случаях, упрочить ее на целые века. Если эта форма изменяется, то, — за исключением совершенно второстепенных перемен, — всегда лишь в результате революции в орудиях труда. Современная мануфактура, — я не говорю здесь о крупной промышленности, покоящейся на применении машин, — или находит свои disjecti membra poetae уже в готовом виде, — напр. мануфактура платья в тех крупных городах, где она возникает, — и ей приходится только собрать эти разрозненные члены, или же принцип разделения бросается в глаза сам собою, требуя просто передачи отдельных операций ремесленного производства (напр. в переплетном деле) особым частичным рабочим. В таких случаях не требуется и недели опыта, чтобы найти надлежащую пропорцию между числом рук, необходимых для отправления каждой функции[75].

Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм создает качественное расчленение и количественную пропорциональность общественных процессов производства, т. е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда. Как специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить относительную прибавочную стоимость или усиливать за счет рабочего самовозрастание капитала, что обычно называют общественным богатством, «wealth of nations» [«богатством народов»] и т. д. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем уродования индивидуального рабочего. Оно создает новые условия господства капитала над трудом. Поэтому, если, с одной стороны, оно является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества, то, с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации.

Политическая экономия, которая становится настоящей наукой лишь в мануфактурный период, рассматривает общественное разделение труда вообще лишь с точки зрения мануфактурного разде-

[75] Наивная вера в изобретательский гений, a priori проявляемый отдельными капиталистами в области разделения труда, сохранилась еще, повидимому, только у немецких профессоров вроде, напр., господина Рошера, который назначает капиталисту «diverse Arbeitslöhne» [«различные заработные платы»] в благодарность за то, что из юпитеровой головы последнего выскакивает в совершенно законченном виде разделение труда. Большее или меньшее разделение труда зависит от величины кошелька, а не от размеров гения.

ления труда[76], т. е. как средство с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно удешевить товары и ускорить накопление капитала. В прямую противоположность этому подчеркиванию количественной стороны дела и меновой стоимости, писатели классической древности обращают внимание исключительно на качественную сторону и на потребительную стоимость[77]. Вследствие разделения общественных отраслей производства товары изготовляются лучше, различные склонности и таланты людей получают возможность избрать себе надлежащую сферу деятельности[78], а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего замечательного[79]. Таким образом, и продукт и его производитель совершенствуются путем разделения труда. Если писатели классической древности и упоминают иногда о росте массы производимых продуктов, то их

---

[76] Более старые писатели, как, напр., Петти, анонимный автор «Advantages of the East-India Trade» и т. д., определеннее, чем А. Смит, указывают на капиталистический характер мануфактурного разделения труда.

[77] Среди авторов нового времени исключение составляют лишь некоторые писатели XVIII столетия, которые в вопросе о разделении труда ограничиваются почти исключительно повторением древних. Таковы Беккариа и Джемс Гаррис. Беккариа пишет: «Каждый знает по собственному опыту, что, применяя всегда руки и ум к одинаковому роду труда и к изготовлению одних и тех же продуктов, он достигает с большей легкостью более значительных и лучших результатов... чем в том случае, если бы каждый сам изготовлял для себя необходимые вещи... Таким образом, в интересах общей и индивидуальной пользы люди разделены на различные классы и состояния» (*Cesare Beccaria:* «Elementi di Economia Publica», изд. *Custodi,* Parte Moderna, т. XI, стр. 28). Джемс Гаррис, впоследствии граф Мальмсберийский, известный своими «Diaries» [«дневниками»] о пребывании в Петербурге в качестве посла, сам говорит в одном из примечаний к своему «Dialogue concerning Happiness», London 1741 (впоследствии переиздано в «Three Treatises etc.», 3-е изд., London 1772): «Все доказательства естественности общества (а именно доказательства, основанные на принципе «разделения занятий»)... взяты мною из второй книги «Республики» Платона».

[78] Так, напр., мы читаем в «Одиссее», песнь XIV, стих 228: «Ἄλλος γὰρ τ'ἄλλοισιν ἀνὴρ ἐπιτέρπεται ἔργοις» [«Люди не сходны: те любят одно, а другие — другое». Перев. Жуковского. Полн. собр. соч. В. А. Жуковского, изд. М. О. Вольф, СПБ.—Москва, стр. 413], а Архилох у Секста Эмпирика говорит: «Ἄλλος ἄλλῳ ἐπ' ἔργῳ καρδίην ἰαίνεται» [«Одно дело радует сердце одного, другое — другого»].

[79] «Πολλ' ἠπίστατο ἔργα, κακῶς δ'ἠπίστατο πάντα» [«Много знал он дел, но плохо знал их все»]. — Афинянин как производитель товаров чувствовал свое превосходство над спартанцами, так как последние располагали для войны лишь людьми, а не деньгами, что̀ Фукидид и заставляет высказать Перикла в речи, призывающей афинян к Пелопоннесской войне: «Σώμασι τε ἑτοιμότεροι οἱ αὐτουργοὶ τῶν ἀνθρώπων ἢ χρήμασι πολεμεῖν» [«Люди, производящие для собственного потребления, скорее отдадут войне свои тела, нежели деньги»] (*Фукидид,* кн. I, отдел 141). [Ср. *Фукидид:* «История Пелопоннесской войны», изд. Кузнецова, Москва 1887, т. I, стр. 135.] Тем не менее их идеалом, даже в области материального производства, была αὐταρκεία [автаркия], противоречащая разделению труда: «παρ'ὧν γὰρ τὸ εὖ, παρὰ τούτων καὶ τὸ αὔταρκες» [«Откуда возникает благо, оттуда и самостоятельность»]. Необходимо при этом принять во внимание, что даже в эпоху низвержения 30 тиранов не насчитывалось и 5 000 афинян без земельной собственности.

интересует при этом лишь обилие потребительных стоимостей. Ни одной строчки не посвящено меновой стоимости, удешевлению товаров. Точка зрения потребительной стоимости господствует как у Платона [80], который видит в разделении труда основу распадения общества на сословия, так и у Ксенофонта [81], который с характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри мастерской. Поскольку

---

[80] Платон выводит разделение труда внутри общины из разносторонности потребностей и односторонности дарований индивидуумов. Основное его положение состоит в том, что работник должен приспособляться к делу, а не дело к работнику, — но последнее неизбежно, раз работник занимается несколькими профессиями сразу, т. е. выполняет одну из них как побочное занятие. «Οὐ γὰρ... ἐθέλει τὸ πραττόμενον τὴν τοῦ πράττοντος σχολὴν περιμένειν, ἀλλ' ἀνάγκη τὸν πράττοντα τῷ πραττομένῳ ἐπακολουθεῖν μὴ ἐν παρέργου μέρει. —'Ανάγκη.—'Εκ δὴ τούτων πλείω τε ἕκαστα γίγνεται καὶ κάλλιον καὶ ῥᾷον ὅταν εἷς ἓν κατὰ φύσιν καὶ ἐν καιρῷ σχολὴν τῶν ἄλλων ἄγων, πράττῃ» [«Ибо дело не должно ожидать досуга производителя, но необходимо, чтобы производитель совершал свое дело прилежно, а не между прочим. — Необходимо. — Ведь каждая вещь производится легче и лучше и в большем количестве, когда человек делает лишь одно дело, соответствующее его склонностям и в надлежащее время, свободное от всяких других занятий»] («Respublica», кн. I, изд. 2-е Baiter, Orelli etc.). [Ср. Сочинения Платона, ч. III, перев. проф. Карпова, СПБ. 1863 г. «Политика, или государство», кн. II, стр. 117.] Подобные мысли мы находим и у Фукидида, кн. I, отдел 142: «Морское дело есть такое же искусство, как и всякое другое, и им нельзя заниматься между прочим, как побочным занятием; скорее наоборот, оно не терпит рядом с собою никакого иного побочного занятия». [Ср. *Фукидид:* «История Пелопоннесской войны», изд. Кузнецова. М. 1887 г., т. I, стр. 136.] Если дело будет дожидаться работника, говорит Платон, то зачастую критический момент производства будет упущен и продукт испорчен, «ἔργου καιρὸν διόλλυται» [«результат работы погибнет»]. Эту же платоническую идею мы встречаем в протесте английских владельцев белилен против того параграфа фабричного акта, которым устанавливается определенный час для обеда рабочих. Их производство не может сообразоваться с рабочими, ибо «в различных операциях обжигания, промывания, беления, катанья, лощения и окрашивания приостановка в заранее назначенный момент невозможна без риска порчи... установить для всех рабочих один и тот же обязательный обеденный перерыв — значило бы подвергнуть ценные продукты риску порчи вследствие незаконченных операций». Le platonisme où va-t-il se nicher! [Куда только не запрячется платонизм!]

[81] Ксенофонт рассказывает, что получение кушаний со стола персидского царя приятно не только потому, что это большая честь, но и потому, что кушания эти вкуснее других. «И это неудивительно, ибо, подобно тому как все прочие искусства особенно усовершенствованы в крупных городах, точно так же и царские кушания несравненны по своему достоинству. В мелких городах один и тот же человек делает ложа, двери, плуги, столы; иногда он, кроме того, строит дома, и очень рад, если имеет достаточное количество подобного рода заказов, необходимых для поддержания его жизни. Совершенно невозможно, чтобы человек, занимающийся столь различными делами, все делал хорошо. Но в крупных городах, где каждый работник находит многих покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нет необходимости знать ремесло в целом; но бывает так, что один делает только мужские башмаки, другой — только женские. В отдельных случаях один только шьет башмаки, другой только кроит для них кожу, или один только кроит платье, другой лишь соединяет вместе куски материи. Неизбежно, что тот, кто выполняет наиболее простую работу, выполняет ее наиболее

в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собою лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя; Египет и для других писателей, современников Платона, напр. Изократа[82], был образцом промышленной страны, он сохраняет это свое значение даже в глазах греков времен Римской империи[83].

В собственно мануфактурный период, т. е. в период, когда мануфактура является господствующей формой капиталистического способа производства, полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия. Хотя мануфактура создает, как мы видели, наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и необученных, число последних остается весьма ограниченным в силу преобладающего значения первых. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция в общем и целом терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин, привычкам которых она противоречит. Хотя разложение ремесленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен. Мы видим, напр., что в Англии laws of apprenticeship [законы об ученичестве] с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и уничтожаются лишь под натиском крупной промышленности. Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен объективного скелета, независимого от рабочих, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих.

совершенно. То же самое относится и к поварскому искусству» (*Xenophon:* «Cyropaedie», кн. VIII, гл. 2). [Ср. *Ксенофонт:* «Киропедия». Киев 1878 г., кн. VIII, гл. 2, стр. 259—260.] Внимание обращено здесь исключительно на качество потребительной стоимости, хотя уже Ксенофонт знает, что масштаб разделения труда зависит от размеров рынка.

[82] «Он (Бузирис) разделил всех на особые касты... повелел, чтобы одни и те же люди всегда занимались одним и тем же делом, ибо он знал, что те, которые часто меняют свои занятия, ни одно из них не усваивают себе основательно; те же, которые постоянно занимаются одним и тем же делом, выполняют его наиболее совершенно. И действительно, мы видим, что в области искусства и ремесл египтяне превзошли своих соперников больше, чем мастер превосходит необученного работника, и создали столь совершенные учреждения для охраны царской власти и государственного строя, что знаменитейшие философы, касавшиеся этого вопроса, восхваляют государственное устройство Египта более, чем какое-либо другое» (*Isocratis:* «Busiris», гл. 8).

[83] Ср. *Diodorus Siculus* [«Diodor's v. Sicilien Historische Bibliothek», кн. I, 1831 г.].

«Такова слабость человеческой природы, — восклицает наш милейший Юр, — что, чем рабочий искуснее, тем он своевольнее, тем труднее подчинить его дисциплине и, следовательно, тем больший вред приносит он своими капризами совокупному механизму»[84]. Поэтому в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих[85]. И если бы даже у нас не было показаний со стороны писателей того времени, то одни уже факты, что начиная с XVI столетия и вплоть до эпохи крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий; что мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки. «Порядок должен быть установлен тем или иным способом», — взывает в 1770 г. неоднократно цитированный нами автор «Essay on Trade and Commerce». «Порядок», — подхватывает 66 лет спустя доктор Эндрю Юр, — «порядок» отсутствовал в мануфактуре, основанной «на схоластической догме разделения труда», и «Аркрайт создал порядок».

Вместе с тем мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы. Ее собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самою созданными потребностями производства.

Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время. «Такая мастерская, — говорит Юр, — представляла собою картину разделения труда со всеми его многочисленными ступенями. Сверло, резец, токарный станок имели каждый своего собственного рабочего, иерархически связанного с другими тем или иным способом в зависимости от степени его искусства». Этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил машины. Последние устраняют ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства. Этим, с одной стороны, устраняется техническая основа пожизненного прикрепления рабочего к данной частичной функции. С другой стороны, падают те преграды, которые этот принцип еще ставил господству капитала.

---

[84] *Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 20.

[85] Сказанное в тексте гораздо более применимо к Англии, чем к Франции, и к Франции более, чем к Голландии.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1. РАЗВИТИЕ МАШИН.

Джон Стюарт Милль говорит в своих «Основаниях политической экономии»: «Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа»[86]. Но перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели. Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины — средство производства прибавочной стоимости.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, в крупной промышленности — средство труда. Поэтому прежде всего необходимо исследовать, каким образом средство труда из орудия превращается в машину, или чем отличается машина от ремесленного инструмента. Конечно, речь идет лишь о крупных, общих, характерных чертах, потому что эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно-строгими разграничительными линиями.

Математики и механики — и это повторяют некоторые английские экономисты — говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними и даже простые механические средства, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и т. д., называют машинами[87]. Действительно, каждая машина состоит из таких простых средств, каковы бы ни были их изменения и сочетания. Однако с экономической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что исторический элемент в нем отсутствует. С другой стороны, различие между орудием и машиной хотят

---

[86] Миллю следовало бы сказать: «хотя бы одного человеческого существа, не живущего чужим трудом», потому что машины, несомненно, сильно увеличили число знатных бездельников.

[87] См. напр., *Hutton:* «Course of Mathematics». [London 1841—1843, т. I—II.]

открыть в том, что при орудии движущей силой служит человек, напротив, движущая сила машины — сила природы, отличная от человеческой силы, напр. животное, вода, ветер и т. д.[88]. Но тогда запряженный быками плуг, относящийся к самым различным эпохам производства, был бы машиной, а Claussen's circular loom [круговой ткацкий станок Клауссена], который приводится в движение рукой одного рабочего и делает 96 000 петель в минуту, был бы простым орудием. Мало того: один и тот же loom [ткацкий станок] был бы орудием, если он приводится в движение рукой, и — машиной, если приводится в движение паром. Так как применение животной силы представляет одно из древнейших изобретений человечества, то оказалось бы, что машинное производство предшествовало ремесленному производству. Когда Джон Уайет в 1735 г. возвестил о своей прядильной машине, а вместе с нею — о промышленной революции XVIII века, он ни звуком не упомянул о том, что осел, а не человек приводит эту машину в движение, и, тем не менее, эта роль действительно досталась ослу. Машина для того, «чтобы прясть без помощи пальцев», гласила его программа[89].

Всякая развитая совокупность машин [entwickelte Maschinerie] состоит из трех существенно различных частей: машины-двига-

[88] «С этой точки зрения можно также провести резкую границу между орудием и машиной: заступ, молот, долото и т. д., системы рычагов и винтов, для которых, как бы искусно они ни были сделаны, движущей силой служит человек... все это подходит под понятие орудия; между тем плуг с движущей его животной силой, ветряные и т. д. мельницы следует причислить к машинам» (*Wilhelm Schulz:* «Die Bewegung der Produktion». Zürich 1843, стр. 38). Работа в некоторых отношениях достойная похвалы.

[89] Уже до него применялись прядильные машины, хотя очень несовершенные, по всей вероятности раньше всего в Италии. Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса,— некритична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод. Недостатки абстрактного естественно-научного материализма, исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности.

теля, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины. Машина-двигатель действует как движущая сила всего механизма. Она или сама порождает свою двигательную силу, как паровая машина, калорическая машина, электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крыло ветряной мельницы от ветра и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, напр. превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на рабочие машины. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение рабочую машину, благодаря чему последняя захватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части машин — от рабочей машины. И теперь каждый раз, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное, исходным пунктом служит рабочая машина.

Если мы присмотримся ближе к машине-орудию, или собственно рабочей машине, то мы в общем и целом увидим в ней, хотя часто и в очень измененной форме, все те же аппараты и орудия, которыми работает ремесленник и мануфактурный рабочий; но это уже орудия не человека, а орудия механизма, или механические орудия. Мы увидим, что или вся машина представляет собою лишь более или менее измененное механическое издание старого ремесленного инструмента, как в случае с механическим ткацким станком[90], или приложенные к корпусу рабочей машины действующие органы являются старыми знакомыми, как веретена у прядильной машины, спицы у чулочно-вязальной машины, пилы у лесопильной машины, ножи у резальной машины и т. д. Отличие этих орудий от собственно тела рабочей машины простирается так далеко, что обнаруживается даже в производстве тех и других. А именно, эти орудия производятся по большей части все еще ремесленным или мануфактурным способом и затем укрепляются на корпусе рабочей машины, произведенном машинным способом[91]. Итак, рабочая машина — это

[90] В особенности в первоначальной форме механического ткацкого станка с первого же взгляда можно узнать старинный ткацкий станок. В своей современной форме он является существенно измененным.

[91] Только приблизительно с 1850 г. все бо́льшая и бо́льшая доля орудий для рабочих машин начинает изготовляться в Англии машинным способом, хотя и не теми фабрикантами, которые производят самые машины. Машинами для фабрикации таких механических орудий служат, напр., automatic bobbin making engine [автоматическая шпульная машина], card-setting engine [кардонаборная машина], машины для производства берд и для изготовления веретен к мюлям и ватерам.

такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же, в свою очередь, от машины — это ничего не изменяет в существе дела. После того как орудие в собственном смысле слова перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия. Различие между машиной и орудием с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы первичным двигателем все еще оставался сам человек. Количество рабочих инструментов, которым человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных орудий производства, количеством органов его тела. В Германии как-то сделали попытку заставить прядильщика двигать два прядильных колеса, т. е. работать одновременно обеими руками и обеими ногами. Но это требовало слишком большого напряжения. Позже изобрели прялку с двумя веретенами, приводимую в движение приводом, но такие прядильщики-виртуозы, которые могли бы одновременно прясть две нитки, встречались почти так же редко, как двуголовые люди. Напротив, дженни уже с самого своего появления прядет 12—18 веретенами, чулочно-вязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д. Таким образом, количество орудий, которыми одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала эмансипируется от тех органических ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего.

Во многих ручных орудиях различие между человеком как простой двигательной силой и как рабочим, выполняющим работу в собственном смысле, приобретает чувственно воспринимаемую форму. Например, при работе на прялке нога действует только как двигательная сила, между тем как рука, работающая при веретене, щиплет и вращает, т. е. выполняет собственно операцию прядения. Как раз эта последняя часть ремесленного инструмента прежде всего и захватывается промышленной революцией, которая в первое время предоставляет человеку не только новый труд по наблюдению за машиной и по исправлению своими руками ее ошибок, но и чисто механическую роль двигательной силы. Напротив, орудия, на которые человек с самого начала действовал только как простая двигательная сила, — как, напр., при вращении вала мельницы[92], при насосах, при подымании и опускании рукоятки раздувального меха, при толчении в ступе и т. д., — эти орудия прежде всего вызывают применение животных, воды,

[92] Моисей-египтянин говорит: «Не заграждай рта волу, когда он молотит» [«Библия», кн. V, Моисеева, гл. 25, ст. 4]. Напротив, христианско-германские филантропы накладывали своим крепостным, которыми они пользовались как двигательной силой при размолке, большие деревянные круги на шею, чтобы крепостные не могли подносить рукой муку ко рту.

ветра[93] как двигательных сил. Отчасти в мануфактурный период, в единичных же случаях уже задолго до него, эти орудия развиваются в машины, но они не революционизируют способа производства. Что они даже в своей ремесленной форме уже являются машинами, это обнаруживается в период крупной промышленности. Насосы, напр., посредством которых голландцы выкачали в 1836—1837 гг. Гарлемское озеро, были устроены по принципу обыкновенных насосов, с той только разницей, что их поршни приводились в движение не человеческими руками, а циклопическими паровыми машинами. Обыкновенный и очень несовершенный кузнечный мех еще и теперь иногда превращается в Англии в механический раздувальный мех посредством простого соединения его рукояти с паровой машиной. И даже паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII века, в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х годов XVIII века[94], не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно создание рабочих машин сделало необходимой революцию в паровой машине. С того времени, как человек, вместо того чтобы действовать орудием на предмет труда, начинает действовать просто как двигательная сила на рабочую машину, тот факт, что носителями двигательной силы являются человеческие мускулы, представляется уже случайным обстоятельством, они могут быть заменены ветром, водой, паром и т. д., и это не исключает того, что такая замена зачастую требует больших технических изменений в механизме, который первоначально был построен в расчете исключительно на человеческую двигательную силу. В настоящее время все машины, которым еще приходится прокладывать себе дорогу, как, напр., швейные машины, машины для приготовления хлеба и т. д., если их назначением не исключается с самого начала малый масштаб, изготовляются таким образом, что для них одинаково пригодна и человеческая и чисто механическая двигательная сила.

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых

---

[93] Частью недостаток естественных водопадов, частью борьба с избытком воды в других формах заставили голландцев применять ветер в качестве двигательной силы. Самые ветряные двигатели голландцы заимствовали из Германии, где это изобретение вызвало серьезную борьбу между дворянством, попами и императором из-за того, кому же из них троих «принадлежит» ветер. В Германии говорили, что воздух делает человека чужой собственностью [Luft macht eigen], между тем как именно ветер освободил Голландию. Здесь он делал собственностью не голландцев, а землю для голландцев. Еще в 1836 г. в Голландии было в ходу 12 000 ветряных двигателей в 6 000 лошадиных сил, которые предохраняли две трети страны от обратного превращения в болото.

[94] Правда, она была уже значительно усовершенствована Уаттом в его первой, так называемой паровой машине простого действия, но в этой форме оставалась простой подъемной машиной для воды и соляного раствора.

или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней[95]. Здесь мы имеем перед собой машину, но пока еще только как простой элемент машинного производства.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается в более мощной двигательной силе, чем человеческая, чтобы преодолеть его собственное сопротивление, — мы не говорим уже о том, что человек представляет собою крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения. Раз мы предположили, что, человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заступила рабочая машина, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу. Из всех крупных двигательных сил, завещанных мануфактурным периодом, сила лошади была наихудшей отчасти потому, что у лошади есть своя собственная голова, отчасти потому, что она дорога и может применяться на фабриках лишь в ограниченных размерах[96]. Тем не менее в период детства крупной промышленности лошадь применялась довольно часто, о чем свидетельствуют не только жалобы агрономов того времени, но и сохранившийся до сих пор способ выражать величину механической силы в лошади-

---

[95] «Соединение всех этих простых инструментов, приводимых в движение одним общим двигателем, составляет машину» (*Babbage:* «On the Economy of Machinery». London 1832 [стр. 136]).

[96] В январе 1861 г. Джон Ч. Мортон прочел в Society of Arts [Обществе ремесл] доклад о «силах, применяемых в земледелии». В нем говорится между прочим следующее: «Всякое улучшение, повышающее однообразие почвы, делает возможным применение паровой машины для производства чисто механической силы... Сила лошади требуется там, где кривые изгороди и другие препятствия делают невозможными однообразные движения. Такие препятствия с каждым днем все больше устраняются. В таких операциях, которые требуют сравнительно больше проявлений воли и меньше физической силы, единственно применимой является человеческая сила, как сила, во всякий момент направляемая человеческим умом». Затем г. Мортон сводит паровую силу, силу лошади и человеческую силу к единице измерения, принятой для паровых машин, т. е. к силе, способной поднять 33 000 фунтов на высоту одного фута в минуту, и исчисляет издержки на одну паровую лошадиную силу: при паровой машине в 3 п., при применении лошади в $5^1/_2$ п. за час. Далее, для того, чтобы лошадь оставалась здоровой, она не должна работать более 8 часов в день. Применяя силу пара к возделыванию земли, каждую семерку лошадей можно уменьшить по меньшей мере на 3 лошади, причем издержки на паровую машину в течение целого года будут не больше, чем издержки на этих устраненных лошадей в течение тех 3 или 4 месяцев, когда они только и находят себе действительное применение. Наконец, в тех земледельческих операциях, где можно применять паровую силу, получается продукт лучшего качества, чем при пользовании силой лошади. Чтобы выполнить работу паровой машины, пришлось бы применять 66 рабочих с общей суммой заработной платы в 15 ш. за час, а чтобы выполнить работу лошади, пришлось бы применять 32 рабочих с общей суммой платы в 8 ш. за час

ных силах. Что касается ветра, то он слишком непостоянен и не поддается контролю; кроме того применение водяной силы в Англии, на родине крупной промышленности, уже в мануфактурный период имело преобладающее значение. Уже в XVII веке была сделана попытка приводить в движение два бегуна и два же постава посредством одного водяного колеса. Но увеличение размеров передаточного механизма вступило в конфликт с недостаточной силой воды, и это было одним из тех обстоятельств, которые побудили к более точному исследованию законов трения. Точно так же нерегулярность действия двигательной силы на мельницах, которые приводились в движение ударом и тягой при помощи коромысел, привела к теории и практическому применению махового колеса[97], которое впоследствии стало играть такую важную роль в крупной промышленности. Таким образом мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности. Ватерная прядильня Аркрайта с самого начала приводилась в движение водой. Между тем и употребление водяной силы, как преобладающей двигательной силы, было связано с различными затруднениями. Ее нельзя было повышать до произвольного уровня, ее недостаток нельзя было восполнить; иногда она истощалась и, главное, имела чисто локальный характер[98]. Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой паровой машины двойного действия, был найден первичный двигатель, который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу и мощность которого находится всецело под контролем человека; двигатель, который подвижен и сам является средством передвижения, который, будучи городским, а не сельским, как водяное колесо, позволяет концентрировать производство в городах, вместо того чтобы рассеивать его в деревне[99]; двигатель, универсальный по своему техническому применению и сравнительно мало зависящий в своем местопребывании от тех или иных локальных условий. Великий гений Уатта обнаруживается в том, что патент, взятый им в апреле 1784 г., давая описание паровой

[97] Фаульгабер, 1625. Де Ко, 1688.

[98] Новейшее изобретение турбин освобождает промышленную эксплуатацию водяной силы от многих прежних ограничений.

[99] «В первое время существования текстильных мануфактур местонахождение производства зависело от того, есть ли поток с настолько достаточным падением, чтобы он мог вращать водяное колесо; и хотя устройство водяных фабрик было первым ударом для домашней системы мануфактуры, однако эти фабрики,... по необходимости расположенные около потоков и зачастую на значительных расстояниях одна от другой, представляли элемент скорее деревенской, чем городской системы; и только по введении силы пара взамен силы воды фабрики получают возможность сосредоточиваться в городах и в местностях, где можно найти в достаточном количестве воду и уголь, необходимые для производства пара. Паровая машина — мать промышленных городов» (А. Редгрейв в «Reports of the Insp. of Fact. for 30th April 1860», стр. 36).

машины, изображает ее не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности. Он упоминает здесь о применениях, из которых некоторые, как, напр., паровой молот, введены лишь более чем через полвека. Однако он сомневался в применимости паровой машины к морскому судоходству. Его преемники, Болтон и Уатт, выставили на лондонской промышленной выставке 1851 г. колоссальнейшую паровую машину для океанских пароходов.

Только после того как орудия превратились из орудий человеческого организма в орудия механического аппарата — машины, работающие орудиями, — только тогда и двигательная машина приобретает самостоятельную форму, совершенно свободную от тех ограничений, которые сопряжены с человеческой силой. С этого времени та отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Одна машина-двигатель может теперь приводить в движение много рабочих машин одновременно. С увеличением количества рабочих машин, одновременно приводимых в движение, растет и машина-двигатель, а вместе с тем передаточный механизм разрастается в широко разветвленный аппарат.

Теперь мы должны провести различие между двоякого рода вещами: кооперацией многих однородных машин и системой машин.

В одном случае вся работа производится одной и той же рабочей машиной. Машина выполняет все те различные операции, которые ремесленник исполнял своим орудием, напр. ткач при помощи своего ткацкого станка, или которые ремесленники последовательно исполняли при помощи различных орудий, причем безразлично, были ли они самостоятельными ремесленниками или членами одной и той же мануфактуры[100]. Например, в новейшей мануфактуре почтовых конвертов один рабочий фальцовал бумагу фальцовкой, другой смазывал клеем, третий отгибал клапан, на котором отпечатывается монограмма, четвертый выбивал монограмму и т. д., и при каждой из этих частичных операций каждый отдельный конверт должен был переходить из рук в руки. Одна-единственная машина для изготовления конвертов разом выполняет все эти операции и приготовляет 3 000 и более конвертов в час. Одна американская машина для изготовления бумажных пакетов, выставлен-

[100] С точки зрения мануфактурного разделения труда ткачество было отнюдь не простым, а, напротив, сложным ремесленным трудом, и потому механический ткацкий станок есть машина, исполняющая очень многосложные операции. Вообще ошибочно то представление, будто современные машины первоначально овладели такими операциями, которые были упрощены мануфактурным разделением труда. Прядение и ткачество в мануфактурный период обособились как новые виды, соответствующие орудия подверглись усовершенствованиям и видоизменениям, но самый процесс труда, нисколько не разделенный, оставался ремесленным. Своей исходной точкой машина берет не труд, а средство труда.

ная на лондонской промышленной выставке 1862 г., режет бумагу, смазывает клеем, фальцует и производит 300 штук в минуту. Весь процесс, который в мануфактуре разделен и выполняется в известной последовательности, здесь выполняется одной рабочей машиной, которая действует посредством комбинации различных орудий. Является ли такая рабочая машина только механическим воспроизведением сложного ремесленного орудия или комбинацией разнородных простых орудий, специализированных мануфактурой, на фабрике, т. е. в мастерской, построенной на машинном производстве, неизменно каждый раз вновь появляется простая кооперация, и притом прежде всего как пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин (рабочего мы оставим здесь в стороне). Так, напр., ткацкая фабрика образуется сосуществованием многих механических ткацких станков, а швейная фабрика — сосуществованием многих швейных машин в одной и той же мастерской. Но здесь существует техническое единство, поскольку эти многие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают импульс от биения сердца общего первичного двигателя, причем движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него ответвляются лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины. Подобно тому как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Но система машин в собственном смысле этого слова заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но взаимно дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет собою уже комбинацию частичных рабочих машин. Специфические орудия различных частичных рабочих — напр., в шерстяной мануфактуре орудия шерстобитов, шерсточесов, ворсильщиков, шерстопрядильщиков и т. д. — теперь превращаются в орудия различных рабочих машин, из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию в системе комбинированного исполнительного механизма. В тех отраслях, где система машин вводится впервые, сама мануфактура в общем и целом доставляет для нее естественную основу разделения, а следовательно, и основу организации процесса производства[101]. Однако с самого начала

[101] До эпохи крупной промышленности шерстяная мануфактура была господствующей мануфактурой Англии. Поэтому в ней была сделана бо́льшая часть экспериментов в первую половину XVIII столетия. Опыт, приобретенный по отношению к шерсти, пошел на пользу хлопку, механическая

выступает и одно существенное различие между мануфактурным и машинным производством. В мануфактуре рабочие, отдельные или соединенные в группы, должны выполнять каждый отдельный частичный процесс при помощи своих ручных орудий. Если рабочий и приурочивается здесь к процессу, то и процесс, в свою очередь, уже заранее приспособлен к рабочему. При машинном производстве этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного характера, на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического применения механики, химии и т. д.[102], причем, разумеется, теоретическое решение должно быть усовершенствовано, как и раньше, накоплением обширного практического опыта. Каждая частичная машина доставляет другой машине, непосредственно следующей за нею, сырой материал, и так как все они действуют одновременно, то продукт непрерывно находится на различных ступенях процесса своего образования, постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Как в мануфактуре непосредственная кооперация частичных рабочих создает определенные количественные отношения между отдельными группами рабочих, так и в расчлененной системе машин для того, чтобы одни частичные машины непрерывно давали работу другим частичным машинам, необходимо определенное отношение между их количеством, размерами и быстротой. Комбинированная рабочая машина, представляющая теперь расчлененную систему разнородных отдельных рабочих машин и групп последних, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно

обработка которого требует менее трудного приготовительного процесса; точно так же в позднейшее время, наоборот, механическая шерстяная промышленность развилась на основе механического хлопчатобумажного прядения и ткачества. Отдельные элементы шерстяной мануфактуры, напр. чесание шерсти, охвачены фабричной системой лишь в последние десятилетия. «Применение механической силы к чесанию шерсти... широко распространенное со времени введения «чесальной машины», особенно машины Листера... несомненно имело своим последствием то, что очень большое число людей лишилось работы. Раньше шерсть расчесывалась руками, по большей части на дому у чесальщика. Теперь ее обыкновенно расчесывают на фабрике, и ручной труд устранен, за исключением некоторых особых родов работы, в которых все еще предпочитается шерсть, расчесанная рукой. Многие из ручных чесальщиков нашли работу на фабриках, но продукт ручного чесальщика так мал по сравнению с продуктом машины, что очень большое число чесальщиков так и осталось без работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», стр. 16).

[102] «Следовательно, принцип фабричной системы состоит в замене... разделения или разложения труда между ремесленниками, разложением процесса на его существенные составные элементы» (*Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 20).

чем в большей мере передвигается он от одной фазы производства к другой не рукою человека, а самим механизмом. Поэтому, если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует иной принцип: непрерывная связь отдельных процессов.

Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз ее приводит в движение один первичный двигатель, сам порождающий собственное движение. Однако система в целом может приводиться в движение, напр., паровой машиной, между тем как отдельные рабочие машины для известных движений все еще нуждаются в содействии рабочих, как, напр., до введения сельфакторов оно требовалось при работе на мюлях, а при тонкопрядении требуется еще до настоящего времени; или же определенные части машины для выполнения своих операций должны подобно орудию направляться рабочим, как было в машиностроении до превращения slide rest (поворотного суппорта) в самодействующий механизм. Когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, поддается дальнейшему усовершенствованию в деталях. Так, напр., аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвется хотя бы одна нить, и selfacting stop [автоматический выключатель], останавливающий усовершенствованный паровой ткацкий станок, как только на ткацком челноке окончится вся уточная нить, являются совсем современными изобретениями. Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить современная бумажная фабрика. На бумажном производстве можно было бы вообще изучить до деталей как различие между различными способами производства, построенными на базисе различных средств производства, так и связь общественно-производственных отношений с различными способами производства; старинное германское бумажное дело дает образец ремесленного производства, Голландия XVII и Франция XVIII века — образец мануфактуры в собственном смысле слова, а современная Англия — образец автоматической фабрикации в этой отрасли производства, между тем как в Китае и Индии до сих пор существуют две различные древнеазиатские формы этой же промышленности.

В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточных механизмов от одного центрального автомата, машинное производство приобретает свой

наиболее развитый вид. На место отдельной машины выступает это механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала скрытая в почти торжественно-размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов в собственном смысле слова.

Мюли, паровые машины и т. д. появились раньше, чем появился рабочий, исключительное занятие которого состоит в производстве паровых машин, мюлей и т. д.; точно так же как человек носил одежду раньше, чем появились портные. Но изобретения Вокансона, Аркрайта, Уатта и т. д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных механических рабочих, уже подготовленных мануфактурным периодом. Часть этих рабочих состояла из самостоятельных ремесленников различных профессий, другая часть была объединена в мануфактуры, где, как упомянуто раньше, разделение труда господствовало с особенной строгостью. С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивалось, с одной стороны, распадение фабрикации машин на многочисленные самостоятельные отрасли, с другой стороны — разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. Таким образом, мы открываем здесь в мануфактуре непосредственную техническую основу крупной промышленности. Она производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях производства, которыми она прежде всего овладевала. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на не соответствующем ему материальном базисе. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в самой этой основе, которую оно сперва нашло готовой, а затем вырабатывало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства. Как отдельная машина остается карликовой машиной, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока на место уже применявшихся двигательных сил — животных, ветра и даже воды — не выступила паровая машина, так и все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока ее характерное средство производства — сама машина была обязана своим существованием личной силе, личному искусству, т. е. зависела от мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий внутри мануфактуры или ремесленник вне ее оперирует своим карликовым инструментом. Если оставить в стороне дороговизну машин как следствие такого способа их происхождения, — обстоятельство, которым капитал руководствуется как сознательным мотивом — то дальнейшее

расширение отраслей промышленности, уже имевших машинный характер, и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели от возрастания этой категории рабочих, которая вследствие полуартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно. Но на известной ступени развития крупная промышленность попадает и в техническое противоречие [Widerstreit] со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Увеличение размеров машин-двигателей, передаточного механизма и рабочих машин; увеличение сложности и многообразия, а также строгой правильности составных частей рабочей машины, по мере того как последняя порывает со своим ремесленным образцом, первоначально всецело определявшим ее конструкцию, и приобретает свободную форму, определяемую исключительно ее механической задачей; развитие автоматической системы и все более неизбежное и растущее применение материалов, труднее поддающихся обработке, напр. железа вместо дерева[103], — вот те естественно выросшие задачи, разрешение которых повсюду наталкивалось на рамки, которые обусловливаются зависимостью работ от личности рабочего и которые даже комбинированный рабочий персонал в мануфактуре мог лишь несколько раздвинуть, но не уничтожить по существу. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, напр., современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина.

Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обусловливает такой же переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собою как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Так, напр., машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и

---

[103] Механический ткацкий станок в своей первоначальной форме состоит преимущественно из дерева, усовершенствованный, современный — из железа. До какой степени старая форма средства производства господствует вначале над его новой формой, показывает, между прочим, даже самое поверхностное сравнение современного парового ткацкого станка со старым, современных раздувальных приспособлений на чугунолитейных заводах — с первоначальным беспомощным механическим воспроизведением обыкновенного кузнечного меха и, быть может, убедительнее, чем все остальное, — первая попытка построить локомотив, сделанная до изобретения теперешних локомотивов: у него было в сущности две ноги, которые он попеременно поднимал, как лошадь. Только с дальнейшим развитием механики и с накоплением практического опыта форма машины начинает всецело определяться принципами механики и потому совершенно эмансипируется от старинной формы того орудия, которое теперь развивается в машину.

красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в хлопчатобумажном прядении вызвала изобретение джина, машины для отделения хлопчатобумажных волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе[104]. Но именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта. Средства сношений и транспорта такого общества, pivôt [стержнем] которого, употребляя выражение Фурье, были мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые путы для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею мировыми рыночными связями. Помимо полного переворота в парусном судостроении, средства сообщений и перевозки были мало-помалу приспособлены к способу производства крупной промышленности посредством целой системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах.

Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самою машиной, должна была производить машины машинами. Только тогда она создала адэкватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги. В той мере, как в первые десятилетия XIX века росло машинное производство, машина и на самом деле постепенно овладевала фабрикацией рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие колоссальное железнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали к жизни те циклопические машины, которые применяются при постройке первичных двигателей.

---

[104] Изобретенный янки Эли Уитни cottongin [хлопковый джин] до последнего времени претерпел меньше существенных изменений, чем какая бы то ни было другая машина XVIII века. Только в последние десятилетия (перед 1867 годом) другой американец, г. Эмери из Альбани в Нью-Йорке, вывел из употребления машину Уитни при помощи очень простого и целесообразного усовершенствования.

Существеннейшим производственным условием для машинной фабрикации машин была машина-двигатель, способная развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющаяся контролю. Она уже существовала в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом производить необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Генри Модслей разрешил эту проблему изобретением slide rest [поворотного суппорта], который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, приближая, прилагая острие режущего инструмента к материалу труда или направляя его на материал труда, напр. на железо. Таким образом удалось производить геометрические формы отдельных частей машин «с такой степенью легкости, точности и быстроты, которой никакая опытность не могла бы доставить руке искуснейшего рабочего»[105].

Если мы рассмотрим теперь ту часть применяемых в машиностроении машин, которая образует машину-орудие в собственном смысле, то мы опять увидим перед собою ремесленный инструмент, только в циклопических размерах. Например, исполнительный механизм сверлильной машины — это огромный бурав, который приводится в движение паровой машиной и без которого, в свою очередь, не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок — циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина — железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, каким плотник обрабатывает дерево; орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет фанеру, — это гигантская бритва; орудие механических ножниц, которые режут железо, как ножницы портного режут сукно, это — чудовищные ножницы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор[106]. Например, один из таких паровых

[105] «The Industry of Nations». London 1855, ч. II, стр. 239. Здесь же говорится: «Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот придаток к станку, мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как влияние усовершенствований, произведенных Уаттом в самой паровой машине. Введение его разом повело к усовершенствованию и удешевлению всяких машин и дало толчок новым изобретениям и усовершенствованиям».

[106] В Лондоне одна из таких машин для ковки paddle-wheel shafts [валов для гребных колес пароходов] носит название «Тор». Она выковывает вал весом в $16^1/_2$ тонн с такой же легкостью, как кузнец подкову.

молотов, которые являются изобретением Нэсмиса, весит более 6 тонн и падает перпендикулярно с высоты 7 футов на наковальню весом в 36 тонн. Он, играючи, превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов[107].

Выступая в виде машины, средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обусловливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания. В мануфактуре расчленение общественного процесса труда чисто субъективно, — представляет собою просто комбинацию частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочий застает как уже готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего обобществленным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машины же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда.

2. ПЕРЕНЕСЕНИЕ СТОИМОСТИ МАШИН НА ПРОДУКТ.

Мы видели, что производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу. Они суть естественные силы общественного труда. Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к производительным процессам, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять естественные силы. Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара — паровая машина. С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки в сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа действием электрического тока, обегающего вокруг железа, открыты, они уже не стоят ни гроша[108]. Но

[107] Машины, обрабатывающие дерево и допускающие применение в малом масштабе, изобретены по большей части американцами.

[108] Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что нисколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал захватывает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд. Но «капиталистическое» присвоение и «личное» присвоение науки ли, материального ли богатства — это совершенно различные вещи. Сам д-р Юр жаловался на грубое незнакомство дорогих ему

для эксплуатации этих законов в телеграфии и т. д. требуется очень дорогой и сложный аппарат. Орудие, как мы видели, не вытесняется машиной. Из карликового орудия человеческого организма оно вырастает по размерам и количеству в орудие созданного человеком механизма. Капитал заставляет теперь рабочего работать не ручным орудием, а машиной, которая сама оперирует своими орудиями. Но если, таким образом, с первого же взгляда ясно, что крупная промышленность, овладев для процесса производства колоссальными силами природы и естествознанием, должна была чрезвычайно повысить производительность труда, то далеко не так ясно, не покупается ли это повышение производительной силы, с другой стороны, увеличением затраты труда. Подобно всякой другой составной части постоянного капитала, машины не создают никакой стоимости, но переносят свою собственную стоимость на продукт, для производства которого они служат. Поскольку они имеют стоимость и поскольку поэтому переносят стоимость на продукт, они образуют составную часть стоимости последнего. Вместо того чтобы удешевлять его, они удорожают его соответственно своей собственной стоимости. Несомненно ведь, что машина и развитая система машин [systematisch entwickelte Maschinerie], характерное средство труда крупной промышленности, представляют несравненно бо́льшую стоимость, чем средства труда в ремесленном и мануфактурном производствах.

Следует прежде всего отметить, что машины всегда целиком принимают участие в процессе труда и всегда только частью в процессе образования стоимости. Они никогда не присоединяют стоимости больше, чем утрачивают в среднем вследствие своего снашивания. Таким образом, существует большая разница между стоимостью машины и той частью стоимости, которая периодически переносится с нее на продукт. Существует большая разница между машиной как элементом образования стоимости и машиной как элементом образования продукта. Чем больше период, в течение которого одни и те же машины снова и снова служат в одном и том же процессе труда, тем больше эта разница. Правда, мы видели, что всякое средство труда в собственном смысле, или орудие производства, всегда целиком принимает участие в процессе труда и всегда лишь частями, пропорционально его среднему ежедневному снашиванию, — в процессе образования стоимости. Однако эта разница между пользованием и снашиванием много больше у машин, чем у орудия, потому что машины, построенные из более прочного материала, живут дольше, а их применение, регулируемое строго научными законами, делает возможной бо́льшую экономию

фабрикантов, эксплуатирующих машины, с механикой, а Либих рассказывает об ужасающем невежестве английских химических фабрикантов в области химии.

в расходовании их составных частей и потребляемых ими средств и, наконец, арена производства у них несравненно шире, чем у орудия. Если мы отбросим от машин и орудия средние ежедневные издержки на них, или ту составную часть стоимости, которую они присоединяют к продукту ежедневным средним снашиванием и потреблением вспомогательных материалов, напр. масла, угля и т. д., то окажется, что они действуют даром, как силы природы, существующие без содействия человеческого труда. Чем больше размеры производительной деятельности машин по сравнению с производительной деятельностью орудия, тем больше размеры их безвозмездной службы по сравнению с такой же службой орудия. Только в крупной промышленности человек научается заставлять продукт своего прошлого, уже овеществленного труда действовать в крупном масштабе даром, подобно силам природы[109].

При изучении кооперации и мануфактуры мы видели, что известные общие условия производства, напр. постройки и т. д., экономизируются при совместном потреблении по сравнению с потреблением раздробленных условий производства изолированными рабочими, следовательно относительно менее удорожают продукты. При машинном производстве не только корпус рабочей машины совместно потребляется ее многочисленными орудиями, но и одна и та же машина-двигатель вместе с частью передаточного механизма совместно потребляется многими рабочими машинами.

При данной разнице между стоимостью машин и той частью стоимости, которую они ежедневно переносят на свой продукт, та степень, в которой эта часть стоимости удорожает продукт, зависит прежде всего от размеров продукта, как бы от его поверхности. В одной лекции, опубликованной в 1857 г., Бэйнс из Блэкбэрна вычисляет, что «каждая реальная механическая лошадиная сила[109a] приводит в движение 450 сельфакторных мюльных веретен

[109] Рикардо обращает иногда до такой степени исключительное внимание на это действие машин, — впрочем, так же мало выясненное им, как и общее различие между процессом труда и процессом образования стоимости, — что он при случае забывает ту составную часть стоимости, которая переносится на продукт машинами, и совершенно отождествляет ее с силами природы. Так, напр.: «Адам Смит всюду признает услуги, которые оказывают нам естественные факторы и машины. Но он точно различает природу стоимости, которую они придают товарам,... так как они выполняют эту работу даром, содействие их ничего не прибавляет к меновой стоимости» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 336, 337). [Ср. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., гл. XX, стр. 180.] Разумеется, замечание Рикардо справедливо в отношении Ж. Б. Сэя, который болтает, будто машины оказывают ту «услугу», что они создают стоимость, составляющую часть «прибыли».

[109a] {*Примечание к 3-му изд.* Одна «лошадиная сила» равна силе 33 000 футо-фунтов в минуту, т. е. силе, которая в 1 минуту поднимает 33 000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фунт на 33 000 футов. Это и есть та лошадиная сила, о которой выше идет речь. Но в обычном коммерческом языке, а также кое-где и в цитатах этой книги различаются «номинальные»

с соответствующим приготовительным оборудованием, или 200 ватерных веретен, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе со сновальным, шлихтовальным и т. д. оборудованием». Дневные издержки одной паровой лошадиной силы и снашивание машин, приводимых ею в движение, в первом случае распределяются на дневной продукт 450 мюльных веретен, во втором — на продукт 200 ватерных веретен, в третьем — на продукт 15 механических ткацких станков, так что благодаря этому на унцию пряжи или на аршин ткани переносится лишь ничтожная часть стоимости. То же самое в приведенном выше примере с паровым молотом. Так как его дневное снашивание, потребление угля и т. д. распределяются на чудовищные массы ежедневно выковываемого им железа, то на каждый центнер железа приходится лишь очень небольшая часть стоимости; но она была бы очень велика, если бы этим циклопическим инструментом вколачивали мелкие гвозди.

При данных границах деятельности рабочей машины, т. е. при данном количестве ее орудий или, если дело идет о силе, при данном их объеме, масса продукта зависит от скорости, с которой она оперирует, т. е., напр., от скорости вращения веретен или от числа ударов, производимых молотом в течение одной минуты. Некоторые из этих колоссальных молотов делают 70 ударов в минуту, патентованная кузнечная машина Райдера, которая при ковке веретен оперирует паровым молотом малых размеров, делает 700 ударов в минуту.

Если дана та пропорция, в которой стоимость машин переносится на продукт, то величина этой части стоимости зависит от величины стоимости самих машин[110]. Чем меньше труда они сами

и «коммерческие», или «индикаторные», лошадиные силы одной и той же машины. Старинная, или номинальная, лошадиная сила исчисляется исключительно по движению поршня и диаметру цилиндра и совершенно не учитывает давления пара и скорости поршня. Т. е. фактически это означает следующее: в машине считается, напр., 50 лошадиных сил, если она приводится в движение с таким же слабым давлением пара и такой же незначительной скоростью поршня, как в эпоху Болтона и Уатта. Но два последних фактора с того времени возросли в огромной степени. Для измерения той механической силы, которую теперь в действительности доставляет машина, был изобретен индикатор, который показывает давление пара. Скорость же движения поршня установить не трудно. Таким образом, единица измерения, которой служит «индикаторная», или «коммерческая», лошадиная сила, представляет математическую формулу, в которой одновременно приняты во внимание диаметр цилиндра, высота подъема поршня, скорость поршня и давление пара и которая показывает, сколько раз по 33 000 футо-фунтов действительно развивает данная машина в минуту. Поэтому одна номинальная лошадиная сила может в действительности доставлять три, четыре и даже пять индикаторных, или действительных, лошадиных сил. Это примечание — для объяснения различных позднейших цитат. — *Ф. Э.*}

[110] Читатель, находящийся во власти капиталистических представлений, скажет, конечно, что здесь ничего нет о «проценте», который машина pro rata [пропорционально] своей капитальной стоимости присоединяет к продукту. Однако легко убедиться, что машина, подобно всякой другой составной

содержат, тем меньше стоимости они присоединяют к продукту. Чем меньше стоимости они передают продукту, тем они производительнее и тем более приближаются они по своей службе к силам природы. Производство же машин машинами уменьшает их стоимость по сравнению с их размерами и их действием.

Сравнительный анализ цен ручных или мануфактурных товаров и тех же товаров, произведенных машинами, дает в общем тот результат, что в машинном продукте часть стоимости, переходящая от средств труда, относительно возрастает, но абсолютно уменьшается. То есть ее абсолютная величина уменьшается, но ее величина в отношении ко всей стоимости продукта, напр. фунта пряжи, увеличивается[111].

Ясно, что если производство известной машины стоит такого же количества труда, какое сберегается ее применением, то происходит просто перемещение труда, т. е. общая сумма труда, необходимого для производства товара, не уменьшается, или производительная сила труда не возрастает. Однако разница между трудом, которого стоит машина, и трудом, который она сберегает, или степень ее производительности, очевидно, не зависит от разницы

части постоянного капитала, не производя новой стоимости, не может и присоединить таковой под названием «процента». Ясно далее, что здесь, где речь идет о производстве прибавочной стоимости, нельзя ни одной части ее предположить a priori под названием «процента». Капиталистический способ исчисления, который prima facie [на первый взгляд] представляется нелепым и противоречащим законам образования стоимости, найдет себе объяснение в третьей книге этой работы.

[111] Эта составная часть стоимости, присоединяемая машиной, понижается абсолютно и относительно в тех случаях, когда машина вытесняет лошадей, вообще рабочий скот, который употребляется исключительно как двигательная сила, а не как машина для обмена веществ. Кстати сказать, Декарт, с его определением животных как простых машин, смотрит на дело глазами мануфактурного периода в отличие от средних веков, которым животное представлялось помощником человека, как позже и г-ну фон Галлеру в его «Restauration der Staatswissenschaften». Что Декарт, как и Бэкон, в изменении способа производства и в практическом господстве человека над природой видел результат перемен в методе мышления, показывает его «Discours de la Méthode», где между прочим говорится: «Можно (при помощи метода, введенного им в философию) дойти до знаний, очень полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, найти практическую философию, при помощи которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд и всех других окружающих нас тел, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений, которые им свойственны, и тем самым сделаться хозяевами и господами природы», а вместе с тем «содействовать усовершенствованию человеческой жизни». В предисловии к «Discourses upon Trade» (1691) сэра Дэдли Норса говорится, что метод Декарта, примененный к политической экономии, начал освобождать ее от старинных сказок и суеверных представлений о деньгах, торговле и т. д. В общем ранние английские экономисты примыкают к философии Бэкона и Гоббса, между тем как впоследствии «философом» κατ'ἐξοχήν [по преимуществу] политической экономии для Англии, Франции и Италии стал Локк.

между ее собственной стоимостью и стоимостью того орудия, которое она замещает. Первая разница продолжает существовать до тех пор, пока трудовые издержки на машину, а потому и та часть стоимости, которая переносится с нее на продукт, остаются меньше той стоимости, которую рабочий со своим орудием присоединил бы к предмету труда. Поэтому производительность машины измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу. Согласно г. Бэйнсу на 450 мюльных веретен с соответствующим приготовительным оборудованием, приводимых в движение одной паровой лошадиной силой, приходится $2^1/_2$ рабочих[112]; при этом каждое selfacting mule spindle [сельфакторное веретено] при десятичасовом рабочем дне выпрядает 13 унций пряжи (средних номеров), что на $2^1/_2$ рабочих составит $365^5/_8$ ф. пряжи в неделю. Следовательно, при своем превращении в пряжу приблизительно 366 ф. хлопка (для упрощения мы оставляем угары в стороне) поглощают всего 150 рабочих часов, или 15 десятичасовых рабочих дней, между тем как при ручной прялке, когда прядильщик производит в 60 часов 13 унций пряжи, то же самое количество хлопка поглотило бы 2 700 десятичасовых рабочих дней, или 27 000 рабочих часов[113]. Там, где старый метод blockprinting, или ручной набивки ситца, заменен машинным печатанием, одна машина при содействии одного взрослого рабочего или подростка печатает в 1 час столько же четырехцветного ситца, сколько раньше набивали 200 взрослых рабочих[114]. Пока Эли Уитни не изобрел в 1793 г. cottongin [хлопкового джина], отделение одного фунта хлопка от семян стоило в среднем одного рабочего дня. Благодаря его изобретению одна негритянка может очистить 100 ф. хлопка в день, а с того времени производительность cottongin [хлопкового джина] еще значительно увеличена. Фунт хлопчатобумажного волокна, производство которого стоило раньше 50 центов, впоследствии продавался по 10 центов, и притом с большею прибылью, т. е. со включением большего количества неоплаченного труда. В Индии для отделения волокон от семян употребляется полумашинообразный инструмент, чурка, при помощи которого один мужчина и одна

[112] Согласно годовому отчету торговой палаты в Эссене (октябрь 1863 г.), сталелитейный завод Круппа при помощи 161 плавильной, калильной и цементной печи, 32 паровых машин (в 1800 г. приблизительно таково было общее количество паровых машин, применявшихся в Манчестере) и 14 паровых молотов, — представлявших в общей сложности 1236 лошадиных сил, — 49 кузнечных горнов, 203 машин-орудий и приблизительно 2 400 рабочих производил в 1862 г. 13 млн. фунтов литой стали. На одну лошадиную силу здесь приходится даже меньше 2 рабочих.

[113] Бэббедж вычисляет, что на Яве почти одним только трудом прядения стоимость хлопка увеличивается на 117%. В то же самое время (1832 г.) в Англии общая стоимость, присоединяемая при тонкопрядении машинами и трудом к хлопку, составляла около 33% стоимости сырого материала («On the Economy of Machinery». London 1832, стр. 165, 166).

[114] Кроме того при машинном печатании достигается экономия на краске.

женщина очищают 28 ф. в день. При помощи чурки, несколько лет тому назад изобретенной доктором Форбсом, 1 мужчина и 1 подросток очищают в день 250 ф.; если же в качестве двигательной силы применяются волы, пар или вода, то требуется лишь несколько подростков и девочек, исполняющих роль feeders (т. е. подкладывальщиков материала в машину). Шестнадцать таких машин, приводимых в движение волами, выполняют ежедневно работу, которая раньше требовала в общем 750 человек[115].

Как уже упомянуто, паровая машина при паровом плуге совершает в 1 час за 3 п., или за $^1/_4$ ш., столько работы, сколько 66 человек за 15 ш. в час. Я возвращаюсь к этому примеру во избежание ошибочного представления. А именно: эти 15 ш. отнюдь не являются выражением труда, присоединенного в 1 час 66 рабочими. Если отношение прибавочного труда к необходимому труду составляло 100%, то эти 66 рабочих производили в час стоимость в 30 ш., хотя в получаемом ими эквиваленте, т. е. в 15 ш. их заработной платы, представлено только 33 из общего количества 66 часов. Итак, если мы предположим, что машина стоит ровно столько, сколько составляет годовая плата вытесненных ею 150 рабочих, скажем 3 000 ф. ст., то эти 3 000 ф. ст. представляют денежное выражение отнюдь не всего труда, выполненного и присоединенного к предмету труда этими 150 рабочими, а только той части их годового труда, которая для них выражается в заработной плате. Напротив, денежная стоимость машины, 3 000 ф. ст., служит выражением всего труда, затраченного на ее производство, в каком бы отношении ни образовал этот труд заработную плату рабочего и прибавочную стоимость капиталиста. Следовательно, хотя бы машина и стоила столько же, сколько замещаемая ею рабочая сила, тем не менее овеществленный в ней труд всегда много меньше замещаемого ею живого труда[116].

Если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта, то граница их применения определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы. Так как разделение рабочего дня на необходимый

---

[115] Cp. Paper read by Dr. Watson. Reporter on the Products to the Government of India, before the Society of Arts, 17 April 1860.

[116] «Эти немые агенты (машины) всегда являются продуктом гораздо меньшего труда, чем тот, который они замещают, хотя бы они имели совершенно такую же денежную стоимость» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 40). [Ср. *Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., гл. I, стр. 26.]

труд и прибавочный труд в разных странах различно, так же как оно различно и в одной и той же стране, но в разные периоды или в один и тот же период, но в разных отраслях производства; так как, далее, действительная заработная плата рабочего то падает ниже, то поднимается выше стоимости его рабочей силы, то эта разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы может претерпевать большие колебания, хотя бы разница между количеством труда, необходимым для производства машины, и общим количеством замещаемого ею труда и оставалась без изменения[116a]. Но только первая разница и определяет для самого капиталиста издержки производства товара и оказывает на него влияние при посредстве принудительных законов конкуренции. Поэтому в Англии в настоящее время изобретаются машины, которые находят себе применение только в Северной Америке, как Германия в XVI и XVII веках изобретала машины, которые применялись только в Голландии, и как некоторые французские изобретения XVIII века эксплуатировались только в Англии. Сама машина в странах, более старых по развитию, своим применением в некоторых отраслях предприятий производит такой избыток труда (redundancy of labour, говорит Рикардо) в других отраслях, что в последних понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы препятствует применению машин и делает его излишним, часто прямо невозможным с точки зрения капитала, для которого барыш вытекает ведь из сокращения не применяемого труда вообще, а лишь оплачиваемого труда. В некоторых отраслях английской шерстяной мануфактуры детский труд за последние годы сильно сократился, местами почти совершенно вытеснен. Почему? Фабричный закон заставил ввести две смены детей, из которых одна попеременно работает 6 часов, другая 4 часа, или каждая только по 5 часов. Но родители не хотели продавать half-times (рабочих, работающих половину времени) дешевле, чем раньше продавали full-times (рабочих, работающих полное время). Отсюда замена half-times машинами[117]. До запрещения в рудниках труда женщин и малолетних

[116a] *Примечание ко 2-му изд.* Поэтому в коммунистическом обществе машины нашли бы совершенно иную арену, чем в буржуазном обществе.

[117] «Предприниматели без необходимости не станут сохранять две смены детей до 13-летнего возраста... Действительно, часть фабрикантов, прядильщики шерсти, теперь редко применяют труд детей моложе 13 лет, т. е. half-times. Они ввели усовершенствованные новые машины разного рода, которые почти устраняют труд детей (т. е. детей до 13 лет). Для иллюстрации такого уменьшения числа детей я сошлюсь на один процесс труда, в котором благодаря присоединению к существующим машинам одного аппарата, так называемой piecing machine [присучальной машины], труд шести или четырех half-times, сообразно особенности каждой машины, может быть выполнен одним подростком (старше 13 лет)... Half-time system [система половинного времени]» послужила стимулом «к изобретению piecing machine» [присучальной машины] («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858»).

(моложе 10 лет) капитал находил столь согласным со своим моральным кодексом, а особенно со своим гроссбухом, заставлять голых женщин и девушек, часто вместе с мужчинами, работать в угольных и других копях, что он лишь после этого воспрещения обратился к машинам. Янки изобрели машины для разбивания камня. Англичане их не применяют, потому что «несчастные» («wretch» — несчастный — технический термин, применяемый английской политической экономией для обозначения земледельческих рабочих), выполняющие эту работу, получают оплату за такую ничтожную часть своего труда, что машины удорожили бы производство для капиталистов[118]. В Англии для тяги и т. д. барок по каналам иногда вместо лошадей все еще применяются женщины[119], потому что труд, необходимый для производства лошадей и машин, представляет собою математически определенную величину, труд же, необходимый для содержания женщин из избыточного населения, ниже всякого расчета. Поэтому нигде нет более бесстыдного расточения человеческой силы на всякие бессмысленные пустяки, чем именно в Англии, в стране машин.

3. БЛИЖАЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА РАБОЧЕГО.

Исходным пунктом крупной промышленности послужила, как мы видели, революция в средстве труда, средство же труда, претерпевшее переворот, получает свою наиболее развитую форму в расчлененной системе машин на фабрике. Прежде чем рассматривать, как к этому объективному организму присоединяется человеческий материал, познакомимся с некоторыми общими действиями этой революции на самого рабочего.

а) Присвоение капиталом добавочных рабочих сил. Женский и детский труд.

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Таким образом это мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабо-

[118] «Машины... часто не могут найти применения до тех пор, пока труд (он имеет в виду заработную плату) не повысится» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 479). [Ср. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., гл. XXXI, стр. 256.]

[119] См. «Report of the Social Science Congress at Edinburgh. October 1863».

чей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных нравами пределах, для нужд самой семьи[120].

Стоимость рабочей силы определена у нас рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи. Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины между всеми членами его семьи. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы. Быть может, купля семьи, раздробленной на 4 рабочих силы, стоит дороже, чем раньше стоила купля рабочей силы главы семьи, но зато теперь 4 рабочих дня заступают место одного, и их цена понижается в той пропорции, в которой прибавочный труд четырех даст избыток над прибавочным трудом одного. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом, машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей ареной капиталистической эксплуатации[121], с самого начала увеличивают и степень эксплуатации.

---

[120] Во время хлопкового кризиса, сопровождавшего американскую гражданскую войну, д-р Эдуард Смит был послан английским правительством в Ланкашир, Чешир и т. д. для обследования состояния здоровья рабочих хлопчатобумажной промышленности. Он сообщает между прочим: в гигиеническом отношении кризис, не говоря уже о вытеснении им рабочих из фабричной атмосферы, имел и многие другие положительные последствия. Жены рабочих находят теперь необходимый досуг, чтобы покормить детей грудью, вместо того чтобы отравлять их cordial'ем Годфрея (опийным препаратом). У них нашлось теперь время научиться стряпне. К несчастью, это уменье стряпать пришло в такое время, когда им нечего было есть. Но из этого видно, до какой степени капитал узурпировал для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи. Точно так же кризис был использован с той целью, чтобы в особых школах научить дочерей рабочих шитью. Потребовалась американская революция и мировой кризис, чтобы рабочие девушки, которые прядут для всего мира, научились шить!

[121] «Количественное возрастание рабочих было велико благодаря усиливающейся замене труда мужчин трудом женщин и особенно труда взрослых трудом малолетних. Три девочки 13-летнего возраста, с заработной платой от 6 до 8 ш. в неделю, заменяют взрослого мужчину, плата которого колеблется от 18 до 45 ш.» (*Th. de Quincey:* «The Logic of Political Economy». London 1844, примечание к стр. 147). Так как без некоторых функций, необходимых в семье, напр. присмотра за детьми и кормления их, невозможно совсем обойтись, то матерям, отнятым капиталом, приходится так или иначе нанимать заместителей. Работы, которых требует потребление семьи, напр. шитье, починка и т. д., приходится заменять покупкой готовых товаров. Уменьшению затраты домашнего труда соответствует поэтому увеличение денежных расходов. Поэтому издержки производства рабочей семьи возрастают и уравновешивают увеличение дохода. К этому присоединяется то обстоятельство, что делаются невозможными экономия и целесообразность в пользовании жизненными средствами и в их приготовлении. Об этих фактах, которые утаиваются официальной политической экономией, богатый материал можно найти в «Reports» фабричных инспекторов, в отчетах «Children's Employment Commission», а в особенности в «Reports on Public Health».

Машины революционизируют также до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом. На базисе товарного обмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает незрелых или полузрелых. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работорговцем[122]. Спрос на детский труд часто и по форме напоминает спрос на негров-рабов, образчики которого мы привыкли встречать в объявлениях американских газет. «Мое внимание, — рассказывает, напр., один английский фабричный инспектор, — обратили на объявление в местной газете одного из значительнейших мануфактурных городов моего округа. Объявление гласит: «Требуется 12—20 мальчиков в таком возрасте, чтобы они могли сойти за 13-летних. Плата 4 ш. в неделю. Спросить» и т. д.[123]. Фраза «чтобы они могли сойти за 13-летних» объясняется тем, что согласно Factory Act [фабричному акту] дети моложе 13 лет могут работать только 6 часов. Официальный врач (certifying surgeon) должен удостоверить возраст. Поэтому фабрикант требует таких мальчиков, которые выглядят так, как будто им уже минуло 13 лет. Уменьшение числа занятых фабрикантами детей моложе 13 лет, совершающееся нередко скачками и так поражающее в английской статистике последних 20 лет, по словам самих фабричных инспекторов, было в большой мере делом этих certifying surgeons, изменяющих возраст детей сообразно эксплуататорской жажде капиталистов и торгашеской потребности родителей. В Бетнэл Грине, печальной известности округе Лондона, каждый понедельник и вторник утром совершается

---

[122] В противоположность тому великому факту, что ограничение женского и детского труда на английских фабриках было завоевано у капитала взрослыми рабочими мужчинами, еще самые недавние отчеты «Children's Employment Commission» отмечают поистине возмутительные и совершенно работорговческие черты в отношении рабочих-родителей к барышничеству детьми. А капиталистические фарисеи, как можно видеть из тех же «Reports», обличают это ими же самими созданное, увековечиваемое и эксплуатируемое зверство, которое в других случаях они называют «свободой труда». «Детский труд был призван на помощь... даже для того, чтобы зарабатывать их собственный хлеб насущный. Без сил, необходимых для того, чтобы выдержать такой непомерный труд, без подготовки, необходимой для направления своей дальнейшей жизни, они были брошены в положение, разрушающее физически и нравственно. Еврейский историк по поводу разрушения Иерусалима Титом заметил, что нет ничего удивительного в том, что при разрушении он подвергся такому необыкновенному опустошению, раз одна бесчеловечная мать пожертвовала своим собственным ребенком для утоления мучений ужасного голода» («Public Economy Concentrated». Carlisle 1833, стр. 66).

[123] А. Редгрейв в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858», стр. 41.

открытый торг, на котором дети обоего пола с 9-летнего возраста сами отдают себя внаем на лондонские шелковые мануфактуры. «Обыкновенные условия — 1 ш. 8 п. в неделю (это отдается родителям), 2 п. для меня самого и чай». Договоры заключаются только на неделю. Сцены и язык на этом рынке поистине возмутительны[124]. В Англии до сих пор еще случается, что женщины «берут мальчиков из работного дома и отдают их внаем какому угодно покупателю по 2 ш. 6 п. в неделю»[125]. Вопреки законодательству все еще по меньшей мере до 2 000 мальчиков продается в Великобритании своими родителями в качестве живых трубочистных машин (хотя для замены их существуют действительные машины)[126]. Вызванная машиной революция в юридическом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы, лишившая всю эту сделку даже видимости договора между свободными лицами, впоследствии дала английскому парламенту юридическое основание, оправдывающее государственное вмешательство в фабричное дело. Каждый раз, когда фабричный закон ограничивает 6 часами детский труд в незатронутых до того времени отраслях промышленности, все снова и снова раздаются вопли фабрикантов: некоторые родители,— говорят они, — берут своих детей из подлежащей регулированию промышленности только затем, чтобы продать их в такие отрасли, в которых все еще господствует «свобода труда», т. е. в которых дети моложе 13 лет вынуждены работать наравне со взрослыми и в которые, следовательно, их можно продать подороже. Но так как капитал по своей природе левеллер, т. е. требует, как прирожденного права человека, равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства, то законодательное ограничение детского труда в одной отрасли промышленности становится причиной его ограничения в другой отрасли.

Мы уже раньше указывали на физическую деградацию детей и подростков, равно как и жен рабочих, которых машина подчиняет эксплуатации капитала сначала прямо — на фабриках, возникающих на ее базисе, — а потом косвенно — во всех других отраслях промышленности. Поэтому здесь мы остановимся только на одном пункте, на колоссальной смертности детей рабочих в первые годы их жизни. В Англии существует 16 регистрационных округов, в которых на 100 000 родившихся живыми детей до одного года приходится в среднем только 9 085 смертных случаев в год (в одном округе всего 7 047); в 24 округах больше 10 000, но меньше 11 000; в 39 округах более 11 000, но менее 12 000; в 48 округах

---

[124] «Children's Employment Commission. 5th Report». London 1866, стр. 81, № 31 {*К 4-му изданию.* Шелковая промышленность в Бетнэл Грине в настоящее время почти совсем уничтожена. — *Ф. Э.*}

[125] «Children's Employment Commission, 3rd Report». London 1864, стр. 53, № 15.

[126] Там же, 5th Report, стр. XXII, № 137.

более 12 000, но менее 13 000; в 22 округах более 20 000; в 25 округах более 21 000; в 17 свыше 22 000; в 11 больше 23 000; в Ху, Вульвермптоне, Эштон-андер-Лайн и Престоне больше 24 000; в Ноттингеме, Стокпорте и Брэдфорде больше 25 000; в Уизбиче 26 001 и в Манчестере 26 125[127]. Как показало официальное санитарное обследование в 1861 г., причиной таких высоких норм смертности являются, оставляя в стороне местные условия, главным образом занятие матерей вне дома и вытекающие отсюда недостаток попечения о детях, плохое обращение с ними, между прочим несоответствующее питание, недостаток питания, кормление препаратами опия и т. д.; к этому присоединяется противоестественное отчуждение матерей от своих детей, а за ним преднамеренное недокармливание и отравление[128]. Напротив, в таких земледельческих округах, «где женщины наименее заняты, и процент смертности наименьший»[129]. Однако следственная комиссия 1861 г. пришла к тому неожиданному выводу, что в некоторых чисто земледельческих округах, расположенных по побережью Немецкого моря, смертность детей до одного года почти достигает нормы смертности фабричных округов, наиболее прославленных в этом отношении. Поэтому д-ру Юлиану Хантеру было предложено обследовать это явление на месте. Его отчет приложен к «Sixth Report on Public Health»[130]. До того времени предполагали, что детей косит малярия и другие болезни, свойственные низким и болотистым местам. Обследование привело к прямо противоположному выводу, а именно, «что та самая причина, которая уничтожила малярию, т. е. превращение в плодородную пахотную землю земли, представлявшей болото зимой и скудное пастбище летом, создала необыкновенно высокую норму смертности грудных детей»[131]. 70 практикующих в этом округе врачей, которых опросил д-р Хантер, были «замечательно единодушны» насчет этого пункта. Именно, одновременно с революцией в земледельческой культуре здесь было положено начало и промышленной системе. «Замужние женщины, работающие вместе с девушками и подростками, за известную сумму целыми партиями предоставляются в распоряжение арендатора особым лицом, которое называется «gangmeister» [«староста артели»] и нанимает всю группу. Эти артели часто перекочевывают за многие мили

[127] «Sixth Report on Public Health». London 1864, стр. 34.

[128] «Оно (обследование 1861 г.)... показало сверх того, что при описанных обстоятельствах дети умирают от недостаточного попечения и плохого ухода, обусловливаемого фабричным трудом их матерей, и что матери до такой степени утрачивают естественные чувства к своим детям, что обыкновенно не огорчаются их смертью, а иногда даже... прямо принимают меры, чтобы вызвать ее» (там же).

[129] «Sixth Report on Public Health». London 1864, стр. 454.

[130] Там же, стр. 454, 463. «Reports by Dr. Henry Julian Hunter on the excessive mortality of infants in some rural districts of England».

[131] «Sixth Report on Public Health». London 1864, стр. 35, 455, 456.

от своих деревень; утром и вечером их можно встретить по проселочным дорогам; женщины одеты в короткие юбки и соответствующие кофты и сапоги, иногда в штаны, очень сильны и здоровы на вид, но испорчены вошедшим в привычку распутством и нисколько не заботятся о тех вредных последствиях, которые их любовь к такой деятельной и независимой жизни обрушивает на их детей, чахнущих дома»[132]. Все явления фабричных округов воспроизводятся здесь, притом в усиленной степени: замаскированное детоубийство и кормление детей опиатами[133]. «Мое знакомство со злом, которое порождается всякой продолжительной промышленной работой взрослых женщин, должно послужить оправданием моего отвращения к ней», — говорит д-р Саймон, врач английского Privy Council [Тайного совета] и главный редактор отчетов о «Public Health» [народном здравии][134]. «Действительно, — восклицает фабричный инспектор Р. Бэкер в одном официальном отчете, — будет счастьем для мануфактурных округов Англии, если всем замужним женщинам, имеющим семью, будет воспрещено работать на какой бы то ни было фабрике»[135].

Моральное искалечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими писателями, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом. Интеллектуальное же одичание, искусственно производимое превращением незрелых людей в простые машины для фабрикации прибавочной стоимости, которое легко отличить от первобытного невежества, оставляющего ум девственно-нетронутым, но не причиняющего вреда самой его способности к развитию, его естественному плодородию, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству. Дух капиталистического производства ясно обнаруживается в неряшливой редакции в фабричных актах так называемых пунктов о воспитании, в отсутствии того административного аппарата, без которого это обязательное обучение в большинстве случаев

---

132 «Sixth Report on Public Health». London 1864, стр. 456.

133 Как в фабричных, так и в земледельческих округах Англии потребление опиума взрослыми рабочими и работницами все увеличивается. «Развить сбыт опиума... составляет главную цель некоторых предприимчивых оптовых торговцев. Дрогисты признают опиум самым ходким товаром» (там же, стр. 459). Грудные дети, принимающие опиум, «сморщиваются в маленьких старичков или съеживаются в обезьянок» (там же, стр. 460). Вот как Индия и Китай мстят Англии!

134 Там же, стр. 37.

135 «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», стр. 59. Этот фабричный инспектор раньше был врачом.

опять-таки становится иллюзорным, в оппозиции фабрикантов даже против такого закона об обучении и в их увертках и уловках, которые служат для обхода его на практике. «Обвинять приходится только законодательную власть, потому что она издала фиктивный закон (delusive law), который, заботясь для виду о воспитании детей, не содержит ни одного постановления, обеспечивающего достижение этой цели. Он ничего не постановляет, кроме того, что дети на определенное число часов (3 часа) в день должны быть заперты в четырех стенах помещения, именуемого школой, и что хозяин детей еженедельно должен получать удостоверение в исполнении этого от лица, которое подписывается в качестве учителя или учительницы»[136]. До издания в 1844 г. исправленного фабричного акта нередко встречались удостоверения о посещении школы, которые учитель или учительница подписывали крестом, потому что сами не умели писать. «При моем посещении одной школы, выдающей такие свидетельства, я до того был поражен невежеством учителя, что спросил его: «Скажите, пожалуйста, умеете ли вы читать?» — «В общем да (summat)», — был его ответ. В свое оправдание он добавил: «Во всяком случае я знаю больше, чем мои ученики». Во время подготовки акта 1844 г. фабричные инспектора жаловались на позорное состояние учреждений, именуемых школами, удостоверения которых они по закону должны были признавать вполне действительными. Но все, чего они добились, заключалось в том, что с 1844 г. «учитель должен был вносить своей рукой цифры в школьное удостоверение ditto [а также] собственноручно подписывать свое имя и фамилию»[137]. Сэр Джон Кинкейд, шотландский фабричный инспектор, рассказывает о том же на основании своего служебного опыта. «Первая школа, которую мы посетили, содержалась некоей миссис Энн Киллин. Когда я предложил ей написать ее фамилию, она сразу сделала ошибку, начав ее буквой C, но тотчас поправилась, заявив, что ее фамилия начинается с K. Однако при просмотре ее подписи в книге школьных удостоверений я заметил, что она подписывается различно, между тем как почерк не оставляет никакого сомнения на тот счет, что она неспособна учить. Да и сама она призналась, что не может вести журнал... Во второй школе я увидел школьную комнату в 15 футов длины и 10 футов ширины и насчитал в этом помещении 75 детей, которые бормотали что-то непонятное»[138]. «Однако подобная практика, при которой дети получают школьные удостоверения, но не получают школьного обучения, наблюдается не только в таких жалких вертепах, — существует много школ с доста-

[136] Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. for 30th June [30th April] 1857», стр. 17.

[137] Он же в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855», стр. 18, 19.

[138] Сэр Джон Кинкейд в «Reports of Insp. of Fact for 31st October 1858», стр. 31, 32.

точно подготовленными учителями, но почти все усилия последних разбиваются об умопомрачительное смешение детей всех возрастов, начиная с трехлетнего. Материальное положение учителя, в лучшем случае нищенское, всецело зависит от числа пенсов, которые удается получить, а их получается тем больше, чем больше детей удается набить в комнату. К этому присоединяется скудная школьная обстановка, недостаток книг и других учебных пособий и удручающее действие спертого и отвратительного воздуха на самих бедных детей. Я бывал во многих таких школах, причем я видел целые ряды детей, которые абсолютно ничего не делали; и это удостоверяется как посещение школы, и такие дети фигурируют в официальной статистике как получившие образование (educated)»[139]. В Шотландии фабриканты стараются по возможности увольнять детей, обязанных посещать школу. «Этого достаточно, чтобы доказать сильное нерасположение фабрикантов к постановлениям об обучении детей»[140]. В уродливо-отвратительных формах обнаруживается это в ситцепечатных и т. п. заведениях, подчиненных особому фабричному закону. Согласно постановлениям последнего, «каждый ребенок перед поступлением в такое печатное заведение должен посещать школу по меньшей мере 30 дней и не меньше 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествующих дню его поступления. За время своей работы в печатном заведении он также должен посещать школу в течение 30 дней или 150 часов в каждое полугодие... Посещение школы должно происходить между 8 часами утра и 6 часами вечера. Никакое посещение, продолжавшееся менее $2^1/_2$ часов, или излишек над 5 часами в день не должны идти в счет упомянутых 150 часов. При обыкновенных обстоятельствах дети посещают школу утром и вечером в течение 30 дней, по 5 часов в день, и по истечении 30 дней, достигнув узаконенной суммы в 150 часов, покончив со своей книгой, как выражаются они сами, они опять возвращаются в заведение, опять остаются в нем 6 месяцев, пока не наступит новый срок платежа, — срок посещения школы, — и опять остаются в школе до тех пор, пока снова не покончат со своей книгой... Очень многие дети, посещавшие школу узаконенные 150 часов, при возвращении в нее после шестимесячного пребывания в печатном заведении должны все начинать с начала... Они, конечно, забывают все, что приобрели в предыдущее посещение школы. В других ситцепечатных заведениях посещение школы поставлено в полную зависимость от хода дел на фабрике, от ее потребностей. Требуемое количество часов за каждый полугодичный период разом пополняется присчитыванием 3—5-часовых посещений, которые

---

[139] Леонард Хорнер в «Reports etc. for 30th April 1857», стр. 17, 18.

[140] Сэр Дж. Кинкейд в «Reports of Insp. etc. for 31st October 1856», стр. 66.

распределяются на время, быть может, более полугодия. Например, в один день школа посещается с 8 до 11 часов утра, в другой день с 1 до 4 часов вечера, и после того как ребенок несколько дней не являлся, он вдруг снова приходит на время с 3 до 6 часов вечера; затем он, быть может, приходит 3 или 4 дня или целую неделю кряду, потом опять исчезает недели на 3 или на целый месяц и возвращается на несколько часов в бросовые дни, когда предприниматель случайно в нем не нуждается; таким-то образом ребенка, так сказать, швыряют (buffet) то туда, то сюда, из школы на фабрику, с фабрики в школу, пока не наберется сумма в 150 часов»[141]. Присоединяя подавляющее количество детей и женщин к комбинированному рабочему персоналу, машина сламывает, наконец, сопротивление, которое в мануфактуре мужчина-рабочий еще оказывал капиталу[142].

b) Удлинение рабочего дня.

Если машина является наиболее могущественным средством увеличения производительности труда, т. е. сокращения рабочего времени, необходимого для производства товаров, то как носительница капитала она становится, прежде всего в непосредственно захваченных ею отраслях промышленности, наиболее могущественным средством удлинения рабочего дня дальше всех естественных пределов. Она создает, с одной стороны, новые условия, позволяющие капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденции; с другой стороны — создает новые мотивы, обостряющие его неутолимую жажду чужого труда.

---

[141] А. Редгрейв в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1857», стр. 41, 42. В тех отраслях английской промышленности, которые уже давно подчинены фабричному акту (не Printworks Act'у [закону о ситцепечатных фабриках], о котором сейчас говорилось в тексте), помехи постановлениям об обучении в последние годы до известной степени устранены. В тех же отраслях промышленности, которые не подчинены фабричному закону, до сих пор еще сильно распространены воззрения, высказанные стекольным заводчиком Дж. Геддсом, который так поучал члена следственной комиссии Уайта: «Насколько я понимаю, большее образование, получаемое за последние годы известной частью рабочего класса, представляет собою зло. Оно опасно, делая рабочих слишком независимыми» («Children's Employment Commission. 4th Report». London 1865, стр. 253).

[142] «Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что при своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, существование которой зависит от них; они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, они вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства к жизни. Так, добродетели, — добродетели, специфически характеризующие женщин! — обращаются во вред им, так нравственная и нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий» («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley, 15th March». London 1844, стр. 20).

Прежде всего движение и производственная деятельность средства труда приобретают в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему. Средство труда становится само по себе промышленным perpetuum mobile [непрерывно действующим механизмом], которое производило бы непрерывно, если бы оно не наталкивалось на известные естественные границы со стороны своих помощников-людей, на слабость их тела и на их своеволие. Как капитал, — а в качестве такового автомат обладает в лице капиталиста сознанием и волей, — средство труда поэтому воодушевлено стремлением довести противодействие сопротивляющейся ему, но эластичной человеческой природы до минимума[143]. Да и без того оно ослаблено кажущейся легкостью труда при машине, а также податливостью и покорностью женщин и детей[144].

Производительность машин, как мы видели, обратно пропорциональна величине той составной части стоимости, которая переносится ими на продукт. Чем длиннее период, в продолжение которого функционирует машина, тем больше масса продукта, на которую распределяется присоединяемая машиной стоимость, и тем меньше та часть стоимости, которую она присоединяет к единице товара. А активный период жизнедеятельности машины определяется, очевидно, длиной рабочего дня или продолжительностью ежедневного процесса труда, помноженной на число дней, в течение которых этот процесс повторяется.

Снашивание машин отнюдь не с математической точностью соответствует времени пользования ими. Но даже при том предположении, что это соответствие существует, машина, которая служит ежедневно по 16 часов в течение $7^1/_2$ лет, охватывает столь

---

[143] «С того времени, как дорогие машины приобрели всеобщее распространение, человека принудили работать свыше его средних сил» (*Robert Owen:* «Observations on the Effect of the Manufacturing System», 2-е изд. London 1817 [стр. 16]).

[144] Англичане, которые склонны принимать первую попавшуюся внешнюю форму проявления за причину, часто считают причиной долгого рабочего времени на фабриках то огромное иродово истребление детей, которое капитал производил при зарождении фабричной системы в приютах для бедных и сирот и при посредстве которого он приобрел совершенно безропотный человеческий материал. Так, напр., Фильден, сам английский фабрикант, говорит: «Ясно, что удлинение рабочего времени было вызвано тем обстоятельством, что количество беспризорных детей, доставлявшихся из разных частей страны, было настолько велико, что хозяева пользовались независимостью от рабочих и, установив обычай продолжительного труда при помощи несчастных детей, полученных таким способом, они очень легко могли навязать его своим соседям» (*J. Fielden:* «The Curse of the Factory System». London 1836, стр. 11). Относительно женского труда фабричный инспектор Сондерс говорит в фабричном отчете за 1844 г.: «Среди работниц есть женщины, которые в течение многих недель кряду, за исключением лишь немногих дней, работают с 6 часов утра до 12 часов ночи, с перерывом менее 2 часов на обед, так что в течение 5 дней в неделю у них остается каждые сутки всего по 6 часов на то, чтобы дойти до дома и обратно и отдохнуть в постели».

же большой период производства и присоединяет к совокупному продукту такую же стоимость, как та же самая машина, если она служит 15 лет всего по 8 часов ежедневно. Но в первом случае стоимость машины была бы воспроизведена вдвое быстрее, чем во втором, и капиталист поглотил бы в первом случае при помощи этой машины столько же прибавочного труда в $7^1/_2$ лет, сколько во втором случае — в 15 лет.

Материальное снашивание машины бывает двоякого рода. Одно возникает из ее употребления, — как монеты снашиваются от обращения, — другое из неупотребления, — как меч от бездействия ржавеет в ножнах. В последнем случае она делается добычей стихий. Снашивание первого рода в большей или меньшей мере прямо пропорционально употреблению машины, снашивание второго рода — до известной степени обратно пропорционально употреблению [145].

Но кроме материального снашивания машина подвергается, так сказать, и моральному снашиванию. Она утрачивает меновую стоимость, по мере того как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию [146]. В обоих случаях, как бы еще нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для воспроизводства ее самой или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость. Чем короче период, в течение которого воспроизводится вся ее стоимость, тем меньше опасность морального снашивания, а чем длиннее рабочий день, тем короче этот период. Если машины впервые вводятся в какую-либо отрасль производства, то один за другим следуют все новые и новые методы удешевленного их воспроизводства [147] и новые усовершенствования, охватывающие не только отдельные части или аппараты, но и всю конструкцию в целом. Поэтому в первый период жизни машины этот особый мотив к удлинению рабочего дня действует с наибольшей силой [148].

---

[145] «Причинение... вреда тонким подвижным частям металлического механизма бездействием последнего» (*Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 28).

[146] Уже упомянутый раньше «Manchester Spinner» [«Манчестерский прядильщик»] («Times», 26 November 1862) относит к издержкам на машины «то (речь идет о «списывании на снашивание машин»), что предназначено на покрытие потерь, которые постоянно возникают вследствие замены одних машин другими, новыми и лучшей конструкции, прежде чем первые окупят себя».

[147] «В общем считают, что построить первый экземпляр вновь изобретенной машины стоит почти в пять раз дороже, чем построить второй» (*Babbage:* «On the Economy of Machinery». London 1832, стр. 349).

[148] «В течение немногих лет в фабрикации тюля были сделаны настолько серьезные и многочисленные усовершенствования, что хорошо сохранившаяся

При прочих равных условиях и при данной величине рабочего дня эксплуатация удвоенного числа рабочих требует удвоения и той части постоянного капитала, которая затрачивается на машины и здания, и той его части, которая затрачивается на сырой материал, вспомогательные материалы и т. д. С удлинением рабочего дня масштаб производства увеличивается, между тем как часть капитала, затраченная на машины и постройки, остается без изменения[149]. Благодаря этому не только возрастает прибавочная стоимость, но и уменьшаются затраты, необходимые для ее получения. Конечно, это явление в большей или меньшей мере наблюдается вообще при всяком удлинении рабочего дня, но в данном случае оно еще в большей мере имеет решающее значение, потому что часть капитала, превращаемая в средства труда, здесь вообще играет бо́льшую роль[150]. В самом деле, с развитием машинного производства происходит связывание постоянно возрастающей части капитала в такой форме, в которой эта часть, с одной стороны, может постоянно применяться для самовозрастания ее стоимости, а с другой стороны, теряет свою потребительную и меновую стоимость, как только прерывается ее контакт с живым трудом. «Когда земледелец, — поучал г. Эшворт, английский хлопчатобумажный магнат, профессора Нассау В. Сениора, — когда земледелец бросает свой заступ, он делает бесполезным на это время капитал в 18 п. Когда один из наших людей (т. е. из фабричных рабочих) оставляет фабрику, он делает бесполезным капитал, который стоил 100 000 ф. ст.»[151]. Подумайте только! Сделать «бесполезным», хотя бы только на одно мгновение, капитал, который стоил 100 000 ф. ст.! Да это — вопиющее дело, если кто-либо из наших людей вообще когда-нибудь покидает фабрику! Постоянное возрастание объема машинного оборудования делает «желательным», — полагает

машина, стоившая первоначально 1 200 ф. ст., через несколько лет продавалась за 60 ф. ст.... Усовершенствования следовали одно за другим с такой быстротой, что машины оставались у машиностроителей незаконченными, потому что вследствие удачных изобретений они уже успевали устареть». В этот период бури и натиска фабриканты тюля увеличили первоначальный 8-часовой рабочий день при двойной смене рабочих до 24 часов (там же, стр. 233).

[149] «Само собою очевидно,... что при приливах и отливах на рынке и при сменяющемся расширении и сокращении спро́са постоянно могут встретиться случаи, когда фабрикант может найти применение добавочному оборотному капиталу, не увеличивая находящегося в деле основного капитала,... если добавочное количество сырого материала может быть обработано, не требуя дополнительных затрат на постройки и машины» (*R. Torrens:* «On Wages and Combination». London 1834, стр. 64).

[150] Упомянутое в тексте обстоятельство приводится здесь только ради полноты, так как норму прибыли, т. е. отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, я рассматриваю лишь в третьей книге.

[151] *Senior:* «Letters on the Factory Act». London 1837, стр. 13, 14.

наученный Эшвортом Сениор, — постоянно прогрессирующее удлинение рабочего дня[152].

Машина производит относительную прибавочную стоимость не только тем, что она прямо понижает стоимость рабочей силы и удешевляет ее косвенно, удешевляя товары, необходимые для ее воспроизводства, но и тем, что при своем первом введении, имеющем еще спорадический характер, она превращает труд, применяемый владельцем машины, в потенцированный труд, поднимает общественную стоимость машинного продукта выше его индивидуальной стоимости и таким образом дает капиталисту возможность возмещать дневную стоимость рабочей силы сравнительно меньшею частью стоимости дневного продукта. Поэтому в течение такого переходного периода, пока машинное производство остается своего рода монополией, барыши достигают чрезвычайных размеров, и капиталист стремится как можно основательнее использовать «erste Zeit der jungen Liebe» [«первой страсти миг златой»] посредством наивозможного удлинения рабочего дня. Большой барыш обостряет неутолимую жажду еще большего барыша.

По мере того как машина приобретает в известной отрасли производства всеобщее распространение, общественная стоимость машинного продукта понижается до его индивидуальной стоимости, и тогда начинает обнаруживать свое действие тот закон, что прибавочная стоимость происходит не от тех рабочих сил, которые капиталист заместил посредством машины, а наоборот, от тех рабочих сил, которые он при ней применяет. Источником прибавочной стоимости является только переменная часть капитала, а мы уже видели, что масса прибавочной стоимости определяется двумя факторами: нормой прибавочной стоимости и числом одновременно занятых рабочих. При данной длине рабочего дня норма прибавочной стоимости определяется тем отношением, в котором рабочий день распадается на необходимый труд и прибавочный труд. Число же одновременно занятых рабочих, в свою очередь, определяется отношением переменной части капитала к его постоянной части. Теперь ясно, что как бы ни расширяло машинное производство, пользуясь повышением производительной силы труда,

---

[152] «Преобладание основного капитала над оборотным... делает желательным продолжительный рабочий день». По мере роста машинного оборудования и т. д. «мотивы к удлинению рабочего времени усиливаются, так как это — единственное средство для того, чтобы извлечь прибыль из относительного увеличения основного капитала» (там же, стр. 11—14). «На всякой фабрике существуют различные расходы, которые остаются постоянными независимо от того, длиннее или короче рабочее время на фабрике, напр. наемная плата за строения, местные и государственные налоги, страхование от огня, заработная плата различным постоянным рабочим, порча машин и ряд других расходов, отношение которых к прибыли тем более понижается, чем больше увеличивается размер производства» («Reports of the Insp. of Fact. for 31st October 1862», стр. 19).

прибавочный труд за счет необходимого труда, оно достигает этого результата только таким способом, что уменьшает число рабочих, применяемых данным капиталом. Оно превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, не производящий никакой прибавочной стоимости, некоторую часть капитала, который раньше был переменным, т. е. превращался в живую рабочую силу. Но из двух, напр., рабочих невозможно выжать столько прибавочной стоимости, сколько из 24. Если каждый из 24 рабочих в каждые двенадцать часов труда доставляет всего один час прибавочного труда, то вместе они доставляют 24 часа прибавочного труда, между тем как весь труд двух рабочих составляет всего 24 часа. Таким образом, в применении машин к производству прибавочной стоимости заключается то имманентное противоречие, что из двух факторов прибавочной стоимости, доставляемой капиталом данной величины, машины увеличивают один фактор, норму прибавочной стоимости, только таким способом, что они уменьшают другой фактор, число рабочих. Это имманентное противоречие обнаруживается, когда, по мере всеобщего распространения машины в известной отрасли промышленности, стоимость производимого машинами товара становится регулирующей общественной стоимостью всех товаров этого рода; и именно это противоречие, не доходя до сознания капиталиста[153], опять-таки побуждает капитал стремиться к крайнему удлинению рабочего дня, чтобы компенсировать относительное уменьшение числа эксплуатируемых рабочих увеличением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда.

Итак, капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда и строй общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит, — отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами, — избыточное рабочее население[154], вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то замечательное явление в истории современной промышленности, что машина ниспровергает все моральные и естественные границы рабочего дня. Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в надежнейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее

---

[153] Почему это имманентное противоречие не сознается отдельным капиталистом, а потому и политической экономией, находящейся во власти его представлений, это мы увидим из первых отделов третьей книги.

[154] Одна из великих заслуг Рикардо заключается в том, что он видел в машинах не только средства производства товаров, но и средства производства «redundant population» [«избыточного населения»].

время, предоставляемое капиталу для увеличения его стоимости. «Если бы, — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — если бы каждое орудие по приказанию или по предвидению могло исполнять подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собою или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы, таким образом, ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов»[155]. И Антипатр, греческий поэт времен Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века![156] «Язычники! О эти язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак Куллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедывать рабство масс для превращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в «eminent spinners» [«выдающихся прядильщиков»], «extensive sausage makers» [«крупных колбасников»] и «influential shoe black dealers» [«влиятельных торговцев ваксой»], — для этого им недоставало специфических христианских чувств.

с) Интенсификация труда.

Безграничное удлинение рабочего дня, которое производят машины, находящиеся в руках капитала, приводит впоследствии, как мы видели, к реакции со стороны общества, жизненным корням

---

[155] *F. Biese:* «Die Philosophie des Aristoteles», Berlin 1842, т. II, стр. 408.

[156] Привожу здесь эти стихи в переводе Штольберга, потому что они, подобно приведенным раньше цитатам о разделении труда, характеризуют противоположность между античными и современными воззрениями:

«Schonet der mahlenden Hand, o Müllerinnen, und schlafet
Sanft! es verkünde der Hahn euch den Morgen umsonst!
Däo hat die Arbeit der Mädchen den Nymphen befohlen,
Und jetzt hüpfen sie leicht über die Räder dahin,
Dass die erschütterten Achsen mit ihren Speichen sich wälzen,
Und im Kreise die Last drehen des wälzenden Steins.
Lasst uns leben das Leben der Väter, und lasst uns der Gaben
Arbeitslos uns freun, welche die Göttin uns schenkt».

(«Gedichte aus dem Griechischen übersetzt von Christian Graf zu Stolberg. Hamburg 1782» [стр. 312]).

[«Дайте отдых своим рукам, о работницы, и спите безмятежно! Напрасно будет петух возвещать вам о наступлении утра! Дэо поручила работу девушек нимфам, и они легко теперь прыгают по колесам, так что сотрясаемые оси вертятся вместе со своими спицами и заставляют вращаться тяжелый жернов. Будем же жить жизнью отцов и без труда наслаждаться дарами, которыми нас наделила богиня».]

которого угрожает опасность, а вместе с тем и к законодательному установлению ограниченного нормального рабочего дня. На основе последнего приобретает решающую важность явление, с которым мы встречались уже раньше, а именно интенсификация труда. При анализе абсолютной прибавочной стоимости речь шла прежде всего об экстенсивной величине труда, степень же его интенсивности предполагалась как величина данная. Теперь мы должны рассмотреть превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени.

Само собой разумеется, что по мере развития машин и накопления опыта в специальном классе машинных рабочих естественно увеличивается скорость, а потому и интенсивность труда. Так, в Англии в течение полустолетия удлинение рабочего дня идет рука об руку с возрастанием интенсивности фабричного труда. Однако понятно, что при такой работе, которая не имеет характера преходящих пароксизмов лихорадочной деятельности, а совершается изо дня в день с повторяющимся регулярным однообразием, неизбежно наступает момент, когда удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают друг друга, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением степени интенсивности труда и, наоборот, повышение степени интенсивности — лишь с сокращением рабочего дня. Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и продиктовать — прежде всего на фабрике в собственном смысле — нормальный рабочий день, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всею энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы. Вместе с тем совершается изменение в характере относительной прибавочной стоимости. Вообще метод производства относительной прибавочной стоимости заключается в том, что рабочий благодаря повышению производительной силы труда получает возможность произвести больше при прежней затрате труда в течение прежнего времени. Прежнее рабочее время присоединяет ко всему продукту в целом все такую же стоимость, как и раньше, хотя эта оставшаяся без изменения меновая стоимость выражается теперь в большем количестве потребительных стоимостей, а потому стоимость единицы товара понижается. Совершенно иное наблюдается в том случае, когда принудительное сокращение рабочего дня, дающее мощный толчок развитию производительной силы и экономизации условий производства, заставляет рабочего увеличивать затрату труда в единицу времени, повышать напряжение рабочей силы, плотнее заполнять поры рабочего времени, т. е. конденсировать труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного

рабочего дня. Эта сжатая в пределы данного периода времени бо́льшая масса труда учитывается теперь как большее количество труда, чем она и является в действительности. Наряду с измерением рабочего времени как «величины протяженной» теперь выступает измерение степени его уплотнения[157]. Более интенсивный час десятичасового рабочего дня содержит теперь столько же или больше труда, т. е. затраченной рабочей силы, чем более пористый час двенадцатичасового рабочего дня. Поэтому его продукт имеет такую же или бо́льшую стоимость, чем продукт более пористых $1^1/_5$ часа. Не говоря уже об увеличении относительной прибавочной стоимости вследствие увеличения производительной силы труда, теперь, напр., $3^1/_3$ часа прибавочного труда на $6^2/_3$ часа необходимого труда дают капиталисту такую же массу стоимости, как раньше 4 часа прибавочного труда на 8 часов необходимого труда.

Теперь спрашивается, каким образом труд интенсифицируется?

Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, что дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности. Поэтому в известных границах то, что теряется на продолжительности действия силы, выигрывается на ее интенсивности. А о том, чтобы рабочий действительно превращал в труд больше рабочей силы, об этом заботится капитал посредством метода оплаты[158]. В мануфактурах, напр. в гончарных заведениях, в которых машины не играют почти никакой роли или играют лишь незначительную роль, проведение фабричного закона с полной убедительностью показало, что простое сокращение рабочего дня поразительно увеличивает правильность, однородность, порядок, непрерывность и энергию труда[159]. Однако казалось сомнительным, что такой же результат получится и на собственно фабрике, так как зависимость рабочего от непрерывного и однообразного движения машины давным-давно создала здесь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда в 1844 г. обсуждался вопрос о сокращении рабочего дня ниже 12 часов, фабриканты почти единогласно заявили, что «их надсмотрщики в различных рабочих помещениях наблюдают за тем, чтобы руки не теряли ни минуты времени», что «степень бдительности и внимательности рабочих («the extent of vigilance and attention on the part of the workmen») едва ли может быть повышена» и что, предполагая

[157] Разумеется, в различных отраслях производства вообще наблюдаются различия в интенсивности труда. Они, как показал уже А. Смит, отчасти уравновешиваются побочными обстоятельствами, сопряженными с каждым особым родом труда. Но и эти различия оказывают влияние на рабочее время как меру стоимости лишь постольку, поскольку интенсивные и экстенсивные величины являются противоположными и взаимно исключающими друг друга выражениями одного и того же количества труда.

[158] В особенности в виде поштучной платы, — формы, которая рассматривается в шестом отделе.

[159] См. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865».

неизменными все прочие условия, напр. быстроту машин, «было бы бессмысленно на благоустроенных фабриках ожидать сколько-нибудь значительного результата от увеличения внимательности рабочих и т. д.»[160]. Это утверждение было опровергнуто опытами. Г-н Р. Гарднер ввел с 20 апреля 1844 г. на двух своих больших фабриках в Престоне 11-часовой рабочий день вместо 12-часового. По истечении почти года обнаружился тот результат, что «при прежних издержках было получено прежнее количество продукта и что рабочие за 11 часов зарабатывали вместе ровно столько же, сколько раньше за 12 часов»[161]. Я не касаюсь здесь экспериментов в прядильных и чесальных отделениях, потому что они были сопряжены с увеличением скорости машин (на 2%). Напротив, в ткацком отделении, где притом производились крайне различные сорта легких узорчатых материй, не произошло никаких перемен в объективных условиях производства. Результат был таков: «С 6 января по 20 апреля 1844 г. при 12-часовом рабочем дне средняя заработная плата каждого рабочего составляла 10 ш. $1^1/_2$ п. в неделю, с 20 апреля по 29 июня 1844 г. при 11-часовом рабочем дне средняя заработная плата — 10 ш. $3^1/_2$ п. в неделю»[162]. В этом случае в 11 часов производилось больше, чем раньше в 12 часов, исключительно вследствие большей и равномернее распределявшейся работоспособности рабочих и вследствие сбережения их времени. В то время как они получали ту же самую заработную плату и выигрывали час досуга, капиталист получал прежнюю массу продуктов и сберегал издержки на уголь, газ и т. д. за один час. Такие же эксперименты и с таким же результатом были произведены на фабриках господ Хоррокс и Джексон[163].

Когда сокращение рабочего дня, которое создает сначала субъективное условие для конденсации труда, т. е. дает рабочему возможность расходовать больше силы в течение данного времени, проводится принудительно, т. е. в законодательном порядке, машина в руках капитала становится объективным и систематически применяемым средством для того, чтобы выжать больше труда в течение данного времени. Это достигается двояким способом: увеличением скорости машин и увеличением количества машин,

---

[160] «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845», стр. 20, 21.

[161] Там же, стр. 19. Так как поштучная плата осталась без изменения, то размеры недельного заработка зависели от количества продукта.

[162] «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845», стр. 20.

[163] Там же, стр. 21. Моральный элемент играл значительную роль в упомянутых выше экспериментах. «Мы, — заявили рабочие фабричному инспектору, — мы работаем с большим воодушевлением, мы постоянно имеем в виду награду: возможность раньше уйти на ночь; бодрый и деятельный дух проникает всю фабрику, от самого юного помощника до самого старого рабочего, и мы теперь больше помогаем друг другу» (там же).

которое находится под контролем одного и того же рабочего, т. е. увеличением арены труда последнего. Усовершенствования в конструкции машин отчасти необходимы для того, чтобы усилить давление на рабочего, отчасти они сами собой сопровождают интенсификацию труда, потому что ограничение рабочего дня побуждает капиталиста к самой строгой экономии на издержках производства. Усовершенствование паровой машины увеличивает число ударов ее поршня в минуту и в то же время, благодаря большому сбережению силы, дает возможность приводить в движение мотором прежних размеров более обширный механизм, причем потребление угля остается без изменения или даже понижается. Усовершенствование передаточного механизма уменьшает трение и, — что так поразительно отличает современные машины от старых, — низводит поперечник и вес больших и малых валов к постоянно уменьшающемуся минимуму. Наконец, усовершенствования рабочей машины, увеличивая ее скорость и расширяя ее действие, уменьшают ее объем, — как наблюдается в примере с современным паровым ткацким станком, — или увеличивают вместе с корпусом объем и число ее орудий, — как в прядильной машине, — или посредством незаметных изменений деталей увеличивают подвижность этих орудий, — как, напр., в середине пятидесятых годов скорость веретен в selfacting mule [сельфакторе] была увеличена таким образом на $^1/_5$.

Сокращение рабочего дня до 12 часов относится в Англии к 1832 г. Уже в 1836 г. один английский фабрикант заявлял: «По сравнению с прежним временем труд на фабриках сильно возрос вследствие того, что значительно возросшая скорость машин требует от рабочего усиленного внимания и деятельности»[164]. В 1844 г. лорд Эшли, в настоящее время граф Шэфтсбери, привел в палате общин следующие документально обоснованные данные:

«Труд лиц, занятых в фабричных процессах, в настоящее время втрое больше, чем был при введении этих операций. Несомненно, машины выполнили работу, которая заместила жилы и мускулы миллионов людей, но они изумительно (prodigiously) увеличили труд людей, которых они подчинили своему ужасному движению... Труд, заключающийся в том, чтобы в течение 12 часов следовать за двумя мюлями взад и вперед, составлял, при прядении пряжи № 40, в 1825 г. 8 миль ходьбы. В 1832 г. дистанция, которую в течение 12 часов приходилось пройти за двумя мюлями при прядении того же номера, составляла 20 миль, а часто и больше. В 1825 г. прядильщику приходилось сделать на каждом мюле 820 вытягиваний в 12 часов, что составляет общую сумму в 1 640 вытягиваний за 12 часов. В 1832 г. прядильщик должен был сделать

---

[164] *John Fielden:* «The Curse of the Factory System». London 1836, стр. 32.

в течение своего двенадцатичасового рабочего дня 2200 вытягиваний на каждом мюле, итого 4400; в 1844 г. на каждом мюле 2400, итого 4800; а в некоторых случаях требуется еще бóльшая масса труда (amount of labour)... Здесь у меня в руках другой документ 1842 г., показывающий, что труд прогрессивно увеличивается не только потому, что приходится проходить большее расстояние, но и потому, что количество производимых товаров увеличивается, между тем как число рук соответственно уменьшается; и, далее, потому, что теперь часто прядется худший хлопок, который требует большего труда... В чесальном отделении труд тоже значительно возрос. Теперь одно лицо выполняет такую работу, которая раньше распределялась между двумя... В ткацком отделении, в котором занято огромное число лиц, по большей части женского пола, труд возрос за последние годы, вследствие увеличения скорости машин, на полные 10%. В 1838 г. в неделю выпрядалось 18000 hanks [ханков], в 1843 г. это число повысилось до 21000. В 1819 г. число picks [ударов челнока] при паровом ткацком станке составляло 60 в минуту, в 1842 г. оно составляло 140, что свидетельствует об огромном возрастании труда»[165].

Ввиду этой удивительной интенсивности, которой труд достиг уже в 1844 г. при господстве закона о 12-часовом рабочем дне, представлялось, что английские фабриканты имеют основания утверждать, что дальнейший прогресс в этом направлении невозможен и что всякое дальнейшее сокращение рабочего времени равносильно уменьшению производства. Что их рассуждения были справедливы лишь по видимости, это лучше всего доказывается появившимся в это самое время заявлением неутомимого цензора фабрикантов, фабричного инспектора Леонарда Хорнера:

«Так как количество производимых продуктов регулируется преимущественно скоростью машин, то фабрикант должен быть заинтересован в том, чтобы довести их до крайней степени скорости, поскольку она совместима со следующими условиями: сохранение машин от слишком быстрой порчи, сохранение доброкачественности фабрикуемых товаров, способность рабочего не отставать от машины, причем напряжение не должно превышать той степени, которую он может развивать непрерывно. Часто бывает так, что фабрикант по своей торопливости слишком ускорит движение. Тогда поломки и плохое качество продукта более чем уравновесят выгоды скорости, и фабриканту придется умерить ход машин. Так как деятельный и внимательный фабрикант наверное найдет максимум достижимого, то я полагал, что невозможно в 11 часов производить столько же, сколько в 12. Я предполагал кроме того, что сдельно оплачиваемый рабочий напрягает свои силы до

[165] *Lord Ashley:* «The Ten Hours' Factory Bill. Speech of the 15th March». London 1844, стр. 6—9, в разных местах.

той крайней степени, за которой он уже не может постоянно сохранять одну и ту же степень интенсивности»[166]. Поэтому Хорнер, вопреки опытам Гарднера и т. д., пришел к тому заключению, что дальнейшее сокращение 12-часового рабочего дня необходимо уменьшит количество продукта[167]. Он сам 10 лет спустя цитирует сомнения, высказанные им в 1845 г., в доказательство того, насколько он тогда не понимал эластичности машин и человеческой рабочей силы, которые в равной мере напрягаются до крайней степени вследствие принудительного сокращения рабочего дня.

Обратимся теперь к периоду после 1847 г., со времени введения в законодательном порядке 10-часового рабочего дня в английских хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и льняных фабриках.

«Скорость веретен на ватерах возросла на 500, на мюлях на 1 000 оборотов в минуту, т. е. скорость ватерных веретен, достигавшая в 1839 г. 4 500 оборотов в минуту, составляет теперь (1862 г.) 5 000, а скорость мюльных веретен, достигавшая 5 000, составляет теперь 6 000 в минуту; это дает в первом случае возрастание скорости на $^1/_{10}$, а во втором на $^1/_5$»[168]. Джемс Нэсмис, знаменитый гражданский инженер из Пэтрикрофта близ Манчестера, в одном письме к Леонарду Хорнеру так говорил в 1852 г. об усовершенствованиях, произведенных в паровой машине между 1848 и 1852 гг. Отметив, что паровая лошадиная сила, которая в официальной фабричной статистике все еще определяется в соответствии с ее действием в 1828 г.[169], является чисто номинальной и может служить лишь условным показателем действительной силы, он между прочим пишет: «Не подлежит никакому сомнению, что паровые машины прежнего веса, часто даже именно те же самые машины, с той только разницей, что в них сделаны современные усовершенствования, в среднем выполняют на 50% больше работы, чем прежде, и что во многих случаях те же самые машины, которые во времена предельной скорости 220 футов в минуту развивали

---

[166] «Reports of Insp. of Fact. [for quarter ending 30th September 1844, and from 1st October 1844] to 30th April 1845», стр. 20.

[167] Там же, стр. 22.

[168] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», стр. 62.

[169] Это изменилось со времени «Parliamentary Return» [«Парламентского отчета»] 1862 г. Здесь выступает уже действительная паровая лошадиная сила современных паровых машин и водяных колес на место номинальной паровой лошадиной силы {см. прим. 109а, стр. 394—395}. Точно так же и тростильные веретена уже не смешиваются с собственно прядильными веретенами (как было в «Returns» [«Отчетах»] 1839, 1850 и 1856 гг.); далее для шерстяных фабрик приведено число «gigs» [ворсовальных машин], введено различие между джутовыми и пеньковыми фабриками, с одной стороны, и льняными — с другой; наконец, в первый раз введено в отчет чулочно-вязальное производство.

50 лошадиных сил, в настоящее время при меньшем потреблении угля развивают более 100 лошадиных сил... Современная паровая машина при прежнем числе номинальных лошадиных сил, вследствие усовершенствований в ее конструкции, уменьшения объема и изменений устройства парового котла и т. д., действует с большей силой, чем прежде... Поэтому, хотя теперь по отношению к номинальной лошадиной силе занято прежнее количество рук, число рук по отношению к рабочим машинам в настоящее время уменьшилось»[170]. В 1850 г. на фабриках Соединенного королевства применялось 134 217 номинальных лошадиных сил, приводивших в движение 25 638 716 веретен и 301 445 ткацких станков. В 1856 г. число веретен и ткацких станков составляло соответственно 33 503 580 и 369 205. Если бы требуемая лошадиная сила осталась такая, как в 1850 г., то в 1856 г. было бы необходимо 175 000 лошадиных сил. Но по официальным данным число их составляло всего 161 435, т. е. слишком на 10 000 лошадиных сил меньше, чем сколько потребовалось бы на основе расчетов 1850 г.[171]. «Последний отчет (официальная статистика) 1856 г. устанавливает тот факт, что фабричная система распространяется со стремительной быстротой, число рук по отношению к машинам сократилось, паровая машина вследствие экономии в силе и других усовершенствований приводит в движение машины большего веса и что увеличение количества продукта достигается вследствие усовершенствования рабочих машин, изменения методов фабрикации, увеличения скорости машин и многих других причин»[172]. «Крупные усовершенствования, сделанные в машинах всякого рода, значительно повысили их производительную силу. Вне всякого сомнения, сокращение рабочего дня послужило... стимулом для этих усовершенствований. Эти усовершенствования и более интенсивное напряжение рабочего повели к тому, что в течение сокращенного (на 2 часа, или на $^1/_6$) рабочего дня производится столько же продукта, как производилось раньше в течение более долгого дня»[173].

Как возросло обогащение фабрикантов вследствие более интенсивной эксплуатации рабочей силы, показывает уже одно то обстоятельство, что средний ежегодный прирост числа английских хлопчатобумажных и т. д. фабрик составил с 1838 по 1850 г. 32, а с 1850 по 1856 г. 86.

Как ни велик был прогресс английской промышленности в 8-летие 1848—1856 гг. при господстве 10-часового рабочего дня,

---

[170] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», стр. 14, 20.

[171] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», стр. 14, 15.

[172] Там же, стр. 20.

[173] «Reports etc. for 31st October 1858», стр. 9, 10. Ср. «Reports etc. for 30th April 1860», стр. 30 и сл.

в следующий шестилетний период 1856—1862 гг. он был далеко оставлен позади. Например, на шелковых фабриках в 1856 г. веретен — 1 093 799, в 1862 г. — 1 388 544; ткацких станков в 1856 г. — 9 260, в 1862 г. — 10 709. Напротив, число рабочих в 1856 г. — 56 137, в 1862 г. — 52 429. Таким образом, увеличение числа веретен составило 26,9% и ткацких станков — 15,6% при одновременном уменьшении числа рабочих на 7%. В 1850 г. на камвольных фабриках было в ходу 875 830 веретен, в 1856 г. — 1 324 549 (увеличение на 51,2%) и в 1862 г. — 1 289 172 (уменьшение на 2,7%). Но если принять во внимание, что тростильные веретена входят в счет 1856 г., но не входят в счет 1862 г., то окажется, что число веретен с 1856 г. оставалось почти неизменным. Напротив, скорость веретен и ткацких станков с 1850 г. во многих случаях удвоилась. Число паровых ткацких станков на камвольных фабриках составляло в 1850 г. 32 617, в 1856 г. — 38 956 и в 1862 г. — 43 048. При них было занято в 1850 г. 79 737 человек, в 1856 г. — 87 794 и в 1862 г. — 86 063, но в этом числе детей до 14-летнего возраста было в 1850 г. 9 956, в 1856 г. — 11 228 и в 1862 г. — 13 178. Итак, несмотря на значительное увеличение числа ткацких станков в 1862 г. по сравнению с 1856 г., общее число занятых рабочих уменьшилось, число же эксплуатируемых детей увеличилось [174].

27 апреля 1863 г. член парламента Феррэнд выступил в нижней палате со следующим заявлением: «Делегаты рабочих от 16 округов Ланкашира и Чешира, по поручению которых я говорю, сообщили мне, что вследствие усовершенствования машин труд на фабриках все возрастает. Раньше один рабочий с помощником обслуживал два ткацких станка, теперь один рабочий без помощников обслуживает три станка и очень нередко даже четыре и т. д. Как видно из сообщенных фактов, двенадцать часов труда втиснуты теперь менее чем в 10 рабочих часов. Поэтому само собою понятно, до каких огромных размеров увеличился за последние годы труд фабричных рабочих» [175].

Поэтому, хотя фабричные инспектора неустанно и с полным правом восхваляют благоприятные результаты законов 1844 и

---

[174] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», стр. 129, 100, 103 и 130.

[175] При современном паровом ткацком станке один ткач на 2 станках производит теперь в 60 часов в неделю 26 кусков известного сорта ткани определенной длины и ширины, а раньше при старом паровом ткацком станке мог производить только 4. Ткацкие издержки на один такой кусок уже в начале 1850 г. понизились с 2 ш. 9 п. до $5^1/_8$ п.

Добавление ко 2-му изд. «30 лет тому назад (в 1841 г.) от хлопкопрядильщика с 3 помощниками требовалось наблюдение только за одной парой мюлей с 300—324 веретенами. Теперь (конец 1871 г.) с 5 помощниками он должен наблюдать за мюлями, число веретен которых составляет 2 200, и производит по меньшей мере в семь раз больше пряжи, чем производил в 1841 г.» (Александр Редгрейв, фабричный инспектор, в «Journal of the Society of Arts», January 5, 1872).

1850 гг., однако они признают, что сокращение рабочего дня уже вызвало такую интенсивность труда, которая угрожает здоровью рабочих и, следовательно, разрушительно действует на самое рабочую силу. «В большинстве хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых фабрик истощающая возбужденность, необходимая для работы при машинах, движение которых за последние годы ускорилось до такой чрезвычайной степени, была, повидимому, одной из причин того увеличения смертности от легочных болезней, которое раскрыл д-р Гринхау в своем последнем замечательном отчете»[176]. Не подлежит никакому сомнению, что, когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция вознаграждать себя за это систематическим повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы скоро должна снова привести к тому поворотному пункту, на котором становится неизбежным новое сокращение рабочего времени[177]. С другой стороны, бурное развитие английской промышленности с 1848 г. до настоящего времени, т. е. в период десятичасового рабочего дня, оставляет за собою эпоху 1833—1847 гг., т. е. период двенадцатичасового рабочего дня, еще дальше, чем развитие промышленности в этот последний период превосходит по быстроте развитие ее в первое полустолетие по введении фабричной системы, т. е. в период неограниченного рабочего дня[178].

4. ФАБРИКА.

В начале этой главы мы рассматривали тело фабрики, расчлененную систему машин. Потом мы видели, как машины, присваивая женский и детский труд, увеличивают человеческий материал для эксплуатации капитала, как они, безмерно удлиняя рабочий день, захватывают всю жизнь рабочего и как, наконец, их развитие, позволяющее производить чудовищно возрастающие массы продукта все в более и более короткое время, служит систематическим средством для того, чтобы в данный период времени привести в движение больше труда, т. е. чтобы все более интенсивно эксплуатировать рабочую силу. Теперь мы обращаемся к фабрике в ее целом, притом в ее наиболее развитой форме.

Д-р Юр, Пиндар автоматической фабрики, описывает ее, с одной стороны, как «кооперацию различных категорий рабочих,

---

[176] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1861», стр. 25, 26.

[177] В настоящее время (1867 г.) в Ланкашире среди фабричных рабочих началась агитация за восьмичасовой рабочий день.

[178] Следующие немногие цифры характеризуют прогресс «фабрик» в собственном смысле в Великобритании и Ирландии с 1848 г.:

взрослых и несовершеннолетних, которые с опытностью и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в движение центральной силой (первичным двигателем)», с другой стороны — как «огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение». Эти два определения отнюдь не тождественны. В одном комбинированный совокупный рабочий, или общественный трудовой организм, является активно действующим субъектом, а механический автомат — объектом; во втором сам автомат является субъектом, а рабочие присоединены как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе. Первое определение сохраняет свое значение по отношению ко всем возможным применениям машин в крупном масштабе; второе характеризует их капиталистическое применение и, следовательно, современную фабричную систему. Отсюда излюбленная манера Юра изображать центральную машину, от которой исходит движение, не только автоматом, но и автократом. «В этих огромных мастерских благодетельная сила пара собирает вокруг себя мириады своих подданных»[179].

	Количество вывоза			
	1848	1851	1860	1865
ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЕ ФАБРИКИ				
Хлопчатобумажная пряжа . .	фун. 135 831 162	фун. 143 966 106	фун. 197 345 655	фун. 103 751 455
Пряжа для ниток	фун.	фун. 4 392 176	фун. 6 297 554	фун. 4 648 611
Хлопчатобумажные ткани . .	ярд. 1 091 373 930	ярд. 1 543 161 789	ярд. 2 776 218 427	ярд. 2 015 237 851
ЛЬНЯНЫЕ И ПЕНЬКОВЫЕ ФАБРИКИ				
Пряжа .	фун. 11 722 182	фун. 18 841 326	фун. 31 210 612	фун. 36 777 334
Ткани . .	ярд. 88 901 519	ярд. 129 106 753	ярд. 143 996 773	ярд. 247 012 329
ШЕЛКОВЫЕ ФАБРИКИ				
Шелк-сырец и крученый шелк	фун. [1846 г.] 466 825	фун. 462 513	фун. 897 402	фун. 812 589
Ткани . . .	фун.	фун. 1 181 455	фун. 1 307 293	ярд. 2 869 837 [шт. 146 879] [фун. 102 773]
ШЕРСТЯНЫЕ ФАБРИКИ				
Шерстяная и камвольная пряжа	цнт.	фун. 14 670 880	фун. 27 533 968	фун. 31 669 267
Ткани . .	ярд.	ярд. 151 231 153	ярд. 190 037 537	ярд. 278 837 418

Вместе с рабочим орудием и виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине. Дееспособность орудия освобождается от тех ограничений, которые накладываются на нее связью человеческой рабочей силы с личностью рабочего. Таким образом устраняется тот технический базис, на котором покоится разделение труда в мануфактуре. Поэтому вместо характеризующей ее иерархии специализированных рабочих на автоматической фабрике выступает тенденция к уравнению или нивелированию тех работ, которые должны выполняться помощниками машин[180], вместо искусственно порожденных различий между частичными рабочими приобретают перевес естественные различия возраста и пола.

Поскольку разделение труда возрождается на автоматической фабрике, оно является прежде всего распределением рабочих по

	Стоимость вывоза			
	1848 фунт. стерл.	1851 фунт. стерл.	1860 фунт. стерл.	1865 фунт. стерл.
ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЕ ФАБРИКИ				
Хлопчатобумажная пряжа .	5 927 831	6 634 026	9 870 875	10 351 049
Хлопчатобумажные ткани .	16 753 369	23 454 810	42 141 505	46 903 796
ЛЬНЯНЫЕ И ПЕНЬКОВЫЕ ФАБРИКИ				
Пряжа . .	493 449	951 426	1 801 272	2 505 497
Ткани .	2 802 789	4 107 396	4 804 803	9 155 358
ШЕЛКОВЫЕ ФАБРИКИ				
Шелк-сырец и крученый шелк	77 789	196 380	826 107	768 064
Ткани .	—	1 130 398	1 587 303	1 409 221
ШЕРСТЯНЫЕ ФАБРИКИ				
Шерстяная и камвольная пряжа .	776 975	1 484 544	3 843 450	5 424 047
Ткани .	5 733 828	8 377 183	12 156 998	20 102 259

(См. Синие книги «Statistical Abstract for the United Kingdom», № 8 и № 13. London 1861 и 1866).

В Ланкашире число фабрик увеличилось между 1839 и 1850 гг. всего на 4%, между 1850 и 1856 на 19%, между 1856 и 1862 на 33%, между тем как число занятых лиц в оба одиннадцатилетних периода абсолютно увеличилось, относительно же понизилось. См. «Reports of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1862», стр. 63. В Ланкашире преобладание принадлежит хлопчатобумажным фабрикам. А какую огромную относительную роль играют они вообще в фабрикации пряжи и тканей, видно из того, что из общего числа фабрик этого рода в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии на их долю приходится 45,2%, из общего числа веретен — 83,3%, из общего числа паровых ткацких станков — 81,4%, из общего числа паровых лошадиных сил, приводящих текстильные фабрики в движение, — 72,6%, из общего числа занятых лиц — 58,2% (там же, стр. 62, 63).

[179] *Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 18.

[180] Там же, стр. 31. Ср. *Karl Marx:* «Misère de la Philosophie». Paris 1847, стр. 140, 141 [*К. Маркс:* «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 391—392].

специализированным машинам и распределением масс рабочих, — не образующих, однако, внутренно организованных групп, — по различным отделениям фабрики, где они работают при расположенных одна возле другой однородных рабочих машинах, т. е. где они соединены лишь простой кооперацией. Расчлененная группа мануфактуры замещается здесь сочетанием главного рабочего с немногими помощниками. Существенное различие наблюдается между рабочими, которые заняты действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые заняты наблюдением за машиной-двигателем или ее питанием), и между простыми подручными (почти исключительно дети) этих машинных рабочих. К подручным же в большей или меньшей степени относятся и все feeders [питатели] (которые просто подкладывают под машину материал труда). Наряду с этими главными категориями выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдением за всеми машинами и постоянной их починкой, напр. инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера слой рабочих, стоящих вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему[181]. Это разделение труда носит чисто технический характер.

Всякая работа при машине требует подготовки рабочего с ранних лет для того, чтобы он научился сообразовать свои собственные движения с однообразно-непрерывными движениями автомата. Поскольку совокупность машин сама образует систему разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и основанная на ней кооперация требует распределения разнородных групп рабочих между разнородными машинами. Но машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять это распределение, прикреплять одних и тех же рабочих навсегда к одним и тем же функциям[182]. Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая пере-

---

[181] Характерно для преднамеренного статистического обмана, — а раскрыть его можно было бы вплоть до мелочей, — что английское фабричное законодательство категорически исключает из сферы своего действия упомянутых в конце текста рабочих, не признавая их фабричными рабочими; с другой стороны, «Отчеты», публикуемые парламентом, столь же решительно включают в категорию фабричных рабочих не только инженеров, механиков и т. д., но и управляющих фабриками, приказчиков, рассыльных, надсмотрщиков за складами, упаковщиков и т. д., — короче, всех, за исключением самого владельца фабрики.

[182] Юр признает это. Он говорит, что рабочие «в случае необходимости» могут быть перемещены волею управляющего от одной машины к другой, и торжествующе восклицает: «Такого рода перемещение стоит в открытом противоречии со старой рутиной, которая разделяет труд и возлагает на одного изготовление головок к булавкам, на другого — заострение ее конца». Он должен был бы скорее поставить вопрос, почему эта «старая рутина» покидается на автоматической фабрике только «в случае необходимости».

рывов процесса труда. Самое убедительное доказательство этого дает Relaissystem, нашедшая себе применение во время бунта фабрикантов 1848—1850 гг. Наконец, та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость воспитывать особую категорию исключительно машинных рабочих[183]. Работа же простого подручного на фабрике отчасти может замещаться машинами[184], отчасти вследствие своей крайней элементарности допускает быструю и постоянную смену занятых ею лиц.

Хотя машина технически опрокидывает, таким образом, старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает влачить свое существование на фабрике сначала в силу привычки, как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в еще более отвратительной форме как средство эксплуатации рабочей силы. Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства в часть частичной машины[185]. Таким образом не только

[183] В случаях нужды в людях, как, напр., во время американской гражданской войны, буржуа употребляет фабричных рабочих в виде исключения на самые грубые работы, как мощение улиц и т. д. Английские «ateliers nationaux» [«национальные мастерские»] 1862 и следующих годов для безработных хлопчатобумажных рабочих тем отличались от французских национальных мастерских 1848 г., что в последних рабочим приходилось выполнять за счет государства непроизводительные работы, в первых же — производительные городские работы к выгоде буржуа, причем они производились дешевле, чем при посредстве регулярных рабочих, с которыми принудили конкурировать безработного. «Вид рабочих с хлопчатобумажных фабрик в физическом отношении несомненно улучшился. Это я приписываю,... поскольку дело идет о мужчинах, занятиям общественными работами на открытом воздухе». (Здесь речь идет о престонских фабричных рабочих, которые нашли работу при осушении «Престонского болота».) («Reports of Insp. of Fact. October 1863», стр. 59.)

[184] *Пример:* Различные механические аппараты, введенные на шерстяных фабриках со времени закона 1844 г. для замещения детского труда. Когда детям самих господ фабрикантов придется проходить «школу» простых помощников на фабрике, тогда эта почти еще не затронутая область механики быстро сделает замечательные шаги вперед. «Едва ли найдется какая-либо другая столь же опасная машина, как selfacting mules [сельфакторы]. Бо́льшая часть несчастных случаев с маленькими детьми происходит вследствие того, что они для метения пола подползают под мюли во время движения последних. Многие «minders» (рабочие при мюлях) привлекались (фабричными инспекторами) к судебной ответственности и были присуждены к денежным штрафам за проступки этого рода, но без каких бы то ни было заметных общих результатов. Если бы машиностроители изобрели машину для подметания, которая устранила бы для этих малюток необходимость ползать под машины, то это послужило бы счастливым дополнением к нашим охранительным мерам» («Reports of Insp. of Factories for 31st October 1866», стр. 63).

[185] Поэтому можно оценить невероятную выдумку Прудона, который «конструирует» машины не как синтез средств труда, а как синтез частичных работ для самих рабочих.

значительно уменьшаются издержки, необходимые для воспроизводства его самого, но в то же время получает завершение и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно от капиталиста. Здесь, как и всегда, необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого развития.

В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки. «Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняющего один и тот же механический процесс, похоже на работу Сизифа: тяжесть труда, подобно скале, все снова и снова падает на истомленных рабочих»[186]. Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности[187]. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. Отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как мы указывали уже раньше, в крупной промышленности, воздви-

---

[186] *F. Engels:* «Lage der arbeitenden Klasse in England». Leipzig 1845, стр. 217. [Ср. *Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 463.] Даже совершенно ординарный оптимистический фритредер, г. Молинари, замечает: «Человек, ежедневно наблюдая по 15 часов за однообразным ходом машины, истощается много скорее, чем если он в течение такого же времени напрягает свою физическую силу. Этот труд наблюдения, который мог бы послужить полезной гимнастикой для ума, если бы он не был слишком продолжителен, разрушает, в конце концов, своей чрезмерностью и ум и самое тело» (*G. de Molinari:* «Études Économiques». Paris 1846 [стр. 49]).

[187] *F. Engels:* «Lage» и т. д., стр. 216. [Ср. *Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 462.]

гающейся на базисе машин. Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина» (master). А потому этот хозяин, в мозгу которого машины неразрывно срослись с его монополией на них, в случаях столкновений с «руками» презрительно восклицает по их адресу: «Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет в действительности очень низкий сорт обученного труда; что никакой другой не усваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя достать посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего, которому можно научить в 6 месяцев и которому может научиться всякий деревенский батрак»[188].

Техническое подчинение рабочего однообразному ходу средства труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастных ступеней создает казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим и доводит до полного развития уже упомянутый выше труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на рабочих ручного труда и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров. «Главная трудность на автоматической фабрике заключалась в дисциплине, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их привычной беспорядочности в труде и привести их к уподоблению неизменной регулярности крупного автомата. Но изобрести и с успехом применить дисциплинарный кодекс, соответствующий потребностям и быстроте автоматической системы, — это дело, достойное Геркулеса, было благородным делом Аркрайта! Даже в настоящее время, когда эта система организована во всей ее полноте, почти невозможно между рабочими, уже достигшими возмужалого возраста, найти полезных помощников для автоматической системы»[189]. Фабричный кодекс, в котором капитал в частноправовом порядке и самовластно, без разделения властей, вообще столь

---

[188] The Master Spinners' and Manufacturers' Defence Fund. Report of the Committee. Manchester 1854, стр. 17. Позже мы увидим, что «хозяева» начинают петь совсем по-другому, когда им угрожает потеря их «живых» автоматов.

[189] *Ure:* «Philosophie of Manufactures», стр. 15. Кто знаком с биографией Аркрайта, тот никогда не даст этому гениальному цирюльнику названия «благородный». Из всех великих изобретателей XVIII века это был бесспорно величайший вор чужих изобретений и самый низкий субъект.

дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими, — этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования процесса труда, которое становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин. Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательному остроумию фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение их[190].

---

[190] «Цепи рабства, которыми буржуазия сковала пролетариат, нигде не выступают так ясно, как в фабричной системе. Здесь исчезает и юридически и фактически всякая свобода. В половине шестого утра рабочий должен быть на фабрике. Если он опаздывает на несколько минут, его ждет штраф, а если он опаздывает на десять минут, его совсем не пропускают до конца завтрака, и он теряет заработную плату за четверть дня... Он должен есть, пить и спать по команде... Деспотический колокол отрывает его от сна, от завтрака, от обеда. А что делается на самой фабрике! Здесь фабрикант — абсолютный законодатель. Он издает фабричные правила, как ему заблагорассудится. Он делает изменения и дополнения к своему кодексу, как ему вздумается, и хотя бы он внес в этот кодекс полную бессмыслицу, суды говорят рабочему: Так как вы добровольно согласились на этот договор, вы должны его теперь и исполнять... Эти рабочие осуждены с девятилетнего возраста до самой смерти жить физически и духовно под палкой» (*F. Engels:* «Die Lage der arbeitenden Klasse in England». Leipzig 1845, стр. 217 и сл.). [Ср. *Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 463—464 и 465.] Что «говорят суды», я поясню на паре примеров. Один случай имел место в Шеффильде в конце 1866 г. Там один рабочий на два года нанялся на металлическую фабрику. Вследствие ссоры с фабрикантом он оставил фабрику и заявил, что ни за что не будет больше работать у этого фабриканта. Признанный виновным в нарушении договора, он присужден к 2-месячному тюремному заключению. (Если фабрикант нарушает договор, то он может быть привлечен к ответственности лишь в гражданском порядке и рискует только денежным штрафом.) После того как он отсидел эти два месяца, тот же самый фабрикант приглашает его согласно старому контракту возвратиться на фабрику. Рабочий отвечает отказом. Он уже понес кару за нарушение контракта. Фабрикант снова привлекает его к ответственности, суд снова присуждает его, хотя один из судей, мистер Ши, открыто признал юридически чудовищным такой порядок, когда человека всю его жизнь можно периодически все снова и снова подвергать наказанию за один и тот же проступок или преступление. Этот приговор был вынесен не каким-нибудь «Great Unpaid» [«великим неоплачиваемым» — сельским мировым судьей], провинциальным Догберри, а в Лондоне, одним из высших судебных учреждений. {*К 4-му изд.* Теперь это отменено. В настоящее время в Англии, за исключением некоторых немногочисленных случаев, — напр., общественных газовых заводов, — рабочий в отношении нарушения договора уравнен с предпринимателем и может подвергаться преследованию лишь в гражданском порядке. — *Ф. Э.*} Второй случай имел место в Уильтшире в конце ноября 1863 г. Около 30 работниц при паровых ткацких станках, занятых у некоего Хэррепа, суконного фабриканта в Леоэрс Милль, Уэстбери Ли, устроили стачку, потому что у этого Хэррепа было милое обыкновение делать у них вычеты из заработной

Мы отмечаем здесь только материальные условия, при которых совершается фабричный труд. Все органы чувств одинаково страдают от искусственно повышенной температуры, от воздуха, насыщенного частицами сырого материала, от оглушительного шума и т. д., не говоря уже об опасности для жизни среди тесно поставленных машин, которые с правильностью смены времен года доставляют свои промышленные бюллетени убитых и раненых[190a].

платы за опоздание утром: 6 п. за 2 минуты, 1 ш. за 3 минуты и 1 ш. 6 п. за 10 минут. При 9 ш. в час это составляет 4 ф. ст. 10 ш. в день, между тем как их плата в среднем за год никогда не превышает 10—12 ш. в неделю. Кроме того Хэррен поручил одному подростку возвещать трубой фабричные часы, что тот делал иногда раньше 6 час. утра, и если руки уже не были на месте к тому времени, как он кончал, ворота запирались, и оставшиеся снаружи подвергались штрафу; а так как на фабрике не было часов, то несчастные руки оказывались в полной власти молодого часового, которого инспирировал Хэррен. Начавшие «стачку» руки, матери семейств и девушки, заявили, что они тотчас станут на работу, если часового заменят часами и введут более разумный тариф штрафов. Хэррен привлек к суду 19 женщин и девушек за нарушение договора. Они, при громких выражениях негодования публики, были присуждены каждая к 6 п. штрафа и 2 ш. 6 п. судебных издержек. Толпа народа проводила Хэррена из суда шиканьем. — Один из излюбленных фабрикантских приемов заключается в том, что они вычетами из заработной платы наказывают рабочих за плохое качество выдаваемого им материала. Этот метод в 1866 г. вызвал всеобщую стачку в английских гончарных округах. Отчеты «Children's Employment Commission» (1863—1866) приводят случаи, когда рабочие, вместо того чтобы получать заработную плату, в итоге своего труда благодаря расписанию штрафов становились даже должниками своих славных «хозяев». Поучительные черты изобретательности фабричных самодержцев по части вычетов из заработной платы раскрыл также последний хлопковый кризис. «Мне самому, — говорит фабричный инспектор Р Бэкер, — недавно пришлось привлечь к судебной ответственности одного хлопчатобумажного фабриканта, который в эти тяжелые и мучительные времена вычитал у некоторых работающих у него «подростков» (т. е. от 13-летнего возраста) по 10 п. за врачебное свидетельство о возрасте, которое стоит ему только 6 п. и за которое закон допускает вычет лишь в 3 п., а обычай — никаких вычетов... Другой фабрикант, чтобы достигнуть той же цели без столкновения с законом, облагает пошлиной в 1 ш. каждого из бедных работающих у него детей за обучение искусству и тайнам прядения; пошлина взимается немедленно после того, как врачебное свидетельство удостоверяет их достаточную зрелость для этого занятия. Следовательно, в глубине существуют течения, без знания которых невозможно понять таких чрезвычайных явлений, как стачки во времена, подобные теперешнему» (речь идет о стачке механических ткачей на фабрике в Дарвене, в июне 1863 г.). «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», стр. 50, 51. (Фабричные отчеты всегда заходят дальше их официальной даты.)

[190a] Законы для охраны от опасных машин оказали благотворное действие. «Но... в настоящее время появились новые причины несчастных случаев, не существовавшие 20 лет тому назад, а именно, возросшая скорость машин. Колеса, валы, веретена и ткацкие станки приводятся теперь в движение с возросшей и постоянно возрастающей силой; пальцы должны быстрее и увереннее захватывать порванную нить, потому что медлительность и неуверенность принесут для них гибель... Большое число несчастных случаев вызвано стремлением рабочих быстрее закончить свою работу. Необходимо напомнить, что для фабрикантов в высшей степени важно держать свои

Экономия общественных средств производства, впервые быстро, как в теплице, выращиваемая при фабричной системе, вместе с тем превращается в руках капитала в систематический грабеж всех условий, необходимых для жизни рабочего во время труда: пространства, воздуха, света, а также всех средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или вредных для здоровья условий процесса производства, — о приспособлениях же для удобства рабочего нечего и говорить[191]. Не прав ли Фурье, называя фабрики «смягченной каторгой»?[192]

машины в непрерывном ходу, т. е. непрерывно производить пряжу и ткани. Всякая остановка на одну минуту есть потеря не только двигательной силы, но и продукта. Поэтому надсмотрщики, заинтересованные в количестве продукта, подгоняют рабочих, чтобы машины не останавливались; да это не менее важно и для рабочих, если они оплачиваются по весу или поштучно. Поэтому, хотя на большинстве фабрик формально воспрещается чистить машины во время их хода, это на практике всегда так делается. Одна эта причина за последние 6 месяцев вызвала 906 несчастных случаев... Хотя чистка производится ежедневно, однако по субботам обыкновенно назначается основательная чистка машин, и она совершается по большей части во время хода машин... Эта операция не оплачивается, и потому рабочие стараются как можно быстрее покончить с нею. Поэтому число несчастных случаев в пятницу, в особенности же в субботу, много больше, чем в остальные рабочие дни. Для пятницы излишек несчастных случаев по сравнению со средним числом за первые 4 дня недели составляет около 12%, для субботы излишек несчастных случаев над средней величиной за предыдущие 5 дней — 25%; а если принять во внимание, что фабричный день по субботам составляет всего $7^1/_2$ часов, а в остальные рабочие дни $10^1/_2$ часов, то излишек выразится в цифре более 65%» («Reports of Insp. of Factories for 31st October 1866». London 1867, стр. 9, 15, 16, 17).

[191] В первом отделе третьей книги я расскажу об относящемся к последнему времени походе английских фабрикантов против тех статей фабричного акта, которые имеют целью оградить члены «рук» от машин, опасных для жизни. Здесь достаточно будет одной цитаты из официального отчета фабричного инспектора Леонарда Хорнера: «Я слышал, с какой непростительной легкостью отзываются фабриканты о некоторых несчастных случаях; напр., утрата пальца, по их мнению, это — пустяк. В действительности жизнь и все виды на будущее у рабочего настолько зависят от его пальцев, что такая потеря является для него в высшей степени серьезным событием. Слыша такую бессмысленную болтовню, я обращался с вопросом: «Допустим, что вам требуется добавочный рабочий, и к вам пришли два рабочих, оба во всех остальных отношениях одинаково хороши, но у одного нет большого или указательного пальца; на котором же вы остановитесь?» Они без малейшего колебания высказывались за того, у которого все пальцы целы... У этих господ фабрикантов ложные предубеждения против того, что они называют псевдо-филантропическим законодательством» («Reports of Insp. of Fact. 31st October 1855»). Эти господа — «рассудительные люди», и недаром они симпатизировали мятежу рабовладельцев.

[192] На фабриках, которые уже давно подчинены фабричному акту с его принудительным ограничением рабочего времени и другими постановлениями, исчезли некоторые из прежних зол. Самое усовершенствование машин, дойдя до известного пункта, требует «усовершенствованного устройства фабричных зданий», что идет на пользу рабочим (ср. «Reports etc. for 31st October 1863», стр. 109).

5. БОРЬБА МЕЖДУ РАБОЧИМ И МАШИНОЙ.

Борьба между капиталистом и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения. Она свирепствует в течение всего мануфактурного периода[193]. Но только с введением машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, этой материальной формы существования капитала. Он восстает против этой определенной формы средств производства как материальной основы капиталистического способа производства.

Почти вся Европа пережила в XVII веке возмущения рабочих против так называемой Bandmühle ([ленточного станка], называвшегося также Schnurmühle или Mühlenstuhl) — машины для тканья лент и галунов[194]. В конце первой трети XVII века ветряная

---

[193] См., между прочим, *John Houghton:* «Husbandry and Trade improved». London 1727. «The Advantages of the East-India Trade, 1720». *John Bellers:* «Proposals for Raising a College of Industry». London 1696. «Хозяева и рабочие, к сожалению, находятся в постоянной войне между собою. Неизменная цель первых — получать труд для себя по возможности дешевле; и они не стесняются пускать в ход всякие ухищрения с этой целью, между тем как последние с равной настойчивостью пользуются всяким случаем, чтобы предъявить своим хозяевам повышенные требования». «An Inquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions», 1767, стр. 61, 62. (Автор — свящ. Натэниель Форстер — всецело стоит на стороне рабочих.)

[194] «Bandmühle была изобретена в Германии. Итальянский аббат Ланчелотти в работе, появившейся в Венеции в 1636 г., рассказывает: «Антон Мюллер из Данцига почти 50 лет тому назад (Ланчелотти писал в 1629 г.) видел в Данциге очень искусную машину, которая разом изготовляла от 4 до 6 кусков ткани; но так как городской совет опасался, что это изобретение массу рабочих может превратить в нищих, то он запретил применение машины, а ее изобретателя приказал тайно задушить или утопить». В Лейдене такая же машина впервые нашла применение в 1629 г. Бунты позументщиков заставили магистрат сначала воспретить ее; Генеральные штаты постановлениями 1623, 1639 гг. и т. д. должны были ограничить ее применение; наконец, она была допущена на известных условиях постановлением от 15 декабря 1661 г. «В этом городе, — говорит Боксхорн («Institutiones Politicae», 1663) о введении ленточного станка в Лейдене, — около 20 лет тому назад был изобретен ткацкий станок, на котором один работник мог производить ткани в большем количестве и легче, чем несколько человек могли бы без станка произвести в равное время. Но это вызвало жалобы и неудовольствие ткачей, и магистрат, в конце концов, воспретил употребление станка». Та же машина в 1676 г. воспрещена в Кельне, а одновременное введение ее в Англии вызвало волнение рабочих. Императорским указом от 19 февраля 1685 г. употребление ее было воспрещено во всей Германии. В Гамбурге она по приказанию магистрата была подвергнута публичному сожжению. 9 февраля 1719 г. Карл VI возобновил указ 1685 г., а в курфюршестве саксонском она была разрешена для общего применения лишь в 1765 г. Эта машина, которая наделала столько шума, в действительности была предшественницей прядильных и ткацких машин, а следовательно, и промышленной революции XVIII века. Пользуясь ею, совершенно неопытный в ткачестве подросток, двигая взад и вперед стержнем, мог приводить в движение весь станок со всеми его принадлежностями; в своей усовершенствованной форме эта машина производила одновременно 40—50 штук.

лесопильня, построенная одним голландцем близ Лондона, пала жертвой бунта черни. Еще в начале XVIII века лесопильные машины, приводимые в движение водой, лишь с трудом преодолевали в Англии сопротивление народа, встречавшее поддержку парламента. В 1758 г., когда Эверет построил первую стригальную машину, приводившуюся в движение водой, ее сожгли 100 000 человек, оставшихся без работы. Против scribbling mills [кардовальных машин] и чесальных машин Аркрайта 50 000 рабочих, которые до того времени жили расческою шерсти, обратились с петицией к парламенту. Массовое разрушение машин в английских мануфактурных округах в течение первых 15 лет XIX века, направленное в особенности против парового ткацкого станка и известное под названием движения луддитов, послужило анти-якобинскому правительству Сидмаус, Кэстльри и т. д. предлогом для самых реакционных насильственных мер. Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации[195].

Борьба, которая велась в мануфактуре из-за размеров заработной платы, принимает мануфактуру как факт и во всяком случае не направлена против ее существования. Поскольку же борьба направлена против образования мануфактур, ее ведут не наемные рабочие, а цеховые мастера и привилегированные города. Поэтому среди писателей мануфактурного периода господствует взгляд на разделение труда как на средство заместить потенциальных рабочих, а не вытеснить действительных. Различие это очевидно. Если, напр., говорят, что в Англии потребовалось бы 100 миллионов человек для того, чтобы при помощи старой прялки переработать тот хлопок, который теперь при помощи машины перерабатывают 500 000 человек, то это, разумеется, вовсе не означает, что машина заняла место этих миллионов, которые на самом деле и не существовали. Это означает только, что для замещения прядильных машин потребовалось бы много миллионов рабочих. Напротив, если говорят, что паровой ткацкий станок выбросил в Англии 800 000 ткачей на мостовую, то речь идет не о замещении существующих машин определенным числом рабочих, а, наоборот, о существовании известного числа рабочих, которые фактически были замещены или вытеснены машинами. В мануфактурный период основой продолжал оставаться ремесленный способ производства, хотя и разложенный на отдельные операции. При относительно малом количестве городских рабочих, завещанных средними веками,

[195] В старомодных мануфактурах еще в настоящее время иногда повторяются грубые формы возмущения рабочих против машин. Так, напр., в напилочном производстве Шеффильда в 1865 г.

потребности новых колониальных рынков не могли быть удовлетворены, и мануфактуры в собственном смысле слова открыли тогда сельскому населению, которое по мере разложения феодализма прогонялось с земли, новые области производства. Поэтому тогда разделение труда и кооперация в мастерской больше обнаруживали свою положительную сторону — повышение производительности занятых рабочих[196]. Правда, кооперация и комбинация средств труда в руках немногих, примененные в земледелии, вызвали, — во многих странах задолго до периода крупной промышленности, — крупные, внезапные и насильственные революции в способе производства, а потому и в условиях жизни и средствах заработка сельского населения. Но эта борьба первоначально разыгрывается более между крупными и мелкими земельными собственниками, чем между капиталом и наемным трудом; с другой стороны, поскольку рабочие вытесняются средствами труда — овцами, лошадьми и т. д., — акты непосредственного насилия создают здесь первую предпосылку промышленной революции. Сначала рабочие прогоняются с земли, а потом приходят овцы. И только расхищение земли в крупном масштабе, как, напр., в Англии, создает арену для крупного сельского хозяйства[196a]. Поэтому при своем начале этот переворот в земледелии имел внешнюю видимость революции скорее политического характера.

Средство труда, выступив как машина, тотчас же становится конкурентом самого рабочего[197]. Самовозрастание стоимости капитала при помощи машин прямо пропорционально числу рабочих,

---

[196] Сэр Джемс Стюарт даже и действие машин оценивает еще совершенно в этом духе. «В машинах я вижу как бы средство увеличить (потенциально) число рабочих, которых не приходится кормить... Чем действие машины отличается от действия, вызываемого появлением новых жителей?» («Principes d'Économie Politique», французский перевод, т. I, кн. 1-я, гл. XIX). Много наивнее Петти, который говорит, что она заменяет «полигамию». Эта точка зрения применима самое большее для некоторых частей Соединенных Штатов. Напротив: «Редко можно с успехом воспользоваться машинами для того, чтобы уменьшить труд отдельного рабочего; ее постройка потребовала бы больше времени, чем будет сбережено ее применением. С действительной пользой она может применяться только в том случае, если действует в крупном масштабе, если одна машина может помогать труду тысяч. Соответственно этому они находят наибольшее применение в наиболее населенных странах, где больше всего безработных людей. Применение их вызывается не недостатком в людях, а легкостью, с какой возможно массы людей привлечь к работе» (*Piercy Ravenstone:* «Thoughts on the Funding System and its Effects». London 1824, стр. 45).

[196a] {*К 4-му изд.* Это относится и к Германии. Там, где у нас существует крупное земледелие, т. е. в особенности на востоке, оно сделалось возможным лишь вследствие «Bauernlegen» [«холощения крестьян» — сноса крестьянских дворов], разразившегося начиная с XVI века, в особенности же после 1648 г. — *Ф. Э.*}

[197] «Машины и труд находятся в постоянной конкуренции» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3rd ed. London 1821, стр. 479). [*Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 256.]

у которых они разрушают условия существования. Вся система капиталистического производства основывается на том, что рабочий продает свою рабочую силу как товар. Разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая ее в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием. Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы погашается и ее меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателей, как вышедшие из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — все более наводняет доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже ее стоимости. Говорят, будто большим утешением для пауперизованных рабочих должно служить то обстоятельство, что, с одной стороны, их страдания только «временные» («a temporary inconvenience»), а с другой стороны — машина ведь лишь мало-помалу овладевает всем полем производства, благодаря чему уменьшаются размах и интенсивность ее разрушительного действия. Одно утешение побивается другим. Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она производит хроническую нищету в конкурирующих с нею слоях рабочих. Когда переход совершается быстро, ее действие носит массовый и острый характер. Всемирная история не дает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на $2^1/_2$ п. в день[198]. Напротив, английские хлопчатобумажные машины

---

[198] До проведения закона 1833 г. о бедных конкуренция между ручным ткачеством и машинным ткачеством затягивалась в Англии благодаря тому, что вспомоществованиями от приходов пополняли заработную плату, упавшую далеко ниже минимума. «В 1827 г. его преподобие Тэрнер был ректором в Уильмсло в Чешире, фабричном округе. Вопросы комитета для обследования эмиграции и ответы Тэрнера показывают, каким образом поддерживалась конкуренция ручного труда против машин. Вопрос: «Не вытеснено ли применение ручных станков применением механических станков?» Ответ: «Несомненно; оно было бы вытеснено в еще большей степени, чем это наблюдается в действительности, если бы ручные ткачи не имели возможности соглашаться на понижение заработной платы». Вопрос: «Но, соглашаясь на это, не нанимаются ли они за плату, недостаточную для их существования, и не рассчитывают ли на поддержку прихода, чтобы покрыть дефицит в средствах существования?» Ответ: «Да, и конкуренция между ручным станком и механическим станком фактически поддерживается налогом для бедных». Итак, унизительный пауперизм или эмиграция — вот благодеяния, которым трудящиеся обязаны введению машин. Они заключаются в том, что из уважаемых

произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834—1835 гг.: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопкоткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только «временные страдания». Впрочем, «временное» действие машин оказывается постоянным, потому что они завоевывают все новые и новые сферы производства. Таким образом, тот характер самостоятельности и отчужденности, который капиталистический способ производства вообще придает условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с появлением машин развивается в полную противоположность между рабочими, с одной стороны, условиями труда и продуктами труда — с другой[199]. Поэтому вместе с машинами впервые появляется стихийное возмущение рабочего против средства труда.

Средство труда убивает рабочего. Конечно, всего осязательнее проявляется эта прямая противоположность в тех случаях, когда вновь вводимая машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и в пределах самóй крупной промышленности постоянное усовершенствование машин и развитие автоматической системы действует аналогичным образом. «Постоянная цель усовершенствования машин заключается в том, чтобы сократить ручной труд или усовершенствовать производственный процесс на фабрике, заменяя в том или ином звене производственной цепи человеческий аппарат железным»[200]. «Применение силы пара или воды к машинам, которые до того времени приводились в движение рукой, случается каждый день... Постоянно производятся все новые и новые сравнительно мелкие усовершенствования в машинах, имеющие своей целью экономию двигательной силы, улучшение продукта, увеличение производства при неизменности времени или вытеснение ребенка, женщины или мужчины, и хотя на первый взгляд они не имеют большого

и до некоторой степени независимых ремесленников их низводят до положения раболепных босяков, живущих унизительным хлебом благотворительности. Вот что они называют временным затруднением» («A Prize Essay on the Comparative Merits of Competition and Co-operation». London 1834, стр. 29).

[199] «Та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны (т. е., как здесь же поясняет Рикардо, доход лэндлордов и капиталистов, богатство которых с экономической точки зрения = Wealth of the Nation [богатству нации]), может в то же время вызвать излишек населения и ухудшить положение рабочего» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 469). [*Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 251.] «Постоянная цель и тенденция всякого усовершенствования механизма фактически заключается в том, чтобы совершенно отделаться от труда человека или уменьшить его цену посредством замены труда взрослых рабочих мужчин женским и детским трудом или труда обученных рабочих — трудом чернорабочих» (*Ure:* [«Philosophy of Manufactures», стр. 23]).

[200] «Reports of Insp. of Fact. 31st October 1858», стр. 43.

значения, тем не менее они дают важные результаты»[201]. «Во всех случаях, когда известная операция требует большого искусства и уверенной руки, ее стараются по возможности быстрее взять из рук слишком искусного и часто склонного ко всяческой беспорядочности рабочего и передать особому механизму, который действует с такой регулярностью, что наблюдать за ним может ребенок»[202]. «При автоматической системе талант рабочего прогрессивно вытесняется»[203]. «Усовершенствование машин позволяет не только уменьшить число занятых взрослых рабочих, необходимых для достижения определенного результата, но и заменяет одну категорию человеческого труда другой категорией: более искусных — менее искусными, взрослых — детьми, мужчин — женщинами. Все эти перемены вызывают постоянные колебания в уровне заработной платы»[204]. «Машина непрерывно выбрасывает взрослых с фабрики»[205]. Победное шествие машинной системы, вызванное сокращением рабочего дня, продемонстрировало нам исключительную ее эластичность, достигнутую в результате накопления практического опыта, в результате уже имеющегося в наличии количества механических средств и постоянного прогресса техники. Но кто мог бы в 1860 г., когда английская хлопчатобумажная промышленность достигла зенита, предвидеть те стремительно сменявшие друг друга усовершенствования в машинах и соответствующее им вытеснение ручного труда, которые были вызваны в следующие три года таким стимулом, как американская гражданская война? Здесь достаточно будет пары примеров из официальных данных английских фабричных инспекторов относительно этого пункта. Один манчестерский фабрикант заявляет: «Вместо 75 кардных машин нам теперь требуется только 12, при которых мы получаем прежнее количество такого же, если не лучшего качества... Эконо-

[201] «Reports etc. for 31st October 1856», стр. 15.

[202] *Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 19. «Огромная выгода машин, применяемых на кирпичных заводах, заключается в том, что они дают хозяину полную независимость по отношению к искусным рабочим» («Children's Employment Commission. 5th Report». London 1866, стр. 130, № 46).

Добавление ко 2-му изд. Г-н А. Стеррок, главный заведующий машинным отделением «Great Northern Railway», заявляет относительно постройки машин (локомотивов и т. д.): «Дорогие (expensive) английские рабочие требуются с каждым днем все в меньшем и меньшем количестве. Производство усиливается посредством применения усовершенствованных инструментов, а этими инструментами управляет, в свою очередь, более низкая категория рабочих (a low class of labour)... Раньше все части паровой машины по необходимости производились квалифицированным трудом. Те же части в настоящее время производятся менее квалифицированным трудом, но при помощи хороших инструментов... Под инструментами я разумею машины, употребляемые при машиностроении» («Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence, № 17862 и 17863». London 1867).

[203] *Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 20.

[204] Там же, стр. 321.

[205] Там же, стр. 23.

мия на заработной плате составляет 10 ф. ст. в неделю, экономия на хлопковом угаре 10%». В одной манчестерской тонкопрядильне «ускорением движения и введением различных автоматических процессов в одном отделении устранена четверть, в другом свыше половины рабочего персонала, между тем как гребенная машина, заменившая вторую кардную машину, сильно уменьшила число рук, занятых раньше в чесальном отделении». Другая прядильная фабрика определяет свою общую экономию на «руках» в 10%. Господа Джильмер, владельцы прядильных фабрик в Манчестере, заявляют: «В нашем blowing Departement [трепальном отделении] сбережения на руках и заработной плате, сделанные благодаря новым машинам, мы определяем в целую треть... в jack frame room [отделении банкаброшей] и drawing frame room [отделении ленточных машин] сбережения на издержках и руках составляют около трети; в прядильном отделении сбережения на издержках — около трети. Но и это не все: наша пряжа, направляемая к ткачу, настолько улучшена благодаря применению новых машин, что он получает больше ткани и лучшего качества, чем производилось при прежней машинной пряже» [206]. Фабричный инспектор А. Редгрейв замечает по этому поводу: «Уменьшение числа рабочих при увеличении производства быстро прогрессирует; на шерстяных фабриках недавно началось новое сокращение числа рук, и оно все продолжается; несколько дней тому назад один школьный учитель, живущий близ Рочдэля, сказал мне, что огромное уменьшение числа учащихся девочек в школах объясняется не только давлением кризиса, но и переменами в машинах шерстяных фабрик, вследствие чего рассчитано круглым числом 70 Halbzeitlern [ребят, работающих половину времени]» [207].

Следующая таблица показывает общий результат механических усовершенствований в английской хлопчатобумажной промышленности, обязанных своим появлением американской гражданской войне.

---

[206] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», стр. 108 и сл.

[207] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», стр. 109. Быстрое усовершенствование машин во время хлопкового кризиса позволило английским фабрикантам тотчас по окончании американской гражданской войны быстро вновь переполнить мировой рынок. Уже в последние 6 месяцев 1866 г. ткань почти невозможно было продать. Тогда начинается отправка товаров на консигнацию в Китай и Индию, что, разумеется, сделало переполнение рынка [glut] еще интенсивнее. В начале 1867 г. фабриканты прибегли к своему обычному средству — к понижению заработной платы на 5%. Рабочие оказали сопротивление и заявили, — теоретически это было совершенно правильно, — что единственное средство помощи — работать сокращенное время, 4 дня в неделю. После продолжительного сопротивления господа, которые сами называют себя капитанами промышленности, должны были согласиться на это, причем в некоторых местах плата была понижена на 5%, в других же осталась без изменения.

ЧИСЛО ФАБРИК.

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	2 046	2 715	2 405
Шотландия	152	163	131
Ирландия	12	9	13
Соединенное королевство	2 210	2 887	2 549

ЧИСЛО ПАРОВЫХ ТКАЦКИХ СТАНКОВ.

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	275 590	368 125	344 719
Шотландия	21 624	30 110	31 864
Ирландия	1 633	1 757	2 746
Соединенное королевство	298 847	399 992	379 329

ЧИСЛО ВЕРЕТЕН.

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	25 818 576	28 352 125	30 478 228
Шотландия	2 041 129	1 915 398	1 397 546
Ирландия	150 512	119 944	124 240
Соединенное королевство	28 010 217	30 387 467	32 000 014

ЧИСЛО ЗАНЯТЫХ РАБОЧИХ.

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	341 170	407 598	357 052
Шотландия	34 698	41 237	39 809
Ирландия	3 345	2 734	4 203
Соединенное королевство	379 213	451 569	401 064

Итак, с 1861 по 1868 г. исчезло 338 хлопчатобумажных фабрик, т. е. машины, которые сделались производительнее и крупнее, сосредоточились в руках меньшего числа капиталистов. Число паровых ткацких станков уменьшилось на 20 663; но продукт их в то же время увеличился, так что усовершенствованный ткацкий станок дает теперь больше, чем старый. Наконец, число веретен возросло на 1 612 547, между тем как число занятых рабочих уменьшилось на 50 505. Следовательно, та «временная» нищета, которою хлопковый кризис подавлял рабочих, была усилена и закреплена быстрым и безостановочным усовершенствованием машин.

Однако машина действует не только как непреодолимый конкурент, постоянно готовый сделать наемного рабочего «излишним». Капитал громогласно и с обдуманным намерением возвещает о ней как о силе, враждебной рабочему, и пользуется ею как таковой. Она становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала[208]. По Гаскеллу, паровая машина с самого начала сделалась антагонистом «человеческой силы» и дала капиталистам возможность разбивать растущие притязания рабочих, которые угрожали кризисом зарождающейся фабричной системе[209]. Можно было бы написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих. Прежде всего мы напомним о selfacting mule [сельфакторе], потому что он открывает новую эпоху автоматической системы[210].

В своих показаниях перед Trades' Unions Commission [комиссией о тред-юнионах] Нэсмис, изобретатель парового молота, делает следующее сообщение о тех усовершенствованиях в машинах, которые он ввел вследствие большой и продолжительной стачки машиностроительных рабочих в 1851 г.: «Характерная черта наших современных механических усовершенствований — введение самодействующих рабочих машин. Теперь механическому рабочему приходится не самому работать, а лишь наблюдать за прекрасной работой машины, что доступно всякому подростку. В настоящее время устранен весь класс рабочих, которые зависят исключительно от своего искусства. Раньше у меня на одного механика приходилось четыре подростка. Благодаря этим новым механическим усовершенствованиям я сократил число взрослых мужчин с 1500 до 750. Следствием было значительное увеличение моей прибыли».

Об одной машине для печатания красками в ситцепечатных заведениях Юр говорит: «Наконец, капиталисты постарались освободиться от этого невыносимого рабства (т. е. от тягостных для них условий договоров с рабочими), призвав на помощь ресурсы науки, и скоро они были восстановлены в своих законных правах, — правах головы над другими частями тела». Об одном изобретении для

---

[208] «Отношения между хозяевами и руками на стекольных и бутылочных заводах — это хроническая стачка». Отсюда быстрое развитие производства прессованного стекла, при котором главные операции выполняются машинами. Одна фирма в Ньюкэстле, которая раньше производила дутого стекла 350 000 ф. в год, теперь вместо того производит 3 000 500 ф. прессованного стекла («Children's Employment Commission. 4th Report, 1865», стр. 262—263).

[209] *Gaskell:* «The Manufacturing Population of England». London 1833, стр. 3—4.

[210] К некоторым очень существенным применениям машин при машиностроении привел г. Ферберн под влиянием стачек на его собственной машиностроительной фабрике.

шлихтования основы, непосредственно вызванном стачкой, он говорит: «Орда недовольных, мнившая себя непобедимой за старыми укреплениями разделения труда, увидела, что ее захватили фланговым нападением и уничтожили ее оборонительные средства современной механической тактикой. Ей пришлось сдаться на милость и гнев победителей». Об изобретении selfacting mule [сельфактора] он говорит: «Он был призван вновь восстановить порядок между промышленными классами... Это изобретение подтверждает развитую уже нами доктрину, что капитал, заставив науку служить себе, постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности»[211]. Хотя работа Юра появилась в 1835 г., следовательно в эпоху, когда фабричная система была развита еще сравнительно слабо, она до сих пор остается классическим выражением духа фабрики не только по своему откровенному цинизму, но и по той наивности, с которой она выбалтывает нелепые противоречия капиталистического мозга. Например, развив ту «доктрину», что капитал при помощи науки, взятой им на жалованье, «постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности», он выражает затем негодование по тому поводу, «что с известной стороны механико-физическую науку обвиняют в том, будто она идет на службу деспотизму богатых капиталистов и принижается до роли орудия угнетения бедных классов». После широковещательной проповеди на ту тему, как выгодно для рабочих быстрое развитие машин, он предостерегает их, что своей непокорностью, стачками и т. д. они ускоряют развитие машин. «Такие насилия и возмущения, — говорит он, — обнаруживают самый презренный вид человеческой близорукости, ту близорукость, которая делает человека своим собственным палачом». Наоборот, несколькими страницами раньше говорится: «Без этих сильных столкновений и перерывов, вызываемых ложными воззрениями рабочих, фабричная система развилась бы много быстрее и с еще большей пользой для всех заинтересованных сторон». Потом он опять восклицает: «К счастью для населения фабричных округов Великобритании, усовершенствования в механике совершаются лишь постепенно». «Несправедливо, — говорит он, — обвинять машины в том, будто они ведут к уменьшению заработной платы взрослых, так как они вытесняют известную часть последних, благодаря чему их число начинает превышать потребность в труде. Но они ведь увеличивают спрос на детский труд и таким образом повышают заработки последнего». Но, с другой стороны, этот же утешитель защищает низкую заработную плату детей тем, «что это удерживает родителей от того, чтобы посылать своих детей на фабрики в слишком раннем возрасте». Вся его книга представляет прославление неограниченного рабочего дня, и если законодательство воспрещает истязать детей 13 лет больше 12 часов в сут-

211 *Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 367—370.

ки, то это напоминает его либеральной душе о самых мрачных временах средневековья. Это не мешает ему приглашать фабричных рабочих к благодарственной молитве провидению за то, что оно посредством машин «создало им досуг для размышлений о своих неумирающих интересах»[212].

6. ТЕОРИЯ КОМПЕНСАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО РАБОЧИХ, ВЫТЕСНЯЕМЫХ МАШИНАМИ.

Целый ряд буржуазных экономистов, как Джемс Милль, Мак Куллох, Торренс, Сениор, Джон Стюарт Милль, утверждают, что все машины, вытесняющие рабочих, постоянно и необходимо освобождают в то же время соответствующий капитал, который дает работу этим самым вытесненным рабочим[213].

Предположим, что капиталист применяет 100 рабочих, напр. в обойной мануфактуре, причем каждый получает по 30 ф. ст. в год. Следовательно, ежегодно затрачиваемый капиталистом переменный капитал составляет 3 000 ф. ст. Допустим, что 50 рабочим он дает расчет, а остальных 50 занимает при помощи машин, которые стоят ему 1 500 ф. ст. Для упрощения мы оставляем в стороне здания, уголь и т. д. Предположим далее, что ежегодно потребляемый сырой материал стоит попрежнему 3 000 ф. ст.[214]. «Освободился» ли благодаря этой перемене какой-нибудь капитал? При старом способе ведения дела вся затраченная сумма в 6 000 ф. ст. состояла наполовину из постоянного и наполовину из переменного капитала. Теперь она состоит из 4 500 ф. ст. (3 000 ф. ст. в сыром материале и 1 500 ф. ст. в машинах) постоянного и 1 500 ф. ст. переменного капитала. Переменная, или превращенная в живую рабочую силу, часть капитала составляет уже не половину, а лишь $^1/_4$ всего капитала. Вместо высвобождения здесь происходит связывание капитала в такой форме, в которой он перестает обмениваться на рабочую силу, т. е. происходит превращение переменного капитала в постоянный. Теперь капитал в 6 000 ф. ст. при прочих равных условиях не может занимать более 50 рабочих. С каждым усовершенствованием машины он занимает все меньше и меньше рабочих. Если бы вновь вводимые машины стоили меньше, чем сумма стоимости вытесняемых ими рабочей силы и орудий труда, напр. вместо 1500 только

[212] *Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 368, 7, 370, 280, 322, 321, 475.

[213] Рикардо первоначально разделял это воззрение, но позже с характеризующим его научным беспристрастием и любовью к истине отказался от него. См. *David Ricardo:* «Principles of Political Economy», гл. XXXI «On Machinery» [*Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., гл. XXXI].

[214] NB. Я привожу иллюстрацию совершенно во вкусе названных выше экономистов.

1000 ф. ст., то переменный капитал в 1000 ф. ст. превратился бы в постоянный капитал, т. е. был бы связан, а капитал в 500 ф. ст. высвободился бы. Предполагая, что годовая заработная плата остается прежняя, этот капитал образовал бы фонд для занятия почти 16 рабочих, — между тем как получили расчет 50, — и даже много менее чем 16 рабочих, так как для превращения этих 500 ф. ст. в капитал часть их придется превратить в постоянный капитал и, следовательно, только остальную часть можно будет превратить в рабочую силу.

Но допустим даже, что производство новых машин даст работу большему числу механиков; может ли это послужить компенсацией для выброшенных на мостовую обойщиков? В лучшем случае приготовление машин потребует рабочих менее, чем вытесняется применением машин. Сумма в 1500 ф. ст., которая раньше представляла только заработную плату уволенных обойщиков, теперь, в форме машин, представляет: 1) стоимость средств производства, необходимых для изготовления машин; 2) заработную плату изготовляющих их механиков; 3) достающуюся «хозяину» последних прибавочную стоимость. Далее: раз машина готова, ее не приходится возобновлять до самой ее смерти. Следовательно, для того чтобы добавочное число механиков могло получать постоянные занятия, приходится предполагать, что один фабрикант за другим снова и снова вытесняет рабочих машинами.

Да, впрочем, упомянутые апологеты и не имеют в виду такого рода высвобождения капитала. Они имеют в виду жизненные средства высвободившихся рабочих. Нельзя отрицать, напр., что в приведенном выше случае машины не только высвобождают 50 рабочих и тем самым делают их «свободными», но одновременно и прекращают их связь с жизненными средствами стоимостью в 1500 ф. ст. и таким образом «освобождают» эти средства жизни. Итак, тот простой и отнюдь не новый факт, что машины освобождают рабочего от средств жизни, на языке экономистов означает, что машины освобождают жизненные средства для рабочего, или превращают их в капитал, который применяет рабочего. Как видим, все зависит от способа выражения. Nominibus mollire licet mala. [Зло подобает прикрашивать словами.]

По этой теории, жизненные средства стоимостью в 1500 ф. ст. были капиталом, который увеличивал свою стоимость посредством труда пятидесяти уволенных обойщиков. Следовательно, этот капитал утрачивает свое занятие, раз пятьдесят человек увольняются, и не может успокоиться до тех пор, пока не найдет нового «приложения», при котором эти пятьдесят рабочих снова получают возможность производительно потреблять его. Итак, выходит, что раньше или позже капитал и рабочие снова соединятся, и тогда компенсация готова. Следовательно, страдания рабочих,

вытесняемых машинами, столь же преходящи, как и богатства этого мира.

Жизненные средства в сумме 1500 ф. ст. никогда не противостояли уволенным рабочим как капитал. Как капитал противостояли им 1500 ф. ст., превращенные теперь в машины. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти 1500 ф. ст. представляют только ту часть обоев, ежегодно производившихся 50 уволенными рабочими, которую они получали от своего предпринимателя как заработную плату — не in natura [натурой], а в денежной форме. На эти обои, превращенные в 1500 ф. ст., они покупали жизненные средства на ту же сумму. Поэтому последние существовали для них не как капитал, а как товары, и сами они были по отношению к этим товарам не наемными рабочими, а покупателями. То обстоятельство, что машины «освободили» их от покупательных средств, превращает их из покупателей в непокупателей. Отсюда уменьшение спроса на соответствующие товары. Voilà tout. [Вот и все.] Если это уменьшение спроса не компенсируется увеличением его еще откуда-нибудь, то понижается рыночная цена товаров, спрос на которые упал. Если это продолжается сравнительно долго и в значительных размерах, то происходит увольнение рабочих, занятых в производстве данных товаров. Часть капитала, который раньше производил необходимые жизненные средства, будет воспроизводиться теперь в другой форме. Во время падения рыночных цен и перемещения капитала рабочие, занятые в производстве необходимых жизненных средств, тоже «освобождаются» от некоторой части своей заработной платы. Таким образом, вместо того, чтобы доказать, что машина, освобождая рабочих от жизненных средств, в то же время превращает последние в капитал, применяющий этих рабочих, господин апологет с помощью своего испытанного закона спроса и предложения доказывает, наоборот, что машина не только в той отрасли производства, в которой она введена, но и в тех отраслях производства, в которых она не введена, выбрасывает рабочих на мостовую.

Действительные факты, вывернутые экономическим оптимизмом наизнанку, таковы: вытесняемые машиной рабочие выбрасываются из мастерской на рынок труда и увеличивают там число рабочих сил, которыми уже располагает капиталистическая эксплуатация. В седьмом отделе мы увидим, что это действие машин, которое изображают нам здесь как компенсацию для рабочего класса, в действительности является самым ужасным бичом для него. Здесь отметим только следующее: конечно, рабочие, выброшенные из одной отрасли промышленности, могут искать занятий в какой-либо другой. Если они находят таковые и если таким образом вновь восстанавливается связь между ними и жизненными средствами, которые были освобождены вместе с ними, то

это происходит при посредстве нового, дополнительного капитала, ищущего применения, а отнюдь не того капитала, который функционировал уже раньше и теперь превращен в машины. Но если бы даже и так, — как мало надежды у них найти новые занятия! Искалеченные разделением труда, эти бедняги имеют столь малую стоимость вне своей старой сферы деятельности, что они могут найти доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные и плохо оплачиваемые отрасли труда [215]. Далее, каждая отрасль промышленности ежегодно притягивает новый поток людей, который доставляет ей необходимый контингент для правильного возмещения и роста. Когда же машины освобождают часть рабочих, занятых до того времени в определенной отрасли промышленности, контингент кандидатов в заместители тоже перераспределяется заново и поглощается другими отраслями труда, между тем как первоначальные жертвы по большей части опускаются и гибнут в переходное время.

Не подлежит никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за то, что они «освобождают» рабочего от жизненных средств. Они удешевляют и увеличивают продукт в той отрасли, которой они овладевают, и сначала оставляют без изменения массу жизненных средств, производимую в других отраслях промышленности. Следовательно, после введения машин, как и до него, в распоряжении общества находилось все такое же или большее количество жизненных средств для освобожденных рабочих, если оставить в стороне огромную часть годового продукта, которая расточается неработающими. И в этом — pointe [гвоздь] экономической апологетики! Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения! А так как машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность; так как сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом

[215] Один рикардианец в полемике с пошлостями Ж. Б. Сэя замечает по этому поводу: «При развитом разделении труда искусство рабочего может найти себе применение только в той особой сфере, в которой он получил выучку; сам рабочий является своего рода машиной. Поэтому абсолютно ничему не поможет, если станут болтать, как попугаи, что всем вещам свойственна тенденция отыскать свой уровень. Стоит посмотреть вокруг себя, и мы увидим, что они в течение долгого времени не могут найти своего уровня и что если они находят его, то он оказывается ниже, чем был при начале процесса» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.». London 1821, стр. 72).

же применении превращает его в паупера и т. д., то буржуазный экономист просто заявляет, что рассмотрение машины самой по себе как нельзя убедительнее доказывает, что все эти очевидные противоречия суть просто внешняя видимость пошлой действительности, сами же по себе, а потому и в теории они вовсе не существуют. Таким образом он избавляет себя от всякого дальнейшего ломания головы и кроме того приписывает своему противнику такую глупость, будто он борется не против капиталистического применения машины, а против самой машины.

Конечно, буржуазный экономист вовсе не отрицает, что при этом получаются и временные неприятности; но ведь у всякой медали существует своя оборотная сторона! Для него немыслимо иное, кроме капиталистического, использование машины. Следовательно, эксплуатация рабочего при посредстве машины для него тождественна с эксплуатацией машины рабочим. Поэтому тот, кто раскрывает, как в действительности обстоит дело с капиталистическим применением машин, тот вообще не хочет их применения, тот противник социального прогресса![216] Совершенно во вкусе знаменитого головореза Билл Сайкса: «Господа присяжные, конечно, этим коммивояжерам горло было перерезано. Но это — не моя вина, а вина ножа. Неужели из-за таких временных неприятностей мы отменим употребление ножа? Подумайте, однако! Что было бы с земледелием и ремеслами без ножа? Не приносит ли он спасение в хирургии, не служит ли орудием науки в руках анатома? А потом — не желанный ли это помощник в веселых пирах? Уничтожьте нож — и вы отбросите нас назад, к глубочайшему варварству»[216a].

Хотя машины неизбежно вытесняют рабочих из тех отраслей труда, в которых они введены, однако они могут вызвать увеличение занятий в других отраслях труда. Но это действие не имеет ничего общего с так называемой теорией компенсации. Так как всякий машинный продукт, напр. один аршин машинной ткани, дешевле, чем вытесненный им однородный продукт ручного труда,

---

[216] Одним из виртуозов в этом самодовольном кретинизме является, между прочим, Мак Куллох. «Если выгодно, — говорит он, напр., с аффектированной наивностью 8-летнего ребенка, — все более и более развивать искусство рабочего, так, чтобы он приобрел способность производить все увеличивающееся количество товаров при прежнем или меньшем количестве труда, то должно быть не менее выгодно, чтобы он пользовался содействием таких машин, которые наиболее действительным образом помогают ему в достижении этого результата» (*Mac Culloch:* «Principles of Political Economy». London 1830, стр. 166).

[216a] «Изобретатель прядильной машины разорил Индию, что, впрочем, мало нас трогает» (*A. Thiers:* «De la Propriété». [Paris 1848, стр. 275]). [Ср. *А. Тьер:* «О собственности». СПБ. 1872 г., стр. 225.] Г-н Тьер смешивает здесь прядильную машину с механическим ткацким станком, «что, впрочем, мало нас трогает».

то получается следующий абсолютный закон: если общее количество товаров, произведенных машинным способом, остается равным общему количеству замещенных ими товаров, производившихся ремесленным или мануфактурным способом, то общая сумма прилагаемого труда уменьшается. То увеличение труда, которое обусловливается производством самих средств труда, — машин, угля и т. д., — должно быть меньше того труда, который сберегается применением машин. Иначе машинный продукт был бы не дешевле или даже дороже ручного продукта. Однако общая масса товаров, производимых при помощи машин сократившимся количеством рабочих, не только не остается без изменения, но, напротив, вырастает до размеров, далеко превышающих общую массу вытесненных ремесленных товаров. Предположим, что 400 000 арш. машинной ткани производятся меньшим количеством рабочих, чем 100 000 арш. ручной ткани. В учетверенном продукте заключается и учетверенное количество сырого материала. Следовательно, производство сырого материала должно учетвериться. Что касается потребленных средств труда, напр. зданий, угля, машин и т. д., то пределы, в которых может возрасти добавочный труд, необходимый для их производства, изменяются сообразно разности между теми массами продукта, которые при одном и том же числе рабочих могут быть произведены машинным способом, с одной стороны, и ручным способом — с другой.

Поэтому с расширением машинного производства в одной отрасли промышленности увеличивается производство прежде всего и в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства. Насколько благодаря этому возрастает масса занятых рабочих, зависит при данной продолжительности рабочего дня и интенсивности труда от строения употребляемых капиталов, т. е. от отношения между их постоянными и переменными составными частями. Это отношение, в свою очередь, значительно варьирует в зависимости от того, в какой мере машины уже овладели или овладевают данной отраслью промышленности. Число рабочих, осужденных на работы в угольных копях и рудниках, колоссально возросло с развитием применения машин в Англии, хотя это возрастание в последние десятилетия замедляется применением к горному делу новых машин[217]. Вместе с машиной вступает в жизнь новый вид рабочих — производители машин. Мы уже знаем, что машинное производство все в большей

[217] По переписи 1861 г. (Лондон 1863, т. II) число рабочих, занятых в угольных копях Англии и Уэльса, составляло 246 613, в том числе 73 546 до 20-летнего и 173 067 старше 20-летнего возраста. К первой рубрике принадлежат 835 малолетних 5—10 лет, 30 701 — 10—15 лет, 42 010 — 15—19 лет. Число занятых в железных, медных, свинцовых, оловянных и других рудниках — 319 222.

мере овладевает и этой отраслью производства[218]. Далее, что касается сырого материала[219], то не подлежит, напр., никакому сомнению, что бурное развитие бумагопрядения не только форсировало возделывание хлопка в Соединенных Штатах, а вместе с тем и африканскую работорговлю, но и сделало воспитание негров главным занятием так называемых пограничных рабовладельческих штатов. В 1790 г., когда в Соединенных Штатах была произведена первая перепись рабов, число их составляло 697 000, а в 1861 г. уже почти четыре миллиона. С другой стороны, не менее верно, что расцвет механических шерстяных фабрик вместе с прогрессивным превращением пахотной земли в пастбища для овец вызвал массовое изгнание земледельческих рабочих и превращение их в «избыточных». В Ирландии еще в настоящее время совершается этот процесс, который сводится к тому, что ее население, уменьшившееся после 1845 г. почти наполовину, низводится до размеров, точно соответствующих потребностям ее лэндлордов и господ английских шерстяных фабрикантов.

Если машина овладевает предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях труда, которые ведутся еще ремесленным или мануфактурным способом и в которые поступает машинный фабрикат. Например, машинное прядение доставляло пряжу так дешево и в таком изобилии, что ручные ткачи, без всякого увеличения затрат, сначала могли работать полное время. Таким образом их доход увеличился[220]. Отсюда наплыв рабочих в хлопчатобумажную ткацкую промышленность, пока, наконец, 800 000 ткачей, вызванных в Англии к жизни машинами Jenny [Дженни], Throstle [ватером]

---

[218] В Англии и Уэльсе в 1861 г. производством машин было занято 60 807 лиц, считая в том числе и фабрикантов вместе с их приказчиками и т. д., ditto [а также] всех агентов и торговцев этой отрасли. Напротив, исключены производители сравнительно более мелких машин, как, напр., швейные и т. д., а также производители инструментов для рабочих машин, как, напр., веретена и т. д. Число всех гражданских инженеров составляло 3 329.

[219] Так как железо — один из важнейших сырых материалов, то здесь стоит отметить, что в 1861 г. в Англии и Уэльсе было 125 771 железолитейщиков, в том числе 123 430 мужчин, 2 341 женщина. В числе первых 30 810 до 20 лет и 92 620 старше 20 лет.

[220] «Семья из 4 взрослых лиц (хлопчатобумажных ткачей) с двумя детьми в качестве winders [шпульников] зарабатывала в конце прошлого и начале текущего столетия 4 ф. ст. в неделю при 10-часовом рабочем дне; если работа была очень спешная, они могли заработать больше... Раньше они постоянно страдали от недостаточного предложения пряжи» (*Gaskell:* «The Manufacturing Population of England». London 1833, стр. 25—27).

и Mule [мюльной машиной], не были убиты паровым ткацким станком. Таким же образом вместе с изобилием материй для одежды, производимых машинным способом, возрастает число портных, портних, швей и т. д., пока не появляется швейная машина.

Соответственно увеличению массы сырых материалов, полуфабрикатов, рабочих инструментов и т. д., доставляемых при машинном производстве относительно сокращающимся числом рабочих, обработка этих сырых материалов и полуфабрикатов подразделяется на многочисленные подвиды, а потому разнообразие отраслей общественного производства растет. Машинное производство ведет общественное разделение труда несравненно дальше, чем мануфактура, потому что оно в несравненно большей степени увеличивает производительную силу захваченных им отраслей промышленности.

Ближайший результат введения машин заключается в том, что они увеличивают прибавочную стоимость и вместе с тем массу продуктов, в которой она воплощается; следовательно, — в том, что вместе с той субстанцией, которую потребляет класс капиталистов и его клика, они увеличивают и самые эти общественные слои. Возрастание богатства последних и постоянное относительное уменьшение числа рабочих, требуемых для производства необходимых жизненных средств, порождают вместе с новыми потребностями в роскоши и новые средства их удовлетворения. Все бо̀льшая часть общественного продукта превращается в прибавочный продукт и все бо̀льшая часть прибавочного продукта воспроизводится и потребляется все в более и более утонченных и разнообразных формах. Другими словами: производство предметов роскоши возрастает [221]. Возрастающие утонченность и разнообразие продуктов вытекают также из новых условий мирового рынка, создаваемых крупной промышленностью. Дело не только в том, что большее количество заграничных средств потребления выменивается на туземный продукт, но и в том, что в туземную промышленность входит все бо̀льшая масса заграничных сырых материалов, составных веществ, полуфабрикатов и т. д., которые служат средствами производства. Вместе с развитием этих отношений мирового рынка увеличивается спрос на труд в транспортной промышленности, и последняя распадается на многочисленные новые подвиды [222].

---

[221] *F. Engels:* «Lage der arbeitenden Klasse in England» [*Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III], указывает на жалкое положение большей части именно этих производителей предметов роскоши. Многочисленные новые подтверждения этого см. в отчетах «Children's Employment Commission».

[222] В 1861 г. в Англии и Уэльсе в торговом флоте было занято 94 665 моряков.

Увеличение средств производства и жизненных средств при относительном уменьшении числа рабочих дает толчок расширению труда в таких отраслях производства, продукты которых, как, напр., каналы, доки, туннели, мосты и т. д., приносят плоды лишь в сравнительно отдаленном будущем. Прямо на основе машинного производства или же на основе соответствующего ему общего промышленного переворота образуются совершенно новые отрасли производства, а потому и новые сферы труда. Однако их относительную роль в общем производстве нельзя признать значительной даже в наиболее развитых странах. Число занятых в них рабочих увеличивается в соответствии с тем, насколько воспроизводится потребность в самом грубом ручном труде. Главными отраслями промышленности этого рода в настоящее время можно считать газовые заводы, телеграфию, фотографию, пароходное и железнодорожное дело. Перепись 1861 г. (для Англии и Уэльса) дает для газовой промышленности (газовые заводы, производство механических аппаратов, агенты газовых компаний и т. д.) 15 211 человек, для телеграфии — 2 399, фотографии — 2 366, службы на пароходах — 3 570 и для железных дорог — 70 599, в том числе около 28 000 более или менее постоянно занятых «необученных» землекопов и работников административного и коммерческого персонала. Следовательно, общее число лиц, занятых в этих пяти новых отраслях промышленности, составляет 94 145.

Наконец, чрезвычайно повысившаяся производительная сила в областях крупной промышленности, сопровождаемая, как это обыкновенно наблюдается, интенсивным и экстенсивным ростом эксплуатации рабочей силы во всех остальных отраслях производства, дает возможность непроизводительно употреблять все увеличивающуюся часть рабочего класса и таким образом воспроизводить все бо̀льшими массами старинных домашних рабов под названием «класса прислуги», как, напр., слуг, горничных, лакеев и т. д. По переписи 1861 г. все население Англии и Уэльса составляло 20 066 224 человека, в том числе 9 776 259 мужчин и 10 289 965 женщин. Если вычесть из этого числа всех неспособных к труду по дряхлости или молодости, всех «непроизводительных» женщин, подростков и детей, затем «идеологические» сословия, как правительство, попы, юристы, войско и т. д., потом всех, у кого исключительное занятие составляет потребление чужого труда в форме земельной ренты, процентов и т. д., наконец пауперов, бродяг, преступников и т. д., то круглым счетом останется 8 миллионов лиц обоего пола и различнейших возрастов, включая и всех капиталистов, так или иначе функционирующих в производстве, торговле, финансах и т. д. Из этих 8 миллионов приходится:

Сельскохозяйственных рабочих (включая пастухов и живущих у фермеров батраков и батрачек) . .	1 098 261 чел.
Всех лиц, занятых на хлопчатобумажных, шерстяных, камвольных, льняных, пеньковых, шелковых, джутовых фабриках, а также механически-вязальной и кружевной фабрикацией	642 607[223] »
Всех лиц, занятых в угольных копях и рудниках	565 835 »
Занятых на всех металлургических заводах (доменные печи, прокатные заведения и т. д.) и металлических мануфактурах разного рода	396 998[224] »
Класс прислуги	1 208 648[225] »

Если мы сложим всех занятых на текстильных фабриках с персоналом угольных копей и металлических рудников, то мы получим 1 208 442; если же число первых мы сложим с персоналом всех металлургических заводов и мануфактур, то получим в итоге 1 039 605 — в обоих случаях меньше числа современных домашних рабов. Что за возвышающий душу результат капиталистической эксплуатации машин!

7. ОТТАЛКИВАНИЕ И ПРИТЯЖЕНИЕ РАБОЧИХ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА. КРИЗИСЫ В ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Все находящиеся в здравом уме представители политической экономии признают, что, когда вводится вновь машина, это действует как чума на рабочих тех традиционных ремесл и мануфактур, с которыми она прежде всего вступает в конкуренцию. Почти все они оплакивают рабство фабричного рабочего. Но каков тот главный козырь, который все они пускают в ход? Это — соображение, что после всех ужасов, относящихся к периоду введения и развития машин, они в конечном счете не уменьшают, а увеличивают число рабов труда! Да, политическая экономия упивается отвратительной теоремой, — отвратительной для всякого «филантропа», который верит в вечность и естественную необходимость

[223] В том числе мужчин от 13 лет только 177 596.

[224] В том числе женщин 30 501.

[225] В том числе мужчин 137 447. Из этого числа — 1 208 648 — исключен весь персонал служащих не у частных лиц.

Добавление ко 2-му изд. С 1861 по 1870 г. число мужской прислуги почти удвоилось. Оно возросло до 267 671. В 1847 г. сторожей дичи было (в аристократических охотничьих парках) 2 694, а в 1869 г. — 4 921. — Молодые девушки, служащие у лондонских мелких буржуа, на народном языке называются «little slaveys», маленькие рабыни.

капиталистического способа производства, — теоремой, согласно которой даже фабрика, уже основанная на машинном производстве, после известного периода роста, по окончании более или менее продолжительного «переходного времени», начинает терзать большее число рабочих, чем то, которое первоначально она выбросила на мостовую![226]

Правда, некоторые примеры, — хотя бы английских камвольных и шелковых фабрик, — показывают, что на известной ступени развития чрезвычайное расширение фабричных отраслей может сопровождаться не только относительным, но и абсолютным уменьшением числа занятых рабочих. В 1860 г., когда по распоряжению парламента была предпринята специальная перепись всех фабрик Соединенного королевства, в той части фабричных округов Ланкашира, Чешира и Йоркшира, которая была поручена фабричному инспектору Р. Бэкеру, насчитывалось 652 фабрики; из них в 570 было: паровых ткацких станков 85 622, веретен (за исключением тростильных) 6 819 146, лошадиных сил в паровых машинах 27 439, в водяных колесах 1390, занято лиц на этих фабриках 94 119. Напротив, в 1865 г. на этих же фабриках было: ткацких станков 95 163, веретен 7 025 031, лошадиных сил в паровых машинах 28 925, в водяных колесах 1 445, занято лиц 88 913. Следовательно, с 1860 по 1865 г. рост по этим фабрикам составил: паровых ткацких станков 11%, веретен 3%, паровых лошадиных сил 5%, между тем как за тот же период число занятых лиц уменьшилось на 5,5%[227]. Между 1852 и 1862 гг.

[226] Напротив, Ганиль окончательным результатом машинного производства признает абсолютное уменьшение числа рабов труда, на счет которых затем кормится возрастающее число «gens honnêtes» [«приличных людей»], развивающих свою известную «perfectibilité perfectible» [«способную к усовершенствованию способность к усовершенствованию»]. Как ни плохо понимает Ганиль движение производства, он чувствует, по крайней мере, что машины — очень роковое учреждение, раз введение их превращает занятых рабочих в пауперов, а развитие их вызывает к жизни больше рабов труда, чем они убили. Кретинизм его собственной точки зрения можно выразить только его собственными словами: «Классы, осужденные на производство и потребление, уменьшаются, а классы, управляющие трудом, дающие помощь, утешение и просвещение всему народу, увеличиваются... и присваивают все блага, вытекающие из уменьшения издержек труда, изобилия продуктов и удешевления предметов потребления. В этом направлении род человеческий поднимается до высших творений гения, проникает в таинственные глубины религии, создает спасительные принципы морали (которые заключаются в том, чтобы «присваивать все блага» и т. д.), законы для защиты свободы (свободы для «классов, осужденных на производство»?) и власти, послушания и справедливости, долга и гуманности». Эта тарабарщина находится в книге *M. Ch. Ganilh:* «Des Systèmes d'Économie Politique etc.», 2-е изд., Paris 1821, т. I, стр. 224. Ср. там же, стр. 212.

[227] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 58 и сл. Но в то же время был создан материальный базис и для занятия возрастающего числа рабочих: основано 110 новых фабрик с 11 625 паровыми ткацкими станками, 628 576 веретенами, 2 695 паровыми и водяными лошадиными силами (там же).

произошло значительное увеличение английской шерстяной фабрикации, между тем как число занятых рабочих осталось почти без изменения. «Это показывает, в какой большой мере вновь введенные машины вытеснили труд предыдущих периодов»[228]. В тех случаях, когда наблюдается увеличение числа занятых фабричных рабочих, увеличение это часто бывает только кажущимся, т. е. оно вызвано не расширением фабрик, в основе которых уже лежит машинное производство, а постепенным присоединением к ним побочных отраслей. Например, увеличение числа механических ткацких станков и занятых при них фабричных рабочих в период 1838—1856 гг. было вызвано в (английской) хлопчатобумажной фабрикации просто расширением этой отрасли предприятий; напротив, на других фабриках оно вызвано тем, что началось применение паровой силы к ткацким станкам, на которых вырабатываются ковры, ленты, холст и т. д. и которые до того времени приводились в движение мускульной силой человека[229]. Итак, увеличение числа этих фабричных рабочих было просто выражением уменьшения общего числа занятых рабочих. Наконец, мы здесь уже совершенно не останавливаемся на том, что повсюду, за исключением металлических фабрик, подростки (до 18 лет), женщины и дети составляют решительно преобладающую часть фабричного персонала.

Тем не менее понятно, что, несмотря на массу рабочих, фактически вытесняемых или потенциально замещаемых машинами, число фабричных рабочих вследствие роста самого машинного производства, который находит себе выражение в увеличении числа однородных фабрик или в увеличении размеров уже существующих фабрик, — может в конце концов оказаться больше числа вытесненных мануфактурных рабочих или ремесленников. Предположим, что еженедельно затрачиваемый капитал, напр. в 500 ф. ст., составлялся при старом способе производства на $^2/_5$ из постоянной и на $^3/_5$ из переменной составной части, т. е. 200 ф. ст. затрачиваются на средства производства, 300 ф. ст. — на рабочую силу, скажем, по 1 ф. ст. на рабочего. С возникновением машинного производства строение всего капитала изменяется.

---

[228] «Reports etc. for 31st October 1862», стр. 79.

Добавление ко 2-му изд. В конце декабря 1871 г. фабричный инспектор А. Редгрейв в одном докладе, прочитанном в Брэдфорде, в «New Mechanic's Institution», заявил: «С некоторого времени меня стало поражать то обстоятельство, до какой степени изменился внешний вид шерстяных фабрик. Раньше они были переполнены женщинами и детьми, теперь кажется, как будто машина выполняет все работы. На мой вопрос один фабрикант дал мне такое объяснение: при старой системе я давал работу 63 лицам; по введении усовершенствованных машин я сократил число своих рук до 33, а недавно, вследствие новых крупных усовершенствований, у меня оказалась возможность сократить их с 33 до 13».

[229] «Reports etc. for 31st October 1856», стр. 16.

Теперь он распадается, напр. на $^4/_5$ постоянного и $^1/_5$ переменного капитала, другими словами — на рабочую силу расходуется всего лишь 100 ф. ст. Следовательно, две трети прежде занятых рабочих увольняются. Если данное фабричное производство расширяется и весь вложенный капитал при прочих равных производственных условиях увеличивается с 500 до 1500 ф. ст., то теперь будут заняты 300 рабочих — как раз столько же, сколько и до промышленной революции. Если применяемый капитал возрастает еще больше, до 2000 ф. ст., то занято будет 400 рабочих, т. е. на $^1/_3$ больше, чем при старом способе ведения дела. Число занятых рабочих абсолютно увеличилось на 100, относительно же, т. е. по сравнению с величиной всего авансированного капитала, оно уменьшилось на 800, потому что при старом способе ведения дела капитал в 2000 ф. ст. применял бы не 400, а 1200 рабочих. Следовательно, относительное уменьшение числа занятых рабочих совместимо с его абсолютным увеличением. Выше мы предполагали, что при возрастании всего капитала строение его остается без изменения, потому что условия производства не изменяются. Но мы уже знаем, что в действительности с каждым шагом в развитии машинного производства постоянная часть капитала, состоящая из машин, сырого материала и т. д., возрастает, между тем как переменная, затрачиваемая на рабочую силу, уменьшается, и мы знаем в то же время, что ни при каком другом способе производства усовершенствования не представляют такого постоянного явления, а потому строение всего капитала не изменчиво в такой мере, как при машинном производстве. Но эти постоянные изменения с не меньшим постоянством прерываются паузами и чисто количественным расширением на данном техническом базисе. Поэтому число занятых рабочих возрастает. Так, напр., число всех рабочих на хлопчатобумажных, шерстяных, камвольных, льняных и шелковых фабриках Соединенного королевства составляло в 1835 г. только 354684, между тем как в 1861 г. число одних ткачей (обоего пола и самых различных возрастов от 8-летнего) при паровых станках составляло 230654. Конечно, этот рост окажется менее значительным, если принять во внимание, что еще в 1838 г. в Англии насчитывалось 800000 ручных хлопчатобумажных ткачей, считая и членов семейств, занятых вместе с ними [230]; мы уже совсем не говорим о тех ручных ткачах, которые были вытеснены в Азии и на континенте Европы.

[230] «Страдания ручных ткачей (хлопчатобумажных ткачей и ткачей материй из других видов сырья, но с примесью хлопка) были предметом обследования королевской комиссии, но хотя их бедствия были признаны и о них сожалели, тем не менее улучшение (!) их положения предоставили случаю и времени, и можно надеяться, что эти страдания теперь (через 20 лет!) почти (nearly) исчезли, чему, по всей вероятности, способствовало современное громадное распространение паровых ткацких станков» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», стр. 15).

В немногих замечаниях, которые нам еще остается сделать об этом пункте, мы частично коснемся с чисто фактической стороны тех отношений, к которым наше теоретическое изложение еще не привело нас.

Пока машинное производство расширяется в известной отрасли промышленности за счет традиционного ремесла или мануфактуры, успех его настолько же верен, как, напр., успех армии, вооруженной игольчатыми ружьями, против армии, вооруженной луками. Этот первый период, когда машина только еще завоевывает себе сферу действия, имеет решающее значение ввиду тех чрезвычайных прибылей, которые производятся при помощи машины. Эти прибыли не только уже сами по себе являются источником ускоренного накопления капитала, но и привлекают к данной отрасли производства, оказавшейся в особо благоприятном положении, значительную часть добавочного общественного капитала, который постоянно образуется вновь и ищет новых сфер применения. Особые выгоды, сопряженные с первым периодом бури и натиска, постоянно снова и снова повторяются в тех отраслях производства, в которых машины вводятся впервые. Но когда фабрика достигает достаточного распространения и определенной степени зрелости, в особенности когда ее собственная техническая основа, машины, начинает, в свою очередь, производиться машинами же, когда совершается революция как в добывании угля и железа, так и в обработке металлов и транспортном деле, короче говоря, когда складываются общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, тогда рассматриваемый способ производства приобретает ту эластичность и способность к быстрому, скачкообразному расширению, пределы которой ставятся лишь сырым материалом и рынком сбыта. Но машины, с одной стороны, прямо содействуют увеличению количества сырого материала, как, напр., cottongin [хлопковый джин] увеличил производство хлопка[231]. С другой стороны, дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и сношений служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая на последних ремесленное производство, машинное производство принудительно превращает эти рынки в места производства соответствующего сырого материала. Так, напр., Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, пеньку, джут, индиго и т. д.[232]. Происходящее в

---

[231] Другие методы, посредством которых машины влияют на производство сырого материала, будут упомянуты в третьей книге.

[232] Вывоз хлопка из Ост-Индии в Великобританию:

1846 г. 34 540 143 ф., 1860 г. 204 141 168 ф., 1865 г. 445 947 600 ф.

Вывоз шерсти из Ост-Индии в Великобританию:

1846 г. 4 570 581 ф., 1860 г. 20 214 173 ф., 1865 г. 20 679 111 ф.

странах крупной промышленности постоянное превращение рабочих в «избыточных» порождает усиленную эмиграцию и ведет к колонизации чужих стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, напр., превратилась в место производства шерсти[233]. Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее часть земного шара в область земледельческого производства по преимуществу. Эта революция стоит в тесной связи с переворотами в земледелии, которые здесь пока не приходится исследовать обстоятельнее[234].

По инициативе г. Гладстона, палата общин 17 февраля 1867 г. предписала собрать статистические данные относительно ввоза и вывоза в Соединенное королевство всевозможных зерновых хлебов, в зерне и муке, за период 1831—1866 гг. Ниже я привожу сводку этих статистических данных. Мука переведена на квартеры хлеба в зерне (см. таблицу на стр. 459).

---

[233] Вывоз шерсти с мыса Доброй Надежды в Великобританию:

1846 г. 2 958 457 ф., **1860 г.** 16 574 345 ф., **1865 г.** 29 920 623 ф.

Вывоз шерсти из Австралии в Великобританию:

1846 г. 21 789 346 ф., **1860 г.** 59 166 616 ф., **1865 г.** 109 734 261 ф.

[234] Само экономическое развитие Соединенных Штатов есть продукт европейской, в особенности английской, крупной промышленности. Соединенные Штаты в их современном виде (1866 г.) все еще следует рассматривать как колонию Европы. {*К 4-му изд.* «С того времени они развились до положения второй промышленной страны мира, хотя еще не совсем утратили свой колониальный характер». — *Ф. Э.*}

Вывоз хлопка из Соединенных Штатов в Великобританию в фунтах:

1846 г.	401 949 393	**1852 г.**	765 630 544
1859 г.	961 707 264	**1860 г.**	1 115 890 608

Вывоз хлеба и т. д. из Соединенных Штатов в Великобританию (в 1850 и 1862 гг.) (в английских центнерах):

Пшеница	**1850 г.**	16 202 312	**1862 г.**	41 033 503
Ячмень	**1850 »**	3 669 653	**1862 »**	6 624 800
Овес	**1850 »**	3 174 801	**1862 »**	4 426 994
Рожь	**1850 »**	388 749	**1862 »**	7 108
Пшеничная мука	**1850 »**	3 819 440	**1862 »**	7 207 113
Греча	**1850 »**	1 054	**1862 »**	19 571
Маис	**1850 »**	5 473 161	**1862 »**	11 694 818
Bere или Bigg (особый род ячменя)	**1850 »**	2 039	**1862 »**	7 675
Горох	**1850 »**	811 620	**1862 »**	1 024 722
Бобы	**1850 »**	1 822 972	**1862 »**	2 037 137
Общий вывоз	**1850 г.**	34 365 801	**1862 г.**	74 083 351

Колоссальная скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич. Жизнь промышленности превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Ненадежность и непостоянство, которым машинное производство подвергает заработок, а следовательно, и существование рабочего, становятся нормальным явлением, когда устанавливается такая смена периодов промышленного цикла. За исключением периодов процветания, между капиталистами свирепствует ожесточенная борьба за их индивидуальное место на рынке. Их доля на рынке прямо пропорциональна дешевизне продуктов. Кроме вызываемого этим соперничества в употреблении усовершенствованных машин, замещающих рабочую силу, и новых методов производства, на известном пункте всякий раз обнаруживается стремление достигнуть удешевления товаров посредством насильственного понижения заработной платы, опускающего ее ниже стоимости рабочей силы[235].

Следовательно, возрастание числа фабричных рабочих обусловливается относительно гораздо более быстрым возрастанием

[235] В воззвании рабочих, выброшенных на мостовую «локаутом» сапожных фабрикантов в Лестере, к «Trade Societies of England» [«Профессиональным обществам Англии»], июль 1866 г., между прочим, говорится: «Лет 20 тому назад в сапожном деле Лестера совершился переворот вследствие того, что вместо шитья введено скрепление гвоздями. Тогда можно было получать хорошие заработки. Скоро это новое дело сильно расширилось. Между различными фирмами, которые производят наиболее изящный товар, началась сильная конкуренция. Но вскоре возникла вслед за тем конкуренция худшего рода — стремление побить друг друга на рынке дешевой ценой (undersell). Вредные последствия скоро обнаружились в понижении заработной платы, и понижение цены труда совершалось с такой стремительной быстротой, что многие фирмы платят теперь всего половину первоначальной заработной платы. И, однако, хотя заработная плата падает все ниже и ниже, прибыль при каждом изменении расценок труда, повидимому, возрастает». — Даже неблагоприятными периодами промышленности фабриканты пользуются таким образом, что посредством преувеличенного понижения заработной платы, т. е. прямой кражей необходимых жизненных средств рабочего, достигают чрезвычайной прибыли. Вот пример. Дело идет о кризисе шелкоткачества в Ковентри: «Из указаний, полученных мною как от фабрикантов, так и от рабочих, с несомненностью следует, что заработная плата понижена в большей мере, чем это вынуждалось конкуренцией иностранных производителей и другими обстоятельствами. Большинство ткачей работает за плату, пониженную на 30—40%. Кусок ленты, за который ткач пять лет тому назад получал 6—7 ш., теперь дает ему только 3 ш. 3 п. или 3 ш. 6 п.; другая работа, за которую раньше платили 4 ш. и 3 ш. 3 п., теперь дает только 2 ш. или 2 ш. 3 п. Заработная плата понижена больше, чем необходимо было для оживления спроса. В действительности для многих сортов лент понижение заработной платы не сопровождалось даже каким бы то ни было понижением цены товара» (Отчет члена комиссии Ф. Д. Лонджа в «Children's Employment Commission. 5th Report 1866», стр. 114, № 1).

ПЯТИЛЕТНИЕ ПЕРИОДЫ И 1866 ГОД.

	1831—1835	1836—1840	1841—1845	1846—1850	1851—1855	1856—1860	1861—1865	1866
В СРЕДНЕМ ЗА ГОД								
Ввоз (в квартерах)	1 096 373	2 389 729	2 843 865	8 776 552	8 345 237	10 913 612	15 009 871	16 457 340
В СРЕДНЕМ ЗА ГОД								
Вывоз (в квартерах) .	225 263	251 770	139 056	155 461	307 491	341 150	302 754	216 218
Перевес ввоза над вывозом в среднем за год	874 110	2 137 959	2 704 809	8 621 091	8 037 746	10 572 462	14 707 117	16 241 122
НАСЕЛЕНИЕ								
В среднем за год для каждого периода	24 621 107	25 929 507	27 262 559	27 797 598	27 572 923	28 391 544	29 381 760	29 935 404
Среднее количество хлеба и т. д. в квартерах, ежегодно потребляемое каждым жителем, при равномерном распределении между всем населением, и представляющее добавление к туземному производству	0,036	0,082	0,099	0,310	0,291	0,372	0,501	0,543

всего капитала, вложенного в фабрики. Но этот процесс совершается лишь внутри периодов прилива и отлива промышленного цикла. Кроме того он постоянно прерывается техническим прогрессом, который то замещает рабочих потенциально, то вытесняет их фактически. Такие качественные изменения в машинном производстве постоянно удаляют рабочих с фабрики или запирают фабричные двери перед новым потоком рекрутов, между тем как просто количественное расширение фабрик поглощает кроме выброшенных и новый контингент рабочих. Таким образом рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются из стороны в сторону, и это сопровождается постоянными изменениями пола, возраста и искусства вербуемых рабочих.

Судьбы фабричного рабочего выступают с наибольшей наглядностью, если мы бросим беглый взгляд на судьбы английской хлопчатобумажной промышленности.

С 1770 по 1815 г. 5 лет угнетенного состояния или застоя в хлопчатобумажной промышленности. В течение этого первого 45-летнего периода английским фабрикантам принадлежала монополия применения машин и монополия на мировом рынке. С 1815 по 1821 г. — угнетенное состояние. 1822 и 1823 гг. — процветание. 1824 г. — отмена закона против коалиций, всеобщее крупное расширение фабрик. 1825 г. — кризис. 1826 г. — огромная нужда и волнение хлопчатобумажных рабочих. 1827 г. — легкое улучшение. 1828 г. — большой рост количества паровых ткацких станков и вывоза. В 1829 г. вывоз, особенно в Индию, превосходит все прежние годы. 1830 г. — переполнение рынков, огромная нужда. С 1831 по 1833 г. — непрекращающееся угнетенное положение; у Ост-Индской компании отнята монополия торговли с Восточной Азией (Индией и Китаем). 1834 г. — крупный рост фабрик и распространение машинного производства, недостаток рабочих рук; новый закон о бедных покровительствует переселению сельских рабочих в фабричные округа; из сельских графств дети массами выгоняются в промышленность; торговля белыми рабами. 1835 г. — сильное процветание; в то же время вымирание ручных хлопчатобумажных ткачей от голода. 1836 г. — сильное процветание. 1837 и 1838 гг. — угнетенное состояние и кризис. 1839 г. — оживление. 1840 г. — сильная депрессия, волнения, вмешательство войска. 1841 и 1842 гг. — ужасающие страдания фабричных рабочих. 1842 г. — фабриканты увольняют рабочих с фабрик, чтобы вынудить отмену хлебных законов; рабочие многотысячными толпами устремляются в Йоркшир, откуда войска прогоняют их обратно, а их вожди преданы в Ланкастере суду. 1843 г. — большая нужда. 1844 г. — снова оживление. 1845 г. — сильное процветание. 1846 г. — сначала продолжается подъем, потом симптомы реакции; отмена хлебных законов. 1847 г. — кризис; общее понижение заработной платы на 10 и более процентов во славу «big

loaf» [«большой ковриги»]. 1848 г. — стесненное положение продолжается; Манчестер под военной охраной. 1849 г. — опять оживление. 1850 г. — процветание. 1851 г. — падение товарных цен, низкая заработная плата, частые стачки. 1852 г. — начинается улучшение, стачки продолжаются, фабриканты угрожают ввозом иностранных рабочих. 1853 г. — повышающийся вывоз; восьмимесячная стачка и большая нужда в Престоне. 1854 г. — процветание, переполнение рынков. 1855 г. — из Соединенных Штатов, Канады, с восточноазиатских рынков приходят известия о банкротствах. 1856 г. — сильное процветание. 1857 г. — кризис. 1858 г. — улучшение. 1859 г. — сильное процветание, рост фабрик. 1860 г. — английская хлопчатобумажная промышленность достигает апогея; индийские, австралийские и другие рынки переполнены до такой степени, что до 1863 г. они едва поглотили залежи; торговый договор с Францией; огромный рост фабрик и машинного производства. 1861 г. — подъем некоторое время продолжается, потом реакция, американская гражданская война, хлопковый голод. С 1862 по 1863 г. полный крах.

История хлопкового голода слишком характерна для того, чтобы несколько не остановиться на ней. Из кратких указаний на положение мирового рынка 1860—1861 гг. видно, что хлопковый голод пришел кстати для фабрикантов и отчасти был выгоден для них: факт, признанный в отчетах манчестерской торговой палаты, возвещенный в парламенте Пальмерстоном и Дерби, подтвержденный событиями[236]. Конечно, в 1861 г. из 2 887 хлопчатобумажных фабрик Соединенного королевства было много мелких фабрик. По отчету фабричного инспектора А. Редгрейва, к округу которого из этих 2 887 фабрик принадлежит 2 109, из последнего числа 392, или 19%, применяют каждая меньше 10 паровых лошадиных сил; 345, или 16%, — от 10 до 20 сил и 1 372 фабрики — 20 и более лошадиных сил[237]. Большинство мелких фабрик были ткацкие, основанные в период процветания после 1858 г., по большей части спекулянтами, из которых один доставлял пряжу, другой машины, третий здание; эти фабрики управлялись бывшими overlookers [фабричными надсмотрщиками] и другими малосостоятельными людьми. Большинство этих мелких фабрикантов разорилось. Ту же судьбу уготовал бы им и торговый кризис, наступлению которого воспрепятствовал хлопковый голод. Хотя они составляли $^1/_3$ общего числа фабрикантов, однако на их фабриках нашла себе применение несравненно меньшая доля всего капитала, вложенного в хлопчатобумажную промышленность. Что касается размеров сокращения, то по достоверной оценке в октябре 1862 г. бездействовало 60,3% веретен и 58% ткацких станков. Эти цифры

---

[236] Ср. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», стр. 30.
[237] Там же, стр. 19.

относятся ко всей данной отрасли промышленности и, разумеется, сильно варьируют по отдельным округам. Только очень немногие фабрики работали полное время (60 часов в неделю), остальные фабрики работали с перерывами. Даже для тех немногих рабочих, которые работали полное время и по обычной сдельной плате, еженедельный заработок неизбежно сокращался вследствие замены лучших сортов хлопка худшими, хлопка Sea Island — египетским (в тонкопрядении), американского и египетского — суратом (ост-индским) и чистого хлопка — смесями из хлопковых угаров и сурата. Более короткое волокно суратского хлопка, его загрязненность, бо́льшая ломкость нитей, замена муки при шлихтовании основы более тяжелыми ингредиентами разного рода и т. д. — все это заставляло уменьшать скорость машин или число ткацких станков, которыми управлял один ткач, увеличивало труд, необходимый для исправления недостатков работы машин, и вместе с количеством продукта понижало и сдельный заработок. При употреблении сурата, даже когда рабочий работал полное время, его потери достигали 20, 30 и больше процентов. Но большинство фабрикантов и норму сдельной платы понизило на 5, $7^1/_2$ и 10 процентов. Можно представить поэтому положение тех, кто работал 3, $3^1/_2$, 4 дня в неделю или только по 6 часов в день. В 1863 г., после того как уже наступило относительное улучшение, заработная плата ткачей, прядильщиков и т. д. составляла 3 ш. 4 п., 3 ш. 10 п., 4 ш. 6 п., 5 ш. 1 п. и т. д. в неделю[238]. Даже при таком полном страданий положении изобретательность фабрикантов по части вычетов из заработной платы не замирала. Они производились отчасти под видом штрафов за недостатки продукта, которые обусловливались плохим хлопком, неудовлетворительными машинами и т. д. Когда же фабрикант был и собственником коттэджей рабочих, он сам уплачивал себе квартирную плату, производя вычеты из номинальной заработной платы. Фабричный инспектор А. Редгрейв рассказывает о selfacting minders [мюльщиках при сельфакторах] (они управляли двумя сельфакторами каждый), которые открывали, что «к концу 14-дневной полной работы они заработали 8 ш. 11 п.; из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант, однако, возвращал в виде подарка, так что мюльщики приносили домой целых 6 ш. 11 п. Недельная плата ткачей в последние месяцы 1862 г. начиналась с 2 ш. 6 п.»[239]. Квартирная плата нередко вычиталась из заработной платы даже в тех случаях, когда руки работали лишь короткое время[240]. Неудивительно, что в некоторых частях Ланкашира разразилось нечто вроде голодного тифа! Но характернее

---

238 «Reports etc. for 31st October 1863», стр. 41—45 и 51.
239 Там же, стр. 41, 42.
240 Там же, стр. 57.

всего этого было то обстоятельство, что революционизирование процесса производства совершалось на счет рабочего. Это были настоящие experimenta in corpore vili [опыты на живом теле, не имеющем ценности], подобные экспериментам анатома на лягушках. «Хотя я, — говорит фабричный инспектор Редгрейв, — привел действительные заработки рабочих на многих фабриках, но не следует думать, что они еженедельно получают эту сумму. Положение рабочих подвергается величайшим колебаниям вследствие постоянного экспериментирования («experimentalizing») фабрикантов... их заработки повышаются и понижаются в зависимости от качества смеси хлопка: то они отклоняются от их прежних заработков на 15%, то в следующую или во вторую неделю падают на 50—60%»[241]. Эти эксперименты производились не только за счет жизненных средств рабочих. Рабочие должны были расплачиваться всеми своими пятью чувствами. «Люди, занятые вскрытием хлопка, сообщали мне, что невыносимый запах доводит их до обморочного состояния... Занятым в сортировочных, трепальных и чесальных отделах вылетающая пыль и грязь набиваются в рот, в нос, глаза и уши, вызывают кашель и одышку. Вследствие короткости волокна к пряже при шлихтовании присоединяется большое количество разных веществ, а именно всяческие суррогаты муки, применявшейся раньше. Отсюда тошнота и болезни пищеварительных органов у ткачей. Бронхит — распространенная болезнь вследствие пыли, равно как и воспаление горла; далее, болезни кожи вследствие раздражения ее от грязи, заключающейся в сурате». С другой стороны, суррогаты, заменяющие муку, представляли превосходный источник для наживы господ фабрикантов, потому что они увеличивали вес пряжи. Они приводили к тому, что «15 ф. сырого материала, превращенные в пряжу, весили 20 ф.»[242]. В отчете фабричных инспекторов от 30 апреля 1864 г. мы читаем: «Промышленность пользуется теперь этим вспомогательным ресурсом поистине в неприличных размерах. От авторитетного лица я знаю, что 8-фунтовая ткань приготовляется из $5^1/_4$ ф. хлопка и $2^3/_4$ ф. шлихты. В другой $5^1/_4$-фунтовой ткани заключаются два фунта шлихты. Это — обыкновенные шертинги [рубашечная ткань] для экспорта. В другие сорта иногда прибавляется 50% шлихты, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно похваляются, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоит заключающаяся в них пряжа»[243]. Но рабочим приходилось страдать не только от экспериментов фабрикантов на фабриках и муниципалитетов вне фабрик, не только от понижения заработной платы и

[241] «Reports etc. for 31st October 1863», стр. 50, 51.
[242] Там же, стр. 62, 63.
[243] «Reports etc. for 30th April 1864», стр. 27.

от безработицы, от нищеты и подачек, от хвалебных речей лордов и членов палаты общин. «Несчастные женщины, лишившиеся работы вследствие хлопкового голода, сделались отбросами общества и остались таковыми... Число молодых проституток в городе увеличилось теперь больше, чем когда-либо наблюдалось за последние 25 лет»[244].

Итак, в первые 45 лет английской хлопчатобумажной промышленности, с 1770 по 1815 г., мы видим только 5 лет кризиса и застоя, но это был период ее мировой монополии. Второй 48-летний период, с 1815 по 1863 г., насчитывает только 20 лет оживления и процветания на 28 лет угнетенного положения и застоя. В 1815—1830 гг. начинается конкуренция с континентальной Европой и Соединенными Штатами. С 1833 г. создается насильственное расширение азиатских рынков посредством «разрушения человеческого рода». С отмены хлебных законов, с 1846 по 1863 г., на восемь лет посредственного оживления и процветания приходится 9 лет угнетенного состояния и застоя. О положении взрослых хлопчатобумажных рабочих мужчин, даже в период процветания, можно судить на основании примечания, приводимого ниже[245].

---

[244] Из письма начальника полиции в Болтоне Гарриса в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 61, 62.

[245] В одном воззвании хлопчатобумажных рабочих, весной 1863 г. приглашающем к образованию эмиграционного общества, между прочим говорится: «Лишь немногие станут отрицать, что в настоящее время абсолютно необходима эмиграция большого числа фабричных рабочих. А следующие факты доказывают, что во все времена был необходим постоянный поток эмиграции и что без него нам невозможно при обычных обстоятельствах поддерживать наше положение: в 1814 г. официальная стоимость (являющаяся просто показателем количества) вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 17 665 378 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость — 20 070 824 ф. ст. В 1858 г. официальная стоимость вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 182 221 681 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость — только 43 001 312 ф. ст., так что удесятерение количества вызвало лишь немного больше, чем удвоение цены. Этот результат, столь злополучный для страны вообще и для фабричных рабочих в особенности, обусловлен стечением различных обстоятельств. Одно из наиболее бросающихся в глаза заключается в постоянном излишке труда, необходимом для данной отрасли промышленности, которая, под страхом уничтожения, требует постоянного расширения рынка. Случается, что наши хлопчатобумажные фабрики прекращают работу вследствие одного из тех периодических застоев в торговле, которые, при современном строе, столь же неизбежны, как сама смерть. Но это не останавливает человеческой изобретательности. Хотя, по самой низкой оценке, эту страну за последние 25 лет оставило 6 миллионов, однако даже в эпохи наивысшего процветания огромный процент взрослых мужчин не в состоянии найти на фабриках какую бы то ни было работу и на каких бы то ни было условиях; это — следствие постоянного вытеснения труда с целью удешевления продукта» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», стр. 51, 52). В одной из следующих глав мы увидим, как во время хлопчатобумажной катастрофы господа фабриканты старались всевозможными мерами, даже при содействии государственной власти, воспрепятствовать эмиграции фабричных рабочих.

8. РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ МАНУФАКТУРЫ, РЕМЕСЛА И РАБОТЫ НА ДОМУ.

а) Уничтожение кооперации, основанной на ремесле и разделении труда.

Мы видели, как машины уничтожают кооперацию, основанную на ремесле, и мануфактуру, основанную на разделении труда, сохраняющего ремесленный характер. Примером первого рода может служить жатвенная машина, которая замещает кооперацию жнецов. Поразительным примером второго рода является машина для фабрикации швейных иголок. Согласно Адаму Смиту, 10 человек, пользуясь разделением труда, в его время приготовляли 48 000 иголок в день. Напротив, одна машина в 11-часовой рабочий день дает 145 200 иголок. Одна женщина или девушка наблюдает в среднем за 4 такими машинами и, следовательно, производит, пользуясь ими, до 600 000 иголок в день, или более 3 000 000 в неделю[246]. Когда отдельная рабочая машина замещает кооперацию или мануфактуру, она, в свою очередь, может сделаться базисом нового ремесленного производства. Однако это возрождение ремесленного производства на базисе машины является лишь переходом к фабричному производству, которое и на самом деле обыкновенно появляется с того момента, когда человеческие мускулы при движении машины заменяются какой-либо механической двигательной силой — паром или водой. Спорадически, и во всяком случае лишь на короткое время, мелкое производство может связать себя с механической двигательной силой посредством найма пара, как наблюдается на некоторых мануфактурах Бирмингама, посредством применения мелких калорических машин, как в некоторых отраслях ткацкого дела и т. д.[247]. В шелкоткачестве Ковентри стихийно сложился эксперимент с «фабриками-коттэджами». В центре рядов коттэджей, образующих квадрат, строится так называемый engine house [здание для машин] для паровой машины, которая посредством валов соединяется с ткацкими станками в коттэджах. Все они нанимали пар, напр., по $2^1/_2$ ш. на ткацкий станок. Эта рента за пар уплачивалась каждую неделю независимо от того, работали станки или нет. В каждом коттэдже помещалось 2—6 ткацких станков, принадлежавших

---

[246] «Children's Employment Commission. 3rd Report 1864», стр. 108, № 447.

[247] В Соединенных Штатах подобное воспроизведение ремесла на машинном базисе встречается нередко. И как раз по этой причине концентрация, сопряженная с неизбежным переходом к фабричному производству, совершается там семимильными шагами по сравнению с Европой и даже Англией.

рабочим, купленных в кредит или нанятых на время. Борьба между фабрикой-коттэджем и собственно фабрикой продолжалась более 12 лет. Она окончилась полным разорением 300 фабрик-коттэджей[248]. В тех случаях, когда природа процесса не обусловливает с самого начала производства в крупном масштабе, эти отрасли промышленности, поднявшиеся в последние десятилетия, как, напр., производство конвертов, стальных перьев и т. д., обыкновенно проходят сначала через ремесленное, а потом через мануфактурное производство как короткие переходные фазы к фабричному производству. С наибольшими затруднениями протекает это превращение в тех случаях, когда мануфактурное производство продукта представляет собою не последовательный ряд преемственно связанных между собою процессов, а множество неоднородных процессов. Это являлось, напр., крупным препятствием для развития фабрики стальных перьев. Однако уже почти полтора десятка лет тому назад был изобретен автомат, который разом выполняет 6 разнообразных процессов. В 1820 г. первые стальные перья производились ремеслом по 7 ф. ст. 4 ш. за гросс [12 дюжин], мануфактура производила их в 1830 г. по 8 ш., а фабрика в настоящее время доставляет их оптовым торговцам по 2—6 п.[249].

b) Обратное влияние фабрики на мануфактуру и работу на дому.

С развитием фабрики и сопровождающим это развитие переворотом в земледелии не только расширяются размеры производства во всех остальных отраслях промышленности, но вместе с тем изменяется и их характер. Принцип машинного производства, заключающийся в том, чтобы разлагать процесс производства на его составные фазы и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и т. д., — коротко говоря, при посредстве естественных наук, — повсюду приобретает решающее значение. Поэтому машины проникают в мануфактуры, где они находят применение то для одного, то для другого частичного процесса. Таким образом прочный, откристаллизовавшийся строй мануфактуры, возникший из старого разделения труда, разлагается и открывает дорогу непрекращающимся переменам. Да и помимо того в составе совокупного рабочего или

[248] Ср. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 64.

[249] Г-н Джиллот основал в Бирмингаме первую мануфактуру стальных перьев в крупном масштабе. Уже в 1851 г. она производила больше 180 миллионов перьев и потребляла в год 120 тонн стальных листов. Бирмингам, монополизировавший эту отрасль промышленности в Соединенном королевстве, производит в настоящее время миллиарды стальных перьев в год. Число занятых лиц по переписи 1861 г. составляло 1 428, в том числе 1 268 работниц начиная с 5-летнего возраста.

комбинированного рабочего персонала совершается коренной переворот. В противоположность мануфактурному периоду, план разделения труда основывается теперь на применении женского труда, труда детей всех возрастов, необученных рабочих, где это только возможно, — коротко говоря, «cheap labour», дешевого труда, по характерному английскому выражению. Это относится не только ко всякого рода комбинированному в крупном масштабе производству, применяет ли оно машины или нет, но и к так называемой современной домашней промышленности, независимо от того, занимаются ли ею рабочие в своих частных квартирах или же в мелких мастерских. Эта так называемая современная домашняя промышленность кроме названия не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей семьи. Теперь она превратилась во внешнее отделение фабрики, мануфактуры или торгового заведения. Кроме фабричных рабочих, мануфактурных рабочих и ремесленников, которых капитал пространственно концентрирует большими массами и которыми он командует непосредственно, он посредством невидимых нитей приводит в движение целую армию домашних рабочих, рассеянных в больших городах и в деревне. Пример: фабрика сорочек гг. Тилли в Лондондерри, в Ирландии, с 1000 фабричных рабочих и 9 000 домашних рабочих, рассеянных в деревне [250].

Эксплуатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще неокрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемой работе на дому эксплуатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре потому, что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их раздробленностью, что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, что работа на дому повсюду борется с машинным или, по меньшей мере, мануфактурным производством той же самой отрасли, что бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда — просторное помещение, свет, вентиляцию и т. д., — что нерегулярность занятий растет и, наконец, что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали

[250] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. LXVIII, № 415.

«излишними», конкуренция между рабочими необходимо достигает своего максимума. Впервые систематически выработанное машинным производством экономизирование средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою антагонистическую и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда.

c) Современная мануфактура.

На нескольких примерах я поясню приведенные выше положения. В сущности читатель уже знает многочисленные иллюстрации из отдела о рабочем дне. Металлообрабатывающие мануфактуры в Бирмингаме и окрестностях на работы, по большей части очень трудные, применяют 30 000 детей и подростков и 10 000 женщин. Мы встречаем их здесь во вредных для здоровья меднолитейных заведениях, фабриках пуговиц, глазировальных, гальванопластических и лакировочных заведениях[251]. Чрезмерный труд взрослых и малолетних обеспечил различным лондонским газетным и книжным типографиям почетное прозвище «бойни»[251a]. В переплетных заведениях — такой же чрезмерный труд, жертвами которого здесь являются женщины, девушки и дети. Тяжелый труд малолетних в канатных заведениях, ночной труд на соляных заводах, свечных и других химических мануфактурах, в шелкоткацких заведениях, которые не пользуются механической двигательной силой, убийственное применение детского труда для вращения ткацких станков[252]. Одна из наиболее отвратительных, грязных и плохо оплачиваемых работ, для которых преимущественно применяются молодые девушки и женщины, — сортировка тряпья. Как известно, Великобритания, не говоря уже об огромной массе ее собственного тряпья, служит средоточием тряпичной торговли всего мира. Тряпье привозится сюда из Японии, отдаленнейших государств Южной Америки и с Канарских островов. Но главные источники тряпья, привозимого в Великобританию, — Германия, Франция, Россия, Италия, Египет, Турция, Бельгия и Голландия. Тряпье служит для удобрения, фаб-

---

[251] И даже в шлифовании напилков в Шеффильде заняты дети!

[251a] «Children's Employment Commission. 5th Report 1866», стр. 3, № 24; стр. 6, № 55, 56; стр. 7, № 59, 60.

[252] Там же, стр. 114, 115, № 6—7. Член комиссии справедливо замечает, что если машина вообще замещает человека, то здесь подросток в буквальном смысле замещает машину.

рикации оческов (для набивки матрацев и тюфяков), Shoddy (искусственной шерсти) и в качестве сырого материала для производства бумаги. Эти женщины, сортировщицы тряпья, служат посредницами по распространению оспы и других заразных болезней, первыми жертвами которых являются они сами[253]. Классическим примером чрезмерного труда, тяжелого и неподходящего труда и связанного с ним огрубения рабочих, которые потребляются с самого юного возраста, могут служить кроме рудников и угольных копей черепичные и кирпичные заводы, на которых вновь изобретенная машина применяется в Англии (1866 г.) лишь в единичных случаях. С мая по сентябрь работа продолжается с 5 часов утра до 8 часов вечера и, если сушка производится на вольном воздухе, часто с 4 часов утра до 9 часов вечера. Рабочий день с 5 часов утра до 7 часов вечера считается «сокращенным», «умеренным». Дети обоего пола принимаются на работу с 6 и даже с 4-летнего возраста. Они работают столько же часов, как взрослые, часто больше взрослых. Труд суровый, а летний зной еще увеличивает истощение. Например, на кирпичном заводе в Мосли одна 23-летняя девушка выделывала 2000 кирпичей в день, ей помогали две малолетние девочки, которые таскали глину и складывали кирпичи. Эти девочки вытаскивали ежедневно 10 тонн глины по скользким краям ямы с глубины в 30 футов и переносили ее на расстояние 210 футов. «Невозможно пройти ребенку через чистилище кирпичного завода без того, чтобы не пасть нравственно... Непристойности, которые им приходится слышать с самого нежного возраста, грязные, неприличные и бесстыдные привычки, среди которых они вырастают в невежестве и одичании, превращают их на всю дальнейшую жизнь в беспутных, отверженных, распутных людей... Способ расквартирования служит ужасающим источником деморализации. Каждый moulder (формовщик) (собственно искусный рабочий и глава группы рабочих) дает своей артели из 7 человек квартиру и стол в своей хижине или коттэдже. В этой хижине спят мужчины, подростки и девушки независимо от того, принадлежат они к семье формовщика или нет. Хижина обыкновенно состоит из 2 и лишь в исключительных случаях из 3 комнат, все на одном уровне с землей, с недостаточной вентиляцией. Тело настолько истощено суровым трудом в течение дня, что нечего и думать о соблюдении каких бы то ни было правил гигиены, чистоты и приличия. Многие из этих хижин могут служить настоящими образцами беспорядка, грязи и пыли... Величайшее зло системы, применяющей молодых девушек на работы этого рода, заключается в том, что с самого раннего детства на всю жизнь она, как правило, связывает их

---

[253] См. отчет о торговле тряпьем и многочисленные иллюстрации в «Public Health. 8th Report». London 1866, добавление, стр. 196—208.

с самым отверженным отребьем. Прежде чем природа скажет им, что они — женщины, они превращаются в грубых, сквернословящих мальчишек («rough, foul-mouthed boys»). Одетые в скудное, грязное тряпье, с ногами, обнаженными много выше колен, с волосами и лицом, покрытыми грязью, они привыкают с презрением относиться ко всякому чувству благопристойности и стыда. В обеденное время они лежат растянувшись на лугах или подсматривают за парнями, которые купаются в соседнем канале. Закончив свой тяжелый дневной труд, они одевают платья получше и сопровождают мужчин в кабаки и пивные». Что среди всего этого класса с самого детства царит страшное пьянство, это вполне естественно. «Хуже всего, что кирпичники отчаиваются в самих себе. Вы, сэр, сказал один из лучших между ними капеллану в Саусолфильде, с одинаковым успехом могли бы попытаться поднять и исправить дьявола, как и кирпичника!» («You might as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!»)[254].

Относительно капиталистического экономизирования условий труда в современной мануфактуре (под которой здесь следует подразумевать все крупные мастерские, за исключением собственно фабрик) богатейший официальный материал можно найти в четвертом (1861 г.) и шестом (1863 г.) «Public Health Report». Описание workshops (рабочих помещений), особенно у лондонских типографщиков и портных, превосходит по отвратительности все, что могла дать фантазия наших романистов. Влияние на здоровье рабочих понятно само собою. Д-р Саймон, старший медицинский чиновник Privy Council [Тайного совета] и официальный редактор «Public Health Reports», говорит между прочим: «В моем четвертом отчете (1861 г.) я указывал, до какой степени практически невозможно для рабочих отстоять свое первое право — право на здоровье, настоять на том, чтобы, для каких бы работ ни собрал их хозяин, работа, поскольку это зависит от него, была освобождена от всех устранимых вредных для здоровья обстоятельств. Я показал, что в то время как рабочие практически не в состоянии добиться своими силами осуществления этого права на здоровье, они не могут достигнуть действительной помощи и со стороны специальных чинов санитарной полиции... Жизнь десятков тысяч рабочих и работниц в настоящее время без нужды калечится и сокращается бесконечными физическими страданиями, которые порождаются тем простым фактом, что они работают»[255]. Для иллюстрации

[254] «Children's Employment Commission. 5th Report 1866», стр. XVI—XVIII, № 86—97, и стр. 130—133, № 39—71. Ср. также там же, 3rd Report 1864, стр. 48, 56.

[255] «Public Health, 6th Report». London 1864, стр. 29, 31.

влияния мастерских на состояние здоровья рабочих д-р Саймон дает следующую таблицу смертности:

Число лиц различного возраста, занятых в соответствующих отраслях промышленности	Отрасли промышленности в их отношении к здоровью	Норма смертности на 100 000 человек в соответствующих отраслях промышленности (по возрастам)		
		25—35 л.	35—45 л.	45—55 л.
958 265	Земледелие в Англии и Уэльсе	743	805	1 145
22 301 мужчин, 12 377 женщин	Лондонские портные .	958	1 262	2 093
13 803	Лондонские печатники .	894	1 747	2 367 [256]

d) Современная работа на дому.

Теперь я обращаюсь к так называемой работе на дому. Чтобы составить себе представление об этой сфере эксплуатации, которую капитал осуществляет на задворках крупной промышленности, и о чудовищности этой эксплуатации, можно было бы рассмотреть, напр., повидимому, совсем идиллический гвоздарный промысел, которым занимаются в некоторых захолустных деревнях Англии [257]. Здесь достаточно будет остановиться на нескольких примерах таких отраслей, как производство кружев и плетение соломы, в которых еще вовсе не применяются машины или которые конкурируют с машинным и мануфактурным производством.

Из тех 150 000 человек, которые заняты в кружевном производстве Англии, почти на 10 000 распространяется действие фабричного акта 1861 г. Подавляющее большинство остальных 140 000 — женщины, подростки и дети обоего пола, причем мужской пол представлен лишь очень слабо. Состояние здоровья этого «дешевого» материала эксплуатации видно из следующей сводки д-ра Трумэна, врача при General Dispensary [общей поликлинике для

[256] «Public Health, 6th Report». London 1864, стр. 30. Д-р Саймон отмечает, что смертность лондонских портных и печатников 25—35-летнего возраста в действительности много выше, так как лондонские предприниматели получают из деревни большое количество молодых людей до 30-летнего возраста в качестве «учеников» и «improvers» (желающих усовершенствоваться в своем ремесле). Фигурируя по переписям в качестве лондонцев, они раздувают то число душ, на которое исчисляется смертность в Лондоне, хотя дают сравнительно меньшее число смертных случаев в Лондоне. Значительная часть из них, особенно в случае тяжелых заболеваний, возвращается в деревню (там же).

[257] Здесь речь идет о кованых гвоздях в отличие от резаных гвоздей, фабрикуемых машинным способом. См. «Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. XI, XIX, № 125—130; стр. 52, № 11; стр. 114, № 487; стр. 137, № 674.

бедных] в Ноттингеме. Из 686 пациентов, кружевниц, по большей части в возрасте 17—24 лет, чахоточных было:

1852	г.	1	на	45	1857	г.	1	на	13
1853	»	1	»	28	1858	»	1	»	15
1854	»	1	»	17	1859	»	1	»	9
1855	»	1	»	18	1860	»	1	»	8
1856	»	1	»	15	1861	»	1	»	8[258]

Это прогрессивное возрастание процента чахоточных должно удовлетворить и наиболее оптимистических прогрессистов, и лживых немецких разносчиков теории свободной торговли.

Фабричный акт 1861 г. регулирует собственно плетение кружев, поскольку оно производится машинами, а это является общим правилом для Англии. Отрасли, на которых мы здесь останавливаемся вкратце, — и притом лишь по отношению к так называемым домашним рабочим, а не к тем, которые концентрируются в мануфактурах, магазинах и т. д., — распадаются: 1) на lace finishing (последняя отделка кружев, фабрикуемых машинным способом; эта категория, в свою очередь, охватывает многочисленные подразделения), 2) плетение кружев.

Lace finishing производится в форме работы на дому, либо в так называемых «mistresses houses» [домах хозяек, мастериц], либо в частных квартирах женщин, которые работают одни или со своими детьми. Женщины, которые содержат «mistresses houses», сами бедны. Мастерская образует часть их собственной квартиры. Они получают заказы от фабрикантов, владельцев магазинов и т. д. и нанимают женщин, девушек и маленьких детей в количестве, соответствующем размеру их комнаты и колебаниям спроса в данной отрасли промышленности. Число занятых работниц изменяется от 20 до 40 в одних из этих мастерских и от 10 до 20 в других. Средний минимальный возраст, в котором дети начинают работать, — 6 лет, однако некоторые начинают работать моложе 5 лет. Рабочее время обыкновенно продолжается от 8 часов утра до 8 часов вечера с $1^1/_2$-часовым перерывом для принятия пищи; последнее нерегулярно, часто приходится есть в этих же вонючих рабочих вертепах. При хорошем положении дел работа часто продолжается с 8 (иногда с 6) часов утра до 10, 11 или 12 часов ночи. В английских казармах на каждого солдата полагается 500—600 кубических футов, в военных лазаретах — 1200. А в этих рабочих конурах приходится 67—100 кубических футов на человека. В то же время газовое освещение поглощает содержащийся в воздухе кислород. Чтобы держать кружева в чистоте,

[258] «Children's Employment Commission. 2nd Report», стр. XXII, № 166.

дети часто должны снимать башмаки, даже зимою, хотя пол сделан из каменных плит или кирпича. «В Ноттингеме можно нередко увидеть 15—20 детей, набитых в одну маленькую комнату, быть может не более 12 футов в квадрате, занятых по 15 часов в сутки работой, которая и сама по себе изнуряет тоскливостью и монотонностью, да и ведется при таких антигигиенических условиях, какие только можно представить... Даже самые маленькие дети работают с напряженным вниманием и быстротой, вызывающими удивление, и почти никогда не позволяют своим пальцам отдохнуть или двигаться помедленнее. Если к ним обращаются с вопросом, они не поднимают глаз от работы, опасаясь потерять хотя бы один момент». «Длинная палка» служит для «mistresses» [хозяек] средством подгонять детей тем более, чем больше удлиняется рабочее время. «Дети мало-помалу утомляются и становятся беспокойными, как птицы, к концу того длинного времени, на которое они привязаны к своей работе, монотонной, вредной для глаз, утомительной вследствие отсутствия перемен в положении тела... Это — настоящий рабский труд» («Their work is like slavery»)[259]. Где женщины работают вместе со своими собственными детьми у себя на дому, т. е. в современном смысле этого слова — в нанятой комнате, положение еще хуже, если это только возможно. Этого рода работа раздается на 80 миль вокруг Ноттингема. Когда ребенок, работающий в магазине, уходит из него в 9 или 10 часов вечера, на дорогу ему часто дают еще целый узел для работы на дому. Капиталистический фарисей, в лице одного из своих наемных холопов, конечно, сопровождает это умилительной фразой: «это для матери», хотя очень хорошо знает, что бедному ребенку тоже придется усесться и помогать матери[260].

Кружевная промышленность распространена преимущественно в двух земледельческих округах Англии — в кружевном округе Хонитона, охватывающем полосу в 20—30 миль вдоль южного побережья Девоншира и некоторые места Северного Девона, и в другом районе, который охватывает значительную часть графств Бэкингем, Бедфорд, Нортгемптон и соседние части Оксфордшира и Хэнтингдоншира. Коттэджи земледельческих батраков обычно служат в то же время и мастерскими. Некоторые владельцы мануфактур применяют более 3 000 таких домашних рабочих, преимущественно детей и подростков, исключительно женского пола. Здесь снова встречаются условия, описанные в связи с lace finishing [окончательной отделкой кружев]. Разница лишь в том, что вместо «mistresses houses» [домов хозяек, мастериц] выступают

---

[259] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XIX, XX, XXI.

[260] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XXI, XXII.

так называемые «lace schools» (школы кружев), которые содержат бедные женщины в своих хижинах. С 5-летнего возраста, иногда даже раньше, и до 12—15-летнего работают дети в этих школах — в первый год самые маленькие по 4—8 часов, впоследствии с 6 часов утра до 8—10 часов вечера. «Как правило, комнаты — обычные жилые каморки маленьких коттэджей, камин законопачен в целях предотвращения тяги, обитатели иногда и зимой согреваются только своей собственной животной теплотой. В других случаях комнаты этих так называемых школ — помещения, похожие на маленькие чуланы, без приспособления для отопления... Переполнение этих лачуг и вызываемая этим порча воздуха часто достигают крайней степени. К этому присоединяется вредное влияние стоков, отхожих мест, преющих веществ и других нечистот — обычного явления при входах в мелкие коттэджи». Относительно помещений: «В одной школе кружев 18 девушек и мастерица, 33 кубических фута на каждого человека; в другой, где вонь невыносима, 18 человек, по $24^1/_2$ кубических фута на человека. Бывает, что в этой отрасли промышленности заставляют работать детей $2—2^1/_2$ лет»[261].

Там, где в сельских графствах Бэкингема и Бедфорда нет плетения кружев, начинается плетение из соломы. Оно распространяется на значительную часть Херфордшира и западные и северные части Эссекса. В 1861 г. плетением соломы и производством соломенных шляп было занято 48 043 человека, из них 3 815 мужского пола всех возрастов, остальные — женского пола, из них 14 913 до 20 лет, в том числе около 7 000 детей. Вместо школ кружев здесь появляются «straw plait schools» («школы плетения из соломы»). Дети начинают обучаться в них соломоплетению обыкновенно с 4 лет, иногда в возрасте между 3 и 4 годами. Воспитания они, конечно, не получают никакого. Начальные школы сами дети называют «natural schools» («настоящие школы») в отличие от этих кровопийственных учреждений, в которых их держат за работой просто для того, чтобы заставить их приготовить урок, заданный их полуголодными матерями и составляющий обыкновенно 30 ярдов в день. Эти же матери потом часто заставляют детей работать еще дома до 10, 11, 12 часов ночи. Солома режет им пальцы и рот, которым они постоянно смачивают ее. Согласно общему мнению медицинских чиновников Лондона, резюмированному д-ром Бэллардом, 300 кубических футов на человека представляют минимум для спален и мастерских. Между тем в школах плетения из соломы помещение еще теснее, чем в кружевных школах: $12^2/_3$, 17, $18^1/_2$ и меньше 22 кубических футов на человека. «Меньшие из этих чисел, — говорит член комис-

[261] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XXIX, XXX.

спи Уайт, — представляют помещение меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, упакованный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трем измерениям». Такую радость бытия испытывают дети до 12—14-летнего возраста. Бедные, опустившиеся родители только и думают о том, как бы выколотить из детей возможно побольше. Выросши, дети, естественно, не ставят родителей ни в грош и оставляют их. «Неудивительно, что невежество и пороки характеризуют это население, получающее воспитание такого рода... Его нравственность стоит на самой низкой ступени... Значительное число женщин имеют незаконных детей, многие становятся матерями в таком незрелом возрасте, что перед этим фактом останавливаются в изумлении даже знатоки уголовной статистики»[262]. И родина этих образцовых семей — образцовая христианская страна Европы, как говорит граф Монталамбер, несомненно компетентный в христианстве!

Заработная плата, вообще жалкая в только что описанных отраслях промышленности (составляющая исключение максимальная плата детей в школах плетения из соломы составляет 3 ш.), понижается еще ниже своей номинальной величины вследствие truck-system [системы расплаты товарами, даваемыми рабочему в кредит], получившей всеобщее распространение в особенности в округах с кружевным производством [263].

e) Переход современной мануфактуры и современной работы на дому в крупную промышленность. Ускорение этой революции распространением фабричных законов на эти способы производства.

Удешевление рабочей силы путем простого злоупотребления рабочей силой женщин и малолетних, путем простого лишения труда всех тех условий, при которых труд и жизнь могут протекать нормально, посредством жестокости чрезмерного и ночного труда в конце концов наталкивается на известные естественные границы, которые невозможно преступить, а вместе с тем наталкиваются на эти границы построенное на таких основаниях удешевление товаров и капиталистическая эксплуатация вообще. Когда этот пункт, наконец, достигается, — а до этого проходит долгое время, — бьет час введения машин и быстрого с этого момента превращения раздробленной работы на дому (а также мануфактуры) в фабричное производство.

Самый колоссальный пример этого движения дает производство «wearing apparel» [принадлежностей одежды]. По классификации «Children's Employment Commission», эта отрасль промышленности охватывает производителей соломенных и дамских шляп

[262] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XL, XLI.
[263] «Children's Employment Commission. 1st Report 1863», стр. 185.

и колпаков, портных, milliners и dressmakers[264], белошвеек и швей, корсетниц, перчаточников, башмачников и кроме того многие мелкие отрасли, как, напр., фабрикация галстуков, воротничков и т. д. Женский персонал, занятый в этих отраслях промышленности Англии и Уэльса, составлял в 1861 г. 586 298, в том числе по меньшей мере 115 242 моложе 20 лет, 16 560 моложе 15 лет. Число этих работниц в Соединенном королевстве (1861 г.) 750 334. Число работников-мужчин, занятых в том же году в шляпном, башмачном, перчаточном и портновском производстве Англии и Уэльса, 437 969, в том числе 14 964 моложе 15 лет, 89 285 от 15 до 20 лет, 333 117 старше 20 лет. В этих данных отсутствуют многие относящиеся сюда сравнительно мелкие отрасли. Но если мы возьмем приведенные сейчас цифры, как они есть, то для одних только Англии и Уэльса по переписи 1861 г. получится общая сумма в 1 024 277 человек, т. е. почти столько же, сколько занято земледелием и скотоводством. Мы начинаем понимать, для чего машины производят такую чудовищную массу продуктов и таким образом содействуют «освобождению» столь огромных масс рабочих.

Производство «wearing apparel» [принадлежностей одежды] ведется мануфактурами, лишь воспроизводящими у себя то разделение труда, membra disjecta [разрозненные члены] которого они находят уже готовыми; ведется мелкими ремесленными мастерами, которые, однако, работают уже не на индивидуальных потребителей, как раньше, а на мануфактуры и магазины, так что часто целые города и местности занимаются в качестве своей особой специальности такими отраслями производства, как, напр., сапожное дело и т. д., наконец, и больше всего, ведется так называемыми домашними рабочими, которые образуют внешние отделения мануфактур, магазинов и даже сравнительно мелких мастеров[265]. Массы материала, труда, сырья, полуфабрикатов и т. д. доставляет крупная промышленность, масса же дешевого человеческого материала (taillable à merci et miséricorde [отданного на милость и гнев]) состоит из «освобожденных» крупной промышленностью и земледелием. Мануфактуры этой отрасли промышленности обязаны своим возникновением преимущественно потребности капиталистов иметь у себя под рукой готовую армию, которая могла бы приспособляться ко всякому движению спроса[266].

---

[264] Millinery — производство собственно головных уборов, но также и дамских накидок и мантилий; dressmakers тождественны с нашими модистками.

[265] Английские millinery и dressmaking ведутся обыкновенно в помещениях предпринимателей отчасти живущими в них наемными работницами, отчасти живущими на стороне поденщицами.

[266] Член комиссии Уайт посетил одну мануфактуру военного платья, на которой было занято 1000—1200 человек, почти все женского пола, одну башмачную мануфактуру с 1300 рабочих, из которых почти половина дети и подростки, и т. д. («Children's Employment Commission. 2nd Report», стр. XLVII, № 319).

Однако эти мануфактуры допускали рядом с собой дальнейшее существование раздробленного ремесленного производства и домашнего производства в качестве своего широкого основания. Огромное производство прибавочной стоимости в этих отраслях труда и в то же время прогрессивное удешевление производимых ими товаров обусловливалось и обусловливается преимущественно минимальными размерами заработной платы, едва лишь достаточной для жалкого прозябания и связанной с едва лишь возможным для человека максимумом рабочего времени. Как раз дешевизна человеческого пота и человеческой крови, превращаемых в товары, — вот что постоянно расширяло и каждый день расширяет рынок сбыта, для Англии в частности и колониальный рынок, на котором и без того царствуют английские привычки и вкус. Наконец, наступил поворотный пункт. Основа старого метода, просто грубая эксплуатация рабочего материала, в большей или меньшей мере сопровождавшаяся систематически развитым разделением труда, оказалась уже недостаточной при возрастании рынка и еще более быстром росте конкуренции между капиталистами. Пробил час машины. И машиной, которая сыграла решающе революционную роль, машиной, которая в одинаковой мере охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как, напр., производство модных товаров, портняжный, сапожный, швейный, шляпный промыслы и т. д., — была швейная машина.

Ее непосредственное действие на рабочих приблизительно такое же, как всех машин вообще, впервые захватывающих в период крупной промышленности новые отрасли производства. Самые малолетние дети устраняются. Заработная плата машинных рабочих повышается по сравнению с домашними рабочими, многие из которых принадлежат к числу «беднейших из бедных» («the poorest of the poor»). Заработок находившихся в сравнительно лучшем положении ремесленников, с которыми начинает конкурировать машина, понижается. Новые машинные рабочие — исключительно девушки и молодые женщины. При содействии механической силы они уничтожают монополию мужского труда в более тяжелых работах и вытесняют массы старых женщин и малолетних детей из области более легких работ. Непреодолимая конкуренция убивает наиболее слабых рабочих, работающих руками. Ужасающий рост числа случаев голодной смерти (death from starvation) в Лондоне за последнее десятилетие идет параллельно с распространением машинного шитья[267]. Новые работницы, работающие за швейной машиной, которую они приводят в движение рукой и ногой или только рукой, сидя или стоя, смотря по

[267] Вот пример: 26 февраля 1864 г. недельный отчет о смертности «Registrar General» указывает 5 случаев голодной смерти. В тот же день «Times» сообщает о новом случае голодной смерти. Шесть жертв голодной смерти в одну неделю!

тяжести, величине и особому характеру машины, должны производить большую затрату рабочей силы. Их работа становится вредной для здоровья вследствие продолжительности процесса, хотя обыкновенно она короче, чем при старой системе. Повсюду, где швейная машина, напр. при производстве башмаков, корсетов, шляп и т. д., вторгается в тесные и без того переполненные мастерские, она усиливает вредные для здоровья влияния. «Впечатление, — говорит член комиссии Лорд, — которое испытываешь при входе в низкие мастерские, в которых одновременно работает за машинами по 30—40 человек, невыносимо... Жара, отчасти вызываемая газовыми печами для разогревания утюгов, ужасна... Даже в тех случаях, когда в таких мастерских установлено так называемое умеренное рабочее время, т. е. с 8 часов утра до 6 часов вечера, каждый день 3—4 человека обыкновенно падают в обморок [268].

Переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт преобразования средства производства, протекает среди пестрого хаоса переходных форм. Они изменяются в зависимости от того, в какой мере и насколько давно швейная машина уже захватила ту или иную отрасль промышленности, изменяются в зависимости от положения, в каком перед тем находились рабочие, от того, преобладало ли мануфактурное, ремесленное или домашнее производство, от платы за наем мастерских и т. д. [269]. Например, в области производства модных товаров, где труд по большей части уже был организован преимущественно в форме простой кооперации, швейная машина является сначала лишь новым фактором мануфактурного производства. В портняжном промысле, производстве сорочек, башмаков и т. д. перекрещиваются все формы. Здесь — собственно фабричное производство. Там — посредники получают от капиталиста en chef [от капиталиста-предпринимателя] сырой материал и группируют в «каморках» и «мансардах» по 10—50 и более наемных рабочих при швейных машинах. Наконец, как это вообще бывает со всеми машинами, поскольку они не образуют стройной, расчлененной системы и могут применяться в карликовых размерах, ремесленники или домашние рабочие, при помощи своей семьи или немногих посторонних рабочих, применяют принадлежащие им самим швейные

---

[268] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. LXVII, № 406—9; стр. 84, № 124; стр. LXXIII, № 441; стр. 68, № 6; стр. 84, № 126; стр. 78, № 85; стр. 76, № 69; стр. LXXII, № 438.

[269] «Наемная плата за мастерские является, повидимому, обстоятельством, которое — как и следовало ожидать, в особенности в столицах — в конечном счете имело определяющее значение в том направлении, что старая система раздачи работы мелким предпринимателям и семействам удерживалась дольше всего и восстановлялась быстрее всего» (там же, стр. 83, № 123). Последняя фраза относится исключительно к башмачному промыслу.

машины [270]. В Англии в настоящее время фактически преобладает такая система, при которой капиталист концентрирует в своих помещениях сравнительно значительное число швейных машин, а для дальнейшей обработки распределяет машинный продукт между целой армией домашних рабочих [271]. Пестрота переходных форм не скрывает, однако, тенденции к превращению в собственно фабричное производство. Тенденция эта питается самым характером швейной машины — разнообразие способов ее применения толкает к соединению разделенных ранее отраслей производства в одном помещении, под командой одного капитала; питается, далее, тем обстоятельством, что предварительное сшивание и некоторые другие операции целесообразнее всего производить там, где находится машина; наконец, в том же направлении действует неминуемая экспроприация ремесленников и домашних рабочих, которые производят при помощи собственной машины. Эта судьба постигла их отчасти уже в настоящее время. Постоянный рост массы капитала, вложенного в швейные машины [272], служит стимулом для расширения производства и порождает на рынке застои, которые заставляют домашних рабочих продавать свои швейные машины. Перепроизводство самих швейных машин побуждает производителей, нуждающихся в сбыте, отдавать их напрокат за понедельную плату и таким образом создает убийственную конкуренцию для мелких собственников машин [273]. Все еще не прекращающиеся постоянные изменения в конструкции машин и их удешевление столь же постоянно обесценивают старые экземпляры, благодаря чему прибыльно применять последние могут только крупные капиталисты, покупающие их массами по баснословно низким ценам. Наконец, как и во всех подобных процессах переворота, решающее значение и здесь принадлежит замене человека паровой силой. Применение паровой силы наталкивается вначале на такие чисто технические препятствия, как сотрясение машин, затруднение в регулировании их скорости, быстрая порча более легких машин и т. д., — все препятствия, с которыми практика скоро научает справляться [274]. Если, с одной стороны, концентрация многих рабочих машин в сравнительно крупных мануфактурах побуждает к применению паровой силы,

[270] Этого нет в перчаточном и т. п. производствах, в которых положение рабочих едва отличается от положения пауперов.

[271] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. 83, № 122.

[272] В Лестере, в одном сапожно-башмачном производстве, работающем на оптовую продажу, уже в 1864 г. применялось 800 швейных машин.

[273] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. 84, № 124.

[274] Например, в военно-обмундировочном депо в Пимлико, Лондон, на фабрике сорочек Тилли и Гендерсон в Лондондерри, на фабрике платья фирмы Тейт в Лимерике, применяющей до 1200 «рук».

то, с другой стороны, конкуренция пара с мускулами человека ускоряет концентрацию рабочего персонала и рабочих машин на больших фабриках. Так, напр., в Англии колоссальные сферы производства «wearing apparel» [принадлежностей одежды], равно как и бо̀льшая часть других производств, переживают в настоящее время революцию перехода мануфактуры, ремесла и работы на дому в фабричное производство, но еще раньше этого перехода все упомянутые формы под воздействием крупной промышленности совершенно изменились, разложились, исказились и давным-давно воспроизвели и даже превзошли всю чудовищность фабричной системы, не усвоив ее положительных моментов, моментов развития[275].

Эта стихийно совершающаяся промышленная революция искусственно ускоряется распространением фабричных законов на все отрасли промышленности, в которых работают женщины, подростки и дети. Принудительное регулирование рабочего дня со стороны продолжительности, перерывов, момента начала и окончания, система смен для детей, исключение всех детей до известного возраста и т. д. побуждают к усиленному применению машин[276] и к замене мускулов, как двигательной силы, паром[277]. С другой стороны, стремление выиграть на помещении то, что теряется на времени, ведет к расширению количества средств производства, подлежащих общему использованию, печей, построек и т. д., — коротко говоря, усиливается концентрация средств производства и в соответствии с этим уплотнение рабочих. Каждый раз, когда мануфактуре угрожает применение фабричного закона,

[275] «Тенденция к фабричной системе» («Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. LXVII). «Все производство находится в настоящее время в переходном состоянии и подвергается таким же переменам, как совершившиеся в кружевном производстве, ткацком и т. д.» (там же, № 405). «Полная революция» (там же, стр. XLVI, № 318). В эпоху «Children's Employment Commission» 1840 г. чулочно-вязальное производство оставалось еще ручным трудом. С 1846 г. вводятся разнообразные машины, которые в настоящее время приводятся в движение паром. Общее число лиц обоего пола и различных возрастов, начиная с 3-летнего, занятых в английском чулочно-вязальном производстве, составляло в 1862 г. почти 120 000. Из этого числа, согласно Parliamentary Return [парламентскому отчету] 11 февраля, в 1862 г. действие фабричного акта распространялось всего лишь на 4 063 человека.

[276] Так, напр., относительно гончарного производства фирма Кокрэн «Britannia Pottery, Глазго», сообщает: «Чтобы удержать прежние размеры производства, мы прибегли к усиленному применению машин, при которых работают неквалифицированные рабочие, и каждый день мы убеждаемся в том, что можем производить большее количество продукта, чем при старом методе» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 13). «Фабричный акт действует таким образом, что побуждает к дальнейшему введению машин» (там же, стр. 13, 14).

[277] Так, напр., после распространения фабричного акта на гончарное производство наблюдается большое увеличение числа power jiggers [механических гончарных станков] взамен handmoved jiggers [ручных гончарных станков].

страстно повторяется в сущности одно и то же главное возражение: необходима будет затрата большего капитала для того, чтобы при подчинении фабричному закону продолжать дело в старых размерах. Что касается промежуточных между мануфактурой и работой на дому форм и самой работы на дому, то с ограничением рабочего дня и детского труда они утрачивают почву. Безграничная эксплуатация дешевой рабочей силы составляет единственный базис их способности к конкуренции.

Существенным условием фабричного производства, в особенности с того времени, как на него распространяется регулирование рабочего дня, является обеспеченность нормального результата, т. е. уверенность в том, что в данный промежуток времени будет произведено определенное количество товара или достигнут желательный полезный эффект. Далее, установленные законом перерывы урегулированного рабочего дня предполагают, что внезапные и периодические остановки труда возможны без вреда для продукта, находящегося в процессе производства. Эта обеспеченность результата и возможность прерывать труд, разумеется, легче осуществимы в чисто механических производствах, чем в таких, в которых известную роль играют химические и физические процессы, как, напр., в гончарном, белильном, красильном, пекарном промыслах, в большинстве металлообрабатывающих мануфактур. Там, где царствует рутина неограниченного рабочего дня, ночного труда и свободного расточения человеческих сил, во всяком стихийном препятствии скоро начинают видеть «естественную границу» производства. Никакой яд не уничтожает быстрее насекомых, чем фабричный закон такие «естественные границы». Никто громче господ из гончарного промысла не кричал о «невозможностях». В 1864 г. им был октроирован фабричный закон, и уже через 16 месяцев исчезли все невозможности. Вызванные фабричным законом «усовершенствованные методы приготовления гончарной массы (slip) посредством прессовки вместо просушки, новая конструкция печей для просушивания необожженного товара и т. д. — все это события великой важности для гончарного искусства, означающие такой прогресс, равного которому нельзя указать за последнее столетие. Температура печей значительно понижена при значительном сокращении потребления угля и более быстром действии на товар»[278]. Вопреки всем пророчествам повысились не издержки производства гончарных товаров, а масса продукта, так что вывоз за 12 месяцев, с декабря 1864 г. по декабрь 1865 г., дал излишек стоимости в 138 628 ф. ст. над средней величиной вывоза за три предыдущих года. В фабрикации зажигательных спичек считалось законом природы, что подростки, даже в то время, когда они проглатывали обед, должны были

[278] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 96 и 127.

окунать спички в теплый фосфорный состав, ядовитые пары которого поднимались им в лицо. Принудив экономизировать время, фабричный акт (1864 г.) заставил ввести «dipping machine» (мокальную машину), пары которой не могут доходить до рабочего [279]. Точно так же относительно тех отраслей кружевной мануфактуры, которые еще не подчинены фабричному закону, в настоящее время утверждают, будто время для принятия пищи не может быть здесь регулярным, так как различные материалы для кружев требуют на просушку неодинакового времени, которое колеблется от 3 минут до одного часа и больше. На это члены «Children's Employment Commission» отвечают: «Условия такие же, как в печатании обоев. Некоторые из главных фабрикантов в этой отрасли энергично настаивали на том, что характер применяемых материалов и разнородность процессов, через которые эти материалы проходят, не позволяют, без опасения крупной потери, производить внезапные перерывы работ для принятия пищи... Согласно пункту шестому отдела шестого Factory Acts Extension Act'a [дополнительного закона о распространении фабричного акта на новую отрасль промышленности] (1864 г.), им предоставляется после издания этого закона 18-месячный срок, по истечении которого им придется ввести перерывы для отдыха, установленные фабричным актом» [280] Едва лишь закон был санкционирован парламентом, как господа фабриканты уже открыли: «Неудобства, которых мы ожидали от проведения фабричного закона, не наступили. Мы не находим, чтобы производство сколько-нибудь было ослаблено. В действительности, в течение того же времени мы производим больше» [281]. Таким образом, английский парламент, которого никто не упрекнет в гениальности, путем опыта пришел к убеждению, что принудительный закон простым предписанием может устранить все так называемые естественные препятствия, которые производство будто бы ставит ограничению и регулированию рабочего дня. Поэтому при проведении фабричного акта в известной отрасли промышленности назначается срок от 6 до 18 месяцев, и уже дело фабриканта позаботиться о том, чтобы за это время устранить технические препятствия. Слова Мирабо: «Impossible? Ne me dites jamais ce bête de mot!» [«Невозможно? Никогда не говорите мне этого глупого слова!»], приобретают особенное значение для современной технологии. Но если фабричный закон быстро, как в оранжерее, выращивает материальные элементы, необходимые для превраще-

---

[279] Введение этой и других машин на фабрике спичек вызвало в одном ее отделении замещение 230 подростков 32 подростками и девушками 14—17 лет. Эта экономия на числе рабочих в 1865 г. была проведена еще дальше посредством применения паровой силы.

[280] «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. IX, № 50.

[281] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 22.

ния мануфактурного производства в фабричное, то, вместе с тем, создавая необходимость увеличения затрат капитала, он ускоряет гибель более мелких мастеров и концентрацию капитала[282].

Если оставить в стороне чисто технические и технически устранимые препятствия, то регулирование рабочего дня наталкивается на беспорядочные привычки самих рабочих, в особенности там, где господствует сдельная плата и прогул некоторой доли дня или недели может быть восполнен последующим сверхурочным или ночным трудом — метод, притупляющий взрослого рабочего и разрушительно действующий на его малолетних товарищей и на женщин[283]. Хотя эта беспорядочность в расходовании рабочей силы представляет собою естественную грубую реакцию против тоскливой монотонности убийственного труда, однако в несравненно большей степени она вытекает из анархии самого производства, предпосылкой которой, в свою очередь, является необузданная эксплуатация рабочей силы капиталом. Наряду с общими периодическими сменами фаз промышленного цикла и особыми колебаниями рынка в каждой отрасли производства на сцену выступает в особенности так называемый сезон и внезапность больших заказов, которые необходимо выполнить в самое короткое время, причем не имеет значения, обусловливаются ли эти сезонные работы периодичностью времен года, благоприятных для судоходства, или же модой. Внезапные заказы делаются тем обычнее, чем более распространяются железные дороги и телеграф. «Распространение железнодорожной системы по всей стране, — говорит, напр., один лондонский фабрикант,— сильно благоприятствовало обычаю краткосрочных заказов; покупатели из Глазго, Манчестера и Эдинбурга приезжают теперь один раз в 2 недели, или для оптовых закупок, в крупные торговые дома Сити, которым мы поставляем товары. Вместо того, чтобы покупать со склада,

---

[282] «Необходимые усовершенствования... не могут быть проведены во многих старых мануфактурах, если не будут произведены затраты капитала, превышающие средства многих теперешних владельцев... Преходящая дезорганизация необходимо сопровождает введение фабричного акта. Размеры этой дезорганизации прямо пропорциональны размерам тех зол, которые должен устранить фабричный закон» (там же, стр. 96, 97).

[283] На доменных заводах, напр., «к концу недели продолжительность работы обыкновенно сильно увеличивается вследствие привычки рабочих понедельничать, а иногда не работать и часть вторника или даже весь вторник» («Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. VI). «Часы работы у мелких мастеров обыкновенно очень нерегулярны. Они теряют дня 2—3, а потом, чтобы наверстать это, работают целую ночь... Они всегда заставляют работать своих детей, если у них есть таковые» (там же, стр. VII). «Отсутствие регулярности в начале работы, поощряемое возможностью, — которая осуществляется и на практике, — наверстать это увеличением числа часов работы» (там же, стр. XVIII). «Огромная потеря времени в Бирмингаме... безделье в течение одной части времени, каторжный труд до изнеможения — в другой» (там же, стр. XI).

как то было в обычае раньше, они дают заказы, которые мы должны выполнять немедленно. В прежние годы мы всегда могли во время слабого спроса работать наперед, для удовлетворения спроса следующего сезона, но теперь никто не мог бы предсказать, что тогда будет в спросе»[284].

На фабриках и мануфактурах, еще не подчиненных фабричному закону, господствует ужасающий чрезмерный труд, периодически — во время так называемых сезонов, и в неопределенные моменты — вследствие внезапных заказов. Во внешней сфере фабрики, мануфактуры и магазина, в сфере работы на дому, и без того совершенно нерегулярной, стоящей по отношению к сырому материалу и заказам в полной зависимости от произвола капиталиста, который не связан здесь никакими соображениями об использовании помещений, машин и т. д. и ничем не рискует, кроме шкуры самих рабочих, — в этой внешней сфере систематически выращивается таким образом промышленная резервная армия, которая постоянно готова к услугам капиталиста, которая в одну часть года разрежается благодаря самому нечеловеческому каторжному труду, а в другую часть года низводится до босяцкого положения благодаря отсутствию работы. «Предприниматели, — говорит «Children's Employment Commission», — эксплуатируют вошедшую в привычку нерегулярность работы на дому, чтобы во времена, когда необходимы экстренные работы, растягивать ее до 11, 12, 2 часов ночи, или, как гласит ходячая фраза, до любого часа, и это — в помещениях, «где одной вони достаточно для того, чтобы сшибить вас с ног» (the stench is enough to knock you down). Может быть, вы дойдете до двери и откроете ее, но не решитесь войти дальше»[285]. «И чудаки же наши предприниматели, — говорит один из выслушанных свидетелей, сапожник, — они думают, будто подростку не причиняет никакого вреда, если одну половину года его истязают убийственным трудом, а другую половину года вынуждают бродить почти совершенно без дела»[286].

Как о технических препятствиях, так и об этих так называемых «торговых обычаях» («usages which have grown with the growth of trade») заинтересованные капиталисты говорили и говорят как о «естественных границах» производства, — излюбленная ламентация хлопчатобумажных лордов в ту эпоху, когда им впервые начал угрожать фабричный закон. Хотя их промышленность более, чем всякая другая, опирается на мировой рынок, а потому и на

[284] «Children's Employment Commission. 4th Report», стр. XXXII. «Расширение железнодорожной системы, говорят, сильно содействовало этому обычаю внезапных заказов и имело последствием спешку, пренебрежение часами для еды и работу до поздних часов» (там же, стр. XXXI).

[285] «Children's Employment Commission. 4th Report», т. XXXV, стр. 235 и 237.

[286] Там же, стр. 127, № 56.

судоходство, однако опыт изобличил их во лжи. С того времени английские фабричные инспектора относятся к «торговым препятствиям» как к пустой отговорке[287]. В самом деле, основательные и добросовестные исследования «Children's Employment Commission» доказывают, что в некоторых отраслях промышленности регулирование рабочего дня лишь равномернее распределило бы на весь год ту массу труда, которая уже применяется в них[288]; что оно послужило бы первой рациональной уздой для человекоубийственных, бессмысленных и по существу не согласующихся с системой крупной промышленности ветреных капризов моды[289]; что развитие океанского судоходства и средств сообщения вообще устранило собственно техническое основание сезонной работы[290]; что все другие будто бы не подчиняющиеся контролю условия устраняются расширением помещений, дополнительными машинами, увеличением числа одновременно занятых рабочих[291] и вытекающим из этого обратным влиянием на систему крупной торговли[292]. Однако капитал, как он неоднократно заявлял

[287] «Что касается торговых убытков от неисполнения подлежащих морской перевозке заказов в надлежащий срок, то я припоминаю, что это было излюбленным аргументом фабричных предпринимателей в 1832 и 1833 гг. Все, что можно сказать теперь по этому предмету, не имеет такой силы, как в то время, когда пар еще не сократил вдвое всех расстояний и не создал новых приспособлений для перевозки. И в то время этот аргумент оказывался несостоятельным перед практическим опытом, а теперь он и совсем не выдержит испытания» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», стр. 54, 55).

[288] «Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. XVIII, № 118.

[289] Уже в 1699 г. Джон Беллерс отмечает: «Непостоянство мод необходимо увеличивает число бедных. В нем два великих зла: 1) рабочие бедствуют зимой от недостатка работы, торговцы материями и предприниматели-ткачи не рискуют затрачивать свои капиталы, чтобы поддержать рабочих заработком, пока не наступит весна и не выяснится, какова мода; 2) весной число рабочих оказывается недостаточным, и хозяева-ткачи должны привлекать многочисленных учеников, чтобы снабдить торговлю королевства на четверть или на половину года; это отнимает руки от земледелия, лишает деревню работников и в огромной степени переполняет города нищими; зимой те, кому совестно нищенствовать, умирают от голода» («Essays about the Poor, Manufactures etc.», стр. 9).

[290] «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. 171, № 34.

[291] Так, напр., в свидетельских показаниях экспортных торговцев Брэдфорда говорится: «При таких обстоятельствах ясно, что нет нужды заставлять детей работать в магазинах дольше, чем с 8 часов утра до 7 или $7^1/_2$ часов вечера. Это — вопрос исключительно добавочных затрат и добавочных рук. (Детям не приходилось бы работать до такой поздней ночи, если бы некоторые предприниматели не были так жадны до прибыли; добавочная машина стоит всего 16—18 ф. ст.) ..Все трудности происходят от недостаточности приспособлений и помещения» (там же, стр. 171, № 35, 36 и 38).

[292] Там же. Вот показание одного лондонского фабриканта, который в принудительном урегулировании рабочего дня видит средство защиты рабочих против фабрикантов и самих фабрикантов против оптовой торговли. «Давление на нашу отрасль оказывают экспортеры, которые намерены, напр., отправить товары на парусном судне; они к началу определенного сезона хотят быть на месте — и в то же время положить в свои карманы разницу

устами своих представителей, соглашается на такой переворот «лишь под давлением общего парламентского акта»[293], который принудительным законом регулирует рабочий день.

9. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ И ВОСПИТАНИИ). ВСЕОБЩЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГО В АНГЛИИ.

Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства, представляет, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф. Прежде чем говорить о всеобщем распространении фабричного законодательства в Англии, необходимо кратко упомянуть о некоторых его постановлениях, не относящихся к числу часов рабочего дня.

Санитарные правила, не говоря уже о их редакции, облегчающей для капиталиста их обход, до чрезвычайности скудны и фактически ограничиваются предписаниями относительно беления стен и некоторыми другими правилами о мерах для поддержания чистоты, о вентиляции и о защите от опасных машин. В третьей книге мы возвратимся к фанатической борьбе фабрикантов против постановления, которым на них были возложены небольшие расходы с целью защитить члены их «рук». Здесь снова нашел себе блестящее подтверждение тот догмат фритредеров, что в обществе с антагонистическими интересами каждый, стремясь к своей собственной пользе, тем самым содействует общему благу. Одного примера будет достаточно. Известно, что с половины сороковых годов в Ирландии сильно расширилась льняная промышленность, а вместе с ней и scutching mills (льнотрепальные фабрики). В 1864 г. там существовало до 1 800 этих mills. Осенью и зимой периодически отрываются от полевых работ, чтобы подкладывать лен в вальцовые машины scutching mills, совершенно не знакомые с машинами люди, главным образом подростки и женщины, сыновья, дочери и жены соседних мелких фермеров. Несчастные случаи, совершающиеся здесь, по количеству и интенсивности совершенно беспримерны в истории машин. На одной единственной scutching mill в Кильдинэне (близ Корка) с 1852 по 1856 г. насчитывалось 6 смертных случаев и 60 тяжких увечий, — и все их можно было бы предотвратить при помощи самых простых

между парусным и паровым фрахтом; или же из двух пароходов они выбирают более ранний, чтобы явиться на иностранном рынке раньше своих конкурентов».

[293] «Этого можно было бы избежать, — говорит один фабрикант, — ценой расширения производства под давлением общего парламентского акта» (там же, стр. X, № 38).

приспособлений ценой в несколько шиллингов. Д-р Уайт, certifying surgeon [официальный врач] фабрик в Даунпэтрике, заявляет в официальном отчете от 16 декабря 1865 г.: «Несчастные случаи на scutching mills носят ужасающий характер. Во многих случаях четвертая часть тела отрывается от туловища. Смерть или будущее, полное жалкой беспомощности и страданий, — вот обычные последствия увечий. Увеличение количества фабрик в стране, конечно, вызовет рост числа таких страшных результатов. Я убежден, что надлежащим контролем государства за scutching mills были бы предотвращены огромные жертвы здоровьем и жизнью»[294]. Что еще могло бы лучше характеризовать капиталистический способ производства, чем эта необходимость навязать ему принудительным законом государства соблюдение элементарнейших правил гигиены и охраны здоровья? «Фабричный акт 1864 г. выбелил и вычистил в гончарном производстве более 200 мастерских, после того как они по 20 лет или даже совсем воздерживались от таких операций (вот оно, «воздержание» капитала!). В этих заведениях занято 27 878 рабочих, дышавших до сих пор во время чрезмерной дневной, а часто и ночной работы отвратительным воздухом, благодаря которому это вообще сравнительно безвредное производство постоянно грозило болезнью и смертью. Фабричный акт заставил сильно увеличить приспособления для вентиляции»[295]. В то же время эта область применения фабричного акта ярко показывает, что капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение. Мы уже несколько раз отмечали, что английские врачи единогласно признают 500 куб. футов воздуха на человека едва лишь достаточным минимумом при постоянной работе. Хорошо! Раз фабричный акт всеми своими принудительными мерами косвенно ускоряет превращение мелких мастерских в фабрики, а потому косвенно посягает на право собственности мелких капиталистов и обеспечивает крупным монополию, то, если бы закон обеспечил в мастерских необходимое количество воздуха на каждого рабочего, это одним ударом прямо экспроприировало бы тысячи мелких капиталистов! Это поразило бы в самый корень капиталистический способ производства, т. е. самовозрастание капитала, и крупного и мелкого, совершающееся при посредстве «свободной» купли и потребления рабочей силы. Потому-то перед этими 500 кубических футов воздуха у фабричного законодательства захватывает дух. Санитарные учреждения, комиссии по обследованию промышленности, фабричные инспектора снова и снова повторяют о необходимости этих 500 кубических футов и

---

[294] «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. XV, № 72 и сл.

[295] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 127.

невозможности вынудить их у капитала. Таким образом, они фактически заявляют, что чахотка и другие легочные болезни являются условием существования капитала[296].

Как ни жалки в общем постановления фабричного акта относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда[297]. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики[298] с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем школьников, регулярно посещающих школу днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше. «Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит от своей работы»[299]. Даль-

---

[296] Эмпирически установлено, что средний здоровый индивидуум при каждом вдыхании средней интенсивности потребляет около 25 кубических дюймов воздуха и делает около 20 вдыханий в минуту. Согласно этому потребление воздуха на одного человека должно было бы составлять около 720 000 кубических дюймов, или 416 кубических футов, в сутки. Но известно, что послуживший для дыхания воздух уже не пригоден для этого процесса, пока он не очистится в великой мастерской природы. Согласно опытам Валентина и Бруннера, здоровый человек выдыхает, повидимому, около 1300 кубических дюймов углекислого газа в час; это равносильно тому, как если бы легкие выбрасывали из себя в сутки до 8 унций твердого угля. «На каждого человека должно приходиться не менее 800 кубических футов» (Гексли). [«Lessons in Elementary Physiology». London 1866, стр. 105.]

[297] Согласно английскому фабричному акту, родители не могут посылать своих детей до 14 лет в «контролируемые» фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответствен за соблюдение закона. «Обучение при фабриках обязательно, оно — условие работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 111).

[298] О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. В. Сениора на седьмом годичном конгрессе «National Association for the Promotion of Social Science» в «Report of Proceedings etc.». London 1863, стр. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 г., стр. 118, 119, 120, 126 и сл.

[299] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 118. Один наивный фабрикант шелка заявляет члену следственной «Children's Employment Commission»: «Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталкивающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы у моих собственных детей был труд и игры в качестве отдыха от школы» («Children's Employment Commission. 5th Report», стр. 82, № 36).

нейшие доказательства можно найти в речи Сениора, сказанной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 г. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в высших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и с прямым вредом заставляет детей расточать время, здоровье и энергию»[300]. Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей.

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к известной частичной операции всего человека; напротив, капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более чудовищном виде: на собственно фабрике — посредством превращения рабочего в одаренный сознанием придаток частичной машины, повсюду — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда[301], отчасти посредством введения женского, детского и

[300] Сениор в «Report of Proceedings» седьмого годичного конгресса «National Association for the Promotion of Social Science», стр. 66. До какой степени крупная промышленность, достигнув известного уровня развития, переворотом в способе материального производства и в общественных отношениях производства совершает переворот и в головах, — яркий пример этого дает сравнение речи Н. В. Сениора в 1863 г. с его филиппикой против фабричного закона 1833 г. или сопоставление взглядов упомянутого конгресса с тем фактом, что в некоторых сельских частях Англии бедным родителям все еще запрещают под угрозой голодной смерти обучать своих детей. Так, напр., г. Снелл сообщает, что если кто-либо в Сомерсетшире по бедности обращается за помощью к приходу, то по установившейся практике его заставляют взять своих детей из школы. Так, г. Уолластон, священник в Фельтгеме, рассказывает о случаях, когда некоторым семьям отказывали решительно во всяком вспомоществовании, «потому что они посылают своих детей в школу».

[301] В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силою человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые как таковые предполагают механическую двигательную силу, происходит крупная перемена по отношению к рабочему, который приводит машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расходование его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, когда они тоже осуждаются на это истязание. Так, член комиссии Лондж наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть ленточный станок, а еще более юные дети должны были вертеть станки меньших размеров. «Это до чрезвычайности тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5th Report 1866», стр. 114, № 6). Об убийственных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет, там же и сл. страницы.

неквалифицированного труда как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности насильственно прокладывает себе дорогу. Оно выражается, между прочим, в том ужасном факте, что огромная часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к элементарнейшим манипуляциям, целые годы подвергается эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике. Например, в английских типографиях раньше был в обычае соответствующий системе старой мануфактуры и ремесла переход учеников от сравнительно легких к более содержательным работам. Ученики проходили курс учения, пока не делались обученными типографщиками. Уменье читать и писать было для всех необходимым условием для вступления в ремесло. Все это изменилось с появлением печатной машины. Она требует двоякого рода рабочих: взрослого рабочего, надсмотрщика за машиной, и малолетних, обыкновенно 11—17-летних мальчиков, работа которых состоит исключительно в том, чтобы вкладывать в машину лист бумаги или принимать из нее отпечатанный лист. Они, особенно в Лондоне, заняты этой утомительной работой в некоторые дни недели по 14, 15, 16 часов без перерыва, а часто 36 часов кряду всего с двумя часами перерыва на еду и сон![302] Огромная часть из них не умеет читать, они, как общее правило, совершенно одичалые, ненормальные существа. «Чтобы сделать их способными к их работе, совершенно не требуется какого бы то ни было интеллектуального воспитания; у них мало возможности для приобретения искусства и еще меньше — для развития; их заработная плата, хотя до известной степени и высокая для мальчиков, не повышается по мере того, как они становятся взрослыми, и у подавляющего большинства нет никаких шансов занять более доходное и ответственное положение надсмотрщика за машиной, потому что на каждую машину приходится всего один надсмотрщик и часто 4 подростка»[303]. Когда они становятся слишком взрослыми для своего детского труда, именно достигают самое большее 17 лет, их увольняют из типографии. Они становятся кандидатами в преступники. Некоторые попытки доставить им какие-либо другие занятия разбивались о их невежество, грубость, физическую и интеллектуальную отсталость.

То, что сказано относительно мануфактурного разделения труда внутри мастерской, сохраняет свое значение и для разделения труда внутри общества. Пока ремесло и мануфактура образуют всеобщий базис общественного производства, подчинение

«Children's Employment Commission. 5th Report 1866», стр. 3, № 24.
Там же, стр. 7, № 60.

производителя исключительно одной известной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий [304] являются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства эмпирически находит соответствующий ей технический строй, медленно совершенствует его и быстро кристаллизует его, как только достигнута известная степень зрелости. Время от времени происходят изменения, которые вызываются кроме нового материала труда, доставляемого торговлей, постепенным изменением инструмента труда. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, застывает и рабочий инструмент, как это показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого. Характерно, что до XVIII века отдельные ремесла назывались mysteries (mystères) [тайнами], в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный [305]. Крупная промышленность разорвала завесу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению другой и даже для посвященного в каждую отрасль. Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы, создал всю современную науку технологии. Пестрые, повидимому лишенные внутренней связности и застывшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желательного полезного эффекта, области применения естествознания. Технология открыла также те немногие великие основные формы движения, в которых неизменно движется вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, — подобно тому как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается

[304] «В некоторых частях горной Шотландии... многие пастухи овец и коттеры с женами и детьми, согласно статистическим отчетам, ходили в башмаках, которые они сами шили из кожи, выделанной ими самими, в одеждах, до которых не притрагивалась никакая другая рука, кроме их собственной, материал для которых они сами стригли с овец и лен для которых они сами возделывали. При изготовлении одежды едва ли употреблялись какие-либо купленные предметы, за исключением шила, иглы, наперстка и очень немногих частей железных инструментов, употребляемых при ткачестве. Краски добывались самими женщинами из деревьев, кустарников, трав и т. д.» (*Dugald Stewart:* «Works», изд. Hamilton, т. VIII, стр. 327—328).

[305] В знаменитом «Livre des métiers» Этьена Буало предписывается между прочим, чтобы подмастерье при приеме его в мастера давал присягу «братски любить своих братьев по ремеслу, поддерживать их, добровольно не выдавать тайн ремесла и, даже в интересах всего цеха, не обращать внимания покупателя на недостатки продуктов других с целью отрекомендовать свой собственный товар».

на тот счет, что все они представляют постоянное повторение элементарных механических сил. Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен[306]. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства[307] и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие неистово проявляется в непрерывных гекатомбах рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь пролагает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой

---

306 «Буржуазия не может существовать, не революционизируя постоянно орудий производства, следовательно производственных отношений, а стало быть — и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было неизменное сохранение старого способа производства. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения вместе со всею их свитою веками освященных представлений и воззрений разрушаются, все возникающие вновь стареют, прежде чем успеют окостенеть. Все сословное и застойное испаряется, все священное оскверняется, и люди, наконец, вынуждены трезво взглянуть на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» (*F. Engels und Karl Marx:* «Manifest der Kommunistischen Partei». London 1848, стр. 5). [Ср. *К. Маркс и Ф. Энгельс:* «Манифест коммунистической партии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 486.]

307 «You take my life,
When you do take the means whereby I live».

[«Лишая средств для жизни — жизни всей лишаете».]

(*Шекспир.* [Соч., т. II, Госиздат, 1930 г., «Венецианский купец», русск. перевод П. Вейнберга, стр. 296.])

естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия[308], то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — «écoles d'enseignement professionnel» [профессиональные школы], в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «Ne sutor ultra crepidam!» [«Сапожник, знай свои колодки!»] Это nec plus ultra ремесленной мудрости превратилось в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую

[308] Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, чтобы я был способен заниматься всеми промыслами, которыми я действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не гожусь, кроме книгопечатания... Попав в недра этого мира авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем вы рубаху,— поверьте! — я действовал, как остальные. Так как дело рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был типографщиком, кровельщиком, литейщиком из свинца и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» (*A. Corbon:* «De l'Enseignement professionnel», 2-е изд., стр. 50).

машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, ювелирный рабочий Фультон — пароход[309].

Пока фабричное законодательство регулирует труд на фабриках, мануфактурах и т. д., это представляется сначала просто вмешательством в эксплуататорские права капитала. Напротив, всякое регулирование так называемой работы на дому[310] с самого начала выступает как прямое вторжение в patria potestas [в права отца], т. е., выражаясь современным языком, в родительскую власть — шаг, от которого деликатный английский парламент долгое время отшатывался с аффектированным содроганием. Однако сила фактов заставила, наконец, признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. Необходимо было провозгласить право детей. «К несчастью, — говорится в заключительном отчете «Children's Employment Commission» 1866 г., — из всех свидетельских показаний ясно одно: что ни от кого до такой степени не нуждаются дети обоего пола в защите, как от своих родителей». Система безмерной эксплуатации труда детей вообще и их домашнего труда в особенности «поддерживается тем, что родители без всякого удержа и контроля пользуются своей произвольной и пагубной властью над своим молодым и нежным потомством... У родителей не должно быть абсолютной власти превращать своих детей в простые машины для добывания такого-то еженедельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо»[311]. Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых

---

[309] Джон Беллерс, истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию и атрофию на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он прекрасно замечает между прочим: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем ученье праздности... Физический труд — первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни, потому что те неприятности, от которых человек спасается праздностью, постигнут его в виде болезни... Труд прибавляет масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее... Пустой детский труд (это — пророческие возражения Базедову и его современным подголоскам) оставляет детский ум пустым» («Proposals for raising a College of Industry of all useful Trades and Husbandry». London 1696, стр. 12, 14, 16, 18).

[310] Он, впрочем, носит тот же характер в значительной степени и в том случае, если совершается в мелких мастерских, как мы видели это на примерах кружевной мануфактуры и плетения из соломы и как можно было бы обстоятельнее показать в особенности на примере металлических мануфактур в Шеффильде, Бирмингаме и т. д.

[311] «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. XXV, № 162, и 2nd Report, стр. XXXVIII, № 285, 289; стр. XXV, XXVI, № 191.

рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития[312].

Необходимость превратить фабричный закон из закона исключительно для прядильных и ткацких фабрик, этих первообразований машинного производства, в общий закон всего общественного производства вытекает, как мы видели, из хода исторического развития крупной промышленности, на заднем плане которой переживает полную революцию традиционный строй мануфактуры, ремесла и работы на дому: мануфактура постоянно превращается в фабрику, ремесло в мануфактуру, и, наконец, сферы ремесла и работы на дому в поразительно короткое время превращаются в жалкие трущобы, в которых капиталистическая эксплуатация свободно справляет свои чудовищные, бешеные оргии. Два обстоятельства играют, в конце концов, решающую роль: во-первых, постоянно вновь повторяющееся наблюдение, что капитал, поскольку он подпадает под контроль государства только на некоторых пунктах общественной периферии, тем непомернее вознаграждает себя на других пунктах[313]; во-вторых, вопль самих капиталистов о равенстве условий конкуренции, т. е. о равных границах для эксплуатации труда[314]. Выслушаем пару глубоких воздыханий на этот счет. Гг. В. Куксли (фабриканты гвоздей, цепей и т. д. в Бристоле) добровольно провели в своем предприятии ограничение рабочего дня. «Так как старая нерегулируемая система продолжает существовать на соседних предприятиях, то им

---

[312] «Фабричный труд может быть столь же чист и приятен... как домашний труд, а вероятно даже в еще большей мере» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 129).

[313] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 27, 32.

[314] Многочисленные иллюстрации этого в «Reports of Insp. of Fact.».

приходится терпеть такую несправедливость, что их рабочих-подростков соблазняют (enticed) в каком-либо другом месте на то, чтобы они работали после 6 часов вечера». «Это, — естественно заявляют они, — несправедливость по отношению к нам и убыток для нас, потому что таким образом истощается часть силы подростков, барыш от которой целиком должен принадлежать нам»[315]. Г-н Дж. Симпсон (фабрикант бумажных мешков и бумажных коробок в Лондоне) заявляет членам «Children's Employment Commission»: «Он готов подписаться под какой угодно петицией в пользу введения фабричных актов. При теперешнем положении он постоянно испытывает беспокойство по ночам («he always felt restless at night»), после закрытия мастерской, при мысли, что другие заставляют работать дольше и выхватывают у него заказы из-под носа»[316]. «Было бы, — говорит «Children's Employment Commission», подводя итог, — несправедливо по отношению к крупным предпринимателям подчинить их фабрики регулированию, в то время как в их собственной отрасли производства мелкие предприятия не подвергаются никакому законодательному ограничению рабочего времени. К несправедливости неравных условий конкуренции, вытекающей из того, что на мелкие мастерские не распространяется ограничение числа рабочих часов, для более крупных фабрикантов присоединяется еще та невыгода, что предложение труда подростков и женщин отклоняется от них к мастерским, пощаженным фабричными законами. Наконец, это послужило бы толчком к увеличению числа мелких мастерских, которые почти сплошь наименее благоприятны в отношении здоровья, удобства, воспитания и общего улучшения в положении народа»[317].

В своем заключительном отчете «Children's Employment Commission» предлагает распространить фабричный акт более чем на 1 400 000 детей, подростков и женщин, из которых почти половина эксплуатируется мелким производством и системой работы на дому[318]. «Если, — говорит комиссия, — парламент примет

---

[315] «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. X, № 35.

[316] «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. IX, № 28.

[317] «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. XXV, № 165—167. О преимуществах крупного производства по сравнению с карликовым ср. «Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. 13, № 144; стр. 25, № 121; стр. 26, № 125; стр. 27, № 140 и т. д.

[318] Отрасли промышленности, на которые должно было быть распространено действие фабричных законов, таковы: кружевная мануфактура, чулочновязальное производство, соломоплетение, мануфактура принадлежностей одежды с ее многочисленными видами, производство искусственных цветов, производство башмаков, шляп и перчаток, портняжный промысел, все металлические фабрики — от доменных печей и до фабрик иголок и т. д., бумажные фабрики, стекольные мануфактуры, табачные мануфактуры, резиновое производство, фабрикация берд (для ткачества), ручное тканье ковров, зонтичная мануфактура, фабрикация веретен и шпуль, книгопечатание, переплетное дело, торговля писчебумажными принадлежностями (Stationery,

наше предложение в полном объеме, то подобное законодательство окажет, несомненно, самое благотворное влияние не только на малолетних и слабых, которых оно касается в первую очередь, но и на огромную массу взрослых рабочих, которые прямо (женщины) или косвенно (мужчины) войдут в сферу его действия. Оно принудило бы их к урегулированному и сокращенному рабочему времени; оно стало бы сберегать и накоплять тот запас физической силы, от которого до такой степени зависит их собственное благосостояние и благосостояние страны; оно защитило бы подрастающее поколение от чрезмерного напряжения в раннем возрасте, которое расшатывает их организм и приводит к преждевременной дряхлости; оно, наконец, дало бы детям, по крайней мере до 13 лет, возможность получить начальное обучение и таким образом положило бы конец невероятному невежеству, которое так верно изображено в отчетах комиссии и на которое можно смотреть лишь с мучительной болью и глубоким чувством национального унижения»[319]. Торийское министерство в тронной речи 5 февраля 1867 г. возвестило, что оно формулировало в «биллях» предложения комиссии по обследованию промышленности[319a]. Для этого ему потребовался новый двадцатилетний experimentum in corpore vili [эксперимент на живом теле, не имеющем ценности]. Уже в 1840 г. была назначена парламентская комиссия для обследования детского труда. Ее отчет 1842 г., по словам Н. В. Сениора, развернул «такую ужаснейшую картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, деградации и разрушения организма детей и подростков, какую едва ли когда-либо видывал мир... Можно было бы утешиться, если бы отчет описывал ужасы прошлого времени. Но, к сожалению, перед нами сообщение о том, что эти ужасы продолжаются с такой же интенсивностью, как и когда-либо раньше. Одна брошюра, два года тому назад

причем сюда относится также приготовление бумажных коробок, карт, красок для бумаги и т. д.), канатное производство, мануфактура агатовых украшений, кирпичные заводы, шелковые мануфактуры с ручным трудом, производство шелковых лент [Coventry-Weberei], солеваренные, свечные и цементные заводы, сахаро-рафинадное производство, производство бисквитов, различные деревообделочные и другие смешанные работы.

[319] Там же, стр. XXV, № 169.

[319a] Factory Acts Extension Act [Дополнительный закон о распространении фабричного акта на новые отрасли промышленности] прошел 12 августа 1867 г. Он регулирует все металлолитейные, кузнечные и металлообрабатывающие заводы, включая фабрики машин, далее стекольные, бумажные, гуттаперчевые, каучуковые, табачные мануфактуры, книгопечатни, переплетные, наконец все мастерские, в которых занято более 50 человек. — Hours of Labour Regulation Act [Акт, регулирующий часы труда], прошедший 17 августа 1867 г., регулирует более мелкие мастерские и так называемую работу на дому.

К этим законам, к новому Mining Act [Акту о рудниках и копях] 1872 г. и т. д. я вернусь во II томе.

изданная Хардуиком, заявляет, что печальные злоупотребления 1842 г. остаются в полной силе и в настоящее время (1863 г.)... Этот отчет (1842 г.) пролежал без внимания двадцать лет, в течение которых детям, выросшим без малейшего представления как о том, что мы называем моралью, так и о школьном образовании, религии, естественной семейной любви, — этим детям позволили стать родителями теперешнего поколения»[320].

Между тем общественное положение изменилось. Парламент не отважился отвергнуть требования комиссии 1863 г. так, как он в свое время отверг требования 1842 г. Поэтому уже в 1864 г., когда комиссия обнародовала лишь часть своих отчетов, промышленность изделий из глины (включая и гончарную), фабрикация обоев, зажигательных спичек, патронов и пистонов, равно как стрижка бархата, были подчинены законам, до того времени распространявшим свое действие на текстильную промышленность. В тронной речи 5 февраля 1867 г. тогдашний торийский кабинет возвестил дальнейшие билли, основанные на заключительных предложениях комиссии, которая между тем в 1866 г. закончила свои работы.

15 августа 1867 г. Factory Acts Extension Act [Дополнительный закон о распространении фабричного акта на новые отрасли промышленности], а 21 августа того же года Workshops' Regulation Act [Акт о регулировании мастерских] получили королевское утверждение; первый закон регулирует крупные, последний — мелкие предприятия.

Factory Acts Extension Act подчиняет фабричному закону доменные печи, железо- и меделелательные заводы, литейные заводы, фабрики машин, металлические мастерские, фабрики гуттаперчи, бумаги, стекла, табака, далее печатные и переплетные заведения и вообще все промышленные мастерские этого рода, если в них 50 или более человек одновременно заняты не менее 100 дней в году.

Чтобы дать некоторое представление о размерах области, охваченной этим законом, приведем некоторые из установленных им определений:

«*Ремесло* должно означать (в этом законе): всякий ручной труд, который производится как профессия или промысел для или по случаю изготовления, изменения, украшения, починки или окончательной отделки какого-либо предмета или части предмета, предназначенного на продажу.

«*Мастерская* должна означать: всякую комнату или место, крытое или под открытым небом, в которых известным «ремеслом» занят ребенок, подросток или женщина и по отношению к которым лицо, дающее занятие такому ребенку, подростку или женщине, имеет право входа и контроля.

---

[320] *Senior:* «Social Science Congress». [Edinburgh 1863], стр. 55—58.

«*Занятый* должно означать: работающий в известном «ремесле», за плату или без платы, у мастера или у одного из родителей, как подробнее определено ниже.

«*Родители* должно означать: отец, мать, опекун или другое лицо, которому принадлежит опека или наблюдение над каким-либо... ребенком или подростком».

Статья 7 относительно наказаний за занятие детей, подростков и женщин вопреки постановлениям этого закона налагает денежные штрафы не только на собственника мастерской, будет ли то один из родителей или нет, но и «на родителей и других лиц, под опекой которых находится ребенок, подросток или женщина или которые извлекают прямую выгоду из их труда».

Factory Acts Extension Act, распространяющийся на крупные заведения, далеко уступает основному фабричному акту вследствие множества жалких исключений и трусливых компромиссов с капиталистами.

Workshops' Regulation Act, жалкий во всех своих деталях, остался мертвой буквой в руках городских и местных властей, на которые было возложено его проведение. Когда же в 1871 г. парламент освободил их от этого полномочия и передал его фабричным инспекторам, сфера контроля которых одним ударом увеличилась поэтому более чем на 100 000 мастерских и на 300 одних только кирпичных заводов, то персонал инспекторов был великодушно увеличен всего лишь на восемь помощников, хотя и до того времени он был слишком малочислен[321].

Таким образом, в этом английском законодательстве 1867 г. бросаются в глаза, с одной стороны, вынужденная у парламента господствующих классов необходимость признать в принципе столь чрезвычайные и широкие меры против крайностей капиталистической эксплуатации, а с другой стороны, половинчатость, неохота и mala fides [нечестность], с которыми парламент потом осуществлял их на практике.

Следственная комиссия 1862 г. предложила также новое регулирование горной промышленности, — промышленности, которая от всех остальных отличается тем, что в ней интересы землевладельцев и промышленных капиталистов идут рука об руку. Противоположность этих двух групп интересов благоприятствовала фабричному законодательству; отсутствия этой противоположности достаточно для того, чтобы объяснить оттяжки и ухищрения в области горнопромышленного законодательства.

---

[321] Персонал фабричной инспекции состоял из 2 инспекторов, 2 помощников и 41 субинспектора. Новые 8 субинспекторов были назначены в 1871 г. Общая сумма расходов на осуществление фабричных законов в Англии, Шотландии и Ирландии составляла в 1871—1872 гг. всего лишь 25 347 ф. ст., включая сюда и судебные издержки на процессы против нарушений закона.

Следственная комиссия 1840 г. сделала такие ужасные и возмущающие разоблачения и вызвала такой скандал на всю Европу, что парламент должен был успокоить свою совесть Mining Act'ом [Актом о рудниках и копях] 1842 г., который ограничился тем, что женщинам и детям до 10 лет воспретил работу под землей.

Затем в 1860 г. явился Mines' Inspection Act [Акт о горной инспекции], согласно которому шахты подчиняются инспекции специально назначенных для того государственных чиновников и воспрещается принимать на работу мальчиков 10—12 лет, если у них нет школьного свидетельства или если они не будут посещать школу в течение известного числа часов. Этот акт остался совершенно мертвой буквой вследствие курьезно ничтожного числа назначенных инспекторов, ничтожества их полномочий и других причин, которые будут подробнее выяснены в дальнейшем ходе изложения.

Одна из новейших Синих книг о горной промышленности — «Report from the Select Committee on Mines, together with... Evidence, 23 July 1866». Это — работа комитета, составленного из членов нижней палаты и уполномоченного приглашать и выслушивать свидетелей; толстый том in folio, в котором сам «Report» [отчет] занимает всего пять строк такого содержания: комитет ничего не может сказать, необходимо допросить еще больше свидетелей!

Способ допроса свидетелей напоминает cross examinations [перекрестный допрос] в английских судах, где адвокат бесстыдными, спутывающими, во всех направлениях задаваемыми вопросами старается сбить свидетеля с толку и извратить его слова. Здесь же адвокаты — сами члены парламентской следственной комиссии, в том числе собственники и эксплуататоры рудников; свидетели — горнорабочие, по большей части из каменноугольных копей. Весь фарс настолько характерен для духа капитала, что невозможно не привести здесь несколько выдержек. Для облегчения обзора я распределяю результаты обследования и т. п. по рубрикам. Напомню, что вопросы и обязательные ответы в английских Синих книгах перенумерованы и что свидетели, показания которых здесь цитируются, — рабочие каменноугольных копей.

1) Работа малолетних от 10-летнего возраста в копях. Работа, включая дорогу на копи и обратно, обыкновенно продолжается 14—15 часов, в исключительных случаях дольше, с 3, 4, 5 часов утра до 4—5 вечера (№ 6, 452, 83). Взрослые рабочие работают в две смены, по 8 часов, но для малолетних, чтобы сократить издержки, нет никаких таких смен (№ 80, 203, 204). Маленькими детьми пользуются преимущественно для открывания и закрывания дверок в разных отделениях копи, детьми постарше — для более тяжелых работ, перевозки угля и т. д. (№ 122, 739, 740).

Долгий рабочий день при подземных работах существует до 18—22-летнего возраста, когда совершается переход к собственно углекопной работе (№ 161). Детей и подростков теперь более сурово истязают работой, чем в какой-либо из прежних периодов (№ 1663—1667). Углекопы почти единогласно требуют парламентского акта, который воспретил бы труд в шахтах для не достигших 14-летнего возраста. И вот здесь Хэсси Вивпэн (сам эксплуататор угольной копи) задает вопрос: «Не зависит ли это требование от большей или меньшей бедности родителей?» — И потом мистер Брюс: «Не жестоко ли было бы, в случае, когда отец умер или искалечен и т. д., отнимать у семьи этот источник дохода? А ведь надо предполагать, что воспрещение будет иметь общий характер... Желаете ли вы подземные работы детей до 14-летнего возраста воспретить во всех случаях?» Ответ: «Во всех случаях» (№ 107 по 110). Вивиэн: «Если работа до 14 лет будет воспрещена в шахтах, не станут ли родители посылать детей на фабрики и т. д.? — Как общее правило, нет» (№ 174). Рабочий: «Открывание и закрывание дверей кажется легким. Но это очень мучительная работа. Не говоря уже о постоянной тяге воздуха, дети посажены, точно в тюрьму, в какой-то темный карцер». Буржуа Вивиэн: «Не может ли ребенок, сидя у дверей, читать, если у него будет свечка? — Во-первых, ему пришлось бы купить свечку. Да кроме того ему и не позволили бы этого. Его приставили затем, чтобы следить за своим делом, он должен исполнять известную обязанность. Я никогда не видал, чтобы какой-нибудь мальчик читал в копи» (№ 139, 141, 143, 158, 160).

2) Воспитание. Горнорабочие требуют закона об обязательном обучении детей, как это установлено на фабриках. Они заявляют, что статья акта 1860 г., которая школьное свидетельство делает необходимым условием для приема на работу мальчиков 10—12 лет, чисто иллюзорна. «Карательный» допрос, проводимый капиталистическими следователями, становится здесь поистине курьезным. «Против кого более необходим акт — против предпринимателей или против родителей? — Против тех и других» (№ 115). «Более против одних, чем против других? — Что мне ответить на это?» (№ 116). «Обнаруживают ли предприниматели какое-либо стремление сообразовать часы труда с посещением школы? — Никогда» (№ 137). «Не пополняют ли потом горнорабочие свое воспитание? — В общем они становятся хуже; они приобретают плохие привычки; они получают пристрастие к пьянству, игре и т. п. и совсем опускаются» (№ 211). «Почему не посылают детей в вечерние школы? — В большинстве каменноугольных округов таких вовсе нет. А, главное, — дети настолько изнурены чрезмерным долгим трудом, что глаза у них смыкаются от усталости» (№ 454). «Следовательно, — заключает буржуа, — вы против образования? — Вовсе нет, но», и т. д. «Не обязывает ли акт

1860 г. владельцев рудников и т. д. требовать школьные свидетельства, если они нанимают детей в возрасте от 10 до 12 лет? — Закон — да, но предприниматели этого не делают». «Вы полагаете, что это постановление закона не всегда исполняется? — Оно вовсе не исполняется» (№ 443, 444). «Сильно ли горнорабочие интересуются вопросом о воспитании? — Огромное большинство» (№ 717). «Заботит ли их проведение этого закона? — Огромное большинство» (№ 718). «Почему же они не настоят на его проведении? — Иной рабочий хотел бы мальчиков без школьного свидетельства не допускать до работы, но он будет за это на замечании (a marked man)» (№ 720). «У кого на замечании? — У своего предпринимателя» (№ 721). «Но вы не думаете, что предприниматели будут преследовать человека за подчинение закону? — Я думаю, они поступили бы так» (№ 722). «Почему рабочие не отказываются применять труд таких мальчиков? — Это не предоставлено их выбору» (№ 123). «Вы требуете вмешательства парламента? — Чтобы достигнуть чего-либо действительного для воспитания детей горнорабочих, это необходимо провести принудительно, парламентским актом» (№ 1634). «Должно ли это распространяться на детей всех рабочих Великобритании или только на горнорабочих? — Я пришел сюда, чтобы говорить от имени горнорабочих» (№ 1636). «Чем дети горнорабочих отличаются от других? — Тем, что они — исключение из общего положения» (№ 1638). «В каком отношении? — В физическом» (№ 1639). «Почему бы воспитание могло представлять для них бо́льшую ценность, чем для мальчиков других классов? — Я не говорю, что оно для них ценнее, но вследствие чрезмерной работы в копях у них меньше возможности получать воспитание в дневных и воскресных школах» (№ 1640). «Не правда ли, ведь такие вопросы нельзя трактовать абсолютно?» (№ 1644). «Достаточно ли школ в округах? — Нет» (№ 1646). «Если бы государство потребовало, чтобы всех детей посылали в школу, откуда же взять школы для всех детей? — Я думаю, что, если обстоятельства потребуют этого, школы уж будут устроены» (№ 1647). «Огромное большинство не только детей, но и взрослых рудокопов не умеет ни писать, ни читать» (№ 705, 726).

3) Труд женщин. Хотя с 1842 г. работницы уже не допускаются к работам под землей, но они работают на поверхности при нагрузке угля и т. д., переноске ведер с углем к каналам и железнодорожным вагонам, сортировке угля и т. д. Применение женского труда сильно увеличилось за последние 3—4 года (№ 1727). Работницы — по большей части жены, дочери и вдовы горнорабочих, от 12 до 50 и 60-летнего возраста (№ 647, 1779, 1781). «Что думают горнорабочие о женском труде при рудниках? — Все они против него» (№ 648). «Почему? — Они считают его унизительным для женского пола» (№ 649). «Они носят нечто вроде мужской одежды. Во многих случаях этим заглушается всякое

чувство стыда. Некоторые женщины курят. Работа так же грязна, как и в самых копях. Среди них много замужних женщин, которые не могут исполнять своих домашних обязанностей» (№ 650—654, 701). «Могли ли бы вдовы найти какое-либо другое занятие, столь же выгодное (8—10 ш. в неделю)? — Я ничего не могу сказать на этот счет» (№ 709, 708). «И, однако, вы решаетесь (каменное сердце!) отнять у них этот источник существования? — Вне всяких сомнений» (№ 710). «Откуда такое настроение? — Мы, горнорабочие, слишком уважаем прекрасный пол для того, чтобы видеть, как он осужден на работу в угольных копях... Эта работа по большей части очень тяжелая. Многие из этих девушек поднимают до 10 тонн в день» (№ 1715, 1717). «Не думаете ли вы, что работницы, занятые в копях, безнравственнее занятых на фабриках? — Процент испорченных больше, чем среди фабричных девушек» (№ 1732). «Но вы ведь недовольны и состоянием нравственности на фабриках? — Нет» (№ 1733). «Не хотите ли вы запрещения женского труда и на фабриках? — Нет, я не хочу этого» (№ 1734). «Почему так? — Он более приличен и подходящ для женского пола» (№ 1735). «Однако он вреден для их нравственности, не так ли? — Нет, далеко не в такой мере, как на копях. Впрочем, я высказываюсь так не только по моральным, но также по физическим и социальным соображениям. Социальная деградация девушек ужасная, крайняя. Когда эти девушки становятся женами горнорабочих, мужья глубоко страдают от этой деградации, она их гонит из дома и к пьянству» (№ 1736). «Но не следует ли то же самое сказать о женщинах, занятых на железоделательных заводах? — Я не могу говорить о других отраслях производства» (№ 1737). «Но какая же разница между женщинами, работающими на железных заводах и в копях? — Я не занимался этим вопросом» (№ 1740). «Не можете ли вы открыть какую-нибудь разницу между этими двумя категориями? — С полной уверенностью я ничего не могу сказать на этот счет, но, переходя из дома в дом, познакомился с позорным положением вещей в нашем округе» (№ 1741). «Нет ли у вас страстного стремления уничтожить работу женщин повсюду, где она оказывает принижающее действие? — Да... свои лучшие чувства дети получают только от материнского воспитания» (№ 1750). «Но это относится ведь и к земледельческой работе женщин? — Она продолжается только два времени года, а у нас они работают все четыре времени года» (№ 1751). «Они часто работают днем и ночью, промокшие до костей, их организм ослабляется, их здоровье надламывается». «Вы не занимались общим изучением этого вопроса (о труде женщин)? — Я наблюдал вокруг себя и могу только сказать, что нигде не нашел я чего-либо подобного работе женщин при копях. Это — мужской труд, притом труд для сильных мужчин» (№ 1753, 1793, 1794). «Лучшие из горнорабочих, которые хотят подняться и просветиться, в своих женах не находят

себе никакой опоры, а, напротив, благодаря им опускаются» (№ 1808). После того как буржуа еще повопрошали вкривь и вкось, обнаружилась, наконец, тайна их «сострадания» к вдовам, бедным семьям и т. д. «Собственник копей главный надзор поручает известным джентльменам; последние, чтобы снискать одобрение, придерживаются такой политики, что все стараются поставить на возможно экономную ногу, и работницы-девушки получают от 1 ш. до 1 ш. 6 п. в день за такую работу, за которую мужчине пришлось бы платить 2 ш. 6 п.» (№ 1816).

4) Присяжные по осмотру трупов. «По отношению к coroner's inquests [расследованиям присяжных по осмотру трупов] в ваших округах довольны ли рабочие судебной практикой, когда происходят несчастные случаи? — Нет, они недовольны» (№ 360). «Почему нет? — В особенности потому, что присяжными назначают людей, которые абсолютно ничего не понимают в копях. Рабочих никогда не привлекают иначе, как только в качестве свидетелей. В общем приглашают соседних лавочников, которые находятся под влиянием владельцев копей, их покупателей, и не понимают даже технических выражений свидетелей. Мы требуем, чтобы горнорабочие составляли часть присяжных. Обыкновенно приговоры противоречат показаниям свидетелей» (№ 361, 364, 366, 368, 371, 375). «Не должны ли присяжные быть беспристрастными? — Да». «А будут ли таковыми рабочие? — Я не вижу оснований, почему бы им не быть беспристрастными. У них во всяком случае больше знания дела». «Но не будут ли они склонны выносить несправедливо суровые приговоры в интересах рабочих? — Нет, я не думаю этого» (№ 378, 379, 380).

5) Неправильная мера и вес и т. д. Рабочие требуют еженедельной расплаты вместо двухнедельной, измерения по весу, а не по емкости ведер, защиты против употребления неправильных весов и т. д. (№ 1071). «Если ведра обманным образом увеличиваются, то ведь рабочий, известив за 14 дней, может оставить копь? — Но если он поступит на другое место, он и там встретит то же самое» (№ 1071). «Но все же он может оставить место, на котором учинена несправедливость? — Везде царит то же самое» (№ 1072). «Но рабочий во всякое время может оставить свое место, предупредив за 14 дней? — Да» (№ 1073). Кончено дело!

6) Горная инспекция. Рабочие страдают не только от несчастных случаев при взрыве газов. «Нам не менее приходится жаловаться на плохую вентиляцию угольных копей, благодаря чему рабочие едва могут дышать в них; вследствие этого они утрачивают способность ко всякого рода работе. Так, напр., как раз в настоящее время в той части копи, где я работаю, отвратительный воздух на недели свалил многих рабочих в постель. В главных ходах воздуха обыкновенно достаточно, но недостаточно как раз в местах, где мы работаем. Если рабочий пошлет инспектору

жалобу на вентиляцию, его уволят, и он сделается «отмеченным» человеком, который и ни на каких других местах не найдет работы. «Mining inspecting Act» [Акт о горной инспекции] 1860 г. — просто клочок бумаги. Инспектор — а их число слишком мало — делает формальное посещение, быть может, один раз в семь лет. Наш инспектор, — совершенно нетрудоспособный семидесятилетний старик, которому подчинено более 130 каменноугольных копей. Кроме большего количества инспекторов нам требуются субинспектора» (№ 234 и сл.). «В таком случае правительство должно содержать такую армию инспекторов, чтобы они могли сами, без указаний со стороны рабочих, делать все, что вам требуется? — Это невозможно, но, чтобы получать указания, они должны являться на самые копи» (№ 280, 277). «Не думаете ли вы, что следствием было бы то, что ответственность (!) за вентиляцию и т. д. с владельцев копей была бы свалена на правительственных чиновников? — Отнюдь нет; их дело должно заключаться в том, чтобы принудить к соблюдению уже существующих законов» (№ 285). «Говоря о субинспекторах, не имеете ли вы в виду людей с уменьшенным содержанием и низшего сорта по сравнению с теперешними инспекторами? — Я вовсе не за понижение, если вы дадите лучших» (№ 294). «Хотите ли вы большего числа инспекторов или людей пониженного класса по сравнению с инспекторами? — Нам нужны люди, которые сами толкались бы в копях, которые не дрожали бы за свою шкуру» (№ 295). «Если бы ваше желание инспекторов ухудшенного сорта исполнилось, то не породит ли опасности недостаток умелости у них и т. д.? — Нет, дело правительства назначить подходящих людей» (№ 297). Такой способ допроса показался, наконец, и самому президенту следственной комиссии слишком нелепым. «Вы хотите, — вмешивается он, — людей-практиков, которые осматривали бы самые копи и доносили инспектору, который тогда может использовать свои более широкие знания» (№ 298, 299). «Не потребует ли вентиляция всех этих старых копей слишком больших издержек? — Да, издержки, вероятно, возрастут, но жизнь людей будет защищена» (№ 531). Один углекоп протестует против статьи 17 акта 1860 г.: «В настоящее время, если горный инспектор находит какую-либо часть копи в непригодном для работы состоянии, он должен сообщать об этом владельцу копи и министру внутренних дел. После этого владельцу копи дается 20 дней на размышление; по истечении этих 20 дней он может отказаться от каких бы то ни было перемен. Если он именно так и делает, он должен написать министру внутренних дел и предложить ему 5 горных инженеров, из числа которых министр должен назначить третейских судей. Мы утверждаем, что в этом случае владелец копей фактически назначает судей в своем собственном деле» (№ 581). Буржуа, производящий допрос, сам владелец копей: «Это — чисто умозрительное возражение» (№ 586).

«Следовательно, вы очень невысокого мнения о честности горных инженеров? — Я говорю, что это очень неправильно и несправедливо» (№ 588). «Не занимают ли горные инженеры такого в некотором роде официального положения, что их решения стоят выше пристрастности, которой вы опасаетесь? — Я отказываюсь отвечать на вопросы о личном характере этих людей. Я убежден, что во многих случаях они действуют очень пристрастно и что следует лишить их такой власти, где на карту ставится человеческая жизнь» (№ 589). У того же буржуа хватает бесстыдства спросить: «Не думаете ли вы, что и владельцы копей терпят убытки от взрывов?» Наконец: «Не можете ли вы, рабочие, сами защитить свои интересы, не прибегая к помощи правительства? — Нет» (№ 1042). В 1865 г. в Великобритании было 3217 каменноугольных копей и 12 инспекторов. Один владелец копей в Йоркшире («Times», 26 января 1867 г.) сам высчитывает, что инспектора, даже отвлекаясь от их чисто бюрократических обязанностей, которые поглощают все их время, могли бы посетить каждую копь только один раз в 10 лет. Неудивительно, что в последние годы (особенно в 1866 и 1867) число и размеры катастроф все увеличивались (иногда количество жертв выражается в цифре 200—300 рабочих). Таковы прелести «свободного» капиталистического производства.

Во всяком случае акт 1872 г., какими бы недостатками он ни обладал, является первым, который регулирует число часов труда детей, занятых в копях, и до известной степени возлагает ответственность за так называемые несчастные случаи на эксплуататоров и владельцев копей.

Королевская комиссия 1867 г. для обследования труда детей, подростков и женщин в земледелии опубликовала несколько очень важных отчетов. Сделано было несколько попыток применить к земледелию принципы фабричного законодательства хотя бы и в модифицированной форме, но все они до сих пор оканчивались полной неудачей. Но одно должен я отметить здесь: существование непреодолимой тенденции к всеобщему применению этих принципов.

Если, с одной стороны, всеобщее распространение фабричного законодательства, как средства физической и интеллектуальной защиты рабочего класса, сделалось неизбежным, то, с другой стороны, как уже указано выше, оно делает всеобщим и ускоряет превращение раздробленных процессов труда, ведущихся в карликовом масштабе, в комбинированные процессы труда в крупном, общественном масштабе, т. е. обобщает и ускоряет концентрацию капитала и единодержавие фабричного режима. Оно разрушает все старинные и переходные формы, за которыми еще отчасти прячется господство капитала, и заменяет их прямым, неприкрытым господством капитала. Таким образом оно придает всеобщий характер и прямой борьбе против этого господства. При-

нуждая отдельные мастерские к единообразию, регулярности, порядку и экономии, оно благодаря тому мощному толчку, который ограничение и урегулирование рабочего дня дают технике, увеличивает анархию и катастрофы капиталистического производства, взятого в целом, увеличивает интенсивность труда и конкуренцию машины с рабочим. Вместе со сферами мелкого производства и работы на дому оно уничтожает последние убежища «избыточных» рабочих и, следовательно, существовавший до того времени предохранительный клапан всего общественного механизма. Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процесса производства оно приводит к созреванию противоречия и антагонизмы его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементы для образования нового и моменты переворота старого общества[322].

---

[322] Роберт Оуэн, отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, который, однако, как отмечено выше, вовсе не разделял иллюзий своих преемников насчет значения этих изолированных элементов преобразования, не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции. Г-н Виссеринг, профессор политической экономии в Лейденском университете, как будто предчувствует нечто подобное и в своей «Handbock van Praktische Staatshuishoudkunde», [Amsterdam] 1860—1862, которая преподносит в самой подходящей форме все пошлости вульгарной экономии, рьяно выступает за ремесленное производство против крупной промышленности. {*К 4-му изд.* «Новые юридические хитросплетения» (стр. 264) [стр. 305 настоящего тома], созданные английским законодательством посредством взаимно противоречащих Factory Acts, Factory Extension Act и Workshops' Act, сделались, наконец, невыносимыми, и потому в Factory and Workshop Act 1878 г. осуществлена кодификация всего законодательства в этой области. Конечно, здесь невозможно дать подробную критику этого и до сих пор остающегося в силе промышленного кодекса Англии. Ограничимся следующими замечаниями. Акт распространяется: 1) На текстильные фабрики. Здесь в общем остается все по-старому: разрешенное рабочее время для детей от 10 лет составляет $5^1/_2$ часов в день или же по 6 часов, но в таком случае суббота свободна; для подростков и женщин — пять дней по 10 часов, в субботу самое большее $6^1/_2$ часов. — 2) На нетекстильные фабрики. Постановления для них теперь более приближены к постановлениям, отмеченным под № 1, чем то было раньше, но все еще сохраняются некоторые благоприятные для капиталистов исключения, которые в известных случаях могут быть еще более расширены по специальному разрешению министра внутренних дел. — 3) На Workshops [мастерские], определяемые приблизительно так же, как в прежнем акте; поскольку в них работают дети, подростки или женщины, Workshops почти приравнены к нетекстильным фабрикам, однако опять-таки с послаблениями в деталях. — 4) На Workshops, в которых нет детей и подростков, а работают лишь лица обоего пола от 18-летнего возраста; для этой категории установлены дальнейшие послабления. — 5) На Domestic Workshops [домашние мастерские], в которых работают только члены семьи в собственной квартире; еще более эластичные правила и кроме того такое ограничение, что инспектор без особого министерского или судебного разрешения может посещать лишь такие помещения, которые не служат одновременно и жилыми помещениями; наконец, полная свобода соломоплетения, вязания кружев, перчаточного производства в семье. При всех своих недостатках этот акт наряду

10. КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

Революция, которую крупная промышленность вызывает в земледелии и в общественных отношениях агентов земледельческого производства, может быть изложена лишь впоследствии. Здесь будет достаточно, упреждая дальнейшее изложение, указать на некоторые ее результаты. Если употребление машин в земледелии по большей части свободно от вредных физических последствий, которые оно приносит фабричному рабочему [323], то зато оно действует здесь еще интенсивнее и, не встречая сопротивления, влияет на превращение рабочих в «избыточных», как позже мы покажем это подробнее. В графствах Кэмбридж и Саффольк, напр., площадь возделываемой земли за последние двадцать лет сильно увеличилась, между тем как сельское население за тот же период уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В Соединенных Штатах Северной Америки земледельческие машины замещают рабочих пока только потенциальных, т. е. они дают производителю возможность возделывать бо́льшую площадь, но фактически не прогоняют занятых рабочих. В Англии и Уэльсе число лиц, принимающих участие в фабрикации земледельческих машин, составляло в 1861 г. 1034, между тем как число земледельческих рабочих, занятых при паровых и рабочих машинах, составляло всего лишь 1205.

В сфере земледелия крупная промышленность действует с величайшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и социальные противоположности становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального, нецелесообразного ведения дела выступает сознательное технологическое применение науки. Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает

с швейцарским федеральным фабричным законом 23 марта 1877 г. все еще остается лучшим законом в этой области. Сравнение его с только что упомянутым швейцарским федеральным законом представляет особый интерес потому, что оно делает весьма наглядным преимущества и недостатки двух законодательных методов — английского, «исторического», вмешивающегося от случая к случаю, и континентального, построенного на традициях французской революции, более обобщающего метода. К сожалению, английский кодекс в его применении к мастерским по большей части все еще остается мертвой буквой вследствие недостаточного персонала инспекторов. — *Ф. Э.*}

[323] Подробное описание машин, применяемых в английском земледелии, находится у д-ра *W Hamm:* «Die Landwirtschaftlichen Geräthe und Maschinen Englands», 2-е издание, 1856. В своем очерке развития английского земледелия г. Гамм слишком некритически следует за г. Леонсом де Лавернем. {*К 4-му изд.* Конечно, эта работа теперь устарела. — *Ф. Э.*}

в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их развившихся в противоположности форм. Вместе с постоянно растущим перевесом городского населения, которое скопляет капиталистическое производство в крупных центрах, оно, с одной стороны, накопляет историческую силу движения общества вперед, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и интеллектуальную жизнь сельских рабочих[324]. Но, разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство вынуждает восстановить его уже систематически, в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека. В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время мартирологом производителей, средство труда — средством порабощения, средством эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности. Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и бóльшая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, как, напр., Соединенные Штаты Северной Америки, исходит от крупной промышленности как скрытого базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения[325].

---

[324] «Вы разделяете народ на два враждебных лагеря: грубую деревенщину и изнеженных карликов. Небесный боже! Нация, разделяющаяся по различию земледельческих и торговых интересов, считает себя здоровой и даже именует себя просвещенной и цивилизованной не вопреки этому чудовищному и неестественному разделению, а будто бы как раз в силу его» (*David Urquhart:* «Familiar Words». London 1855, стр. 119). Это место обнаруживает одновременно силу и слабость такой критики, которая умеет обсуждать и осуждать современность, но не умеет понять ее.

[325] Ср. *Liebig:* «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie», 7-е издание 1862, в особенности «Einleitung in die Naturgesetze des Feldbaues» в первом томе. [Ср. *Ю. Либих:* «Химия в приложении к земле-

Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего.

делию и физиологии растений». Москва 1870. Введение.] Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бессмертных заслуг Либиха. Его исторические экскурсы в историю земледелия, хотя и не свободные от грубых ошибок, тоже бросают свет на некоторые вопросы. Можно только пожалеть, что он отваживается на-авось высказывать такие мнения, как следующее: «Проведенное далее измельчание и частое вспахивание усиливают обмен воздуха внутри пористых частиц земли, увеличивают и обновляют ту поверхность последних, на которую должен воздействовать воздух; но легко понять, что увеличение урожая не может быть пропорциональным труду, затраченному на поле, что, напротив, урожай возрастает в много меньшей пропорции». «Этот закон, — добавляет Либих, — впервые следующим образом выражен Дж. Ст. Миллем в его «Principles of Political Economy», т. I, стр. 17: «Что продукт земли caeteris paribus [при прочих равных условиях] возрастает в убывающей пропорции по сравнению с увеличением числа занятых рабочих (г. Милль даже общеизвестный закон школы Рикардо повторяет здесь в неверной формулировке, так как «the decrease of the labourers employed» [«уменьшение числа занятых рабочих»] постоянно сопровождало в Англии прогресс земледелия, и потому закон, изобретенный для Англии и в Англии, оказался бы совершенно неприменимым, по меньшей мере, в Англии), — это — универсальный закон земледелия». Это достойно удивления, так как для Милля оставалась неизвестной причина, лежащая в основе этого закона» (Либих, в цитированной работе, том I, стр. 143 [русск. изд., стр. 100] и примечание). Не говоря уже о неправильном толковании слова «труд», под которым Либих разумеет нечто иное, чем политическая экономия, во всяком случае «достойно удивления», что он делает Дж. Ст. Милля первым провозвестником теории, которую Джемс Андерсон впервые обнародовал в эпоху А. Смита и потом повторял в различных работах до начала XIX века, которую в 1815 г. присвоил себе Мальтус, вообще мастер на плагиаты (вся его теория населения представляет бессовестный плагиат), которую Уэст тогда же развил независимо от Андерсона, которую Рикардо в 1817 г. связал с общей теорией стоимости, которая с того времени под именем Рикардо обошла вокруг всего света, которая в 1820 г. была вульгаризована Джемсом Миллем (отцом Дж. Ст. Милля) и которая, наконец, была повторена между прочим и г. Дж. Ст. Миллем в качестве школьной догмы, превратившейся в общее место. Бесспорно, что Дж. Ст. Милль обязан своим во всяком случае «достойным удивления» авторитетом почти только подобным qui pro quo.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ.

Выше (см. пятую главу) мы рассматривали процесс труда абстрактно, независимо от его исторических форм, как процесс между человеком и природой. Мы говорили там. «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд». В примечании 7 было добавлено: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства». Это и подлежит здесь дальнейшему исследованию.

Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей он сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и рука принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. в продукт рабочего персонала, комбинированного таким образом, что различные члены его ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие

производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций. Приведенное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности.

Однако, с другой стороны, понятие производительного труда суживается. Капиталистическое производство есть не только производство товара, но по самому своему существу есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому уже недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию стоимости капитала. Так, напр., школьный учитель, — если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого рассматриваемое отношение нисколько не изменяется. Поэтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя также специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие. В четвертой книге этой работы, где трактуется история теории, будет ближайшим образом показано, что классическая политическая экономия издавна видела в производстве прибавочной стоимости характерный отличительный признак производительного рабочего. Поэтому с изменением взглядов ее на природу прибавочной стоимости изменяется и ее определение производительного рабочего. Так, по заявлению физиократов, производителен только земледельческий труд, так как только он доставляет прибавочную стоимость. Для физиократов прибавочная стоимость существует исключительно в форме земельной ренты.

Удлинение рабочего дня за те границы, в пределах которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом — вот в чем состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Производство абсолютной прибавочной стои-

мости образует всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. При производстве относительной прибавочной стоимости рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время. Производство абсолютной прибавочной стоимости связано только с длиной рабочего дня; производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки.

Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства; последний с характерными для него методами, средствами и условиями сам стихийно возникает и развивается лишь на основе формального подчинения труда капиталу. Вместе с тем формальное подчинение труда капиталу уступает место реальному.

Здесь достаточно простого указания на ублюдочные формы, при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения и, с другой стороны, еще не выступило его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. Наряду с самостоятельными производителями, которые занимаются ремеслом или земледелием на основе традиционных прадедовских способов, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, который, как паразит, высасывает их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, именно она может составить переходную ступень к этому последнему, что было в конце средних веков. Наконец, как показывает пример современной работы на дому, известные ублюдочные формы воспроизводятся частично и на почве крупной промышленности, принимая, однако, совершенно измененный вид.

Если, с одной стороны, для производства абсолютной прибавочной стоимости вполне достаточно формального подчинения труда капиталу, достаточно, напр., чтобы ремесленник, работавший прежде самостоятельно, на себя самого, или в качестве подмастерья цехового мастера, превратился в наемного рабочего, находящегося под непосредственным контролем капиталиста, — то, с другой стороны, методы производства относительной прибавочной стоимости являются, как мы видели, в то же время методами производства абсолютной прибавочной стоимости. Ведь чрезмерное удлинение рабочего дня предстало перед нами как наиболее характерный продукт крупной промышленности. Вообще

специфически капиталистический способ производства перестает быть простым средством для производства относительной прибавочной стоимости, раз он овладел целой отраслью производства или, более того, всеми решающими отраслями производства. Он становится тогда всеобщей, общественно господствующей формой производственного процесса. Как особый метод производства относительной прибавочной стоимости, он действует теперь лишь постольку, поскольку, во-первых, охватывает отрасли промышленности, до того времени подчиненные капиталу лишь формально, следовательно поскольку он все больше распространяется. Во-вторых, поскольку отрасли промышленности, уже попавшие в его власть, непрерывно революционизируются благодаря изменению методов производства.

С известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня. Но если обратить внимание на движение прибавочной стоимости, это кажущееся тождество исчезнет. Раз капиталистический способ производства возник и стал всеобщим способом производства, разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью дает себя знать, когда дело идет о повышении нормы прибавочной стоимости вообще. Предполагая, что рабочая сила оплачивается по ее стоимости, мы становимся перед такой альтернативой: если дана производительная сила труда и нормальная степень его интенсивности, то норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем абсолютного удлинения рабочего дня; с другой стороны, при данных границах рабочего дня норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем изменения относительной величины составных частей рабочего дня, т. е. необходимого и прибавочного труда, что, в свою очередь, предполагает изменение производительности или интенсивности труда, поскольку заработная плата не должна падать ниже стоимости рабочей силы.

Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых жизненных средств для себя и своей семьи, то у него, конечно, не останется времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и ра-

бовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни было класс крупных собственников[1].

Таким образом, можно говорить о естественном базисе прибавочной стоимости, но лишь в том совершенно общем смысле, что в природе не существует никакого абсолютного препятствия, мешающего одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания его собственного существования. С тем же самым правом можно утверждать, напр., что в природе нет абсолютного препятствия, мешающего одному человеку употреблять в пищу мясо другого[1a]. Отнюдь не следует, как это иногда делалось, связывать с этой естественно вырастающей производительностью труда мистические представления. Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда, таким образом, их труд уже до известной степени обобществлен, — лишь тогда наступают условия, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого. На зачаточных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних. Далее, на указанных первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно[2]. Впрочем, капитал, как общественное отношение, возникает на экономической почве, представляющей собою продукт длительного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой он исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков.

Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п. и к окружающей человека природе. Внешние природные условия

---

[1] «Уже самое существование капиталистических предпринимателей как особого класса зависит от производительности труда» (*Ramsay:* «An Essay on the Distribution of Wealth». London 1821, стр. 206). «Если бы труд каждого человека был достаточен только для добывания его собственного пропитания, то не могло бы существовать собственности» (*Ravenstone:* «Thoughts on the Funding System». London 1824, стр. 14).

[1a] По недавно сделанному исчислению, в пределах только тех стран, которые уже обследованы европейцами, живет по меньшей мере 4 000 000 каннибалов.

[2] «У диких индейцев Америки почти все принадлежит работнику, 99 процентов продукта приходится отнести на долю труда; в Англии на долю рабочего, может быть, не приходится и $^2/_3$» («The Advantages of the East-India Trade etc.». London 1720, стр. 72, 73).

экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. При зачатках культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства. Сравните, напр., Англию с Индией или — в античном мире — Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря.

Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя. Так, уже Диодор замечает относительно древних египтян: «Совершенно невероятно, как мало труда и издержек стоит им воспитание своих детей. Они варят для них первую попавшуюся простую пищу; дают им также есть нижнюю часть папируса, которую можно зажарить на огне, кроме того корни и стебли болотных растений частью в сыром виде, частью вареные и жареные. Большинство детей ходит без обуви и без платья, так как климат очень мягкий. Поэтому вырастить ребенка стоит родителям в общем не более двадцати драхм. Этим главным образом объясняется многочисленность населения в Египте, давшая возможность воздвигнуть столь много грандиозных сооружений»[3]. В действительности, однако, грандиозные сооружения древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения, сколько тому обстоятельству, что значительная часть последнего могла быть употреблена на это дело. Индивидуальный рабочий может доставить тем больше прибавочного труда, чем меньше его необходимое рабочее время; то же самое относится и к рабочему населению в целом: чем меньшая часть его требуется для производства необходимых жизненных средств, тем больше остальная его часть, которую можно употребить на какое-либо другое дело.

Раз дано капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда и в особенности от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ве-

---

[3] «Diodor's von Sicilien Historische Bibliothek», кн. 1, гл. 80 [стр. 126].

дет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью[4]. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать ее или подчинить ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте[5], Ломбардии, Голландии и т. д. или в Индии, Персии и т. д., где орошение искусственными каналами не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна хозяйственного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в искусственном орошении[6].

Благоприятные естественные условия доставляют всегда лишь возможность прибавочного труда, но отнюдь не создают сами по

---

[4] «Первое (естественное богатство), будучи более благоприятным и выгодным,... делает народ беззаботным, заносчивым и преданным всяким излишествам, в то время как второе способствует развитию бдительности, наук, искусств и политических учреждений» («England's Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure. Written by Thomas Mun, of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun». London 1669, стр. 181, 182). «И я не могу представить себе большего проклятия для народа, как быть брошенным на клочок земли, где природа сама производит в изобилии средства жизни и пищу, а климат не требует или не допускает значительных забот об одежде и защите от непогоды... Возможна и противоположная крайность. Почва, не способная производить при помощи вложенного в нее труда, совершенно так же плоха, как почва, изобильно производящая без всякого приложения труда» («An Inquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London 1767, стр. 10).

[5] Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия. «Солнцестояние есть тот момент в году, когда вода Нила начинает прибывать, его египтяне должны были наблюдать с особым вниманием... Им важно было определить этот период года, чтобы регулировать свои сельскохозяйственные мероприятия. Они должны были поэтому искать на небе знака, указывающего на его возвращение» (*Cuvier:* «Discours sur les révolutions du globe», изд. Hoefer. Paris 1863, стр. 141).

[6] Одною из материальных основ государственной власти над не связанными между собою мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения. Магометанские властители Индии понимали это лучше, чем их английские преемники. Мы напомним лишь о голоде 1866 г., который стоил жизни более чем миллиону индусов в округе Орисса Бенгальского президентства.

себе действительного прибавочного труда, а следовательно, и прибавочной стоимости или прибавочного продукта. Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей [7], следовательно к тому, что при прочих сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т. е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность. Среди западноевропейского общества, где рабочий лишь при помощи прибавочного труда может купить себе позволение трудиться для поддержания собственного существования, легко возникает иллюзия, будто доставлять прибавочный продукт является врожденным качеством человеческого труда [8]. Но возьмем, напр., жителей восточных островов азиатского архипелага, где саго растет в лесу в диком виде. «Туземцы, пробуравив в дереве дыру и убедившись, что сердцевина созрела, рубят дерево, разделяют его на несколько кусков, выцарапывают сердцевину, смешивают ее с водой и, отцедив воду, получают саговую муку, совершенно годную к употреблению. Одно дерево дает обыкновенно 300 ф. и может дать от 500 до 600 ф. Там отправляются, таким образом, в лес нарубить себе хлеба, как у нас отправляются в лес за дровами» [9]. Допустим, что такому восточноазиатскому хлебоколу требуется 12 рабочих часов в неделю для удовлетворения всех его потребностей Благоприятные естественные условия дают ему непосредственно лишь одно — избыток свободного времени. Для того чтобы он производительно употребил его на самого себя, необходим целый ряд исторических условий; для того чтобы он затрачивал его в виде прибавочного труда на других лиц, требуется внешнее принужде-

---

[7] «Нет двух стран, которые доставляли бы одинаковое количество средств существования в одинаковом изобилии и с одной и той же затратой труда;... нужды людей возрастают или уменьшаются... в зависимости от суровости или умеренности климата, в котором они живут; следовательно, те размеры, в которых жители различных стран вынуждены вести свою промышленность, не могут быть одинаковыми, и нет возможности установить степени их вариаций иначе, как в связи со степенями тепла и холода; отсюда может быть выведено то общее заключение, что количество труда, необходимого для поддержания жизни населения известной величины, наибольшее в холодном климате, наименьшее — в жарком, потому что в первом случае не только люди больше нуждаются в одежде, но и земля больше нуждается в обработке, чем во втором случае» («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest». London 1750, стр. 59). Автор этого анонимного сочинения, составившего эпоху, — Дж. Мэсси. Юм заимствовал из него свою теорию процента.

[8] «Всякий труд должен (надо думать, это тоже относится к правам и обязанностям гражданина) оставлять избыток» (Прудон).

[9] *F. Schouw:* «Die Erde, die Pflanzen und der Mensch», 2-е изд., Leipzig 1854, стр. 148.

ние. Если бы там было введено капиталистическое производство, то нашему молодцу пришлось бы, может быть, работать шесть дней в неделю, чтобы иметь возможность употребить в свою пользу продукт одного рабочего дня. Щедрость природы отнюдь не объясняет, почему он работает теперь шесть дней в неделю или почему дает 5 дней прибавочного труда, т. е. громадный прибавочный продукт. Она объясняет лишь, почему его необходимое рабочее время ограничено одним днем в неделю. Но его прибавочный продукт ни в коем случае не мог возникнуть из некоего таинственного свойства, от природы присущего человеческому труду.

Производительные силы труда, — как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самою природою, — кажутся производительными силами капитала, который освоил труд.

Рикардо никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости. Он рассматривает ее как нечто внутренне присущее капиталистическому способу производства, который в его глазах является естественной формой общественного производства. Там, где он говорит о производительности труда, он ищет в ней не причину существования прибавочной стоимости, а лишь причину, определяющую величину последней. Между тем его школа громко провозгласила, что причиной возникновения прибыли (читай: прибавочной стоимости) является производительная сила труда. Это во всяком случае прогресс по сравнению с меркантилистами, которые, с своей стороны, выводят избыток цены продукта над издержками его производства из обмена, из продажи продуктов выше их стоимости. Однако и школа Рикардо лишь обошла проблему, а не разрешила ее. И это понятно: инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости. Но что сказать, когда господин Джон Стюарт Милль через пятьдесят лет после Рикардо повторяет в ухудшенном виде негодные увертки первых вульгаризаторов Рикардо и на этом основании с чувством собственного достоинства констатирует свое превосходство над меркантилистами?

Милль говорит: «Причина прибыли заключается в том, что труд производит больше, чем необходимо для его содержания». Пока это лишь старые перепевы; но Милль хочет присоединить сюда и кое-что свое. «Или, выражаясь иначе, причина, по которой капитал приносит прибыль, состоит в том, что пища, платье, сырье и средства труда существуют более продолжительное время, чем необходимо для их производства». Милль смешивает здесь продолжительность рабочего времени и продолжительность существования его продуктов. С этой точки зрения булочник, продукты которого существуют лишь один день, никогда не был бы

в состоянии извлечь из своих наемных рабочих столько же прибыли, сколько извлекает машиностроитель, продукты которого существуют двадцать лет и более. Несомненно во всяком случае, что если бы птичьи гнезда выдерживали лишь столько времени, сколько требуется для их устройства, птицам пришлось бы обходиться без гнезд.

Установив эту основную истину, Милль устанавливает далее свое превосходство над меркантилистами: «Мы видим, таким образом, что прибыль возникает не из побочного факта обмена, а из производительной силы труда; совокупная прибыль данной страны определяется всегда производительной силой труда независимо от того, имеет ли место обмен или нет. Если бы не было разделения занятий, не было бы ни купли, ни продажи, но прибыль все-таки осталась бы». Итак, здесь обмен, купля и продажа — эти общие условия капиталистического производства — объявляются совершенно побочным обстоятельством; прибыль остается даже в том случае, если нет ни купли, ни продажи рабочей силы!

Далее: «Если совокупность рабочих данной страны производит на 20% больше суммы их заработных плат, то прибыль будет 20%, каково бы ни было состояние товарных цен». — Это, с одной стороны, в высшей степени удачная тавтология, потому что, раз рабочие производят для своих капиталистов 20% прибавочной стоимости, то, само собой разумеется, прибыль капиталистов будет относиться к совокупной заработной плате рабочих, как 20:100. С другой стороны, совершенно не верно, что прибыль «будет 20%». Она неизбежно будет меньше, так как прибыль исчисляется на всю сумму авансированного капитала. Пусть, напр., капиталист авансировал 500 ф. ст., в том числе 400 ф. ст. в форме средств производства, 100 ф. ст. в форме заработной платы. Пусть норма прибавочной стоимости, как предположено выше, 20%. Тогда норма прибыли будет 20:500, т. е. 4%, а не 20%.

Далее следует блестящий образчик того, как Милль обращается с различными историческими формами общественного производства: «Я предполагаю везде современное положение вещей, которое, за немногими исключениями, господствует повсюду, т. е. что капиталист производит все предварительные затраты, включая сюда и оплату рабочего». Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор существовали на земном шаре лишь в виде исключения. Но пойдем дальше. Милль благосклонно соглашается, что «нет абсолютной необходимости, чтобы это было так»*. Напротив. «Рабочий мог бы

---

* На основании указания Маркса, сделанного им Н. Ф. Даниэльсону (Н. —ону) в письме от 28/XI 1878 г., начало этого абзаца надлежит исправить следующим образом:

«Далее следует блестящий образчик того, как Милль обращается с различными историческими формами общественного производства: «Я предпо-

подождать уплаты всего своего заработка до полного окончания работы, если бы он имел необходимые жизненные средства в течение этого периода. Но в этом случае он был бы до известной степени капиталистом, который вкладывал бы капитал в предприятие и доставлял бы часть фонда, необходимого для ведения последнего». С таким же правом Милль мог бы сказать, что рабочий, ссужающий самого себя не только жизненными средствами, но и средствами труда, является в действительности своим собственным наемным рабочим. Или, что американский крестьянин оказывается своим собственным рабом, отличающимся от обыкновенного раба лишь тем, что он отбывает барщину для самого себя, а не для господина.

Показав, таким образом, с полной ясностью, что если бы даже не существовало капиталистического производства, то оно все-таки существовало бы, Милль с той же последовательностью доказывает затем, что капиталистическое производство не существует даже в том случае, если оно существует. «Но даже и в последнем случае (т. е. если капиталист авансирует наемному рабочему все средства его существования) рабочего можно рассматривать с той же самой точки зрения (т. е. как капиталиста). Потому что, отдавая свой труд ниже его рыночной цены (!), он как бы авансирует разницу (?) своему предпринимателю и т. д.»[9a]. В действительности рабочий даром авансирует капиталисту свой труд в течение недели и т. д. с тем, чтобы в конце недели и т. д. получить его рыночную цену; по Миллю это делает его капиталистом! На плоской равнине всякая кочка кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее «великих мыслителей».

лагаю везде, — говорит он, — современное положение вещей, которое, за немногими исключениями, господствует повсюду, где рабочие и капиталисты образуют особые классы». Милль хочет верить, что «нет абсолютной необходимости, чтобы это было так, даже при такой экономической системе, где рабочие и капиталисты образуют особые классы»». Ср. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVII, стр. 18. *Ред.*

[9a] *J. St. Mill:* «Principles of Political Economy». London 1868, стр. 252—253, в разных местах. [Ср. *Дж. Ст. Милль:* «Основания политической экономии». Русск. перев. под ред. Чернышевского, 1909 г., кн. II, гл. 14, стр. 395.] {Приведенные места взяты из французского издания «Капитала». — *Ф. Э.*}

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ИЗМЕНЕНИЕ В ВЕЛИЧИНЕ ЦЕНЫ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью привычно необходимых жизненных средств среднего рабочего. Масса этих жизненных средств, несмотря на возможные изменения их формы, для данной эпохи и данного общества дана и потому должна рассматриваться как величина постоянная. Меняется только стоимость этой массы. Еще два фактора входят в определение стоимости рабочей силы. С одной стороны, издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа производства, с другой стороны — естественные различия между трудом мужским и женским, трудом взрослых рабочих и подростков. Потребление этих различных рабочих сил, обусловленное опять-таки способом производства, создает крупную разницу в издержках воспроизводства рабочей семьи и в стоимости взрослого рабочего мужчины. Однако оба эти фактора не принимаются в расчет в дальнейшем исследовании [9b].

Мы предполагаем: 1) что товары продаются по их стоимости; 2) что цена рабочей силы может иногда подниматься выше стоимости, но никогда не падает ниже ее.

При таком предположении относительные величины цены рабочей силы и прибавочной стоимости определяются тремя обстоятельствами: 1) длиной рабочего дня, или экстенсивной величиной труда; 2) нормальной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, — тем, что определенное количество труда затрачивается в течение данного времени; 3) наконец, производительной силой труда, — тем, что в зависимости от степени развития условий производства одно и то же количество труда в течение данного времени может дать большее или меньшее количество продукта. Очевидно, что здесь возможны самые разнообразные комбинации, если один из этих трех факторов постоянен, а два изменяются, или два постоянны, а один изменяется, или же, наконец, все три изменяются одновременно. Число комбинаций увеличивается еще благодаря тому обстоятельству, что при одно-

---

[9b] Случай, рассмотренный на стр. 281 [стр. 323—324 настоящ. тома], здесь, естественно, также исключен. {*Примечание к 3-му изд. — Ф. Э.*}

временном изменении различных факторов величина и направление изменений могут быть различны. В дальнейшем исследованы лишь главнейшие комбинации.

I. ВЕЛИЧИНА РАБОЧЕГО ДНЯ И ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ПОСТОЯННЫ (ДАНЫ), ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА ИЗМЕНЯЕТСЯ.

При этом предположении стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость определяются тремя законами:

Во-первых: Рабочий день данной величины всегда выражается в одной и той же вновь произведенной стоимости, как бы ни изменялась производительность труда и вместе с ней масса продуктов, а следовательно, и цена единицы товара.

Стоимость, производимая вновь в течение двенадцатичасового рабочего дня, равна, напр., 6 ш., хотя количество произведенных потребительных стоимостей изменяется вместе с производительной силой труда и, стало быть, стоимость в 6 ш. распределяется на большее или меньшее количество товаров.

Во-вторых: Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположном направлении. Изменение производительной силы труда, ее возрастание или уменьшение, влияет на стоимость рабочей силы в обратном направлении, а на прибавочную стоимость — в прямом направлении.

Вновь произведенная в двенадцатичасовой рабочий день стоимость есть величина постоянная, напр. 6 ш. Эта постоянная величина равна сумме прибавочной стоимости плюс стоимость рабочей силы, которую рабочий замещает эквивалентом. Само собой разумеется, что из двух слагаемых постоянной величины ни одно не может увеличиваться без того, чтобы другое не уменьшалось. Стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 ш. до 4, не вызывая понижения прибавочной стоимости с 3 ш. до 2, и, обратно, прибавочная стоимость не может повыситься с 3 ш. до 4 без понижения стоимости рабочей силы с 3 ш. до 2. Следовательно, при данных условиях невозможно изменение абсолютной величины стоимости рабочей силы или прибавочной стоимости без одновременного изменения их относительных или сравнительных величин. Они не могут повышаться или понижаться одновременно.

Далее, стоимость рабочей силы не может понизиться, и, следовательно, прибавочная стоимость не может повыситься, если не повышается производительная сила труда; так, в вышеприведенном примере стоимость рабочей силы может понизиться с 3 ш. до 2 лишь в том случае, если повышенная производительная сила труда позволяет произвести в течение 4 часов ту же самую массу жизненных средств, которая раньше требовала для своего производства 6 часов. Наоборот, стоимость рабочей силы не может

повыситься с 3 до 4 ш., если производительная сила труда не упадет, так, что будет требоваться 8 часов для производства той же самой массы жизненных средств, для которой раньше было достаточно 6 часов. Отсюда следует, что увеличение производительности труда понижает стоимость рабочей силы и, следовательно, повышает прибавочную стоимость, и, наоборот, уменьшение производительности труда повышает стоимость рабочей силы и понижает прибавочную стоимость.

Формулируя этот закон, Рикардо упустил из виду одно обстоятельство: хотя изменение величины прибавочной стоимости, или прибавочного труда, предполагает обратное изменение величины стоимости рабочей силы, или необходимого труда, однако отсюда отнюдь не следует, что эти величины изменяются в одной и той же пропорции. Здесь имеет место увеличение или уменьшение на одну и ту же величину. Но та пропорция, в какой увеличивается или уменьшается каждая из составных частей вновь произведенной стоимости или рабочего дня, зависит от первоначального разделения, имевшего место до изменения производительной силы труда. Пусть стоимость рабочей силы 4 ш., или необходимое рабочее время 8 часов, прибавочная стоимость 2 ш., или прибавочный труд 4 часа; если вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы понизится до 3 ш., или необходимое рабочее время до 6 часов, то прибавочная стоимость возрастет до 3 ш., или прибавочный труд до 6 часов. Одна и та же величина в 2 часа, или 1 ш., в одном случае прибавляется, в другом — отнимается. Но относительное изменение величин в обоих случаях различно. В то время как стоимость рабочей силы падает с 4 ш. до 3, следовательно на $^1/_4$, или 25%, прибавочная стоимость повышается с 2 ш. до 3, т. е. наполовину, или на 50%. Отсюда следует, что та пропорция, в которой возрастает или уменьшается прибавочная стоимость вследствие данного изменения производительной силы труда, тем больше, чем меньше, и тем меньше, чем больше была первоначально часть рабочего дня, выражающаяся в прибавочной стоимости.

В-третьих: Возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, но никогда не причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы [10].

---

[10] К этому третьему закону Мак Куллох делает, между прочим, то нелепое добавление, что прибавочная стоимость может повышаться и без понижения стоимости рабочей силы, раз уничтожаются налоги, выплачивавшиеся раньше капиталистом. Уничтожение таких налогов абсолютно ничего не изменяет в количестве прибавочной стоимости, непосредственно высасываемой из рабочего промышленным капиталистом. Оно изменяет лишь ту пропорцию, в которой капиталист должен распределить прибавочную стоимость между своим карманом и третьими лицами. Таким образом, оно оставляет совершенно

Так как рабочий день есть величина постоянная и выражается в неизменной величине стоимости, так как, далее, каждому изменению величины прибавочной стоимости соответствует противоположное изменение стоимости рабочей силы и так как стоимость рабочей силы может изменяться лишь при изменении производительности труда, то отсюда, очевидно, следует, что при указанных условиях всякое изменение величины прибавочной стоимости возникает вследствие обратного изменения величины стоимости рабочей силы. Раньше мы видели, что никакое изменение абсолютных величин стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости невозможно без изменения их относительных величин. Из этого следует, что, и обратно, никакое изменение их относительных величин невозможно без изменения абсолютной величины стоимости рабочей силы.

Согласно третьему закону, изменение величины прибавочной стоимости предполагает изменение стоимости рабочей силы, вызванное изменением производительной силы труда. Граница первого изменения дана новым уровнем стоимости рабочей силы. Однако даже при условии, что обстоятельства позволяют рассматриваемому закону обнаружить свое действие, возможны промежуточные изменения. Так, напр., если вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы падает с 4 ш. до 3, или необходимое рабочее время — с 8 часов до 6, то цена рабочей силы может упасть всего до 3 ш. 8 п., 3 ш. 6 п., 3 ш. 2 п. и т. д., и, следовательно, прибавочная стоимость поднимется лишь до 3 ш. 4 п., 3 ш. 6 п., 3 ш. 10 п. и т. д. Степень падения, предельной границей которого являются 3 ш., зависит от удельного веса, который имеет давление капитала с одной стороны, сопротивление рабочих — с другой.

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью определенного количества жизненных средств. С изменением производительной силы труда меняется стоимость этих жизненных средств, а не их масса. При повышении производительной силы труда масса жизненных средств как рабочего, так и капиталиста может расти одновременно и в одной и той же пропорции, не вызывая никакого изменения в отношении величин цены рабочей силы и прибавочной стоимости. Если первоначальная стоимость рабочей силы 3 ш., а необходимое рабочее время равно 6 часам, и если прибавочная стоимость также 3 ш., т. е. прибавочный труд равен также 6 часам, то удвоение производительной силы труда при прежнем разделении рабочего дня оставит цену рабочей силы и прибавочную стоимость без изменения. Допустим теперь, что каждая из них

неизменным отношение между стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью. Следовательно, исключение Мак Куллоха доказывает лишь непонимание им общего правила — несчастье, постигающее его при вульгаризации Рикардо столь же часто, как Ж. Б. Сэя — при вульгаризации А. Смита.

выражается в двойном количестве, но соответственно удешевленных, потребительных стоимостей. Хотя цена рабочей силы осталась неизменной, она все же стоит теперь выше ее стоимости. Если бы цена рабочей силы упала, но не до минимальной границы в $1^1/_2$ ш., определяемой ее новой стоимостью, а до 2 ш. 10 п., 2 ш. 6 п. и т. д., то даже эта упавшая цена все же представляла бы возросшую массу жизненных средств. Таким образом, при повышающейся производительной силе труда цена рабочей силы могла бы падать непрерывно наряду с непрерывным же ростом массы жизненных средств рабочего. Но при этом относительно, т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все время уменьшалась бы, и, следовательно, все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста [11].

Рикардо первый строго формулировал три установленных выше закона. Недостатки его изложения следующие: 1) те особые условия, при которых имеют силу эти законы, он считает само собою разумеющимися, всеобщими и исключительными условиями капиталистического производства. Для него не существует изменений ни в длине рабочего дня, ни в интенсивности труда, так что производительная сила самого труда является для него единственным переменным фактором. 2) Подобно всем другим экономистам, Рикардо никогда не исследовал прибавочную стоимость как таковую, т. е. независимо от ее особых форм, каковы: прибыль, земельная рента и т. д. И эта вторая неправильность внесла в его анализ ошибки гораздо более значительные, чем первая. Законы, касающиеся нормы прибавочной стоимости, он непосредственно сваливает в одну кучу с законами нормы прибыли. Между тем, как уже было сказано, норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, тогда как норма прибавочной стоимости есть отношение прибавочной стоимости к одной лишь переменной части этого капитала. Пусть капитал в 500 ф. ст. *(K)* разделяется на сырье, средства труда и т. д., составляющие вместе 400 ф. ст. *(c)*, и 100 ф. ст. заработной платы *(v)*; пусть, далее, прибавочная стоимость = 100 ф. ст. *(m)*. Тогда норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{100\text{ ф. ст.}}{100\text{ ф. ст.}} = 100\%$. Между тем норма прибыли $\frac{m}{K} = \frac{100\text{ ф. ст.}}{500\text{ ф. ст.}} = 20\%$ Очевидно кроме того, что

---

[11] Когда наступает изменение в производительности промышленности и данным количеством труда и капитала производится больше или меньше продукта, относительная величина заработной платы может значительно изменяться, в то время как количество продуктов, представляемое этой относительной величиной, остается то же самое; или же может изменяться количество продуктов, в то время как относительная величина остается неизменной («Outlines of Political Economy etc.». London 1832, стр. 67).

норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости. Впоследствии, в третьей книге этой работы, я покажу, что при известных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости — в одной и той же норме прибыли.

II. РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА ПОСТОЯННЫ, ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ИЗМЕНЯЕТСЯ.

Растущая интенсивность труда предполагает увеличенную затрату труда в течение одного и того же промежутка времени. Более интенсивный рабочий день воплощается поэтому в большем количестве продуктов, чем менее интенсивный день той же продолжительности. Правда, и при повышении производительной силы тот же самый рабочий день доставляет больше продукта. Но в последнем случае понижается стоимость единицы продукта, так как вследствие возрастания производительности продукт стоит меньше труда, чем раньше; наоборот, в первом случае стоимость остается неизменной, так как продукт стоит того же труда, что и раньше. Количество продуктов возрастает здесь, не вызывая падения их цены. Вместе с их количеством растет и сумма их цен, тогда как при повышении производительности та же самая сумма стоимости выражается в возросшей массе продуктов. Таким образом, при неизменном количестве рабочих часов более интенсивный рабочий день воплощается в более высокой вновь созданной стоимости, а следовательно, если стоимость денег не меняется,— в большем количестве денег. Вновь созданная в течение рабочего дня стоимость изменяется с отклонением его интенсивности от нормального общественного уровня. Тот же самый рабочий день выражается теперь уже не в постоянной, как раньше, а в переменной вновь произведенной стоимости, как, напр., двенадцатичасовой день повышенной интенсивности в 7 ш., 8 ш. и т. д. вместо 6 ш., в которых выражается двенадцатичасовой рабочий день обычной интенсивности. Очевидно, что раз вновь создаваемая в течение рабочего дня стоимость изменяется, напр., с 6 до 8 ш., то обе составные части этой вновь произведенной стоимости — цена рабочей силы и прибавочная стоимость — могут возрастать одновременно в той же самой или в различной пропорции. Цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут одновременно возрасти с 3 ш. до 4, если вновь созданная стоимость возрастает с 6 ш. до 8. В данном случае возрастание цены рабочей силы не связано необходимо с повышением этой цены над стоимостью. Оно может, наоборот, сопровождаться падением ее стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного снашивания.

Нам известно, что, за преходящими исключениями, изменение производительности труда вызывает изменение в величине стоимости рабочей силы, а следовательно, и в величине прибавочной стоимости лишь в том случае, если продукты рассматриваемой отрасли промышленности входят в обычное потребление рабочего. Это ограничение в данном случае отпадает. Изменяется ли количество затраченного труда экстенсивно или интенсивно, изменению этой величины во всяком случае соответствует изменение величины вновь создаваемой стоимости, какова бы ни была природа тех предметов, в которых эта стоимость воплощается.

Если бы интенсивность труда поднялась во всех отраслях промышленности одновременно и равномерно, то новая повышенная степень интенсивности стала бы обычным общественно нормальным уровнем и, следовательно, уже не учитывалась бы более как экстенсивная величина. Однако и в этом случае средние степени интенсивности труда у различных наций остались бы различными и потому видоизменяли бы применение закона стоимости к рабочим дням различных наций. Более интенсивный рабочий день одной нации выражается в более крупной сумме денег, чем менее интенсивный день другой нации [12].

III. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА И ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ПОСТОЯННЫ, РАБОЧИЙ ДЕНЬ ИЗМЕНЯЕТСЯ.

Рабочий день может изменяться в двух направлениях. Он может сокращаться и удлиняться.

1) Сокращение рабочего дня при данных условиях, т. е. при неизменной производительной силе и интенсивности труда, оставляет без перемены стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время. Оно сокращает прибавочный труд и прибавочную стоимость. С падением абсолютной величины последней падает и ее относительная величина, т. е. ее величина по отношению к неизменной величине стоимости рабочей силы. Только путем понижения ее цены ниже стоимости мог бы в данном случае капиталист избавиться от потерь.

Все ходячие возражения против сокращения рабочего дня предполагают, что явление совершается при допущенных здесь условиях, между тем в действительности имеет место обратное:

---

[12] «При прочих равных условиях английский фабрикант может в течение данного промежутка времени произвести значительно бо́льшую сумму продуктов, чем иностранный фабрикант, благодаря чему уравновешивается разница между 60-часовой рабочей неделей у нас и 72- или 80-часовой за границей» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855», стр. 65). Более или менее значительное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках было бы самым действительным средством уменьшить эту разницу между континентальным и английским рабочим часом.

изменение производительности и интенсивности труда или предшествует сокращению рабочего дня, или непосредственно следует за ним[13].

2) Удлинение рабочего дня: Пусть необходимое рабочее время 6 часов, или стоимость рабочей силы — 3 ш., прибавочный труд также 6 часов и прибавочная стоимость 3 ш. Весь рабочий день составляет тогда 12 часов и выражается в продукте стоимостью в 6 ш. Если рабочий день удлиняется на 2 часа и цена рабочей силы остается без изменения, то вместе с абсолютной величиной прибавочной стоимости растет и ее относительная величина. Хотя стоимость рабочей силы по абсолютной своей величине не изменяется, относительно она падает. При условиях, предположенных в параграфе I, относительная величина стоимости рабочей силы не могла бы изменяться без изменения ее абсолютной величины. Здесь, напротив, изменение относительной величины стоимости рабочей силы есть результат изменения абсолютной величины прибавочной стоимости.

Так как вновь произведенная стоимость, в которой выражается рабочий день, растет вместе с удлинением этого последнего, то цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут возрасти одновременно на одну и ту же или на различные величины. Этот одновременный рост возможен, следовательно, в двух случаях: при абсолютном удлинении рабочего дня и при растущей интенсивности труда без такого удлинения.

При удлинении рабочего дня цена рабочей силы может упасть ниже ее стоимости, хотя бы номинально она осталась неизменной или даже повысилась. Ведь дневная стоимость рабочей силы определяется, как мы помним, нормальной средней продолжительностью или нормальным периодом жизни рабочего и нормальным, свойственным человеческой природе превращением живой субстанции в движение[14]. До известного пункта повышенное снашивание рабочей силы, неразрывно связанное с удлинением рабочего дня, может быть компенсировано усиленным его возмещением. За пределами этого пункта снашивание растет в геометрической прогрессии и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. С этого момента цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами.

---

[13] «Существуют компенсирующие обстоятельства... как это обнаружило действие Ten Hours Act [Акта о десятичасовом рабочем дне]» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», стр. 7).

[14] «Сумма труда, затраченного человеком в течение 24 часов, может быть приблизительно определена путем исследования химических изменений, имевших место в его теле, так как измененные формы материи указывают на предшествующую затрату двигательной силы» (*Grove:* «On the Correlation of Physical Forces»).

IV. ОДНОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ И ИНТЕНСИВНОСТИ ТРУДА.

Очевидно, здесь возможно значительное число комбинаций. Могут одновременно изменяться все три фактора или любые два при третьем неизменном. Они могут изменяться в одинаковой или в различной степени, в одном и том же или в противоположных направлениях, причем в последнем случае изменения компенсируются отчасти или вполне. Впрочем, после выводов, сделанных нами в пунктах I, II и III, анализ всех возможных случаев не представляет затруднений. Результат любой комбинации отыскивается очень легко, если последовательно рассматривать каждый из факторов как переменный, предполагая остальные постоянными. Поэтому здесь мы отметим вкратце лишь два важных случая.

1) Уменьшающаяся производительная сила труда при одновременном удлинении рабочего дня.

Говоря об уменьшающейся производительной силе труда, мы имеем здесь в виду те отрасли труда, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, напр. понижение производительной силы труда вследствие возрастающего неплодородия почвы и соответственного вздорожания продуктов земледелия. Пусть рабочий день продолжается 12 часов, а произведенная в течение его новая стоимость составляет 6 ш., из которых половина возмещает стоимость рабочей силы, а другая половина образует прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий день распадается на 6 часов необходимого и 6 часов прибавочного труда. Пусть вследствие вздорожания земледельческих продуктов стоимость рабочей силы повышается с 3 до 4 ш., следовательно необходимое рабочее время — с 6 до 8 часов. Если рабочий день остается неизменным, то прибавочный труд падает с 6 до 4 часов, прибавочная стоимость с 3 до 2 ш. Если рабочий день удлиняется на два часа, т. е. с 12 до 14 часов, то прибавочный труд остается равным 6 часам, прибавочная стоимость — 3 ш. Но по сравнению со стоимостью рабочей силы, измеряемой необходимым трудом, величина прибавочной стоимости падает. Если рабочий день удлиняется на 4 часа, с 12 до 16 часов, то отношение прибавочной стоимости к стоимости рабочей силы, прибавочного труда к необходимому, остается без перемены, но абсолютная величина прибавочной стоимости возрастает с 3 до 4 ш., абсолютная величина прибавочного труда — с 6 до 8 часов, следовательно на $^1/_3$, или на $33^1/_3\%$. Таким образом, при уменьшении производительной силы труда и одновременном удлинении рабочего дня абсолютная величина прибавочной стоимости может остаться без изменения, несмотря на то, что относительная величина ее падает; ее относительная величина может оставаться неизменной, в то время как абсолютная величина растет, и, наконец, при известной степени удлинения рабочего дня

может одновременно расти и относительная и абсолютная величина прибавочной стоимости.

В период с 1799 по 1815 г. рост цен на жизненные средства вызвал в Англии номинальное повышение заработной платы, хотя действительная, выраженная в жизненных средствах заработная плата упала. Отсюда Уэст и Рикардо вывели заключение, что уменьшение производительности земледельческого труда вызвало падение нормы прибавочной стоимости, и сделали это существовавшее только в их фантазии предположение исходным пунктом важного анализа соотношения величин заработной платы, прибыли и земельной ренты. Но в действительности, благодаря возросшей интенсивности труда и вынужденному удлинению рабочего дня, прибавочная стоимость возросла в то время и абсолютно и относительно. Это был период, когда чрезмерное удлинение рабочего дня приобрело права гражданства[15], период, для которого особенно характерны на одной стороне ускоренный рост капитала, на другой стороне рост пауперизма[16].

---

[15] «Хлеб и труд редко идут совершенно вровень. Но существует очевидная граница, за пределами которой они не могут быть разделены. Что касается тех необычайных усилий, которые рабочие классы делали в период дороговизны и которые вызвали падение заработной платы, установленное свидетельскими показаниями (а именно перед парламентскими комитетами 1814—1815 гг.), то они, конечно, делают честь отдельным лицам и способствуют росту капитала. Но ни один гуманный человек не пожелает, чтобы они остались постоянными и неослабевающими. Они заслуживают всяческой похвалы как временное средство выхода; но если бы они сделались постоянными, то получились бы результаты, аналогичные тем, какие имеют место, когда размножение народа усиливается до крайних пределов, допускаемых средствами его существования» (*Malthus:* «Inquiry into the Nature and Progress of Rent». London 1815, стр. 48, примечание). Мальтус подчеркивает здесь удлинение рабочего дня, на которое он прямо указывает и в другом месте своего памфлета, тогда как Рикардо и другие, несмотря на вопиющие факты этого рода, рассматривают во всех своих исследованиях рабочий день как величину постоянную. Это, конечно, делает честь Мальтусу. Но консервативные интересы, слугою которых был Мальтус, мешали ему видеть, что чрезмерное удлинение рабочего дня вместе с необычайным развитием машин и эксплуатацией женского и детского труда должно было сделать «избыточной» значительную часть рабочего класса, в особенности с прекращением созданного войной спроса и английской монополии на мировом рынке. Само собой разумеется, было гораздо удобнее, гораздо более соответствовало интересам господствующих классов, которым Мальтус воскурял фимиам с чисто поповским усердием, объяснять это «перенаселение» вечными законами природы, а не исключительно историческими естественными законами капиталистического производства.

[16] «Главная причина возрастания капитала в течение войны проистекала из великих усилий и, быть может, еще бо́льших лишений трудящихся классов, наиболее многочисленных в каждом обществе. Большее количество женщин и детей силой обстоятельств было вынуждено заняться промышленным трудом; и прежние работники по той же самой причине должны были посвятить бо́льшую часть своего времени увеличению производства» («Essays on Political Economy in which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress». London 1830, стр. 248).

2) Возрастающая интенсивность и производительная сила труда при одновременном сокращении рабочего дня.

Повышение производительной силы труда и рост его интенсивности в одном отношении оказывают одинаковое действие. И то и другое увеличивает массу продуктов, производимую в данный промежуток времени. Следовательно, и то и другое сокращает ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на производство своих жизненных средств или их эквивалента. Абсолютная минимальная граница рабочего дня определяется вообще этой его необходимой, хотя и поддающейся сокращению составной частью. Если бы к этой последней свелся весь рабочий день, то исчез бы прибавочный труд, что невозможно при режиме капитала. Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом, однако, при прочих равных условиях, необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления.

Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией. Последняя включает в себя не только экономию средств производства, но и устранение всякого бесполезного труда. Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неустранимых, хотя по существу дела излишних.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМУЛЫ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Как мы видели, норма прибавочной стоимости выражается в следующих формулах:

I)

$$\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}}\left(\frac{m}{v}\right)=\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость раб. силы}}=\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}.$$

Две первые формулы выражают в виде отношения стоимостей то же самое, что третья формула выражает в виде отношения отрезков времени, в течение которых эти стоимости производятся. Эти взаимно замещающие друг друга формулы обладают полной логической строгостью. Мы находим их поэтому уже в классической политической экономии, правда, не в сознательно разработанном виде, а лишь по существу. Но зато мы встречаем в ней следующие производные формулы:

II)

$$\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}}=\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость продукта}}=\frac{\text{прибавочный продукт}}{\text{совокупный продукт}}.$$

Одно и то же отношение попеременно выражается здесь то в форме рабочих времен, то в форме стоимостей, в которых они воплощаются, то в форме продуктов, в которых существуют эти стоимости. Само собой разумеется, что под стоимостью продукта здесь следует понимать стоимость, вновь созданную рабочим днем, а постоянная часть стоимости продукта должна быть исключена.

Во всех этих формулах действительная степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, выражена неправильно. Пусть рабочий день равняется 12 часам. Сохранив все остальные допущения нашего прежнего примера, мы в таком случае выразим степень действительной эксплуатации труда в следующих отношениях:

$$\frac{\text{6 часов прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}}=\frac{\text{прибавочная стоимость в 3 ш.}}{\text{переменный капитал в 3 ш.}}=100\%.$$

Между тем, применяя формулы II), мы получим:

$$\frac{\text{6 часов прибавочного труда}}{\text{рабочий день в 12 часов}} = \frac{\text{прибавочная стоимость в 3 ш.}}{\text{вновь произведенная стоим. 6 ш.}} = 50\%.$$

Эти производные формулы в действительности выражают то отношение, в котором рабочий день или произведенная им стоимость распределяется между капиталистом и рабочим. Но если они принимаются за непосредственное выражение степени самовозрастания капитала, то тем самым устанавливается ложный закон; прибавочный труд, или прибавочная стоимость, никогда не может достигнуть 100%[17]. Так как прибавочный труд всегда составляет лишь часть рабочего дня и прибавочная стоимость — лишь часть всей вновь произведенной стоимости, то прибавочный труд всегда необходимо должен быть меньше, чем весь рабочий день, или прибавочная стоимость меньше, чем вся вновь произведенная стоимость. Но для того чтобы относиться друг к другу как $\frac{100}{100}$, они должны быть равны между собой. Чтобы прибавочный труд мог поглотить весь рабочий день (дело идет о среднем дне рабочей недели, рабочего года и т. д.), необходимый труд должен понизиться до нуля. Но если исчезает необходимый труд, исчезает и прибавочный труд, потому что последний есть только функция первого. Поэтому отношение

$$\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{вся вновь произведенная стоимость}} \text{ никогда}$$

---

[17] Ср., напр., «Dritter Brief an v. Kirchmann von Rodbertus. Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rentetheorie». Berlin 1851 [*К. Родбертус:* «Экономические сочинения. Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье». Соцэкгиз, 1936 г., стр. 226—426]. Я впоследствии вернусь к этой работе, которая, несмотря на ложную теорию земельной ренты, правильно улавливает сущность капиталистического производства. {*Добавление к 3-му изд.* Читатель видит, как благожелательно относился Маркс к своим предшественникам, когда он находил у них действительный шаг вперед, какую-либо верную новую мысль. Между тем опубликованные за последнее время письма Родбертуса к Руд. Майеру заставляют до известной степени ограничить вышеприведенную оценку Маркса. Мы читаем там: «Необходимо спасти капитал не только от труда, но и от самого себя, а это фактически лучше всего достигается тем, что деятельность предпринимателя-капиталиста рассматривается как народно-хозяйственные или государственно-хозяйственные функции, возложенные на него капиталистической собственностью, а его доход — как особый вид жалованья, ибо никакой иной социальной организации мы еще не знаем. Но жалованья должны быть урегулированы и понижены, если они слишком много отнимают от заработной платы. Таким же образом следует отразить предпринятую Марксом атаку на общество, — так я назвал бы его книгу... Вообще книга Маркса представляет не столько исследование, посвященное капиталу, сколько полемику против современной формы капитала, которую он смешивает с самым понятием капитала, откуда и проистекают все его ошибки» («Briefe etc. von Dr. Rodbertus-Jagetzow, herausgegeben von Dr. Rud. Meyer». Berlin 1881, I том, стр. 111, 48-е письмо Родбертуса). — В таких идеологических общих местах совершенно иссякают смелые задатки «Социальных писем» Родбертуса.—*Ф. Э.*}

не может достигнуть предела $\frac{100}{100}$ и еще менее может подняться до $\frac{100+x}{100}$. Но это вполне возможно для нормы прибавочной стоимости, выражающей действительную степень эксплуатации труда. Возьмем для примера вычисление господина Л. де Лавернь, согласно которому английский земледельческий рабочий получает лишь $^1/_4$, а капиталист (арендатор) $^3/_4$ продукта[18] или его стоимости, причем мы совершенно оставляем в стороне вопрос, каким образом распределяется затем эта добыча между капиталистом, земельным собственником и т. д. Согласно этому прибавочный труд английского сельскохозяйственного рабочего относится к его необходимому труду, как 3 : 1, процентная норма эксплуатации равна 300%.

Присущий классической экономии метод рассматривать рабочий день как величину постоянную укрепился благодаря применению формул II), так как здесь прибавочный труд сравнивается всегда с рабочим днем данной величины. Тот же самый результат получается, если обращают внимание исключительно на распределение вновь произведенной стоимости. Рабочий день, уже воплотившийся в произведенной стоимости, всегда является рабочим днем данной величины.

Выражение прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы в виде частей вновь произведенной стоимости, — впрочем, такой способ выражения, естественно, вырастает на почве капиталистического способа производства, и мы выясним впоследствии его значение, — скрывает специфический характер капиталистического отношения, а именно тот факт, что переменный капитал обменивается на живую рабочую силу и, следовательно, рабочий отстраняется от продукта. Вместо этого создается ложная видимость отношения товарищества, участники которого — капиталист и рабочий — делят между собой продукт сообразно доле участия каждого из них в образовании его[19].

Впрочем, формулы II) всегда могут быть обратно превращены в формулы I). Если, напр., мы имеем:

$$\frac{\text{прибавочный труд в 6 час.}}{\text{рабочий день в 12 час.}},$$

---

[18] Само собой разумеется, при этом вычислении вычтена та часть продукта, которая лишь возмещает затраты постоянного капитала. — Г-н Л. де Лавернь, слепой поклонник Англии, скорее преуменьшает, чем преувеличивает это отношение.

[19] Так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации. Это проделал, напр., граф А. де Лаборд в «De l'Esprit d'Association dans tous les Intérêts de la Communauté». Paris 1818. Янки Г. Кэри с таким же успехом выполняет порой этот фокус даже в применении к отношениям рабской системы.

то необходимое рабочее время = рабочему дню в двенадцать часов минус прибавочный труд в шесть часов. Получаем, следовательно:

$$\frac{\text{прибавочный труд в 6 час.}}{\text{необходимый труд в 6 час.}} = \frac{100}{100}.$$

Третья формула, которую я иногда уже приводил, забегая вперед, такова:

III)

$$\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}.$$

Формула $\frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ могла бы дать повод подумать, будто капиталист оплачивает труд, а не рабочую силу, но возможность такого недоразумения устранена предшествующим изложением. $\frac{\text{Неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ есть лишь популярное выражение для $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$. Капиталист оплачивает стоимость или отклоняющуюся от нее цену рабочей силы и при помощи обмена получает в свое распоряжение самое живую рабочую силу. Использование им этой рабочей силы распадается на два периода. В течение одного периода рабочий производит лишь стоимость, равную стоимости его рабочей силы, следовательно лишь ее эквивалент. Таким образом взамен авансированной цены рабочей силы капиталист получает продукт такой же цены. Дело происходит так, как будто бы капиталист купил продукт в готовом виде на рынке. Наоборот, в период прибавочного труда использование рабочей силы создает для капиталиста стоимость, в возмещение которой он не затрачивает никакой стоимости[20]. Здесь функционирование рабочей силы достается ему даром. В этом смысле прибавочный труд может быть назван неоплаченным трудом.

Итак, капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит. Он в основе своей есть командование над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п., по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени. Разрешение тайны самовозрастания капитала состоит в том, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда.

---

[20] Хотя физиократы не раскрыли тайны прибавочной стоимости, им все же было ясно, по крайней мере, то, что прибавочная стоимость есть «богатство, независимое и находящееся в свободном распоряжении собственника, — богатство, которое он не купил, но продает» (*Turgot:* «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», стр. 11).

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ, СООТВЕТСТВЕННО И ЦЕНЫ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ.

На поверхности буржуазного общества плата рабочего представляется в виде цены труда, в виде определенного количества денег, уплачиваемых за определенное количество труда. При этом говорят о стоимости труда и ее денежное выражение называют необходимой или естественной ценой труда. С другой стороны, говорят о рыночных ценах труда, т. е. о ценах, колеблющихся выше или ниже его необходимой цены.

Но что такое стоимость товара? Предметная форма затраченного при его производстве общественного труда. А чем измеряем мы величину этой стоимости? Величиной заключающегося в ней труда. Чем же могла бы определяться стоимость, напр., двенадцатичасового рабочего дня? Очевидно, лишь 12 часами труда, содержащимися в двенадцатичасовом рабочем дне; но это плоская тавтология[21].

[21] «Г-н Рикардо довольно находчиво избегает затруднения, которое на первый взгляд грозит разрушить его теорию, что стоимость зависит от количества затраченного на производство труда. Если применять этот принцип с полной строгостью, то из него следует, что стоимость труда зависит от количества труда, употребленного на его производство, — что, очевидно, нелепо. Поэтому ловким оборотом мысли Рикардо ставит стоимость труда в зависимость от количества труда, необходимого для производства заработной платы, или, говоря его собственными словами, он утверждает, что стоимость труда определяется количеством труда, необходимого для производства заработной платы, причем под этим последним он разумеет количество труда, необходимое для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это — то же самое, что сказать: стоимость сукна определяется не количеством труда, затраченного на его производство, а количеством труда, затраченного на производство того серебра, на которое сукно обменивается» («A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», стр. 50, 51).

Для того чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд, конечно, должен существовать до этой продажи. Но если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоятельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не труд[22]. Но и независимо от этих противоречий прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда, на живой труд уничтожил бы или закон стоимости, который свободно развивается как раз на основе капиталистического производства, или же само капиталистическое производство, которое основывается как раз на наемном труде. Пусть, напр., рабочий день в 12 часов выражается в денежной стоимости в 6 ш. Если обмениваются эквиваленты, рабочий получит за свой двенадцатичасовой труд 6 ш. Цена его труда была бы равна цене продукта труда. В этом случае он не произведет никакой прибавочной стоимости для покупателя своего труда, эти 6 ш. не превратятся в капитал, вместе с тем исчезает самая основа капиталистического производства; но как раз на этой основе рабочий продает свой труд, как раз на этой основе его труд является наемным трудом. Или же рабочий получает за 12 часов труда менее 6 ш., т. е. менее, чем 12 часов труда. 12 часов труда обмениваются на 10,6 и т. д. часов труда. Это приравнивание неравных величин не только делает невозможным определение стоимости. Такое само себя уничтожающее противоречие не может быть вообще даже высказано или формулировано в качестве закона[23].

Не поможет делу также попытка вывести обмен большего количества труда на меньшее из различия формы — из того, что в одном случае имеется овеществленный, в другом — живой труд[24]. Это тем более нелепо, что стоимость товара определяется не количеством труда, действительно овеществленного в нем, а количеством необходимого для его производства живого труда. Пусть

---

[22] «Если вы и называете труд товаром, то он во всяком случае не похож на тот товар, который сначала производится с целью обмена, а затем выносится на рынок, где должен быть обменен в определенных количествах на другие товары, имеющиеся одновременно на рынке; труд создается лишь тогда, когда он вынесен на рынок, или, точнее, он выносится на рынок раньше, чем он создан» («Observations on certain Verbal Disputes etc.», стр. 75, 76).

[23] «Если рассматривать труд как товар, а капитал, продукт труда, как другой товар, и если стоимости этих двух товаров определяются одинаковыми количествами труда, то данная сумма труда... будет обменена на такое количество капитала, которое было произведено той же самой суммой труда; прошлый труд будет... обменен на ту же самую сумму настоящего труда. Но стоимость труда определяется... не таким же количеством труда, как стоимость других товаров» (Э. Г. Уэкфильд в его издании А. Смита «Wealth of Nations». London 1836, т. I, стр. 231, примечание).

[24] «Необходимо было согласиться (еще одна разновидность «contrat social» [«общественного договора»]), что каждый раз, когда будет обмениваться прошлый труд на будущий труд, последний (капиталист) получит стоимость высшую, чем первый (рабочий)» (*Simonde de Sismondi:* «De la Richesse Commerciale». Genève 1803, т. I, стр. 37).

товар представляет 6 рабочих часов. Если будут сделаны изобретения, благодаря которым его можно будет произвести в течение 3 часов, то и стоимость уже произведенного товара понизится наполовину. Теперь товар этот представляет уже только 3 часа необходимого общественного труда вместо прежних шести. Таким образом, величина стоимости товара определяется не предметной формой труда, а количеством труда, которое необходимо для производства товара.

Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. Товар, продаваемый последним, есть его рабочая сила. Когда его труд действительно начинается, он перестает принадлежать рабочему и, следовательно, не может быть им продан. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости[25].

В выражении «стоимость труда» понятие стоимости не только совершенно исчезает, но и превращается в свою противоположность. Это такое же мнимое выражение, как, напр., стоимость земли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это — категории для форм проявления существенных отношений. Что вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии[26]

Классическая политическая экономия без всякой критики позаимствовала у обыденной жизни категорию «цена труда», чтобы

---

[25] «Труд, исключительное мерило стоимости... создатель всякого богатства, сам не является товаром» (*Th. Hodgskin:* «Popular Political Economy», стр. 186).

[26] Напротив, попытки объяснить такие выражения как простые licentia poetica [поэтические вольности] свидетельствуют о бессилии анализа. По поводу фразы Прудона: «Труду приписывается стоимость не потому, что он сам есть товар, а потому, что, по предположению, он потенциально заключает в себе стоимость. Стоимость труда есть фигуральное выражение и т. д.», — я замечаю: «В труде-товаре, который обладает убийственной реальностью, он видит только грамматический эллипс. Итак, отныне все современное общество, основанное на товарном характере труда, объявляется основанным на поэтической вольности, на фигуральном выражении. И, если это общество захочет «уничтожить все непорядки», которые его терзают, — что же? нет ничего легче! пусть оно уничтожит только неудачные термины, пусть оно изменит язык, а для этого стоит лишь обратиться к академии с просьбой выпустить новое издание ее словаря» (*Karl Marx:* «Misère de la Philosophie», стр. 34, 35). [Ср. *К. Маркс:* «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 321.] Еще удобнее, конечно, не подразумевать под термином «стоимость» совершенно ничего определенного. Тогда можно без стеснения подводить под эту категорию все, что угодно. Так поступает, напр., Ж. Б. Сэй. Что такое «стоимость»? Ответ: «То, чего стоит данная вещь». А что такое «цена»? Ответ: «Стоимость данной вещи, выраженная в деньгах». А почему имеет стоимость... труд земли? «Потому что за него дают известную цену». Итак, стоимость есть то, чего стоит вещь, а земля имеет «стоимость», потому что стоимость ее «выражают в деньгах». Это во всяком случае очень простой метод разрешать вопросы о причине и происхождении вещей.

поставить затем вопрос: чем определяется эта цена? Она быстро убедилась, что изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме ее изменения, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять что бы то ни было. При равенстве спроса и предложения цена труда есть его цена, определяемая независимо от соотношения спроса и предложения, его естественная цена; таким-то образом и пришли к «естественной» цене труда как предмету, который собственно и подлежит исследованию. Или же рассматривали колебания рыночной цены за более или менее продолжительный период, напр. за один год, и находили, что отклонения ее в ту или другую сторону взаимно уравновешиваются на некоторой средней, постоянной величине. Эта средняя величина, конечно, должна была быть определена иначе, чем взаимно компенсирующиеся отклонения от нее. Эта цена труда, господствующая над случайными рыночными ценами и регулирующая эти последние, так называемая «необходимая цена» (физиократы) или «естественная цена» (А. Смит) труда, может представлять собой, как и у других товаров, лишь его стоимость, выраженную в деньгах. Таким путем политическая экономия рассчитывала пробиться сквозь случайные цены труда и добраться до его стоимости. Как и у других товаров, стоимость эта определялась затем издержками производства. Но что такое издержки производства — рабочего, т. е. издержки, затрачиваемые на то, чтобы произвести или воспроизвести самого рабочего? Этим вопросом для политической экономии бессознательно подменился первоначальный вопрос, так как, оперируя издержками производства труда как такового, она вращалась в порочном кругу и не двигалась с места. Следовательно, то, что она называет стоимостью труда (value of labour), есть в действительности стоимость рабочей силы, которая реально существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Занятые различием между рыночными ценами труда и его так называемой стоимостью, отношением этой стоимости к норме прибыли, к товарным стоимостям, производимым трудом, и т. д., экономисты никогда не замечали, что ход анализа не только ведет от рыночных цен труда к его мнимой «стоимости», но и заставляет самую эту стоимость труда, в свою очередь, свести к стоимости рабочей силы. Не дав себе отчета в этих результатах своего собственного анализа, некритически применяя категории «стоимость труда», «естественная цена труда» и т. д. как последнее адэкватное выражение рассматриваемого стоимостного отношения, классическая политическая экономия запуталась, как мы увидим впоследствии, в

неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для пошлостей вульгарной экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений.

Посмотрим прежде всего, каким образом стоимость и цена рабочей силы в своей превращенной форме выражаются в виде заработной платы.

Как мы знаем, дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего, которой соответствует определенная длина рабочего дня. Допустим, что обычный рабочий день продолжается 12 часов и что дневная стоимость рабочей силы равна 3 ш., представляющим денежное выражение стоимости, воплощающей в себе 6 рабочих часов. Если рабочий получает 3 ш., он получает стоимость своей рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов. Выразив теперь эту дневную стоимость рабочей силы в виде стоимости дневного труда, мы получим формулу: двенадцатичасовой труд имеет стоимость в 3 ш. Стоимость рабочей силы определяет, таким образом, стоимость труда, или — в денежном выражении — его необходимую цену. Если же цена рабочей силы отклоняется от ее стоимости, то и цена труда отклоняется от его так называемой стоимости.

Так как стоимость труда есть лишь иррациональное выражение для стоимости рабочей силы, то само собой понятно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости. В приведенном выше примере стоимость рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов, равна 3 ш., — стоимости, для воспроизводства которой рабочая сила должна функционировать 6 часов. Между тем вновь произведенная стоимость 6 ш., так как фактически рабочая сила функционировала 12 часов, а произведенная ею стоимость зависит не от ее собственной стоимости, а от продолжительности ее функционирования. Мы получаем, таким образом, тот на первый взгляд нелепый результат, что труд, создающий стоимость в 6 ш., сам обладает стоимостью в 3 ш. [27].

Мы видим далее, что стоимость в 3 ш., в которой выражается оплаченная часть рабочего дня, т. е. шестичасовой труд, выступает как стоимость, или цена, всего двенадцатичасового рабочего

[27] Ср. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859, стр. 40, где я заявляю, что исследование капитала должно разрешить следующую проблему: «Каким образом производство, основанное на меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта?» [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 49.]

дня, включающего в себя шесть неоплаченных часов труда. Итак, форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Весь труд выступает как оплаченный труд. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом[28]. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный, или неоплаченный, труд выступает как оплаченный. Там отношение собственности скрывает работу раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего.

Понятно поэтому, какое решающее значение имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в форму стоимости и цены самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономии.

Если всемирной истории потребовалось много времени, чтобы вскрыть тайну заработной платы, то, напротив, нет ничего легче, как понять необходимость, raisons d'être этой формы проявления.

Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег, продавец — вещь, отличную от денег. Юридическое сознание видит здесь в лучшем случае лишь вещественную разницу, которая выражается в юридически эквивалентных формулах: «Do ut des», «do ut facias», «facio ut des» и «facio ut facias» [«даю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал» и «делаю, чтобы ты сделал»].

Далее: так как меновая стоимость и потребительная стоимость сами по себе — величины несоизмеримые, то выражения «стоимость труда», «цена труда» кажутся не более иррациональными, чем, напр., выражения «стоимость хлопка», «цена хлопка». Сюда

---

[28] «Morning Star», наивный до глупости орган лондонских фритредеров, во время гражданской войны в Америке не уставал обрушиваться со всем пылом доступного человеку морального негодования на тот факт, что негры работают в «Confederate States» [южных штатах] совсем даром. Жаль, что он не потрудился сравнить дневные издержки такого негра и дневные издержки свободного рабочего, напр., в лондонском Ист-Энде.

присоединяется еще то обстоятельство, что рабочий оплачивается после того, как он доставил свой труд. В своей функции средства платежа деньги задним числом реализуют стоимость, или цену, доставленного продукта, следовательно в данном случае стоимость, или цену, доставленного труда. Наконец, той «потребительной стоимостью», которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а ее функция, определенный полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и т. д. Что этот же самый труд, с другой стороны, есть всеобщий созидающий стоимость элемент, — свойство, отличающее его от всех других товаров, — это обстоятельство ускользает от обыденного сознания.

Если мы станем на точку зрения рабочего, который за свой двенадцатичасовой труд получает стоимость, произведенную шестичасовым трудом, скажем 3 ш., то для него двенадцатичасовой труд действительно есть лишь средство купить 3 ш. Стоимость его рабочей силы может изменяться вместе со стоимостью привычных для него жизненных средств: повыситься с 3 ш. до 4 или упасть с 3 ш. до 2, или, при неизменной стоимости рабочей силы, цена ее вследствие колебаний спроса и предложения может подняться до 4 ш. или упасть до 2 ш., — во всех этих случаях рабочий одинаково дает 12 часов труда. Поэтому всякая перемена в величине получаемого им эквивалента необходимо представляется ему изменением стоимости, или цены, его 12 рабочих часов. Это обстоятельство привело А. Смита, рассматривавшего рабочий день как величину постоянную[29], к обратной ошибке: к утверждению, что стоимость труда постоянна, несмотря на то, что стоимость жизненных средств изменяется, и потому один и тот же рабочий день может выразиться для рабочего в большем или меньшем количестве денег.

Возьмем, с другой стороны, капиталиста. Он прежде всего хочет получить возможно больше труда за возможно меньшее количество денег. Поэтому практически его интересует лишь разница между ценой рабочей силы и той стоимостью, которую создает ее функционирование. Но он старается купить возможно дешевле все товары и всегда видит источник своей прибыли в простом надувательстве, в купле ниже и продаже выше стоимости. Следовательно, он далек от понимания того обстоятельства, что если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и он действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его деньги не могли бы превратиться в капитал.

К тому же действительное движение заработной платы обнаруживает явления, которые, повидимому, доказывают, что

---

[29] Лишь случайно, говоря о поштучной плате, А. Смит намекает на изменение рабочего дня.

оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость ее функции, т. е. самого труда. Явления эти мы можем свести к двум крупным классам: Во-первых. Изменение заработной платы вместе с изменением длины рабочего дня. С таким же правом можно было бы вывести заключение, что оплачивается не стоимость машины, а стоимость ее операций, потому что и машину стоит дороже нанять на неделю, чем на один день. Во-вторых. Индивидуальные различия в заработных платах различных рабочих, выполняющих одну и ту же функцию. Но такие же индивидуальные различия мы находим в системе рабского труда, где уже не остается места никаким иллюзиям, где сама рабочая сила продается совершенно открыто без всяких прикрас. Разница сводится лишь к тому, что при рабской системе выгода от рабочей силы выше среднего качества и потеря от рабочей силы ниже среднего качества выпадает на долю рабовладельца, а при системе наемного труда — на долю самого рабочего, так как в последнем случае рабочая сила продается самим рабочим, в первом случае — третьим лицом.

Впрочем, о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое в них проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием. Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Этого она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ПОВРЕМЕННАЯ ПЛАТА.

Сама заработная плата принимает, в свою очередь, очень разнообразные формы, о чем нет никаких сведений в руководствах политической экономии, которые в своем грубом пристрастии к вещественной стороне дела пренебрегают всякими различиями формы. Однако исследование всех этих форм относится к специальному учению о наемном труде и, следовательно, не составляет задачи настоящего сочинения. Здесь будет уместно лишь кратко рассмотреть две господствующие основные формы.

Как мы помним, рабочая сила продается всегда на определенный период времени. Следовательно, той превращенной формой, в которой непосредственно выражается дневная стоимость рабочей силы, недельная ее стоимость и т. д., является форма «повременной платы», напр. поденная плата и т. д.

Заметим, прежде всего, что изложенные в пятнадцатой главе законы изменения цены рабочей силы и прибавочной стоимости превращаются в законы заработной платы путем простой перемены формы. Равным образом различие между меновой стоимостью рабочей силы и массой жизненных средств, в которые она превращается, представляется теперь в виде различия между номинальной и реальной заработной платой. Было бы излишне повторять в отношении формы проявления все то, что было изложено относительно существенной формы. Мы ограничимся поэтому немногими характеризующими повременную плату пунктами.

Та сумма денег [30], которую рабочий получает за свой дневной, недельный и т. д. труд, образует сумму его номинальной заработной платы, т. е. заработной платы в ее стоимостном выражении. Очевидно, однако, что в зависимости от длины рабочего дня, т. е. в зависимости от доставляемого ежедневно количества труда, одна и та же поденная, понедельная и т. д. заработная плата может представлять очень различную цену труда, т. е. очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда [31]. Таким

[30] Стоимость самих денег всюду предполагается здесь постоянной.

[31] «Цена труда есть сумма, уплаченная за данное количество труда» (*Sir Edward West:* «Price of Corn and Wages of Labour». London 1826,

образом, при повременной плате необходимо, далее, различать общую сумму заработной платы, поденной, понедельной и т. д., и цену труда. Но как найти эту цену, или денежную стоимость данного количества труда? Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня. Пусть, напр., дневная стоимость рабочей силы равняется 3 ш., или стоимости, вновь созданной в 6 рабочих часов, и пусть рабочий день продолжается 12 часов; тогда цена одного часа труда $= \frac{3\text{ ш.}}{12} = 3$ п. Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей меры цены труда.

Отсюда следует, что поденная, понедельная и т. п. заработная плата может оставаться неизменной, несмотря на постоянное падение цены труда. Так, напр., если обычный рабочий день продолжается 10 часов, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 ш., то цена рабочего часа — $3^3/_5$ п.; последняя упадет до 3 п., если рабочий день возрастет до 12 часов, и до $2^2/_5$ п., если рабочий день возрастет до 15 часов. Тем не менее поденная и понедельная плата останутся неизменными. Наоборот, поденная или понедельная плата может возрастать, несмотря на то, что цена труда остается неизменной и даже падает. Так, напр., при десятичасовом рабочем дне и дневной стоимости рабочей силы в 3 ш. цена рабочего часа будет $3^3/_5$ пенса. Если рабочий вследствие увеличения работы при той же самой цене труда станет работать 12 часов в день, то его заработная плата возрастает до 3 ш. $7^1/_5$ п. без всякого изменения в цене труда. Тот же результат получился бы, если бы увеличилась не экстенсивная, а интенсивная величина труда[32]. Поэтому повышение номинальной поденной или понедельной платы может сопровождаться неизменной и даже падающей ценой труда. То же самое можно сказать относительно доходов рабочего семейства, поскольку количество труда, доставляемое главой семьи, увеличивается за счет труда других членов семьи. Таким образом, существуют методы понижения цены труда, независимые от уменьшения номинальной поденной или понедельной заработной платы[33].

стр. 67). Уэст — автор анонимного произведения, сделавшего эпоху в истории политической экономии: «Essay on the Application of Capital to Land. By a Fellow of the University College of Oxford». London 1815.

[32] «Плата за труд зависит от цены труда и от количества продуктов, доставляемых трудом... Увеличение заработной платы не связано необходимо с возрастанием цены труда. При удлинении рабочего времени и при более сильном его напряжении заработная плата может значительно возрасти, несмотря на то, что цена труда остается та же самая» (*West:* «Price of Corn and Wages of Labour». London 1826, стр. 67, 68 и 112). Впрочем, от главного вопроса, чем определяется «цена труда», Уэст отделывается банальными фразами.

[33] Это чувствует фанатический представитель промышленной буржуазии XVIII столетия, неоднократно цитированный нами автор «Essay on Trade and Commerce», хотя он излагает вопрос чрезвычайно путано: «Коли-

Общий же закон таков: при данном количестве труда в день, в неделю и т. д. размеры поденной или понедельной заработной платы зависят от цены труда, которая, в свою очередь, изменяется или вместе с изменением стоимости рабочей силы, или с отклонением ее цены от стоимости. Если, наоборот, дана цена труда, то поденная или понедельная заработная плата зависит от количества дневного или недельного труда.

Единица меры повременной платы, или цена рабочего часа, есть частное от деления дневной стоимости рабочей силы на число часов обычного рабочего дня. Пусть рабочий день заключает в себе 12 часов труда, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 ш., или стоимости, представляющей собою продукт 6 рабочих часов. Цена рабочего часа будет при этих условиях 3 п., вновь созданная им стоимость 6 п. Если мы предположим далее, что рабочему приходится работать менее 12 часов в день (или менее 6 дней в неделю), напр. 6 или 8 часов, то он получит при той же самой цене труда всего 2 или $1^1/_2$ ш. поденной платы [34]. Так как по нашему предположению он должен работать в среднем 6 часов в день, чтобы произвести поденную плату, соответствующую стоимости его рабочей силы, так как согласно тому же предположению он затрачивает на себя лишь половину каждого часа труда, а другую половину работает на капиталиста, то очевидно, что он может заработать созданную шестичасовым трудом стоимость лишь в том случае, если проработает не менее 12 часов. Раньше мы видели разрушительные последствия чрезмерного труда, — здесь перед нами раскрывается источник тех страданий, которые грозят рабочему, когда он вынужден работать неполное время.

чество труда, а не цена его (под последней он разумеет номинальную поденную или понедельную заработную плату) определяется ценой средств существования. Понизьте в достаточной степени цену средств существования, и тем самым вы уменьшите в соответственной пропорции количество труда... Фабриканты знают, что существуют различные пути повышения и понижения цены труда, независимые от ее номинального размера» (в указанной работе стр. 48 и 61). Н. В. Сениор в своих «Three Lectures on the Rate of Wages». London 1830, где он многое заимствует у Уэста, не ссылаясь, однако, на него, между прочим, говорит: «Рабочий... главным образом заинтересован в размерах заработной платы» (стр. 15). Итак, рабочего главным образом интересует то, что он получает, номинальная сумма заработной платы, а не то, что он отдает, не количество труда.

[34] Влияние такой ненормальной недозанятости совершенно отлично от влияния всеобщего, принудительного, установленного законом понижения рабочего дня. Первая совершенно не затрагивает абсолютных размеров рабочего дня и может одинаково легко наступить и при 15-часовом и при 6-часовом дне. Нормальная цена труда исчисляется в первом случае, исходя из предположения, что рабочий в среднем трудится 15 часов, во втором случае — исходя из предположения, что средний рабочий день составляет 6 часов. Результат получится одинаковый, если в первом случае рабочий будет занят в течение только $7^1/_2$, во втором — в течение только 3 часов в день.

Если фиксируется часовая плата, так что обязательство капиталиста состоит не в том, чтобы выдавать определенную поденную или понедельную плату, а лишь в том, чтобы оплачивать те рабочие часы, в течение которых ему угодно дать занятие рабочему, то капиталист может сократить время труда рабочего по сравнению с теми размерами рабочего дня, которые первоначально послужили для определения часовой платы, или единицы измерения цены труда. Так как эта единица измерения определяется отношением $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$, то, разумеется, она теряет всякий смысл, раз рабочий день перестает заключать в себе определенное число часов. Связь между оплаченным и неоплаченным трудом уничтожается. Капиталист может теперь выколотить из рабочего определенное количество прибавочного труда, не доводя рабочего времени до уровня, необходимого для поддержания существования рабочего. Он может уничтожить всякую регулярность труда и, руководствуясь исключительно своим удобством, прихотью и минутным интересом, сменять периоды чудовищного чрезмерного труда периодами относительной или даже полной безработицы. Под предлогом оплаты «нормальной цены труда», он может удлинять рабочий день за пределы всякой нормы без сколько-нибудь соответствующей компенсации для рабочего. Поэтому лондонские строительные рабочие поступили вполне рационально, восстав (в 1860 г.) против попытки капиталистов навязать им такую часовую оплату. Законодательное ограничение рабочего дня кладет конец такого рода безобразиям, хотя, конечно, отнюдь не уничтожает неполной загруженности рабочего, вытекающей из конкуренции машин, из изменений в квалификации применяемых рабочих, из частичных и всеобщих кризисов.

При растущей поденной или понедельной плате цена труда может номинально остаться неизменной и, несмотря на то, упасть ниже своего нормального уровня. Это случается каждый раз, когда при постоянной цене труда, т. е. рабочего часа, рабочий день увеличивается за пределы своей обычной продолжительности. Если в дроби $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день}}$ растет знаменатель, то числитель растет еще быстрее. Снашивание рабочей силы, а следовательно, и стоимость рабочей силы растет, если растет продолжительность ее функционирования, и притом ее дневная стоимость растет в пропорции более быстрой, чем продолжительность ее функционирования. Вследствие этого во многих отраслях производства, где господствует повременная плата при отсутствии законодательного ограничения рабочего времени, само собой выработался обычай считать рабочий день нормальным («normal working day» [нормальный рабочий день], «the day's work» [дневная работа] или «the regular hours of work» [регулярные часы труда])

лишь до известного пункта, напр. до истечения десятого часа труда. Рабочее время, простирающееся за эту границу, образует сверхурочное время (overtime) и оплачивается, при расчете на каждый час труда, по оценке повышенной (extra pay), хотя повышенной часто в совершенно ничтожной степени [35]. Нормальный рабочий день существует здесь как некоторая дробная часть действительного рабочего дня, причем зачастую последний в течение всего года продолжительнее первого [36]. Возрастание цены труда с удлинением рабочего дня за известную нормальную границу носит в различных отраслях британской промышленности такой характер, что низкая цена труда в течение так называемого нормального времени вынуждает рабочего, если он хочет вообще получить достаточную заработную плату, работать сверхурочное время, которое оплачивается лучше [37]. Законодательное сокращение рабочего дня кладет конец этому удовольствию [38].

[35] «Норма оплаты сверхурочного времени (в производстве кружев) настолько мала — $^{1}/_{2}$ и т. д. пенни за час, — что она стоит в резком контрасте с тем громадным вредом, который сверхурочная работа причиняет здоровью и жизненной силе рабочего... К тому же небольшой избыток заработной платы, добытый таким образом, приходится целиком расходовать на добавочные возбуждающие средства» («Children's Employment Commission. 2nd Report», стр. XVI, № 117).

[36] Например, в производстве обоев до недавнего проведения фабричного акта. «Мы работаем без обеденного перерыва, так что наш $10^{1}/_{2}$-часовой рабочий день заканчивается в $4^{1}/_{2}$ часа пополудни, а вся дальнейшая работа есть сверхурочное время, которое редко заканчивается раньше 6 часов вечера; таким образом, в действительности мы круглый год работаем сверхурочное время» (Показания мистера Смита в «Children's Employment Commission. 1 st Report», стр. 125).

[37] Так, напр., в шотландских белильнях: «В некоторых частях Шотландии эта промышленность (до введения фабричного акта 1862 г.) практиковала систему сверхурочного времени, т. е. 10 часов труда считалось нормальным рабочим днем. За это время работник получал 1 ш. 2 п. Но сюда присоединялось ежедневно от 3 до 4 часов сверхурочного времени, за которое уплачивалось по 3 п. в час. Результат этой системы: рабочий, работающий только нормальное время, не мог получить более 8 ш. в неделю... Без сверхурочных часов его заработная плата оказывалась недостаточной» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», стр. 10). «Повышенная оплата сверхурочного времени есть искушение, которому рабочий не в силах противостоять» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1848», стр. 5). Переплетная в лондонском Сити применяет очень много молодых девушек 14—15 лет, и притом по ученическому контракту, которым устанавливается определенное число рабочих часов. Тем не менее они работают в последнюю неделю каждого месяца до 10, 11, 12 и даже до 1 часу ночи, вместе с рабочими более зрелого возраста, в очень смешанной компании. «Хозяева соблазняют (tempt) их повышенной оплатой и деньгами на хороший ужин», который девушки берут в соседних кабачках. Большая распущенность, насаждаемая таким путем среди этих «young immortals» [«молодых иммортелей»] («Children's Employment Commission. 5th Report», стр. 44, № 191), компенсируется тем, что они переплетают в числе других книг значительное количество библий и разных душеспасительных книг.

[38] См. «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», там же. Совершенно правильно оценили обстоятельства лондонские строительные рабочие, заявив

Общеизвестен факт, что заработная плата тем ниже, чем длиннее рабочий день в данной отрасли промышленности[39]. Фабричный инспектор А. Редгрейв иллюстрирует это сравнительным обзором производств за двадцатилетие 1839—1859 гг., причем оказывается, что на фабриках, на которые распространяется действие десятичасового закона, заработная плата поднялась, тогда как на фабриках, работающих 14—15 часов в день, она понизилась[40].

Из закона: «при данной цене труда поденная или понедельная заработная плата зависит от количества доставленного труда» вытекает прежде всего, что чем ниже цена труда, тем большее количество труда или тем более длинный рабочий день требуется для того, чтобы рабочему была обеспечена хотя бы самая жалкая средняя плата. Низкий уровень цены труда подталкивает к удлинению рабочего времени[41].

Но и, наоборот, удлинение рабочего времени вызывает, с своей стороны, понижение цены труда, а вместе с тем понижение поденной или понедельной платы.

Из определения цены труда дробью $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$ вытекает, что удлинение рабочего дня само по себе понижает цену труда, если не происходит никакой компенсации. Но те же самые обстоятельства, которые позволяют капиталисту надолго удлинить рабочий день, сначала позволяют ему, а в конце концов и вынуждают его понижать цену труда и номинально, до тех пор, пока не понизится совокупная цена возросшего числа рабочих часов, т. е. поденная или недельная плата. Здесь достаточно указать на два обстоятельства. Если один человек начинает выполнять работу $1^1/_2$ или 2 человек, то растет предложение труда, хотя бы

во время большой стачки и локаута 1860 г. о своем согласии принять часовую плату лишь на следующих двух условиях: 1) наряду с ценой рабочего часа должна быть установлена норма рабочего дня в 9 и 10 часов, причем час 10-часового дня должен оцениваться выше, чем час 9-часового; 2) каждый час сверх нормального дня должен, как сверхурочное время, оплачиваться по повышенной оценке.

[39] «Общеизвестен факт, что там, где длинный рабочий день представляет общее правило, общим правилом является и низкая заработная плата» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», стр. 9). «Труд, добывающий ничтожное количество средств существования, является обыкновенно чрезмерно продолжительным» («Public Health. 6th Report 1864», стр. 15).

[40] «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1860», стр. 31, 32.

[41] Так, напр., ручные рабочие английского гвоздарного производства вынуждены были благодаря низкой цене труда работать 15 часов в день, чтобы выручить самую ничтожную недельную плату. «Долгие, долгие часы должен он упорно трудиться каждый день, чтобы выработать 11 п. или 1 ш., причем $2^1/_2$—3 п. из этой суммы уходят на возмещение снашивания орудий, на топливо, отходы железа» («Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. 136, № 671). Женщины при том же рабочем времени зарабатывают всего 5 ш. в неделю (там же, стр. 137, № 674).

предложение рабочей силы, находящейся на рынке, оставалось неизменным. Конкуренция, созданная таким образом среди рабочих, дает капиталисту возможность понизить цену труда, а падающая цена труда дает ему, в свою очередь, возможность еще более увеличить рабочее время[42]. Однако скоро возможность располагать этим ненормальным, т. е. превышающим средний общественный уровень, количеством неоплаченного труда становится орудием конкуренции среди самих капиталистов. Часть товарной цены состоит из цены труда. Но неоплаченная часть цены труда может и не учитываться в цене товара. Ее можно подарить покупателю. Таков первый шаг, совершаемый под давлением конкуренции. Второй шаг, к которому вынуждает та же конкуренция, заключается в том, чтобы исключить из продажной цены товара, по крайней мере, часть той ненормальной прибавочной стоимости, которая создается удлинением рабочего дня. Таким путем образуется ненормально низкая продажная цена товара, которая сначала возникает спорадически, а затем мало-помалу фиксируется и становится постоянной основой жалкой заработной платы и чрезмерного рабочего времени, под влиянием которых она первоначально возникла. Мы лишь намечаем здесь это движение, так как анализ конкуренции не входит пока в нашу задачу. Тем не менее мы предоставим на минуту слово самому капиталисту. «В Бирмингаме конкуренция между хозяевами настолько велика, что некоторые из нас вынуждены в качестве работодателей решаться на такие поступки, каких мы сами устыдились бы при иных обстоятельствах; и все же этим не добывается большего количества денег (and yet no more money is made), и лишь публика получает выгоду»[43]. Вспомним две категории лондонских булочников, из которых одни продают хлеб по полной цене (the «fullpriced» bakers), а другие ниже его нормальной цены («the underpriced», «the undersellers»). «Fullpriced» в следующих выражениях разоблачают своих конкурентов перед парламентской следственной комиссией: «Они существуют лишь благодаря тому, что, во-первых, обманывают публику (фальсифицируя товар), и, во-вторых, благодаря тому, что выколачивают из своих людей 18 часов труда за двенадцатичасовую плату... Неоплаченный труд (the unpaid labour) рабочих — вот орудие, которым они борются с конкурентами... Конкуренция между хозяевами-пекарями

[42] Если бы, напр., фабричный рабочий отказался работать установленное большое число часов, «он быстро был бы замещен кем-либо другим, готовым работать любое время, и таким образом был бы выброшен на улицу» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1848». Показания, стр. 39, № 58). «Если... один человек выполняет работу двух... норма прибыли обыкновенно повышается... вследствие того, что избыточное предложение труда понижает его цену» (*Senior:* «Three Lectures on the Rate of Wages». London 1830, стр. 15).

[43] «Children's Employment Commission. 3rd Report». Показания, стр. 66, № 22.

является той причиной, которая затрудняет устранение ночного труда. Underseller, продающий свой хлеб ниже издержек производства, изменяющихся вместе с изменением цены муки, возмещает свои потери тем, что выколачивает из своих рабочих повышенное количество труда. Если я извлекаю из рабочих только двенадцать часов труда, а мой сосед 18 или 20, то, конечно, он побьет меня на продажной цене товара. Если бы рабочие могли настоять на оплате сверхурочного времени, этому маневру был бы скоро положен конец... Значительное число рабочих, занятых underseller'ами, состоит из иностранцев, малолетних и др., которые вынуждены довольствоваться чуть ли не всякой заработной платой, какую им удается получить»[44].

Эта иеремиада интересна между прочим и в том отношении, что она показывает, как в мозгу капиталиста отражается лишь внешняя видимость производственных отношений. Капиталисту неизвестно, что нормальная цена труда также предполагает известное количество неоплаченного труда и что именно этот неоплаченный труд образует нормальный источник его прибыли. Категория прибавочного рабочего времени для него вообще не существует, потому что прибавочное рабочее время включено в нормальный рабочий день, который капиталист, по его мнению, целиком оплачивает в поденной плате. Но для него существует сверхурочное время, удлинение рабочего дня за границы, соответствующие обычной цене труда. Он настаивает даже на добавочной оплате (extra pay) этого сверхурочного времени, когда дело идет о его конкурентах, понижающих продажную цену товара ниже обычного уровня. Но он опять-таки не знает, что эта добавочная оплата связана с неоплаченным трудом в такой же степени, как цена обычного рабочего часа. Например, пусть цена одного часа двенадцатичасового рабочего дня составляет 3 п., т. е. равна стоимости, представляющей собою продукт $^1/_2$-часового труда, а цена сверхурочного рабочего часа 4 п., т. е. равна стоимости, представляющей собою продукт $^2/_3$ рабочего часа. Тогда в первом случае капиталист бесплатно присваивает себе половину рабочего часа, во втором случае — одну треть.

---

[44] «Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers». London 1862, стр. LII, и там же показания № 479, 359, 27. Впрочем, и fullpriced, как мы упоминали выше и как это признает сам защитник их Беннет, заставляют своих рабочих «начинать работу в 11 часов вечера или раньше и зачастую продолжают ее до 7 часов следующего вечера» (там же, стр. 22).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ПОШТУЧНАЯ ПЛАТА.

Поштучная плата есть не что иное, как превращенная форма повременной платы, точно так же как повременная плата есть превращенная форма стоимости, или цены, рабочей силы.

При поштучной плате дело на первый взгляд выглядит так, как будто той потребительной стоимостью, которую продает рабочий, является не функция его рабочей силы, не живой труд, а труд, уже овеществленный в продукте, и будто цена этого труда определяется не дробью $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$, как при повременной плате, а дееспособностью производителя[45].

Уверенность в правильности такого взгляда должна была бы сильно пошатнуться уже ввиду одного того факта, что обе формы заработной платы существуют одновременно и рядом в одних и тех же отраслях промышленности. Так, напр., «лондонские наборщики обыкновенно получают поштучную плату, повременная плата является у них исключением. Наоборот, у провинциальных наборщиков повременная плата составляет правило, поштучная — исключение. Корабельные плотники лондонской гавани получают поштучную плату, во всех других английских гаванях — повременную»[46]. В Лондоне в одних и тех же шорных мастерских труд французов оплачивается зачастую поштучно, труд англичан — поденно. На фабриках в собственном смысле этого слова, где

[45] «Система поштучной работы знаменует определенную эпоху в истории рабочего: она стоит на полпути между положением простого поденщика, зависящего от произвола капиталиста, и кооперативным работником, который в недалеком будущем обещает соединить в своем лице рабочего и капиталиста. Поштучные рабочие фактически сами себе хозяева, даже когда они работают при помощи капитала своего предпринимателя» (*John Watts:* «Trade Societies and Strikes, Machinery and Co-operative Societies». Manchester 1865, стр. 52, 53). Я цитирую это произведеньице, потому что оно представляет собою истинную сточную трубу для всех давно уже сгнивших общих мест апологетики. Тот же самый г-н Уоттс выступал раньше в качестве оуэниста и в 1842 г. опубликовал другое сочиненьице: «Facts and Fictions of Political Economists», где он, между прочим, Property [собственность] объявляет Robbery [грабежом]. Но это уже давно миновало.

[46] *T. J. Dunning:* «Trades' Unions and Strikes». London 1860, стр. 22.

вообще господствует поштучная плата, отдельные рабочие функции по техническим соображениям изъемлются из этой оценки и оплачиваются повременно[47]. Все же очевидно само собою, что различия форм выплаты заработной платы ничуть не меняют ее сущности, хотя бы одна из этих форм более благоприятствовала развитию капиталистического производства, чем другая.

Пусть обычный рабочий день состоит из 12 часов, из которых 6 оплачены и 6 не оплачены. Произведенная в течение этого дня стоимость пусть будет равна 6 ш., следовательно произведенная в один рабочий час стоимость — 6 п. Пусть, далее, опыт показал, что рабочий, работающий со средней степенью интенсивности и искусства, следовательно употребляющий на производство продукта только общественно необходимое рабочее время, доставляет в течение 12 часов 24 штуки продукта, причем в данном случае безразлично, представляют ли эти последние отдельные экземпляры или измеримые части нераздельного продукта. При этих условиях стоимость этих 24 штук — за вычетом содержащейся в них постоянной части капитала — будет 6 ш., стоимость каждой отдельной штуки — 3 п. Рабочий получает $1^1/_2$ п. за штуку и, следовательно, зарабатывает 3 ш. в 12 часов. Подобно тому как при повременной плате безразлично, допустим ли мы, что рабочий работает 6 часов на себя и 6 на капиталиста, или же, что он половину каждого часа работает на себя, а другую половину на капиталиста, — точно так же и здесь мы можем с одинаковым правом сказать, что каждая отдельная штука наполовину оплачена, наполовину не оплачена, или что цена 12 штук лишь возмещает стоимость рабочей силы, тогда как цена других 12 штук воплощает в себе прибавочную стоимость.

Форма поштучной платы иррациональна в такой же мере, как и форма повременной платы. Так, напр., две штуки товара представляют продукт одного рабочего часа и, следовательно, за вычетом стоимости потребленных средств производства, стоят 6 п., между тем как рабочий получает за них лишь 3 п. В действитель-

[47] Вот образчик того, в какой степени одновременное существование этих двух форм заработной платы поощряет мошенничество фабрикантов: «Фабрика дает занятие 400 человек, половина которых работает сдельно и непосредственно заинтересована в сверхурочных работах. Остальные 200 человек оплачиваются поденно, работают столь же продолжительное время и ничего не получают за сверхурочные часы... Работа этих 200 человек в течение $^1/_2$ часа в день равна работе одного лица в течение 50 часов, или $^5/_6$ недельной работы одного лица, и представляет положительное приобретение предпринимателя» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1860», стр. 9). «Работа сверх установленной законом нормы все еще господствует в обширных размерах, причем в большинстве случаев сам закон гарантирует невозможность раскрыть это злоупотребление и подвергнуть виновников его наказанию. В моих прежних отчетах я уже неоднократно показывал... какая несправедливость причиняется всем тем рабочим, которые оплачиваются не сдельно, но получают понедельную плату» (Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1859», стр. 8, 9).

ности поштучная плата непосредственно не выражает собою никакого отношения стоимости. Здесь не стоимость штуки товара измеряется воплощенным в ней рабочим временем, а, наоборот, затраченный рабочим труд измеряется числом произведенных им штук товара. При повременной плате труд непосредственно измеряется своей продолжительностью, при поштучной плате — количеством того продукта, в котором сгустился труд определенной продолжительности[48]. Цена самого рабочего времени определяется, в конце концов, уравнением: стоимость дневного труда = дневной стоимости рабочей силы. Таким образом, поштучная плата есть лишь модифицированная форма повременной платы.

Рассмотрим несколько подробнее характерные особенности поштучной платы.

Качество труда контролируется здесь самим его продуктом, так как поштучная плата выдается полностью лишь в том случае, если продукт обладает средней доброкачественностью. Вследствие этого поштучная плата является обильнейшим источником вычетов из заработной платы и капиталистического мошенничества.

Она дает капиталисту совершенно определенную меру интенсивности труда. Лишь то рабочее время, которое воплощается в заранее определенном, установленном опытом количестве товара, считается общественно необходимым рабочим временем и оплачивается как таковое. В более крупных портняжных мастерских Лондона определенная штука производимых продуктов, напр. жилет и т. п., носит название одного часа, получаса и т. д., причем за каждый час причитается по 6 п. Практикой установлена величина среднего продукта одного часа. При перемене моды, при починках и т. д. между предпринимателем и рабочим возникает спор, равна ли данная штука одному часу труда и т. д., пока и здесь опыт не решает дела. То же самое имеет место в лондонских мебельных мастерских и т. д. Если рабочий не обладает средней работоспособностью, если он не в состоянии дать определенного минимума дневной работы, то он получает расчет[49].

Так как качество и интенсивность труда контролируются здесь самой формой заработной платы, то труд надзора становится

---

[48] «Заработная плата может измеряться двумя способами: или продолжительностью труда или его продуктом» («Abrégé élémentaire des principes de l'Économie Politique». Paris 1796, стр. 32). Автор этой анонимной работы — Ж. Гарнье.

[49] «Ему (прядильщику) выдается столько-то фунтов... хлопка и по истечении известного времени он должен вернуть взамен того столько-то фунтов ниток или пряжи определенной степени тонкости, причем он получает определенную плату за каждый доставленный им фунт продукта. Если работа его плохого качества, на него налагается штраф; если она по количеству меньше минимума, установленного для данного времени, он получает расчет и замещается более искусным работником» (*Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 316, 317).

в значительной мере излишним. Поэтому поштучная плата образует основу как описанной выше современной работы на дому, так и иерархически расчлененной системы эксплуатации и угнетения. Последняя имеет две основных формы. С одной стороны, поштучная плата облегчает внедрение паразитов между капиталистом и наемным рабочим, перепродажу труда посредниками (subletting of labour). Прибыль посредников образуется исключительно за счет разницы между ценой труда, уплачиваемой капиталистом, и той частью этой цены, которую посредники действительно оставляют рабочему[50]. В Англии эта система носит характерное название «Sweating system» (потогонная система). С другой стороны, поштучная плата позволяет капиталисту заключать со старшим рабочим — в мануфактуре с главой группы, в шахтах — с углекопом и т. п., на фабрике — с собственно машинным рабочим — контракт на определенное число штук продукта по такой цене, которая дает главному рабочему возможность самостоятельно вербовать и оплачивать своих подручных. Эксплуатация труда капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплуатации одного рабочего другим рабочим[51].

Раз существует поштучная плата, то естественно, что личный интерес рабочего заставляет его как можно интенсивнее напрягать свою рабочую силу, что, в свою очередь, облегчает для капиталиста повышение нормального уровня интенсивности[51a]. Точно так же

---

[50] «Когда работа проходит через руки многих лиц, каждое из которых получает долю прибыли, но только последнее действительно прилагает свой труд, тогда плата, действительно получаемая работницей, чрезвычайно ничтожна» («Children's Employment Commission. 2nd Report», стр. LXX, № 424).

[51] Даже апологет Уоттс замечает: «Было бы существенным улучшением системы сдельной платы, если бы все лица, занятые данной работой, были, в соответствии со своими способностями, непосредственными участниками контракта, вместо того чтобы один рабочий был заинтересован в чрезмерном труде своих товарищей, извлекая из него личную выгоду». Относительно гнусностей, связанных с этой системой, см. «Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. 66, № 22; стр. 11, № 124; стр. XI, № 13, 53, 59 и т. д.

[51a] Этому естественному результату зачастую содействуют искусственными мерами. Так, напр., в машиностроительном производстве Лондона является обычным следующий трюк: «Капиталист ставит во главе известного числа рабочих человека, выдающегося по своей физической силе или ловкости. Каждую четверть года или в иные сроки он уплачивает ему добавочную плату под условием, чтобы он употребил все усилия с целью побудить к самому горячему соревнованию своих товарищей по работе, получающих обычную плату... Это без всяких дальнейших комментариев объясняет происхождение жалобы капиталистов на тред-юнионы, которые будто бы «парализуют энергию, выдающееся искусство и рабочую силу» («stinting the action, superior skill and working power») (*Dunning:* «Trades' Unions and Strikes». London 1860, стр. 22, 23). Так как автор — сам рабочий и секретарь тред-юниона, то слова его могут показаться преувеличением. Но загляните, напр., в «highly respectable» [«высоко респектабельную»] агрономическую энциклопедию Дж. Ч. Мортона, — и вы увидите, что в статье «Labourer» [«Рабочий»] этот же самый метод рекомендуется фермерам в качестве испытанного метода.

личный интерес рабочего побуждает его удлинять свой рабочий день, так как тем самым повышается его поденная или понедельная заработная плата[52]. Это вызывает реакцию, описанную при исследовании повременной платы, не говоря уже о том, что удлинение рабочего дня, даже при постоянной поштучной плате, само по себе означает падение цены труда.

При повременной заработной плате господствует, за немногими исключениями, равная плата за одни и те же функции; при поштучной же плате, хотя цена рабочего времени измеряется определенным количеством продукта, но поденная и понедельная плата меняется в зависимости от индивидуальных различий между рабочими, один из которых доставляет в данное время минимум продукта, другой — среднюю норму, третий — больше средней нормы. Итак, величина действительного дохода рабочего в данном случае сильно колеблется, смотря по уровню искусства, силы, энергии, выносливости и т. п. индивидуальных рабочих[53]. Конечно, это ничуть не изменяет общего отношения между капиталом и наемным трудом. Во-первых, индивидуальные различия сглаживаются, если взять мастерскую в целом, так что эта последняя в течение определенного рабочего времени доставляет среднее количество продукта, и совокупная заработная плата, выданная рабочим мастерской, является средней заработной платой данной отрасли производства. Во-вторых, отношение между заработной платой и прибавочной стоимостью остается неизменным, так как индивидуальной плате отдельного рабочего соответствует индивидуально произведенное им количество прибавочной стоимости. Поштучная плата, расширяя сферу индивидуальной деятельности, тем самым, с одной стороны, способствует развитию среди рабочих индивидуальности, духа свободы, самостоятельности и способности к самоконтролю, но, с другой стороны, порождает между ними взаимную конкуренцию. Она имеет поэтому тенденцию, повышая индивидуальную заработную плату выше среднего

[52] «Для всех, кто получает поштучную плату,... выгодно увеличение продолжительности труда за установленные законом границы. Такая готовность работать чрезмерное время особенно часто наблюдается среди женщин ткачих и мотальщиц» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1858», стр. 9). «Эта система поштучной платы, столь выгодная для капиталиста,... направлена непосредственно к тому, чтобы побудить юного горшечника работать чрезвычайно продолжительное время в течение 4 или 5 лет, причем он получает поштучно, но по чрезвычайно низкой расценке. Это одна из главных причин, вызывающих физическую дегенерацию горшечников» («Children's Employment Commission. 1st Report», стр. XIII).

[53] «Если в каком-нибудь производстве труд оплачивается сдельно по стольку-то за штуку, то... заработные платы различных рабочих могут очень значительно отличаться друг от друга по размерам... При поденной же работе существует обыкновенно однообразная оценка,...признанная и предпринимателем и рабочим нормой заработной платы для средних рабочих данного производства» (*Dunning:* «Trades' Unions and Strikes». London 1860, стр.17).

уровня, в то же время понижать самый этот уровень. Однако там, где определенная поштучная плата прочно закреплена продолжительной традицией и потому понижение ее представляет особые трудности, — в таких исключительных случаях хозяева прибегают иногда к насильственному превращению поштучной платы в повременную. Этим была вызвана, напр., в 1860 г. большая стачка среди рабочих ленточного производства в Ковентри[54]. Наконец, поштучная плата является главной опорой описанной выше часовой системы[55].

Из всего сказанного выше вытекает, что поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства. Отнюдь не представляя чего-либо нового, — поштучная плата наряду с повременной официально фигурирует, между прочим, во французских и английских рабочих статутах XIV века, — она, однако, приобретает более или менее обширное поле применения лишь в собственно мануфактурный период. В эпоху 1797—1815 гг., когда крупная промышленность переживала пору бури и натиска, поштучная плата послужила рычагом для удлинения рабочего времени и понижения повремен-

[54] «Труд ремесленников-подмастерьев регулируется или поденно, или поштучно (à la journée ou à la pièce)... хозяева приблизительно знают, сколько изделий могут ежедневно сделать рабочие данного ремесла, и поэтому зачастую оплачивают их пропорционально произведенному продукту; при этом собственный интерес подмастерьев, без всякого дальнейшего надзора, побуждает их трудиться возможно больше» (*Cantillon:* «Essai sur la Nature du Commerce en général», изд. Amsterdam 1756, стр. 185 и 202. Первое издание вышло в 1755 г.). Таким образом, Кантильон, из которого обильно заимствовали Кенэ, сэр Джемс Стюарт и А. Смит, изображает здесь поштучную плату просто как модифицированную форму повременной платы. Французское издание Кантильона имеет на заглавной странице пометку, как будто это перевод с английского, между тем английское издание «The Analysis of Trade, Commerce etc. by Philip Cantillon, late of the City of London, Merchant» не только вышло после французского (в 1759 г.), но и по самому содержанию своему несомненно представляет позднейшую переработку. Так, напр., во французском издании Юм еще не упоминается, наоборот, в английском Петти почти уже не фигурирует. Английское издание теоретически менее значительно, но зато содержит всякого рода специальные указания относительно английской торговли, торговли благородными металлами и т. д., чего нет во французском издании. Поэтому приходится, повидимому, считать простой выдумкой, обычной для того времени, фразу в заглавии английского издания, гласящую, что работа эта «taken chiefly from the Manuscript of a very ingenious Gentleman deceased, and adapted etc.» [«заимствована главным образом из рукописи одного высокоодаренного джентльмена, ныне умершего, и т. д.»].

[55] «Сколько раз приходилось нам видеть в известных мастерских скопление большего количества рабочих, чем это нужно для выполнения имеющейся там работы. Часто излишними рабочими запасаются на случай какой-либо непредвиденной работы, иногда существующей только в воображении; так как рабочим платят поштучно, то хозяин ничем не рискует, потому что при этом весь ущерб, происходящий от потери времени, ложится исключительно на остающихся без занятий рабочих» (*H. Grégoir:* «Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles». Bruxelles 1865, стр. 9).

ной платы. Очень важный материал о движении заработной платы того времени мы находим в Синих книгах: «Report and Evidence from the Select Committee on Petitions respecting the Corn Laws» (парламентская сессия 1813—1814 гг.) и «Reports from the Lords' Committee, on the state of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto» (сессия 1814—1815 гг.). Здесь мы находим документальные доказательства непрерывного понижения цены труда с того времени, как началась антиякобинская война. Например, в ткацком деле поштучная плата упала до такой степени, что, несмотря на большое удлинение рабочего дня, поденная плата оказалась ниже, чем была раньше. «Реальный доход ткача в настоящее время много меньше, чем был раньше: его преимущества по сравнению с чернорабочим, некогда очень значительные, теперь почти совершенно исчезли. В самом деле, разница между заработными платами обученного и необученного труда теперь гораздо меньше, чем в течение какого угодно из прежних периодов»[56]. Как мало пользы извлек земледельческий пролетариат из возрастания интенсивности и увеличения продолжительности труда под влиянием поштучной платы, показывает следующее место, взятое из партийного произведения, отстаивающего интересы лэндлордов и арендаторов. «Подавляющая часть земледельческих операций выполняется людьми, оплачиваемыми поденно или поштучно. Их недельная плата равняется приблизительно 12 ш., и хотя можно с уверенностью предположить, что при поштучной плате, побуждающей трудиться более напряженно, рабочий выработает на 1 или 2 ш. более, чем при понедельной плате, однако при рассмотрении его дохода в целом окажется, что этот избыток уравновешивается потерей, вызванной отсутствием занятий в известные периоды года... Мы далее вообще найдем, что заработные платы этих людей находятся в определенном отношении к цене необходимых жизненных средств, так что человек, имеющий двух детей, в состоянии заработать как раз столько, сколько ему требуется для того, чтобы содержать свое семейство, не прибегая к приходской благотворительности»[57]. Мальтус заметил тогда по поводу фактов, опубликованных парламентом: «Признаюсь, я с неудовольствием смотрю на широкое распространение практики поштучной платы. Тяжелый труд по 12—14 часов в день в течение более или менее продолжительного периода — это действительно слишком много для человеческого существа»[58].

---

[56] «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain». London 1815, стр. 48.

[57] «A Defence of the Landowners and of Farmers of Great Britain». London 1814, стр. 4, 5.

[58] *Malthus:* «Inquiry into the Nature etc. of Rent». London 1815.

В мастерских, подчиненных действию фабричного закона, поштучная плата становится общим правилом, так как здесь рабочий день может быть расширен только интенсивно[59].

С изменением производительности труда изменяется рабочее время, представленное одним и тем же количеством продукта. Следовательно, изменяется также и поштучная плата, так как она есть выражение цены определенного рабочего времени. В нашем приведенном выше примере 24 штуки продукта производились в течение 12 часов, стоимость, вновь произведенная за 12 часов, была 6 ш., дневная стоимость рабочей силы 3 ш., цена рабочего часа 3 п. и заработная плата $1\frac{1}{2}$ п. за штуку. Каждая штука товара впитывала в себя $\frac{1}{2}$ рабочего часа. Если тот же самый рабочий день станет доставлять 48 штук продукта вместо 24, вследствие, напр., удвоения производительности труда, и если все остальные обстоятельства не изменятся, то поштучная плата упадет с $1\frac{1}{2}$ п. до $\frac{3}{4}$ п., так как каждая штука представляет теперь не $\frac{1}{2}$ рабочего часа, а только $\frac{1}{4}$ его. $1\frac{1}{2}$ п. $\times 24 = 3$ ш. и $\frac{3}{4}$ п. $\times 48 = 3$ ш. Другими словами, поштучная плата понижается в том самом отношении, в каком возрастает число штук товара, произведенного в течение одного и того же времени[60], и, следовательно, в том самом отношении, в каком уменьшается рабочее время, затрачиваемое на ту же самую штуку. Хотя это изменение поштучной платы является здесь чисто номинальным, оно служит постоянным источником борьбы между капиталистом и рабочим: или потому, что капиталист пользуется этим предлогом для действительного понижения цены труда, — или потому, что повышение производительной силы труда сопровождается повышением его интенсивности, — или же потому, что рабочий всерьез принимает внешнюю форму поштучной платы, воображая,

---

[59] «Рабочие, получающие поштучную плату, составляют, вероятно, $\frac{4}{5}$ всех фабричных рабочих» («Rep. of Insp. of Fact. for 30th April 1858», стр. 9).

[60] «Производительная сила его прядильной машины точно измерена, и размеры платы за труд, совершаемый при ее помощи, уменьшаются с ростом ее производительной силы, но не в той же пропорции» (*Ure:* «Philosophy of Manufactures», стр. 317). Последнее апологетическое замечание сам же Юр уничтожает в дальнейшем изложении. Он допускает, напр., что при удлинении мюля добавочный труд вызывается самым этим удлинением. Следовательно, труд уменьшается не в той степени, в какой растет его производительность. Далее: «При таком увеличении машины ее производительная сила возрастает на $\frac{1}{5}$. Если это действительно совершится, прядильщик уже не будет получать за данное количество труда ту плату, какую он получал раньше; но так как его плата не уменьшится на целую $\frac{1}{5}$, то это усовершенствование увеличит его денежный доход от данного числа рабочих часов», — но... но «вышесказанное требует известной поправки... прядильщик из своих добавочных шести пенсов должен уплатить кое-что на содержание малолетних подручных,... которые вытесняют часть взрослых рабочих» (там же, стр. 320, 321), что отнюдь не свидетельствует о тенденции к возрастанию заработной платы.

что при этом оплачивается продукт его труда, а не его рабочая сила, и ввиду этого противится всякому понижению заработной платы, раз оно не сопровождается соответственным понижением продажной цены товара. «Рабочие тщательно следят за ценой сырого материала и ценой фабрикатов и всегда в состоянии точно определить прибыли своих хозяев»[61]. Такие притязания капитал справедливо отвергает как основанные на грубом непонимании природы наемного труда[62]. Он возмущается претензией рабочих облагать в свою пользу налогом прогресс промышленности и категорически заявляет, что рабочим вообще нет никакого дела до производительности их собственного труда[63].

---

[61] *H. Fawcett:* «The Economic Position of the British Labourer». Cambridge and London 1865, стр. 178.

[62] В лондонском «Standard» от 26 октября 1861 г. мы находим отчет о процессе фирмы Джон Брайт и К°, «привлекшей в Рочдэле членов тред-юниона ткачей ковров к суду по обвинению в застращивании. Фирма Брайт ввела новые машины, которые вырабатывают 240 ярдов ковра в такое же время и с такой же затратой труда (!), каких раньше требовало производство 160 ярдов. Рабочие не имеют основания претендовать на долю той прибыли, которая создается благодаря тому, что капитал их предпринимателей затрачивается на технические усовершенствования. Исходя из этого, гг. Брайт предложили понижение заработной платы с $1^1/_2$ пенсов до 1 пенса за ярд, причем общая выручка рабочего с данного количества труда остается совершенно такой же, как раньше. Но тут было только номинальное понижение платы, о котором, как утверждают, рабочие не были предупреждены заранее».

[63] «Тред-юнионы, стараясь поддерживать определенный уровень заработной платы, стремятся добиться участия в прибыли, проистекающей от улучшения машин!» (Ужасно!..) «Они требуют повышения платы на том основании, что труд сокращается... другими словами: они стремятся обложить налогом промышленные усовершенствования» («On combination of Trades». Новое изд. London 1834, стр. 42).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ.

В пятнадцатой главе мы рассмотрели разнообразные комбинации, которые может повлечь за собой изменение абсолютной или относительной (т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью) величины стоимости рабочей силы, причем оказалось, что количество жизненных средств, в которых реализуется цена рабочей силы, может испытывать изменения, независимые[64] или отличные от колебаний этой цены. Как уже было отмечено, путем простого перехода стоимости — соответственно цены — рабочей силы в экзотерическую [внешнюю, лежащую на поверхности] форму заработной платы все указанные там законы превращаются в законы движения заработной платы. То, что в пределах этого движения представляется в виде сменяющих друг друга последовательных комбинаций, то для различных стран может представляться в виде одновременно существующих различий заработных плат в отдельных странах. Следовательно, при сравнении заработных плат разных стран необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически развившихся жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего сведѐния средней заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания дневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на поштучную, так как только эта последняя дает мерило и для производительности и для интенсивности труда.

В каждой стране существует известная средняя интенсивность труда; труд, не достигающий этой средней степени интенсивности, затрачивает на производство данного товара более вре-

---

[64] «Не точно было бы сказать, что заработная плата возросла (речь идет о ее денежном выражении), только потому,что она дает возможность купить большее количество продукта по уменьшенной цене» (Давид Бьюкенен в его издании «Wealth of Nations» А. Смита 1814, т. I, стр. 417, примечание).

мени, чем общественно необходимо в этой стране, и потому не является трудом нормального качества. Только та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение стоимости простой продолжительностью рабочего времени. Иначе обстоит дело на мировом рынке, интегральными частями которого являются отдельные страны. Средняя интенсивность труда изменяется от страны к стране; здесь она больше, там меньше. Эти национальные средние образуют, таким образом, шкалу, единицей измерения которой является средняя единица труда всего мира. Следовательно, более интенсивный национальный труд по сравнению с менее интенсивным производит в равное время бо́льшую стоимость, которая выражается в большем количестве денег.

Но закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает еще более значительные изменения благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчет тоже как более интенсивный, пока конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену ее товара до его стоимости.

Средняя интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны[64a]. Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, т. е. в денежных суммах, различных по отношению к интернациональным стоимостям. Таким образом, относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства. Отсюда следует, что номинальная заработная плата, т. е. эквивалент рабочей силы, выраженный в деньгах, у первой нации будет выше, чем у второй; но это отнюдь еще не значит, что там будет больше и действительная заработная плата, т. е. количество жизненных средств, находящихся в распоряжении рабочего.

Но если даже оставить в стороне это относительное различие в стоимости денег в различных странах, то все же зачастую окажется, что поденная, понедельная и т. д. заработная плата у первой нации выше, чем у второй, тогда как относительная цена труда, т. е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью и с стоимостью продукта, у второй нации выше, чем у первой[65].

[64a] В другом месте мы исследуем, какие обстоятельства могут видоизменить действие этого закона для отдельных отраслей промышленности в его применении к производительности труда.

[65] Джемс Андерсон замечает, полемизируя с А.Смитом: «Следует также заметить, что, хотя кажущаяся цена труда обыкновенно ниже в бедных

Дж. В. Кауелл, член фабричной комиссии 1833 г., тщательно исследовав прядильное производство, пришел к выводу, что «по существу дела в Англии заработная плата с точки зрения фабрикантов ниже, чем на континенте, хотя с точки зрения рабочих она может быть и выше» (Ure: «Philosophy of Manufactures», стр. 314). Английский фабричный инспектор Александр Редгрейв в фабричном отчете от 31 октября 1866 г. при помощи сравнительной статистики Англии и континентальных стран доказывает, что континентальный труд, несмотря на более низкую плату и гораздо более длинный рабочий день, дороже по сравнению с продуктом, чем английский. Директор (manager) одной английской хлопчатобумажной фабрики в Ольденбурге заявляет, что там рабочее время продолжается ежедневно, не исключая и субботы, $14^1/_2$ часов, с 5 часов 30 минут утра до 8 часов вечера, и что тамошние рабочие под надзором надсмотрщиков-англичан вырабатывают несколько меньше продуктов, чем английские рабочие в течение 10 часов, а под надзором немецких надсмотрщиков еще много меньше. Заработная плата там много ниже, чем в Англии, во многих случаях на целые 50%, и, однако, число рук, приходящееся на данное количество машин, гораздо больше; в некоторых отделениях оно относится к английскому как 5 3. Г-н Редгрейв приводит очень подробные данные относительно русских хлопчатобумажных фабрик. Данные эти сообщил ему один английский manager [директор], еще совсем недавно работавший там. На этой русской почве, столь обильной всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы. Управляющие, конечно, англичане, так как туземный русский капиталист совершенно не пригоден для фабричного дела. Несмотря на чрезмерный труд, непрерывные дневные и ночные работы и мизерную оплату рабочих, русская фабрикация кое-как прозябает лишь благодаря препятствиям, создаваемым для иностранной конкуренции. — В заключение

странах, где продукты земледелия и в особенности хлеб дешевы, тем не менее действительная цена труда там обыкновенно выше, чем в других странах. Ибо не заработная плата, выдаваемая рабочему за день труда, образует истинную цену труда, хотя она и есть его кажущаяся цена. Действительная цена есть то, во что на деле обходится предпринимателю определенное количество готового продукта, и рассматриваемый с этой точки зрения труд почти во всех случаях оказывается более дешевым в богатых странах, чем в более бедных, несмотря на то, что цена хлеба и других жизненных средств в последних обыкновенно ниже, чем в первых... Труд, измеряемый поденно, значительно ниже в Шотландии, чем в Англии... Труд же при расчете на штуку товара в общем дешевле в Англии» (*James Anderson:* «Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc.». Edinburgh 1777, стр. 350, 351). — Наоборот, низкая заработная плата вызывает, в свою очередь, вздорожание труда. «Труд дороже в Ирландии, чем в Англии, несмотря на то или как раз потому, что заработная плата там столь значительно ниже» (№ 2074 в «Royal Commission on Railways, Minutes». 1867).

я приведу еще сделанный г. Редгрейвом сравнительный обзор среднего числа веретен, приходящихся в разных странах Европы на одну фабрику и на одного прядильщика. Г-н Редгрейв сам замечает, что эти цифры собраны несколько лет тому назад и что с того времени возросли и размеры английских фабрик и число веретен, приходящееся на каждого рабочего. Но он предполагает, что прогресс перечисленных им континентальных стран двигался тем же самым темпом, так что его числовые данные сохраняют свое относительное значение.

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ВЕРЕТЕН НА ФАБРИКУ.

В Англии	среднее	число	веретен	на	каждую	фабрику	составляло	12 600
» Швейцарии	»	»	»	»	»	»	»	8 000
» Австрии	»	»	»	»	»	»	»	7 000
» Саксонии	»	»	»	»	»	»	»	4 500
» Бельгии	»	»	»	»	»	»	»	4 000
Во Франции	»	»	»	»	»	»	»	1 500
В Пруссии	»	»	»	»	»	»	»	1 500

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ВЕРЕТЕН НА РАБОЧЕГО.

Во Франции	один	человек	приходился	на	14	веретен
В России	»	»	»	»	28	»
» Пруссии	»	»	»	»	37	»
» Баварии	»	»	»	»	46	»
» Австрии	»	»	»	»	49	»
» Бельгии	»	»	»	»	50	»
» Саксонии	»	»	»	»	50	»
» мелких германских государст.	»	»	»	»	55	»
» Швейцарии	»	»	»	»	55	»
» Великобритании	»	»	»	»	74	»

«Это сопоставление, — говорит г. Редгрейв, — неблагоприятно для Великобритании, не говоря уже о других обстоятельствах, в особенности потому, что там существует очень много фабрик, на которых машинное ткачество соединено с прядением, а между тем из расчета не исключено ни одного человека, занятого у ткацкого станка. Напротив, иностранные фабрики — обыкновенно только прядильные. Если бы было возможно найти вполне сравнимые данные, я был бы в состоянии назвать в моем округе много бумагопрядилен, где мюли с 2 200 веретенами управляются одним рабочим (minder) с двумя помощницами, которые ежедневно производят 220 фунтов пряжи длиною в 400 миль (английских)» («Reports

of Insp. of Fact. for 31st October 1866», стр. 31—37, в разных местах).

Как известно, в Восточной Европе и в Азии английские компании взяли на себя постройку железных дорог и при этом наряду с туземными употребляют известное число английских рабочих. Практическая необходимость заставила их, таким образом, считаться с национальными различиями в интенсивности труда, и это отнюдь не принесло им убытка. Их опыт учит, что если высота заработной платы и соответствует более или менее средней интенсивности труда, то относительная цена труда (по сравнению с продуктом) изменяется обыкновенно в прямо противоположном направлении.

В «Опыте исследования уровня заработной платы» [66] — самом раннем из своих экономических произведений — Г. Кэри старается доказать, что различные национальные заработные платы прямо пропорциональны производительности национального рабочего дня. Из этого интернационального соотношения он делает вывод, что заработная плата вообще повышается и падает пропорционально производительности труда. Весь наш анализ производства прибавочной стоимости показывает, что умозаключение это было бы нелепо даже в том случае, если бы Кэри действительно обосновал свои посылки, а не свалил по своему обыкновению в общую кучу случайный, некритически и спешно понадерганный отовсюду статистический материал. Но лучше всего то, что, по его собственному признанию, в действительности дело не обстоит так, как оно должно было бы обстоять согласно теории. А именно вмешательство государства искажает это естественное экономическое отношение. Необходимо поэтому так исчислять национальные заработные платы, как будто часть их, достающаяся государству в форме налогов, попадает в руки самих рабочих. Очень не мешало бы г. Кэри поразмыслить о том, не являются ли эти «государственные издержки» тоже «естественными плодами» капиталистического развития. Вышеприведенное рассуждение вполне достойно человека, который сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство способным лишь разрушить их свободную гармоническую игру, и затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, — влияние, повидимому не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государственного вмешательства, а именно государственной защиты этих «законов природы и разума», alias [иными словами] — необходимость

---

[66] «Essay on the Rate of Wages: with an Examination of the Causes of the Differences in the Conditions of the Labouring Population throughout the World», Philadelphia 1835.

системы протекционизма. Он открыл далее, что не теоремы Рикардо и других, в которых формулированы существующие общественные противоположности и противоречия, являются идеальным продуктом действительного экономического развития, а наоборот, действительные противоречия капиталистического производства в Англии и прочих странах суть результат теории Рикардо и других! Он открыл, наконец, что прелести и гармонии, прирожденные капиталистическому способу производства, разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитал. Только человек, отличающийся такой колоссальной некритичностью и такой ложной ученостью, заслужил того, чтобы, несмотря на свою протекционистскую ересь, стать тайным источником гармонической мудрости для какого-нибудь Бастиа и всех прочих оптимистов современного фритредерства.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА.

Превращение известной денежной суммы в средства производства и рабочую силу есть первое движение, совершаемое стоимостью, которая должна функционировать в качестве капитала. Происходит оно на рынке, в сфере обращения. Вторая фаза этого движения, процесс производства, закончена, поскольку средства производства превращены в товары, стоимость которых превышает стоимость их составных частей, т. е. содержит в себе первоначально авансированный капитал плюс прибавочную стоимость. Эти товары должны быть затем снова брошены в сферу обращения. Надо продать их, реализовать их стоимость в деньгах, эти деньги снова превратить в капитал и так далее, опять сначала. Этот кругооборот, неизменно проходящий одни и те же последовательные фазы, образует обращение капитала.

Первое условие накопления заключается в том, чтобы капиталисту удалось продать свои товары и снова превратить в капитал бо́льшую часть полученных за них денег. В дальнейшем предполагается, что капитал совершает свой процесс обращения нормальным образом. Ближайший анализ этого процесса относится ко второй книге.

Капиталист, производящий прибавочную стоимость, т. е. высасывающий неоплаченный труд непосредственно из рабочих и фиксирующий его в товарах, первый присваивает себе прибавочную стоимость, но отнюдь не является ее последним собственником. Он должен затем поделиться ею с другими капиталистами, выполняющими иные функции в общественном производстве в его целом, с земельным собственником и т. д. Следовательно, прибавочная стоимость расщепляется на различные части. Различные

ее доли попадают в руки различных категорий лиц и приобретают различные, независимые друг от друга формы, каковы: прибыль, процент, торговая прибыль, земельная рента и т. д. Эти превращенные формы прибавочной стоимости могут быть рассмотрены лишь в третьей книге.

Итак, с одной стороны, мы предполагаем здесь, что капиталист, производящий товары, продает их по их стоимости, причем мы не будем рассматривать здесь его обратного возвращения на товарный рынок: ни тех новых форм, которые приурочиваются к капиталу в сфере обращения, ни скрытых в них конкретных условий воспроизводства. С другой стороны, мы принимаем, что капиталистический производитель является собственником всей прибавочной стоимости или, если угодно, представителем всех участников в дележе ее. Таким образом, сначала мы рассмотрим накопление абстрактно, т. е. просто как момент непосредственного процесса производства.

Впрочем, поскольку накопление совершается, постольку очевидно, что капиталисту удается продать произведенный товар и превратить вырученные от этой продажи деньги обратно в капитал. Далее: распадение прибавочной стоимости на различные доли ничуть не изменяет ее природы и тех необходимых условий, при которых она становится элементом накопления. В какой бы пропорции ни распадалась прибавочная стоимость на часть, удерживаемую самим капиталистическим производителем, и часть, которую он отдает другим, во всяком случае в первую очередь прибавочная стоимость присваивается ее капиталистическим производителем. Следовательно, то, что мы предполагаем при нашем изображении процесса накопления, то происходит и в действительности. С другой стороны, расщепление прибавочной стоимости и посредствующее движение обращения затемняют простую основную форму процесса накопления. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова пробегать одни и те же стадии. Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий процесс общественного производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства.

Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, т. е. воспроизводить, не превращая непрерывно известной части своего продукта снова в средства производства, или элементы нового производства. При прочих равных условиях оно может воспроизводить свое богатство или поддерживать его на неизменном уровне лишь в том случае, если средства производства, т. е. средства труда, сырые и вспомогательные материалы in natura [в натуральном выражении], потребленные в течение, напр., года, замещаются равным количеством новых экземпляров того же рода; это последнее должно, таким образом, отделиться от годовой массы продуктов и снова войти в процесс производства. Итак, определенное количество годового продукта принадлежит производству. Предназначенная с самого начала для производительного потребления, эта часть существует обыкновенно в таких натуральных формах, которые уже сами по себе исключают индивидуальное потребление.

Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно тому как процесс труда при капиталистическом способе производства выступает только как средство для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство выступает только как средство воспроизвести авансированную стоимость в качестве капитала, т. е. в качестве возрастающей стоимости. Характерная экономическая роль капиталиста присваивается данному лицу лишь потому, что деньги его непрерывно функционируют как капитал. Если, напр., аван-

сированная денежная сумма в 100 ф. ст. превратилась в этом году в капитал и произвела прибавочную стоимость в 20 ф. ст., то она должна повторить ту же самую операцию в следующем году и т. д. Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод функционирующего капитала, прибавочная стоимость приобретает форму дохода, возникающего из капитала[1].

Если доход этот служит капиталисту лишь фондом потребления, если он так же периодически потребляется, как и добывается, то при прочих равных условиях мы имеем перед собой простое воспроизводство. И хотя последнее есть простое повторение процесса производства в неизменном масштабе, тем не менее эта простая повторяемость и непрерывность придают процессу новые черты, или, скорее, устраняют некоторые черты, которые кажутся характерными для него только как для единичного акта.

Исходным пунктом процесса производства является купля рабочей силы на определенное время, и этот исходный пункт постоянно возобновляется, как только истекает срок, на который был куплен труд, а вместе с тем истекает и определенный период производства, напр. неделя, месяц и т. д. Однако рабочий оплачивается лишь после того, как его рабочая сила проявила свое действие и реализовала в товарах как свою стоимость, так и прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий произвел как прибавочную стоимость, представляющую для нас пока только потребительный фонд капиталиста, так и фонд для своей собственной оплаты, т. е. переменный капитал, — произвел раньше, чем этот последний притекает к нему обратно в виде заработной платы, и лишь до тех пор, пока он непрерывно воспроизводит его, он имеет работу. Отсюда упомянутая нами в шестнадцатой главе под цифрой «II» формула экономистов, изображающая заработную плату как долю в самом продукте[2]. Это та часть продукта, непрерывно воспроизводимого самим рабочим, которая непрерывно притекает к нему обратно в форме заработной платы. Конечно, капиталист

---

[1] «Богатые, потребляющие продукты чужого труда, получают эти последние лишь при помощи акта обмена (купли товаров). Следовательно, их запасной фонд должен, повидимому, быстро иссякнуть... Но в современном общественном строе богатство получило силу воспроизводиться посредством чужого труда... Богатство, подобно труду и при помощи труда, каждый год доставляет плод, который можно уничтожить в течение года, не делая беднее владельца богатства. Этот плод есть доход, возникающий из капитала» (*Sismondi:* «Nouveaux Principes d'Économie Politique», изд. Paris, т. I, стр. 81, 82). [Ср. *С. де Сисмонди:* «Новые начала политической экономии». Соцэкгиз, 1936 г., т. I, стр. 181, 182.]

[2] «Заработную плату... точно так же, как и прибыль, можно рассматривать как действительную долю готового продукта» (*G. Ramsay:* «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh 1836, стр. 142). «Доля продукта, причитающаяся рабочему в форме заработной платы» (*James Mill:* «Éléments d'Économie Politique», французский перевод Parissot, Paris 1823, стр. 34).

выплачивает ему эту товарную стоимость деньгами. Но эти деньги есть лишь превращенная форма продукта труда. В то время как рабочий превращает часть средств производства в продукт, часть его прежнего продукта превращается обратно в деньги. Его труд в течение прошлой недели или последнего полугодия — вот из какого источника оплачивается его сегодняшний труд или труд наступающего полугодия. Иллюзия, создаваемая денежной формой, тотчас же исчезает, как только мы вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего станем рассматривать класс капиталистов и класс рабочих. В денежной форме класс капиталистов постоянно выдает рабочему классу чеки на получение известной части продукта, произведенного рабочими и присвоенного капиталистами. Эти чеки рабочий столь же регулярно отдает назад классу капиталистов, получая взамен причитающуюся ему часть своего собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируют истинный характер этого процесса.

Итак, переменный капитал есть лишь особая историческая форма, в которой проявляется фонд жизненных средств, или рабочий фонд, который необходим рабочему для поддержания и воспроизводства его жизни и который при всех системах общественного производства он всегда должен производить и воспроизводить. Рабочий фонд постоянно притекает к рабочему в форме средств платежа за его труд, так как собственный продукт рабочего постоянно удаляется от него в форме капитала. Однако эта форма проявления рабочего фонда нисколько не изменяет того факта, что капиталист авансирует рабочему овеществленный труд самого рабочего[3]. Возьмем крепостного крестьянина, отбывающего барщину. Он работает при помощи собственных средств производства на собственном поле в течение, скажем, 3 дней в неделю. В течение остальных 3 дней недели он выполняет барщинную работу на господском поле. Он постоянно воспроизводит свой собственный рабочий фонд, и этот последний никогда не принимает по отношению к нему формы средства платежа, авансированного в обмен на его труд третьим лицом. Зато и его неоплаченный принудительный труд никогда не получает формы добровольного и оплаченного труда. Но если в один прекрасный день помещик присвоит себе поле, рабочий скот, семена, одним словом — средства производства барщинного крестьянина, то отныне этому последнему придется продавать свою рабочую силу помещику. Между тем при прочих равных условиях он и теперь, как прежде, будет работать 6 дней в неделю — 3 дня на себя, 3 дня на бывшего помещика, превратившегося теперь в нанимателя. И теперь, как

[3] «Когда капитал употребляется на авансирование рабочим их заработной платы, он ничего не прибавляет к фонду, предназначенному для поддержания труда» (Кэйзнов в примечании к его изданию работы Мальтуса «Definitions in Political Economy». London 1853, стр. 22).

раньше, он будет потреблять средства производства как таковые, перенося их стоимость на продукт. И теперь, как раньше, определенная часть продукта будет входить в процесс воспроизводства. Но подобно тому как барщинный труд принимает при этом форму наемного труда, точно так же и рабочий фонд, производимый и воспроизводимый теперь, как и раньше, самим крестьянином, принимает форму капитала, авансируемого крестьянину бывшим помещиком. Буржуазный экономист, ограниченный мозг которого не в состоянии отличать форму проявления от того, что̀ в ней проявляется, закрывает глаза на тот факт, что даже в настоящее время на всем земном шаре рабочий фонд лишь в виде исключения выступает в форме капитала[4].

Как бы то ни было, переменный капитал утрачивает характер стоимости, авансированной из собственного фонда капиталиста[4a], лишь в том случае, если мы будем рассматривать капиталистический процесс производства в ходе его непрерывного возобновления. Но где-нибудь и когда-нибудь оно должно было начаться. Следовательно, исходя из той точки зрения, на которой мы стояли до сих пор, представляется вероятным, что капиталист в известный момент стал владельцем денег посредством некоторого первоначального накопления, независимого от чужого неоплаченного труда, и благодаря этому мог выступить на рынке в качестве покупателя рабочей силы. Между тем уже простая непрерывность капиталистического процесса производства, или простое воспроизводство, вызывает и другие своеобразные изменения, касающиеся не только переменной части капитала, но и всего капитала в целом.

Если прибавочная стоимость, создаваемая периодически, напр. ежегодно, капиталом в 1000 ф. ст., равняется 200 ф. ст. и если эта прибавочная стоимость потребляется без остатка в течение года, то ясно, что после повторения этого процесса в течение пяти лет сумма потребленной прибавочной стоимости будет равна 200×5, или первоначально авансированной капитальной стоимости в 1000 ф. ст. Если бы годовая прибавочная стоимость потреблялась лишь частично, напр. лишь наполовину, то указанный результат получился бы лишь после повторения производственного

[4] «Средства существования рабочих авансируются им капиталистами менее чем на одной четверти поверхности земного шара» (*Richard Jones:* «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford 1852, стр. 36). [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 313.]

[4a] «Хотя хозяин авансирует мануфактурному рабочему его заработную плату, последний в действительности не стоит ему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно возвращается ему вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» (*A. Smith:* «Wealth of Nations», кн. II, гл. III, стр. 311). [*А. Смит:* «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, кн. II, гл. III, стр. 278. Соцэкгиз, 1935 г.]

процесса в течение десяти лет, потому что $100 \times 10 = 1000$. Вообще авансированная капитальная стоимость, деленная на потребляемую ежегодно прибавочную стоимость, дает число лет, или число периодов воспроизводства, по истечении которых первоначально авансированный капитал потребляется капиталистом и, следовательно, исчезает. Представление капиталиста, будто он потребляет лишь продукт чужого неоплаченного труда, прибавочную стоимость, оставляя неприкосновенной первоначальную капитальную стоимость, абсолютно не может изменить этого факта. По истечении известного числа лет принадлежащая ему капитальная стоимость равна сумме прибавочной стоимости, присвоенной им без эквивалента в течение того же самого числа лет, а потребленная им сумма стоимости равна первоначальной капитальной стоимости. Правда, в его руках сохраняется капитал, неизменный по величине, причем часть этого капитала, строения, машины и т. д., уже была налицо, когда он приступил к своему предприятию. Но здесь дело идет о стоимости капитала, а не о его материальных составных частях. Если кто-нибудь расточил все свое имущество, наделав долгов на сумму, равную стоимости этого имущества, то все его имущество представляет как раз только общую сумму его долгов. Равным образом, если капиталист потребил эквивалент своего авансированного капитала, то стоимость этого капитала представляет лишь общую сумму безвозмездно присвоенной им прибавочной стоимости. Ни одного атома стоимости старого капитала уже не существует.

Итак, совершенно независимо от всякого накопления, уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, неизбежно превращает по истечении более или менее продолжительного периода всякий капитал в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Если даже капитал при своем вступлении в процесс производства был лично заработанной собственностью лица, которое его применяет, все же рано или поздно он становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, материализацией — в денежной или иной форме — чужого неоплаченного труда.

Как мы видели в четвертой главе, для того чтобы превратить деньги в капитал, недостаточно наличия товарного производства и товарного обращения. Для этого необходимо прежде всего, чтобы в качестве покупателя и продавца противостояли друг другу с одной стороны владелец стоимостей или денег, с другой стороны — владелец субстанции, образующей стоимость, здесь — владелец средств производства и жизненных средств, там — владелец одной только рабочей силы. Следовательно, отделение продукта труда от самого труда, отделение объективных условий труда от субъективного фактора — рабочей силы — было фактически данной основой, исходным пунктом капиталистического процесса производства.

Но что первоначально было исходным пунктом, то впоследствии, благодаря простой непрерывности процесса, благодаря простому воспроизводству, производится все снова и снова и увековечивается как собственный результат капиталистического производства. С одной стороны, процесс производства постоянно превращает вещественное богатство в капитал, в средства возрастания стоимости для капиталиста и в средства потребления для него. С другой стороны, рабочий постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишенный всяких средств для того, чтобы осуществить это богатство для себя самого. Так как до его вступления в процесс его собственный труд был отчужден от него, присвоен капиталистом и включен в состав капитала, то в ходе процесса этот труд постоянно овеществляется в чужом продукте. Так как процесс производства есть в то же время процесс потребления рабочей силы капиталистом, то продукт рабочего непрерывно превращается не только в товар, но и в капитал, — в стоимость, высасывающую силу, которая создает стоимость, в жизненные средства, покупающие лиц, в средства производства, применяющие производителей [5]. Таким образом, рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу как субъективный источник богатства, отделенный от средств ее собственного овеществления и осуществления, абстрактный, существующий лишь в самом организме рабочего, — коротко говоря, производит рабочего как наемного рабочего [6]. Это постоянное воспроизводство или увековечение рабочего есть conditio sine qua non [непременное условие] капиталистического производства.

Потребление рабочего — двоякого рода. В самом производстве он потребляет своим трудом средства производства и превращает их в продукты более высокой стоимости, чем стоимость авансированного капитала. Это — его производительное потребление. Это — в то же время потребление его рабочей силы

---

[5] «В этом особенно замечательное свойство производительного потребления. Потребляемое производительно есть капитал и становится капиталом при помощи потребления» (*James Mill:* «Éléments d'Économie Politique». Французский перевод Parissot, Paris 1823, стр. 242). Но Джемс Милль так и не выяснил, в чем состоит это «особенно замечательное свойство».

[6] «Это правда, конечно, что вновь введенная мануфактура дает работу многим беднякам; но последние не перестают быть бедными, между тем дальнейшее введение мануфактурных предприятий многих других делает бедняками» («Reasons for a limited Exportation of Wool». London 1677, стр. 19). «Абсурдно утверждение фермера, будто он содержит бедных. На самом деле бедные содержатся в нищете» («Reasons for the late Increase of the Poor-Rates: or a comparative View of the Prices of Labour and Provisions». London 1777, стр. 31).

капиталистом, купившим последнюю. С другой стороны, рабочий расходует деньги, уплаченные ему при купле его рабочей силы, на приобретение жизненных средств. Это — его индивидуальное потребление. Следовательно, производительное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В первом он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего.

При рассмотрении рабочего дня и пр. попутно выяснилось, что зачастую рабочий вынужден превращать свое индивидуальное потребление в чисто случайный эпизод производственного процесса. В этом случае он поглощает жизненные средства лишь для того, чтобы поддержать в деятельности свою рабочую силу, как паровая машина — уголь и воду, как колесо — смазочное масло. Здесь его средства потребления являются просто средствами потребления одного из средств производства, его индивидуальное потребление является непосредственно производительным потреблением. Однако это представляется злоупотреблением, не связанным с сущностью капиталистического процесса производства [7].

Иначе выглядит дело, если мы рассматриваем не отдельного капиталиста и не отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих, не единичные процессы производства, а весь капиталистический процесс в его течении и в его общественном объеме. Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала, он тем самым увеличивает стоимость всего своего капитала. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что он получает от рабочего, но и из того, что он дает последнему. Капитал, отчужденный в обмен на рабочую силу, превращается в жизненные средства, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих, уже имеющихся налицо, и для производства новых рабочих. Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала. Это — производство и воспроизводство самого необходимого для капиталиста средства производства — самого рабочего. Таким образом, индивидуальное потребление рабочего в общем и целом составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, фабрики и т. д., внутри или вне

---

[7] Росси не столь напыщенно декламировал бы по этому поводу, если бы он действительно проник в тайну «производительного потребления».

процесса труда, подобно тому как чистка машины есть составная часть производства независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего. Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради себя самого, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочего скота не перестает быть необходимым моментом процесса производства оттого, что скот сам потребляет то, что̀ он ест. Непрерывное сохранение и воспроизводство рабочего класса всегда остается необходимым условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, и, как небо от земли, далек от южноамериканской грубости, с которой рабочих насильно заставляют есть более питательную пищу вместо менее питательной [8].

Поэтому капиталист и его идеолог, политико-эконом, рассматривают как производительное потребление лишь ту часть индивидуального потребления рабочего, которая необходима для увековечения рабочего класса, которая действительно должна быть потреблена рабочим, чтобы капитал мог потреблять рабочую силу; а все, что рабочий потребляет сверх того, ради своего собственного удовольствия, есть непроизводительное потребление [9]. Если бы накопление капитала вызывало повышение заработной платы и, следовательно, возрастание количества средств потребления рабочего, не приводя к увеличенному потреблению рабочей силы капиталом, то добавочный капитал был бы потреблен непроизводительно [10]. В самом деле, индивидуальное потребление рабочего непроизводительно для него самого, так как оно воспроизводит лишь индивидуума, нуждающегося в средствах потребления;

---

[8] «Рабочие рудников Южной Америки, ежедневная работа которых (быть может, самая тяжелая в мире) состоит в том, чтобы вытаскивать на своих плечах на поверхность земли груз руды в 180—200 фунтов из глубины в 450 футов, питаются лишь хлебом и бобами; они предпочли бы питаться одним хлебом, но их господа обращаются с ними, как с лошадьми: найдя, что при одном хлебе они не могут работать так интенсивно, они принуждают их есть бобы; бобы значительно богаче фосфором, чем хлеб» (*Liebig:* «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie», 7-е изд., 1862, I часть, стр. 194, примечание). [Ср. *Ю. Либих:* «Химия в приложении к земледелию и физиологии растений». Москва 1870, стр. 132.]

[9] *James Mill:* «Éléments d'Économie Politique». Французский перевод Parissot, Paris 1823, стр. 238 и сл.

[10] «Если бы цена труда поднялась до такой высоты, что, несмотря на увеличение капитала, нельзя было бы применить больше труда, то я сказал бы, что такое увеличение капитала будет потреблено непроизводительно» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 163). [Ср. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 87.]

оно производительно для капиталиста и для государства, так как оно есть производство силы, создающей чужое богатство [11].

Итак, с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбежали. Индивидуальное потребление рабочих, с одной стороны, обеспечивает их сохранение и воспроизводство, с другой стороны, уничтожая жизненные средства, вызывает необходимость их постоянного появления на рынке труда. Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Иллюзия его независимости поддерживается тем, что индивидуальные хозяева-наниматели постоянно меняются, а также тем, что существует fictio juris [юридическая фикция] договора.

В прежние времена капитал там, где ему представлялось нужным, осуществлял свое право собственности на свободного рабочего путем принудительного закона. Так, напр., до 1815 г. машиностроительным рабочим Англии эмиграция была воспрещена под угрозой тяжелого наказания.

Воспроизводство рабочего класса включает в себя также передачу и накопление искусства от поколения к поколению [12]. До какой степени капиталист склонен причислять существование такого искусного рабочего класса к числу принадлежащих ему условий производства и на деле рассматривать его как реальное существование своего переменного капитала, обнаруживается с особенной яркостью, когда кризис начинает угрожать утратой этого условия производства. Как известно, под влиянием гражданской войны в Америке и сопровождавшего ее хлопкового голода большинство рабочих хлопчатобумажного производства в Ланкашире и других местах было выброшено на улицу. Из недр самого рабочего класса и из других слоев общества раздался

---

[11] «Единственно производительным потреблением в собственном смысле этого слова является только потребление или разрушение богатства (он имеет в виду потребление средств производства) капиталистом с целью воспроизводства... Рабочий... производительный потребитель для лица, применяющего его, и для государства, но, строго говоря, не для самого себя» (*Malthus:* «Definitions in Political Economy». London 1853, стр. 30).

[12] «Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накопляется и подготовляется заранее, есть искусство рабочего... Накопление и сохранение искусного труда, эта важнейшая операция, осуществляется по отношению к преобладающей массе рабочих без всякой затраты капитала» (*Hodgskin:* «Labour Defended etc.», стр. 12, 13).

призыв организовать с помощью государства или добровольных национальных сборов эмиграцию «избыточных» рабочих в английские колонии или Соединенные Штаты. «Times» опубликовал тогда (24 марта 1863 г.) письмо Эдмунда Поттера, бывшего президента манчестерской торговой палаты. В нижней палате письмо это было справедливо названо «манифестом фабрикантов»[13]. Мы приведем здесь из этого письма несколько характерных мест, в которых взгляд на рабочую силу как на собственность капитала высказан с полной откровенностью.

«Рабочим хлопчатобумажного производства внушают, что предложение их труда слишком велико... что его следует уменьшить, быть может, на целую треть, чтобы затем мог установиться здоровый спрос на остальные две трети... Общественное мнение настаивает на эмиграции... Хозяин (т. е. хлопчатобумажный фабрикант) не может добровольно согласиться на то, чтобы предложение его рабочих рук было уменьшено; он придерживается того взгляда, что это было бы столь же несправедливо, сколь и неправильно... Если эмиграция поддерживается на счет общественного фонда, он имеет право требовать, чтобы его выслушали, и, быть может, протестовать». Тот же самый Поттер рассказывает далее, как полезна хлопчатобумажная промышленность, как она «несомненно оттянула население из Ирландии и английских земледельческих округов», как колоссальны ее размеры, как она в 1860 г. дала $^{5}/_{13}$ всего английского экспорта и как она через немного лет снова увеличится благодаря расширению рынка, особенно индийского, и принудительному «ввозу достаточного количества хлопка по 6 п. за фунт». Он продолжает: «Время — один, два, быть может, три года — создаст необходимое количество... Я хотел бы поэтому поставить вопрос, не стоит ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? Не стоит ли труда содержать в порядке машины (имеются в виду живые рабочие машины) и не является ли величайшей глупостью мысль выбросить их вон? Я думаю, что это так. Я готов согласиться, что рабочие не собственность («I allow that the workers are not a property»), не собственность Ланкашира и хозяев, но они сила их обоих; они — интеллектуальная и обученная сила, которой не заместить в течение жизни одного поколения; напротив, другие машины, — те, на которых они работают («the mere machinery which they work»), можно в значительной их части с успехом заместить и даже улучшить в течение двенадцати месяцев[14]. Если эмиграция рабочей силы

[13] «Письмо это можно рассматривать как манифест фабрикантов» (Феррэнд, предложение по поводу хлопкового голода, заседание палаты общин 27 апреля 1863 г.).

[14] Читатель помнит, что тот же самый капитал поет совсем другую песенку при обычных обстоятельствах, когда задача состоит в понижении заработной платы. Тут «хозяева» единогласно заявляют (см. отдел четвер-

будет поощряться или даже просто разрешаться (!), то что станется с капиталистами? («Encourage or allow the working power to emigrate, and what of the capitalist?» Этот крик сердца напоминает гофмаршала Кальба)... Снимите сливки рабочих, — и основной капитал будет до крайности обесценен, оборотный капитал не выдержит борьбы с недостаточным предложением труда ухудшенного сорта... Нам говорят, что рабочие сами желают эмигрировать. Это очень естественно с их стороны... Сократите, подавите хлопчатобумажное производство, отняв у него его рабочие силы (by taking away its working power), уменьшите, скажем, на $^1/_3$, или на 5 миллионов, сумму уплачиваемых им заработных плат, и что станется тогда с ближайшим классом, стоящим над рабочими, с мелкими лавочниками? Что станется с земельной рентой, с квартирной платой за коттэджи?.. С мелкими фермерами, этим лучшим слоем домовладельцев и земельных собственников? Итак, скажите, может ли быть какой-либо более самоубийственный план для всех классов страны, чем этот проект ослабить нацию путем экспорта ее лучших фабричных рабочих и обесценения части ее наиболее производительного капитала и богатства?» «Я рекомендую заем в 5—6 миллионов, разложенный на два или три года; деньги должны расходоваться под наблюдением особых комиссаров, подчиненных администрации призрения бедных в хлопчатобумажных округах; следует регулировать это дело специальным законом, установив известный принудительный труд для поддержания моральной ценности рабочих, получающих милостыню... Может ли быть что-либо худшее для земельных собственников и хозяев («can anything be worse for landowners or masters»), чем лишиться своих лучших рабочих и посеять деморализацию и недовольство среди остальных путем широкой опустошительной эмиграции и обесценения капитала в целой провинции?»

Поттер, этот несравненный представитель хлопчатобумажных фабрикантов, различает два вида «машин», одинаково принадлежащих капиталисту: одни постоянно находятся на его фабрике, другие по ночам и по воскресеньям перемещаются в коттэджи. Первые мертвые, вторые живые. Мертвые не только с каждым днем ухудшаются и обесцениваются, но благодаря техническому прогрессу значительная часть их наличной массы является до

тый, стр. 429): «Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет в действительности очень низкий сорт обученного труда; что никакой другой не усваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя достать посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина (которые, как нам говорят теперь, могут быть с успехом замещены лучшими в 12 месяцев) фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего (нам говорят теперь, что последнее не может быть восстановлено даже в течение 30 лет), которому можно научить в 6 месяцев и которому может научиться всякий деревенский батрак».

такой степени устарелой, что могла бы быть с выгодой замещена более новыми машинами в продолжение нескольких месяцев. Живые машины, наоборот, тем лучше, чем долее они служат, чем более искусства, накопленного поколениями, они впитали в себя. «Times» в своем ответе этому фабричному магнату между прочим писал:

«Г-н Э. Поттер до такой степени проникнут сознанием чрезвычайной и абсолютной важности хозяев хлопчатобумажных предприятий, что он для поддержания этого класса и увековечения его промысла готов насильственно запереть полмиллиона рабочих в огромный моральный работный дом. Достойна ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? — спрашивает г. Поттер. Конечно, — отвечаем мы, — всеми честными средствами. Стоит ли труда содержать в порядке машины? — снова спрашивает г. Поттер. Здесь мы останавливаемся в недоумении. Под машинами г. Поттер разумеет человеческие машины; он клянется, что не рассматривает их как безусловную собственность хозяина. Мы должны сознаться, что считаем «не стоящим труда» и даже невозможным содержать человеческие машины в порядке, т. е. запирать их и смазывать, пока не явится в них надобность. Человеческие машины имеют свойство ржаветь от бездействия, сколько бы их ни смазывали и ни чистили. К тому же человеческие машины, как нас учит опыт, способны самопроизвольно разводить пары и взрываться или безумствовать на улицах наших больших городов в дикой виттовой пляске. Может быть, г. Поттер и прав, утверждая, что для воспроизводства рабочих требуется более значительное время, но, имея под руками опытных машинистов и деньги, мы всегда найдем достаточно усердных, упорных, трудолюбивых людей, из которых можно сфабриковать больше фабричных мастеров, чем может понадобиться... Г-н Поттер болтает о новом оживлении промышленности через 1, 2, 3 года и требует от нас не поощрять эмиграции рабочей силы или даже не разрешать ее! Что рабочие желают эмигрировать, это, по его мнению, естественно; но он полагает, что нация должна запереть полмиллиона этих рабочих и 700 000 лиц, принадлежащих к их семьям, вопреки их желанию, в хлопчатобумажных округах и, — неизбежное следствие, — подавляя силою их недовольство, поддерживать их существование раздачей милостыни, — все это ввиду того, что может наступить день, когда они снова понадобятся хлопчатобумажным фабрикантам... Наступило время, когда великое общественное мнение этих островов должно сделать что-нибудь, чтобы спасти эту «рабочую силу» от тех, кто хочет обращаться с ней так, как они обращаются с углем, железом и хлопком» («to save this «working power» from those who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton»)[15].

[15] «Times» 24 марта 1863 г.

Статья «Times» была только jeu d'esprit [пустой игрой ума]. «Великое общественное мнение» в действительности разделяло мнение г. Поттера, что фабричный рабочий есть лишь подвижной придаток фабрики. Эмиграции рабочих воспрепятствовали[16]. Их заперли в «моральном работном доме» хлопчатобумажных округов, и они попрежнему составляли «силу (the strength) хлопчатобумажных фабрикантов Ланкашира».

Итак, капиталистический процесс производства самым своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Тем самым он воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего. Он постоянно принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и постоянно дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться[17]. Теперь уже не простой случай противопоставляет на товарном рынке капиталиста и рабочего как покупателя и продавца. Железный ход самого процесса постоянно отбрасывает последнего как продавца своей рабочей силы обратно на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в средство купли в руках первого. В действительности рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту. Его экономическая несвобода[18] одновременно и обусловливается и маскируется периодическим

[16] Парламент не вотировал ни одного фартинга на эмиграцию, но лишь издал законы, уполномочившие муниципалитеты держать рабочих между жизнью и смертью, или эксплуатировать их, не уплачивая нормального вознаграждения. Когда затем, три года спустя, разразился падеж скота, парламент немедленно, невзирая даже на грубое нарушение парламентского этикета, вотировал миллионы на возмещение убытков миллионеров лэндлордов, арендаторы которых и без того не несли никаких убытков благодаря повышению цены на мясо. Звериный рев земельных собственников при открытии парламента 1866 г. доказал, что не надо быть индусом, чтобы поклоняться корове Сабале, и — Юпитером, чтобы превратиться в быка.

[17] «Рабочий требовал средств существования, чтобы жить, хозяин требовал труда, чтобы иметь выгоду» (*Sismondi:* «Nouveaux Principes d'Économie Politique», изд. Paris, т. I, стр. 91). [Ср. *С. де Сисмонди:* «Новые начала политической экономии». Соцэкгиз, 1936 г., т. I, кн. 2, стр. 186.]

[18] Грубо мужицкая форма этой зависимости существует в графстве Дэргем. Это — одно из тех немногих графств, в которых местные условия не обеспечивают за арендатором бесспорного права собственности на сельскохозяйственных батраков. Существование горного дела оставляет последним возможность выбора. Поэтому здесь, в противоположность общему правилу, фермер берет в аренду лишь те земли, на которых находятся коттэджи рабочих. Наемная плата за коттэдж составляет часть заработной платы. Эти коттэджи называются «hind's houses» [«дома слуг»]. Они сдаются рабочим под условием выполнения известных феодальных повинностей, по договору, который носит название «bondage» [крепостная зависимость] и, между прочим, обязует рабочего на то время, когда он занят в другом месте, посылать на работу вместо себя дочь и т. д. Сам рабочий называется bondsman, т. е. крепостной. Это отношение с совершенно новой стороны показывает нам индивидуальное потребление рабочего как потребление для капитала, или производительное потребление. «Интересно отметить, что даже испражнения этого bondsman причисляются его расчетливым повелителем к своему доходу... Фермер не

возобновлением его самопродажи, переменою его индивидуальных хозяев-нанимателей и колебаниями рыночных цен его труда[19].

Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой[20].

разрешает устраивать никаких отхожих мест, кроме тех, которые устроены им самим, и не терпит ни малейшего нарушения своих сюзеренных прав в этой области» («Public Health. 7th Report 1864», стр. 188).

[19] Напомним, что в отношении труда детей и т. п. исчезает даже формальность самопродажи.

[20] «Капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они обусловливают и создают друг друга. Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажную материю? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над его трудом и при помощи его труда создавать новые стоимости» (*Karl Marx:* «Lohnarbeit und Kapital» в «Neue Rheinische Zeitung», № 266, 7 апреля 1849 г.). [*К. Маркс:* «Наемный труд и капитал». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 432.] Статьи, опубликованные в «Neue Rheinische Zeitung» под этим заглавием, представляют отрывки лекций, читанных мною на эту тему в 1847 г. в брюссельском союзе немецких рабочих; печатание их было прервано Февральской революцией.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЗАКОНОВ СОБСТВЕННОСТИ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРИСВОЕНИЯ.

Раньше мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала, теперь посмотрим, каким образом капитал возникает из прибавочной стоимости. Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала [21].

Рассмотрим сначала этот процесс с точки зрения отдельного капиталиста. Пусть, напр., прядильный фабрикант авансирует капитал в 10 000 ф. ст., в том числе $^4/_5$ в виде хлопка, машин и т. д. и $^1/_5$ в виде заработной платы. Допустим, что ежегодно он производит 240 000 ф. пряжи стоимостью в 12 000 ф. ст. При норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость заключена в прибавочном, или чистом, продукте, составляющем 40 000 ф. пряжи, или одну шестую валового продукта; она имеет стоимость в 2 000 ф. ст., которая будет реализована при продаже. Сумма стоимости в 2 000 ф. ст. есть сумма стоимости в 2 000 ф. ст. и ничего больше. Ни по виду, ни по запаху этих денег нельзя узнать, что они — прибавочная стоимость. Тот факт, что данная стоимость является прибавочной стоимостью, указывает лишь, каким путем она попала в руки своего собственника, но нисколько не изменяет самой природы стоимости или денег.

Таким образом, прядильный фабрикант, чтобы превратить в капитал эту вновь поступившую к нему сумму в 2 000 ф. ст., должен при прочих равных условиях авансировать $^4/_5$ ее на закупку хлопка и т. д. и $^1/_5$ на закупку новых рабочих-прядильщиков, причем последние должны найти на рынке те жизненные средства, стоимость которых он им авансировал. Тогда этот новый капитал в 2 000 ф. ст. будет функционировать в прядильном деле и, со своей стороны, принесет прибавочную стоимость в 400 ф. ст.

---

[21] «Накопление капитала: употребление части дохода в качестве капитала» (*Malthus:* «Definitions etc.», изд. Gazenove, стр. 11). «Превращение дохода в капитал» (*Malthus:* «Principles of Political Economy», 2-е изд., London 1836, стр. 320).

Капитальная стоимость была первоначально авансирована в денежной форме; напротив, прибавочная стоимость уже с самого начала существует как стоимость определенной части валового продукта. Если этот последний продается, превращается в деньги, то капитальная стоимость снова приобретает свою первоначальную форму, а прибавочная стоимость изменяет свой первоначальный способ существования. Однако, начиная с этого момента, обе они, и капитальная стоимость и прибавочная стоимость, представляют собою денежные суммы, и их обратное превращение в капитал происходит совершенно одинаковым способом. И ту и другую стоимость капиталист затрачивает на покупку товаров, благодаря чему получает возможность снова начать изготовление своего продукта и на этот раз уже в расширенном масштабе. Но, чтобы закупить эти товары, он должен найти их на рынке.

Его собственная пряжа обращается лишь потому, что он выносит свой годовой продукт на рынок, как это делают со своими товарами и все другие капиталисты. Но прежде чем эти товары попали на рынок, они уже заключались в фонде годового производства, т. е. в общей массе всякого рода предметов, в которые превращается в течение года сумма отдельных капиталов, или совокупный общественный капитал, — тот капитал, лишь некоторая доля которого находится в руках каждого отдельного капиталиста. Процессы, совершающиеся на рынке, осуществляют лишь обращение этих отдельных составных частей годового производства, посылают их из рук в руки, но не могут ни увеличить суммы годового производства, ни изменить природы произведенных предметов. Какое употребление может быть сделано из совокупного годового продукта, это зависит, таким образом, от собственного состава последнего, а отнюдь не от его обращения.

Прежде всего годичное производство должно доставить все те предметы (потребительные стоимости), за счет которых могут быть возмещены вещественные составные части капитала, потребленные в течение года. За вычетом этой части остается чистый, или прибавочный, продукт, в котором заключается прибавочная стоимость. Но из чего состоит этот прибавочный продукт? Быть может, из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и прихотей класса капиталистов, — предметов, входящих, таким образом, в их потребительный фонд? Если бы это было так, то прибавочная стоимость была бы прокучена до последнего гроша, и мы имели бы перед собой простое воспроизводство.

Для того чтобы накоплять, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и, далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего,

т. е. жизненные средства. Следовательно, часть годичного прибавочного труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и жизненных средств, избыточных по сравнению с тем их количеством, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные составные части нового капитала[21a].

Но чтобы заставить эти элементы фактически функционировать в качестве капитала, класс капиталистов нуждается в добавочном количестве труда. Если эксплуатация уже занятых рабочих не может быть увеличена экстенсивно или интенсивно, то, очевидно, должны быть применены к делу добавочные рабочие силы. Но об этом также позаботился самый механизм капиталистического производства: он воспроизводит рабочий класс как класс, зависящий от заработной платы, обычный уровень которой достаточен не только для его самосохранения, но и для его размножения. Эти добавочные рабочие силы различных возрастов ежегодно доставляются капиталу самим рабочим классом, так что остается только соединить их с добавочными средствами производства, уже заключающимися в продукте годового производства, и превращение прибавочной стоимости в капитал готово. Итак, накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Кругооборот простого воспроизводства изменяется и превращается, по выражению Сисмонди, в спираль[21b].

Вернемся теперь опять к нашему примеру. Это — старая история: Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова и т. д. Первоначальный капитал в 10 000 ф. ст. приносит прибавочную стоимость в 2 000 ф. ст., которая капитализируется. Новый капитал в 2 000 ф. ст. приносит прибавочную стоимость в 400 ф. ст., эта прибавочная стоимость, в свою очередь, капитализируется, т. е. превращается во второй дополнительный капитал, который опять-таки приносит новую прибавочную стоимость в 80 ф. ст., и т. д.

Мы отвлекаемся здесь от той части прибавочной стоимости, которая потребляется самим капиталистом. Столь же мало инте-

---

[21a] Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства и жизненные средства или наоборот. Для того, чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства.

[21b] Анализ накопления, произведенный Сисмонди, имеет тот крупный недостаток, что автор слишком поспешно успокаивается на фразе: «превращение дохода в капитал», и не исследует материальных условий этой операции.

ресует нас в настоящее время вопрос, присоединяется ли добавочный капитал к первоначальному или же отделяется от него с тем, чтобы самостоятельно увеличивать свою стоимость; использует ли его тот же самый капиталист, который его накопил, или же он перейдет в другие руки. Мы не должны только забывать, что наряду с новообразованными капиталами первоначальный капитал продолжает воспроизводить себя и производить прибавочную стоимость и что то же самое можно сказать о каждом накопленном капитале в его отношении к созданному им добавочному капиталу.

Первоначальный капитал образовался путем авансирования 10 000 ф. ст. Откуда их достал их владелец? Они созданы его собственным трудом и трудом его предков! — единодушно отвечают нам представители политической экономии[21c], и это их предположение действительно кажется единственным, согласным с законами товарного производства.

Совершенно иначе обстоит дело с добавочным капиталом в 2 000 ф. ст. Процесс его возникновения нам известен с полной точностью. Это — капитализированная прибавочная стоимость. С самого своего зарождения он не заключал в себе ни единого атома стоимости, который бы возник не из чужого неоплаченного труда. Средства производства, к которым присоединяется добавочная рабочая сила, как и жизненные средства, при помощи которых она поддерживает самое себя, представляют собой лишь составные части прибавочного продукта, — той дани, которая классом капиталистов ежегодно вырывается у класса рабочих. Если класс капиталистов на часть этой дани закупает добавочную рабочую силу, даже по полной цене, так что эквивалент обменивается на эквивалент, то все же он поступает в этом случае по старому рецепту завоевателя, покупающего товары побежденных на их же собственные, у них же награбленные деньги.

Если добавочный капитал дает занятие тому самому рабочему, который его произвел, то этот последний должен прежде всего продолжать увеличивать стоимость первоначального капитала и кроме того должен обратно покупать продукт своего прежнего неоплаченного труда при помощи большего, добавочного труда, чем он стоил ему самому. Раз мы рассматриваем это как сделку между классом капиталистов и классом рабочих, то суть дела нисколько не изменится от того, что на счет неоплаченного труда рабочих, занятых до того времени, получат занятие новые добавочные рабочие. Ведь возможно также, что капиталист превращает дополнительный капитал в машину, которая выбросит производителя этого добавочного капитала на мостовую и заместит его

[21c] «Первоначальный труд, которому его капитал обязан своим возникновением» (*Sismondi:* «Nouveaux Principes d'Économie Politique», изд. Paris, т. I, стр. 109). [Ср. *С. де Сисмонди:* «Новые начала политической экономии». Соцэкгиз, 1936 г., т. I, стр. 195.]

несколькими детьми. Во всяком случае рабочий класс своим прибавочным трудом в течение данного года создал капитал, который в следующем году даст занятие добавочному количеству труда[22]. Вот в чем суть того, что называют: «порождать капитал капиталом».

Предпосылкой накопления первого добавочного капитала в 2 000 ф. ст. было наличие суммы стоимостей в 10 000 ф. ст., авансированной капиталистом и принадлежащей последнему в силу его «первоначального труда». Напротив, предпосылкой второго добавочного капитала в 400 ф. ст. является не что иное, как предшествующее накопление первого, этих 2 000 ф. ст., капитализированную прибавочную стоимость которых и представляют собой эти 400 ф. ст. Собственность на прошлый неоплаченный труд оказывается теперь единственным условием текущего присвоения живого неоплаченного труда во все возрастающем объеме. Чем больше капиталист накопил, тем больше он может накоплять.

Поскольку прибавочная стоимость, из которой состоит добавочный капитал № I, есть результат покупки рабочей силы на часть первоначального капитала, — покупки, которая вполне соответствовала законам товарного обращения и с юридической точки зрения предполагает лишь, что рабочий свободно распоряжается своими собственными способностями, а владелец денег или товаров — принадлежащими ему стоимостями; поскольку добавочный капитал № II и т. д. является простым результатом добавочного капитала № I, т. е. следствием тех же самых отношений; поскольку каждая отдельная сделка постоянно совершается здесь в полном согласии с законом товарного обмена, т. е. поскольку капиталист всегда покупает рабочую силу, а рабочий всегда ее продает, и притом — допустим даже и это — по ее действительной стоимости, — постольку очевидно, что закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неустранимой диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, в котором состояла первоначальная операция, претерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама является лишь частью продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым избытком. Отношение обмена между капиталистом и рабочим становится, таким образом, только видимостью, принадлежащей процессу обращения, пустой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его.

[22] «Труд создает капитал, прежде чем капитал применяет труд» (*E. G. Wakefield*: «England and America». London 1833, т. II, стр. 110).

Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, постоянно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда. Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. По крайней мере, это допущение должно было быть правильным, так как на рынке друг другу противостоят лишь равноправные товаровладельцы, причем средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, повидимому, их тождество [23].

Таким образом, как бы ни казалось, что капиталистический способ присвоения противоречит первоначальным законам товарного производства, последний порождается отнюдь не нарушением этих законов, а, напротив, их применением. Беглый ретроспективный взгляд на последовательные фазы движения, заключительным пунктом которых является капиталистическое накопление, еще раз ясно покажет нам все это.

Сперва мы видели, что первоначальное превращение суммы стоимости в капитал совершалось безусловно в согласии с законами обмена. Один из обменивающихся продает свою рабочую силу, другой покупает ее. Первый получает стоимость своего товара и тем самым отчуждает его потребительную стоимость, т. е. труд, в руки другого. Тогда второй превращает средства производства, уже принадлежащие ему, при помощи этого также принадлежащего ему труда, в новый продукт, который точно так же принадлежит ему по праву.

Стоимость этого продукта заключает в себе, во-первых, стоимость потребленных средств производства. Полезный труд не может потребить этих средств производства, не перенося в то же время их стоимости на продукт; но рабочая сила может быть предметом продажи лишь в том случае, если она способна доставить полезный труд той отрасли промышленности, где имеется в виду ее применить.

---

[23] Собственность капиталиста на продукт чужого труда «есть необходимое следствие закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого рабочего на продукт своего собственного труда» (*Cherbuliez:* «Richesse ou Pauvreté». Paris 1841, стр. 58. Впрочем, это диалектическое превращение не развито правильно в этой работе).

Далее, стоимость нового продукта заключает в себе эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. И это как раз потому, что рабочая сила, проданная на определенный срок — на день, на неделю и т. д., — обладает меньшею стоимостью, чем та стоимость, которую создает ее потребление в течение данного срока. Но рабочему оплачена меновая стоимость его рабочей силы, и тем самым от него отчуждена ее потребительная стоимость, — как это имеет место при каждой купле и продаже.

Общий закон товарного производства ничуть не затрагивается тем обстоятельством, что этот особенный товар имеет своеобразную потребительную стоимость, заключающуюся в его способности доставлять труд и, следовательно, создавать стоимость. Итак, если сумма стоимости, авансированная в заработной плате, не только просто вновь оказывается в продукте, но оказывается в нем увеличенной за счет прибавочной стоимости, то это проистекает отнюдь не из того, что продавца надувают, — он ведь получил стоимость товара, — а лишь из потребления этого товара покупателем.

Закон обмена обусловливает лишь равенство меновых стоимостей обменивающихся друг на друга товаров. Он даже с самого начала предполагает различие их потребительных стоимостей и не имеет абсолютно никакого отношения к самому процессу их потребления, который начинается лишь тогда, когда акт торговли вполне закончен и завершен.

Следовательно, первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается:

1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;

2) что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, заключает в себе еще прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила и, тем не менее, составляет правомерную собственность последнего;

3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя.

Простое воспроизводство есть лишь периодическое повторение этой первой операции; при этом каждый раз деньги снова превращаются в капитал. Таким образом, здесь закон отнюдь не нарушается, — напротив, создается лишь возможность его постоянного проявления. «Несколько последовательных обменов лишь сделали из последнего представителя первого» (Sismondi: «Nouveaux Principes d'Économie Politique», т. I, стр. 70). [Ср. С. де Сисмонди: «Новые начала политической экономии». Соцэкгиз, 1936 г., т. I, кн. 2, стр. 175.]

И, тем не менее, простого воспроизводства, как мы видели, достаточно для того, чтобы в корне изменить тот характер этой

операции, — которым она обладала, — поскольку мы рассматривали ее как изолированный процесс. «Среди лиц, между которыми распределяется национальный доход, одни (рабочие) ежегодно приобретают на него новое право при помощи затраты нового труда; другие (капиталисты) уже раньше приобрели на него постоянное право при помощи первоначальной затраты труда» (там же, стр. 111 [русск. изд., стр. 196]). Труд, как известно, не единственная область, где первородство творит чудеса.

Дело ничуть не изменится, если простое воспроизводство будет заменено воспроизводством в расширенном масштабе, или накоплением. В первом случае капиталист прокучивает всю прибавочную стоимость, во втором он обнаруживает свою гражданскую добродетель в том, что потребляет лишь часть прибавочной стоимости, превращая остальное в деньги.

Прибавочная стоимость есть его собственность, она никогда не принадлежала кому-либо другому. Если он авансирует ее на производство, то делает это авансирование из своего собственного фонда совершенно так же, как в тот день, когда он впервые вступил на рынок. Что на этот раз его фонд происходит из неоплаченного труда его рабочих, не имеет абсолютно никакого значения. Если рабочий *B* нанимается за счет прибавочной стоимости, произведенной рабочим *A*, то, во-первых, *A* создал эту прибавочную стоимость, получив до последней копейки всю справедливую цену за свой товар, во-вторых, это дело вообще ничуть не касается рабочего *B*. Все, чего *B* требует и имеет право требовать, — это, чтобы капиталист уплатил ему стоимость его рабочей силы. «Оба еще выиграли: рабочий потому, что ему были авансированы плоды его труда (следовало сказать: неоплаченного труда других рабочих) раньше, чем последний был выполнен (следовало сказать: раньше, чем его труд принес свои плоды); хозяин потому, что труд этого рабочего стоил больше, чем его заработная плата» (следовало сказать: произвел больше стоимости, чем стоимость заработной платы). (Sismondi: «Nouveaux Principes d'Économie Politique», т. I, стр. 135). [С. де Сисмонди: «Новые начала политической экономии». Соцэкгиз, 1936 г., т. I, стр. 206.]

Правда, дело выглядит совершенно иначе, когда мы рассматриваем капиталистическое производство в непрерывном потоке его возобновления и вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего берем их совокупность, класс капиталистов и класс рабочих. Но тем самым мы применили бы критерий, совершенно чуждый товарному производству.

В товарном производстве противостоят друг другу лишь взаимно независимые продавец и покупатель. Все отношения между ними обрываются, когда истекает срок заключенного ими договора. Если сделка возобновляется, то уже на основе нового договора, который не имеет ничего общего с предыдущим и лишь случайно

может опять свести того же самого покупателя с тем же самым продавцом.

Итак, если товарное производство или какое-либо принадлежащее к нему явление рассматривать соответственно их собственным экономическим законам, то приходится каждый акт обмена брать отдельно, вне всякой связи с предшествующими и последующими актами обмена. А так как купли и продажи совершаются лишь между отдельными индивидуумами, то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами.

Какой бы длинный ряд последовательных воспроизводств и предшествующих им накоплений ни проделал функционирующий в настоящее время капитал, во всяком случае он сохраняет свою первоначальную девственность. Пока при каждом акте обмена, взятом в отдельности, соблюдаются законы обмена, способ присвоения может претерпеть полный переворот, нисколько не затрагивая права собственности, соответствующего товарному производству. Одно и то же право собственности сохраняет свою силу как вначале, когда продукт принадлежит производителю и когда последний, обменивая эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь за счет собственного труда, так и в капиталистический период, когда общественное богатство во все возрастающей мере становится собственностью тех, кто в состоянии постоянно все вновь и вновь присваивать неоплаченный труд других.

Этот результат неизбежен, поскольку рабочая сила свободно продается самим рабочим как товар. Но лишь начиная с этого момента товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства; лишь с этих пор каждый продукт с самого же начала производится для продажи, и все производимое богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя всему обществу; но лишь тогда оно может развернуть также все скрытые в нем потенции. Сказать, что появление наемного труда искажает истинный характер товарного производства — все равно, что сказать: для того чтобы истинный характер товарного производства остался неискаженным, оно не должно развиваться. В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения [24].

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве весь авансированный капитал, каково бы ни было его первоначальное про-

[24] Нельзя не удивляться поэтому хитроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства!

исхождение, превращается в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Но в общем потоке производства весь первоначально авансированный капитал представляет собою величину бесконечно малую (magnitudo evanescens в математическом смысле) по сравнению с непосредственно накопленным капиталом, т. е. с прибавочной стоимостью, или прибавочным продуктом, вновь превращенными в капитал, причем безразлично, функционирует ли он в руках того, кто его накопил, или в чужих руках. Поэтому политическая экономия вообще изображает капитал как «накопленное богатство» (превращенную прибавочную стоимость, или доход), «которое снова применяется для производства прибавочной стоимости»[25], а капиталиста — как «владельца прибавочного продукта»[26]. Этот же взгляд, но лишь в иной форме, выражают, когда говорят, что весь наличный капитал есть накопленный или капитализированный процент, потому что процент составляет лишь часть прибавочной стоимости[27].

2. ОШИБОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ.

Прежде чем мы приступим к ближайшему определению накопления, или обратного превращения прибавочной стоимости в капитал, необходимо устранить двусмысленность, порожденную классической политической экономией.

Поскольку товары, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не могут служить ему в качестве средств производства и возрастания стоимости, постольку труд, покупаемый им для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей, не является производительным трудом. Покупая такого рода товары или труд, капиталист не превращает затраченной на них прибавочной стоимости в капитал, а, наоборот, потребляет или расходует ее как доход. В противоположность стародворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося

---

[25] «Капитал, т. е. накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли» (*Malthus:* «Principles of Political Economy» [стр 262]). «Капитал... состоит из богатства, сбереженного из дохода, и употребляется с целью получения прибыли» (*R. Jones:* «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations» Hertford 1852, стр. 16). [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 295.]

[26] «Владельцы избыточного продукта, или капитала» («The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russel». London 1821).

[27] «Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала до такой степени возрос, что все богатство мира, дающее доход, давно уже стало просто процентом на капитал» (Лондонский «Economist», 19 июля 1859 г.).

в наличии» и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой обязанностью гражданина и неустанно проповедывать это: не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать на наем добавочных производительных рабочих, приносящих более, чем они стоят. С другой стороны, политической экономии приходилось бороться с народным предрассудком, который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ[28] и считает поэтому, будто накопленное богатство есть богатство, огражденное от разрушения в его данной натуральной форме и, следовательно, изъятое из сферы потребления и даже из сферы обращения. В действительности изъятие денег из сферы обращения было бы прямою противоположностью их употребления в качестве капитала, а накопление товаров в смысле собирания сокровищ было бы чистейшей бессмыслицей[28a]. Накопление значительных масс товаров есть результат приостановки обращения или результат перепроизводства[29]. Как бы то ни было, в народном представлении встает, с одной стороны, картина потребительных фондов богачей, образующих кучу медленно потребляемых благ, с другой стороны, образование запасов — явление, которое свойственно всем способам производства и на котором мы еще остановимся при анализе процесса обращения.

Следовательно, в этих пределах классическая политическая экономия вполне права, когда она подчеркивает, как характерный момент процесса накопления, то обстоятельство, что прибавочный продукт потребляется рабочими производительными, а не рабочими непроизводительными. Но здесь же начинается и ее ошибка. А. Смит ввел в моду изображать накопление как простое потребление прибавочного продукта производительным рабочим, т. е. изображать капитализацию прибавочной стоимости как простое превращение ее в рабочую силу. Послушаем, напр., Рикардо: «Необходимо понять, что все продукты страны потребляются; но величайшее различие, какое только можно себе представить,

---

[28] «Ни один экономист нашего времени не может под сбережением разуметь простое накопление сокровищ; но вне этой ограниченной и недостаточной операции для данного термина в его применении к народному богатству можно представить себе только одно значение, а именно то, которое исходит из различного употребления сбереженного и основывается на реальном различии между видами труда, оплачиваемого за счет сбережений» (*Malthus:* «Principles of Political Economy», стр. 38—39).

[28a] Так, у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скупости, старый ростовщик Гобсек рисуется уже впавшим в детство в тот период, когда он начинает создавать сокровища, нагромождая товары.

[29] «Накопление запасов... приостановка обмена... перепроизводство» (*Th. Corbet:* «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London 1841, стр. 104).

состоит в том, потребляются ли они теми, кто воспроизводит новую стоимость, или же теми, кто ее не воспроизводит. Если мы говорим, что доход сберегается и присоединяется к капиталу, то мы разумеем под этим, что та часть дохода, о которой говорится, что она превратилась в капитал, потребляется производительными, а не непроизводительными рабочими. Нет большей ошибки, как предполагать, что капитал может быть увеличен тем, что перестают потреблять»[30]. Нет большей ошибки, чем это выставленное А. Смитом и повторяемое Рикардо и всеми их позднейшими подголосками утверждение, будто «та часть дохода, о которой говорится, что она превратилась в капитал, потребляется производительными рабочими». Согласно этому представлению вся прибавочная стоимость, превращающаяся в капитал, должна стать переменным капиталом. В действительности она, как и первоначально авансированная стоимость, разделяется на постоянный капитал и переменный капитал, на средства производства и рабочую силу. Рабочая сила есть та форма, в которой переменный капитал существует в процессе производства. В этом процессе она сама потребляется капиталистом. Рабочая сила потребляет средства производства посредством своей функции—труда. Вместе с тем деньги, уплаченные при покупке рабочей силы, превращаются в жизненные средства, потребляемые не «производительным трудом», а «производительным рабочим». При помощи ошибочного в самой основе своей анализа А. Смит приходит к тому нелепому результату, что, если каждый индивидуальный капитал и разделяется на постоянную и переменную составные части, то общественный капитал целиком состоит только из переменного капитала, т. е. весь затрачивается на выдачу заработной платы. Например, фабрикант сукон превращает 2 000 ф. ст. в капитал. Одну часть этих денег он затрачивает на наем ткачей, другую часть на покупку шерстяной пряжи, машин и т. д. Но люди, у которых он купил пряжу и машины, опять-таки затрачивают часть полученных ими денег на труд и т. д., пока, наконец, все 2 000 ф. ст. не будут затрачены на заработную плату, или весь продукт, представляемый этими 2 000 ф. ст., не будет потреблен производительными рабочими. Как видим, вся сила этого аргумента заключается в словах «и т. д.», которые отсылают нас от Понтия к Пилату. Адам Смит обрывает свое исследование как раз там, где начинается его трудность[31].

[30] *Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 163, примечание. [Ср. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 86—87, примечание.]

[31] Несмотря на свою «Логику», г. Джон Стюарт Милль никогда не открывает ошибок в анализе своих предшественников, не замечает и таких погрешностей, которые даже в пределах буржуазного горизонта и просто с точки зрения специалиста вопиют об исправлении. Он всегда лишь регистрирует

Пока мы рассматриваем фонды совокупного годового производства, ежегодный процесс воспроизводства очень понятен. Но все составные части годовой продукции должны быть вынесены на товарный рынок, и вот тут-то начинаются трудности. Движения отдельных капиталов и личных доходов перекрещиваются, смешиваются, теряются во всеобщем перемещении, — в обращении общественного богатства, которое обманывает взор и ставит перед исследованием весьма запутанные задачи. В третьем отделе второй книги я дам анализ наблюдающихся здесь действительных связей и зависимостей. Большая заслуга физиократов заключается в том, что они в своей «Tableau économique» впервые сделали попытку дать картину годовой продукции в том виде, в каком она выходит из обращения[32].

Впрочем, разумеется само собой, что политическая экономия не преминула использовать в интересах класса капиталистов положение А. Смита, что вся превратившаяся в капитал часть чистого продукта потребляется рабочим классом.

3. РАЗДЕЛЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ НА КАПИТАЛ И ДОХОД. ТЕОРИЯ ВОЗДЕРЖАНИЯ.

В прошлой главе мы рассматривали прибавочную стоимость, соответственно прибавочный продукт, лишь как индивидуальный потребительный фонд капиталиста, в этой главе мы рассматривали ее до сих пор лишь как фонд накопления. В действительности прибавочная стоимость есть не только первый и не только второй фонд, а то и другое вместе. Часть прибавочной стоимости потребляется капиталистом как доход[33], другая часть ее применяется как капитал, или накопляется.

с догматизмом школьника путаницу мыслей своих учителей. Так поступает он и в данном случае: «Сам капитал в течение длинного процесса, в конце концов, целиком уходит на заработную плату, и даже когда он возмещается при продаже продукта, он затем снова превращается в заработную плату».

[32] А. Смит в своем изображении процесса воспроизводства, а следовательно, и накопления, во многих отношениях не только не сделал шага вперед, но сделал даже решительный шаг назад по сравнению со своими предшественниками, особенно с физиократами. В связи с его иллюзией, упомянутой в тексте, стоит одна поистине баснословная догма, унаследованная от него политической экономией и заключающаяся в том, будто цена товаров слагается из заработной платы, прибыли (процента) и земельной ренты, т. е. только из заработной платы и прибавочной стоимости. Исходя из такого базиса, Шторх, по крайней мере, признается с полной наивностью: «Нет возможности разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (*Storch:* «Cours d'Économie Politique», изд. Petersbourg 1815, т. II, стр. 141, примечание). Хороша экономическая наука, объявляющая невозможным разложить цену товаров на ее простейшие элементы! Более подробно об этом мы будем говорить в третьем отделе второй и седьмом отделе третьей книги.

[33] Читатель заметит, что слово revenue [доход] употребляется в двояком смысле: во-первых, для обозначения прибавочной стоимости как продукта, периодически возникающего из капитала, во-вторых, для обозначения части

При данной массе прибавочной стоимости одна из этих частей будет тем больше, чем меньше другая. При прочих равных условиях отношение, в котором происходит это деление, определяет величину накопления. Но это деление производит именно владелец прибавочной стоимости, капиталист. Оно, стало быть, является актом его воли. Относительно той части собранной им дани, которую он накопляет, говорят, что он сберегает ее, так как он ее не проедает, т. е. так как он выполняет здесь свою функцию капиталиста, функцию самообогащения.

Лишь постольку, поскольку капиталист есть персонифицированный капитал, он имеет историческое значение и то историческое право на существование, которое, по замечанию остроумного Лихновского, «keinen Datum nicht hat» [«не имеет даты»]. И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Но в этих пределах основным мотивом его деятельности является не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик самовозрастания стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума. Лишь как персонификация капитала капиталист пользуется почетом. В этой своей роли он разделяет с собирателем сокровищ самодовлеющую страсть к обогащению. То, что у собирателя сокровищ было индивидуальной манией, то для капиталиста является действием общественного механизма, одним из колесиков которого он является. Кроме того развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления.

Поэтому, поскольку все поведение капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, постольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление его капитала;

этого продукта, периодически потребляемой капиталистом или присоединяемой им к своему потребительному фонду. Я сохраняю этот двоякий смысл, так как он соответствует обычной терминологии английских и французских экономистов.

так в итальянской бухгалтерии частные расходы записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу. Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с массой эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста[34].

Но первородный грех действует везде. С развитием капиталистического способа производства, накопления и богатства капиталист перестает быть простым воплощением капитала. Ветхий Адам его собственной плоти трогает его «человеческое чувство», к тому же он достаточно образован для того, чтобы насмешливо отвергнуть аскетизм как предрассудок старомодного собирателя сокровищ. В то время как классический капиталист бичует индивидуальное потребление как грех против своей священной функции «воздержания», модернизированный капиталист возвысился

---

[34] На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста — Лютер очень хорошо показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению. «Язычники могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца. Мы же христиане так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто грабит и ворует у другого его пищу, тот творит такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как если бы он морил когонибудь голодом и губил бы его окончательно. Так поступает ростовщик и сидит спокойно в своем кресле, между тем как ему, по-настоящему, надо бы быть повешенным на виселице, чтобы его пожирало такое же количество воронов, сколько он украл гульденов, если бы только на нем было столько мяса, что все вороны, разделив его, могли бы получить свою долю. А мелких воров вешают... Мелких воров заковывают в колодки, крупные же воры ходят в золоте и щеголяют в шелку... Поэтому на земле нет для человека врага большего (после диавола), чем скряга и ростовщик, так как он хочет быть богом над всеми людьми. Турки, воители, тираны — все это люди также злые, но они все-таки должны давать людям жить и должны признаться, что они злые люди и враги, и могут, даже должны, иногда смилостивиться над некоторыми. Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и жаждал, погибал в нищете и печали, чтобы у него, и только у него одного, было все, и чтобы каждый получал от него, как от бога, и сделался бы навеки его крепостным... Он носит мантию, золотые цепи, кольца, моет рожу, напускает на себя вид человека верного, набожного, хвалится... Ростовщик — это громадное, безобразное чудовище, чудовище, которое пожирает все хуже Какуса, Гериона или Антея. И, однако, украшает себя, принимает благочестивый вид, чтобы не видели, где находятся быки, которых он втаскивает задом в свое логовище. Но Геркулес должен услыхать рев быков и крики пленных и отыскать Какуса даже среди скал и утесов, чтобы снова освободить быков от злодея. Ибо Какусом называется злодей, набожный ростовщик, который ворует, грабит и пожирает все. И все-таки он как будто ничего не делал дурного; и думает, что даже никто не может обличить его, ибо он тащил быков задом в свое логовище, отчего по их следам казалось, как будто они были выпущены. Таким же образом ростовщик хотел бы обмануть весь свет, будто он приносит пользу и дает миру быков, между тем как он хватает их только для себя и пожирает... И если колесуют и обезглавливают разбойников и убийц, то во сколько раз больше дóлжно колесовать и четвертовать... изгонять, проклинать, обезглавливать всех ростовщиков» (*Martin Luther*: «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen». Wittenberg 1540).

до точки зрения, с которой накопление представляется «отречением» от потребления. «Zwei Seelen wohnen, ach! in seiner Brust, die eine will sich von der andren trennen!» [«Ах, две души живут в его груди, друг другу чуждые, и жаждут разделения!»]

При исторических зачатках капиталистического способа производства, — а каждый капиталистический parvenue [выскочка] индивидуально проделывает эту историческую стадию, — жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти. Но прогресс капиталистического производства создает не только новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения. На известной ступени развития некоторый условный уровень расточительности, являясь выставкой богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для «несчастного» капиталиста. Роскошь входит в издержки представительства капитала. К тому же капиталист обогащается не пропорционально своему личному труду или урезыванию своего личного потребления, как собиратель сокровищ, но пропорционально количеству той чужой рабочей силы, которую он высасывает, и тому отречению от всех жизненных благ, которое он навязывает рабочим. Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает того откровенного характера, как расточительность разгульного феодала, наоборот, в основе ее всегда таится самое грязное скряжничество и скрупулезная расчетливость; тем не менее расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, отнюдь не мешая последнему. Вместе с тем в благородной груди воплощенного капитала развертывается фаустовский конфликт между страстью к накоплению и жаждой наслаждений.

«Промышленность Манчестера», гласит одно сочинение, опубликованное в 1795 г. доктором Эйкином, «можно разделить на четыре периода. В течение первого периода фабриканты были вынуждены сурово трудиться для поддержания своего существования». В особенности сильно наживались они при помощи надувательства родителей, которые отдавали им своих детей в качестве apprentices (учеников) и должны были дорого платить за обучение, в то время как этих учеников морили голодом. С другой стороны, средняя прибыль была низка, и накопление требовало большой бережливости. Они жили как скряги, собиратели сокровищ, и далеко не потребляли даже процентов со своего капитала. «Во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но работали так же упорно, как и раньше», — потому что непосредственная эксплуатация труда сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику над рабами, — «и жили в том же самом скромном стиле, как и раньше... В третьем периоде началась роскошь, и предприятия стали расширяться благодаря рассылке всадников (конных коммивояжеров) за заказами во все торговые

города королевства. Надо думать, что до 1690 г. существовало лишь очень немного или даже вовсе не существовало капиталов в 3 000—4 000 ф. ст., добытых в промышленности. Но приблизительно в это время или несколько позднее промышленники уже накопили деньги и стали строить себе каменные дома вместо деревянных или глиняных... В Манчестере еще в первые десятилетия XVIII века фабрикант, угостивший своих гостей кружкой иностранного вина, вызывал толки и пересуды среди всех соседей». До появления машинного производства фабриканты, сходясь по вечерам в трактирах, никогда не потребляли больше, чем стакан пунша за 6 п. и пачку табаку за 1 п. Лишь в 1758 г. увидели в первый раз — и это составило эпоху — «лицо, занятое промышленностью, в собственном экипаже!» «Четвертый период» — последняя треть XVIII столетия — «отличается большой роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятий»[35]. Что сказал бы добрый доктор Эйкин, если бы он воскрес и взглянул на теперешний Манчестер!

Накопляйте, накопляйте! В этом Моисей и пророки! «Трудолюбие доставляет тот материал, который накопляет бережливость»[36]. Итак, сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно бо̀льшую часть прибавочной стоимости, или прибавочного продукта, обратно в капитал! Накопление ради накопления, производство ради производства — этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода. Она ни на минуту не обманывалась на тот счет, насколько велики муки родов богатства[37]; но какой смысл имеют все жалобы перед лицом исторической необходимости? Если пролетарий в глазах классической политической экономии представляет собою лишь машину для производства прибавочной стоимости, то и капиталист в ее глазах есть лишь машина для превращения этой прибавочной стоимости в прибавочный капитал. Она относится к его исторической функции со всею серьезностью. Чтобы освободить сердце капиталиста от злосчастного конфликта между жаждой наслаждений и страстью к обогащению, Мальтус в начале двадцатых годов текущего столетия защищал особый вид разделения труда, согласно которому дело накопления присваивается капиталисту, действительно занимающемуся производством, а дело расточения — другим участникам в дележе прибавочной стои-

---

[35] *Dr. Aikin:* «Description of the Country from 30 to 40 miles round Manchester». London 1795, стр. 182 и сл.

[36] *A. Smith:* «Wealth of Nations», кн. III, гл. III. [Ср. *А. Смит:* «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 284—285.]

[37] Даже Ж. Б. Сэй говорит: «Сбережения богатых составляются за счет бедных». «Римский пролетарий жил почти всецело на счет общества.. Можно почти сказать, что современное общество живет на счет пролетариев, на счет той части, которую оно отнимает у них при оплате труда» (*Sismondi:* «Études etc.», т. I, стр. 24).

мости: земельной аристократии, лицам, получающим содержание от государства и церкви и т. д. В высшей степени важно, — говорит он, — «разделить страсть к расходам и страсть к накоплению» (the passion for expenditure and the passion for accumulation)[38]. Господа капиталисты, давно уже превратившиеся в бонвиванов и светских людей, возопили. Как, — восклицает один рикардианец, выступивший их адвокатом, — господин Мальтус проповедует высокие земельные ренты, высокие налоги и т. д.; чтобы пришпорить промышленников, он хочет увеличить над ними гнет непроизводительных потребителей! Конечно, производство, производство в постоянно расширяющемся масштабе — таков лозунг, однако «таким путем производство можно скорее затормозить, чем развить. Не совсем справедливо также (nor is it quite fair) поддерживать в праздности группу лиц лишь для того, чтобы подхлестывать других, по характеру которых можно думать (who are likely, from their characters), что они были бы способны успешно заниматься делом, если их к этому принудить»[39]. Но хотя он считает несправедливым побуждать промышленного капиталиста к накоплению, снимая жир с его супа, тем не менее ему представляется необходимым свести к возможному минимуму заработную плату рабочего, «чтобы поддерживать трудолюбие последнего». Он ничуть не скрывает также, что тайна получения прибыли состоит в присвоении неоплаченного труда. «Усиление спроса со стороны рабочих означает лишь их готовность брать себе меньшую долю своего собственного продукта и бо́льшую долю его оставлять предпринимателям; и если говорят, что при этом вследствие понижения потребления (рабочих) происходит «glut» (переполнение рынка, перепроизводство), то я могу ответить лишь, что «glut» есть синоним высокой прибыли»[40].

Ученая перебранка о том, как выгоднее для накопления распределить вырванную у рабочих добычу между промышленным капиталистом и праздным землевладельцем и т. д., смолкла перед лицом июльской революции. Вскоре после этого ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона и пустил красного петуха сельский пролетариат Англии. По эту сторону канала рос оуэнизм, по ту его сторону — сен-симонизм и фурьеризм. Настал час вульгарной политической экономии. Ровно за год до того, как Нассау В. Сениор из Манчестера открыл, что прибыль (со включением процента) на капитал есть продукт неоплаченного «последнего двенадцатого часа труда», он возвестил миру другое свое открытие. «Я, — торжественно изрек он, — заменяю слово

[38] *Malthus*: «Principles of Political Economy», стр. 319, 320.

[39] «An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.». [London 1821], стр. 67.

[40] Там же, стр. 59.

капитал, рассматриваемый как орудие производства, словом воздержание»[41]. Поистине недосягаемый образец «открытий» вульгарной экономии! Определенная экономическая категория подменяется сикофантской фразой. Voilà tout [Вот и все]. «Если дикарь, — поучает Сениор, — делает лук, то он занимается промышленностью, но не практикует воздержания». Это объясняет нам, как и почему при прежних общественных укладах средства труда создавались «без воздержания» капиталиста. «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно»[42], а именно со стороны тех, труд которых состоит в том, чтобы присваивать себе чужой труд и его продукт. Все условия процесса труда превращаются отныне в соответственное количество актов воздержания капиталиста. Что хлеб не только едят, но и сеют, этим мы обязаны воздержанию капиталиста! Если вино выдерживают известное время, чтобы оно перебродило, то опять-таки лишь благодаря воздержанию капиталиста![43] Капиталист грабит свою собственную плоть, когда он «ссужает (!) рабочему орудия труда», — т. е., соединив их с рабочей силой, употребляет как капитал, — вместо того чтобы пожирать паровые машины, хлопок, железные дороги, удобрение, упряжных лошадей и т. д. или, как наивно изображает дело вульгарный экономист, прокутить «их стоимость», обратив ее в предметы роскоши и другие средства потребления[44].

---

[41] *Senior:* «Principes fondamentaux de l'Économie Politique». Перевод Arrivabene. Paris 1836, стр. 309. Для сторонников старой классической школы это было несколько слишком глупо. «Господин Сениор подменяет выражения труд и капитал выражениями труд и воздержание... Воздержание есть простое отрицание. Источником прибыли является не воздержание, а потребление производительно применяемого капитала» (Джон Кэйзнов в его издании Мальтуса: «Definitions in Political Economy». London 1853, стр. 130, примечание). Напротив, г. Джон Ст. Милль на одной странице списывает рикардовскую теорию прибыли, а на другой — принимает сениоровское «вознаграждение за воздержание». Ему столь же свойственны плоские противоречия, сколь чуждо гегелевское «противоречие», источник всякой диалектики.

Добавление ко 2-му изд. Вульгарному экономисту не приходит в голову та простая мысль, что всякое человеческое действие можно рассматривать как «воздержание» от противоположного действия. Еда есть воздержание от поста, ходьба — воздержание от стояния на месте, труд — воздержание от праздности, праздность — воздержание от труда и т. п. Этим господам следовало бы подумать о словах Спинозы: Determinatio est negatio [Определение есть отрицание].

[42] *Senior.* Там же, стр. 342.

[43] «Никто... не стал бы сеять, напр., своей пшеницы, бросая ее на двенадцать месяцев в землю, или на целые годы оставлять свое вино в погребе, вместо того чтобы сразу самому потребить эти вещи или их эквивалент, если бы он не рассчитывал получить добавочную стоимость и т. д.» (*Scrope:* «Political Economy», изд. A. Potter. New York 1841, стр. 133).

[44] «Лишение, которому подвергает себя капиталист, ссужая свои орудия производства рабочему, вместо того чтобы обратить их стоимость на свое личное потребление, превратив ее в предметы потребления или роскоши» (*G. de Molinari:* «Études Économiques». Paris 1846, стр. 36) (смягчающее выражение

Каким образом класс капиталистов в состоянии осуществить это, составляет тайну, строго сохраняемую до сих пор вульгарной политической экономией. Как бы то ни было, мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста, этого современного поклонника Вишну. Не только накопление, но и простое «сохранение капитала требует постоянного напряжения сил для того, чтобы противостоять искушению потребить его»[45]. Итак, уже простая гуманность, очевидно, требует, чтобы капиталист был освобожден от этих мучительных искушений тем же самым способом, каким отмена рабства освободила недавно рабовладельца Георгии от тяжкой дилеммы: прокутить ли в виде шампанского весь прибавочный продукт, выколоченный из негров-рабов, или же часть его снова превратить в добавочное количество негров и земли.

В самых различных общественно-экономических формациях имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше производится и больше потребляется, следовательно больше продукта превращается в средства производства. Однако процесс этот не является накоплением капитала, не является, следовательно, и функцией капиталиста до тех пор, пока рабочему средства его производства, а следовательно, его продукты и его жизненные средства не противостоят еще в форме капитала[46]. Умерший несколько лет тому назад Ричард Джонс, преемник Мальтуса на кафедре политической экономии в ост-индском колледже в Хейлибери, удачно иллюстрирует это двумя крупными фактами. Так как большинство индийского народа составляют крестьяне, ведущие самостоятельное хозяйство, то их продукт, средства их труда и их жизненные средства никогда не принимают «формы («the shape») фонда, сбереженного из чужого дохода («saved from revenue»), и, следовательно, вовсе не проделывают предварительного процесса накопления» («a previous process of

---

«ссужать» употреблено для того, чтобы согласно испытанной манере вульгарных экономистов отождествить наемного рабочего, эксплуатируемого промышленным капиталистом, с самим промышленным капиталистом, который пользуется деньгами, ссужаемыми другим капиталистом)

[45] *Courcelle-Seneuil:* «Traité théorique et pratique des entreprises industrielles», 2-е изд., Paris 1857, стр. 20.

[46] «Особые классы дохода, наиболее сильно поддерживающие прогресс национального капитала, изменяются на различных стадиях развития и поэтому... совершенно различны у наций, находящихся на различных ступенях прогресса. Прибыль... есть незначительный источник накопления по сравнению с заработной платой и рентой на ранних стадиях общественного развития... Когда развитие сил национального труда делает действительно значительный шаг вперед, относительная роль прибыли как источника накопления возрастает» (*Richard Jones:* «Text-book etc.», стр.16, 21). [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 295, 299, 300.]

accumulation»)[47]. С другой стороны, в провинциях, где английское господство наименее разложило старую систему, earemледельческие рабочие получают работу непосредственно у крупных феодалов, в руках которых сосредоточивается часть сельскохозяйственного прибавочного продукта в форме дани или земельной ренты. Часть этого прибавочного продукта потребляется крупными феодалами в натуральном виде, другая часть превращается для них рабочими в предметы роскоши и другие средства потребления, тогда как остальное составляет заработную плату рабочих, являющихся собственниками орудий своего труда. Производство и воспроизводство в расширенных размерах совершается здесь вполне благополучно без всякого вмешательства этого удивительного святого, этого рыцаря печального образа, «воздерживающегося» капиталиста.

4. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РАЗМЕРЫ НАКОПЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМО ОТ ТОЙ ПРОПОРЦИИ, В КОТОРОЙ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ РАСПАДАЕТСЯ НА КАПИТАЛ И ДОХОД. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА. РОСТ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ ПРИМЕНЯЕМЫМ КАПИТАЛОМ И КАПИТАЛОМ ПОТРЕБЛЯЕМЫМ. ВЕЛИЧИНА АВАНСИРОВАННОГО КАПИТАЛА.

Если отношение, в котором прибавочная стоимость распадается на капитал и доход, дано, то величина накопленного капитала, очевидно, зависит от абсолютной величины прибавочной стоимости. Допустим, что 80% капитализируются, 20% проедаются; тогда накопленный капитал будет 2 400 ф. ст. или 1 200 ф. ст., смотря по тому, равняется ли общая сумма прибавочной стоимости 3 000 или только 1 500 ф. ст. Таким образом, в определении величины накопления участвуют все те обстоятельства, которые определяют массу прибавочной стоимости. Подытожим их здесь еще раз, но лишь постольку, поскольку они дают новые точки зрения относительно накопления.

Как мы помним, норма прибавочной стоимости зависит прежде всего от степени эксплуатации рабочей силы. Политическая экономия так высоко оценивает это обстоятельство, что зачастую смешивает ускоренный рост накопления под влиянием повышения производительной силы труда с ускоренным ростом его под влиянием повышенной эксплуатации рабочего[48]. В отделах о произ-

[47] Там же, стр. 37. [Ср. *Ричард Джонс:* «Экономические сочинения». Соцэкгиз, 1937 г., стр. 314.]

[48] «Рикардо говорит: «На различных ступенях общественного развития накопление капитала, или средств для применения труда (т. е. для эксплуатации), может быть более или менее быстрым и во всяком случае должно зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда, вообще

водстве прибавочной стоимости мы постоянно предполагали, что заработная плата, по меньшей мере, равна стоимости рабочей силы. Однако на практике насильственное понижение заработной платы ниже этой стоимости играет слишком важную роль для того, чтобы хотя вкратце не остановиться на нем. В известных границах оно фактически превращает необходимый фонд потребления рабочего в фонд накопления капитала.

«Заработная плата, — говорит Дж. Ст. Милль, — не имеет производительной силы; это цена одной из производительных сил; заработная плата, как и цена машин, отнюдь не участвует в производстве товаров наряду с самим трудом. Если бы труд можно было получить без купли, заработная плата была бы излишня»[49]. Но если бы рабочие могли питаться воздухом, их нельзя было бы нанять ни за какую цену. Следовательно, даровой труд есть предел в математическом смысле этого слова: к нему всегда можно приближаться, никогда, однако, не достигая его. Постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы низвести рабочих до этого нигилистического уровня. Часто цитируемый мною писатель XVIII века, автор «Essay on Trade and Commerce», выдал лишь заветную мечту английского капитала, заявив, что историческая жизненная задача Англии состоит в том, чтобы понизить заработную плату английских рабочих до уровня французских или голландских[50]. Он, между прочим, наивно говорит: «Если наши бедняки (символическое обозначение рабочих) хотят жить в роскоши... то, конечно, их труд должен быть дорог... Ведь волосы становятся дыбом, когда подумаешь о тех колоссальных излишествах («heap of superfluities»), которыми отличается потребление наших мануфактурных рабочих: тут и водка, и джин, и чай, и сахар, заграничные плоды, крепкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный

говоря, всего больше там, где существует избыток плодородной почвы». Если в этой фразе под производительными силами труда разумеется ничтожная величина той части каждого продукта, которая попадает в руки лиц, производящих его своим трудом, то утверждение Рикардо есть простая тавтология, потому что за счет остальной части фонда может, конечно, накопляться капитал, если это угодно его собственнику («if the owner pleases»). Но обыкновенно это не имеет места как раз там, где страна всего плодороднее» («Observations on certain Verbal Disputes etc.», стр. 74).

[49] *J. St. Mill:* «Essays on some unsettled Questions of Political Economy». London 1844, стр. 90.

[50] «An Essay on Trade and Commerce». London 1770, стр. 44. Равным образом «Times» в декабре 1866 г. и январе 1867 г. поместил сердечные излияния владельцев английских рудников, в которых описывалась блаженная жизнь бельгийских горнорабочих, получающих ровно столько, сколько нужно, чтобы поддержать свое существование на пользу «хозяев», и не желающих ничего большего. Бельгийские рабочие долго терпят, но фигурировать в качестве образцовых рабочих в «Times» — это уж слишком! Ответом была стачка бельгийских горнорабочих (близ Маршьен) в феврале 1867 г., подавленная свинцом и порохом.

табак и т. д.»[51] Автор цитирует далее сочинение одного нортгемптонширского фабриканта, который, благочестиво вперив взор свой в небо, вопит: «Труд на целую треть дешевле во Франции, чем в Англии, ибо французские бедные несут тяжелый труд, умерены в пище и одежде, и главные предметы их потребления суть хлеб, плоды, травы, коренья и сушеная рыба; они очень редко едят мясо и, когда дорога пшеница, очень мало едят хлеба»[52]. «К тому же, — продолжает этот эссеист, — их питье составляет вода и подобные слабые напитки, так что они действительно тратят поразительно мало денег... Такого положения вещей, конечно, трудно достигнуть, однако его возможно достигнуть, как это доказывает то, что оно существует и во Франции и в Голландии»[53]. Двумя десятилетиями позже один американский шарлатан, возведенный в баронское звание янки Бенджамин Томпсон (alias [иначе] граф Румфорд), развивал те же филантропические планы, снискав себе ими величайшее благоволение бога и людей. Его «Essays» представляют поваренную книгу, наполненную всякого рода рецептами, указывающими, как заменить дорого стоящие нормальные предметы потребления рабочих дешевыми суррогатами. Вот особенно удачный рецепт этого удивительного «философа»: «5 ф. ячменя, 5 ф. кукурузы, на 3 п. селедок, на 1 п. соли, на 1 п. уксуса, на 2 п. перцу и зелени, итого на сумму $20^3/_4$ п. получается суп на 64 человека, при этом при средних ценах хлеба стоимость этого может быть еще понижена до $^1/_4$ п. на голову»[54].

---

[51] Там же, стр. 44, 46.

[52] Фабрикант из Нортгемптоншира совершает здесь благочестивый обман, вполне извинительный, если принять во внимание терзания его сердца. Он сравнивает будто бы жизнь французского и английского мануфактурного рабочего, а между тем в цитированном месте описывает, как он и сам впоследствии сознается, жизнь французского сельскохозяйственного рабочего!

[53] «An Essay on Trade and Commerce». London 1770, стр. 70, 71.

Примечание к 3-му изд. Ныне благодаря конкуренции на мировом рынке, возникшей после того, как написаны цитированные строки, мы значительно подвинулись в этом вопросе. «Если Китай, — говорил своим избирателям член парламента Стейпльтон, — если Китай станет великой промышленной страной, то я не вижу, каким образом рабочее население Европы может выдержать борьбу с ним, не опускаясь до уровня своих конкурентов» («Times», 3 сентября 1873 г.). — Теперь уже не континентальная, — нет, китайская заработная плата является заветной мечтой английского капитала.

[54] *Benjamin Thompson:* «Essays Political, Economical and Philosophical etc.». 3 тома. London 1796—1802, т. I, стр. 294. В своей работе «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc.» сэр Ф. М. Иден особенно усиленно рекомендует румфордовскую болтушку начальникам работных домов и с упреком указывает английским рабочим на то, что «в Шотландии многие семейства в течение целых месяцев питаются исключительно овсяной и ячменной мукой, смешанной с водой и солью, не потребляя ни пшеницы, ни ржи, ни мяса, и, тем не менее, живут еще очень комфортабельно» («and that very comfortably too»). (Упомянутая работа, т. I, кн. II, гл. II, стр. 503.) Аналогичные «указания» делались и в XIX веке. «Английские сельскохозяйственные рабочие, — читаем мы, напр.,—не хотят есть хлеба с под-

С развитием капиталистического производства фальсификация товаров сделала такие успехи, что идеалы Томпсона стали излишни[55].

В конце XVIII и в первые десятилетия XIX столетия английские фермеры и лэндлорды добились понижения заработка рабочих до крайнего низшего предела, выплачивая сельскохозяйственным поденщикам в форме заработной платы меньше минимума, необходимого для существования, и добавляя остальное в форме пособий приходской благотворительности. Вот пример того паясничания, с которым действовали тогда английские Догберри при «законном» установлении ими тарифов заработной платы: «Когда сквайры Спинхемленда устанавливали в 1795 г. заработную плату, они как раз сидели за обедом, но, очевидно, полагали, что рабочие не нуждаются ни в чем подобном... Они решили, что недельная плата должна быть 3 ш. на человека, когда коврига хлеба в 8 ф. 11 унций стоит 1 ш., и должна регулярно повышаться, пока цена ковриги не достигнет 1 ш. 5 п. При еще более значительном возрастании цены хлеба заработная плата должна относительно уменьшаться, так что, когда цена ковриги будет 2 ш., потребление работника должно стать на одну пятую меньше, чем было раньше»[56]. В 1814 г. перед следственной комиссией палаты лордов давал показание некий А. Беннет, крупный фермер, мировой судья, управляющий домом для бедных, в число обязанностей которого входило регулирование заработной платы. На вопрос: «Соблюдается ли какое-либо определенное соотношение между стоимостью дневного труда и размерами приходского пособия рабочим?» — он ответил: «Да. Еженедельный доход каждого семейства дополняется сверх его номинального заработка до стоимости галлоновой ковриги хлеба (8 ф. 11 унций) и 3 п. на голову... Мы полагаем, что галлоновой ковриги достаточно для поддержания жизни каждого члена семейства в течение недели; 3 п. выдаются на одежду; если же приход предпочитает сам выдавать

месями низших сортов муки. В Шотландии, где воспитание лучше, этот предрассудок, видимо, отсутствует» (*Charles H. Parry, M. D.:* «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered». London 1816, стр. 69). Тот же самый Парри жалуется, однако, что английский рабочий в настоящее время (1815 г.) сильно опустился по сравнению с временами Идена (1797 г.).

[55] По отчетам последней парламентской следственной комиссии относительно фальсификации жизненных средств оказывается, что даже фальсификация лекарств является для Англии не исключением, а правилом. Так, напр., исследование 34 проб опиума, взятых из 34 лондонских аптек, показало, что в 31 случае продукт был фальсифицирован примесью маковых головок, пшеничной муки, камеди, глины, песку и т. д., причем во многих пробах не оказалось и следов морфина.

[56] *G. L. Newnham* (адвокат): «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws». London 1815, стр. 20, примечание.

одежду, эти 3 п. вычитаются из пособия. Эта практика господствует не только везде на запад от Уильтшира, но, как я полагаю, и во всей стране» [57]. «Таким образом, — восклицает один буржуазный писатель того времени, — фермеры в течение ряда лет способствовали вырождению заслуживающего уважения класса своих соотечественников, принуждая последних находить убежище в работных домах... Фермер увеличил свой собственный доход, воспрепятствовав накоплению среди рабочих даже самого необходимого потребительного фонда» [58]. Какую роль в образовании прибавочной стоимости, а следовательно, и в образовании фонда накопления капитала играет в наши дни прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего, это мы видели, напр., при рассмотрении так называемой домашней промышленности (см. гл. XIII, 8, d). Дальнейшие факты этого рода будут приведены ниже в настоящем отделе.

Хотя во всех отраслях промышленности часть постоянного капитала, состоящая из средств труда, должна быть достаточна для того, чтобы дать занятие известному числу рабочих, определяемому величиной этой затраты капитала, тем не менее она вовсе не обязательно растет пропорционально числу занятых рабочих. Пусть на данной фабрике 100 рабочих при восьмичасовом труде доставляют 800 рабочих часов. Если капиталист хочет увеличить эту сумму наполовину, он может приставить к делу 50 новых рабочих, но тогда ему необходимо авансировать новый капитал не только на заработную плату, но и на средства труда. Однако он может также заставить и этих прежних 100 рабочих работать 12 часов вместо 8, и тогда он может обойтись с наличными средствами труда, которые лишь быстрее будут снашиваться. Таким образом добавочный труд, созданный повышенным напряжением рабочей силы, может увеличить субстанцию накопления, т. е. прибавочный продукт и прибавочную стоимость, без соответственного предварительного увеличения постоянной части капитала.

В добывающей промышленности, напр. в горном деле и т. п., сырье не является составной частью авансируемого капитала. Здесь предмет труда не является продуктом предшествующего труда, но даруется безвозмездно природой. Таковы: руды, каменный уголь, камни и т. д. Постоянный капитал состоит здесь почти исключительно из таких средств труда, к которым очень легко

---

[57] Там же, стр. 19, 20.

[58] *Ch. H. Parry:* «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered». London 1816, стр. 77, 69. Господа лэндлорды, с своей стороны, не только «вознаградили» себя за потери антиякобинской войны, которую они вели от имени Англии, но и колоссально обогатились. «За 18 лет ренты их удвоились, утроились, учетверились, а в исключительных случаях увеличились в шесть раз» (там же, стр. 100, 101).

приложить увеличенное количество труда (напр., путем установления дневных и ночных смен рабочих). Однако при прочих равных условиях масса и стоимость продукта растут прямо пропорционально приложенному количеству труда. Как в первый день производства, здесь идут рука об руку оба первичные фактора, создающие продукт, а вместе с тем создающие и вещественные элементы капитала: человек и природа. Благодаря эластичности рабочей силы область накопления расширяется без предварительного увеличения постоянного капитала.

В земледелии расширить обрабатываемую площадь без дополнительного авансирования семян и удобрений невозможно. Если это авансирование уже произведено, то даже чисто механическая обработка земли изумительно повышает количество продукта. Увеличенное количество труда, доставленное прежним числом рабочих, повышает плодородие почвы, не требуя никаких новых авансирований на средства труда. Это опять-таки прямое воздействие человека на природу, которое становится непосредственным источником повышенного накопления без всякого участия нового капитала.

Наконец, в промышленности в собственном смысле этого слова каждая добавочная затрата на труд предполагает соответственную добавочную затрату на сырье, но вовсе не обязательно на средства труда. А так как добывающая промышленность и земледелие доставляют обрабатывающей промышленности ее собственное сырье и сырье для ее средств труда, то на пользу последней идет и то добавочное количество продуктов, которое создается первыми без добавочной затраты капитала.

Общий итог таков: овладевая двумя первичными факторами богатства, рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, казалось бы, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в которых реализуется существование капитала.

Другой важный фактор накопления капитала есть уровень производительности общественного труда.

С ростом производительной силы труда растет и та масса продуктов, в которой выражается определенная стоимость, а следовательно, и прибавочная стоимость определенной величины. При неизменной и даже при падающей норме прибавочной стоимости, если только последняя падает медленнее, чем увеличивается производительная сила труда, масса прибавочного продукта растет. Поэтому при неизменном делении прибавочного продукта на доход и добавочный капитал потребление капиталиста может расти, не уменьшая фонда накопления. Относительная величина фонда накопления может даже расти за счет фонда потребления, в то

время как удешевление товаров отдает в распоряжение капиталиста столько же или даже больше предметов потребления, чем раньше. Но рука об руку с ростом производительности труда идет, как мы видели, удешевление рабочего, а следовательно, возрастание нормы прибавочной стоимости, даже в том случае, если реальная заработная плата повышается. Никогда эта последняя не увеличивается в том же отношении, как производительность труда. Итак, та же самая стоимость переменного капитала приводит в движение больше рабочей силы, а следовательно, и больше труда. Та же самая стоимость постоянного капитала выражается в большем количестве средств производства, т. е. большем количестве средств труда, материалов труда и вспомогательных материалов, и, следовательно, доставляет больше элементов, образующих как продукт, так и стоимость, или элементов, впитывающих в себя труд. Поэтому при неизменной и даже понижающейся стоимости добавочного капитала имеет место ускоренное накопление. Не только вещественно расширяются размеры воспроизводства, но производство прибавочной стоимости растет быстрее, чем стоимость добавочного капитала.

Развитие производительной силы труда оказывает влияние также и на первоначальный капитал, т. е. на капитал, уже находящийся в процессе производства. Часть функционирующего постоянного капитала состоит из средств труда, каковы машины и т. д., которые могут быть потреблены, следовательно воспроизведены или замещены новыми экземплярами того же рода лишь в течение более или менее продолжительных периодов. Но ежегодно часть этих средств труда отмирает, т. е. достигает конечной цели своей производительной функции. Следовательно, эта часть ежегодно находится в стадии своего периодического воспроизводства или своего замещения новыми экземплярами того же рода. Если производительная сила труда развивается в тех отраслях, где производятся эти средства труда, — а она развивается непрерывно с прогрессом науки и техники, — то место старых машин, инструментов, аппаратов и т. д. заступают новые, более эффективные и сравнительно с размерами своей работы более дешевые. Старый капитал воспроизводится в более производительной форме, не говоря уже о постоянном изменении отдельных деталей в наличных средствах труда. Другая часть постоянного капитала, сырой и вспомогательный материал, воспроизводится непрерывно в течение года, материал земледельческого происхождения — обыкновенно раз в год. Следовательно, всякое улучшение методов и т. д. воздействует здесь почти одновременно и на добавочный капитал и на капитал уже функционирующий. Каждое завоевание в области химии не только умножает число полезных веществ и число полезных применений уже известных веществ, вызывая, таким образом, по мере роста капитала и расширения

сферы его приложения. Прогресс химии научает также вводить экскременты процесса производства и потребления обратно в кругооборот процесса воспроизводства и создает, таким образом, материю нового капитала без предварительной затраты капитала. Подобно тому как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто повышенным напряжением рабочей силы, точно так же наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины. Они оказывают влияние также на ту часть первоначального капитала, которая вступила в стадию своего возобновления. В своей новой форме капитал даром усваивает общественный прогресс, совершившийся за спиной его старой формы. Правда, это развитие производительной силы сопровождается частичным обесценением функционирующих капиталов. Поскольку это обесценение дает себя остро чувствовать благодаря конкуренции, главная тяжесть его обрушивается на рабочего, повышенной эксплуатацией которого капиталист старается возместить свои убытки.

Труд переносит на продукт стоимость потребленных им средств производства. С другой стороны, стоимость и масса средств производства, приводимых в движение данным количеством труда, растут пропорционально увеличению производительности труда. Следовательно, если данное количество труда и присоединяет к своему продукту всегда одну и ту же сумму новой стоимости, то с ростом производительной силы труда растет та старая капитальная стоимость, которая при этом переносится на продукт.

Так, напр., если английский и китайский прядильщики работают равное число часов и с равной интенсивностью, то в течение недели они создадут равные стоимости. Однако, несмотря на это равенство, существует колоссальное различие между стоимостью недельного продукта англичанина, который работает с помощью мощных автоматов, и стоимостью недельного продукта китайца, который имеет в своем распоряжении только ручную прялку. В то самое время, в течение которого китаец перерабатывает один фунт хлопка, англичанин перерабатывает много сотен фунтов. В сотни раз бо́льшая сумма старых стоимостей присоединяется к стоимости продукта англичанина, продукта, в котором эти старые стоимости сохраняются в новой полезной форме и могут, таким образом, снова функционировать в качестве капитала. «В 1782 г., — сообщает Ф. Энгельс, — весь запас шерсти предыдущих трех лет (в Англии) лежал необработанным за недостатком рабочих и продолжал бы лежать, если бы на помощь не подоспели новоизобретенные машины, которые выпряли его»[59]. Труд, овеществленный

[59] *F. Engels:* «Lage der arbeitenden Klasse in England». Leipzig 1845, стр. 20 [*Ф. Энгельс:* «Положение рабочего класса в Англии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 308].

в форме машин, не создал, конечно, ни одного нового рабочего, но он дал возможность небольшому числу рабочих с небольшой сравнительно затратой дополнительного живого труда не только производительно потребить шерсть и присоединить к ней новую стоимость, но и сохранить ее старую стоимость в форме пряжи и т. д. Тем самым он создал средство и импульс к расширенному воспроизводству шерсти. Живому труду по самой его природе присуща способность, присоединяя новую стоимость, сохранять старую. Поэтому с ростом эффективности, размеров и стоимости средств производства, т. е. с ростом накопления, сопровождающим развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увековечивает все в новых формах постоянно нарастающую капитальную стоимость [60]. Эта естественная способность труда предста-

[60] Классическая политическая экономия, благодаря своему неудовлетворительному анализу процесса труда и процесса возрастания стоимости, никогда не понимала как следует этого важного момента воспроизводства. Примером может послужить Рикардо. Он говорит напр.: Как бы ни изменялась производительная сила, «миллион людей на фабриках всегда произведет одну и ту же стоимость». Это справедливо, раз дана экстенсивная и интенсивная величина их труда. Но это ничуть не препятствует тому, что при различной производительной силе труда один миллион людей превращает в продукт очень различные массы средств производства, сохраняет в продукте очень различные количества прежней стоимости и, следовательно, доставляет продукты очень различной стоимости. И вот это-то обстоятельство Рикардо упускает из виду в некоторых своих выводах. Заметим мимоходом, что на этом примере Рикардо тщетно пытался разъяснить Ж. Б. Сэю разницу между потребительной стоимостью (которую он называет здесь wealth, вещественное богатство) и меновой стоимостью. Сэй отвечает: «Что касается той трудности, на которую указывает г. Рикардо, говоря, что миллион человек при усовершенствованных способах производства может произвести вдвое, втрое больше богатства, не производя, однако, большей стоимости, то эта трудность исчезает, если мы будем, как это и следует, рассматривать производство как обмен, в котором отдаются производительные услуги труда, земли, капиталов с целью получить взамен продукты. Лишь посредством этих производительных услуг мы приобретаем все существующие в мире продукты. Другими словами: мы тем более богаты, наши производительные услуги имеют тем более стоимости, чем больше полезных предметов получаем мы за них в обмене, именуемом производством» (*J. B. Say:* «Lettres à M. Malthus». Paris 1820, стр. 168, 169). «Трудность», которую хочет устранить Сэй, — она существует лишь для него, но отнюдь не для Рикардо, — состоит в следующем. Почему не увеличивается стоимость потребительных стоимостей, когда растет их количество под влиянием возросшей производительной силы труда? Ответ: трудность будет устранена, если мы соблаговолим назвать потребительную стоимость меновой стоимостью. Меновая стоимость есть вещь, связанная так или иначе с обменом. Итак, назовем производство «обменом» труда и средств производства на продукт, — и тогда станет яснее дня, что меновой стоимости мы получим тем больше, чем больше потребительных стоимостей будет создано в производстве. Другими словами: чем больше потребительных стоимостей, напр., чулок, доставляет фабриканту рабочий день, тем богаче фабрикант чулками. Но тут г. Сэю внезапно приходит мысль, что с «увеличением количества» чулок их «цена» (не имеющая, конечно, ничего общего с меновой стоимостью) падает, «так как конкуренция заставляет производителей отдавать продукты за столько, сколько они им стоят». Откуда же берется прибыль, если капита-

вляется способностью самосохранения, присущей тому капиталу, который овладевает трудом, совершенно так же, как общественные производительные силы труда принимают вид свойств капитала, а постоянное присвоение прибавочного труда капиталистом — вид постоянного самовозрастания капитала. Все силы труда представляются силами капитала, как все формы стоимости товара — формами денег.

С ростом капитала растет разница между применяемым капиталом и потребляемым капиталом. Другими словами: растет стоимостная и вещественная масса средств труда, как то: строений, машин, дренажных труб, рабочего скота, всякого рода аппаратов, которые в течение более или менее продолжительного периода, в постоянно возобновляющихся процессах производства функционируют, т. е. служат для достижения определенного полезного эффекта, в полном своем объеме, тогда как снашиваются постепенно и, следовательно, теряют свою стоимость по частям, а значит по частям также и переносят ее на продукт. Поскольку эти средства труда, участвуя в созидании продукта, не присоединяют к нему новой стоимости, т. е. поскольку они применяются целиком, а потребляются лишь частями, постольку они, как мы уже упоминали выше, оказывают даровые услуги подобно силам природы: воде, пару, воздуху, электричеству и т. д. Эти даровые услуги прошлого труда, охваченного и одушевленного живым трудом, накопляются с увеличением масштаба накопления.

Так как прошлый труд выступает всегда в одежде капитала, т. е. пассив труда рабочих *A*, *B*, *C* и т. д. превращается в актив неработающего лица *X*, то буржуа и экономисты не находят слов

лист продает свои товары по цене, которой они ему стоят? Однако стоит ли смущаться такими пустяками! Сэй заявляет, что вследствие повышенной производительности каждый получает теперь в обмен на тот же самый эквивалент две пары чулок вместо одной пары, как это было прежде, и т. д. Результат, к которому он таким образом пришел, есть как раз то самое положение Рикардо, которое он хотел опровергнуть. После такого мощного напряжения мысли он, торжествуя, обращается к Мальтусу со следующими словами: «Такова, милостивый государь, эта стройная доктрина; без нее, — я заявляю это, — немыслимо выяснить труднейшие вопросы политической экономии и в особенности вопрос, каким образом, несмотря на то, что богатство составляется из стоимостей, нация делается более богатой, когда стоимость продуктов падает» (там же, стр. 170). Один английский экономист замечает по поводу подобного рода кунстштюков в «Lettres» Сэя: «Эта аффектированная манера болтовни («those affected ways of talking») и составляет то, что г.Сэю угодно назвать своей доктриной и что он рекомендует Мальтусу преподавать в Хартфорде, как это уже делается «во многих местах Европы». Он говорит: «Если кое-что в этих положениях покажется вам парадоксальным, вглядитесь в те вещи, которые ими выражаются, и я смею думать, что они покажутся вам чрезвычайно простыми и понятными». Без сомнения, — то, что мы увидим в результате этого процесса, покажется нам чем угодно, но только не оригинальным или значительным» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc», стр. 110).

для восхваления заслуг прошлого труда; шотландский гений Мак Куллох полагает даже, что прошлому труду должно причитаться известное вознаграждение (процент, прибыль и т. д.)[61]. Итак, непрерывно растущее значение прошлого труда, участвующего в форме средств производства в живом процессе труда, приписывается не самому рабочему, прошлый и неоплаченный труд которого здесь функционирует, а отчужденному от рабочего воплощению этого труда, его воплощению в капитале. Практические деятели капиталистического производства и их идеологи-пустомели совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антагонистической общественной маски, которая одета на них в настоящее время, подобно тому как рабовладелец не способен представить себе рабочего, как такового, отдельно от его роли раба.

При данной степени эксплуатации рабочей силы масса прибавочной стоимости определяется числом одновременно эксплуатируемых рабочих, а это последнее соответствует, хотя и в изменяющейся пропорции, величине капитала. Чем больше растет капитал благодаря прогрессирующему накоплению, тем сильнее возрастает и та сумма стоимости, которая распадается на фонд потребления и фонд накопления. Капиталист может поэтому жить более роскошно и в то же время усиливать свое «воздержание». И, в конце концов, все движущие пружины производства действуют тем энергичнее, чем сильнее расширяется вместе с массой авансированного капитала масштаб производства.

5. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ РАБОЧИЙ ФОНД.

В ходе нашего исследования выяснилось, что капитал представляет собой не постоянную величину, а очень эластичную часть общественного богатства, постоянно изменяющуюся в зависимости от того или другого деления прибавочной стоимости на доход и добавочный капитал. Мы видели далее, что даже при данной величине функционирующего капитала захваченные капиталом рабочая сила, наука и земля (под последней с экономической точки зрения следует понимать все предметы труда, доставляемые природой без содействия человека) образуют его эластичные потенции, которые в известных границах расширяют его арену действия независимо от его собственной величины. При этом мы совершенно отвлекались от условий процесса обращения, благодаря которым одна и та же масса капитала может действовать в очень неодинаковой степени. Так как мы предполагали рамки

---

[61] Мак Куллох взял патент на «wages of past labour» [«вознаграждение за прошлый труд»] гораздо раньше, чем Сениор взял свой патент на «wages of abstinence» [«вознаграждение за воздержание»].

капиталистического производства, следовательно предполагали чисто стихийно выросший строй общественного процесса производства, то мы совершенно не считались с возможностью непосредственно и планомерно осуществить какую-либо более рациональную комбинацию, исходя из наличных средств производства и рабочих сил. Классическая политическая экономия искони питала пристрастие рассматривать общественный капитал как величину постоянную с постоянной степенью действия. Но предрассудок этот застыл в непререкаемую догму лишь благодаря родоначальнику филистеров Иеремии Бентаму — этому трезво-педантичному, тоскливо-болтливому оракулу пошлого буржуазного рассудка XIX века[62]. Бентам среди философов то же, что Мартин Тэппер среди поэтов. Оба они могли быть сфабрикованы только в Англии[63]. С точки зрения его догмы совершенно непостижимы самые обыкновенные явления процесса производства, напр. его внезапные расширения и сокращения и даже самый факт накопления[64]. Догма эта применялась как самим Бентамом, так и Мальтусом, Джемсом Миллем, Мак Куллохом и т. д. с апологетическими

[62] Ср., между прочим, *J. Bentham:* «Théorie des Peines et des Récompenses», перев. Et. Dumont., 3-е изд., Paris 1826, т. II, кн. IV, гл. 2.

[63] Иеремия Бентам — явление чисто английское. Ни в какую эпоху, ни в какой стране не было еще философа — не исключая даже нашего Христиана Вольфа, — который с такой помпой вещал бы обыденнейшие банальности. Утилитарный принцип не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторял то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века. Если мы хотим узнать, что̀ полезно, напр., для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть конструирована, исходя «из принципа пользы». Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим с точки зрения пользы оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера — и притом в частности английского филистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека в окружающем его мире, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее. Например, христианская религия «полезна», так как она религиозно осуждает те же самые преступления, которые уголовное уложение осуждает юридически. Художественная критика «вредна», так как она мешает почтенным людям наслаждаться произведениями Мартина Тэппера и т. д. Таким хламом этот расторопный господин, девиз которого — «nulla dies sine linea» [«хоть строчку в день»], наполнил горы книг. Если бы я обладал смелостью моего друга Г. Гейне, я назвал бы господина Иеремию гением буржуазной глупости.

[64] «Экономисты слишком склонны... рассматривать определенное количество капитала и определенное число рабочих как орудия производства данной однообразной силы, действующие с известной однообразной интенсивностью... Те,... кто говорит,... что товары суть единственные факторы производства,... утверждают тем самым, что производство вообще не может быть расширено, так как для такого расширения должно быть заранее увеличено количество жизненных средств, сырых материалов и орудий; фактически

целями, а именно с целью представить часть капитала, переменный капитал, т. е. капитал, превращаемый в рабочую силу, как величину постоянную. Была сочинена басня, что вещественное существование переменного капитала, т. е. та масса жизненных средств, которую он представляет для рабочих, или так называемый рабочий фонд, есть совершенно обособленная часть общественного богатства, определяемая непреодолимыми силами самой природы. Чтобы привести в движение ту часть общественного богатства, которая должна функционировать как постоянный капитал, или — вещественно — как средство производства, необходима, конечно, определенная масса живого труда. Последняя определяется техникой производства. Но не дано ни число рабочих, нужное для того, чтобы привести эту массу труда в текучее состояние — так как это число меняется вместе с изменением степени эксплуатации индивидуальной рабочей силы, — ни цена рабочей силы; известна только ее минимальная и к тому же очень эластичная граница. Факты, лежащие в основе рассматриваемой догмы, таковы: с одной стороны, рабочий не имеет голоса при распределении общественного богатства на средства потребления нерабочих и на средства производства. С другой стороны, рабочий лишь в исключительно счастливых случаях может расширить так называемый «рабочий фонд» за счет «дохода» богатых [65].

К каким плоским тавтологиям приводит попытка превратить капиталистические границы рабочего фонда в границы, определяемые природой общества как такового, показывает пример профессора Фаусетта. «Оборотный капитал [66] страны, — говорит

это равносильно утверждению, что никакой рост производства не может иметь места без его предварительного роста или, другими словами, что никакой рост его невозможен» (*S. Bailey:* «Money and its Vicissitudes», стр. 58 и 70). Бэйли критикует догму главным образом с точки зрения процесса обращения.

[65] Дж. Ст. Милль говорит в своих «Principles of Political Economy» [кн. II, гл. 1, § 3. Ср. *Д. С. Милль:* «Основания политической экономии», перев. Н. Г Чернышевского, СПБ. 1909 г., стр. 622]: «Продукт труда разделяется в настоящее время в обратном отношении к труду: наибольшую его часть получают те, кто никогда не трудится, следующую по величине часть — те, труд которых почти всецело номинален, и так, по нисходящей шкале, вознаграждение становится все меньше и меньше, по мере того как труд делается тяжелее и неприятнее. Человек, занимающийся наиболее утомительным и изнурительным физическим трудом, не может с уверенностью рассчитывать даже на получение самых необходимых жизненных средств». Чтобы устранить недоразумение, замечу, что такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные, заслуживают, конечно, всяческого порицания за противоречия их старомодных экономических догм с их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо смешивать их в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами.

[66] Я напоминаю здесь читателю, что категории переменный капитал и постоянный капитал впервые введены в употребление мною. Политическая экономия со времен А. Смита постоянно смешивает заключающиеся в них

он, — есть ее рабочий фонд. Следовательно, чтобы узнать среднюю денежную плату, получаемую каждым рабочим, надо просто разделить этот капитал на число рабочего населения»[67]. Итак, мы сначала вычисляем сумму всех действительно выплаченных индивидуальных заработных плат, затем объявляем, что результат этого сложения представляет стоимость «рабочего фонда», установленного богом и природой. Наконец, полученную таким путем сумму мы делим на число рабочих, чтобы снова открыть, сколько в среднем выпадает на долю каждого отдельного рабочего. Процедура чрезвычайно хитроумная. Она не мешает г. Фаусетту заявить, не переводя духа: «Совокупное богатство, ежегодно накопляемое в Англии, разделяется на две части. Одна часть применяется в самой Англии для поддержания нашей собственной промышленности. Другая часть вывозится за границу... Часть, применяемая в нашей промышленности, образует незначительную долю ежегодно накопляемого в этой стране богатства»[68]. Итак, бо́льшая часть ежегодно нарастающего прибавочного продукта, отбираемого у английских рабочих без эквивалента, капитализируется не в Англии, а в других странах. Но ведь вместе с вывезенным таким образом за границу добавочным капиталом вывозится и часть «рабочего фонда», изобретенного богом и Бентамом[69].

определения с различием форм основного и оборотного капитала, порождаемым процессом обращения. Более подробно об этом см. второй отдел второй книги.

[67] *H. Fawcett*, проф. политической экономии в Кэмбридже: «The Economic Position of the British Labourer». London 1865, стр. 120.

[68] Там же, стр. 122, 123.

[69] Можно сказать, что не только капитал, но и рабочие ежегодно вывозятся из Англии в форме эмиграции. Однако в тексте не имеется в виду имущество переселенцев, которые в значительной своей части не принадлежат к рабочему классу. Крупную долю их составляют сыновья фермеров. Английский добавочный капитал, ежегодно вывозимый за границу с целью извлечения из него прибыли, представляет гораздо более значительную величину по сравнению с ежегодным накоплением, чем ежегодная эмиграция по сравнению с ежегодным приростом населения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

I. УВЕЛИЧЕНИЕ СПРОСА НА РАБОЧУЮ СИЛУ ПАРАЛЛЕЛЬНО НАКОПЛЕНИЮ ПРИ НЕИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ СТРОЕНИИ КАПИТАЛА.

В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое возрастание капитала оказывает на судьбу рабочего класса. Важнейшие факторы этого исследования — строение капитала и те изменения, которые претерпевает оно в ходе процесса накопления.

Строение капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемое со стороны стоимости, строение определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле строение капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения — с другой. Первый я называю стоимостным строением капитала, второй — техническим строением капитала. Между тем и другим существует тесная взаимозависимость. Чтобы выразить эту взаимозависимость, я называю органическим строением капитала его строение по стоимости, поскольку последнее определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения. В тех случаях, где говорится просто о строении капитала, всегда следует подразумевать его органическое строение.

Многочисленные индивидуальные капиталы, вложенные в определенную отрасль производства, более или менее отличаются по своему строению друг от друга. Средняя из их индивидуальных строений дает нам строение всего капитала данной отрасли производства. Наконец, общая средняя из этих средних строений всех отраслей производства дает нам строение общественного капитала данной страны, и только об этом, в последнем счете, будет речь в дальнейшем изложении.

Возрастание капитала включает в себя возрастание его переменной, или превращаемой в рабочую силу, составной части.

Часть прибавочной стоимости, превращаемой в добавочный капитал, постоянно должна претерпевать обратное превращение в переменный капитал, или в добавочный рабочий фонд. Предположим, что в числе прочих неизменных условий остается без изменения и строение капитала, т. е. что попрежнему требуется все та же масса рабочей силы для того, чтобы привести в движение определенную массу средств производства, или постоянного капитала; в таком случае спрос на труд и фонд существования рабочих, очевидно, возрастает пропорционально возрастанию капитала и увеличивается тем быстрее, чем быстрее растет капитал. Так как капитал ежегодно производит прибавочную стоимость, часть которой ежегодно присоединяется к первоначальному капиталу; так как само это приращение ежегодно возрастает по мере увеличения размеров уже функционирующего капитала и так как, наконец, подгоняемое особенно сильным стремлением к обогащению, напр. при открытии новых рынков, новых сфер приложения капитала вследствие вновь развившихся общественных потребностей и т.д., накопление может быстро расширять свой масштаб вследствие одного лишь изменения в разделении прибавочной стоимости, или прибавочного продукта на капитал и доход, то потребности, вызываемые накоплением капитала, могут опередить возрастание рабочей силы, или числа рабочих, спрос на рабочих — опередить их предложение, и, таким образом, может произойти повышение заработной платы. Это, в конце концов, и должно произойти, раз указанные выше условия сохраняются без изменения. Так как каждый год применяется больше рабочих, чем в предыдущий, то раньше или позже должен наступить момент, когда потребности накопления начинают перерастать обычное предложение труда, когда, следовательно, наступает повышение заработной платы. Жалобы на это раздаются в Англии в течение всего XV и первой половины XVIII века. Однако более или менее благоприятные условия, при которых наемные рабочие сохраняются и размножаются, нисколько не изменяют основного характера капиталистического производства. Как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталистов на одной стороне, наемных рабочих на другой, — так воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление, воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом. Как мы видели уже раньше, воспроизводство рабочей силы, которая постоянно должна входить в состав капитала как средство увеличения его стоимости и не может высвободиться от него, и подчинение которой капиталу маскируется лишь сменой индивидуальных капиталистов, которым она продает себя, — это воспроизводство является в действительности моментом воспроизводства самого

капитала. Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата [70].

Классическая политическая экономия настолько хорошо понимает это положение, что А. Смит, Рикардо и т. д., как упомянуто раньше, даже отождествляли ошибочным образом накопление с потреблением всей капитализуемой части прибавочного продукта производительными рабочими, или с превращением ее в добавочных наемных рабочих. Уже в 1696 г. Джон Беллерс говорит: «Если бы у кого-либо было 100 000 акров земли, столько же фунтов стерлингов денег и столько же голов скота, чем был бы сам богатый человек без рабочих, как не рабочим? И так как рабочие обогащают людей, то чем больше рабочих, тем больше богатых... Труд бедняка — рудник богача» [71]. Точно так же Бернар де Мандевиль говорит в начале XVIII столетия: «Там, где собственность пользуется достаточной защитой, было бы легче жить без денег, чем без бедных, ибо кто стал бы трудиться?.. Хотя следует ограждать рабочих от голодной смерти, но нужно это сделать так, чтобы они не получали ничего, что было бы равносильно сбережению. Если иногда кто-либо из низшего класса благодаря необыкновенному трудолюбию и недоеданию возвышается над положением, в котором он вырос, то никто не должен ставить ему в этом какие-либо препятствия: ведь бесспорно, что жить бережливо, это — самое разумное для каждого отдельного лица, для каждой отдельной семьи в обществе; однако интерес всех богатых наций заключается в том, чтобы бо́льшая часть бедных никогда не оставалась без дела и чтобы они постоянно целиком расходовали все, что они получают... Те, кто поддерживает существование повседневным трудом, побуждаются к работе исключительно своими нуждами, которые благоразумно смягчать, но было бы глупо исце-

---

[70] *Karl Marx:* «Lohnarbeit und Kapital». [Ср. *К. Маркс:* «Наемный труд и капитал». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V.] «При одинаковой степени угнетения масс, чем больше в стране пролетариев, тем она богаче» (*Colins:* «L'Économie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues Socialistes». Paris 1857, т. III, стр. 331). Под «пролетарием» в экономическом смысле следует разуметь исключительно наемного рабочего, который производит «капитал», увеличивает его стоимость и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей самовозрастания «господина капитала», как называет эту персону Пекер. «Немощный пролетарий первобытных лесов» — это милая фантазия Рошера. Житель первобытного леса — собственник первобытного леса и обращается с первобытным лесом, как со своей собственностью, так же бесцеремонно, как орангутанг. Следовательно, он не пролетарий. Он был бы пролетарием лишь в том случае, если бы первобытный лес эксплуатировал его, а не он этот лес. Что касается состояния его здоровья, то он в этом отношении выдержал бы сравнение не только с современным пролетарием, но и с сифилитическими и золотушными «почетными людьми». Однако под первобытным лесом господин Вильгельм Рошер, по всей вероятности, разумеет свою родную Люнебургер Гайде.

[71] *John Bellers:* «Proposals for raising a College of Industry». London 1696, стр. 2.

лять. Единственная вещь, которая только и может сделать рабочего человека прилежным, это — умеренная заработная плата. Слишком низкая заработная плата доводит его, смотря по темпераменту, до малодушия или отчаяния, слишком большая — делает наглым и ленивым... Из всего до сих пор сказанного следует, что для свободной нации, у которой рабство не допускается, самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков. Не говоря уже о том, что они служат неиссякаемым источником для укомплектования флота и армии, без них не было бы никаких наслаждений и невозможно было бы использовать произведения страны для получения доходов. Чтобы сделать общество (которое, конечно, состоит из нерабочих) счастливым, а народ довольным даже его жалким положением, для этого необходимо, чтобы огромное большинство оставалось невежественным и бедным. Познание расширяет и умножает наши желания, а чем меньше желает человек, тем легче могут быть удовлетворены его потребности»[72]. Мандевиль, честный человек и ясная голова, еще не понимает того, что самый механизм процесса накопления вместе с капиталом увеличивает и массу «трудолюбивых бедняков», т. е. наемных рабочих, которые вынуждены превращать свою рабочую силу в возрастающую силу для увеличения стоимости возрастающего капитала и именно этим увековечивать свою зависимость от своего собственного продукта, персонифицированного в капиталисте. Об этом отношении зависимости сэр Ф. М. Иден замечает в своем «Положении бедных, или истории рабочего класса Англии»: «В нашем географическом поясе для удовлетворения потребностей требуется труд, и поэтому, по крайней мере, часть общества должна неустанно трудиться... Немногие, которые не работают, все же имеют продукты прилежания в своем распоряжении. Однако и этим собственники обязаны исключительно цивилизации и порядку; они всецело — творение гражданских учреждений[73]. Ибо они признают, что плоды труда можно присваивать и иным способом, кроме труда. Люди с независимым состоянием почти целиком обязаны своим состоянием труду других, а не своим собственным

---

[72] *B. de Mandeville* («The Fable of the Bees», 5-е изд., London 1728, примечания, стр. 212, 213, 328). «Умеренная жизнь и постоянный труд представляют для бедных путь к материальному счастью (под которым здесь разумеется возможно более длинный рабочий день и возможно меньшее количество жизненных средств) и к богатству для государства» (т. е. для земельных собственников, капиталистов и их политических сановников и агентов) («An Essay on Trade and Commerce». London 1770, стр. 54).

[73] Идену следовало бы поставить вопрос: чье же творение «гражданские учреждения»? Стоя на точке зрения юридических иллюзий, он видит не в законе продукт материальных отношений производства, а, наоборот, в отношениях производства продукт закона. Лэнге всего одним словом опрокинул иллюзорный «Esprit des lois» [«Дух законов»] Монтескье: «L'esprit des lois, c'est la propriété» [«Собственность — вот дух законов»].

способностям, которые отнюдь не выше, чем способности других; не владение землей и деньгами, а командование трудом («the command of labour») — вот что отличает богатых от работающей части общества... Бедняку приличествует не положение отверженности или рабства, а состояние удобной и либеральной зависимости (a state of easy and liberal dependence), а людям, обладающим собственностью, подобает надлежащее влияние и авторитет среди тех, кто на них работает... Такое отношение зависимости, как известно всякому знатоку человеческой природы, необходимо для блага самих рабочих»[74]. Кстати сказать, сэр Ф. М. Иден — единственный из учеников Адама Смита, совершивший в XVIII веке нечто значительное[75].

---

[74] *Eden:* «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England», т. I, кн. 1, гл. I, стр. 1, 2, и предисловие, стр. XX.

[75] Если читатель вспомнит о Мальтусе, «Essay on Population» которого появился в 1798 г., то я напомню, что эта работа в своей первоначальной форме есть не что иное, как ученически-поверхностный и поповски-напыщенный плагиат из Дефо, сэра Джемса Стюарта, Таунсенда, Франклина, Уоллеса и т. д. и не содержит ни одного самостоятельно придуманного положения. Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами. Французская революция нашла в Британском королевстве страстных защитников: «принцип населения», медленно вырабатывающийся в XVIII веке, потом с трубными звуками и барабанным боем возвещенный среди великого социального кризиса как несравненное противоядие против теории Кондорсе и других, был с ликованием встречен английской олигархией, которая увидела в нем великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию. Мальтус, до крайности изумленный своим успехом, принялся тогда за то, чтобы заполнить старую схему поверхностно компилированным материалом и присоединить к нему новый, который был, однако, не открыт, а просто присвоен Мальтусом. Кстати сказать, хотя Мальтус — поп высокой англиканской церкви, тем не менее он дал монашеский обет безбрачия. Это — одно из условий fellowship [членства] в протестантском Кэмбриджском университете. «Мы не допускаем того, чтобы женатые делались членами коллегии. Напротив, если кто-нибудь женится, он должен немедленно выйти из числа членов» («Reports of Cambridge University Commission», стр. 172). Это обстоятельство выгодно отличает Мальтуса от других протестантских попов, которые, стряхнув с самих себя католическую заповедь безбрачия священников, усвоили заповедь «плодитеся и множитеся» как свою специфически-библейскую миссию в такой мере, что повсюду поистине в неприличной степени содействуют увеличению населения и в то же время проповедуют рабочим «принцип населения». Характерно, что экономическая пародия грехопадения, Адамово яблоко, «urgent appetite» [«непреоборимое желание»], «the checks which tend to blunt the shafts of Cupid» [«препятствия, которые стремятся притупить стрелы Купидона»], как весело говорит поп Таунсенд, что этот щекотливый пункт был монополизирован и теперь монополизируется господами представителями протестантской теологии или, скорее, церкви. За исключением венецианского монаха Ортеса, оригинального и остроумного писателя, большинство проповедников «принципа населения» — протестантские попы. Таковы: *Bruckner:* «Théorie du Système animal», Leyde 1767, в которой исчерпана вся современная теория населения и идеи для которой дал мимолетный спор на эту тему между Кенэ и его учеником Мирабо-старшим; затем поп Уоллес, поп Таунсенд, поп Мальтус и его ученик архипоп Т. Чалмерс, не говоря уже о мелких попах-писаках in this line [в том же на-

При тех наиболее благоприятных для рабочих условиях накопления, которые предполагались до сих пор, отношение зависимости рабочих от капитала облекается в сносные или, как выражается Иден, «удобные и либеральные» формы. Вместо того чтобы по мере роста капитала становиться интенсивнее, оно становится

правлении]. Первоначально политической экономией занимались философы, как Гоббс, Локк, Юм, коммерческие и государственные люди, как Томас Мор, Темпль, Сюлли, де Витт, Норс, Ло, Вандерлинт, Кантильон, Франклин, и в особенности теорией ее, и притом с величайшим успехом, медики, как Петти, Барбон, Мандевиль, Кенэ. Еще в половине XVIII столетия его преподобие г. Тэккер, видный для своего времени экономист, извиняется в том, что он занялся маммоной. Позже, а именно с появлением «принципа населения», пробил час протестантских попов. Как бы предчувствуя появление этих знахарей, Петти, считающий население основой богатства и, подобно Адаму Смиту, непримиримый враг попов, говорит: «Религия больше всего процветает там, где священники больше всего умерщвляют свою плоть, как право — там, где адвокаты умирают от голода». Поэтому протестантским священникам, раз они не хотят следовать апостолу Павлу и «умерщвлять плоть» безбрачием, он советует «не производить, по крайней мере, попов больше («not to breed more Churchmen»), чем могли бы поглотить наличные приходы (benefices); т. е. если в Англии и Уэльсе имеется всего 12 000 приходов, то было бы неразумно произвести 24 000 попов («it will not be safe to breed 24 000 ministers»), ибо 12 000 непристроенных постоянно будут искать средств к существованию, и как же легче могли бы они найти эти средства, если не таким способом: пойти в народ и втолковать ему, что эти 12 000 имеющих приходы губят души, доводят эти души до голода и указывают им скользкий путь, по которому они не дойдут до неба?» (*Petty:* «A Treatise on Taxes and Contributions». London 1667, стр. 57). Отношение Адама Смита к протестантским попам его времени характеризуется следующим. В «A Letter to A. Smith, LL. D. On the Life, Death and Philosophy of his Friend David Hume. By One of the People called Christians», 4-е изд., Oxford 1784, англиканский епископ из Норвича, доктор Хорн, обрушивается на А. Смита за то, что тот в одном открытом письме к Стрээну «бальзамирует своего друга Давида» (т. е. Юма), что он рассказывает публике о том, как Юм на своем смертном одре развлекался Лукианом и вистом и что он даже имел дерзость написать: «Я всегда считал Юма, как при его жизни, так и после его смерти, настолько близким к совершенному идеалу мудрого и добродетельного человека, насколько это допускает слабость человеческой природы». Епископ с негодованием восклицает: «Хорошо ли это с вашей стороны, милостивый государь, изображать нам в качестве совершенно мудрого и добродетельного характер и образ жизни человека, который был одержим непримиримой антипатией ко всему, что называется религией, и напрягал все нервы для того, чтобы, поскольку это зависело от него, изгладить из памяти человеческой даже самое название религии?» (там же, стр. 8). «Но не унывайте, друзья истины, атеизм недолговечен» (там же, стр. 17). Адам Смит столь «гнусно нечестив» («the atrocious wickedness»), что пропагандирует в стране атеизм (именно посредством своей «Theory of moral sentiments»)... Мы знаем ваши происки, господин доктор! Вы хорошо задумали, да на этот раз ошиблись в расчете. На примере Давида Юма вы хотели показать, что атеизм единственное подкрепление («cordial») упавшего духа и единственное противоядие против страха смерти... Смейтесь же над развалинами Вавилона и приветствуйте ожесточенного злодея фараона!» (там же, стр. 21, 22). Один из ортодоксальных слушателей А. Смита пишет по смерти последнего: «Дружба Смита с Юмом... помешала ему быть христианином... Во всем он верил Юму на слово. Если бы Юм сказал ему, что

лишь экстенсивнее, т. е. сфера эксплуатации и господства капитала расширяется только вместе с его собственной величиной и числом его подданных. Все бо́льшая часть их собственного прибавочного продукта, который все возрастает и в растущих размерах превращается в добавочный капитал, притекает к ним обратно в форме средств платежа; благодаря этому они могут расширять круг своих потребностей, лучше обставлять свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. и образовать даже небольшие денежные запасные фонды. Но как лучшая одежда, пища, лучшее обращение и более или менее значительное peculium [имущество, предоставлявшееся в пользование рабов] не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации, точно так же это не уничтожает отношения зависимости и эксплуатации и для наемного рабочего. Повышение цены труда вследствие накопления капитала в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряжение менее сильным. В спорах об этом предмете обыкновенно упускали из виду самое главное, а именно differentia specifica [отличительный признак] капиталистического производства. Рабочая сила покупается здесь не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая, тем не менее, реализуется при продаже товара. Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства. Рабочая сила может быть предметом продажи лишь постольку, поскольку она сохраняет средства производства как капитал, воспроизводит свою собственную стоимость как капитал и в неоплаченном труде доставляет источник добавочного капитала[76]. Следовательно, условия ее продажи,

---

луна — зеленый сыр, он поверил бы ему. Поэтому он верил также ему, что нет бога и чудес... По своим политическим принципам он приближался к республиканизму» («The Bee». By James Anderson. 18 томов. Edinburgh 1791—1793, т. III, стр. 166, 165). Поп Т. Чалмерс подозревает А. Смита в том, что он выдумал категорию «непроизводительных рабочих» просто по злобе, специально имея в виду протестантских попов, несмотря на их благословенные труды в вертограде господнем.

[76] *Примечание ко 2-му изд.* «Однако граница занятий как земледельческих, так и промышленных рабочих одна и та же, а именно — возможность для предпринимателя извлечь прибыль из продукта их труда... Если уровень заработной платы повышается настолько, что выручка хозяина упадет ниже средней прибыли, то он перестает давать им работу или даст ее лишь на том условии, чтобы они согласились на понижение заработной платы» (*John Wade:* «History of the Middle and Working Classes», 3-е изд., London 1835, стр. 240).

будут ли они более благоприятны для рабочих или менее, предполагают необходимость постоянного повторения ее продажи и постоянно расширяющееся воспроизводство богатства как капитала. Заработная плата, как мы видели, по своей природе постоянно предполагает, что рабочий доставляет определенное количество неоплаченного труда. Если даже оставить в стороне повышение заработной платы при падающей цене труда и т. д., увеличение ее означает, даже в лучшем случае, лишь количественное уменьшение того неоплаченного труда, который приходится исполнять рабочему. Это уменьшение никогда не может дойти до такого пункта, на котором оно угрожало бы самому существованию капиталистической системы. Оставляя в стороне разрешаемые силой конфликты из-за уровня заработной платы, — а уже Адам Смит показал, что в таких конфликтах хозяин всегда остается хозяином, — повышение цены труда, вытекающее из накопления капитала, предполагает следующую альтернативу.

Или цена труда продолжает повышаться, потому что ее повышение не препятствует процессу накопления; в этом нет ничего удивительного, потому что, как говорит А. Смит, «даже при понижении прибыли капиталы не только продолжают возрастать, но они возрастают даже много быстрее... Большой капитал даже при небольшой прибыли в общем возрастает быстрее, чем мелкий капитал при большой прибыли» («Wealth of Nations», I [франц. перев. Гарнье], стр. 189. [Ср. «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 84.]). В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда нисколько не препятствует распространению господства капитала. Или, — и это другая сторона альтернативы, — накопление вследствие повышения цены труда ослабевает, потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли. Накопление уменьшается. Но вместе с его уменьшением исчезает причина его уменьшения, а именно диспропорция между капиталом и подлежащей эксплуатации рабочей силой. Следовательно, механизм капиталистического процесса производства сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создает. Цена труда снова понижается до уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала, будет ли уровень этот ниже, выше или равен тому уровню, который считался нормальным до начала повышения заработной платы. Итак, в первом случае не замедление абсолютного или относительного возрастания рабочей силы или рабочего населения делает капитал избыточным, а наоборот, увеличение капитала делает недостаточной доступную для эксплуатации рабочую силу. Во втором случае не усиление абсолютного или относительного возрастания рабочей силы или рабочего населения делает капитал недостаточным, а наоборот, уменьшение капитала делает избыточной доступную эксплуатации рабочую силу или, скорее, делает чрезмерной ее цену. Как раз эти

абсолютные движения накопления капитала и отражаются в виде относительных движений массы доступной эксплуатации рабочей силы, благодаря чему кажется, как будто они вызываются собственным движением последней. Употребляя математическое выражение, величина накопления есть независимая переменная, величина заработной платы — зависимая, а не обратно. Таким же образом, когда промышленность проходит в своем цикле фазу кризиса, общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной стоимости денег, а когда она проходит фазу процветания, общее повышение товарных цен получает такое выражение, как будто происходит относительное понижение стоимости денег. Так называемая Currency School [Количественная школа] делает из этого тот вывод, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало, а при низких — слишком много денег. Ее невежество и полное забвение фактов[77] находит себе достойную параллель в экономистах, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, будто в одном случае имеется слишком мало, а в другом слишком много наемных рабочих.

Закон капиталистического производства, лежащий в основе мнимого «естественного закона населения», сводится просто к следующему: отношение между капиталом, накоплением и уровнем заработной платы есть не что иное, как отношение между неоплаченным трудом, превращенным в капитал, и добавочным трудом, необходимым для того, чтобы привести в движение дополнительный капитал. Следовательно, это — отнюдь не отношение между двумя не зависимыми одна от другой величинами, между величиной капитала, с одной стороны, и количеством рабочего населения — с другой; напротив, это в последнем счете отношение лишь между неоплаченным и оплаченным трудом одного и того же рабочего населения. Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но как только это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит

---

[77] Ср. *Karl Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 165 и сл. [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 165 и сл.].

из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается воспроизводство последней в расширяющемся масштабе. Следовательно, закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе. Иначе оно и быть не может при таком способе производства, при котором рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук[77a].

2. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПЕРЕМЕННОЙ ЧАСТИ КАПИТАЛА В ХОДЕ НАКОПЛЕНИЯ И СОПРОВОЖДАЮЩЕЙ ЕГО КОНЦЕНТРАЦИИ.

По мнению самих экономистов, не размеры уже существующего общественного богатства и не величина уже приобретенного капитала приводит к повышению заработной платы, а исключительно лишь непрерывный рост накопления и степень быстроты этого роста (А. Смит [«Богатство народов»], кн. I, гл. 8). До сих пор мы рассматривали лишь одну особенную фазу этого процесса, именно ту, в которой увеличение капитала совершается при неизменном техническом строении капитала. Но процесс идет дальше этой фазы.

Раз даны общие основы капиталистической системы, в ходе накопления всегда наступает такой момент, когда развитие производительности общественного труда становится самым мощным рычагом накопления. «Та самая причина, — говорит А. Смит, — которая приводит к повышению заработной платы, именно увеличение капитала, побуждает к повышению производительных способностей труда и дает меньшему количеству труда возможность

[77a] «Если же мы возвратимся к нашему первому исследованию, где было показано,... что сам капитал есть только произведение человеческого труда,... то покажется совершенно непонятным, как человек мог попасть под господство своего собственного продукта — капитала — и оказаться подчиненным ему; а так как в действительности дело бесспорно обстоит именно так, то невольно навязывается вопрос: как рабочий из владыки капитала — как творец капитала — мог сделаться рабом капитала?» (*Von Thünen:* «Der isolierte Staat». II часть, отд. II. Rostock 1863, стр. 5, 6). Заслуга Тюнена в том, что он поставил вопрос. Ответ же его совершенно детский.

производить большее количество продуктов». [Ср. А. Смит: «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 79.]

Оставляя в стороне естественные условия, как плодородие почвы и т. д., и ловкость независимых, изолированно работающих производителей, которая притом и проявляется больше качественно, в добротности продуктов, чем количественно, в их массе, общественный уровень производительности труда находит себе выражение в относительной величине средств производства, которые рабочий превращает в продукт в течение данного времени при неизменном напряжении рабочей силы. Масса средств производства, с помощью которых он функционирует, возрастает вместе с производительностью его труда. Эти средства производства играют здесь двоякую роль. Возрастание одних есть следствие, возрастание других — условие увеличения производительности труда. Например, при мануфактурном разделении труда и применении машин в один и тот же промежуток времени перерабатывается больше сырого материала, следовательно бо̀льшая масса сырого материала и вспомогательных веществ вступает в процесс труда. Это — следствие повышения производительности труда. С другой стороны, масса применяемых машин, рабочего скота, минерального удобрения, дренажных труб и т. д. есть условие увеличения производительности труда. То же следует сказать и о массе средств производства, сконцентрированных в виде построек, доменных печей, средств транспорта и т. д. Но будет ли возрастание размера средств производства по сравнению с присоединяемой к ним рабочей силой условием или следствием, — оно и в том и в другом случае является выражением увеличения производительности труда. Следовательно, увеличение последней проявляется в уменьшении массы труда по отношению к массе средств производства, приводимой этим трудом в движение, или в уменьшении величины субъективного фактора процесса труда по сравнению с его объективными факторами.

Это изменение технического строения капитала, это возрастание массы средств производства по сравнению с массой оживляющей их рабочей силы, в свою очередь, отражается и на стоимостном строении капитала, на увеличении постоянной составной части капитальной стоимости за счет ее переменной составной части. Пусть, напр., первоначально 50% какого-либо капитала затрачивалось на средства производства и 50% на рабочую силу; позже, с развитием степени производительности труда, 80% затрачиваются на средства производства и 20% на рабочую силу и т. д. Этот закон все возрастающего увеличения постоянной части капитала по сравнению с переменной частью подтверждается на каждом шагу (как уже показано выше) сравнительным анализом товарных цен, будем ли мы сравнивать различные экономические эпохи у одной и той же нации или различные нации в одну и ту же эпоху.

Относительная величина того элемента цены, который заступает лишь стоимость потребленных средств производства, или постоянную часть капитала, будет прямо пропорциональна, а относительная величина другого элемента цены, оплачивающего труд, или представляющего переменную часть капитала, будет в общем обратно пропорциональна прогрессу накопления.

Однако уменьшение переменной части капитала по отношению к постоянной части, или изменение стоимостного строения капитала, служит лишь приблизительным показателем изменения в строении его вещественных составных частей. Если, напр., в настоящее время капитальная стоимость, вложенная в прядильное дело, на $^7/_8$ состоит из постоянного и на $^1/_8$ из переменного капитала, а в начале XVIII века состояла из $^1/_2$ постоянного и $^1/_2$ переменного капитала, то, напротив, та масса сырья, средств труда и т. д., которую в настоящее время производительно потребляет определенное количество прядильного труда, во много сотен раз больше, чем была соответствующая масса в начале XVIII столетия. Причина заключается просто в том, что с увеличением производительности труда не только возрастает объем потребляемых им средств производства, но и понижается стоимость их по сравнению с их объемом. Таким образом, стоимость их абсолютно повышается, но не пропорционально их размерам. Поэтому разность между постоянным и переменным капиталом возрастает много медленнее, чем разность между той массой средств производства, в которую превращается постоянный капитал, и той массой рабочей силы, в которую превращается переменный капитал. Первая разность увеличивается вместе с последней, но в меньшей степени, чем последняя.

Впрочем, если прогресс накопления уменьшает относительную величину переменной части капитала, то этим он вовсе не исключает увеличения ее абсолютной величины. Предположим, что капитальная стоимость сначала распадалась на 50% постоянного и 50% переменного капитала, впоследствии — на 80% постоянного и 20% переменного. Если за это время первоначальный капитал, составлявший, скажем, 6 000 ф. ст., повысился до 18 000 ф. ст., то и его переменная составная часть увеличилась на $^1/_5$. Прежде она составляла 3 000 ф. ст., теперь составляет 3 600 ф. ст. Но если прежде было достаточно увеличения капитала на 20% для того чтобы повысить спрос на труд на 20%, то теперь для этого требуется утроение первоначального капитала.

В четвертом отделе было показано, что развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в крупном масштабе, что только при наличии этой предпосылки могут быть организованы разделение и комбинация труда, экономизированы посредством массовой концентрации средства производства, вызваны к жизни такие средства труда, которые уже по своей

материальной природе допускают только совместное применение,— напр., система машин и т. д., — могут быть поставлены на службу производства колоссальные силы природы и процесс производства может быть превращен в технологическое приложение науки. На основе товарного производства, при котором средства производства являются собственностью частных лиц, при котором ручной рабочий поэтому или изолированно и самостоятельно производит товары, или продает свою рабочую силу как товар, потому что у него нет средств для самостоятельного производства, указанная предпосылка реализуется лишь посредством возрастания индивидуальных капиталов, или в той мере, как общественные средства производства и средства к жизни превращаются в частную собственность капиталистов. На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиться лишь в капиталистической форме. Поэтому некоторое накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой специфически капиталистического способа производства. Таким образом, мы должны предположить наличие такого накопления при переходе от ремесла к капиталистическому производству. Его можно назвать первоначальным накоплением, потому что оно — не исторический результат, а историческая основа специфически капиталистического производства. Здесь нам еще нет необходимости исследовать, каким образом оно само возникает. Достаточно того, что оно образует исходный пункт. Но все методы повышения общественной производительной силы труда, развивающиеся на этой основе, суть в то же время методы увеличения производства прибавочной стоимости или прибавочного продукта, который в свою очередь служит образующим элементом накопления. Таким образом, они суть в то же время методы производства капитала капиталом, или методы его ускоренного накопления. Непрерывное обратное превращение прибавочной стоимости в капитал выражается в возрастании величины капитала, входящего в процесс производства. В свою очередь, оно становится основой расширения масштаба производства, сопровождающих его методов повышения производительной силы труда и ускоренного производства прибавочной стоимости. Следовательно, если известная степень накопления капитала является условием специфически капиталистического способа производства, то последний, путем обратного воздействия, обусловливает ускоренное накопление капитала. Поэтому с накоплением развивается специфически капиталистический способ производства, а со специфически капиталистическим способом производства — накопление капитала. Эти два экономических фактора, в силу того сложного взаимоотношения, благодаря которому толчок от одного из них сообщается другому, производят то изменение в техническом строении капитала, благодаря которому переменная состав-

ная часть становится все меньше и меньше по сравнению с постоянной.

Всякий индивидуальный капитал представляет собою бóльшую или меньшую концентрацию средств производства и соответствующего командования над большей или меньшей армией рабочих. Всякое накопление становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов и таким образом расширяет основу производства в крупном масштабе и специфически капиталистических методов производства. Возрастание общественного капитала совершается посредством роста многих индивидуальных капиталов. При прочих равных условиях индивидуальные капиталы, а вместе с ними концентрация средств производства возрастают в пропорции, соответствующей той доле, какую каждый из них образует от всего общественного капитала. В то же время от первоначальных капиталов отрываются отпрыски и начинают функционировать как новые самостоятельные капиталы. Крупную роль играет при этом между прочим раздел состояний в семействах капиталистов. Поэтому с накоплением капитала более или менее возрастает и число капиталистов. Два обстоятельства характеризуют концентрацию этого рода, непосредственно покоящуюся на накоплении или даже тождественную с ним. Во-первых: рост концентрации общественных средств производства в руках индивидуальных капиталистов, при прочих равных условиях, ограничен степенью возрастания общественного богатства. Во-вторых: часть общественного капитала, вложенная в каждую отдельную сферу производства, делится между многими капиталистами, которые противостоят один другому как независимые и конкурирующие друг с другом товаропроизводители. Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов перекрещивается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому, если, с одной стороны, накопление выступает как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов.

Этому дроблению всего общественного капитала на многие индивидуальные капиталы или отталкиванию его частей друг от друга противодействует их притяжение. Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и командования над трудом. Это — концентрация уже сложившихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов. Этот процесс отличается от первого тем, что он предполагает лишь

изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов, следовательно арена его действия не ограничена абсолютным возрастанием общественного богатства или абсолютными границами накопления. Здесь, в одних руках, капитал сосредоточивается в огромных массах потому, что там он исчезает из многих других рук. Это — собственно централизация в отличие от накопления и концентрации.

Законы этой централизации капиталов, или притяжения капитала капиталом, не могут быть развиты здесь. Достаточно будет кратких фактических указаний. Конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит caeteris paribus [при прочих равных условиях] от производительности труда, а последняя — от масштаба производства. Поэтому мелкие капиталы побиваются более крупными. Вспомним далее, что с развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают. Кроме того вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит; вначале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, бо̀льшими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и, в конце концов, превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.

В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит — эти два наиболее мощных рычага централизации. Наряду с этим прогресс накопления увеличивает материал для централизации, т. е. индивидуальные капиталы, между тем как расширение капиталистического производства создает, с одной стороны, общественную потребность, а с другой стороны — технические средства для тех громадных промышленных предприятий, осуществление которых связано с предшествующей централизацией капитала. Благодаря этому в настоящее время взаимное притяжение отдельных капиталов и тенденция к централизации сильнее, чем когда бы то ни было раньше. Но хотя относительная широта и энергия движения к централизации до известной степени определяются достигнутой уже величиной капиталистического богатства и превосходством

экономического механизма, однако прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала. И это в особенности отличает централизацию от концентрации, которая есть лишь иное выражение воспроизводства в расширенном масштабе. Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении уже существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала. Капитал здесь, в одних руках, может возрасти до огромных размеров потому, что там, в другом месте, он ушел из множества отдельных рук. В каждой данной отрасли предприятий централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один единственный капитал[77b]. В каждом данном обществе этот предел был бы достигнут лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одного единственного общества капиталистов.

Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять масштаб своих операций. Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, совершается ли централизация насильственным способом присоединения, причем известные капиталы становятся центрами столь непреодолимого тяготения для других, что разрушают их индивидуальное сцепление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние массы уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных обществ, — экономическое действие во всех этих случаях остается одно и то же. Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства.

Но очевидно, что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, представляет крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке отдельных взаимно друг друга дополняющих составных частей общественного капитала. Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы

[77b] {*К 4-му изд.* Новейшие английские и американские «тресты» уже стремятся к этой цели, стараясь соединить, по меньшей мере, все крупные производства той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией. — *Ф. Э.*}

приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ достигла этого как бы по одному мановению руки. И усиливая и ускоряя таким путем действие накопления, централизация в то же время расширяет и ускоряет те перевороты в техническом строении капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и, следовательно, относительно уменьшают спрос на труд.

Массы капитала, быстро сплачиваемые процессом централизации, воспроизводятся и увеличиваются так же, как другие капиталы, только быстрее, и таким образом, в свою очередь, становятся мощными рычагами общественного накопления. Следовательно, когда говорят о прогрессе общественного накопления, то — в настоящее время — под ним молчаливо подразумевают и действие централизации.

Добавочные капиталы, образованные в ходе нормального накопления (см. главу XXII, 1), служат преимущественно вспомогательным средством для эксплуатации новых изобретений, открытий и вообще промышленных усовершенствований. Но и старый капитал достигает с течением времени момента, когда он обновляется с ног до головы, когда он меняет свою кожу и так же возрождается в усовершенствованном технически виде, при котором оказывается достаточно меньшей массы труда для того, чтобы привести в движение бо̀льшую массу машин и сырья. Само собой разумеется, что неизбежно вытекающее отсюда абсолютное сокращение спроса на труд оказывается тем больше, чем больше капиталы, проделывающие этот процесс обновления, уже собраны в массы в силу централизующего движения.

Итак, с одной стороны, добавочный капитал, образованный в ходе накопления, притягивает все меньше и меньше рабочих по сравнению со своей величиной. С другой стороны, старый капитал, периодически воспроизводимый в новом строении, все больше и больше отталкивает рабочих, которые раньше были заняты им.

3. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ, ИЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ.

Накопление капитала, которое первоначально представлялось лишь как его количественное расширение, осуществляется, как мы видели, в непрерывном качественном изменении его строения, в постоянном увеличении его постоянной составной части за счет переменной [77c].

[77c] {*Примечание к 3-му изд.* В собственном экземпляре Маркса в этом месте сделана пометка на полях: «Здесь для использования в дальнейшем сле-

Специфически капиталистический способ производства, соответствующее ему развитие производительной силы труда, вызываемое им изменение органического строения капитала не только идут рука об руку с прогрессом накопления, или с возрастанием общественного богатства: они идут несравненно быстрее, потому что простое накопление, или абсолютное увеличение совокупного капитала, сопровождается централизацией его индивидуальных элементов, а технический переворот в добавочном капитале — техническим переворотом в первоначальном капитале. С прогрессом накопления отношение постоянной части капитала к переменной изменяется таким образом, что если первоначально оно составляло 1 : 1, то потом оно превращается в 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1 и т. д., так что, по мере возрастания капитала, в рабочую силу последовательно превращается не $^1/_2$ его общей стоимости, а лишь $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_8$ и т. д., в средства же производства — $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, $^5/_6$, $^7/_8$ и т. д. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала, вместо того чтобы, как мы предполагали раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно, по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, ускоряющейся с возрастанием этой величины. Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть, т. е. вбираемая им в себя рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится необходимым не только для того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, и даже не только для того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу. Это возрастающее накопление и централизация, в свою очередь, сами превращаются в источник нового изменения строения капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной. Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание

дует отметить: если расширение исключительно количественное, то для больших и меньших капиталов одной и той же отрасли производства прибыли относятся, как величины авансированных капиталов. Если количественное расширение ведет к качественному изменению, то одновременно повышается норма прибыли для большего капитала». — *Ф. Э.*}

переменного капитала, или средств для занятия этого населения. Напротив, капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население.

Рассматривая весь общественный капитал, мы видим, что то процесс его накопления вызывает периодические изменения, то отдельные моменты этого процесса одновременно распределяются между различными сферами производства. В некоторых сферах изменение строения капитала происходит без возрастания его абсолютной величины вследствие одной лишь концентрации; в других абсолютное возрастание капитала связано с абсолютным уменьшением его переменной составной части, или поглощаемой ею рабочей силы; в-третьих, то капитал возрастает на данной технической основе и пропорционально своему возрастанию привлекает добавочную рабочую силу, то происходит органическое изменение капитала и сокращается его переменная часть; во всех сферах возрастание переменной части капитала, а потому и числа занятых рабочих всегда связано с сильными колебаниями и созданием временного перенаселения, причем безразлично, принимает ли оно более заметную форму отталкивания уже занятых рабочих или не так заметную, но не менее действительную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами[78]. Вместе с величиной уже функционирующего общественного капитала и степенью его возрастания, с расширением масштаба производства и массы функционирующих рабочих,

---

[78] Перепись в Англии и Уэльсе показывает между прочим:

Всех лиц, занятых в земледелии (включая сюда собственников, фермеров, садовников, пастухов и т. д.), было в 1851 г. 2 011 447, в 1861 г. — 1 924 110, уменьшение 87 337. Шерстяное производство: в 1851 г. 102 714, в 1861 г. 79 242; шелковые фабрики: в 1851 г. 111 940, в 1861 г. 101 678; ситцепечатники: в 1851 г. 12 098, в 1861 г. 12 556, — это ничтожное увеличение, несмотря на колоссальное расширение дела, знаменует огромное относительное уменьшение числа занятых рабочих; шляпочники: в 1851 г. 15 957, в 1861 г. 13 814; производство соломенных и дамских шляп: в 1851 г. 20 393, в 1861 г. 18 176; солодовщики: в 1851 г. 10 566, в 1861 г. 10 677; в свечном производстве: в 1851 г. 4 949, в 1861 г. 4 686, — причиной этого уменьшения является между прочим распространение газового освещения; гребенщики: в 1851 г. 2 038, в 1861 г. 1 478; пильщики дерева: в 1851 г. 30 552, в 1861 г. 31 647, ничтожное увеличение вследствие распространения пильных машин; гвоздари: в 1851 г. 26 940, в 1861 г. 26 130, уменьшение вследствие конкуренции машин; рабочие в оловянных и медных рудниках: в 1851 г. 31 360, в 1861 г. 32 041. Напротив, в хлопкопрядильных и хлопкоткацких заведениях: в 1851 г. 371 777, в 1861 г. 456 646; в каменноугольных копях: в 1851 г. 183 389, в 1861 г. 246 613. «В общем увеличение числа рабочих после 1851 г. больше всего в таких отраслях, в которых до сих пор еще не было успешного применения машин» («Census of England and Wales for 1861», т. III. London 1863, стр. 35—39).

с развитием производительной силы их труда, с расширением и увеличением изобилия всех источников богатства расширяются и размеры того явления, что усиление притяжения рабочих капиталом связано с усилением отталкивания их, ускоряется изменение органического строения капитала и его технической формы и расширяется круг тех сфер производства, которые то одновременно, то одна за другой охватываются этим изменением. Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением[79]. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон населения, так как всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек.

[79] Некоторые выдающиеся экономисты классической школы скорее угадывали, чем понимали закон прогрессивного уменьшения относительной величины переменного капитала и его влияние на положение класса наемных рабочих. Величайшая заслуга в этом отношении принадлежит Джону Бартону, хотя и он, как все остальные, смешивает постоянный капитал с основным, переменный капитал — с оборотным. Он говорит: «Спрос на труд зависит от возрастания оборотного, а не основного капитала. Если бы было верно, что отношение между этими двумя видами капитала одинаково во все времена и во всех странах, то из этого в самом деле следовало бы, что число занятых рабочих пропорционально богатству страны. Но такое предположение не имеет и видимости правдоподобия. По мере того как промыслы совершенствуются и цивилизация распространяется, основной капитал составляет все бо́льшую и бо́льшую долю по сравнению с оборотным капиталом. Сумма основного капитала, вложенного в производство штуки английского муслина, по крайней мере, в сто, а может быть и в тысячу раз больше, чем основной капитал, который вложен в такую же штуку индийского муслина. Доля же оборотного капитала в сто или тысячу раз меньше... Если бы вся сумма годовых сбережений была присоединена к основному капиталу, это не вызвало бы никакого увеличения спроса на труд» (*John Barton:* «Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society». London 1817, стр. 16, 17). «Та самая причина, которая может увеличить чистый доход страны, в то же время может сделать население избыточным и ухудшить положение рабочих» (*Ricardo:* «Principles of Political Economy», 3-е изд., London 1821, стр. 469). [*Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 251.] С увеличением капитала «спрос (на труд) относительно уменьшится» (там же, стр. 480, примечание). [Ср. русск. изд., стр. 256.] «Сумма капитала, предназначенная на содержание труда, может изменяться независимо от каких бы то ни было изменений в общей сумме капитала... Большие колебания в количестве работы и большие страдания могут становиться более частыми, по мере того как сам капитал становится более изобильным» (*Richard Jones:* «An Introductory Lecture on Political Economy». London 1833. [Приложение «Syllabus of a Course of Lectures on the Wages of Labor»], стр. 12). «Спрос (на труд) не увеличивается... пропорционально накоплению всего капитала... Поэтому всякое увеличение национального капитала, предназначенного для воспроизводства, оказывает с прогрессом общества все меньшее влияние на положение рабочих» (*G. Ramsay:* «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh 1836, стр. 90, 91).

Но если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления, или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства. Оно образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал и которая так же абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил ее на свой собственный счет. Она поставляет для его изменяющихся потребностей самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения. С накоплением и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, — не только потому, что возрастает эластичность функционирующего капитала и то абсолютное богатство, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал, не только потому, что кредит, при всяком особом возбуждении, разом отдает в распоряжение производства необычную часть этого богатства в качестве добавочного капитала: кроме всего этого технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д., делают возможным в величайшем масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства. Масса общественного богатства, возрастающая с прогрессом накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или во вновь открывающиеся, как железные дороги и т. д., потребность в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить в решающие пункты огромные массы людей. Их доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, представляющий форму десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, цикла, прерываемого небольшими колебаниями, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и образовании вновь промышленной резервной армии, или перенаселения. Смена фаз промышленного цикла, в свою очередь, увеличивает перенаселение и становится одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Строение капитала изменялось лишь очень постепенно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд. Каким бы медлен-

ным ни был прогресс накопления капитала по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступного эксплуатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами, о которых будет упомянуто впоследствии. Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее, в свою очередь, вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплуатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, не зависимого от абсолютного возрастания населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «освобождает» часть рабочих, посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полузанятые руки. Поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами. Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности. Раз эта периодичность упрочилась, то даже политическая экономия начинает воспринимать производство относительного перенаселения, т. е. населения, избыточного по сравнению с средней потребностью капитала в самовозрастании, как условие существования современной промышленности.

«Предположим, — говорит Г. Меривейль, раньше профессор политической экономии в Оксфорде, впоследствии чиновник английского министерства колоний, — предположим, что нация в условиях кризиса сделает напряжение всех своих сил, чтобы посредством эмиграции освободиться от нескольких сотен тысяч избыточных бедняков, — что было бы следствием этого? То, что, при первом же возрождении спроса на труд, в последнем оказался бы недостаток. Как быстро ни происходило бы воспроизводство людей, для возмещения взрослых рабочих во всяком случае требуется промежуток времени в одно поколение. Но прибыль наших фабрикантов зависит главным образом от возможности использовать благоприятный момент оживленного спроса и вознаградить себя таким образом за период его ослабления. Эта возможность обеспечивается им только командованием над машинами и над ручным трудом. Необходимо, чтобы они могли найти свободные

руки, они должны быть способны по мере необходимости напрягать или ослаблять активность своих операций в зависимости от состояния рынка, иначе они явно не могли бы среди бешеной конкуренции удержать то преобладание, на котором основано богатство этой страны»[80]. Даже Мальтус признает перенаселение, — которое он со свойственной ему ограниченностью объясняет абсолютно избыточным приростом рабочего населения, а не тем, что оно делается относительно избыточным, — необходимостью для современной промышленности. Он говорит: «Благоразумные привычки по отношению к браку, доведенные до известного уровня среди рабочего класса страны, которая зависит главным образом от мануфактуры и торговли, могут сделаться вредными для нее... По самой природе населения прирост работников, вызываемый особенным спросом, не может быть доставлен на рынок раньше, чем через 16—18 лет, а превращение дохода в капитал посредством сбережения может совершаться несравненно быстрее; страна постоянно подвержена риску, что ее рабочий фонд будет возрастать быстрее, чем население»[81]. Объявив, таким образом, постоянное производство относительного перенаселения рабочих необходимым условием капиталистического накопления, политическая экономия, выступая в образе старой девы, влагает в уста своего «beau idéal» [«идеала»] — капиталиста — следующие слова, обращенные к «избыточным» рабочим, выброшенным на улицу добавочным капиталом, их собственным созданием: «Мы, фабриканты, увеличивая капитал, которым вы должны существовать, делаем для вас все, что только можем, а вы должны сделать остальное, сообразуя свое число со средствами существования»[82].

Капиталистическому производству отнюдь недостаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, независимой от этой естественной границы.

До сих пор мы предполагали, что увеличение или уменьшение переменного капитала точно соответствует увеличению или уменьшению числа занятых рабочих.

---

[80] *H. Merivale:* «Lectures on Colonization and Colonies». London 1841 and 1842, т. I, стр. 146.

[81] *Malthus:* «Principles of Political Economy», стр. 215, 319, 320. В этой работе Мальтус открывает, наконец, при помощи Сисмонди, прекрасную троицу капиталистического производства: перепроизводство, перенаселение, перепотребление, эти three very delicate monsters indeed! [три наиболее деликатных чудовища!] Ср. *F. Engels:* «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie» в «Deutsch-Französische Jahrbücher», издававшихся Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Paris 1844, стр. 107 и сл. [Ср. *Ф. Энгельс:* «Очерки критики политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 312—316.]

[82] *Harriet Martineau:* «A Manchester Strike». London 1832, стр. 101.

Однако и при неизменяющемся или даже сокращающемся числе находящихся под его командой рабочих переменный капитал возрастает, если только индивидуальный рабочий начинает доставлять больше труда и его заработная плата поэтому возрастает, хотя цена труда остается без изменения или даже падает, но падает медленнее, чем увеличивается масса труда. В таком случае увеличение переменного капитала становится показателем большего количества труда, а не большего количества занятых рабочих. Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе приводимого в движение труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его важность возрастает с накоплением капитала.

Мы видели, что развитие капиталистического способа производства и производительной силы труда — одновременно причина и следствие накопления — дает капиталисту возможность, увеличивая экстенсивно или интенсивно эксплуатацию индивидуальных рабочих сил, при прежней затрате переменного капитала приводить в движение большее количество труда. Мы видели далее, что на ту же самую капитальную стоимость он покупает большее количество рабочих сил, прогрессивно вытесняя более обученных рабочих менее обученными, зрелых незрелыми, мужчин женщинами, взрослых подростками или детьми.

Итак, с прогрессом накопления больший переменный капитал, с одной стороны, приводит в движение большее количество труда, не увеличивая количества рабочих; с другой стороны, переменный капитал прежней величины приводит в движение большее количество труда при прежней массе рабочей силы и, наконец, вытесняя рабочие силы высшего качества, приводит в движение большее количество рабочих сил низшего качества.

Производство относительного перенаселения или высвобождение рабочих идет поэтому еще быстрее, чем совершается технический переворот производственного процесса, и без того ускоряемый прогрессом накопления, — еще быстрее, чем происходит соответствующее этому перевороту относительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если средства производства, увеличиваясь по размерам и силе действия, все в убывающей степени становятся средством занятия рабочих, то самое это отношение модифицируется еще и тем, что, по мере возрастания производительной силы труда, капитал скорее создает увеличенное предложение труда, чем повышает свой спрос на рабочих. Чрезмерный труд занятой части рабочего класса

увеличивает ряды его резервов, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, принуждает их к чрезмерному труду и подчинению велениям капитала. Обречение одной части рабочего класса к вынужденной праздности благодаря чрезмерному труду другой его части, и наоборот, становится средством обогащения отдельных капиталистов [83] и в то же время ускоряет производство промышленной резервной армии в масштабе, соответствующем прогрессу общественного накопления. Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения, доказывает, напр., Англия. Ее технические средства «сбережения» труда колоссальны. Однако, если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «непроизводительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «производительных».

В общем и целом всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промыш-

---

[83] Даже во время хлопкового голода 1863 г. в одном памфлете хлопкопрядильщиков Блэкбэрна мы находим сильные жалобы на чрезмерный труд, который вследствие фабричного закона падал, конечно, только на взрослых рабочих мужчин. «От взрослых рабочих этой фабрики требовали, чтобы они работали 12—13 часов в день, между тем как сотни вынуждены оставаться праздными и охотно согласились бы работать неполное время, только бы поддержать свои семейства и спасти своих товарищей от преждевременной могилы вследствие чрезмерного труда». «Мы, — говорится дальше, — хотели бы спросить, оставляет ли эта практика сверхурочных работ какую-нибудь возможность сносных отношений между хозяевами и «слугами»? Жертвы чрезмерного труда так же чувствуют несправедливость, как и те, кто обречен им на вынужденную праздность (condemned to forced idleness). Если бы работа распределялась справедливо, ее в этом округе было бы достаточно для того, чтобы дать частичные занятия всем. Мы требуем только своего права, предлагая хозяевам вообще ввести неполное время работы, по крайней мере до тех пор, пока сохраняется настоящее положение вещей; между тем как теперь одна часть должна совершать чрезмерный труд, другая за недостатком работы вынуждена влачить свое существование за счет благотворительности» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», стр. 8). — Автор «Essay on Trade and Commerce» со своим обычным непогрешимым буржуазным инстинктом понимает влияние относительного перенаселения на занятых рабочих. «Другая причина лености (idleness) в этом королевстве заключается в нехватке числа рабочих рук. Едва лишь вследствие необыкновенного спроса на какие-либо фабрикаты масса труда становится недостаточной, как рабочие начинают чувствовать свое собственное значение и хотят дать почувствовать его и своим хозяевам; это изумительно; но головы этих людей столь испорчены, что в таких случаях группы рабочих вступают в соглашения с целью поставить своих хозяев в затруднительное положение тем, что они целый день прошатаются без дела» («An Essay on Trade and Commerce». London 1770, стр. 27, 28). Эти люди добивались именно повышения заработной платы.

ленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова освобождается. Для современной промышленности является характерным десятилетний цикл и присущие ему периодические фазы, которые к тому же в ходе накопления прерываются все чаще следующими друг за другом нерегулярными колебаниями. И вот хорош был бы для такой промышленности закон, который регулировал бы спрос на труд и его предложение не путем расширения и сокращения капитала, — стало быть, не в соответствии с очередными потребностями самовозрастания капитала и не так, чтобы рынок труда оказывался то недостаточно полным вследствие расширения капитала, то относительно переполненным вследствие его сокращения, — а который, наоборот, ставил бы движение капитала в зависимость от абсолютного движения массы населения. Однако этот закон — догмат политической экономии. Согласно ему вследствие накопления капитала заработная плата повышается. Повышенная заработная плата служит стимулом для более быстрого размножения рабочего населения, и это продолжается до тех пор, пока рынок труда не переполнится, т. е. пока капитал не сделается относительно недостаточным по сравнению с предложением рабочих. Заработная плата падает, и тогда перед нами оборотная сторона медали. Вследствие понижения заработной платы рабочее население мало-помалу разрежается, так что по отношению к нему капитал опять становится избыточным, или же, как это истолковывают другие, понижение заработной платы и соответствующее поэтому повышение эксплуатации рабочих опять ускоряют накопление, в то время как низкий уровень заработной платы задерживает возрастание рабочего класса. Таким образом снова складываются условия, при которых предложение труда ниже спроса на труд, заработная плата повышается и т. д. Что за прекрасный метод движения для развитого капиталистического производства! Прежде чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать тот срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию и дать решительную битву.

Между 1849 и 1859 гг., одновременно с понижением хлебных цен, произошло практически чисто номинальное повышение заработной платы в английских земледельческих округах; напр., в Уильтшире понедельная плата повысилась с 7 до 8 ш., а в Дорсетшире с 7 или 8 до 9 ш. и т. д. Это было следствием необычного отлива избыточного земледельческого населения, который был

вызван потребностями войны, громадным расширением железнодорожного строительства, фабрик, горного дела и т. д. Чем ниже заработная плата, тем выше те процентные числа, в которых выражается всякое ее повышение, как бы незначительно оно ни было. Например, если заработная плата составляла 20 ш. в неделю и повысилась до 22, то повышение составляет 10%; если, напротив, она была всего 7 ш. и повышается до 9, то это составляет $28^4/_7$%, что звучит очень значительно. Во всяком случае фермеры подняли вопль, и даже лондонский «Economist» по поводу этих голодных заработков совершенно серьезно стал болтать об «a general and substantial advance»[84] [«об общем и существенном повышении заработной платы»]. Что же предприняли фермеры? Стали ли они дожидаться, пока вследствие такой блестящей платы сельские рабочие не размножатся до такой степени, что их плата снова понизится, как представляет себе это дело догматически-экономический мозг? Они ввели больше машин, и рабочие быстро снова оказались «излишними» в такой мере, которая удовлетворила даже фермеров. Теперь в земледелие было вложено «больше капитала», чем прежде, и вложено в более производительной форме. Вместе с тем спрос на труд понизился не только относительно, но и абсолютно.

Эта экономическая фикция смешивает законы, регулирующие общее движение заработной платы, или отношение между рабочим классом, т. е. совокупной рабочей силой, и совокупным общественным капиталом, с законами, регулирующими распределение рабочего населения между отдельными сферами производства. Если, напр., вследствие благоприятной конъюнктуры накопление в известной сфере производства в особенности оживленно, прибыль выше средней прибыли и туда устремляется добавочный капитал, то, разумеется, увеличивается спрос на труд и заработная плата. Повышенная заработная плата увеличивает приток рабочего населения в эту сферу, находящуюся в благоприятных условиях, пока она не будет насыщена рабочей силой; тогда заработная плата на продолжительное время опять падает до своего прежнего среднего уровня или даже ниже его, если приток был слишком велик. Тогда приток рабочих к данной отрасли производства не только прекращается, но даже сменяется отливом. В таких случаях экономист воображает, будто ему удается наблюдать, «где и каким образом» при увеличении заработной платы происходит абсолютное увеличение числа рабочих, а при абсолютном увеличении числа рабочих — понижение заработной платы; но в действительности он наблюдает лишь местное колебание рынка труда одной отдельной сферы производства, он наблюдает лишь явления распределения рабочего населения между различными

[84] «Economist», January 21, 1860.

сферами приложения капитала в зависимости от изменяющихся потребностей последнего.

Промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды застоя и среднего оживления оказывает давление на активную рабочую армию и обуздывает ее притязания в период перепроизводства и пароксизмов. Следовательно, относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Оно втискивает размах этого закона в границы, абсолютно согласные с жаждой эксплуатации и стремлением к господству, свойственными капиталу. Здесь будет уместно возвратиться к одному из великих деяний экономической апологетики. Напомним, что если благодаря введению новых машин или распространению старых часть переменного капитала превращается в постоянный, то эту операцию, «связывающую» капитал и тем самым «освобождающую» рабочих, экономист-апологет истолковывает таким образом, будто она, наоборот, освобождает капитал для рабочих. Только теперь мы можем полностью оценить бесстыдство апологета. Освобождаются в действительности не только рабочие, непосредственно вытесняемые машиной, но и контингент их заместителей и тот добавочный контингент, который регулярно поглощался бы при обычном расширении предприятия на его старом базисе. Все они теперь «освобождены», и каждый новый стремящийся функционировать капитал может располагать ими. Привлечет ли он именно этих рабочих или других, и в том и в другом случае общий спрос на труд испытывает действие, равное нулю, пока этого нового капитала будет достаточно только на то, чтобы освободить рынок как раз от такого количества рабочих, какое выброшено на него машинами. Если он привлекает меньшее число рабочих, то количество избыточных возрастает; если дает занятие большему числу рабочих, то общий спрос на труд возрастает на величину разности между числом занятых и «освобожденных». Таким образом, то увеличение спроса на труд, которое вообще могли бы вызвать ищущие применения добавочные капиталы, во всяком случае нейтрализуется в той мере, в какой оно покрывается рабочими, выброшенными машиной на улицу. Следовательно, механизм капиталистического производства заботится о том, чтобы абсолютное увеличение капитала не сопровождалось соответствующим увеличением общего спроса на труд. И это-то апологет называет компенсацией за нищету, за страдания и за возможность гибели вытесненных рабочих в те переходные периоды, которые бросают их в ряды промышленной резервной армии! Спрос на труд не тождествен с возрастанием капитала, предложение труда не тождественно с возрастанием рабочего класса, так что здесь нет взаимного воздействия двух сил, независимых друг от друга. Les dés sont pipés [кости подделаны]. Капитал одновременно действует на обе стороны. Если его накопление,

с одной стороны, увеличивает спрос на труд, то, с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих путем их «освобождения», а давление незанятых рабочих принуждает в то же время занятых давать большее количество труда и, таким образом, делает предложение последнего до известной степени независимым от предложения рабочих. Движение закона спроса и предложения труда на этом базисе довершает деспотию капитала. Поэтому, когда рабочие раскрывают тайну того, каким образом могло случиться, что чем больше они работают, чем больше производят чужого богатства и чем больше возрастает производительная сила их труда, тем более ненадежным становится для них даже возможность их функционирования в качестве средства самовозрастания капитала; когда они открывают, что степень интенсивности конкуренции между ними самими всецело зависит от давления относительного перенаселения; когда они ввиду этого стараются посредством тред-юнионов и т. д. организовать планомерное взаимодействие между занятыми и незанятыми, чтобы уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства, — тогда капитал и его сикофант, экономист, поднимают вопль о нарушении «вечного» и, так сказать, «священного» закона спроса и предложения. Всякая связь между занятыми и незанятыми нарушает чистую игру этого закона. А с другой стороны, поскольку в колониях, напр., неблагоприятные обстоятельства препятствуют созданию промышленной резервной армии, а вместе с нею и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов, то капитал вкупе со своим тривиальным Санчо-Панса возмущается против «священного» закона спроса и предложения и старается справиться с ним посредством принудительных мер.

4. РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ. ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, когда он занят наполовину или вовсе не имеет работы. Если оставить в стороне те крупные периодически повторяющиеся формы, которые придает перенаселению смена фаз промышленного цикла, так что оно является то острым — во время кризисов, — то хроническим — во время вялого хода дел, — если оставить в стороне эти формы, то перенаселение всегда имеет три формы: текучую, скрытую и застойную.

В центрах современной промышленности — фабриках, мануфактурах, горных заводах, рудниках и т. д. — рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более значительном количестве,

так что в общем и целом число занятых увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства. Перенаселение существует здесь в текучей форме.

Как на собственно фабриках, так и во всех мастерских, где применяются машины или, по меньшей мере, проведено современное разделение труда, требуется масса рабочих мужчин в юношеском возрасте. По наступлении совершеннолетия только очень немногие из них находят себе применение в прежних отраслях производства, большинство же регулярно увольняется. Они образуют такой элемент текучего перенаселения, который возрастает по мере возрастания промышленности. Часть их эмигрирует, т. е. в действительности просто отправляется вслед за эмигрирующим капиталом. Одним из следствий этого является более быстрый рост женского населения по сравнению с мужским, пример чего дает Англия. Тот факт, что естественный прирост массы рабочих не насыщает потребностей накопления капитала и в то же время все же превосходит их, есть противоречие самого движения капитала. Для него требуется больше рабочих в раннем возрасте, меньше — в зрелом возрасте. Противоречие — не более вопиющее, чем другое, заключающееся в том, что в то самое время, когда многие тысячи выбрасываются на улицу, потому что разделение труда приковало их к одной определенной отрасли производства, раздаются жалобы на недостаток рабочих рук [85]. К тому же капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим. Он попадает в ряды избыточных или оттесняется с высшей ступени на низшую. Как раз у рабочих крупной промышленности мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни. «Д-р Ли, санитарный врач Манчестера, установил, что в этом городе средняя продолжительность жизни для состоятельного класса составляет 38 лет, для рабочего класса — всего 17 лет. В Ливерпуле она составляет 35 лет для первого, 15 лет для второго класса. Из этого следует, что привилегированный класс получил от жизни ассигновку (had a lease of life) вдвое бо̀льшую, чем класс их сограждан, находящихся в менее благоприятных условиях» [85a]. При таких обстоятельствах абсолютное возрастание этой части пролетариата должно происходить в такой форме, при которой, несмотря

[85] В то время как во второй половине 1866 г. в Лондоне было от 80 до 90 тысяч безработных, в фабричном отчете за это самое полугодие говорится: «Повидимому, не может претендовать на абсолютную правильность то утверждение, будто спрос почти в тот самый момент, когда это необходимо, вызывает предложение. По отношению к труду дело обстояло не так, потому что в прошлом году за недостатком рабочих рук многие машины бездействовали» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1866», стр. 81).

[85a] Речь, произнесенная при открытии санитарной конференции в Бирмингаме 15 января 1875 г. Дж. Чемберленом, в то время мэром города {а ныне (1883) министром торговли}.

на быстрое снашивание ее элементов, численность ее увеличивается. Таким образом, требуется быстрая смена поколений рабочих. (Этот закон не имеет силы в отношении остальных классов населения.) Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками, — необходимым следствием условий, в которых живут рабочие крупной промышленности, — и той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация.

Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того как оно овладевает им, спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности неземледельческой, бо́льшим привлечением их. Часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городской или мануфактурный пролетариат и выжидает условий, благоприятных для этого превращения. (Мануфактура — здесь в смысле всякой неземледельческой промышленности.)[86] Этот источник относительно избыточного населения течет постоянно, но его постоянное течение к городам предполагает уже в деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. В силу этого сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма.

Третья категория относительного перенаселения, застойное перенаселение, образует часть активной рабочей армии, но характеризуется крайней нерегулярностью занятий. Таким образом, она составляет для капитала неисчерпаемое хранилище свободной рабочей силы. Ее жизненный уровень опускается ниже среднего нормального уровня рабочего класса, и как раз это делает ее для капитала широким базисом отраслей особенной эксплуатации. Она характеризуется максимумом рабочего времени и минимумом заработной платы. Под рубрикой работы на дому мы уже познакомились с ее главной формой. Она рекрутируется постоянно из избыточных рабочих крупной промышленности и земледелия, в особенности же из рабочих погибающих отраслей промышленности, в которых ремесленное производство побеждается ману-

[86] По переписи 1861 г. в Англии и Уэльсе числился «781 город с 10 960 998 жителей, между тем как в деревнях и сельских приходах насчитывалось только 9 105 226. В переписи 1851 г. фигурировало 580 городов, население которых почти равнялось населению прилегающих к ним сельских округов. Но в то время как в сельских округах население увеличилось в течение следующего десятилетия только на полмиллиона, в 580 городах оно возросло на 1 554 067. Прирост населения в сельских приходах составляет 6,5%, в городах — 17,3%. Разница в норме прироста обусловливается переселением из деревни в город. Три четверти общего прироста населения приходится на долю городов» («Census etc.», т. III, стр. 11, 12).

фактурным, мануфактурное — машинным производством. Размер ее увеличивается, по мере того как с размерами и энергией накопления прогрессирует создание «избыточных» рабочих. Но она образует в то же время самовоспроизводящийся и самоувековечивающийся элемент рабочего класса — элемент, принимающий относительно большее участие в общем приросте рабочего класса, чем все остальные элементы. В самом деле, не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семейств обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которою располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам. Он напоминает массовое размножение животных видов, индивидуально слабых и подвергающихся жестоким преследованиям[87].

Наконец, низший слой относительного перенаселения обитает в сфере пауперизма. Если оставить в стороне бродяг, преступников и живущих проституцией, — коротко говоря, весь люмпен-пролетариат в собственном смысле этого слова, то этот слой общества состоит из трех категорий. Во-первых: работоспособные. Стоит только поверхностно посмотреть статистику английского пауперизма, и мы увидим, что масса его увеличивается при каждом кризисе и уменьшается при каждом оживлении дел. Во-вторых: сироты и дети пауперов. Это кандидаты промышленной резервной армии; в периоды большого промышленного подъема, как, напр., в 1860 г., они быстро и массами вступают в ряды активной рабочей армии. В-третьих: опустившиеся, обнищавшие, неработоспособные. Это именно те лица, которые погибают от своей малой подвижности, создаваемой разделением труда, или те, которые переваливают за нормальную продолжительность жизни рабочего; это, наконец, жертвы промышленности, число которых все увеличивается с распространением опасных машин, горного дела, химических фабрик и т. д., калеки, больные, вдовы и т. д. Пауперизм представляет собою инвалидный дом активной рабочей армии и мертвый груз промышленной резервной армии. Производство

---

[87] «Бедность, повидимому, благоприятствует размножению» (*A. Smith:* «Wealth of Nations», кн. I, гл. 8 [*А. Смит:* «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 72]). По мнению галантного и остроумного аббата Галиани, это является даже особенно мудрым установлением божиим: «Бог устроил так, что люди, исполняющие наиболее полезные работы, рождаются в наибольшем числе» (*Galiani:* «Della Moneta», т. III сборника *Custodi:* «Scrittori Classici italiani di Economia Politica». Parte Moderna, Milano 1801, стр. 78). «Нищета, до крайних границ голода и эпидемий, не задерживает роста населения, а имеет тенденцию увеличивать его» (*S. Laing:* «National Distress», 1844, стр. 69). После статистических иллюстраций этого положения Лэнг продолжает: «Если бы все жили в благоприятных условиях, то мир скоро обезлюдел бы».

пауперизма предполагается производством относительного перенаселения, необходимость первого — необходимостью второго; вместе с относительным перенаселением он представляет условие существования капиталистического производства и развития богатства. Он относится к faux frais [непроизводительным издержкам] капиталистического производства, которые капитал умеет, однако, в большей части свалить с себя на плечи рабочего класса и мелкой буржуазии.

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления.* Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится.

Можно понять глупость той экономической мудрости, которая проповедует рабочим, что они должны соразмерять свою численность с потребностями капитала в самовозрастании. Как будто механизм капиталистического производства и накопления не приводит всегда к этому процессу приспособления! Первое слово этого приспособления — создание относительного перенаселения или промышленной резервной армии, последнее слово — нищета все возрастающих слоев активной рабочей армии и мертвый груз пауперизма.

Закон, согласно которому, вследствие прогресса производительности общественного труда, все возрастающая масса средств производства может приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, — этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятия, следовательно тем ненадежнее необходимое условие их существования: продажа собственной силы для увеличения чужого богатства, или для самовозрастания капитала. Таким образом, возрастание средств производства и производительности труда, более быстрое, чем возрастание производительного населения, получает капиталистическое выражение, наоборот, в том, что

рабочее население постоянно возрастает быстрее, чем потребность в самовозрастании капитала.

В четвертом отделе при анализе производства относительной прибавочной стоимости мы видели, что при капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, уродуют рабочего, делая из него неполного человека, принижают его до роли придатка машины, увеличивая тяжесть труда, отнимают его содержательность, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила; они извращают условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под Джаггернаутову колесницу капитала. Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что, по мере того как капитал накопляется, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. Наконец, закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

Этот антагонистический характер капиталистического накопления[88] в различных формах признан экономистами, хотя они сваливают в одну кучу с ними отчасти аналогичные, но, тем не менее, существенно отличные явления докапиталистических способов производства.

---

[88] «С каждым днем становится яснее, что отношения производства, в которых движется буржуазия, носят не целостный, простой, а двойственный характер; что в той самой мере, как производится богатство, производится и нищета; что в той самой мере, как совершается развитие производительных сил, развивается и сила угнетения; что эти отношения производят буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазного класса, лишь таким способом, что они постоянно уничтожают богатство отдельных членов этого класса и создают все возрастающий пролетариат» (*Karl Marx:* «Misère de la Philosophie», стр. 116). [*К. Маркс:* «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 375.]

Венецианский монах Ортес, один из величайших писателей-экономистов XVIII столетия, рассматривает антагонизм капиталистического производства как всеобщий естественный закон общественного богатства. «Экономическое добро и экономическое зло во всякой нации постоянно взаимно уравновешиваются (il bene ed il male economico in una nazione sempre all'istessa misura), изобилие благ у одних всегда равносильно недостатку благ у других (la copia de'beni in alcuni sempre eguale alla mancanza di essi in altri). Большое богатство немногих всегда сопровождается абсолютным ограблением необходимого у несравненно большего количества других. Богатство нации соответствует ее населению, а бедность ее соответствует ее богатству. Трудолюбие одних вынуждает праздность других. Бедные и праздные — необходимый плод богатых и деятельных» и т. д.[89]. Приблизительно через 10 лет после Ортеса англиканско-протестантский поп Таунсенд с полной грубостью возвеличивал бедность как необходимое условие богатства. «Правовое принуждение к труду сопряжено с слишком большими трудностями, насилием и шумом, между тем как голод не только представляет собою мирное, тихое, непрестанное давление, но и, — будучи наиболее естественным мотивом к прилежанию и труду, — вызывает самое сильное напряжение». Следовательно, все сводится к тому, чтобы сделать голод постоянным для рабочего класса, и, по мнению Таунсенда, об этом заботится принцип населения, в особенности деятельный среди бедных. «Повидимому, таков закон природы, что бедные до известной степени непредусмотрительны (improvident) (т. е. непредусмотрительны до такой степени, что являются на свет без золотой ложки во рту), так что в обществе постоянно имеются люди (that there always may be some) для исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья (the stock of human happiness) благодаря этому сильно увеличивается, более утонченные люди (the more delicate) освобождаются от тягот и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию и т. д... Закон о бедных имеет тенденцию разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которую создали в мире бог и природа»[90]. Если венецианский монах в жребии судьбы, увеко-

---

[89] *G. Ortes:* «Della Economia Nationale libri sei 1774», у *Custodi,* Parte Moderna, т. XXI, стр. 6—9, 22, 25 и т. д. Ортес там же, стр. 32, говорит: «Вместо того, чтобы измышлять бесполезные системы того, как сделать народы счастливыми, я ограничусь исследованием причин их несчастий».

[90] «A Dissertation on the Poor Laws. By a Well-wisher to Mankind (свящ. г. Дж. Таунсенд), 1786», переиздано London 1817, стр. 15, 39, 41. Этот «утонченный» поп, — у которого, как из только что названной работы, так и из путешествия по Испании, Мальтус часто списывает целые страницы, — заимствовал бо́льшую часть своего учения у сэра Дж. Стюарта, которого он, однако, искажает. Например, когда Стюарт говорит: «Здесь, при рабстве, способом принуждать людей к труду (на неработающих) было насилие...

вечивающем нищету, видел оправдание существования христианской благотворительности, безбрачия духовенства, монастырей и богоугодных заведений, то протестантский обладатель прихода, напротив, открывает в этом предлог для осуждения английских законов о бедных, в силу которых бедный имел право на жалкое общественное вспомоществование. «Прогресс общественного богатства, — говорит Шторх, — порождает тот полезный класс общества... который исполняет самые скучные, низкие и отвратительнейшие работы, одним словом — возлагает на свои плечи все, что только есть в жизни неприятного и порабощающего, и тем самым обеспечивает для других классов досуг, веселое расположение духа и условное (c'est bon!) [замечательно!] достоинство характера и т. д.»[91]. Шторх ставит перед собой вопрос, в чем же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед варварством? Он находит только один ответ: в безопасности! «Благодаря прогрессу промышленности и науки, — говорит Сисмонди, — каждый рабочий может производить ежедневно много больше, чем требуется ему для собственного потребления. Но хотя его труд производит богатство, то же самое богатство, если бы он сам был призван потреблять его, сделало бы его мало способным к труду». По его мнению, «люди (т. е. нерабочие) вероятно отказались бы от всяких усовершенствований искусств, равно как и от всех наслаждений, доставляемых им промышленностью, если бы им пришлось покупать это ценою столь же упорного труда, каким является труд рабочего... В настоящее время усилия отделены от вознаграждения за них; не один и тот же человек сначала работает, а потом отдыхает; напротив, именно потому, что один работает, другой должен отдыхать... Следовательно, бесконечное умножение производительных сил труда не может иметь никакого иного результата, кроме увеличения роскоши и наслаждений праздных богачей»[92]. — Наконец, Дестют-де-Траси, холодный буржуазный доктринер, грубо заявляет: «Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден»[93].

Людей тогда принуждали к труду (т. е. к даровому труду на других), потому что они были рабами других; теперь люди принуждаются к труду (т. е. к даровому труду на неработающих) тем, что они — рабы своих собственных потребностей», — если он говорит это, то, однако, он отнюдь не делает, как жирный приходский поп, того вывода, что наемные рабочие всегда должны голодать. Наоборот, он хочет расширить их потребности и сделать в то же время рост их потребностей стимулом к труду на «более утонченных».

[91] *Storch:* «Cours d'Économie Politique», изд. Petersbourg 1815, т. III, стр. 223.

[92] *Sismondi:* «Nouveaux Principes d'Économie Politique», т. I, стр. 79, 80, 85. [Ср. *Сисмонди:* «Новые начала политической экономии». Соцэкгиз, 1936 г., т. I, стр. 179, 183, 184.]

[93] *Destutt de Tracy:* «Traité de la Volonté et de ses Effets». Paris 1826, стр. 231.

5. ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

а) Англия 1846—1866 гг.

Ни один период в развитии современного общества не является до такой степени благоприятным для изучения капиталистического накопления, как период последних 20 лет. Он производит такое впечатление, как будто он нашел суму фортуны. Но из всех стран классический пример представляет опять-таки Англия, так как она занимает первое место на мировом рынке, так как только здесь капиталистический способ производства достиг полного развития и так как, наконец, водворение тысячелетнего царства свободной торговли с 1846 г. отняло у вульгарной политической экономии ее последнюю лазейку. Титанический прогресс производства, благодаря которому последняя половина двадцатилетнего периода опять-таки далеко превосходит первую, уже достаточно был отмечен у нас в четвертом отделе.

Хотя абсолютный прирост английского населения в последние полвека был очень велик, однако относительный прирост, или норма прироста, все время понижался, как показывает следующая таблица, заимствованная из официальной переписи.

Ежегодный процентный прирост населения Англии и Уэльса составляет по десятилетиям:

1811—1821	1,533%
1821—1831	1,446%
1831—1841	1,326%
1841—1851	1,216%
1851—1861	1,141%

Рассмотрим теперь, с другой стороны, рост богатства. Самый надежный пункт опоры дает здесь движение прибыли, земельной ренты и т. д., обложенных подоходным налогом. Прирост прибыли, подлежащей обложению (не включая сюда фермеров и некоторых других рубрик), за годы 1853—1864 составил для Великобритании 50,47% (или 4,58% в среднем за год)[94], прирост населения за тот же период приблизительно 12%. Увеличение обложенной налогом земельной ренты (включая сюда дома, железные дороги, копи и рудники, рыбные ловли и т. д.) за годы 1853—1864 составило 38%, или $3^{5}/_{12}$% в год, причем наибольшее увеличение дали следующие рубрики:

[94] «Tenth Report of the Commissioners of H. M.'s. Inland Revenue». London 1866, стр. 38.

	Увеличение ежегодного дохода с 1853 по 1864 г.	Увеличение за год
С домов	38,60%	3,50%
» каменоломен	84,76%	7,70%
» копей и рудников	68,85%	6,26%
» чугуноплавильных заводов	39,92%	3,63%
» рыбных ловель	57,37%	5,21%
» газовых заводов	126,02%	11,45%
» железных дорог	83,29%	7,57% [95]

Если в пределах периода 1853—1864 гг. мы произведем сравнение по четырехлетиям, то увидим, что степень возрастания доходов все увеличивается. Например, для доходов, происходящих от прибыли, это возрастание составляет в 1853—1857 гг. 1,73% в год, в 1857—1861 гг. 2,74% в год и в 1861—1864 гг. 9,30% в год. Общая сумма доходов, обложенных подоходным налогом, составляла в Соединенном королевстве в 1856 г.: 307 068 898 ф. ст., в 1859 г.: 328 127 416 ф. ст., в 1862 г.: 351 745 241 ф. ст., в 1863 г.: 359 142 897 ф. ст., в 1864 г.: 362 462 279 ф. ст., в 1865 г.: 385 530 020 ф. ст.[96].

Накопление капитала сопровождалось в то же время его концентрацией и централизацией. Хотя в Англии нет официальной земледельческой статистики (в Ирландии она существует), однако 10 графств доставили ее по собственной инициативе. Здесь обнаружился такой результат: с 1851 по 1861 г. число аренд, менее 100 акров каждая, уменьшилось с 31 583 до 26 567, т. е. 5 016 аренд было соединено с более крупными[97]. В период 1815—1825 гг. оказалось, что в числе движимых имуществ, обложенных налогом на наследство, не было ни одного выше 1 миллиона ф. ст.; напротив, с 1825 по 1855 г. таковых было 8, с 1855 по июнь 1859 г., т. е. за $4^1/_2$ года, 4[98]. Однако лучше всего обнаруживается централизация кратким анализом подоходного налога под рубрикой D

[95] Там же.

[96] Для сравнения эти цифры достаточны, но, как абсолютные, они не верны, потому что ежегодно «утаивается», вероятно, до 100 миллионов ф. ст. доходов. Жалобы чиновников, ведающих обложением внутренних доходов, на систематический обман, особенно со стороны купцов и промышленников, повторяются в каждом их отчете, напр.: «Одно акционерное общество определило свою подлежащую обложению прибыль в 6 000 ф. ст., оценщик определил ее в 88 000 ф. ст., и налог был, в конце концов, уплачен с этой суммы. Другая компания показала доход в 190 000 ф. ст., но была вынуждена сознаться, что действительная сумма дохода 250 000 ф. ст.» (там же, стр. 42).

[97] «Census etc.», т. III, стр. 29. Утверждение Джона Брайта, что 150 лэндлордам принадлежит половина английской и 12 лэндлордам половина шотландской земельной собственности, до сих пор не опровергнуто.

[98] «Fourth Report etc. of Inland Revenue». London 1860, стр. 17.

(прибыль, за исключением фермерской и т. д.) за годы 1864 и 1865. Замечу прежде всего, что доходы, получаемые из этого источника, лишь начиная с 60 ф. ст. уплачивают income tax [подоходный налог]. Эти подлежащие налогу доходы составляли в Англии, Уэльсе и Шотландии в 1864 г. 95 844 222 ф. ст. и в 1865 г. 105 435 787 ф. ст.[99], число обложенных налогом составляло в 1864 г. 308 416 лиц при общей цифре населения в 23 891 009, в 1865 г. 332 431 лицо при общей цифре населения в 24 127 003. О распределении этих доходов за оба года дает представление следующая таблица:

	Год, заканч. 5 апреля 1864 г.		Год, заканч. 5 апреля 1865 г.	
	Доходы от прибыли	Число лиц	Доходы от прибыли	Число лиц
Общая сумма доходов	95 844 222 ф. ст.	308 416	105 435 787 ф. ст.	332 431
В том числе	57 028 290 ф. ст.	22 334	64 554 297 ф. ст.	24 075
В том числе	36 415 225 ф. ст.	3 619	42 535 576 ф. ст.	4 021
В том числе	22 809 781 ф. ст.	822	27 555 313 ф. ст.	973
В том числе	8 744 762 ф. ст.	91	11 077 238 ф. ст.	107

В 1855 г. в Соединенном королевстве было произведено 61 453 079 тонн каменного угля стоимостью в 16 113 267 ф. ст.; в 1864 г.: 92 787 873 тонны стоимостью в 23 197 968 ф. ст.; в 1855 г.: 3 218 154 тонны чугуна стоимостью в 8 045 385 ф. ст.; в 1864 г.: 4 767 951 тонна стоимостью в 11 919 877 ф. ст. В 1854 г. длина эксплуатируемых железных дорог в Соединенном королевстве составляла 8 054 мили, вложенный в них капитал — 286 068 794 ф. ст.; в 1864 г. длина в милях 12 789, вложенный капитал 425 719 613 ф. ст. В 1854 г. общая сумма ввоза и вывоза Соединенного королевства составляла 268 210 145 и в 1865 г.: 489 923 285 ф. ст. Следующая таблица показывает движение вывоза:

1847 г.	58 842 377	ф. ст.
1849 »	63 596 052	» »
1856 »	115 826 948	» »
1860 »	135 842 817	» »
1865 »	165 862 402	» »
1866 »	188 917 563	» » [100]

[99] Это — чистые доходы, следовательно за исключением известных допускаемых законом вычетов.

[100] В настоящий момент, март 1867 г., индийско-китайский рынок уже опять совершенно переполнен товарами английских хлопчатобумажных фабрикантов, вывезенными на консигнацию. В 1866 г. началось понижение

После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора британского народа: «Как ни быстро возрастало население, оно не поспевало за прогрессом промышленности и богатства»[101]. Обратимся теперь к непосредственным агентам этой промышленности, или к производителям этого богатства, к рабочему классу. «Одна из самых печальных черт социального положения страны, — говорит Гладстон, — заключается в том, что в настоящее время происходит совершенно несомненное уменьшение потребительной силы народа и возрастание лишений и нищеты рабочего класса. И в то же время совершается постоянное накопление богатства в высших классах и непрерывный прирост капитала»[102]. Так говорил этот елейный министр в палате общин 13 февраля 1843 г. Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г., внося свой бюджет, он говорил: «С 1842 г. по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 г. по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления, — в то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились»[103]. Как слаба утешительная часть речи! Если рабочий класс остался «беден», только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался попрежнему беден. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства. Что же касается удешевления жизненных средств, то официальная статистика, напр. данные лондонского Orphan Asylum [сиротского приюта], обнаруживает за трехлетие 1860—1862 гг. вздорожание их на 20% по сравнению с трехлетием 1851—1853 гг. В следующие три года, 1863—1865, прогрессивное вздорожание мяса, масла, молока, сахара, соли, угля и целой массы других необходимых жизненных средств[104]. Следующая бюджетная речь

заработной платы хлопчатобумажных рабочих на 5%, в 1867 г. вследствие подобной же операции стачка 20 000 рабочих в Престоне. {Это было прологом кризиса, который разразился вскоре за этим. — *Ф. Э.*}

[101] «Census etc.», т. III, стр. 11.

[102] Гладстон в палате общин 13 февраля 1843 г. («Times», 14 February 1843. — «Hansard», 13 February).

[103] Гладстон в палате общин 16 апреля 1863 г. («Morning Star», 17 April).

[104] См. официальные данные в Синей книге: «Miscellaneous Statistics of the United Kingdom». Часть VI. London 1866, стр. 260—273, в разных местах. В качестве доказательства вместо статистики сиротских приютов и т. д. могли бы послужить также декламации министерских газет, когда они

Гладстона, 7 апреля 1864 г., представляет пиндаровский дифирамб успехам наживы и счастью народа, умеряемому «бедностью». Он говорит о массах, стоящих «на краю пауперизма», об отраслях производства, «в которых заработная плата не повысилась», и в заключение резюмирует счастье рабочего класса в следующих выражениях: «Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование»[105]. Профессор Фаусетт, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, заявляет без всяких околичностей: «Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала (за последние десятилетия), но этот кажущийся выигрыш в значительной степени уничтожается тем, что многие необходимые жизненные средства все дорожают (по его мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов)... Богатые быстро становятся все богаче (the rich grow rapidly richer), между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, которым они задолжали»[106].

В отделах о рабочем дне и машинах перед нами раскрылись те условия, при которых британский рабочий класс создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для имущих классов. Однако рабочий занимал нас тогда преимущественно во время его общественной функции. Для полного освещения законов капиталистического накопления необходимо иметь в виду и его положение вне мастерской, условия его питания и жилища. Рамки этой книги заставляют нас обратиться здесь прежде всего к наи-

---

выступают на защиту выдачи приданого детям королевского дома. При этом они никогда не забывают о дороговизне жизненных средств.

[105] Гладстон в палате общин 7 апреля 1864 г. Версия же «Hansard» гласит: «Говоря еще более обще, — что в большинстве случаев представляет собою человеческая жизнь, как не борьбу за существование?» — Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 гг. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Буало [«Oeuvres», т. I. Londres 1780, стр. 53]:

«Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir.
Importun à tout autre, à soi même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode».

[«Вот каков человек в самом деле. Он шатается между белым и черным. Утром он осуждает то, что одобрял вечером. Несносный для всех других, в тягость себе самому, он каждую минуту меняет настроение, как моду».]

(«The Theory of the Exchanges etc.». London 1864, стр. 135).

[106] *H. Fawcett:* «The Economic Position of the British Labourer». London 1865, стр. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочих от лавочников, то она является следствием учащающихся колебаний и перерывов в занятости рабочих.

более плохо оплачиваемой части промышленного пролетариата и земледельческих рабочих, т. е. к большей части рабочего класса.

Но сначала еще несколько слов об официальном пауперизме, или о той части рабочего класса, которая утратила условие своего существования, возможность продавать рабочую силу, и прозябает за счет общественной милостыни. По официальным данным в Англии[107] числилось пауперов в 1855 г.: 851 369, в 1856 г.: 877 767, в 1865 г.: 971 433. Вследствие хлопкового голода число это разрослось в 1863 и 1864 гг. до 1 079 382 и 1 014 978. Кризис 1866 г., всего тяжелее поразивший Лондон, вызвал в этом центре мирового рынка, с бо́льшим числом жителей, чем в королевстве Шотландии, увеличение количества пауперов на 19,5% в 1866 г. по сравнению с 1865 г. и на 24,4% по сравнению с 1864 г. и еще большее увеличение в первые месяцы 1867 г., чем наблюдалось в 1866 г. При анализе статистики пауперизма необходимо обратить внимание на два пункта. С одной стороны, уменьшение и увеличение количества пауперов является отражением периодической смены фаз промышленного цикла. С другой стороны, официальная статистика становится все более обманчивым показателем действительных размеров пауперизма по мере того, как с накоплением капитала развивается классовая борьба, а потому и самосознание рабочих. Например, варварство в обращении с пауперами, о чем за последние два года так громко кричала английская пресса («Times», «Pall Mall Gazette» и т. д.), — явление старое. В 1844 г. Ф. Энгельс констатирует совершенно такие же ужасы и такое же преходящее лицемерное возмущение, относящееся к сфере «сенсационной литературы». Но ужасающее увеличение числа случаев смерти от голода («deaths by starvation») в Лондоне за последнее десятилетие безусловно доказывает рост отвращения рабочих к рабству работных домов[108], этих карательных учреждений для нищеты.

b) Плохо оплачиваемые слои британского промышленного рабочего класса.

Обратимся теперь к плохо оплачиваемым слоям промышленного рабочего класса. Во время хлопкового голода в 1862 г. Privy Council [Тайный совет] поручил д-ру Смиту произвести

---

[107] К Англии всегда причисляется Уэльс, к Великобритании — Англия, Уэльс и Шотландия, к Соединенному королевству — эти три страны и Ирландия.

[108] Своеобразный свет на прогресс, который совершился со времен А. Смита, бросает то обстоятельство, что для него слово workhouse [работный дом] иногда еще равнозначаще со словом manufactory [мануфактура]. Например, в начале главы о разделении труда: «В одном и том же работном доме часто могут быть собраны лица, занятые в различных отраслях труда». [Ср. «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 9.]

обследование состояния питания постигнутых нищетой хлопчатобумажных рабочих в Ланкашире и Чешире. Многолетние прежние наблюдения привели его к заключению, что «для предотвращения болезней, происходящих от голода» (starvation diseases), в ежедневном количестве пищи работницы должно содержаться в среднем по меньшей мере 3 900 гран углерода и 180 гран азота, в ежедневной пище мужчины — по меньшей мере 4 300 гран углерода и 200 гран азота, т. е. для женщины приблизительно столько питательных веществ, сколько их содержится в двух фунтах хорошего пшеничного хлеба, для мужчины на $^1/_9$ более; в среднем для взрослых мужчин и женщин по меньшей мере 28 600 гран углерода и 1 330 гран азота в неделю. Его вычисление нашло поразительное подтверждение на практике, обнаружившей его совпадение с тем жалким количеством пищи, до которого было понижено нуждой потребление хлопчатобумажных рабочих. В декабре 1862 г. они получали 29 211 гран углерода и 1295 гран азота в неделю.

В 1863 г. Privy Council предпринял обследование бедственного положения наиболее плохо питающейся части английского рабочего класса. Д-р Саймон, официальный врач Privy Council, избрал для этой работы упомянутого выше д-ра Смита. Его исследование охватывает, с одной стороны, земледельческих рабочих, с другой стороны — шелкоткачей, швей, рабочих в производстве кожаных перчаток, чулочников, вязальщиков перчаток и сапожников. Последние категории, за исключением чулочников, — исключительно городские рабочие. При исследовании было принято за правило выбирать в каждой категории наиболее здоровые и относительно лучше поставленные семейства.

Общий вывод был таков, что «только в одной из обследованных категорий городских рабочих количество потребляемого азота немного превышало тот абсолютный минимум, ниже которого наступают болезни от голода; что в двух категориях наблюдается недостаток — в одной из них очень большой недостаток — потребления как азотистой, так и углеродистой пищи; что более одной пятой обследованных земледельческих семейств получают углеродистую пищу в количестве, меньшем необходимого, более одной трети получают менее необходимого количества азотистой пищи, и что в трех графствах (Беркшир, Оксфордшир и Сомерсетшир) общим явлением был недостаток даже минимального количества азотистой пищи»[109]. Среди земледельческих рабочих земледельческие рабочие Англии, богатейшей части Соединенного королевства, принадлежали к числу наиболее плохо питающихся[110]. Среди земледельческих рабочих недостаточное питание вообще

---

[109] «Public Health. 6th Report etc. for 1863». London 1864, стр. 13.
[110] Там же, стр. 17.

падает главным образом на женщин и детей, так как «мужчина должен есть, чтобы выполнять свою работу». Еще бо̀льшая нужда свирепствовала среди городских категорий рабочих, на которые распространилось исследование. «Они питаются так плохо, что во многих случаях неминуемы жестокие и разрушающие здоровье лишения» (все это — «самоотречение» капиталиста! т. е. отречение от оплаты жизненных средств, необходимых просто для прозябания его рабочих рук!)[111].

Следующая таблица сравнивает условия питания упомянутых выше чисто городских категорий рабочих с тем количеством, которое д-р Смит признает минимальным, и с условиями питания хлопчатобумажных рабочих во время их величайшей нужды[112].

Оба пола	Средн. еженедельн. колич. углерода	Средн. еженедельн. колич. азота
Пять городских отраслей промышленности .	28 876 гран	1 192 гран
Безработные ланкаширские фабричные рабочие . . .	29 211 »	1 295 »
Минимум, предложенный для ланкаширских рабочих в среднем для мужчин и женщин . .	28 600 »	1 330 »[113]

Половина, $^{60}/_{125}$, из числа обследованных категорий промышленных рабочих совершенно не потребляли пива, 28% — молока. Среднее еженедельное количество жидких пищевых веществ колебалось от 7 унций на семейство у швей до $24^3/_4$ унций у чулочников. Бо̀льшую часть тех, кто совершенно не потреблял молока, дали лондонские швеи. Количество еженедельно потребляемого хлеба колебалось от $7^3/_4$ ф. у швей до $11^1/_4$ ф. у сапожников и в среднем давало 9,9 ф. в неделю на взрослого. Количество сахара (сиропа и т. д.) колебалось от 4 унций в неделю у производителей кожаных перчаток до 11 унций у чулочников; среднее еженедельное количество для всех категорий — 8 унций на каждого взрослого. Общая средняя цифра еженедельного потребления масла (жира и т. д.) 5 унций на взрослого. Среднее еженедельное количество мяса (сала и т. д.) колебалось, при расчете на взрослого, от $7^1/_4$ унций у шелкоткачей до $18^1/_4$ унций у

[111] Там же, стр. 13.
[112] Там же, приложение, стр. 232.

производителей кожаных перчаток; в среднем для различных категорий 13,6 унций. Еженедельный расход на пищу для взрослого выразился в следующих средних числах: шелкоткачи — 2 ш. $2^1/_2$ п., швеи — 2 ш. 7 п., производители кожаных перчаток — 2 ш. $9^1/_2$ п., сапожники — 2 ш. $7^3/_4$ п., чулочники — 2 ш. $6^1/_4$ п. Для шелкоткачей Мэклсфильда средний расход составил только 1 ш. $8^1/_2$ п. в неделю. Наиболее плохо питавшимися категориями были швеи, шелкоткачи и производители кожаных перчаток[113].

В своем общем санитарном отчете д-р Саймон так говорит об этих условиях питания: «Всякий, кто знаком с медицинской практикой среди бедных или с пациентами госпиталей, стационарными или приходящими, подтвердит, что в многочисленных случаях недостаток питания порождает или обостряет болезни... Но с санитарной точки зрения сюда присоединяется еще одно очень важное обстоятельство... Следует вспомнить, что лишение питательных средств переносится лишь после упорных попыток противодействия и что, как правило, огромная скудость питания лишь следует за другими предшествующими лишениями. Задолго до того времени, как недостаток питания окажет свое действие на здоровье, задолго до того времени, как физиолог начнет взвешивать те граны азота и углерода, между которыми колеблется жизнь и голодная смерть, — задолго до этого времени домашнее хозяйство лишается всех материальных удобств. Одежда и отопление становятся еще более скудными, чем пища. Нет достаточной защиты от суровой погоды; уменьшение жилого помещения до размеров, при которых оно становится причиной болезней или их обострения; жалкие остатки домашней утвари и мебели; даже поддержание чистоты становится слишком дорогим или затруднительным. Если еще из чувства собственного достоинства и делаются попытки поддержать ее, то всякая такая попытка ведет к новым мукам голода. Жилища отыскивают там, где можно дешевле всего нанять кров; в таких кварталах, где меры санитарной полиции приносят наименьшие результаты, где самые отвратительные стоки, самое плохое сообщение, больше всего нечистот, самое жалкое или плохое водоснабжение и, поскольку дело идет о городах, величайший недостаток света и воздуха. Таковы опасности для здоровья, которым неминуемо подвергается беднота, если ее бедность сопряжена с недостаточным питанием. Если сумма этих зол имеет страшное значение для жизни, то простая недостаточность питания ужасна уже сама по себе... Это — мучительные мысли, особенно, если вспомнить, что дело здесь идет не о такой бедности, которая порождается праздностью и, следовательно, сама виновата в своем появлении. Это — бедность рабочих. Ведь труд, ценой

[113] Там же, стр. 232, 233.

которого городские рабочие покупают это скудное количество пищи, в большинстве случаев удлиняется свыше всякой меры, и, однако, лишь в очень условном смысле можно сказать, что труд этот дает рабочему возможность поддерживать свое существование... В громадном большинстве случаев это номинальное поддержание своего существования представляет собою лишь более короткий или более длинный окольный путь к пауперизму»[114].

Только понимание экономических законов раскрывает внутреннюю связь между муками голода наиболее трудолюбивых слоев рабочих и грубой или утонченной расточительностью богатых, основанной на капиталистическом накоплении. Совершенно иначе с жилищными условиями. Здесь всякий беспристрастный наблюдатель видит, что чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на одной и той же площади, и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих. Сопровождающие прогресс богатства «усовершенствования» (improvements) городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, путем возведения дворцов для банков и универсальных магазинов и т. д., посредством проложения улиц для деловых сношений и для роскошных экипажей, проведения городских железных дорог и т. д. быстро вытесняют бедноту все в худшие и худшие, все в более переполненные трущобы. С другой стороны, всякому известно, что дороговизна жилых помещений обратно пропорциональна их качеству и что рудники нищеты эксплуатируются строителями-спекулянтами с большой прибылью и меньшими издержками, чем эксплуатировались когда бы то ни было серебряные рудники Потози. Антагонистический характер капиталистического накопления, а следовательно, и отношений капиталистической собственности вообще[115], здесь до такой степени очевиден, что даже английские официальные отчеты по этому предмету переполнены еретическими нападками на «собственность и ее права». Зло так распространяется с развитием промышленности, накоплением капитала, ростом и «украшением» городов, что один страх заразных болезней, не дающих пощады и «чистой публике», с 1847 по 1864 г. вызвал не менее 10 санитарно-полицейских парламентских актов, а перепуганная буржуазия некоторых городов, как Ливерпуль, Глазго и т. д., вмешалась в эту область

---

[114] «Public Health. 6th Report etc. for 1863». London 1864, стр. 14, 15.

[115] «Нигде еще права личности не приносились так открыто и так бесстыдно в жертву праву собственности, как в жилищных условиях рабочего класса. Каждый большой город, это — место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежегодно убиваются тысячи для Молоха жадности» (*S. Laing:* «National Distress», 1844, стр. 150).

через свои муниципалитеты. Однако доктор Саймон в своем отчете за 1865 г. восклицает: «Вообще говоря, это зло в Англии остается совершенно вне надзора». По распоряжению Privy Council в 1864 г. произведено обследование жилищных условий сельских рабочих, в 1865 г. — беднейших классов в городах. Превосходные работы д-ра Юлиана Хантера напечатаны в седьмом и восьмом отчетах (1865 г.) «Public Health». К сельским рабочим я перейду позже. Описанию же городских жилищных условий я предпошлю следующее общее замечание д-ра Саймона: «Хотя моя официальная точка зрения, — говорит он, — исключительно медицинская, однако самое простое чувство гуманности не позволяет игнорировать и другую сторону этого зла. Дойдя до высокой степени, оно почти неизбежно обусловливает такое отрицание всяких приличий, такое грязное смешение тел и физических отправлений, такую наготу полов, что все это носит звериный, а не человеческий характер. Подвергаться таким влияниям, это — унижение, которое тем глубже, чем дольше оно продолжается. Для детей, родившихся под этим проклятием, оно служит крещением к позору (baptism into infamy). И свыше всякой меры безнадежно было бы желание, чтобы люди, поставленные в такие условия, в других отношениях стремились к той атмосфере цивилизации, существо которой заключается в физической и моральной чистоте»[116].

Лондон занимает первое место по переполненности жилых помещений или даже по абсолютной непригодности их для человеческого жилья. «Несомненны два обстоятельства, — говорит д-р Хантер, — во-первых, в Лондоне имеется около 20 больших поселков, каждый приблизительно по 10 000 человек, бедственное положение которых превосходит все, что только было видано в Англии, и положение это почти всецело является результатом плохого устройства жилищ; во-вторых, переполненность и ветхость домов в этих поселках теперь гораздо больше, чем 20 лет тому назад»[117]. «Не будет преувеличением сказать, что жизнь во многих частях Лондона и Ньюкэстля — адская»[118].

Но и находящаяся в относительно лучшем положении часть рабочего класса, а также мелкие лавочники и другие элементы

---

[116] «Public Health. 8th Report». London 1866, стр. 14, примечание.

[117] Там же, стр. 89. Относительно детей в этих поселках д-р Хантер говорит: «Мы не знаем, как устраивались с детьми до этой эпохи тесного скучивания бедных, но не надо быть смелым пророком, чтобы предсказать все, чего можно ожидать от детей, которые при условиях, не имеющих себе равных в этой стране, теперь подготовляются воспитанием к тому, что они сделаются членами опасных классов, воспитываются, проводя до полуночи время с людьми разных возрастов, пьяными, непристойными и сварливыми» (там же, стр. 56).

[118] Там же, стр. 62.

мелкой буржуазии в Лондоне все более подпадают проклятию этих отвратительных жилищных условий по мере того, как прогрессируют «улучшения», а вместе с тем снос старых улиц и домов, по мере того, как растет число фабрик и приток людей в метрополию, — наконец, по мере того, как вместе с городской земельной рентой повышается и квартирная плата. «Квартирная плата сделалась настолько непомерной, что лишь немногие рабочие могут оплачивать более одной комнаты»[119]. В Лондоне нет почти ни одного домовладения, которое не было бы опутано огромным количеством «middlemen» [«посредников»]. Цена земли в Лондоне всегда чрезвычайно высока по сравнению с ее ежегодной доходностью, в особенности потому, что каждый покупатель спекулирует на то, чтобы раньше или позже разделаться с ней по Jury Price (по таксе, устанавливаемой при экспроприациях присяжными) или же выиграть от чрезвычайного повышения ее стоимости вследствие соседства с каким-нибудь крупным предприятием. Следствием является постоянная скупка контрактов о найме, срок которых близится к окончанию. «От джентльменов, занимающихся этим делом, можно ожидать, что они будут действовать так, как они действуют, выколачивать все возможное из квартирантов и передавать дома своим преемникам в таком жалком состоянии, как только возможно»[120]. Квартирная плата еженедельная, и эти господа не подвергаются никакому риску. Вследствие постройки железных дорог в черте города «недавно в один субботний вечер в восточной части Лондона можно было видеть множество семейств, изгнанных из своих старых жилищ; они скитались со своими жалкими пожитками за спиной и нигде не могли найти пристанища, кроме работного дома»[121]. Работные дома были уже переполнены, а «улучшения», уже разрешенные парламентом, находились еще только в начале своего осуществления. Если рабочие изгоняются вследствие сноса их старых домов, то они не покидают своего прихода или, самое большее, поселяются на его границе, в ближайшем приходе. «Естественно, они стараются поселиться как можно ближе к месту своей работы. Результат тот, что вместо двух комнат семейство вынуждено поселяться в одной. Даже при повышенной квартирной плате жилое помещение оказывается хуже, чем то плохое, из которого семейство выгнали. Уже половине рабочих на Стрэнде требуется проходить две мили пути до места работы». Этот Стрэнд, главная улица которого поражает иностранца богатством Лондона, может служить примером скученности людей в Лондоне. В одном приходе Стрэнда санитарный чиновник насчитал 581 человека на акр,

[119] «Report of the Officer of Health of St. Martin's-in-the-Fields». 1865.
[120] «Public Health. 8th Report». London 1866, стр. 91.
[121] Там же, стр. 88.

хотя к этому пространству отнесена и половина ширины Темзы. Само собой разумеется, что всякая санитарно-полицейская мера, которая, как было до сих пор в Лондоне, разрушая негодные дома, изгоняет рабочих из одного квартала, на практике приводит лишь к тому, что они еще теснее скучиваются в другом. «Или, — говорит д-р Хантер, — вся эта процедура, как совершенно нелепая, должна прекратиться, или же должны пробудиться общественные симпатии (!) к тому, что теперь можно без преувеличения назвать национальным долгом, именно — к доставлению крова людям, которые по недостатку капитала не могут его сами приобрести, но могли бы оплачивать его наем периодическими платежами»[122]. Удивительная это вещь капиталистическая справедливость! Земельный собственник, домовладелец, коммерсант при всякой экспроприации по случаю «улучшений», напр. при постройке железных дорог, прокладке новых улиц и т. д., не только получает полное вознаграждение: за свое вынужденное «самоотречение» он по законам божеским и человеческим должен быть утешен кроме того еще хорошей прибылью. А вот рабочих с женами, детьми и всем имуществом выбрасывают на улицу, и если они слишком большими массами отправляются в те городские кварталы, в которых муниципалитет особенно следит за благоприличием, то их преследует санитарная полиция!

Кроме Лондона в начале XIX столетия в Англии не было ни одного города, в котором насчитывалось бы 100 000 жителей. Только в пяти насчитывалось более 50 000. Теперь существует 28 городов более чем с 50 000 жителей каждый. «Результатом этой перемены был не только огромный прирост городского населения, но и то, что старые скученные мелкие города сделались теперь центрами, которые обстроены со всех сторон, без всякого доступа для свежего воздуха. Так как они уже не доставляют приятной жизни для богатых, то последние переселились из них в более веселые предместья. Люди, приходящие на место этих богачей, расселяются в больших домах, по семейству на комнату, и часто еще пускают к себе жильцов. Таким образом население скучивается в домах, предназначенных не для него, совершенно не приспособленных для него, в обстановке поистине унизительной для взрослых и гибельной для детей»[123]. Чем быстрее в известном промышленном или торговом городе накопляется капитал, тем быстрее прилив доступного эксплуатации человеческого материала, тем хуже импровизированные жилища рабочих. Поэтому Ньюкэстль-эпон-Тайн, как центр непрерывно развивающегося каменноугольного и горнопромышленного округа, занимает после

---

[122] «Public Health. 8th Report». London 1866, стр. 89.

[123] Там же, стр. 56.

Лондона второе место в жилищном аду. В отдельных каморках живет там не менее 34000 человек. Ввиду абсолютной опасности для общественного здравия в Ньюкэстле и Гейтсхеде по распоряжению полиции недавно разрушено значительное количество домов. Постройка новых домов подвигается очень медленно, промышленность развивается очень быстро. Поэтому в 1865 г. город был более переполнен, чем прежде. Едва ли сдавалась хотя одна каморка. Д-р Эмбльтон, врач ньюкэстльского госпиталя для тифозных, говорит: «Вне всякого сомнения, причина существования и распространения тифа лежит в чрезмерном скоплении людей и нечистоте их жилищ. Дома, в которых обыкновенно живут рабочие, расположены в глухих переулках и во дворах. В отношении света, воздуха, пространства и чистоты — это истинные образцы неудовлетворительности и негигиеничности, позор для всякой цивилизованной страны. По ночам мужчины, женщины и дети лежат вперемежку. Что касается мужчин, то ночная смена в непрерывном потоке следует за дневной и дневная за ночной, так что постели едва успевают остыть. Дома плохо снабжены водой, еще хуже отхожими местами, грязны, не вентилируются, от них несет заразой»[124]. Недельная плата за такие трущобы составляет от 8 п. до 3 ш. «Ньюкэстль-эпон-Тайн, — говорит д-р Хантер, — служит примером того, как одно из самых красивых племен среди наших земляков вследствие таких внешних условий, как устройство жилых помещений и улиц, часто опускается почти до варварского состояния»[125].

Вследствие приливов и отливов капитала и труда жилищные условия известного промышленного города сегодня могут быть сносными, а завтра сделаются отвратительными. Подчас городские власти приступают, наконец, к устранению наиболее вопиющих безобразий. Завтра же появляются, как туча саранчи, ирландские оборванцы или опустившиеся английские земледельческие рабочие. Их спроваживают в подвалы и амбары или превращают порядочный до того времени дом для рабочих в ночлежку, в которой жильцы сменяются так же быстро, как солдатские постои во время Тридцатилетней войны. Пример — Брэдфорд. Там муниципальные филистеры как раз занялись городской реформой. К тому же там в 1861 г. число нежилых домов составляло 1751. Но вдруг дела пошли хорошо, о чем недавно так мило поведал сладко-либеральный г. Форстер, друг негров. С улучшением дел неизбежно наводнение потоками постоянно волнующейся «резервной армии» или «относительного перенаселения». Отвратительные подвальные помещения и каморки, зарегистрированные

[124] «Public Health. 8th Report». London 1866, стр. 149.
[125] Там же, стр. 50.

в списке[126], полученном д-ром Хантером от агента одного страхового общества, были заняты по большей части хорошо оплачиваемыми рабочими. Они заявляли, что были бы готовы заплатить за лучшие помещения, если бы могли найти таковые... Они со своими семьями все более нищают и подвергаются заболеваниям, в то время как сладко-либеральный Форстер, член парламента, проливает слезы умиления перед благодеяниями свободы торговли и барышами, которые получают на шерстяных делах выдающиеся головы Брэдфорда. В отчете от 5 сентября 1865 г. д-р Белл, один из брэдфордских врачей для бедных, объясняет ужасающую смертность от тифа в его округе жилищными условиями: «В одном подвале в 1 500 кубических футов живет 10 человек... На Винсентстрит, Грин Эйр Плейс и Лис нагромождено 223 дома с 1450 обитателями, 435 постелями и 36 отхожими местами... На каждую постель, а под постелью я разумею всякую груду грязного тряпья или кучу

[126] Список, составленный агентом одного общества страхования рабочих в Брэдфорде:

Валканстрит № 122	1 комната	16 человек
Ламлистрит № 13	1 комната	11 человек
Бауэрстрит № 41	1 комната	11 человек
Портлендстрит № 112	1 комната	10 человек
Хардистрит № 17	1 комната	10 человек
Норсстрит № 18	1 комната	16 человек
Там же № 17	1 комната	13 человек
Ваймерстрит № 19	1 комната	8 взрослых
Джоуетстрит № 56	1 комната	12 человек
Джорджстрит № 150	1 комната	3 семьи
Райфл-Корт, Мэригейт № 11	1 комната	11 человек
Маршаллстрит № 28	1 комната	10 человек
Там же № 49	3 комнаты	3 семьи
Джорджстрит № 128	1 комната	18 человек
Там же № 130	1 комната	16 человек
Эдвардстрит № 4	1 комната	17 человек
Джорджстрит № 49	1 комната	2 семьи
Иоркстрит № 34	1 комната	2 семьи
Солт Пайстрит (низ)	2 комнаты	26 человек
Подвалы		
Реджент Скуэр	1 подвал	8 человек
Эйкрстрит	1 подвал	7 человек
Робертс Корт № 33	1 подвал	7 человек
Бэк Прэтстрит, помещение служит мастерской медников	1 подвал	7 человек
Эбенизерстрит № 27	1 подвал	6 человек (ни одного мужчины старше 18 лет)

(Там же, стр. 111.)

стружек, приходится средним числом 3,3 человека, иногда 5 и 6 человек. Многие, не раздеваясь, спят без постели на голом полу,— молодые мужчины и женщины, женатые и холостые, без разбора скучены вместе. Надо ли еще добавлять, что эти помещения в большинстве случаев представляют собою темные, сырые, грязные и вонючие лачуги, совершенно не пригодные для человеческого жилья? Это центры, из которых распространяются болезни и смерть, выхватывающие свои жертвы и среди зажиточных (of good circumstances), которые допускают, чтобы такие чумные нарывы гноились в нашей среде»[127].

По жилищной нужде после Лондона третье место занимает Бристоль. «Здесь, в одном из богатейших городов Европы, величайший избыток неприкрытой нищеты («blankest poverty») и жилищной нужды»[128].

с) Бродячее население.

Обратимся теперь к слою населения, деревенскому по своему происхождению и большей частью промышленному по своим занятиям. Это — легкая инфантерия капитала, перебрасываемая с места на место, смотря по его надобностям. Когда она не в походе, она «стоит лагерем». Бродячие рабочие употребляются для различных строительных работ, для дренирования, для производства кирпича, обжигания извести, для железнодорожных работ и т. д. Как столп, указующий дорогу заразе, эти рабочие приносят оспу, тиф, холеру, скарлатину и т. д. во все места, по соседству с которыми они располагаются лагерями[129]. В предприятиях со значительными затратами капитала, как железнодорожное строительство и т. д., предприниматель обыкновенно сам доставляет своей армии деревянные бараки и т. п. — импровизированные деревни без всяких санитарных приспособлений, не подчиненные контролю местных властей, очень выгодные для господина подрядчика, который вдвойне эксплуатирует рабочих: и как солдат промышленности и как квартиронанимателей. Смотря по тому, сколько конур помещается в деревянной постройке, одна, две или три, жильцу, т. е. землекопу и т. п., приходится платить за нее 2, 3, 4 ш. в неделю[130]. Достаточно будет одного примера. В сентябре 1864 г., — сообщает д-р Саймон, — министром внутренних дел сэром Джорджем Грэем было получено следующее донесение от председателя Nuisance Removal Committee [Комитета по устранению антисанитарных условий] в приходе Сэвенокс: «Еще 12 месяцев тому назад оспа была совершенно неизвестна в нашем приходе. Незадолго

[127] «Public Health. 8th Report». London 1866, стр. 114.
[128] Там же, стр. 50.
[129] «Public Health. 7th Report». London 1865, стр. 18.
[130] Там же, стр. 165.

до этого времени открылись работы по постройке железной дороги от Люишема до Тэнбриджа. Не говоря уже о том, что главные работы производились в непосредственном соседстве с этим городом, в нем было устроено также и главное депо всего предприятия. Поэтому здесь было занято большое число рабочих. Так как невозможно было всех их поместить в коттэджах, то подрядчик, г. Джей, распорядился построить вдоль дороги на различных пунктах бараки для расквартирования рабочих. В этих бараках не было ни вентиляции, ни стоков, и притом они были по необходимости переполнены, потому что каждому нанимателю приходилось брать других жильцов, как бы многочисленна ни была его собственная семья и несмотря на то, что в каждом бараке было всего две комнаты. Согласно медицинскому отчету, полученному нами, следствием было то, что этим несчастным приходилось по ночам подвергаться всем мукам удушья, чтобы предохранить себя от зачумленных испарений грязных луж и отхожих мест, расположенных прямо под окном. Наконец, нашему комитету была подана жалоба одним врачом, который имел случай посетить эти бараки. Он в самых горьких выражениях говорил о положении этих так называемых жилых помещений и опасался очень серьезных последствий в том случае, если не будут приняты некоторые санитарные меры. Почти год тому назад упомянутый Джей обязался построить дом, в который немедленно следует удалять занятых у него рабочих при заболевании заразными болезнями. В конце прошлого июля он повторил это обещание, но для исполнения его он не предпринял ни малейшего шага, хотя с того времени было несколько случаев оспы и два смертных случая от нее. 9 сентября врач Кельсон сообщил мне о новых случаях оспы в этих бараках, положение в которых, по его описанию, ужасно. К вашему (министра) сведению я должен добавить, что в нашем приходе имеется изолированный дом, так называемый заразный дом, в котором лечат прихожан, заболевающих заразными болезнями. Вот уже несколько месяцев, как этот дом постоянно переполнен больными. В одной семье пять детей умерло от оспы и лихорадки. С 1 апреля по 1 сентября текущего года было не меньше 10 смертных случаев от оспы, в том числе 4 в упомянутых бараках, источниках заразы. Число случаев заболеваний определить невозможно, потому что семейства, в которых они происходят, стараются скрывать их насколько возможно»[131].

---

[131] «Public Health. 7th Report». London 1865, стр. 18, примечание. Попечитель о бедных в Чэпл ан ле Фрит Юнион сообщает в «Registrar-General»: «В Давхолз сделано много мелких пещер в большом холме известкового шлака. Эти пещеры служат жилищами землекопам и другим рабочим, занятым при постройке железной дороги. Пещеры тесны, сыры, без стоков для нечистот и без отхожих мест. В них нет никаких приспособлений для вентиляции, за исключением отверстия в своде, которое служит в то же время и

Рабочие в каменноугольных и других шахтах принадлежат к наилучше оплачиваемым категориям британского пролетариата. Какой ценой покупают они свою заработную плату, уже было показано в другом месте[132]. Я брошу здесь беглый взгляд на их жилищные условия. Эксплуататор шахт, будет ли то собственник или арендатор, обыкновенно устраивает известное число коттэджей для своих рук. Рабочие получают коттэджи и уголь для отопления «даром», т. е. это составляет часть заработной платы, выдаваемую in natura [натурой]. Если некоторые не могут быть расквартированы таким образом, они получают взамен этого 4 ф. ст. в год. Горнопромышленные округа быстро привлекают большое население, состоящее из самих горнорабочих и группирующихся вокруг них ремесленников, лавочников и т. д. Как и повсюду, где плотность населения велика, земельная рента стоит здесь на высоком уровне. Поэтому горнопромышленник старается на самом тесном строительном участке при входе в шахту поставить по возможности больше коттэджей, как раз столько, сколько необходимо для того чтобы втиснуть все свои рабочие руки вместе с их семействами. Если поблизости открываются новые копи или вновь начинают разрабатываться старые, то теснота возрастает. При постройке коттэджей решающее значение имеет лишь одна точка зрения: «самоотречение» капиталиста от всяких не абсолютно неизбежных затрат наличными. «Жилища шахтеров и других рабочих, связанных с копями Нортемберленда и Дэргема, — говорит д-р Юлиан Хантер, — в общем являются, быть может, наиболее плохими и дорогими из всего, что по этой части представляет в крупном масштабе Англия, за исключением, однако, таких же округов в Монмаутшире. Крайне плохое состояние их обусловливается большим количеством лиц, переполняющих каждую комнату, теснотой строительного участка, на котором разбросано множество домов, недостатком воды и отсутствием отхожих мест, нередко применяемым методом ставить дома один над другим или разделять их на flats (так что различные коттэджи образуют этажи, в вертикальном направлении расположенные один над другим)... Предприниматель смотрит на всю колонию таким образом, как будто она просто стоит лагерем, а не живет постоянно»[133]. «Во исполнение полученных мною инструкций, — говорит д-р Стивенс, — я посетил бо̀льшую часть крупных горнозаводских селений Дэргем Юнион... За очень малым исключением, следует

дымовой трубой. Оспа свирепствует и уже была причиной нескольких смертных случаев» (среди троглодитов) (там же, примечание 2).

[132] Подробности, приведенные на стр. 499 и сл., относятся главным образом к рабочим в каменноугольных шахтах. Относительно положения в рудниках, которое еще хуже, см. добросовестный отчет Royal Commission [Королевской комиссии] 1864 г.

[133] «Public Health. 7th Report». London 1865, стр. 180, 182.

сказать, что нигде не принимается каких бы то ни было мер для охраны здоровья жителей... Все горнорабочие прикреплены (bound — выражение, как и bondage, относящееся к эпохе крепостного права) на 12 месяцев к арендатору («lessee») или собственнику копей. Если они обнаружат свое неудовольствие или иным способом досадят надсмотрщику («viewer»), то он против их имени в своей книге ставит только значок или пометку и увольняет их при заключении нового годового контракта... Мне думается, что ни один из видов truck-system [системы оплаты рабочего товарами] не может быть хуже того, который господствует в этих густо населенных округах. Рабочий вынужден получать в качестве части своей заработной платы дом, находящийся среди заражающей обстановки. Он не в состоянии сам помочь себе. Он во всех отношениях крепостной (he is to all intents and purposes a serf). Да и вообще приходится сомневаться, чтобы кто-либо сумел помочь ему кроме его собственника, а этот собственник справляется прежде всего со своим балансом, и результат этого не трудно предугадать. От собственника же получает рабочий и воду. Хорошая она или плохая, доставляется ему или нет, он во всяком случае должен платить за нее или, точнее сказать, допускать соответствующий вычет из заработной платы»[134].

В конфликте с «общественным мнением» или даже с санитарной полицией капитал нисколько не стесняется оправдывать отчасти опасные, отчасти унизительные условия, в которые он ставит труд и домашнюю жизнь рабочего, тем соображением, что это необходимо для более выгодной эксплуатации рабочего. Так обстоит дело, когда он самоотрекается от приспособлений для защиты от опасных машин на фабриках, самоотрекается от вентиляции и предохранительных мер в шахтах и т. д. Так обстоит положение и здесь, в случае с жилыми помещениями горнорабочих. «В оправдание недостойных жилищных условий, — говорит в своем официальном отчете д-р Саймон, медицинский чиновник Privy Council, — ссылаются на то, что шахты обыкновенно эксплуатируются на арендных началах; что продолжительность арендного договора (в каменноугольных шахтах по большей части 21 год) слишком коротка для того, чтобы арендатору стоило устраивать хорошо приспособленные жилища для рабочих, ремесленников и т. д., которых привлекает предприятие; если бы даже он и захотел быть щедрым в этом отношении, то землевладелец разрушил бы его планы. Он постарался бы немедленно получить чрезвычайно высокую добавочную ренту за ту привилегию, что на поверхности построено приличное и комфортабельное селение с жилыми помещениями для рабочих, извлекающих его подземную собственность. Эта запретительная цена, если только не прямое запрещение,

[134] «Public Health. 7th Report». London 1865, стр. 515, 517.

во всяком случае устрашила бы тех, кто при иных условиях был бы склонен приступить к устройству селений... Я не буду подробнее останавливаться на вопросе об основательности этого оправдания, а также о том, на кого упали бы в последнем счете добавочные затраты по постройке приличных жилых помещений: на землевладельца, арендатора копей, рабочих или на общество... Но ввиду тех позорных фактов, которые разоблачаются в прилагаемых отчетах (д-ра Хантера, Стивенса и др.), необходимо принять меры для их устранения... Правами земельной собственности пользуются здесь таким образом, что совершают большую общественную несправедливость. В качестве собственника копей землевладелец приглашает промышленную колонию для работы в своих владениях, а потом в качестве собственника поверхности делает невозможным для призванных им рабочих отыскать удовлетворительное помещение, необходимое для их жилья. Арендатор копей (капиталистический эксплуататор) денежно нисколько не заинтересован в том, чтобы противодействовать такой двойственной операции, так как ему хорошо известно, что если притязания землевладельца непомерны, то последствия падут не на него, что рабочие, на которых падут они, слишком невежественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, и что ни самые отвратительные жилища, ни самая гнилая вода никогда не послужат поводом для стачки»[135].

d) Влияние кризисов на наилучше оплачиваемую часть рабочего класса.

Прежде чем перейти к собственно земледельческим рабочим, я покажу еще на одном примере, какое влияние оказывают кризисы даже на наилучше оплачиваемую часть рабочего класса, на его аристократию. Напомним, что 1857 г. принес один из тех крупных кризисов, которыми каждый раз завершается промышленный цикл. Следующий кризис пришелся на 1866 г. Уже предвосхищенный в собственно фабричных округах хлопковым голодом, который прогнал много капитала из обычной сферы вложения в крупные центры денежного рынка, кризис принял на этот раз преимущественно финансовый характер. Сигналом его начала послужил в 1866 г. крах одного из огромных лондонских банков, за которым быстро последовало крушение многочисленных спекулянтских финансовых обществ. Одной из крупных лондонских отраслей производства, которые постигла катастрофа, было железное судостроение. Крупнейшие производства этой отрасли промышленности в период спекуляции не только перепроизвели свыше всякой меры, но кроме того и взяли на себя огромные поставки, спекулируя на то, что источник кредита и впредь будет течь с прежним

[135] «Public Health. 7th Report». London 1865, стр. 16.

изобилием. Теперь же наступила страшная реакция, которая в других отраслях лондонской промышленности[136] продолжается до настоящего момента, т. е. конца марта 1867 г. Для характеристики положения рабочих приведем следующее место из подробного сообщения одного корреспондента «Morning Star», посетившего в начале 1867 г. главные центры бедствия. «В восточной части Лондона, в округах Поплар, Милуолл, Гринвич, Детфорд, Лаймхауз и Кэннинг-Таун по меньшей мере 15 000 рабочих с семействами находятся в положении крайней нужды, и в том числе более 3 000 квалифицированных механиков. Их резервные фонды исчерпаны вследствие шести-восьмимесячной безработицы... Большого труда стоило мне протискаться к воротам работного дома (в Попларе), потому что он был осажден изголодавшейся толпой. Она ожидала билетов на получение хлеба, но время их раздачи еще не настало. Двор образует большой квадрат с навесом, который тянется вокруг его стен. Большие кучи снега покрывали камни мостовой посредине двора. Здесь небольшие площади были отгорожены, подобно загонам для овец, ивовыми плетнями; в них в хорошую погоду работают мужчины. В день моего посещения загоны были настолько засыпаны снегом, что никто не мог в них сидеть. Тем не менее под защитой выступа крыши мужчины занимались расколкой камней для мостовой. Каждый, сидя на большом камне, тяжелым молотом раскалывал обледенелый гранит, пока не набьет 5 бушелей щебня. Тогда его дневная работа кончалась и он получал 3 п., а также билет на получение хлеба. В другой части двора стоял жалкий деревянный домик. Открыв дверь, мы увидели, что он наполнен мужчинами, прижавшимися друг к другу, чтобы согреться. Они щипали паклю и спорили друг с другом, кто из них при минимуме питания может проработать дольше всех, потому что выносливость была здесь делом чести. В одном этом работном доме получали поддержку 7 000 человек, в том числе многие сотни таких, которые за 6 или 8 месяцев перед тем получали наивысшую в нашей стране заработную плату за квалифицированный труд. Их число было бы вдвое больше, если

[136] «Массовое голодание бедных в Лондоне! («Wholesale starvation of the London Poor!»)... В последние дни на стенах лондонских домов были расклеены огромные плакаты со следующими замечательными объявлениями: «Жирные быки, голодающие люди! Жирные быки покинули свои хрустальные дворцы, чтобы откармливать богачей в их роскошных покоях, в то время как голодающие люди гибнут и умирают в своих жалких норах». Плакаты с этой зловещей надписью постоянно возобновляются. Едва сорвут и заклеят одну партию, как уже на том же или другом не менее заметном месте появляется новая... Это напоминает о зловещих предзнаменованиях, которые подготовляли французский народ к событиям 1789 г. ... В то самое время, когда английские рабочие со своими женами и детьми умирают от холода и голода, миллионы английских денег, продукт английского труда, вкладываются в русские, испанские, итальянские и другие заграничные займы» («Reynolds' Newspaper», 20 January 1867).

бы не то обстоятельство, что многие из них даже по истощении всех своих денежных сбережений все же избегают помощи прихода, пока у них еще остается что-нибудь для заклада... Оставив работный дом, я прошелся по улицам с одноэтажными по большей части домами, которых так много в Попларе. Моим проводником был член комитета безработных. Первый дом, в который мы вошли, был дом рабочего с железоделательного завода; он уже 27 недель оставался без работы. Я нашел его со всем его семейством в задней комнате. В комнате еще оставалась кое-какая мебель, она еще отапливалась. Это было необходимо для того, чтобы защитить голые ноги маленьких детей от холода, — день был ужасно холодный. На тарелке против огня лежала пакля, которую жена и дети щипали в расплату за хлеб из работного дома. Муж работал в одном из только что описанных дворов и получал билет на хлеб и 3 п. в день. Теперь он пришел домой обедать, очень голодный, как сказал он нам с горькой усмешкой, и его обед состоял из нескольких ломтиков хлеба с салом и чашки чаю без молока... Следующую дверь, в которую мы постучались, открыла женщина средних лет, которая, не говоря ни слова, провела нас в маленькую заднюю комнату, где молча сидело все ее семейство, устремив глаза на быстро гаснущий огонь. Такое запустение, такая безнадежность виднелись на лицах этих людей и в их маленькой комнате, что я не хотел бы еще раз увидеть подобную сцену. «Они ничего не заработали, сударь, — сказала женщина, указывая на своих детей, — ничего в продолжение 26 недель, и все наши деньги вышли, все 20 ф. ст., которые я и отец отложили в лучшие времена, мечтая перебиться с ними в плохие времена. Вот посмотрите», — почти диким голосом воскликнула она, доставая банковую книжку со всеми ее регулярными записями внесенных и взятых обратно денег; по ней мы могли видеть, как маленькое состояние началось с первого вклада в 5 ш., как оно мало-помалу выросло до 20 ф. ст., а потом начало таять, с фунтов стерлингов до шиллингов, пока последняя запись не привела к тому, что теперь книжка так же не имеет никакой цены, как клочок белой бумаги. Эта семья получает один скудный обед в день из работного дома. Следующий наш визит был к жене одного ирландца, который работал на корабельной верфи. Мы нашли ее больной от недостатка пищи; нераздетая, она лежала на матраце, едва прикрытая лоскутом ковра, потому что все постельные принадлежности были заложены. Несчастные дети ухаживали за ней, но было видно, что сами они нуждаются в материнском уходе. Девятнадцать недель вынужденной праздности довели ее до этого положения, и, рассказывая нам историю своего горького прошлого, она стонала так, как будто утратила всякую надежду на лучшее будущее... Когда мы вышли из дома, к нам подбежал какой-то молодой человек и просил нас зайти в его дом и посмотреть, нельзя ли

что-нибудь сделать для него. Молодая жена, двое красивых ребят, куча квитанций ссудной кассы и совершенно голая комната — вот все, что он мог показать нам».

Вот еще извлечение из одной торийской газеты о бедствиях, которые были отголоском кризиса 1866 г. Не следует забывать, что восточная часть Лондона, о которой здесь идет речь, является не только местом, где живут упомянутые уже в тексте настоящей главы рабочие железного судостроения, но и центром так называемой «работы на дому», оплата которой всегда стоит ниже минимума. «Ужасное зрелище развернулось вчера в одной части столицы. Хотя тысячи безработных Истэнда и не демонстрировали в массах с черными знаменами, тем не менее толпа была довольно внушительная. Вспомним, как страдает это население. Оно умирает от голода. Это — простой и ужасный факт. Их 40 тысяч... На наших глазах, в одном из кварталов этой удивительной столицы, наряду с громаднейшим накоплением богатства, какое только видывал свет, рядом с этим 40 000 человек без всякой помощи умирают от голода! Теперь эти тысячи вторгаются в другие кварталы; всегда полуголодные, они кричат нам в уши о своих страданиях, они вопиют о них к небу, они рассказывают нам о своих пораженных нищетой жилищах, о том, что им невозможно найти работу и бесполезно просить милостыню. Коммунальные плательщики налога на бедных, в свою очередь, близки к пауперизму вследствие все новых и новых требований со стороны приходов» («Standard», 5 April 1867).

Среди английских капиталистов вошло в моду изображать Бельгию раем для рабочих, потому что «свобода труда», или, что то же самое, «свобода капитала», не нарушается там ни деспотизмом тред-юнионов, ни фабричными законами; поэтому следует сказать несколько слов о «счастье» «свободного» бельгийского рабочего. Вероятно, никто не был более посвящен в тайны этого счастья, чем покойный г. Дюкпесьо, главный инспектор бельгийских тюрем и благотворительных учреждений и член центральной статистической комиссии. Обратимся к его работе: «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique». Bruxelles 1855. Здесь мы находим, между прочим, бельгийское среднее рабочее семейство, ежегодные расходы и приходы которого вычислены на основании очень точных данных и условия питания которого сравниваются потом с условием питания солдата, флотского матроса и арестанта. Семья «состоит из отца, матери и четырех детей». Из этих шести лиц «четверо могут круглый год заниматься полезным трудом»; предполагается, «что среди них нет больных и неработоспособных», что не производится «расходов на религиозные, нравственные и интеллектуальные потребности, за исключением самого маленького расхода на оплату мест в церкви», не производится «взносов в сберегательные кассы и в кассы призрения

в старости», нет «расходов на предметы роскоши и вообще каких бы то ни было излишних расходов». Однако отец и старший сын курят табак и по воскресеньям ходят в трактир, на что им следует положить целых 86 сантимов в неделю. «Из общей сводки заработной платы, получаемой рабочими различных отраслей производства, следует... что высшая заработная плата составляет в среднем: 1 франк 56 сантимов в день для мужчин, 89 сантимов для женщин, 56 сантимов для мальчиков и 55 сантимов для девочек. При таком расчете доходы семьи составят самое большее 1 068 франков в год... В семействе, которое мы признали типичным, мы подсчитали общую сумму всех возможных доходов. Но если мы предположим, что и мать получает заработную плату, мы тем самым отнимем у домохозяйства руководительницу; кто позаботится тогда о доме, о маленьких детях? Кто будет стряпать, стирать, штопать? Этот вопрос каждый день встает перед рабочим».

Так получается следующий бюджет семейства:

Отец	300 рабочих	дней	по	1,56 фр.	468 фр.
Мать	» »	»	»	0,89 »	267 »
Сын	» »	»	»	0,56 »	168 »
Дочь	» »		»	0,55 »	165 »
				Итого	1 068 фр.

Годовой расход семьи и ее дефицит составляли бы, если бы рабочий получал пищу:

Флотского матроса	1 828 фр.	Дефицит	760 фр.
Солдата	1 473 »	»	405 »
Арестанта	1 112 »	»	44 »

«Из этого видно, что лишь немногие рабочие семейства могут питаться хотя бы так, как арестанты, не говоря уже о матросах или солдатах. В среднем каждый бельгийский арестант обходился в 1847—1849 гг. в 63 сантима в день, что по сравнению с ежедневными издержками рабочего на пропитание дает разницу в 13 сантимов. Издержки управления и надзора уравновешиваются тем, что арестант не платит за квартиру... Но как объяснить, что большое число, — мы могли бы сказать огромное большинство, — рабочих живет в еще более скудных условиях? Только тем, что рабочие прибегают к средствам, тайна которых известна им одним; они урезывают свою ежедневную порцию; едят ржаной хлеб вместо пшеничного; едят меньше мяса или совсем не едят его; то же с маслом и овощами; семья теснится в одной или двух каморках, в которых вместе спят девочки и мальчики, часто на одном и том же соломенном тюфяке; они экономят на одежде, белье, средствах поддержания чистоты; отказывают себе в праздничных развлечениях, коротко говоря — идут на самые тягостные лишения. Раз

рабочий дошел до этой крайней границы, самое ничтожное повышение цены жизненных средств, всякая заминка в работе, болезнь увеличивают нищету рабочего и доводят его до полного разорения. Долги растут, кредит иссякает, одежда, самая необходимая мебель отправляются в ломбард, и все кончается тем, что семейство обращается с просьбой внести его в список бедных»[137]. В самом деле, в этом «раю капиталистов» за малейшим изменением цены необходимейших жизненных средств следует изменение числа смертных случаев и преступлений! (См. манифест Maatschappij: «De Vlamingen Vooruit! Brussel 1860», стр. 15, 16.) Во всей Бельгии числится 930 000 семейств, из них по официальной статистике: 90 000 богатых (избирателей) = 450 000 человек; 190 000 семейств мелкой буржуазии, городской и деревенской, значительная часть которой постоянно переходит в ряды пролетариата = 950 000 человек. Наконец, 450 000 рабочих семейств = 2 250 000 человек, из числа которых образцовые семейства наслаждаются счастьем, описанным Дюкпесьо. Из 450 000 рабочих семейств более 200 000 в списке бедных!

e) Британский земледельческий пролетариат.

Антагонистический характер капиталистического производства и накопления нигде не проявляется в более грубой форме, чем в прогрессе английского земледелия (включая сюда и скотоводство) и в регрессе английского сельскохозяйственного рабочего. Прежде чем перейти к его современному положению, бросим беглый взгляд назад. Современное земледелие в Англии ведет свое начало с половины XVIII века, хотя переворот в отношениях земельной собственности, из которого, как из своей основы, исходило изменение способа производства, относится к много более раннему времени.

Если мы обратимся к Артуру Юнгу, точному наблюдателю, но поверхностному мыслителю, и возьмем у него данные о сельских рабочих в 1771 г., то окажется, что они играют очень жалкую роль по сравнению со своими предшественниками конца XIV века, «когда они могли жить среди изобилия и накоплять богатства»[138]; мы уже вовсе не говорим о XV столетии, «золотом веке английских рабочих в городе и деревне». Однако нам нет необходимости возвращаться так далеко назад. В одной очень содержательной работе 1777 г. мы читаем: «Крупный фермер поднялся

---

[137] *Ducpétiaux:* «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique». Bruxelles 1855, стр. 151, 154, 155.

[138] *James E. Th. Rogers* (Проф. политической экономии в Оксфордском университете): «A History of Agriculture and Prices in England». Oxford 1866, т. I, стр. 690. Это тщательно разработанное сочинение в двух появившихся до настоящего времени томах охватывает пока только период 1259—1400 гг. Второй том содержит только статистический материал. Это первая основанная на первоисточниках история цен, какой мы располагаем для того времени.

почти до уровня джентльмена, между тем как бедный сельский рабочий придавлен почти до земли. Его несчастное положение выступает с полной ясностью, если сравнить условия его жизни в настоящее время и 40 лет тому назад. Земельный собственник и фермер действуют в полном согласии для угнетения рабочего»[139]. Затем автор обстоятельно показывает, что реальная заработная плата в деревне в период с 1737 по 1777 г. понизилась почти на $^1/_4$, или на 25%. «Современная политика, — говорит в то же самое время д-р Ричард Прайс, — покровительствует высшим классам народа; следствием будет то, что раньше или позже все население королевства будет состоять только из джентльменов и нищих, из магнатов и рабов»[140].

Тем не менее положение английского сельского рабочего в 1770—1780 гг., посмотрим ли мы на условия его питания и жилища или на развитие чувства самосознания, развлечения и т. д., представляет идеал, который впоследствии никогда не был достигнут. Его средняя заработная плата, выраженная в пинтах пшеницы, составляла в 1770—1771 гг. 90 пинт, во времена Идена (1797 г.) уже только 65, в 1808 г. всего 60[141].

Мы уже раньше говорили о положении сельских рабочих в конце антиякобинской войны, во время которой так необыкновенно обогащались земельные аристократы, фермеры, фабриканты, купцы, банкиры, рыцари биржи, поставщики армии и т. д. Номинальная заработная плата повысилась отчасти вследствие обесценения банковых билетов, отчасти вследствие независимого от него увеличения цены предметов первой необходимости. Но действительное движение заработной платы можно установить очень простым способом, не прибегая к деталям, которые были бы здесь излишни. Закон о бедных и соответствующая администрация в 1795 и 1814 гг. были одни и те же. Вспомним, как этот закон применялся в деревне: в форме подаяния приход пополнял номинальную заработную плату до такой номинальной суммы, которая необходима просто для прозябания рабочего. Отношение между заработной платой, выдаваемой фермером, и тем дефицитом ее,

[139] «Reasons for the late Increase of the Poor-Rates; or, a comparative View of the Price of Labour and Provisions». London 1777, стр. 5, 11.

[140] *Dr. Richard Price:* «Observations on Reversionary Payments». 6-е изд. By W. Morgan. London 1803, т. II, стр. 158. На стр. 159 Прайс замечает: «Номинальная цена рабочего дня в настоящее время не более чем в четыре раза или, самое большее, в пять раз превышает номинальную цену его в 1514 г. А цена хлеба теперь выше в семь раз, мяса и одежды — в пятнадцать раз. Таким образом, цена труда повышалась настолько несоответственно возрастанию издержек на существование, что теперь она, быть может, не дает возможности производить и половины тех издержек, которые раньше делал рабочий».

[141] *Barton:* «Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society». London 1817, стр. 26. Для конца XVIII столетия ср. *Eden:* «The State of the Poor».

который восполняется приходом, раскрывает перед нами, во-первых, понижение заработной платы ниже ее минимума и, во-вторых, показывает, в какой мере сельский рабочий слагался из наемного рабочего и паупера или в какой мере его успели превратить в крепостного своего прихода. Мы остановимся на графстве, которое является типичным для всех остальных графств. В 1795 г. средняя недельная заработная плата в Нортгемптоншире составляла 7 ш. 6 п., общая сумма годовых расходов семьи из 6 человек 36 ф. ст. 12 ш. 5 п., общая сумма ее доходов 29 ф. ст. 18 ш., восполняемый приходом дефицит составлял 6 ф. ст. 14 ш. 5 п. В том же графстве недельная заработная плата составляла в 1814 г. 12 ш. 2 п., общая сумма годовых расходов семьи из 5 человек 54 ф. ст. 18 ш. 4 п., общая сумма ее доходов 36 ф. ст. 2 ш., восполняемый приходом дефицит 18 ф. ст. 16 ш. 4 п. [142]; следовательно, в 1795 г. дефицит составлял менее $^1/_4$ заработной платы, в 1814 г. больше половины. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах к 1814 г. исчезли и те небольшие удобства, которые Иден еще наблюдал в коттэдже сельского рабочего [143]. Из всех животных, которых держит фермер, с этого времени рабочий, instrumentum vocale [говорящее орудие], оказывается таким, которое больше всего мучат, хуже всего кормят и с которым грубее всего обращаются.

Такое положение вещей спокойно сохранялось до тех пор, пока «бурные бунты 1830 г. не раскрыли перед нами (т. е. перед господствующими классами) при свете пылающих хлебных скирд, что в недрах земледельческой Англии скрывается такая же нищета и тлеет такое же глухое мятежное недовольство, как в недрах промышленной Англии» [144]. Сэдлер окрестил тогда в нижней палате сельских рабочих «белыми рабами» («white slaves»), один епископ повторил этот эпитет в верхней палате. Э. Г. Уэкфильд, наиболее выдающийся экономист этого периода, говорит: «Сельский рабочий южной Англии не раб и не свободный человек, он — паупер» [145].

Время, непосредственно предшествующее отмене хлебных законов, бросило новый свет на положение сельских рабочих. С одной стороны, было в интересах буржуазных агитаторов показать, как мало охранительные пошлины защищают действительных производителей хлеба. С другой стороны, промышленная буржуазия кипела негодованием против разоблачения земельными аристократами состояния фабрик, против деланной симпатии этих испорченных до мозга костей, бессердечных и знатных бездельников к страданиям фабричного рабочего, против их «дипломатической рьяности»

---

[142] *Parry:* «The Question of the Necessity of the Existing Cornlaws Considered». London 1816, стр. 86.

[143] Там же, стр. 213.

[144] *S. Laing:* «National Distress», 1844, стр. 62.

[145] «England and America». London 1833, т. I, стр. 47.

по отношению к фабричному законодательству. Существует старинная английская поговорка, что, если два вора вцепятся друг другу в волосы, из этого всегда получится что-нибудь полезное. И в самом деле, шумный, страстный спор между двумя фракциями господствующего класса по вопросу о том, какая из них с наибольшим бесстыдством эксплуатирует рабочих, и справа и слева содействовал выяснению истины. Граф Шэфтсбери, иначе лорд Эшли, стоял во главе аристократическо-филантропического похода против фабрик. Поэтому в 1844 и 1845 гг. он сделался излюбленным объектом для «Morning Chronicle» в ее разоблачениях о положении земледельческих рабочих. Эта газета, в то время самый значительный либеральный орган, отправила в сельские округа собственных комиссаров, которые, не довольствуясь общими описаниями и статистикой, опубликовали имена как подвергшихся обследованию рабочих семейств, так и соответствующих землевладельцев. В следующей таблице приведена заработная плата, получаемая жителями трех деревень по соседству с Блэнфорд, Уимборн и Пул.

ПЕРВАЯ ДЕРЕВНЯ.

a) Число детей	b) Число членов семейства	c) Недельная заработная плата мужчин	d) Недельная заработная плата детей	e) Недельный доход всего семейства	f) Недельная квартирная плата	g) Весь недельный заработок за вычетом квартирной платы	h) Недельный заработок на душу
		ш. п.		ш. п.	ш. п.	ш. п.	ш. п.
2	4	8 0	—	8 0	2 0	6 0	1 6
3	5	8 0	—	8 0	1 6	6 6	1 3½
2	4	8 0	—	8 0	1 0	7 0	1 9
2	4	8 0	—	8 0	1 0	7 0	1 9
6	8	7 0	1) 1 ш. 6 п.; 2) 2 ш.	10 6	2 0	8 6	1 0¾
3	5	7 0	—	7 0	1 4	5 8	1 1½

ВТОРАЯ ДЕРЕВНЯ.

		ш. п.		ш. п.	ш. п.	ш. п.	ш. п.
6	8	7 0	1) 1 ш. 6 п.; 2) 1 ш. 6 п.	10 0	1 6	8 6	1 0¾
6	8	7 0	—	7 0	1 3½	5 8½	0 8½
8	10	7 0	—	7 0	1 3½	5 8½	0 7
4	6	7 0	—	7 0	1 6½	5 5½	0 11
3	5	7 0	—	7 0	1 6½	5 5½	1 1

ТРЕТЬЯ ДЕРЕВНЯ

		ш. п.		ш. п.	ш. п.	ш. п.	ш. п.
4	6	7 0	—	7 0	1 0	6 0	1 0
3	5	7 0	1) 2 ш.; 2) 2 ш. 6 п.	11 6	0 10	10 8	2 1½
0	2	5 0	—	5 0	1 0	4 0	2 0[146]

Деревни эти — собственность м-ра Дж. Бэнкса и графа Шэфтсбери. Следует отметить, что этот папа «low church» [низкой церкви], этот глава английских пиэтистов, равно как и его сотоварищ Бэнкс из нищенских заработков своих рабочих вычитали еще значительную часть под предлогом платы за помещение.

Отмена хлебных законов дала английскому земледелию громадный толчок. Дренажные работы в величайшем масштабе[147], новая система стойлового содержания скота и искусственного возделывания кормовых трав, введение механических аппаратов для удобрения, новые способы обработки глинистой почвы, усиленное потребление минеральных удобрений, применение паровой машины и всякого рода новых рабочих машин и т. д., вообще более интенсивная культура — вот чем характеризуется эта эпоха. Г-н Пьюзей, президент королевского общества сельского хозяйства, утверждает, что (относительные) хозяйственные издержки благодаря введению новых машин уменьшились почти вдвое. С другой стороны, абсолютная урожайность быстро увеличилась. Основным условием новых методов была бо́льшая затрата капитала на акр земли, а следовательно, и ускоренная концентрация ферм[148]. В то же время возделываемая площадь с 1846 г. по 1865 г. расширилась на 464 119 акров, не говоря уже об огромных площадях в восточных графствах, которые как бы волшебством превратились из загородей для кроликов и скудных пастбищ в роскошные хлеб-

[146] Лондонский «Economist», 29 марта 1845 г., стр. 290.

[147] Поземельная аристократия сама ссужала себе для этой цели фонды из государственной кассы, конечно, через парламент, по очень низкому проценту, который фермеры должны были уплачивать ей вдвойне.

[148] Уменьшение числа средних фермеров можно заметить в особенности по рубрикам переписи: «Сыновья фермеров, внуки, братья, племянники, дочери, внучки, сестры, племянницы», коротко говоря — члены семейства самого фермера, работающие у него. По этим рубрикам числилось в 1851 г. 216 851 человек, в 1861 г. только 176 151 человек. — С 1851 по 1871 г. число фермерских участков размером меньше 20 акров уменьшилось более чем на 900, число участков от 50 до 75 акров сократилось с 8 253 до 6 370; то же самое и со всеми участками меньше 100 акров. Напротив, в течение тех же 20 лет число крупных аренд увеличилось; число аренд от 300 до 500 акров повысилось с 7 771 до 8 410, число аренд более чем в 500 акров — с 2 755 до 3 194, число аренд выше 1 000 акров — с 492 до 582.

ные поля. Мы уже знаем, что одновременно с этим общее число лиц, занятых в земледелии, сократилось. Что касается собственно земледельцев обоего пола и различных возрастов, то число их упало с 1241269 в 1851 г. до 1163227 в 1861 г.[149]. Поэтому, если английский генеральный регистратор справедливо замечает: «Прирост числа фермеров и сельскохозяйственных рабочих с 1801 г. не стоит ни в каком соответствии с увеличением земледельческого продукта»[150], то это несоответствие в несравненно большей мере наблюдается в последний период, когда абсолютное уменьшение сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением обработанной площади, с интенсификацией культуры, с неслыханным накоплением капитала, вкладываемого в землю и посвящаемого ее обработке, с увеличением земельного продукта, не имеющим параллели в истории английской агрономии, с увеличением ренты землевладельцев, с ростом богатства капиталистических арендаторов. Если ко всему этому добавить еще непрерывное быстрое расширение городских рынков сбыта и господство свободной торговли, то покажется, что сельский рабочий post tot discrimina rerum [после столь многих злоключений], наконец, был поставлен в такие условия, которые secundum artem [согласно теории] должны были сделать его безумно счастливым.

Профессор Роджерс приходит, напротив, к тому заключению, что положение современного нам сельского рабочего до чрезвычайности ухудшилось не только по сравнению с положением его предшественников в последней половине XIV столетия и в XV веке, но даже и с положением его предшественников в период 1770—1780 гг., что «он опять стал крепостным», и именно крепостным, получающим плохую пищу и жилище[151]. Д-р Юлиан Хантер в своем выдающемся отчете о жилищах сельских рабочих говорит: «Издержки существования hind'а (название сельского рабочего, относящееся к временам крепостной зависимости) фиксированы на возможно низком уровне, при котором он только мог бы прожить... Его заработная плата и жилище не стоят ни в каком соответствии с той прибылью, какую должны извлечь из него. Он — круглый нуль в расчетах фермера[152]... Средства

---

[149] Число пастухов овец возросло с 12 517 до 25 559.

[150] «Census etc.», т. III, стр. 36.

[151] *Rogers:* «A History of Agriculture and Prices in England». Oxford 1866, т. I, стр. 693. Роджерс принадлежит к либеральной школе, он личный друг Кобдена и Брайта, следовательно отнюдь не laudator temporis acti [не из числа прославляющих доброе старое время].

[152] «Public Health. 7th Report». London 1865, стр. 242. Поэтому нет ничего необычного в том, что или домовладелец повышает квартирную плату, когда услышит, что рабочий стал зарабатывать несколько больше, или

его существования всегда рассматриваются как величина постоянная»[153]. «Что касается дальнейшего сокращения его дохода, то он может сказать: nihil habeo, nihil curo [ничего не имею, ни о чем не забочусь]. Он не боится за будущее, потому что у него нет ничего, кроме абсолютно необходимого для его существования. Он достиг точки замерзания, и все расчеты фермера исходят из этого факта. Будь что будет, счастье или несчастье его не касается»[154].

В 1863 г. было предпринято официальное обследование условий пропитания и работы преступников, присужденных к ссылке и к принудительным общественным работам. Результаты его изложены в двух толстых Синих книгах. «Тщательное сравнение, — говорится там между прочим, — пищи английских преступников, заключенных в тюрьмы, с пищей пауперов в работных домах и свободных сельских рабочих той же страны неоспоримо доказывает, что первые питаются много лучше, чем какая бы то ни было из двух остальных категорий»[155], а «количество работы, которое требуется от присужденных к принудительным общественным работам, составляет приблизительно половину того, что выполняет обыкновенный сельский рабочий»[156]. Приведем несколько характерных свидетельских показаний. Допрашивается Джон Смит, директор эдинбургской тюрьмы: № 5056: «Пища в английских тюрьмах много лучше, чем пища обыкновенных сельских рабочих». № 5057: «Факт, что обыкновенные земледельческие рабочие Шотландии очень редко получают какое-либо мясо». № 3047: «Не знаете ли вы каких-либо оснований в пользу того, что преступников необходимо кормить много лучше (much better), чем обыкновенных сельских рабочих? — Конечно нет». № 3048: «Не считаете ли вы целесообразным производить дальнейшие эксперименты для того, чтобы пищу арестантов, присужденных к принудительным работам, приблизить к пище свободных сельских рабочих?»[157]. «Сельский рабочий, — говорится там, — мог бы сказать: Я несу суровый труд и не могу получить достаточного количества пищи. Когда я был в тюрьме, работа была не так тяжела, а питался я вдоволь, и потому мне лучше быть в тюрьме, чем на воле»[158]. Из таблиц, приложенных к первому тому отчета, составлена следующая сравнительная сводка.

фермер понижает плату рабочему на том основании, что «его жена нашла себе работу» (там же).

[153] Там же, стр. 135.

[154] Там же, стр. 134.

[155] «Report of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude». London 1863, стр. 42, № 50.

[156] Там же, стр. 77. Memorandum by the Lord Chief Justice.

[157] Там же, т. II. Показания [стр. 418, 239].

[158] Там же, т. I. Приложение, стр. 280.

НЕДЕЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ПИЩИ[158a].

	Азотистые сост. части	Безазотист. сост. части	Минеральн. сост. части	Общая сумма
	Унций	Унций	Унций	Унций
Преступника в портландской тюрьме	28,95	150,06	4,68	183,69
Матроса королевского флота	29,63	152,91	4,52	187,06
Солдата	25,55	114,49	3,94	143,98
Каретника (рабочего)	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика	21,24	100,83	3,12	125,19
Сельского рабочего	17,73	118,06	3,29	139,08

Общий результат обследования медицинской комиссией 1863 г. состояния питания наименее обеспеченных классов уже известен читателю. Он помнит, что питание большей части семейств сельских рабочих стоит ниже той минимальной меры, которая необходима «для предотвращения болезней от голода». Так обстоит дело в особенности во всех чисто земледельческих округах Корнуол, Девон, Сомерсет, Уильтс, Стаффорд, Оксфорд, Беркс и Хертс. «Количество пищи, которое получает сельский рабочий, — говорит д-р Смит, — больше, чем можно судить по средней величине, так как сам рабочий получает много бо́льшую, чем остальные члены его семьи, часть жизненных средств, потому что это необходимо ввиду его труда; в более бедных округах на его долю приходится почти все мясо или сало. То количество пищи, которое достается на долю жены, а также детей в период их быстрого роста, во многих случаях и почти во всех графствах недостаточно, в особенности по содержанию азота»[159]. Батраки и работницы, квартирующие у самих фермеров, питаются хорошо. Число их с 288 277 в 1851 г. понизилось до 204 962 в 1861 г. «Труд женщин в поле, — говорит д-р Смит, — какими бы вредными последствиями вообще он ни сопровождался, при данных условиях представляет большую выгоду для семейства, потому что он дает средства на обувь, одежду, плату за наем жилища и таким образом дает возможность лучше питаться»[160]. Одним из замечательнейших результатов этого обследования было раскрытие того факта,

[158a] Там же, стр. 274, 275.
[159] «Public Health. 6th Report 1863», стр. 238, 249, 261, 262.
[160] Там же, стр. 262.

что сельский рабочий Англии питается много хуже, чем сельский рабочий в других частях Соединенного королевства («is considerably the worst fed»); это показывает следующая таблица:

НЕДЕЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ УГЛЕРОДА И АЗОТА В СРЕДНЕМ НА ОДНОГО СЕЛЬСКОГО РАБОЧЕГО.

	Углерода	Азота
Англия	40 673 гран	1 594 гран
Уэльс	48 354 »	2 031 »
Шотландия	48 980 »	2 348 »
Ирландия	43 366 »	2 434 »[161]

[161] «Public Health. 6th Report 1863», стр. 17. Английский сельский рабочий получает лишь $^1/_4$ того количества молока и лишь $^1/_2$ того количества хлеба, какое получает ирландский сельский рабочий. Уже в начале XIX столетия А. Юнг в своей «Tour in Ireland» отметил, что условия питания ирландского рабочего лучше. Причина заключается просто в том, что бедный ирландский фермер много гуманнее, чем богатый английский фермер. Что касается Уэльса, то приведенные в тексте данные не относятся к его юго-западной части. «Все тамошние врачи единогласно признают, что интенсивное возрастание смертности от туберкулеза, золотухи и т. д. связано с ухудшением физического состояния населения, и все приписывают это ухудшение бедности. Дневное содержание рабочего определяется там в 5 п., во многих случаях фермер (который и сам бедствует) платит еще меньше. Кусок солонины, иссушенный до твердости красного дерева и едва ли окупающий тяжелый процесс пищеварения, или кусок сала служат приправой к большому количеству похлебки из муки и лука или к овсянке, и это изо дня в день составляет весь обед сельского рабочего... Прогресс промышленности имел для него то последствие, что солидное домотканное сукно вытеснено в этом суровом и сыром климате дешевыми хлопчатобумажными тканями, а более крепкие напитки — «номинальным» чаем... После многочасовой работы под ветром и дождем земледелец возвращается в свою хижину, чтобы присесть перед огнем из торфа или комьев, составленных из глины и отбросов каменного угля и дающих при горении тучи угольной и серной кислоты. Стены хижины сделаны из глины и камней, пол — голая земля, которая была здесь и перед постройкой хижины, крыша — масса растрепанной, ничем не скрепленной соломы. Всякая щель законопачена для сохранения тепла, и в этой атмосфере адского зловония, на грязной земле, часто вынужденный просушивать на своем теле свою единственную одежду, он принимается за ужин с женой и детьми. Акушеры, вынужденные проводить часть ночи в этих хижинах, описывали, как их ноги тонули в грязном землянном полу и как им приходилось — дело не из трудных — пробуравливать отверстие в стене, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом. Многочисленные свидетели с разнообразным общественным положением показывают, что недостаточно питающийся (underfed) крестьянин каждую ночь подвергается этим и другим вредным для здоровья влияниям, и нет недостатка в доказательствах того, что результат этого — слабое и золотушное население... Сообщение приходских служащих в Кармартеншире и Кардиганшире убедительно сви-

«Каждая страница отчета д-ра Хантера, — говорит д-р Саймон в своем официальном санитарном отчете, — свидетельствует о недостаточном количестве и жалком качестве жилищ наших сельских рабочих. И вот уже много лет, как их состояние в этом отношении прогрессивно ухудшается. Теперь для сельских рабочих много труднее найти жилое помещение, а если и удастся найти, то эти помещения несравненно менее соответствуют их потребностям, чем то было в течение, пожалуй, нескольких столетий. В особенности быстро возрастает это зло за последние 30 или 20 лет, и жилищные условия сельского жителя в настоящее время в высшей степени печальные. Он совершенно беспомощен в этом отношении, если только те, кого обогащает его труд, не сочтут стоящим делом обращаться с ним с известного рода сострадательной снисходительностью. Найдет ли рабочий жилое помещение на той земле, которую он обрабатывает, будет ли оно человеческим жильем или свинарником, окажется ли при нем маленький садик, который так облегчает гнет бедности, — все это зависит не от его готовности или способности платить соответствующую квартирную плату, а от того употребления, которое заблагорассудится другим сделать «из своего права располагать своей собственностью, как им вздумается». Как бы велик ни был арендный участок, нет такого закона, который предписывал бы, чтобы на нем было определенное количество жилых помещений для рабочих, — о приличных жилищах нечего и говорить; закон не предоставляет также рабочему никакого права на ту землю, для которой его труд столь же необходим, как дождь и солнечный свет... Еще одно дополнительное обстоятельство бросает на чашку весов тяжелый груз против него... это — влияние

детельствует о таком же положении вещей. К этому присоединяется еще большее зло — распространение идиотизма. Теперь несколько слов о климатических условиях. Сильные юго-западные ветры пронизывают всю страну в течение 8—9 месяцев в году, им сопутствуют проливные дожди, которые разражаются в особенности на западных склонах холмов. Деревья редки, встречаются лишь в закрытых местах; оставаясь незащищенными, они уничтожаются ветром. Хижины ютятся под какой-нибудь горной террасой, часто в выемке или каменоломне, только самые мелкие овцы и туземный рогатый скот могут жить на этих пастбищах... Молодые люди уходят в восточные горнопромышленные округа Гламоргэн и Монмаут... Кармартеншир — рассадник рудокопов и их инвалидный дом... Население лишь с трудом удерживает неизменную численность. Так, в Кардиганшире числилось:

	1851 г.	1861 г.
Мужского пола	45 155	44 446
Женского »	52 459	52 955
	97 614	97 401»

(Отчет д-ра Хантера в «Public Health. 7th Report 1864». London 1865, стр. 498—502, в разных местах).

закона о бедных с его постановлениями о праве жительства и налогом в пользу бедных[162]. Под его влиянием каждый приход денежно заинтересован в том, чтобы свести к минимуму число живущих в нем сельских рабочих, потому что земледельческий труд, вместо того чтобы гарантировать трудящемуся в поте лица сельскому рабочему и его семейству верное и постоянное независимое положение, к несчастью, в большинстве случаев рано или поздно приводит его к пауперизму, — пауперизму, к которому на всем протяжении пути рабочий настолько близок, что всякая болезнь или хотя бы преходящий недостаток работы заставляет его тотчас же обращаться к помощи прихода; и потому расселение земледельческих рабочих в известном приходе, очевидно, каждый раз знаменует увеличение для него налога в пользу бедных... Стоит лишь крупным земельным собственникам[163] решить, что в их владениях не должно быть никаких жилищ для рабочих, — и они немедленно освобождаются от половины своей ответственности за бедных. Насколько в намерения английской конституции и законов входило установление такого рода безусловной земельной собственности, которая дает лэндлорду возможность «делать с своей собственностью что он хочет», относиться к возделывателям земли как к чужестранцам и сгонять их со своей территории, — это вопрос, обсуждение которого не входит в задачу моего отчета... Эта власть изгонять — не одна только теория. Она осуществляется на практике в самом крупном масштабе. Это — одно из обстоятельств, оказывающих решающее влияние на жилищные условия сельского рабочего... О размерах зла можно судить по последней переписи, которая показала, что в последние 10 лет, несмотря на увеличение местного спроса на дома, разрушение последних прогрессировало в 821 различных округах Англии; таким образом, в 1861 г. население, увеличившееся по сравнению с 1851 г. на $5^{1}/_{3}\%$, было втиснуто в помещения, уменьшившиеся на $4^{1}/_{2}\%$, — мы при этом совсем оставляем в стороне лиц, которые вынужденно утратили оседлость в тех приходах, где они работают... Когда процесс обезлюдения завершается, — говорит д-р Хантер, — его результатом является показная деревня (show-village), где число коттэджей сокращено до незначительного количества и где никому не разрешается жить, кроме пастухов овец, садовников и сторожей дичи — этой постоянной челяди, которая пользуется обычным для

[162] В 1865 г. этот закон несколько улучшен. Опыт скоро покажет, что подобного рода штопанье нисколько не помогает.

[163] К уразумению последующего: close villages (закрытыми деревнями) называются такие, земельными собственниками которых являются один или два крупных лэндлорда; open villages (открытыми деревнями) — такие, земля которых принадлежит многим мелким собственникам. Как раз в последних местах строительные спекулянты и могут возводить коттэджи и ночлежные дома.

этой категории людей хорошим отношением милостивых господ[164]. Но земля нуждается в возделывании, и мы видим, что рабочие, занятые этим, живут не у земельного собственника, а приходят из открытой деревни, находящейся на расстоянии, быть может, трех миль, из деревни, в которую их приняли многочисленные мелкие домовладельцы после того, как коттэджи рабочих в закрытых деревнях были разрушены. Там, где все направлено к достижению этого результата, коттэджи своим жалким видом обыкновенно говорят о судьбе, на которую они обречены. Они находятся на различных ступенях естественного разрушения. Пока кровля держится, рабочему позволяют платить квартирную плату, и часто ему приходится радоваться, что ему это позволяют, хотя бы он был вынужден платить такую цену, как за хорошее жилое помещение. Но при этом никакого ремонта, никаких починок, кроме тех, которые сумеет сделать сам нищенски бедный жилец. Когда же дом, наконец, сделается совершенно непригодным для жилья, то это означает лишь, что одним разрушенным коттэджем стало больше, а налог в пользу бедных будет соответственно меньше. В то время как крупные собственники таким образом сбрасывают с себя налог в пользу бедных, удаляя население с принадлежащей им земли, ближайшие городки или открытые местечки принимают выброшенных рабочих; ближайшие, говорю я, но эти «ближайшие» могут лежать в 3—4 милях от фермы, на которой рабочий должен ежедневно работать. Таким образом, к его дневному труду, как будто это — сущий пустяк, присоединяется еще необходимость ежедневного путешествия в 6—8 миль для того, чтобы заработать свой хлеб насущный. Все сельские работы, производимые его женой и детьми, происходят теперь при таких же тяжелых условиях. Но и это еще не все зло, причиняемое отдаленностью от мест работы. В открытых местностях строительные спекулянты скупают клочки земли, которые они стараются как можно теснее покрыть самыми дешевыми лачугами. И в этих-то жалких жилищах, которые, если даже они выходят в открытое поле, характеризуются отвратительнейшими чертами худших городских жилищ, ютятся земледельческие рабочие Англии...[165] С другой стороны,

[164] Такая показная деревня имеет очень привлекательный вид, но она так же нереальна, как деревни, которые созерцала Екатерина II во время своего путешествия в Крым. В последнее время и пастух овец нередко изгоняется из этих show-villages. Например, близ Маркет Харборо находится пастбище для овец, занимающее почти 500 акров; здесь требуется труд всего одного человека. Для сокращения длинных переходов через эти обширные равнины, прекрасные пастбища Лестера и Нортгемптона, пастуху обыкновенно предоставляли коттэдж на ферме. Теперь ему дают тринадцатый шиллинг на квартиру, которую ему приходится отыскивать в какой-нибудь отдаленной открытой деревне.

[165] «Дома рабочих (в открытых местечках, которые, конечно, всегда переполнены) обыкновенно построены рядами, задворками к крайней черте того клочка земли, который строительный спекулянт называет своим. Поэтому

отнюдь не следует думать, будто даже рабочий, обитающий на возделываемой им земле, находит там жилище, которого заслуживает его жизнь, полная производительного труда. Даже в княжеских владениях коттэджи рабочих часто находятся в самом жалком виде. Существуют лэндлорды, которые полагают, что и конюшня будет достаточно хороша для их рабочих с семействами, и которые, однако, не гнушаются выколачивать как можно больше денег за сдачу таких помещений[166]. Пусть это будет совершенно развалившаяся хижина с одной каморкой для спанья, без очага, без отхожего места, без открывающихся окон, без водоснабжения, если не считать какого-нибудь рва, без сада, — рабочий ничего не может поделать с таким безобразием. А наши санитарно-полицейские законы (The Nuisances Removal Acts) остаются мертвой буквой. Применение их возложено на тех самых собственников,

---

свет и воздух может проникать к ним только со стороны фасада» (отчет д-ра Хантера в «Public Health. 7th Report 1864». London 1865, стр. 135). Очень часто владелец пивной или лавочник в селе занимается также и сдачей домов. В таких случаях наряду с фермером он является вторым господином для сельского рабочего. Вместе с тем рабочий должен быть и его покупателем. «Получая 10 ш. в неделю, минус 4 ф. ст. квартирной платы в год, он обязан покупать определенное количество чая, сахара, муки, мыла, свечей и пива по ценам, которые заблагорассудится назначить лавочнику» (там же, стр. 132). Эти открытые деревни действительно представляют собою «исправительные колонии» английского земледельческого пролетариата. Многие из коттэджей являются настоящими ночлежными домами, через которые проходит весь бродячий окрестный сброд. Земледелец и его семейство, которые часто поистине поразительно сохраняют среди отвратительнейших условий чистоту и честность характера, здесь неизбежно погибают. Среди знатных Шейлоков вошло в моду фарисейски пожимать плечами по адресу строительных спекулянтов, мелких собственников и открытых местечек. Разумеется, им превосходно известно, что их «закрытые деревни и показные деревни» — родина «открытых деревень» и не могли бы существовать без последних. «Без мелких собственников открытых селений большей части сельских рабочих пришлось бы спать под деревьями тех имений, в которых они работают» (там же, стр. 135). Система «открытых» и «закрытых» деревень господствует во всей средней и во всей восточной Англии.

[166] «Лицо, сдающее дом (фермер или лэндлорд), прямо или косвенно обогащается трудом человека, которому он платит 10 ш. в неделю, а потом опять отнимает у этого бедняка 4 или 5 ф. ст. годовой квартирной платы за дома, которые при продаже на открытом рынке не стоят и 20 ф. ст., но которые удерживают свою искусственную цену лишь потому, что собственнику принадлежит власть сказать: «Бери мой дом или убирайся со своими пожитками и попробуй без всякого аттестата от меня найти себе другое пристанище»... Если человек хочет улучшить свое положение и отправляется на железную дорогу укладывать рельсы или в каменоломню, та же самая власть ни на шаг не отстает от него: «Работай на меня за такую низкую плату или же убирайся после предупреждения за неделю; забирай свою свинью, если у тебя таковая имеется, а потом посмотрим, что выручишь ты от картофеля, который растет в твоем огороде». Если же интерес диктует собственнику другие меры, то он (или фермер) часто предпочитает в таких случаях просто повысить квартирную плату, что послужит впоследствии карой рабочему за уход с места» (*Д-р Хантер,* там же, стр. 132).

которые сдают в наем такие берлоги... Не следует допускать, чтобы более светлые картины, являющиеся лишь исключением, ослепляли нас и закрывали от нас факты, составляющие подавляющее правило и являющиеся позорным пятном английской цивилизации. Действительно, ужасным же должно быть положение вещей, если, несмотря на очевидную чудовищность теперешних жилищ, компетентные наблюдатели единогласно приходят к тому окончательному выводу, что даже повсеместно отвратительное состояние жилых помещений является бесконечно менее тяжелым злом, чем чисто количественный недостаток жилищ. Вот уже много лет, как переполнение жилищ сельских рабочих составляет предмет глубокой скорби не только для людей, которые заботятся о здоровье, но и для всех вообще, кто ценит приличную и нравственную жизнь. В самом деле, в совершенно однообразных, превратившихся в стереотипные, выражениях авторы отчетов о распространении эпидемических болезней в сельских округах снова и снова указывают на переполнение домов как на причину, которая совершенно разрушает все старания задержать развитие раз появившейся эпидемии. Снова и снова отмечается также то обстоятельство, что, вопреки благоприятному во многих отношениях влиянию деревенской жизни на здоровье, скученность населения, так сильно ускоряющая распространение заразных болезней, содействует появлению и незаразных болезней. И лица, раскрывшие подобное положение, не умалчивают также о дальнейших бедствиях. Даже в тех случаях, когда их первоначальной темой была исключительно гигиена, они почти вынужденно обращались еще к одной стороне предмета. Указывая на то, насколько часто случается, что взрослые люди обоего пола, женатые и неженатые, скучены (huddled) в тесных спальнях, их отчеты должны были приводить к убеждению, что при описанных обстоятельствах чувство стыда и приличия нарушается самым грубым образом и что нравственность разрушается почти неизбежно[167]. Например, в приложении к моему последнему отчету д-р Орд в своем донесении о вспышке тифа в Уинге и Бэкингемшире упоминает о том,

---

[167] «Новобрачная чета не представляет ничего назидательного для взрослых братьев и сестер, которые спят в той же комнате; и хотя эти примеры не могут быть зарегистрированы, однако имеется достаточно данных, оправдывающих утверждение, что большие страдания и часто смерть выпадают на долю женщин, совершивших преступление кровосмешения» (*Д-р Хантер,* там же, стр. 137). Один сельский полицейский чиновник, который в течение многих лет был сыщиком в худших кварталах Лондона, говорил следующее о девушках своей деревни: «Такой грубой безнравственности с раннего возраста, такой распущенности и бесстыдства я никогда не видал за всю мою полицейскую жизнь в наихудших частях Лондона... Они живут, как свиньи, взрослые парни и девушки, матери и отцы — все спят вместе в одной и той же комнате» («Children's Employment Commission. 6th Report». London 1867. Приложение, стр. 77, № 155).

как туда пришел из Уингрейва один молодой человек, больной тифом. В первые дни своей болезни он спал в одной комнате с 9 другими лицами. В течение двух недель некоторые из них тоже заболели, в несколько недель заболело тифом 5 из 9 человек и один умер! В то же время д-р Гарвей, врач госпиталя Сент Джордж, посещавший Уинг во время эпидемии в порядке частной практики, делает однородное сообщение: «Одна молодая женщина, больная тифом, по ночам спала в одной и той же комнате с отцом, матерью, своим внебрачным ребенком, двумя молодыми людьми, ее братьями, и с двумя сестрами, у каждой из которых было по внебрачному ребенку, итого 10 человек. Несколькими неделями раньше в той же комнате спало 13 детей»» [168].

Д-р Хантер обследовал 5 375 коттэджей сельских рабочих не только в чисто земледельческих округах, но и во всех графствах Англии. Из числа этих 5 375 коттэджей в 2 195 было только по одной спальне (часто это одновременно и жилая комната), в 2 930 только по две и в 250 более двух. Я привожу здесь краткую выборку из описания положения в дюжине графств.

1) *Бедфордшир.*

Реслингуорт: Спальни около 12 футов длины и 10 футов ширины, хотя многие меньше. Маленькая одноэтажная хижина часто разделяется досчатой переборкой на две спальни, одна кровать часто помещается в кухне 5 футов 6 дюймов вышины. Наемная плата 3 ф. ст. Жильцы должны сами строить для себя отхожие места, собственник дома дает только яму. Часто бывает так, что едва лишь один построит отхожее место, последним начинают пользоваться все соседи. Дом, обитаемый одной семьей по имени Ричардсон, — недосягаемой красоты. «Его известковые стены топорщатся, как дамское платье при реверансе. Одна часть кровли выпуклая, другая вогнутая, и на последней стояла, к несчастью, дымовая труба — кривая труба из глины и дерева, напоминающая хобот слона. Длинная жердь служит подпоркой, чтобы труба не упала; дверь и окна ромбической формы». Из 17 осмотренных домов только в 4 более чем по одной спальне, и эти четыре дома переполнены. В одном из домов с одной спальней помещалось 3 взрослых и 3 детей, в другом супружеская чета и 6 детей и т. д.

Дэнтон: Высокая квартирная плата, от 4 до 5 ф. ст., недельная плата мужчин 10 ш. Они надеются покрывать квартирную плату выручкой от плетения из соломы, которым занимается семья. Чем выше квартирная плата, тем большее число лиц должно ютиться в одном помещении, чтобы уплачивать ее. Шесть взрослых, которые спят в одной комнате с 4 детьми, платят за нее 3 ф. ст. 10 ш. Самый дешевый дом в Дэнтоне, по наружной стороне 15 футов

[168] «Public Health. 7th Report 1864», стр. 9—14, в разных местах.

длины, 10 футов ширины, сдается за 3 ф. ст. Только в одном из 14 обследованных домов было две спальни. Несколько впереди деревни дом, снаружи загаженный жильцами, нижние 9 дюймов двери сгнили и исчезли. Это отверстие по вечерам остроумно прикрывается изнутри несколькими приваленными кирпичами и завешивается клочком цыновки. Половина окна, и стекло и рама, бесследно погибли. Здесь без мебели ютилось 3 взрослых и 5 детей. Дэнтон не хуже, чем остальная часть Биглсуейд Юнион.

2) *Беркшир.*

Бинхем: В июне 1864 г. в одном cot (одноэтажном коттэдже) жили муж, жена, 4 детей. Дочь пришла с работы домой больная скарлатиной. Она умерла. Один ребенок заболел и умер. Мать и другой ребенок были больны тифом, когда к ним был приглашен д-р Хантер. Отец и третий ребенок спали во дворе, но насколько трудно было обеспечить здесь изоляцию, видно уже из того, что на битком набитой рыночной площади несчастной деревни лежало в ожидании стирки белье из зараженного дома. Квартирная плата дома X. 1 ш. в неделю; единственная спальня для супружеской четы и 6 детей. Один дом сдается за 8 п. (в неделю), 14 футов 6 дюймов длины, 7 футов ширины; кухня в 6 футов вышины; в спальне нет ни окна, ни очага, ни двери и никакого отверстия, кроме выхода; никакого садика. Недавно здесь жил один человек с двумя взрослыми дочерьми и сыном-подростком; отец и сын спали на кровати, дочери в сенях. За время, пока семейство здесь жило, каждая из дочерей родила по ребенку, причем одна отправилась родить в работный дом и потом возвратилась домой.

3) *Бэкингемшир.*

В 30 коттэджах — на 1000 акров земли — живет здесь приблизительно 130—140 человек. Приход Брэденгем занимает 1000 акров; в 1851 г. в нем было 36 домов с населением из 84 мужчин и 54 женщин. Это несоответствие в количестве лиц обоего пола смягчилось в 1861 г., когда насчитывалось 98 человек мужского и 87 женского пола; в течение 10 лет прибавилось 14 мужчин и 33 женщины. В то же время число домов уменьшилось на один.

Уинсло: Значительная часть его перестроена заново в хорошем стиле; спрос на дома, повидимому, значительный, потому что очень жалкие одноэтажные коттэджи сдаются по 1 ш. и 1 ш. 3 п. в неделю.

Уотер Итон: Здесь собственники ввиду роста населения сломали около 20% существовавших домов. Один бедный рабочий, вынужденный ходить на работу почти за 4 мили, на вопрос, неужели он не мог бы найти коттэдж поближе, ответил: «Нет, они очень поостереглись бы принять человека с таким большим семейством, как мое».

Тинкерс Энд, близ Уинсло: Одна спальня, в которой помещается 4 взрослых и 4 детей, 11 футов длины, 9 футов ширины, 6 футов 5 дюймов вышины в самом высоком пункте; в другой, 11 футов 3 дюйма длины, 9 футов ширины, 5 футов 10 дюймов вышины, помещается 6 человек. На каждое из этих семейств приходится меньше пространства, чем на одного каторжника. Ни в одном доме нет больше одной спальни, ни в одном нет черного хода, водой они снабжены в очень редких случаях. Квартирная плата от 1 ш. 4 п. до 2 ш. в неделю. Из жильцов обследованных 16 домов только один-единственный человек зарабатывает 10 ш. в неделю. Количество воздуха, приходящееся в упомянутом случае на каждого человека, соответствует тому, что досталось бы на долю каждого, если бы на ночь он был заперт в ящик по 4 фута по всем трем измерениям. Впрочем, старые хижины в изобилии снабжены естественной вентиляцией.

4) *Кэмбриджшир.*

Гэмблингей принадлежит различным собственникам. Он состоит из наиболее ободранных cots, какие только где-либо можно встретить. Многие занимаются плетением соломы. Смертельная усталость, безнадежное примирение с жизнью в грязи господствует в Гэмблингее. Заброшенность, заметная и в центре, превращается в настоящую пытку на окраинах, на севере и юге, где дома постепенно разваливаются. Отсутствующие лэндлорды изобильно высасывают соки из бедного гнезда. Квартирная плата очень высокая; в одну спальную комнату набивается 8—9 человек; в двух случаях в маленькой спальне помещается 6 взрослых, каждый с одним или двумя детьми.

5) *Эссекс.*

Во многих приходах этого графства уменьшение числа коттэджей идет рука об руку с уменьшением населения. Однако не менее чем в 22 приходах разрушение домов не задержало роста населения или не вызвало его изгнания, которое происходит повсеместно под названием: «передвижение в города». В Фингрингхо, приходе, занимающем 3 443 акра, в 1851 г. было 145 домов, в 1861 г. уже только 110, но население не хотело уходить и не перестало даже при этих жилищных условиях увеличиваться. В Рэмзден Крейс в 1851 г. 252 человека жили в 61 доме, а в 1861 г. 262 человека теснились уже в 49 домах. В Бэзильдене в 1851 г. на 1827 акрах жило 157 человек в 35 домах, в конце этого десятилетия — 180 человек в 27 домах. В приходах Фингрингхо, Южном Фэмбридже, Уидфорде, Бэзильдене и Рэмзден Крейсе в 1851 г. на пространстве в 8 449 акров жило 1 392 человека в 316 домах, в 1861 г. на той же площади — 1 473 человека в 249 домах.

6) *Херфордшир.*

Это маленькое графство больше всякого другого в Англии пострадало от «духа изгнания». В Мэдли переполненные коттэджи, обыкновенно с 2 спальнями, по большей части принадлежат фермерам. Последние легко сдают их за 3 или 4 ф. ст. в год и платят заработную плату в 9 ш. в неделю.

7) *Хэнтингдоншир.*

В Хартфорде в 1851 г. было 87 домов, вскоре после того в этом маленьком приходе площадью в 1720 акров было разрушено 19 коттэджей; число жителей составляло: в 1831 г. — 452 человека, в 1851 г. — 382 человека, в 1861 г. — 341 человек. Обследованы 14 cots с одной спальней в каждом. В одном из них живут: одна супружеская чета, 3 взрослых сына, одна взрослая девушка, 4 детей, итого 10 человек; в другом — 3 взрослых, 6 детей. Одна из этих комнат, в которой спало 8 человек, 12 футов 10 дюймов длины, 12 футов 2 дюйма ширины, 6 футов 9 дюймов вышины; средним числом, не вычитая пространства выступов, на каждого приходилось около 130 куб. футов. В 14 спальнях 34 взрослых и 33 ребенка. Около этих коттэджей редко имеются садики, но жильцам предоставляется арендовать маленькие клочки земли по 10 или 12 ш. за rood ($^1/_4$ акра). Эти парцеллы расположены далеко от домов; при последних нет отхожих мест. Членам семьи приходится или отправляться на свою парцеллу и там оставлять свои экскременты, или, — как это, с позволения сказать, делается здесь, — наполнять ими выдвижной ящик шкафа. Когда он полон, его выдвигают и опоражнивают там, где требуется, его содержимое. В Японии круговорот жизни совершается опрятнее.

8) *Линкольншир.*

Ленгтофт: Один человек живет здесь в доме Райта со своей женой, тещей и 5 детьми; в доме кухня-передняя, чулан, спальня над кухней; кухня и спальня 12 футов 2 дюйма длины, 9 футов 5 дюймов ширины, вся площадь под домом 21 фут 3 дюйма длины, 9 футов 5 дюймов ширины. Спальня — чердачное помещение, стены, подобно голове сахара, суживаются к потолку, с фасада открывается слуховое окно. Из-за чего живет он здесь? Сад? Нет, он чрезвычайно маленький. Квартирная плата? Тоже нет. Она высокая — 1 ш. 3 п. в неделю. Близость к месту работы? Нет, на расстоянии 6 миль, так что ежедневно ему приходится делать в оба конца 12 миль. Он живет здесь потому, что этот cot сдавался, а он хотел найти cot-особняк, где бы то ни было, по какой бы то ни было цене, в каком бы то ни было состоянии. Следующая таблица

содержит статистические данные о 12 домах в Лэнгтофте с 12 спальнями, 38 взрослыми жильцами и 36 детьми:

12 ДОМОВ В ЛЭНГТОФТЕ.

Число домов	Число спален	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов	Число домов	Число спален	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов
1	1	3	5	8	1	1	3	3	6
1	1	4	3	7	1	1	3	2	5
1	1	4	4	8	1	1	2	0	2
1	1	5	4	9	1	1	2	3	5
1	1	2	2	4	1	1	3	3	6
1	1	5	3	8	1	1	2	4	6

9) *Кент.*

Кеннингтон был крайне переполнен в 1859 г., когда появился дифтерит, и приходский врач произвел официальное обследование положения беднейших классов населения. Он открыл, что в этой местности, где требуется большое количество труда, несколько cots разрушено, а новых вместо них не построено. В одном участке было 4 дома, так называемые birdcages (птичьи клетки); в каждом было по 4 комнаты следующих размеров в футах и дюймах:

Кухня	9,5 × 8,11 × 6,6
Чулан	8,6 × 4,6 × 6,6
Спальня	8,5 × 5,10 × 6,3
Спальня	8,3 × 8,4 × 6,3

10) *Нортгемптоншир.*

Бриксворт, Питсфорд и Флур: В этих деревнях зимой бродят по улицам 20—30 рабочих, которые не находят работы. Фермеры не всегда достаточно хорошо обрабатывали землю под хлеб и корнеплоды и лэндлорд нашел целесообразным соединить все сдаваемые в аренду участки в два или три. Отсюда недостаток работы. В то время как по одну сторону рва поля требуют обработки, по другую сторону лишенные работы рабочие бросают на них жадные взоры. Нисколько не удивительно, что истощенные лихорадочным чрезмерным трудом летом и полуголодные зимой рабочие говорят на

своем своеобразном диалекте, что «the parson and gentlefolks seem frit to death at them»[168a].

Во Флуре — примеры, когда в спальне самых малых размеров помещается супружеская чета с 4, 5, 6 детьми, или 3 взрослых с 5 детьми, или супружеская чета с дедом и 6 детьми, больными скарлатиной, и т. д.; в 2 домах с 2 спальнями 2 семьи, каждая из 8—9 взрослых.

11) *Уильтшир*.

Стрэттон: Обследован 31 дом, из них 8 каждый только с одной спальней. Пенхилл в том же приходе: один cot сдается за 1 ш. 3 п. в неделю, живут в нем 4 взрослых и 4 детей; кроме хороших стен в нем нет ничего хорошего, начиная с пола из плохо отесанных камней и кончая гнилой соломенной крышей.

12) *Устершир*.

Разрушение домов не имело здесь такого жестокого характера, однако с 1851 по 1861 г. количество жильцов на каждый дом увеличилось с 4,2 до 4,6.

Бэдси: Здесь много домов и садиков. Некоторые фермеры заявляют, что cots — «a great nuisance here, because they bring the poor» (cots — большое зло, потому что они привлекают бедных). Один джентльмен заявляет: «Бедные от этого нисколько не выигрывают; если построить 500 cots, их расхватают так же быстро, как булки; в самом деле, чем больше их строят, тем больше их требуется», — следовательно, по его мнению, дома производят жильцов, которые, разумеется, давят на «средства расквартирования». В ответ на это д-р Хантер заявляет: «Но ведь должны же эти бедные откуда-нибудь взяться, а так как в Бэдси нет ничего такого, что особенно привлекало бы их сюда, как, напр., благотворительность, то из этого следует, что сюда гонит их отталкивание из какого-нибудь еще более неудобного места. Если бы каждый мог найти близ места своей работы cot и клочок земли, то, несомненно, он оказал бы этому месту предпочтение перед Бэдси, в котором он платит за свой клок земли вдвое дороже, чем фермер».

Постоянная эмиграция в города, постоянное создание «избыточного» населения в деревне благодаря концентрации ферм, превращению полей в выгоны, применению машины и т. д. и постоянное изгнание сельского населения вследствие разрушения коттэджей идут рука об руку. Чем реже население данного округа, тем больше в нем «относительное перенаселение», тем больше его давление на средства заработка, тем больше относительный избыток

[168a] «Поп и дворяне как будто составили заговор замучить их до смерти».

сельского населения над средствами расквартирования и, следовательно, тем больше в деревнях местное перенаселение и грозящая постоянной заразой скученность людей. Скученность масс людей в разбросанных мелких деревнях и местечках соответствует насильственному изгнанию людей с земельных площадей. Непрерывное превращение сельских рабочих в «избыточных», несмотря на уменьшение их числа, сопровождающееся увеличением массы их продукта, является колыбелью пауперизма. Угрожающий им пауперизм служит мотивом их изгнания и является главным источником их жилищной нужды, которая окончательно ломает их способность к сопротивлению и делает их настоящими рабами землевладельцев[169] и фермеров, так что минимум заработной платы становится для них естественным законом. С другой стороны, несмотря на свое постоянное «относительное перенаселение», деревня в то же время и недостаточно населена. Это обнаруживается не только как местное явление в таких пунктах, из которых население слишком быстро отливает к городам, рудникам, копям, железнодорожным постройкам и т. д., — это обнаруживается повсюду как во время жатвы, так и весной и летом, в те многочисленные моменты, когда очень тщательное и интенсивное английское земледелие нуждается в добавочных руках. Сельских рабочих всегда оказывается слишком много для средних потребностей земледелия и слишком мало для исключительных или временных его потребностей[170]. Поэтому-то в официальных документах и отмечаются

[169] «Исконное занятие hind'а [земледельческого батрака] придает достоинство даже его положению. Он не раб, но солдат мира, и достоин того, чтобы лэндлорд обеспечил его помещением, подобающим женатому человеку, так как лэндлорд требует от него такого же принудительного труда, как страна от солдата. Он, как и солдат, не получает рыночной цены за свою работу. Подобно солдату, его берут молодым, невежественным, знакомым только со своим ремеслом и своей местностью. Ранние браки и действие различных законов об оседлости для него то же, что набор и военно-уголовное уложение для солдата» (д-р Хантер в «Public Health. 7th Report 1864». London 1865, стр. 132). Иногда какой-нибудь в виде исключения мягкосердечный лэндлорд предается печальным размышлениям при виде опустошения, которое создано им самим. «Очень печальная вещь быть одному в своих владениях, — говорил граф Лестерский, когда его поздравляли с окончанием постройки Холькгема. — Я оглядываюсь кругом и не вижу ни одного дома, кроме своего собственного. Я — исполин башни великанов и пожрал всех своих соседей».

[170] Подобное явление наблюдается в последние десятилетия и во Франции, по мере того как капиталистическое производство овладевает земледелием и гонит «избыточное» сельское население в города. Наблюдается здесь также ухудшение жилищных и прочих условий у самого источника образования «избыточных». О своеобразном «prolétariat foncier» [«земельном пролетариате»], созданном парцеллярной системой, см., между прочим, ранее цитированную работу *Colins:* «L'Économie Politique», и *Karl Marx:* «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte». New York 1852, стр. 56 и сл. [«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 405 и сл.]. В 1846 г. городское население во Франции составляло

противоречивые жалобы из одних и тех же областей одновременно и на недостаток и на избыток труда. Временный или местный недостаток рабочих не вызывает повышения заработной платы, но приводит лишь к тому, что к земледелию принуждаются женщины и дети, и возраст рабочих все понижается. Когда эксплуатация женщин и детей принимает крупные размеры, она, в свою очередь, становится новым средством превращения взрослых сельских рабочих мужчин в избыточных рабочих и средством понижения их заработной платы. На востоке Англии процветает прекрасный плод этого cercle vicieux [порочного круга] — так называемая Gangsystem (система артелей или банд), о которой я скажу здесь несколько слов[171].

Система артелей встречается почти исключительно в Линкольншире, Хэнтингдоншире, Кэмбриджшире, Норфольке, Саффольке, Ноттингемшире, спорадически — в соседних графствах Нортгэмптоне, Бедфорде, Рэтленде. В качестве примера мы возьмем здесь Линкольншир. Значительная часть этого графства представляет собою новую землю, отвоеванную от прежних болот или, как в других перечисленных восточных графствах, отвоеванную у моря. Паровая машина произвела чудеса при осушительных работах. На месте прежних топей и сыпучих песков теперь видны роскошные нивы и получаются самые высокие ренты. То же самое следует сказать об искусственно полученной наносной почве, как, напр., на острове Эксхольм и других приходах на берегу Трента. По мере возникновения новых ферм не только не строится новых коттэджей, но и сносятся старые, рабочие же привлекаются из открытых деревень, отстоящих за несколько миль и расположенных вдоль проселочных дорог, которые извиваются по склонам холмов. Раньше население только там и находило защиту от продолжительных зимних наводнений. Рабочие, постоянно живущие на фермах размером в 400—1 000 акров (их называют здесь «confined labourers» [«прикрепленные рабочие»]), служат исключительно для постоянных тяжелых земледельческих работ, выполняемых с помощью лошадей. На каждые 100 акров приходится в среднем

24,42%, сельское — 75,58%; в 1861 г. городское — 28,86%, сельское — 71,14%. За последние годы уменьшение процентной доли сельского населения еще значительнее. Уже в 1846 г. Пьер Дюпон поет в своих «Ouvriers»:

«Mal vêtus, logés dans des trous,
Sous les combles, dans les décombres,
Nous vivons avec les hiboux
Et les larrons, amis des ombres».

[«Плохо одетые, мы живем в лачугах, на чердаках, в развалинах вместе с совами и ворами, друзьями темноты»].

[171] Шестой и заключительный «Report of Children's Employment Commission», опубликованный в конце марта 1867 г., говорит о Gangsystem [системе артелей] лишь в земледелии.

едва по одному коттэджу. Один фермер, арендующий прежний болотный участок, показывает, напр., перед следственной комиссией: «Моя ферма составляет более 320 акров, все это пахотная земля. Коттэджей нет. Теперь у меня живет один рабочий. Четверо рабочих, которые ухаживают за моими лошадьми, живут в окрестностях. Легкая работа, для которой требуется много рабочих рук, исполняется артелями»[172]. Земля требует много легких полевых работ, как, напр., выпалывание сорных трав, окапывание, некоторые операции по удобрению, удалению камней и т. д. Все это производится артелями, или организованными группами, которые живут в открытых селениях.

Артель состоит из 10—40 или 50 человек, а именно женщин, подростков обоего пола (13—18 лет), хотя мальчики, достигнув 13 лет, обыкновенно оставляют артель, и, наконец, из детей обоего пола (6—13 лет). Во главе находится gangmaster (артельный староста); это всегда обыкновенный сельский рабочий, по большей части так называемый ловкач, распутный бродяга, пьяница, но одаренный некоторым духом предприимчивости и делячества. Он вербует артель, которая работает от него, а не от фермера. С последним он по большей части договаривается посдельно, и его доход, — который в среднем не особенно превышает заработок обыкновенного сельского рабочего[173], — почти всецело зависит от того искусства, с которым он умеет извлечь из своей артели в самое короткое время самое большое количество труда. Фермеры открыли, что женщины хорошо работают только под диктатурой мужчины, но что, с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы, — это знал уже Фурье, — между тем как взрослый работник мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы. Артельный староста переходит из одного имения в другое и так работает со своей артелью 6—8 месяцев в году. Поэтому работать на него для рабочей семьи много выгоднее и вернее, чем на отдельного фермера, который дает детям лишь временные занятия. Это обстоятельство настолько упрочивает его влияние в открытых селениях, что часто детей невозможно нанять иначе, как при его посредничестве. Сдача детей в одиночку, отдельно от артелей, составляет для него побочный заработок.

«Темные стороны» этой системы составляют чрезмерный труд детей и подростков, огромные переходы, которые им ежедневно приходится делать туда и обратно к имениям, находящимся на расстоянии 5, 6, иногда даже 7 миль, и, наконец, деморализация

[172] «Children's Employment Commission. 6th Report». Показание, стр. 37, № 173. — Fenland — болотистая местность.

[173] Однако некоторые артельные старосты превращаются в фермеров, арендующих до 500 акров земли, или в собственников целого ряда домов.

артели. Хотя артельный староста, в некоторых местностях называемый «the driver» (погонщик), вооружен длинной палкой, однако он очень редко пускает ее в ход, и жалобы на жестокое обращение являются исключением. Он — демократический император или нечто вроде гамельнского крысолова. Следовательно, он нуждается в популярности среди своих подданных и привлекает их к себе процветающими под его покровительством цыганскими нравами. Грубая непринужденность, веселая распущенность и самое наглое бесстыдство господствуют в артели. Артельный староста обыкновенно расплачивается в кабаке и потом возвращается во главе своей артели домой, конечно пошатываясь, поддерживаемый справа и слева двумя дюжими бабами; дети и подростки безобразничают сзади и распевают юмористические и скабрезные песни. На обратном пути обычное явление то, что Фурье называет «фанерогамией» [публично совершаемый половой акт]. Нередко случается, что тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки становятся беременными от своих сверстников. Открытые деревни, поставляющие контингент для артелей, превращаются в Содом и Гоморру[174] и дают вдвое большее число внебрачных рождений, чем все остальное королевство. Мы уже раньше указывали, что̀ могут дать в нравственном отношении воспитанные в такой школе девушки, когда они становятся замужними женщинами. Их дети, если только опиум не приведет их к смерти, родятся кандидатами в артели.

Артель в своей только что описанной классической форме называется общественной, общинной или бродячей артелью (public, common or tramping gang). Встречаются кроме того и частные артели (private gangs). Состав их таков же, как общественных артелей, но число членов в них меньше, и работают они под руководством не артельного старосты, а какого-нибудь старого батрака, для которого фермер не находит иного, лучшего применения. Цыганские нравы здесь исчезают, но по всем свидетельским показаниям оплата труда и обращение с детьми ухудшаются.

Система артелей, которая за последние годы распространяется все больше[175], существует, конечно, не для артельного старосты. Она существует для обогащения крупных фермеров[176] или

---

[174] «Половина девушек в Людфорде погублена благодаря артелям» (там же, приложение, стр. 6, № 32).

[175] «Эта система очень распространилась за последние годы. В некоторых местностях она только что введена, в других, где она существует дольше, в артели втягивается все больше детей, и возраст их все понижается» (там же, стр. 79, № 174).

[176] «Мелкие фермеры не применяют артельного труда». «Он не применяется на плохой земле, а применяется на такой, которая приносит ренту от 2 ф. ст. до 2 ф. ст. 10 ш. с акра» (там же, стр. 17 и 14).

лэндлордов[177]. Для фермера нет более остроумного метода сокращать свой рабочий персонал ниже нормального уровня и в то же время постоянно располагать на случай добавочной работы добавочными руками, при помощи возможно меньшей суммы денег выколачивать возможно больше труда[178] и делать взрослых рабочих мужчин «избыточными». После всего этого легко понять, каким образом, с одной стороны, признают, что сельский рабочий в большей или меньшей мере страдает от безработицы, и, с другой стороны, заявляют, что система артелей «необходима» вследствие недостатка рабочих мужчин и переселения их в города[179]. Поле, очищенное от плевел, и человеческие плевелы Линкольншира и т. д. — вот противоположные полюсы капиталистического производства[180].

---

[177] Одному из этих господ его ренты настолько приходятся по вкусу, что он с негодованием заявил перед следственной комиссией, будто весь крик поднялся только из-за названия системы. Если бы артели назывались не «бандами», а «юношескими промышленно-земледельческо-кооперативными ассоциациями для самостоятельного заработка», то все было бы в полном порядке.

[178] «Артельный труд дешевле всякого другого труда, потому-то он и применяется», — говорит один бывший староста артели (там же, стр. 17, № 14). «Система артелей безусловно самая дешевая для фермера и столь же безусловно самая пагубная для детей», — говорит один фермер (там же, стр. 16, № 3).

[179] «Несомненно, многие из работ, выполняемых теперь в артелях детьми, раньше выполнялись мужчинами и женщинами. Там, где в настоящее время применяется труд женщин и детей, безработных мужчин больше, чем было раньше (more men are out of work)» (там же, стр. 43, № 202). Но, с другой стороны, между прочим: «Рабочий вопрос (labour question) во многих земледельческих округах, особенно в производящих хлеб, принимает столь серьезный характер вследствие эмиграции и той легкости переселения в большие города, которая предоставляется железными дорогами, что я (этот «я» — сельский агент одного крупного лэндлорда) считаю детский труд абсолютно необходимым» (там же, стр. 80, № 180). The labour question (рабочий вопрос) в английских земледельческих округах, в отличие от остального цивилизованного мира, представляет собою the landlords' and fermers' question (вопрос лэндлордов и фермеров), каким образом, несмотря на постоянно возрастающий отлив сельского населения, увековечить в деревне достаточное «относительное перенаселение» и вместе с тем и «минимум заработной платы» для сельского рабочего?

[180] Раньше цитированный мною «Public Health Report», в котором по поводу смерти детей мимоходом говорится о системе артелей, остался неизвестным прессе, а следовательно, и английской публике. Напротив, последний отчет «Children's Employment Commission» дал прессе желанную «сенсационную» пищу. В то время как либеральная пресса спрашивала, каким образом благородные джентльмены и леди и священники государственной церкви, которыми кишит Линкольншир, каким образом эти персонажи, посылавшие к антиподам свои особые «миссии для смягчения нравов дикарей Южного океана», — как могли они допустить развитие подобной системы в своих имениях, у себя на глазах, — в это самое время аристократическая пресса занималась исключительно рассуждениями о грубой испорченности этих сельских жителей, способных продавать своих детей в подобное рабство! Между тем при тех проклятых условиях, на которые «благородные»

f) Ирландия.

В заключение этого отдела мы должны еще бросить взгляд на Ирландию. Прежде всего приведем относящиеся сюда факты.

Население Ирландии достигло к 1841 г. 8 222 664 человек, в 1851 г. сократилось до 6 623 985, в 1861 г. — до 5 850 309, в 1866 г. — до $5^1/_2$ миллионов, т. е. упало почти до уровня 1801 г. Уменьшение началось с голодного 1846 г. и шло таким образом, что менее чем в 20 лет Ирландия потеряла более $^5/_{16}$ своего населения[181]. Общее число эмигрантов с мая 1851 г. по июль 1865 г. составило 1 591 487 человек, за последние 5 лет, с 1861 по 1865 г., эмиграция дала более полумиллиона. Число обитаемых домов уменьшилось в период 1851—1861 гг. на 52 990. С 1851 по 1861 г. число ферм размером в 15—30 акров возросло на 61 000, число ферм больше 30 акров — на 109 000, между тем как общее число всех ферм разных размеров уменьшилось на 120 000, — уменьшение, вызванное исключительно уничтожением ферм ниже 15 акров, т. е. их централизацией.

Уменьшение численности населения, разумеется, сопровождалось в общем и целом уменьшением массы продуктов. Для нашей цели достаточно рассмотреть пятилетие 1861—1865 гг., в течение которого эмигрировало более полумиллиона и абсолютная численность населения понизилась более чем на $^1/_3$ миллиона (см. таблицу А).

обрекли сельского жителя, было бы понятно, если бы он даже пожирал своих детей. Если чему и приходится удивляться, так это тем достоинствам характера, которые он по большей части сохраняет. Авторы официальных отчетов указывают, что даже в округах, где применяется система артелей, родители относятся к ней с отвращением. «В собранных нами свидетельских показаниях можно найти обильные доказательства того, что родители во многих случаях были бы благодарны за принудительный закон, который дал бы им возможность противостоять тем искушениям и давлению, которым они часто подвергаются. То приходский чиновник, то хозяин, угрожая им увольнением, заставляет их посылать детей на работу вместо школы... Всякое расточение времени и сил, все страдания, причиняемые земледельцу и его семейству чрезмерным и бесполезным утомлением, всякий случай, когда родители могут приписать нравственную гибель своего ребенка переполнению коттэджей или развращающим влияниям системы артелей, — все это вызывает в груди трудящихся бедняков чувства, которые легко понять и которые нет необходимости описывать подробнее. Они сознают, что им причиняется много физических и нравственных мучений условиями, за которые они никоим образом не ответственны, на которые они, если бы это было в их власти, никогда не дали бы своего согласия и против которых они бессильны бороться» (там же, стр. XX, № 82; стр. XXIII, № 96).

[181] Население Ирландии: в 1801 г.: 5 319 867 человек, в 1811 г.: 6 084 996, в 1821 г.: 6 869 544, в 1831 г.: 7 828 347, в 1841 г.: 8 222 664.

ТАБЛИЦА А.

КОЛИЧЕСТВО ГОЛОВ СКОТА.

Годы	Лошадей		Рогатого скота		
	Общее число	Уменьшение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	619 811	—	3 606 374	—	—
1861	614 232	5 579	3 471 688	134 686	—
1862	602 894	11 338	3 254 890	216 798	—
1863	579 978	22 916	3 144 231	110 659	—
1864	562 158	17 820	3 262 294	—	118 063
1865	547 867	14 291	3 493 414	—	231 120

Годы	Овец			Свиней		
	Общее число	Уменьшение	Увеличение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	3 542 080	—	—	1 271 072	—	—
1861	3 556 050	—	13 970	1 102 042	169 030	—
1862	3 456 132	99 918	—	1 154 324	—	52 282
1863	3 308 204	147 928	—	1 067 458	86 866	—
1864	3 366 941	—	58 737	1 058 480	8 978	—
1865	3 688 742	—	321 802	1 299 893	—	241 413

Из предыдущей таблицы следует:

Лошадей	Рогатого скота	Овец	Свиней
Абсолютное уменьшение	Абсолютное уменьшение	Абсолютное увеличение	Абсолютное увеличение
71 944	112 960	146 662	28 821 [182]

Обратимся теперь к земледелию, которое доставляет жизненные средства для скота и людей. В следующей таблице вычислено

[182] Результат оказался бы еще неблагоприятнее, если бы мы возвратились еще дальше назад. Так, овец в 1865 г.: 3 688 742, а в 1856 г.: 3 694 294; свиней в 1865 г.: 1 299 893, а в 1858 г.: 1 409 883.

уменьшение или увеличение для каждого отдельного года по сравнению с непосредственно предшествующим. К зерновому хлебу отнесены: пшеница, овес, ячмень, рожь, бобы и горох, к овощам — картофель, репа, свекловица, капуста, морковь, пастернак, вика и т. д.

ТАБЛИЦА В.

УВЕЛИЧЕНИЕ ИЛИ УМЕНЬШЕНИЕ ПЛОЩАДИ ЗАПАШЕК И ЛУГОВ (ИЛИ ПАСТБИЩ) В АКРАХ.

Годы	Зерн. хлеб	Овощи		Луга и клевер		Лен		Общ. количество земли, служащей для земледелия и скотоводства	
	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение
1861	15 701	36 974	—	47 969	—	—	19 271	81 873	—
1862	72 734	74 785	—	—	6 623	—	2 055	138 841	—
1863	144 719	19 358	—	—	7 724	—	63 922	92 431	—
1864	122 437	2 317	—	—	47 486	—	87 761	—	10 493
1865	72 450	—	25 241	—	68 970	50 159	—	28 218	—
1861—1865	428 041	108 193	—	—	82 834	—	122 850	330 870	—

В 1865 г. к этому присоединилось под рубрикой «луга» 127 470 акров, главным образом по той причине, что площадь под рубрикой «невозделанные пустоши и торфяные болота» уменьшилась на 101 543 акра. Если мы сравним 1865 г. с 1864, то уменьшение зерновых хлебов составит 246 667 квартеров, в том числе пшеницы 48 999 квартеров, овса 166 605 квартеров, ячменя 29 892 квартера и т. д.; уменьшение количества картофеля, хотя площадь его возделывания в 1865 г. увеличилась, составило 446 398 тонн и т. д. (см. таблицу С, стр. 706).

От движения населения и земледельческого производства Ирландии перейдем к движению в кошельках ее лэндлордов, крупных фермеров и промышленных капиталистов. Оно находит себе отражение в уменьшении и увеличении подоходного налога. Для понимания следующей таблицы D надо отметить, что рубрика D (прибыль, за исключением прибыли фермеров) охватывает и так называемую «профессиональную» прибыль, т. е. доходы адвокатов, врачей и т. д., а не перечисленные здесь особо рубрики С и Е заключают доходы чиновников, офицеров, получателей государственных синекур, владельцев государственных фондов и т. д.

ТАБЛИЦА С.

УВЕЛИЧЕНИЕ ИЛИ УМЕНЬШЕНИЕ ПЛОЩАДИ ВОЗДЕЛЫВАЕМОЙ ЗЕМЛИ, КОЛИЧЕСТВА ПРОДУКТА НА АКР И ОБЩЕГО КОЛИЧЕСТВА ПРОДУКТА В 1865 г. ПО СРАВНЕНИЮ С 1864 г.

Название продукта	Количество акров возделыв. земли		Увеличение или уменьш. в 1865 г.		Количество продукта на акр			Увеличение или уменьшение в 1865 г.		Общее количество продукта			
	1864	1865	+	—		1864	1865			1864	1865	Увелич. 1865	Уменьш. 1865
Пшеница	276 483	266 989	—	9 494	Пшеница цент.	13,3	13,0	—	0,3	875 782 кварт.	826 783	—	48 999 кварт.
Овес	1 814 886	1 745 228	—	69 658	Овес	12,1	12,3	0,2	—	7 826 332 »	7 659 727	—	166 605
Ячмень	172 700	177 102	4 402	—	Ячмень	15,9	14,0	—	1,0	761 909	732 017	—	29 892
Bere (ячм.) }	8 894	10 091	1 197	—	Bere (ячм.) »	16,4	14,8	—	1,6	15 160	13 989	—	1 171
Рожь }					Рожь	8,5	10,4	1,9	—	12 680	18 364	5 684 кварт.	—
Картофель	1 039 724	1 066 260	26 536	—	Картофель т.	4,1	3,6	—	0,5	4 312 388 тонн	3 865 990	—	446 398 т.
Репа	337 355	334 212	—	3 143	Репа	10,3	9,9	—	0,4	3 467 659	3 301 683	—	165 976 »
Свекловица	14 073	14 389	316	—	Свекловица »	10,5	13,3	2,8	—	147 284	191 937	44 653 т.	—
Капуста	31 821	33 622	1 801	—	Капуста	9,3	10,4	1,1	—	297 375	350 252	52 877 »	—
Лен	301 693	251 433	—	50 260	Лен (стон по 14 фунтов)	34,2	25,2	—	9,0	64 506	39 561	—	24 945 т. [183]
Сено	1 609 569	1 678 493	68 924	—	Сено тонн	1,6	1,8	0,2	—	2 607 153 »	3 068 707	461 554 »	—

[183] Данные текста составлены по материалу следующих изданий: «Agricultural Statistics. Ireland. General Abstracts, Dublin», за годы 1860 и сл., и «Agricultural Statistics. Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc. Dublin 1866». Известно, что это — официальная статистика, ежегодно представляемая парламенту.

Прибавление ко 2-му изд. Официальная статистика показывает для 1872 г. уменьшение площади возделываемой земли на 134 915 акров по сравнению с 1871 г. «Увеличение» произошло по культуре корнеплодов — репы, свекловицы и т. п.; «уменьшение» площади возделываемой земли на 16 000 акров под культурой пшеницы, на 14 000 акров овса, 4 000 акров ячменя и ржи, 66 632 акра картофеля, 34 667 акров льна и на 30 000 акров меньше под лугами, клевером, викой и сурепицей. Площадь земли, находящейся под культурой пшеницы, за последние 5 лет уменьшалась в такой последовательности: 1868 г. — 285 000 акров, 1869 г. — 280 000 акров, 1870 г. — 259 000 акров, 1871 г. — 244 000 акров, 1872 г. — 228 000 акров. Для 1872 г. увеличение составило в круглых цифрах 2 600 лошадей, 80 000 голов рогатого скота, 68 609 овец и уменьшение — 236 000 свиней.

ТАБЛИЦА D.

ДОХОДЫ В ИРЛАНДИИ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ПОДОХОДНОМУ НАЛОГУ. В Ф. СТ.

	1860	1861	1862	1863	1864	1865
Рубрика А. Земельная рента	12 893 829	13 003 554	13 398 938	13 494 091	13 470 700	13 801 616
Рубрика В. Прибыль фермеров	2 765 387	2 773 644	2 937 899	2 938 923	2 930 874	2 946 072
Рубрика D. Промышленная и т. п. прибыль	4 891 652	4 836 203	4 858 800	4 846 497	4 546 147	4 850 199
Сумма всех рубрик от А до Е	22 962 885	22 998 394	23 597 574	23 658 631	23 236 298	23 930 340[184]

Под рубрикой D увеличение дохода в среднем за 1853—1864 гг. составляло только 0,93%, между тем как в Великобритании оно выразилось за тот же период в 4,58%. Следующая таблица показывает распределение прибылей (за исключением фермерской прибыли) в 1864 и 1865 гг.:

ТАБЛИЦА Е.

РУБРИКА D. ДОХОДЫ ОТ ПРИБЫЛЕЙ (ВЫШЕ 60 Ф. СТ.) В ИРЛАНДИИ.

	1864		1865	
	ф. ст.		ф. ст.	
Общий годовой доход	4 368 610	распр. между 17 467 ч.	4 669 979	распр. между 18 081 ч.
Годовой доход выше 60 ф. ст. и ниже 100 ф. ст.	238 726	5 015 »	222 575	4 703 »
Из общего годового дохода	1 979 066	11 321 »	2 028 471	12 184 »
Остаток общего годового дохода	2 150 818	1 131 »	2 418 933	1 194 »
В том числе	1 073 906	1 010 »	1 098 027	1 044 »
	1 076 912	121 »	1 320 906	150 »
Из них	923 397	75 »	1 034 881	72 »
	646 377	26 »	736 448	28 »
	262 819	3 »	274 528	3 »[185]

[184] «Tenth Report of the Commissioners of Ireland Revenue». London 1866.

[185] Общий годовой доход под рубрикой D отклоняется здесь от цифр предыдущей таблицы, так как закон допускает известные вычеты.

Англия, страна развитого капиталистического производства и преимущественно промышленная страна, истекла бы кровью от кровопускания, подобного тому, которому подвергся народ Ирландии. Но Ирландия представляет собою в настоящее время лишь земледельческий округ Англии, отделенный от нее широким каналом и доставляющий ей хлеб, шерсть, скот, промышленных и военных рекрутов.

Обезлюдение повело к тому, что много земли остается без обработки, количество земледельческого продукта сильно уменьшилось [186] и, несмотря на расширение площади, предназначенной для скотоводства, последнее обнаруживает в некоторых из своих отраслей абсолютное уменьшение, в других — едва заслуживающее упоминания развитие, постоянно прерываемое попятными шагами. Однако вместе с уменьшением количества населения все время возрастала земельная рента и фермерская прибыль; последняя, впрочем, не так постоянно, как первая. Причина совершенно понятна. С одной стороны, благодаря централизации ферм и превращению пахотной земли в пастбище все бо́льшая часть совокупного продукта превращалась в прибавочный продукт. Прибавочный продукт возрастал, хотя совокупный продукт, часть которого он составляет, все уменьшался. С другой стороны, денежная стоимость этого прибавочного продукта возрастала еще быстрее, чем его масса, так как английские рыночные цены мяса, шерсти и т. д. за последние 20, в особенности же за последние 10 лет, все повышались.

Распыленные средства производства, которые служат для самого производителя средствами труда и средствами жизни, причем для их использования к ним не присоединяется чужой труд, точно так же не составляют капитала, как продукт, потребляемый самим производителем последнего, не есть товар. Хотя масса средств производства, применяемых в земледелии, и уменьшилась вместе с уменьшением количества населения, тем не менее масса капитала, применяемого в земледелии, увеличилась, потому что часть разрозненных прежде средств производства была превращена в капитал.

Весь капитал Ирландии, вложенный вне земледелия в промышленность и торговлю, накоплялся в последние два десятилетия медленно и с постоянными крупными колебаниями. Напротив, тем быстрее развивалась концентрация его индивидуальных составных частей. Наконец, как ни слабо было его абсолютное возрастание, — относительно, по сравнению с сокращающейся численностью населения, он увеличивался.

---

[186] Если продукт уменьшается также и по расчету на акр, то не следует забывать, что Англия в течение $1^1/_2$ веков косвенно ввозила к себе почву Ирландии и не оставляла земледельцам средств на возмещение составных частей почвы.

Таким образом, здесь, на наших глазах, в крупном масштабе развертывается процесс, лучше которого ортодоксальная экономия и желать не может для проверки своего догмата, что бедность возникает из абсолютного перенаселения и что равновесие восстанавливается снова уменьшением населения. Это — эксперимент куда более внушительный, чем столь прославленная мальтузианцами чума половины XIV столетия. Кстати сказать, прилагать к отношениям производства и соответствующим отношениям народонаселения в XIX веке мерку XIV века было само по себе педантски-наивным; но эта наивность кроме того упускала из виду, что если по сю сторону канала, в Англии, за чумой и сопровождавшим ее уменьшением населения следовали освобождение и обогащение сельского населения, то по другую сторону канала, во Франции, следом за ней шли еще большее порабощение и возрастание нищеты[186a].

Голод 1846 г. в Ирландии уничтожил более миллиона человек, но это были исключительно бедняки. Он не причинил ни малейшего ущерба богатству страны. Последовавшее затем двадцатилетнее и все усиливающееся выселение не уничтожило, в противоположность Тридцатилетней войне, вместе с людьми их средств производства. Ирландский гений изобрел совершенно новый метод переносить как бы волшебством бедный народ на тысячи миль от места его нищеты. Эмигранты, переселившиеся в Соединенные Штаты, ежегодно высылают домой деньги — средства для переселения оставшихся. Каждая партия, эмигрировавшая в этом году, в следующем году влечет за собою новую партию. Таким образом, эмиграция не только ничего не стоит Ирландии, но еще образует одну из доходнейших статей ее экспортных операций. Наконец, она представляет собою систематический процесс, который не просто производит преходящие и местные пустоты в данной массе населения, а напротив, ежегодно отнимает больше людей, чем возмещается ежегодным приростом, и таким образом приводит к ежегодной убыли абсолютной численности населения[186b].

Каковы же были последствия для оставшихся рабочих Ирландии, освобожденных от перенаселения? Последствия таковы, что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработная плата так же низка, что

[186a] Так как Ирландия считается обетованной землей «принципа народонаселения», то Т. Сэдлер, прежде чем опубликовать свою работу о народонаселении, издал свою знаменитую книгу: «Ireland, its Evils and their Remedies», 2-е изд., London 1829, в которой он, сопоставляя статистические данные по отдельным провинциям, а для каждой провинции по отдельным графствам, показывает, что нищета там не прямо пропорциональна, как того хотелось Мальтусу, а обратно пропорциональна численности населения.

[186b] В период 1851—1874 гг. общее число эмигрантов составило 2 325 922.

тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне угрожает новым кризисом. Причины очень простые. Революция в земледелии идет рука об руку с эмиграцией. Производство относительного перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения. Беглый взгляд на таблицу С показывает, что превращение пахотной земли в пастбища должно производить в Ирландии еще более острое действие, чем в Англии. В последней вместе со скотоводством возрастает культура кормовых трав, в Ирландии она сокращается. В то время как крупные массы возделывавшихся прежде полей оставляются без обработки или превращаются в постоянные луга, значительная часть остававшихся раньше неиспользованными пустошей и торфяных болот служит для расширения скотоводства. Мелкие и средние аренды, — я отношу к их числу все, при которых возделывается не более 100 акров земли, — все еще составляют почти $^8/_{10}$ общего числа[186c]. Конкуренция капиталистического земледельческого производства давит на них сильнее, чем то было в прежнее время, и потому они постоянно доставляют классу наемных рабочих все новых и новых рекрутов. Единственная крупная промышленность Ирландии, льнообрабатывающая промышленность, требует сравнительно мало взрослых рабочих мужчин и, несмотря на ее расширение после вздорожания хлопка в 1861—1866 гг., вообще дает заработок лишь относительно небольшой части населения. Подобно всякой другой крупной промышленности, она постоянными колебаниями в своей собственной сфере все время производит относительное перенаселение, даже в том случае, если поглощаемая ею масса рабочих абсолютно увеличивается. Нищета сельского населения служит пьедесталом для колоссальных фабрик белья и т. д., рабочая армия которых большею частью рассеяна по деревне. Здесь мы снова встречаемся с раньше описанной системой работы на дому, которая в недостаточной оплате и чрезмерном труде обладает средствами систематически создавать «избыточных» рабочих. Наконец, хотя уменьшение населения не имеет здесь таких разрушительных последствий, как в стране с развитым капиталистическим производством, однако и здесь оно не проходит без постоянного обратного воздействия на внутренний рынок. Те пробелы, которые создает эмиграция, сокращают не только местный спрос на труд, но и доходы мелких лавочников, ремесленников, вообще мелких промышленников. В этом лежит причина сокращения доходов от 60 до 100 ф. ст. в таблице E.

Довольно прозрачное изображение положения сельских наемных рабочих в Ирландии мы находим в отчетах инспекторов ирланд-

---

[186c] *Примечание ко 2-му изд.* Согласно одной таблице у *Murphy:* «Ireland, Industrial, Political and Social», 1870, 94,6% всех земель составляют фермы до 100 акров каждая и 5,4% — фермы более 100 акров.

ских попечительств о бедных (1870)[186d]. Чиновники правительства, которое держится только помощью штыков и то явного, то скрытого осадного положения, должны соблюдать такую осмотрительность в выражениях, которой их коллеги в Англии могут пренебрегать; и, тем не менее, они не позволяют своему правительству предаваться иллюзиям. Согласно их данным, уровень заработной платы, и до сих пор все еще очень низкий в деревне, за последние 20 лет все же повысился на 50—60% и составляет теперь в среднем 6—9 ш. в неделю. Но за этим кажущимся повышением скрывается действительное понижение заработной платы, потому что оно не уравновешивает даже совершившегося за это время повышения цены необходимых жизненных средств; доказательство — следующее извлечение из официальных отчетов одного ирландского работного дома.

СРЕДНИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ РАСХОД НА СОДЕРЖАНИЕ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Годы	Пища	Одежда	Итого
29 сент. 1848 г. — 29 сент. 1849 г.	1 ш. $3^1/_4$ п.	0 ш. 3 п.	1 ш. $6^1/_4$ п.
29 » 1868 г. — 29 » 1869 г.	2 » $7^1/_4$ »	0 » 6 »	3 » $1^1/_4$ »

Итак, цена необходимых жизненных средств повысилась почти вдвое, а цены одежды ровно вдвое по сравнению с тем, что было двадцать лет тому назад.

Но даже оставляя в стороне такое несоответствие, одно сравнение уровней заработной платы, выраженной в деньгах, далеко еще не дает верного вывода. До голода крупная доля заработной платы в деревне выдавалась in natura [натурой], деньгами уплачивалась лишь наименьшая часть; в настоящее время денежная оплата представляет общее правило. Уже из этого следует, что каково бы ни было движение реальной заработной платы, ее денежное выражение должно было повыситься. «До голода у земледельческого рабочего был клок земли, на котором он возделывал картофель и держал свиней и птицу. В настоящее время ему не только приходится покупать все свои жизненные средства, но от него отходят также те доходы, которые он получал от продажи свиней, птиц и яиц»[187]. В самом деле, сельские рабочие

[186d] «Reports from Poor Law Inspectors on the Wages of Agricultural Labourers in Ireland». Dublin 1870. — Ср. также «Agricultural Labourers (Ireland) Return etc.», 8th March 1861.

[187] Там же, стр. 29, 1.

раньше сливались с мелкими фермерами и обыкновенно составляли только как бы арьергард средних и крупных ферм, на которых они находили работу. Только со времени катастрофы 1846 г. они начали составлять часть класса чисто наемных рабочих, особое сословие, связанное с нанимателями исключительно денежными отношениями.

Мы уже знаем, каковы были их жилищные условия до 1846 г. С того времени они еще больше ухудшились. Некоторая часть сельских рабочих, впрочем день ото дня уменьшающаяся, живет еще на земле фермеров в переполненных хижинах, отвратительное состояние которых далеко превосходит все наихудшее, что только представляют в этом отношении английские земледельческие округа. И такое положение повсеместно, за исключением некоторых местностей в Ульстере; таково оно на юге в графствах Корк, Лимерик, Килкенни и т. д.; на востоке в Уикло, Уоксфорд и т. д.; в центре Ирландии в Кингс и Куинс Каунти, в графстве Дублин и т. д.; на севере в Даун, Энтрим, Тирон и т. д.; наконец, на западе в Слайго, Роскоммон, Майо, Гэлуэй и т. д. «Это, — восклицает один из инспекторов, — позор для религии и цивилизации нашей страны». Чтобы сделать для поденщиков жизнь в их берлогах более привлекательной, у них систематически отнимают участки земли, которые с незапамятных времен принадлежали к жилищам. «Сознание этого рода опалы, которой они подвергнуты лэндлордами и их управляющими, вызвало у сельских рабочих соответствующее чувство антагонизма и ненависти к тем, кто обращается с ними, как с бесправной расой»[187a].

Первым актом революции в земледелии было то, что в колоссальном масштабе и как бы по данному свыше лозунгу совершилось уничтожение хижин, расположенных на месте работ. Многие рабочие были вынуждены искать прибежища в деревнях и городах. Там их, как какой-нибудь хлам, рассовали по чердакам, конурам, подвалам и вертепам наихудших кварталов. Тысячи ирландских семейств, которые, даже по свидетельству англичан, проникнутых национальными предрассудками, характеризуются своей редкостной привязанностью к домашнему очагу, своей беззаботной веселостью и чистотой семейных нравов, вдруг оказались перенесенными в рассадники порока. Мужчинам пришлось теперь искать работы у соседних фермеров, которые нанимают их только поденно, т. е. на основе самой ненадежной формы заработной платы; при этом «они вынуждены теперь проходить длинные расстояния до фермы и обратно, часто мокнуть до костей под дождем и подвергаться другим невзгодам, которые нередко ведут за собой упадок сил, болезнь и, следовательно, нужду»[187b].

187a Там же, стр. 12.
187b Там же, стр. 25.

«Городам из года в год приходилось принимать тех рабочих, которые оказывались излишними в сельских округах»[187c], и после этого еще удивляются тому, «что в городах и местечках наблюдается избыток рабочих, а в деревне — недостаток рабочих!»[187d]. Истина заключается в том, что недостаток этот ощущается лишь «во время неотложных земледельческих работ, во время жатвы или весной, в остальное же время года многие руки остаются незанятыми»[187e], «что после сбора урожая, с октября до начала весны, едва ли найдется для них какая-нибудь работа»[187f] и что и в то время, когда у них есть работа, «они часто теряют целые дни, и их работа подвергается перерывам всевозможного рода»[187g].

Эти последствия революции в земледелии, т. е. превращения пахотной земли в пастбища, применения машин, строгой экономии в труде и т. д., еще более обостряются теми образцовыми лэндлордами, которые вместо того, чтобы потреблять свои ренты за границей, благоволят жить в Ирландии, в своих владениях. Чтобы сохранить ненарушимое действие закона спроса и предложения, эти господа извлекают «теперь почти весь необходимый для них труд из своих мелких фермеров, которые, таким образом, вынуждены, когда бы от них этого ни потребовали, трудиться на своих лэндлордов за такую заработную плату, которая часто ниже заработной платы обычных поденщиков, не говоря уже о неудобствах и потерях, возникающих вследствие того, что фермеру приходится оставлять свои собственные поля в критическое время сева или уборки»[187h].

Таким образом, необеспеченность и непостоянство занятий, частая и продолжительная безработица — все эти симптомы относительного перенаселения фигурируют в отчетах инспекторов попечительств о бедных как тяготы, обременяющие ирландский земледельческий пролетариат. Мы помним, что подобные же явления мы наблюдали и среди английского сельского пролетариата. Но различие в том, что в Англии, промышленной стране, промышленная резервная армия рекрутируется в деревне, между тем как в Ирландии, земледельческой стране, земледельческая резервная армия рекрутируется в городах, убежище изгнанных сельских рабочих. В Англии избыточные рабочие земледелия превращаются в фабричных рабочих; в Ирландии изгнанные в города, хотя они оказывают давление и на заработную плату в городах, тем не менее остаются сельскими рабочими и в поисках работы постоянно отправляются в деревню.

187c Там же, стр. 27.
187d Там же, стр. 26.
187e Там же, стр. 1.
187f Там же, стр. 32.
187g Там же, стр. 25.
187h Там же, стр. 30.

Авторы официальных отчетов следующим образом резюмируют свои выводы о материальном положении земледельческих рабочих: «Хотя они живут с крайней бережливостью, однако их заработной платы едва хватает на то, чтобы достать пищу и снять жилище для себя и своего семейства. Для покупки одежды требуются дополнительные доходы... Атмосфера их жилищ, в связи с другими лишениями, сделала этот класс в особенности подверженным заболеванию тифом и чахоткой»[1871]. После этого нисколько не удивительно, что, по единодушному свидетельству авторов отчетов, мрачное недовольство охватывает ряды этого класса, что он призывает назад прошлое, ненавидит настоящее, отчаивается в будущем, «поддается пагубным влияниям демагогов» и питается только одной мечтой — эмигрировать в Америку. Вот в какую страну с молочными реками, с кисельными берегами превратила зеленый Эрин великая мальтузианская панацея, уменьшение населения!

Как благоденствуют даже искусные ирландские промышленные рабочие, это достаточно покажет один пример.

«Во время недавней моей инспекторской поездки по северу Ирландии, — говорит английский фабричный инспектор Роберт Бэкер, — меня поразило, как один искусный ирландский рабочий старался на свои самые скудные средства дать образование своим детям. Я буквально воспроизвожу его рассказ, как я слышал из его собственных уст. Что он действительно искусный фабричный рабочий, видно из того, что его трудом пользовались для производства товаров на манчестерский рынок. Джонсон: По профессии я beetler [трепальщик] и работаю с 6 часов утра до 11 часов ночи, с понедельника до пятницы; по субботам мы кончаем в 6 часов вечера и имеем 3 часа на обед и отдых. У меня пять человек детей. За эту работу я получаю 10 ш. 6 п. в неделю; моя жена тоже работает и зарабатывает 5 ш. в неделю. Старшая девочка, двенадцати лет, присматривает за домом. Она наша кухарка и единственная помощница. Она готовит младших к школе. Моя жена встает одновременно со мной и уходит одновременно со мной. Одна девушка, которая проходит мимо нашего дома, будит меня в $5^1/_2$ часов утра. Перед тем, как итти на работу, мы ничего не едим. В течение дня двенадцатилетняя смотрит за младшими детьми. Завтракаем мы в 8 часов и для этого приходим домой. Чай мы пьем один раз в неделю; вообще же у нас бывает кисель (stirabout), иногда из овсяной муки, иногда из кукурузной муки, смотря по тому, что мы в состоянии купить. Зимой к кукурузной муке мы прибавляем немного сахара и воды. Летом мы собираем немного картофеля, который сами сажаем на клочке земли, а когда картофель придет к концу, опять возвращаемся к киселю. Так тянется изо дня в день, по воскресеньям и будням, круглый год. Закончив

[1871] Там же, стр. 21, 13.

работу, я всегда чувствую вечером большую усталость. Кусочек мяса мы видим в исключительных случаях, очень редко. Трое из наших детей ходят в школу, за что мы платим по 1 п. в неделю за каждого. Наша квартирная плата составляет 9 п. в неделю, торф и отопление стоят по меньшей мере 1 ш. 6 п. в две недели»[188]. Вот она ирландская заработная плата, вот она ирландская жизнь!

В самом деле, нищета Ирландии опять сделалась в Англии злободневной темой. В конце 1866 и в начале 1867 г. один из ирландских земельных магнатов, лорд Дэфферин, принялся на страницах «Times» за решение этого вопроса. «Wie menschlich von solch' grossem Herrn!» [«Как это гуманно со стороны такого важного господина!»]

Из таблицы Е мы видели, что в 1864 г. из общей прибыли в 4 368 610 ф. ст. всего три рыцаря наживы получили 262 819 ф. ст., а в 1865 г. те же три виртуоза «самоотречения» из 4 669 979 ф. ст. общей прибыли положили в свой карман уже 274 528 ф. ст.; в 1864 г. 26 капиталистов получили 646 377 ф. ст., в 1865 г. 28 капиталистов — 736 448 ф. ст.; в 1864 г. 121 капиталист — 1 076 912 ф. ст., в 1865 г. 150 капиталистов — 1 320 906 ф. ст.; в 1864 г. 1 131 капиталист — 2 150 818 ф. ст., почти половину общей годовой прибыли; в 1865 г. 1 194 капиталиста — 2 418 933 ф. ст., более половины общей годовой прибыли. Но та львиная доля годового национального дохода, которую поглощает ничтожная кучка земельных магнатов Англии, Шотландии и Ирландии, настолько чудовищна, что английская государственная мудрость находит целесообразным не давать относительно распределения земельной ренты такого статистического материала, какой она дает относительно распределения прибыли. Лорд Дэфферин — один из этих земельных магнатов. Чтобы рента и прибыль могли быть когда-либо «избыточными» или чтобы их изобилие стояло каким-либо образом в связи с изобилием народной нищеты, — это представление, разумеется, столь же «irrespectable» [«непочтительное»], сколь и «нездоровое» (unsound). Лорд опирается на факты. Факт же таков, что, когда численность ирландского населения уменьшается, ирландские земельные аренды растут, что уменьшение населения «благодетельно» для земельного собственника, а следовательно, и для земли, а потому и для народа, который является лишь принадлежностью земли. Итак, он заявляет, что Ирландия все еще перенаселена и что поток эмиграции течет все еще слишком медленно. Чтобы достигнуть совершенного счастья, Ирландия должна расстаться еще по меньшей мере с $^1/_3$ миллиона рабочих. Не подумайте, что этот, помимо всего прочего и поэтический, лорд является врачом из школы Санградо, который, раз он не замечал

[188] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1866», стр. 96.

у своего больного улучшения, предписывал кровопускание, потом опять кровопускание, пока, наконец, у больного вместе с его кровью не исчезала и болезнь. Лорд Дэфферин требует нового кровопускания всего в $^1/_3$ миллиона вместо почти 2 миллионов, без удаления которых на Эрине действительно не водворится тысячелетнее блаженное царство. Доказательство не трудно представить.

ЧИСЛО И РАЗМЕР АРЕНД В ИРЛАНДИИ В 1864 г.

1 Аренды до 1 акра		2 Аренды от 1 до 5 акров		3 Аренды от 6 до 15 акров		4 Аренды от 16 до 30 акров	
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь
48 653	25 394	82 037	288 916	176 368	1 836 310	136 578	3 051 343

5 Аренды от 31 до 50 акров		6 Аренды от 51 до 100 акров		7 Аренды более 100 акров		8 Общая площадь
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь	
71 961	2 906 274	54 247	3 983 880	31 927	8 227 807	20 319 924 акра [188a]

Централизация в период 1851—1861 гг. уничтожила преимущественно аренды первых трех категорий, менее 1 и не свыше 15 акров. Они должны исчезнуть прежде всего. Это дает 307 058 «избыточных» фермеров и, полагая на семью по низкому среднему расчету 4 человека, в общей сложности 1 228 232 человека. При невероятном предположении, что по завершении земельной революции $^1/_4$ из них будет снова поглощена, все же оказывается, что 921 174 лицам приходится эмигрировать. Категории 4, 5 и 6, свыше 15 и не более 100 акров, как давным-давно известно в Англии, для капиталистического зернового хозяйства слишком мелки, для овцеводства же — совсем ничтожные величины. Следовательно, при предыдущем предположении эмигрировать придется еще 788 761 человеку, что дает в сумме 1 709 532 человека. А так как l'appétit vient en mangeant [аппетит приходит с едой], то глаза землевладельцев скоро откроют, что Ирландия и при $3^1/_2$ миллионах населе-

[188a] Общая площадь включает также «торфяные болота и невозделанные пустоши».

ния — все еще нищенская страна, а бедна она потому, что перенаселена, и, следовательно, уменьшение ее населения должно пойти еще много дальше, чтобы она могла выполнить свое истинное предназначение — страны овец и пастбищ для Англии[188b].

У этого прибыльного метода, как и у всего хорошего в сем мире, имеется своя дурная сторона. Параллельно с накоплением земельной ренты в Ирландии идет накопление ирландцев в Америке. Ирландец, вытесненный овцами и быками, воскресает по ту сторону океана как фений. И против старой владычицы морей все более и более грозно поднимается исполинская юная республика.

Acerba fata Romanos agunt
Scelusque fraternae necis.

[Суровая судьба и злодейское братоубийство преследуют римлян.]

[188b] В третьей книге этой работы, в отделе о земельной собственности, я подробнее покажу, как отдельные земельные собственники и английское законодательство планомерно использовали голод и сопровождавшие его обстоятельства с целью насильственно провести революцию в земледелии и свести население Ирландии к размерам, выгодным для лэндлордов. Там же я возвращусь также к положению мелких фермеров и сельских рабочих. Здесь только одна цитата. Нассау В. Сениор в одном из своих посмертных сочинений: «Journals, Conversations and Essays relating to Ireland», 2 тома, London 1868, т. II, стр. 282, говорит между прочим: «Д-р Дж. справедливо отметил, что в нашем законе о бедных мы располагаем сильным орудием для того, чтобы доставить победу лэндлордам; другое орудие — эмиграция. Ни один друг Ирландии не пожелает, чтобы война (между лэндлордами и мелкими кельтскими фермерами) затянулась, — и подавно не пожелает, чтобы она закончилась победой фермеров... Чем быстрее она (эта война) закончится, чем быстрее превратится Ирландия в пастбище (grazing country) с сравнительно небольшой численностью населения, которая требуется для пастбищ, — тем лучше для всех классов». Английские хлебные законы 1815 г. обеспечивали Ирландии монополию свободного ввоза хлеба в Великобританию. Таким образом, они искусственно покровительствовали возделыванию зерновых хлебов. В 1846 г. с отменой хлебных законов эта монополия была внезапно уничтожена. Не говоря уже о всех других обстоятельствах, одного этого события было достаточно для того, чтобы дать мощный размах превращению ирландской пахотной земли в пастбища, концентрации ферм и изгнанию мелких крестьян. После того как в период 1815—1846 гг. прославили плодородие ирландской почвы и во всеуслышание заявили, что она самой природой предназначена единственно к возделыванию пшеницы, — теперь английские агрономы, экономисты, политики вдруг открыли, что она ни на что более не пригодна, как только на производство кормовых трав! Г-н Леонс де Лавернь поспешил повторить это по ту сторону канала. Надо быть таким «серьезным» человеком, как Лавернь, чтобы поддаться на такие россказни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ.

1. ТАЙНА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Мы видели, как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как благодаря прибавочной стоимости увеличивается капитал. Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом, все это движение вращается, повидимому, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное» («previous accumulation» А. Смита), — накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом.

Это первоначальное накопление играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как грехопадение в теологии: Адам вкусил от яблока, и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Его возникновение объясняют, рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в древности. В незапамятные времена существовала, с одной стороны, кучка трудолюбивых, разумных и, прежде всего, бережливых избранников и, с другой стороны, масса лентяев, оборванцев, прокучивающих все, что у них было, и даже больше того. Правда, теологическая легенда о грехопадении рассказывает нам, как люди были осуждены есть хлеб в поте лица своего; история же экономического грехопадения раскрывает, как могли появиться люди, совершенно не нуждающиеся в этом. Но это все равно. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. Со времени этого грехопадения ведет свое происхождение бедность широкой массы, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и богатство немногих, которое постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать. Подобные пошлые басни преподносит, например, в целях оправдания propriété [собственности], господин Тьер некогда столь остроумным

французам, да еще с торжественно-серьезной миной государственного человека. Но раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития. Как известно, в действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие. Но в кроткой политической экономии искони царствовала идиллия. Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения — всегдашнее исключение составлял, разумеется, «этот год». В действительности методы первоначального накопления — все, что угодно, но только не идиллия.

Деньги и товары, точно так же как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различных, противоположных сорта товаровладельцев должны встретиться друг с другом и вступить в контакт — с одной стороны, собственник денег, средств производства и жизненных средств, которому требуется закупить рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы и, следовательно, продавцы труда. Свободные рабочие в двояком смысле: они не должны сами принадлежать непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д., но и средства производства не должны принадлежать им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, и т. д.; напротив, они должны быть свободны от средств производства, освобождены от них, лишены их. Этой поляризацией товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства. Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в непрерывно растущем масштабе. Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и средства жизни в капитал, с другой стороны,— непосредственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства.

Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого.

Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращается его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные стариннымн феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые владетельные особы, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой стороны их возвышение представляется как плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают эти последние на свободное развитие производства и свободную эксплуатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, которые были созданы не ими самими. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в изменении формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую. Для того чтобы понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города.

В истории первоначального накопления составляют эпоху перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса. Его история в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера[189].

2. ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЗЕМЛИ У СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Преобладающее большинство населения[190] состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность. В более крупных господских имениях bailiff [бурмистр], некогда сам крепостной, был вытеснен свободным фермером. Земледельческие наемные рабочие состояли частью из крестьян, употреблявших свободное время на работу у крупных земельных собственников, частью из особого класса наемных рабочих в собственном смысле этого слова, — класса, относительно и абсолютно немногочисленного.

---

[189] В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной эмансипировался здесь, прежде чем успел обеспечить за собою какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи. После того как революция мирового рынка с конца XV столетия уничтожила торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства.

[190] «Мелкие землевладельцы, обрабатывавшие собственные поля собственным трудом и пользовавшиеся скромным благосостоянием,... составляли тогда гораздо более значительную часть нации, чем теперь... Не менее 160 000 земельных собственников, составлявших вместе с семействами, вероятно, более одной седьмой всего населения, жили обработкой своих мелких freehold-участков (freehold — полная собственность на землю). Средний доход этих мелких землевладельцев оценивается в 60—70 ф. ст. Высчитано, что лиц, обрабатывавших собственную землю, было больше, чем арендаторов чужой земли» (*Macaulay:* «History of England», 10-е изд., London 1854, т. I, стр. 333, 334). Еще в последнюю треть XVII столетия $^4/_5$ английского народа занимались земледелием (там же, стр. 413). — Я цитирую Маколея, потому что он, как систематический фальсификатор истории, по возможности «замазывает» такого рода факты.

К тому же даже они фактически были и самостоятельными крестьянами, так как наряду с заработной платой получали коттэдж, а также 4 и больше акров пахотной земли. Кроме того, совместно с настоящими крестьянами они пользовались общинными землями, пасли на них свой скот и добывали материалы для отопления: дрова, торф и т. п.[191]. Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно бо́льшим количеством ленниозависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство[192]. Поэтому, хотя земля Англии была разделена после норманского завоевания на гигантские баронства, которые нередко включали в себя до 900 старых англо-саксонских лордств каждое, тем не менее она была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами и лишь в отдельных местах между этими последними залегали крупные господские поместья. Такие отношения при одновременном расцвете городской жизни, характерном для XV столетия, создали возможность того народного богатства, которое с таким красноречием описывает канцлер Фортескью в своих «Laudibus Legum Angliae», но эти отношения исключали возможность капиталистического богатства.

Пролог переворота, создавшего основу капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и первые десятилетия XVI столетия. Масса поставленных вне закона пролетариев была выброшена на рынок труда благодаря роспуску феодальных дружин, которые, по справедливому замечанию сэра Джемса Стюарта, «везде бесполезно переполняли дома и дворы». Правда, королевская власть, будучи сама продуктом буржуазного развития, в своем стремлении к абсолютизму насильственно ускоряла роспуск этих дружин, однако она отнюдь не была его единственной причиной. Сами крупные феодалы, стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав

---

[191] Не следует забывать, что даже крепостные не только являлись собственниками, — правда, обязанными платить оброк, — небольших участков земли, примыкавших к их дворам, но и участниками в коллективной собственности на общинные земли. «Крестьянин там (в Силезии) — серв». И, однако, эти «сервы» владеют общинными землями. «До сих пор не удалось склонить силезцев к разделу общинных земель, тогда как в Неймарке уже не осталось деревни, где бы этот раздел не был осуществлен с величайшим успехом» (*Mirabeau:* «De la Monarchie Prussienne». Londres 1788, т. II, стр. 125, 126).

[192] Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками. Быть «либеральным» за счет средневековья слишком удобно.

общинные земли и согнав крестьян с занимаемых ими участков, на которые крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы. Непосредственный толчок к этому в Англии дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть. Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была дитя своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил. Превращение пашни в пастбище для овец стало лозунгом феодалов. Гаррисон в своей «Description of England. Prefixed to Holinshed's Chronicles» описывает, какое разрушительное влияние на страну оказывает эта экспроприация мелких крестьян. Но, пишет он, «what care our great incroachers!» («какое дело до этого нашим великим узурпаторам!»). Жилища крестьян и коттэджи рабочих насильственно разрушены или брошены на произвол судьбы. «Если мы, — говорит Гаррисон, — сравним теперешнее состояние каждого рыцарского имения со старыми описями, то увидим, что исчезли бесчисленные дома и мелкие крестьянские хозяйства; что земля прокармливает теперь гораздо меньшее количество людей; что многие города пришли в упадок, хотя наряду с этим процвели новые... Я мог бы порассказать кое-что о городах и деревнях, которые были разрушены и превращены в пастбища для овец и от которых остались только помещичьи дома». Жалобы таких старых хроник все же несколько преувеличены, но они точно рисуют то впечатление, которое совершавшаяся в то время революция производственных отношений произвела на современников. Сравнивая сочинение канцлера Фортескью и Томаса Мора, мы ясно видим ту пропасть, которая отделяет XV век от XVI. По справедливому замечанию Торнтона, английский рабочий класс из своего золотого века без всяких переходных ступеней попал в железный век.

Законодательство было испугано этим переворотом. Оно еще не стояло на той высоте цивилизации, на которой «Wealth of the Nation» [«национальное богатство»], т. е. созидание капитала и беспощадная эксплуатация и пауперизация народной массы, считается ultima Thule [пределом] всякой государственной мудрости. Бэкон в своей истории Генриха VII говорит: «Около этого времени (1489 г.) умножились жалобы на превращение пахотных земель в пастбища (для овец и т. д.), требующие лишь присмотра немногих пастухов; земли, сдаваемые в аренду пожизненную или погодную (погодной арендой жила бóльшая часть «yeomen'ов» [свободных земледельцев]), были превращены в господские имения. Это привело к упадку народа, а следовательно, к упадку городов, церквей, десятин... Король и парламент с мудростью, достойной изумления, стремились к уврачеванию этого зла... Они приняли меры против истребляющей население узурпации общинных земель (depopulating inclosures), против истребляющего

население пастбищного хозяйства (depopulating pasturage), по пятам следующего за этой узурпацией». Акт Генриха VII, 1489, ст. 19, воспрещает разрушать крестьянские дома, к которым принадлежит не менее 20 акров земли. Акт 25 Генриха VIII возобновляет этот закон. Там говорится, между прочим, что «значительное число арендных земель и большие стада скота, в особенности овец, скопляются в немногих руках, вследствие чего земельные ренты очень возросли, а обработка пашни (tillage) пришла в большой упадок, церкви и дома разрушились и поразительно громадные массы людей лишились возможности содержать себя и свои семьи». Закон предписывает поэтому восстановить запущенные крестьянские дворы, устанавливает отношение между пашней и пастбищем и т. д. Один акт 1533 г. скорбит о том, что многие собственники имеют до 24 000 овец, и ограничивает допустимое число двумя тысячами[193]. Одинаково бесплодны были и народные жалобы и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII. Тайну их бесплодности непреднамеренно выдал нам сам Бэкон. «В акте Генриха VII, — пишет он в своих «Essays, civil and moral», глава 29 [ср. Бэкон, Собр. соч., ч. II. СПБ. 1874, стр. 410], — глубоким и достойным удивления было то, что он создал земледельческие хозяйства и дворы определенной нормальной величины, т. е. удержал за ними такое количество земли, при котором они могли давать подданных, достаточно обеспеченных, не приниженных рабской зависимостью, при котором, с другой стороны, плугом водила рука самого собственника, а не наемника» («to keep the plough in the hand of the owners and not hirelings»)[193a]. Но капиталистическое

[193] В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где «овцы пожирают людей» («Utopia», перев. Robinson, изд. Arber. London 1869, стр. 41). [*Томас Мор:* «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», издание Academia 1935 г., стр. 59.]

[193a] Бэкон разъясняет связь, существующую между свободным зажиточным крестьянством и хорошей пехотой. «Для поддержания могущества и нравов в королевстве было в высшей степени важно сохранить достаточные размеры аренды, чтобы обеспечить безбедное существование здоровым способным людям и закрепить бо́льшую часть земли королевства во владении yeomanry, т. е. людей среднего между благородными и коттерами (cottagers) состояния и батраками... Ибо все наиболее компетентные знатоки военного дела согласны между собою в том,... что главную силу армии составляет инфантерия, или пехота. Но чтобы создать хорошую инфантерию, необходимы люди, которые выросли не в рабском унижении или нищете, а на свободе и среди известного благосостояния. Поэтому, если в государстве главное значение имеют дворяне и высшее общество, а сельское население и пахари состоят лишь из рабочих или батраков, а также из коттеров, т. е. нищих, владеющих хижинами, то при таких условиях, быть может, и возможно иметь хорошую конницу, но отнюдь не хорошую, стойкую пехоту... Мы видим это во Франции и Италии и в некоторых других иностранных землях, где действительно все население состоит из дворянства и нищих крестьян... в такой

производство, наоборот, требовало именно рабского положения народных масс, превращения их самих в наемников и превращения средств их труда в капитал. В течение этого переходного периода законодательство старалось также закрепить минимум 4 акра земли за каждым коттэджем земледельческого наемного рабочего и воспрещало последнему принимать в свой коттэдж жильцов. Еще в 1627 г., при Иакове I, Роджер Крокер из Фронт-Милля был осужден за то, что выстроил в своем имении Фронт-Милль коттэдж и не отвел для него 4 акров земли; еще в 1638 г., при Карле I, была назначена королевская комиссия с целью добиться соблюдения старых законов, в особенности закона о 4 акрах земли; еще Кромвель запретил на расстоянии меньшем, чем в 4 мили от Лондона, строить дома, при которых не было бы 4 акров земли. Еще в первую половину XVIII века сельскохозяйственный рабочий жаловался в суд, если к его коттэджу не отводилось от 1 до 2 акров. А теперь он счастлив, если при коттэдже имеется маленький садик или невдалеке от него можно снять несколько квадратных сажен земли. «Землевладельцы и арендаторы действуют здесь рука об руку, — говорит д-р Хантер. — Несколько акров при коттэдже сделали бы рабочих слишком независимыми»[194].

Насильственная экспроприация народных масс получила новый ужасный толчок в XVI столетии благодаря реформации и сопровождавшему ее колоссальному расхищению церковных имений. Ко времени реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части английской земли. Уничтожение монастырей и т. д. превратило в пролетариат их обитателей. Сами церковные имения были в значительной своей части отданы в подарок хищным королевским фаворитам или проданы за бесценок спекулянтам, фермерам и горожанам, которые массами сгоняли с них их старых наследственных арендаторов и соединяли вместе хозяйства последних. Гарантированное законом право обедневших земледельцев на известную часть церковной десятины было у них молчаливо отнято[195]. «Pauper ubique jacet» [«везде

степени, что они вынуждены применять для своих пехотных батальонов наемные банды швейцарцев и т. п., откуда и проистекает, что эти нации имеют многочисленное население, но мало солдат» («The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kennet's England», изд. 1719, London 1870, стр. 308).

[194] Д-р Хантер в «Public Health. 7th Report 1864». London 1865, стр. 134. «Количество земли, предписываемое (старыми законами), рассматривается теперь как слишком значительное для рабочих, способное превратить их в мелких фермеров» (*George Roberts:* «The Social History of the People of the Southern Counties of England in Past Centuries». London 1856, стр. 184, 185).

[195] «Право бедных на часть церковной десятины прямо установлено древними статутами» (*J. D. Tuckett:* «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». London 1846, т. II, стр. 804, 805).

бедняки»], — воскликнула Елизавета после одного путешествия по Англии. На 43 году ее царствования правительство вынуждено было, наконец, официально признать пауперизм, введя налог в пользу бедных. «Инициаторам этого закона было стыдно открыто высказать его мотивы, и потому они вопреки всем обычаям пустили его в свет без всякого «preamble» [пояснительного предисловия]»[196]. Акт 16 Карла I, 4, объявил этот закон постоянным, и лишь в 1834 г. ему была придана новая, более строгая форма[197]. Эти непосред-

---

[196] *William Cobbett:* «A History of the Protestant Reformation», § 471.

[197] Как проявлялся при этом протестантский «дух», видно между прочим из следующего. Несколько землевладельцев и зажиточных фермеров Южной Англии, собравшись и совместно пошевелив мозгами, выработали десять вопросов относительно того, как всего правильнее толковать елизаветинский закон о бедных. Эти вопросы они подали на заключение знаменитому юристу того времени сержанту Снигги (впоследствии при Иакове I — судья). Девятый вопрос гласит: «Некоторые богатые фермеры прихода измыслили мудрый план, при помощи которого могли бы быть устранены все замешательства при выполнении акта. Они предлагают выстроить в приходе тюрьму. Каждому бедному, который не согласится подвергнуться заключению в означенной тюрьме, должно быть отказано в помощи. Далее, соседние селения должны быть оповещены, что если там найдется какое-либо лицо, склонное заарендовать бедных этого прихода, то пусть оно присылает в определенный день запечатанное прошение с указанием самой низкой цены, за которую оно согласно взять к себе и содержать наших бедных. Авторы этого плана думают, что в соседних графствах имеются лица, не желающие работать и не обладающие достаточным состоянием или кредитом, чтобы взять в аренду землю или корабль и таким образом жить не трудясь («so as to live without labour»). Такие лица, по всей вероятности, будут склонны сделать приходу очень выгодные предложения. Если же и будет случаться порою, что бедные, отданные на попечение такого нанимателя, погибнут, то грех падет на голову последнего, так как приход исполнил свой долг по отношению к этим бедным. Мы опасаемся, однако, что настоящий акт не допускает подобного рода мудрых мероприятий (prudential measure), но вы должны знать, что все остальные freeholder'ы [свободные мелкие землевладельцы] нашего и соседних графств присоединятся к нам и побудят своих представителей в палате общин внести законопроект, разрешающий подвергать бедных тюремному заключению и принудительным работам, так, чтобы ни одно лицо, не согласное подвергаться заключению, не имело права на вспомоществование. Это, надеемся мы, отобьет у лиц, впавших в нищету, охоту просить вспомоществования» («will prevent persons in distress from wanting relief») (*R. Blakey:* «The History of Political Literature from the Earliest Times». London 1855, т. II, стр. 84, 85). — В Шотландии крепостное право было уничтожено на несколько столетий позже, чем в Англии. Еще в 1698 г. Флетчер из Салуна заявил в шотландском парламенте: «Нищих в Шотландии насчитывается не менее 200 000. Единственное средство против этого, которое я, республиканец по принципу, могу предложить, — это восстановление крепостного права и превращение в рабов всех тех, кто неспособен самостоятельно обеспечить свое существование». Так, Иден в «The State of the Poor», т. I, гл. I, стр. 60, 61, говорит: «Сужение крепостных отношений, повидимому, неизбежно приносит с собою пауперизм. Мануфактуры и торговля — вот истинные родители наших бедных». Иден и цитированный выше шотландский «республиканец по принципу» ошибаются лишь в одном: земледелец сделался пролетарием или паупером не потому, что было уничтожено крепостное право, а потому, что была уничтожена его собственность

ственные последствия реформации не были, однако, самым важным ее результатом. Церковные имущества составляли религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности. С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения [198].

Еще в последние десятилетия XVII века yeomanry, независимое крестьянство, было многочисленнее, чем класс арендаторов. Оно было главной силой Кромволя и, по признанию самого Маколея, представляло выгодный контраст по сравнению с кутилами-дворянчиками и их слугами, сельскими попами, на обязанности которых лежало покрывать брачным венцом грехи отставных барских любовниц. Даже и наемные земледельческие рабочие были все еще совладельцами общинных земель. Приблизительно в 1750 г. исчезает yeomanry [199], а в последние десятилетия XVIII столетия изглаживаются всякие следы общинной собственности земледельцев. Мы оставляем здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные рычаги.

Во время реставрации Стюартов земельные собственники провели в законодательном порядке ту узурпацию, которая на континенте совершилась везде без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «вознаградили» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право, и, наконец, октроировали сельским рабочим Англии законы о поселении («laws of settlement»), которые mutatis mutandis оказали на английских земледельцев такое же влияние, как указ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство.

на землю. — Во Франции, где экспроприация совершилась иным способом, английскому закону о бедных соответствуют Муленский ордонанс 1571 г. и эдикт 1656 г.

[198] Г-н Роджерс, несмотря на то, что он был в то время профессором политической экономии в Оксфордском университете, этом центре протестантской ортодоксии, подчеркивает в своем предисловии к «History of Agriculture» пауперизацию народных масс реформацией.

[199] «A Letter to Sir T. C. Bunbury, Brt.: On the High Price of Provisions. By a Suffolk Gentleman». Ipswich 1795, стр. 4. Даже фанатический защитник крупного фермерства, автор «Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions and the Size of Farms etc.». London 1773, стр. 139, говорит: «Я больше всего скорблю... об исчезновении наших yeomanry [йоменов], этой группы людей, которые действительно поддерживали независимость нашей нации; мне грустно видеть, что земли их находятся теперь в руках монополистов-лордов и снимаются в аренду мелкими фермерами, которые получают свои участки на условиях, почти столь же тяжелых, как вассалы, и при первом же злосчастном случае могут быть прогнаны».

«Glorious Revolution» (славная революция) вместе с Вильгельмом III Оранским[200] поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов. Они освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени. Государственные земли отдавались в подарок, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем прямой узурпации[201]. Все это совершалось без малейшего соблюдения форм законности. Присвоенное таким мошенническим способом государственное имущество наряду с землями, награбленными у церкви, поскольку они не были снова утеряны во время республиканской революции, и составляют основу современных княжеских владений английской олигархии[202]. Капиталисты-буржуа покровительствовали этой операции между прочим для того, чтобы превратить землю в предмет свободной торговли, расширить область крупного земледельческого производства, увеличить прилив из деревни поставленных вне закона пролетариев и т. д. К тому же новая земельная аристократия была естественной союзницей новой банкократии, этой только что вылупившейся из яйца финансовой знати, и владельцев крупных мануфактур, опиравшихся в то время на покровительственные пошлины. Английская буржуазия защищала здесь лишь свои собственные интересы и с этой точки зрения поступала столь же правильно, как и шведские горожане, которые преследовали противоположную задачу и, соединившись со своим экономическим оплотом — крестьянством, поддерживали королей, насильственно отбиравших у аристократии награбленные ею коронные земли (начиная с 1604 г. и затем позднее, при Карле X и Карле XI).

Общинная собственность — совершенно отличная от государственной собственности, о которой только что шла речь, — была

[200] О моральном облике этого буржуазного героя дает представление следующее: «Обширные земли в Ирландии, подаренные в 1695 г. лэди Оркней, вот общеизвестный образчик того, как сильна была любовь короля и как велико влияние лэди... Ценные услуги лэди Оркней по всей вероятности были — foeda labiorum ministeria» [грязные услуги любви]. (В Sloane Manuscript Collection, в Британском музее, № 4224. Манускрипт озаглавлен: «The Charakter and Behaviour of King William, Sunderland etc. as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc.». Он полон курьезов.)

[201] «Незаконное отчуждение коронных земель, частью путем продажи, частью путем дарения, составляет скандальную главу английской истории... гигантское надувательство нации (gigantic fraud on the nation)» (*F. W. Newman:* «Lectures on Political Economy». London 1851, стр. 129, 130). {Подробные данные относительно того, как крупные землевладельцы современной Англии приобрели свою теперешнюю собственность, см. в «Our old Nobility. By Noblesse Oblige». London 1879. — *Ф. Э.*}

[202] См., напр., памфлет Э. Берка о герцогском доме Бедфорд, отпрыском которого является лорд Джон Рассель, «the tomtit of liberalism» [«воробышек либерализма»].

старогерманским институтом, сохранившимся под покровом феодализма. Мы уже видели, что насильственная узурпация ее, сопровождаемая обыкновенно превращением пашни в пастбище, началась в конце XV и продолжалась в XVI веке. Однако в те времена процесс этот совершался в форме отдельных индивидуальных насилий, с которыми законодательство тщетно боролось в течение 150 лет. В XVIII столетии обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа народной земли, хотя независимо от этого крупные фермеры не отказываются применять и свои собственные маленькие методы[203]. Парламентской формой этого грабежа являются «Bills for Inclosures of Commons» (билли об огораживании общинной земли), т. е. декреты, при помощи которых лэндлорды сами себе подарили народную землю на правах частной собственности, — декреты, экспроприирующие народ. Сэр Ф. М. Иден, изображающий общинную собственность как частную собственность крупных землевладельцев, заступивших место феодалов, сам опровергает свою хитро построенную адвокатскую речь, требуя «общего парламентского акта об огораживании общинных земель», признавая, следовательно, что для их превращения в частную собственность необходим парламентский государственный переворот и, с другой стороны, настаивая на законодательном «возмещении убытков» экспроприированных бедняков[204].

Когда на место независимых йоменов стали tenants-at-wille, мелкие фермеры, арендовавшие землю погодно, толпа людей, рабски приниженных, всецело зависящих от произвола лэндлорда, то систематическое расхищение общинных земель наряду с грабежом государственных имуществ особенно помогло образованию тех крупных ферм, которые в XVIII веке назывались капитальными фермами[205] или купеческими фермами[206]; эти же причины способствовали превращению сельского населения в пролетариат, его «освобождению» для промышленности.

Для XVIII века не было еще в такой степени ясно, как для XIX, что национальное богатство тождественно с народной

---

[203] «Фермеры запрещают коттерам держать каких бы то ни было живых существ, кроме них самих, под тем предлогом, что, если бы у них были скот и птица, они стали бы воровать корм из закромов. Они говорят также: если хочешь, чтобы коттер был трудолюбив, держи его в бедности. В действительности все дело сводится к тому, что фермеры узурпируют, таким образом, все права на общинные земли» («A Political Inquiry into the Consequences of Enclosing Waste Lands». London 1785, стр. 75).

[204] *Eden:* «The State of the Poor», предисловие.

[205] «Capital farms» («Two Letters on the Flour Trade and the Dearness of Corn. By a Person in Business». London 1767, стр. 19, 20).

[206] «Merchant-farms» («An Inquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London 1767, стр. 11, примечание). Автором этой хорошей работы, выпущенной в свет анонимно, является свящ. Натэниель Форстер.

бедностью. Отсюда энергичнейшая полемика в экономической литературе того времени относительно «inclosure of commons» [огораживания общинных земель]. Из огромного материала, лежащего передо мной, я приведу только немногие места, особенно ярко иллюстрирующие положение того времени.

«Во многих приходах Хартфордшира, — пишет одно возмущенное перо, — 24 фермы по 50—150 акров в каждой соединены в 3 фермы»[207]. «В Нортгемптоншире и Лестершире очень распространилось огораживание общинных земель, и большинство новых лордств, получившихся путем огораживания, превращено в пастбища; вследствие этого во многих лордствах не распахивается и 50 акров, хотя раньше распахивалось до 1 500 акров... Развалины стоявших здесь некогда жилых домов, сараев, конюшен и т. д.» — вот единственные следы, оставшиеся от прежних жителей. «В некоторых местах от ста домов и семей осталось всего... 8 или 10... В большинстве приходов, где огораживание началось всего 15 или 20 лет тому назад, сохранились лишь очень немногие из тех земельных собственников, которые обрабатывали землю раньше, когда поля еще не были огорожены. Далеко не редки случаи, когда 4 или 5 богатых скотоводов узурпируют большие недавно огороженные лордства, которые раньше находились в руках 20—30 фермеров и такого же количества мелких собственников и других жителей. Все эти лица с семействами изгнаны из своих владений, вместе с ними и много других семейств, которые находили у них работу и пропитание»[208]. Под предлогом огораживания лэндлорды присваивали не только пустующие соседние земли, но зачастую также земли, обрабатываемые или самими общинниками, или лицами, снимающими их у общины за определенную плату. «Я говорю здесь об огораживании неогороженных до того времени полей и земель, которые уже были обработаны. Даже писатели, защищающие inclosures [огораживания], соглашаются, что благодаря им усиливается монопольное положение крупных ферм, которые повышают цены на жизненные средства и разрежают население... даже огораживание пустошей, в том виде, как оно практикуется в настоящее время, лишает бедняков части их средств существования и увеличивает фермы и без того уже слишком крупные»[209]. «Если земля, — пишет доктор Прайс, — попадает в руки немногих крупных фермеров, то мелкие фермеры

[207] *Thomas Wright:* «A short Address to the Public on the Monopoly of Large Farms», 1779, стр. 2, 3.

[208] Свящ. *Addington:* «Inquiry into the Reasons for and against Inclosing Open Fields». London 1772, стр. 37—43, в разных местах.

[209] *Dr. R. Price:* «Observations on Reversionary Payments», 6-е изд. By W. Morgan. London 1805, т. II, стр. 155. Прочтите Форстера, Эддингтона, Кента, Прайса и Джемса Андерсона и сравните с ними жалкую сикофантскую болтовню Мак Куллоха в его каталоге: «The Literature of Political Economy». London 1845.

(которых он раньше характеризовал как «массу мелких собственников и фермеров, существующих вместе со своими семьями на счет продукта обрабатываемой ими земли — овец, птиц, свиней и т. д., — прокармливающихся на общинной земле, так что им почти не приходится покупать средства существования на рынке») превращаются в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию трудом на других и покупать все, что им нужно, на рынке... Выполняется, быть может, больше труда, так как больше принуждают к труду... Города и мануфактуры будут расти, потому что туда гонят все большее количество людей, вынужденных искать себе заработка. Вот те результаты, к которым неизбежно должна приводить концентрация ферм и к которым она действительно приводит в нашем королевстве в течение уже столь многих лет»[210]. Общие последствия inclosures [огораживаний] он резюмирует следующим образом: «В общем положение низших классов народа ухудшилось почти во всех отношениях, мелкие землевладельцы и фермеры низведены до уровня поденщиков и наемников, а в то же время добывать средства к жизни в этом положении им стало труднее»[211]. Действительно, захват общинной земли и сопровождавшая его революция в земледелии отразились так резко на положении сельскохозяйственных рабочих, что, по словам самого Идена, заработная плата их в 1765—1780 гг. стала падать ниже минимума, вследствие чего ее приходилось дополнять из средств официальной благотворительности. Их заработной платы, говорит он, «хватало лишь для удовлетворения абсолютно необходимых жизненных потребностей».

---

[210] *Dr. R. Price:* «Observations etc.», стр. 147.

[211] Там же, стр. 159. Это напоминает древний Рим. «Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Доверяя благоприятно сложившимся для них условиям того времени, они не боялись, что земли эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо отдельных полей. При этом для земледельческих работ и скотоводства они употребляли рабов, так как свободные люди были бы взяты на военную службу и, следовательно, не могли бы у них работать; обладание рабами приносило им еще ту крупную выгоду, что вследствие освобождения от военной службы рабы могли спокойно размножаться, доставляя хозяевам массу детей. Таким образом сильные люди сосредоточили в своих руках все богатства, и вся страна кишела рабами. Италийцев же становилось все меньше благодаря свирепствовавшей среди них нищете, налогам и военной службе. А когда наступали мирные времена, они были осуждены на полную бездеятельность, так как богатые обладали всей землей и вместо свободных людей употребляли рабов для возделывания земли» (*Appian:* «Römische Bürgerkriege», I, 7). [Ср. *Аппиан:* «Гражданские войны», изд. Огиз, 1935 г., стр. 20.] Это место относится к эпохе, предшествовавшей закону Лициния. Военная служба, так сильно ускорившая разорение римского плебса, для Карла Великого была главным средством ускорить превращение свободных немецких крестьян в феодально-зависимых и крепостных.

бедностью. Отсюда энергичнейшая полемика в экономической литературе того времени относительно «inclosure of commons» [огораживания общинных земель]. Из огромного материала, лежащего передо мной, я приведу только немногие места, особенно ярко иллюстрирующие положение того времени.

«Во многих приходах Хартфордшира, — пишет одно возмущенное перо, — 24 фермы по 50—150 акров в каждой соединены в 3 фермы»[207]. «В Нортгемптоншире и Лестершире очень распространилось огораживание общинных земель, и большинство новых лордств, получившихся путем огораживания, превращено в пастбища; вследствие этого во многих лордствах не распахивается и 50 акров, хотя раньше распахивалось до 1 500 акров... Развалины стоявших здесь некогда жилых домов, сараев, конюшен и т. д.» — вот единственные следы, оставшиеся от прежних жителей. «В некоторых местах от ста домов и семей осталось всего... 8 или 10... В большинстве приходов, где огораживание началось всего 15 или 20 лет тому назад, сохранились лишь очень немногие из тех земельных собственников, которые обрабатывали землю раньше, когда поля еще не были огорожены. Далеко не редки случаи, когда 4 или 5 богатых скотоводов узурпируют большие недавно огороженные лордства, которые раньше находились в руках 20—30 фермеров и такого же количества мелких собственников и других жителей. Все эти лица с семействами изгнаны из своих владений, вместе с ними и много других семейств, которые находили у них работу и пропитание»[208]. Под предлогом огораживания лэндлорды присваивали не только пустующие соседние земли, но зачастую также земли, обрабатываемые или самими общинниками, или лицами, снимающими их у общины за определенную плату. «Я говорю здесь об огораживании неогороженных до того времени полей и земель, которые уже были обработаны. Даже писатели, защищающие inclosures [огораживания], соглашаются, что благодаря им усиливается монопольное положение крупных ферм, которые повышают цены на жизненные средства и разрежают население... даже огораживание пустошей, в том виде, как оно практикуется в настоящее время, лишает бедняков части их средств существования и увеличивает фермы и без того уже слишком крупные»[209]. «Если земля, — пишет доктор Прайс, — попадает в руки немногих крупных фермеров, то мелкие фермеры

[207] *Thomas Wright:* «A short Address to the Public on the Monopoly of Large Farms», 1779, стр. 2, 3.

[208] Свящ. *Addington:* «Inquiry into the Reasons for and against Inclosing Open Fields». London 1772, стр. 37—43, в разных местах.

[209] *Dr. R. Price:* «Observations on Reversionary Payments», 6-е изд. By W. Morgan. London 1805, т. II, стр. 155. Прочтите Форстера, Эддингтона, Кента, Прайса и Джемса Андерсона и сравните с ними жалкую сикофантскую болтовню Мак Куллоха в его каталоге: «The Literature of Political Economy». London 1845.

(которых он раньше характеризовал как «массу мелких собственников и фермеров, существующих вместе со своими семьями на счет продукта обрабатываемой ими земли — овец, птиц, свиней и т. д., — прокармливающихся на общинной земле, так что им почти не приходится покупать средства существования на рынке») превращаются в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию трудом на других и покупать все, что им нужно, на рынке... Выполняется, быть может, больше труда, так как больше принуждают к труду... Города и мануфактуры будут расти, потому что туда гонят все большее количество людей, вынужденных искать себе заработка. Вот те результаты, к которым неизбежно должна приводить концентрация ферм и к которым она действительно приводит в нашем королевстве в течение уже столь многих лет»[210]. Общие последствия inclosures [огораживаний] он резюмирует следующим образом: «В общем положение низших классов народа ухудшилось почти во всех отношениях, мелкие землевладельцы и фермеры низведены до уровня поденщиков и наемников, а в то же время добывать средства к жизни в этом положении им стало труднее»[211]. Действительно, захват общинной земли и сопровождавшая его революция в земледелии отразились так резко на положении сельскохозяйственных рабочих, что, по словам самого Идена, заработная плата их в 1765—1780 гг. стала падать ниже минимума, вследствие чего ее приходилось дополнять из средств официальной благотворительности. Их заработной платы, говорит он, «хватало лишь для удовлетворения абсолютно необходимых жизненных потребностей».

---

[210] *Dr. R. Price:* «Observations etc.», стр. 147.

[211] Там же, стр. 159. Это напоминает древний Рим. «Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Доверяя благоприятно сложившимся для них условиям того времени, они не боялись, что земли эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо отдельных полей. При этом для земледельческих работ и скотоводства они употребляли рабов, так как свободные люди были бы взяты на военную службу и, следовательно, не могли бы у них работать; обладание рабами приносило им еще ту крупную выгоду, что вследствие освобождения от военной службы рабы могли спокойно размножаться, доставляя хозяевам массу детей. Таким образом сильные люди сосредоточили в своих руках все богатства, и вся страна кишела рабами. Италийцев же становилось все меньше благодаря свирепствовавшей среди них нищете, налогам и военной службе. А когда наступали мирные времена, они были осуждены на полную бездеятельность, так как богатые обладали всей землей и вместо свободных людей употребляли рабов для возделывания земли» (*Appian:* «Römische Bürgerkriege», I, 7). [Ср. *Аппиан:* «Гражданские войны», изд. Огиз, 1935 г., стр. 20.] Это место относится к эпохе, предшествовавшей закону Лициния. Военная служба, так сильно ускорившая разорение римского плебса, для Карла Великого была главным средством ускорить превращение свободных немецких крестьян в феодально-зависимых и крепостных.

Послушаем теперь одного защитника inclosures [огораживаний], противника доктора Прайса. «Неправильно заключение, что страна обезлюдела, потому что население не расточает более своего труда на открытых полях... Если после превращения мелких крестьян в людей, вынужденных работать на других, приведено в движение большее количество труда, то это только выгодно и желательно для нации (к которой потерпевшие превращение крестьяне, разумеется, не относятся)... Продукта получается больше, если их комбинированный труд применяется на одной ферме: таким путем создается прибавочный продукт для мануфактур и, следовательно, мануфактуры — эти золотые россыпи нашей страны — возрастают численно соответственно количеству производимого хлеба»[212].

Сэр Ф. М. Иден, человек торийского направления и к тому же «филантроп», дает нам между прочим образчик того стоического спокойствия духа, с которым экономисты рассматривают самые наглые нарушения «священного права собственности» и самые грубые насилия над личностью, если они требуются для того, чтобы заложить основы капиталистического способа производства. Бесконечный ряд грабежей, жестокостей и всякого рода насилий, сопровождавший насильственную экспроприацию народа начиная с последней трети XV и до конца XVIII столетия, приводит его лишь к следующему «весьма удобному» заключительному размышлению: «Необходимо было установить надлежащую (due) пропорцию между пашней и пастбищем. Еще в течение всего XIV и большей части XV столетия один акр пастбищ приходился на 2, 3 и даже 4 акра пашни. В середине XVI столетия пропорция эта изменилась таким образом, что 2 акра пастбища стали приходиться на 2, позднее на 1 акр пашни, пока, наконец, не была достигнута надлежащая пропорция: 3 акра пастбища на один акр пашни».

В XIX веке исчезло, конечно, и самое воспоминание о связи между земледельцем и общинной собственностью. Не говоря уже о позднейшем времени, получило ли сельское население хоть копейку вознаграждения за те 3 511 770 акров общинной земли, которые были у него отняты между 1801 и 1831 гг. и подарены лэндлордам парламентом, состоящим из лэндлордов?

Наконец, последний крупный процесс экспроприации земли у земледельцев известен под именем «Clearing of Estates» («Очистка имений» — в действительности очистка их от людей). «Очистка» представляет собою кульминационный пункт всех рассмотренных

---

[212] «An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions etc.», стр. 124, 129. Подобные же рассуждения, но окрашенные противоположной тенденцией, мы находим у другого автора: «Рабочие выгнаны из своих коттэджей и вынуждены устремиться в города в поисках занятий, — но при этом получается больше добавочного продукта, и таким образом капитал возрастает» («The Perils of the Nation», 2-е изд., London 1843, стр. XIV).

выше английских методов экспроприации. Как мы видели в прошлом отделе, где рассматривались современные отношения, в настоящее время, когда уже не осталось независимых крестьян, которых можно было бы вымести, дело доходит до «очистки» земли от коттэджей, так что сельские рабочие уже не находят себе необходимого места для жилья на обрабатываемой ими земле. Что такое «Clearing of Estates» в собственном смысле этого слова, мы можем узнать, лишь обратившись к горной Шотландии, этой обетованной земле современных романов. Там процесс этот отличается своим систематическим характером, широтою масштаба, при котором он совершается разом (в Ирландии лэндлорды сносят по нескольку деревень сразу; в горной Шотландии сразу «очищаются» участки земли величиною с германские герцогства), и, наконец, особой формой экспроприируемого землевладения.

Кельты горной Шотландии состояли из кланов, каждый из которых был собственником занятой им земли. Представитель клана, глава его, или «большой человек», был собственником этой земли лишь в силу титула совершенно так же, как английская королева является в силу своего титула собственницей всей национальной территории. Когда английскому правительству удалось подавить внутренние войны между этими «большими людьми» и их постоянные набеги на жителей равнинной Шотландии, тогда главы кланов отнюдь не отказались от своего старого разбойничьего ремесла; только форма последнего изменилась. Собственной своей властью они превратили свое право собственности в силу титула в право частной собственности, и так как они увидали, что рядовые члены клана, — пролития крови которых для них уже не требовалось, — оказывают сопротивление их стремлениям к обогащению, то решили сгонять их с земли путем открытого насилия. «С таким же основанием король Англии мог бы претендовать на право сгонять своих подданных с государственной территории в море», — говорит профессор Ньюмэн[213]. Эту революцию, начавшуюся в Шотландии вслед за последним восстанием претендента, можно проследить в ее первых фазах по работам сэра Джемса Стюарта[214] и Джемса Андерсона[215]. В XVIII столетии гэлам, которых сгоняли с земли, воспрещалась в то же время эмиграция,

[213] *F. W. Newman:* «Lectures on Political Economy». London 1851, стр. 132.

[214] Стюарт говорит: «Ренты с этих земель (он ошибочно подводит под экономическую категорию земельной ренты дани, уплачиваемые вассалами главе клана) безусловно незначительны по сравнению с размерами последних; что же касается числа лиц, живущих арендой, то, быть может, окажется, что клочок земли в горных местностях Шотландии прокармливает в десять раз больше людей, чем земля такой же стоимости в самых богатых провинциях» (Works etc., ed. by General Sir James Steuart, his son. London 1801, т. I, гл. XVI, стр. 104).

[215] *James Anderson:* «Observations on the Means of exciting a Spirit of National Industry etc.». Edinburgh 1777.

так как хотели насильно загнать их в Глазго и другие фабричные города[216]. Как пример метода, господствующего в XIX столетии[217], мы приведем здесь «очистки», произведенные герцогиней Сэтерленд. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в области политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению и превратить в пастбище все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было низведено до 15 000 человек. С 1814 по 1820 г. эти 15 000 жителей — около 3 000 семейств — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем эта дама присвоила себе 794 000 акров земли, с незапамятных времен принадлежавших клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6 000 акров земли, по 2 акра на семейство. Эти 6 000 акров представляли пустырь и не приносили собственникам никакого дохода. Герцогиня обнаружила столь высокое благородство чувств, что сдала землю в среднем по 2 ш. 6 п. за акр тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю награбленную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна-единственная семья, большей ча-

[216] В 1860 г. насильственно экспроприированные были вывезены в Канаду, причем им давали заведомо ложные обещания. Некоторые из них бежали в горы и на соседние острова. За ними была наряжена погоня из полицейских, от которых они скрылись после рукопашной схватки с ними.

[217] «В горных областях, — пишет в 1814 г. Бьюкенен, комментатор А. Смита, — старая система собственности ежедневно насильственно опрокидывается... Лэндлорд, не обращая внимания на наследственных арендаторов (в данном случае эта категория также неправильно применена), отдает землю тому, кто предлагает за нее высшую плату, и если этот последний улучшает возделывание, он тотчас же вводит новую систему культуры. Земля, раньше усеянная мелкими крестьянами, была населена в соответствии с количеством получаемого с нее продукта; при новой системе улучшенной культуры и увеличенной ренты стараются добыть возможно больше продукта с возможно меньшими издержками и ради этой цели удаляют все руки, ставшие бесполезными... Люди, изгнанные из родной земли, ищут средств существования в фабричных городах и т. д.» (*David Buchanan:* «Observations on etc. A. Smith's Wealth of Nations». Edinburgh 1814, т. IV, стр. 144). «Шотландская знать экспроприировала крестьянские семьи, выбросив их, как сорную траву; она обращается с деревнями и их населением, как индейцы, охваченные местью, с берлогами диких зверей... Человек продается за овчину, за баранью ногу, даже еще дешевле... При набеге на северные провинции Китая на совете монголов было предложено уничтожить обитателей и превратить их землю в пастбище. Многие лэндлорды горной Шотландии выполнили этот проект в собственной стране по отношению к своим соотечественникам» (*George Ensor:* «An Inquiry concerning the Population of Nations». London 1818, стр. 215, 216).

стью английские арендаторы-батраки. В 1825 г. 15 000 гэлов уже были замещены 131 000 овец. Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась прокормиться рыболовством. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского писателя, наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование [218].

Но бравых гэлов ждало новое и еще более тяжелое испытание за их горно-романтическое преклонение перед «большими людьми» клана. Запах рыбы бросился в нос «большим людям». Они пронюхали в нем нечто прибыльное и сдали морское побережье в аренду крупным лондонским рыботорговцам. Гэлы были изгнаны вторично [219].

Но, в конце концов, и часть пастбищ для овец, в свою очередь, превращается в охотничьи парки. Как известно, в Англии нет настоящих лесов. Дичь, обитающая в парках аристократов, есть конституционное домашнее животное, она жирна, как лондонские альдермены [члены городского совета]. Шотландия представляет собою последнее убежище этой благородной страсти. «В горных областях, — пишет Сомерс в 1848 г., — площадь, занятая лесом, значительно расширилась [219a]. Здесь, по одну сторону Гейка, вы видите новый лес Гленфеши, там, по другую его сторону, новый лес Ардверики. Там же расстилается перед вами Блэк-Маунт, огромная недавно запущенная пустошь. С востока к западу, от окрестностей Эбердина до скал Обэна, тянется в настоящее время непрерывная линия лесов, между тем как в других частях горной страны новые леса находятся в Лок Аркэйг, Гленгарри, Гленмористон и т. д... Превращение земли в пастбища для овец... выгнало гэлов на менее плодородные земли. Теперь красная дичь начинает вытеснять овец, что повергает гэлов в еще более безвыходную нищету...

[218] Когда нынешняя герцогиня Сэтерленд устроила в Лондоне пышную встречу миссис Бичер-Стоу, автору «Uncle Tom's Cabin» [«Хижины дяди Тома»], с целью демонстрировать свою симпатию к неграм-рабам американской республики, — об этой симпатии она вместе с другими аристократками благоразумно забыла во время гражданской войны, когда все «благородные» английские сердца сочувствовали рабовладельцам, — я рассказал в «New York Tribune» о том, как живут рабы самой Сэтерленд [Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 80] (часть моей статьи цитирована у *Кэри* в «The Slave Trade». Philadelphia 1853, стр. 202, 203). Статья эта была перепечатана одной шотландской газетой и вызвала энергичную полемику между этой последней и сикофантами Сэтерленд.

[219] Интересные данные об этой рыбной торговле мы находим у Давида Уркарта: «Portfolio. New Series». — Нассау В. Сениор в своем выше цитированном посмертном сочинении «Journals, Conversations and Essay relating to Ireland», London 1868, квалифицирует «мероприятия в Сэтерлендшире как одну из самых благодетельных «очисток» (clearings), какие только знает человечество» (там же).

[219a] В шотландских «deer forests» [охотничьих парках] нет ни одного дерева. Овец угоняют прочь, на место их сгоняют оленей на голые горы и называют это «deer forest». Таким образом, здесь нет даже лесоразведения.

Охотничий парк и народ не могут ужиться вместе. Тот или другой должны очистить место. Если в ближайшую четверть века места для охоты будут численно и по своим размерам возрастать в такой же степени, как они возрастали в прошлую четверть века, то ни одного гэла не останется более на родной земле. Это движение среди землевладельцев горных местностей вызвано отчасти модой, аристократической причудой, страстью к охоте и т. п., отчасти же они ведут торговлю дичью, имея в виду исключительно выгоду. Ибо фактически участок горной земли, отведенный для охоты, оказывается во многих случаях несравненно более доходным, чем тот же участок, превращенный в пастбище для овец... Любитель, ищущий места для охоты, готов предложить такую цену, какую только позволяют размеры его кошелька... Бедствия, постигшие горную Шотландию, не менее ужасны, чем те, которые постигли Англию благодаря политике норманских королей. Дичь получила больше простора, но зато людей скучивают в пределах, все более и более тесных... У народа отнимают одну вольность за другой... И гнет ежедневно возрастает. «Очистка» и изгнание населения практикуются собственниками как твердо установленный принцип, как чисто техническая земледельческая мера; подобно тому, как на девственных землях Америки и Австралии сводятся деревья и кусты, так тут поступают с людьми, совершая эту операцию спокойным деловым образом»[220].

---

[220] *Robert Somers:* «Letters from the Highlands; or, the Famine of 1847». London 1848, стр. 12—28, в разных местах. Эти письма появились первоначально в «Times». Английские экономисты, само собой разумеется, объясняли голод, постигший гэлов в 1847 г., их перенаселением. Во всяком случае последние, видите ли, «давили» на средства своего существования. В Германии «Clearing of Estates» или, как оно называлось здесь, «Bauernlegen» [«холощение крестьян»] развилось с особенной силой после Тридцатилетней войны и еще в 1790 г. вызвало крестьянские восстания в курфюршестве Саксонии. Оно господствовало преимущественно в восточной Германии. В большинстве провинций Пруссии право собственности было гарантировано крестьянам только Фридрихом II. Завоевав Силезию, он принудил ее лэндлордов восстановить крестьянские избы, амбары и т. п. и снабдить крестьянские хозяйства скотом и орудиями. Ему нужны были солдаты для армии и плательщики налогов для казначейства. Насколько приятна была жизнь крестьянина при Фридрихе II с его безобразной финансовой политикой и его системой управления, представляющей смесь деспотизма, бюрократизма и феодализма, об этом свидетельствуют следующие слова Мирабо, горячего поклонника Фридриха: «Лен составляет одно из главных богатств земледельца северной Германии. Но, к несчастью для рода человеческого, это — только средство против крайней нищеты, а не источник благосостояния. Прямые налоги, дворовые службы, разнообразные барщины разоряют крестьянина, который к тому же платит косвенные налоги на все, что он покупает,... и в довершение бедствия он не смеет продавать свои произведения там, где хочет, и за столько, за сколько хочет; он не смеет покупать необходимые ему продукты у тех купцов, которые согласны продать их за наиболее выгодную цену. Все эти обстоятельства мало-помалу разоряют его, и он не мог бы платить прямых налогов, если бы не занимался прядением; это последнее доставляет ему необходимое

Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинных имуществ, осуществляемое путем узурпации и с беспощадным терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путем удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата.

3. КРОВАВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ ЭКСПРОПРИИРОВАННЫХ С КОНЦА XV ВЕКА. ЗАКОНЫ С ЦЕЛЬЮ ПОНИЖЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ.

Люди, выгнанные вследствие роспуска феодальных дружин и оторванные от земли насильственной, осуществлявшейся толчками экспроприацией, этот поставленный вне закона пролетариат поглощался развивающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появлялся на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной новой своей обстановки.

подспорье, давая возможность использовать силы его жены, его детей, слуг и служанок и его самого. Но какая жалкая жизнь, даже с этим подспорьем! Летом он работает, как каторжник; в периоды обработки полей и сбора урожая он ложится в 9 часов и встает в 2, чтобы управиться с тяжелой работой; зимой он должен бы восстановить свои силы, пользуясь более продолжительным отдыхом; но у него нехватит зерна на хлеб и на семена, если он отдаст ту часть урожая, которую необходимо продать для уплаты налогов. Итак, приходится прясть, чтобы заполнить эту прореху,... приходится заниматься пряденнем с величайшим напряжением. Поэтому крестьянин зимой ложится в полночь или в час ночи и встает в пять или шесть часов утра или же ложится в девять и встает в два, — и так ежедневно в течение всей своей жизни, за исключением воскресных дней... Это чрезмерно продолжительное бодрствование и этот чрезмерно интенсивный труд истощает организм человека; вот почему в деревне мужчины и женщины стареют гораздо скорее, чем в городах» (*Mirabeau:* «De la Monarchie Prussienne». Londres 1788, т. III, стр. 212 и сл.).

Добавление ко 2-му изд. В апреле 1866 г., 18 лет спустя после опубликования цитированной выше работы Роберта Сомерса, профессор Леон Леви читал в Society of Arts доклад о превращении пастбищ в охотничьи парки. Он рассказывал, насколько подвинулось вперед превращение горной Шотландии в пустыню, и между прочим говорил: «Изгнание населения и превращение земли в пастбища для овец послужило самым удобным средством для получения дохода без соответственных затрат... Замена пастбищ для овец охотничьими парками стала обычной в горной Шотландии. Овцы изгоняются дикими зверями, подобно тому как раньше изгонялись люди, чтобы очистить место для овец... В Форфаршире вы можете пройти от поместий графа Дэлхузи вплоть до поместий Джон о'Грот, не выходя из района охотничьих лесов. — Во многих (из этих лесов) давно уже живут лисицы, дикие кошки,

Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг — частью добровольно, в большинстве случаев под давлением необходимости. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях.

В Англии это законодательство началось при Генрихе VII.

Согласно акту Генриха VIII от 1530 г., старые и неспособные к труду нищие получают разрешение собирать милостыню. Но наказание плетьми и тюремное заключение грозят работоспособным бродягам. Закон предписывает привязывать их к тачке и бичевать, пока кровь не заструится по телу, и затем брать с них клятвенное обещание возвратиться на родину или туда, где они провели последние три года, и «приняться за труд» (to put himself to labour). Какая жестокая ирония! Акт 27 Генриха VIII подтверждает этот закон и усиливает его кары новыми добавлениями. При рецидиве бродяжничества наказание плетьми повторяется и кроме того отрезывается половина уха; если же бродяга попадается в

куницы, хорьки, ласки и альпийские зайцы; кролики же, белки и крысы лишь за последнее время появились там. Огромные земельные площади, фигурирующие в шотландской статистике как луга, необычно богатые и обширные, изъяты в настоящее время от всякой культурной обработки и посвящены исключительно охотничьей забаве немногих лиц, — забаве, продолжающейся лишь немного дней в году».

Лондонский «Economist» от 2 июня 1866 г. пишет: «Одна шотландская газета в числе новостей последней недели между прочим сообщает: «Одна из лучших овечьих ферм в Сэтерлендшире, за которую недавно по истечении срока контракта было предложено 1 200 ф. ст. годовой ренты, превращена в deer forest [охотничий парк]!». Феодальные инстинкты проявляются так же,... как во времена норманского завоевания,... когда было разрушено 36 деревень, чтобы создать на их месте New Forest [Новый лес]... Два миллиона акров, в том числе несколько плодороднейших участков Шотландии, превращены в совершенную пустыню. Трава, произрастающая на лугах в Глен Тилт, считалась наиболее питательным кормом в графстве Перт; охотничий парк в Бен Ольдер давал самую лучшую траву в обширном округе Баденок; часть леса Блэк Маунт представляла самое лучшее в Шотландии пастбище для черных овец. О размерах площади, превращенной в пустоши ради любителей охоты, можно себе составить представление на основании того факта, что площадь эта охватывает гораздо более обширное пространство, чем все графство Перт. Как много средств производства теряет страна вследствие этого насильственного опустошения, видно из того, что почва леса Бен Ольдер могла бы прокормить 15 000 овец и что площадь этого леса составляет лишь $^{1}/_{30}$ всей охотничьей области Шотландии... Вся эта охотничья земля пропадает совершенно даром для производства; ...результат тот же, как если бы она погрузилась в воды Северного моря. Сильная рука закона должна бы положить конец этому вытекающему из причуд созданию пустошей и пустырей».

третий раз, то он подвергается смертной казни как тяжкий преступник и враг общества.

Эдуард VI в 1547 г. — в первый же год своего царствования — издает закон, по которому всякий, уклоняющийся от работы, отдается в рабство тому лицу, которое донесет на него как на праздношатающегося. Хозяин должен кормить своего раба хлебом и водой, давать ему слабые напитки и такие мясные отбросы, какие ему заблагорассудится. Он имеет право плетьми и наложением цепей принуждать его ко всякой работе, как бы отвратительна она ни была. Если раб самовольно отлучается на 2 недели, то он осуждается на пожизненное рабство, и на его лоб или на щеку кладут клеймо «S»; если он убегает в третий раз, его казнят как государственного преступника. Хозяин может его продать, завещать по наследству, отдать внаймы как раба, как всякое движимое имущество или скот. Если рабы замыслят что-либо против своих господ, то они также подлежат смертной казни. Мировые судьи обязаны разыскивать беглых рабов по заявлению господ. Если окажется, что беглый бродяга три дня шатался без дела, то его отправляют на родину, выжигают раскаленным железом на его груди клеймо «V» и, заковав в цепи, употребляют для дорожных и других работ. Бродяга, неправильно указавший место своего рождения, в наказание за это обращается в пожизненного раба соответствующего селения, его жителей или корпорации и получает клеймо «S». Всякий имеет право отнять у бродяги его детей и держать их при себе в качестве учеников — юношей до 24 лет, девушек до 20 лет. Если они убегают, то до наступления указанного возраста обращаются в рабов своих хозяев-воспитателей, которые получают право по произволу заковывать их в цепи, бить плетьми и т. п. Хозяин может надеть железное кольцо на шею, ноги или руки своего раба, чтобы легче отличать его от других и затруднить ему возможность скрыться[221]. В последней части этого закона предусматриваются случаи, когда бедные должны работать на тот округ или тех лиц, которые берутся их кормить, поить и снабжать работой. Такого рода рабы — рабы приходов — сохранились в Англии вплоть до XIX века под именем roundsmen (приходчики).

Закон Елизаветы от 1572 г.: нищие старше 14 лет, не имеющие разрешения собирать милостыню, подвергаются жестокому наказанию кнутом и наложением клейма на левое ухо, если никто не соглашается взять их в услужение на два года; в случае рецидива нищие старше 18 лет подвергаются смертной казни, если

---

[221] Автор «Essay on Trade etc.» замечает: «В царствование Эдуарда VI англичане с полной, повидимому, серьезностью принялись за поощрение мануфактур и доставление бедным занятий. Это видно из одного замечательного закона, в котором говорится, что на всех бродяг должно быть наложено клеймо» и т. д. («An Essay on Trade and Commerce». London 1770, стр. 5).

никто не соглашается взять их на 2 года в услужение; при третьем рецидиве их казнят без всякой пощады как государственных преступников. Аналогичные предписания содержат законы: 18 Елизаветы ст. 13 и закон 1597 г.[221a].

Согласно закону Иакова I, лицо, праздношатающееся и просящее милостыню, считается бродягой. Мировые судьи в Petty Sessions [заседание суда с участием двух или нескольких мировых судей] уполномочены подвергать таких бродяг публичному наказанию плетьми и заключать в тюрьму попавшихся первый раз на 6 месяцев, попавшихся второй раз — на 2 года. Во время тюремного заключения они подвергаются наказанию плетьми так часто и в таких размерах, как это заблагорассудится мировым судьям... Неисправимых и опасных бродяг предписывается клеймить, выжигая на левом плече букву «R», и употреблять на принудительные работы; если же они еще раз попадаются в нищенстве, их

[221a] Томас Мор говорит в своей «Утопии»: «Так-то и случается, что жадный и ненасытный обжора, настоящая чума своей родины, собирает в своих руках тысячи акров земли и обносит их плетнем или забором, или своими насилиями и притеснениями доводит собственников до того, что они вынуждены продать все свое имущество. Тем или другим способом, не мытьем, так катаньем, донимают их, и они, наконец, вынуждены выселиться — эти бедные, простые, несчастные люди! Мужчины и женщины, мужья и жены, сироты и вдовы, объятые отчаянием матери с грудными детьми, все домочадцы, бедные средствами к жизни, но многочисленные, так как земледелие требовало много рабочих рук. Они бредут прочь, говорю я, покидают свои привычные родные места и нигде не находят приюта. Продажа всей домашней утвари, хотя и не имеющей большой ценности, могла бы при других условиях оказать им некоторую помощь, но, внезапно выброшенные на улицу, они вынуждены распродавать имущество за бесценок. И когда этими несчастными скитальцами истрачено все до последней копейки, то скажите, бога ради, что же им остается делать, как не красть? Но тогда их вешают по всей форме закона. Или просить милостыню? Но тогда их заключают в тюрьму как бродяг за то, что они шатаются без дела: их обвиняют в безделъничестве, — их, которым ни одна душа не хочет дать работы, как бы ревностно они ее ни добивались». [Ср. *Томас Мор:* «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», изд. Academia, 1935 г., стр. 60.] Из числа этих бедных изгнанников, которых, по словам Томаса Мора, прямо-таки принуждали к воровству, «в царствование Генриха VIII было казнено 72 000 больших и малых воров» (*Holinshed:* «Description of England», т. I, стр. 186). Во времена Елизаветы «бродяг вешали целыми рядами, и не проходило года, чтобы в том или другом месте не было повешено их 300 или 400 человек» (*Strype:* «Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other Various Occurrences in the Church of England during Queen Elisabeth's Happy Reign», 2-е изд., 1725, т. II). Согласно тому же самому Страйпу, в Сомерсетшире в течение одного только года было казнено 40 человек, на 35 наложены клейма, 37 подвергнуто наказанию плетьми и 183 «отчаянных негодяя» выпущено на волю. Тем не менее, говорит этот друг человечества, «это значительное число обвиняемых не составляет и $^1/_5$ всех подлежащих наказанию преступников благодаря попустительству мировых судей и нелепому состраданию народа». Он добавляет: «Другие графства Англии были не в лучшем положении, чем Сомерсетшир, многие даже в гораздо худшем».

казнят без милосердия. Эти предписания закона действовали вплоть до начала XVIII века и были отменены лишь актом 12 Анны ст. 23.

Подобные законы и во Франции, где в половине XVII века парижские бродяги основали так называемое «королевство бродяг» (royaume des truands). Еще в начале царствования Людовика XVI был издан ордонанс (от 13 июля 1777 г.), который предписывал ссылать на галеры каждого здорового человека в возрасте от 16 до 60 лет, если он не имел средств к существованию и определённой профессии. Аналогичные меры предписываются законом Карла V для Нидерландов (октябрь 1537 г.), первым эдиктом штатов и городов Голландии от 19 марта 1614 г., плакатом Соединенных провинций от 25 июня 1649 г. и т. д.

Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бродяг, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетьми, клеймами, пытками.

Мало того, что на одном полюсе выступают условия труда как капитал, на другом полюсе — люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы. Недостаточно также принудить этих людей добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия капиталистического способа производства самоочевидными естественными законами. Организация, присущая капиталистическому процессу производства, сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а следовательно, и заработную плату в границах, соответствующих потребности капитала в самовозрастании; слепой гнет экономических отношений укрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное насилие, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства», т. е. зависимости от капитала, которая создается самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще возникало. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления.

Класс наемных рабочих, возникший в последней половине XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии очень

ничтожную часть народа; его положение находило себе сильную опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах. Как в деревне, так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу. Подчинение труда капиталу было лишь формальным, т. е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером. Переменный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом. Вследствие этого спрос на наемный труд быстро возрастал при каждом накоплении капитала, а предложение наемного труда лишь медленно следовало за спросом. Значительная часть национального продукта, превратившегося позднее в фонд накопления капитала, в то время еще входила в фонд потребления рабочего.

Законодательство относительно наемного труда, с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему классу[222], начинается в Англии при Эдуарде III Statute of Labourers [Статутом о рабочих], изданным в 1349 г. Во Франции ему соответствует ордонанс 1350 г., изданный от имени короля Жана. Английское и французское законодательства развиваются параллельно и по содержанию своему тождественны. Поскольку рабочие статуты стараются добиться удлинения рабочего дня, я не стану их касаться, так как этот пункт уже рассмотрен выше (глава восьмая, 5).

Statute of Labourers [Статут о рабочих] был издан вследствие настоятельных жалоб палаты общин. «Прежде, — наивно замечает один тори, — бедные требовали столь высокой заработной платы, что это угрожало промышленности и богатству. Теперь заработная плата их настолько низка, что это опять-таки является угрозой промышленности и богатству, хотя и иной, чем раньше, и, быть может, еще более опасной, чем тогда»[223]. Законом устанавливается тариф заработной платы для города и деревни, для сдельной и поденной работы. Сельские рабочие должны наниматься на год, городские же — на произвольные сроки, «на вольном рынке». Под страхом тюремного наказания воспрещается выдавать плату более высокую, чем указанная в статутах, причем лица, получившие такую незаконную плату, наказываются сильнее, чем уплатившие ее. Так, напр., еще в Елизаветинском статуте об учениках ст. ст. 18 и 19 назначают десятидневное тюремное заключение для того, кто выдал плату сверх нормы, и трехнедельное заключение для того, кто ее принял. Закон 1360 г. назначал еще

[222] «Всякий раз, когда законодательство пыталось регулировать споры между хозяевами и их рабочими, его советниками были хозяева», — говорит А. Смит. «L'esprit des lois, c'est la propriété» [«Собственность — вот дух законов»] — говорит Лэнге.

[223] «Sophisms of Free Trade. By a Barrister». London 1850, стр. 235. Он ехидно прибавляет: «Мы всегда были готовы вмешаться в пользу предпринимателей; неужели мы ничего не можем сделать в пользу рабочих?» [стр. 236].

более суровые наказания и даже уполномочивал хозяев заставлять рабочих путем физического принуждения работать согласно установленному законом тарифу. Все союзы, договоры, клятвы и т. п., которыми обязывали друг друга каменщики и плотники, были объявлены недействительными. Коалиции рабочих рассматривались как тяжкое преступление начиная с XIV века и вплоть до 1825 г., когда были отменены законы против коалиций. Дух Статута о рабочих 1349 г. и всех последующих законов ярко сказывается в том, что государство устанавливает лишь максимум заработной платы, но отнюдь не ее минимум.

В XVI столетии положение рабочих, как известно, очень ухудшилось. Денежная плата повысилась, но далеко не в той степени, в какой упала цена денег и повысились цены товаров. Следовательно, фактически заработная плата упала. Тем не менее законы, направленные к понижению заработной платы, продолжали действовать; неукоснительно отрезывались уши и налагались клейма на тех, «кого никто не соглашался взять в услужение». Закон об учениках 5 Елизаветы ст. 3 уполномочивает мировых судей устанавливать определенные заработные платы и видоизменять их сообразно временам года и товарным ценам. Иаков I распространил это регулирование труда на ткачей, прядильщиков и всякие иные категории рабочих[224]. Георг II распространил законы против рабочих коалиций на все мануфактуры.

В собственно мануфактурный период капиталистический способ производства достаточно окреп для того, чтобы сделать законодательное регулирование заработной платы и невыполнимым и ненужным, но, несмотря на то, все же хотели удержать на всякий

[224] Из одного пункта статута 2 Иакова I ст. 6 видно, что некоторые суконщики, бывшие в то же время мировыми судьями, позволяли себе официально устанавливать тариф заработной платы в своих собственных мастерских. В Германии очень часто издавались статуты для понижения заработной платы, особенно после Тридцатилетней войны. «Помещиков очень тяготил недостаток слуг и рабочих в обезлюдевших местностях. Всем деревенским жителям было воспрещено сдавать в наем комнаты холостым мужчинам и женщинам; обо всех такого рода постояльцах приказано доносить начальству, и они должны быть заключены в тюрьму, если не пожелают пойти в услужение, хотя бы они поддерживали свое существование какими-либо другими занятиями, работами на крестьян за поденную плату или даже торговали деньгами и хлебом» («Kaiserliche Privilegien und Sanctionen für Schlesien», I, 125). В течение всего столетия в указах государей не прекращаются горькие жалобы на испорченную и распущенную челядь, которая не подчиняется строгому режиму, не довольствуется установленной законом платой; отдельному помещику воспрещается выдавать более высокую плату, чем установлено таксой, выработанной для всей округи. И все же после войны условия, в которых находились слуги, были иногда лучше, чем сто лет спустя; в Силезии слуги еще в 1652 г. получали мясо два раза в неделю, тогда как в настоящем столетии в той же Силезии имеются места, где слуги получают мясо лишь три раза в год. И заработная плата была после войны выше, чем в последующие столетия» (*G. Freitag:* [«Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes». Leipzig 1862, стр. 34, 35]).

случай это оружие из старого арсенала. Еще акт 8 Георга II воспрещает давать подмастерьям портным Лондона и окрестностей более 2 ш. $7^1/_2$ п. поденной платы, за исключением случаев всенародного траура; еще акт 13 Георга III ст. 68 предоставляет мировым судьям регулировать заработную плату шелкоткачей; еще в 1796 г. потребовалось два постановления высших судебных учреждений для того чтобы решить, распространяются ли нормы заработной платы, предписанные мировыми судьями, на неземледельческих рабочих; еще в 1799 г. парламентским актом было подтверждено, что плата горнорабочих Шотландии регулируется статутом Елизаветы и двумя шотландскими актами 1661 и 1671 гг. Насколько радикально изменились к этому времени условия, показывает один случай, неслыханный в английской палате общин. Здесь, где в течение 400 лет фабриковались законы, устанавливающие исключительно тот максимум, которого ни в коем случае не должна превышать заработная плата, Уитбред предложил в 1796 г. определить законом минимум заработной платы для сельскохозяйственных рабочих. Питт воспротивился этому, соглашаясь, однако, что «положение бедных ужасно (cruel)». Наконец, в 1813 г. законы относительно регулирования заработной платы были отменены. Они стали смешной аномалией в эпоху, когда капиталист регулировал труд на своей фабрике посредством своего личного законодательства и при помощи налога в пользу бедных дополнял до необходимого минимума плату сельскохозяйственных рабочих. Но и по сие время сохранились в полной неприкосновенности предписания рабочих законов, касающиеся договоров между хозяином и рабочими, сроков предупреждения и т. д.,— предписания, согласно которым к хозяину, нарушившему контракт, может быть предъявлен лишь гражданский иск, тогда как рабочий, нарушивший контракт, подлежит уголовной ответственности.

Жестокие законы против коалиции пали в 1825 г., когда поведение пролетариата стало угрожающим. Тем не менее они пали только отчасти. Некоторые милые остатки старых статутов исчезли лишь в 1859 г. Наконец, 29 июня 1871 г. был издан парламентский акт, направленный, повидимому, к уничтожению последних следов этого классового законодательства, так как он даровал юридическое признание тред-юнионам. Но другой парламентский акт, изданный в тот же день (an act to amend the criminal law relating to violence, threats and molestation), фактически восстановил прежнее положение в новой форме. При помощи такого парламентского фокуса все средства, которыми могли бы воспользоваться рабочие во время стачки или локаута (стачки объединенных фабрикантов, прибегающих к одновременному закрытию своих фабрик), были изъяты из ведения общего законодательства и подчинены исключительному уголовному закону, истолкование которого всецело зависело от мировых судей, т. е. от фабрикантов. Двумя годами

раньше в той же самой нижней палате и тот же самый господин Гладстон с известным благородством внес законопроект об отмене всех исключительных законов, направленных против рабочего класса. Но далее, чем до второго чтения этого законопроекта, дело не пошло, проект был положен под сукно, пока, наконец, «великая либеральная партия», соединившись с тори, не набралась смелости решительно выступить против того самого пролетариата, который поставил ее у власти. Не довольствуясь этим предательством, «великая либеральная партия» позволила английским судьям, всегда пресмыкавшимся перед господствующими классами, откопать старый закон против «конспираций» [заговоров] и применить его к рабочим коалициям. Как мы видим, лишь против воли, лишь под давлением масс английский парламент отказался от законов против стачек и тред-юнионов, после того как сам этот парламент с циническим бесстыдством в течение пятисот лет занимал положение постоянного тред-юниона капиталистов, направленного против рабочих.

Точно так же французская буржуазия в самом начале революционной бури решилась отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Декретом от 14 июня 1791 г. она объявила все рабочие коалиции «преступлением против свободы и декларации прав человека», караемым штрафом в 500 ливров и лишением прав активного гражданина на один год[225]. Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий. Даже правительство террора оставило его неприкосновенным. Лишь совсем недавно он вычеркнут из Code Pénal [Уголовного уложения]. В высшей степени характерна мотивировка этого буржуазного государственного переворота. «Хотя и желательно, — говорил выступивший докладчиком Шапелье, — повышение заработной платы выше теперешнего уровня, дабы тот, кто получает эту плату, избавился от абсолютной, почти рабской зависимости, обусловленной недостатком необходимых жизненных средств», тем не менее рабочие не должны сговариваться между собой относительно своих интересов, не должны действовать

[225] Первая статья этого закона гласит: «Так как уничтожение всякого рода корпораций лиц одного состояния или одной профессии составляет одну из коренных основ французской конституции, то воспрещается восстановлять таковые корпорации под каким бы то ни было предлогом и в какой бы то ни было форме». Статья IV заявляет, что «если граждане, занятые одной и той же профессией, искусством или ремеслом, сговорятся между собой или составят соглашение, направленное к тому, чтобы отказаться скопом или не соглашаться ниже известной платы оказывать услуги своею промышленною деятельностью и своими работами, то вышеназванные сговоры и соглашения должны быть объявлены... противоконституционными, преступлением против свободы и декларации прав человека и т. д.», т. е. государственным преступлением, совершенно так же, как и в старых рабочих статутах («Révolutions de Paris». Paris 1791, т. III, стр. 523).

совместно с целью смягчать свою «абсолютную, почти рабскую зависимость», так как этим «они нарушили бы свободу своих бывших хозяев, теперешних предпринимателей» (свободу держать рабочих в рабстве!), и так как коалиция против деспотии бывших цеховых хозяев есть — что бы вы думали? — есть восстановление цехов, отмененных французской конституцией [226].

4. ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФЕРМЕРОВ.

Мы рассмотрели те насилия, при помощи которых были созданы поставленные вне закона пролетарии, тот кровавый режим, который превратил их в наемных рабочих, те грязные высокогосударственные меры, которые, усиливая степень эксплуатации труда, повышали полицейскими способами накопление капитала. Спрашивается теперь: откуда же возникли первоначально капиталисты? Ведь экспроприация сельского населения создает непосредственно лишь крупных земельных собственников. Что касается генезиса фермеров, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это — медленный процесс, прокатывающийся через многие столетия. Имущественные отношения среди самих крепостных, не говоря уже о существовавших рядом с ними свободных мелких земельных собственниках, были очень различны, а потому и эмансипация их совершилась при очень различных экономических условиях.

В Англии первой формой фермера был bailiff [бурмистр господского имения], который сам оставался крепостным. По своему положению он напоминает древнеримского villicus'а, но с более узким кругом деятельности. Во второй половине XIV столетия на место bailiff'а становится фермер, которого лэндлорд снабжает семенами, скотом и земледельческими орудиями. Положение его почти не отличается от положения крестьянина. Он только эксплуатирует больше наемного труда. Скоро он становится «métayer», половником-арендатором. Он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лэндлорд — другую. Валовой продукт разделяется между ними в пропорции, установленной контрактом. В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который вкладывает в дело собственный капитал, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и отдает лэндлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты.

В течение XV века, пока труд независимых крестьян и сельскохозяйственных рабочих, занимавшихся наряду с работой по найму в то же время и самостоятельным хозяйством, шел в их собственную пользу, уровень жизни фермера был так же незначителен, как и сфера его производства. Земледельческая революция,

[226] *Buchez et Roux:* «Histoire Parlementaire», т. X, стр. 193—195, в разных местах.

начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия (правда, за исключением последних его десятилетий), обогащала фермера так же быстро, как разоряла сельское население [227]. Узурпация общинных пастбищ и т. п. позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек, между тем как скот доставляет обильное удобрение для его земли.

В XVI столетии сюда присоединяется еще один решающе важный момент. В то время арендные договоры заключались на продолжительные сроки, нередко на 99 лет. Непрерывное падение стоимости благородных металлов, а следовательно, и денег, было очень выгодно для фермеров. Оно, не говоря уже о других рассмотренных выше обстоятельствах, понижало заработную плату. Часть той суммы, на которую понижалась плата, превращалась в прибыль фермера. Непрерывное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо, — одним словом, на все земледельческие продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всякого содействия с его стороны, между тем земельную ренту ему приходилось уплачивать на основе старых договоров, заключенных при прежней стоимости денег [228]. Таким образом он обогащался одновременно и за

---

[227] «Фермеры, — говорит Гаррисон в своей «Description of England», — которым раньше было трудно платить 4 ф. ст. ренты, платят теперь 40, 50, 100 ф. ст. и все же считают свою операцию невыгодной, если по истечении срока аренды у них не останется на руках ренты за 6—7 лет».

[228] О влиянии обесценения денег в XVI столетии на различные классы общества см. «A Compendious or Briefe Examination of Certayne Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen in these our Days. By W. S., Genteleman» (London 1581). Диалогическая форма этого сочинения способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, и еще в 1751 г. оно вышло в свет под его именем. Автор его — Вильям Стаффорд. В одном месте рыцарь (knight) рассуждает следующим образом:

Рыцарь: «Вы, мой сосед, земледелец, вы, господин торговец, и вы, мой добрый медник, вы, как и другие ремесленники, можете сравнительно легко отстоять свои интересы. Ибо чем больше становится цена всех предметов по сравнению с тем, что они стоили раньше, тем сильнее повышаете вы цены на ваши товары и продукты вашего труда, которые вы продаете. Но у нас нет ничего такого, что мы могли бы продать по повышенной цене и таким образом уравновесить тот убыток, который мы получаем, покупая продукты». В другом месте рыцарь спрашивает доктора: «Скажите, пожалуйста, кого вы имеете в виду? И, прежде всего, кто, по вашему мнению, не терпит при этом никаких потерь?» *Доктор:* «Я имею в виду тех, которые живут покупкой и продажей и, если дорого покупают, то столь же дорого продают». *Рыцарь:* «А из кого состоит та категория людей, которая, по вашим словам, выигрывает от этого?» *Доктор:* «Ну, конечно, это все арендаторы или фермеры, которые платят за обрабатываемую ими землю старую ренту, ибо платят они по старой норме, а продают по новой, т. е. платят за свою землю очень дешево, а все, что вырастает на ней, продают дорого»... *Рыцарь:* «Ну, а кто же те, которые, по вашим словам, теряют от этого больше, чем выигрывают эти люди?» *Доктор:* «Это все дворяне, джентльмены и все вообще люди, которые живут твердо установленной рентой или жалованьем, или не сами обрабатывают свою землю, или не занимаются торговлей».

счет своих наемных рабочих и за счет своего лэндлорда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «капиталистических фермеров» [229].

5. ОБРАТНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. СОЗДАНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА.

Осуществлявшаяся толчками, постоянно возобновлявшаяся экспроприация сельского населения и изгнание его с земли доставляли, как мы видели, городской промышленности все новые и новые массы пролетариев, стоящие совершенно вне всяких цеховых отношений, — обстоятельство, заставившее старика А. Андерсона (не смешивать с Джемсом Андерсоном) в его истории торговли уверовать в непосредственное вмешательство провидения. Мы должны еще остановиться на минуту на этой стороне первоначального накопления. Разрежению самостоятельно хозяйствующего, независимого сельского населения соответствовало не только сгущение промышленного пролетариата, подобно тому как сгущение мировой материи в одном месте объясняется по Жоффруа

[229] Во Франции régisseur, бывший в начале средних веков управляющим и сборщиком феодальных повинностей в пользу феодала, скоро превращается в homme d'affaires [дельца], который при помощи вымогательства, обмана и т. п. вырастает в капиталиста. Эти régisseurs сами принадлежали иногда к благородному сословию. Например: «Сей отчет представляет Жак де Торэсс, рыцарь кастелян в Безансоне, своему патрону, держащему отчет в Дижоне перед господином герцогом, графом Бургонским, относительно рент, причитающихся с означенного кастелянства с 25 декабря 1359 г. по 28 декабря 1360 г.» (*Alexis Monteil:* «Traité des Matériaux Manuscrits etc.», стр. 234). Уже тут видно, что во всех сферах общественной жизни львиная доля попадает в руки посредников. Так, напр., в экономической области сливки с предприятий снимают финансисты, биржевики, купцы, лавочники; в области гражданского права адвокат оплетает тяжущиеся стороны; в политике депутат значит больше, чем его избиратели, министр — больше, чем государь; в религии бог отодвигается па задний план святыми «заступниками», а эти последние — попами, которые, в свою очередь, являются неизбежными посредниками между «пастырем добрым» и его стадом. Во Франции, как и в Англии, крупные феодальные территории были разделены на бесчисленное множество мелких хозяйств, но они находились в условиях, гораздо менее благоприятных для сельского населения. В течение XIV века сильно развились аренды, фермы или так называемые terriers. Число их постоянно росло и значительно превысило 100 000. Они уплачивают в виде земельной ренты от $^1/_{12}$ до $^1/_5$ продукта деньгами или натурой. Terriers назывались ленами, подленами (fiefs, arrière-fiefs) и т. д., смотря по величине площади, которая иногда состояла всего из нескольких арпанов. Все владельцы этих terriers обладали в той или иной степени судебной властью по отношению к населению своих участков; таких степеней было четыре. Легко представить себе, каким гнетом ложилась на сельское население власть этих бесчисленных мелких тиранов. Монтейль говорит, что в те времена во Франции было 160 000 судов там, где теперь существует всего 4 000 судебных учреждений (включая сюда и мировые суды).

Сент-Илеру [230] ее разрежением в другом. Земля, несмотря на уменьшение числа лиц, обрабатывающих ее, приносила теперь столько же или даже еще больше продукта, чем раньше, так как революция в отношениях земельной собственности сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т. д. и так как, с одной стороны, сельскохозяйственные наемные рабочие принуждались к более интенсивному труду [231], с другой стороны, все более и более сокращалась та область производства, в которой они работали на самих себя. Таким образом, с освобождением части сельского населения освобождаются также его прежние средства существования. Они обращаются теперь в вещественные элементы переменного капитала. Оказавшийся между небом и землей крестьянин должен заработать их стоимость у своего нового господина, промышленного капиталиста, в форме заработной платы. Отечественный сырой материал, доставляемый для промышленности сельским хозяйством, постигла та же судьба, как и жизненные средства. Он превратился в элемент постоянного капитала.

Представим себе, напр., что часть вестфальских крестьян, которые во времена Фридриха II все занимались прядением льна *, насильственно экспроприирована и прогнана с земли, в то время как оставшаяся их часть превращена в батраков крупных фермеров. Наряду с этим растут крупные льнопрядильные и ткацкие предприятия, в которых «освобожденные» от земли находят себе работу в качестве наемных рабочих. Лен имеет совершенно такой же вид, как раньше. Ни одно волокно его не изменилось, но в его тело внедрилась теперь новая социальная душа. Он составляет теперь часть постоянного капитала владельца мануфактуры. Если раньше он был распределен между массой мелких производителей, которые сами выращивали его и выпрядали маленькими порциями, работая вместе со своими семействами, то теперь он сосредоточен в руках одного капиталиста, который заставляет других людей ткать и прясть на себя. Добавочный труд, расходуемый в льнопрядильне, раньше реализовался в виде добавочного дохода бесчисленных крестьянских семейств, а также — во времена Фридриха II — в виде налогов, взимаемых pour le roi de Prusse [дословно — «для короля Прусского», в переносном смысле — «зря»]. Теперь он реализуется в виде прибыли немногих капиталистов. Прялки и ткацкие станки, разбросанные прежде по деревням, теперь сосредоточиваются в немногих больших рабочих

---

[230] См. его «Notions de Philosophie Naturelle». Paris 1838.

[231] Этот пункт подчеркивает сэр Джемс Стюарт.

* В оригинале непереводимая игра слов: «Bauern, die... alle Flachs, wenn auch keine Seide spannen» — «крестьяне, которые... все занимались прядением льна, хотя и не шелка»; «keine Seide spinnen» буквально — «не прясть шелка», в переносном смысле — «жить не блестяще». *Ред.*

казармах подобно самим рабочим и сырому материалу. И прялки, и ткацкие станки, и сырой материал из средств, обеспечивающих независимое существование прядильщиков и ткачей, превращаются в средства, обеспечивающие командование[232] над прядильщиками и ткачами и высасывание из них неоплаченного труда. По внешнему виду крупных мануфактур, точно так же как и крупных ферм, отнюдь нельзя сказать, что они образовались из соединения многих мелких производственных единиц при помощи экспроприации многих мелких независимых производителей. Однако беспристрастного наблюдателя не обманет этот внешний вид. Во времена Мирабо — этого льва революции — крупные мануфактуры еще назывались manufactures réunies, объединенными мастерскими, подобно тому как в настоящее время мы говорим об объединенных полях. «Обращают внимание, — говорит Мирабо, — лишь на крупные мануфактуры, в которых сотни людей работают под управлением одного директора и которые обыкновенно называют объединенными мануфактурами (manufactures réunies). Напротив, не удостоивают и взглядом те мастерские, в которых работает разъединенно большое число рабочих, каждый за свой собственный риск и страх. Эти последние совершенно отодвигаются на задний план. И это — большая ошибка, так как только они образуют действительно важную составную часть народного богатства... Объединенная фабрика (fabrique réunie) может чрезвычайно сильно обогатить одного или двух предпринимателей, но рабочие — это лишь поденщики, оплачиваемые выше или ниже и во всяком случае не принимающие участия в благосостоянии предпринимателя. Напротив, разъединенная фабрика (fabrique séparée) никого не обогащает, но зато поддерживает благосостояние множества рабочих... Число прилежных хозяйственных рабочих будет расти, ибо в благоразумном образе жизни, в трудолюбии они усматривают средство существенно улучшить свое положение, вместо того чтобы добиваться маленького повышения заработной платы, которое никогда не может иметь важных последствий для будущего и в самом благоприятном случае позволяет рабочим немного лучше жить в данный момент. Отдельные индивидуальные мануфактуры, обыкновенно соединенные с мелким сельским хозяйством, обеспечивают свободу»[233]. Экспроприация и изгнание из деревни части

[232] «Я предоставлю вам», говорит капиталист, «честь служить мне под условием, что вы отдадите мне то немногое, что вы еще имеете, за труд командовать вами, который я беру на себя» (*J. J. Rousseau:* «Discours sur l'Économie Politique» [Genève 1756, стр. 70]).

[233] *Mirabeau:* «De la Monarchie Prussienne». Londres 1788, т. III, стр. 20—109, в разных местах. Если Мирабо считает разъединенные мастерские более экономными и более производительными, чем «объединенные», и усматривает в последних лишь искусственные тепличные растения, взращенные заботами правительств, то это объясняется тогдашним состоянием большинства континентальных мануфактур.

сельского населения не только освобождает для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, материал их труда, но и создает внутренний рынок.

В самом деле, те самые события, которые превращают мелких крестьян в наемных рабочих, а жизненные средства и средства труда в вещественные элементы промышленного капитала, создают в то же время для этого последнего внутренний рынок. Прежде крестьянская семья сама производила и перерабатывала жизненные средства и сырье, которые по большей части сама же и потребляла. Это сырье и жизненные средства превратились теперь в товары. Крупный фермер продает их; мануфактуры являются его рынком. Пряжа, холст, грубые шерстяные изделия — вещи, сырье для которых имелось в распоряжении каждой крестьянской семьи, выпрядались и ткались ею для собственного потребления,— превратились теперь в мануфактурные произведения, рынок для сбыта которых образуют как раз земледельческие округа. Многочисленные рассеянные потребители, обслуживавшиеся до сих пор массой мелких работающих на собственный риск и страх производителей, концентрируются теперь в одно крупное целое, образуют рынок, снабжаемый промышленным капиталистом [234]. Так рука об руку с экспроприацией самостоятельного прежде крестьянства, с его отделением от средств производства совершается уничтожение сельской подсобной промышленности, процесс разделения мануфактуры и земледелия. И только уничтожение сельского домашнего производства может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства.

Однако период мануфактур в собственном смысле этого слова еще не приводит к радикальному преобразованию. Напомним, что мануфактура овладевает национальным производством лишь очень постепенно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах как на широком базисе [Hintergrund]. Уничтожая эти побочные промыслы и городское ремесло в одной их форме, в известных отраслях промышленности, на известных пунктах, она вызывает их снова к жизни на других, потому что она до известной степени нуждается в них для обработки своего сырого материала. Она создает поэтому новый класс

---

[234] «Если двадцать фунтов шерсти превращаются понемногу, в течение года, в одежду для семьи рабочего собственным трудом этой семьи, в промежутки между другими ее работами, то здесь все обстоит очень просто. Но вынесите эту шерсть на рынок, отправьте ее фабриканту, затем продукт фабриканта — маклеру, затем купцу, и вы получите крупную торговую операцию, причем номинальный капитал, необходимый для нее, будет в двадцать раз больше стоимости этой шерсти... Рабочий класс эксплуатируется таким образом для того, чтобы поддерживать жалкое фабричное население, паразитический класс землевладельцев и фиктивную коммерческую, денежную и финансовую систему» (*David Urquhart:* «Familiar Words». London 1855, стр. 120).

мелких земледельцев, для которых обработка земли является лишь побочной отраслью, а главное занятие — промышленный труд, изготовление продуктов, продаваемых — непосредственно или при посредстве купца — на мануфактуру. Это одно из тех обстоятельств — хотя и не самое важное из них, — которые прежде всего могут спутать человека, изучающего английскую историю. Начиная с последней трети XV века мы встречаемся там с непрерывными, только иногда смолкающими жалобами на рост капиталистического хозяйства в деревне и на прогрессивное уничтожение крестьянства. Но, с другой стороны, исследователь видит, что крестьянство существует все время, правда в уменьшенном количестве и при все более ухудшающихся условиях[235]. Главная причина этого состоит в следующем: в Англии попеременно преобладают то зерновое хозяйство, то скотоводство, и в зависимости от этого колеблются размеры крестьянского производства. Только крупная промышленность с ее машинами доставляет прочный базис для капиталистического земледелия, радикально экспроприирует подавляющее большинство сельского населения и довершает разделение земледелия и домашней деревенской промышленности, вырывая корни последней — прядение и ткачество[236]. А следовательно, только она завоевывает для промышленного капитала весь внутренний рынок[237].

---

[235] Исключение представляет время Кромвеля. Пока сохранялась республика, все слои английской народной массы оправились от того упадка, жертвой которого они стали при Тюдорах.

[236] Тэккетт знает, что из мануфактур в собственном смысле этого слова и из продуктов разложения сельских или домашних мануфактур возникла с введением машин крупная шерстяная промышленность (*Tuckett:* «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». London 1846, т. I, стр. 144). «Плуг, ярмо были изобретением богов и занятием героев — разве ткацкий станок, веретено и прялка менее благородного происхождения? Вы отделяете прялку от плуга, веретено от ярма и получаете фабрики и работные дома, кредит и кризисы, две враждебные нации, сельскую и промышленную» (*David Urquhart:* «Familiar Words». London 1855, стр. 122). Но вот является Кэри и обвиняет Англию, конечно, не без основания, в том, что она стремится стать фабрикантом мира, превратив все остальные страны в исключительно земледельческие. Он утверждает, что этим путем разорена Турция, так как там «землевладельцам и земледельцам никогда не разрешалось (Англией) укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом» («The Slave Trade», стр. 125). По его мнению, Уркарт сам является одним из главных виновников разорения Турции, где он, в интересах Англии, пропагандировал идею свободы торговли. Но лучше всего то, что Кэри — между прочим, большой холоп России — хочет воспрепятствовать этому процессу разделения при помощи системы протекционизма, которая в действительности его ускоряет.

[237] Филантропические английские экономисты, как Милль, Роджерс, Гольдвин Смит, Фаусетт и т. д., и либеральные фабриканты, как Джон Брайт и К°, спрашивают английских поземельных аристократов, как бог спрашивал Каина о его брате Авеле, — куда девались тысячи наших кре-

6. ГЕНЕЗИС ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИСТА.

Генезис промышленного[238] капиталиста не отличался той постепенностью, какою характеризуется генезис фермера. Без сомнения, некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились сначала в зародышевых капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов sans phrase [без оговорок]. В младенческий период капиталистического производства, точно так же, как и в младенческий период средневековой городской жизни, вопрос о том, кто из беглых крепостных должен быть хозяином и кто слугой, решался обыкновенно в зависимости от того, кто из них раньше бежал от своих господ. Но необычайная медлительность этого метода отнюдь не соответствовала торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века. Средние века завещали две различные формы капитала, которые достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал. «В настоящее время все общественное богатство попадает сначала в руки капиталиста... он уплачивает ренту земельному собственнику, заработную плату — рабочему, налоги и десятину — правительственному сборщику и удерживает в свою собственную пользу значительную, даже преобладающую, и притом непрерывно растущую, часть годового продукта труда. Капиталиста можно рассматривать в настоящее время как собственника, в руки которого все общественное богатство попадает прежде всего, хотя нет такого закона, который обеспечивал бы за ним право на эту собственность... Этот переворот в сфере собственности совершился благодаря взиманию процентов на капитал... и не менее знаменательно, что законодатели всей Европы стремились воспрепятствовать этому путем законов против ростовщичества... Власть капиталистов над всем богатством страны есть результат полнейшей революции в праве собственности; на основании какого же закона или ряда законов совершилась эта революция?»[239]. Автору не следовало бы упускать из виду,

---

стьян? — Да откуда же вы-то произошли? Из уничтожения этих крестьян. И почему вы не спрашиваете, куда девались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?

[238] «Промышленный» употреблено здесь в противоположность «земледельческому». В смысле экономической «категории» фермер — такой же промышленный капиталист, как и фабрикант.

[239] «The Natural and Artificial Right of Property Contrasted». London 1832, стр. 98 99. Автор этого анонимного труда — Т. Годскин.

что революции никогда вообще не совершаются на основании законов.

Превращению денежного капитала, создавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе [240]. Ограничения эти пали, когда были распущены феодальные дружины, когда сельское население было экспроприировано и отчасти изгнано. Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах деревенской части страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем. Отсюда ожесточенная борьба английских corporate towns [старых городов с цеховым корпоративным строем] против этих новых питомников промышленности.

Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которых служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума и так далее.

Различные моменты первоначального накопления распределяются между различными странами в известной исторической последовательности, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция.

Относительно христианской колониальной системы В. Хауит, человек, сделавший христианство своей специальностью, говорит:

---

[240] Еще в 1794 г. мелкие мастера-суконщики из Лидса посылали в парламент депутацию с петицией об издании закона, воспрещающего купцам делаться фабрикантами (*Dr. Aikin:* «Description of the Country from thirty to forty miles round Manchester». London 1795).

«Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, совершавшиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которых им удавалось поработить себе, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных»[241]. История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей[242]. Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения кадров рабов на острове Яве. С этой целью подготовлялись особые воры людей. Вор, переводчик и продавец были главными агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами. Украденная молодежь заключалась в целебесские тайные тюрьмы, пока не достигала возраста, достаточно зрелого для отправки на кораблях, нагруженных рабами. Один официальный отчет гласит: «Например, один этот город Макассар полон тайными тюрьмами, одна ужаснее другой, которые набиты несчастными жертвами жадности и тирании, закованными в цепи, вырванными насильственно из своих семейств». Чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 г. он впустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы иметь возможность «воздержаться» от уплаты условленной суммы подкупа в 21 875 ф. ст. Опустошение и обезлюдение следовали за ними везде, куда только ни ступала их нога. Банъюванги, провинция Явы, насчитывала в 1750 г. 80 000 жителей, в 1811 г. всего 8 000. Вот это называется doux commerce [удачная торговля].

Как известно, англо-ост-индская компания кроме политической власти в Ост-Индии добилась исключительной монополии на торговлю чаем и вообще на торговлю с Китаем, и кроме того в ее же руках сосредоточилась монополия транспортировки товаров из Европы и в Европу. Но судоходство у берегов Индии и между островами, а также торговля внутри Индии сделались монополией высших должностных лиц компании. Монополии на соль, опиум, бетель и другие товары стали неисчерпаемыми источниками

[241] *William Howitt:* «Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in all their Colonies». London 1838, стр. 9. Относительно обращения с рабами хорошая сводка данных имеется у *Charles Comte:* «Traité de Législation», 3-е изд., Bruxelles 1837. Следует детально изучить эту работу, чтобы увидеть, во что превращается сам буржуа и во что превращает он своих рабочих там, где он может, не стесняясь, преобразовать мир по своему образу и подобию.

[242] *Thomas Stamford Raffles*, бывш. лейтенант-губернатор острова Явы: «The History of Java». London 1817 [т. II, приложение, стр. CXC — CXCI].

богатства. Должностные лица сами устанавливали цены и по произволу обдирали несчастных индусов. Генерал-губернатор участвовал в этой частной торговле. Его любимцы получали контракты на таких условиях, которые позволяли им, лучше чем алхимикам, делать золото из ничего. Крупные состояния вырастали, как грибы после дождя, и первоначальное накопление осуществлялось без предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебный процесс Уоррена Хейстингса полон такого рода примерами. Вот один из них. Один контракт на поставку опиума был дарован некоему Салливэну в момент его отъезда — по официальному поручению — в часть Индии, далеко отстоящую от района производства опиума. Салливэн продает свой контракт за 40 000 ф. ст. некоему Бинну, а Бинн перепродает его в тот же день за 60 000 ф. ст. Последний покупатель и выполнитель контракта заявляет, что он еще извлек из него громадную выгоду. Согласно одному документу, представленному в парламент, между 1757 и 1766 гг. компания и ее должностные лица заставили индусов подарить себе 6 миллионов ф. ст. В 1769—1770 гг. англичане искусственно устроили голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам [243].

Обращение с туземцами было, конечно, всего ужаснее на плантациях, предназначенных, как, напр., в Вест-Индии, исключительно для вывозной торговли, а также в отданных на поток и разграбление богатых и густо населенных странах, как Мексика и Ост-Индия. Однако и в настоящих колониях не преминул обнаружиться христианский характер первоначального накопления. Пуритане Новой Англии — эти виртуозы трезвого протестантизма — в 1703 г. постановили на своей Assembly [законодательном собрании] выдавать премию в 40 ф. ст. за каждый индейский скальп и за каждого краснокожего пленника; в 1720 г. премия за каждый скальп была повышена до 100 ф. ст., в 1744 г., после того как Массачузеттс-Бэй объявил одно племя бунтовщическим, были назначены следующие цены: за скальп мужчины 12 лет и выше 100 ф. ст. в новой валюте, за пленника мужского пола 105 ф. ст., за пленную женщину или ребенка 55 ф. ст., за скальп женщины или ребенка 50 ф. ст.! Несколько десятилетий спустя колониальная система отомстила за себя потомкам этих благочестивых piligrim fathers [отцов-пилигримов], ставшим, в свою очередь, бунтовщиками. Благодаря подкупам и наущению англичан они были tomahawked [перебиты томагавками]. Британский парламент объявил кровавых собак и скальпирование «средствами, дарованными ему богом и природой».

---

[243] В 1866 г. в одной только провинции Орисса более миллиона индусов умерли голодной смертью. Тем не менее все усилия были направлены к тому, чтобы обогатить государственную кассу Индии путем продажи голодающим жизненных средств по повышенным ценам.

Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства. «Gesellschaften Monopolia» [«общества-монополии»] (Лютер) были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, где колониальная система впервые получила полное развитие, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества. «В ее почти безраздельном владении находились ост-индская торговля и торговые сношения между европейским юго-западом и северо-востоком. Ее рыбные ловли, судоходство, мануфактуры не имели себе равных ни в какой другой стране. Капиталы этой республики были, быть может, значительнее, чем совокупность капиталов всей остальной Европы». [G. Gülich: «Geschichtliche Darstellung etc.». Jena 1830, т. I, стр. 371.] Гюлих, автор этих строк, забывает прибавить: народные массы Голландии уже в 1648 г. более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы.

В настоящее время промышленная гегемония влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда та выдающаяся роль, которую в то время играла колониальная система. Это был тот «неведомый бог», который воссел на алтаре наряду со старыми богами Европы и в один прекрасный день одним толчком выкинул их всех из святилища. Колониальная система провозгласила обогащение последней и единственной целью человечества.

Система общественного кредита, т. е. государственных долгов, зачатки которой мы открываем в Генуе и Венеции еще в средние века, распространилась по всей Европе в течение мануфактурного периода. Колониальная система с ее морской торговлей и торговыми войнами послужила для нее теплицей. Так она прежде всего пустила корни в Голландии. Государственный долг, т. е. отчуждение государства — все равно: деспотического, конституционного или республиканского, — накладывает свою печать на капиталистическую эру. Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это — их государственные долги [243a]. Вполне последовательна поэтому современная доктрина, что народ тем

[243a] Вильям Коббет замечает, что в Англии все общественные учреждения называются «королевскими», но зато долг там бывает «национальный» (national debt).

богаче, чем сильнее его задолженность. Государственный кредит становится символом веры капитала. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу.

Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частноростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но кроме созданного таким образом класса праздных рантье и импровизированного богатства финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, кроме откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых попадает добрая доля всякого государственного займа в качестве капитала, свалившегося с неба, государственный долг создал акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, ажиотаж, одним словом — биржевую игру и современную банкократию.

С самого своего зарождения банки, подкрепленные национальными титулами, были лишь обществами частных спекулянтов, которые оказывали содействие правительствам и, благодаря полученным привилегиям, могли ссужать им деньги. Поэтому самым непогрешимым мерилом накопления государственного долга является прогрессивное повышение акций этих банков, расцвет которых начинается с момента учреждения Английского банка (1694 г.). Английский банк начал свою деятельность ссудами правительству денег из 8%; вместе с тем он был уполномочен парламентом чеканить деньги из того же самого капитала, который он таким образом еще раз ссужал публике в форме банкнот. Этими банкнотами он мог дисконтировать векселя, давать ссуды под товары, закупать благородные металлы. Прошло немного времени, и эти фабрикуемые самим банком кредитные деньги стали функционировать как звонкая монета: банкнотами выдавал Английский банк ссуды государству, банкнотами уплачивал за счет государства проценты по государственным займам. Давая одной рукой, банк получал другой гораздо больше; но этого мало; даже когда он получал, он оставался вечным кредитором нации на всю данную им сумму до последней копейки. Мало-помалу он стал непременным хранителем металлического запаса страны и центром тяготения для всего торгового кредита. В то самое время, когда англичане

перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот. Какое впечатление произвело на современников внезапное возвышение этой шайки банкократов, финансистов, рантье, маклеров, спекулянтов и биржевых волков, показывают сочинения того времени, хотя бы, напр., сочинения Болинброка[243b].

Вместе с государственными долгами возникла система международного кредита, которая зачастую представляет собою один из скрытых источников первоначального накопления для того или другого народа. Так, гнусности венецианской системы грабежа составили такое скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция ссужала крупные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII века голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими, и голландцы перестали быть господствующей торговой и промышленной нацией. Поэтому в период 1701—1776 гг. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами. Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собою лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей.

Так как государственные долги опираются на государственные доходы, за счет которых должны покрываться годовые проценты и т. п. платежи, то современная налоговая система стала необходимым дополнением системы национального кредита. Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что плательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют, в конце концов, повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное последовательно заключаемыми займами, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать все к новым и новым займам. Таким образом, современная фискальная система, ось которой составляет обложение необходимейших жизненных средств (и, следовательно, их вздорожание), в самой себе несет зародыш автоматического возрастания налогов. Чрезмерное обложение — не случайное уклонение, а скорее самый ее принцип. В Голландии, где эта система укрепилась прежде всего, великий патриот де Витт прославляет ее в своих «Максимах» как наилучший способ развить

[243b] «Если бы татары в наши дни заполонили Европу, было бы очень трудно растолковать им то значение, которое принадлежит среди нас финансисту» (*Montesquieu:* «Esprit des lois», изд. Londres 1769, т. IV, стр. 33). [*Монтескье:* «О духе законов», перев. под ред. Ковалевского, СПБ. 1900 г., стр. 607.]

в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и... готовность переносить чрезмерный труд. Однако нас интересует здесь не столько то разрушительное влияние, которое современная фискальная система оказывает на положение наемных рабочих, сколько обусловленная ею насильственная экспроприация крестьян, ремесленников — одним словом, всех составных частей мелкой буржуазии. Об этом нет двух мнений, даже среди буржуазных экономистов. Экспроприирующее действие фискальной системы еще усиливается благодаря протекционизму, который сам представляет одну из неотъемлемых составных частей фискальной системы.

Та крупная роль, которую государственные долги и современная фискальная система играют в превращении общественного богатства в капитал, в экспроприации масс и в угнетении наемных рабочих, ввела в заблуждение ряд писателей: Коббета, Даблдэя и других писателей, увидевших здесь главную причину современной народной нищеты.

Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и средства к жизни, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному. Европейские государства дрались из-за патента на это изобретение и, раз попав на службу к рыцарям наживы, не довольствовались уже тем, что с этой целью облагали данью свои собственные народы, косвенно — путем покровительственных пошлин, прямо — путем экспортных премий и т. п. Они насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них второстепенных странах, как, напр., была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии. На европейском континенте процесс этот, с легкой руки Кольбера, был еще более упрощен. Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственного казначейства. «Зачем, — восклицает Мирабо, — так далеко искать причин мануфактурного расцвета Саксонии перед Семилетней войной? Достаточно обратить внимание на 180 миллионов государственного долга!» [244].

Колониальная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны и т. д. — все эти отпрыски собственно мануфактурного периода гигантски разрастаются в младенческий период крупной промышленности. Зарождение этой последней ознаменовано колоссальным иродовым избиением младенцев. Фабрики рекрутируют своих рабочих, как и королевский флот — своих матросов, посредством насилия. Мы видели, с каким

[244] *Mirabeau:* «De la Monarchie Prussienne». Londres 1788, т. VI, стр. 101.

равнодушием взирает сэр Ф. М. Иден на ужасы, которыми сопровождалась экспроприация земли у сельского населения начиная с последней трети XV столетия и вплоть до его времени, до конца XVIII столетия; мы видели, с каким самодовольством он приветствует этот процесс, «необходимый» для создания капиталистического земледелия и «установления правильного соотношения между пашней и пастбищем»; но даже сэр Иден не возвышается до столь же хладнокровного признания экономической необходимости похищать и порабощать детей для того, чтобы превратить мануфактурные производства в фабричные и установить правильное соотношение между капиталом и рабочей силой. Он говорит: «Быть может, внимания публики заслуживает следующий вопрос. Промышленность, которая может успешно функционировать, лишь похищая из коттэджей и работных домов бедных детей, которые, сменяясь по группам, должны работать бо̀льшую часть ночи, не зная отдыха; промышленность, которая к тому же смешивает в общую кучу лиц обоего пола, разных возрастов и наклонностей, что неизбежно должно повести к испорченности и развращению молодежи благодаря заразительным дурным примерам, — может ли такая промышленность увеличивать сумму национального и индивидуального счастья?»[245]. «В Дербишире, Ноттингемшире и особенно в Ланкашире, — пишет Фильден, — недавно изобретенные машины были применены на крупных фабриках, построенных близ потоков, способных приводить в движение водяное колесо. В эти места, находящиеся вдали от городов, внезапно потребовались тысячи рабочих рук; и как раз в Ланкашире, неплодородном и до сего времени слабо населенном, настоятельно сказалась эта потребность в увеличении населения. Особенно сильный спрос был на маленькие, проворные пальцы детей. Тотчас же вошло в обычай набирать учеников (!) из различных лондонских, бирмингамских и других приходских работных домов. Многие, многие тысячи этих маленьких беспомощных созданий в возрасте от 7 до 13 или 14 лет были тогда транспортированы на север. У хозяев (т. е. у похитителей детей) вошло в обычай одевать, кормить и помещать своих учеников в домах, расположенных близ фабрик. Были наняты надсмотрщики, чтобы надзирать за их работой. В интересах этих надсмотрщиков за рабами было заставлять детей работать возможно больше, так как оплата их зависела от количества продукта, выжатого из каждого ребенка. Жестокость была естественным последствием. Во многих фабричных округах, в особенности в Ланкашире, эти невинные беззащитные создания, отданные во власть фабрикантам, подвергались самым возмутительным истязаниям. Их до смерти замучивали чрезмерным трудом... били, заковывали в цепи, подвергали самым

[245] *Eden:* «The State of the Poor», кн. II, гл. I, стр. 421.

изощренным и жестоким пыткам; истощенные голодом до последней степени, превратившиеся в скелеты, они зачастую плетью принуждались к труду... Иногда их доводили до самоубийства!.. Прекрасные романтические долины Дербишира, Ноттингемшира и Ланкашира, укрытые от всякого общественного контроля, сделались мрачным убежищем истязаний и часто убийств!.. Прибыли фабрикантов были огромны. Это лишь разжигало их волчью жадность. Они стали практиковать ночную работу, т. е. с наступлением ночи, когда группа рабочих, изнуренных дневным трудом, уходила спать, ее место на фабрике заступала другая группа рабочих; дневная группа отправлялась в постели, только что покинутые ночной группой, и vice versa [наоборот]. Народное предание в Ланкашире гласит, что постели никогда не остывали»[246].

С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести. Нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала. Прочтите, напр., наивную летопись торговли, составленную филистером А. Андерсоном. Здесь превозносится, как высший триумф английской государственной мудрости, тот факт, что Англия при заключении Утрехтского мира вынудила у Испании по договору asiento [договор относительно работорговли] привилегию, разрешающую ей продавать в испанских владениях Америки негров, закупленных в Африке, тогда как до сих пор торговля

---

[246] *John Fielden:* «The Curse of the Factory System». London 1836, стр. 5, 6. О безобразиях, практиковавшихся первоначально на фабриках, ср. *Dr. Aikin:* «Description of the Country from thirty to forty miles round Manchester», London 1795, стр. 219, и *Gisborne:* «Inquiry into the Duties of Men», 1795, т. II. — Когда паровая машина перенесла фабрики от уединенных сельских водопадов в центры городов, детский рабочий материал оказался под руками склонного к «воздержанию» капиталиста, и насильственная транспортировка рабов из работных домов оказалась излишней.—Когда сэр Роберт Пиль (отец «министра Plausibilität» [«благопристойности»] внес в парламент в 1815 г. билль для защиты детей, Фрэнсис Хорнер (светило Bullion-Committee [Комитета о слитках] и интимный друг Рикардо) заявил в нижней палате: «Несомненно установлено, что вместе с ценностями одного банкрота была назначена к продаже с публичного торга и действительно продана, как часть имущества, партия фабричных детей, если позволительно употребить это выражение. Два года тому назад (в 1813 г.) один возмутительный случай разбирался перед King's Bench [судом королевской скамьи — высшим судебным учреждением]. В деле фигурировала группа мальчиков. Один лондонский приход отдал их одному фабриканту, который, в свою очередь, переуступил их другому. В конце концов несколько филантропов нашли их в состоянии полного истощения от голода (absolute famine). С другим случаем, еще более отвратительным, он познакомился как член парламентской анкетной комиссии. Несколько лет тому назад один лондонский приход заключил договор с ланкаширским фабрикантом, причем последний обязался в закупаемых им детских партиях принимать на 20 здоровых детей одного идиота».

неграми допускалась лишь между Африкой и английской Вест-Индией. Англия получила право вплоть до 1743 г. доставлять в испанскую Америку 4800 негров ежегодно. Этим было создано в то же время официальное прикрытие для британской контрабанды. Ливерпуль вырос на почве торговли рабами. Последняя есть его метод первоначального накопления. И до наших дней высшее общество Ливерпуля осталось Пиндаром торговли рабами, которая — ср. цитированное выше сочинение доктора Эйкина, вышедшее в 1795 г., — «превращает дух коммерческой предприимчивости в страсть, создает славных моряков и приносит колоссальные деньги». В 1730 г. занимались торговлей рабами 15 ливерпульских кораблей, в 1751 г. — 53 корабля, в 1760 г. — 74, в 1770 г. — 96 и в 1792 г. — 132 корабля.

Хлопчатобумажная промышленность, введя в Англии рабство детей, в то же время дала толчок к превращению рабского хозяйства Соединенных Штатов, более или менее патриархального до того времени, в коммерческую систему эксплуатации. Вообще для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента неприкрытое рабство в Новом Свете[247].

Tantae molis erat [таких трудов стоило] создать условия для свободного проявления «вечных естественных законов» капиталистического способа производства, совершить процесс отделения рабочих от средств их труда, на одном полюсе превратить общественные средства производства и жизненные средства в капитал, на противоположном полюсе превратить народную массу в наемных рабочих, в свободную «рабочую армию» — этот шедевр современной истории[248]. Если деньги, по словам Ожье, «рождаются на

[247] В 1790 г. в английской Вест-Индии 10 рабов приходилось на 1 свободного, во французской — 14 на одного, в голландской — 23 на одного (*Henry Brougham:* «An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers». Edinburgh 1803, т. II, стр. 74).

[248] Выражение «labouring poor» [«работающий бедняк»] встречается в английском законодательстве с того момента, когда класс наемных рабочих приобретает заметные размеры. «Labouring poor» [«работающий бедняк»] противополагается, с одной стороны, «idle poor» [«ленивым беднякам»], нищим и т. п., с другой стороны, тем рабочим, которые еще не совсем освободились от собственности, еще владеют средствами своего труда. Из законодательства выражение «labouring poor» перешло в политическую экономию, где оно употребляется начиная с Кэльпепера, Д. Чайльда и т. д. вплоть до А. Смита и Идена. Можно судить по этому, какова bonne foi [добросовестность] Эдмунда Берка, этого «execrable political cantmonger» [«разносчика гнусного политического лицемерия»], когда он называет выражение «labouring poor» [«работающий бедняк»] «execrable political cant» [«гнусным политическим лицемерием»]. Этот сикофант, находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к французской революции, а в начале осложнений в Америке, состоя на содержании североамериканских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала против английской олигархии; в действительности же он был самым ординарным буржуа: «Законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы

свет с кровавым пятном на одной щеке»[249], то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят[250].

7. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. разложение частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. И в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности. Бесчисленные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями.

Частная собственность работника на средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда,

---

самого бога» (*E. Burke:* «Thoughts and Details on Scarcity», изд. London 1800, стр. 31, 32). Нет ничего удивительного в том, что он, верный законам бога и природы, всегда продавал себя на самом выгодном рынке! Хорошую характеристику этого Эдмунда Берка в период его либеральничанья можно найти в сочинениях Тэккера. Тэккер был попом и тори, но в остальном это вполне порядочный человек и хороший экономист. Принимая во внимание ту позорную беспринципность, которая господствует в политической экономии наших дней и с неизменным благочестием укрепляет веру в «законы торговли», необходимо снова и снова клеймить Берков, отличающихся от своих последователей только одним — талантом!

[249] *Marie Augier:* «Du Crédit Public».

[250] «Капитал, — говорит «Quarterly Reviewer», — избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» (*T. J. Dunning:* «Trades' Unions and Strikes». London 1860, стр. 35, 36).

этот способ производства встречается и при рабском, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адэкватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Пекера, стремлению «декретировать всеобщую посредственность». Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и распыленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше только самые важные, составившие эпоху, методы, как методы первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы[251].

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда

[251] «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi:* «Nouveaux Principes de l'Économie Politique», т. II, стр. 434).

дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественно-исторического процесса. Это — отрицание отрицания. Оно снова создает индивидуальную собственность, но на основании приобретений капиталистической эры — кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, труд-

ным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов [252].

---

[252] «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, неспособная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, противостоящих в настоящее время буржуазии, один только пролетариат является действительно революционным классом. Остальные классы приходят в упадок и гибнут с развитием крупной промышленности; пролетариат же — ее собственный продукт. Средние слои — мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин, — все они борются против буржуазии для того, чтобы спасти от гибели свое существование как среднего сословия. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» (*K. Marx und F. Engels:* «Manifest der Kommunistischen Partei». London 1848, стр. 11, 9). [Ср. *К. Маркс и Ф. Энгельс:* «Манифест коммунистической партии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 494—495, 493.]

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ[253].

Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первого, но и развивается лишь на его могиле

На западе Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее завершился. Капиталистический режим или прямо подчинил себе здесь все национальное производство, или, где отношения менее развиты, он, по меньшей мере косвенно, контролирует те продолжающие еще существовать наряду с ним и разрушающиеся общественные слои, которые относятся к устаревшему способу производства. К этому готовому миру капитала экономист с тем более трусливым усердием и с тем бо̀льшим умилением прилагает представления о праве и собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии.

Иначе обстоит дело в колониях. Капиталистический режим на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста. Противоречие этих двух диаметрально противоположных экономических систем проявляется здесь на практике в их борьбе. Если за спиной капиталиста стоят силы его метрополии, он старается насильственно устранить способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде. Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретически обосновывать в метрополии тождество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью, — эти же самые интересы

---

[253] Здесь речь идет о действительных колониях, о девственной земле, колонизуемой свободными иммигрантами. Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собою колонию Европы. Впрочем, сюда же относятся и такие старинные поселения, в которых уничтожение рабства в корне преобразовало все отношения.

побуждают его здесь «to make a clean breast of it» [«очистить свою совесть в этом отношении»] и громко провозгласить противоположность этих способов производства. С этой целью он показывает, что развитие общественной производительной силы труда — кооперация, разделение труда, применение в крупном масштабе машин и т. д. — невозможно без экспроприации рабочих и соответствующего превращения средств производства в капитал. В интересах так называемого национального богатства он ищет искусственных средств для создания народной бедности. Его апологетический панцырь рассыпается здесь на куски, как дряблый трут.

Великая заслуга Э. Г. Уэкфильда заключается не в том, что он сказал нечто новое о колониях[254], а в том, что в колониях он раскрыл истину о капиталистических отношениях в метрополии. Как система протекционизма при своем возникновении[255] стремится к фабрикации капиталистов в метрополии, так теория колонизации Уэкфильда, которую Англия в течение некоторого времени старалась осуществлять законодательным путем, стремится к фабрикации наемных рабочих в колониях. Это он называет «systematic colonization» (систематической колонизацией).

Прежде всего Уэкфильд открыл в колониях, что обладание деньгами, жизненными средствами, машинами и другими средствами производства еще не делает человека капиталистом, если отсутствует такое дополнение к этому, как наемный рабочий, другой человек, который вынужден добровольно продавать себя самого. Он открыл, что капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами[256]. Господин Пиль, — жалуется он, — взял с собою из Англии на Лебяжий берег в Новой Голландии жизненные средства и средства производства в общей сумме на 50 000 ф. ст. Господин Пиль был настолько предусмотрителен, что кроме того захватил с собою 3 000 человек из рабочего класса — мужчин, женщин и детей. Но по прибытии на место назначения «у господина Пиля не осталось даже ни одного слуги,

[254] Немногие лучи света, брошенные Уэкфильдом на сущность самих колоний, полностью предвосхищены Мирабо-отцом, физиократами и еще много раньше английскими экономистами.

[255] Позже она становится временною необходимостью в международной конкурентной борьбе. Но каковы бы ни были ее мотивы, последствия ее остаются одни и те же.

[256] «Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится капиталом. Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как золото само по себе — деньгами или сахар — ценой сахара... Капитал есть общественно-производственное отношение. Он — историческое производственное отношение» (*Karl Marx:* «Lohnarbeit und Kapital» в «Neue Rheinische Zeitung» № 266, 7 апреля 1849 г.). [Ср. *К. Маркс:* «Наемный труд и капитал». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 429, 430.]

который мог бы приготовить ему постель или зачерпнуть воды из реки»[257]. Несчастный господин Пиль! Он все предусмотрел, но забыл только экспортировать английские производственные отношения на Лебяжий берег!

Для понимания следующих открытий Уэкфильда два предварительных замечания. Мы знаем, что если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не составляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплуатации рабочего и господства над ним. Но эта их капиталистическая душа соединена в голове экономиста столь тесными супружескими узами с их вещественной субстанцией, что он при всяких обстоятельствах называет их капиталом даже при таких условиях, когда они являются прямой противоположностью капитала. Так обстоит дело и у Уэкфильда. Далее: распыление средств производства, составляющих индивидуальную собственность многих независимых друг от друга, самостоятельно хозяйствующих рабочих, он называет равным распределением капитала. С экономистом выходит то же, что с феодальным юристом. Последний даже на чисто денежные отношения наклеивал свои феодальные юридические этикетки.

«Если бы, — говорит Уэкфильд, — капитал равными долями был распределен между всеми членами общества, то ни один человек не был бы заинтересован в том, чтобы накопить капитала больше, чем он может применить к делу при помощи своих собственных рук. Это до известной степени и наблюдается в новых американских колониях, где страсть к земельной собственности препятствует существованию класса наемных рабочих»[258]. Следовательно, пока рабочий может накоплять для себя самого, — а это он может, пока остается собственником своих средств производства, — до тех пор капиталистическое накопление и капиталистический способ производства невозможны. Отсутствует необходимый для этого класс наемных рабочих. Но в таком случае как же в старой Европе была произведена экспроприация рабочего от условий его труда, каким образом были созданы капитал и наемный труд? Посредством contrat social [общественного договора] очень оригинального свойства. «Человечество... усвоило простой метод содействовать накоплению капитала», которое, разумеется, со времен Адама казалось ему последней и единственной целью существования; «оно разделилось на собственников капитала и собственников труда;... это разделение было результатом добровольного соглашения и сговора»[259]. Коротко говоря: масса человечества

---

[257] *E. G. Wakefield:* «England and America». London 1833, т. II, стр. 33.
[258] Там же, т. I, стр. 17.
[259] Там же, стр. 18.

сама себя экспроприировала во славу «накопления капитала». Но в таком случае следовало бы полагать, что инстинкт этого фанатического самоотречения должен бы во всей своей силе проявиться как раз в колониях, где только и существуют такие люди и такие обстоятельства, которые могли бы перенести этот contrat social из царства мечты в царство действительности. Но к чему бы тогда вообще «систематическая колонизация» в противоположность естественной колонизации? Но, однако: «сомнительно, принадлежит ли в северных штатах американского союза хотя бы десятая доля населения к категории наемных рабочих... В Англии... большая масса народа состоит из наемных рабочих»[260]. Более того: стремление к самоэкспроприации во славу капитала, существующее среди трудящегося человечества, настолько ничтожно, что рабство, даже по Уэкфильду, — единственная естественная основа колониального богатства. Его систематическая колонизация просто pis aller [неизбежное зло], которое обусловливается тем, что ему приходится иметь дело со свободными людьми, а не с рабами. «У первых испанских поселенцев на Сан-Доминго не было ни одного рабочего из Испании. Но без рабочих (т. е. без рабства) капитал погиб бы или, по крайней мере, сократился бы до таких мелких размеров, при которых каждый индивидуум мог бы применять его с помощью своих собственных рук. Так оно и случилось в действительности в последней основанной англичанами колонии, где большой капитал в семенах, скоте и орудиях погиб вследствие недостатка наемных рабочих и где ни у одного поселенца нет капитала, превышающего размеры, при которых поселенец может применять его своим личным трудом»[261].

Мы видели, что экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии, напротив, заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью, и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднейшему поселенцу поступить таким же образом[262]. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала. «Где земля очень дешева и все люди свободны, где каждый может по своему желанию получить участок земли для самого себя, там труд не только очень дорог, если принять во внимание долю, получаемую рабочим из его

[260] Там же, стр. 42, 43, 44.

[261] Там же, т. II, стр. 5.

[262] «Для того, чтобы сделаться элементом колонизации, земля не только должна быть невозделанной, но должна кроме того представлять общественную собственность, которая может быть превращена в частную собственность» (там же, т. II, стр. 125).

продукта, но там и вообще трудно получить комбинированный труд за какую бы то ни было цену»[263].

Так как в колониях еще нет отделения рабочего от условий труда и от земли — основы последних, или такое отделение встречается лишь в виде единичных исключений или на слишком ограниченном пространстве, то в колониях нет еще и обособления земледелия от промышленности, не уничтожена еще сельская домашняя промышленность. Откуда же возьмется там внутренний рынок для капитала? «В Америке, за исключением рабов и их хозяев, которые комбинируют капитал и труд в крупных предприятиях, нет ни одной части населения, которая занималась бы исключительно земледелием. Свободные американцы, которые сами возделывают землю, занимаются в то же время и многими другими работами. Сами они обыкновенно изготовляют часть необходимой для них мебели и орудий. Сами же они нередко строят дома для себя и доставляют продукты своей собственной промышленности на самые отдаленные рынки. Они одновременно прядильщики и ткачи, они сами фабрикуют мыло и свечи, обувь и одежду для своего собственного потребления. В Америке земледелие часто является побочным промыслом кузнеца, мельника или лавочника»[264]. Где же остается среди таких чудаков область для «самоотречения» капиталиста?

Великая прелесть капиталистического производства состоит в том, что оно не только постоянно воспроизводит наемных рабочих как наемных рабочих, но и производит всегда соответствующее накоплению капитала относительное перенаселение наемных рабочих. Благодаря этому закон спроса и предложения труда удерживается в надлежащей колее, колебания заработной платы вводятся в пределы, желательные для капиталистической эксплуатации, и, наконец, обеспечивается столь необходимая социальная зависимость рабочего от капиталиста, — та абсолютная зависимость, которую экономист у себя дома, в метрополии, может размалевывать и размазывать таким образом, как будто это — свободное договорное отношение между покупателем и продавцом, между двумя одинаково независимыми товаровладельцами, владельцем товара — капитал и владельцем товара — труд. Но в колониях эта прекрасная иллюзия рушится. Абсолютный рост населения здесь много быстрее, чем в метрополии, так как здесь многие рабочие появляются на свет уже взрослыми, и, однако, рынок труда здесь всегда снабжен недостаточно. Закон спроса и предложения труда терпит крушение. С одной стороны, Старый свет постоянно выбрасывает туда жаждущий эксплуатации, одержимый стремлением к самоотречению капитал; с другой стороны, регулярное

---

[263] *E. G. Wakefield:* «England and America». London 1833, т. I, стр. 247.
[264] Там же, стр. 21, 22.

воспроизводство наемных рабочих как наемных рабочих наталкивается на самые неприятные и отчасти непреодолимые препятствия. До производства ли тут избыточных наемных рабочих соответственно накоплению капитала! Сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рынка труда, но только не в работный дом. Это постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей, которые работают не на капитал, а на самих себя, и обогащают не господина капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рынка труда. Дело не только в том, что степень эксплуатации наемного рабочего остается неприлично низкой. Последний кроме того утрачивает вместе со своей зависимостью от предающегося самоотречению капиталиста и чувство зависимости от него. Отсюда все те печальные явления, которые так открыто, так красноречиво и так трогательно описывает наш Э. Г. Уэкфильд.

Предложение наемного труда, — жалуется он, — непостоянно, неправильно, недостаточно. Оно «не только всегда слишком мало, но и не обеспечено»[265]. «Хотя продукт, подлежащий разделению между рабочим и капиталистом, велик, но рабочий берет себе столь большую долю, что он быстро становится капиталистом... Напротив, лишь немногие, даже если они живут необыкновенно долго, могут накопить крупные массы богатства»[266]. Рабочие ни под каким видом не позволят капиталисту самоотречься от оплаты большей части их труда. Ему нисколько не поможет, если он настолько предусмотрителен, что вместе со своим капиталом импортирует из Европы и своих собственных наемных рабочих. «Они скоро перестают быть наемными рабочими, они скоро превращаются в независимых крестьян или даже в конкурентов своих прежних хозяев на самом рынке наемного труда»[267]. Представьте себе ужас подобного положения! Бравый капиталист на свои кровные деньги импортировал из Европы своих собственных конкурентов! Ведь это — конец всему! Неудивительно, что Уэкфильд жалуется на недостаток зависимости и чувства зависимости у наемных рабочих в колониях. «Вследствие высокой заработной платы,— говорит его ученик Меривейль, — в колониях существует страстное желание более дешевого и более покорного труда, потребность в таком классе, которому капиталист мог бы диктовать свои условия, вместо того чтобы, наоборот, условия предписывались ему самому рабочим... В странах цивилизации рабочий хотя и свободен, но в силу естественных законов зависит от капиталиста;

---

[265] Там же, т. II, стр. 116.
[266] Там же, стр. 131.
[267] Там же, стр. 5.

в колониях эта зависимость должна быть создана искусственными мерами»[268].

Каковы же, по Уэкфильду, последствия такого печального положения колоний? «Варварская система распыления» производителей и национального имущества[269]. Распыление средств производства между многочисленными, самостоятельно хозяйствующими собственниками уничтожает вместе с централизацией капитала и все основы комбинированного труда. Всякое предприятие, рассчитанное на продолжительное время, охватывающее многие годы и требующее затраты крупного основного капитала, наталкивается при своем осуществлении на препятствия. В Европе капитал ни минуты не медлит, потому что рабочий класс составляет там его живой придаток, постоянно имеется в изобилии, всегда готов к его услугам. Но в колониальных странах!.. Уэкфильд рассказывает в высшей степени прискорбный анекдот. Он беседовал с некоторыми капиталистами из Канады и штата Нью-Йорк, где — что следует отметить — волны иммиграции часто задерживаются и оставляют осадок «избыточных» рабочих. «Наш капитал, — вздыхает один персонаж мелодрамы, — наш капитал был наготове для многих операций, которые для своего выполнения требуют значительного промежутка времени; но могли ли мы начинать такие операции с рабочими, которые —

---

[268] *Merivale:* «Lectures on Colonization and Colonies». London 1841 и 1842, т. II, стр. 235—314, в разных местах. Даже приторный вульгарный экономист-фритредер Молинари говорит: «В колониях, где рабство было уничтожено без замены принудительного труда соответствующим количеством свободного труда, мы видели нечто противоположное тому, что наблюдаем каждый день. Мы видели, как простые рабочие, со своей стороны, эксплуатировали промышленных предпринимателей и требовали такой заработной платы, которая значительно выше приходящейся на их долю законной части продукта [part légitime]. Плантаторы, лишенные возможности получить за свой сахар такую цену, которая покрывала бы увеличение заработной платы, были вынуждены покрывать дефицит сначала за счет своей прибыли, а потом и за счет своего капитала. Многие плантаторы таким образом разорились, другим пришлось прекратить свои предприятия, чтобы предотвратить неизбежное разорение... Без сомнения, лучше, если погибнут накопленные капиталы, чем целые поколения людей (какое великодушие со стороны господина Молинари!); но не лучше ли было бы, если бы не погибали ни те, ни другие» (*Molinari:* «Études Économiques». Paris 1846, стр. 51, 52). Господин Молинари, господин Молинари! Что будет с десятью заповедями, с Моисеем и пророками, с законом спроса и предложения, если в Европе «entrepreneur» [«предприниматель»] может урезывать part légitime [законную долю] рабочего, а в Вест-Индии рабочий — part légitime предпринимателя! И скажите, пожалуйста, что это за «part légitime», которой, по вашему признанию, капиталист в Европе не доплачивает каждый день! Господина Молинари разбирает сильный зуд: там, в колониях, где рабочие так «simples» [«неотесаны»], что «эксплуатируют» капиталистов, полицейскими мерами дать надлежащее действие закону спроса и предложения, который в других случаях действует автоматически.

[269] *Wakefield:* «England and America». London 1833, т. II, стр. 52.

мы знали это — скоро показали бы нам спину? Если бы мы были уверены, что можем удержать у себя труд этих переселенцев мы с радостью немедленно наняли бы их, и притом по высокой цене. Более того: даже при полной уверенности, что мы их утратим, несмотря на то, мы наняли бы их, если бы были уверены в притоке новых переселенцев, соответствующем нашим потребностям»[270].

После того как Уэкфильд великолепно изобразил контраст между английским капиталистическим земледелием с его «комбинированным» трудом и раздробленным американским крестьянским хозяйством, у него вырывается признание и оборотной стороны медали. Американская народная масса в его изображении зажиточная, независимая, предприимчивая и сравнительно образованная, между тем как «английский земледельческий рабочий — жалкий босяк (a miserable wretch), паупер... В какой другой стране, кроме Северной Америки и некоторых новых колоний, плата за свободный труд, применяемый в земледелии, сколько-нибудь значительно превышает самые необходимые средства существования рабочего?.. Несомненно, рабочие лошади в Англии получают много лучшее питание, чем английский земледелец, потому что они представляют более ценную собственность»[271]. Но never mind [какая же в том беда], ведь национальное богатство оказывается теперь по самой своей природе тождественным с народной нищетой.

Однако каким же образом излечить колонии от антикапиталистической язвы? Если бы разом превратить всю землю из народной собственности в частную собственность, то это хотя и уничтожило бы корень зла, но вместе с ним уничтожило бы и колонии. Искусство заключается в том, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев. Необходимо, чтобы правительство придало девственной земле искусственную цену, независимую от закона спроса и предложения: она заставит поселенца сравнительно долгое время работать в качестве наемного рабочего, пока он не заработает такого количества денег, которое позволит ему купить участок земли[272] и превратиться в независимого крестьянина. Тот фонд,

---

[270] Там же, т. II, стр. 191, 192.

[271] Там же, т. I, стр. 47, 246.

[272] «Вы говорите, что человек, у которого нет ничего, кроме собственных рук, благодаря присвоению земли и капиталов находит работу и создает для себя доход... напротив, только благодаря индивидуальному присвоению земли находятся люди, у которых нет ничего, кроме их рук... Помещая человека в безвоздушное пространство, вы отнимаете у него воздух, необходимый для дыхания. Точно так же поступаете вы, завладевая землей... Это все равно, что поставить его вне богатства, чтобы подчинить его жизнь вашему произволу» (*Colins:* «L'Économie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues socialistes». Paris 1857, т. III, стр. 267—271, в разных местах).

который образуется благодаря продаже этих земель по запретительной для наемного рабочего цене, т. е. тот денежный фонд, который выжимается из заработной платы нарушением священного закона спроса и предложения, правительство должно, в свою очередь, употреблять по мере его образования на то, чтобы ввозить бедняков из Европы в колонии и таким образом поддерживать для господ капиталистов рынок наемного труда в состоянии полноты. При таких условиях «tout sera pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles» [«все будет к лучшему в этом лучшем из миров»]. Такова великая тайна «систематической колонизации». «По этому плану, — торжествующе восклицает Уэкфильд, — предложение труда будет постоянным и регулярным; потому, во-первых, что все переселяющиеся рабочие, — так как ни один из них не в состоянии купить себе земли, пока он не поработает известное время за деньги, — сообща работали бы по найму и таким образом производили бы своему хозяину капитал для применения еще большего количества труда; потому, во-вторых, что каждый, кто бросает наемный труд и становится земельным собственником, как раз куплей земли обеспечивает известный фонд на доставку в колонии свежего труда»[273]. Октроированная государством цена земли, конечно, должна быть «достаточной» (sufficient price), т. е. настолько высокой, «чтобы воспрепятствовать рабочим превращаться в независимых крестьян, пока не окажутся другие, готовые занять их место на рынке наемного труда»[274]. Эта «достаточная цена земли» есть не что иное, как смягченное обозначение выкупной суммы, которую рабочий уплачивает капиталисту за разрешение удалиться с рынка наемного труда на свой участок земли. Сначала он должен создать для господина капиталиста «капитал» для эксплуатации еще большего количества рабочих, а потом должен поставить на рынок труда «заместителя», которого за его счет правительство транспортирует из-за моря для его прежнего хозяина-капиталиста.

В высшей степени характерно, что английское правительство годами осуществляло этот метод «первоначального накопления», рекомендованный г-ном Уэкфильдом специально для применения в колониях. Неудача была, конечно, столь же позорная, как провал банкового акта Пиля. Следствием было только то, что поток эмиграции от английских колоний был отклонен к Соединенным Штатам. Между тем прогресс капиталистического производства в Европе, сопровождавшийся усилением правительственного гнета, сделал рецепт Уэкфильда излишним. С одной стороны, колоссальный и непрерывный поток людей, из года в год направляющийся в Америку, оставляет на востоке Соединенных Штатов застойные

---

[273] *Wakefield:* «England and America». London 1833, т. II, стр. 192.
[274] Там же, стр. 45.

осадки, так как волна эмиграции из Европы быстрее выбрасывает людей на рынок труда востока Соединенных Штатов, чем другая волна успевает унести их на запад. С другой стороны, американская гражданская война принесла с собой колоссальный национальный долг и вместе с ним гнет налогов, возникновение самой низкой финансовой аристократии, раздачу огромной части общественных земель обществам спекулянтов, возникшим с целью эксплуатации железных дорог, рудников и т. д., — коротко говоря, принесла самую быструю централизацию капитала. Таким образом, великая республика перестала быть обетованной землей для эмигрирующих рабочих. Капиталистическое производство развивается там исполинскими шагами, хотя понижение заработной платы и зависимость наемного рабочего еще не достигли европейского нормального уровня. Бесстыдное расточение невозделанных колониальных земель, раздаваемых английским правительством аристократам и капиталистам, — что громко порицает даже Уэкфильд, — в соединении с потоком людей, привлекаемых золотыми приисками, и с конкуренцией, которую ввоз английских товаров создает даже самому мелкому ремесленнику, — все это породило, особенно в Австралии[275], достаточное «относительное перенаселение рабочих», так что почти каждая почта приносит печальные вести о переполнении австралийского рынка труда — «glut of the Australian labour-market», — и проституция расцветает там местами так же пышно, как на лондонском Хэймаркте.

Однако здесь нас занимает не положение колоний. Нас интересует здесь только тайна, которую открыла в Новом свете и громко возвестила политическая экономия Старого света: капиталистический способ производства и накопления, а следовательно, и капиталистическая частная собственность предполагают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, т. е. предполагают экспроприацию рабочего.

Печатается по тексту
Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
т. XVII, изд. 1937 г.

---

[275] Как только Австралия сделалась своей собственной законодательницей, она, конечно, начала издавать законы, благоприятные для переселенцев, но расточение земель, уже произведенное англичанами, стоит поперек дороги. «Первая и главная цель, к которой стремится новый земельный закон 1862 г., заключается в том, чтобы облегчить народу возможность расселения» («The Land Law of Victoria» by the Hon. G. Duffy, Minister of Public Lands. London 1862 [стр. 3]).

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В I ТОМЕ «КАПИТАЛА».

А.

Б.

Бентам, Иеремия (Bentham, Jeremy) (1748—1832) — 182, 183, 615, 617.
Берк, Эдмунд (Burke, Edmund) (1729—1797) — 214, 240, 329, 728, 763, 764.
Беркли, Джордж (Berkeley, George) (1685—1753) — 342, 361.
Бидо, Ж. Н. (Bidaut, J. N.) (первая половина XIX века) — 326.
Бизе, Франц (Biese, Franz) (1803—1895) — 414.
Бичер-Стоу, Гарриет Элизабет (Beecher-Stowe, Harriet Elisabeth) (1811—1896) — 735.
Бланки, Жером Адольф (Blanqui, Jérôme Adolphe) (1798—1854) — 282, 344.
Блок, Морис (Block, Maurice) (1816—1901) — 17.
Блэки, Роберт (Blakey, Robert) (1795—1878) — 726.
Боксхорн, Маркус Суэриус (Boxhorn, Marcus Suerius) (1602—1653) — 433.
Болинброк, Генри Сент-Джон (Bolingbroke, Henry Saint-John) (1678—1751) — 759.
Болтон, Мэтью (Boulton, Matthew) (1728—1809) — 395.
Бонапарт, Луи (Bonaparte, Louis) (1808—1873) — 282, 698.
Брайт, Джон (Bright, John) (1811—1889) — 13, 260, 289, 561, 655, 683, 752.
Брентано, Луйо (Brentano, Lujo) (1844—1931) — 36, 37, 38.
Бриндли, Джемс (Brindley, James) (1716—1772) — 356.
Броди, Бенджамин Колинз (Brodie, Benjamin Collins) (1783—1862) — 285.
Бродхерст, Дж. (Broadhurst, J.) — 62.
Брум, Генри (Brougham, Henry) (1778—1868) — 763.
Бруннер (Brunner) — 488.
Брэй, Джон Фрэнсис (Bray, John Francis) (1809—1895) — 75.
Брюкнер, Джон (Bruckner, John) (1726—1804) — 622.
Буагильбер, Пьер (Boisguillebert, Pierre) (1646—1714) — 137, 147.
Буало, Никола (Boileau, Nicolas) (1636—1711) — 658.
Буало, Этьен (Boileau, Etienne) (1200—1270) — 491.
Бьюкенен, Давид (Buchanan, David) (1779—1848) — 133, 562, 734.
Бэббедж, Чарльз (Babbage, Charles) (1792—1871) — 353, 357, 382, 397, 410.
Бэйли, Сэмюель (Bailey, Samuel) (1791—1870) — 56, 63, 69, 89, 90, 616.
Бэйнс, Джон (Baynes, John) — 394, 397.
Бэкон, Фрэнсис (Bacon, Francis) (1561—1626) — 396, 723, 724.
Бэтлер, Сэмюель (Butler, Samuel) (1612—1680) — 43.
Бюше, Филипп Жозеф Бенжамен (Buchez, Philippe Joseph Benjamin) (1796—1866) — 746.

В.

Валентин, Габриэль Густав (Valentin, Gabriel Gustav) (1810—1883) — 488.
Валуа, Филипп VI (1293—1350), король с 1328 г. — 98.
Вандерлинт, Джекоб (Vanderlint, Jacob) (ум. в 1740 г.) — 130, 137, 152, 279, 282, 319, 337, 355, 623.
Веллингтон, Артур Уеллесли (Wellington, Arthur Wellesley) (1769—1852) — 131.
Верри, Пьетро (Verri, Pietro) (1728—1797) — 49, 97, 140, 336.
Вико, Джиованни Баттиста (Vico, Giovanni Battista) (1668—1744) — 378.
Вилкс, Марк (Wilks, Mark) (1760—1831) — 365.
Вильгельм III Оранский (1650—1702), король с 1689 г. —728.
Вильсон, Джемс (Wilson, James) (1805—1860) — 235, 347.
Вильям IV (1765—1837), король с 1830 г. — 294.
Вирт, Макс (Wirth, Max) (1822—1900) — 83, 235.
Виссеринг, С. (Vissering, S.) (1818—1888) — 507.
Витт, Ян де (Witt, Jan de) (1625—1672) — 623, 759.
Вобан, Себастьян ле Престр де (Vauban, Sébastien le Prestre de) (1633—1707) — 147.
Вокансон, Жак де (Vaucanson, Jacques de) (1709—1782) — 388.
Вольф, Вильгельм (Wolff, Wilhelm) (1809—1864) — 1.
Вольф, Христиан (Wolff, Christian) (1679—1754) — 615.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

ИМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.
ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.
ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ.

УКАЗАТЕЛИ.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ.

Подписано к печати с матриц 23/X 1952 г. Тираж 100 тыс. экз. М-34120.
Бумага 60×92¹/₁₆. Объем 25 бумажных, 50 печ., 56,8 уч.-изд. л. Заказ № 3803.
Цена в переплёте 14 р. 70 коп.

Отпечатано с матриц 2-й тип. «Печатный Двор» им. А. М. Горького в 4-й типографии им. Евг. Соколовой Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Ленинград, Измайловский пр., 29.